

A 139
36

СЫНЪ

802.11
225

ОТЕЧЕСТВА.

ЖУРНАЛЪ

СЛОВЕСНОСТИ, ИСТОРИИ и ПОЛИТИКИ.

ВТОРОЕ ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ.

Verba animi proferre et vitam impendere vero.
JUVENAL, IV.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

июль - август

Редакторъ Николай Гречъ.

ИЗДАНИЕ

книгопродавца Александра Смирдина.

—
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

въ типографіи Александра Смирдина.

—
1858.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 1858 года, июля 15 дня.

Ценсоръ *П. Горсаковъ.*
Ценсоръ *А. Крыловъ.*

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПАМЯТНИКЪ ПЕТРА
ВЕЛИКАГО.

Чей ликъ величавый здѣсь гордо возникнулъ?
Могучія длани простеръ онъ къ кому?
Въ туманную вѣчность онъ взоромъ проникнулъ —
Утѣсь неприступный подножье ему!

Копь борзый несется, великого мчу —
Ему не преграды ни въ сѣнѣхъ юра,
На аспидъ злаго онъ сталъ торжествуй!
О всадникъ! въ тебѣ вознито и ПЕТРА.

Смотрите : какъ смѣло , взлетѣвъ на стремнину ,
 Людей и стихій зоветъ онъ на бой ,
 И мнитсѣ безстрашно на славы вершину ,
 Съ презрѣньемъ смѣясь надъ грозной судьбой .

И, мнитсѣ , гласить онъ въ камъ изумленнымъ ,
 На градъ указаю , воздвигнутый имъ :
 « Смотрите : путемъ я , отъ блага затопленнымъ ,
 Вломился въ Европу съ народомъ моимъ !

« Мой Россѣ , на обломкахъ низверженныхъ Шведовъ ,
 Подъ громомъ Полтавы , знамена развилъ ,
 И миръ , оглушенный симъ громомъ победы ,
 На Русь удивленный свой взоръ обратилъ .

« Стрѣльцы , предрасудки , и Карлъ , и природа
 Напрасно стремились мнѣ путь преградить ;
 Я всюду , ведомый лишь благомъ народа ,
 Напору ихъ не далъ себя сокрушить .

« Здѣсь были болото и лѣсъ необъятной ,
 Сынъ жалкій природы , здѣсь Финнѣ обиталъ ;
 Смотрите — столица страны благодатной ,
 Градъ — слава Россіи , въ томъ мѣстѣ возсталъ !

« Смотрите , какъ быстро народъ мой несется
 По славной дорогѣ , указанной мной ;
 Дуна присмирѣла , левъ гордый трясется ,
 Кавказъ непокорный трещитъ подъ ногой .

« Скажите жъ мнѣ , древніе сверстники міра ,
 Кто смертный природу , какъ я , побѣдилъ ?
 И тяжесть правленья , величье порфиръ
 Для блага народовъ достойный послылъ ? » ...

М. РОЗЕНГЕЙНЪ.

МЕЖДУДѢЙСТВІЕ

ИЗЪ

III-ГО АКТА ТРАГЕДІИ АРГИВЯНЕ.

(Театръ не перемѣняется; оркестръ играетъ торжественную протяжную симфонію. Оры, богини времени, спускаются на свѣтлои облакъ въ храмъ и раздѣляются на два полухора.)

ПЕРВЫЙ ПОЛУХОРЪ.

Съ небесъ высокихъ и священныхъ ,
 По вѣчно свѣтлому пути ,
 Урапія , въ сей храмъ сойди !
 Средь стѣнъ , коварствомъ оскверненныхъ
 Явись , и да дрожить обманъ !
 Се , грѣшный , спѣсю обуянь ,
 Упитанъ ядомъ черной страсти ,
 Не зрѣть твоей безсмертной власти ,
 Смѣется Зевсовымъ сынамъ ,
 И бросивъ камень къ ихъ ногамъ ,
 Речеть : « ихъ вижу преткновенье !
 « Ихъ безразсудное паренье
 « Даетъ вѣнецъ моимъ дѣламъ ! »

Второй полухоръ.

Ты, дитя отца вселенной,
 Къмъ исполненъ цѣлый міръ,
 Кто отъ солнца до былинки
 Въ немъ разлитъ и дышитъ въ немъ!
 Чудо твоего рожденья
 Зрѣтъ единый Океанъ,
 Древній царь тѣхъ шумныхъ странъ,
 Гдѣ неистовыя бури
 Омрачили блескъ лазури,
 Съ ревомъ осаждали твердь,
 И горь стремили смерть
 Изъ жилища блѣдныхъ Фурий!
 Но когда явилась ты,
 Вдругъ дивясь остановились,
 Улеглись и усмирелись
 Отъ воззрѣнья красоты!
 О небесная Венера!
 Къ блѣднымъ смертнымъ низлети,
 И сердца ихъ осяти,
 Да, во вѣкъ не гаснетъ въра
 На ихъ жизненномъ пути!

А ф р о д и т а.

(выступаетъ изъ облака.)

Въ надзвѣздномъ домѣ, гдѣ лнкую,
 Гдѣ пляска сладостныхъ Харитъ
 Безсмертныхъ очи веселятъ,
 Тамъ вашу я мольбу святую
 Въ открытый слухъ свой приняла;
 Оттолъ въ ночь земаго міра,
 Быстрѣ вѣяла зефира,
 Быстрѣ мысли, притекла!
 Всемлите мнѣ, часы и вѣки!
 Земля и небо, верхъ и доль,
 Примите въ сердце мой глаголь!

Богамъ любезны чловѣки,
 И что они въ живую грудь
 Мужей священныхъ и великихъ
 Послать замыслить и вдохнуть,
 Не можетъ мертвымъ сномъ заснуть.
 Среди стихій слѣпыхъ и дикихъ
 Горятъ ихъ свѣтлыя дѣла,
 И пусть ихъ жизнь вотще была,
 Но ихъ душа расторгнетъ сѣти,
 Черезъ радостный потокъ столѣтій
 Ихъ мысль къ потомкамъ преплыветъ,
 И тамъ, въ стѣняхъ, въ странахъ далекихъ,
 Духовъ парящихъ и высокихъ
 Чистѣйшимъ пламенемъ зажжетъ.
 Такъ при святыхъ истогахъ Нила
 Благоуханная могла,
 Златымъ вожженная лучемъ,
 Прощальнымъ взглядомъ дней свѣтла,
 Объемлетъ феникса огнемъ.
 И се, едва дымясь, остыла
 Къ зарѣ зола душистыхъ дровъ,
 Безсмертный, для слѣпыхъ сгорѣвъ,
 Для зрящихъ разгибаетъ крыла,
 Горь возноситъ свой полетъ,
 Одѣтый новыми лучами,
 Шумя, течетъ надъ облаками
 И солнце новое поетъ!

Х о р ъ.

Взираютъ всевидцы, блаженные боги,
 Съ спокойнаго неба на бурный мятежъ,
 За грозный таинственной смерти рубежъ
 На темныя строгаго рока дороги.
 И видятъ, сквозь ужасъ, и гибель, и тлѣнь,
 Сокрытое, но оживленное сѣмь
 Грядущаго счастья и лучинихъ время!
 Толпа жъ земнородныхъ, ничтожное племя,
 Во мракѣ, въ слезахъ, среди страховъ влачить
 Къ Тенару тяжелое опытовъ бремя,
 И взоръ и надежду къ минутѣ стремить!

АФРОДИТА.

Искушенное въ горниль,
 Злато чище возбластить:
 Черезъ печали, въ свѣжей силѣ
 Мудрый къ солнцу воснарить.
 Смолкии ропотъ безразсудный
 На бунтующихъ устахъ!
 Зевсъ благой и правосудный,
 Пышный жребій, жребій скудный
 Вѣситъ на святыхъ вѣсахъ!
 Кто разтерзанный отъ терній
 Презрѣлъ буйный хохотъ черни,
 Смѣлый мужъ, кого прошло,
 Въ быстромъ яростномъ теченьѣ,
 Испытующее зло,
 И унижить не могло —
 Тотъ познаетъ Провидѣнье,
 Тотъ упорную Судьбу
 Превратитъ себѣ въ рабу!
 Самъ Хронидъ его прославить,
 Взложить на него вѣнецъ,
 И въ фаросъ его поставитъ
 Для слабѣющихъ сердецъ!

Да, прояснятся ваши взоры,
 О вы, чудесъ сокрытыхъ Оры!
 Средь горькихъ мукъ Тимолеонъ,
 Да воспоеся нынѣ вами,
 Лельяль щедрыми богами,
 Грядущимъ счастьемъ вознесенъ!

1-я О р а.

Роскошный, вольный и богатый
 Простерся Афродитинъ градъ,
 Но клятву изъ свободныхъ вратъ
 Несетъ подъ сѣнь забытой хаты
 Герой, разторгшій тяжкій плѣнъ
 Родимыхъ, оживленныхъ стѣпъ.

И се, черезъ равнину моря,
 Добыча слезъ, убійствъ и гори,
 Тринакрія къ своимъ отцамъ
 Изъ бездны мрачныхъ зольъ взывать,
 И въ прахъ простершись къ нхъ погамъ,
 Ихъ о спасеніи умоляеть.
 Надежду дщери упреда,
 Ужъ рать готова на злодѣевъ,
 Но рати нѣтъ еще вождя.
 И вдругъ, изъ нѣмоты възвѣвъ,
 Пришесся вдохновенный гласъ:
 Онь назвалъ вдругъ Тимолеона.
 Толпа внезапно потряслась,
 Зоветь защитника закона,
 И дивнымъ воспылавъ огнемъ,
 Наполнивъ клиновъ однодушныхъ,
 Далекій сводъ высотъ воздушныхъ,
 Велитъ герою быть вождемъ.

2-я О р а.

Въ Дельфахъ склонить вождя колѣны,
 Въ вѣщемъ домѣ бога Музъ.
 Я надъ храмомъ пронесусь:
 Тамъ одѣль столпы и стѣны
 Всѣхъ градовъ усердный жаръ;
 Фебу всѣ богатства въ даръ
 Принесли сыны и дѣды ---
 Для вождя вѣнецъ побѣды
 Отъ тѣхъ даней оторву,
 И еще до трудной битвы,
 Въ знакъ услышанной молитвы,
 На его спущу главу.

3-я О р а.

Носится буду я надъ спящимъ Океаномъ,
 Одну цѣлый міръ въ святую тишину,
 И въ небо выведу волшебную луну,
 И облачу ее трепещущимъ туманомъ.

Тогда въ даль будутъ пылить нѣмые корабли,
Объяты сумракомъ прозрачной полуночи.
И се, ужъ кроетъ сонъ пловцовъ усталыхъ очи,
Но грезы ихъ вожда коснуться не могли.
Онъ надъ кормой стоитъ, онъ быстрымъ, бодрымъ
арьнемъ

Парить надъ бездною, и править ихъ теченьемъ.
Тогда предстанутъ вдругъ герою чудеса:
Надъ нимъ разверзнутся и вспыхнутъ небеса,
Огонь съ нихъ низойдетъ блестящею струею,
Зажжетъ равнину мрачныхъ волвъ,
И окружить священный чолвъ

Одеждой золотою!

Незпно свѣточъ излетитъ
Изъ дивныхъ зорь, изъ пламеннаго лона,
И край послѣдній небосклона,
И путь Коринюль освѣтитъ!
Подобенъ факелу живому,
Который въ таинствахъ Димитриныхъ горитъ,
Онъ блескомъ спутницу-богиню возвѣститъ
Ея избраннику свитому!

4-я О р а .

Теки изъ Лилибея къ брани
Съ твоими тмами, Амилкаръ!
Готовы мстительныя длани
И казни тебѣ ихъ первый даръ!
Сбери твоихъ жестокихъ воевъ,
Веди на смерть ихъ, Аздрубалъ!
Ихъ кровожадный взоръ искалъ
Добычи вѣрной среди боевъ,
Но мечъ Коринюль поразитъ
Тирановъ на берегу Кремеса;
Тамъ сонмъ ихъ тнейю отлетитъ
Безчисленный къ рывкамъ Айдеса!
Уже я слышу, на горахъ
Зефиръ, предвѣстникъ утра, вѣетъ,
Ужъ сумракъ на земль рѣдетъ
И звѣзды гаснутъ въ облакахъ;

Шагаетъ рать Тимолеона,
Молчатъ герои среди думъ,
И къ нимъ несется смертный шумъ
Отъ войска грознаго Сидона;
И се достигли высоты:
Восходить въ тучахъ дилъ свѣтло,
Взошло и страшно озарило
Враговъ песчетные щиты!
Въ сей день Гелленовъ укрѣпите,
Подайте силу мышцамъ ихъ;
Вашъ ужасъ, боги, поселите
Въ опустошителей чужихъ!
Или вы тщетно чудесами
Спасли отъ купленныхъ десницъ,
Отъ тайнаго ножа убійцъ,
Главу надъ вашими полками?
Или, бѣснуясь, Кароагенъ
Напрасно зрѣлъ побѣгъ Магона,
И царь изъ Сиракузскихъ стѣнъ,
Да успокоитъ тѣнь Діона,
Вотще изшелъ въ позорный плѣтъ,
Преплылъ враждебныя пучины,
И съѣлъ на площадь Черсебины
Обруганъ, презрѣвъ и забвенъ?

5-я О р а .

Близкой грозою подернулись горы,
Бой закипѣлъ!
За засвѣтвшеною тучею стрѣлъ,
Солнца не зрятъ устрашенные взоры!
Вижу — пришельцы переходятъ Кремесь,
Смертью рожочуть враговъ колесницы,
Латы ихъ блещутъ огнями денницы,
Копья ихъ шумный подъ бурею льетъ!
Въ свѣдую встрѣчу къ нимъ Греки помчались,
Въ даль на крылатыхъ копяхъ,
Но въ недвижныхъ рядахъ
Варвары стройны остались!

Кто же их сломить ужасную мощь,
Дхнеть и развѣтъ ихъ гордыя силы,
Души пошлетъ въ безотрадную пощъ,
Трупы лишитъ вождельникой могилы?

Но что? чей это грозный гласъ
Возсталъ и будто громъ раздался?
Се духъ неистовыхъ смѣшался
И рать ихъ страху предался!
О дивный мужъ! съ твоимъ глаголомъ
Не богъ ли нѣкій сочеталъ
Свой зовъ надъ полнымъ смерти дѣломъ,
И въ адъ губителей позвалъ?

И вдругъ, въ нихъ ударили вихорь и дождь,
Перунъ ослѣпилъ ихъ, ихъ ревъ оглушилъ;
Ихъ ратникъ бѣднѣеть, содрогнулся вождь,
И рвется Коринтоане въ сердце ихъ силъ!

Тогда ували ихъ десницы,
Ихъ притупилася стрѣла,
Нога ихъ въ бѣгство потекла
И разгромилась колесницы,
Растаяли предъ горстью тмы,
Пожалась тмы косяю брани;
Крылатымъ дѣвамъ мщеня дана,
Ихъ тѣль возвысились холмы!

6-л О р а.

Скройтесь, роковыя сѣчи!
Нѣтъ! не ужасы войны,
Нѣтъ! не вой враждебной встрѣчи,
Славою прелесть тишины.
Словомъ усть Тимолеона
Воскресаеть Сиракузь,
Сталь святымъ жилищемъ Музь,
Домомъ счастья и закона;

Всѣ отчества сыны
Изъ унылаго изгнанья
Въ милый край возвращены;
Миновали всѣ страданья,
И божественный слѣпецъ,
Ихъ одряхлѣшій свободитель,
Зрится межъ дѣтьми отецъ
Славныхъ стѣнь до гроба житель.

7-л О р а.

Сравнись, о голосъ мой, со стономъ Филомелы —
Конечъ великаго пою!
Онъ воспарилъ въ Олимпъ, на ниръ боговъ веселый,
Въ отчизну горшою свою.
Но граждане стеклись, покинулъ плугъ орайтъ,
Рыдаеть по отцѣ народъ,
И се, изъ ихъ толпы вдругъ выступилъ глашатай
И громъ отъ усть его течеть:
«Внемите! возвыщу признательность народа,
«Гражданъ повѣдаю законъ:
«День смерти друга ихъ, да будетъ въ годъ изъ года
«Тимолеону посвященъ.
«Пусть юные борцы вокругъ его могилы
«Свои отвѣдаютъ въ прекрасный праздникъ силы,
«И бѣгъ коней его почититъ;
«Сыны младыхъ Камень и радостныхъ Харитъ
«Въ покоѣ возрастуть въ дарованномъ имъ мирѣ,
«И воспоютъ его на вдохновенной лирѣ!

Цѣлмый хоръ.

Смертныхъ и боговъ отецъ,
Самъ Хронидъ его прославитъ,
Взложитъ на него вѣнецъ
И въ фаросъ его поставитъ
Для слабѣющихъ сердецъ!

ЧЕРКЕШЕНКА.

=

Посмотри — какъ я прекрасна,
 Посмотри — какъ я стройна;
 По груди моей атласной
 Лыотся кудри, какъ волна.
 На щекахъ — багрянецъ утра,
 А уста — пахучій медъ;
 Рядъ зубовъ изъ перламутра,
 А огъ взгляда — таеъ ледъ.
 Ароматъ мое дыханье,
 Грудь моя — граната блажь,
 Поцѣлуй — зерно желанья,
 Страсть, какъ молнія въ глазахъ.
 Я статный, ровный платана,
 Гибче, тоньше чѣмъ лоза,
 Легче во сто разъ тумана
 И прозрачнѣй чѣмъ слеза.
 Я въ движеняхъ — вѣтеръ горный,
 Голосъ мой звучный струны . . .
 Мой парадъ такой узорный —
 Облить золотомъ луны . . .
 Я послушна какъ рабыня,
 Какъ дитя я весела,
 И скромна я какъ пустыня,
 И какъ молодость смѣла.
 Рѣчь моя — вкусный шербета —
 Это пѣсня соловья,
 А объятя — жарче гѣта
 Кто же любить такъ, какъ я?

С. СТРОМИЛОВЪ.

П Р О З А.

ЭПИЛОГЪ АББАДДОННЫ *.

Нѣтъ! Добро, ты не мечта, Добродѣтель, ты не пустой звукъ! Ободришь, страдалецъ; утѣшишь, скорбующий, и не вѣрь, юноша, не вѣрь, если холодный опытъ развѣряетъ тебѣ, какъ будто въ доказательство, что мѣръ созданъ не для добра, но для зла, что зло всего легче сдѣлать, и что ничего нѣтъ труднѣе, какъ сдѣлать добро!

Сдѣлать! Понимаете - ли вы, люди, силу этихъ словъ: *сдѣлать зло?* Слѣдовательно, не существуете оно готовое, созданное не вами, это зло, которое почитаете вы настоящею принадлежностью мѣра? Вы *дѣлаете*, творите его, и принявши развратную волю закономъ дѣйствій своихъ, вы клеветаете на Провидѣнїе, обвиняете его въ сообщничествѣ съ вашимъ преступною волею!

Нѣтъ! если легко дѣлать зло, то добро еще легче сдѣлать; клянусь вѣчною благостью Творца, что въ этой святой истинѣ я увѣренъ умомъ и сердцемъ! Знаю, что одно хитрое слово убиваетъ честь и сла-

* Многіе спрашивали меня, почему романъ *Аббадонна*, удостоившій столь лестнаго вниманія читателей, не конченъ? Мнѣ вдумалось теперь кончить его. Вотъ начало эпилога. Если обстоятельство позволятъ, эпилогъ этотъ будетъ изданъ вполне отдѣльно, и сказка досказана, какъ желаютъ этого нѣкоторые изъ читателей «Аббадонны». Н. П.

ву человека между людьми, и что холодный, отвратительный эгоизм не допускает лживых душ их защищать оклеветанного, гонимого брата. Но добру дана сила непобедимая. Робкое, несмелое, оно одарено долговечною жизнью, и появление его заставляет трепетать злобу и клевету. Нить для него горячих защитников, но нить и ревностных участников зла, и победа добра невольно радуется, веселит самого своекорыстного, себялюбиваго эгоиста. Ужасное усилие надобно сдѣлаться поборником злобы, и терзательно, печально состояніе ея поборника. Легко приближеніе къ добру, и какъ радостно, тихо, весело бьется притомъ сердце, какъ спокойна душа человеческая! Запутанное въ собственныхъ сдѣлкахъ, зло гибнетъ въ своихъ обширныхъ, далеко раскинутыхъ замыслахъ, а добро разрываетъ ихъ, какъ паутину, даже не думая, что оно разорвало и уничтожило слѣдствіе глубокихъ, долговременныхъ соображеній своего противника. Такъ, долго собираются тучи, скопляются громы, извлекает и тлетворные пары изъ земли, и горячее дыханіе изъ облаковъ, гремятъ и блещутъ, и ужасаютъ все живущее, но нѣсколько мгновений — тучи разлетѣлись, громы утихли, солнце освѣщаетъ опустошенную землю, и изъ слѣдовъ бури и грозы является благораствореніе неба, и обиліе земли богатѣетъ на нивахъ и поляхъ человека.

Прошло много дней съ тѣхъ поръ, какъ Вильгельмъ Рейхенбахъ, нашъ поэтъ и мечтатель, разстался съ Элеонорою. Грустно влачили для него эти дни. Онъ ходилъ потупивъ взоры къ землѣ, печальный, безпокойный, ничего не могъ дѣлать, былъ молчаливъ и утрюмъ, не хотѣлъ и не умѣлъ отдать самому себѣ отчета въ томъ, что такое мучить, тревожить, безпокойтъ его. Еще болѣе: онъ не смѣлъ поду-

мать о такомъ отчетѣ. Тогда только спокойно и подробно различиваетъ, такъ сказать, свои мысли, свое положеніе человекъ, когда онъ увѣренъ, что выводы его будутъ хороши и благопріятны; тогда только толкуетъ онъ и сны свои, когда они предсказываютъ добро, когда онъ можетъ перетолковать ихъ къ добру. Но съ притворною невнимательностью говорить человекъ: «Это былъ пустой сонъ — такъ вздорное мечтанье,» когда видѣніе его грозитъ ему бѣдою. Мать видѣла смущеніе, печаль, тайную скорбь Вильгельма; сама она была печальна, грустна. Но и она и онъ молчали, и ничего не говорили другъ другу.

Однажды утромъ, Вильгельмъ и мать его сидѣли за чайнымъ столикомъ. Вильгельмъ глядѣлъ въ окно, невнимательно, разсѣянно, обращался потомъ къ листочку *Гамбургскаго безпристрастнаго Корреспондента*, — опять глядѣлъ въ окно.

— Что новаго? — спросила Вильгельма мать его.

«Все вздоръ.»

— Нить-ли чего любопытнаго въ объявленіяхъ?

«Я ихъ не читаю.»

— А я всегда ихъ только и читаю.

«Для чего-же, маменька?»

— Мнѣ гораздо любопытнѣе видѣть эти объявленія, нежели извѣстія о политикѣ. Что я пойму въ политикѣ вашей? А въ объявленіяхъ, я радуюсь счастью людскому, когда отецъ извѣщаетъ родныхъ о рожденіи сына, женихъ о своей помолвкѣ — иногда встрѣчаешь знакомыхъ — иногда что нибудь смѣшное...

Она взяла листокъ, и черезъ минуту сказала съ удивленіемъ:

— Посмотри, Вильгельмъ, чтѣ это? Кажется, дѣло касается тебя и меня.

«Въ самомъ дѣлѣ! — Онъ прочиталъ въ слухъ:

— Контора И. Ф. Дитмарена и Компанія симъ честь имѣть извѣстить г-на Отго Фридриха Рейхенбаха, или въ случаѣ смерти его, наслѣдниковъ помянутаго Рейхенбаха, что, по духовному завѣщанію *** скаго уроженца, что былъ въ послѣдствіи негодіантомъ въ Нью-Йоркѣ, Готтлиба Шварцбаха, имѣть оная контора уплатить рѣченному О. Ф. Рейхенбаху капиталъ съ процентами, всего 51,375 талеровъ, которые долженъ былъ ему упомянутый Шварцбахъ, и опредѣлилъ заплатити, распорядяся при смерти своими дѣлами. Почему имѣють вышеозначенный О. Ф. Рейхенбахъ, или его наслѣдники представить несомнѣныя о себѣ доказательства, для полученія капитала, и разныхъ бумагъ, въ теченіе года, считая со дня сего объявленія. Въ противномъ же случаѣ, капиталъ будетъ обращенъ въ пользу городской кассы бѣдныхъ, согласно волѣ завѣщателя. —

— Боже великій! — сказала со слезами мать Вильгельма — для чего не слышитъ этого объявленія отецъ твой, Вильгельмъ!

«Маменька! я не понимаю.»

— Ты не помнишь Шварцбаха, Вильгельмъ? Это былъ искренній другъ отца твоего, добродѣтельный человекъ, которому много благодѣлій оказалъ твой отецъ. Онъ былъ долженъ отцу твоему; неудачныя предпріятія раззорили его; онъ скрылся и пропалъ безъ вѣсти. Дѣла отца твоего были уже тогда разстроены, но не столько сокрушала его потеря денегъ, сколько та мысль, что Шварцбахъ рѣшился обмануть его. И вотъ гдѣ отозвался Шварцбахъ — въ Америкѣ! По числу суммы видно, что онъ свѣто помнилъ о своемъ долгѣ, и возвращаетъ его съ процентами. Жаль, что онъ умеръ, жаль, что я не знаю объ немъ ни какихъ подробностей...

«Рѣдкая честность. Стало бытъ есть еще честные люди на свѣтѣ.

— Ахъ, Вильгельмъ! отъ тебя не хотѣла бы я слышать этихъ словъ!

Вильгельмъ усмѣхнулся.

— Теперь, слава Богу, честность Шварцбаха обезпечиваетъ насъ на всю жизнь. Мой Вильгельмъ, умѣя довольствоваться малымъ, не будетъ принужденъ работать противъ воли. Какъ будто отецъ твой изъ могилы благословляетъ тебя этимъ наслѣдствомъ! Поблагодаримъ Бога, милое дитя мое.

Какъ обрадовало-бы это происшествіе Вильгельма, если бы онъ могъ радоваться! Въ самомъ дѣлѣ, 30,000 талеровъ богатство для человека, при умѣренности желаній, полное довольство, или — нѣтъ предѣла желаній челоуѣчскимъ! Мать замѣтила холодность Вильгельма — это огорчило добрую старушку. Она замолчала.

Въ это время вошла въ комнату Кунигунда. «Письмо къ вамъ съ почты, г-нъ Рейхенбахъ.»

Невнимательно взялъ его Вильгельмъ. Но едва взглянулъ онъ на письмо, какъ затрепеталъ, содрогнулся... рука Генриэтты!

Смертельно поблѣднѣлъ Вильгельмъ, поспѣшно разорвалъ обертку, и жадными глазами пробѣгалъ письмо. Мать замѣтила его движеніе, и съ безпокойствомъ смотрѣла на него.

Черезъ минуту письмо выпало изъ рукъ его. Вильгельмъ закрылъ лицо руками, и съ ужасомъ, горестно воскликнулъ: «О Боже великій!»

— Вильгельмъ, Вильгельмъ! — говорила мать его — что съ тобою сдѣлалось? Ты блѣденъ, ты дрожишь! «Извергъ, чудовище, демонъ зла!» восклицала Вильгельмъ, ничему не внимая.

— Дитя мое! успокойся! — Мать подошла къ Виль-

гельму. Онъ въ безсиліи склонилъ голову на ея плечо.

«О, маменька!» говорилъ онъ — простите меня, простите, что я васъ обманывалъ, что я скрывалъ, отъ васъ ужасную тайну!

Онъ упалъ передъ нею на колѣни, и цѣловалъ ея руки.

— Мой сынъ, дитя мое, Вильгельмъ! если-бы самъ ты увѣрялъ меня, что на душѣ твоей лежитъ какое нибудь преступленіе, я — не повѣрила-бы этому. А все другое, милый другъ! тебѣ-ли я не прощу что бы то ни было!

«Маменька! мнѣ должно ѣхать!» вскричалъ Вильгельмъ, быстро вставая.

— Какъ? ѣхать...

«Да, ѣхать немедленно, разрушить дьявольскіе ковы, которыхъ я не понимаю, спасти ангела изъ костей демона, или пожертвовать жизнью за его спасеніе?»

Онъ ходилъ по комнатамъ скорыми шагами.

— Вильгельмъ! я требую твоей довѣренности; я должна все узнать. Можетъ быть, и мнѣ надобно просить у тебя прощенія, что и я также скрывала отъ тебя что нибудь — можетъ быть, это находится въ связи съ письмомъ, тобою полученнымъ.

«Что такое, милая маменька?»

— Теперь увѣряюсь я, какъ необходима довѣренность, полная довѣренность между сыномъ и матерью. Если ты будешь когда нибудь супругомъ и отцомъ, первое правило внуши и женѣ и дѣтямъ: не скрывать ничего другъ отъ друга, и самъ будь съ ними искрененъ. Гордый умъ мужчины требуетъ иногда въ подкрѣпленіе сердца женщины, и чье сердце вѣрнѣе ему материнскаго, или сердца доброй жены? Ахъ! если бы отецъ твой иногда совѣтовался со мною,

какъ иначешло-бы у него многое! Сколько разъ могла-бы я остеречь его отъ злыхъ обмановъ тѣхъ людей, о которыхъ онъ не позволялъ сказать себѣ ни одного слова...

«Что все это значитъ, маменька? Объясните, скажите мнѣ. Я все открою вамъ, все, что тяготитъ меня, лежитъ на моемъ сердцѣ. Вы увидите, что глупыя, безумныя мечты увлекли меня, но — я не преступникъ, — клянусь Богомъ, я былъ невиненъ, и теперь ничего не понимаю.»

— Я могу извинить себя передъ тобою, Вильгельмъ, что я почла клеветою все, что мнѣ писали. Я такъ была увѣрена въ твоей добродѣтели, въ твоей искренности со мною, что ничему не вѣрила — хоть это печалило, страшило меня — я не могла собрать силъ говорить съ тобой...

«И это было причиною вашей печали, которую замѣчалъ я?»

— Да, милый Вильгельмъ!

«О, маменька!» говорилъ онъ, становясь на колѣни передъ старушкою — «примите отнынь мой обѣтъ, мою клятву, что ничего, ничего не будетъ отъ васъ у меня скрытнаго! Вы правы. Для гордаго ума мужчины потребно нѣжное сердце матери, сердце женщины. Вы все узнаете, вы скажете, что мнѣ теперь дѣлать. Не знаю какъ — я былъ причиною горести и бѣдствій ангела, я былъ сообщникомъ злодѣевъ, думая, что иду путемъ добра...

«Нѣтъ!» Онъ всталъ поспѣшно — «Нѣтъ! не обману совѣсти — нѣтъ! она давно говорила мнѣ, что я только обольщаю себя дерзкими софисмами! И эта грусть, эта скорбь, онъ говорили мнѣ, ясно говорили, что путь чистой добродѣтели былъ мною оставленъ. Какая бездна разверзается передъ мною — я начинаю постигать все! Бѣдный умъ человѣчскій!

Бѣдвѣй челоуѣкъ! Врагъ самому себѣ! Безумецъ, когда начинаетъ мечтать горделиво, хочетъ создать себѣ свои правила добра и жизни; — рабъ ничтожный, когда влечется за другими! О Боже, Боже! Но я погибну, или возвращу все прошедшее — спасу тебя, милый ангель!

«Вильгельмъ! вотъ что я скрывала отъ тебѣ.» Мать Вильгельма вынула изъ своего ридикюля и отдала ему письмо. — «Это письмо получила я недѣлю тому, читала его сто разъ; оно было всегда при мнѣ, и я ничего тебѣ не говорила.

Вильгельмъ читала:

«Милостивая Государыня!

«Челоуѣкъ, искренно желающій добра вашему сыну, долгомъ почитать отнестись къ вамъ, и увѣдомить васъ, что ему угрожаетъ большая опасность, если вы не предупредите ея вашею властью. Знаю, что растерзаю моимъ извѣстіемъ сердце ваше, но пусть лучше растерзано будетъ оно теперь, нежели послѣ, когда ничѣмъ пособить уже будетъ невозможно. Вы должны узнать, что сынъ вашъ велъ себя весьма безпорядочно въ послѣднее время. Вдаваясь въ общество людей развратныхъ, онъ особенно вошелъ въ связь съ одною знаменитою актрисою, и связь эта доводила его до большихъ безпорядковъ. Актриса эта любовница одного знатнаго челоуѣка. Боясь преслѣдованій, кажется, она и сынъ вашъ рѣшились наконецъ бѣжать вмѣстѣ. Не знаю подробностей, и спѣшу только увѣдомить васъ о предстоящей сыну вашему опасности. По молодости лѣтъ, онъ можетъ погибнуть, если вы его не остановите. Не подписываю имени, ибо почитаю его ненужнымъ при добромъ дѣлѣ.»

Рука была вовсе неизвѣстна Вильгельму; почеркъ мужской и бойкій.

— Что вы дѣлали, что вы думали, маменька, когда получили это письмо?

«Что я думала? Это клевета. Что я сдѣлала? Я пошла къ тебѣ; ты задремала въ это время послѣ обѣда; подлѣ тебя лежала развернутая Библия. Я поглядѣла на тебя — лицо твое было такъ свѣтло, спокойно — такого лица не бываетъ у челоуѣка, увлеченнаго пороками; я стала на колѣни подлѣ тебя, усердно молила Бога, что если и кроются въ сердцѣ твоёмъ какія нибудь злыя помышленія, да истребить ихъ ангель-хранитель твой, да укрѣпить тебя въ добродѣтели, и не лишить меня единственной отрады моей на старости, потому, что легче перенесла-бы я смерть твою, нежели смерть твоей добродѣтели...»

Вильгельмъ молчалъ.

«Можетъ быть, я поступила дурно, можетъ быть, правъ былъ отецъ твой, говоря, что я слишкомъ нѣжу, потворю дѣтей самихъ. Но что-жъ мнѣ дѣлать, если иначе я поступать не умѣю?»

— О, сердце матери! ты источникъ добра и счастья! И будь проклятъ тотъ сынъ, кого ты не удержишь на краю гибели, кого не возвратишь ты къ добру, даже и тогда, когда онъ идетъ уже по пути порока! И вы страдали, маменька — это несчастное письмо терзало ваше сердце, и отъ этого были вы грустны и печальны?

«Да.»

— И молчали, молчали, маменька!

«Молчала. Такъ велика моя увѣренность въ твоей добродѣтели.»

— А если это правда?

«Вильгельмъ!» Старушка поблѣднѣла.

— Нѣтъ, нѣтъ, маменька! это неправда, это клевета; мой злодѣй писалъ это гадкое, безыменное

письмо; онъ перетолковалъ вамъ то, въ чемъ могла быть виновата моя сумасбродная голова, и наклеветалъ на мое сердце, на мою душу... Я все открою вамъ. Выслушайте прежде это письмо, которое такъ ужаснуло меня, и потомъ совѣтуйте, нѣтъ — рѣшите, маменька, что долженъ я дѣлать! Это письмо отъ дѣвушки, ангела душию и сердцемъ — я любилъ ее... чувствую, что и теперь люблю...

«Милостивый Государь!

«Не знаю, прилично ли мнѣ писать къ вамъ, но Богъ видитъ совѣсть мою, и если въ глазахъ людей предсудителенъ будетъ мой поступокъ, Богъ, хранитель невинности, его не осудитъ. Въ моемъ ужасномъ, отчаянномъ положеніи мнѣ ничего болѣе дѣлать не остается — я прибѣгаю къ вамъ, хотя вы виновникъ моего несчастья. Не знаю, чѣмъ могла я возбудить на себя злобу г-жи Элеоноры, но она мститъ мнѣ, преслѣдуетъ меня и губитъ. Она мститъ мнѣ за то, что нѣкогда я мечтала быть вами любимою — давно прошло это время; я забыла объ немъ — но она говоритъ, что вы меня еще любите, и я должна погибнуть за то, что подобное чувство сохраняется еще въ вашемъ сердцѣ. Не знаю для чего, г-жа Элеонора употребила всѣ средства склонить мою маменьку къ согласію на бракъ со мною человѣка для меня ненавистнаго, ужаснаго. Знаю, что онъ другъ г-жѣ Элеонорѣ; трепещу при одномъ взглядѣ его на меня. Что хотѣть они со мною дѣлать? Чего должна ожидать я въ будущемъ? Но — онъ уже мой женихъ, мы обручены; смерть пойдетъ на мою помощь... И если я должна быть жертвою за васъ — спасите меня, г-нъ Рейхенбахъ, спасите — умоляю васъ на колѣняхъ, со слезами, отъ которыхъ давно уже не осушаются глаза мои! Я любила васъ нѣкогда; любовь моя была свѣта и

невинна, какъ любовь сестры. Это время давно прошло, и неужели любовь моя была преступленіемъ, за которое я должна быть наказана, должна погибнуть! Ужасный женихъ мой какой-то Баронъ Хилей — онъ злой человѣкъ, но ослѣпленная его богатствомъ, маменька не хочетъ ничего слышать. Спасите меня, г-нъ Рейхенбахъ, ради воспоминанія хотя того, что я никогда не желала вамъ зла, что я любила васъ, желала и желаю добра и счастья отъ всего сердца моего. — Болѣе мнѣ не къ кому прибѣгнуть. Маменька и г-жа Шницеръ-Памеръ, устроившая все это дѣло, меня не слушаютъ; угрозы г-жи Элеоноры, слова ея, что она мститъ мнѣ за васъ — доводить меня до отчаянія, а вы не знаете, г-нъ Рейхенбахъ, до чего отчаяніе доводитъ можетъ, и вы будете отвѣчать Богу, если я погублю навѣки душу мою. Оправдайте меня сами, скажите: не давно-ли забыто вами то чувство, которымъ — зачѣмъ скрываться мнѣ — нѣкогда была и думала я быть счастливою? И тогда, основаніемъ его не была-ли добродѣтель? Чѣмъ подала я поводъ думать, что я увлекла васъ? Вы были тогда добры, кротки, бѣдны, какъ я. Почему не позволено было мнѣ надѣяться, что мы съ вами будемъ счастливы? Послѣ того вы сдѣлались славны, богаты — и я первая увидѣла, что я васъ недостойна; я отказалась отъ васъ, какъ ни тяжело было мнѣ это рѣшеніе. За что-же хотѣть погубить меня г-жа Элеонора и г-нъ Хилей? Онъ дворянинъ, онъ баронъ, какъ говорятъ всѣ — но чѣмъ знатнѣе званіе, тѣмъ болѣе должны мы быть добродѣтельны и снисходительны. Не думаю, чтобы мое жалкое лицо, въ его лѣта, могло увлечь барона. Онъ и самъ не говоритъ мнѣ этого. И такъ здѣсь должно быть чтонибудь тайное, чего я не понимаю, и я прибѣгаю къ вашему сердцу, которое, въ

этомъ я увѣрена, было и будетъ добродѣтельно. Посылаю письмо мое наудачу, черезъ одну мою подругу, и молю Бога, чтобы оно дошло до васъ. Если вамъ угодно будетъ употребить пособіе для спасенія моего, за нужное почитаю прибавить, что маменька перемѣнила квартиру, и мы теперь живемъ въ улицѣ Чернаго Орла, на углу, въ домѣ гжи Сталь-Штикъ. Снова возобновляю вамъ мою просьбу, и совершенно въ ваши руки передаю судьбу мою, осмѣливаясь думать, что вы, по крайней мѣрѣ, не захотите употребить во зло моей довѣренности къ вашему сердцу, и еще болѣе усугубить несчастіе горестной *Генріэтты Шульце.*

— Шульце! Боже мой! Вильгельмъ, — кто эта Генріэтта Шульце? Не дочь-ли она Юганна Антона Шульце, купца?

«Точно такъ, маменька.»

— Я помню его и жену его. Она была красавица въ свое время.

«Если бы вы знали дочь ея!»

— Но если она во всемъ похожа на свою мать, Вильгельмъ... у нея, кромѣ красиваго лица, ничего не было, ни души, ни сердца. Мы хорошо были знакомы прежде, когда отецъ твой жилъ нѣсколько времени въ столицѣ. Покойный Шульце былъ добрый человекъ — слишкомъ добрый, а жена его... всего смѣшнѣе было въ ней желаніе: показаться выше своего состоянія, быть знакомою съ дворянами, принимать ихъ, угощать, хоть всѣ смѣялись надъ нею и мужемъ ея, объѣдая ихъ...

«Эта несчастная страсть и теперь осталась въ ней, и мать губить теперь бѣдную Генріэтту, жертвуя ею своему жалкому тщеславію. Но Генріэтта не похожа на мать — это ангелъ душою, сердцемъ, умомъ — свѣтлымъ, выше жалкаго общества, гдѣ

живетъ она... Ахъ! маменька, маменька! если бы вы знали Генріэтту, которую уже не смѣю я назвать моею!... И кака я ужасная участь! Хилей, извергъ, злодѣй — мужъ Генріэтты! Но какъ все это сдѣлалось? Не постигаю! Да, когда въ первый разъ увидѣлъ я его ужасное лицо, какъ будто что-то сказала мнѣ, что я вижу въ немъ изверга, губителя моего счастья. И его, его — чудовище, гнусное созданіе, могла принять, какъ твоего жениха, мать твоя, Генріэтта! — Маменька! что мнѣ дѣлать? Если уже поздно, если участь Генріэтты совершилась — если ее убили уже горестъ и бѣдствіе... Я не переживу этого...

— Мой другъ! прежде всего надобно, надѣяться на Бога. Неужели ты думаешь, что мы, бѣдные люди, что умъ нашъ можетъ что нибудь предвидѣть, отвратить?

«Я готовъ сдѣлать все для ея спасенія, но, скажите, маменька, что предпринять теперь?»

— Я ничего еще не знаю, Вильгельмъ; расскажи мнѣ все, и надобно-ли увѣрять тебя, что я съ моей стороны готова на все для твоего счастья, твоего спокойствія?

Тутъ начался искренній, сердечный разговоръ сына съ матерью. Ничего не скрывъ Вильгельмъ, все сказалъ онъ. Свѣтлымъ, чистымъ ангеломъ явилась въ разсказѣ его Генріэтта, и блестящимъ, но злобнымъ духомъ тѣи Элеонора. Онъ разсказалъ, какъ печально познакомился онъ съ Генріэттою, какъ болтливая мать ея вспомнила старинное знакомство съ матерью Вильгельма, какъ послѣ того находилъ онъ отраду близъ Генріэтты, и какъ любовь ея вдохновляла его, и вдохновеніе усиливало любовь къ этой дѣвушкѣ. Здѣсь разсказъ Вильгельма перешелъ къ другому — къ Элеонорѣ, директору

театра, успѣху, размовкѣ, разлукѣ съ Генріэттою. Онъ не постигалъ тутъ ни причины, ни того, какъ это сдѣлалось, ни того, какъ могъ онъ после забыть — нѣтъ! не забыть Генріэтту, но разлучиться съ нею. Онъ не постигалъ и того, что такое замѣнило въ душѣ его любовь Генріэтты; въ какомъ странномъ очарованіи былъ онъ: видѣлъ пустоту, ничтожество свѣта, и стремился въ него; видѣлъ различіе мечты своей съ жизнью, и хотѣлъ мирить ихъ. Онъ не понималъ и отношеній своихъ къ Элеонорѣ: того, какъ постепенно забылъ онъ въ ней актрису, любовницу министра, страшился ея любви, но, будто увлекаемый глазами гремучей змѣи, стремился въ ея объятія; не смѣлъ самому себѣ дать отчета въ своихъ отношеніяхъ, и предавалъ себя, свою будущность, свою судьбу Элеонорѣ, забывая и мать свою, забывая и то, что вѣкогда сулила ему любовь Генріэтты.

— Маменька! преступникъ-ли я? Справедливо-ли писалъ къ вамъ безымянный клеветникъ мой?

«Нѣтъ, дитя мое, ты не преступникъ, но ты совершенно похожъ на отца твоего. Таковъ бывалъ онъ, такъ безотчетно увлекался онъ, такъ добрая душа его, обширный умъ его, ни сколько не помогали въ часы рѣшительныхъ мгновеній его жизни.

Тутъ старался Вильгельмъ разгадать дьявольскую связь поступковъ директора, то, почему хотѣла Элеонора погубить Генріэтту, и почему именно Хилей былъ избранъ орудіемъ ея гибели?

— Ничего не понимаю, но здѣсь должно скрываться что нибудь ужасное. Ахъ! скажите, маменька, что долженъ я думать и о поступкахъ Генріэтты: почему она сама уничтожила мою любовь? Я бѣжалъ подѣлиться съ нею моимъ успѣхомъ, моею радостью, а она оттолкнула меня! И въ то же вре-

мя она страдала — я увѣренъ, что и теперь она любить меня — за что-же она оттолкнула меня, отказалась отъ меня, когда прежде такъ нѣжно брала участіе въ моемъ бѣдномъ положеніи, лелѣяла каждую надежду мою, какъ свою собственную? Но она горестно плакала, разставаясь послѣ того со мною — она была въ отчаяніи, когда я видѣлъ ее въ послѣдній разъ въ ложѣ театра. И едва взглядывала она на меня — я видѣлъ въ ней странную, гордую дѣвушку... и долженъ былъ бѣжать отъ нея!

«Если женщина можетъ понимать сердце женщины, и старуха, для которой прошли всѣ лѣта страстей, понимать дѣвушку, едва вступающую на дорогу жизни и страсти — я понимаю, я совершенно изъясняю себѣ Генріэтту. Она просто испугалась тебя, когда увидѣла въ тебѣ поэта, увлекаемаго славою и поэзіею; она не постигала, какъ можно помирить ей свой добрый, простой умъ съ твоимъ блестящимъ, поэтическимъ умомъ; не знала, какъ поладить ей свои тихія мечтанія о будущности съ тѣмъ высокимъ путемъ, какой открывался тебѣ, съ тѣми рукоплесканіями и почестями, какія посыпались на тебѣ...

— Но развѣ не видала она, какъ мало дорожилъ я всѣмъ этимъ? Развѣ не повергалъ я къ ногамъ ея славы и почестей монахъ — если почестью и славою надобно считать, что мнѣ позволяли стоять статуей по нѣскольку часовъ въ переднихъ князя, и смиренно потомъ смотрѣть, какъ скучаютъ князь и знать его въ своихъ Зеленыхъ галереяхъ... если слава эти подкупныя, корыстныя похвалы журналистовъ и глупое хлопанье толпы, непонимающей чему она хлопасть — и развѣ не бросалъ я всего этого къ ногамъ, прося одного — любви ея?

«Это казалось ей только происхожденіемъ съ твоей

стороны, какимъ - то хвастливымъ тщеславіемъ. И хорошо, что теперь смотришь ты на все настоящими глазами, видишь, какъ и отъ чего что дѣлается на свѣтъ. Но Генріэтта этого не знаетъ — умъ никогда не замѣнитъ опыта. Какъ ни будь она умна, но — она дѣвушка неопытная, робкая. Громъ рукоплесканій, дружба знатныхъ, Вильгельмъ прославленный поэтъ — а она бѣдная дѣвушка, и что если онъ раскается со временемъ въ томъ, что ей пожертвовалъ всею... .

— Но развѣ я не говорилъ ей? Развѣ она не слышала, не понимала словъ моихъ, не видѣла безумій, въ какое повергало меня ея странное, непонятное обращеніе?

«Мой другъ! вы мужчины не умѣете говорить съ женщинами. Самая чрезмѣрность чувствъ вашихъ ужасаетъ робкое сердце женщины. Вы не знаете и еще одной слабости женщинъ — ревности. Да, вы не знаете ее; для васъ любовь смѣшивается съ тысячью отношеній и страстей. У женщинъ одно отношеніе, одна страсть — любовь. Женщины любить не болѣе вашего, но иначе, и отъ того ихъ ревность не ваша ревность; вы не знаете этого мелочнаго страха, этого безпокойства, какое испытываетъ женщина. Только соперникъ возбуждаетъ ревность мужчины, и его ревность похожа на оскорбленную, мстительную гордость. Но ревность женщины похожа на любовь, на заботливость матери. Не соперницы страшатъ ее, но все, все — взоръ, ласково брошенный любимымъ человѣкомъ, забывчивость, съ какою предается онъ другимъ впечатлѣніямъ, кромѣ любви. Генріэтта видѣла передъ собою Элеонору — гордую красавицу, идеаль совершенства. И ей не ревновать, когда она ревновала тебя къ твоей поэзіи, къ твоей славѣ.... .

— Маменька! вы все изъяснили мнѣ! Неужели это правда? Неужели я могъ быть счастливъ? И она любила меня, и только недоразумѣніе разлучило насъ...

«Я увѣрена, что Генріэтта и теперь любитъ тебя — изъ твоего разказа я понимаю совершенно эту дѣвушку — ты могъ быть, и еще будешь съ нею счастливъ...»

— Маменька! Пророкъ моего счастья! скажите, почему вы все это знаете?

«Я умѣю гадать на картахъ, дитя мое!» — И-жа Рейхенбахъ улыбнулась. «Мой другъ! я жила, я чувствовала; отецъ твой жилъ со мною тридцать лѣтъ, и чего не могла я узнать отъ человѣка, подобнаго отцу твоему? Неужели надобно быть философомъ, поэтомъ, чтобы умѣть разгадывать сердце человѣческое? Повѣрьте его лучше по своему сердцу, и вы никогда не обманетесь. Умъ хвастунъ — сердце совѣсть и другъ нашъ. Развѣ и теперь не видятъ въ тебѣ другіе Богъ знаетъ чего, а для меня ты прежній, мой другъ и сынъ Вильгельмъ. Они знаютъ въ тебѣ поэта — я знаю твое сердце. Кто-бы могъ подумать, что между нами теперь такой разговоръ; что меня, старуху, простую, хотя любящую мать свою, ты слушаешь, какъ изъяснительницу того, чего не понималъ ты при всемъ твоимъ умъ?»

— Отнынѣ вы будете моею совѣстью, моимъ умомъ, моимъ сердцемъ, маменька!

«Другая крайность: ты мужчина, ты молодежь; я женщина и старуха. Мы можемъ разное видѣть и чувствовать. Я вовсе не понимаю, напримѣръ, что значитъ всея этотъ умыселъ противъ Генріэтты?»

— Я долженъ разрушить его. Ненависть заступила теперь мѣсто всего, что ощущалъ я къ Элеонорѣ. Я окажу все мое презрѣніе къ этой женщинѣ;

я уничтожу это чудовище Хилея, спасу Генриэтту — что они посмѣютъ сдѣлать тому, кто готовъ все бросить имъ въ лицо, и эти презрѣнные вѣнки, и этотъ блескъ, который мнѣ отвратителенъ? Недавно и скоро, но хорошо узналъ я ихъ. — Маменька! мнѣ должно ѣхать! Я сегодня-же ѣду.

«Боюсь, милый другъ... эти люди богаты, знатны, сильны; злоба коварна... Чтѣ, если ты погибнешь... О мой Вильгельмъ! ты нетерпѣливъ, пылокъ, безразсуденъ въ минуту гнѣва и страсти... Вильгельмъ! я ѣду съ тобою!

— Маменька! вы?

«Да, я. И тамъ, гдѣ не достанетъ моего ума, въ материнскомъ сердцѣ моемъ я найду средства спасти тебя и Генриэтту. Какая-то надежда подкрѣпляетъ меня — все это должно кончиться благополучно. Для чего не сказала ты мнѣ прежде о твоей Генриэттѣ, Вильгельмъ! Мнѣ кажется, что я вижу, знаю ее давно, могу даже представить себѣ ея черты. Дай мнѣ говорить съ нею, и, я увѣрена въ этомъ — вы помиритеcь съ Генриэттою на груди моей, въ объятіяхъ матери вашей. Если бы не обманула меня эта надежда...

— Маменька! и вы мечтательница! — сказалъ Вильгельмъ, какъ дитя улыбаясь сквозь слезы. — Поѣдемъ-те, милая маменька, поѣдемъ-те вмѣстѣ...

«Но дай-же мнѣ напередъ слово, что ты не предашьcя никакому порыву гнѣва, что ты не увлечешься мщеніемъ Хилею, Элеоноръ...

— Чего вы требуете!

«Я знаю тебя, и требую этого непременно. И что тебѣ въ мщеніи этимъ людямъ, если ты разрушишь ихъ замыслы? Презрѣніе, и совѣсть злаго человека, когда ему не удастся сдѣлать зло — это самое тяжкое мщеніе злому человеку. А если еще

они увидятъ тебя счастливымъ — счастливымъ съ Генриэттою...

— Ахъ, маменька! счастье мое разрушено навсегда!

«Право? Когда нѣтъ тебѣ и двадцати пяти лѣтъ? Охъ! если бы мнѣ удалось разуверить тебя въ противномъ...

— Но, маменька, я хочу ѣхать сегодня-же.

«Разумѣется, надобно ѣхать немедленно.

И нашъ поэтъ, какъ робкое дитя, пойманное въ шалости, сдѣлался послушенъ своей старушкѣ матери. Черезъ два часа, они были уже въ дорогѣ, на пути въ столицу.

Ни грустенъ, ни радостенъ былъ Вильгельмъ. Онъ и мать его молчали. Онъ не хотѣлъ начинать; старушка давала ему волю надуматься, и Вильгельмъ, притворяясь спящимъ, обдумывалъ и перемѣнялъ тысячи плановъ. Умысль Хилея, общество его съ Элеонорою, несчастье, приготовленное ими Генриэттѣ — ужасали его. Но почему знаетъ все это Генриэтта? — И неужели мать ее согласна была отдать Генриэтту Хилею, даже зная, что онъ картежный игрокъ, раззорившійся? Генриэтта упоминаетъ однако жъ объ его богатствѣ; следовательно, или онъ еще довольно богатъ остался, или успѣлъ снова ограбить кого нибудь? И въ обществѣ терпѣть людей, ему подобныхъ, денныхъ разбойниковъ, когда человека, который для куска хлѣба крадетъ платки изъ кармановъ своего ближняго — наказываютъ, какъ нарушителя общественного порядка! А Элеонора — въ то время, когда она обольщала Вильгельма своими возвышенными чувствами, поэзіею безумной любви своей — Элеонора хотѣла погубить добрую, милую Генриэтту! Если и было что нибудь въ сердцѣ Вильгельма къ Элеонорѣ, хотъ

удивленіе, замбившее страсть пылкую, неукротимую — все исчезло теперь. Порохъ, насыпанный въ сосудъ, вспыхнетъ отъ огня, и ни какихъ слѣдовъ его не останется, кромѣ опаленныхъ стѣнъ сосуда... Ужасна показалась теперь Элеонора нашему поэту... Всего меньше страшило его то, какъ разрушить замыслы Хилея и Элеоноры: онъ не хотѣлъ ничѣмъ дорожить, ничего не хотѣлъ онъ и требовать отъ Генріэтты и ея матери. Злодѣйство трусливо передъ взоромъ правды и добродѣтели... Но, если бы и надобно было пожертвовать самою жизнью, зачѣмъ останавливаться? «Я разрываю съ тобою все связи мои, міръ бездушный! Я знаю теперь твои обольстительныя, пустыя мечты. Уединеніе, кусокъ хлѣба и уединеніе, гдѣ поэту свободно высказывать самого себя — вотъ все, что мнѣ надобно въ жизни моей. И этого никто теперь не отниметъ у меня. Счастье, радость — все мечта. Мы все похожи на Сатурна, поѣдавшаго дѣтей своихъ при рожденіи. Одни выдумываютъ себя обольщеніемъ знатностью, богатствомъ, чтобы поскорѣе проглотить ихъ, и хоть на мгновеніе заглушить свой нестерпимый голодь. Другіе создаютъ себя куколь изъ любви, изъ дружбы, изъ уваженія людскаго, и также глотають ихъ, и мучатся по прежнему голодомъ. И поэтъ тоже: его неистощимыя мечты и созданія не для того-ли создаются, чтобы съ жадностью изтерзалъ онъ ихъ, и недовольный, голодный, требовалъ еще новой пищи.... Печальная мысль!

Наши путешественники пріѣхали въ столицу вечеромъ. День былъ прекрасный и праздничный. Бульвары, гульбища были наполнены народомъ. Чувство удовольствія другіхъ, когда насъ терзаетъ горе, бываетъ тяжело. Самый добрый человекъ, не то

что завидуетъ, но досадуетъ на людей за то, что они такъ веселы, когда ему совсѣмъ не весело. «Чему веселятся эти народы? Будто есть чему веселиться!» говоритъ онъ, и не понимаетъ, видя, какъ люди встрѣчаются, кланяются, улыбаются другъ съ другомъ, отъ чего и для чего все это дѣлается? Воля ваша, а во всѣхъ насъ есть что-то похожее на того Испанскаго гранда, который разсердился за пожалованіе какого-то соперника его кавалеромъ ордена Алькантары, и поклялся не видать солнца, пока повара его не пожалуютъ Испанскимъ грандомъ.

Вильгельмъ одѣлся поспѣшно. «Куда-же ты, Вильгельмъ?» спросила его мать.

— Куда? Я пробѣгу нѣсколько улицъ, пройду по бульвару, и скоро возвращусь къ вамъ.

«Да, надобно подумать, какъ начать намъ свое дѣло — завтра.»

— Завтра?

«Да, старая пословица: утро вечера мудренѣе.» Старушка улыбнулась.

Самъ не зная куда, побрелъ Вильгельмъ. Онъ двинулъ на глаза шляпу свою, и готовъ былъ закутаться въ три плаща, только-бы не узналъ его ктонибудь изъ знакомыхъ. Слова: «А, г-нъ Рейхенбахъ! вы-ли это? васъ-ли я вижу?» были-бы теперь Вильгельму несноснѣе приговора смертнаго, или — вѣдь онъ былъ поэтъ — свистковъ зрителей и злой рецензій въ журналахъ. — Но, самъ не зная какъ, онъ очутился на углу улицы Чернаго Орла, и въ глаза его неволью бросилась надпись на воротахъ углаваго дома. «Это жилище Генріэтты!» готовъ былъ воскликнуть Вильгельмъ. Домъ былъ огромный, великолѣпный. Дрожь пробѣгала по всему тѣлу Вильгельма. Въ это время остановился щегольской каб-

риолетъ подлѣ крыльца. Кто-то вышелъ изъ кабріолета. Такъ, Вильгельмъ не ошибается — это Хилей!

Хилей казался такимъ веселымъ, беззаботнымъ. Жокей подалъ ему какую-то небольшую связку. Приказавъ что-то своему жокею, Хилей побѣжалъ на лѣстницу, живо, быстро, и скрылся изъ виду.

Оставляемъ каждому судить: что сдѣлалъ-бы онъ, еслибы теперь былъ на мѣстѣ Вильгельма? — Темно было въ глазахъ нашего поэта; онъ чувствовалъ холодъ и жаръ, разливавшіеся поочередно по всему его тѣлу. «Онъ здѣсь теперь, извергъ Хилей здѣсь, подлѣ Генріэтты; онъ отравляетъ здѣсь воздухъ своимъ ядовитымъ дыханіемъ; онъ любитъ горестью, отчаяніемъ своей жертвы. А я въ трехъ шагахъ, и ничего, ничего не сдѣлаю, оставлю торжествовать злодѣю, позволю ему хоть нѣсколько минутъ еще терзать Генріэтту?»

Въ забвеніи самого себя, Вильгельмъ прошелъ нѣсколько шаговъ; взглянулъ на мимоходящихъ — они шли своимъ чередомъ мимо, невнимательно; взглянулъ на дома, на экипажи — все было какъ всегда. И неужели цѣлому городу придти въ смѣтеніе отъ того, что какой-то негодий совершаетъ въ это время свое злодѣйство? И что за злодѣйство? Баронъ предложилъ бѣдной мѣщанкѣ свою руку, и ее принуждаютъ идти за него. Но эта мѣщанка милое, прелестное созданіе, а этотъ баронъ мерзавецъ. Хорошо — выходитъ неравный бракъ; жаль дѣвушки: она можетъ быть несчастлива въ своемъ замужствѣ. Не такъ смотреть на такое дѣло Провидѣніе, для котораго судьба червя столь-же важна и велика, какъ судьба слона. Вильгельмъ взглянулъ на небо. Оно было чисто, ясно, свѣтло; заходящее солнце золотило своими лучами шпицы башенъ и окна домовъ. Надъ жилищемъ Генріэтты не видно

было громовой, темной, нависшей тучи, трепещущей молніями, готовыми разразить злодѣйство. Мимо этого дома шли и ѣхали люди, не говоря: «что это здѣсь такъ душно, какъ будто дышитъ здѣсь какой нибудь злодѣй?» На окнахъ этого дома стояли прелестные цвѣты, висѣли богатые занавѣсы; фонарички спокойно обтиралъ тутъ свои фонари, и даже милыя головки дѣтей выказывались изъ разныхъ этажей дома. А между тѣмъ — тутъ былъ Хилей, подлѣ Генріэтты! — Кровь Вильгельма вскипѣла клокоцущимъ кипяткомъ — мгновеніе, и онъ былъ уже на томъ самомъ крыльцѣ, подлѣ котораго стоялъ кабріолетъ Хилей, на той лѣстницѣ, по которой прошелъ онъ. «Гдѣ живетъ здѣсь г-жа Шульце?» — Тамъ, въ третьемъ этажѣ, дверь на право. — Черезъ минуту Вильгельмъ стоялъ подлѣ двери.

Третій этажъ, въ улицѣ Чернаго Орла, красивая лѣстница, шелковый снурокъ у дверей, и звонкій колокольчикъ, когда дернуть за этотъ снурокъ. Это жилище человѣка зажиточнаго, который скоро перешагнетъ въ богачи, или въ знатные. Гдѣ ты смиренное, прежнее жилище Генріэтты? Гдѣ ты бывалый пріютъ любви и радости?

Хорошо одѣтый служитель отворилъ дверь. «Здѣсь ли живетъ г-жа Шульце?» отрывисто спросилъ Вильгельмъ. Служитель, какъ будто изумился при его видѣ. «Г-жа фонъ-Шульце? Здѣсь. Прикажете доложить? У нея теперь гости.» — Не нужно докладывать; она сама пригласила меня. — Недовѣрчиво поглядѣлъ на него слуга. Странное дѣло! Эта частичка: фонъ, которую заблагоразсудила придѣлать къ своему имени г-жа Шульце, когда изъ улицы Рогатой Козы перебралась въ улицу Чернаго Орла, была охлаждающимъ средствомъ для Вильгельма. Кровь его стихла; необыкновенное спокойствіе заступило

мѣсто горячки. Онъ взглянулъ въ зеркало, поправилъ беспорядокъ волосовъ, и пошелъ хладнокровно въ дверь, отворенную служителемъ—хладнокровно, но въ то же время, если бы десять убійць устремились на него свои ножи по слову Хилей—онъ не содрогнулся-бы отъ этихъ ножей и не отступилъ ни шагу назадъ.

Комнаты были убраны не великолѣпно, но изячно. Въ третьей комнатѣ слышны были голоса; тамъ что-то весело говорили и смѣялись.

Тамъ за чайнымъ столикомъ сидѣла и разливала чай Генриэтта, одѣтая, по прежнему, мило и просто, въ бѣломъ своемъ платьицѣ, съ чернымъ передничкомъ. Подлѣ нея, на диванѣ, сидѣла г-жа Шульце, въ огромномъ, пестромъ, обильномъ лентами чепчикѣ и праздничномъ платьѣ. Только не старинное гургуруновое было это платье, но изъ какого-то *эроэро*, и сшитое по новой модѣ. По другую сторону Генриэтты сидѣла знаменитая совѣтница и сваха, г-жа фонъ Шницеръ-Памеръ, теперь другъ, руководительница, наставница г-жи Шульце, съ лицомъ торжественнымъ и веселымъ. Напротивъ нея, въ креслахъ, сидѣлъ Хилей. Онъ не помолодѣлъ и не измѣнился отъ своего счастья; онъ былъ все тотъ-же, съ своимъ блѣднымъ, измученнымъ страстями лицомъ, съ своими ужасными глазами, которые устремились онъ на Генриэтту такъ-же страшно и неподвижно, какъ будто она была ставка на большую сумму. Онъ улыбался, но улыбка его походила на судорогу; небрежно сложивъ нога на ногу, сидѣлъ онъ и помахивалъ щегольскою палочкою. Блѣдно было лицо Генриэтты; она не подымала глазъ своихъ ни на кого; какъ похудѣла она, съ тѣхъ поръ, какъ не видалъ ея Вильгельмъ; какъ красны ея глаза — она и сегодня плакала...

Если бы змѣя вдругъ упала на чайный столикъ, она не такъ-бы изумила, испугала всѣхъ присутствовавшихъ, какъ неожиданное появленіе Вильгельма! Г-жа Шульце выпучила на него глаза свои, и глотокъ чаю остановился въ ея горлѣ, такъ, что она чуть не подавилась. Г-жа Совѣтница говорила, и фраза ея, лопнувшая въ самой половинѣ, такъ набила ей ротъ, что напрасно старалась она сжать свои костлявыя челюсти: онъ оставались раскрытыми. А Генриэтта? Она вспыхнула, загорѣлась, была ни жива, ни мертва. Только Хилей не измѣнился. Онъ худо зналъ Вильгельма, видѣлъ его только одинъ разъ, и только устремилъ на него неподвижный взоръ свой, не перемѣнивъ своего положенія.

— Позвольте-ли, сударыня — началъ Вильгельмъ, учтиво обращаясь къ г-жѣ Шульце — позвольте-ли старому вашему знакомому засвидѣтельствовать вамъ глубокое почтеніе?

Г-жа Шульце покраснѣла; злость изобразилась въ ея глазахъ; она хотѣла что-то говорить, но не могла.

Свободно сѣлъ Вильгельмъ въ кресла, противъ Хилей, отодвинувъ ихъ немного.

Г-жа Шульце получила въ это время способность говорить. «Я не знаю, сударь... Кажется, мы такъ давно...»

— Что вы изволите говорить, почтенная г-жа Шульце? Что мы давно не видались? Дѣла, сударыня, занятія...

«Я хотѣла сказать, что я никого не видѣла принимать...»

— А вашъ служитель не сказалъ мнѣ этого! Но я вижу у васъ добрыхъ гостей, и потому почитаю возможнымъ быть включенному въ число ихъ.

«Я хотѣла сказать, сударь, что довольно неприятно видѣть гостей неожиданныхъ и незванныхъ.»

— Кто-же эти гости, сударыня? Ужь не этот-ли господинъ? — Вильгельмъ смѣло указалъ на Хилей. Нижняя губа Хилей задрожала, но онъ смолчалъ, и только пошевелился на стулѣ.

«Вы, сударь, становитесь дерзки. Кто подалъ вамъ поводъ пожаловать сюда, и осмѣливаться...»

— И осмѣливаться нарушать спокойствіе честныхъ людей — проговорила Совѣтница, успѣвшая уже въ это время сжать свои челюсти, и получить возможность сжимать и расжимать ихъ.

«Честныхъ людей, сударыня? Я и не думалъ нарушать спокойствія ихъ, а указалъ только на такого, которому подобное названіе вовсе не годится.»

— Какъ смѣете вы, сударь, говорить мнѣ? Знаете-ли, что это г-нъ баронъ Хилей фонъ-Шауеръ, нарѣченный женихъ моей дочери?

«Баронъ фонъ-Шулеръ, и женихъ вашей дочери?»

— Вы становитесь безстыдны — вы съ ума сошли!...

«Тише, г-жа Шульце. Можно-ли принимать такъ неучтиво старыхъ знакомыхъ!»

— А кто этотъ господинъ? — спросилъ хладнокровно Хилей, придвигаясь къ столу. — Не прикажете-ли позвать людей и отвести его въ домъ сумасшедшихъ?

«Я самъ скажу вамъ мое имя, г-нъ баронъ. Я Рейхенбахъ, не баронъ, но просто Рейхенбахъ. Слыхали-ль вы мое имя? И я желалъ-бы посмотреть прежде: вы-ли отведете меня въ домъ сумасшедшихъ, или я васъ въ смиреннѣйшій домъ!»

— А, такъ это вы, г-нъ Рейхенбахъ! Очень радъ — вы приходите сюда, какъ истинный поэтъ, и вамъ все можно простить, но если хозяйкѣ дома не угодно ваше посѣщеніе, — разумѣется, вы должны выйти.

«Не знаю: точно-ли вы баронъ, но такъ назы-

вають васъ, и я буду называть васъ барономъ. Послушайте, м. г., внимательно — прошу васъ г-жа Шульце удержаться — вы свѣтскій человекъ, г-нъ баронъ, знаете всѣ приличія, и потому согласитесь, что намъ глупо будетъ заводить ссору и непріятности. И такъ, прошу васъ удержаться отъ всякихъ колкостей — я ихъ не стерплю — понимаете — будемъ говорить хладнокровно.»

— Что вамъ угодно?

«Вашъ отвѣтъ на вопросъ мой: зачѣмъ вы здѣсь?»

— Какъ смѣете, сударь, вы... вскричала г-жа Шульце.

«Маменька!» осмѣлилась сказать умоляющимъ голосомъ Генріэтта.

— Молчи! — вскричала г-жа Шульце. — Г-нъ Рейхенбахъ! я прошу васъ пожаловать вонъ!

«И впередъ не заглядывать, гдѣ васъ не готовы встрѣчать ласково — прибавила Совѣтница.

— Г-жа Совѣтница! замолчите! — грозно сказалъ Вильгельмъ — г-жа Шульце можетъ говорить что ей угодно, но вы, сударыня, вы...»

Совѣтница задрожала отъ злости. Она и г-жа Шульце вскочили съ мѣстъ своихъ. Баронъ также поднялся съ своего мѣста, и Вильгельмъ всталъ и приблизился къ барону. Прекрасно было видѣть этого пламеннаго, молодаго, цвѣтущаго юношу, устремившаго горящіе глаза свои на измятое лицо барона.

«Я жду отвѣта на мой вопросъ, баронъ!»

— Слова г-жи Шульце могли показать вамъ, м. г., зачѣмъ я здѣсь, а съ тѣмъ вмѣстѣ, что вы должны оставить насъ.

«Я не буду беспокоить собою другихъ, уйду, но вы м. г., должны уйти прежде меня, и дать мнѣ слово, что вы никогда болѣе не явитесь сюда.»

— Г-нь баронъ! вы благородный человекъ и должны быть моимъ защитникомъ — неужели вы допустите...

«Съ сумасшедшими надобно обходиться осторожно. Я позову людей...»

— Если вы осмѣлитесь сдѣлать одинъ шагъ — садитесь, и пишите сей часъ, что вы отказываетесь отъ руки дѣвицы Генріэтты Шульце, или...

«Вы въ самомъ дѣлѣ съ ума сошли, г-нь Рейхенбахъ.»

— Вы смѣете сказать мнѣ это? И такъ — вонъ сей часъ, или я докажу вамъ, что имѣю право выгнать васъ!

«Какое право имѣете вы?»

— Право честнаго человека передъ бездѣльникомъ.

«Вы забылись, м. г.!»

— Ты бездѣльникъ! Это говорю я громко, и готовъ доказать тебѣ, подлый картежникъ!

Поступки Вильгельма такъ изумили г-жу Шульце и Совѣтницу, что онѣ не въ состояннн были сказать ни одного слова. Ни жива, ни мертва сидѣла Генріэтта.

— Ты бездѣльникъ! — повторилъ Вильгельмъ барону, и спокойно обратился къ г-жѣ Шульце — я пришелъ сюда сказать это вашему нарѣчному зятю, и объяснить вамъ, что это за человекъ. Вѣрно, вы не знаете, сударыня, что подъ маскою этого барона скрывается извѣстный мошенникъ, живущій карточною игрою, развратный человекъ, который, Богъ знаетъ съ чего, называетъ себя барономъ, который недавно проигралъ все, что у него было, и если онъ опять кажется богатымъ, то вѣрно уснѣлъ кого нибудь опять обмошенничать...

«Вы ляжете, сударь!» — вскричала Совѣтница — и

знаю барона — я предложила его руку дѣвицѣ Шульце — я знаю его родственницу, баронессу фонъ-Брундеръ-Швестеръ.

— Это актриса Элеонора! — вскричала Генріэтта. Ея восклицаніе изумило всѣхъ.

«Элеонора? И такъ вы, г-жа Совѣтница, были участницею гнуснаго заговора актрисы съ картежникомъ? Говорите, отвѣчайте, сударыня, что побудило васъ къ этому?»

— Что все это значитъ? — спрашивала г-жа Шульце. — Г-нь баронъ, г-жа Совѣтница! неужели это правда? Почему, баронъ, не отвѣчаете вы г-ну Рейхенбаху?

Баронъ усмѣхнулся. «Вы сами назвали его сумасшедшимъ, сударыня...»

— Оставьте заботу о моемъ умѣ. Я утверждаю здѣсь, передъ вами, въ глаза вамъ, что вы самозванецъ, картежный игрокъ; что недавно проиграли вы все свое имѣніе лорду ***; что по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, вы уговорились съ актрисою Элеонорою, любовницею барона Калькофа, жениться на дочери г-жи Шульце, и совѣтница Шницеръ-Паммеръ была участницею вашего заговора.

Все безмолствовало.

— Я расплачусь съ вами, м. г. — сказалъ баронъ — за ваши клеветы... Когда можемъ мы увидѣться?

«Боже великій!» Съ этимъ восклицаніемъ Генріэтта лишилась чувствъ. Мать бросилась помогать ей.

— Бѣдная жертва! — горестно сказалъ Вильгельмъ, смотря на Генріэтту. — Вы еще нейдете отсюда, баронъ? — воскликнулъ Вильгельмъ, обращаясь къ Хилю. — Неужели вы думаете, что я соглашусь драться съ вами. Я прибью васъ, какъ бездѣльника, и не оставлю васъ до тѣхъ поръ, пока не сорву съ васъ маски, не обличу васъ. Или сей часъ откажитесь отъ

дѣвицы Шульце, и я презрю мщеніемъ, или вы получите въ задатокъ пощечину, и будете обличены во всемъ передъ цѣлымъ свѣтомъ!

«Баронъ! и вы позволяете!..» проворчала Совѣтница.

— Г-нъ Рейхенбахъ — сказалъ баронъ — будемъ говорить благоразумно. Пожалуйте сюда — нѣсколько словъ, не болѣе...

«Ни одного тайно—говорите въ слухъ—между нами нѣтъ никакихъ секретовъ...»

Генріэтта опомнилась въ это время, бросилась на колѣни передъ матерью, и громко вскричала: «Милая маменька! Рейхенбахъ говоритъ правду! Я не знаю для чего, но васъ обманули...»

— Какъ? Ты знала и не говорила!

«Я не знала всего — я не знала, что женихъ, котораго вамъ угодно было назначить мнѣ, былъ человекъ такой ужасный. Вы не позволяли мнѣ ничего говорить — я не смѣла сказать вамъ, что г-жа Совѣтница васъ обманывала; что она, не знаю для чего, тайно переговариваетъ съ актрисою Элеонорою, и эта баронесса Брудеръ-Швестеръ, съ которою не давно познакомилась васъ г-жа Совѣтница...»

— Была актриса? Какъ! Неужели это правда, г-жа Совѣтница? Отвѣчайте, г-нъ баронъ, правду ли говорить Рейхенбахъ?

«Мнѣ отвѣчать, сударыня, нѣчего. Съ этимъ господиномъ я увижусь, а браниться съ нимъ въ присутствіи вашемъ было-бы не прилично — я не мѣшанинъ!»

— Но и герцогъ самый долженъ отвѣчать, если говорить ему, будто онъ не герцогъ, и если на него лгутъ.

«Я уже имѣлъ честь объявить г-ну Рейхенбаху, что онъ лжетъ. Но благородный человекъ доказы-

ваетъ пулею»... Баронъ вынулъ платокъ свой изъ кармана, и—выдернулъ цѣлую колоду картъ, которыя разсыпались по полу. Тутъ-же выпала кака-я-то записка.

Какъ молнія бросился Вильгельмъ, схватилъ нѣсколько картъ, записку, развернулъ ее, пробѣжалъ и насмѣшливо показалъ карты и записку барону, говоря: «А вотъ чѣмъ доказываетъ честный человекъ бездѣльнику, что онъ бездѣльникъ! Слушайте, г-жа Шульце!

— Какое право имѣете вы, м. г., читать чужія письма? — вскричалъ баронъ, бросаясь къ Вильгельму.

«Право обличенія бездѣльника... Прочь!» — И отъ сильного толчка, баронъ полетѣлъ далеко, едва не свалился съ ногъ.

— Если ты, проклятый человекъ, и сегодня не придешь къ намъ, то знаешь ли, что вмѣсто употребленія киевъ на бильярдъ, мы употребимъ ихъ на твою спину....

«Какъ, какъ, что такое?» вскричала г-жа Шульце.

— Безъ тебя мы никакъ не можемъ сладить съ этимъ дуралеемъ Шниперъ-Кроникомъ...

«Какъ?» въ свой чередъ воскликнула Совѣтница. — Такъ это вы, баронъ съ товарищами вашими губите моего бѣднаго родечку, который на старости лѣтъ вздумалъ пуститься въ картежную игру?» — Она захохла и сѣла на стулъ.

Баронъ успѣлъ выхватить записку изъ рукъ Вильгельма, и хотѣлъ что-то говорить.

— Передъ вами записка, г-нъ баронъ! — вскричалъ Вильгельмъ. — Посмотрите, посмотрите, г-жа Шульце....

Онъ показывалъ ей поддѣльные карты, которыя подобралъ на полу. «Видите-ли, видите-ли, любезная г-жа Шульце!»

И г-жа Шульце захохала и повалилась на стуль.

— М. г., — сказала тогда Вильгельмъ, подступая къ барону — наши объясненія кончились.

«Только-что начинаются!» — проворчалъ сквозь зубы баронъ. Хладнокровно поклонился онъ всѣмъ, и его не стало.

Двѣ старухи сидѣли безмолвно, не глядя другъ на друга. Генріэтта стояла на колыняхъ, въ углу, поднявъ руки и глаза къ небу: она молилась. Въ изумленіи стоялъ Вильгельмъ посреди комнаты. Онъ, то глядѣлъ на старухъ, то на Генріэтту, то на карты, оставшіяся въ рукахъ его, какъ будто клочекъ шерсти демона, убивавшаго отъ его заклинаній.

— Какъ — говорилъ онъ самъ съ собою — развѣ такъ легка побѣда надъ зломъ? Развѣ такъ шатки замыслы зла, такъ оно трусливо и робко? Я не зналъ, какъ начать мнѣ изобличеніе этого бездѣльника, думалъ объ этомъ, и въ нѣсколько минутъ, отъ нѣсколькихъ словъ, онъ исчезъ, какъ ночное привидѣніе!

Тихо, кротко, подошелъ Вильгельмъ къ г-жѣ Шульце. «Сударыня,» сказалъ онъ — «простите меня за беспокойство, вамъ причиненное. Я не сумасшедшій — вы видѣли этому доказательства. Я имѣлъ счастье избавить васъ отъ знакомства и родства съ негодяемъ, бездѣльникомъ. Онъ не посмѣлъ мнѣ противорѣчить...»

— Неужели онъ не баронъ, г-нъ Рейхенбахъ?

«Онъ чудовище, которое скоро, можетъ быть, будетъ уличено въ своихъ злодѣйствахъ.»

— И не баронъ?

«Неужели вы согласитесь отдать за него дочь вашу, сударыня, если онъ будетъ величайшій злодѣй, но только баронъ притомъ?»

— Ахъ, нѣтъ! я не то хотѣла сказать — чувствую

все мое безразсудство — мнѣ казался онъ такимъ умнымъ, благороднымъ человѣкомъ — почему иногда не играть и въ карты...

«Обыгрывать, сударыня, не играть, быть въ шайкѣ злодѣевъ, которыхъ, по несчастію, донныя терпятъ въ обществѣ странный общественный предрассудокъ...»

— Да, да, ваша правда! Что хуже этого — и притомъ осмѣливаться назвать себя барономъ! ... Ахъ! г-жа Совѣтница! могла-ли я когда подумать, чтобы вы, моя старинная пріятельница...

«Ахъ! г-жа Шульце! я сама была обманута — и притомъ, все это такъ темно и странно — г-нъ Рейхенбахъ Богъ знаетъ откуда взялся, какъ съ неба упалъ — можетъ быть, этотъ благородный, знатный человѣкъ не нашелся что сказать — онъ, конечно, не привыкъ къ такому обращенію.»

— Къ обращенію мѣщанина, г-жа Совѣтница — сказала Вильгельмъ насмѣшливо — мѣщанина, который, не боясь знатности баронской, въ глаза назвалъ бездѣльникомъ этого великаго барона? Въ самомъ дѣлѣ, странное обращеніе...

«Г-нъ Рейхенбахъ!» сказала тогда Генріэтта, робко потупивъ глаза — чѣмъ могу заплатить вамъ за вашу услугу! Позвольте мнѣ говорить, маменька, позвольте сказать г-ну Рейхенбаху... Но она замолчала при грозномъ взорѣ матери.

Ея слова были небесною росой, упавшею на душу Вильгельма, томимую разнообразными, тяжкими впечатлѣніями. Слезы навернулись у него на глазахъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, г-нъ Рейхенбахъ — начала г-жа Шульце — если вы избавили меня и дочь мою... то я одолжена вамъ большою благодарностью.

«Это не нужно, сударыня — отвѣчалъ Вильгельмъ — было время, когда... Ахъ! оно давно прошло это время!»

Колокольчикъ раздался у дверей. «Признаюсь, что я не въ расположеніи теперъ принимать кого нибудь...» сказала г-жа Шульце.

— Сударыня! я оставляю васъ — сказалъ ей Вильгельмъ, печально вставая съ своего мѣста.

Тутъ вошелъ слуга, Я объявилъ о прибытіи г-жи Рейхенбахъ.

— Какой г-жи Рейхенбахъ? — съ изумленіемъ спросила г-жа Шульце.

«Маменька!» невольно воскликнулъ Вильгельмъ.

— Ваша матушка, г-жа Рейхенбахъ?

Она вошла въ это мгновеніе, въ своемъ скромномъ, но опрятномъ черномъ платьѣ, которое всегда носила, съ своимъ благороднымъ, кроткимъ видомъ, всегда неизмѣннымъ.

— Маменька, милая маменька! — вскричалъ Вильгельмъ, бросаясь къ ней на встрѣчу.

«Я предчувствовала, что найду тебя здѣсь, и — извините, моя почтенная, старая знакомая,» сказала старушка, ласково обращаясь къ г-жѣ Шульце — что я не попросила предварительно вашего позволенія обезпокоить васъ моимъ посѣщеніемъ.

— Ахъ, г-жа Рейхенбахъ! я всегда рада...

«Добрый добруму всегда радуется, а я никогда не причисляла себя къ худымъ.»

— Прощу васъ садиться, г-жа Рейхенбахъ. Какъ давно не имѣла я удовольствія васъ видѣть!

«Да, лѣтъ двадцать, г-жа Шульце. Много, много времени!»

Казалось, что кроткій, благородный тонъ обращенія г-жи Рейхенбахъ внушалъ невольное почтеніе г-жѣ Шульце. Самъ Вильгельмъ изумился, что старушка, не измѣняя своего всегдашняго костюма, умѣла придать ему какую-то щеголеватость маленькими прибавками. Старый брилліантовый перстень

былъ на рукѣ ея, и она походила вовсе не на мѣщанку, но на даму лучшаго обращенія.

— Вильгельмъ! — сказала она, обращаясь къ сыну — тебя ждуть дома твои знакомые, и я совѣтую поспѣшить къ нимъ.

Въ замѣнательствѣ остановился Вильгельмъ.

— Иди домой, Вильгельмъ — ты здѣсь не нуженъ — шепнула она ему мимоходомъ.

Неловко поклонился Вильгельмъ, и пошелъ не говоря ни слова.

«Да, я и забыла сказать тебѣ — проговорила въ слухъ г-жа Рейхенбахъ. — Она вышла за Вильгельмомъ въ другую комнату, ласково попросивъ извиненія.

— Здѣсь было уже объясненіе, какъ я вижу?

«Маменька! я успѣлъ обличить злодѣя...»

— Какал вѣтренность! Давши мнѣ слово не начинать... Ты могъ все разстроить... Я угадала, что ты идешь сюда...»

Она воротилась, а Вильгельмъ повлекся вонъ, медленно сошелъ съ лѣстницы, еще медленнѣе перешелъ улицу; квартира его была недалеко. Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ дома, и сидѣлъ въ своихъ креслахъ.

Монологи не выдумка поэтовъ; монологъ необходимъ, и если его не проговариваютъ такъ величественно и важно, стройно и логически, какъ декламируютъ его на сценѣ, все таки онъ существуетъ въ человѣкѣ — его думаетъ человѣкъ, и едва-ли монологъ не бываетъ лучше всякаго діалога. Какъ много открыли-бы философы и поэты новаго, если бы могли подслушать и записать монологи, которыхъ свидѣльницею бываетъ одна подушка, съ которою по Русской пословицѣ, думаетъ человѣкъ думу крѣпкую, ночью, одинъ на одинъ.

Мы не станемъ выписывать здѣсь монолога, какой придумалъ и проговорилъ Вильгельмъ, то бросающъ въ свои кресла, то ходя по комнатѣ. Уже стало темно; день сгорѣлъ, а онъ все еще думалъ и говорилъ самъ съ собою, или, лучше сказать, съ тѣмъ, что тогда соединилось въ немъ вдругъ, и говорило вмѣстѣ, не слушая другъ друга. Тутъ начиналъ говорить любовникъ, со всею жаромъ страсти; его перебывалъ поэтъ, со всею восторгомъ поэзии; поэтъ сбивалъ съ толку просто-человѣкъ, и останавливался, когда сынъ начиналъ свою рѣчь. Дѣло оканчивалось ничѣмъ, какъ оканчиваются все людскіе споры; каждый оставался при своемъ мнѣніи, и то что нѣкогда сказалъ Соломонъ, и что тысячу разъ повторяли послѣ него, заключило монологи и споры Вильгельма съ самимъ собою: «суета суеть и всяческая суета.» Признаюсь, мнѣ страхъ какъ нравится это самое общее заключеніе столь многихъ философическихъ, и всякихъ помышлений и размышлений, этотъ конекъ, на который обыкновенно садится человѣкъ, когда все другіе коньки сбили его.

«Да, бѣденъ человѣкъ...» хотѣлъ громко проговорить Вильгельмъ, когда ему подали записочку. Огни не было, но мѣсяцъ свѣтилъ ярко, и съ усиленіемъ старался прочитать при сіяніи его Вильгельмъ записочку эту. Онъ не ошибается — рука его матери! «Спѣши сюда, милый Вильгельмъ! Здѣсь есть люди, которые хотятъ тебя видѣть. Я первая.»

Только, но тутъ еще двѣ строчки, такіа неясныя — чья это рука? Боже мой! неужели Генріэтта? Она продолжила и кончила записочку:

«Я вторая, и въ задатокъ посылаю вамъ поцѣлуй. Мнѣ приказали написать это къ вамъ — ваша

Генріэтта.»

— Что это такое? Поцѣлуй Генріэтты, ваша Ген-

ріэтта — спѣшитъ къ ней! Не волшебница-ли маменька?

Еще и еще разъ перечиталъ записочку Вильгельмъ. Черезъ минуту онъ былъ на улицѣ; черезъ пять минутъ въ жилищѣ Генріэтты. Онъ хотѣлъ снять шляпу, входя въ комнату, и теперь только замѣтилъ онъ, что забылъ надѣть ее на голову, побѣжавши изъ своей квартиры. — Мать вышла къ нему на встрѣчу. Она обняла его, и ласково и насмѣшливо сказала ему: «Прощу-же безъ дурачества! Генріэтта твоя истинный ангелъ!» Она взяла его за руку и повела далѣе.

Ничего не спрашивалъ, не говорилъ Вильгельмъ, цѣловалъ только руку своей матери. Они вошли въ комнату, гдѣ сидѣли тогда г-жа Шульце и Генріэтта; мать у стола, съ веселымъ, радостнымъ лицомъ, а Генріэтта въ темномъ углу, закрывая платкомъ пылающее лицо свое. Больше никого не было, и на что кого нибудь еще? Всякій, кромѣ матери Вильгельма и матери Генріэтты, былъ-бы лишній. И безъ того весь миръ заключался для Вильгельма и Генріэтты въ нихъ двухъ. Въ этотъ міръ можно было еще помѣстить обѣихъ матерей, но болѣе уже не было въ немъ мѣста.

Какая забавная роль уму человѣческому и наукѣ наукъ, философіи, дана въ этомъ мірѣ! Точная роль старыхъ нянекъ, которыхъ слушаемъ мы, когда бываемъ больны: намъ скучно, и мы призываемъ къ себѣ услужливыхъ нянюшекъ нашихъ, подавать намъ лекарство, говорить всякую всячину, вспоминать наше дѣтство. А потомъ, едва намъ становится легче — бѣдныя нянюшки! имъ и *спасибо* не скажутъ порядкомъ. Такъ умъ, такъ и милая, немножко скучная дочка его, философія, не похожи-ли на этихъ нянюшекъ-утѣшительницъ, на старыхъ ска-

зочниковъ, которыхъ такъ любили слушать наши старики въ часы безсонницы?..

По крайней мѣрѣ, въ такіе часы, какіе настали теперь для нашего Вильгельма, уму и философін вовсе нѣчего дѣлать; они прескромно убираются вонъ, а человѣку хочется не уместовать, и не умничать, а дурачиться, дѣлаться ребенкомъ...

— Я рекомендую, и честь имѣю представить вамъ, сударыня, моего вѣтреника, роднаго моего сына, и смѣю увѣрить васъ въ истинномъ почтеніи, какое всегда чувствовалъ и чувствуетъ онъ къ вамъ. — Такъ, смѣясь, проговорила мать Вильгельма г-жѣ Шульце.

«Обнимите меня, мой любезный г-нъ Рейхенбахъ,» сказала г-жа Шульце.

Вильгельмъ обнялъ ее, въ забвеніи самого себя, съѣлъ подлѣ нея и цѣловалъ ея руку.

— Ты ошибаешься, Вильгельмъ, и не ту руку цѣлуешь — говорила мать его. — Генріэтта! благоволи-те пожаловать сюда!

«Маменька! я никогда не видывалъ васъ такою веселою и шутливою...»

— Вотъ хорошо! Да, когда-же я была такъ счастлива, какъ теперь. Вы нейдете, Генріэтта?

Въ самомъ дѣлѣ, Генріэтта сидѣла въ углу, закрытая лицо свое, и не шла.

— О, такъ Вильгельмъ будетъ столько учтивъ, что, какъ вѣжливый кавалеръ, подойдетъ къ вамъ, сударыня! — Поди, поди, неловкій человѣкъ! — про-должала г-жа Рейхенбахъ, толкая Вильгельма.

Онъ подошелъ къ Генріэттѣ. «Генріэтта, милый другъ!» и онъ робѣлъ, не смѣлъ взглянуть на нее.

— Что вамъ угодно, г-нъ Рейхенбахъ?

«Мнѣ... мнѣ... я не знаю.»

— Взгляни на него, Генріэтта, и только!

Она взглянула, смѣясь сквозь слезы.

— Маменька! Генріэтта плачетъ!

«Въ самомъ дѣлѣ? Ахъ! какая бѣда! Не лъзя-ли ее утѣшить, какънибудь? Вѣдь ты поэтъ: импровизируй какуюнибудь страстную элегію...»

— Генріэтта! скажите мнѣ: если вамъ угодно... или вамъ не угодно, чтобы я былъ здѣсь—я уйду...

«Ахъ! вѣтъ...»

— Нѣтъ, Генріэтта, ангель милый? — Онъ хотѣлъ броситься на колѣни передъ нею. Генріэтта хотѣла удержать его, и удержала такъ неловко, что упала на грудь его, и щека ея прильнула печально къ губамъ Вильгельма.

«Маменька, милая маменька! неужели Генріэтта моя? Неужели ты моя, Генріэтта?»

— Да — прошептала она, едва внятнымъ голо-сомъ.

И съ восторгомъ обнялъ ее Вильгельмъ, и съ жа-ромъ осыпалъ поцѣлуями своими Генріэтту.

— Вильгельмъ, Вильгельмъ! перестань, милый другъ мой! полно, мнѣ совѣстно — я убѣгу! — шептала Ген-ріэтта, и — не бѣжала.

«Въ самомъ дѣлѣ, это слишкомъ дерзко — сказала г-жа Шульце, со смѣхомъ — цѣловать дочь, не по-благодаривши матери...»

— Я забылъ самого себя, забылъ все — простите меня — благословите насъ, милая маменька! — гово-рилъ Вильгельмъ, увлекая Генріэтту къ матери. Онъ и Генріэтта стали на колѣни. Наступила одна изъ торжественныхъ минутъ жизни человѣческой: мать вручала судьбу дочери ея жениху, благословила дѣ-тей; два сердца соединились на вѣки, на жизнь, на смерть, на радость, на раздѣлъ судьбы, на свиданіе за гробомъ съ тою-же любовью, съ какою должна пролетѣть ихъ здѣшняя жизнь.

Всѣ разскащики романовъ и повѣстей, обыкновенно, отказываются отъ описанія подробныхъ минутъ. Я помню множество фразъ, какими отдѣляются они отъ читателей. «Бросаю перо — такихъ минутъ не описываютъ» — говорить одинъ. — «Боюсь уменьшить моимъ описаніемъ ту прекрасную картину, какую можетъ создать себѣ воображеніе моихъ читателей» — говорить другой. — «Есть слова для выраженій печали, скорби, но ихъ нѣтъ для выраженія радостей» — говорить третій. — Признаться: я не бросилъ - бы пера; не довѣрился-бы и воображенію читателей; можетъ быть, нашель - бы слова и для выраженія радости человѣческой, даже если бы эту радость произвело счастье двухъ сердецъ, давно любившихъ, давно страдавшихъ. Но — бѣда въ томъ, что въ такихъ минутахъ нѣчего описывать. Радость есть отдыхъ жизни, а кто отдыхаетъ, тому не до разговоровъ, не до выраженія наружнаго тѣхъ чувствъ, тѣхъ ощущеній, которыя тѣшатся въ его душѣ, въ его сердцѣ. Прекрасны междометія, но изъ нихъ ничего сдѣлать невозможно. Давно, и очень мило, и вѣрно сказалъ поэтъ, котораго не перестанутъ любить и читать, пока будутъ любить и читать на бѣломъ свѣтѣ:

Счастливы вѣчно молчаливы —
Одно несчастье крикнуть.

Если бы кто нибудь вошелъ въ комнату, черезъ пять минутъ послѣ того, какъ матери благословили Вильгельма и Генріэтту, онъ увидѣлъ - бы, что двѣ старушки сидятъ у столика, и говорятъ что-то въ полголоса, очень заботливо и важно. А въ сторонѣ, въ углу, сидятъ Вильгельмъ съ Генріэттою: ея рука въ рукъ его; другая рука Вильгельма обхватила станъ Генріэтты, и голова Генріэтты склонилась на плечо милаго друга. Они говорятъ шо-

потомъ; еще болѣе молчать, глядеть другъ на друга. Нѣтъ ни бѣшеныхъ желаній, ни дерзкой страсти. Имъ тепло, не жарко, и кровь не кипитъ порывисто бурей — она льется, какъ ручеекъ среди родныхъ береговъ, по золотому песку, среди изумрудной зелени. . . Но вы не любите идиллій. . .

Легко понять, какъ въ два, три часа мать Вильгельма умѣла сдѣлать то, чего въ нѣсколько лѣтъ не умѣлъ онъ создать для своей жизни, и никогда не создалъ-бы. Г-жа Шульце не знала сперва, чѣмъ начать, что говорить. Стыдь, досада, раскалиніе, сожалѣніе, все это мѣшалось, вертѣлось въ ея головѣ, если не въ душѣ, и г-жа Рейхенбахъ прежде всего помирила свою будущую сватью съ нею самою; потомъ помирила съ г-жею совѣтницею фонъ - Шницеръ-Памеръ; потомъ оправдала ихъ другъ передъ другомъ и одну передъ другою. Тутъ легко было ей объ одномъ умолчать, о другомъ говорить болѣе, одно спрятать, другое выставить яснѣе. Сказано было многое, начиналъ съ сердца Вильгельмова до 30,000 талеровъ, которые получили онъ въ наследство.

Тогда попросила г-жа Рейхенбахъ позволенія: поговорить стѣсливо съ Генріэттою. Съ ней говорила она не много и не долго. Она обняла ее, а Генріэтта обняла мать Вильгельма, и черезъ нѣсколько минутъ, г-жа Шульце души не слыхала въ старой своей знакомкѣ, и ничего такъ не желала, какъ видѣть Вильгельма своимъ злетьемъ, а Генріэтта согласилась принисать къ запискѣ матери Вильгельмовой двѣ строки. «Неужели ждать до завтра?» сказала г-жа Рейхенбахъ. «Мы, старые люди, должны дорожить часами.»

Положено было, что завтра г-жа Шульце переедетъ на другую квартиру, которую найметъ обще съ г-жею Рейхенбахъ. Богатые подарки барона, шаль,

бриллианты, определено отослать къ нему, забыть объ его существованіи, никогда не произносить его имени. Бѣдная г-жа Шульце вздохнула раза два, подумавши, сколько истратила она изъ своего стариннаго запаса добрыхъ талеровъ, на наемку новой квартиры, покупку всякаго вздора. Какъ можно было ей, будущей тещѣ барона, принимать высокобаронскія посѣщенія въ низенькой комнаткѣ, въ улицѣ Рогатой Козы! И она перелетѣла въ Орлинную улицу. Къ счастью, время глупаго ослѣпленія г-жи Шульце было непродолжительно. Г-жа Рейхенбахъ особенно утѣшила се тѣмъ, что требовала непременно позволенія — сдѣлать все приданое Генріэттѣ на свой счетъ. Умная старушка разочла, что это придастъ ей большую важность въ глазахъ матери Генріэттиной. Все было переговорено, все обдумано, и уже поздно было, когда Вильгельмъ и мать его пошли домой. Г-жа Шульце не отпустила ихъ безъ ужина; сама Генріэтта бѣгала въ кухню, и никакъ не соглашалась, чтобы Вильгельмъ былъ съ нею и пособлялъ ей приготовить что нибудь. Впрочемъ, кухарка увѣрила, что на этотъ разъ барышня только все портила. Она просила ее лучше не вмѣшиваться въ распоряженія. Генріэтта охотно предоставила все премудрому разумѣнію кухарки.

Два, три, четыре дня — цѣлая недѣля прошла, а Вильгельмъ и не подумалъ литься къ кому нибудь, видѣться съ кѣмъ нибудь изъ политическаго, литературнаго, и всякаго другаго міра. И что ему была за надобность видѣть кого нибудь кромѣ Генріэтты!

Но уговору съ г-жею Шульце, г-жа Рейхенбахъ на другой-же день нашла прекрасную, просторную, хорошенькую квартиру, красиво обмѣблированную, съ садикомъ. Только сѣни раздѣляли комнаты, гдѣ помѣстились Генріэтта и мать ея.

Впрочемъ, либо то, либо другое отдѣленіе было пусто, и сосѣди всегда были у сосѣдей. Еще ничего не было говорено о томъ, гдѣ и когда быть свадьбѣ; Вильгельмъ не спрашивалъ объ этомъ — ему было нѣкогда: три дня онъ не могъ нагадѣться на Генріэтту; въ три дня потомъ онъ не успѣлъ пересказать всего, что хотѣлось ему пересказывать. Страннѣе всего было то, что самыя прозаическія занятія и разговоры старушекъ не казались ему ни пошлы, ни недостойны его вниманія. Старушки ѣздили, ходили закупать приданое, толковали, спорили объ этомъ. Если надобно было для рѣшенія спора ихъ призывать Генріэтту, показывать ей образчики, спрашивать ея мнѣнія, она неохотно отрывалась отъ своего Вильгельма, подходила, смотрѣла, слушала разсѣянно, и обыкновенно отвѣчала: «Маменька! сдѣлайте милость, какъ вамъ угодно,» и спѣшила опять къ Вильгельму. Но онъ приставалъ тогда къ ней, подходилъ, важно разсуждалъ, что именно лучше, что милѣе будетъ для Генріэтты, и показывалъ такое незнаніе въ нарядахъ, въ уборахъ, что старушки гнали его прочь, а Генріэтта хохотала, обнимала, цѣловала его, и увѣряла, что онъ большой невѣжда.

Сколько наслажденій для того, кто радостно смотритъ на міръ, прекрасный міръ Божій, съ любовью, дружбою, счастьемъ въ сердцѣ, для кого оцвѣтилось будущее безконечною радугою счастья! Какъ легко и скоро забываются все страданія прошедшаго, какъ легко прощаются тогда людямъ ихъ несправедливость, ихъ эгоизмъ, извиняются ихъ пороки и слабости! «Кто любитъ, тотъ не можетъ быть безбожникомъ» — сказала добрый Руссо. Этого мало: если взоръ чловѣка, счастливаго любовью, поднимается съ благодарностью на небо, онъ съ любовью обращается и на все Божіе созданіе: лѣвіе птички дѣ-

лается понятно сердцу; слышно, какъ растетъ и веселится своею жизнью маленькая былинка; солнце восходитъ освѣщать только радости, и мѣсяцъ свѣтитъ только для усладительной задумчивости, пока сердце человѣка засыпаетъ кроткимъ сномъ, мечтал о радостномъ пробужденіи.

Какое наслажденіе и въ этомъ раздѣлѣ души и сердца, которое начинается между двумя любящими существами, когда имъ сказали: «Вы принадлежите одинъ другому!» Слово, столь страшное въ другое время, едва-ли не при всѣхъ другихъ отношеніяхъ человѣка, слово: «*Настыкъ!*» представляетъ для любви услажденіе неизъяснимое. Ненасытнѣй, какъ всегда, человѣкъ говорить: «Ты мой, ты моя, но не только на здѣшній вѣкъ — на всю вѣчность, здѣсь и за гробомъ!» Ему мало кажется этого страшнаго слова: *настыкъ!* Какое наслажденіе и открывать непрерывно новыя очарованія въ миломъ для насъ существѣ, подсматривать за нимъ, подстергать каждое движеніе, и въ каждомъ движеніи находить новую прелесть! А если ихъ не находимъ? О, не бойтесь — человѣкъ такъ созданъ, что онъ всегда найдетъ то, чего онъ ищетъ, даже если бы этого и вовсе не было. А всѣ эти мелочи, бездѣлки жизни, игрушки, если угодно — поцѣлуй, котораго не хотѣтъ подарить, споръ ни объ чемъ, смѣхъ о какой-нибудь нелѣпности... Кто *только любилъ* — тотъ только страдалъ; кто притомъ былъ *любимымъ* — тотъ жилъ половиною души, но полное бытіе душою: любить, быть любимымъ, и обладать тѣмъ, кого любишь, обладать такъ, чтобы ни свѣтъ, ни люди, ни судьба, ни гробъ не могли оторвать его у насъ, поклонились намъ, и сказали: *онъ твой, они твоя!*

Одними изъ усладительныхъ минутъ бытія были отважожъ для Вильгельма минуты, посвященныя имъ

мечтанію, какъ будто не довольно еще было ему дѣйствительной жизни. Но это были не мечты сжигающей, неудовлетворенной поэзіи, послѣ которыхъ такъ устаютъ человѣкъ, какъ будто слеталъ въ небо и утомился дальнимъ путемъ. Не были это и тѣ мечты жизни, похожія на воздушную думу человѣка, брошеннаго въ темницу — мечты о томъ, что *было прежде*, что *будетъ потомъ*, когда звѣно *настолицаго* вырвано изъ жизни человѣка, и онъ неосуществляемыми, ненадежными мечтами хотѣлъ связать для себя свое бытіе, а между тѣмъ ничего не видитъ во мракѣ темницы, и звонъ цѣпей напоминаетъ ему тяжкую существенность. Нѣтъ! мечтанія Вильгельма были усладительныя, самодовольныя разсчета богача, увѣреннаго, что настоящее принадлежитъ ему, забывшаго о тяжеломъ прошедшемъ, и потому только поминцующаго о тайнѣ будущаго, что это будущее улыбается ему радостно и весело, какъ другъ, какъ братъ настоящаго. Почти каждый вечеръ садился въ кружокъ Вильгельмъ, Генріэтта, обѣ старушки, матери ихъ, говорили, мечтали, спорили о томъ, какъ быть имъ счастливыми въ будущемъ. Всѣ соглашались въ томъ, чтобы оставить столицу, удалиться отъ ея шума и суеты. Но куда и какъ? Мать Вильгельма доказывала, что всего лучше жить въ маленькомъ городкѣ, родинѣ Вильгельма, и онъ соглашался съ этимъ, но хотѣлъ въ такомъ случаѣ купить запустѣвшую дачу барона. Мать утверждала, что дача эта слишкомъ дорога; Вильгельмъ спорилъ, что ее отдадутъ за бездѣнокъ, и что изъ нея можно извлечь большой доходъ; описывалъ, какой будетъ тамъ у нихъ скотный дворъ, садъ, гдѣ самъ онъ станетъ работать, пока Генріэтта станетъ смотреть за хозяйствомъ. «Не правда-ли, что все это будетъ мило, Генріэтта? Ты согласна?» — Куда

тебѣ угодно, милый Вильгельмъ!—отвѣчала Генріэтта, но, желала однакожь—настоящее дѣвичье желаніе—имѣть не огромную дачу, но маленькую мызу, въ родѣ Геснеровскихъ пастушескихъ жилищъ, гдѣ ночью свисталъ бы въ лѣсу соловей, на лугу паслись прелестныя коровы и барашки, а мѣстомъ жилища была маленькая хижинка, пріютъ любви и поэзіи. Она ни за что не хотѣла соглашаться съ Вильгельмомъ, который увѣрялъ, что съ этихъ поръ онъ перестанетъ писать стихи. На усиленные требованія Генріэтты не оставлять стиховъ, онъ отвѣчалъ, смѣясь, что готовъ писать, но — только колыбельныя пѣсни для своихъ дѣтей. Тутъ нескромному Вильгельму зажали ротъ маленькою ручкою, краснѣли, и не знали куда дѣваться, пока другіе собесѣдники смѣялись громко. «Ахъ, маменька!» говорилъ Вильгельмъ — наше городишко красивѣе, но понцемъ лучше еще милѣе мѣстечка!» — Мой другъ!—отвѣчала мать, вздыхая — я не поѣду изъ него никуда: тамъ отецъ твой, твои братья и сестры ждуть меня.. — И Вильгельмъ и Генріэтта бросались къ ней, умоляя ее не говорить, не упоминать объ этомъ.

Однажды, печально развернувъ Вильгельмъ печатный листокъ, въ которомъ завернуто было что-то купленное: это была театральная афишка.

— А! старый знакомый! я было и забылъ о тебѣ — говорилъ онъ, пробѣгая афишку, и съ удивленіемъ прочиталъ онъ въ концѣ ея:

«Дирекція театра спѣшитъ извѣстить почтенную публику, что въ скоромъ времени дана будетъ новая трагедія, сочиненіе г-на Рейхенбаха, автора Арминія: *Эдельвина*, въ пяти дѣйствіяхъ, съ новыми декораціями и костюмами.»

— Что такое, Вильгельмъ? Твоя новая трагедія?

Какъ-же, безсовѣстный, ты и не сказалъ мнѣ?—спрашивала Генріэтта.

Вильгельму показалось, что привидѣніе жизни мелькнуло въ это время мимо его, съ своимъ злодѣйскимъ лицомъ, съ своею демонскою улыбкою, и въ дурацкой шапкѣ, обвѣшенной побрякушками. *Эдельвина* была та самая трагедія, въ которой изобразилъ онъ идеаль Элеоноры, въ бытность свою на родинѣ. Мы забыли сказать, что Вильгельмъ докончилъ эту трагедію, и отослалъ ее къ Директору. Директоръ ничего не отвѣчалъ на его посылку, и Вильгельмъ вовсе забылъ теперь о своей *Эдельвинѣ*.

Когда вдругъ узналъ онъ, что эту трагедію уже приготовились давать на театрѣ, сердце у него повернулось: все вспомнилъ онъ, и — Богъ знаетъ что согласился-бы онъ дать за то, чтобы Эдельвина его не была играна!

— Я понимаю тебя, Вильгельмъ: ты приготовлялъ мнѣ *сюрпризъ*, ты хотѣлъ удивить меня, и какъ неловко открылась вся твоя тайна! — говорила Генріэтта, смѣясь. — Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ надобно награждать себя за тѣ глупыя мученія, какія перенесла я во время представленія твоего Арминія; въ самомъ дѣлѣ, какъ нелѣпо думать, что Вильгельмъ меня не любитъ, что онъ любитъ другую, какъ будто это возможно! Ну, Вильгельмъ! говори-же, признавайся во всемъ — что это за Эдельвина?

Она говорила такъ весело, а Вильгельмъ думалъ: «Неужели нѣтъ ни счастья, ни свѣта безъ тѣни? Должень-ли я все сказать Генріэттѣ, ужаснуть ее моимъ рассказомъ, открыть ей тайную мысль, на которой основана эта гадкая трагедія?

— А! ты приготовлешься опять сплутовать: какъ хорошо я узнала тебя, Вильгельмъ! Такъ хорошо, что могу угадывать все, что происходитъ въ душѣ твоей!

«Признаюсь тебѣ, милый другъ, что я самъ вовсе забывъ объ этой трагедіи, и увѣряю тебѣ, что сердечно желалъ-бы видѣть ее брошенною. Она сочинена въ то грустное время, когда мы разстались съ тобою; она такая нелѣпал — и мысль чужая: это жалкое подражаніе Шекспировой *Ромео и Юліи*.

— Я не знаю этой трагедіи — мнѣ совѣстно признаться тебѣ, что я почти не знаю Шекспира. Расскажи мнѣ содержаніе этой ея трагедіи, и какъ ты передѣлалъ ее по своему. Милый другъ! я попрошу тебя потомъ сказать мнѣ, что надобно мнѣ прочитывать еще, чтобы понимать все, о чемъ ты иногда говоришь мнѣ; хочу, чтобы ты не краснѣлъ отъ моего невѣжества, хочу знать...

«Ахъ! лучше не знать многого» — думалъ Вильгельмъ — и онъ началъ рассказывать Генріэттѣ содержаніе *Ромео и Юліи*, говорилъ съ жаромъ, краснорѣчиво.

— Вильгельмъ! неужели таковы всѣ творенія Шекспира? — спрашивала Генріэтта. — Дай мнѣ ихъ поскорѣе — хочу читать. Но какъ-же ты передѣлалъ Шекспирову трагедію?

Въ замѣшательствѣ началъ объяснять Вильгельмъ планъ и содержаніе Эдельвины, «Что же милый другъ! мнѣ кажется это еще лучше Шекспировой трагедіи? Какъ это хорошо! Она хочетъ умереть, чтобы ожить послѣ того для одного милаго ей человека — она была дочь короля, и хочетъ быть только *Эдельвиною*, и жить только для поэта, обладателя души ея! Право, это лучше ссоры Монтековъ и Капулетовъ и случайной смерти Шекспировыхъ любовниковъ»...

— Но мнѣ не правится, мнѣ не хотѣлось бы издавать ничего печальнаго, когда я самъ такъ веселъ и счастливъ... И притомъ стихи въ этой трагедіи

такъ не отдѣланы, такъ плохи, такъ набросаны — я боюсь что ее освищутъ — я совсѣмъ не думалъ что-бы Директоръ поспѣшилъ поставить на сцену Эдельвину. Какіе спекулянты! Потому, что мое имя немного извѣстно, что оно можетъ дать нѣсколько лишнихъ талеровъ театальной кассѣ... Но я стараюсь, чтобы Эдельвины не представляли... И — знаешь-ли, милый другъ — положимъ, что это мой капризъ — если и будутъ давать ее, мы не поѣдемъ съ тобою...

«Почему-же, Вильгельмъ? Мнѣ хотѣлось бы слышать и видѣть, какъ публика съ восторгомъ принимаетъ твое созданіе.

— А если въ твоихъ глазахъ освищутъ меня? Тогда что?»

«Этого быть не можетъ, а если-бъ и было — я стану утѣшать тебѣ, и ты увидишь, что мнѣ все равно ты милъ — и расхваленный, и освищенный.»

— Утѣшать! ха, ха, ха! — Но знаешь-ли, милая Генріэтта, что съ тѣхъ поръ, какъ ты моя, всякая извѣстность, всякій шумъ и крикъ публики и людей сдѣлались мнѣ скучны, несносны? Я желалъ-бы жить только для тебя, чтобы никто, кромѣ тебя, ничего не зналъ обо мнѣ, никто не думалъ обо мнѣ... На что намъ люди? На что мы имъ? — Генріэтта! мы не поѣдемъ на представленіе Эдельвины, если и будутъ ее давать. Ты увидишь, что въ этотъ вечеръ буду я веселѣе обыкновеннаго, не думалъ ни о чемъ, кромѣ тебя....

«Какъ тебѣ угодно, милый другъ. Неужели ты полагаешь, что я буду когда нибудь думать о томъ, о чемъ ты не думаешь, или хотѣть того, чего ты не хочешь?»

Разговоръ прекратился, но Вильгельмъ былъ недоволенъ, ни собою, ни этимъ разговоромъ. Онъ

сознавался самому себя, что был неискрененъ съ Генріэттою. Это мучило его. И кроткое согласіе на все, чего хочетъ Вильгельмъ, и безотчетная въра во все, что онъ говоритъ, возвышала Генріэтту, унижали его въ собственныхъ его глазахъ. «Но я плачу всѣмъ этимъ за прошедшія безумства» — думалъ онъ — «и клянусь тебѣ, Генріэтта! что отнынѣ не будетъ ни одной мысли въ душѣ моей, которая осталась-бы тайною для тебя!»

Онъ рѣшился повидаться съ Директоромъ, и постараться уговорить его — не давать Эдельвины. Надобно было идти.

«Ба, ба, ба! Рейхенбахъ! Давно-ли, откуда, бѣглець?» восклицалъ Директоръ, обвинялъ Вильгельма.

— Только дня съ два, какъ я воротился сюда. Дѣло было очень простое: я получилъ извѣстіе о жестокой болѣзни моей матери, и поскакалъ домой, не успѣвши даже проститься съ вами.

«Ну, а теперь маменька ваша?»

— Она здорова.

«Сердечно радъ.»

— Послѣ того мнѣ вздумалось проѣхатья немного...

«И вы не безъ пользы проѣхались, если на дороге встрѣтило васъ вдохновеніе, внушившее вамъ Эдельвину...»

— Да, эту трагедію...

«Знаете-ли, Рейхенбахъ, что это высокое созданіе, что это новый, блестящій шагъ отъ Арминія? Князь въ восторгъ отъ Эдельвины. А вы читали, что пишутъ въ *Моргенблатт*, въ *Абендцейтунг*?»

— Я ничего не читалъ изъ газетъ во все это время. Но почему узнали эти колокольчики?

«Виновать — я послалъ имъ отрывки.

— Вы очень дурно услужили мнѣ, любезный Директоръ. Знаете-ли, о чемъ хотѣлъ я просить васъ:

нельзя-ли не ставить Эдельвины и уничтожить рукопись?»

«Какъ? Что такое?»

— Уничтожить вовсе Эдельвину, потому, что я весьма недоволенъ этою пьесою.

«Любезный Рейхенбахъ! вы бредите, сами не зная что. Это превосходное созданіе, говорю я вамъ, и Князь отъ него въ восторгъ...»

— Хоть-бы сто князей.

«Публика ждетъ съ нетерпѣніемъ.

— Я напишу вамъ другую; у меня множество плановъ...»

«Очень хорошо, но возвратитъ Эдельвины невозможно.

— Я прислалъ ее къ вамъ только посмотреть, сказать ваше мнѣніе, но не просилъ принять въ репертуаръ.

«Публика и Критика скажутъ вамъ свое мнѣніе, вмѣсто меня. Присылку окончанія я почелъ за согласіе ваше. Моя дружба къ вамъ давала мнѣ право своевольничать — я проболтался Князю — признаю, впрочемъ себя виноватымъ, но неужели между нами надобны объясненія? Чего хотите вы теперь, Рейхенбахъ? Браньте, бейте меня — только вернуть нельзя...»

— Какая досада!

— За успѣхъ я ручаюсь. Опять ничего не жалѣли на обстановку; подмостки подгорожены такія, что и слѣпой увидитъ вашу Эдельвину съ высоты ихъ... Да, бишь — вы думаете, что изящное не требуетъ никакихъ приготовленій... Но, скажите, ради Бога: за что вы не влюбились Эдельвины вашей?»

— Такъ.. право, такъ... Мнѣ кажется..

«Просто — прихоть поэта. Охъ! вы мнѣ, господа! Дать въ руки директору театра прелестное созданіе, и хотѣть потомъ вырвать у него! Что я за дуракъ буду!

— Вы все шутите.

«А вы что - то не въ духѣ, разстроены, Рейхенбахъ. Скажите, что съ вами сдѣлалось... Кстати, объ условіяхъ за Эдельвину...»

— Нельзя ли хоть отсрочить ее на неопредѣленное время? Вѣдь еще сказано только, что ее дадутъ въ непродолжительномъ времени.

«Помилуйте! Да развѣ вы не читали вчерашней афишки? Мы даемъ ее въ воскресенье. Вотъ, посмотрите.»

Директоръ вытаскилъ афишку. «А если бы вы знали, чего стоило мнѣ поладить съ этой проклятой Элеонорой...»

— Что-же такое? Она играетъ?

«Да, играетъ. Она совсѣмъ сдѣлалась сумасшедшею, послѣ своей послѣдней болѣзни. Доктора боятся ужасно за ея здоровье. Не можете вообразить, что за прихоти, что за мученье съ нею! Сперва отдыху не давала, чтобы играть Эдельвину — сбивала съ ногъ Барона, мени; потомъ вдругъ не хочетъ играть; потомъ опять хочетъ... Признаюсь, что на всякій случай, я вельмъ выучилъ роль Жоржеттъ. Чего добраго! Въ день представленія Элеонора вздумаетъ отказатьсь, и я буду зарѣзанъ... Но вы слышите?»

— Я постараюсь чаще видѣться съ вами, любезный Директоръ...

«Гдѣ вы живете теперь?»

Они распрощались. До воскресенья оставалось только два дня.

— Ну, чортъ ихъ побери! Пусть что хотятъ, то дѣлаютъ. Я не пойду въ театръ, и не скажу ничего Генріэттъ. Слышно вздумать: иной воображаетъ мени теперь въ восторгъ отъ представленія моей глупой трагедіи, а я, право, дорого-бы даль, если бы могъ ее уничтожить...

Въ самомъ дѣлѣ, Вильгельмъ не пошелъ ни къ ко-

му, не явился ни куда. Онъ просидѣлъ все дни дома; никто не посѣщалъ его; слышно было, что Рейхенбахъ пріѣхалъ, и півки литературныя и журнальныя бѣгали, искали его, но не нашли нигдѣ.

Только поутру въ воскресенье, къ Вильгельму явился одинъ молодой литераторъ, съ которымъ онъ сошелся довольно хорошо прежде. Это была добрая, чистая душа, плохой поэтъ, но честный, благородный человекъ. Онъ видѣлъ въ Вильгельмѣ второго Шиллера, второго Шекспира, и часто надѣдалъ ему своими громкими похвалами. «Полноте, Шлиппе,» говорилъ ему Вильгельмъ — «вѣдь это лезть.»

— Лезть! — восклицалъ Шлиппе съ восторгомъ — лезть! когда я поклянусь всѣмъ, что только есть для меня святаго, что говорю отъ чистаго сердца, и тотъ бездѣльникъ, кто станетъ спорить...

Нельзя было сердиться на добраго Шлиппе.

— Боже мой! г-нъ Рейхенбахъ! Васъ-ли я вижу? Да, какъ-же это можно — не сказать, не извѣстить, и еслибы сегодня не попался я къ Директору, то и не зналъ-бы, что вы здѣсь — я бѣжалъ опростетью. — Такъ восклицалъ Шлиппе, обнимая Вильгельма, и потомъ поспѣшались разспросы.

Тутъ замѣтилъ Шлиппе г-жу Рейхенбахъ, смѣшавшись, спросилъ Вильгельма: «кто эта дама?»

— Это маменька моя.

«Ваша маменька? Боже великій! позвольте мнѣ рекомендоваться вамъ, счастливая родительница великаго поэта!»

И онъ замѣтилъ Генріэтту. «А это вѣрно ваша сестрица? Я тотчасъ угадалъ по удивительному сходству лица...»

— Не совсѣмъ угадали, любезный г-нъ Шлиппе. Это моя невѣста.

«Ваша»... Шлиппе выпучилъ глаза.

— Моя невеста. Что-жъ тутъ удивительнаго?

«Невеста поэта! Вы, счастливецъ? вы любимы?»

— Кажется.

«Вы называете своею ту, которая всего милѣе вамъ на свѣтъ... А! едва могу удержаться отъ слезъ радости! Наконецъ, сбылись вдохновенныя мечты поэта...»

Восторги Шлиппе были такъ искренны и добродушны, что всѣ хохотали отъ чистаго сердца, и онъ захохоталъ самъ. Его оставили обѣдать, и онъ остался, хоть клялся, что далъ слово въ три мѣста: къ одному больному, котораго надобно утѣшить; къ старухѣ теткѣ, прескучной воркунѣ, и къ одному поэту, который хотѣлъ читать свое новое, преглуное твореніе. Но Шлиппе отъ всего былъ въ восторгѣ.

Вильгельмъ едва могъ увѣрить Шлиппе, когда сказалъ ему, что не поѣдетъ въ театръ. Шлиппе за три дня досталъ уже себѣ билетъ, но Вильгельмъ сказалъ, что чувствуетъ себя нездоровымъ — вралъ послѣ того разныя причины, когда Шлиппе не вѣрилъ — сказалъ наконецъ, что у нихъ вышло неудовольствіе съ Директоромъ.

— Съ этимъ добрыйшимъ человѣкомъ! Боже мой! возможно-ли это? И какъ-же онъ сегодня еще говорилъ объ васъ съ такимъ восторгомъ?

«Мы и помиримся съ нимъ скоро.»

— Но ваша милая невеста? Какъ-же ей-то не видать вашего торжества? Какъ не подѣлиться вамъ съ нею....

«Неужели вы не чувствуете наслажденія въ этомъ пожертвованіи блескомъ и суетою уединенію любви и счастья?..»

— Ахъ! какая поэтическая мысль! Въ самомъ дѣлѣ — когда все гремитъ и рукоплещеть..... поэтъ въ тишинѣ своего уединенія... Послушайте: позвольте-же мнѣ возвратиться къ вамъ изъ театра, быть вѣст-

никомъ вашего торжества, насладиться послѣ того зрѣлищемъ поэта, торжествующаго славу при счастья любви...

«Въ самомъ дѣлѣ, пріѣзжайте къ намъ изъ театра, г-нъ Шлиппе.»

Къ удовольствію Вильгельма, этого разговора не слыхалъ никто. Онъ просилъ Шлиппе не сказывать Генріеттѣ и другимъ о томъ, что въ этотъ день дають Эдельвину. Въ шесть часовъ вечера, Шлиппе разстался съ нашими друзьями, давая таинственные знаки головою Вильгельму, что онъ хранитъ тайну.

Что чувствовалъ однакожъ Вильгельмъ, оставаясь дома, но зная, что въ это время, при многочисленномъ собраніи зрителей, играютъ его *Эдельвину*, судить его новое созданіе? Къ чести поэта нашего, скажемъ, что онъ философически рассуждалъ самъ съ собою о суетѣ міра и мірскихъ похвалъ; что у него вовсе не являлось въ душѣ сожалѣнія, почему онъ не свидѣтель своего торжества. Онъ былъ веселъ и милъ, какъ будто ничего не зная. Впрочемъ, не было-ли этому причиною что нибудь постороннее? Не думалъ ли онъ, въ какое странное положеніе поставилъ бы себя, если-бы видѣлъ на сценѣ Элеонору, и Элеонора высказывала бы ему, въ присутствіи Генріетты, странныя отношенія, въ какихъ недавно онъ къ ней находился, и зрители рукоплескали этому.... Все такъ, но неужели не простимъ нашему поэту, что несмотря на всю свою философію, онъ нѣсколько разъ смотрѣлъ на часы, и думалъ: «Теперь кончилось первое дѣйствіе — теперь, вѣрно, начали третье — теперь оканчиваютъ четвертое — понравится ли имъ сцена 3-я IV-го дѣйствія?»

Онъ былъ разсѣянъ, и Генріетта раза два говорила ему: «Здоровъ-ли ты, милый другъ? Отъ чего ты такъ задумчивъ?» Вильгельмъ начиналъ смѣ-

яться, но когда, по расчету его, Шлиппе долженъ былъ явиться изъ театра, Вильгельмъ нетерпѣливо ждалъ его. Раздался звонъ колокольчика, и Вильгельмъ вскочилъ съ своего мѣста, громко вскричавши: «Это Шлиппе!»

— Шлиппе? Развѣ онъ хотѣлъ еще захватить къ намъ сегодня, такъ поздно?

«Да, да» — Вильгельмъ старался успокоиться, казаться равнодушнымъ.

Но колокольчикъ звенѣлъ столь сильно, какъ будто кто нибудь рвалъ его.

«Что съ нимъ сдѣлалось? Не одурѣлъ-ли онъ?»

Тутъ вбѣжалъ въ комнату Шлиппе. Вильгельмъ хотѣлъ съ невозможнымъ стонческимъ равнодушіемъ встрѣтить гостя, и пошелъ къ нему на встрѣчу. Но Шлиппе почти оттолкнулъ его, бросился въ кресла едва не задыхаясь, не могъ выговорить ни одного слова, блѣдный, съ растрепанными волосами. Всѣ испугались.

— Что съ вами сдѣлалось, г-нъ Шлиппе, любезный Шлиппе?

«Я вышелъ изъ ада — злодѣи, изверги, чудовища, мерзавцы — проклятіе на всѣхъ — анагема директору, актерамъ, актрисамъ, всѣмъ, начиналъ съ зажигателя лампъ!»

Отчаяніе Шлиппе было такъ забавно, что Вильгельмъ расхохотался, тѣмъ болѣе, что Шлиппе со-всѣмъ не думалъ шутить.

«Онъ смѣется!» воскликнулъ Шлиппе — «Онъ смѣется, не зная, что причиною моего отчаянія! Знайте, м. г., знайте» — Шлиппе вскочилъ, вытянулъ руку, сказалъ глухо и мрачно — «*Ваша пьеса..... упала!*» и опять сѣлъ въ кресла, закрылъ глаза рукою.

— Упала? — спросилъ Вильгельмъ, измѣнившимся голосомъ; невольно перемѣнился онъ въ лицѣ.

Но это мгновенное движеніе продолжалось одну минуту; потъ прошибъ Вильгельма; щеки его, поблѣднѣвшія отъ досады, вспыхнули. Съ видомъ совершеннаго спокойствія, даже съ усмѣшкою, прибавилъ онъ: «Отъ чего же тутъ отчаяваться, любезный Шлиппе? Публика женщина, — старушка прихотливая.....»

«Боже мой! Какъ же не отчаяваться, если ваша пьеса была освистана неблагодарною, безстыдною публикою — *ваша пьеса*.... Что-жъ послѣ того!»

— Успокойтесь, успокойтесь. Расскажите намъ, и вѣрьте, что самъ сочинитель, первый вовсе не гнѣвается за неудачу.....

«И вы можете наказывать презрѣніемъ этихъ варваровъ, г-нъ Рейхенбахъ, потому, что тутъ видѣнъ былъ лживый умыселъ, заговоръ.....»

— Неужели!

«Всѣ порядочные люди возстали противъ заговорщиковъ — я не жалѣлъ ни горла, ни рукъ..... по съ роду не слыхивалъ я подобнаго, гадкаго заговора»

— Расскажите намъ все это порядкомъ.

«Дайте собраться съ силами. Видите: во-первыхъ театръ былъ полонъ, нѣгдѣ было яблону упасть, какъ говорится, все освѣщено, все шумитъ, все ждетъ Барона и Князя; наконецъ все выходитъ изъ терпѣнія, бьетъ въ ладоши, кричитъ, а они не ѣдутъ — семь часовъ, половина восьмого — ихъ нѣтъ! Тутъ является кака-то фигурка, и объявляетъ, что г-жа Элеонора играть не будетъ, а роль ея передана жалкой Жоржеттѣ, этой ободранной, пискливой кошкѣ, насмѣхъ надъ Трагедіею! Надобно было слышать и видѣть, что тогда поднялось!.... Но играетъ музыка, открывается занавѣсъ; первое дѣйствіе обыкновенно слушаютъ тихо, а со втораго раздается — раздается шипѣнье — потомъ, потомъ свистокъ,

другой, третій, — хохоть! Сначала это изумило, хохотъли заставить молчать, но свистало пятьдесятъ человѣкъ, шикало двѣ сотни, и такъ грубо, и такъ дерзко, что наконецъ началась явная ссора: гдѣ хлопали одни, тамъ свистали другіе. Жоржеттъ невозможно было появиться на сценѣ; всѣ начали хохотать, и пятое дѣйствіе было любовнытъме между зрителями, нежели на сценѣ — поднялись споры, шумъ, крикъ, полетѣли яблоки, зашевелились палки. Тутъ дошло до оплеухъ, пришла полиція. «Долой трагедію!» закричалъ кто-то; яблоки посыпались на сцену; въ Жоржетту бросили цѣлымъ пирогомъ, и занавѣсъ опустили, при ужасномъ шумѣ, драмѣ, и — вотъ вамъ исторія того несчастнаго происшествія, котораго былъ я свидѣтелемъ.....

Шлиппе вскопчалъ съ своего мѣста. «Что это, любезный Шлиппе — спросилъ Вильгельмъ, замѣтивъ, что у него разодранъ фракъ — у васъ фракъ изодранъ?»

— Какъ! А я и не замѣтилъ — извините. Да въдѣ я тамъ былъ не изъ послѣднихъ, сражавшихся за васъ.....

«Кулаками?»

— Нѣтъ! я билъ палкою.

Тутъ всѣ захохотали, и благодаря этому, Вильгельмъ скрылъ свое смущеніе, сдѣлался шутливъ, весель. Никто не подумалъ-бы, смотря на маленькое общество нашихъ друзей, что это сочинитель, освистанный, обруганный въ тотъ самый вечеръ, и его семья.

Но когда на другой день, поутру, мать пришла къ Вильгельму, она засгала его въ глубокой задумчивости.

— Неужели, Вильгельмъ, ты печалишься о своей вчерашней неудачѣ?

«Признаюсь, милая маменька — такая злость, та-

кая черная неблагодарность, какую оказали мнѣ люди, неволью приводить меня въ смущеніе. Не этили самые люди превозносили меня до небесъ, писали, кричали.....

— Они и теперь кричать.

«Моя трагедія была совсѣмъ не такъ дурна, чтобы ее обругать, уничтожить.....»

— Но въдѣ за нее были и защитники. Наглость всегда возьметъ верхъ надъ скромнымъ сужденіемъ ума; свистокъ заглушитъ десять рукъ, и явно, что крикуновъ нарочно ввели въ театръ.

«Вы еще не знаете всего, что было въ послѣдствіи. Вотъ три бумаги, которыя получилъ я сегодня. Выслушайте:

«Директоръ Княжескаго Театра симъ честь имѣетъ «извѣстить г-на Вильгельма Рейхенбаха, что въ слѣдствіе происшедшихъ при представленіи трагедіи «его *Эдельвина*, безпорядковъ, послѣдовало повелѣніе Его Свѣтлости, чтобы она трагедія была исключена изъ репертуара, и слѣдующая за принятіе оной сумма не была сочинителю выдаваема. «Почему, извѣщая о послѣдовавшемъ распоряженіи, «Директоръ честь имѣетъ препроводить при семъ «рукопись вышеозначенной трагедіи, и покорвѣйше «проситъ снабдить въ полученіи оной роспискою.»

— Что-жъ за бѣда, милый другъ? Ты самъ не хотѣлъ, чтобы ее представляли.

«Не хотѣлъ, но не хотѣлъ, чтобы мое твореніе было предано на позоръ уличныхъ бродягъ. Слушайте далѣе — еще бумага:

— Оберъ - кригсъ - рать полицей-референтъ симъ честь имѣетъ извѣстить г-на Вильгельма Рейхенбаха, что въ слѣдствіе послѣдовавшаго повелѣнія Его Свѣтлости, запрещается ему г-ну Рейхенбаху печатать, продавать, а равно и распространять въ рукописныхъ копіяхъ, сочиненную имъ трагедію: *Эдель-*

вина, какъ сочиненіе вредное для общественной нравственности, ибо въ ономъ представляется дочь нѣкогого сильнаго владѣтеля, вопреки отцовской воли, желающая заключить неравный бракъ, принимающая усыпительный порошокъ, обманывающая притворною смертію, и потомъ прекращающая жизнь свою самоубійствомъ, чѣмъ всѣмъ унижается санъ королевской дочери. Если же означенная трагедія напечатается гдѣ либо внѣ владѣній Его Свѣтлости, Сочинитель долженъ доказать, что онъ не имѣлъ въ томъ никакого участія. Для дачи же по всему сему распоряженію росписки имѣеть г-нъ Рейхенбахъ явиться къ г-ну Оберъ-крюгс-ратъ-полицей-референту.

«Вотъ это непріятно, Вильгельмъ!»

— Только непріятно? А не оскорбительно, не бросаетъ мрачной тѣни на чело́вѣчество? Дослушайте все до конца; третья бумага:

«Канцелярія его высокопревосходительства, г-на барона фонъ-Калькопфа, симъ честь имѣеть извѣстить г-на Вильгельма Рейхенбаха, что по поводу неявки его къ должности, и изданнаго имъ предосудительнаго сочиненія, вреднаго для общественной нравственности, онъ г-нъ Рейхенбахъ уволенъ отъ должности главнаго надзирателя надъ чернильницами въ канцелярія его высокопревосходительства, съ лишеніемъ слѣдовавшаго по оной жалованья, и правъ на пенсію.»

— Какъ вамъ кажется все это, милая маменька?

«У тебя сильные враги, которые жестоко преслѣдуютъ тебя.»

— Я такъ рано получилъ сегодня всѣ эти бумаги, что ихъ не могли приготовить, ни получить повелѣнія князя послѣ паденія моей трагедіи. И кто судилъ ее? Кто осудилъ меня?...

«Утѣшься, милый другъ—вѣрь, голосъ безпристра-

стія оправдаетъ тебя. Князь въ заблужденіи; ты оклеветанъ....

— Могу-ли доказать Князю свою невинность? Пробьюсь-ли я съ моимъ оправданіемъ въ его чертоги? Голосъ безпристрастія!... Посмотрите, посмотрите: вотъ листокъ сегодняшней газеты, и — подлецъ издатель, прежде ползавшій передо мною, ругаетъ меня нагло, безстыдно! И пусть бы ругалъ онъ мое сочиненіе — нѣтъ! онъ задѣваетъ меня, говоритъ личности, со всѣми отвратительными журнальными манерами! Вотъ въ *Слѣси* анекдотъ о какомъ-то Китайскомъ поэтѣ, котораго бьютъ палками за освистанную трагедію! Вотъ двѣ эпитаграммы на Тибетскаго драматическаго писателя, гадкія по стихамъ, плоскія по смыслу:

Утѣшься, что твоя освистана трагедія!

Свистокъ — что за беда? Что значить онъ? *Дуракъ!*

Вотъ оплеуха-бы... худая то комедія —

Ползика, братъ, назадъ съ Парнасса, будто ракъ!

Можно-ли выдумать что нибудь гаже, отвратительнѣе? А вотъ и клевета литературная:

«Говорятъ, что недавно въ Кохинхинѣ издали трагедію. Сочинитель ея, Тши-Хоанъ, Рейхъ-ехенъ-бахъ-Дзи назвалъ ее: Эдель-пши-виндъ-тха; но зрители скоро увидѣли, что это плохое подражаніе какому-то Британскому поэту, по имени Шекспиру, освиستاني бѣднаго Рейхъ-ехенъ-бахъ-Дзи, и на другой день изданы были слѣдующіе стихи:

То-то палкой отвалитъ-бы,

Съ приговоркой: «Ахъ, уродъ!

Не берись за переводъ,

Не воруй съ чужой усадьбы,

И чужаго за свое

Выдавать не смѣй, воршика!

Будь глупа твоя хоть книжка,

Только будь она твое!»

«И вы хотите, маменька, чтобы судъ безпристрастія слышанъ былъ среди этого вопля невѣжды,

крика и насмѣшекъ подлецовъ, клеветъ, злобы, насмѣшекъ, праздности и лѣности ума и сердца?

— Но ты ничего не хочешь, ничего не требуешь отъ нихъ, а время отдасть тебѣ справедливость.

«Ахъ! вы тронули больную сторону моего сердца... Эта несчастная недовѣрчивость, которая такъ терзала меня, которая заставляла меня тысячу разъ отказываться отъ всякой поэзии, отъ всего, что почиталъ я въ другое время своимъ назначеніемъ... Маменька! говорю съ вами, какъ съ своею совѣстью— успѣхъ мой въ свѣтъ и литературѣ, я начиналъ наконецъ почитать заслуженнымъ, добытымъ моими дарованиями, моими достоинствами, начиналъ забывать, какъ составилъ онъ... Я осмѣливался думать, что я поэтъ, истинный поэтъ по призванію; мнѣ казалось уже, что люди сознаются отъ души, что они побѣждены мною... Сказать-ли? Теперь вижу я, съ ужасомъ вижу, что не мое собственное достоинство вознесло меня, не мнѣ поклонилась эта безсмысленная толпа... Интрига директора театра, прихоть актрисы, слабость старика вельможи, своекорыстный крикъ журналовъ, жалкое усиліе безталантности, спекуляцій и подлости уцѣпиться за меня, и выползти за мною, и глупость толпы, которая сама не знаетъ что ругаетъ, что хвалить — вотъ, что составило мою извѣстность, мою славу... И чтожъ я послѣ того въ собственныхъ глазахъ моихъ...»

«Дитя мое...»

— Позвольте, мамсенька: я буду умѣть перенести все это униженіе, не забочусь о мнѣніи другихъ, но вотъ только съ какимъ условіемъ: отнынѣ живу я для Генриэтты, для васъ, для любви и дружбы, для уединенія, далеко отъ людей, тамъ, гдѣ не могутъ они видѣть меня, и — клянусь...

«Не клянись, Вильгельмъ, если ты хочешь от-

казаться отъ своихъ любимыхъ занятій. Совершенный отецъ— вотъ таковъ-же былъ онъ (это напоминаше было однимъ изъ любимыхъ напоминаній старушки) — точно таковъ-же! Также бывало— въ восторгъ отъ людей, отъ душъ, сердецъ ихъ; кто нибудь обманетъ его, и — онъ отказывается отъ всего міра...

— Но мнѣ-ли идти на позоръ, на судъ къ этимъ людямъ?

«Извини, а у отца твоего и у тебя говорило и говорить, какъ мнѣ кажется, оскорбленное самолюбіе, и— больше ничего. Станные вы люди: презираете мнѣніемъ невѣждъ, и дорожите имъ; посвящаете всю жизнь предпріятію, и въ отчаяніи отъ первой неудачи. Надобно-ли быть добрымъ только при счастьи? — Почему не заниматься для самого себя, не думать, что хорошее всегда найдетъ своего судью... Признайся, что вамъ надобно блеска, славы?... Ты счастливъ самъ въ себѣ, не имѣешь надобности въ людяхъ... Вотъ иное дѣло прежнее твое состояніе... Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ кажется...»

— Да, вы правы, маменька, и чѣмъ не одолженъ я вамъ — счастьемъ, миромъ души! Но, все однакожъ....

«Вотъ что кажется мнѣ теперь вѣрно, и чего надобно постараться избѣгнуть... Намъ едва ли можно будетъ поселиться въ нашемъ городишкѣ...

— Почему-же? Будто туда дойдутъ всѣ эти сплетни?

«Скорѣе, нежели ты думаешь, и какъ безъ толку тебя принимали и прославляли, такъ безъ толку осудятъ и пренебрегутъ. Въ столицѣ ты можешь еще укрыться, тебя забудутъ, побранятъ, поговорятъ, и только. Но въ уѣздномъ городкѣ нѣтъ спасенія: судъ тамъ безтолковѣе, грубѣе, безсовѣстнѣе; сплет-

ня тамъ долговѣчна, если не вѣчна, если не переживетъ тебя; не спрашиваютъ за что ругать—ругаютъ, клеветуютъ, указываютъ пальцами на улицахъ, отворачиваются при встрѣчѣ, не даютъ прохода женѣ твоей въ кирхѣ, дѣтямъ въ школахъ; всѣ двери отъ тебя заперты. Подумай укрыться — и ты будешь злодѣй, заговорщикъ, дѣлатель фальшивой монеты...

Маменька! какъ хорошо вы все это знаете!

«Потому знаю, что слишкомъ тяжело испытала все это — отвѣчала старушка вздохнувши. — Ахъ! добрый отецъ твой!... Предосторожности надобно намъ взять немедленно, и начать съ будущей твоей тещи.

— Вы меня ужасаете, маменька!

«О, не бойся—она у насъ въ рукахъ, и мы съ Генріэттою все изъ нея сдѣлаемъ, только надобно искусно дѣлать. Ты не замѣтилъ, что она вчера говорила, и какъ глядѣла, слушая разсказъ Шлиппе. Но мы такъ разувѣрили ее...»

— А Генріэтта, маменька, Генріэтта?

«Сомнѣніе въ этомъ ангелъ?

— Боже сохрани!... Но вы согласны—вы называете ее ангеломъ, маменька?

«Какъ-же иначе называть ее?

— Вы сами ангелъ, маменька!

«Право? А я и не знала этого. И ты можешь помышлять о людяхъ, о свисткахъ, когда въ будущемъ у тебя Генріэтта, любовь матерн, безопасное состояніе... Думаю такъ, милый другъ, что мы оставимъ въ скоромъ времени столицу, всѣ отправимся въ Гамбургъ, и потомъ расположимся, какъ намъ будетъ угодно.

— Да, маменька, я самъ думаю, что намъ не для чего оставаться теперь здѣсь. Богъ съ ними — я прощаю злымъ врагамъ, клеветѣ, подлости, но признаться-ли: я даже боюсь оставаться здѣсь, боюсь

за свою Генріэтту — за все, что можетъ выдумать злоба, разрушая мою честь, мое счастье...

«О, не бойся! Люди, право, не такъ злы, какъ мы думаемъ иногда...

— Дай Богъ!

Въ задумчивости ходилъ Вильгельмъ по комнатѣ, когда черезъ полчаса вбѣжала къ нему Генріэтта, милая, веселая, и бросилась въ его объятія.

— Милый другъ!

«Милый Вильгельмъ! дай мнѣ поцѣловать оставшаго сочинителя, отставнаго зрителя за чернильницами, человѣка, который пишетъ вредныя для нравственности трагедіи!

Они крѣпко обнялись.

— Какъ я рада, Вильгельмъ! Теперь ты просто мой Вильгельмъ — прости моему самолюбію...

«Какъ злы люди, Генріэтта!

— И ты не прощаешь имъ, безсовѣстный?

«Когда они отдали мнѣ тебя? Все, все прощаю! Миръ очарованія снова облекъ собою наготу дѣйствительности для Вильгельма. Тайное предчувствіе, отъ времени до времени, отзывалось въ душѣ его чѣмъ-то ужасающимъ. Но онъ глядѣлъ на Генріэтту, вспоминалъ слова доброй матерн: «О, не бойся—люди, право, не такъ злы, какъ мы думаемъ иногда» и прибавлялъ: «Дай Богъ, дай Богъ!»

А между тѣмъ...

Люди могутъ думать такъ, или не такъ — мы не станемъ рѣшать вопроса, но по праву, которое было дано *хромоногому бѣсу*, и теперь осталось только за декоратерами и расквасчиками, снимаемъ крышку съ того жилища, изъ котораго падали на Вильгельма гоненія, столь неожиданныя. Въ наше время и историка отказываются отъ размышленій, предпочитая простой разсказъ событій всѣмъ выводамъ,

какъ будто размышленія и изслѣдованія надобны имъ. Послѣдуюмъ общей модѣ. Въ самомъ дѣлѣ, гораздо яснѣе и лучше выходить, если на сцену являются живые люди, говорятъ, дѣйствуютъ, думаютъ сами за себя, нежели, когда описатель, самый краснорѣчивый, беретъ жить, дѣйствовать и говорить за нихъ. Притомъ, и переходъ изъ мирнаго жилища какой-нибудь Агаты въ Волчью долину, отъ прощанья любовниковъ къ дьявольскому литью пуль, лучше тревожить воображеніе, лучше заставляетъ расшевеливаться нашу всегдашнюю, обыкновенную лѣнь. Жаль, что не всегда, а очень рѣдко такіе переходы разсказа производятся при Веберовской музыкѣ. За то расказчикамъ дано право, не только вдругъ срывать крышки съ домовъ, видѣть внѣшнюю жизнь людскую, но въ то же время глядѣть и въ сердца ихъ—эти долины души, которыя такъ часто походятъ на Волчи, гдѣ такъ часто воютъ демоны, летаютъ привидѣнія страстей, и человѣкъ льетъ смертельныя орудія на погубель собрата. Послѣ этого грустнымъ покажется право расказниковъ заглядывать въ сердца человѣческія, и разсказывать потомъ, что видѣли мы тамъ, когда этимъ разсказамъ, какъ пророчеству Кассандры, человѣкъ не вѣритъ, пока не испытаетъ самъ на себѣ *когти демона*, облапившихъ сердце человѣчское.

Н. ПОЛЕВОЙ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЖЕЛАНІЕ ВѢРНОПОДДАННАГО,

ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ

Е. И. В. ГОСУДАРЯ ЦЕСАРЕВИЧА
НАСЛѢДНИКА,

17 АПРѢЛЯ 1838 ГОДА.

Чтобъ предкамъ Овъ своимъ былъ доблестью подобенъ,
Какъ ангель Александръ благъ, кротокъ и не злобенъ,
Чтобъ жизни святостью, какъ Невскій былъ герой.
Чтобъ шель примѣрною Родителя стогой!

ГР. ГОРОДЧАНИНОВЪ.

Казанской Губерн.
въ деревнѣ Мурашъ.

СМЕРТЬ ХРИСТИАНИНА.

(Из *Шуберта*.)

=

I.

«Мой кончень путь. И вотъ уже склоняю
Свою главу въ невѣдомую почъ!
И я умиру. Мой тусклый взоръ, который
Такъ часто предъ Всесильнымъ проливалъ
Любви святой невѣдомыя слезы,
Закроеть смерть холодною рукой.
Хотя во мнѣ природа челоуѣка
Дрожить, по не колеблосъ я: молю
Я Господа, чтобъ подалъ подкрѣпенье —
Меня уже всѣ силы оставляють.
Ахъ! Господи! молю: и отъ меня
Не отврати Ты свѣтлаго лица!

II.

«Я грѣшникъ, да, великій грѣшникъ!... Боже!
Но предъ Твоимъ священнымъ алтаремъ
Раскаляе принесъ я со слезами;
Рыдая, билъ себя во грудь; зывалъ
Я — «милостивъ мнѣ грѣшному Ты буди!»
Обуздывалъ порывы я страстей,
И бурю ихъ удерживать умѣлъ я;
Боролся я за вѣру, за Христа,
И ближнихъ я не оскорблялъ въ страдань —
Теперь, Ты зришь, о Боже! смерть близка.
Ахъ! Господи! молю: и на меня
Брось взглядъ благой отъ свѣтлаго лица!

III.

«Передъ Твоимъ величьемъ предстанеть
Сегодня духъ мой, и ничтожный прахъ
Покинеть онъ! Но грозный, неизмѣнный,
Твой строгій судъ меня ужъ не страшить —
Безъ робости передъ него явлюся:
Извѣстно мнѣ, я вѣрую въ Кого!
Смерть крадется все ближе, ближе, ближе.
И сердце мнѣ тѣснить уже она.
Господь Христосъ! прими въ свои объятя
Мой сирый духъ.» И онъ главой поникъ.
Послѣдній вздохъ изъ груди излетаетъ,
И духомъ онъ ужъ къ небесамъ парить.

Д. ЗАСЯДКО.

Июль, 1838.

Д. В. ДАВЫДОВУ.

=

Вотъ тебѣ, поэтъ - рубака,
 Вотъ тебѣ, лихой гусарь,
 Удамой пѣвецъ арака,
 Отъ меня ничтожный даръ!
 Не взыщи — вѣдь мнѣ съ тобою
 Мярлять силы не дано,
 И съ цѣвницей боевою
 Мнѣ тягаться мудрено.
 И къ чему жестокой пыткой
 Мучить струны безъ удачъ?
 Награди жъ меня улыбкой,
 Царой словъ твоихъ, усачъ!

С. СТРОМИЛОВЪ.

—————

МОЯ ГРОБНИЦА.

=

Я не хочу въ гробницѣ хладной
 Подъ жесткимъ мраморомъ лежать,
 Я не хочу въ темницѣ смрадной
 Тревожнымъ сномъ опочивать.

Хочу уснуть въ открытомъ морѣ,
 Улыбку смерти подсмотреть,
 И на свободѣ, на просторѣ,
 Подъ говоръ бури умереть.

Чтобъ надо мной ходили волны,
 Чтобъ смыли влагою живой
 Съ души, горячей страсти полной,
 Всѣ лзвы горести земной

Чтобъ говоръ ихъ живымъ потокомъ
 Мои печали заглушилъ,
 Чтобъ до людей на днѣ глубокомъ
 Мой смертный вздохъ не доходилъ.

Чтобъ жизни не было и слѣда,
 Чтобъ мертвецу среди морей
 Другаго не было сосѣда,
 Другихъ бы не было костей!

Хочу уснуть въ открытомъ морѣ,
 На вольной, дѣвственной волнѣ,
 Гдѣ я улгусь на просторѣ
 Въ неизмѣримой глубинѣ!

ЭДУАРДЪ ГУБЕРЪ.

—————

ПОЭТЪ.

=

I.

Какъ черныя тѣни, собираются тучи,
 И солнце задвинуть, слоями висять,
 Угромо, спѣсиво надъ боромъ дремучимъ,
 И воды недвижно въ потокъ стоять.
 Готовится битва. . . . Все тихо, безмолвно —
 Природа чего-то торжественно ждетъ,
 Не какъ посторонній, какъ зритель холодный. —
 Нѣтъ! матери чувство святое влечетъ
 Ее съ упованьемъ, со страхомъ, надеждой,
 На поприще брани стихій родной;
 Блистаютъ слезою скорбнѣя въжды,
 Исполнено сердце любви одной. . . .

Вотъ грянулъ, раздался могучимъ раскатомъ,
 Помчался приливою вдоль по небу громъ;
 Откликнулось эхо, какъжданному брату —
 Возстали на битву стихій, — кругомъ

Задвинулись тучи надъ синею влагой,
 Запѣвились волны, вскипѣли враждой,
 Ударили грудью, съ могучей отвагой,
 И дружно помчались съ Бореємъ на бой;
 Заискрилась пѣна въ устахъ разъяренныхъ;
 Ихъ груди — граниты, ихъ очи — волкапы!
 Рванулись, сшиблись другъ другомъ стѣспенцы,
 И дальше помчалась волна-великанъ,
 Безумною силой бунтуя, взрывая
 Высоко надъ влагой могучую грудь;
 Сквозь натиски вѣтра себѣ очищая
 Межъ дикихъ утесовъ воинственный путь.
 Все небо объято кровавымъ пожаромъ —
 Все пламенемъ пылится — горятъ небеса!
 Раскатъ за раскатомъ, ударъ за ударомъ,
 И молнии быстрой браздить полоса
 Навислыя тучи надъ мрачной землею;
 Какъ духъ разрушенъ, летитъ ураганъ:
 Деревья съ корнями, утесы грядою,
 И злобою дышитъ, и мчитъ на брань!

Посмотрите, горделивый,
 Рветъ въ воздухъ орель,
 Посмотрите, какъ спѣсиво
 Мечетъ взоры оны на доль,
 Какъ спокойно, самовластно
 Къ цѣли выпрепней парить,
 Какъ ильгитительно - прекрасный
 Смѣлъ его державный видъ!
 Грома сильныя раскаты
 Не гроза царю-орлу;
 Оны въперяетъ взоръ во мглу;
 Для него въ ней нѣтъ преграды —
 Нѣтъ препоны на пути;
 Пылокъ жаръ въ его груди,
 Быстръ и силенъ взоръ ормичный,
 Смѣлъ восторженный полетъ
 Надъ поверхностью пучины —
 Солнце вверхъ его зоветь!

Такъ съ тревогою житейской
 Мощно борется поэтъ,
 Такъ тревожный, мелкій свѣтъ,
 Вѣчно съ завистью злодѣйской
 Гонить пылъ души его.
 Но поэтъ свѣтлый гений
 Выше свѣта утѣсненій;
 Властью духа своего
 Побѣждая всѣ преграды,
 Мчится къ небу онъ орломъ:
 Тамъ могучаго награды —
 Тамъ его отцовскій домъ!

II.

Скажи: когда нисходитъ тѣнь густая
 На небосклонъ,
 И шумный день, отъ міра отлетая,
 Въ мракъ погружѣнъ,
 Зачѣмъ твой взоръ задумчивый приковаешь
 Тогда къ окну?
 Какой мечтой тревожной очароваешь,
 Онъ ждетъ луну?
 Скажи, мой другъ, въ часъ ночи молчаливой,
 Когда слегка
 Коснется вдругъ ланитъ зефиръ игривый,
 Зачѣмъ тоска
 Туманитъ взоръ твой, мыслью безпокойной
 Вдымаетъ грудь?
 Въ ней кровь кипитъ тревогой своевольной;
 Тогда вздохнуть
 Не можешь ты, а между тѣмъ отраднo
 Душой страдать?
 Скажи, зачѣмъ украдкою, такъ жадно
 Спѣшишь мечтать?
 Наверно въ грудь закралась знойной страстью
 Къ тебѣ любовь;
 Манитъ она невольнo къ сладострастью
 Младую кровь.

И отъ того той думой безотчетной
 Твой взоръ горитъ,
 И за мечтой любви мимолетной
 Твой духъ слѣдитъ.
 Но берегись! Она тебя обманетъ,
 Какъ мигъ пройдетъ,
 Скорый цвѣтка весенняго увянетъ —
 Не оживетъ!
 Не на землѣ привычная жилица,
 Здѣсь тѣсно ей:
 Она блеснетъ, исчезнетъ, какъ зарница,
 Въ мигъ отъ очей!....

А. ГЛѢЗОВЪ.

1838 года.

ЧУДНАЯ БОЛѢЗНЬ.

«Бабушка! къ тебѣ, родная,
 «Я пришелъ, подай советъ:
 «Вѣдь тебя молва людская
 «Доброй знахаркой зоветъ;
 «Болезнь я, но чѣмъ не знаю:
 «Все тоска меня беретъ,
 «Какъ ледъ вѣшій изнываю,
 «Что - то сердце мнѣ грызетъ;
 «Денегъ, кажется, довольно,
 «И здоровье Богъ мнѣ далъ;
 «Грѣхъ сказать чтобъ жить не волюю;
 «Никого не обижалъ.»
 Такъ, войдя въ избу, старухъ
 Робко молвилъ молодець.
 Ночь была, вылъ вѣтеръ глухо,
 У стола горѣлъ свѣтець.
 «Говорять, что ты умѣешь
 «Боль любовю извести,
 «Лишь захочешь, словомъ свѣешь,
 «Съ корнемъ вырвешь изъ груди.
 «Пошепчи жъ моя родная —
 «Буду въ вѣкъ благодарить;
 «Лишь прошла-бъ кручина злая,
 «Радъ хоть сотню заплатить.»

— «Богъ съ тобой! на что мнѣ плата?»
 Такъ старуха начала.
 «Хоть моя убога хата,
 «Въ ней я вѣкъ своей изжила,
 «Все мнѣ мило въ ней! Награды
 «За добро грѣшно мнѣ брать;
 «Всей душой тебѣ я рада,
 «Свѣтъ мой ясный, помогать.
 «Не здоровъ ты? Дай мнѣ руку,
 «Взглянь-ко прямо на меня.
 «Вотъ, даю тебѣ поруку,
 «Не вожусь съ нечистымъ я.»
 Молодець ей руку грустно
 Подаль; дряхлой головой
 Покачала — «Право, чудно,
 «Не въ домѣкъ недугъ мнѣ твой!
 «Слушай, выпей-ко водицы —
 «По душистымъ по лугамъ,
 «Я до утренней зарницы
 «Сбирала росу тамъ.
 «На, вотъ, выпей — только разомъ!
 «Вѣрь — тоска твоя долой.
 «Знать тебя не добрымъ глазомъ.
 «Кто-то смазиль, милый мой!
 «Ну, что, лучше-ли?» — Родная!
 Стало вдвое тяжелѣй —
 «Ну, такъ боль твоя плохая —
 «Нѣтъ лекарства противъ ней!
 «Она, соколъ ты мой ясный,
 «Жжетъ, пока не выжжетъ кровь.
 «Знай, что твой недугъ опасный
 «Называется — любовью!»

ВН. Д. КРОПОТКИНЪ.

НЕВОЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Я вижу очень, неумѣтна
 Поэзія души моей:
 Любить не должно такъ небесно
 Къ землѣ прикованныхъ людей.

Они, безъ лести, безъ искусства
 И быть любимы не хотять.
 Я испугалъ васъ силой чувства,
 Я васъ встревожилъ: виновать!

Такъ вамъ, въ душевномъ усыпленъ,
 Мой голосъ скорби, горькихъ мукъ,
 Любви чистѣйшей выраженъ,
 Былъ звукъ пустой, не виный звукъ.

Но этотъ звукъ — онъ не потерянь,
 Хоть не твердилъ вамъ: «не забудь!»
 И что онъ выразилъ, утѣреть,
 Поймете вы когда нибудь.....

Но я люблю васъ больше счастья —
 Я не желаю торжества:
 Не дай вамъ, Боже! безъ участъя
 Извѣдать муку сиротства!

В. НОРМСКІЙ.

СЧАСТЛИВИЦЪ.

Увы! за что ты счастлива такъ много!
 Скажи — какой обѣтъ святой,
 Какая чистая мольба къ престолу Бога
 Принесена была тобой?

Что на землѣ намъ кажется не наше,
 Что видимъ мы въ пролетныхъ грезахъ сна,
 Ничтожнаго земнаго счастья краше,
 Тебѣ судьбой та доля отдана....

Не съ пламеннымъ восторгомъ и слезами
 Ты приняла небесный эмиамъ,
 Но медленно, лѣнивыми руками
 Взяла его ты безъ хвалы богамъ.....

А знаешь ли, а чувствуешь ли ты,
 Что въ мирѣ ни чѣму удѣлу не ревнуя,
 Ни счастью любви, ни блеску красоты —
 Одной тебѣ завидовать могу я....

Н. ТЕРЮКИНА.

ТЩЕТНЫЙ СПОРЪ.

=

Грозно мстительной волною
Хлещеть море въ ребра скаль,
Съ ихъ гранитною бронейо
За раздолье спорить валъ.

«Здѣсь мнѣ тѣсно! Самовластно
Кто мнѣ путь загородилъ?
Я бѣ свободно, безопасно
Самъ - девять здѣсь проходилъ!»

«Прочь отсюда! — Дѣти моря
Здѣсь давно хотятъ гулять,
На наследственномъ просторѣ
Мощь да силу попытать.»

«А не то — дружиной ратной
Мы нагрянемъ — и тогда,
И въ лучинѣ необъятной
Не схороишь ты стыда!.....»

— Не сойду я! Вашей брани
Не боюсь! На вашъ напоръ
Вамъ дадутъ вотъ эти грани
Мой отвѣтъ и свой отпоръ! —

Волны вздулись — и толпами
Другъ за другомъ понеслись
Подъ стальными чешуями —
И въ гранить скалы впились.

И досель — мутны, черны
Дружно идутъ ихъ ряды,
Но безъ пользы тратятъ волны
И усилъя и труды.

Въ ихъ войнѣ бѣда и горе;
Бьются въ дребезги валы,
И реветъ съ досады море
А не сбить волнамъ скалы!

С. СТРОМНЛОВЪ.

АПОЛОГИ.

=

1.

Ударомъ громовымъ разбило храма своды.
 «Ну! стоить-ли богамъ храмъ пышный созидать?
 «Нашъ даръ прекрасенъ былъ»... Безумные народы!
 Вы стоите-ль того, чтобъ даръ отъ васъ принять?

2.

Ракета въ облака влетѣла,
 Сверкнула, вспыхнула, сторѣла,
 И обгорѣла, упала въ грязный токъ...
 Временщики! для васъ урокъ.

3.

Дервишъ надъ черепомъ, задумавшись, стоялъ.
 Халифъ спросилъ вину вниманія такого.
 «Мнѣ хочется узнать сей черепъ» — тотъ сказалъ —
 «Халифа-ль сильнаго, или нищаго простаго?»

4.

«Халифъ! писатели опаснѣйшій народъ —
 Мечтаютъ, думаютъ»... — Визирь! я это знаю. —
 «Советуютъ»... — Ну чтожь? — «Бѣда отъ нихъ придетъ —
 Вѣдь даже... на меня сатиру»... — Понимаю. —

5.

«Заутра на алтарь поставьте мой бурханъ —
 Я богъ — не человекъ!» Такъ гордый ханъ въцаетъ,
 А ночью умеръ опъ — и день чреду свершаетъ,
 А гдѣ ты, бѣдный ханъ?

О. М.

ПРОЗА.

ДВА ПОЕДИНКА.

ПОВѢСТЬ.

I.

Одинъ тотъ, кто способенъ наслаждаться семейственною жизнью, есть прямо добрый, и, следовательно, прямо счастливый человекъ.

Жуковский.

«Послушай, Ипполитъ — полно дурачиться: пора перестать думать о той незнакомкѣ, которая явилась тебѣ, какъ мечта, въ темныхъ аллеяхъ Крестовскаго. Повѣрь, одно только воображеніе могло создать такую красавицу какъ твоя Полина, или, вѣроятно, что нибудь въ этомъ родѣ. Скажи, какое изыщное существо попадетъ на Крестовскій, зараженный табачнымъ дымомъ сигарокъ?»

— Шути, сколько тебѣ угодно, Nicolas, но я увѣренъ, что и твое непобѣдимое сердце покорилось бы этому небесному существу. Правда, я видѣлъ ее мелькомъ, но довольно для того, чтобы потерять навсегда спокойствіе. Она была съ семействомъ стараго Графа N—, которое вскорѣ уѣхало въ свою подмосковную деревню — вотъ причина, почему я не могъ узнать кто она.

T. IV. — Отд. I.

«Mais, mon cher, оставь свои мечты здѣсь на диванѣ; поѣдемъ лучше на балъ. Я представлю тебя хозяйкѣ дома, Баронессѣ М., одной изъ прелестнѣйшихъ и любезнѣйшихъ женщинъ въ міръ; она обворожитъ тебя своимъ умомъ, и безъ всякаго сомнѣнія, заставитъ позабыть прекрасную незнакомку.

— Нѣтъ, Nicolas, твой покорный слуга не мастеръ и не охотникъ ухаживать за замужними женщинами; ты знаешь, я нищу дѣвушки, которая съ рукою отдала бы мнѣ свое сердце и составила счастье всей жизни твоего друга.

«Мечтатель! искать въ столицѣ дѣвушекъ съ невиннымъ, неразсчитливымъ сердцемъ, съ возвышенною душою, съ истиннымъ образованіемъ! О, да это такое чудо, что если ты когда нибудь отыщешь подобное сокровище, тогда, берегись: вмѣсто друга встрѣтишь во мнѣ опаснаго соперника. Тогда я, съ своимъ богатствомъ, съ своею, право, недурною наружностью, явлюсь демономъ искусителемъ, чтобы лучше испытать найденный тобою брильянтъ.

— По твоему, нѣтъ счастья на землѣ? Эта мысль ужасна! Женщины, эти прелестныя существа, низпосланы на землю самимъ Провидѣніемъ, и я вѣрю, что если не въ раззолоченныхъ залахъ, то въ кругу какаго нибудь почтеннаго семейства, можно встрѣтить сердце не развращенное свѣтомъ, сердце, которое будетъ уметь любить, и со временемъ оцѣнить челоука, посвятившаго всю жизнь на благо своего семейства. Признаюсь — я только и мечтаю о семейномъ счастьи.

«Полно, полно,» перервалъ его съ нетерпѣніемъ Звѣздовъ — въ другой разъ я тебѣ позволю мечтать о семейномъ счастьи, и мечтать въ слухъ, только не теперь. Волею или неволею, а ты ѣдешь со мною. Эй, Федоръ! одѣваться, да проворнѣе.

Нечего дѣлать—надобно было покориться желѣзной волѣ своего друга. Эльминовъ и Князь Звѣздовъ воспитывались вмѣстѣ, въ одномъ изъ военныхъ заведеній. Несходство характеровъ и образа мыслей поселило между ними неприязнь, которая въ началѣ проглядывала въ насмѣшкахъ и другихъ школьныхъ неудовольствіяхъ; наконецъ, эта неприязнь, возрастая вмѣстѣ съ ними, усилилась до самой сильной степени вражды, и тѣмъ болѣе, что Эльминовъ, сынъ незнатныхъ родителей, почти ничего незначущій въ свѣтѣ, сталъ по наукамъ выше блестящаго князя, который въ родствѣ своемъ считалъ всю высшую аристократію. Послѣ выпуска долго не случилось имъ столкнуться вмѣстѣ. Князь Звѣздовъ появился въ высшемъ кругу общества, куда скромный его товарищъ не имѣлъ рѣшительно ни какаго доступа; однако жъ судьбѣ угодно было, вопреки ихъ ненависти, соединить ихъ, и какъ казалось, соединить неразрывными узами. Неожиданныя обстоятельства ввергли семейство Эльминова въ бездну несчастій, и одно чудо могло спасти жизнь и честь старика, отца Иполитова. Князь Звѣздовъ, болѣе изъ тщеславія, нежели изъ великодушія, по связямъ своимъ успѣлъ потушить дѣло, и съ тѣхъ поръ молодой Эльминовъ предался ему всею душою; онъ забылъ школьную ненависть, и сдѣлался неразлучнымъ и самымъ истиннымъ другомъ князя. Звѣздовъ ввелъ его въ лучшіе дома, гдѣ Эльминовъ былъ принятъ отлично. Иполитъ имѣлъ прекрасную наружность, былъ отлично воспитанъ; истинное образование и скромность были его достоинствами. Вообще онъ нравился всѣмъ; женщины любовались его задумчивыми, черными глазами, густыми кудрями, любили прислушиваться къ очаровательнымъ звукамъ его музыки, и находили удовольствіе при-

видитъ его въ краску неумѣренными похвалами. Старики любили потолковать съ нимъ, какъ съ образованнымъ и умнымъ человѣкомъ, а молодые искали дружбы его, какъ добраго товарища, нѣрѣдко совѣтами своими удерживавшаго ихъ отъ непріятныхъ исторій.

«Ну, вотъ, опять ты молодецъ! Право этотъ мундиръ тебѣ болѣе къ лицу, чѣмъ халатъ, въ которомъ ты совершенно погрязъ съ своими мечтами о счастьи. Argoros, баронесса ожидаетъ къ себѣ на вечеръ старуху Бельскую, съ дочерью и племянницею. Говорятъ, обѣ красавицы. Бельская богата, даетъ прекрасное приданое; не худо бы и мнѣ лишнюю минуту простоять передъ зеркаломъ, и потомъ обратиться на себя вниманіе богатой наслѣдницы. Ne suis je pas trop rouge? Теперь въ модѣ томная блѣдность, а я здоровъ, какъ Богъ знаетъ кто—пожалуй, ты опять возьмешь верхъ надо мною.

— Мнѣ такъ кажется, что здоровье всегда выигрываетъ.

«Но теперь, когда вкусъ нашихъ барынь такъ измѣнился, для нихъ, во всякомъ случаѣ, надобно умирать, или казаться умирающимъ.

Голосъ Федора, ловкаго камердинера князя, напомнилъ имъ, что пора ѣхать.

II.

Qu'est ce que l'amour? n'est ce pas un sentiment d'admiration pour tout ce qui est beau dans la nature?

Богатые наряды, роскошныя плечи, густыя эполеты, ленты, звѣзды, пламенные глаза, усы, локоны, все это мелькало въ богато убранныхъ комнатахъ баронессы, а необыкновенная красота, обворожительный умъ и любезность самой хозяйки довер-

шали остальное. Однимъ словомъ, все веселилось и облеклось въ праздничный нарядъ, кромѣ мужа баронессы, который не принималъ участія въ общемъ веселіи, и по обыкновенію бродилъ, какъ тѣнь, по раззолоченнымъ комнатамъ, рассчитывая съ Нѣмецкою акуратностію всѣ невыгоды бытъ мужемъ хорошенькой женщины. Онъ былъ тутъ для порядка, проклиналъ всѣ балы, всѣхъ женъ и всю знать, съ которою никакъ не могъ сойтись—это было не въ его Нѣмецкой природѣ. Все какъ-то не клеилось, и даже самыя слова замирали на устахъ гордаго барона при появленіи ленты или звѣзды. Ему было какъ-то неловко; онъ чувствовалъ и признавался самъ, что былъ баронъ и—только. Въ началѣ гордость его не хотѣла покориться Русскому начальнику, а теперь уже было поздно. Ему остались богатство и жена, да и тѣ примѣтнымъ образомъ отъ него ускользали. — Друзья наши, Звѣздовъ и Эльминовъ, были уже тутъ. Звѣздовъ, какъ вѣтренная бабочка, скользилъ по паркету въ бѣшеномъ вальсѣ, то съ одной, то съ другою красавицею, а Эльминовъ былъ удержанъ хозяйкою, которая, казалось, хотѣла совершенно обворожить молодаго Иполита, тѣмъ болѣе, что это былъ единственный чело-вѣкъ, не походившій на тѣхъ модныхъ вѣтренниковъ, которые безпрерывно осыпаютъ васъ пошлыми комплиментами. Пріѣздъ Бельской освободилъ Иполита отъ тягостнаго положенія, и онъ, не обративъ вниманія на пріѣзжихъ, сѣлъ въ углу залы на роскошномъ диванѣ, и предался любимымъ мечтамъ. Онъ опять въ воображеніи бродилъ по густымъ аллеямъ Крестовскаго, видѣлъ свою красавицу въ черномъ платьѣ, которое еще болѣе придавало блеска ея личику; обворожительный станъ, прелестные глаза, нѣжныя черты лица, все живо представилось юному

воображенію мечтателя. Вдруг тихіе голоса и едва удерживаемый смѣхъ въ сосѣдней комнатѣ, подлѣ которой онъ спялъ, заставили его опомниться. Онъ привсталъ, и у самыхъ почти дверей увидѣлъ группу барышень, которыя почти смѣялись и поглядывали на него изкоса; но одна изъ нихъ, возвышавшаяся, какъ пальма, обратила все его вниманіе, и кто бы могъ подумать? Въ блестящемъ бальномъ нарядѣ, съ гирилядою изъ незабудокъ на головѣ, стояла передъ нимъ его незнакомка. Онъ забылся, схватилъ за руку подошедшаго къ нему Звѣздова, и въ восторгѣ закричалъ: «Вотъ она!» Смѣхъ увеличился. Положеніе Ипполита было весьма незавидное. Звѣздовъ понялъ, въ чемъ состоитъ дѣло, и сжался надъ бѣднымъ другомъ, сказалъ:

«Mesdames — мы васъ перепугали. Извините моего друга — онъ страстный охотникъ до живописи, и пришелъ въ восторгъ отъ этой головки, на которую вы не обращаете вниманія, и которая виситъ передъ вами.»—Все тотчасъ стали разсматривать висящую головку. Смѣхъ дѣвицъ привлекъ другихъ посетителей. Звѣздовъ увѣрялъ, что Ипполитъ мастеръ рисовать, и какъ артистъ понимаетъ живопись въ совершенствѣ; головку, до тѣхъ поръ никѣмъ ни замѣчаемую, сняли со стѣны, и каждый, передавая ее изъ рукъ въ руки, старался находить въ ней тѣ достоинства, которыхъ она не имѣла. Софья, племянница Бельской, прекрасная незнакомка Ипполита, не могла не замѣтить, что все вниманіе его было обращено на нее, а увѣренность собственного достоинства и глаза никогда не обманываютъ дѣвушекъ. Когда толпа мало по малу разошлась, и Звѣздовъ остался одинъ съ барышнями, смѣхъ возобновился.

«Надобно правду сказать, Князь, что вашъ другъ пре-

странный человекъ. Мы нѣсколько разъ проходили мимо дивана, на которомъ онъ расположился со своими мечтами, и даже я, скажу вамъ по секрету, нарочно толкнула его; однакожъ, все наши маневры обратить на себя его вниманіе, остались тщетными. А жалъ — прелестный мужчина! Такъ говорила живая брютетка, дочь Бельской.

— Да — подхватила, томная Машинька К.— Мы долго любовались имъ, какъ онъ, забывъ все и всѣхъ, тамъ въ углу предался своимъ мечтамъ. Уже не влюбленъ ли онъ?

«Влюбленъ, и влюбленъ во все хорошенькія головки, которыя висятъ на стѣнахъ. Впрочемъ, mesdames, отъ васъ зависитъ заставить его влюбиться въ живую головку.

— Ахъ! ужъ эта мнѣ голова... Признаюсь, я такъ испугалась, и потомъ такъ смѣялась, что повѣрите никогда, никогда не забуду этой сцены. Однакожъ его, какъ хорошаго артиста, надобно представить маменькѣ, и пригласить къ себѣ. Sophie также рисуетъ отлично.

Съ этими словами, въ одинъ мигъ Юлія очутилась подлѣ своей матери, г-жи Бельской, маленькой, пожилой женщины, съ сѣрыми глазами, которые пренебрежительно косились во все стороны. Звѣздовъ пошелъ за нею, и отъ души смѣялся надъ Ипполитомъ, который, какъ казалось, не понималъ, что дѣлается съ нимъ въ этотъ вечеръ. Юлія, живая дѣвушка, держала уже его за руку передъ матерью, и съ нетерпѣніемъ повторяла нѣсколько разъ: «Maman, вотъ Ипполитъ Васильевичъ Эльминъ.... Maman, онъ прекрасно рисуетъ.... Maman...» Но все вниманіе г-жи Бельской было обращено на карты; она сердилась на своего товарища старичка, и впервые головъ любимой дочери не доходилъ до ея слуха.

«Матап, да пригласите къ намъ Мг. Эльминова.

— Очень рада съ вами познакомиться,—пробормотала косая матушка, не обращая вниманія на поклонны Ипполита, и опять принялась журить хладнокровнаго старичка.

Юлія съ досадою отвела молодаго челоуѣка отъ матери, и до тѣхъ поръ его не отпустила, пока не взяла съ него слова быть у нихъ.

Ипполитъ, недовольный собою и вечеромъ, оставилъ шумный и блестящій балъ, гдѣ все еще только начинало веселиться. Увѣжал, онъ замѣтилъ Звѣдова и Sophie, танцующихъ Французскую кадрили. Зависть, досада, любовь наполнили душу Ипполита. Онъ въ этотъ вечеръ былъ несчастнѣе самаго хозяина, который не переставалъ проклинать пріѣзжающихъ гостей.

III.

Тотъ единственно наслаждается счастьемъ, кто собственно въ себя находитъ источникъ своихъ удовольствій, и избавленъ отъ колючихъ угрызеній совѣсти.

Петербургъ просыпается рано. Такъ было и на другой день бала баронессы. Давно уже все кипѣло на улицахъ, а въ комнатѣ Князя Звѣдова еще было темно. Ипполитъ сидѣлъ задумчиво подлѣ письменнаго стола, и безъ милосердія терзалъ бумагу, лежавшую подъ его рукою. Князь лѣниво потягивался на диванѣ, и казался, не хотѣлъ разстаться съ пріятными сновидѣніями. Наконецъ колокольчикъ дрогнулъ подъ его рукою, вошелъ камердинеръ, и Ипполитъ очнулся.

«Чаю!» закричалъ Звѣдовъ. «Ба, Ипполитъ, да ты здѣсь, а я думалъ, что ты пошелъ ловить рыбъ на днѣ Невы, отъ радости, что отыскала свою незна-

комку, и надѣлалъ столько шума на балѣ. А что? Какова брюнеточка, богатая наследница — а?

— Слишкомъ жива и слишкомъ умна. Я не люблю такихъ женщинъ.

«А мнѣ такъ не нравится излишняя скромность Софій; да притомъ, дѣла отца ея въ весьма дурномъ положеніи — едва ли она получитъ что нибудь.

— О какъ ты меня этимъ извѣстіемъ радуешь и подаешь надежду — я боялся встрѣтить врага — богатство; теперь эта преграда..... и я... Да, я забылъ, что мнѣ надобно ѣхать.

«Ипполитъ! куда же ты спѣшишь? погоди, напьемся чаю, и отправимся къ баронессѣ, поблагодарить за прекрасный вечеръ.

— Да! прекрасный вечеръ, гдѣ явился я совершеннымъ дуракомъ! Сдѣлай одолженіе, освободи меня отъ сегодншняго визита. Не знаю — это знакомство тяготитъ меня, и мнѣ бы хотѣлось прекратить свои посѣщенія къ баронессѣ.

«Шутишь, милый! Баронесса такъ мила, такъ хороша — притомъ же она, кажется, обратила на тебя особенное вниманіе. Не будь простякомъ въ этомъ случаѣ — да и вѣжливость требуетъ явиться хоть на нѣсколько минутъ. Оттуда я ѣду къ Бельскимъ. И такъ рѣшайся.

— Ёду.

Черезъ часъ, парныя сани примчали ихъ къ дому баронессы, которая въ своемъ неглиже казалась еще милѣе, нежели на балѣ. Ипполитъ отдавалъ справедливость уму и красотѣ баронессы, но какое-то тайное, непонятное чувство отталкивало его отъ этой сирены. Гостиная стала наполняться посѣтителями, и наши друзья лѣтъли уже къ Бельскимъ; каждый изъ нихъ былъ занятъ своими мыслями. Звѣдовъ, закутавшись въ боберъ, думалъ о богатствѣ, думалъ о томъ, какъ

бы поправить свое состояніе богатою женитьбою. Благопріятный случай представлялся. Ему нравились не Восточная красота, не живой и бѣглый умъ Юліи, а ея богатство, богатство, которымъ можно было поправить не одно разстроенное состояніе. Исполить забылъ сухой пріемъ Бельской; онъ думалъ о томъ, что опять увидитъ Софью, и надежда издали представляла ему все въ розовыхъ краскахъ.

Леоновъ, отецъ старухи Бельской, былъ одно изъ самыхъ добрейшихъ существъ въ мірѣ, которыми такъ рѣдко даритъ насъ скупая природа. Необыкновенная доброта и честность привлекали къ нему сердца всѣхъ, кто только зналъ его; состраданіе и благотворительность были отличительными чертами его характера; онъ готовъ былъ дѣлиться послѣднимъ кускомъ хлѣба; за то и Богъ не оставилъ и благословилъ его. Домъ его сдѣлался полною чашею, и онъ отъ души радовался, что приличнымъ образомъ могъ пристроить сына и дочь. Бѣдный старикъ! Входя въ родственныя связи съ знатнѣйшими домами, онъ думалъ упрочить тѣмъ счастье дѣтей своихъ, но какъ жестоко ошибался! Хорошо еще, что смерть похитила его, прежде чѣмъ онъ могъ быть свидѣтелемъ несчастія ихъ. Не думайте однако жъ, чтобы онъ дѣлалъ это изъ тщеславія — нѣтъ! счастье и богатство его не измѣнили; онъ даже не отсталъ отъ прежнихъ своихъ привычекъ: все по прежнему ходилъ пѣшкомъ, держа въ рукахъ большую трость съ золотымъ набадашникомъ; черная лента, вплетенная въ косу, убыленную годами, выглядывала изъ подъ шляпы. По прежнему, самъ онъ ухаживалъ за своими цвѣтами, кормилъ изъ рукъ своихъ куръ и гусей, и нерѣдко, сидя у порога дома, любилъ разговаривать съ старыми служителями, или

съ проходящими. Дома, онъ былъ тѣмъ же снисходительнымъ старшиною, принималъ всѣхъ безъ разбора, и богатаго и бѣднаго; игралъ въ дурачки и теетере; потомъ, принесъ вечернюю молитву, надѣвалъ калпакъ, и засыпалъ сномъ праведника.

Сынъ его, служившій тогда въ Преображенскомъ полку, женился на гордой княжнѣ Л**. Красота и тщеславіе—вотъ были достоинства супруги молодого Леонова—ни ума, ни души, столь необходимыхъ въ семейномъ счастіи. Софья была первымъ плодомъ ихъ брака. Бельская, сестра Леонова, завидная по своей наружности, досталась съ богатымъ приданымъ въ руки безнравственному челоѣку, для котораго ничего не было святаго, кромѣ золота; просиживая цѣлыя ночи за картами, онъ забывалъ свою несчастную жену и дочь, и готовилъ имъ бѣдность, а можетъ быть и позорные долги, но судьба жалилась надъ несчастными и прекратила дни Бельскаго. Оборотливый умъ жены его нашелъ средства поправить значительное приданое Юліи. Софья, по просьбѣ отца своего, была неразлучною ея подругою. Леоновъ былъ не такъ счастливъ, какъ Бельская; столь же добродушный и довѣрчивый, какъ отецъ его, онъ потерялъ значительную часть имѣнія, а неумѣренная расточительность жены лишила его и послѣдняго; дома онъ не находилъ отрады своему горю; непрерывныя жалобы жены и большая семья, лишенная средствъ къ образованію, дѣлали его истиннымъ страдальцемъ. Въ такомъ положеніи были дѣла обоихъ семействъ, когда познакомились съ ними наши друзья.

Ласковый пріемъ и приглашеніе къ семейному столу встрѣтили молодыхъ людей при входѣ. Исполить былъ внѣ себя отъ радости. Здѣсь онъ познакомился съ отцомъ Софьи; умный и рѣдкій по душѣ,

Леоновъ тотчасъ полюбилъ Эльминова; въ разговорахъ съ нимъ, онъ забылъ горе свое, былъ счастливъ воспоминаніями, говорилъ о добродѣтеляхъ отца своего, о службѣ, и эти обѣ благородныя души, несмотря на неравенство лѣтъ, поняли другъ друга, и заключили неразрывный душевный союзъ. Софья была задумчива, однако жъ приняла участіе въ музыкѣ. Юлія, по обыкновенію, казалась весела и любезна. Звѣздовъ ухаживалъ за старушкою, угождалъ ей, раскладывая грань-пашьясья, но старушку трудно было провести; ея глаза, хотя и смотрѣвшіе врозь, однакожь разгадывали не совсѣмъ чистую душу Князя. Инпо-литъ возвратился домой совершенно влюбленный, съ радостью въ сердцѣ и съ надеждами на будущее.

IV.

И мнѣ легко на свѣтѣ жить —
Сбылись мечты мои младилъ,
И сладко съ милымъ мнѣ дѣлится
Всѣ чувства, сердцу дорогі!....
И съ каждымъ днемъ счастливѣй я,
И пламенный любовь моя!

Козловъ.

Наконецъ настала Великій Постъ, время размышленія и молитвы. Зима прошла въ разныхъ увеселеніяхъ. Балы, театры, маскарады, катанья занимають лѣтнюю праздность богача, тогда, какъ бѣдникъ, трудясь въ потъ лица, едва, едва разъ въ годъ можетъ удѣлить трудовую копѣйку своему семейству, и тѣмъ доставить удовольствіе побывать въ театрѣ. О, тогда сколько радостей! Два, три семейства начинаютъ брать ложа въ третьемъ ярусѣ; съ утра начинаются одѣванья, и наконецъ, огромная ямская карета вмѣщаетъ всѣхъ; кому нѣтъ мѣста, того сажаютъ на колѣни къ другому; карета трещитъ отъ тяжести, однакожь тащится. Ямщикъ, за обещаніе

на водку, немилосердно погоняетъ кнутомъ клячъ своихъ. Веселая толпа молодыхъ людей встрѣчаетъ съ хохотомъ этотъ рыданъ, откуда прехладнокровно выльзають чиновники, посѣдѣлые за департаментскимъ столомъ, съ потертыми бархатными воротниками, и съ прыжкою за XXV лѣтъ безпорочной службы. Они помогаютъ выходить своимъ почтеннымъ супругамъ, въ огромныхъ чепцахъ, и здоровеннымъ дочкамъ, которымъ нѣтъ конца — все это жители Песковъ, или Петербургской стороны; онѣ не знаютъ приличій, громко говорятъ и смѣются, дѣлають свои замѣчанія, и при двусмысленномъ словѣ толкають другъ друга, и краснѣя опускають головки; не смотря на то, онѣ веселятся, съ прискорбіемъ говорятъ надолго «прости театру», а черезъ годъ опять таже исторія.

И такъ настала великій постъ. Одни говѣють, другіе посѣщаютъ концерты, третьи думаютъ о чужихъ краяхъ, чтобы поправить разстроенное здоровье и разстронть поправленные карманы. Всякій занятъ своимъ. У Бельскихъ шьютъ приданое. Юлія выходитъ замужъ, только не за Князя Звѣздова. Онъ не умѣлъ понравиться, и теперь, для излеченія своего горла, катитъ на Кавказъ по дѣламъ службы, прокладывая своего начальника, Юлію и жениха ея. Кто же женихъ Юліи? Гусарь Дубецкій. Впрочемъ, не думайте, чтобы моя Юлія была вѣтреница, чтобы она плѣнилась ментикомъ, или русыми кудрями и голубыми глазами гусара. Нѣтъ! истинно благородная и поэтическая душа, и отличное образованіе, взяли верхъ надъ наружными качествами. Юлія была счастлива, но счастье ея было отравлено мыслію о близкой разлукѣ съ Софьею. Послѣ свадьбы, молодые ѣдутъ съ матерью въ свою прелестную усадьбу, гдѣ проведутъ первые годы супружества, а

Софья возвращается въ домъ родителей. Хотите ли знать, что дѣлаетъ въ эту минуту Софья, когда все веселится и хлопочетъ? Пойдемъ-те на верхъ, по этой чугунной лѣсенкѣ, устланной ковромъ. Вотъ мы уже у дверей; онѣ нѣсколько раскрыты — тѣмъ лучше: намъ можно будетъ заглянуть во внутрь; если же ваше любопытство этимъ не удовлетворится, то стоять смирно, не шевелиться, а въ противномъ случаѣ ничего не услышите — тамъ говорятъ тихо. Да, что это? Въ комнатѣ темно — едва можно различить предметы. Наконецъ мой глазъ начинать привыкать — вотъ Софья — она лежитъ на кровати — ужъ не больна ли? Кажется нѣтъ — только глаза заплаканы, бѣлый реигоиъ закрываетъ ея прелестный станъ, голубая ленточка на чепчикѣ развязалась, и волосы густыми кудрями распадаются по плечамъ. Подлѣ кровати, въ креслахъ, сидитъ мужчина; одною рукою онъ поддерживаетъ свою голову, а другою держитъ руку Софьи. Если вы полагаете, что это докторъ, то ошибаетесь: это отецъ Софьи — они разговариваютъ.

«Таково желаніе твоей матери. Онъ человекъ богатый — тысяча двѣсти душъ не бездѣлица, а наше состояние разстроено.

— Но этотъ человекъ имѣетъ сомнительную репутацию — вы сами когда-то не совсѣмъ хорошо о немъ отзывались — говорятъ, онъ былъ тираномъ и убийцею своей несчастной жены.

«Хорошо. А полковникъ, за котораго ты такъ упорствуешь выходить? Этотъ человекъ на хорошей дорогѣ, и со временемъ много выиграетъ.

— Да, весь его умъ и душа въ ногахъ — хороший спутникъ въ супружеской жизни! Онъ только и оживляется, когда говорить объ ученьи, о своихъ солдатахъ, и о кадетскихъ проказахъ.

«Мать говорить, что ты капризна и разборчива.

— Ахъ! нѣтъ — не капризь тому причиною. Простите только, простите меня — я люблю и взаимно любима.

«Софья, другъ мой! я тебя давно полюбилъ, давно разгадалъ чувства твои; хотя ты и таила ихъ отъ меня, но я одобряю твой выборъ, и даю тебѣ свое родительское благословеніе. Исполить благородень, уменья, и ты съ нимъ не пропадешь. Постарайся уговорить твою мать — только не ручаюсь за успехъ.

Софья уже была у ногъ отца своего, и орошалъ руки его слезами, цѣловала колѣна его.

«Время и терпѣніе!» сказала Леонъ, поцѣловавъ дочь свою въ голову. Крупная слеза скатилась по смуглому его лицу, и онъ сошелъ внизъ. Но, кажется, Софья не одна — кто-то шевелится въ углу — вотъ подымается... А это старая кормилица и няня Софьи, для которой нѣтъ тайнъ. Она любитъ свою вскормленницу, какъ родную дочь, и для блага ея принесла бы всѣ возможныя жертвы.

«Спокой тебя, Христосъ! мое дитятко! Богъ милостивъ — авось Иполитъ Васильевичъ и будетъ твоимъ, а теперь я позову Дашу — она тебя одѣнетъ; пора и внизъ — всѣ уже собрались.

Старушка позвала Дашу, которая приперла покрѣпче дверь. Стало бытъ и намъ нечего здѣсь дѣлать, и мы удалимся.

V.

Savez vous ce que c'est que le bonheur? Une fumée qui s'envole, une eau qui s'écoule.

Всѣмъ извѣстно, что время, какъ быстрая рѣка, уноситъ за собою и радости и горе. Какъ часто

одна минута обращает слезы въ радость, а смѣхъ въ печаль! Грозное время не щадитъ никого: молодость, красота, слава, все безъ исключенія покорятся желѣзному скипетру времени. Время первый врагъ и другъ нашъ — врагъ тѣмъ, которые все свое счастье полагаютъ только въ красоту и богатствѣ, но также какъ часто оно дѣлаетъ насъ умнѣе и осторожнѣе. Счастливы, кто успѣлъ этимъ воспользоваться!

Прошло едва пять лѣтъ, и сколько переменъ! Отца Софїи не стало, однакожь онъ успѣлъ благословить милую дочь, и могъ, хотя короткое время, насладиться счастьемъ дѣтей своихъ. Ипполитъ и Софья могли служить примѣромъ супружескаго счастья; оба были прекрасны, добродѣтельны; небесная радость и спокойствіе стали неразлучными ихъ спутниками; малютка сынъ, плодъ нѣжной любви, казалось, еще болѣе упрочилъ это счастье. Но подобное счастье бываетъ рѣдко и непродолжительно. Зависть и злоба, какъ змѣи, ищутъ себѣ пищи, и нерѣдко подъ личиною друга разливаютъ ядъ свой, и поселяютъ раздоръ тамъ, гдѣ царствовали счастье и спокойствіе. Звѣздовъ, обманутый въ своихъ надеждахъ, ежедневно принятой съ отверзтыми объятіями въ домъ своего друга, не могъ не замѣтить счастья Ипполита, не могъ равнодушно смотреть на обворожительную Софью, забылъ священную дружбу, и одна низкая страсть, незаконная любовь къ Софьѣ заговорила въ немъ — онъ не вѣрилъ добродѣтели, и какъ эгоистъ, желалъ паденія этой женщины. Для того представлялось ему тысяча случаевъ. Ипполитъ требовалъ отъ жены своей, чтобы она любила друга его, какъ брата, и полагался на благородство Звѣздова, часто доставлялъ онъ ему случай быть одному съ Софьей. Невинная Софья не

могла догадаться, какія страсти кипѣли въ душѣ Звѣздова, но съ нѣкоторыхъ поръ ей стало что-то неловко въ присутствіи князя; она чувствовала, что пожатіе руки было не просто дружеское, что горчій поцѣлуй сжигалъ ея руку, чувствовала и боялась повѣрить догадки свои мужу.

Въ одинъ вечеръ, въ ожиданіи Ипполита, она сидѣла задумчиво въ большихъ креслахъ; мечты о прошедшемъ и настоящемъ мелькали, какъ легкія видѣнія въ головѣ ея; въ будущее она не заглядывала; она была такъ счастлива, и кажется, вполне наслаждалась настоящимъ; она нашла благородное сердце, и почитала себя на верьху блаженства. Но какъ обманчиво это блаженство!... О Софїа! если ты истинно счастлива, то зачѣмъ это безпокойство, этотъ страхъ, покидающій тебя тогда только, когда твой Ипполитъ, твой ангелъ хранитель съ тобою, когда, забывъ цѣлый міръ, ты ничего не видишь, кромѣ его, столь милого для тебя образа, слышишь только его, голосъ, такъ сильно проникающій въ твою душу? О тогда ты счастлива — желаешь ему высказать все, что чувствуешь, и не находишь довольно сильныхъ выраженій, чтобы описать ему свою пламенную любовь!... Зачѣмъ, зачѣмъ не прекратится жизнь твоя въ эти сладостныя минуты, когда онъ, осыпая тебя поцѣлуями, называетъ своею Софьей, своею милою женою!... Вдругъ сильный звонъ колокольчика заставилъ Софью вскочить. Какое-то невольное чувство страха объяло ея душу; она съ трепетомъ бросилась къ спящему сыну — ей казалось, что ее ожидаетъ несчастье, и что младенецъ можетъ быть ея защитникомъ.

«Милая Софья! я радъ, что успѣлъ скрыться отъ Баронессы, и могу провести нѣсколько упительныхъ минутъ съ вами!» Такъ говорилъ Звѣздовъ, Т. IV. — Од. I.

прокрадываясь тихими шагами въ ту комнату, гдѣ сидѣла Софья; это была дѣтская.

«Я не понимаю, князь, къ чему такой языкъ съ женою вашего друга?..»

«Моего друга? Какъ вы ошибаетесь! Ипполитъ никогда не былъ моимъ другомъ, а теперь всего меньше. Тотъ, кто не дорожитъ своимъ счастьемъ, кто пренебрегаетъ такимъ сокровищемъ, такую женою, какъ вы, Sophie, чтобы броситься въ объятія женщины, известной своею дурною репутаціею—однимъ словомъ, въ объятія Баронессы, которая смѣется надъ вашею страстною любовью къ невѣрному мужу — я говорю вамъ, что такой другъ и мужъ достоинъ презрѣнія, и вы должны ему отплатить тѣмъ же! Повѣрьте, Sophie, я васъ люблю, обожаю, и эта любовь неизмѣнна. Я долго скрывалъ свои чувства, но вѣроломство Ипполита заставляетъ меня пасть передъ вами на колѣни, и открыть вамъ свою любовь»....

Софья, блѣдная, трепещущая, не понимала, что съ нею дѣлается; она хотѣла говорить, но уста нѣмѣли, и безсильная она упала бы на полъ, если бы Звѣздовъ не удержалъ ее въ своихъ объятіяхъ. Дерзкій! онъ не постыдился, слабую, беззащитную женщину осыпать своими страстными поцѣлуями! Опомнившись, Софья вырвалась изъ нечистыхъ объятій — она съ презрѣніемъ отвергла наглую любовь князя, и требовала, чтобы онъ вышелъ. — Звѣздовъ не уходилъ; онъ дрожалъ отъ злобы и уязвленного самолюбія; онъ не думалъ, чтобы пренебрегли любовью блестящаго князя, и глаза его ясно показывали, что новые планы гнѣздились въ головѣ его. Онъ подошелъ съ горькою улыбкою къ Софьѣ, и сталъ говорить ей: «Неужели вы мнѣ не повѣрите

и тогда, если я представлю доказательства невѣрности вашего мужа? Какъ вы думаете — гдѣ онъ?

— Въ концертѣ.

«Нѣтъ, не концертъ, а Баронесса привлекла его къ себѣ въ этотъ вечеръ.

— Ахъ, князь! не говорите этого! Съ тѣхъ поръ какъ онъ женился, нога его не была у баронессы; я это знаю — онъ мнѣ обещалъ и сдержать слово. О! какъ я не люблю эту женщину!

«Не удивительно вамъ не знать, что онъ именно у той женщины, которую вы имѣете столько причинъ не любить. Хотите вѣхать со мною, чтобы удостовериться въ моихъ словахъ?»

— Нѣтъ, князь, это слишкомъ — я вѣду одна, но берегитесь, если вы меня обманули! Съ этими словами, Софья набросила на голову платокъ, накинула шубу, и вышла съ поспѣшностью. Не думал о послѣдствіяхъ, она сѣла въ сани Князя, которые тутъ стояли, и велѣла вѣхать къ дому Баронессы. Князь вышелъ за нею. Не обращая вниманія на морозъ, Софья думала только о своемъ несчастіи; щеки ея пылали — вотъ она уже подвѣхала къ дому — вотъ уже готова спросить швейцара... но къ чему ей доказательства! Въ эту минуту, мужъ ея самъ, Ипполитъ сходить по лѣстницѣ, ярко освѣщенной, садится въ свой экипажъ и проѣзжаетъ мимо ея. И такъ, она своими глазами видѣла Ипполита, Ипполита, который обещалъ ей никогда не бывать у этой женщины! О, какъ сердце ея обливалось кровію, и какъ бы слезы облегчили ее въ эту минуту! Но глаза были сухи, а она вся въ огнѣ, и не понимала ничего. Кучеръ, не получая отвѣта на свои вопросы, рѣшился везти ее назадъ.

Теперь обратимся къ Ипполиту, и посмотримъ, что онъ дѣлаетъ. Какъ осмѣлился онъ обманывать такую

хорошенькую женщину!... Правда, Баронесса прекрасна, но все она не Софья.

Баронесса была двоюродная сестра князя. Ипполитъ этого не зналъ; онъ часто слыхалъ, какъ Звѣздовъ при всѣхъ называлъ ее кузиною; когда же спрашивалъ князь, какое родство между имъ и баронессою, то князь смѣялся и говорилъ, что между ими существуютъ однѣ самыя пріятныя связи, а родства нѣтъ никакого; эта фамилярность только для свѣта, чтобы прикрыть ихъ любовь; свѣтъ же такъ глупъ, что повѣритъ всякому родству. И на этотъ разъ Ипполитъ былъ такъ глупъ, что повѣрилъ сказкамъ; онъ жалѣлъ своего друга и презиралъ Баронессу, которую не трудно было разгадать. Прекрасное лицо Ипполита, его качества и учтивое, но холодное обращеніе съ Баронессою, произвели на эту женщину сильное впечатлѣніе. Всѣ уловки хитрой кокетки остались тщетными. Ипполитъ не понималъ, или не хотѣлъ понимать ее, сталъ вѣдять рѣже, а наконецъ, женившись, и совсѣмъ прекратилъ свои посѣщенія. Баронесса, всегда окруженная обожателями и поклонниками, сильно была уязвлена тѣмъ, что прелести ея не имѣли никакого вліянія на Ипполита. Кто разгадаетъ капризъ женщины-кокетки! Можетъ быть, самая холодность молодого Эльминава произвела въ ея сердцѣ то, чего она во всю жизнь никогда бы ни къ кому не чувствовала; она уже сознавалась, что это была истинная любовь. Каково же было для нея, когда она узнала, что Ипполитъ женился? Въ разныхъ удовольствіяхъ и разсѣяніи, Баронесса старалась заглушить страсть свою, но не смотря на это, безнадежная и презрѣнная любовь была на сторожѣ; часто въ часы отдохновенія, въ минуты тишины и безмолвія, слеза украдкою выкатывалась изъ голубыхъ глазъ ея, и гордая

Баронесса стала искать повѣреннаго, чтобы признаніемъ облегчить свое сердце; выборъ ея палъ на Звѣздова, какъ на брата своего и на друга Ипполитова.

Коварный Звѣздовъ обрадовался такому случаю. Отвлечь Ипполита отъ жены, была всегдашняя его мысль, но онъ не находилъ средствъ. Онъ думалъ, что потомъ скорѣе уснѣетъ у Софьи, почему тотчасъ придумалъ замыслы снова привлечь Ипполита въ домъ Баронессы. Онъ посоветовалъ ей вмѣшаться въ благотворенія, и на это употребить Ипполита, который для несчастныхъ готовъ жертвовать даже своею жизнію, а сдѣлавъ его повѣреннымъ своихъ благодѣяній, Баронесса должна была употребить все свое кокетство, чтобы обворожить мужа влюбленнаго въ жену свою. Князь не ошибся; онъ нашелъ дорогу къ сердцу Ипполита, умѣлъ заставить его забыть свои обѣщанія и для добраго дѣла обмануть Софью, которой Ипполитъ сказалъ, что ѣдетъ въ концертъ. Быстрые кони помчали его къ Баронессѣ. Она была такъ мила, такъ обворожительна, такъ трогательно говорила о бѣдной матери большаго семейства, что заставила бы и семидесятилѣтняго старика преклонить передъ собою колѣна, не только молодого челоуѣка; но Эльминовъ, раздѣляя съ нею чувство состраданія, былъ холоденъ къ ея прелестямъ; обладая Софьею, могъ ли онъ искать другаго счастья? Однакожъ Баронесса успѣла удержать его у себя нѣсколько часовъ. Ипполитъ всегда удивлялся ея уму, и если дѣло шло не о любви, то готовъ былъ сидѣть цѣлый день и слушать Баронессу. Увѣжал, онъ далъ ей слово быть на другой день, отдать отчетъ въ исполненіи добраго дѣла. Каково же было удивленіе Ипполита, когда пріѣхавъ домой, онъ не засталъ Софьи. Ему сказали, что она уѣхала съ

Княземъ. Черезъ нѣсколько минутъ, подъѣхавшій экипажъ заставилъ Ипполита выбѣжать на крыльцо, и съ непритворною радостію броситься къ женѣ.

«Другъ мой, Sophie! Какал неосторожность ѣздить такъ поздно — да еще въ саняхъ!

— У меня болѣла голова, и я хотѣла прокатиться — отвѣчала Софья, едва удерживая слезы.

«Гдѣ же Nicolas? Вѣдь онъ былъ съ тобою, и зачѣмъ самъ онъ не привезъ тебя назадъ?

— Я не видала Князя, и не знаю, съ чего вы взяли, что я катаюсь по ночамъ съ мужчинами?

«Однакожь, Sophie — экипажъ Князя.

Софья не отвѣчала, ушла въ дѣтскую, и долго не выходила, подъ предлогомъ, что ребенокъ у нея на рукахъ. Слезы обильными ручьями орошали лицо ея; она старалась скрыть ихъ отъ Ипполита, и на всѣ вопросы его отвѣчала коротко и сухо. Ипполитъ не постигалъ, что сдѣлалось съ женою; приписалъ это капризамъ беременности; поцѣловалъ ее, и спокойно легъ спать. Софья, вмѣсто того, чтобы переговорить съ мужемъ, предалась отчаянію, плакала; ей даже казалось, что Ипполитъ обошелся съ нею не ласково; она хотѣла, чтобы онъ въ эту минуту былъ подлѣ нея, и просилъ прощенія въ своей мнимой невѣрности, но Ипполитъ этого не сдѣлалъ. На другой день, собираясь ѣхать, Эльминовъ, встрѣтилъ на крыльцѣ Князя; онъ хотѣлъ воротиться, чтобы попросить своего друга вразумить Софью, и вывѣдать у нея причину ея каприза; какал-то немумѣстная гордость не допускала его объясниться самому, но странный знакъ, сдѣланный Софьею и коварная улыбка Князя, перемѣнили его мысли; онъ простился сухо и поѣхалъ по дѣламъ Баронессы.

Ревность запала въ сердце Ипполита. Желая разсѣять себя, онъ рѣшился провести день у Баронессы, былъ милъ, любезенъ, разговорчивъ, такъ, что Баронесса не сомнѣвалась, что наконецъ одержала надъ нимъ побѣду, а чтобы овладѣть имъ совершенно, она хотѣла оклеветать Софью — такъ, невинно, нечаянно, бросить вскользь два, три слова на счетъ дружбы и привязанности Князя. Однакожь этого достаточно было, чтобы зажечь цѣлый адъ въ душѣ Ипполита. Стало его догадки справедливы? Не даромъ она ѣздила съ Княземъ! А этотъ знакъ? А эта улыбка? Да, тутъ должно быть что нибудь такое, отъ чего сердце мужа разрывается на части...

Съ этихъ поръ недовѣрчивость и ревность поселились въ супругахъ. Когда являлся Звѣздовъ, Ипполитъ бралъ шляпу и удалялся; если же Софья начинала говорить, и просила его остаться, то онъ отвѣчалъ колко, насмѣшливо — однимъ словомъ, они оба страдали. Князь, видя къ себѣ одно только презрѣніе, готовъ былъ оставить Софью, но Баронесса, вторично обманутая въ своихъ надеждахъ, старалась болѣе и болѣе поддерживать Ипполита въ его мысляхъ — ея любовь обратилась въ ненависть, и достойная цѣль ея была совершенно разсорить супруговъ.

VI.

La réputation est une fleur délicate
qu'un souffle léger peut flétrir.

Прошло два года. У Баронессы по обыкновенію въ пятницу было большое собраніе; она сама, какъ и прежде, была очаровательна, одерживала побѣды, и какъ блестящая бабочка, порхая съ цвѣточка на цвѣтокъ, увлекала за собою толпу большихъ дѣ-

тей, плывнившихся ея раззолоченными крылышками. Нѣкоторые изъ гостей сидѣли за карточными столами; другіе ходили, разговаривали; нѣсколько барышень окружали ролья, и упрашивали стройную институтку спѣть имъ какуюнибудь арію; она, краснѣя, отговаривалась, и едва замѣтная слеза показывала, какъ трудно ей было преодолѣть свою робость, и согласиться на ихъ просьбы. Въ боковой комнатѣ кончили партію, и генераль Б., бросивъ карты на столъ, хотѣлъ оставить общество, когда раздушенный камеръ-юнкеръ заслонилъ ему дорогу, и спросилъ его:

«Mon général, вы, вѣроятно, слышали несчастную исторію Эльминава? Кажется, онъ имѣлъ счастье служить подъ вашимъ начальствомъ?»

— Да, да, жаль его — самъ виноватъ, что вышелъ въ отставку; онъ бы далеко пошелъ.

«Да, помилуйте, генераль, не отставка, а разводъ съ женою всему причиною!»

— Это все равно, милостивый государь! Развестись съ женою, или со службою — все несчастіе. Не надобно было оставлять службы, не надобно было оставлять и жены. Оставивъ службу, не мудрено, что онъ развелся съ женою. — Сказавъ это, генераль вышелъ.

«Этотъ человекъ такъ занятъ службою, что кажется кромѣ ея ничего не понимаетъ,» сказалъ камеръ-юнкеръ. Потомъ, обратясь къ сидѣвшимъ тутъ дамамъ, онъ прибавилъ: «Mesdames, вы слышали несчастный конецъ Эльминава, того самаго, которымъ такъ часто любовались? Его нѣтъ уже на свѣтѣ — говорятъ, что онъ за жену свою стрѣлялся съ Княземъ.»

— И вы думаете, что мы повѣримъ вашимъ словамъ — отвѣчала, качая головою, пожилая женщина съ пріятною наружностью — признайтесь, monsieur Ribez, вы любите иногда прибавить? Неужели Князь

обольститъ жену своего друга, и сдѣлавшись убійцею его, будетъ такъ спокоенъ? Посмотрите, какъ онъ отъ души смѣется съ Баронессою. Послѣ этого онъ былъ бы чудовище, котораго нельзя терпѣть въ благородномъ обществѣ!

Тутъ подошелъ къ нимъ полковникъ, высокій, прекрасный мужчина; вся грудь его была увѣшена крестами; смуглое, нѣсколько суровое, но умное и доброе лицо его невольно внушало къ нему почтеніе.

«Графиня ошибается, если полагаетъ, что Князь совершенно спокоенъ. Это веселое лице — маска, которую онъ всегда носитъ въ свѣтѣ. Теперь, болѣе нежели когда нибудь, увѣренъ я, что совѣсть въ немъ не спитъ — она терзаетъ его жестоко — на это я имѣю доказательства. Злодѣй не можетъ быть спокоенъ!»

Дамы и камеръ-юнкеръ молчали, но глаза ихъ устремлены были на полковника, и казалось, просили объяснить имъ эту загадку. Полковникъ, не дожидаясь просьбъ ихъ, придвинулъ стулъ, и началъ свой разсказъ:

«Князь мнѣ дальній родственникъ, однакожь это не причина молчать. Завтра должна кончиться чѣмъ нибудь эта плачевная исторія. Выслушайте ее. Когда я былъ еще ребенкомъ, госпожа Бельская принимала во мнѣ живѣйшее участіе. Не знаю, какія причины ее къ тому побуждали, но, кажется, и родной сынъ не былъ бы такъ обласканъ ею какъ я; ей же обязанъ я, что попалъ въ одно изъ лучшихъ военныхъ заведеній. Но она не ограничилась этимъ: въ воскресные и праздничные дни, она брала меня къ себѣ, и лучшіе учителя были къ моимъ услугамъ; она не только образовала умъ мой, но и душу. Я не остался неблагодарнымъ; труды мои увѣнчались; я былъ

первый при выпускѣ, и меня назначили въ гвардію. Г-жа Бельская радовалась отъ души. Юлія и Софія были еще дѣти; онѣ меня цѣловали, и прыгали отъ восхищенія, увидѣвъ мои золотыя эполеты; называли своимъ братомъ и другомъ. Прошло нѣсколько лѣтъ. Юлія и Софія выросли, похорошѣли; бывая съ ними ежедневно, я радовался, глядя на эти прелестныя существа, незараженныя свѣтскимъ воздухомъ; особливо Софія сдѣлала на меня сильное впечатлѣніе; она получила красоту матери и добрыя качества отца своего. Юлія была весела, добра, остроумна, но нравъ ея не сходился съ моимъ. Просить руки Софіи я не осмѣливался — я былъ сирота, и всѣмъ обязанъ былъ теткѣ ея. Открылась война съ Турками. Въ надеждѣ на будущее, я обрадовался случаю отличиться, своими заслугами обратить вниманіе Софіи, и потомъ, не краснѣя просить ея руки. Никто не подозрѣвалъ любви моей. Присяжась съ ними, я плакалъ, какъ ребенокъ; мени призывала слава, но какаля-то невольная тоска тяготила душу. Надобно было разстаться. Милыя дѣвушки благословили меня образомъ Николая Чудотворца, который я и теперь ношу; можетъ быть, этому благословенію, полученному изъ невинныхъ рукъ, обязанъ я сохраненіемъ своей жизни. Мысль о Софіи и будемъ счастлии сдѣлала изъ меня героя; одна любовь производила тѣ чудеса храбрости, которымъ всѣ удивлялись. Съ какою радостью, съ какимъ восторгомъ возвращался я домой... Здѣсь нашель я много переменъ: Юлію засталъ невѣстою; у Софіи было нѣсколько жениховъ, но она всѣмъ отказывала, и надежда запала въ мое сердце; самолюбіе шептало, что Софія ко мнѣ неравнодушна. Безумецъ! Дружескія, родственныя ея ласки почиталъ я любовью! Однажды вечеромъ, когда она сидѣла у камина, и задумчиво

смотрѣла на перебѣгающій огонекъ, я подошелъ къ ней, не сомнѣваясь, чтобы мысли ея не были обо мнѣ, и желая воспользоваться этою минутою, осмѣлился и говорить ей о моей любви. Она покраснѣла; долго смотрѣла на меня своими прекрасными глазами; наконецъ сказала: «Братецъ! если бы мой выборъ не былъ рѣшенъ, повѣрьте, я пошла бы за счастье съ рукою моею отдать вамъ и сердце. Но я люблю Эльмина; отецъ мой согласенъ на этотъ бракъ; скоро это не будетъ тайною. Дружбою вашею буду гордиться—надѣюсь, что вы полюбите моего Ипполита.» Сказавъ это, она встала, пожала мнѣ руку и ушла къ себѣ въ комнату; я остался, какъ громомъ пораженный. Моя любовь къ ней была такъ сильна, что забывъ себя, не думалъ я о томъ счастьи, которое терялъ, а старался собрать свѣдѣнія о молодомъ Эльминѣ. Всѣ о немъ отзывались съ похвалой; я самъ невольно привязался къ Ипполиту; дружба наша была основана на взаимномъ уваженіи. Наконецъ Софія принесла клятву вѣчно принадлежать моему другу; я преодолѣлъ себя—былъ на сватьбѣ, молился за счастье этого ангела, но послѣ уже не могъ оставаться въ томъ городѣ, гдѣ навсегда сказалъ «прости» своему счастью. По просьбѣ моей откомандировали меня въ другой городъ. Ипполитъ писалъ ко мнѣ часто; описывая свое блаженство, онъ не зналъ, какія раны наносилъ моему сердцу; письма его были орошаемы слезами любви, ревности и зависти. Потомъ сталъ онъ писать рѣже; какаля-то грусть, тоска проявлялись въ его письмахъ; однакожъ, онъ не жаловался. Мало по малу совѣтъ прекратилась наша переписка; мои письма оставались безъ отвѣта, и я не зналъ что подумать; наконецъ до меня начали доходить странныя слухи на счетъ Софіи и моего друга, одни нелѣпыя другихъ.

Я рѣшился ѣхать въ Петербургъ, и пріѣхалъ поздно. Послѣдній ударъ былъ нанесенъ. Ипполитъ разстался съ Софьею, вѣлъ съ собою обонихъ дѣтей, и уѣхалъ въ Т—ую губернію, въ деревню къ своему престарѣлому отцу. Будучи увѣренъ въ невинности Софьи, я хотѣлъ съ нею объясниться и примирить ее съ мужемъ, но какъ мнѣ было отыскать ее? Никто не зналъ, гдѣ она. Чаще сталъ я ѣздить къ Звѣздову; онъ былъ остороженъ, но непродолжительная его отлучка въ Т—ую губернію родила во мнѣ подозрѣнія, и я удвоилъ вниманіе. Недѣли двѣ тому, мнѣ принесли письмо отъ Ипполита. Вотъ оно:

« Я умираю — будь защитникомъ Софьи; она не-
« винна. Если можно, оправдай ее въ глазахъ свѣта.
« Я былъ къ ней несправедливъ, и за то наказанъ же-
« стоко. Я хотѣлъ омыть честь свою въ крови не-
« годля, и получилъ смерть отъ руки его, въ такую
« минуту, когда желалъ бы жить, когда могъ бы
« воскресить прошедшее счастье. Онъ былъ когда-то
« моимъ другомъ; къ несчастію, ему же обязаъ я че-
« стию отца моего; рука моя дрогнула и пуля про-
« летѣла мимо; выстрѣлъ его былъ счастливей; я
« упалъ, и онъ оставилъ меня безъ помощи. Конечно
« умеръ бы я на мѣстѣ, если бы вѣрный мой слуга
« издала не слѣдовалъ за мною. Я не зналъ, что
« Софья была близко, и жила въ одной изъ крестьян-
« янскихъ избъ. Узнавъ о моемъ положеніи, она при-
« бѣжала со слезами — мы объяснились — но поздно.
« Звѣздовъ и Баронесса, оба равно развратные, были
« причиною нашего несчастія, а наша недовѣрчивость
« и подозрѣнія довершили его. Вѣрля другу жену
« свою и дѣтей, знаю, что на этотъ разъ не ошиба-
« юсь, и вѣрля ихъ благородному человѣку, почему
« и умираю спокойно.

Ипполитъ.»

Письмо было адресовано въ К —, откуда мнѣ его прислали. Прошло уже довольно времени, и я боюсь опоздать. Завтра надѣюсь выѣхать, однакожь, прежде хочется мнѣ узнать развязку вчерашняго происшествія. Вчера былъ день рожденія Звѣздова. Товарищи собрались къ нему. Я былъ тутъ же. Ни звукъ стакановъ, ни шумныя восклицанія товарищей не могли развлечь меня и разсѣять грусти; я смотрѣлъ на Звѣздова, какъ на презрѣннаго убійцу. Вдругъ двери отворяются, входитъ слуга и подаетъ записку Князю; онъ съ поспѣшностію срываетъ печать, и смертная блѣдность покрыла лицо его; съ трепетомъ онъ подалъ одному изъ товарищей эту записку, и спрашивалъ, чья рука? Товарищъ началъ хохотать. «Вотъ прекрасно! Не узналъ почерка Ипполита!» — Ипполита? Развѣ мертвые пишутъ? Я съ нимъ дрался и положилъ его на мѣстѣ — надѣюсь, что онъ не придетъ съ того свѣта. — «Какъ? Что такое!» раздалось со всѣхъ сторонъ. Любопытство заставило и меня подойти. Я взялъ записку — точно рукою Ипполита написаны были слова: «Мищеніе тебѣ, извергъ. Послѣ завтра, въ 7 часовъ вечера, ожидаю тебя за Ш — ою заставою, на дачѣ N., у большой дороги.» Я позвалъ человѣка, и спросилъ, кто ему далъ эту записку? — Какой-то военный, въ шинели и фуражкѣ.

—Замѣтилъ ли ты, по крайней мѣрѣ, его лицо?

«Нѣтъ! онъ не снималъ фуражки, которая была совершенно надвинута на глаза; я замѣтилъ только, что онъ былъ очень блѣденъ.» Не знаю, что будетъ завтра, но вѣрно то, что въ этомъ домѣ я въ послѣдній разъ. — Съ сими словами полковникъ почтительно поклонился и вышелъ. Дамы долго, въ молчаніи, смотрѣли другъ на друга. Наконецъ всѣ развѣхались.

VII.

Malheur à toi, modeste et belle
fleur, le moment ou j'e t'ai vu t'a été
fatal....

Прекрасный экипаж остановился у Английскаго магазина. Высокій лакей, въ богатой ливреѣ, съ локостью отворивъ дверцы экипажа, готовъ уже былъ подать руку пожилой дамѣ, которая, слегка оттолкнувъ его, съ улыбкою подала свою руку полковнику, въ эту минуту проходившему мимо.

«Радуюсь, полковникъ, что опять вижу съ вами. Однакожь я полагаю, что вы далеко отсюда. Мнѣ кажется у васъ есть обязанности, исполненія которыхъ требуютъ священнаа дружба и несчастье.

— Графиня! обязанности мои кончились—я отдалъ послѣдній долгъ Софьѣ.

«Какъ! Софья умерла? Полковникъ! вы должны мнѣ досказать вашу исторію; я васъ не пущу; вы объѣдете у меня. Теперь пойдемъ-те въ магазинъ; вы мнѣ выберите матеріи на капоть; для старухи не трудно выбрать цвѣтъ, и я полагаюсь на вашу вкусъ.

— Графиня! . . .

« Ни слова, и слѣдуйте за мною.

Какъ ни была графиня добра, однако полковникъ проклиналъ встрѣчу съ нею. Онъ долженъ былъ объѣхать съ нею нѣсколько магазиновъ, когда ему совсѣмъ было не до того. Потомъ былъ мучительный обѣдъ, гдѣ было человѣкъ пять, шесть постояроннихъ. Наконецъ, онъ остался одинъ съ графинею, которая съ нетерпѣніемъ ждала, чтобы полковникъ началъ свой рассказъ, но казалось, онъ объ этомъ и не думалъ, сидѣлъ мрачно, устремивъ взоры на висѣвшую картину, изображавшую прелестную дѣвушку съ корзинкою цвѣтовъ.

«Ну, полковникъ?

— Что прикажете?

«Что же ваша исторія?»

— Графиня! если не участіе, а одно любопытство заставляетъ васъ такъ упорно требовать отъ меня печальнаго разсказа, то я молчу.

«Повѣрите, полковникъ, что всегда любила я Софью, и если бы имѣла дѣтей, то не желала бы лучшей дочери. Жалю, что свѣтъ заставилъ меня переменить, хотя на нѣкоторое время, мысли объ ней; теперь отъ васъ однихъ зависитъ снять совершенно завѣсу съ несчастной тайны. Вы сами возбудили во мнѣ любопытство — доканчивайте.

— Знаете ли, графиня, что такое мечь? Конечно, если разсмотрѣть хорошенько, то это орудіе слабодушныхъ. Но есть минуты, ужасныя минуты отчаянія, когда и самая благородная душа бываетъ доведена до того, что не имѣетъ другаго чувства, кромѣ мести, а сильныя чувства всегда господствуютъ надъ нами, какъ привидѣнія. Я говорилъ вамъ, что ждалъ развязки съ нетерпѣніемъ. На другой день не оставляя я Звѣздова; онъ былъ блѣденъ, страдалъ жестоко, но я не имѣлъ состраданія къ этому извергу. И какъ назвать иначе того человѣка, который осмѣливается нарушать семейное спокойствіе, попираетъ священные законы дружбы, и наконецъ наноситъ неизлѣчимую рану, которая влечетъ за собою самыя гибельныя послѣдствія? Заринъ, секунданта его, прехладнокровно дѣлалъ свои распоряженія. Настало время, и мы втроемъ отправились за Ш—ую заставу. Первый я вскочилъ изъ сапей. Невольное чувство влекло меня; я не замедлилъ увидѣть молодаго человѣка, закутаннаго въ военную шинель, въ фуражкѣ; онъ стоялъ облокотясь объ дерево; луна бросала свѣтъ свой при-

мо ему въ лицо, отъ чего оно казалось еще блѣднѣе; черты мнѣ показались знакомыми; я хотѣлъ подойти къ нему, когда онъ, замѣтивъ меня, надвинулъ фуражку на глаза и отошелъ въ сторону. Тутъ подошли мои товарищи, и на всѣ наши вопросы не отвѣчалъ онъ ни слова — только сдѣлалъ знакъ рукою, чтобы Князь готовился. Такъ какъ этотъ молодой человекъ былъ одинъ, то я перешелъ на его сторону. Самъ я не зналъ, отъ чего сердце мое сильно билось. Они должны были стрѣлять въ одно время; знакъ поданъ — юноша упалъ, фуражка упала съ головы его, и вообразите наше изумленіе и ужасъ, когда длинные волосы густыми кудрями рассыпались по плечамъ его...

«Боже мой! это женщина — это Софья! Мы бросились на помощь, но въ ней не было уже и искры жизни.

«Злодѣй!» закричалъ я Князю, «что ты сдѣлалъ?» Но Князь стоялъ неподвижный и блѣдный. Правосудіе Божіе его наказало. Онъ лишился разсудка.

Графиня не успѣла опомниться, какъ полковникъ уже исчезъ.

Н.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ НОВАГО РОМАНА: ПРОВИНЦІАЛЬНЫЯ СЦЕНЫ.

(Сочиненіе Автора Семейства Холмскихъ. *)

Великолпная гостиная въ домѣ Сундукова; люстры и богатая бронзовая канделябра, съ восковыми свѣчами, которыя однакожь не зажжены. Мебели покрыты чехлами; у дивана большой круглый столъ, на которомъ стоитъ одна свѣчка, и въ отдаленіи, въ углу, горитъ тускло одна лампа. — Лакеи, въ изношенныхъ и довольно запаханныхъ лифтахъ, разставляютъ картонныя столы, на которые приносятъ они незажженные восковыя свѣчи, въ большихъ бронзовыхъ подсвѣчникахъ.

СЦЕНА I.

(Выходить изъ боковой двери жена Сундукова.)

Сундукова (говоритъ одному изъ лакеевъ) Посмотри — кажется, кто-то пріѣхалъ, а на лѣстницѣ такая темнота, хоть глаза выколи. Вели поскорѣй зажечь фонарь! (Лакей уходитъ; она обращается къ другому) Да, гдѣ Книгиня Прасковья Тимоевна? — Поди, скажи ей, что гости пріѣхали. (Лакей уходитъ.)

* Спѣшимъ извѣстить читателей, что это новое сочиненіе почтеннаго Автора уже поступило въ печать, и выйдетъ въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени.

СЦЕНА II.

Тъ же, и Судья съ женою и тремя дочерьми.

Сундукова (*идетъ къ нимъ на встрѣху*) А, здравствуйте, матушка Агаея Матвѣвна (*цѣлуется съ нею, и потомъ обращается къ ея дочерямъ*) Здравствуйте, Феодосья Даниловна, милости просимъ—прошу садиться!

Судья. Мое почтеніе, Ольга Петровна! (*цѣлуется у нея руку*).

Сундукова. Здравствуйте, Данило Ивановичъ! Эй, мальчикъ! скажи Тимоѣю Игнатьичу, что Данило Ивановичъ пріѣхалъ. — Да, вели принести сюда дру- гую свѣчку и подавать чай. (*Мальчикъ уходитъ; она обращается къ другому лакею*) Эй, Фомка! Что жъ ты стоишь, болванъ? — Видишь, какъ нагорѣла свѣчка! Сними сей часъ. Ну, что, Агаея Матвѣвна, у васъ въ городѣ подѣлывается? Говорятъ, скоро ожидаютъ новаго губернатора?

Жена судьи (*картавитъ*). Какое ждуть! Вообразите себя, матушка Ольга Петровна: ужъ губернаторъ пріѣхалъ! — Ужъ мы съ диву дались, какъ это онъ такъ скоро успѣлъ! — Мой Данило Ивановичъ только что возвратился отъ городничаго Матвѣя Гаврилыча, и говоритъ мнѣ: «Знаешь ли, Агаша, что я тебѣ скажу, какую новость? Къ намъ опредѣленъ новый губернаторъ, и сей часъ сюда будетъ!» Приказалъ подавать себя мундиръ, одѣваться — анъ посмотреть — протоколистъ въ дверь, отъ предводителя: «Его превосходительство пріѣхалъ — говорить — пожалуйте, Данило Ивановичъ, къ нему...»

Ольга Даниловна (*перебиваетъ мать и говоритъ скоро*). Да, вообразите себя — мы съ сестрою Феничкою пошли было въ гости къ Аграфенѣ Михайловнѣ Збликовой — посмотримъ — намъ на встрѣчу

скачетъ во весь опоръ квартальный Гвоздилькинъ. Мы ему кричимъ: «Постой, постой! Куда ты скачешь —» чего, — онъ и не слушаетъ насъ — только успѣлъ прокричать: «Нѣкогда, сударыня, нѣкогда — сей часъ будетъ сюда новый губернаторъ!» Мы думали, что онъ съ ума сошелъ — какой новый губернаторъ? Но смотримъ — скачетъ коляска въ шесть лошадей; за ней другая, и такъ вотъ близко, мимо насъ — мы могли такъ видѣть губернатора, какъ нельзя лучше!

Сундукова. Что онъ, человѣкъ молодой, или уже пожилой?

Ольга Даниловна (*перебиваетъ ее*) Напротивъ того, молодой человѣкъ, и очень недурень собою.

Феодосья Даниловна (*протяжно*) Помилуйте, сестрица! Вы опять спорите: вы говорите о томъ, что сидѣлъ одинъ въ коляскѣ, а въдь это не губернаторъ, а, вѣрно, какой нибудь чиновникъ его. Губернаторъ сидѣлъ въ передней коляскѣ, вмѣстѣ съ предводителемъ....

Ольга Даниловна (*перебиваетъ ее*) Съ какой стати, губернатору сидѣть вмѣстѣ съ предводителемъ? Ему покойнѣе было одному. — Ну, да, я вамъ говорю навѣрное, что губернаторъ ѣхалъ одинъ въ задней коляскѣ! — Вы вѣкъ свой спорите по пустому.

Праск. Даниловна. (*отрываето и бисолью*) Не правда, неправда! Губернаторъ сидѣлъ вмѣстѣ съ предводителемъ. Феничка сама видѣла: у того, кто сидѣлъ съ предводителемъ, крестъ на шеѣ — лошади въ передней коляскѣ были лучше, чемъ въ задней.. Ну, что жъ ты споришь по пустому?

Жена судьи. Ну, опять пошли — мало вы наболтались въ каретѣ дорогою? — Въдь отецъ вамъ сказывалъ, что губернаторъ человѣкъ пожилой? Какъ же ему не знать, когда онъ представлялся ему? А вы

опять спорить? Хоть бы постыдились чужих людей....

(Въ это время лакей подходит снять со свѣчки, и по неосторожности гаситъ ее.)

Сундукова *(съ сердцемъ)* Экой болванъ, экой дуракъ! — Что это за глупой такой народъ — ничего сдѣлать не умѣютъ! Да, что жъ ты стоишь, какъ истуканъ? Поди зажги, и вели поскорѣй подать другую свѣчку.

СЦЕНА III.

Тѣ же и Княгиня Буасекова.

Княгиня. Ахъ! маменька! — Отъ чего вы это въ такой темнотѣ сидите?

Сундукова. Вотъ твой фаворитъ Ѳомка — такой дуракъ — погасилъ снимая со свѣчки!

(Лакей приноситъ двѣ салныя свѣчки, въ протыкъ подсвѣгивающъ, и ставитъ на столъ)

Княгиня *(цѣлуется съ женою и съ дочерьюми судьи, а онъ подходит къ ней къ ручкѣ)* Маменька! вообразите: вѣдь новый губернаторъ прѣхалъ ужъ въ нашъ городъ! Папенька сей часъ мнѣ сказывалъ, что Ѳедоръ Аванасичъ, нашъ почтмейстеръ, прислалъ къ нему нарочнаго почтальона, съ запискою объ этомъ. Только я не вѣрю Ѳедору Аванасичу — нельзя вообразить себѣ, чтобы губернаторъ успѣлъ такъ скоро прѣхать.

Сундукова. Ты можешь подтвержденіе объ этомъ слышать отъ Данила Иваныча — онъ ужъ представлялся новому губернатору....

Княгиня. Какъ? Въ самомъ дѣлѣ?

Судья. Да-съ! Надобно доложить вашему сіятельству, что я уже имѣлъ честь представляться его превосходительству.

Княгиня. Какъ это такъ скоро успѣлъ онъ прѣхать?

Сундукова. Да, видно, что онъ мѣшкать не любитъ! Но, гдѣ же твой Князь? Неужели еще спитъ?

Княгиня. Вообразите: съ самаго обѣда, до сихъ поръ изволилъ почивать — я на силу могла добудить-ся его! Но онъ сей часъ будетъ сюда.

СЦЕНА IV.

Тѣ же, и дочь Почтмейстера Пелагея Ѳедоровна, съ двумя маленькими сыновьями, которые держатся за ея платье; за нею же входитъ Князь Буасековъ.

Сундукова *(обращаясь къ дочери Почтмейстера.)* Поди, голубушка, Пелагея Ѳедоровна, похлопочи — что это до сихъ поръ не подаютъ чаю? — Да, скажи, чтобы подали, знаешь этакъ, яблочной постилы, медоваго варенья, смоквы, каленыхъ орѣховъ, моченыхъ яблоковъ — Да, чтобы поскорѣй...

Дочь Почтмейстера. Слушаю! Сей часъ. *(Идетъ, а за нею бѣгутъ и сыновья ея)* — Куда вы, чертенята! Экъ привязались! — Оставайтесь здѣсь — посидите *(показываетъ имъ на стуль, но мальчики не отступаютъ, бѣгутъ за нею и кликутъ ее. Въ дверяхъ встрѣчается она съ отцомъ своимъ.)* Ну, вотъ останетесь съ дѣдушкою! Я сей часъ приду.

СЦЕНА V.

Тѣ же и Почтмейстеръ. Онъ вынимаетъ изъ кармана пряникъ, разламываетъ на двое, даетъ дѣтлямъ, и взявъ ихъ за руки, ведетъ съ собою.

Почтмейстеръ. Мое почтеніе, Ольга Петровна, и ваше сіятельство, Княгиня Прасковья Тимоѣевна *(цѣлуетъ у нихъ руки)*. Ну, что? Изволили полу-

читать записку мою о неожиданномъ прїѣздѣ новаго губернатора?

Княгиня. Получили. Только мы еще прежде васъ знали отъ Данила Ивановича (*показывал на судью*).

Почтмейстеръ. Какъ такъ? Экой проворной (*садится; сунуки столтъ подлѣ него и пѣдлтъ пряжки*)

Княгиня. Данило Ивановичъ не только прежде васъ сообщилъ намъ, что губернаторъ прїѣхалъ, но онъ ужь и представлялся ему, а вы, я думаю, еще и въ глаза его не видали?

Почтмейстеръ (*улыбался*) Нѣтъ-съ, не видалъ! Да, гдѣ же намъ видѣть! — (*Между тѣмъ, на большомъ поднось, приносятъ и подаютъ гостямъ постилу, мюгеныя яблоки, смоквы, каленыя орѣхи. Все берутъ, въ особенности же больше всѣхъ дочери Судьи, и одна изъ нихъ разстикаетъ на колыни платокъ, чтобы класть скорлупу съ орѣховъ*)

Судья (*съ полнымъ рта полъ постилы*). Извольте видѣть, Ваше Сїятельство, надобно вамъ доложить, что Ѳеодоръ Аванасьичъ сказывалъ намъ, что его превосходительство, новый нашъ губернаторъ, ему родственникъ — то, извольте видѣть — онъ, всеконечно, прежде всѣхъ насъ и долженъ былъ съ нимъ видѣться...

Почтмейстеръ (*разрѣзывал мюгеное яблоко и обтирал сокъ съ платъя своего и столицихъ подлѣ него вчуковъ*) Разумѣется — губернаторъ тотчасъ какъ прїѣхалъ, прислалъ ко мнѣ сказать, чтобы я поспѣшилъ съ нимъ увидѣться. Я отвѣчалъ посланному: «Доложи-моль его превосходительству, что вотъ только надѣну мундиръ, тотчасъ прїѣду.» — Смотрю — скачетъ назадъ посланный — я выхожу къ нему — знаете, на встрѣчу, и спрашиваю: «Что-моль ты такъ скоро назадъ прїѣхалъ?» — Да, чего —

отвѣчалъ онъ мнѣ — лишь только его превосходительство изволилъ увидѣть меня въ окно, то самъ вышелъ. — «Что жъ Ѳеодоръ Аванасьичъ?» изволилъ онъ спросить у меня — Я говорю: «Сей часъ-моль будетъ, ваше превосходительство — только мундиръ надѣнетъ. — «Такъ скажи же ты сей часъ назадъ» — изволилъ сказать его превосходительство — «и скажи Ѳеодору Аванасьичу, что этакъ-моль по родственному не поступаютъ — что л-дескать не мундиръ его хочу видѣть, а его самого.» — Ну, нечего дѣлать — думалъ я — стало быть надобно ѣхать къ нему такъ, по родственному, въ сюртукъ! — И какъ же онъ мнѣ обрадовался — ей Богу, право! Началъ меня цѣловать, посадилъ подлѣ себя, приказалъ, знаете ли, подать чаю и трубки! Ну, вотъ какъ закурили мы съ нимъ трубки, онъ и началъ у меня спрашивать: «Разскажи-ко ты мнѣ, что у васъ въ городѣ? И какъ и то, и другое, и каковъ вотъ такой-то. А я ему, знаете ли, въ отвѣтъ — «Да, ужь не беспокойтесь — все этакъ у насъ въ городѣ ладно, тихо, все напорядкахъ.» — «Хорошо хорошо! изволилъ онъ сказать — «я тебѣ вѣрю — вѣдь я знаю, ты, по родственному, говоришь мнѣ всю правду.» — Ну, вотъ, выкуривши трубку, онъ приказалъ подать другую, и вотъ знаете, такъ все со мною разговариваетъ. — Я хочу чтобы встать, да ѣхать, а онъ мнѣ все говорить — «Да посиди, любезный Ѳеодоръ Аванасьичъ! Куда ты такъ спѣшишь!» — Нельзл мнѣ-моль сидѣть долго — говорю я ему — я далъ слово на вечеръ къ Тимоѳею Игнатьичу. — «Экой-ты какой — да еще успѣешь»... На силу могъ я упросить его, чтобы отпустилъ — ей Богу, право, не агу...

(*Все слыются его разсказу*)

Княгиня (*со слыхомъ*) Экой счастливецъ этотъ

Едодрь Аонасннчъ! — Вездъ у него родные, да друзья, да знакомые. Скажите намъ, каковы собою губернаторъ — молодъ или старъ?

Почтмейстеръ. Какъ же — молодець такой! Знаете ли, вотъ что называется, *бель-оръ*.

Княгиня. Какъ, какъ вы его назвали?

Почтмейстеръ. Да, то есть, этакъ, такъ сказать, *бель-оръ*.

Княгиня. *Бель-оръ?* — Да, что же это значить?

Почтмейстеръ (*улыбается*). Какъ же, Ваше Снтельство, вы не знаете? А еще Княгиня! *Бель-оръ*, т. е. этакъ, такъ сказаетъ, *красивый собою человекъ*. Помощникъ нашего губернскаго почтмейстера, которн былъ здъсь недавно, человекъ очень умный и ученый, нъсколько разъ говорилъ о нашемъ городничемъ Матвѣ Гаврилычъ: «Жаль, что онъ очень растослъ и отпустилъ большое брюхо, а безъ этого, его бы, конечно, можно-бы назвать *бель-оръ*, то есть, красивымъ мужчиною. Да, вы шутите, Княгиня! Какъ же вамъ незнать что значить *бель-оръ*.

Княгиня (*смыется*). А, понимаю, понимаю, т. е., *бель-оръ!* какъ это, въ самомъ дѣлѣ, я не умъла догадаться!... Стало быть, у насъ губернаторъ *бель-оръ*, да еще и родня вамъ? Поздравляю васъ, поздравляю (*продолжаетъ смѣяться*).

СЦЕНА VI.

Ть же, Казначей, и Винный и Соляной Пристава (*подходятъ къ ручкѣ къ хозяйкамъ*).

Сундукова (*Казначей*). Здравствуйте, Илья Кондратьичъ. Здорова ли ваша Настася Ивановна? Что она къ намъ не пожаловала?

Казначей. Извините ее, матушка Ольга Петровна — никакъ не могла — снаряжаетъ старшаго нашего сына Федюшу въ походъ. Завтра отправляемъ

мы его въ губернскую гимназію; такъ, знаете, дѣло домашнее, а люди мы не богатые — и то надобно запасти, и другое приготовить... Она въ больницахъ хлопотаетъ.

Сундукова (*Винному Приставу*). А вы, Гаврило Данилычъ, что не привезли вашу Анисью Антонову?

Винный Приставъ. Съ нею случилась *прекуръ-езная окказія*. Я говорилъ ей: «Повзжай въ бричку» у насъ, изволите видѣть, бричка новенькая — только что съ иголочки. Нѣтъ! не послушалась меня. — «Жаль-моль брички — теперь дорога грязная» — велѣли запрячь старыя, двумѣстныя дрожки съ фартукомъ, но лишь только успѣла прѣхать пригородную слободы — она, знаете ли, Богъ съ него, баба тучная — дрожки не выдержали — хропъ, а она упала, да, прямо въ грязную лужу! (*смыется*) Мы, вотъ съ нимъ, (*показывая на Солянаго Пристава*) нашли ее на дорогѣ — вся въ грязи — чортъ чортомъ — и платье, и чепчикъ, и лицо — все замарано (*помираетъ со смѣху*)... Кое-какъ связали ей дрожки, и она отправилась обратно домой. Сама виновата — впередъ слушайся мужа! (*Вся смыются*).

Сундукова. (*Соляному Приставу*). Ну, а что ваша Федосья Ефремовна? За чѣмъ она не пожаловала?

Соляной Приставъ (*заикается*). О-и-а, не... не... не...

Княгиня (*смыется*). Продолженіе въ слѣдующемъ номерѣ.

СЦЕНА VII.

Ть же и Сундуковъ.

Сундуковъ. А, здравствуйте, дорогіе гости... Соляной Приставъ (*перебиваетъ его, оканчивая ррчь*) Здо...ро...ва.

Сундуковъ (*съ неодованіемъ смотритъ на него*) Это что за фамильярство такое? Я вамъ не позволю такъ обходиться со мною!

Княгиня (*слытсел*) Не гнѣвайтесь на него, папенька — это конецъ разсказа его, который онъ началъ, еще прежде чѣмъ вы пришли.

Сундуковъ (*также слытсел*) А! это другое! Что, господа? Точно прѣехалъ новый губернаторъ? А что онъ за человекъ? Кто изъ васъ его видѣлъ?

Судья, Казначей, Винный Приставъ (*въ одинъ голосъ*) Какъ же — мы успѣли уже ему представиться.

Соляной Приставъ (*затинался*) И... я.. такъ... же... его... видѣ...ть.

Княгиня. Жаль, папенька, вы не слышали, что намъ только что разсказалъ Федоръ Аванасьичъ. Знаете ли: губернаторъ у насъ *бель-оръ*, т. е. молодецъ собою. Федоръ Аванасьичъ съ нимъ родня; онъ успѣлъ уже пить съ нимъ чай и трубку курить. Много, много интереснаго разсказывалъ Федоръ Аванасьичъ. Жаль, что вы не слышали.

Сундуковъ (*треплетъ Погтмейстера по плечу*) Здорово, старый дружище! Ну, разумѣется, я зналъ, что ты родня съ новымъ губернаторомъ. Стало быть, ты не со всѣми на ряду представлялся, а такъ, т. е. побесѣдовалъ съ нимъ по родственному, запросто? (*Обращается къ Судьѣ*) Разскажи-ко ты, Данило Иванычъ, какъ онъ васъ принялъ, и что съ вами поговорить?

Судья. Надобно вамъ доложить, не совсѣмъ-то, такъ сказать, чтобы очень хорошо. Бѣдному куму нашему, городничему Матвѣю Гаврилычу, надобно вамъ доложить, досталось порядочно.

Сундуковъ. Этого и должно было ожидать. Любезный нашъ предводитель прѣехалъ вмѣстѣ съ гу-

бернаторомъ, а онъ, и меня, и городничаго не слѣшкомъ-то много жалуетъ, такъ онъ, видно, порядочно позабавился на нашъ счетъ. Постой же, посмотримъ, авось и мы ему также подружески поплатимся! Однако жъ, какъ бы то ни было, а мнѣ надобно завтра утромъ ѣхать къ губернатору, познакомиться съ нимъ, и хоть радъ, или не радъ, а надобно пригласить и угостить его. Извините меня, господа — я пойду распорядиться и приказать кое-что (*подзываетъ къ себѣ одного изъ лакеевъ*). Да, гдѣ же этотъ Юрченко, проклятой хохоль — вѣкъ его нѣтъ, когда надобно! Поди, сей часъ отыщи, и призови его ко мнѣ. (*Другому лакею, показывая на восковые свѣчи, поставленныя на картожныхъ столахъ*) Это зачѣмъ вы поставили? Экіе скоты! Сей часъ пришли — это годится на завтрашній день при угощеніи губернатора, а теперешніе гости и при салныхъ свѣчкахъ насядятся. Пошолъ, сей часъ переѣхни! (*Идетъ дальше по колнатъ, и даетъ разныя приказанія лакеямъ своимъ*)

Князь Буасековъ. Что жъ золотое время терять! (*беретъ со стола карты*) Господа! не угодно ли — сидемъ пока въ вѣсть (*подаетъ карту Казначего*).

Казначей (*кланлется и отказывается*) Вѣдь я не играю больше двухъ рублей *робертъ*.

Князь Буасековъ (*подставляетъ ухо*) А? что вы говорите?

Казначей. Я и забылъ, что вы худо слышите (*говоритъ нѣсколько громче*) Я вамъ сказывалъ, что больше двухъ рублей не играю.

Князь Буасековъ. Ну, да, это и моя игра, два рубля пуанъ.

Казначей (*кричитъ ему громко на ухо*) Я играю не больше двухъ рублей *робертъ*, то есть, 20 коп. пуанъ.

Князь Буасековъ (*отворачивается отъ него съ презрѣніемъ*) И безъ васъ найдется партія! (*раздаетъ карты Судьѣ, Виннолу и Соллянолу Приставамъ, и они садятся играть*).

Сундукова. А намъ что жъ смотрѣть, сложа руки? Сядемъ-те и мы также въ вистъ. Эй, человекъ! подай карты. Вѣдь вы составите намъ партію? (*обращаясь къ Казначее и Почтмейстеру, сама съ ними садится, а дочери Судьи садятся къ столу, на которомъ стоить закуска, подать ихъ и разговариваютъ съ Княгиней Буасековой. Внуки Почтмейстера не отходятъ отъ него; онъ садитъ ихъ подлѣ себя на одинъ стулъ*).

Сундуковъ (*подходя къ столу и обращаясь къ Князю Буасекову*) Какъ же ты садишься играть? Кто же составитъ партію Платону Никифоровичу?

Князь Буасековъ (*подставляетъ ухо*) А?

Сундуковъ (*съ сердцемъ передразниваетъ его*) А! А! глухая тетеря... (*кричитъ ему громко на ухо*) Кто же сдѣлетъ съ Платономъ Никифоровичемъ? (*всѣ смѣются*).

Судья. Надобно доложить вамъ, что мы съли съ тѣмъ, что ежели Платону Никифоровичу угодно будетъ, то мы вновь начнемъ, или я ему уступлю свое мѣсто.

Сундуковъ. Это дѣло другое, а то отъ этого глухаря толку въ вѣкъ не добьешься!

СЦЕНА VIII.

Тѣ же и Юрченко съ дѣтьми.

Сундуковъ (*говоритъ ему съ неудовольствіемъ*) Помилуй, братецъ, гдѣ ты бѣгаешь? Съ собаками тебѣ не отыщешь!

Юрченко (*Малороссійскимъ нарѣчіемъ*) Да, я, по вашему же приказанію, прежде вотъ этихъ хлопцовъ

(*показывая на дѣтей своихъ*) заставлялъ проплясать казачка; они было отвыкли, а вамъ угодно, чтобы ужъ вечеромъ, при господинѣ слѣдователь, я игралъ на бандурѣ, а они плясали; а потомъ собиравъ въ застольную кучеровъ вашихъ, форрейторовъ и садовниковъ, да заставлялъ и ихъ также, по вашему приказанію, спѣваться.

Сундуковъ. Ну, такъ что жъ?

Юрченко. Ну, и только. Они спѣвались при мнѣ въ застольной, и хоть сей часъ готовы.

Сундуковъ. Да, это братецъ, все не то. Вѣдь ты знаешь — новый губернаторъ прѣхалъ къ намъ въ городъ?

Юрченко. Ну, такъ что жъ?

Сундуковъ. Какъ что жъ? Экой безтолковой! Какъ же ты не понимаешь: вѣдь мнѣ надобно пригласить его къ себѣ и угостить!

Юрченко. Эге! — Что жъ прикажете?

Сундуковъ. А вотъ что: музыканты давно не играли. Надобно сей часъ собрать ихъ, и также заставить сыгратъся. Оно будетъ и кстати, какъ будто я и слѣдователя угощаю моею музыкою.

Юрченко. Эге! — Понимаю. Сей часъ велю собрать музыкантамъ. Здѣсь что ли прикажете?

Сундуковъ. Разумѣется, что здѣсь. Да, вотъ еще что — (*говоритъ одному изъ лакеевъ*) Позовите ко мнѣ сей часъ Таньку и Лаврушку. И имъ надобно также спѣть какойнибудь *дуэтъ*—и это будетъ такъ же кстати, какъ будто для угощенія слѣдователя.

Юрченко. Добре, добре, — сей часъ прикажу!

Сундуковъ. О столъ, и обѣ иллюминаціи, и о прочемъ, я самъ распоряжусь. (*уходятъ оба въ разныя стороны*)

СЦЕНА IX.

Ть же и Смотритель училищъ съ женою.

Смотритель училищъ. Мое почтеніе, Ольга Петровна! (Онъ и жена его цѣлуются съ хозяйками. Въ слѣдъ за ними входитъ жена Городничаго съ дочерью. Сундуковъ разговариваетъ съ нею, а дочь подходит цѣловаться съ хозяйками и гостями)

Сундуковъ. Такъ вы говорите, что губернаторъ не очень хорошо принялъ Матвѣя Гаврилыча?

Жена городничаго. Да, и очень не хорошо.— Бранилъ его за беспорядки въ острогъ и больницѣ, и говорилъ, что прикажете произвестъ слѣдствіе. Матвѣй Гаврилычъ полагаетъ, что онъ вѣрно поручить слѣдствіе тому же Платону Никифоровичу Зміановскому, такъ онъ и проситъ васъ склонить его на нашу сторону; мнѣ также говорилъ онъ, чтобы я ему всякимъ манеромъ старалась угождать. Матвѣй Гаврилычъ самъ, ежели только успѣетъ приготовить кое-какъ дѣла свои по полиціи, для завтрашней ревизіи губернатору, то хотъ попозднѣе, непременно пріѣдетъ сюда, чтобы лично объясниться и попросить покровительства Платона Никифоровича.

Сундуковъ. Охъ, матушка Марья Петровна! Соловь этотъ Платонъ Никифоровичъ! Хотъ какъ хочешь лести ему, угощай, пой его, корми, а безъ денегъ не отвертисься! Я ужъ знаю по опыту, что это за грабитель!

Жена городничаго. Что жъ дѣлать! Ужъ объ деньгахъ слова нѣтъ. Любишь брата, такъ люби и давать — лишь бы только помогъ, да слѣдствіе произвелъ въ нашу пользу.

Сундуковъ. Хорошо, и я съ своей стороны постараюсь. (Жена городничаго подходитъ къ хозяйкѣ, цѣлуется съ нею и садится на софу, на мѣстѣ же-

ны смотрителя училищъ, которая беретъ за руку дочь Городничаго и ходя съ нею разговариваютъ, а Сундуковъ приближается къ женѣ городничаго, и тихо съ нею разговариваютъ. Въ это время подають чай).

Дочь городничаго. Я думала было найти здѣсь Андрея Васильича. Мнѣ надобно о многомъ поговорить съ нимъ.

Жена смотрителя. Онъ вѣрно будетъ. Да, отъ чего ты, Варинька, такъ печальна и задумчива?

Дочь городничаго. Ахъ! если бы вы знали, что мнѣ маменька говорила дорогою, ѣхавши сюда! Да нѣтъ! Я ни за что не перемѣню слова, даннаго мною Андрею Васильичу. И папенька и маменька были прежде согласны, а теперь—Богъ знаетъ что у нихъ на умѣ! (Плачетъ. Обѣ смѣются отходятъ въ сторону и разговариваютъ между собою тихо).

СЦЕНА X.

Ть же и пѣвица Сундукова, Танька, у которой на голову повязанъ платокъ.

Сундуковъ. Гдѣ ты была, да, и какъ ты смѣла прійти въ такомъ нарядѣ?

Пѣвица. Я ходила на рѣку мыть бѣлье.

Сундуковъ. Нашла время мыть бѣлье! Завтра надобно мнѣ угощать губернатора, а ты вздумала очень кстати мыть бѣлье! Долго ли этакъ голосъ потерять....

Пѣвица. Да, я таки точно немного осипла.

Сундуковъ (испугавшись). Осипла? Да, какъ ты смѣла осипнуть? Вздоръ! Я этого и слышать не хочу! Осипла! — да, изъ чего же я тебя хлѣбомъ кормлю? У меня пой, коли велтъ! Поди, вели себѣ дать чашку чаю и надѣнь хорошее платье, т. е., не лучшее, не то, которое тебѣ дано для больницъ

праздниковъ, а ситцевое какое нибудь, да, получше. Волосы расчеши, надънь гребенку и сей часъ приходи сюда пропѣть *двѣтъ* съ Лаврушкою, а потомъ одна споешь нѣсколько Русскихъ пѣсень. Сей часъ же поди, и пой у меня безъ отговорокъ, когда тебѣ велятъ! Пьвица (*уходитъ*) Да, гдѣ же Лаврушка?

(*Одинъ изъ лакеевъ*) Его еще не отыскали.

Сундуковъ. Поди же сей часъ отыщи и приведи его сюда! Ему надобно пѣть вмѣстѣ съ Танькой (*лакей уходитъ*).

СЦЕНА XI.

Тѣ же и Юрченко, а въ слѣдъ за ними Змиановскій.

Юрченко (*торопливо*) Тимошей Игнатьевичъ, Тимошей Игнатьевичъ! Господинъ слѣдователь, Платонъ Никифоровичъ, изволилъ прѣхать!

Сундуковъ. Прѣхаль! Я пойду къ нему на встрѣчу. (*встрѣгаетъ его при входѣ и униженно передъ нимъ кланяется*) Милости просимъ, Платонъ Никифоровичъ, мой почтеннѣйшій, милости просимъ, пожалуйста сюда! (*Всѣ гости, въ томъ числѣ и дамы, встаютъ съ своихъ мѣстъ и низко кланяются ему*).

Жена городничаго (*встрѣгаетъ его на положивъ колѣнаты и также низко ему кланяется*) Честь имѣю вамъ рекомендовать себя: я жена знакомаго вашего, здѣшняго городничаго.

Сундуковъ. Да, и я рекомендую вамъ почтенную куму мою, Марью Петровну, а съ супругомъ ея, вѣдь вы, кажется, знакомы!

Змиановскій. Какъ же-съ, знакомъ. Вѣдь его, кажется, зовутъ Михайло... Михайло... Нѣтъ, кажется... Матвѣй Ивановичъ... ежели я не ошибаюсь?

Жена городничаго. Матвѣй Гаврилычъ.

Змиановскій. Да, такъ точно, Матвѣй Гаврилычъ! Какъ же? я очень его знаю. Здоровъ ли онъ?

Жена городничаго. Слава Богу! Варинька, Варинька! подойди сюда (*она подходитъ*). Позвольте мнѣ рекомендовать вамъ мою дочь.

Змиановскій (*цѣлуетъ у нее руку*) Съ вашею дочкою, Варварою... Варварою... Да, Варварою Матвѣвною, я уже имѣю честь быть знакомымъ...

Дочь (*присѣдаетъ*) Я не помню-съ.

Змиановскій. Какъ же-съ? Я имѣлъ удовольствіе видѣть васъ прошлою зимою у насъ въ городѣ, у вашего дядиньки, губернскаго землемѣра Ивана Антиповича. — Какъ же—помилуйте — сколько разъ я васъ видалъ потомъ и въ другихъ домахъ, и въ театрѣ у насъ — вы всегда бывали въ крайней ложѣ, съ вашею тетенькою Прасковьею Филиповною! Только позвольте вамъ сказать — вы очень переѣмнились.... въ вашъ *авантажъ*... вы еще болѣе похорошѣли (*цѣлуетъ у нея опять руку. Дочь Городничаго краснѣетъ и присѣдаетъ предъ нимъ*).

Сундуковъ. Не угодно ли, Платонъ Никифоровичъ, садиться? *Подводитъ его къ канапе, и дѣлаетъ знакъ дочери своей Князинѣ Буасековой и прочимъ дамамъ чтобы онѣ уступили мѣсто. — Змиановскій садится на канапе; подлѣ него, въ креслахъ садится жена Городничаго, и подлѣ себя сажаетъ дочь свою*).

Змиановскій. Покорнѣйше васъ благодарю! (*обращаясь къ дамамъ*) Что жъ вы изволите беспокоиться? (*Протягиваетъ ноги свои на канапе. Въ это время лакей подходитъ къ нему съ подносомъ, на которомъ стоитъ чашка чаю и графинъ съ Французскою водою*).

Сундуковъ (*лакею*) Экой болванъ! Зачѣмъ ты подаешь чай въ чашкѣ? Вѣдь Платонъ Никифоровичъ изволитъ кушать въ стаканѣ. Ничего не умѣютъ

замѣтить! Пошелъ же, сей часъ принеси въ стаканѣ. (на ухо лакею) Да, скажи, чтобы поставили бутылку съ ромомъ—Французская водка для другихъ гостей, а не для него. (лакей уходитъ)

Змиановскій. Пожалуста прикажите дать мнѣ чаю пожиже, и знаете ли—такъ, неполный стаканъ...

Жена Городничаго. Позвольте—я сама пойду и велю приготовить, какъ вы желаете. (Уходитъ)

Сундуковъ. Благодарствуй, любезная кума—пжалуста похлопочи!

Змиановскій (обращаясь къ дочери) Что это вы изволите такъ далеко сидѣть?—Милости просимъ поближе. (Показываетъ кресла, на которыхъ сидѣла ея мать.)

Дочь. Все равно-съ.

Змиановскій. Позвольте спросить, отъ чего вы такъ печальны, такъ задумчивы?

Дочь. Кто? Я-съ? Ничего-съ.

Змиановскій. Какъ ничего? Вы очень печальны. Правду сказать, у васъ въ городѣ должна быть смертельная скука. Вотъ, ежели бы вы у насъ жили—это дѣло другое! У насъ и балы, и маскарады, и три раза въ недѣлю театръ—словомъ: есть чѣмъ повеселиться.

Дочь. Мнѣ и здѣсь не скучно.

СЦЕНА XII.

Жена Городничаго, и за ней лакей несетъ на поднось стаканъ чаю, сахарницу и бутылку рому, а другой лакей несетъ трубку.

Змиановскій (отпиваетъ изъ стакана, кладетъ много сахару, и наливаетъ почти полъ-стакана рому, а лакею, который подаетъ ему трубку, машетъ

рукою) Отойди, братецъ! Какъ я смѣю курить при дамахъ!

Сундуковъ. Ничего, ничего, почтеннѣйшій Платонъ Никифоровичъ—пжалуста курите!

Княгиня Буасекова. Что вы церемонитесь, Платонъ Никифоровичъ? Вѣдь вы уже и прежде при насъ курили.

Змиановскій (показывая на другихъ дамъ) Но теперь здѣсь постороннія...

Жена Городничаго. А что касается до насъ, такъ я здѣсь старшая изъ постороннихъ дамъ (беретъ отъ лакея трубку и подаетъ ему), и вотъ вамъ доказательство, что вы не будете беспокоить насъ. Варинька! подай свѣчку.

Дочь. Да, какъ же... Помилуйте, маменька...

Жена Городничаго. Экая—ты не ловкая (беретъ сама свѣчку; лакей зажигаетъ булавку, и Змиановскій закуриваетъ трубку. Жена городничаго садится подлѣ него). А мы, Платонъ Никифоровичъ, имѣемъ до васъ величайшую просьбу.

Змиановскій (допиваетъ стаканъ чаю, отдаетъ лакею; ему тотчасъ приносятъ другой; онъ также наливаетъ полъ-стакана рому, и куря трубку, пускаетъ дымъ прѣмлю въ носъ жень Городничаго, которая откашливается, а дочь съ неудовольствіемъ отмахиваетъ отъ себя дымъ платкомъ своимъ) Что такое? Я очень буду радъ...

Жена Городничаго. Вѣдь въ городѣ вы остановитесь у насъ въ домѣ?

Змиановскій. Какъ же-съ—я общалъ вашему супругу.

Жена Городничаго. Сдѣлайте одолженіе, не оставьте насъ своимъ покровительствомъ—помогите моему мужу.

Змиановскій. Да, въ чемъ же? Я очень готовъ.

Жена Городничаго. Здѣшній Предводитель отъявленный и извѣстный врагъ моему мужу. Это самый злой человекъ!

Зміановскій. О, я это очень знаю!

Сундуковъ. Вотъ, вѣдь вы теперь сами производите слѣдствіе объ его злоупотребленіяхъ...

Зміановскій. Да, и отвѣчаю вамъ, что онъ не вывернется у меня — я его доведу!

Жена Городничаго. Этотъ злодѣй оклеветалъ моего мужа передъ новымъ нашимъ губернаторомъ!

Зміановскій. Отъ него всего дурнаго ожидать можно.

Сундуковъ. Этотъ извергъ на все способенъ!

Жена Городничаго. Губернаторъ давеча очень дурно принялъ моего мужа, и сказалъ, что велитъ произвестъ надъ нимъ слѣдствіе. А, ей Богу, все напраслина! *(утираетъ платкомъ слезы свои)*. Это слѣдствіе, вѣрно, вамъ будетъ поручено.

Зміановскій *(поправляетъ свой галстукъ)*. Да, да, конечно, и кому же иначе поручить, какъ не мнѣ? Я губернский чиновникъ, и командированъ сюда губернскимъ правленіемъ. Такъ ужъ вѣрно и это порученіе моихъ рукъ не минуешь. Я завтра утромъ поѣду въ городъ, представляться новому губернатору.

Жена Городничаго. Сдѣлайте одолженіе, Платонъ Никифоровичъ! будьте благодѣтелемъ всего нашего семейства — помогите намъ.

Сундуковъ. И я васъ также объ этомъ прошу.

Зміановскій. О! будьте покойны *(разговариваетъ тихо съ женою Городничаго, и часто поглядываетъ на ея дочь. Между тѣмъ ему и прочимъ гостямъ безпрестанно подносятъ пушкѣ)*.

СЦЕНА XIII.

Тѣ же и Лакей, подходитъ къ Сундукову и говоритъ ему тихо.

Лакей. Засѣдатель земскаго суда Андрей Васильевичъ пріѣхалъ, и съ нимъ какой-то гость.

Сундуковъ *(идетъ навстрѣгу Засѣдателю, который ведетъ за руку переводътаго Губернатора)*. А, здравствуйте Андрей Васильичъ!

Засѣдатель. Позвольте мнѣ рекомендовать вамъ, вновь поступившаго къ намъ въ судъ, повѣтчика, коллежскаго регистратора Дѣльскаго.

Сундуковъ *(треплетъ Губернатора по плечу)*. А, здравствуй братъ! — Очень радъ съ тобою познакомиться. Какъ тебя зовутъ?

Губернаторъ *(кланяясь)* Иванъ Ивановъ.

Сундуковъ Иванъ Ивановичъ? Хорошо, хорошо, а фамилія?

Губернаторъ *(кланяясь и смотритъ на Засѣдателя)* Дѣльскій.

Сундуковъ. Дѣльскій, Дѣльскій... Я что-то такой фамиліи не слыхивалъ. *(Къ Засѣдателю)* Откуда вы такого молодца подцѣпили?

Засѣдатель. Онъ дворянинъ, не здѣшней губерніи, а переведенъ къ намъ изъ губернскаго правленія.

Сундуковъ. Еще и дворянинъ? Нашъ братъ? Тѣмъ лучше. А какія волости будутъ у него въ повѣсть?

Засѣдатель. Подлѣсинская, Захаринская, и здѣшняя волость.

Сундуковъ. Стало быть, и намъ придется иногда дѣльцо до него? — Очень радъ познакомиться — я тебя, братъ, велю накормить и напоить. Эй, мальчикъ! подай чаю повѣтчику, да поставь графинъ съ Фран-

цузскою водкою. Садись-ко, пріятель—вѣдь ты нашъ братъ дворянинъ! *(Показываетъ ему мѣсто въ отдаленіи. Губернаторъ кланяется и идетъ съестъ на показанное ему мѣсто. Засѣдатель подходитъ къ дочери Городничаго, садится подлѣ нея и разговариваетъ съ нею, а Сундуковъ приближается къ Зміановскому, съ которымъ жена Городничаго разговаривала потихоньку. Зміановскій успѣлъ уже выпить нѣсколько стакановъ пуншу, и наскучивъ разговоромъ съ женою Городничаго, обращается къ играющимъ въ вистъ.)*

Зміановскій *(уже довольно пьяный)*. Эй, вы, злодѣи! Таковы то-вы — безъ меня съли играть!

Судья *(встаетъ и подходитъ къ Зміановскому)*. Надобно вамъ доложить, Платонъ Никифоровичъ, что мы съли съ тѣмъ условіемъ, чтобы, когда вы изволите пріѣхать, то мнѣ уступить вамъ мое мѣсто. Ежели вамъ угодно, мы сей часъ разсчитаемся, и вы можете начать новую партію.

Зміановскій. Нѣтъ! что за вистъ! И то давеча этотъ глухой Князь Петръ Ильичъ порядочно обдулъ меня. Дѣлайте мнѣ банкъ!

Сундуковъ. Сей часъ, сей часъ — мы и банкъ вамъ сдѣлаемъ! Эй, подайте новыя карты! *(вынимаетъ изъ книжки деньги и говоритъ Князю Буасекову громко на ухо)* Князь Петръ Ильичъ! вотъ тебѣ деньги! Мечи банкъ Платону Никифоровичу *(игравшіе въ вистъ разсчитываются; столъ гислятъ и Князь Буасековъ распечатываетъ новую колоду картъ. Садится поттиривать судья, винный и соляной пристава и смотритель училищъ)*.

Князь Буасековъ. Платонъ Никифоровичъ! милости просимъ — банкъ готовъ!

Зміановскій *(встаетъ съ своего мѣста, и пошатываясь отъ пунша, идетъ къ столу)*. Постой-же

ты, глухой злодѣй! Я съ тобою, братъ, раздѣляюся за давшнее! *(садится къ столу и беретъ колоду картъ)* Мечи, мечи—я вотъ сей часъ пуцую тебѣ брандера! *(Князь мечетъ, и когда онъ прокинулъ нѣсколько картъ, Зміановскій его останавливаетъ)*. Постой, постой! *Атанде-съ!* *(разсматриваетъ вышедшія карты и выбравъ изъ своей колоды одну карту, ставитъ темную)*. Постой, братъ! этой не убьешь! *(пьянымъ и охриплымъ голосомъ заговариваетъ)* «Вы къ намъ вѣрность никогда» ... А! А! постой, атанде-съ, атанде-съ—выиграла! *(показываетъ карту. Игра продолжается. Князь Буасековъ у иныхъ выигрываетъ, другимъ проигрываетъ, а между тѣмъ податокъ безпрестанно пуншъ. Зміановскій начинаетъ проигрывать, сердится, рветъ карты, кидаетъ подъ столъ; потомъ опять выигрываетъ, пьетъ безпрестанно пуншъ и куритъ трубку)*

Засѣдатель *(сидитъ подлѣ дочери Городничаго)*. Будьте-же спокойны, Варвара Матвѣвна. Вы увидите: не далѣе, какъ завтра, все переимѣнится.

Дочь Городничаго. Вамъ хорошо такъ говорить: «будьте спокойны!» — Я никакъ не воображала найти въ васъ такое равнодушіе. Ежели бы вы знали какво мнѣ... Этотъ несносный Зміановскій..

Засѣдатель. Повѣрьте, что этотъ Зміановскій завтра же утромъ будетъ совсѣмъ другой человекъ! И батюшка и матушка совершенно переимѣнятся къ нему.

СЦЕНА XIV.

Тѣ же и Юрченко съ музыкантами, которыхъ онъ разставляетъ.

Юрченко *(подходя къ Сундукову)* Тимофей Игнатьевичъ! музыканты готовы. Прикажете начинать?

Сундуковъ (подходя къ Змиановскому) Не угодно ли вамъ послушать моихъ музыкантовъ?

Змиановскій. Пускай ихъ пиликаютъ, какъ хотятъ—я вамъ сказывалъ, что я небольшой знатокъ въ музыкѣ. А вы мнѣ обещались дать послушать вашихъ пѣсельниковъ — это дѣло другое!

Сундуковъ. Будутъ, будутъ и пѣсельники! (Юргенкъ) Вели начинать. (Музыканты начинаютъ настраивать инструменты, но въ это время пьяный контрабасистъ, пошатываясь изъ стороны въ сторону съ своимъ контрабасомъ, начинаетъ играть одинъ. Капельмейстеръ его останавливаетъ. Онъ не слушаетъ его, бьетъ его смѣломъ по брюху и продолжаетъ играть самымъ страннымъ образомъ).

Сундуковъ (подходитъ къ нему) Что ты? Съ ума что ли сошелъ? Перестань! (Контрабасистъ смотритъ ему прямо въ глаза, пошатывается, и продолжаетъ играть) Да, перестань же — я тебѣ говорю!

Контрабасистъ (продолжая играть, отвѣчаетъ пьянымъ голосомъ). Нельзя, батюшка, Тимошей Игнатъичъ! Не могу перестать! (продолжаетъ играть)

Сундуковъ. Какъ «не могу»? (подходитъ къ нему ближе) Да, ты, бестія, пьянъ? Перестань!

Контрабасистъ (продолжаетъ играть) Да, не могу перестать! Воля ваша, барская — видите сами: струментъ большой... Ну, забралъ такую волю, что не уймешь его! (продолжаетъ играть)

Сундуковъ. Ахъ, ты, пьяница! (обращаясь къ другимъ музыкантамъ) Выведите его! (у него отнимаютъ смѣлокъ и выводятъ его) Ахъ! пьяницы, пьяницы! Что ты съ ними будешь дѣлать!..

Юргенко. Воля ваша, Тимошей Игнатъевичъ, а почти всѣ музыканты пьяны, начиная съ самаго капельмейстера. — Никакого толку отъ нихъ не добьемся — на силу могъ я ихъ собрать!

Сундуковъ. Ахъ! бездѣльники! осрамили!... Что ты будешь дѣлать! Ну, да хоть нѣсколько человекъ отбери, которые не такъ пьяны, чтобы хоть они могли играть, когда Танька съ Лаврушкою будутъ пѣть, а прочихъ вели всѣхъ собрать въ музыкантскую, запри ихъ въ ней на всю ночь, чтобы они, бездѣльники, опять не перепились... А съ утра, какъ хмѣль пройдетъ, вели тотчасъ начинать имъ сыгрываться.

Юргенко. Слушаю-съ — все будетъ исполнено (отбираетъ нѣсколько человекъ музыкантовъ, и въ числѣ ихъ турецкій барабанъ, а остальнымъ велитъ идти. Нѣкоторые, поскользнувшись, падаютъ; прогіе, пошатываясь, уходятъ, и Юргенко за ними слѣдуетъ).

Сундуковъ. Да, гдѣ же Танька? (Пѣвица и пѣвецъ, съ нотами въ рукахъ, выходятъ. Замѣтно, что пѣвецъ весьма пьянъ).

Танька. Мы здѣсь.

Сундуковъ. Ну, спойте же намъ какойнибудь дуэтъ.

Танька. Мы готовы. Я ужъ отдала поты капельмейстеру Филату Мироновичу.

Сундуковъ. Да, остался-ли онъ? Вѣдь и онъ, бестія, также пьянъ! (смотритъ) Нѣтъ! кажется, остался! (подходитъ къ музыкантамъ) Ну, пьяницы, можете ли вы играть?

Капельмейстеръ (пьяный) Какъ немочь — можемъ! Помилуйте, Тимошей Игнатъичъ! вамъ напраслину сказали — я совсѣмъ не пьянъ.

Сундуковъ. Ну, такъ начинайте же! (Капельмейстеръ раздаетъ ноты, и музыканты начинаютъ настраивать инструменты. Между тѣмъ, весьма пьяный, Лаврушка все улыбается, облизывается, потомъ поправляетъ свой галстукъ, кряхтитъ и вынимаетъ

из кармана большую мидную табакерку, нюхает самъ и подноситъ Танькѣ.)

Лаврушка. Не угодно ли, Татьяна Григорьевна?

Танька. Полно, перестань дурачиться.

Лаврушка. Какъ же, матушка Татьяна Григорьевна, не нюхать табаку? Въдь вы сами, матушка, знаете: кто нюхаетъ табачекъ....

Танька (*перебиваетъ его*) Да, перестань же — экъ нарѣзался! Смотри, вотъ увидить тебя баринъ... Гляди лучше въ ноты — въдь тебѣ первому надобно начинать...

Лаврушка (*улыбается, плюетъ на лѣво и растираетъ правою ногою.*) Ничего, матушка Татьяна Григорьевна! Я самъ знаю, что мнѣ надобно начинать — сей часъ! (*одружъ заливается самымъ смелымъ и дикимъ голосомъ, и среди пѣнія нѣсколько разъ хихаетъ*) Уфъ! Уфъ! (*трясетъ головою, обтирается рукавомъ и улыбается*) Экая прятча!...

Сундуковъ (*подбѣгаетъ.*) Да, и ты бестія также пьянь?

Лаврушка. Ничего-съ, ничего-съ, батюшка баринъ! Посмотрите, какъ я захватски спою! (*начинаетъ опять пѣть дикимъ голосомъ*)

Сундуковъ. Перестань, перестань, пьяница!

Лаврушка. Помилуйте, батюшка баринъ — какой я пьяница? Маковой росинки во рту не было! (*опять начинаетъ пѣть*)

Сундуковъ. Перестань, перестань, мошенникъ! (*зажимаетъ ему ротъ и велитъ людямъ его вывести. Лаврушку берутъ за руки, а онъ во все горло поетъ лискую пѣсню.*) Ахъ! бездѣльники! Съ ногъ срѣзали, осрамили! (*Танькѣ*) Гдѣ это они всѣ успѣли такъ нарѣзаться?

Танька. Да, развѣ вы изволили забыть, что вчера была свадьба волторниста Тараса Сидорова? А

сегодня у него былъ свадебный обѣдъ, такъ онъ ихъ угощаль...

Сундуковъ. Добро-же вы, пьяницы! Будете вы у меня помнить этотъ свадебный обѣдъ! Очень кстати — свадебный обѣдъ, на канунъ того дня, когда мнѣ надобно угощать новаго губернатора! Ну, да хоть ты, голубушка Танюша, поправься! Въдь ты не была на этомъ обѣдѣ?

Танька. Помилуйте! Вы изволите знать, что я въ ротъ ничего хмѣльнаго не беру.

Сундуковъ. Такъ, пожалуста, спой намъ какуюнибудь хорошую Русскую пѣсню...

Танька. Слушаю-съ (*подходитъ къ музыкантамъ, показываетъ ноты, что имъ играть и поетъ: Ну-те, братцы! веселую.*)

Змиановскій. Bravo, bravo! Вотъ что славно, то славно!

(*Всѣ гости ей апплодируютъ.*)

Сундуковъ. Благодарствуй, благодарствуй, Танюша! Слава Богу! хоть ты вывела меня изъ бѣды!...

(*Между тѣмъ гостямъ подаютъ пушигъ; хозляинъ также, наравнѣ съ прочими, пьетъ; игра продолжается; замѣтно, что Змиановскій много проигрываетъ; онъ сильно сердится, рветъ карты и бросаетъ подъ столъ. Въ продолженіе этого времени Губернаторъ нѣсколько разъ подходитъ, то къ картонному столу, то къ музыкантамъ. Засѣдатель также часто къ нему подходитъ. Онъ говоритъ съ нимъ по тихоньку, иногда пожимаетъ плечами, а иногда смѣется.*)

Змиановскій. (*весьма пьянымъ голосомъ бранитъ Князя Буасекова.*) Экой, глухой дьяволъ! Такъ и душитъ на поваль! Чтобы тебѣ подавиться моими деньгами! Да, помилуйте, Варвара Матѣевна —

безподобная, чудесная, милая Варвара Матвѣвна! помогите хоть вы мнѣ!

Жена Городничаго (*подходитъ къ Зміановскому*) Что вы? Что вамъ угодно, Платонъ Никифоровичъ?

Зміановскій. Помилуйте! Да, гдѣ же ваша милая, безподобная Варвара Матвѣвна? Хоть бы она выдернула мнѣ карточку на счастье! — Я совсѣмъ проигрался, какъ бубень...

Жена Городничаго. Варинька, Варинька! поди сюда...

Дочь (*подходитъ*) Что прикажете, маменька?

Жена Городничаго. Вынь какуюнибудь карту для Платона Никифоровича.

Дочь. Какъ же это, маменька? Я не знаю.

Жена Городничаго. Экая безголовка! (*беретъ отъ Зміановскаго колоду*) Ну, вотъ такъ — вынь какуюнибудь карту.

Дочь. Да, какую же, маменька?

Жена Городничаго. Тебѣ говорить, какуюнибудь (*она вынимаетъ и мать подаетъ карту Зміановскому*). Вотъ возьмите, Платонъ Никифоровичъ!

Зміановскій. Пойдите, пойдите! Позвольте поцѣловать вашу милую ручку (*встаетъ, спотыкается, падаетъ передъ него на колѣни и цѣлуетъ у нея руку. Она съ неудовольствіемъ отнимаетъ руку и подходитъ опять къ Засѣдателю, который слѣпнется. Замѣтно, что ей непріятенъ слѣпъ его*). Пойдите же, глухой — на эту карту, я сорву у тебѣ весь банкъ! (*ставитъ большой кушъ, но карта проигрываетъ и она съ сердцемъ бросаетъ ее подъ столъ*). Эхъ! матушка, безподобная Варвара Матвѣвна! Богъ вамъ судья — видно дали карту не отъ добраго сердца...

Жена Городничаго. Позвольте, Платонъ Ни-

кифоровичъ — дайте я вамъ выдерну карту на счастье (*беретъ у него колоду*).

СЦЕНА XV.

Тѣ же и городничій (*раскланивается на обѣ стороны*).

Зміановскій. А, добро пожаловать, Матвѣй, Матвѣй... да, бишь — Гавриловичъ! Помогите хоть вы мнѣ — способу нѣтъ — такъ меня и душать! Этакое ослинаго счастья, какое идетъ этому глухому, я не видывалъ...

Городничій (*униженно кланяется и улыбается*) Помилуйте, почтеннѣйшій Платонъ Никифоровичъ! Какъ же это вы изволите играть въ такую невыгодную игру?.. Вамъ бы слѣдовало метать банкъ, а мы-бы вамъ попонтировали.

Зміановскій (*догадывается*) Въ самомъ дѣлѣ!.. Какъ я опростоволосился... Дайте-ко я вамъ заложу банкъ! (*встаетъ*) Пусти, глухой тетеревь, меня на свое мѣсто. (*Между тѣмъ Князь Буасековъ считаетъ, сколько записано на Зміановскому и показываетъ ему*). Ну! вижу, вижу — не бось, расплачусь! А теперь убирайся отсюда — пусти меня на свое мѣсто! (*Садится на мѣсто Князя Буасекова, и распекаетъ новую колоду картъ, тасуетъ*). Ну, господа — банкъ готовъ!

Городничій. И мы готовы! (*ставитъ телѣжную карту*) Извольте бить: 200 рублей — темная! (*Зміановскій прокидываетъ нѣсколько картъ*). Проиграла! Позвольте — я поставлю другую. Отыгрывается и сто рублей мазу! (*опять черезъ нѣсколько картъ*). И эта проиграла! Довольно — видно счастье не везетъ! (*вынимаетъ изъ книжки деньги*) Вотъ вамъ проигранныя мною 500 рублей.

Зміановскій (*взявъ деньги, раскланивается и*

платить Князю Буасекову) Ну, слава Богу! отыгрался, а то худо приходило... *(берет поднесенный ему стаканъ пунишу).*

Городничій *(отводитъ его въ сторону)* На васъ, почтеннѣйшій Платонъ Никифоровичъ, вся моя надежда! Новый нашъ губернаторъ, по наговору предводителя, сердитъ на меня, и сказалъ мнѣ, что надо мной будетъ произведено слѣдствіе. Ужь, вѣрно, вамъ будетъ поручено... Сдѣлайте милость, помогите...

Зміановскій. Ужь, конечно, слѣдствіе не минуетъ моихъ рукъ! Будьте спокойны — я все для васъ сдѣлаю. Притомъ-же — у кого такая хорошенькая дочка, какъ у васъ, тому бояться нечего.

(Городничій кланяется и улыбается)

Сундуковъ *(подходя къ Зміановскому).* Теперь, не угодно ли вамъ, Платонъ Никифоровичъ, послушать: живущій у меня хохоль прекрасно играетъ на бандурѣ, и поетъ хохлацкія пѣсни, а два мальчика, сынишки его, пляшутъ препорядочно казачка...

Зміановскій. Хорошо, хорошо! Подавай ихъ сюда!

Судья *(уже весьма пьяный).* Надобно вамъ доложить, Платонъ Никифоровичъ, что эти мальчики, конечно, довольно хорошо пляшутъ. Ну, а каково пляшетъ по-Русски нашъ градоначальникъ Матвѣй Гавриловичъ — такъ, надобно вамъ доложить, вы вѣрно отъ роду лучше этого не видали... Прошлаго года, на именинахъ его, когда мы также, знаете, поразгуллились, такъ, какъ онъ пустился плясать съ своею супругою Марьею Петровною, такъ, надобно вамъ доложить, что — вотъ какъ онъ распотѣшилъ насъ, что ужъ нечего сказать...

Почтмейстеръ и прочіе. Да, да! мастеръ плясать Матвѣй Гавриловичъ!

Сундуковъ. То есть, я вамъ скажу, врядъ ли кто во всемъ бѣломъ свѣтѣ лучше его пропляшетъ!

Солж. приставъ *(заикаясь)* Ма... ма... сте... рски... о...о...о...нѣ пля...ше...тъ...

Зміановскій. Отецъ родной! Матвѣй Гавриловичъ! неужели откажешься? Неужели не удовлетворишь, то есть, вотъ что называется, подружески?

Городничій *(допивая второй или третій стаканъ пунишу и уже порядочно раскраснѣвшійся)* Что вы это, Платонъ Никифоровичъ! какъ мнѣ теперь плясать, когда на сердцѣ кошки скребутъ!

Зміановскій. Да, полно тебѣ говорить! Я тебѣ говорю: все будетъ хорошо — только, пожалуста, попляши!

Городничій. Ей Богу, не могу! Ноги не подымаются!

Зміановскій *(съ неудовольствіемъ)* Экой несговорчивый! Добро-же, братъ, я тебѣ это припомню...

Жена Городничаго *(тихо своему мужу)* Что ты это? Видишь, какъ онъ начинаетъ сердиться...

Городничій. Да, что жъ мнѣ дѣлать, Марья Петровна? Ей Богу, не могу! До пляски ли мнѣ теперь! Ноги не подымаются...

СЦЕНА XVI.

Тѣ же, Юрченко, въ Малороссійскомъ нарядѣ, и два сына его, одѣтые казачками.

Юрченко *(съ бандурою, поетъ нѣсколько Малороссійскихъ пѣсень, и два сына его пляшутъ по казачки. Между тѣмъ гостямъ подаютъ водку и закуску — провъснутую рыбу, икру, сельди, и прог. Всѣ охотно пьютъ водку и ѣдятъ. Между прочимъ, слуга подаетъ и Губернатору, но онъ отказывается.)*

Сундуковъ (замптивъ, что Губернаторъ отказался, подходит къ нему) Что жъ ты это, братецъ, отказываешься?

ГУБЕРНАТОРЪ (кланяется) Благодарствуйте — л не пью.

Сундуковъ. Какъ не пьешь? Служишь въ земскомъ судѣ, а не пьешь? Да, это, братецъ, не слыחנו! Это чудо чудное, диво дивное...

ЗАСѢДАТЕЛЬ (увидѣвъ, что Сундуковъ разговариваетъ съ Губернаторомъ, подходит къ нимъ) Что вы, Тимоевей Игнатьевичъ?

Сундуковъ. Откуда вы этакого урода выкопали? Служить въ земскомъ судѣ, а не пить водки! (отходитъ отъ нихъ, а Засѣдатель разговариваетъ по тихоньку съ Губернаторомъ, который, показывая на Зміановскаго, Городничаго и другихъ, смѣется)

Зміановскій. Славно, прекрасно, лихо прыгаютъ эти мальчишки; знатно, настояще чертенята! (обращаясь къ Сундукову.) Да, что жъ, Тимоевей Игнатьевичъ—все это вѣдь не то, что ты обшчалъ! Пѣвица твоя давеча горланила на манеръ Тальянской, этотъ ревъль по-хохлацки. Да, дай же ты мнѣ настоящее наше, коренное, Всероссийское! Давай своихъ пѣсельниковъ!

Сундуковъ (уже довольно пьяный) Экой ты, братъ—знаешь: хорошенькое на закуску! Однакожь, теперъ пора. Эй! позвать пѣсенниковъ.

(Приходятъ пѣсельники и начинаютъ пѣть Русскія пѣсни. Зміановскій, въ восторгъ, подпльсываетъ имъ не въ тактъ и подпльсываетъ. Многие гости, въ особенности же Поэт-мейстеръ, также припльсываютъ и подпльсываютъ. Между тѣмъ Засѣдатель подходитъ опять къ дочери Городничаго, который, увидѣвъ ихъ смѣяться, приближается къ нимъ.)

Городничій (обшляется и цѣлуетъ Засѣдате-

ля.) А, любезный Андрей Васильчичъ! Сколько лѣтъ, сколько зимъ мы съ тобою не видались! Совсѣмъ, братъ, забылъ ты насъ!.. Варинька! неужели ты не пожурила его, что онъ такъ долго у насъ не былъ!

(Дочь смотритъ на него съ удаленіемъ.)

ЗАСѢДАТЕЛЬ (улыбался) Мнѣ кажется, Матвій Гаврилычъ, по послѣднему вашему приему...

Городничій (перебиваетъ его и беретъ за руку) Мнѣ очень пріятно сообщить тебѣ, любезный Андрей Васильчичъ, что пріѣхавшій съ губернаторомъ чиновникъ по особымъ порученіямъ чрезвычайно къ тебѣ хорошо расположенъ. Онъ сказывалъ мнѣ, что вы съ нимъ были товарищи по корпусу, и что онъ тебя любитъ и уважаетъ, и очень желаетъ видѣться съ тобою.

Засѣдатель. Кто же такой этотъ чиновникъ?

Городничій. Зовутъ его Паркизь Богдановичъ, а фамилія, кажется, ежели.. кажется, ежели не ошибаюсь—Азбинскій, Избинскій, Изюмской... Что-то на это похоже...

Засѣдатель (съ радостью) Неужели Паркизь Богдановичъ Изборскій?

Городничій. Именно, именно—Изборскій!

Засѣдатель. Изборскій служить при губернаторѣ и пріѣхалъ съ нимъ! Какъ я радъ...

(Пѣсельники поютъ: А ужъ нѣтъ у насъ такого молодца, какъ Платона-то Никифоровича, и проч.)

Зміановскій. Славно, славно! Вотъ ужъ что лихо, то лихо! Только жаль, что никто изъ нихъ не пляшетъ. Эхъ, братъ, Тимоевей Игнатьичъ! молодець ты, да не совсѣмъ.... Какъ нѣтъ у тебя плясуновъ?

Сундуковъ. Бывали у меня встарину и пѣсельники и плясуны, да теперъ порастратились: нинѣ устарѣли, другіе спились совсѣмъ съ кругу, и ни къ чорту не годятся...

(Письельники продолжают петь, а гостямъ безпрестанно подають пуншъ).

ГУБЕРНАТОРЪ (Засѣдателю) Поѣдемъ, братецъ, поѣдемъ! Я съ начала смѣялся, но мнѣ становится наконецъ и скучно, и отвратительно смотрѣть на эти глупости...

(Уходитъ. Пиръ продолжается. Слышно, что при хохотѣ гостей начались пльски. Восклицаніе: «Ай! да, молодець! браво, браво! и сильный топотъ.»)

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СЫНЪ ТИЦИАНА.

(Повѣсть Альберта Мюссе.)

I.

Въ Февраль 1580 года, на разсвѣтъ, молодой человекъ шелъ черезъ площадь Пиацетту въ Венеціи. Платье его было въ безпорядкѣ; токъ, на которомъ вѣялось прекрасное алое перо, былъ надвинутъ на уши. Большими шагами шелъ онъ къ Славинской набережной; шпага и плащъ его тащились небрежно, между тѣмъ, какъ безпечно переступалъ онъ черезъ рыбаковъ, спавшихъ по берегу на землѣ. Достигнувъ Соломеннаго моста, онъ остановился, и оглядѣлся кругомъ. Мѣсяцъ склонился за Джудекку; заря утренняя едва золотила дворецъ Дожа. Отъ времени до времени, густой дымъ и яркое полыми вырывались изъ ближнихъ палатъ богача. Бревна, камни, обломки мрамора, и множество обгорѣлыхъ остатковъ, завалили собою каналъ Темницъ. Пожаръ разрушилъ ночью великолѣпный дворецъ знаменитаго Венеціанскаго аристократа. Искры огненными снопами подымались въ небо, и при ихъ отблескѣ

видны были солдаты, разставленные съ оружіемъ въ рукахъ для охраненія развалинъ.

Между тѣмъ, нашъ молодой человѣкъ, казалось, не былъ пораженъ, ни этимъ позорищемъ разрушенія, ни прелестью неба, которое разцвѣчалось самыми яркими переливами утренней зари. Нѣсколько мгновеній смотрѣлъ онъ на небо, какъ будто старался развлечь себя чѣмъ нибудь. Но дневный свѣтъ произвелъ на него, повидимому, непріятное впечатлѣніе. Угрюмо завернувшись въ свой плащъ, и почти побѣжалъ своею дорогою. Вскорѣ остановился онъ у одного богатаго дома и постучался въ двери. Слуга, держа въ рукахъ факель, тотчасъ отворилъ ихъ. Входя, молодой человѣкъ остановился еще разъ на порогѣ, и взглянулъ на небо...

— Клянусь Бахусомъ — сказалъ онъ — нынѣшній карнаваль мнѣ дорого стоитъ!

Этотъ молодой человѣкъ былъ Помпоніо Филиппо Велесміо, юноша, исполненный ума и воображенія, подававшій нѣкогда самыя счастливыя надежды отцу своему, но увлеченный потомъ страстью къ игрѣ въ самую беспорядочную жизнь. Только еще четыре года прошло съ тѣхъ поръ, какъ отецъ его, великій живописецъ Венеціанскій, и старшій братъ его Оразіо, умерли, почти въ одно время, но вѣтранный Пинпо, въ эти четыре года успѣлъ уже промотать значительную часть огромнаго состоянія, доставшагося ему по двойному наслѣдству; вмѣсто того, чтобы обрабатывать и совершенствовать дарованіе, полученное имъ отъ природы, и поддерживать славу отцовскаго имени, онъ проводилъ дни свои во снѣ, а ночи въ игрѣ у какой-то Графини Орсино — по крайней мѣрѣ, называвшей себя графинею, и сдѣлавшей себѣ ремесло изъ раззоренія знатной и богатой Венеціанской молодежи. У нея собиралось

каждый вечеръ многочисленное общество, составленное изъ благородныхъ Венеціанъ и знаменитыхъ прелестницъ. Тутъ ужинали и играли, и какъ за ужиномъ гости ничего не платили, то, разумется, что игрѣ надобно было вознаграждать хозляку дома за ея расходы. Пока цехины сыпались дождемъ изъ кошелековъ, Кипрское вино текло рѣкою, шла перестрѣлка нѣжными взглядами, и жертвы, двояко оглушенные, оставляли у Графини Орсино и деньги свои и разсудокъ.

Изъ этого - то гибельнаго мѣста вырвался теперь раннимъ утромъ герой нашего разсказа. Въ минувшую ночь испыталъ онъ большія потери. Кромѣ того, что кошелекъ его начисто былъ опустошенъ игрою — единственная картина, которую, изъ многихъ начатыхъ имъ, имѣлъ онъ терпѣніе докончить, картина, которую всѣ знатоки единогласно называли превосходнымъ произведеніемъ, погибла въ пожарѣ, разрушившемъ великолѣпныя палаты сеньора Дольфино. Это былъ историческій сюжетъ, отдѣланный съ жаромъ и смѣлостью кисти, почти достойными самого великаго отца Пинпо. Проданная богатому сенатору, картина Тиціанова сына имѣла одинакую участь со многими другими драгоценными произведеніями художествъ — неосторожность слуги уничтожила всѣ эти неоцѣнимыя сокровища пожаромъ. Но Пинпо мало заботился о гибели картины своей; онъ думалъ только о несчастномъ жребіи, который преслѣдовалъ его съ неслыханнымъ ожесточеніемъ, и о костяхъ, которыя разорвали его съ нѣкотораго времени упорно и постоянно.

Онъ началъ тѣмъ, пришедши домой, что подлил коверъ, закрывавшій столъ его, и счелъ оставшіяся у него въ наличности деньги. Потомъ, какъ человѣкъ веселаго, безпечнаго характера, когда раз-

дѣли его, онъ сѣлъ къ окну въ спальномъ платьѣ своемъ. Видя, что на дворѣ уже день, онъ спрашивалъ самого себя: что теперь дѣлать? велѣть-ли закрыть окна, и лечь спать, или проснуться не спавши, какъ просыпались всѣ добрые люди? Уже съ давняго времени не видалъ онъ восхожденія солнца; великолѣпно всходило оно теперь, и это развлекало на нѣсколько минутъ шалуна. Еще не рѣшался, спать-ли ему, или бодрствовать, преодолевая между тѣмъ дремоту, онъ велѣлъ принести шоколадъ свой на балконъ. Глаза его невольно смыкались, но едва сонъ овладевалъ имъ, непріятная картина представлялась ему: онъ видѣлъ вокругъ себя столы, замѣчалъ движеніе костлявыхъ рукъ, блѣдныя лица, слышалъ стукъ корнета, и бормоталъ: «Что за не-счастье! Какъ проиграть съ пятнадцатую?» И вотъ ему мечтался обыкновенный соперникъ его, Веспасіано Меммо — у него выпадало восемнадцать, и жадныя руки его стребали со стола груды золота. Невольно раскрывалъ послѣ сего глаза свои Пиппо, старался забыть непріятное воспоминаніе, и безъ мыслей глядѣлъ на проходившихъ по улицѣ. Вдругъ показалось ему, что вдали идетъ замаскированная женщина. Это изумило Пиппо, не смотря на то, что тогда было время карнавала. Бѣдняки никогда не маскировались въ Венеціи, а странно было, если бы въ этотъ часъ появилась на улицѣ Венеціанская дама, хоть и въ маскѣ, но пѣшкомъ. Скоро разглядѣлъ однакожь Пиппо, что на лицѣ женщины не было маски — это была Арапка. Она подошла ближе, и Пиппо могъ рассмотреть, что она молода и недурна собою. Арапка шла очень скоро; вѣтеръ обвивалъ около тѣла ея широкое, цвѣтистое платье, и обрисовывалъ ея стройныя члены. Пиппо пере-

вѣсилъ черезъ рѣшетку балкона, и съ удивленіемъ увидѣлъ, что Арапка стучится въ дверь его дома.

Придверникъ спалъ и не думалъ отпирать.

«Что тебѣ надобно?» вскричалъ Пиппо — «не комнѣ-ли ты пришла, черная красотка? Я Вечеліо, и бѣгу самъ отворить тебѣ двери...»

Арапка подняла голову.

— Ваше имя Помпоніо Вечеліо?

«Да, или Пиппо, если тебѣ угодно.»

— Вы сынъ Тиціана?

«Къ вашимъ услугамъ. Что тебѣ надобно?»

Обглядѣвши Пиппо быстрымъ, любопытнымъ взоромъ, Арапка отступила нѣсколько шаговъ назадъ, искусно бросила на балконъ маленькую коробочку, завернутую въ бумагу, и поспѣшно убѣжала потомъ, оглядываясь отъ времени до времени. Пиппо поднялъ коробочку, открылъ ее, и нашелъ въ ней прекрасный кошелекъ, обернутый хлопчатого бумагою. Не безъ основанія думалъ онъ, что тутъ должна быть записочка, которая объяснитъ ему все это непонятное приключеніе. Записочка, въ самомъ дѣлѣ, нашлась, но содержаніе ея было такое таинственно, что ничего не объяснило. Вотъ что прочиталъ Пиппо:

«Не расточай безразсудно того, что во мнѣ находится. Когда выходишь изъ дома, положи въ меня только одну золотую монету. Этого довольно тебѣ на день, а если вечеромъ останется у тебя что нибудь, какъ-бы малъ ни былъ остатокъ, вспомни, что всегда найдется бѣднякъ, который можетъ поблагодарить тебя за него.»

Когда молодой Вечеліо перевернулъ на сто манеровъ коробочку, осмотрѣлъ кошелекъ, снова посмотрѣлъ на улицу, и ясно увидѣлъ и убѣдился, что ему ничего тутъ разгадать невозможно — «Надобно признаться — сказалъ онъ — что я полу-

чить довольно странный подарок! Но онъ пришель ко мнѣ совсѣмъ не кстати. Совѣтъ хорошъ, да поздно говорить челоувѣку, что онъ тонетъ, когда онъ лежитъ уже на днѣ Адриатическаго залива! Одна-кожь кто могъ-бы послать мнѣ этотъ кошелекъ?»

Пиппо легко было теперь угадать, что Аранка была чья нибудь невольница. Онъ началъ перебирать въ своей памяти: кака могла быть женщина, или какой другъ, отъ которыхъ могъ онъ ожидать подобнаго подарка? Не увлекаясь скромностью, онъ тотчасъ убѣдился, что это, всего вѣрнѣе, была женщина, а не другъ. Кошелекъ былъ прекрасный — бархатный, вышитый золотомъ. Казалось, онъ отдѣланъ такъ искусно, что въ лавкѣ какого нибудь купца не могли бы найти ничего подобнаго. И вотъ Пиппо пересчиталъ сперва всѣхъ первыхъ красивыхъ Венеціанскихъ; потомъ тѣхъ дамъ, которыя были не такъ красивы. Но ни на одной не могъ онъ остановиться, и наконецъ спрашивалъ самого себя: что же ему дѣлать, и какъ узнать откуда шель кошелекъ? Между тѣмъ, онъ погружался въ самыя смѣлыя, самыя очаровательныя мечтанія. . . Одна Болонская княгиня, кажется, имѣла точно такой почеркъ, и у одной прелестной дамы изъ Бресчинъ былъ почти такой-же почеркъ, какъ въ этой записочкѣ — а рука, безъ сомнѣнія, женская. . .

Ничего нѣтъ неприятнѣе, если кака нибудь досадная мысль вдругъ промелькнетъ среди подобныхъ, усладительныхъ мечтаній. Это все равно, когда прогуливаясь по усыпанному цвѣтами лугу, наступите вы печально на змью. Точно такое чувство испыталъ теперь Пиппо, вспомнивши объ одной молодой синьорѣ, Моннѣ Біанкинѣ, котораю, съ нѣкотораго времени, страхъ какъ надоѣдала ему своею любовью. Съ этой красавицей было у него когда-то

мимоходомъ бальное волокитство, и она въ самомъ дѣлѣ была довольно красива, но Пиппо ни сколько не любилъ ее. Напротивъ, Монна Біанкина вдругъ смертельно въ него влюбилась, и видѣла пламенную страсть тамъ, гдѣ была только одна мимолетная учтивость. Она навязывалась къ нему на шено, часто писала къ нему, обременяла его плаксивыми упрёками, и Пиппо, выходя однажды изъ ея дома, поклялся, что никогда къ ней не воротится. Онъ строго держалъ свое слово. Но вотъ теперь ему пришло на мысль, что Монна Біанкина легко могла вышить кошелекъ, и послать этотъ кошелекъ къ нему. Такое подозрѣніе мгновенно разрушило всю веселость, всѣ мечты, которыми онъ такъ утѣшался. Угрюмо началъ онъ размышлять — потомъ сталъ находить свое предположеніе весьма вѣролтымъ, и наконецъ съ досадою заперъ онъ окно свое, и рѣшился лечь спать.

Но онъ не могъ уснуть. Не смотря на всѣ вѣролтности, ему невозможно было отказать отъ сомнѣнія, льстиваго его гордости, и невольно продолжалъ онъ мечтать, то стараясь забыть кошелекъ, и вовсе не думать объ немъ, то желая забыть о существованіи Монны Біанкины, и думая о посылкѣ кошелька совсѣмъ отъ другой дамы. Пиппо задернулъ занавѣсы своей постели, и обернулся къ стѣнѣ — свѣтъ дневный раздосадовалъ его. И вдругъ вскочилъ онъ съ своей постели, и громко звалъ своихъ служителей. Самая простая мысль пришла ему въ голову, и заставила его изумиться тому, какъ прежде онъ не подумалъ объ этомъ? Вѣдь Монна Біанкина была совсѣмъ не богата? У нея была одна только служанка, и эта служанка была совсѣмъ не Аранка, но толстая дѣвка, уроженка Кіоджии? Какъ же могла эта Монна Біанкина до-

стать себя для посылки къ нему неизвѣстную Арапку, которой прежде ни у кого въ Венеціи Пиппо не видывалъ? «О, будь благословенна твоя черная рожица, будьте благословенны вы, лучи палацаго солнца Африканскаго, отличившія отъ другихъ мою черную Ирису!» вскричалъ Пиппо. — И не останавливаясь болѣе ни минуты, онъ велѣлъ поскорѣе одѣвать себя, и подавать гондолу.

II.

Онъ рѣшился немедленно посѣтить синьору Доротею, жену авогадора Паскалиго. Эта дама, почтенная своими лѣтами, была одною изъ богатѣйшихъ и самыхъ умныхъ дамъ въ Венеціанской республикѣ. Кромѣ того, она была крестная мать Пиппо, и какъ не сыскалось-бы ни одной значительной особы въ Венеціи, которой бы она не знала, то Пиппо надѣялся, что синьора Доротея можетъ пояснить ему тайну, его занимавшую. Между тѣмъ, онъ вспомнилъ, что было еще слишкомъ рано итти къ его крестной матери, и Пиппо рѣшился сперва прогуляться гдѣ нибудь — онъ пошелъ подъ арки Прокурацій.

Случаю угодно было, чтобы ему встрѣтилась тамъ именно Монна Біанкина; она торговала разными тканями въ одной изъ богатыхъ лавокъ. Пиппо вошелъ въ слѣдъ за нею въ лавку, и самъ не зналъ для чего, послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ словъ, онъ ласково сказалъ ей: «Монна Біанкина — вы прислали мнѣ сегодня утромъ прекрасный подарокъ, и удостоили притомъ весьма мудрымъ совѣтомъ. Усердно благодарю васъ.»

Выражаясь съ видомъ совершенной увѣренности, онъ хотѣлъ, можетъ быть, вдругъ и нечаянно, освободиться отъ всякихъ сомнѣній, тревожившихъ его. Но

Монна Біанкина была такъ хитра, что не думала изъяснить никакого удивленія, не увѣрившись предварительно, нельзя ли будетъ ей тутъ чего нибудь выиграть, если она ни сколько не удивится словамъ Пиппо? Хотя въ самомъ дѣлѣ, она ничего не посылала къ молодому Вечеліо, но видѣла, что теперь можно заставить его въ чемъ нибудь проболтаться. И вотъ, отвѣчала она, что не понимаетъ, о чемъ онъ говорить; однако-жь, говоря отрицательно, постаралась улыбнуться такъ лукаво, и покраснѣть притомъ такъ скромно, что Пиппо остался увѣреннымъ, не смотря на отрицаніе, что кошелекъ точно былъ присланъ къ нему отъ нея. «А давно ли у васъ — спросилъ онъ еще — находится въ услуженіи такая хорошенькая Арапка?»

Смѣшанная неожиданнымъ вопросомъ, и не зная, какъ отвѣчать, Монна Біанкина колебалась съ минуту, потомъ громко захохотала, и поспѣшно ушла, не говоря ни слова. Оставшись одинъ, совершенно сбитый съ толку, Пиппо не захотѣлъ итти къ синьору Доротей, воротился домой, бросилъ кошелекъ въ уголь и пересталъ думать объ немъ.

«Станете-ли вы продолжать?» спросилъ синьоръ Веспазіано, старый нотарій Дожевой канцеляріи, когда Пиппо проигралъ всѣ деньги, какіа были при немъ.

— Нѣтъ! — отвѣчала Пиппо. — На слово я играть не буду.

«Но я ссужу вамъ денегъ, сколько хотите,» сказала Графиня Орспино.

— И я также — сказала Веспазіано.

«И я также,» повторилъ умный, звонкій голосокъ одной изъ множества «племянницъ» графини. «Но взгляните въ вашъ кошелекъ, синьоръ Вечеліо — тамъ еще остается одинъ цехинъ.»

Пиппо улыбнулся, и въ самомъ дѣлѣ, на днѣ кошелька ощупалъ онъ цехинъ, какъ-то забытый и уцѣлѣвшій. «Идетъ!» вскричалъ онъ. «Еще ставка, но больше я не играю!» Онъ схватилъ корнетъ, бросилъ кости, выигралъ, пошелъ на пароли, и — короче: онъ возвратилъ черезъ часъ весь проигрышъ этого дня, вчерашнѣй проигрышъ, и—«Станете-ли вы продолжать?» спрашивалъ онъ въ свой чередъ у Веспасіано, который угрюмо молчалъ.

— Нѣтъ! что я за дуракъ — дамъ разорять себя человѣку, который рискуеть только однимъ цехиномъ! Проклятый кошелекъ! Онъ вѣрно былъ заколдованъ...

Въ бѣшенствѣ вышелъ нотарій изъ залы. Пиппо также хотѣлъ итти, когда племянница, напоминая ему о цехинѣ, остановила его, смѣясь.

— Я сегодня воротила вамъ счастье, сеньоръ Пиппо. Подарите-жъ мнѣ этотъ цехинъ, на который вы отыгрались.

На цехинѣ была мѣтка, и по ней легко можно было узнать его. Пиппо огыскалъ этотъ цехинъ въ грудь другихъ, и протянулъ уже съ нимъ руку къ красивой племянницѣ графини, но вдругъ остановился.

— Клянусь честью, прелестная графиня — вскричалъ онъ — я не отдамъ вамъ его! Но чтобы показать вамъ, что это не изъ скупости — вотъ десять цехиновъ — прошу васъ принять ихъ. А что касается до этого — я послѣдую доброму совѣту, недавно мною полученному — я подарю его провидѣнію!

И говоря сіи слова, онъ кинулъ цехинъ за окно. «Возможно-ли,» думалъ онъ, возвращаясь домой, «возможно-ли, чтобы кошелекъ Монны Біанкины былъ мнѣ залогомъ на выигрышъ? Вотъ странная

насмѣшка случая: вещь для меня непріятная будетъ мнѣ источникомъ счастья!

Вскорѣ оказалось, въ самомъ дѣлѣ, что каждый разъ, когда бралъ онъ съ собою таинственный кошелекъ, слабое счастье валлоу къ нему. Опуская въ своей кошелекъ золотую монету при выходѣ изъ дома, онъ не могъ воздержаться отъ какого-то суевѣрнаго благоговѣнія къ этому кошельку, и неловко, нѣсколько разъ размышлялъ онъ о справедливости словъ, которые нашелъ въ запискѣ, бывшей при таинственномъ подаркѣ. «Цехинъ бездѣлка,» думалъ онъ, «однакожь, сколько есть людей, которые были-бы счастливы, если бы каждый день былъ у нихъ одинъ цехинъ?» Такая мысль сдѣлала его болѣе благоразумнымъ, и онъ уменьшилъ свои безразсудные расходы.

По несчастію, Монна Біанкина не забывала разговора съ Пиппо въ лавкѣ Прокурацій. Старался утвердить его въ заблужденіи, будго кошелекъ точно шелъ отъ нея, она посылала къ Пиппо, отъ времени до времени, букеты цвѣтовъ и разныя бездѣлки, сопровождая ихъ всегда нѣсколькими строчками. Мы уже сказали, что Пиппо несносны были ей преслѣдованія, и онъ не отвѣчалъ ей ни слова ни на одну записку. Доведенная до отчаянія, Монна Біанкина рѣшилась смѣлымъ поступкомъ преодолѣть упрямую холодность своего любовника, и рассердила Вечеліо рѣшительно. Она явилась къ нему въ его отсутствіе, дала нѣсколько денегъ его служителю, и успѣла спрятаться въ комнатахъ Пиппо. Когда явился онъ домой, Монна Біанкина встрѣтила его своими нѣжностями, и онъ увидѣлъ себя принужденнымъ объявить ей безъ всякихъ оговорокъ, что не можетъ ее терпѣть и проситъ навсегда оставить его въ покоѣ.

Мы сказали уже, что Бианкина была не дурна собою; она знала, что гнѣвъ не безобразить хорошенькаго личика, но она перешла за предѣлы, и вмѣсто нѣжныхъ упрековъ, осыпала Пиппо самыми ѣдкими укоризнами. Она говорила, что онъ обманулъ ее, увѣрилъ въ любви своей; что онъ обезславилъ ее; что она страшно отмститъ за себя. Пиппо не могъ слушать всего этого безъ сильнаго негодованія; онъ самъ разсердился въ свой чередъ, и чтобы доказать, что не боится ея гнѣва, принудилъ ее взять обратно букетъ, присланный къ нему поутру. Несчастный кошелекъ попался ему подъ руку. «Вотъ еще — возьмите, синьора,» вскричалъ онъ — «этотъ кошелекъ былъ мнѣ порукой счастья, но знайте, что вамъ не хочу я быть ни чѣмъ обязаннымъ — даже счастьемъ моимъ!»

Только что уступилъ онъ такому порыву гнѣва, какъ уже началъ раскаиваться. Монна Бианкина не такая дура была, чтобы захогѣла разувѣрять его во лжи, которой одолжена была своей печальной находкой. Какъ ни възбѣшена была эта женщина, но врожденная хитрость не оставляла ее. «Тутъ что нибудь скрывается,» думала она, взяла кошелекъ, и попышалась удалиться, твердо рѣшаясь отмститъ за обиду, и думалъ, что кошелекъ, можетъ быть, доставить къ тому самымъ вѣрнымъ средствамъ.

Вечеромъ, Пиппо игралъ по обыкновенію, и проигралъ. На слѣдующіе дни онъ не былъ счастливѣе. Кости шли къ Веспазіано, который выигралъ у Пиппо значительныя суммы. Пиппо разсердился на свое несчастье, на свое суевѣріе — пошелъ на пекороръ, продолжалъ играть, и проигрывалъ. Наконецъ, выходя однажды съ досадою отъ графини Орсино, онъ не могъ не остановиться на крыльцѣ, и не вскричать съ досадою: «Что за нелѣпость! Мнѣ

кажется, этотъ старый дуракъ былъ правъ, утверждалъ, что мой кошелекъ былъ заколдованъ! Я проигрываю теперь безпрестанно, съ тѣхъ поръ, какъ возвратилъ его Бианкинѣ!»

Въ это мгновеніе, передъ нимъ мелькнули широкое, цвѣтистое платье и черная красивая головка Арапки. То была таинственная посланница, передавшая ему кошелекъ. Пиппо бросился за нею поспѣшно, догнавъ ее, и спросилъ: кто она, и чья она?

— А развѣ вы не знаете? — отвѣчала Арапка, съ лукавою усмѣшкою.

«Догадываюсь. Ты служанка Монны Бианкины.»

— Я? А кто эта Монна Бианкина, синьоръ?

«Та самая, что поручила тебѣ передать мнѣ кошелечку, которую бросила ты ко мнѣ на балконъ.»

— Не думаю, синьоръ.

«Я это хорошо знаю. Ты напрасно скрываешься. Она сама мнѣ обо всемъ сказала.»

— Она сама вамъ сказала... — Нѣсколько мгновеній, Арапка казалась перѣшительною. Она пожала плечами, подумала, и легонько ударивши въеромъ Пиппо, вскричала, убѣгая отъ него:

«Синьоръ! надъ вами безсозвѣстно посмѣлялись!»

Улицы Венеціанскія такой лабиринтъ, онъ такъ перепутанъ, пересѣкаются на столько манеромъ, и такъ прихотливо, различно, неожиданно, что Пиппо, упустивши Арапку съ самаго начала изъ рукъ, не могъ уже догнать ее. Онъ остановился въ замѣшательствѣ, чувствуя, что сдѣлалъ двѣ глупости — далъ обмануть себя Моннѣ Бианкинѣ, и отдалъ ей драгоценный талисманъ, а потомъ ничего не умѣлъ вывѣдать отъ Арапки. Повѣся голову, безъ мыслей бродилъ онъ по улицамъ, и, самъ не зная какъ, направилъ путь къ палатамъ синьоры Доротеи, своей

крестной матери. Онъ раскаивался, что давно не посетилъ этой дамы, какъ предполагалъ вѣкогда, тотчасъ по полученіи кошелька. Обыкновенно совѣтовался онъ съ нею во всѣхъ важныхъ случаяхъ жизни, и рѣдко совѣты ея не приносили ему добра и пользы.

Онъ нашелъ свою крестную мать одну, въ саду, и почтительно поцѣловавши руку ея, сказалъ ей: «Посудите о моей глупости, добрая маменька: мнѣ давно уже прислали кошелекъ, а я!»...

Но едва выговорилъ онъ сіи слова, какъ синьора Доротей начала смѣяться. — «Ну, что же ты?» сказала она — «развѣ этого кошелекъ тебѣ не нравился? Развѣ ты находишь, что золотое шитье не красиво по алому бархату?»

— Какъ? — вскричалъ Пиппо — возможно ли? Развѣ вы знаете?

Но въ это мгновеніе, нѣсколько сенаторовъ вошли въ садъ. Синьора Доротей пошла встрѣчать ихъ, и ничего болѣе не отвѣчала на вопросы, которыми забросалъ ее нетерпѣливый Пиппо.

III.

Когда удалились гости, синьора Доротей ничего не хотѣла объяснить своему крестнику, не смотря на его усердныя просьбы и убѣжденія. Она даже досадовала на себя, что въ веселомъ расположеніи духа, нечаянно, высказала ему, что она знаетъ тайну шалости, въ которой не хотѣла принимать никакого участія. Но Пиппо настоялъ.

— Мой другъ! — сказала ему наконецъ синьора Доротей — все, что могу сказать тебѣ, состоитъ вотъ въ чемъ: можетъ быть, если бы я открывала тебѣ имя той особы, которая вышивала для тебя этотъ кошелекъ, то оказала бы для тебя большую

услугу. Знай, что это одна изъ самыхъ благородныхъ и самыхъ прекрасныхъ дамъ Венеціанскихъ. Покаместъ, этого для тебя довольно. Не смотря на желаніе мое услужить тебѣ — я должна молчать. Не измѣню тайнѣ, которая известна только мнѣ одной, и могу открыть ее тебѣ тогда только, когда не нарушу этимъ дружеской довѣренности....

«Довѣренности, милая маменька? Но можете ли вы думать, что вѣря мнѣ, мнѣ одному...»

— Понимаю — отвѣчала старая синьора, и какъ будто, не смотря на свои лѣта и званіе, она не могла удержаться отъ маленькой шалости — ты иногда пишешь стихи, кажется — сказала она — почему не сочинишь ты какогонибудь миленькаго сонета на свое таинственное приключеніе?

Видя, что онъ не добьется ничего болѣе, Пиппо пересталъ надѣяться синьорѣ Доротей просьбами, но любопытство его, какъ легко можно себя представить, было возбуждено въ величайшей степени. Онъ остался обѣдать у авогадора Паскалиго, все еще не рѣшаясь разстаться съ своей крестной матерью, и надѣясь, что прекрасная незнакомка его придетъ, можетъ быть, вечеромъ, посетитъ синьору Доротей. Но она не пришла. Явились только сенаторы, судьи, и другіе важные и степенные особы.

При захожденіи солнца, молодой человекъ удался отъ ихъ общества; онъ съѣлъ въ прелестной, маленькой бесѣдкѣ. Тутъ думалъ онъ о томъ, что ему теперь дѣлать, и рѣшился на два предпріятія, весьма великія: захотѣлъ принудить Біанкину возвратитъ ему кошелекъ, и кромѣ того, послѣдовать совѣту, какой дала ему синьора Доротей, будто шутя — написать сонетъ на свое таинственное приключеніе. Онъ положилъ еще, кромѣ того, отдать этотъ сонетъ своей крестной матери, которая, вѣро-

лтно, не замедлить передать его, как навѣрное полагаля Пиппо, прекрасной незнакомкѣ. Не желя терять болѣе времени, онъ тотчасъ принялся исполнять свое двоякое рѣшеніе.

Тщательно оправилъ онъ свое платье, надѣлъ щегольски на ухо красивый токъ свой, осмотрѣлся въ зеркало, принялъ веселый, вкрадчивый видъ — первая мысль его была: снова увлечь Біанкину притворными изъясненіями страсти, и убѣдить ее ласкою. Но онъ тотчасъ отказался отъ своего намѣренія, вспоминая, что такими средствами онъ снова оживитъ страсть этой неспособной женщины и возобновитъ ея преслѣдованія. Пиппо рѣшился на противное. Онъ побѣждалъ къ ней опротивело, какъ будто въ величайшемъ бышенствѣ, и приготовился разыграть съ нею отчаянную сцену, испугать ее такъ, чтобы впередъ она оставила его въ покоѣ.

Монна Біанкина была одна изъ тѣхъ бѣлокурыхъ съ черными глазами Венеціянокъ, ненависть которыхъ всегда считалась самою опасною. Съ тѣхъ поръ, какъ обошелся съ нею столь неучтиво, Пиппо не получалъ уже отъ нея никакихъ посланій и подарковъ. Безъ сомнѣнія, она готовила въ тайнѣ мщеніе, которымъ такъ страшно грозила ему. Надобно было поступить рѣшительно, не боясь увеличить бѣды. Монна готова была идти куда-то, когда молодой человекъ приближалъ къ ней, остановилъ ее на крыльцѣ, и принудилъ возвратиться въ комнату.

«Несчастна!» вскричалъ онъ — «что ты сдѣлала? Ты погубила меня своимъ ужаснымъ коварствомъ!»

— Великій Боже! что я вамъ такое сдѣлала, синьоръ? — спрашивала Біанкина, изумленная и испуганная.

«И ты еще спрашиваешь! Гдѣ кошелекъ, который осмѣлилась ты назвать своимъ, присланымъ

ко мнѣ отъ тебя? Осмѣлишься-ли еще утверждать свою безстыдную ложь?

— Что вамъ до того, солгала-ли я, или нѣтъ! Гдѣ кошелекъ вашъ — я не знаю.

«Ты умрешь, если не отдашь мнѣ его!» вскричалъ Пиппо, бросааясь къ ней. И не думая жалѣть новаго платья, въ которое нарядилась на этотъ разъ красотка, онъ сорвалъ съ нея дорожное покрывало, и приставилъ кинжалъ къ груди ея.

Біанкина почла себя погибшею, и хотѣла звать на помощь. Но Пиппо закрылъ ей ротъ платкомъ, и не давалъ произнести ни одного слова, принудилъ ее возвратитъ кошелекъ, по счастью еще неистребленный ею. «Ты была причиною бѣдствія одного изъ сильныхъ семействъ въ Венеціи — ты нарушила семейственное спокойствіе одного изъ богатѣйшихъ домовъ вельможескихъ! Треници — тебя будутъ преслѣдовать сильные, неумолимые враги — ни ты, ни мужъ твой не ступите теперь шагу, безъ того, чтобы сто глазъ не наблюдали за вами! *Sudii Nogi* вписали уже имя твое въ свою страшную книгу — вспомни о темницахъ Дожева дворца! Одно спасеніе твое — хранить въ глубочайшемъ молчаніи тайну, которую нечаянно узнала отъ меня твою безразсудная злость. При первомъ словѣ, сказанномъ объ ней другому — ты и всѣ родные твои погибнете!»

Онъ убѣждалъ при сихъ словахъ, и всякій, кто только знаетъ прежнюю Венецію, согласится, что страшнѣе такихъ словъ нельзя было ничего думать. Немилосердья, тайныя опредѣленія неумолимаго *corte maggiore* распространяли на все такой ужасъ, что тотъ, кто только почиталъ себя подозрѣваемымъ, считалъ уже себя погибшимъ. Точно такъ думалъ мужъ Біанкины, синьоръ Оріо, которому

жена рассказала слышанное ею отъ Пиппо. Правда, что БIANKина сама не знала причины обвиненія, да и Пиппо не могъ знать этого, потому, что все говоренное имъ была пустая выдумка. Но синьоръ Оріо судить очень благоразумно, что нѣтъ никакой надобности знать, чѣмъ возбудилъ онъ противъ себя подозрѣніе тайнаго суда, а самое главное дѣло, надобно поскорѣе укрыться отъ его преслѣдованія. Онъ не былъ уроженецъ Венеціанскій; родственники его жили на материкѣ Венеціанскомъ, и на другой-же день отправился онъ къ нимъ съ своею женою; они не возвращались въ Венецію, и болѣе ничего объ нихъ не было слышно. Такъ счастливо успѣлъ Пиппо найти средства освободить себя отъ БIANKины, и съ барышемъ заплатить ей за злую шутку, съ нимъ сыгранную. Всю жизнь свою потомъ думала она, что съ проклятымъ кошелькомъ была связана какая нибудь страшная государственная тайна, нечаянно попавшая къ ней, и какъ въ этомъ странномъ приключеніи все было для нея тайною, то она терлась въ догадкахъ и предположеніяхъ. Родственники синьора Оріо составили изъ этого приключенія предметъ безконечныхъ разсказовъ и разговоровъ. Складывая догадку на догадку, они выстроили наконецъ огромный воздушный замокъ. «Знатная дама — говорили они — влюбилась въ молодого Тицанелло, то есть, сына Тицанова, который опять влюбился въ Монну БIANKину, и разумеется, терлъ вздохи по пустому передъ ея неумолимою добродѣтелью. И вотъ, влюбленная знатная дама вышила своими руками кошелькъ, и подарила его Тицанеллу. А какъ эта знатная дама, ни больше, ни меньше, была сама Догаресса, то судите объ ея гнѣвѣ, когда узнала она, что Тицанелло, въ порывѣ несчастной страсти, пожертвовалъ

подаркомъ ея БIANKинѣ!» Такова была семейная хроника, которую сто разъ, потихоньку, пересказывали въ Падуѣ, въ маленькомъ домикѣ синьора Оріо, за самую величайшую тайну.

Довольный успѣхомъ своего перваго подвига, нашъ герой началъ думать объ исполненіи другаго предпріятія. Надобно было сочинить сонетъ для прекрасной незнакомки. Странная завязка всего этого приключенія разгорячила его воображеніе, и быстро набросалъ онъ нѣсколько стиховъ, гдѣ въ самомъ дѣлѣ было что-то похоже на восторгъ. Надежда, любовь, мечта—все звучныя слова, на которыя такъ щедры бываютъ поэты, все страстныя выраженія поэзіи толпой вертѣлись и кружились въ головѣ Пиппо. «Но,» подумалъ онъ, «вѣдь крестная мать моя сказала, что я буду поэтомъ для одной изъ знатнѣйшихъ и прекрасныхъ дамъ Венеціанскихъ! Мнѣ надобно соблюсти въ сонетѣ моему приличныи ладъ, и говорить почтительно...»

Онъ бросилъ написанное, и переходя изъ одной крайности въ другую, набралъ нѣсколько звонкихъ рифмъ, къ которымъ, не безъ труда, старался подобрать мысли, похожія на его неизвѣстную даму, то есть, самыя прекрасныя и самыя благородныя, какія только онъ могъ придумать. Слишкомъ смѣлую надежду замѣнило теперь робкое сомнѣніе; вмѣсто любви и тайны явились почтеніе и благодарность. Не смѣлъ прямо хвалить прелестей дамы, которой онъ еще не имѣлъ счастья видѣть, Пиппо употребилъ такіа неопредѣленныя выраженія, что ихъ можно было примѣнить ко всѣмъ въ мѣрѣ красавицамъ. Словомъ сказать — черезъ два часа тяжкаго размышленія и скучнаго труда, явилась у него дюжина стиховъ, сносныхъ, очень звучныхъ, и — самыхъ пошлыхъ.

Пиппо переписалъ свое поэтическое твореніе весьма красиво, на прекрасномъ листочкѣ пергамента, и по краямъ обрисовалъ его пестрыми цвѣточками и птичками. Но едва работа его была кончена, и едва прочиталъ онъ стихи свои еще разъ, какъ они полетѣли черезъ окно въ каналъ, протекавшій подлѣ дома нашего юнаго поэта. «Что же мнѣ дѣлать?» вскричалъ онъ. «Къ чему однакожь дорожить мнѣ этимъ глупымъ приключеніемъ — прибавилъ онъ съ досадою — если сердце мое ничего мнѣ не подсказываетъ!»

Онъ взялъ свою мандолину, началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, ваигрывая старинную пѣсенку, для которой слова составлялъ сонетъ Петрарки. Черезъ четверть часа, Пиппо остановился; сердце его сильно билось. Кошелекъ, вырванный имъ изъ рукъ Біанкины, лежалъ теперь передъ нимъ на столѣ, какъ побѣдный трофей, и вдохновилъ его. Онъ забылъ всѣ приличія, всѣ условія — не думалъ о томъ, хорошо ли это будетъ...

«Нѣтъ!» говорилъ онъ, «та, которая сдѣлала мнѣ такой подарокъ, любить меня, и — умѣетъ любить! Подобная работа была продолжительна и не легка; эти нѣжные шелки, эти живые цвѣты — сколько времени требовали они — и во все это время обо мнѣ думала она! Въ немногихъ словахъ, которыми сопровождала она свой подарокъ, былъ урокъ нѣжнаго друга, и не было ни одного двумысленнаго слова! Это любовный вызовъ, посланный сердцемъ чудной женщины — я достоинъ поднять ея перчатку, если она думала обо мнѣ, какъ о человѣкѣ, достойномъ ея вызова...»

Опять принялся онъ за работу, и схвативши перо свое, трепеталъ, такъ трепеталъ, какъ никогда не трепеталъ онъ, ставя на кости огромную сумму.

Не размышляя, не останавливаясь, быстро написалъ онъ сонетъ, и вотъ что было въ этомъ сонетѣ, облеченное, разумеется, въ звучный, пламенный стихъ Итальянскій:

«Еще ребенкомъ, читая сонеты твои, Петрарка, я хотѣлъ дѣлиться съ тобой славою. Какъ поэтъ любилъ ты, и пѣлъ, какъ любовникъ. Богъ любви внушалъ тебѣ слова твои!»

«Онъ открылъ тебѣ тайну — заключать въ стихъ свой биеіе сердца, мимолетный вздохъ любви, и съ улыбкою вырывалъ онъ сонеты твои на алмазъ, своєю золотою стрѣлою!»

«О ты, которая удостоила меня твоимъ дружескимъ привѣтомъ, и теперь уже забыла объ немъ — пусть благодарность моя снова напомнитъ тебѣ привѣтъ твой!»

«У меня сердце Петрарки, но пѣть его гелія. Безвѣстный въ толпѣ людей, только любить могу я, и страшиться, что любовь моя будетъ безответна!»

На другой день, Пиппо явился къ синьорѣ Доротѣ. Едва остался онъ съ нею наединѣ, какъ положилъ на колѣни ея свой сонетъ, и смиренно сказалъ: «Вотъ отвѣтъ вашей знаменитой незнакомкѣ». Синьора Доротей казалась съ начала удивленною, но когда прочла она стихи, то стала увѣрять, что ни за что въ свѣтъ, и ни кому не согласится передать ихъ. Пиппо смѣялся. Убѣжденный въ противномъ, поспѣшно оставилъ онъ синьору, ручаясь честью, что ни какаѣ дама не оскорбится изъясненіемъ чувства, столь скромнаго и столь почтительнаго.

IV.

Между тѣмъ, всю слѣдующую недѣлю провелъ онъ въ большомъ безпокойствѣ, которое было однакожь не безъ прелести. Онъ не выходилъ изъ своего дома; онъ не смѣлъ, такъ сказать, пошевелить-

ся съ мѣста, представляя все исполнить судьбѣ. Въ этомъ дѣйствовалъ Пиппо такъ благоразумно, какъ рѣдко дѣйствуютъ въ его возрастъ; ему было только двадцать пять лѣтъ, и нетерпѣливая юность часто заставляла насъ переходить за предѣлы, стараясь скорѣе достигъ своей цѣли. Фортуна хотеть, чтобы мы помогли сами себѣ, и умѣли схватить ее кстати, потому что, какъ говаривалъ Наполеонъ — Фортуна женщина. Но по этой-же самой причинѣ, она хотеть показывать, будто добровольно ссужаетъ тѣмъ, что у нея отнимаютъ, и надобно давать рукъ ея время раскрыться.

Въ девятый день, вечеромъ, прихотливая полубогиня сама постучалась у дверей молодаго чело-вѣка, и не изъ пустяковъ, какъ вы далѣе увидите. Онъ самъ побѣждалъ отпирать ей двери. Фортуна, въ образъ красивой, знакомою Арапки, стояла на порогѣ и держала въ рукахъ розу. Эту розу пода-ла она Пиппо.

— Поцѣлуйте этотъ цвѣтокъ — сказала Арапка — на немъ поцѣлуй моею госпожи. Можетъ-ли она безопасно придти къ вамъ?

«Это будетъ большая неосторожность», отвѣчалъ Пиппо. «Днемъ ей нельзя быть у меня — мои слу-жители увидятъ ее. Можетъ-ли она придти вече-ромъ?»

— Нѣтъ, и можете-ли вы требовать этого отъ нея? Она не смѣетъ принять васъ у себя, не можетъ и придти къ вамъ иначе, какъ днемъ.

«И такъ мы должны видѣться гдѣ нибудь..... Я назначу мѣсто.

— Она не согласится. Сюда хотеть она придти, а взять предосторожности — это ваше дѣло.

Пиппо задумался на нѣсколько мгновений. «Рано-ли встанетъ твоя госпожа?» спросилъ онъ у Арапки.

— Съ восхожденіемъ солнца.

«Хорошо — слушай: я встаю, обыкновенно, весь-ма поздно, и всѣ спать у меня сколько кому угод-но. Если госпожа твоя можетъ придти ко мнѣ на разсвѣтъ — я буду ждать ее, и она можетъ войти ко мнѣ такъ, что ее никто не увидитъ. Проводить ее потомъ, также скрытно и тайно, я беру на себя, если только она можетъ остаться у меня до ве-чера.

— Можетъ. Хотите ли вы назначить для свиданія завтрашній день?

«Завтра на разсвѣтъ.» — Пиппо поспѣшно пере-далъ посланницѣ горсть цехиновъ, ничего не сказавъ болѣе, возвратился въ свою комнату, и заперся въ ней, рѣшась бодрствовать до утра. Онъ велѣлъ служи-телямъ раздѣть себя, желая увѣрить ихъ, будто ло-жится спать, но едва остался онъ одинъ, какъ за-жегъ огонь, надѣвъ вышитую золотомъ рубашку, кружевной воротничекъ, и полукафтанье бѣлаго бар-хата, съ рукавами изъ Китайскаго атласа. Разодѣтый самымъ щегольскимъ образомъ, онъ сѣлъ къ окну, и началъ мечтать о своемъ странномъ, непостижи-момъ приключеніи.

Не подумайте, чтобы ему не нравились, казались предосудительными поступокъ неизвѣстной краса-вицы, и эта поспѣшность, съ какою назначила она ему свиданіе. Не забудьте прежде всего, что въ каждомъ вѣкѣ, въ каждой странѣ есть свои обы-чаи, и они не кажутся тамъ достойными осужде-нія, когда ихъ безъ милосердія осудили-бы въ другое время и въ другой странѣ. Помните, что разсказъ нашъ относится къ XVI вѣку, а любовь Итальянская въ тотъ вѣкъ не ползала черепахой, какъ ползаетъ наша современная любовь. По са-мымъ достовѣрнымъ извѣстіямъ, то, что теперь наз-

вали-бы грубостью нравовъ, считалось тогда просто-тою и искренностью, и нѣтъ сомнѣнiя, что нынѣшнюю скромность нашу тогда назвали-бы лицемерствомъ и жеманствомъ. У всякаго времени свои нравы и обычаи. Итальянка XVI-го столѣтiя уступала страсти своей, не терзая нетерпѣливаго любовника томительнымъ ожиданiемъ и кокетствомъ, и онъ совсѣмъ не терзалъ выгоднаго объ ней мнѣнiя, если скоро дѣлался счастливымъ—не краснѣли отъ того, что казалось очень обыкновенно и естественно. Помните, что въ то время, придворный Французскаго Короля являлся ко двору, приколотивши на шляпу, вмѣсто плюмажа, шелковый чулокъ своей любовницы, и незастѣнчиво отвѣчалъ тѣмъ, кто дивился, встрѣчая его въ Лувръ въ такомъ странномъ нарядѣ, что это чулокъ съ ножки прелестной дамы, отъ любви къ которой онъ просто умираетъ.

Впрочемъ, и самый характеръ Пиппо былъ таковъ, что даже родившись и въ наше время, онъ думалъ-бы не совсѣмъ по нашему. У него были на это свои причины. Не смотря на свою вѣтренность и свое безразсудство, если онъ способенъ былъ солгать другимъ, за то онъ не лгалъ самому себѣ. — Мы хотимъ сказать, что онъ любилъ все по внутренней цѣнности, а не по наружному виду, и способный притвориться, онъ только прикрывалъ хитростью искреннее желанiе. И вотъ, онъ думалъ, что если есть какая нибудь прихоть въ поступкѣ неизвѣстной красавицы, то, по крайней мѣрѣ, это не прихоть кокетки. Доказательствомъ самымъ вѣрнымъ были для него тщательность и старанiе, съ какимъ вышиты были присланный къ нему кошелекъ, и продолжительное время, какое надобно было употребить для его вышиванья, могло ли показывать вѣтренность кокетки?

Впрочемъ — будемъ откровенны — кто изъ насъ слишкомъ угрюмо и строго разсуждаетъ, если его ждетъ свиданiе съ красавицею !

Да, красавица-ли она?

Лелѣя мысль о своемъ счастии, Пиппо невольно вспомнилъ о Турецкихъ свадьбахъ. Женихъ не видитъ лица своей невесты до самаго совершенiя брака. Онъ вѣритъ тому, что сказали ему другiе, и женится на чужое слово. Когда всѣ обряды кончатся, невеста открываетъ лицо свое передъ женихомъ, который можетъ тогда повѣрить самъ—ошибся онъ, или нѣтъ, въ лоттерей супружества? Отказываться бываетъ тогда поздно, и разумѣется, всего лучше почестъ себя въ барышахъ. А всего лучше и странно, по разсказамъ самыхъ правдивыхъ путешественниковъ, что на Востокъ гораздо менѣе бываетъ несчастливыхъ супружествъ, нежели у насъ на Западѣ...

Однакожь, Турки могутъ быть счастливы какъ угодно, не видя своихъ невестъ до тѣхъ поръ, когда уже не льзя отъ нихъ отказаться, а Пиппо очень хотѣлось узнать предварительно: красавица-ли была дама его страстныхъ мечтанiй?

Онъ не жалѣлъ о томъ, что ничего не спрашивалъ у Арапки: какая служанка въ подобномъ случаѣ не расхвалитъ своей госпожи, хотя бы она была страшна, какъ смертный грѣхъ? Двухъ словъ, нечаянно вырвавшихся у синьоры Доротей, было достаточно нашему молодому человѣку. Ему хотѣлось только знать—брюнетка или блондинка его дама, красавица, безъ всякаго сомнѣнiя? Чтобы составить себѣ понятiе о женщинѣ, когда знаютъ уже, что она хороша, надобно непременно знать цвѣтъ ея волосовъ. Пиппо долго колебался между русымъ и чернымъ цвѣтомъ; наконецъ, онъ рѣшился на нѣчто

среднее — онъ успокоился, увѣрившись, что у незнакомки его волосы каштановаго цвѣта.

Но, опять новая забота! Надобно рѣшить: какого цвѣта у нея глаза? Разумѣется, черные, если она брюнетка, и голубые, если она блондинка. Онъ вообразилъ ихъ себѣ голубыми, но не тѣми голубыми, которые сбиваются между зеленою и сѣротою, но голубыми чистыми, какъ лазурь неба, голубыми, которые въ минуты вдохновительной страсти принимаютъ цвѣтъ мрачнѣе, и дѣлаются темны, какъ вороново крыло.

И вотъ, у незнакомки были теперь прекрасные волосы, прекрасные глаза, но едва только Пиппо подарилъ ее глазами, какъ воображеніе его начало рисовать вокругъ этихъ глазъ, пѣвнующихъ взглядомъ нѣги и роскоши, лобъ, какъ снѣгъ бѣлый, и двѣ щеки, розовыя, какъ лучи солнца на Альпійскихъ горныхъ снѣгахъ. Между этихъ двухъ щечекъ, мягкихъ, будто персикъ, казалось ему, видитъ онъ носикъ, носикъ—такой, какой видимъ мы на древнихъ бюстахъ, и который художники называютъ «Греческимъ амуромъ.» А тамъ обрисовались передъ Пиппо альій ротикъ, ни очень большой, ни очень маленький, сквозь два ряда жемчужинъ, дышащій небомъ любви, а тамъ обозначился подбородокъ, немножко округленный къ низу; физиогномія открытая, но утомленная страстью, и сверхъ бѣлой, гладкой, безъ малѣйшей складочки шеи, нѣжно заколыхалась вся эта чудная головка, какъ цвѣтокъ на стеблѣ своемъ, головка граціозная, головка *симпатическая*—*simpaticea*, какъ выражаются Италіянцы своимъ непереводаемымъ словомъ... Ахъ! прекрасному этому очерку, созданному роскошною фантазією, не доставало только дѣйствительности... Но, она придетъ—думалъ Пиппо—она будетъ здѣсь съ наступившимъ

днемъ... И вотъ что потомъ оказалось удивительно: въ странной мечтательности своей, Пиппо создалъ себѣ, самъ не понималъ какъ, вѣрный образъ своей будущей подруги....

Когда съ сторожеваго фрегата республики, стоявшаго при входѣ въ портъ, раздался пушечный выстрѣлъ, возвѣщая шесть часовъ утра, Пиппо увидѣлъ, что свѣтъ лампы его становится красноватымъ, и легкій голубой отбѣнокъ цвѣтится на стеклахъ его окна. Онъ тотчасъ бросился къ окну. Не дремлющими, полусонными глазами смотрѣлъ онъ на сей разъ — нѣтъ! Ночь пролетѣла у него безъ сна, но еще никогда не чувствовалъ себя Пиппо столь бодрымъ и свѣжимъ. Зари начинала показываться, а Венеція спала еще — эта лѣнивая отчизна наслажденій не просыпается рано. Когда у насъ открыты уже лавки, проходящіе попадаютъ повсюду, кареты гремятъ по улицамъ—въ Венеціи, безмолвный туманъ стелется еще по опустѣлымъ лагунамъ, и какъ будто занавѣсомъ закрываетъ молчаливыя, великолѣпныя палаты. Ввторокъ едва рябилъ воду; нѣсколько парусовъ мелькало вдали къ прибрежью Фузинскому, неся царицѣ морей дневные запасы. Только непрерывно длцимъ дѣлался надъ заснувшимъ городомъ, возвышенный на кампаниллу Св. Марка ангель, и первые лучи солнца блистали уже на его позолоченныхъ крыльяхъ.

Но вотъ, въ безчисленныхъ храмахъ Венеціи загремѣлъ шумный *ангелусъ*. Голуби республики, извѣщенные звономъ колоколовъ, который привыкли они различать съ изумительнымъ инстинктомъ, полетѣли стадами на Славянскую набережную, гдѣ на Большой Площади всегда рассыпали для нихъ въ положенный часъ зерна. Туманы рѣдѣютъ; солнце восходить; кое-кто изъ рыбаковъ стряхиваютъ

свои плащи, и начинают мести и чистить свои барки. Одинъ изъ нихъ затягиваетъ звонкимъ, чистымъ голосомъ куплетъ національной пѣсни; съ купеческаго корабля отвѣчаетъ ему бастъ; другой, болѣе отдаленный, присоединяется къ припѣву второго куплета, и — вотъ составилъ хоръ; каждый поетъ, не переставая работать, и звучная утренняя пѣсня Венеціанъ привѣтствуетъ дневный свѣтъ.

Домъ Пиппо находился на Славянской набережной, не далеко отъ палатъ Нани, на углу небольшого канала. Въ это мгновеніе, въ глубинѣ этого темнаго канала мелькнула гондола. Только одинъ баркароль стоялъ на кормѣ ея, но легкая лодочка разсѣкала волны съ быстротою стрѣлы, и скользила, казалось, а не плыла, по темному зеркалу, въ которое мѣрно било плоское весло гребца ея. Тамъ, гдѣ надобно ей было повернуть подъ мостъ, раздѣляющій каналъ отъ большой лагуны, гондола остановилась. Дама, въ маскѣ, легкая, стройная, вышла изъ гондолы и поспѣшно пошла на берегъ. Немедленно бросился въ низъ, и приблизился къ ней Пиппо. — «Вы-ли это?» сказалъ онъ тихо. Въмѣсто отвѣта, незнакомка взяла его за руку и послѣдовала за нимъ. Никто еще не вставалъ въ домъ Пиппо. Не говоря ни одного слова, на цыпочкахъ промелькнули Пиппо и незнакомка по нижней галлерей, гдѣ крѣпко спалъ придверникъ. Пришедъ въ комнаты молодаго человека, дама сѣла на софу, и нѣсколько мгновеній оставалась задумчивою и безмолвною. Вдругъ потомъ сбросила она съ себя маску. Пиппо увидѣлъ, что синьора Доротея не обманула его, потому, что передъ нимъ была, въ самомъ дѣлѣ, одна изъ первыхъ красавицъ Венеціанскихъ, наследница двухъ знатныхъ семействъ — *Беатриса Лоредано*, вдова прокуратора *Донатто*.

V.

Невозможно передать словами прелести первыхъ взглядовъ, которые бросила вокругъ себя Беатриса, когда сняла маску; она была уже года два вдовою, но всего ей было только 24 года, и хотя поступокъ ея могъ показаться слишкомъ смѣлымъ, но еще въ первый разъ осмѣлилась она на такой поступокъ, впрочемъ весьма обыкновенный въ тогдашней Венеціи. Она не знала страсти, любила своего стараго мужа, и не вѣдала любви, пока не узнала Пиппо. И вотъ все это такъ смѣшало ее, что дорогою готова была она сто разъ воротиться домой; всѣ силы души надобно было ей собрать — и взоры ея выражали теперь любовь, замѣшательство, рѣшительность... въ нихъ была цѣлая поэма любви и страсти...

Пиппо глядѣлъ на нее съ такимъ изумленіемъ, что не могъ выговорить ни слова. Нигдѣ и ни когда нельзя видѣть красавицы безъ какого-то удивленія и почтенія. Нѣсколько разъ встрѣчалъ Пиппо Беатрису на прогулкахъ и въ разныхъ собраніяхъ. Сто разъ самъ онъ хвалилъ ее и слышалъ похвалы ей отъ другихъ. Она была дочь Петра Лоредано, члена Совѣта Десяти, потомка знаменитаго Лоредано, участвовавшаго въ осужденіи несчастнаго Фоскари. Гордость этой старинной фамилии была слишкомъ извѣстна въ Венеціи, и Беатриса считалась наследницею всей гордости своихъ предковъ. Весьма молодою выдали ее за стараго прокуратора Марко Донато. Смерть бездѣтнаго мужа сдѣлала ее владѣтельницею великаго богатства. Первые вельможи Венеціанской республики искали руки ея, но на всѣ усилія, съ какими старались ей нравиться, она всегда отвѣчала только презирающимъ равнодушіемъ. Словомъ: ея гордый, почти дикій харак-

теперь вошелъ въ поговорку. И вотъ Пиппо былъ изумленъ двояко: если съ одной стороны, онъ не осмѣливался-бы и думать, что таинственная незнакомка его была Беатриса Донато, то съ другой, ему казалось, смотря теперь на нее, что онъ видитъ ее въ первый разъ — такъ была она не похожа на известную ему до сихъ поръ, холодную Беатрису! Да, если любовь придаетъ прелесть лицамъ самымъ обыкновеннымъ, то въ эти мгновения показала она все свое могущество, одушевляя красоту и безъ того очаровательную...

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, Пиппо почтительно приблизился къ Беатрисѣ. Краснорѣчиво заговорилъ онъ, изображалъ ей свое изумленіе и свою благодарность. Но она ничего не отвѣчала — казалось, она ничего не слушала. Она оставалась неподвижною, какъ будто ничего не видитъ, какъ будто все окружающее ее мечтается ей сномъ. Долго говорилъ Пиппо — онъ остановился наконецъ, и взялъ ея руку.

— Вы прислали мнѣ вчера поцѣлуй на розѣ — позвольте мнѣ возвратитъ его вамъ на цвѣткѣ болѣе прекрасномъ, болѣе миломъ.

Онъ поцѣловалъ ея руку. Беатриса, молча, остановила на Пиппо взоръ, неопредѣленно летавшій по сторонамъ до тѣхъ поръ. Тихо оттолкнула она отъ себя пламеннаго Пиппо, и сказала ему, потупивъ въ землю глаза, съ выраженіемъ грусти:

« Ты не будешь любить меня — твоя любовь мимолетна, прихоть сердца — но я — я люблю тебя — позволь мнѣ просить тебя на колыняхъ...

Колыни ея подогнулись. Тщетно Пиппо хотѣлъ остановить ее, упрашивалъ, умолялъ. Беатриса скользнула между рукъ его и стала на колыни.

Необыкновенно — нѣтъ! больше — неприятно видѣть женщину въ такомъ унижительномъ положеніи. Пусть будетъ это знакъ любви, онъ долженъ принадлежать только мужчине, ибо тогда онъ показываетъ добровольное смиреніе силы, а безъ того — это тяжкое положеніе — на него нельзя смотрѣть безъ негодованія — это положеніе, исторгающее иногда помилованіе преступнику отъ неумолимыхъ судей! Но Пиппо съ какимъ-то внутреннимъ наслажденіемъ смотрѣлъ однакожь на Беатрису на колыняхъ. Если онъ былъ объятъ благоговѣніемъ какимъ-то увидя только ее передъ собою, что же онъ долженъ былъ теперь чувствовать, видя ее въ такомъ состояніи, ее, вдову Донато, дочь Лоредано — на колыняхъ? Бархатное платье ея, усыпанное серебряными цвѣточками, живописно разстилалось по полу — покрывало упало къ ея ногамъ — волосы ея — развернулись по плечамъ волнами — ея бѣлыя очаровательныя плечи, ея сжатые вмѣстѣ и поднятыя руки, ея орошенные слезами глаза... все это было очаровательно прекрасно, и тронутый до глубины души, Пиппо отступилъ отъ нея, и забылся въ упоеніи гордости — онъ не былъ даже патриціемъ Венеціанскимъ, и вся гордость синьоровъ Венеціи, брошенная передъ нимъ во прахъ Беатрисою, угнѣздилась въ его сердцѣ...

Но только на мгновеніе, на одно мгновеніе, и оно пролетѣло, какъ молнія. Когда склонясь на воды источника, мы видимъ отраженный въ немъ образъ нашъ — это родной братъ нашъ, который изъ глубины источника является намъ. Такъ любовь отражается на сердце другаго, вызываетъ изъ него образъ нашей любви, и отражаетъ его въ нашемъ взорѣ. Пиппо самъ сталъ на колыни, и осмѣлился прижать Беатрису къ сердцу своему.

Если Беатриса была дочь Лоредано, нѣжная кровь матери ея, Біанки Контарини, текла также въ ея жилахъ. Никогда, ни одна Венеціанка не была такъ кротка, такъ нѣжна какъ Біанка, подобно дочери, одна изъ первыхъ красавицъ Венеціанскихъ своего времени. Счастливая, увлекательная, мысля только о нѣгѣ въ дни мира, объ отечествѣ въ дни брани, Біанка казалась старшего сестрою изъ всѣхъ прекрасныхъ дочерей Венеціи. Рано умерла она, и мертвая была еще прекрасна.

Отъ нея научилась Беатриса знать и любить художества, и особенно живопись. Не то, чтобы Беатриса сдѣлалась ученымъ знатокомъ: она бывала въ Римѣ и Флоренціи, но творенія Микель-Анджело ввухили ей только одно чувство любопытства. Будь она Римлянка — она любила бы только Рафаэля, но она была дочь Адриатики, и всему предпочитала Тиціана. Между тѣмъ, какъ все вокругъ нея было занято интригами двора, или дѣлами республики, она заботилась только о новыхъ картинахъ, и о томъ, что теперь будетъ съ любимымъ ея художествомъ, когда не стало старика Вечелліо? Въ палатахъ Долфино увидѣла она картину, о которой мы уже говорили, единственную, которую написалъ сынъ Тиціана, и погибающую потомъ въ пламени. Удивленная этимъ превосходнымъ произведеніемъ, она увидѣла потомъ самого Тиціанелло у синьоры Доротеи, и — художникъ очаровалъ ее, еще больше нежели его картина; она полюбила Пиппо непобѣдимую любовью.

Живопись въ вѣкъ Юлія II-го и Льва X-го не была ремесломъ, какъ нынѣ: это была религія художниковъ, просвѣщенный вкусъ вельможъ, слава Италіи, страсть женщинъ. Если Папа нисходилъ изъ своего Ватикана въ мастерскую Буонаротти, дочь

благороднаго Венеціяннина безъ стыда могла любить Тиціанелло. Но въ головѣ Беатрисы явилась мысль, возвышавшая, дѣлавшая чѣмъ-то необыкновеннымъ любовь ея къ сыну великаго живописца Венеціанскаго. Не въ любовники только свои хотѣла увлечь его Беатриса — она хотѣла пересоздать его въ великіе художники! Она знала, какую беспорядочную жизнь ведетъ Пиппо, и хотѣла вырвать его у его слабостей. Она знала, что въ немъ, не смотря на буйную жизнь его, не потухъ священный огонь искусства, но только покрылся пепломъ, и она вѣрила, что отъ дуновения любви разгорится небесная, негнущая искра. Цѣлый годъ колебалась она, въ тайнѣ лелѣя свою мысль, сдѣлавшуюся для нея мыслью всей жизни ея. Отъ времени до времени встрѣчалась она съ Пиппо, видала, какъ безопасно глядитъ онъ въ окна своего дома, и она рѣшилась наконецъ осуществить свою мысль, облекая ее въ тайну — она вышила и отослала къ Тиціанелло кошелекъ. Далѣе не хотѣла она дѣлать ни одного шага. Но когда синьора Доротея показала ей отвѣтные стихи Пиппо — поэтическія дарованія его совсѣмъ увлекли Беатрису. Она знала, что союзъ между ними невозможенъ, знала, какой опасности подвергается она, осуществляя свою безумную мысль, свою несообразную мечту, но — это была мечта женщины, и выходъ изъ дома синьоры Доротеи, Беатриса, если бы только знала Испанскую поговорку, то повторила бы ее, и сказала, что готова *asir la ocasion por los cabellos*.

Торжественно, величаво встала теперь Беатриса — достоинство женщины, сила любви одушевила голову ея.

— Тиціанелло! — говорила она — прежде, нежели неразрывный союзъ нашъ будетъ заключенъ,

знаешь-ли, что люди не допустят меня быть твоею?

Въ изумленіи отступилъ Пиппо.

— Но я поклялась быть твоею навѣки, и ни кому, кромѣ тебя, не будутъ принадлежать ни рука моя, ни сердце. Готовъ-ли ты на клятву—вѣчную клятву, которой не разрушить самая смерть? Чувствуешь-ли ты силы произвестъ ее, силы отдать мнѣ душу твою—помнить, что измѣна твоя будетъ смертнымъ приговоромъ — моимъ и — твоимъ!

Глаза ея горѣли огнемъ дикой страсти. Пиппо забылъ все — онъ упалъ къ ногамъ ея, и страш-но поклялся жить — и умереть для Беатрисы.....

Когда завечерѣлъ день, гондола Беатрисы стояла на каналѣ. Невидималъ никѣмъ вышла она. Служители всѣ были удалены подъ разными предлогами. Только одинъ придверникъ оставался дома. Привыкнувъ къ образу жизни своего господина, онъ не удивился, видя, что женщина въ маскѣ идетъ по галлерей, провожаемая Пиппо. Только тогда, какъ неизвѣстная дама остановилась подлѣ дверей, подняла бороду своей маски, и Пиппо получилъ отъ нея прощальный поцѣлуй, тихо приблизился придверникъ, и слышалъ, какъ они говорили другъ другу:

— Любишь-ли ты меня?

«Навѣки!»

— И я — навсегда!

Они разстались при сихъ словахъ. Пиппо долго стоялъ еще подлѣ дверей, и слѣдовалъ глазами за гондолою Беатрисы, пока она не скрылась изъ виду.

VI.

Двѣ недѣли прошло послѣ того, а Беатриса не начинала еще говорить о своей мысли Пиппо.

Правду сказать, она сама немножко забыла объ ней. Первые дни любви походятъ на первыя путешествія Испанцевъ въ Новый Свѣтъ. Отправляясь, общали правительству слѣдовать даннымъ наставленіямъ, чертить карты, образовывать Америку, но едва были тамъ, зрѣлище невиданнаго неба, дѣвственныхъ лѣсовъ, золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ, заставляли все позабывать. Увлекался диковиными новостями, мореплаватели забывали свои обязанности, забывали самую Европу, но за то находили неожиданныя сокровища. Такъ всегда дѣлаетъ съ нами любовь.

Еще другое оправданіе своему бездѣйствію находила Беатриса. Во всѣ эти двѣ недѣли, Пиппо не игралъ, и ни однажды не былъ у графини Орсино. Это было уже начало благоразумія. По крайней мѣрѣ, Беатриса такъ думала, и не знаю, ошибалась-ли она, или нѣтъ. Половину дня проводилъ Пиппо съ Беатрисою, а другую бездѣйствовалъ онъ, смотря на море съ очаровательнаго побережья Лидо, съ стаканомъ Самосскаго вина. Друзья не видали его болѣе. Онъ забылъ всѣ свои знакомства, всѣ свои привычки прежнія, не заботился ни о времени, ни о часахъ, ни о дѣлахъ — онъ какъ будто упивался глубокимъ забвеніемъ всего въ поцѣлуй прекрасной подруги своей, и какъ сказать о человѣкѣ въ такомъ состояніи, что онъ такое — мудрецъ или сумасшедшій?

Скажемъ однимъ словомъ, все поясняющимъ — Пиппо и Беатриса были созданы другъ для друга. Они увидѣли это съ первыхъ дней своего знакомства, но надобно было время убѣдиться въ этомъ, и мѣсяць времени было для того совсѣмъ немного, и вотъ мѣсяць прошелъ, а о живописи еще и помину не было. За то много заняли въ это время

любовь, музыка, прогулки за городом. Венеціанскія красавицы бываютъ прихотливы, и иногда лучше ужина въ роскошномъ будуарѣ любятъ прогулку въ какомъ нибудь уединенномъ мѣстѣ по окрестностямъ своего города. Беатриса такъ думала, и объѣдамъ Дожа предпочитала она уединенный обѣдъ съ Пиппо, гдѣ нибудь въ Квинтавалле, гдѣ подавали имъ блюдо рыбы, только что пойманной въ Адриатикѣ. Потомъ сѣдлись они въ гондолу, и весело гуляли вокругъ Армянскаго острова; тамъ, между городомъ и Лидо, между небомъ и моремъ, совѣтую читателямъ прогуляться при лунномъ свѣтѣ, въ прекрасную лѣтнюю почъ, съ

Вспеціалкою молодой,
То говорливой, то пьмой,
Плыла въ таинственной гондолѣ.....

Черезъ мѣсяць, когда однажды пришла тайно Беатриса къ Пиппо, она застала его веселѣе обыкновеннаго. Только что кончилъ онъ завтракъ свой, когда вошла она. Пиппо ходилъ по комнатѣ, напяля пѣсню; солнце ярко освѣщало его комнату, и отражалось на блестящей серебряной чашѣ, наполненной піастрами. На канувъ онъ игралъ, и выигралъ у синьора Веспазіано тысячу пять сотъ піастровъ. Изъ этого выигрыша купилъ онъ Китайскій вѣреръ, благовонныя перчатки, и золотую цѣпь, искусно выдѣланную лучшимъ мастеромъ Венеціи; все это положилъ онъ въ кедровый ящичекъ, украшенный перламутромъ, и поднесъ Беатрисѣ.

Весело приняла она сначала такой подарокъ, но потомъ, когда узнала, что за него заплачено выигрышными деньгами, она отказалась отъ него. Не только не раздѣляла она веселости Пиппо, но даже заругнула. Можетъ быть, подумала она — онъ

уже меньше прежняго любить меня — вотъ уже принялся онъ опять за свои прежнія увеселенія и забавы! — По крайней мѣрѣ, ей показалось, что теперь уже время говорить, и испытать средства, послѣ которыхъ Пиппо отказался-бы навсегда отъ беспорядочной жизни, въ которую снова, и такъ легко могли увлечь его.

Не легко это было. Въ мѣсяць успѣла она узнать характеръ Пиппо. Правда, онъ былъ удивительно безпеченъ во всѣхъ обыкновенныхъ дѣлахъ жизни, и *far niente* было блаженствомъ его, но въ важныхъ дѣлахъ трудно было съ нимъ управиться, по этой самой безпечности, ибо едва только хотѣли повелѣвать имъ, вмѣсто сопротивленія и споровъ, онъ позволялъ другимъ говорить что угодно, и не думалъ исполнять чужаго совѣта. Желая достигнуть цѣли хитрымъ изворотомъ, Беатриса спросила, хочетъ ли Пиппо написать ея портретъ?

Онъ тотчасъ согласился. На другой день была куплена холстина, и въ комнату Пиппо внесли прекрасный дубовый станокъ, нѣкогда принадлежавшій отцу его. Беатриса явилась утромъ, въ широкомъ, темнаго цвѣта платьѣ, но она силаа его, когда Пиппо приготовился къ работѣ. Тогда явилась она передъ нимъ въ костюмъ почти такомъ, въ какой Парисъ Бордоне одѣлъ свою Коронованную Венеру. Волосы ея, завязанные на лбу, и перебранные съ жемчугомъ, падали на шею и на плеча длинными, волнистыми локонами. Жемчужное ожерелье сходило до пояса, и схваченное среди груди золотою застежкой, обрисовывало прелестныя формы ея обнаженной груди. Платье, изъ дулициновой, голубой и розовой, шелковой ткани, было немного приподнято на одной ногѣ рубиновымъ аграфомъ, такъ, что можно было почти до колѣна видѣть эту чуд-

ную, какъ мраморъ бѣлую ножку. Кромѣ того, на рукахъ ея были драгоценные браслеты, а на ногахъ алые бархатные, вышитые золотомъ пантуфли.

Извѣстно, что Коронованная Венера Бордоне была портретъ одной знатной Венеціанской дамы. Этотъ живописецъ, воспитанникъ Тиціана, пользовался тогда въ Италіи большою славою. Беатриса, можетъ быть, знавшая подлинникъ портрета, знала, что она сама была прекраснѣе этого Бордоніева подлинника. Ей хотѣлось возбудить соревнованіе Пинпо, и показать ему средства стать выше Бордоне. «Клянусь Діаной — вскричалъ юный художникъ, когда онъ внимательно разсмотрѣлъ Беатрису — Бордоніева Коронованная Венера была Арсенальская торговка устрицами, переодѣтая богиней, но — вотъ настоящая мать Амура и любовница бога браней!»

Легко догадаться, что не скоро могъ Пинпо взяться за кисть свою, полный восторга. Беатриса — повѣрите-ли? — даже досадовала, что такъ хороша кажется ему, и начала думать, настоящее-ли средство выбрала она для преобразованія Пинпо? — Но Пинпо схватилъ наконецъ свои кисти, свою палитру, и разсѣянно, небрежно сдѣлалъ очеркъ. Кисть нечаянно выпала у него изъ руки; Беатриса подняла ее, и возвращая Пинпо, сказала ему съ улыбкою: «Однажды кисть упала изъ руки отца твоего; Карлъ V-й поднялъ ее и подаль ему — хочу подражать Цезарю, хоть я и не королева.»

Пинпо всегда хранилъ къ памяти отца своего глубокое почтеніе и благоговѣніе безъ границъ; имя его произносилъ онъ всегда съ любовью сына. Напоминаніе Беатрисы растрогало его. Онъ всталъ, открылъ шкафъ — «Вотъ она, сказалъ онъ — та кисть, о которой ты говоришь мнѣ, Беатриса! Отецъ мой всегда хранилъ ее, какъ святыню, съ тѣхъ поръ,

когда прикоснулась къ ней рука владыки полусвѣта!»

— Ты былъ при томъ? — спросила Беатриса.

«Да, и былъ еще тогда очень молодъ, но живо помню это.»

— Расскажи мнѣ.

«Это было въ Болоніи. Тамъ назначили тогда другу свиданіе Папа и Императоръ. Дѣло шло о герцогствѣ Флорентійскомъ, или лучше сказать, о судьбѣ всей Италіи. Видѣли Павла III-го и Карла V-го бесѣдующихъ на террасѣ дворца, и во время бесѣды ихъ — безмолвствоваль и трепеталь цѣлый городъ. Черезъ часъ все было рѣшено. Шумъ людей и топотъ лошадиный раздались по улицамъ. Не знали, что сдѣлалось, хотѣли узнать, но вѣрно было соблюдать глубочайшую тайну; съ любопытствомъ и со страхомъ смотрѣли жители на послѣдняго офицера Папскаго, или Императорскаго, говорили, что участь Италіи рѣшилась, что ее хотятъ раздѣлить; говорили о паденіяхъ старыхъ, возстановленіи новыхъ властителей. Отецъ мой занимался тогда большою картиною; онъ работаль, стоя на верху высокой лѣстницы, когда алебардчики отворили двери его мастерской, и мы увидѣли въ дверяхъ два длинные ряда ихъ; «Императоръ!» воскликнулъ пажъ, войдя въ комнату. Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ Карлъ V-й, съ толпою придворныхъ, улыбаясь, и потряхивая своею рыжею бородою. Изумленный, обрадованный такимъ неожиданнымъ посѣщеніемъ, отецъ мой, какъ только могъ скорѣе, сходилъ съ лѣстницы; онъ былъ уже старъ, и опирался на перилы, уронилъ кисть свою. Всѣ мы оставались неподвижны; казалось, что присутствіе Императора обратило насъ въ статуи. Отецъ мой былъ смущенъ своею медленностью и неловкостью, но боялся, что»

бы поторопясь сходить, не упасть. Карль сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, медленно наклонился и поднялъ кисть. «Тиціанъ стоитъ того — сказалъ онъ громко — чтобы ему служивали Цезари!» И съ величіемъ невыразимымъ подалъ онъ кисть отцу моему, который преклонилъ колѣно, принимая ее изъ рукъ Императора.

Послѣ разказа, котораго не могъ сдѣлать Пиппо безъ внутренняго чувства, Беатриса молчала нѣсколько мгновений. Она наклонила голову, и казалась такою разсѣянною, что Пиппо спросилъ у нея: «О чемъ она думаетъ?»

— Вотъ о чемъ: Карль умеръ, и теперь сынъ его царствуетъ въ Испаніи. Но что скажутъ о Филиппѣ II-мъ, если онъ оставитъ мечъ отца своего ржаветь въ ножнахъ?

Пиппо улыбнулся. Онъ понялъ намекъ Беатрисы, но спросилъ однакожъ, что-же хочетъ она этимъ сказать?

— Хочу сказать, что ты—ты также наследникъ властителя другихъ. Бордоне, Моретто, Романино хорошіе живописцы, Тинторетъ и Джорджіоне художники, но Тиціанъ былъ властитель живописи, и кто теперь держитъ скипетръ его?

«Если бы братъ мой Ораціо былъ живъ, онъ былъ бы великій живописецъ.»

— Конечно, и вотъ что скажутъ о дѣтяхъ Тиціана: одинъ былъ бы великій, если бы остался живъ, а другой, если бы захотѣлъ.

«Ты думаешь, милая Беатриса? Что же? Пусть только прибавятъ: онъ предпочелъ любовь Беатрисы Донато славу быть великимъ живописцомъ.»

Не такого отвѣта ждала Беатриса. Она немного смѣшалась, но не потеряла бодрости, и важнымъ голосомъ начала говорить:

— Послушай меня, не шути, милый Пиппо. Въ удивлялись единственной, созданной тобою картиной; все сожалѣютъ о гибели ея, но жизнь, какую ведешь ты — хуже пожара въ палатахъ Дольфино: ты сгараешь въ ней самъ съ твоимъ гениемъ. Ты думаешь только о томъ, какъ бы повеселиться, и не помышляешь, что ошибка для другихъ, тебѣ наноситъ безславіе. Сынъ богатаго торговца — пусть онъ играетъ въ кости, но не сыну Тиціана убивать въ игрѣ свое время! Къ чему служить, что ты знаешь тайны живописи лучше нашихъ старыхъ художниковъ, и что у тебѣ есть молодость, чего нѣтъ у нихъ? Ты только попытался на успѣхъ, и остался при одной счастливой попыткѣ! Твои друзья могутъ обманывать тебя для своихъ выгодъ, но я исполню долгъ мой, говоря тебѣ, что ты оскорбляешь память отца своего, и кто же скажетъ тебѣ это, если не я? Пока будешь ты богатъ, всегда найдутся люди пособить твоему раззоренію; пока ты будешь молодъ, найдутся женщины любить тебя, но что будетъ, если тебѣ не скажутъ правды, пока ты молодъ? Я люблю тебѣ, и — ахъ! если бы ты былъ бѣденъ, какъ бы я была рада! Хочешь-ли доказать, что ты меня любишь? Примись за работу. Въ отдаленной части города нашла я теперь квартиру, небольшою домику, уединенный, въ одинъ этажъ. Мы уберемъ его, какъ намъ будетъ угодно, и отъ него будетъ два ключа—одинъ у тебѣ, другой у меня. Никого не будемъ мы тамъ болтаться, и совершенно будемъ свободны. Ты перенесешь туда свой станокъ, и если будешь мнѣ обещать, хоть по два часа только тамъ заниматься—и всякій день буду туда приходить. Согласенъ-ли ты на такое испытаніе? Если ты согласишься—черезъ годъ, конечно, ты не будешь уже любить меня, но ты привыкнешь къ работѣ—

влюбишься въ свое прекрасное искусство, и — однимъ славнымъ именемъ будетъ больше въ Италіи! Если не согласишься... я не могу разлюбить тебя, но — увижу, что ты меня болѣе не любишь...

Беатриса говорила и трепетала. Она боялась оскорбить своего друга, и между тѣмъ долгомъ почитала высказать все откровенно. Эта робость и этотъ жаръ души зажгли глаза ея вдохновеніемъ. Она походила не на Венеру, но на Музу вдохновительницу. Пиппо ничего не могъ отвѣчать ей, хотъ и хотѣлъ-бы прекратить скорѣе ея тревогу — но она такъ хороша была встревоженная! ... Сказать правду: онъ не столько вслушивался въ смыслъ словъ ея, сколько въ выраженіе голоса, какимъ произносила она эти слова. Голосъ ея проникалъ въ его душу. Беатриса высказывала отъ души мысли свои, говорила самымъ чистымъ Тосканскимъ языкомъ, съ Венеціанскою прелестью. Когда мы слышимъ гнѣніе очаровательнымъ голосомъ, что намъ за дѣло до словъ пѣсни? Пріятнѣе даже иногда не разслушивать внимательно, и увлекаться только звуками. Все это испыталъ теперь Пиппо. Не думая о томъ, чего требовала отъ него Беатриса, онъ обнялъ ее, и сказалъ ей —

«Согласенъ на все — ты прекрасна, какъ земля!»

И вотъ было положено, что съ этого дня, Пиппо будетъ работать постоянно. Беатриса хотѣла, чтобы онъ далъ письменное обѣщаніе. Она вынула свою записную книжку, и написавши нѣсколько строкъ, сказала горделиво:

— Ты знаешь, что мы, Лореданы, держимъ вѣрные счеты. Помнишь ли, что предокъ мой, отмщая смерть отца и дяди старому Фоскари, вписалъ имя его, какъ должника, въ свои счетныя книги; другая страница оставалась бѣлою, и когда голова Фоскари

пала на эшафотъ, онъ вписалъ тутъ своего рукою: *Pha ragata* (заплатилъ)? Записываю тебя, какъ должника мнѣ двумя часами каждый день, въ теченіе цѣлаго года. Подпишись, и плати мнѣ исправно; иначе — не повѣрю, что ты меня любишь!»

Пиппо охотно подписался. «Но, разумеется — сказалъ онъ — что мы начнемъ твоимъ портретомъ?»

Беатриса обняла его. Договоръ былъ заключенъ.

VII.

Любовь Пиппо и Беатрисы можно было уподобить съ начала ключу, быстро пробившемуся сквозь землю. Теперь подобилась она ручейку, который течетъ непрерывно и прорываетъ дорожку въ песокъ. Если бы Пиппо былъ знатный, родовой Венеціанинъ, безъ сомнѣнія, онъ сдѣлался бы супругомъ Беатрисы, ибо чѣмъ больше узнавали, тѣмъ больше любили они другъ друга. Но хотя Вечелли были изъ благороднаго рода изъ Фриульскаго Кадора, союзъ между ними и Лореданами былъ невозможенъ. Не только родственники Беатрисы воспротивились-бы ему, но все синьорство Венеціанское изъявило-бы гордое негодованіе. Тѣ, которые равнодушно смотрѣли на явную интригу, и ничего не говорили, что знатная дама Венеціанская любила простаго живописца, никогда не простили бы этой женщины, если бы она вышла за своего друга. Таковы были предразсудки той эпохи, о которой нельзя однакожъ не пожалѣть, сличая ее съ нашею демократическою свободою браковъ во Франціи...

Маленькій домикъ былъ превосходно устроенъ. Пиппо сдерживалъ свое слово, и приходилъ туда каждый день. Сказать, что онъ работалъ, было-бы несправедливо, но, по крайней мѣрѣ, онъ показывалъ,

будто работает, и даже самъ воображалъ, что работаетъ въ самомъ дѣлѣ. Беатриса съ своей стороны сдерживала еще вѣрнѣе свое обѣщаніе — она всегда являлась первая. Портретъ былъ начатъ, пошелъ медленно, но всегда находился на станкѣ, и хотя къ нему не прикасались по цѣлымъ днямъ, по крайней мѣрѣ, онъ былъ свидѣтелемъ желанія работать, и тѣмъ ободрялъ любовь и извинялъ лѣность.

Каждое утро, Беатриса посылала къ Пиппо букетъ цвѣтовъ, съ споею Арапкою, весьма рано, старалась пріучить его вставать раньше. «Живописецъ долженъ бодрствовать съ утреннею зарею—говорила она—свѣтъ восходящаго солнца жизнь его, настоящая стихія его искусства, потому, что безъ свѣта онъ ничего не можетъ дѣлать.»

Все это казалось Пиппо совершенно справедливымъ, но на дѣлѣ трудно было исполнить такое требованіе. И иногда, поставивъ букетъ Арапки въ стаканъ съ водою, онъ засыпалъ снова. Когда шли въ маленький уединенный домикъ, онъ проходилъ мимо оконъ дома графини Орсино, ему казалось, что червонцы шевелятся въ его карманѣ и просятъ вонь. Однажды встрѣтилъ онъ на гуляньи синьора Веспасіано, который спросилъ, почему теперь нигдѣ его не видно?

— Я поклялся не братья за корнетъ, и не трогать картъ — отвѣчалъ Пиппо — но если хотите, сыграемъ въ *крестъ и столбикъ* (*à stoix ou pile*). Со мной есть деньги.

Синьоръ Веспасіано, хотя и былъ старъ, хотя и былъ нотарій, но въ то же время былъ и оживленная ходячая игра. Онъ не отказался; стали кидать пиастры, и Пиппо выигралъ до тридцати цехиновъ. Противникъ его сердился, а Пиппо думалъ: «Какъ

досадно, что я далъ слово не играть! Я увѣренъ, что кошелекъ Беатрисы продолжалъ бы мое счастье, и въ двѣ недѣли выигралъ бы я все, что было проиграно въ два года!

Между тѣмъ, онъ охотно во всемъ повиновался Беатрисѣ. Маленькая мастерская его была такая уединенная, веселая, роскошная. Онъ былъ тутъ, какъ будто въ какомъ-то новомъ мѣстѣ, который напоминалъ однакожъ ему о чемъ-то бываломъ, объ его дѣтствѣ. Тутъ были станокъ и палитра. Предметы, бывшіе для насъ нѣкогда близкими, скоро опять сближаются съ нами, и эта новалъ свѣчка, соединенная съ воспоминаніемъ, дѣлаетъ намъ ихъ еще драгоценнѣе, хотя мы сами не знаемъ почему. Когда Пиппо брался за свою палитру, и когда прекраснымъ утромъ мѣшалъ онъ на ней свои блестящія краски, и потомъ, когда онъ видѣлъ ихъ въ порядкѣ, и готовые перелиться въ свѣтъ и тѣни подъ его рукою, ему казалось, что онъ слышитъ угрюмый голосъ старика отца, по прежнему говорящій ему: «Ну, чтожъ ты сталъ, лѣнивѣцъ?» При такомъ воспоминаніи, онъ невольно оборачивалъ голову. Но вмѣсто суроваго лица старика видѣлъ онъ Беатрису, милую, прекрасную, съ открытою шеею, съ волосами, унизанными жемчугомъ, поспѣшно подбѣгавшую къ нему и заботливо спрашивавшую — «Ты хочешь работать?»

Не думайте, чтобы онъ былъ хладнокровенъ къ совѣтамъ Беатрисы, на которые она не скупилась, и которые умѣла разнообразить. То говорила она ему объ Венеціанскихъ живописцахъ, и почетномъ мѣстѣ, какое пріобрѣла себѣ школа ихъ въ ряду другихъ Итальянскихъ школъ. То напоминала о величинѣ, до какого возвышалось искусство, она сожалѣла объ упадкѣ его. Она была совершенно права въ селѣ

отношеніи, ибо Венеція дѣлала тогда тоже самое, что дѣлала Флоренція: не только теряла она славу свою, но даже и самое уваженіе къ своей славы. Микель-Анджело и Тиціанъ оба жили почти по цѣлому столѣтію; показавъ основанія искусства каждый своему отечеству, они боролись съ беспорядками столько, сколько позволяютъ силы человѣческія. Но оба древніе столпы сін пали. И для того, чтобы вознести до небесъ ничтожныхъ нововводителей, забыты были оба великіе мастера, едва только скоропостижно открыли новыя школы, и почитали ихъ превосходящими прежнія. Въ самой Венеціи, сынъ одного изъ воспитанниковъ Тиціана, похищая прозваніе, данное Пиппо, назвался, такъ-же, какъ онъ, *Тиціанелло*, и ему позволили расписывать безобразными фреско патриаршую церковь въ Венеціи.

Если Пиппо не заботился въ самомъ дѣлѣ о безславіи своей отчизны, ему надлежало вступить съ хоть за свой собственный позоръ. Онъ чувствовалъ это. Когда хвалили передъ нимъ ничтожное новое манеръ, или въ какой нибудь церкви Венеціанской видѣлъ онъ новое пачканье между образцовыми созданіями отца своего, онъ испытывалъ такую-же досаду, какую испытывалъ бы Венеціанскій патрицій, увидя имя незаконнорожденнаго, вписанное въ Золотую книгу Венеціанскаго дворянства. Беатриса замѣтила эту досаду, а женщины все имѣютъ немного свойства Фидестимлянки Даллы — умѣютъ вывѣдывать тайну силы у своихъ Самсоновъ. Уважая великія имена, отъ времени до времени Беатриса хвалила какого нибудь посредственнаго новаго живописца. Не легко ей было противорѣчить самой себѣ, но поддѣльнымъ похваляемъ своимъ умѣла она придавать видъ правдоподобія съ большою лов-

костью. Этимъ средствомъ удавалось ей возбуждать досаду Пиппо, и она радовалась, замѣчая, что послѣ того принимался онъ за работу съ необыкновенною дѣятельностью. Смѣло владѣлъ онъ тогда кистью, какъ будто досада замѣняла ему вдохновеніе. По безпечный характеръ скоро потомъ преодолевался его. Онъ вдругъ бросалъ свою кисть. « Выпьемъ лучше стаканъ Кипрекаго — говорилъ онъ — стоитъ ли заниматься такими глупостями! »

Умъ болѣе легкій и непостоянный, можетъ быть, потерялъ бы наконецъ всю надежду. Не такова была Беатриса. Если находимъ въ лѣтописяхъ примѣры упорной ненависти, не надобно удивляться, что любовь могла имѣть такую же настойчивость. И еще болѣе, когда Беатриса была увѣрена, что привычка все можетъ сдѣлать. Вотъ почему она такъ думала: она видѣла отца своего, человѣка весьма богатаго, и сложенія весьма слабаго, какъ онъ въ старости не щадилъ труда и входилъ въ самыя утомительныя вычеты, для умноженія своего безсчетаго имѣнія еще нѣсколькими цехинами. Часто спрашивала она старика побережь свое здоровье, но онъ всегда отвѣчалъ ей, что такая работа была для него привычкою съ дѣтства, сдѣлалась для него необходимостью, и что она не убиваетъ, но живитъ и укрѣпляетъ его. Беатриса никакъ не могла не думать послѣ сего, что постоянное занятіе увлечетъ Пиппо, а она убѣждена была, что славолюбіе можетъ сдѣлаться такою же страстью, какъ и скудость.

Думая такъ, она, если угодно, и не ошибалась. Да, трудность состояла въ томъ, что для передачи Пиппо добрыхъ привычекъ, сперва надлежало искоренить у него дурныя. Есть дурныя травы, которыя легко вырвать, но не такова страсть къ игрѣ.

Можетъ быть, это единственная страсть, которая можетъ противиться любви. Нерѣдко видимъ честолюбцовъ, вѣтренниковъ, лицемѣровъ, уступающихъ волю женщины, но рѣдко, очень рѣдко уступаетъ ей игрокъ, и причину угадать не трудно: если уже металлъ, перечекаанный въ монету, сосредоточилъ въ себѣ одномъ все наслажденія, въ игрѣ заключаются послѣ сего все душевныя движенія человека; каждая карга, каждая выкидка костей влекутъ за собою потерю, либо пріобрѣтеніе нѣсколькихъ золотыхъ, или серебряныхъ монетокъ, а каждая изъ нихъ есть призракъ неопредѣленнаго наслажденія. Тотъ, кто выигрываетъ, чувствуетъ, слѣдовательно, множество множествъ желаній, и не только предается имъ охотно, но старается еще возбудить, создать ихъ себѣ болѣе, будучи увѣренъ, что все ихъ успеетъ удовлетворить. Огъ того происходитъ отчаяніе проигрыша, которое вдругъ ставитъ въ совершенную невозможность дѣйствовать, создавать желанія и удовлетворять ихъ. Подобныя переходы и испытанія, часто повторяемыя, истощаютъ, воспаляютъ умъ, приводятъ его въ какое-то безумное, безпрерывное движеніе, и обыкновенныя ощущенія кажутся уже слабы — они представляютъ что-то медленное, что-то послѣдовательное, такъ, что игрокъ, привыкшій сосредоточивать, сжимать, усиливать свои ощущенія, не видитъ уже въ нихъ никакой занимательности.

Къ счастью для Пиппо, отецъ его оставилъ ему столько, что проигрышъ и выигрышъ не могли имѣть на него своихъ пагубныхъ послѣдствій. Праздность, болѣе нежели страсть, увлекала его. Онъ былъ притомъ такъ еще молодъ, что порокъ не могъ впустить глубоко въ его сердце своихъ корней. Самое непостоянство вкуса его доказывало это, и такъ

исправленіе его не могло еще быть невозможностью, еслибы только внимательно стерегли за нимъ. Необходимость надзора не укрывалась отъ Беатрисы, и забывала все другое, она проводила почти непрерывно дни свои съ Пиппо. И въ то же время, чтобы привычка не произвела пресыщенія, она привела въ движеніе все хитрости женскаго кокетства. Ея головной уборъ, поступки, уборъ, самый языкъ измѣнялись безпрестанно, и даже, боясь наскутить Пиппо однообразіемъ, она каждый день перемѣняла свое платье. Пиппо замѣчалъ все такія хитрости, но неужели онъ могъ быть такъ глупъ, чтобы это разсердило его? Совсѣмъ напротивъ. Онъ самъ дѣлалъ тоже самое, и измѣнялъ нравъ и поступки свои съ перемѣною каждой колеретки, каждый день. И тутъ не надобно ему было хитрить и изучаться — онъ былъ таковъ отъ природы, и иногда говаривалъ, смѣясь: «Маленькая рыбка все таки рыба, и прихоть стоитъ страсти!»

Такъ жили, оба равно любя неопредѣленныя наслажденія, Пиппо и Беатриса, и имъ было радостно и весело жить. Каждый разъ, когда начинала она говорить Пиппо о предположеніяхъ для будущаго, онъ возражалъ ей: «Начнемъ твоимъ портретомъ!»

— Прекрасно — говорила она — и объ этомъ мы давно уговорились. Но что же начнешь ты дѣлать потомъ? Портрета этого даже никому нельзя будетъ показать, и надобно чтобы, едва только кончишь ты его, подумать о томъ, чѣмъ можешь ты показать свое дарованіе людямъ. Есть-ли у тебя какойнибудь сюжетъ въ головѣ? Будетъ ли это картина духовная, или историческая?

Когда Беатриса начинала такіе вопросы, Пиппо всегда находилъ средства, какънибудь вернуться

отъ нихъ — то онъ ронялъ платокъ свой, то застегивалъ свое платье, то обращалъ вниманіе на что нибудь постороннее. Беатриса начинала уже думать, что тутъ скрывается тайна художника, и что онъ нарочно не хочетъ рассказывать о своемъ планѣ. Но ужь, конечно, никто менѣе Пиппо не былъ способенъ къ таинственности, ни болѣе его доврчивъ, по крайней мѣрѣ, съ Беатрисою — и будто есть любовь безъ доврренности!

«Неужели онъ обмануль меня?» думала иногда Беатриса — согласіе его была шутка, и онъ не сдержитъ своего слова!...

Если такое сомнѣніе приходило къ ней въ голову, она принимала на себя важный, почти гордый видъ: «Синьоръ!» говорила она — у меня ваше слово! Вы дали обѣщаніе на цѣлый годъ, и посмотримъ, умѣете-ли вы держать его, какъ прилично благородному человѣку.

Но она не успѣвала окончить рѣчи своей — Пиппо бросался къ ногамъ ея. «Начнемъ, начнемъ твоимъ портретомъ!» говорилъ онъ. Беатриса принуждена была молчать, а Пиппо умѣлъ послѣ того развлечь ея вниманіе.

Можно судить, съ какимъ нетерпѣніемъ ждала она послѣ всего этого окончаніа своего портрета, и какъ спѣшила окончаніемъ его. И вотъ черезъ шесть недѣль, портретъ былъ конченъ. Когда Пиппо просилъ у нея *последняго* сеанса, Беатриса была въ восторгѣ, не могла усидѣть на мѣстѣ, перебѣгала съ кресель своихъ къ Пиппо, и отъ Пиппо къ кресламъ, и чуть не прыгала отъ радости и восхищенія. Пиппо казался задумчивъ, работалъ такъ медленно, останавливался, качалъ головою. Вдругъ, онъ нахмурилъ брови свои, и — быстро провелъ по портрету тряпкою, которою обтирала кисти свои.

Беатриса испугалась, подбѣжала къ нему, и съ ужасомъ увидѣла, что онъ стеръ съ портрета глаза и ротъ. Это такъ поразило ее, что слезы брызнули у нея изъ глазъ.

Хладнокровно сложилъ свои краски въ коробку Пиппо. «Взглядъ и улыбка — сказалъ онъ — двѣ самыя трудныя вещи для живописца — надобно быть вдохновеннымъ, и горе тому, кто хочетъ изобразить ихъ безъ особеннаго вдохновенія! Рука у меня дрожить..... Не знаю даже — осмѣлюсь-ли я написать ихъ когда нибудь!»

И портретъ остался изуродованнымъ. И каждый разъ, когда Беатриса глядѣла на эту голову безъ глазъ и безъ рта — неволью трепетала она за будущее.....

VIII.

Читатель могъ замѣтить, что Пиппо любилъ Греческія вина. И хотя эти вина, идущія съ Востока, не дѣлають насъ болтливыми, но послѣ добраго обѣда любилъ онъ иногда поговорить за десертомъ о дѣлѣ и бездѣлѣ. Беатриса всегда старалась въ такомъ случаѣ навести разговоръ на живопись. И едва только рѣчь поворачивалась сюда, Пиппо начиналъ молчать, и на устахъ его появлялась такая улыбка, которой не любила Беатриса, либо онъ начиналъ говорить объ ея искусствахъ съ такимъ презрѣніемъ, съ такою холодною... Странныя мысли приходили ему иногда, и даже болѣею частью, во время этихъ разговоровъ....

«Можно бы написать прекрасную картину — сказалъ онъ однажды: представить Римскій Campo - Vaccino при заходящемъ солнцѣ — горизонтъ безконеченъ — площадь пустынна — на первомъ планѣ нѣсколько дѣтей играютъ на развалинахъ; на второмъ

идеть человекъ, молодой, завернувшись въ плащъ; лицо его блѣдно; вѣжныя черты его измѣнены страданіемъ; надобно, чтобы видя его, каждый предугадывалъ близкую смерть его. Въ одной рукѣ держитъ онъ кисти и палитру; другою опирается на женщину, молодую и здоровую, которая улыбается, отворотивъ голову. Для лучшаго изъясненія, надобно написать внизу годъ и время, когда сцена происходитъ: «*Страстная Пятница, 1520 года.*»

Беатриса легко поняла смыслъ загадки такого рода. Въ страстную пятницу 1520 года, Рафаэль умеръ въ Римѣ, и хотя старались представить несправедливымъ слухъ о томъ, какъ онъ умеръ, но почти никто не сомнѣвался въ справедливости сего слуха. И такъ, картина, о которой говорилъ Пиппо, изображала-бы Рафаэля за нѣсколько часовъ до его смерти, и такая сцена, обработанная искуснымъ художникомъ, дѣйствительно, могла-бы быть прекрасною. Но Беатриса поняла основную идею мысли Пиппо, и прочитала въ глазахъ его, что хотѣлъ онъ сказать.

Между тѣмъ, какъ всѣ въ Италіи оплакивали несчастную смерть Рафаэля, Пиппо обыкновенно говаривалъ, что не смотря на весь геній Рафаэля, именно смерть его была всего прекраснѣе въ его жизни. Такая мысль возмущала Беатрису, хотя она и не могла не улыбаться, ибо если дѣйствительно положить, что любовь стоитъ славы, то за подобную идею, конечно, если женщина и станетъ осуждать насъ, то никогда не оскорбится. Выбери Пиппо другой примѣръ — Беатриса, можетъ быть, согласилась бы съ нимъ. Но для чего, говорила она, противоплагать одинъ другому примѣры, которые такъ похожи? Любовь и слава — братъ и сестра; для чего хочешь ты раздѣлять ихъ?

— Никогда нельзя дѣлать хорошо двухъ дѣлъ вдругъ — отвѣчалъ Пиппо.

Ты не посоветуешь кушчу писать стихи и въ тоже время считать свои товары, ни поэту мѣрять аршиномъ, и въ тоже время прискивать рюмы. Для чего же хочешь ты сдѣлать меня живописцомъ, когда я хочу быть любовникомъ?

Беатриса не знала что отвѣчать, потому что не смѣла сказать: «Любовь не занятіе.»

— И такъ ты хочешь умереть, какъ Рафаэль? — спрашивала она. — Но если такъ, будь же тѣмъ, чѣмъ былъ онъ!

«О, напротивъ! Для того, чтобы не умереть, какъ Рафаэль, я не хочу дѣлать того, что онъ дѣлалъ. Рафаэль поступалъ безразсудно, когда онъ полюбилъ, бывши уже живописцомъ, или не переставая писать, когда онъ уже любилъ. Вотъ почему умеръ онъ тридцати семи лѣтъ — умеръ славно, да зачѣмъ умирать? Оставь онъ своихъ твореній пятьюдесятью меньше — тутъ бѣда только Папѣ, который припужденъ-бы былъ заставить расписывать свои залы какого нибудь мазилку, но за то Фонтарина получила бы пятьюдесятью поцѣлуями болѣе, и Рафаэлю пришлось бы менѣ дышать вонючими масляными красками, столь вредными для здоровья!»

— И такъ, ты хочешь сдѣлать меня второго Фонтариною? — вскричала Беатриса — если тебѣ нѣтъ заботы, ни о твоей славѣ, ни о твоей жизни — ты хочешь передать мнѣ заботы о твоёмъ погребеніи?

«Ахъ! нѣтъ, нѣтъ!» сказала Пиппо — и поднесъ стаканъ къ устамъ своимъ. — «Если бы я могъ превратить тебя — во что нибудь — какъ Вакхъ Стафилею, я превратилъ бы тебя — въ гроздь винограда!»

Не смотря на наружное легкомысліе, съ какимъ

говорилъ Пиппо, онъ не совсѣмъ шутилъ. Подъ этою насмѣшкиво скрывалась мысль справедливая, и вотъ въ чемъ было основаніе этой мысли:

Часто и много говаривали въ лѣтописяхъ искусствъ о легкости, съ какою великіе художники исполняли свои великія созданія, приводили примѣры многихъ, умѣвшихъ соединять съ работою безпорядокъ жизни и даже лѣности. Но думать, будто это правда — большая ошибка! Нѣтъ дива, если опытный художникъ, увѣренный въ своей рукѣ и въ своей извѣстности, успѣваетъ очертить прекрасный эскизъ среди развлеченій и забавъ. Леонардо да-Винчи писалъ иногда, какъ говорятъ, держа въ одной рукѣ лиру, а въ другой кисть. Но славный портретъ Жюканды оставался четыре года на его станкѣ. Не смотря на рѣдкіе примѣры мгновеннаго усилія, которые, впрочемъ, слишкомъ много уже превозносятся похвалами, безспорно то, что истинно изящное есть созданіе времени и пожертвованія ему собою, и что безъ терпѣнія и работы не можетъ быть истиннаго гениа.

Пиппо былъ убѣжденъ въ этомъ, и примѣръ отца особенно утвердилъ его въ такомъ мнѣніи. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, не было въ мірѣ другаго столь смѣлаго живописца, какъ Тиціанъ, если только смѣлѣе его не былъ Рубенсъ, но если быстра была рука Тиціана, основу у него составляло удивительное терпѣніе. Девяносто девять лѣтъ жилъ онъ, и безпрестанно занимая своимъ искусствомъ. При началѣ своего прищца, онъ писалъ съ заботливою рабостью, и такъ сухо, что его работы походили на готическія картины Альберта Дюрера. Только послѣ продолжительныхъ трудовъ, онъ осмѣлился повиноваться своему гению, и свободно пускалъ кисть свою по полотну, но и тутъ, какъ часто онъ раскаивался, и развѣ не

говорилъ Микель-Анджело, смотря на картины Тиціана: «Жаль, что въ Венеціи пренебрегаютъ основаніями рисунка!»

И вотъ, въ то время, когда происходили событія нашего разсказа, несчастная легкость — первый признакъ паденія искусствъ, была въ величайшей модѣ въ Венеціи. Поддерживаемый славнымъ именемъ отца, съ небольшою дерзостью, и при изученіи, какому посвящалъ себя прежде, Пиппо легко и скоро могъ прославиться, но именно этого-то и не хотѣлъ онъ. Онъ почиталъ постыднымъ дѣломъ воспользоваться невѣжествомъ толпы; онъ справедливо говорилъ, что сынъ зодчаго не долженъ разрушать, того, что создалъ отецъ, и если бы сынъ Тиціана явился живописцомъ, онъ долженъ-бы былъ поставить долгомъ своимъ сопротивленіе паденію живописи.

Но предпринимая такое дѣло, безъ сомнѣнія, надлежало посвятить ему всю жизнь свою. Успѣеть-ли онъ? Это еще неизвѣстно. Силъ одного человѣка слишкомъ мало, если онъ борется съ вѣкомъ своимъ; толпа противниковъ умчитъ его, какъ водоворотъ увлекаетъ пловца. Что-же тогда будетъ? Пиппо не ослабилъ на собственный свой счетъ; онъ предвидѣлъ, что рано или поздно бодрости у него не останется, и прежнія наслажденія увлекутъ его снова. Слѣдственно, онъ отваживался-бы на бесполезное пожертвованіе, выполнѣ, или не выполнѣ, но что изъ него слѣдовало? Онъ былъ молодъ, богатъ, здоровъ; его любила прекрасная женщина, и жить счастливо, такъ, чтобы никто и ни въ чемъ не упрекнулъ его — ему стоило только жить, не заботясь, какъ восходить и какъ заходить солнце. Надлежало-ли отказываться отъ столькихъ благъ жизни для сомнитель-

ной славы, которой, всего въроятнѣе, никогда не догнать ему?

И послѣ такихъ-то и продолжительныхъ размышленій, Пиппо рѣшался показывать совершенную невнимательность къ искусству — мало по малу, она сдѣлалась для него совершенно привычною. «Если я еще буду учиться двадцать лѣтъ — думалъ онъ — и постараюсь подражать отцу моему — я буду пѣть для глухихъ, а если силъ моихъ не достанетъ, я обезславлено имя мое... И въ заключеніе всего восклицалъ онъ, съ обыкновенною своею веселостью: «Къ чорту живопись! Жизнь такъ коротка!..»

Пока спорилъ онъ съ Беатрисою, портретъ ея оставался недоконченнымъ. — Однажды, совсѣмъ печально, зашелъ Пиппо въ монастырь Сервитовъ. На подмосткахъ одной изъ часовенъ, онъ увидѣлъ сына Марка Вечелліо, того самаго, который, какъ мы выше говорили, называлъ себя также Тиціанелло. Этотъ молодой человекъ не имѣлъ ни какой настоящей причины принимать на себя подобное имя, кромѣ того развѣ, что онъ былъ отдаленнаго родни Тиціану, и назывался его именемъ по крещенію, Тито, изъ чего передѣлалъ онъ Тиціана, а потомъ перевернулъ это имя въ Тиціанелло, а за то зѣваки Венеціанскіе почитали его наследникомъ гениа великаго живописца, и таяли отъ восторговъ передъ его фресками. Пиппо никогда не заботился о такомъ забавномъ обманѣ, но на сей разъ — было-ли ему непріятно встрѣтиться лицомъ къ лицу съ этимъ обманщикомъ, или онъ помыслилъ важнѣе о собственномъ своемъ достоинствѣ, нежели обыкновенно мыслилъ объ немъ, только видъ мнимаго Тиціанелло разсердилъ его. Приближаясь къ подмосткамъ, поддерживаемымъ тонкими, худо укрѣпленными стойками, онъ ударилъ ногою въ одну изъ этихъ стоекъ и вышибъ ее. По

счастію, подмостки не повалились, но только качались, и такъ сильно, что самозванецъ Тиціанелло запнулся сначала, какъ пьяный, а потомъ потерявши равновѣсіе, свалился на свои краски, и выпачкался ими, самымъ смѣшнымъ образомъ.

Можно судить о бѣшенствѣ его, когда онъ опять сталъ на ноги. Тотчасъ сбѣжалъ онъ съ своихъ искривившихся подмостокъ, и приблизился къ Пиппо съ ругательствами. Одинъ изъ монаховъ бросился между соперниками, боясь, чтобы они не обнажили шпагъ своихъ. Одни изъ присутствовавшихъ кинулись вонъ крестясь, между тѣмъ, какъ любопытные сбѣгались толпою. Тито громко кричалъ, что его хотѣли убить, и вышибенная стойка доказывала слова его. Зрители ссоры начинали шумѣть, и одинъ, отваживше другихъ, схватилъ Пиппо за воротъ. Начавши ссору безъ всякой мысли, и смотрѣвшій на все это со смѣхомъ, Пиппо видѣлъ, что его готовятся тащить въ тюрьму, называя убійцею. Тутъ разсердился онъ. Сильно оттолкнувши того, кто хотѣлъ его удержать, онъ бросился на Тито.

«Тебя — вскричалъ онъ, схватывая Тито — тебя надобно схватить, тащить на площадь св. Марка, и повѣсить тамъ, какъ вора! Знаешь-ли съ кѣмъ ты говоришь, ворона въ павлиньихъ перьяхъ? Я Помпонио Вечелліо, сынъ Тиціана. Я вышибъ стойку въ твоихъ гнилыхъ подмосткахъ, но если бы на моемъ мѣстѣ былъ отецъ мой, онъ такъ тряхнулъ бы тебя на твоихъ деревяшкахъ, что ты свалился-бы съ нихъ, какъ гнилое яблоко. Да, этимъ-бы еще не кончилось: онъ взялъ-бы тебя за ухо, хвастливый маляръ, и повелъ-бы тебя въ мастерскую, изъ которой убѣжалъ ты, не выучившись хорошенько рисовать головокъ. Если ты пачкаешь здѣсь стѣны, по какому праву подписываешь ты мое имя подъ твоимъ гадкимъ

мараньемъ? Поди — учишь анатоміи, и копируй десять лѣтъ ободранныхъ, какъ я дѣлалъ это у моего отца, и потомъ посмотримъ кто ты, и стоишь ли того, чтобы подписывать какое нибудь имя. А до тѣхъ поръ, не смѣй отнимать у меня моего, или я кину тебя въ каналъ, и окрепшу тебя однажды на всегда такимъ именемъ, котораго ты стоишь!»

Пинпо ушелъ при сихъ словахъ. Едва только окружавшіе услышали его имя, какъ все успокоилось, раздвинулись, давая ему дорогу, и слѣдовали за нимъ съ любовитствомъ. Онъ отправился прямо въ свой маленькій домикъ, гдѣ нашелъ Беатрису, уже ожидавшую его. Не теряя времени въ разсказъ своего происшествія, онъ взялъ палитру, и взволнованный еще гнѣвомъ, принялся работать надъ портретомъ.

Менѣе нежели въ часъ — портретъ былъ конченъ. А между тѣмъ, Пинпо сдѣлалъ въ немъ многія измѣненія. Прежде всего, уничтожилъ онъ многія излишнія подробности, обновилъ фонды, и передѣлалъ аксесуарныя вещи — важную часть въ Венеціанской живописи. Потомъ далъ онъ портрету ротъ и глаза, и нѣсколькими взмахами кисти придалъ имъ совершенное выраженіе. Взглядъ красавицы высказывалъ прелесть и гордость; губы, надъ которыми видны были даже легкій пухекъ, были немножко открыты — зубы блистали, какъ жемчужины, и портретъ хотѣлъ, казалось, заговорить....

«Ты не назовешься Венера Коронованная — сказалъ Пинпо, когда все было кончено — но Венера Влюбленная!»

Вообразите радость Беатрисы! Пока работала Пинпо, она едва смѣла дышать; она обнимала его потомъ, и благодарила сто разъ, говоря, что отнынѣ хотѣтъ называть его не Тицианелло, но Тицианомъ. Остатокъ дня она твердила только о безчисленныхъ

красотахъ, которыя непрерывно открывала въ своемъ портретѣ, и не только жалѣла она, что его нельзя выставить, но почти готова была просить, что бы его выставили. Вечеръ проведенъ былъ въ Квинтавалле, и никогда еще не бывали она и Пинпо, ни такъ веселы, ни такъ счастливы. Самъ Пинпо радовался, какъ ребенокъ, и только уже очень поздно, послѣ тысячи клятвъ въ любви, Беатриса рѣшилась разстаться съ нимъ на нѣсколько часовъ.

Она не спала всю ночь. Самые веселыя предположенія, самые сладостныя надежды тревожили ее. Она видѣла уже мечты свои осуществленными, видѣла Тицианелло предметомъ гордости и зависти Италіи, и Венцію ей одолженную новою славою. На другой день, по обыкновенію, она первая явилась на мѣсто свиданія, и въ ожиданіи Пинпо начала снова разсматривать свой портретъ. Фонды его представлялъ пейзажъ, и на первомъ планѣ видна была тутъ скала. На этой скалѣ замѣтила теперь Беатриса какія-то черточки, написанныя киноварью. Безпокойно наклонилась она, и прочтала, написанный мелкими готическими буквами, слѣдующій советъ:

«Беатриса Донато было прелестное имя той, которая въ земныхъ формахъ имѣла этотъ небесный видъ. Въ твоей груди ея было вѣрное сердце, и чудное тѣло ея оживляло умъ высокій.

«Сынъ Тициана, желая сдѣлать ее безсмертною, написалъ сей портретъ, — свидѣтеля ихъ взаимной любви. И съ сего дня бросить онъ живопись, не желая прославлять своею рукою никого и ничего болѣе!

«Кто бы ты ни былъ, если сердце твое умѣетъ любить, посмотри на мою подругу, прежде нежели станешь осуждать меня, и скажи: неужели твоя подруга такъжепрекрасна?»

«Посмотри же, какъ ничтожна здѣшняя слава: какъ ни прекрасенъ этотъ портретъ, но онъ не стоитъ, вѣрь мнѣ — одного понѣмуя подлинника!»

Напрасно старалась потомъ Беатриса — она не могла принудить своего любовника снова приняться за кисть. Онъ былъ непреклоненъ на все ея просьбы, и когда она слишкомъ приставала къ нему, онъ начиналъ читать ей свой прощальный сонетъ. Такъ, до самой смерти своей, остался онъ вѣренъ своей лѣности, а Беатриса, какъ говорятъ, не переставала любить его. Долго жили они вмѣстѣ, и нельзя не пожалѣть, что гордость фамилии Лоредановъ, оскорбленная любовью Беатрисы къ Тицианелло, уничтожила потомъ портретъ ея, такъ, какъ судьба уничтожила первую картину сына Тицианова. Ученый Далони отыскалъ только записки о жизни Тицианелло, и ихъ передали мы въ нашемъ разсказѣ.

=

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ДОНА ЛУИЗА.

(Повесть г-жи Рейво.)

I.

— Стой! — вскричалъ донъ Санчо д'Авила, оставившая лошадь свою поперекъ дороги. — Капитанъ Родригесъ! знаете ли вы, гдѣ мы теперь?

«Подлѣ границы, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Бадахоса, если вѣрить этому пастуху, которому очень благоразумно изволили приказать не совсѣмъ довѣряться. Онъ говоритъ, что мы ѣдемъ прямо въ Испанію, и если Богъ благословитъ, завтра утромъ можемъ уже слушать объдиню на родинѣ своей.»

— Нѣтъ! клянусь Св. Іаковомъ, мы должны ночевать сегодня еще въ Португалліи; боюсь, что въ ночное время ни какъ не рѣшусь я, безъ надежнаго проводника, ѣхать по этой неприятельской сторонѣ. Расположите отрядъ тутъ, на опушкѣ лѣса, и поставьте часовыхъ, капитанъ Родригесъ. Становится темно, какъ въ аду!

Ночь была претемная. Кругомъ пустыня; съ одной стороны дороги протягивался лсеневый перельсокъ; съ другой Гвадіана стремилась черезъ угеси свои буйныя волны. Совершенною тишиною окрестностей нарушали только ревъ волнъ и неясный шелестъ, какой производить трепетаніе листочковъ на деревьяхъ въ лѣтнія ночи. Солдаты, съ трудомъ пробиравшіеся по едва пробитой тропинкѣ, гдѣ въ двухъ шагахъ ничего нельзя было разглядѣть, остановились по командѣ капитана Родригеса. Ихъ было двадцать человекъ; всѣ верхомъ, съ копьями въ рукахъ, съ пистолетами у сѣделъ. Отрядъ этотъ окружалъ двухъ женщинъ, которыя ѣхали на гордыхъ Андалузскихъ коняхъ, и управляли имъ смѣло и искусно. Длинные плащи закрывали обихъ всадницъ съ головы до ногъ, такъ, что изъ подъ плащей видны были только шитыя перчатки на рукахъ и носки коженныхъ полусапожковъ на ногахъ. Лица у нихъ закрыты были широкими капишонами, изъ-подъ которыхъ виднѣлись только блестящіе глаза. Но подъ мрачною одеждою путешественницъ, скрывавшею ихъ отъ всѣхъ любопытныхъ взоровъ, можно было угадывать, по ловкости, прелести и величію ихъ движеній, что это были двѣ молодыя, прекрасныя и знатныя дамы.

Донъ Санчо подошелъ, преклонилъ коленно, и сказалъ почтительно, снявши свою шляпу: «Ваша Свѣтлость! вамъ надобно здѣсь провести ночь. Крайняя необходимость извиняетъ меня, что я осмѣливаюсь предложить вамъ ночлегъ подъ открытымъ небомъ.»

Дама, къ которой были обращены сіи слова, легко соскочила на землю, не касаясь руки, поданной ей донъ Санчемъ, принявшимъ на сей разъ

должность пажа. Она отвѣчала на слова его съ грустнымъ величіемъ: «Для чего извиненія, донъ Санчо? Вы ими не обязаны мнѣ, и можете поступать со мною, какъ вамъ угодно — я ваша плѣнница!

— Ахъ! Ваша Свѣтлость! — отвѣчалъ онъ съ упрекомъ — неужели я имѣлъ несчастье дать вамъ это почувствовать! Во всякомъ случаѣ виноваты трудныя, повелѣвающія нами обстоятельства. Но во всемъ томъ, что не касается вашего охраненія и безопасности вашей особы — вы, а не я можете повелѣвать, какъ вамъ угодно...

«Право? А я и не замѣтила этого до сихъ поръ» — сказала насмѣшливо незнакомка, обращаясь къ своей спутницѣ. «Пойдемъ-те, Изабелла — надобно покоряться правамъ войны и волѣ сильнаго. Постараемся заснуть подъ шатромъ небеснымъ, за немѣнимъ какойнибудь хижины...»

Онѣ съѣли въ сторонѣ, и безмолвно склонились одна къ другой, между тѣмъ, пока солдаты приготавливали родъ небольшой палатки для ихъ помѣщенія. Потомъ развели огонь, набравши вѣтвей и кустарниковъ. Блескъ огня отразился на угрюмыхъ лицахъ Испанцевъ, и на суровомъ и загорѣломъ лицѣ донъ Санчо. — Дамы откинули капишоны свои, и влажный ночной вѣтерокъ развѣвалъ ихъ длинные локоны. — Одна изъ нихъ была черноволосая красавица, и ея возвышенное чело, ея глаза, прикрытые длинными рѣсницами, выражали непобѣдимое спокойствіе и гордое величіе. Казалось, ей было не болѣе 20 лѣтъ, но уже блѣденъ былъ этотъ цвѣтъ юности и красоты. Другая дама была прелестная блондинка, но лицо ея не выражало величія, какимъ оживлялись черты ея спутницы.

— Боже мой! — сказала она, жалобнымъ голосомъ, поднимая свою утомленную голову — какой безконечный путь! Когда мы дойдемъ?

«И куда ъдемъ мы?» печально спросила другая дама. «Боже великій! спаси насъ!»

«Донъ Санчо,» сказала она, обращаясь къ старому начальнику Испанцевъ, съ движеніемъ гордымъ и вмѣстѣ умоляющимъ — признаюсь вамъ, что я крайне беспокоюсь, и вы однимъ словомъ можете разсвѣять мое безпокойство. Не понимаю: къ чему такая таинственность придала нашей поѣздкѣ? Скажите мнѣ, по крайней мѣрѣ, какой монастырь назначенъ мнѣ темницей?

— Ваша Свѣтлость будете жить въ Бенедиктинскомъ монастырѣ — отвѣчалъ донъ Санчо съ улыбкою.

«Но гдѣ? Въ какомъ нибудь Испанскомъ городѣ?»

— Въ Бадахосѣ.

«Въ Бадахосѣ!» вскричала она съ негодованіемъ. «Но съ самаго начала войны тамъ находится Испанскій Дворъ! Вы везете меня къ Филиппу, меня принцессу Луизу Португальскую... Ахъ! лучше-бы мнѣ погибнуть подъ развалинами Бехи... За чѣмъ не убили вы меня, донъ Санчо! Клянусь Богомъ — легче-бы мнѣ было простить моему палачу, нежели моему тюремщику!..»

— Ваша Свѣтлость! я повинуюсь моему Королю, вашему и моему повелителю — гордо отвѣчалъ старый Испанецъ.

Дона Луиза въ изумленіи отступила шагъ назадъ, и потомъ подняла руки и глаза къ небу, какъ будто испрашивалъ его помощи.

— Ваша Свѣтлость! — продолжалъ донъ Санчо — конечно, не при Испанскомъ Дворѣ забудутъ уваженіе, какое должно оказывать несчастію. Я могъ

замѣтить благосклонность Короля, и уваженіе Его Величества къ особѣ вашей, въ приказѣ, какой имѣлъ счастье отъ него получить: вы будете находиться при Королевѣ.

«Заложницей? — горестно сказала донна Луиза. Ахъ! еслибы отецъ мой могъ поскорѣ выкупить меня мечемъ своимъ!»

При сихъ словахъ взяла она за руку Изабеллу, и медленно удалилась въ палатку, для нихъ приготовленную. Двѣ медвѣжки кожи были разостланы на землѣ, и на коробкѣ, замѣнявшей столъ, положены были скудные дорожные запасы. Смолистый факель освѣщаль дрожащимъ полусвѣтомъ скудный ужинъ и походную эту постелью. Дона Луиза съѣла, и вдругъ измѣнивши свою гордую осанку, занялась слезами. Изабелла, безмолвная, стоя на коленяхъ, сжимала въ рукахъ своихъ холодныя руки принцессы.

«Jesus Maria!» сказала она со слезами — кто избавитъ насъ? Испанскій Дворъ будетъ для насъ тяжкою тюрьмою. Каждая фрейлина Вашего Высочества будетъ за вами шпиономъ; меня не допустятъ къ вамъ. Мы будемъ жить, не зная что здѣсь дѣлается, ожидая ежеминутно бѣдствій..... Еслибы въ эту ночь могли мы убѣжать..... Мы еще въ Португаліи. — Нѣтъ монастыря, нѣтъ дома, нѣтъ хижины, гдѣ намъ отказали-бы въ пристанищѣ. Вамъ стоитъ только явиться и сказать: я донна Луиза, дочь донна Антонио, дочь вашего Короля, низверженнаго Испанцами!..... И каждый добрый Португалецъ защититъ васъ собою, какъ подъ стѣнами Бехи....

— И какъ подъ стѣнами Бехи, они умрутъ за меня, но меня не спасутъ. Нѣтъ! не хочу оспаривать у жребія войны моей свободы, моей жизни,

даже..... Пусть будетъ, что угодно Богу.... Изабелла! моему высокому сану я должна гордостью передъ неприятелями — какъ Принцесса Португальская, я не должна унижаться передъ врагами моего отечества..... Но что мнѣ въ томъ, чѣмъ буду я теперь въ мѣръ? Всѣ мои надежды за могилою, все что любила я — въ могиль..... Изабелла! помолимся за усопшихъ!

Онѣ обѣ стали на колѣни, долго молились, и слезы и вздохи смѣшивались съ ихъ молитвою. Мало по малу, усталость закрывала ихъ глаза. Онѣ впали въ усыпленіе, котораго нельзя назвать ни сномъ, ни бдѣніемъ. Онѣ не плакали, онѣ не думали болѣе, но сохранили неполное впечатлѣніе окружающаго ихъ. Какъ будто во снѣ слышались имъ звукъ оружія, ржаніе лошадей, крикъ часовыхъ, смѣнявшихся каждый часъ.

Дружба, уже испытанная несчастіемъ, соединила двухъ этихъ молодыхъ дѣвушекъ, изъ которыхъ одна рождена была царствовать надъ Португалліею, а другая принадлежала къ одному изъ знатнѣйшихъ домовъ Португалліи. Дона Луиза была правнучка Эммануила Великаго. Монастырь назначался ей въ дѣтствѣ убѣжищемъ, и первые годы жизни ея проведены были въ обители Св. Клары, гдѣ прежде ея нѣсколько инфантъ были погребены въ цѣвѣ лѣтъ, потому, что гордость, родителей не находила никого достойными руки ихъ. Дона Луиза уже готова была навѣки отказать отъ свѣта, о которомъ едва знала она по слуху, уже приготовляли обрядъ ея постриженія, когда герцогъ Бехаскій, отецъ ея, призвалъ ее къ себѣ изъ монастырскаго уединенія. Тогда воцарился въ Португалліи донъ Себастьянъ, принцъ юный и храбрый. Онъ могъ искать руки принцессы изъ первыхъ королевскихъ семействъ

въ Европѣ. Но онѣ любилъ дону Луизу, и хотѣлъ раздѣлить съ нею тронъ свой. Послушница монастыря Св. Клары была уже готова промѣнять покрывало монахини на королевскую діадему, но родство ея съ королемъ препятствовало супружеству. Надлежало испросить разрѣшенія Папы. Политическія интриги Испаніи, гдѣ надѣялись, что инфанта, старшая дочь Филиппа II-го, будетъ Португальскою Королевою, затруднили переговоры съ Римскимъ Дворомъ. Пока Португальскій посоль старался разрушить хитрости Филиппа, донъ Себастьянъ отправился воевать противъ невѣрныхъ въ Африкѣ. Начало этого крестоваго похода было славно. Надѣялись, что вскорѣ увидятъ торжественное возвращеніе Короля, и въ Лиссабонѣ готовили уже праздники на его побѣды и супружество, когда всѣхъ поразила нежданная вѣсть объ его погибели. Онѣ палъ въ кровавой битвѣ Алкасаръ-Кивирской, и цѣвѣ Португальскаго дворянства погибли вмѣстѣ съ нимъ. Всѣ знатнѣйшія семейства оплакивали потери въ этомъ пагубномъ сраженіи, которое навсегда прекратило владычество христіанское за Гибралтарскимъ проливомъ. Португаллія облеклась въ трауръ. Она любила Короля, которому будущее обѣщало, повидимому долготлѣтіе и славу, и восшествіе на престолъ престарѣлаго кардинала дона Энрика привѣтствовала скорбь знатныхъ и простолюдиновъ.

Дона Луиза не возвращалась въ монастырь Св. Клары. Она основала Кармелитскую обитель въ Бехъ, и хотѣла постричься и умереть въ ней. Но судьба готовила ей новое величіе и новыя превратности. Отецъ ея наследовалъ дону Энрику, не успѣвшему даже спать съ себл кардинальской епанчи, и инфанта увидѣла себя мгновенно вознесенною на

первыя ступени трона, гдѣ ожидалъ ее послѣ смерти отца королевскій вѣнецъ. И также быстро было разрушеніе столь блестящихъ надеждъ. Филиппъ II-й по матери происходилъ отъ Эммануила Великаго, и онъ потребовалъ себѣ Португаллію, какъ наслѣдство. Уже за столѣтіе прежде, Испанскіе Короли хотѣли соединить подъ однимъ скипетромъ весь Пиринейскій полуостровъ. Они хотѣли осуществить свой замыселъ супружествомъ Испанской принцессы съ Эммануиломъ, но смерть разрушила ихъ политическія интриги. Юная королева Португальская сошла въ могилу не оставивъ потомства, и сестра ея Иоанна Безумная передала наслѣдство Испанію Австрійскому дому. Филиппу II-му суждено было осуществить то, чего не удалось исполнить Фердинанду и Изабеллѣ. Смерть донъ Себастьяна открыла ему дорогу, и со времени Алкасаръ-Кивирской битвы, онъ мыслилъ уже завладѣть Португаллією, по праву наслѣдства и по праву оружія. Между тѣмъ, онъ еще оставилъ царствовать донъ Энрика, но въ тотъ самый день, когда донъ Антоніо былъ провозглашенъ въ Лиссабонѣ, войско Испанское, предводимое герцогомъ Альбою, явилось на границахъ, и война была объявлена.

Дона Луиза заперлась въ Бехѣ, и вскорѣ Испанскія войска осадили ея убѣжище. Жители Бехи защищали городъ и свою властительницу до послѣдней крайности. Бежа была взята приступомъ, и донъ Санчо д'Авила, въ теченіе двухъ дней, не могъ остановить пожара и грабежа. Едва могли сохранить отъ расхищенія церкви и монастыри. Дона Луиза была взята въ плѣнъ; начальникъ Испанцевъ получилъ приказаніе Короля препроводить ее къ Испанскому Двору, и бѣдная Принцесса должна была отправиться въ путь, сама не зная, куда везутъ ее.

Донъ Санчо сказалъ ей объ этомъ только передъ самымъ вступленіемъ въ Испанію. Изъ всѣхъ окружавшихъ Инфанту во времена ея величія, осталась у нея только одна подруга — Изабелла, привязанность которой къ принцессѣ не знала ни какихъ предѣловъ. Юная эта дѣвушка, плѣнница подобно донъ Луизѣ, имѣла въ Португалліи приданое, которому позавидовала бы дочь няго владѣтельнаго князя: она была единственный потомокъ герцоговъ Аверо, и титулы, и безчисленные богатства, въ теченіе столѣтій собранныя этимъ знаменитымъ домомъ, все доставались Изабеллѣ.

Теперь, эта богатая наслѣдница, утомленная страданіями и усталостью, заснула крѣпкимъ сномъ. Но Принцесса, бѣдвая, съ полуоткрытыми глазами, съ распущенными волосами, казалось, борется съ какимъ-то тяжкимъ сновидѣніемъ. Иногда, въ забытьи, она поднимала голову и слушала внимательно. Отдаленная пѣсня слышна была вдали, среди безмолвія тихой и ясной ночи; печальные звуки, то умирали, казалось, разносимые ночнымъ вѣтромъ, то снова долетали до слуха, полные жизни и громкіе. Принцесса долго прислушивалась, и сквозь сонъ повторляла эти напѣвы, поражавшіе слухъ ея. Но, мало по малу, ощущеніе сдѣлалось столь ясно, что она вдругъ проснулась, поднялась съ грубаго ложа своего, и сказала подругѣ своей: «Изабелла! слынишь-ли? Кто это поетъ, великій Боже!

— Какой нибудь солдатъ.

«Нѣтъ, нѣтъ! вслушайся..... Неужели не узнаешь ты этой пѣсни?»

Изумленная Изабелла сдѣлала утвердительный знакъ головою, и положила палецъ на губы, другою рукою указывая на часоваго, неподвижно стоявшаго въ нѣсколькихъ шагахъ. Тотъ же голосъ, въ другой

разъ, запѣль прежнюю, жалобную и медленную пѣсню.

« Это прощанье — прощанье, донъ Себастьяна — говорила инфанта, склоняя свое, омоченное слезами лицо на плечо Изабеллы — эту пѣсню сочинили онъ отправляясь въ Африку..... Тотъ, кто поетъ ее, могъ изучить ее только отъ самого донъ Себастьяна..... Это ктонибудь изъ бывшихъ съ нимъ, успѣвшій спастись изъ проклятой земли невѣрныхъ — это другъ нашъ — это помощь, посылаемая намъ отъ Бога.....

Онъ тихо вышли изъ палатки, и съ трепетомъ придушивались. Часовой не двигался съ мѣста. Все замолкло. Только слышанъ былъ глухой шумъ рѣчныхъ волнъ, и жаворонокъ запѣвалъ свою утреннюю пѣсню, поднимаясь въ облака. Звѣзды блѣднѣли на небѣ, и бѣлая полоса на востокъ возвѣщала день. Мрачный берегъ Гвадіаны закрывалъ легкой туманъ, сквозь который вдалекѣ виднѣлись огоньки по полямъ. Солдаты Родригеса спали на землѣ, завернувшись въ свои капасы. Нѣкоторые изъ нихъ грѣлись вокругъ потухавшаго костра, подлѣ дороги.

— Ничего не слышно. Намъ показалось, Ваше Высочество. Вѣрно, это какойнибудь Испанскій солдатъ пѣлъ, тамъ, подлѣ рѣки, появши свою лошадь. Вотъ и день — скоро дадутъ знакъ къ походу.

Инфанта наклонила голову, и сказала съ мрачнымъ отчаяніемъ: «Да, мы поѣдемъ, и черезъ нѣсколько часовъ дочь Короля Португальскаго будетъ невольницей Испанскаго Короля. Ахъ! если бы Богъ внушилъ ему спасительную мысль отослать меня въ какойнибудь отдаленный монастырь — далье отъ ненавистнаго мнѣ великолѣпія дворскаго!..... Изабелла — я не хочу, чтобы ты раздѣляла со мною мой несчастный жребій.....»

— Мои надежды умерли, такъ же, какъ и ваши, Принцесса! — поспѣшно возразила герцогиня Аверо — мой отецъ погибъ, сражаясь подлѣ донъ Себастьяна, и руки невѣрныхъ бросили тѣла ихъ вмѣстѣ въ одну могилу..... Нѣтъ! Ничто не привлываетъ меня въ этомъ мѣрѣ — я хочу умереть кармелиткою, въ монастырѣ вами основанномъ.....

« Нѣтъ, герцогиня Аверо — сказала Принцесса, покачавъ головою, и положивъ руку свою на плечо Изабеллы, съ грустью и величіемъ — нѣтъ! Я не приму жертвы, какую приносить мнѣ ваша преданность. Богатѣйшая, знатнѣйшая родомъ своимъ невѣста въ Португаліи не оставитъ званія, въ которое воли Божія призвала ее, и не погубитъ юности своей въ мрачной обители. Я хочу, чтобы ты оспаривала собою, Изабелла, добраго, благороднаго Португальца, одного изъ тѣхъ, которые страдали вмѣстѣ съ своимъ Королемъ и его бѣдствующимъ семействомъ. Какую лучшую награду можемъ мы дать мужеству и вѣрности? Ты заплатишь одишь изъ тѣхъ долговъ, которыхъ невозможно намъ заплатить, которыхъ нельзя заплатить ни титулами, ни сокровищами. Ты будешь счастлива, Изабелла — монастырь не твоя участь — я хорошо тебя знаю — покрывало инокини не годится тебѣ.....

— Ваше Высочество полагаете, что я буду сожалѣть о суетѣ міра?..... Ахъ! недовольно-ли видѣла я страшныхъ примѣровъ, какъ ничтожны величіе и слава.....

« Нѣтъ! не о блескъ высокаго званія будешь ты сожалѣть — гордость недоступна душѣ твоей: ты будешь довольна и въ самой бѣдной участи..... Но, бѣдное дитя! есть прелесть въ мѣрѣ, о которой будешь тосковать душа твоя..... Тебѣ надобна жизнь

усладительнѣе одиночества монастырскаго — надобна свобода сердцу твоему.

— Ахъ! Ваше Высочество! А развѣ въ душѣ вашей истребите вы память о счастіи жизни уединеніемъ монастырскимъ? Развѣ никогда не обратите вы печальнаго взгляда на прошедшее, и жертва ваша не покажется вамъ невыносимою?

Дона Луиза сложила вмѣстѣ руки, подняла глаза къ небу, и сказала съ какимъ-то восторгомъ отчаянія: «Нѣтъ — никогда! Тотъ, кого любила я — его нѣтъ уже на землѣ...»

Подруги замолчали и сѣли въ сторонѣ, подъ огромнымъ дубомъ, широкія вѣтви котораго составляли надъ головами ихъ обширный зеленый сводъ. Птички порхали и пѣли между вѣтвями этого древа великана, и солнце, ярко и величественно посходило надъ туманами долины, по которой быстро мчались шумныя волны рѣки. Узкая тропинка, закрываемая утесами, вилась по берегамъ ея. Тамъ и здѣсь нѣсколько ихъ наклонились къ самой водѣ, и образовывали непроницаемыя убѣжища, подъ которыми скрывались цапли, оглашая воздухъ разнообразнымъ крикомъ. На концѣ долины возвышалась одна изъ тѣхъ старинныхъ башенъ, которыя сохраняють донынѣ въ Португаліи Мавританское названіе *аталайя*. Она господствовала еще надъ пустынною окрестностью, и ея зубчатые верхи высились на холмѣ, мимо котораго шла дорога.

— Не знаю, гдѣ мы теперь — сказала донна Луиза — какое уединеніе! Какъ ни гляжу, нигдѣ нѣтъ ни селеній ни хижинъ. Мнѣ кажется, дорога оканчивается у этой старинной башни, надъ которою вьется стадо ласточекъ.

«Но я замѣтила однакожь ночью», отвѣчала Изабелла, «что сквозь туманъ и мракъ мелькалъ ого-

некъ, и мнѣ показалось даже, что тамъ, подлѣ нвы, стоить человекъ, одѣтый иначе, нежели солдаты Испанскіе.

Въ эту минуту смѣнили часоваго. Все было готово къ отъѣзду. Донъ Санчо приблизился почти тѣльно.

«Ваша Свѣтлость» — сказалъ онъ, снимая шляпу, такъ-же благоговѣнно, какъ будто говорилъ съ доною Луизою въ залахъ Буень-Ретиро — мы въ вашихъ повелѣніяхъ. Надѣюсь, что вы немного позволите отдохнуть отъ усталости при столь трудной дорогѣ?

Дона Луиза отвѣчала только гордымъ наклоненіемъ головы, а Изабелла прибавила съ насмѣшкою: «Принцессѣ не угодно заставить васъ дожидаться, *cavallero*, и она готова «приказать» вамъ ѣхать далѣе.»

Старый придворный поклонился, съ тою важною учтивостью, которой научился онъ при дворѣ Карла V-го, и повторилъ обращаясь къ Принцессѣ: «Ваша Свѣтлость! мы въ вашихъ повелѣніяхъ.»

Стараніе, съ какимъ начальникъ Испанцевъ употреблялъ титуль «Свѣтлости», вмѣсто «Высочества», говоря съ доною Луизою, какъ съ Герцогинею, а не дочерью Короля, инфантою Португальскою, оскорбляло ее глубоко. Въ первый еще разъ, послѣ того, какъ отецъ ея восшелъ на престолъ Португальскій, говорили съ нею такимъ образомъ, и она поняла, что такому нарушенію этикета должна быть какая нибудь важная политическая причина.

— Боже мой! — думала она — и такъ насъ хотѣтъ до того унизить, что лишаютъ даже почести, слѣдующей по правамъ владѣтелей Португаліи...

Донъ Санчо подошелъ къ капитану Родригесу, и вмѣстѣ съ нимъ старался разсмотрѣть дорогу, по

которой надлежало имъ отправляться. Недовѣрчиво вѣхали они по этой землѣ, столь недавно еще покоренной оружіемъ, готовой безпрерывно къ возстанію, и гдѣ могли они встрѣчаться только съ неприятелями. Донъ Санчо внимательно глядѣлъ на рѣку, сжатую между угосовъ, быструю и глубокую.

— Мы должны быть теперь въ окрестностяхъ Хурумена — сказалъ онъ. — Гвадіана составляетъ здѣсь границу, и если не ошибаюсь, тотъ берегъ долженъ быть Испанскій... Лучше-бы намъ перебраться туда, нежели вѣхать здѣсь, по этимъ ущельямъ...

«Да,» хладнокровно отвѣчалъ Родригесъ, «если бы былъ здѣсь мостъ.»

— Нѣтъ-ли дальше броду?

«Не думаю. Намъ нельзя вѣхать въ Испанію иначе, какъ передъ самымъ Бадахосомъ.»

— Такъ, вы полагаете, что мы должны еще часовъ пять вѣхать по землѣ Португальской?

«Если бы Господь далъ свою милость! Но я не смѣю ни за что отвѣчать. Мы теперь въ настоящій западнѣ. Мнѣ хотѣлось-бы поскорѣе проѣхать эти дефилеи, гдѣ дюжина человѣкъ можетъ задержать цѣлую армію. Клянусь мадонною Гваделупскою! стань нѣсколько человѣкъ тамъ, подъ этою старою башнею — мы едва ли двинемся далѣе... Пастухъ, котораго вчера изволили вы распрашивать о дорогѣ, ничего не говорилъ вамъ объ этой башнѣ.»

Донъ Санчо заботливо смотрѣлъ на атакаю, полуразрушенныя стѣны которой ясно видны были теперь на чистой лазури неба.

— Тамъ живутъ только совы и филины, капитанъ Родригесъ! Пошлите туда нѣсколько человѣкъ;

осмотрите, возьмите всѣ предосторожности для безопаснаго пути, и потомъ съ Богомъ — впередъ!

Онъ оканчивалъ слова свои, когда двое солдатъ приблизились къ нему, толкая впередъ шедшаго передъ ними молодаго человѣка, одѣтаго въ пастушескій сайонъ, и державшаго въ рукахъ толстую, суковатую палку. Онъ шелъ бодро и смѣло.

«Святѣй Іаковъ!» вскричалъ капитанъ Родригесъ — «да, это старый знакомый, тотъ, котораго вчера распрашивали мы о дорогѣ! Мнѣ кажется, пріятель, что ты слишкомъ далеко гонишь пасти свое стадо!

«Эй! сюда!» закричалъ донъ Санчо, давая знакъ, чтобы пастуха вели къ нему. «Не думалъ я встрѣтиться съ тобою въ другой разъ,» сказалъ онъ ему, «но если еще мы теперь увидѣлись, говори скорѣе: гдѣ мы? Ты хвалился вчера, что хорошо знаешь окрестности, но если ты обманулъ насъ, и привелъ на засаду — я велю повѣсить тебя на первомъ деревѣ, и ты будешь указывать дорогу тѣмъ, кто поѣдетъ за нами!

Пастухъ поклонился, не показывая ни малѣйшаго смущенія, и отвѣчалъ по-Португальски: «Синьоръ можетъ сдѣлать со мною все, что ему угодно, но я вчера не обманывалъ васъ. Монсарасъ остался далеко за вами, а вонъ съ этой высоты должны быть видны башни Хуруменскія. Ночью, впрочемъ, я могъ и обмануться немного...»

— Ну, а теперь ты хорошо знаешь путь?

«Да, синьоръ. Мы теперь на самой границѣ, въ четырехъ часахъ ѣзды отъ Бадахоса.»

— Но за чѣмъ ты явился здѣсь?

«Я нарочно шелъ за вами всю ночь, и хочу просить правосудія вашего, синьоръ. Когда встрѣтили вы меня вчера, у меня была дюжина прекрасныхъ козь, а теперь не осталось ни одной. На меня на-

пали ваши, разбойники, Испанскіе солдаты, чтобы провалиться нмъ сквозь землю, проклятымъ! Они убили всѣхъ моихъ козъ, и жрутъ ихъ теперь — даромъ что плтница! Велите ихъ повѣсить.

Такое объясненіе уничтожило все сомнѣнія и недовѣрчивость донъ Санчо. Онъ зналъ, что Бехаскій гарнизонъ часто выходилъ изъ крѣпости и грабилъ окрестности.

— Вотъ стоитъ о чемъ горевать! — сказалъ донъ Санчо, смѣясь. — Козъ не воротить — ступай съ нами, и вотъ, на первый разъ проводи насъ до Бадахоса. Не отговаривайся — понимаешь!

Пастухъ замолчалъ. Отрядъ двинулся съ мѣста. Дона Луиза и Изабелла находились въ срединѣ, со всѣхъ сторонъ окруженныя всадниками. Ъхали шагомъ по каменистой, пересѣкаемой рытвинами дорогѣ. Капитану Родригесу показалось, что пастухъ старается подойти къ плѣнницамъ. Онъ загородилъ ему путь своею лошадыю, и грубо сказалъ ему:

«Ступай впередъ, болванъ! Вѣдь ты проводникъ. Да, берегись — синьоръ донъ Санчо общалъ повѣсить тебя на первомъ деревѣ, а у меня и веревка готова!

Ни слова не отвѣчал, пастухъ посмотрѣлъ угрюмо на Родригеса и пошелъ впередъ. Все молчали. Только слышанъ былъ шумъ шаговъ по катившимся изъ-подъ ногъ камешкамъ, и отъ времени до времени бранчивыя восклицанія Родригеса нарушали молчаніе. — Вдругъ пастухъ запѣлъ въ полголоса пѣсню, ту самую, которая прошедшею ночью разбудила дошу Луизу. Онъ не кончилъ и перваго куплета, какъ ему грозно слышно было замолчать. Но и того, что пропѣлъ онъ, было достаточно возбудить вниманіе инфанты. Въ безпамятствѣ наклонилась она къ Изабеллѣ, и тихо проговорила ей:

«Онъ не то, чѣмъ кажется! Посмотри на него — не выдажа-ли ты его когда нибудь!

Изабелла сдѣлала отрицательный знакъ головою.

«Можетъ быть, ты не узнаешь его переодѣтымъ. Но ты слышала—слышала-ли ты, Изабелла! Ахъ!.. въ эту ночь... я не обманулась...

Объ онъ внимательно стали смотрѣть на пастуха. Онъ шелъ одинъ впереди всѣхъ. Пастушескій сайонъ не могъ скрыть благородства его поступи. Гордо держалъ онъ голову, накрытую соломенною шляпою, и длинныя, черныя кудри видны были изъ-подъ его головной резили. Онъ оборотился, и можно было разглядѣть его лицо, величественное, съ мужественнымъ выраженіемъ.

— Нѣтъ! я никогда не видывала его — сказала тихо Изабелла — кажется, и Вашему Высочеству нельзя знать его. Странная встрѣча...

Она не успѣла выговорить этихъ словъ, какъ два перекрестные выстрѣла грянули по дорогѣ, и два Испанца свалились съ лошадей. Отрядъ подѣхалъ къ холму, гдѣ была атакая. На минуту, все остановилось. Донъ Санчо грозно крикнулъ на солдатъ, и сталъ на защиту плѣнницъ. Все другіе двинулись впередъ, по командѣ Родригеса: «Смѣло! Очищай дорогу!»

На одно мгновеніе все смолкло, и потомъ отвѣтный гулъ Испанскихъ ружьевъ раздался, какъ продолжительный громъ, повторяемый многократнымъ эхомъ, и бѣловатый дымъ разостлался по обѣимъ сторонамъ дороги.

— Надобно драться — сказали хладнокровно Донъ Санчо — мы попали на засаду! — Тутъ, съ пистолетомъ въ рукѣ, онъ бросился впередъ своихъ всадниковъ къ кустъ деревьевъ, которыя защищали неприятелей тамъ, гдѣ дорога изгибалась угломъ. Кру-

тизны, камня и мѣстоположеніе дѣлали бесполезными всѣ успѣхи Испанцевъ.

Пастухъ подбѣжалъ въ это время къ донѣ Луизѣ, которая оставалась съ своею подругою одна, на дорогѣ. Онъ схватилъ лошадь ея за узду, и сказалъ ей поспѣшно:

«Не бойтесь, Ваше Высочество! Нѣсколько людей, преданныхъ вамъ, хотѣтъ освободить васъ. Сойдите поскорѣе, и пока дерутся здѣсь, бѣгите въ атаю!»

Дона Луиза спрыгнула немедленно и побѣжала по утесамъ; Изабелла слѣдовала за нею; пастухъ былъ впереди. Нѣсколько человекъ, прикрываясь утесами, держали Испанскій отрядъ между двухъ огней; многіе изъ Испанцевъ лежали на дорогѣ, убитые и раненые, и казалось, что ни одинъ изъ нихъ не избѣгнетъ отъ мѣткихъ выстрѣловъ непріятельскихъ.

Между тѣмъ дона Луиза достигла уже дорожки, извиравшейся по вершинѣ дикаго холма. Предшественная пастухомъ, она спѣшила къ атаю, гдѣ по крутизнамъ невозможно было ее преслѣдовать. Но въ это время донъ Санчо оборотилъ свою лошадь, видя невозможность пробиться. Онъ тотчасъ замѣтилъ бѣгство своей плѣнницы, въ одно мгновеніе кинулся черезъ утесы, и сталъ на тропинкѣ, по которой спѣшила она уйти. Дона Луиза остановилась. «Не бойтесь, Ваше Высочество!» вскричалъ пастухъ — перейдите только черезъ эту рывину, и вы спасены!»

Но донъ Санчо не далъ ему договорить этихъ словъ. Онъ схватилъ за руку дону Луизу, а другою направилъ пистолетъ въ пастуха, старавшагося увлечь принцессу. Раздался выстрѣлъ — пастухъ упалъ съ глухимъ стономъ. Донъ Санчо подхватилъ ин-

ванту на сѣдло свое, не смотря на ея сопротивленіе, посадилъ передъ собою, и громко закричавши: «Теперь мы пройдемъ—или они убьютъ ее!» поскочилъ прямо въ перестрѣлку.

При видѣ принцессы въ рукахъ донъ Санчо, крикъ ужаса раздался между нападающими, выстрѣлы замолкли, и донъ Санчо свободно поѣхалъ по тропинкѣ. Почти безъ чувствъ лежала дона Луиза въ желѣзныхъ рукахъ его. Она чувствовала вокругъ себя запахъ крови и дыма; какъ будто увлекася вихремъ, она видѣла исчезающую подъ ногами ея землю, замѣчала Изабеллу, съ поднятыми къ небу руками, и тамъ и здѣсь нѣсколько окровавленныхъ труповъ, распростертыхъ по землѣ. И вотъ всѣ непріятели, остановившіе Испанцевъ, показались на краю дороги, и среди ихъ — о Боже! не обманывается-ли дона Луиза? — она ясно видитъ всадника, одѣтаго по-Арабски, въ бѣломъ бурну, съ желѣзнымъ шлемомъ на головѣ. Онъ молодой, прекраснѣйшій и длинныя русыя кудри выются по плечамъ его; густые усы прикрываютъ его верхнюю губу, означенную глубокимъ рубцомъ. При видѣ этого всадника, пронзительный крикъ отчаянія вырвался изъ груди Луизы. Она протянула руки къ милому привидѣнію и лишилась чувствъ. Да, это было привидѣніе — король донъ Себастьянъ — мертвецъ, ливнвшійся изъ могилы, гость изъ-за гроба...

«Впередъ!» кричалъ Родригесъ остальнымъ Испанцамъ — *Castilla y Portugal por el Rey* (за Короля Кастиліи и Португаліи) — впередъ!»

Донъ Санчо крѣпко держалъ въ рукахъ своихъ безчувственную Принцессу. Испанцы тѣсно окружили его, и непріятель не смѣлъ нападать на отрядъ ихъ, смѣло и быстро мчавшійся по дорогѣ...

II.

Филиппъ II-й ожидалъ въ Бадахосѣ, пока герцога Альба покорить ему Португалію. Онъ рѣшился оставаться на границахъ до тѣхъ поръ, пока не извѣстятъ его, что все готово для коронаванія его въ Лиссабонѣ. Отсюда наблюдалъ онъ за войною, и разсылалъ повелѣнія своей арміи.

Королева, инфанты, весь дворъ Испанскій оставили великолѣпные чертоги Буень-Ретиро и мрачное величіе Эскуриала, слѣдуя за Королемъ въ маленький городокъ, слѣдавшій на то время средоточіемъ власти, могущимъ изрѣченіемъ которой повиновались въ четырехъ частяхъ свѣта. Филиппъ могъ бы поселиться въ старомъ Алказарскомъ замкѣ, повелѣвавшемъ вышнюю часть города, но онъ предпочелъ для житія Бенедиктинскій монастырь въ Мавританской крѣпости, построенный на томъ мѣстѣ, гдѣ Св. Фердинандъ нѣкогда водрузилъ крестъ. Инокниги принуждены были отворить двери убѣжища своего, для принятія великаго, царственного гостя и его свиты. Свободно входили теперь міряне въ то мѣсто, которое до сихъ поръ было закрыто отъ дерзкихъ взоровъ всякаго свѣтскаго человѣка. Но по уставу, введенному при дворѣ Испанскомъ, никто изъ мужчинъ не могъ однакожь, кромѣ Короля, имѣть ночлегъ подъ одной кровлей съ Испанскою Королевою. Потому двери монастырскія, цѣлый день отворенныя знатнымъ и придворнымъ, которыхъ призывали ко двору ихъ обязанности, на крѣпко заперлись, едва только Король ложился опочивать, отпуская самъ лично всѣхъ камергеровъ, дворянъ, грандовъ, и даже служителей; въ обители оставались только, кромѣ Короля, придворныя дамы и прислужницы Королевы. Впрочемъ, Испанская и Нѣмецкая

гвардія стерегли входъ въ монастырь, и у каждаго придворнаго находился ключъ, посредствомъ котораго могли они по утрамъ входить къ Королю. Аббатисса Бенедиктинская удалилась съ своими подругами въ отдѣльный домъ, въ монастырской оградѣ, и Король жилъ въ ея келліи. Здѣсь являлся онъ, какъ въ Эскуриалѣ и Мадридѣ, инокомъ и королемъ, во всемъ величіи, какимъ только можетъ гордиться человѣкъ, и среди всякихъ лишеній, которыми отшельникъ старается побѣдить свои страсти. Кабинетъ, гдѣ диктовалъ онъ повелѣнія, которыми рѣшались судьбы царствъ, былъ помѣщенъ въ моленной Аббатиссы — подлѣ королевской печати и меча Карла V-го лежали черепъ и Картезіинскія четки.

Отрядъ капитана Родригеса вечеромъ благополучно достигъ Бадахоса. Донъ Санчо д'Авила уѣхалъ впередъ, успѣвъ уже отдать во всемъ отчетъ Королю, и дожидаясь плѣнницы своей у воротъ монастырскихъ. Дона Луиза, почти отъ самаго мѣста битвы, довершала путь свой лежа на носилкахъ, которыя кое-какъ наскоро связали изъ древесныхъ вѣтвей и двухъ копей. Солдатскій плащъ былъ накинутъ на эти носилки, какъ будто погребальное покрывало. Съ того мгновенія, когда Донъ Санчо увлекъ ее столь насильно и жестоко отъ людей, думавшихъ спасти ее изъ рукъ непріятельскихъ, принцесса казалась совсѣмъ уничтоженною, полумертвою. Она не произнесла ни одного слова, и блѣдность и неподвижность лица ея заставляли даже сомнѣваться въ ея жизни. Но едва отворились монастырскія ворота, и носилки остановились передъ огромнымъ крыльцомъ, гдѣ двѣ дамы изъ королевской свиты ожидали ее, невольный трепетъ пробѣжалъ по ея членамъ; она быстро встала, осмотрѣлась кругомъ мрачно и горделиво, и потомъ старалась исправить

безпорядокъ своей головной уборки и одежды. Не-поддерживаемая ни кѣмъ, сошла она съ носилокъ. Донъ Санчо низко преклонился передъ нею, прежде нежели передалъ ее въ руки дамъ, почтительно вы-ступившихъ впередъ.

«Ваша Свѣтлость!» сказалъ онъ, «удостойте про-stitить мнѣ ту смѣлость, съ какой вынужденъ я былъ охранять васъ, исполняя повелѣніе моего Короля.»

— Донъ Санчо — гордо отвѣчала принцесса — вы осмѣлились возложить руку на меня — дону Луизу, инфанту Королевскаго Португальскаго дома. За это преступленіе, заплатите вы отсѣченіемъ дерзкихъ рукъ вашихъ и головы, если когда ни-будь жребій войны передастъ васъ во власть ко-роля, моего родителя! Но, теперь — я прощаю мое оскорбленіе такому человѣку, отъ котораго не могла ожидать подобнаго поступка женщина и принцесса. Идите съ Богомъ!

Два факела, которые держали въ рукахъ двое слу-жителей въ ливрѣ королевскаго дома, освѣщали сію печальную сцену. Дона Луиза тихо слѣдовала по-томъ за дамами, определенными для ея прислуги. Это были двѣ почтеннаго вида старухи, одѣтыя въ черное, съ большими покрывалами на головахъ. Все было мрачно и безмолвно въ обширномъ обиталищѣ королевскомъ. Можно бы подумать, что не монархъ Испанскій, но строгіа отшельницы живутъ въ немъ. Женщины въ темныхъ, съ длинными шлейфами, платьяхъ, мужчины въ шляпахъ, съ широкими по-ллями, не снимая ихъ даже въ присутствіи королев-скомъ, медленно ходили по длиннымъ корридорамъ, которые освѣщались только лампаками передъ об-разами святыхъ, разставленными въ разныхъ мѣстахъ по стѣнамъ. Всѣ эти гранды и дамы кланялись при встрѣчѣ, не говоря ни слова, и пропадали во мракѣ

отдаленія, изъ котораго слышанъ былъ только глу-хой шорохъ шаговъ ихъ, раздававшійся подъ сво-дами.

Привыкшая къ великолѣпію Лиссабонскаго двора, дона Луиза подумала, не обмануль-ли ее донъ Санчо, говоря, что везетъ ее въ мѣсто пребыванія Испан-скаго Короля? Ей казалось, что она въ какомъ нибудь монастырѣ, обращенномъ въ тюрьму для знатныхъ преступниковъ и плѣнниковъ, но вско-рѣ узнала она, что находится въ жилищѣ Короля. Фламандскими коврами завѣшены были стѣны ком-наты, назначенной для ея пребыванія. У ногъ драго-цѣннаго распятія изъ слоновой кости лежала пер-ламутровая раковина, служившая вмѣсто кропильницы, а на туалетѣ, сдѣланномъ въ видѣ алтаря, находи-лось огромное Венеціанское зеркало, въ рамѣ, чудес-ная рѣзба которой стояла, вѣроятно, нѣсколькихъ лѣтъ жизни художнику, вырѣзывавшему ее.

Дона Луиза была растерзана душевными страда-ніями, измучена тѣлесною усталостью, но непобѣ-димая сила воли ее поддерживала. Самая великость бѣдствія укрѣпляла ее мужествомъ. Большіе черные глаза ея горѣли невыразимою свѣтлостью страданія; насильственный жаръ оживилъ румянцемъ ея блѣд-ныя щеки. Она была прекрасна въ темной одеждѣ, длинныхъ складки которой обрисовывали ея очаро-вательный станъ. Видны были величіе королевы и робкая гордость молодой дѣвушки въ ея поступи, въ ея взорѣ, выразившемъ печаль и гордость.

Одна изъ дамъ положила на кресла шелковое платье; другая пододвинула къ туалету табуретъ, и съ низкимъ поклономъ сказала донѣ Луизѣ:

«Не угодно-ли Вашей Свѣтлости переодѣться? Благо-волите поспѣшить. Король требуетъ васъ къ себѣ немедленно.»

Дона Луиза содрогнулась, но отвѣчала тихимъ и твердымъ голосомъ: «Я готова, и явлюсь къ нему въ этомъ платьѣ.»

Объ дуэньи взглянули другъ на друга съ недоумѣніемъ. Дона Луиза откинула свою мантилью, и отбросила назадъ длинныя свои локоны. «Я готова» — повторила она, такимъ голосомъ, который показывалъ, что она не послушаетъ противорѣчій. Дуэньи низко поклонились и пошли впередъ. Твердыми шагами пошла за ними дона Луиза. Но по мѣрѣ того, какъ шла она, какъ смущенный взоръ ея различалъ вдали только мерцанье лампады среди мрака переходовъ, ей казалось, что помость исчезаетъ подъ ея ногами, что мрачная бездна разверзается передъ нею — въ ушахъ ея звенѣло, какъ будто во всѣ колокола монастырскіе зазвонили разомъ. Со страхомъ закрыла она глаза, чувствуя, что силъ ея не достаетъ, что она готова упасть въ обморокъ. Но она опомнилась, когда дуэньи ввели ее въ комнату, гдѣ никого не было, остановились тутъ, и одна, почти шопотомъ, сказала, указывая на маленькую дверь: «Извольте войти, Ваша Свѣтлость — Король хочетъ видѣть васъ одну.» — Другая дуэнья подняла коверъ. Не понимая сама что дѣлаетъ, дона Луиза вошла въ ближнюю комнату; коверъ закрылся за нею, и она стояла неподвижна, охолодѣвшая, какъ статуя.

Филиппъ мелькомъ взглянулъ на нее, и не подымая головы, проговорилъ:

«Садитесь, дона Луиза.»

При сихъ словахъ, все изнеможеніе ея исчезло; чувство гордости, сочувствіе своего положенія оживили ее; сердце ея перестало биться нестройно; она съѣла спокойно, и черезъ нѣсколько мгновеній могла хладнокровно осматривать все ее окружавшее. Она

была одна съ Королемъ. Онъ читалъ, облокотясь одною рукою на столикъ, покрытый бумагами. Серебряный подсвѣчникъ со многими свѣчами проливалъ яркій свѣтъ на его руки, бѣлыя и маленькія, какъ будто руки какой нибудь красавицы. Лицо его было полузакрыто тѣнью, которую отбрасывалъ зонтикъ, заслонившій свѣтъ отъ Короля. Филиппу было тогда пятьдесятъ три года; труды, страсти, тлостное владычество изнурили уже его, но онъ сохранялъ еще нѣкоторые остатки красоты, какою отличался въ юности. Сталь его былъ еще гордъ и величественнъ. Лицо, покрытое ранними морщинами, сохранило свою живость, не смотря на то, что было блѣдно. Волосы на головѣ его были рѣдки, но какъ у отца его Карла V-го сберегали еще, не смотря на старость, свой русый отбѣнокъ. Физиогномія Филиппа выражала спокойное величіе, внушавшее невольное почтеніе. Взоръ его былъ холоденъ, мраченъ, пронзителенъ — съ трудомъ могъ перенести взглядъ Короля тотъ, на кого обращалъ онъ его внимательно. — Казалось, что теперь Филиппъ былъ совершенно занятъ обширною перепискою, лежавшею передъ нимъ; онъ читалъ и отвѣчалъ день полученія каждой депеши. Дона Луиза имѣла время рассмотреть это безстрастное лицо, на которомъ, казалось, не можетъ выразиться ни одно душевное движеніе. Но, какъ будто испуганная его неподвижностью, она отворотила взоры, посмотрѣла на великолѣпную молитвенную подушку, на Распятіе въ ростъ человѣческой, на другія украшенія, дѣлавшія кабинетъ королевскій похожимъ на молельню монаха. Много картинъ, предметы конхъ взяты были изъ Католическихъ легендъ, развѣшено было по стѣнамъ. Но между пустынниками и отшельниками, съ удивленіемъ увидѣла дона Луиза

три женские портрета. Все они изображали красавиц; на двух видны были королевские короны. Казалось, прелестны эти лица представляли ангелов, которые приняли образ человеческий, и пришли усладить мрачное уединение владыки полусвета...

Ничто не прерывало безмолвия странного свидания Короля с Принцессою Португальскою. Шумъ извне не достигалъ въ уединеніе, гдѣ скрывался грозный властитель. Рядъ необитаемыхъ комнатъ и ковры передъ каждою дверью препятствовали, и человеку, и голосу его проникнуть сюда. Только однообразный бой часовъ, и шорохъ отъ бумагъ, перебранных Королемъ, слышала донна Луиза. Пробѣжавши еще нѣсколько депешей, и сложивъ ихъ въ кучу, Филиппъ вдругъ приподнял голову, и лица взирали дону Луизу во мракъ, который распространилъ къ дверямъ щитокъ, бывший передъ подсвѣчникомъ, онъ сказалъ тихо: «Подойдите ко мнѣ, донна Луиза.»

Медленно поднялась она, и стала въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Короля.

— Соблюдено-ли было къ вамъ все должное уваженіе, какъ я приказывалъ? — спросилъ Король.

«Донъ Санчо д'Авила не переступалъ повелѣній Вашего Величества,» отвѣчала Принцесса, «и охранялъ меня въ пути, съ рѣшительностью человека, который долженъ привезти меня — живую, или мертвую — все равно.»

— Да, я точно такъ велѣлъ — хладнокровно сказалъ Филиппъ. Онъ поглядѣлъ на дону Луизу съ нѣкоторымъ удивленіемъ. Можетъ быть, никогда еще не осмѣливались такъ говорить съ нимъ. Въ выговорѣ и выраженіи Инфанта являлся смѣлый упрекъ, какого онъ не ожидалъ.

«Опредѣливъ Испанію мѣстомъ пребыванія вашего — началъ онъ говорить болѣе кроткимъ голосомъ — я хотѣлъ предохранить васъ отъ опасностей, неизбежныхъ въ землѣ, сдѣлавшейся мѣстомъ кровопролитной и упорной войны. Ваше мѣсто при Королевѣ, и вы послѣдуете за нею въ Мадридъ.»

— Государь! — отвѣчала донна Луиза, съ чувствомъ собственного достоинства — вы властны въ моемъ жребіи, и я вамъ повинуюсь, но принимая ваши повелѣнія, торжественно объявляю, что повинуюсь только силѣ. Мѣсто мое не при Королевѣ Испанской, но подлѣ моего родителя, Короля Португальскаго, или въ обители Кармелитской, мною основанной. Позвольте мнѣ надѣяться, что вы не разрушите объѣта, даннаго мною — посвятить себя служенію Бога.

«Нѣтъ! я не хочу, чтобы подданные мои, Португальцы говорили, будто я лишилъ васъ свободы, донна Луиза.»

— Для чего же, Государь, если вы имѣете на то полное право? Обходитесь со мною, не какъ съ Принцессою Португальскою, вашею родственницею, но какъ съ дочерью вашего неприятели — вотъ единственная милость, которой я прошу у васъ.

«Берегитесь, чтобы я не исполнилъ вашей просьбы,» сказалъ Король съ принужденною улыбкою. «Никогда не преслѣдовалъ я враговъ моихъ, если они выкупали снисхожденіе покорностью. Но сохрани васъ Богъ и всѣ святые возбудить гнѣвъ нашъ — онъ будетъ ужасенъ...»

— Я страшусь только гнѣва Божіа, Государь!

Филиппъ поглядѣлъ на дону Луизу, которая не подымала на него глазъ. Болѣе было удивленія, нежели гнѣва въ движеніи Короля, но онъ сказалъ хладнокровно: «Герцогъ Альба находится теперь близъ

Лиссабона. Опъ занялъ уже Виллавизиозу, Эвору, Сетубаль, и многіе другіе города. Вездѣ непокорные мои подданные приведены въ послушаніе — я властитель Португалліи.

— По праву завоеванія, Государь — оно неоспоримо: вы сильнѣйшій изъ христіанскихъ государей, и ваше оружіе легко можетъ покорять вамъ царства.

«Сохрани меня Богъ присовокуплять что либо къ наслѣдству моихъ предковъ несправедливою войною. Я поддерживаю мои права на Португаллію потому, что они законны. Судь церковный и гражданскій рѣшилъ это дѣло.

— Рѣшилъ низверженіе законнаго Короля, моего родителя? Онъ поступилъ неправо: только смерть отца могла лишить его короны Португальской, принадлежавшей ему по праву рожденія!

Филиппъ утвердительно наклонилъ голову. «Да,» сказалъ онъ, если бы родитель вашъ, донъ Антоніо, былъ законный наслѣдникъ, но онъ побочный сынъ Инфанта Португальскаго.

Дона Луиза невольно отступила назадъ, при словахъ столь неожиданныхъ. Лицо ея вспыхнуло отъ гнѣва. «Вашему Величеству должно быть извѣстно,» сказала она, «что дона Виоланта, моя прародительница, была законная супруга предка моего, инфанта дона Людовика. Никто не сомнѣвался въ этомъ до сихъ поръ, и мой отецъ носилъ титулъ герцога Бехаскаго, пока по праву не замѣнилъ его титуломъ Португальскаго Короля.

— По доказательствамъ, но свидѣтельства этого происхождения, и законности брака доны Виоланты? У вашего родителя нѣтъ ихъ.

«Доказательства?» повторила дона Луиза, съ удивленіемъ, превозмогавшимъ все другія чувства — «сви-

дѣтельства? Но они находятся у моего родителя, Государь, и ихъ подтвердить вамъ голось всей Португалліи. Какое сомнѣніе можетъ быть въ томъ, что утверждено согласіемъ цѣлаго королевства? Дѣдъ мой донъ Людовикъ полюбилъ дону Виоланту де Гомезъ за ея изумительную красоту, законно сочетался съ нею бракомъ, и послѣ смерти этой супруги, у инфанта остался законный сынъ, донъ Антоніо, отецъ мой. Не можетъ быть родословія достовѣрнаго, и происхожденія, которое было бы законнѣе!

Филиппъ сомнительно покачалъ головою, и отвѣчалъ съ хладнокровною рѣшительностью: «Доказательства на супружество доны Виоланты нѣтъ. Святой отецъ Папа, соблазняясь требованіями родителя вашего на тронъ Португальскій, требовалъ ихъ — родитель вашъ ихъ не представилъ. Актвъ на супружество дѣда вашего никакихъ не найдено.

— Стало быть, они похищены, и тотъ, кто повѣлѣлъ похитить ихъ — будетъ отвѣчать на страшномъ судѣ Божіемъ!

Нѣсколько мгновеній прошло въ безмолвіи. Король молчалъ. Не подымалъ глазъ своихъ, дона Луиза, казалось, старалась собрать силы перенести оскорбленіе, ею претерпѣнное.

— И такъ — сказала она, съ горькою усмѣшкою — старшая, законная линія наслѣдниковъ Португальскаго королевства справедливо включить въ гербъ свой гербы Португалліи; побочная линія должна по праву утратить свое званіе, свои титулы, свое наслѣдство! Понимаю теперь, почему донъ Санчо д'Авила, казалось, забывалъ, говоря со мною, что говорить съ инфантою Португальскою. Ваше Величество извѣстили его о незаконности правъ нашихъ...

«По совѣсти и не легкомысленно рѣшили мы столь важный вопросъ. Юрисконсульта, казуисты

ислѣдовали его, и признали права наши, объявляя происхожденіе дона Антоніо незаконнымъ.

— Ваши права, Государь? — прервала рѣчь его дона Луиза — но, вѣрно, они забыли, что послѣ герцога Бехаскаго, прежде правъ Вашего Величества, слѣдуетъ право герцога Браганскаго!

«Да, правда» — сказалъ Король, и онъ хладнокровно началъ искать чего-то между бумагами, лежащими у него на столѣ. «Вотъ — продолжалъ онъ, нашедши и показывая донѣ Луизѣ письмо, съ печатью, которую легко было ей распознать—вотъ письмо, собственноручно писанное дономъ Иоанномъ, герцогомъ Браганскимъ — онъ клянется намъ въ своей вѣрности, и признаетъ себя поданнымъ нашимъ.

— Ничтожный предатель! — сказала дона Луиза съ презрѣніемъ.

Король опять съ прежнимъ удивленіемъ поглядѣлъ на принцессу, но къ удивленію его на сей разъ не примѣшивалось ни сколько гнѣва. Невнимательно бросилъ онъ письмо герцога Браганскаго между другими бумагами, облокотился на столѣ, и обращаясь къ донѣ Луизѣ, сказалъ ей: «Садитесь, дона Луиза — мы побесѣдуемъ еще съ вами!

Она поклонилась, но продолжала стоять, опершись на спинку стула, который указалъ ей Филиппъ. Король поднялъ въ это время щитокъ, расширявшій тѣнь около стола, и свѣтъ отъ восковыхъ свѣчъ, до сихъ поръ заслоняемый двойнымъ флеромъ, ярко отразился на донѣ Луизѣ. Король смотрѣлъ нѣсколько мгновений съ тайнымъ удивленіемъ на ея лицо, и юную красоту, съ выраженіемъ грусти и величія. Онъ казался чѣмъ-то развлеченнымъ. Можно было подумать, что его заняло воспоминаніе, въ одно время и грустное и сладост-

ное. Онъ повелъ рукою по лбу, и сказалъ несожиданно:

«Нелѣпный слухъ распространился въ Португаліи: говорятъ, будто донъ Себастьянъ не погибъ въ Африкѣ, и враги мои стараются подкрѣпить такую глупую ложь. Вы слышали объ этомъ, дона Луиза?

Она поблѣдѣла, и отвѣчала измѣнившимся голосомъ: «Нѣтъ, Государь, но — можетъ быть, это и правда....»

— Господь не возвращаетъ въ грѣшный міръ тѣхъ, кто почилъ въ вѣчномъ блаженствѣ....

«Можетъ быть, милосердіе Божіе сохранило жизнь дона Себастьяна. Въ Алкасаръ-Кивирской битвѣ Король потерялся безъ вѣсти, но ни кто не видѣлъ его смерти, ни кто не видѣлъ его мертвого.

— Но два года прошло послѣ того, и ни кто не видалъ его живаго. Явно, что теперь бунтовщикъ, самозванецъ хочетъ обольстить моихъ подданныхъ, и дерзаетъ принимать на себя имя дона Себастьяна. Если бы, во истину, какимъ нибудь чудомъ, воля Божія сохранила дона Себастьяна, вы знали бы уже объ этомъ, дона Луиза.

Внимательно смотрѣлъ на нее Филиппъ, какъ будто хотѣлъ проникнуть въ глубину души ея, но безстрашно перенесла дона Луиза этотъ безмолвный вопросъ, и отвѣчала отрицательнымъ движеніемъ.

— Старательно ищутъ теперь дерзкаго самозванца — началъ опять Король — и онъ жизнью заплатитъ за свой обманъ. Я повелѣлъ, чтобы безъ всякаго суда, едва только будетъ онъ пойманъ — разстрѣляли его!

«Государь!» сказала съ ужасомъ дона Луиза—а если это дѣйствительно донъ Себастьянъ? Пути Провидѣнія

неисповѣдимы — Богъ могъ сохранить его по безконечной своей благодати... Вы правосудны, Государь — вы сами себѣ суди — вы не захотите осудить себя передъ престоломъ Бога! Вы не посмѣете явить себя передъ Нимъ, обременяя совѣсть свою такимъ преступленіемъ, даже и невольнымъ — вы не рѣшитесь утвердить правъ вашихъ на Португальскую корону..... пролитіемъ крови равнаго вамъ властителя, родственника вашего..

Филиппъ показывалъ признаки нетерпѣнія; неподвижная физиономія его оживилась; онъ проговорилъ съ выраженіемъ горькой насмѣшки: «И такъ, вы вѣрите возстанію изъ могилы донъ Себастьяна? Клянусь.... я не думалъ, чтобы вы согласились участвовать въ такомъ недостойномъ обманѣ!... Мы дѣйствуемъ не торопясь, донъ Луиза. Не послать-ли намъ охранительнаго листа къ этому мнимому Королю, съ которымъ онъ могъ-бы пожаловать къ намъ и познакомиться съ нами?»

— Онъ лжился тогда къ вамъ, Государь! Вѣрю и надѣюсь, что онъ лжится....

«Вы слишкомъ въ этомъ увѣрены, донъ Луиза — перервалъ слова ея Филиппъ — а между тѣмъ, вы говорили мнѣ, что ничего не знаете, ни о чемъ не слышали!»

— Да, Государь, ни о чемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ находилась я въ рукахъ донъ Санчо, онъ крѣпко стерегъ меня, и не позволялъ приближаться ко мнѣ, ни друзьямъ, ни врагамъ. Во всю тлгостную дорогу, я могла говорить только съ находившеюся при мнѣ дамою, плѣнницею, подобно мнѣ.

«Герцогинею Аверскою?... Вы скоро опять ее увидите. Капитанъ Родригесъ отправился на границу съ свѣжимъ и сильнымъ отрядомъ; онъ уничтожитъ горсть шадуновъ, которые вздумали стрѣлять въ

моихъ солдатъ изъ своего совиного гнѣзда; я не велѣлъ никого шадить, кромѣ вашей подружки...

— Боже! спаси *его!* — пробормотала невольно Луиза, но такъ глухо, что Филиппъ ничего не слыхалъ.

До сего мгновенія, она умѣла преодолевать скорбь и ужасъ, но теперь сила ея не доставало, потому, что страданіе было выше силъ человѣческихъ. Она чувствовала, что мрачное облако разстилается передъ ея глазами, и колѣна ея дрожали. Еще мгновение боролась она съ невольною слабостью тѣла — мысли ея затмилась, чувства ея оставили, и безъ жизни упала она къ ногамъ Филиппа.

«Jesus Maria!» вскричалъ онъ въ сильномъ движеніи — донъ Луиза, что это такое? Что съ вами?

Онъ схватилъ серебряный колокольчикъ, лежавшій на столѣ, но остановился, не сталъ звать никого, и самъ поднялъ инфанту. Она была бездыханна, сердце ея не билось — она казалась мертвою. Король провелъ руками по ея охладѣвшей головѣ, наклонился къ ея блѣднымъ, безгласнымъ устамъ, и ничего не слышалъ онъ — ни жалобъ, ни дыханія, ничего не почувствовалъ, кромѣ холода въ этомъ прекрасномъ, но помертвѣвшемъ лицѣ. Что-то похожее на чувство оживило Короля. Онъ посадилъ донъ Луизу въ кресла свои; самъ сталъ противъ нея, сложилъ руки и не отвращая отъ нея своего мрачнаго взгляда.

Давно уже ни одна молодая и прекрасная женщина не оставалась съ нимъ наединѣ, и онъ не видалъ передъ собою другаго женскаго лица, кромѣ бользнаенаго, страждущаго лица Королевы. Смотря теперь на донъ Луизу, онъ сознавался самъ себѣ, что могъ еще любить, какъ прежде — любовью пламенною, ревнивою, страшною! Нѣсколько минутъ продолжалось

такое новое для него положеніе. Наконецъ дона Луиза открыла глаза, съ глубокимъ вздохомъ, какъ будто пробуждалась отъ тяжкаго сна.

«Дона Луиза — сказала Король — лицо его успѣло уже принять видъ прежняго безстрастія — дона Луиза — силы души вашей несоразмѣрны съ силами тѣлесными. Легче-ли вамъ?»

— Я думала, что умираю — отвѣчала она слабымъ голосомъ, стараясь подняться.

«Идите», сказалъ Король, поддерживая ее — прислужницы ваши ожидаютъ васъ здѣсь; оставляю васъ на ихъ попеченіе, надѣясь, что ночь отдыха подкрѣпитъ силы ваши. Завтра, я самъ представлю васъ Королевы!»

Онъ остановился, и прикоснувшись къ платью донны Луизы, съ видомъ ласковаго упрека, прибавилъ, усмѣхаясь: «Моя пѣнница хотѣла явиться ко мнѣ въ своемъ походномъ платьѣ! Молодой дѣвучкѣ трудно привыкнуть къ войнѣ, когда она лишается чувствъ, отъ того только, если при ней упомянуть, что какому нибудь десятку людей не вѣдно давать пощады въ бою.»

Онъ довелъ ее до дверей, и когда она переступила черезъ порогъ, Филиппъ поднялъ уголь ковра, и скрывалась за нимъ, смотрѣлъ, какъ шла она, опираясь на своихъ дусеньевъ. Она исчезла уже во мракѣ переходовъ, а онъ все еще смотрѣлъ, и долго оставался въ глубокой задумчивости. Душа его была исполнена тревоги и смятенія. Онъ хотѣлъ удалить ихъ молитвою, но не могъ успокоиться, и всевластный надъ другими, онъ почувствовалъ, что надъ самимъ собою имѣетъ онъ не власть, а только призракъ владычества. Благочестіе его было искренно, но долговременная привычка заставила его вѣрить въ правоту всего, что онъ приказывалъ,

и горделиво почиталъ онъ себя никогда не погрѣшающимъ. Потому, никакое сомнѣніе и никогда не смущало его совѣсти. Черезъ нѣсколько минутъ, сѣлъ онъ въ свои кресла, гдѣ сидѣла дона Луиза, и говорилъ самъ себѣ: «Здоровье Королевы таково, что мало оставляетъ надежды... Да, сохранить ее Богъ!... Но мы можемъ лишиться ее... У меня только одинъ сынъ... Благо государства моего требуетъ, чтобы я вступилъ въ новое супружество...»

III.

Мрачный и тяжелый этикетъ управлялъ дворомъ Филиппа II-го. Королева, дона Анна Австрійская, не могла ступить шагу, который не былъ-бы представленъ этимъ волшебнымъ могуществомъ. И въ Бадахосѣ, какъ въ Мадридѣ, она могла оставлять дворецъ только въ портшезѣ, посылаемая своими дамами, и то для посѣщенія монастырей и моленія по церквамъ. Когда она хотѣла идти пѣшкомъ, надъ ее головою держали великолѣпный балдахинъ, и только два челоуѣка въ мѣрѣ могли говорить съ нею безъ свидѣтелей — Король и духовникъ. И между тѣмъ, тотъ-же этикетъ опредѣлялъ ей въ обхожденіи со всѣми придворными странный обычай, котораго не было нигдѣ, кромѣ Испаніи: исключая высшихъ сановниковъ духовныхъ и иностранныхъ пословъ, Королева всѣмъ должна была говорить *ты*. Дамы придворныя преклоняли передъ него безпрепятственно колѣни, какое-бы ни было ихъ званіе. Правда, за то имъ, и градамъ Испанскимъ, позволялось садиться передъ Королевою по волю. И Королева умирала томительною смертію среди своего величія, снѣдаемая скукою, и можетъ быть, одною изъ тѣхъ тайныхъ скорбей, которыя кончатся только въ мо-

гиль: о Германіи, милой, добродушной родинѣ своей, хранила она память, которую никогда не могло истребить величіе стѣны, на какую возвело ее супружество, и часто Королева Испаніи плакивала о томъ времени, когда надѣялась быть развѣ только какою нибудь властительницею маленькаго княжества Нѣмецкаго.

Филиппъ не опредѣлялъ званія, которое должна занимать при дворѣ его дона Луиза. Она была только *представлена* Королевѣ, но кромѣ титула *Высоцества*, коего не придавали ей, она пользовалась всѣми преимуществами и почестями инфанты. Общину слушала она въ отдѣленіи Королевы, могла входить къ Королю безъ доклада, и вездѣ шла впереди старшей камериры; какъ инфанта, день и ночь была она окружаема и оберегаема дамами, къ ней приставленными. Такимъ образомъ, она была отдѣлена отъ всего свѣта болѣе, нежели за монастырскими рѣшетками, была свободна, и терзалась неизвѣстностью событій, о когорыхъ никто не смѣлъ сказать ей. Напрасно старалась она развѣдать даже о слѣдствіяхъ посылки капитана Родригеса къ аталаѣ, и объ участи Изабеллы. Тѣ, у кого она спрашивала, притворялись, будто ничего не знаютъ, или, въ самомъ дѣлѣ, ничего не знали. Наконецъ осмѣлилась она спросить у самого Короля. Онъ отвѣчалъ невнимательно, будто совсѣмъ забылъ о данномъ имъ приказѣ: «Бунтовщики разсѣяны, и въ аталаѣ находится теперь Испанскій гарнизонъ. Герцогиня Аверо, конечно, препровождена для безопасности капитаномъ Родригесомъ въ какой нибудь монастырь. А можетъ быть, онъ не нашель уже ея въ аталаѣ, или далъ ей свободу за выкупъ...»

У Королевы никогда не говорили о государственныхъ дѣлахъ. Король не терпѣлъ разговоры о дѣлахъ въ Португаліи, даже о побѣдахъ войскъ его. Время протекало въ скукѣ бездѣйственной жизни, однообразной, какъ затворничество какой нибудь Испанской обители, и прерываемой только благотворными занятіями. Впрочемъ, такое житіе было прилично грустному положенію донъ Луизы, и тѣмъ легче можно ей было сохранять свое гордое молчаніе и отчужденіе отъ всего ея окружавшаго. Королева сострадала несчастію принцессы, чужеземки и сироты среди непріятелей. Это невольно увлекло ее къ донѣ Луизѣ, и она обходилась съ нею дружески, была откровеннѣе, нежели со всѣми другими, сколько позволялъ угрюмый и неразрушимый этикетъ двора Филиппова.

Король мало говаривалъ съ доною Луизою, но его пронизательный и мрачный взоръ былъ всегда устремленъ на нее, и его коронованныя кресла часто стояли подлѣ табурета принцессы. Казалось, что съ какимъ-то ревнивымъ участіемъ наблюдалъ онъ ея тайную грусть, скрываемое ею отчаяніе, и сердечную скорбь, съ которою боролась она, каждый разъ, когда при дворѣ разносился слухъ о событійхъ въ Португаліи.

Между тѣмъ, медленная болѣзнь, съ давняго времени подрывавшая здоровье Королевы, усиливалась въ ужасной степени, хотя этого и не замѣчалъ дворъ, обременявшій ее тягостными услугами и обрядами. Умиравшей властительницѣ оказывали всѣ прежнія почести, требовали исполненія всѣхъ условій, въ какихъ проходила жизнь ея. Только сама Королева понимала безнадежное положеніе своего здоровья, и скрывала свою увѣренность въ томъ, какъ прежде скрывала причины печали, бывшей виною ея смерт-

наго томленія. Не безъ ужаса однакожь смотрѣла она на страшный переходъ отъ жизни къ смерти, и иногда съ трепетомъ начинала молиться о спасеніи души своей—и вдругъ прерывала молитву слезами, вспоминая быстролетную юность, погасшую въ печальномъ величій, думая о преждевременной смерти, безъ наслажденій юностью и жизнью...

Въ одинъ вечеръ, только одна донна Луиза была при постели Королевы. Слабая, изнеможенная, Королева склонилась на подушки, сложивъ руки, обративши глаза къ небу. Старшая камеририра и нѣсколько дежурныхъ дамъ сидѣли вдали подлѣ раствореннаго окна; удушливый, тяжелый воздухъ стремился въ него съ монастырскаго двора; тучи закрывали небо; молніи прорѣзывали ихъ синеватымъ огнемъ; громъ катился вдали; глубокое молчаніе было въ комнатѣ, обширной, обращенной теперь въ королевину спальню, но прежде бывшей мѣстомъ монастырскихъ капитуларій. Двѣ огромныя канделябры, съ множествомъ пахучихъ свѣчъ, распространяли яркій свѣтъ въ комнатѣ и въ альковѣ Королевы, у котораго подняты были драгоцѣнныя занавѣсы. Подлѣ него, на трехъ ступеняхъ, обитыхъ бархатомъ, поставленъ былъ небольшой геридонъ, и нѣсколько книгъ лежало на этомъ столикѣ. Донна Луиза, сидя на первой ступенькѣ, читала въ слухъ книгу, держа ее на колыняхъ. То были стихотворенія Фрай-Луиса Леонскаго.

Казалось, что Королева перестала слушать эти звуки, исполненные столь пламенной вѣры и столь сердечной скорби. Голова ея упала на атласное изголовье; она закрыла глаза своимъ кружевнымъ платкомъ, какъ будто спасая себя отъ ослѣпительнаго блеска свѣчъ, отражавшагося въ зеркалахъ и позолотѣ

великолѣпной мебели. Донна Луиза прервала чтеніе, и хотѣла опустить занавѣсь.

— *Jesus Maria!* — сказала она — здѣсь жарко и душно! Ваше Величество утомлены этимъ сильнымъ свѣтомъ....

«Да,» отвѣчала Королева—но часъ ложиться спать еще не наступилъ для меня, и камеририра не смѣетъ погасить даже и одной свѣчки — хоть-бы мнѣ надобно было отъ того умереть.... Продолжай чтеніе, Луиза.... Эти стихи прекрасны....

Донна Луиза кончила преложеніе псалма: «*Помилуй мя, Боже,*» перевернула страницу, и вдругъ замолчала....

— Продолжай, Луиза — тихо сказала Королева — я слушаю. — Но донна Луиза молчала. Королева взяла у нея изъ рукъ книгу, взглянула, и съ невольнымъ трепетомъ сказала: «*Ахъ! здѣсь сонетъ на смерть донъ Карлоса*»....

Она закрыла глаза и удержала руку донны Луизы, которая хотѣла взять у нея книгу. Обѣ молчали. Имя несчастнаго Принца пробудило въ душахъ ихъ невольное чувство ужаса и жалости.

Донна Луиза стала на колѣни подлѣ изголовья. Она замѣтила, что Королева плачетъ, и осмѣлилась сказать ей: Великій Боже! Вы жестоко страдаете, Ваше Величество?

— Да — отвѣчала Королева, удерживая рыданія — чувствую, что я скоро умру.

«Государыня! не должно отчаиваться въ благости Божіей. Богъ сохранитъ жизнь Вашего Величества, для счастья Короля и блага вашихъ подданныхъ....»

— Жизнь моя ни кому не пужна. Небо изрекло уже свой приговоръ: звонъ Бедильскаго колокола возвѣщаетъ смерть мою....

«Белильскаго колокола?» спросила донна Луиза, не понимая, почему столь незначительное обстоятельство могло навести на Королеву такой ужас.

— Ты не знаешь, что это предвѣщает? Серебряный колоколъ Белильскій есть вѣстникъ смерти — онъ звонитъ каждый разъ, когда какое нибудь значительное лицо должно умереть. Звонъ его слышали передъ смертью донъ Карлоса, передъ смертью покойной королевы Елисаветы Французской... Теперь предвѣщаетъ онъ мою близкую смерть...

«Но кто могъ сказать объ этомъ Вашему Величеству? Кто осмѣлился извѣстить васъ о такомъ предвѣщаніи, котораго никакъ изъяснить невозможно? Васъ обманули, Государыня!

— Король... Король сказалъ мнѣ! — говорила Королева въ нестерпимой тоскѣ. Она поднялась съ подушекъ, задыхаясь — взоръ ея былъ дикъ и оживленъ — губы ея посинѣли. Донна Луиза затрепетала. Она увидѣла такую внезапную и страшную переменъ въ выраженіи лица Королевы, обыкновенно страждущемъ, но спокойномъ — казалось, что къ ней коснулась уже холодная рука смерти...

— Со вчерашняго дня, ужасъ поразилъ душу мою — сказала Королева съ усліемъ. — Король... Хорошо ли я поняла — великій Боже! Я трепещу передъ нимъ — не смѣю спросить... чувствую, что силы оставляютъ меня, когда взоръ его на меня устремляется... Послушай, Луиза: ты пойдешь къ нему, ты узнаешь... Онъ скажетъ тебѣ, точно ли предвѣщаніе это было...

«Государыня! могу ли не исполнить желанія Вашего Величества! Но какъ явиться въ кабинетъ Короли безъ его дозволенія?

— Ты можешь. Инфанты имѣютъ на это право, а тебѣ предоставлены всѣ права ихъ — такъ угод-

но Королю. Иди, говорю я тебѣ — не бойся ничего — время дорого...

Съ невольнымъ страхомъ прошла донна Луиза по длинному корридору, раздѣлявшему комнаты Королевы отъ кабинета королевскаго. Увидя ее, Филиппъ изумился, но улыбка оживила лицо его.

— Это вы донна Луиза? — сказалъ онъ. — Теперь? Въ этотъ часъ?

«Да, Государь,» отвѣчала она, съ большею робостью, нежели въ то время, когда въ первый разъ вступила она въ это неприступное убѣжище Испанскаго властителя. — «И только важный случай могъ дать мнѣ смѣлость беспокоить васъ...

— Хорошо, но что же вамъ угодно? Говорите безъ опасенія.

«Государь! я пришла къ вамъ отъ имени Королевы. Нѣсколько словъ, сказанныхъ Вашимъ Величествомъ, привели ее въ такой ужасъ... Надобно успокоить ее, Государь!

— Я велѣлъ отправлять торжественныя моленія за ея здоровье — сказалъ хладнокровно Король — сегодня пѣли молебны во всѣхъ церквахъ Испаніи, но что можетъ человѣкъ, если Богу угодно призывать ее въ вѣчное блаженство?

«Неужели, Государь, здоровье ея такъ уже отчаянно, что надобно думать только о спасеніи ея души? ...Посмотрите между тѣмъ, какъ увѣрено въ противномъ все, что ее окружаетъ... Кажется, никто не знаетъ объ ея опасности — все идетъ по обыкновенію — даже и сегодня, Королева была у обѣдни. Нѣтъ, Государь, она не такъ еще близка къ смерти, но только немногія слова ваши навели на нее страхъ — она думаетъ, что часъ кончины ея пробилъ, что Господь призываетъ ее къ себѣ, и что чудо возвѣстило уже смерть ея — она думаетъ, что Белиль-

скій колоколь предсказалъ ей близкій конецъ жизни....

— Это правда — отвѣчалъ Король, благоговѣнно поднимая глаза къ небу — и это чудо было въ самый день Успенія.

Дона Луиза была воспитана монахинями Св. Клары, и суевѣріе тогдашнихъ временъ не было чуждо ея ума. Однакожь, она осмѣлилась теперь изъяснить нѣкоторое сомнѣніе. «Но почему, Государь,» сказала она, «можете вы вѣрить такому предвѣщанію? Кто знаетъ навѣрное, что оно предвѣщаетъ смерть Королевы, и кто слышалъ звонъ этого чудеснаго колокола?»

— Сомнѣніе здѣсь невозможно — отвѣчалъ Король — достовѣрное повѣствованіе утверждаетъ таинственную силу Белильскаго звона. Звонъ со страхомъ слышали все живущіе въ Белиль, по три ночи..

Дона Луиза со страхомъ перекрестилась. Забывая свое горестное состояніе, она не могла безъ состраданія помыслить объ участи несчастной Королевы Испанской. Слезы потекли изъ глазъ ея.

— Государь! — сказала она — я иду молиться подлѣ одра умирающей.....

И она хотѣла выйти. Но Филиппъ остановилъ ее движеніемъ руки, вмѣстѣ благосклоннымъ и повелѣтельнымъ.

— «Сядьте, дона Луиза», сказалъ онъ послѣ нѣ котораго молчанія. — «Мы вмѣстѣ съ вами пойдемъ къ Королевы. Какое тяжкое время! Въ такой бурный и жаркій вечеръ чувствуешь тѣлесное и душевное утомленіе — ничѣмъ заняться не хочется.... Вотъ я оставилъ даже распечатаннымъ полученное мною донесеніе герцога Альбы».

Онъ отодвинулъ отъ себя не распечатанный пакетъ, и облокотился на столъ. Дона Луиза задум-

чиво смотрѣла на портреты трехъ красавицъ, вѣшшіе на стѣнѣ противъ Короля. Онъ поднялъ глаза къ небу, и сказалъ съ глубокимъ вздохомъ, какъ будто отвѣчая на тайную мысль Принцессы: «Онѣ все скончались въ цвѣтъ лѣтъ! Только Богъ могъ подкрѣпить меня, и дать мнѣ силы перенести потерю всего, что было дорого сердцу моему на землѣ.....»

Онъ поглядѣлъ на допу Луизу, и на первый портретъ, изображавшій прелестную, молодую женщину, съ длинными распущенными по плечамъ локонами. «Изабелла Португальская походила на васъ, дона Луиза — сказалъ онъ — была вашихъ лѣтъ, когда я лишился ея — она свиталъ, которая молитъ теперь передъ престоломъ Божиимъ за грѣхи мои.»

— Она была мать Донъ Карлоса — сказала дона Луиза, стараясь прикрыть спокойнымъ видомъ ужасъ, возбужденный этими словами. Филиппъ затрепеталъ. Грозно сверкнули глаза его. Горячо, измѣнившимся голосомъ сказалъ онъ: «Донъ Карлоса — сына моего!.... Вотъ еще въ первый разъ въ теченіе двѣнадцати лѣтъ осмѣливаются произнести передо мною его имя.... И между тѣмъ, не проходитъ дня, чтобы я не вспомнилъ объ немъ.... Да, судить Богъ тѣхъ, кто распустилъ въ народѣ клеветы объ его смерти — эта была интрига Французскаго Двора — они не побоялись очернить памяти Елисаветы... Мнѣ ревновать къ донъ Карлосу? Мнѣ казнить въ немъ любовника жены моей? Только слѣпая ненависть могла выдумать такую черную клевету! — Донъ Карлосъ былъ сумасшедшій — онъ погибъ отъ руки своей, и даже не раскаивался въ своемъ самоубійствѣ. Королева-мачиха боллала, ненавидѣла его. Она знала, чего ей ожидать надобно, когда донъ Карлосъ заступитъ мое мѣсто.....»

Во все время этого неожиданного оправдания, проговоренного быстро, съ сильным чувством, дона Луиза, блѣдная и трепещущая, изъясляла свое изумление только неподвижно устремленнымъ на Короля взоромъ.

— И вотъ между тѣмъ судъ человѣческой! — сказалъ Король, опомнившись, съ горькою улыбкою. — Въ слѣпотѣ своей, они хотятъ изъяснить вѣдомое только единому Богу, хотятъ судить совѣсть земныхъ владыкъ.....

Онъ замолчалъ, и какъ будто съ усиленіемъ старался удалить отъ себя мысли, можетъ быть, всегда занимавшія его, но которыхъ не высказывалъ онъ ни кому.

— Дона Луиза — сказалъ онъ, спокойно, указывая на два другіе портрета — а знаете ли вы, кто это?

«Двѣ другія супруги ваши — Марія Англійская и Елисавета Французская.

— Да, Марія, слишкомъ рано умершая для нашей православной вѣры, и для спасенія еретической земли, гдѣ царствуетъ теперь побочная дочь Генриха VIII-го! Елисавету обожалъ народъ мой, и называлъ ее святою при жизни. Никогда корона Испанская не была на головѣ болѣе достойной вѣнца! Марія поконится среди гробницъ Вестминстера, а Елисавета ждетъ меня въ подземельяхъ Эскуріала. Три Королевы восседали уже со мною на тронѣ Испаніи, и теперь находятъ передъ судомъ Божиимъ. Четвертая скоро, можетъ быть, послѣдуетъ за ними....

«Нѣтъ, Государь!» воскликнула дона Луиза, пораженная грустью и состраданіемъ. «Имѣйте болѣе довѣренности на благость и милосердіе Божіе!.....

Въ это время, поспѣшныя шаги слышны были по длинному корридору, и казалось, что кто-то въ

испугъ разговариваетъ тамъ. Вскорѣ вошла въ кабинетъ камерира. «Государь!» сказала она — Королева вдругъ почувствовала себя очень дурно — она зоветъ лекарей, проситъ духовника.....

— Идите къ ней, Ваше Величество! — воскликнула дона Луиза — присутствіе ваше утишитъ этотъ припадокъ! Нѣсколько словъ надежды и утѣшенія могутъ спасти Королеву!

Филиппъ далъ знакъ камерирѣ идти впередъ, и оборотившись къ донѣ Луизѣ, промолвилъ съ равнодушиною рѣшительностью: «Пойдемъ-те! Да будетъ воля Божія!.....»

Королева лежала на рукахъ дамъ своихъ. Продолжительное безчувствіе послѣдовало послѣ жестокихъ судорогъ. Филиппъ съѣлъ подлѣ кровати Королевы, и хладнокровно передавалъ свои приказы камерирѣ. Было уже около полуночи. Мгновенно вѣсть объ опасности, въ какой находилась Королева, распространилась по всему монастырю. Всѣ придворныя дамы, обязанности которыхъ давали имъ право входить въ комнаты королевины, собрались къ ней. Лекаря окружили кровать. Духовникъ сталъ на свое мѣсто. Наскоро поставили алтарь передъ умирающею и начали молитвы. Монахинямъ велѣно собраться въ церковь, и отправлять молитву съ колѣнопреклоненіемъ.

Королева опомнилась наконецъ, послѣ продолжительнаго обморока, похотившаго на смертный сонъ. Но жизнь проявилась въ ней только слабымъ бѣніемъ сердца и невнятнымъ стономъ. Глаза ея были закрыты; лицо и руки покрыты гробовою блѣдностью. Въ такомъ состояніи совершила она послѣдніе обряды Католической церкви, которые отправлялъ самъ Епископъ Бадахосскій.

Болѣе ста человекъ находилось теперь въ комнатѣ Королевы, и тишина не прерывалась ни малѣйшимъ шопотомъ. Свѣчи тускли въ душномъ воздухѣ, которымъ дышало столько парада, стѣсненнаго на маломъ пространствѣ. Окна закрыли — извнѣ свирѣпствовала страшная буря; громъ раскатывался надъ монастыремъ, и молніи безпрерывно освѣщали огромныя окна синимъ блескомъ своимъ. — Разительно, страшно было зрѣлище этой Королевы умирающей, этихъ мрачныхъ безмолвныхъ, неподвижныхъ лицъ, наблюдавшихъ ея смертное томленіе, этихъ похоронныхъ принадлежностей, которымъ окружили ее заживо. Уже съ столь давняго времени привыкли видѣть Королеву большою и слабою, что столь близкая смерть всею казалась чѣмъ-то неожиданнымъ и внезапнымъ. Все полагали, что долго еще Королева будетъ влачить свои болѣзненные дни.... Король оставилъ умирающую, и пошелъ молиться за нее, въ модельнѣ, устроенной въ ближней комнатѣ. Тамъ, стол на колѣняхъ съ духовникомъ своимъ, онъ могъ видѣть борьбу жизни и смерти, въ дверь находившуюся подлѣ самой кровати. Вскорѣ потомъ, онъ совсѣмъ удалился....

Передъ утромъ, умирающая вдругъ поднялась, и обвела вокругъ яркими взорами. Духовникъ поднесъ ей Распятіе. Благоговѣнно приложила она къ нему, и проговорила твердымъ голосомъ: «Колоколъ Белильскій звонилъ... Богъ призываетъ меня.... Дайте мнѣ умереть въ одеждѣ сестеръ Св. Франциска.»

Камерира сѣвшила надѣть на нее, сверхъ ея кружевнаго платья, сѣрое шерстяное, и обвязать его веревкою, которую давно уже носила подлѣ своего великолѣпною одеждою Королева, въ исполненіе какого-то благочестиваго обѣта. Едва исполнили это послѣднее ея желаніе, болѣзнь начала ослабѣвать ви-

димо и быстро. Юность и жизнь боролись со смертію — иногда казались побѣждающими, но потомъ слѣдовало тѣмъ болѣе сильное изнеможеніе. Дона Луиза сидѣла подлѣ кровати Королевы, съ безмолвнымъ вниманіемъ слѣдовала за всеми измѣненіями послѣдней, безнадежной борьбы, и — никогда еще въ жизни ничтожество величія человеческого не поражало ея такъ сильно, такъ страшно — ей казалось, что книга судебъ раскрыта передъ нею, и она читаетъ въ ней великій поучительный урокъ.... Камерира оставила на минуту мѣсто свое подлѣ изголовья постели. Дона Луиза стала на колѣняхъ на этомъ мѣстѣ, взяла холодѣвшія руки умирающей, и прижала ихъ къ губамъ своимъ. Королева очнулась на мгновение; утѣшающій взоръ ея остановился на утѣшительномъ, искреннемъ выраженіи скорби, какое видѣла она на лицѣ доны Луизы, въ слезахъ капавшихъ изъ глазъ ея. Казалось, что она собрала послѣднюю силу воли, умственныхъ способностей, жизни, мыслей — «Луиза!» сказала она, едва слышимымъ голосомъ — я умираю... страшнѣе быть Испанскою королевою!...

Черезъ нѣсколько мгновеній раздался звонъ монастырскаго колокола, и весь Бадахосъ творилъ молитву за умершую Королеву....

IV.

Великолѣпныя похороны Королевы заняли дворъ Испанскій гораздо болѣе, нежели болѣзнь и смерть ея. Цѣлую недѣлю, тѣло ея, выставленное въ погребальницѣ, было охраняемо всеми придворными. Четыре дамы, изъ знатнѣйшихъ вельможскихъ домовъ Испаніи, день и ночь находились при ея гробѣ, поставленномъ подлѣ величественнымъ катафалкомъ, и окруженномъ всеми знаками ея высокаго

званія. День и ночь читали молитвы за упокой души ея въ церквахъ и монастыряхъ, и безчисленныя толпы народа стремились поклониться браннымъ останкамъ и послѣдному блеску земнаго величія своей королевы.

Филиппъ доказалъ печаль свою роскошью похоронныхъ обрядовъ, и всеобщимъ трауромъ, какой предписанъ былъ всей Испаніи. Въ то же время велъ онъ самую уединенную жизнь. Никто не могъ его видѣть. Бенедиктинскій монастырь сдѣлался недоступнымъ убѣжищемъ Короля, такъ, что ворота его оставались всегда запертыми. Дамы придворныя были теперь такими же отшельницами, какъ и монахини, затворившіяся въ то отдѣленіе обители, которое называли старымъ монастыремъ.

Король не унывалъ однако же въ такомъ строгомъ уединеніи, прилично только какому нибудь Картезіанскому иноку, отречьшемуся отъ свѣта. Душа его умѣла находить въ себѣ силы переносить всю жизнь одиночество величія. Горделивое возвышеніе надъ другими, и можетъ быть, расчеты подозрительной политики, заставляли Филиппа всегда держать въ удаленіи отъ особы его весь дворъ, даже самое свое семейство. Никому изъ ближайшихъ къ нему особъ и вѣрныхъ исполнителей повелѣнія не оказывалъ онъ, ни особенной ласки, ни дружескаго привѣта. Первый совѣтникъ его, неумолимый мститель врагамъ Короля, герцогъ Альба не смѣлъ подходить къ нему безъ страха и боязни. Однажды, дерзнувши войти въ королевскій кабинетъ безъ предварительнаго доклада, онъ встрѣченъ былъ грознымъ взоромъ Короля. «Такая дерзость — сказалъ ему Филиппъ — будетъ стоить тебѣ головы въ другой разъ!»

Между тѣмъ, онъ умѣлъ кстати увлекать своею доверенностью, возвышалъ тѣхъ, кто былъ ему вѣренъ, щедро награждалъ преданность, политическіе подвиги, воинскую храбрость, и даже дарованія поэтовъ и художниковъ. Но любимцевъ у него не было, и никто и ничего не получилъ отъ него во всю его жизнь за то только, чтобы ему захотѣлось наградить безъ услуги и подвига. Никогда власть королевская, нигдѣ не была столь неограниченна, не заставляла такъ трепетать. Гордые гранды Испаніи блѣднѣли при одномъ взглядѣ Короля, и — никто не любилъ его, даже и тѣ, кого осыпалъ онъ наградами и богатствами.

Въ первые дни послѣ смерти Королевы, Филиппъ вовсе не видалъ донъ Луизы; казалось, онъ вовсе забылъ, что принцесса находилась при дворѣ его. Во все это время ничто не измѣнилось въ отношеніи донъ Луизы; ей оказывали прежнее почтеніе; ее окружалъ прежній кортежъ дуенъ, подъ предлогомъ услуги сторожившей ея день и ночь. Она выходила изъ своихъ великолѣпныхъ комнатъ только къ обѣднѣ, каждое утро, вмѣстѣ съ королевскимъ семействомъ; въ церкви предоставлена была ей почестъ подавать святую воду инфантамъ, которыя за то почтительно ей кланялись, но не смѣли говорить съ нею, изъ робости, или гордости. Обѣ инфанты и донъ Луиза безъ различія занимали мѣста въ церкви. За ними становились всѣ дамы и фрейлины, а немного впереди позволялось стоять только *летанамъ*, молодымъ дѣвушкамъ знатнѣйшихъ домовъ, опредѣленнымъ для прислуги королевскаго семейства. Молитвенная подушка Королевы была закрыта чернымъ бархатомъ, возвышалась двумя ступенями, и никто не дотрогивался до лежавшаго на ней молитвенника, украшеннаго Австрійскимъ и Кастильскимъ гер-
Т. IV. — Од. II.

бами. Преклоняя колѣна подлѣ опустѣвшаго мѣста Королевы, донна Луиза думала иногда о послѣднихъ словахъ ея. Сначала это воспоминаніе причиняло ей невольный трепеть; потомъ стала она почитать слова Королевы страннымъ смѣшеніемъ идей, бессмысленною мечтою умирающаго, превратностью угасившаго разсудка. Но безпокойство о томъ, что было важнѣе для нея собственной ея участи, тѣмъ страшнѣе терзало ее. Пльница, среди окружавшаго ея величія, она ничего не знала, что теперь происходитъ внѣ стѣнъ монастыря, и, какъ сквозь стѣны недоступной тюрьмы, къ ней не доходили ни свободный лучъ солнца, ни привѣтный голосъ челоука. Дни медленно умирали въ непрерывномъ принужденіи, ужасающемъ безмолвіи, подъ надзоромъ двадцати женщинъ, назначенныхъ для ея услуги, и непрерывно наблюдавшихъ за каждымъ шагомъ ея.

Только одну отраду уединенія безъ надзора умѣла выискать себѣ донна Луиза, укрываясь въ маленькую молельню, устроенную въ обширной впадинѣ окна, бывшаго въ ея комнатѣ, и отдѣленнаго шелковою занавѣскою. Сюда не смѣли входить ея дуэньи и оставляли принцессу на свободѣ, зная, что выхода отсюда нѣтъ, и толстая рѣшетка укрѣплена въ окнѣ, изъ котораго видъ былъ на главную монастырскую церковь. Монахиня, жившая въ кельѣ, занимаемой доною Луизою, устроила себѣ это убѣжище для молитвы. Узкая, небольшая дощечка служила тутъ вмѣсто алтаря образу Гвадалупской Мадонны, и все украшеніе составляли два глиняные горшка, въ которыхъ увидали цвѣты, сорванные въ саду монастырскомъ. Маленькая, деревянная скамейка и рогожка на полу дополняли мебель молельни. Такая бѣдность уборки была разительно противоположна съ раззолоченны-

ми украшеніями, и дорогими коврами, закрывавшими бѣлыя стѣны кельи. Цѣлые часы проводила здѣсь донна Луиза, сидя передъ окномъ, по рѣшеткамъ котораго вились плети дикаго жасмина. Печально глядя она на небо, закрытое со всѣхъ сторонъ башнями, прислушивалась къ пѣнью птичекъ, иногда подлетавшихъ къ окну, и тяжкая дума терзала ее мыслью: «Царь Небесный! какое страшное заточеніе! И тѣло, и душа моя въ темницѣ! Дикая пустыня была-бы легче этого одиночества, среди столькихъ людей, терзающихъ меня притворною услужливостью, когда въ самомъ дѣлѣ, они только стерегутъ мое заключеніе! Великій Боже! какая судьба постигла все, что было мнѣ дорого на свѣтѣ? Я не знаю даже, на землѣ-ли еще, или уже въ небѣ тѣ, за кого молюсь я день и ночь со слезами!»

Въ одно утро, дону Луизу разбудилъ громкій звонъ колоколовъ. Слышны были ружейные выстрѣлы, и крѣпостныя пушки палили каждую минуту. Отдаленные клики народа смѣшивались съ громомъ артиллеріи и трезвономъ всѣхъ церквей Бадахосскихъ.

Донна Луиза поднялась на постели своей, блѣдная и встревоженная.

— Что значать этотъ шумъ и пальба? — спрашивала она. — Сражаются въ городѣ? Или это при знакъ торжества? Слышите-ли, донна Барбара?

«Слышу, Ваша Свѣтлость,» отвѣчала дуэнья, подымая занавѣсы кровати.

— Скажите-же, что значить вся эта тревога?

«Не знаю, Ваша Свѣтлость.»

— Но, кажется, тутъ не можетъ быть государственной тайны, когда это знаетъ цѣлый городъ, и вы можете открыть мнѣ важную новость — только мнѣ одной неизвѣстную!

Дуенья молчала, и стала на колѣни передъ Мадонною, говоря: «Слышите-ли, Ваша Свѣтлость? Звонятъ утренній angelus» — Она начала читать Ave Maria...

Дона Луиза молча встала; ее одѣли. Но когда была она готова, вмѣсто того, чтобы идти въ свою молельню, для отправленія утренней молитвы, она пошла къ дверямъ.

— Ваща Свѣтлость! куда вы изволите идти? — вскричали испуганныя дуенья, загоразивая ей дорогу, со страхомъ и въ испугъ.

«Я иду къ Королю!» — сказала дона Луиза, повелительнымъ движеніемъ руки заставляя ихъ посторониться. «Идите за мною, дона Барбара!»

Тогда было еще не болѣе шести часовъ утра, и никто не встрѣчался въ длинныхъ корридорахъ, исполненныхъ сумрака, хотя солнце уже золотило своими лучами землю. Глубокая тишина въ монастырь изумила дону Луизу. Такъ сюда и радость народная появиться не смѣла безъ позволенія? Между тѣмъ, какъ внѣ монастыря, все шумѣло и веселилось, жилище королевское оставалось мрачно и безмолвно. Королевскіе пажи и нѣсколько придворныхъ стояли подлѣ дверейъ залы, бывшей передъ королевскимъ кабинетомъ. Они почтительно стали въ два ряда, увидя дону Луизу. Она вошла въ кабинетъ королевскій.

Тамъ не было никого. Въ смущеніи остановилась принцесса передъ столомъ, за которымъ обыкновенно сидѣвалъ Филиппъ, и взоры ея обратились потомъ на четвертый портретъ, прибавленный къ тремъ первымъ — это былъ портретъ покойной Королевы. При взглядѣ на сей безмолвный рядъ владычицъ Испаніи, дона Луиза почувствовала какой-то суевѣрный страхъ. Ей мечталось, что все

они устремили на нее глаза свои, и невинно говорили ей: «Берегись быть королевою Испаніи!»

— Это вы, дона Луиза? — проговорилъ кто-то за нею, и вмѣстѣ съ этими словами, она услышала шумъ опущеннаго надъ дверью ковра.

То былъ Король. Тихо вошелъ онъ, и при видѣ принцессы не могъ совершенно скрыть своего удивленія и тайной радости.

— Это вы, дона Луиза? — повторилъ онъ снова. — Благодарю за посѣщеніе. Сегодня долженъ быть для меня счастливыи день, если я начинаю его съ вами.....

Такия слова — даже странно было слышать отъ Филиппа II-го. Изумленная дона Луиза отвѣчала на нихъ только грустнымъ поклономъ. Невольное предчувствіе чего-то ужаснаго обьяло ее. Гнѣвъ Короля причинилъ-бы ей въ эту минуту менше страха, нежели необыкновенная пріятельность. Но увлеченіе сильнѣйшаго чувства, которое привело ее въ кабинетъ королевскій, скоро превозмогло въ ней всѣ другія ощущенія.

— Государь! — сказала она — большая часть дней вашихъ ознаменована счастьемъ и успѣхомъ, и если Богъ испытываетъ васъ бѣдствіями, Онъ и награждаетъ васъ щедро. Будьте-же снисходительны къ тѣмъ, кого праведный гнѣвъ его предаетъ всегдашней скорби... Государь! я пришла къ вамъ услышать о моемъ жребіи! Что значать эта пальба и эти восклицанія, разбудившія меня? Ахъ! какое новое несчастіе должна я еще оплакивать?

«Богъ, испытующій васъ скорбями, утѣшитъ васъ радостью. Надѣйтесь на Него, и — на мое желаніе вамъ добра, дона Луиза.

— Государь! вы ужасаете меня! — вскричала она въ отчаяніи.

Въ это время трубы и клики внѣ монастыря раздался еще сильнѣе. Голоса: Viva Espana у Portugal! достигли до королевской кельи. Филиппъ отворотился къ окну и сказалъ равнодушно: «Народъ радуется одной изъ тѣхъ побѣдъ, которыми рѣшаются судьбы царствъ....»

Дона Луиза затрепетала. «Португальская армія не отдастъ вамъ Лиссабона!» сказала она съ жаромъ. «Вы обладаете городами, которые измѣна передала Вашему Величеству, но не всё стануть подражать малодушію герцога Браганскаго. Война будетъ продолжительна, и Богъ вѣдаетъ, какъ она кончится....»

— Она кончилась — сказала хладнокровно Филиппъ — войско мое заняло Лиссабонъ — я властитель Португаліи!

«А отецъ мой? Онъ погибъ?» спросила дона Луиза съ глухимъ стономъ.

— Онъ живъ.

«Онъ плѣнникъ вашъ, Государь?»

Король ничего не отвѣчалъ. Упоенный гордостью и счастьемъ, онъ смотрѣлъ на эту молодую и прекрасную дочь Короля, врага своего, жребій которой былъ въ его рукахъ, которую могъ онъ однимъ словомъ, или осудить на затворничество въ монастырѣ, или возвести на престолъ одной изъ первыхъ монархій въ мірѣ.

— Государь! умолю васъ—отошлите меня къ моему отцу, прикажите запереть насъ въ одной тюрьмѣ! Вы сказали, что желаете мнѣ добра — снизойдите-же на милость, единственную милость, которой прошу у васъ!

«Слишкомъ гордое требованіе, Дона-Луиза,» отвѣчалъ Король съ маленькою насмѣшкою, но безъ гнѣва. «Милость, которой вы просите, право, внѣ предѣловъ власти моей. Донъ Антоніо не находится

у меня въ плѣну—онъ и не погибъ подъ стѣнами Лиссабона—онъ бѣжалъ...

—Тотъ клеветецъ, кто осмѣлился сказать это Вашему Величеству о моемъ родителѣ!.. Онъ бѣжалъ! И вы могли повѣрить, Государь, такой трусости съ его стороны? Не говорю о правахъ, которыя вы отнимаете у отца моего, ни о высококомъ званіи, которое оскорбляютъ клеветою—заступаюсь за честь воина: Португальскіе солдаты никогда не бѣгали съ поля битвы, никогда не просили пощады у непріятели!

«Но Донъ Антоніо точно пропалъ безъ вѣсти въ сраженіи—между мертвыми не нашли его.»

—И такъ, жребій его будетъ одинаковъ съ жребіемъ донъ Себастьяна проговорила въ полголоса Дона Луиза. Невольно поблѣднѣла она, и вопросъ ея Королю замеръ на устахъ ея. Но онъ, казалось, понялъ мысль ея, и сказалъ, какъ будто отвѣчая на ея вопросъ: «Самозванецъ, дерзнувшій назваться донъ Себастьяномъ, успѣлъ укрыться отъ людей, посланныхъ нами исполнить немедленное и справедливое наказаніе за его обманъ. Какъ ни старались, никто не могъ открыть, гдѣ онъ скрылся, и кто онъ такой.»

Сердце доны Изабеллы на минуту перестало биться; она видѣла въ одно время исчезающими надежды свои и свои опасенія; ей казалось, что при видѣніи, мечта обманули ее; могила, которую видѣла она раскрышеюся передъ собою, затворилась снова. Всѣ другія ощущенія, какія существовали еще для нея въ мірѣ, не могли ея утѣшить, и между тѣмъ, тѣмъ живѣе пробудились они въ ея глубокой горести. Съ неподвижными, поднятыми къ небу глазами, казалось, она забыла присутствіе Короля; мысль ея пролетала разстояніе, отдѣлившее ее те-

перь отъ всего, что она любила, и въ сочувствіи своего одиночества, и своей скорби—«Гдѣ-же ты, Изабелла?»—говорила она, какъ будто была одна въ комнатѣ королевской.

—Что вы говорите, донна Луиза? — спросилъ Король. — Вѣрно, такъ зовутъ молодую герцогиню Аверо?

«Ахъ! Государь! Мнѣ-бы легче было, если она была со мною!» воскликнула донна Луиза, быстро обращаясь къ ужасной сущности своего бѣдствія, и готовая унизиться на просьбы, чтобы вымолить единственное утѣшеніе, возможное при ея несчастьи.

Король ничего не отвѣчалъ. Онъ взявъ перо, написалъ нѣсколько словъ, запечаталъ записку, позовалъ пажа и отдалъ ему. Со страхомъ слѣдовала донна Луиза за каждымъ его движеніемъ, ожидала, не скажетъ-ли онъ, что просьба ея исполнена. Но Король отбросилъ перо, казалось, не думая о томъ, что онъ дѣлаетъ, и оборотился къ Принцессѣ, онъ сказалъ ей:

«Ваше посредничество, донна Луиза, можетъ быть, не бесполезно будетъ для усмиренія государства, уже покореннаго мною. Донъ Антоніо, можетъ быть, укрылся въ какой нибудь изъ приморскихъ замковъ. Безумная будетъ мысль держаться въ немъ, и ваши совѣты могутъ отвлечь его отъ такого предпріятія. Куда-бы ни укрылся онъ—сопротивленіе бесполезно. Пусть онъ покорится мнѣ, и я готовъ пощадить его—если же нѣтъ...

—Но чего еще долженъ онъ опасаться отъ вашего гнѣва, Государь? — прервала рѣчь его донна Луиза. — Вы отняли у него дочь, отняли королевство, оспариваете у него даже законность его рожденія—

что-же подарите вы ему, превращая гнѣвъ вашъ на милость?

«Жизнь»—отвѣчалъ рѣзко Филиппъ.

Донна Луиза одушевлялась тѣмъ мужествомъ, крѣпкимъ и непреклоннымъ, которое возвышаетъ человека въ крайнихъ бѣдствіяхъ. Она обратилась къ Распятію, и указывая Королю на сей святой образъ, передъ которымъ преклонялъ онъ ежедневно колѣни, сказала ему:

—Сильные земли должны большимъ отчетомъ передъ судомъ Его, нежели обыкновенные смертные. Страшенъ судъ, который ожидаетъ дѣла ихъ передъ Тѣмъ, кто единъ великъ, и передъ которымъ все властители земные суета и ничтожество! Судъ его праведенъ и неумолимъ, и онъ осудитъ васъ, если вы прольете кровь отца моего. Вы погубите славу свою здѣсь и спасеніе души—тамъ!... Государь! пльнника съ поля битвы не ведутъ на эшафотъ.

«Пльнника бунтовщика ожидаетъ казнь!» отвѣчалъ Филиппъ, казалось, не тронутый жалостью, хотя и неразсердившійся на смѣлыя слова, произнесенныя съ высокимъ выраженіемъ. «Но ваши опасенія идутъ слишкомъ далеко, донна Луиза. Мы не объявили платы за голову донъ Антоніо, и обѣщаемъ вамъ — помнить, что онъ отецъ вашъ: это названіе будетъ ему вѣрнымъ спасеніемъ противъ нашего гнѣва. Разувѣрьтесь-же, донна Луиза, и вѣрьте отнынѣ, что Богъ хранитъ васъ. Можетъ быть, еще никогда въ жизни вашей не были вы такъ близки къ величію и славы — вѣрьте, что вы обладаете нашимъ полнымъ желаніемъ добра вамъ.

Смысль этихъ словъ былъ такъ ясенъ, что ошибиться было невозможно. Донна Луиза постаралась однакожь скрыть свое удивленіе и свой ужасъ. Лицо

ея сохранило прежнее выраженіе рѣшительной грусти; только губы ея не много поблѣднѣли, и она отворотила лицо, преклоняясь передъ Королемъ, будто благодарить его за обѣщаніе покровительства.

Наступило продолжительное молчаніе. Сидя противъ донъ Луизы, Филиппъ казался погруженнымъ въ думы. Видѣ его былъ совершенно спокоенъ, но между тѣмъ, тайная радость и гордость новыми успѣхами, какъ будто обновили его прежніе годы; онъ мыслилъ о великихъ предначертаніяхъ, которыя уже исполнилъ, о будущности, которая являлась передъ нимъ безконечною. Старый монархъ, покорившій новое государство, оживившій сердце новою любовью, чувствовалъ себя одушевленнымъ непобѣдимую волею и сильными страстями, какъ за тридцать лѣтъ прежде, когда, въ силѣ и величій молодости, раздѣлялъ онъ престолъ свой съ Марією Англійскою, когда потомъ, гораздо позднѣе, старшая дочь Короля Французскаго приняла изъ рукъ его корону, прибавокъ къ столь многимъ, слѣдовавшимъ ей по наслѣдству отъ предковъ. Но страсти никогда не переполняли души Филиппа; всегда подобились онъ въ ней скрытому огню вулкановъ, подземною яростью колеблющему землю, и прорывающему бездны въ глубинѣ, когда никакое наружное изверженіе не показываетъ ихъ существованія. Никогда еще Филиппъ не ощущалъ съ такою полною горделиваго счастья власти безграничной — взоръ его, казалось, пробѣгалъ по всей землѣ, не находя равнаго ему, и можетъ быть, въ эту минуту гений отца его, Карла V-го, напоминалъ ему объ исполинской мысли всеобщей монархіи...

— Богъ благословилъ насъ — говорилъ онъ, какъ будто въ слухъ доканчивая тайную мысль свою — онъ далъ намъ величіе между сильными землѣ; онъ

спасаетъ насъ отъ бѣдствій и скорбей, какимъ подверженъ жребій человѣческой, и благость его, конечно, дастъ намъ еще довольно времени исполнить все то, что мы столь благополучно начали...

Дона Луиза тяжело вздохнула. Это отреченіе отъ всѣхъ обыкновенныхъ чувствъ человѣческихъ, это зрѣлище одинокаго сознанія могущества изумило, устрасило ее. Въ горделивой благодарности Богу, Филиппъ забывалъ, среди успѣховъ своего величія, что смерть не жалѣла его семейства, и что онъ былъ въ это время облеченъ въ трауръ уже по четвертой своей супругѣ.

«Важная забота занимаетъ меня теперь», продолжалъ Филиппъ. «Наслѣдство послѣ меня не довольно прочно. Принцъ Астурійскій слабъ и боленъ. Сохрани его Богъ! Но если мы его потеряемъ? Знаю, что старшая дочь моя, инфанта донна Клара достойна сана, къ которому призоветъ ее судьба — она благочестива, скромна, одарена крѣпкою душою — я вѣдуюсь на нее, не смотря на ея юный возрастъ, и думаю, что она достойно будетъ держать въ рукъ своей скипетръ прародительницы своей Изабеллы Католической, но кто раздѣлитъ съ нею власть надъ ея обширными владѣніями? Кто будетъ королемъ Испаніи, Португаліи, Нидерландовъ, Неаполя, Сициліи, обвѣихъ Индій? Ищу во всѣхъ владѣтельныхъ христіанскихъ семействахъ, и не нахожу принца, которому хотѣлъ бы я, съ рукою моей дочери, передать надежду на наслѣдство послѣ меня. — Мнѣ надобенъ наслѣдникъ и польза государства моего того требуетъ...

Дона Луиза отвѣчала на такое неожиданное объявленіе наклоненіемъ головы.

«Принцесса Французскія все за-мужемъ — продолжалъ Король — и притомъ, у меня несогласія

съ Королевою матерью. Есть Принцесса Лотарингскаго дома, но она еще очень молода, и эти Лотарингцы введутъ меня въ хлопоты — честолюбие ихъ безпредѣльно, и своеволие неограниченно! Не болѣе вижу я и въ Австрійскомъ домѣ. Вдовствующая Королева Французская, вдова Короля Карла IX-го, великая и благочестивая принцесса, но мы съ ней близкая родня. Ни одинъ изъ этихъ союзовъ для меня не годится. Но я искалъ, и мой выборъ сдѣланъ — онъ изумить цѣлый свѣтъ! Вы узнаете объ немъ, донна Луиза, когда трауръ по Королевѣ кончится. Въ ожиданіи, храните то, что вы теперь отъ меня слышали. Мы скоро увидимся. Идите съ Богомъ!»

Она преклонилась передъ рукою, которую Филиппъ протянулъ къ ней. По этикету, она должна бы поцѣловатьъ эту руку, но душа ея возмущилась противъ такого обычая, и она прикоснулась только лбомъ къ длиннымъ пальцамъ этой бѣлой руки, которая ласково погладила ее по головѣ. — Донна Луиза вышла, и умъ ея былъ исполненъ смущенія, удивленія, страха, отъ всего, что она теперь слышала. Мысль взойти на степеня почестей, ею утраченныхъ, надежда возвысить родъ свой, вовсе не занимали ея — слишкомъ еще жива была передъ ея глазами участь покойной Королевы, и страшно было помыслить о наследствѣ послѣ нея. Въ то мгновеніе, когда она подошла къ дверямъ своей комнаты, кто-то ожидавшій ее отдернулъ шелковую занавѣску, и бросился передъ нею — это была Изабелла.

Донна Луиза закричала въ изумленіи.

«Ты-ли это? Ты-ли это? Сколько разъ молилась я Богу о свиданіи съ тобою! Я просила Короля, и не смѣла надѣяться — ты-ли это Изабелла?»

Крѣпко обняла она ее, но потомъ бѣгло взглянувши на окружавшихъ ее дамъ, удержала свой построгъ.

«Гдѣ ты была? Откуда ты?» спросила она, съ большимъ спокойствіемъ.

— Ахъ! Ваше Высочество! уже болѣе мѣсяца, какъ я здѣсь, и каждый день вижу васъ въ церквѣ, сквозь хорныя рѣшетки, гдѣ я стою съ монахинями.

«И Король зналъ, что ты здѣсь?»

— По его приказанію, капитанъ Родригесъ привезъ меня сюда. Но стало быть Ваше Высочество ничего не знали о моей участи? Какое строгое заключеніе! Живущіе здѣсь, какъ будто умерли для цѣлага свѣта!

Опираясь на плечо Изабеллы, донна Луиза вошла въ свою молельню подлѣ окна. Она сѣла. Герцогиня Аверо стала на колѣни подлѣ нея, и не имѣя силъ говорить, принцесса спрашивала ее только неподвижнымъ, отчаяннымъ взглядомъ. Изабелла подняла руки къ небу, и съ живою надеждою, съ сердечною радостью спѣшила сказать: «Донъ Себастьянъ живъ! Богъ, возвратившій его намъ, спасетъ его отъ рукъ враговъ!»

Съ ужасомъ, донна Луиза закрыла сѣими руками уста Изабеллы, и съ трепетомъ смотря на занавѣску, отдѣлявшую ихъ, прошептала: «Молчи, молчи! Нашъ подслушаютъ!»

Наклонивъ голову на плечо подруги, долго плакала она, повторяя въ душѣ своей: «И такъ это былъ онъ? Онъ живъ? Благословляю волю Твою, Всемогущій! Мертвые возстанутъ по гласу Твоему для спасенія отечества! Чудеса являютя успокоить и умирить бѣдствующую Португаллію, возвратить ей славу отцовъ и укротить гордость сильнаго за-

воевателя! Слава Тебѣ, Боже нашъ, заступнику слабаго и угнетеннаго!»

— Стало и вы живете, какъ я жила у монахинь здѣшнихъ — по заведенному порядку, меня оставили одну только спать и молиться.

«Да» тихо проговорила доня Луиза — но сегодня вечеромъ, мы пойдемъ прогуляться — тамъ, на кладбище, и если за нами будутъ еще смотрѣть, то насъ не подслушаютъ, по крайней мѣрѣ...

Съ безпокойствомъ обратилась она къ занавѣскѣ, за которою явно кто-то подкрадывался и слушалъ. «Разскажи-же мнѣ, Изабелла — сказала она громко, какъ опять попала съ ты въ руки капитана Родригеса, и что такое было при осадѣ аталаи?»

— Ахъ! Ваше Высочество! — добродушно отвѣчала Изабелла — это будетъ удивительный разсказъ, достойный самыхъ чудесныхъ рыцарскихъ романовъ! Дѣло было самое дивное — нѣсколько храбрыхъ людей защищались противъ пяти сотъ чловѣкъ, въ открытомъ мѣстѣ, и много легко убитыхъ, пока они успѣли овладѣть башнею...

«А защитники?»

— Ихъ осталось немного. По обыкновенію, они предложили за себя выкупъ капитану Родригесу, и, вѣроятно, теперь уже всѣ на свободѣ...

«Онъ спасся-ли?» тихо говорила доня Луиза, и послѣ утвердительнаго знака Изабеллы, продолжала громко — «Разскажи, Изабелла, какъ все это было?»

— Вы помните, Ваше Высочество, какъ въ проѣздѣ мимо аталаи, я осталась тамъ, когда донъ Санчо д'Авила увлекъ васъ. Обо мнѣ тогда забыли. Едва только капитанъ Родригесъ скрылся изъ вида, меня окружили защитники аталаи. Отъ усталости, бѣжавши за вами, и отъ страха, почти безъ чувствъ упала я на дорогъ. Тутъ меня подняли и отвели

въ аталаю, куда перенесли также и защитника нашего...

«Этого бѣднаго пастуха?»

— Это былъ не пастухъ — сказала Изабелла, улыбаясь — онъ называется донъ Гуанъ де-Мата, сынъ богатаго Лиссабонскаго кушца. Желая получить права на дворянство, онъ былъ въ Африкѣ съ донъ Себастьяномъ. Ваше Высочество изволите знать, что каждый Португалецъ, почетнаго рода, получаетъ дворянство, если вооружить на свой счетъ нѣсколько воиновъ, и отправится съ ними сражаться противъ невѣрныхъ на Африканскомъ берегу, почему такихъ людей и называютъ «Африканскими дворянами.» Донъ Гуанъ вооружилъ на свой счетъ пятьдесятъ чловѣкъ, и въ день битвы Алкасаръ-Кивирской остался за мертво на полѣ битвы...

Звонъ большаго монастырскаго колокола прервалъ слова Изабеллы, и хриплый голосъ доньи Барбары слышанъ былъ изъ-за занавѣсы:

«Ваша Свѣтлость! Вотъ послѣдній звонокъ къ обѣдни. Извольте идти — мы ожидаемъ васъ!»...

V.

Средину обширнаго Бенедиктинскаго монастыря образовывали четыре галлерей со сводами, со всѣхъ сторонъ замыкавшія большую лугъ. Мелкія колонны, поставленныя по двѣ, поддерживали арки переходовъ съ острыми углами, украшенія коихъ показывали зодчество древняго готическаго. На тонкихъ этихъ столбикахъ лежали капители, обремененныя украшеніями, большею частью страннаго вида, изображавшими символическія фигуры, даже мины, заимствованныя изъ временъ язычества. Широкія плиты, съ надписями, полуистребленными временемъ, были разбросаны по лугу, и между

сими могилами, как говорило преданіе, находились останки и ста монахинь, замученных пѣвѣрными. Ихъ прикрывали большіе кусты бѣлыхъ розъ и анколий съ фиолетовыми цвѣтами. По срединѣ находился колодець, и его осѣняло огромное лавровое дерево. Грустное это уединеніе служило мѣстомъ прогулки для монахинь. Здѣсь садили онѣ цвѣты, полуувдавшие въ тѣни высокихъ стѣнъ монастырскихъ. Дона Луиза любила приходить сюда по вечерамъ, и часто до поздней ночи оставалась здѣсь, къ большому страху дамъ и свиты своей, трепетавшихъ, когда послѣ захожденія солнца, вечеромъ, надлежало имъ оставаться на старомъ монастырскомъ кладбищѣ. Онѣ творили молитвы и крестились. Зналъ, что дона Луиза любить здѣсь гулять, души не изумлялись, что послѣ дневнаго жара, она привела Изабеллу, подругу свою, въ монастырскій садъ. Дона Барбара заговорила съ другими, и пльницамъ была свобода поговорить.

«Насъ никто не подслушаетъ здѣсь—сказала дона Луиза, посадивши подлѣ себя Изабеллу, на скамейкѣ близъ колодца.—Говори, говори скорѣе: это былъ онъ? Эго не было привидѣніе? Ты видѣла его? Говорила съ нимъ?»

— Да, Ваше Высочество—донъ Себастьянъ живъ! Исторія его самая чудесная. Послѣ битвы Алкасаръ-Кивирской, когда пѣвѣрные грабили тѣла на полѣ сраженія, они нашли его, безъ плеча, безъ оружія, съ глубокою ранюю на лицѣ. Но онъ еще дышалъ. Никто не могъ узнать его. Какой-то марабутъ, то есть священникъ, или колдунъ между этими погаными, старался забирать пльннхъ, думалъ обратить ихъ въ свою проклятую вѣру. Онъ взялъ къ себѣ почти умершаго короля, и лекарствами, или волшебствомъ, возвратилъ ему жизнь,

но умъ короля такъ былъ разстроенъ, что онъ ничего не помнилъ и не понималъ. Донъ Гуанъ де-Мата, раненный, и попавшійся вмѣстѣ съ нимъ въ плѣнъ, заботился объ немъ, и служилъ ему какъ долгъ повелѣваетъ вѣрному подданному. Марабутъ увлекъ ихъ весьма далеко въ свою землю, черезъ горы и черезъ поселенія дикихъ варваровъ. Варвары эти никогда не видывали христіанъ, и потому обходились съ плѣнниками весьма жестоко. Но король не постигалъ своего несчастія—такъ боленъ былъ онъ тѣломъ и духомъ, что донъ Гуанъ безпрерывно ждалъ, не воззоветъ-ли его Богъ въ вѣчное блаженство! Вотъ протекло два года, и все христіанство почло донъ Себастьяна погибшимъ. Наконецъ раны его зажили, и разумъ къ нему возвратился. Отчаяніе овладѣло имъ, когда онъ понялъ весь ужасъ своего состоянія. Его умертвили-бы безъ пощады, если бы узнали, что онъ король Португальскій, и не имѣя никакой надежды выкупиться, онъ рѣшился бѣжать. Донъ Гуанъ слѣдовалъ за нимъ. Послѣ тысячи опасностей, они достигли берега, и на лодкѣ прибыли въ Португалію. Король почиталъ уже себя спасеннымъ, но въ собственномъ королевствѣ свосмъ встрѣтилъ онъ врага, болѣе сильнаго, болѣе свирѣпаго, нежели пѣвѣрные, отъ которыхъ успѣлъ убѣжать. Увѣдомленный объ его возвратѣ, Филиппъ II-й провозгласилъ во всѣхъ городахъ и селеніяхъ, и прибѣлъ къ дверямъ всѣхъ монастырей и церквей объявленіе, въ которомъ было написано: «Объщаемъ честью и словомъ королевскимъ 20,000 червонныхъ тому, кто выдастъ, живаго, или мертваго, самозванца, лившагося въ нашею Португальскомъ королевствѣ подъ именемъ любезнаго брата нашего короля Себастьяна, убитаго въ сраженіи Алкасаръ-Кивирскомъ (да, будетъ ему

вѣчная память). И кромѣ того, если выдавшій рѣченного самозванца виновенъ въ какомъ либо преступленіи, мы прощаемъ его во всемъ, и если онъ не дворянинъ, даемъ ему званіе дворянское.»

— Это ужасно! — вскричала дона Луиза — неслыханный примѣръ лицемерія и свирьности!

«Изгнанный и принужденный скрываться въ своемъ королевствѣ, донъ Себастьянъ прибылъ тайно въ Беху. Ваше Высочество были въ плѣну, онъ хотѣлъ освободить васъ. Донъ Гуанъ осмѣлился переридиться, и постарался завести Испанцевъ на засаду.

И такъ въ аталаѣ укрывался донъ Себастьянъ? — спросила дона Луиза, едва переводя дыханіе при разсказѣ Изабеллы.

«Да, Ваше Высочество. Въ этой старой башнѣ было нѣсколько комнатъ, гдѣ можно укрыться отъ непогоды; вокругъ совершенная пустыня, и можно было полагать, что Испанцы не осмѣлятся зайти въ эти опасныя ущелья. Нѣтъ! никогда не выйдетъ изъ памяти моей пребываніе мое въ аталайскихъ развалинахъ! Я спала въ большой комнатѣ, у окна которой не было ни стеколъ, ни ставней. Ласточки вли свои гнѣзда подъ потолкомъ, и свободно летали надо мною, едва начинался день. Сначала, я боллась оставаться одна, ночью, въ этой пустой хороминѣ, но вскорѣ привыкла къ своему житію. Какая бѣдность, какое геройское самоотверженіе видѣла я въ обществѣ Короля, нѣкогда столь сильнаго, теперѣ окруженнаго немощными храбрými! Весь придворный штатъ его составлялъ донъ Гуанъ де Мата. Бѣдный монахъ былъ у него капелланомъ, и служилъ обѣдно въ низенькой комнаткѣ, похожей на погребъ, потому, что въ этомъ зданіи, построенномъ Маврами, не было часовни. Казалось, что не-

вѣрныя только что вчера вышли отсюда — такъ свѣжи еще были повсюду слѣды ихъ здѣсь пребыванія. Кипарисы, осѣнявшіе внутренний дворъ, были посажены ихъ руками, и стихи изъ Корана были видны повсюду на стѣнахъ. Окружавшіе Короля готовы были умереть за него, но ни онъ, ни они не находили возможности, при малочисленности своей и преслѣдованіяхъ, пробраться къ войску, защищавшему Лиссабонъ. Положено было однакожь рѣшиться на такой отчаянный подвигъ, но несчастная судьба постигла Короля внезапно и неожиданно. Въ одно утро пробудили меня выстрѣлы и крики. Я побѣжала къ окошку, но оно было такъ высоко отъ земли, что я ничего не могла видѣть; только слышали пороховой запахъ, и видѣли подымавшійся къверху дымъ. Черезъ минуту молчанія, снова раздались выстрѣлы. День только что начинался. Я угадала, что какой нибудь злодѣй открылъ убѣжище Короля, и что часъ гибели нашей приближился. Въ страхъ убѣжала я въ одинъ уголокъ комнаты и начала молиться. Вскорѣ кто-то постучался въ двери — это былъ донъ Гуанъ де-Мата. Онъ держалъ саблю свою въ лѣвой рукѣ, потому, что рана, нанесенная ему донъ Санчемъ, не позволяла ему владѣть правою рукою.

— Пойдемъ-те, герцогиня! — сказалъ онъ. — Испанцы окружили аталаю, и намъ невозможно противиться ихъ превосходной силѣ — мы все погибнемъ! Я спрячу васъ въ безопасное мѣсто.

«И такъ непріятели узнали, что Король здѣсь?» спросила я.

— Нѣтъ, потому что намъ предлагали прощеніе и свободный выходъ.

Онъ повелъ меня по переходамъ, которыхъ я еще не знала. Шумъ, то удалялся отъ насъ, то казалось,

происходил подлѣ насъ. Огонь переставалъ, и послѣ минутнаго молчанія начинался снова, при ужасныхъ вопляхъ. Донъ Гуанъ повелѣ меня по лѣстницѣ, которая сходила, казалось, въ бездну. Страшная темнота была въ этомъ подземельѣ. «Останьтесь здѣсь, герцогиня!» говорилъ мнѣ донъ Гуанъ — вы здѣсь безопасны. Когда все кончится, я приду къ вамъ, если буду живъ, а не то — простите навсегда!» Нѣтъ, нѣтъ! — вскричала я — мнѣ не такъ страшно тамъ видѣть битву и смерть, нежели здѣсь въ темной пропасти томиться ожиданіемъ! Если надобно умереть — да, будетъ воля Божія! Онъ еще старался убѣдить меня остаться въ подземельи, но я чувствовала такой ужасъ и такую бодрость вмѣстѣ, что надобно быть въ моемъ положеніи, чтобы понять эту противоположность ощущеній.

Изабелла замолчала. Воспоминаніе заставило ее плакать.

— Продолжай — сказала донна Луиза съ грустною улыбкою, пожимая руку Изабеллы. — Донъ Гуанъ храбрый и благородный рыцарь, и самая знатнѣйшая дѣвушка не унизила-бы себя, соединивъ гербъ своей фамиліи съ гербомъ этого новаго дворянина, котораго исполняетъ долгъ свой къ Королю, лучше нежели самые знаменитые люди, родъ которыхъ восходитъ ко временамъ короля Пелагія!

«Я оставалась одна—хотѣла молиться и не могла! Я слушать только могла, и слышала съ смертельнымъ томленіемъ выстрѣлы, крики, стоны, слыдававшіе одни за другими. Наконецъ пальба утихла—слышался только смятенный шумъ. Я поднялась, отперла дверь, и пошла на встрѣчу къ непріятелямъ, понимая, что они завладѣли башнею. Въ комнатахъ никого не было, а также и во внутренней оградѣ — я бросилась далѣе — тамъ увидѣла я Испанцевъ,

но ничего не могла разглядѣть среди пыли и дыма — меня оглушали вопли, стenanія, глухой шумъ — защитники наши бились саблями — пощады не было — когда кинулась я безъ памяти въ это смятеніе, надъ головою моею раздались неслыханные мною до того времени слухи, какъ будто демоны свистали въ воздухъ — это былъ свистъ пуль, летавшихъ во всѣ стороны. Тутъ раздался страшный залпъ изъ ружей, и я упала.

— Ты была ранена?

«Нѣтъ! но я увидѣла донъ Гуана—онъ лежалъ въ крови, старался подняться... Когда опомнилась я, то увидѣла себя во дворѣ, подлѣ стѣны. Не вдалекѣ сидѣли Король и донъ Гуанъ, въ разодранныхъ и окровавленныхъ одеждахъ. Насъ окружали Испанцы. Капитанъ Родригесъ, какъ смерть блѣдный, поддерживаемый двумя солдатами, осматривалъ оставшихся послѣ боя воиновъ своихъ — ему изувѣчили руку, и онъ не могъ скрыть своего бышенства и ярости, проклиная храбрыхъ непріятелей. Съ досадою спросилъ онъ у меня, сколько было въ атакаѣ сражавшихся противъ него? Когда я отвѣчала, что не болѣе 10-ти, или 12-ти, онъ посмотрѣлъ вокругъ себя съ изумленнымъ видомъ, и невольно воскликнулъ: «Такъ мало, и — четыре часа держался въ этой норѣ... Не скажу, что вы ждете, герцогиня, но вы помѣшались — это невозможно!»

— Вотъ въ другой разъ привелось мнѣ быть вашею плѣнницею, донъ Родригесъ — сказала я — и надѣюсь, что вы не откажетесь отпустить меня за порядочный выкупъ. — Онъ покачалъ головою и отвѣчалъ: «Если Король позволить — мы отправимъ въ Бадахось.» — Но вы не повезете туда, вотъ этихъ двухъ господъ — продолжала я, показывая на Коро-

ля и донъ Гуана — они могутъ поплатиться съ вами за себя — отпустите ихъ.

— «Что они за люди? Владѣльцы этой земли что-ли? Какъ ихъ имена?» — Это благородные Португальцы — отвѣчала я, испугавшись его вопросовъ — они помогли мнѣ, когда я осталась здѣсь послѣ отъѣзда вашего. Будьте къ нимъ снисходительны, донъ Родригесъ! — Смягченный моими просьбами, онъ поглядѣлъ мелькомъ на Короля и на донъ Гуана и отвѣчалъ, что готовъ отпустить ихъ обонхъ, если они доставятъ за себя сколько нибудь сотенъ пистолей. Съ радостью замѣтила я, по невнимательности его, что онъ вовсе не имѣетъ никакихъ подозрѣній, и когда онъ удалился, я подошла къ плѣнникамъ. Ихъ обезоружили; оба они одѣты были въ грубые плащи, но все еще неволью боялась я, чтобы не узнали Короля по его росту и величественному виду. — «Ничего не опасайтесь, герцогиня — сказала мнѣ поспѣшно донъ Гуанъ — мы скоро будемъ свободны; получивъ отъ насъ выкупъ, донъ Родригесъ не откажетъ намъ даже и въ проводникахъ, которые проведутъ насъ сквозь Испанскую армію. Король раненъ легко.» — Меня зацѣпило пулею — сказалъ Король весело — въ первый разъ пришлось мнѣ драться съ Испанцами, и если Богъ поможетъ, не въ послѣдній. Повѣжайте къ донъ Луизѣ, скажите ей, что вы меня видѣли, и пусть она не забудетъ меня въ своихъ молитвахъ.

Ихъ немедленно увели, а я была отведена на ночь въ небольшой лагерь, который поставили Испанцы на берегу рѣки, не смѣя оставаться въ атакаѣ. Они зажгли эту старинную, пагубную для нихъ башню; двери и перекладины въ ней выгорѣли, и остались только пустыя, почернѣлыя стѣны. Я не могла не заплакать, смотря на остатки здація, гдѣ удостои-

лась я видѣть моего Короля, въ бѣдствіи непоколебимаго. На другой день утромъ, мы пустились въ Бадахосъ; я ѣхала верхомъ сзади отряда, и ни какъ не могла видѣться и переговорить съ Королемъ и донъ Гуаномъ, которыхъ везли впереди и окружали со всѣхъ сторонъ. Донъ Родригесъ жестоко страдалъ отъ своей раны, и я не выдала его болѣе послѣ прѣѣзда въ Бадахосъ. Меня отдали монахинямъ, гдѣ началось для меня странное затворничество. Добрыя сестры, въ самомъ-ли дѣлѣ ничего не знаютъ, что дѣлается за стѣнами ихъ монастыря, или притворяются незнающими, но я не могла добиться отъ нихъ ни одного слова — могла-бы подумать, что живу за сто миль отъ Испанскаго двора, если-бы сквозь рѣшетку на хорахъ не видѣла васъ каждый день за обѣдней, вмѣстѣ съ инфантами.

Дона Луиза слушала весь этотъ разсказъ съ сердечнымъ трепетомъ, радовалась и печалилась, но когда Изабелла кончила его, она не могла скрыть своего страха, при мысли о неизвѣстности жребія, которому подвергся теперь донъ Себастьянъ. «Боже мой!» воскликнула она — когда прекратится это мучительное сомнѣніе! Будь жалостливъ къ страдающимъ, и лучше пошли мнѣ скорѣе смерть....

Глазами, наполненными слезъ, осматривала она кругомъ высокія, мрачныя, недоступныя стѣны монастыря, отдѣлявшія ее отъ всего міра, какъ будто въ первый разъ видѣла ихъ теперь. Удрученная тяжкою думою, не зная, на что рѣшиться, что предпринять, она наклонила голову, и казалось, ни на что не обращала болѣе вниманія....

— Король! — вдругъ произнесла Изабелла, испуганнымъ голосомъ — Ваше Высочество, это вѣрно идетъ сюда Король — Ахъ! никогда не видывавши, я тотчасъ узнала его!....

Дона Барбара и все другія дамы вытпцались уже въ это время въ два ряда, при входѣ на лужокъ, какъ будто солдаты. Филиппъ, молча, прошелъ между ними, послѣдуемый только главнымъ камериромъ своимъ графомъ Мора. Взойдя на кладбище, онъ остановился на минуту, мрачно и медленно оглянулся во все стороны; казалось, что онъ боится ступить на эту землю, гдѣ скрывается прахъ столькихъ праведныхъ. Тихо пошелъ послѣ того Король по извилистымъ дорожкамъ между могилами. Онъ былъ одинокъ, мраченъ и молчаливъ, безпрестанно наклонялся и крестился, разбирая надписи на плитахъ, зараставшихъ травой. Графъ Мора остановился при входѣ на кладбище, съ дуэньями, которыя, слѣдуя этикету, стояли неподвижно, какъ будто окаменѣли.

— Никогда еще Король не прихаживалъ сюда — сказала дона Луиза. — Говорятъ, что изъ благочестія боится онъ ступить по этой землѣ, гдѣ похоронены останки инокинь страдалицъ. А мнѣ кажется, потому болѣе, что онъ не хочетъ видѣть такъ близко предметовъ, напоминающихъ суету величія. — Но, что это? *Jesus Maria!* Онъ замѣтилъ насъ и подходитъ сюда!

Дона Луиза и Изабелла встали. Король шелъ тихо, какъ будто никого не видя, но приближаясь, въжливо привѣтствовалъ онъ дону Луизу, приложивъ руку къ своей шляпѣ. Смущенныя, смѣшанныя неожиданнымъ явленіемъ, она и Изабелла низко поклонились. Король знакомъ просилъ ихъ сесть, и сказалъ, указывая на Изабеллу:

— Кто эта дама съ вами, дона Луиза?

«Государь! это герцогиня Аверо — отвѣчала она, удивленная такимъ вопросомъ — позвольте мнѣ благодарить васъ за свиданіе съ нею.

— Она еще очень молода для поддержанія своего знаменитаго титула и управленія столь обширными имѣніями. — Мы выдадимъ ее замужъ за достойнаго такой чести — Испанца — прибавилъ Король, смотря пристально на Изабеллу.

Изабелла поблѣднѣла, и отворотилась съ знакомъ отрицанія, котораго Король, казалось, не замѣчалъ.

— Довольно печальное мѣсто для прогулки — сказалъ онъ — и вы ходите сюда каждый день, дона Луиза?

«Да, Государь. Я люблю бѣдную тѣнь этихъ деревьевъ — хочу взглянуть хоть разъ въ день на свѣтлое небо надъ моею головою, полюбоваться на птичекъ, свободно перелетающихъ черезъ высокія стѣны....

— А! такъ стало вы непривычны къ уединенію? — спросилъ Король, улыбувшись насмѣшливо — по чѣмъ же это уединеніе печальнѣе Бенедиктинскаго монастыря въ Бехъ? Я думалъ иначе — о чемъ вамъ печалиться здѣсь, когда вы и прежде обрекали себя монастырю? — Онъ опять улыбнулся.

«Ахъ! Государь! можете ли вы спрашивать?» печально отвѣчала дона Луиза — «развѣ не знаете вы? Развѣ не просила я васъ со слезами?

— Хорошо. Но я исполнилъ вашу просьбу. Друга, о которой говорили вы, теперь съ вами.

Дона Луиза почтительно наклонила голову, и прижала руку Изабеллы къ груди своей. — «Государь! живо чувствую знакъ вашей милости!» сказала она.

— Право, я думалъ — продолжалъ Король — думалъ, что къ уединенной жизни вы давно привыкли. Въдъ вы были воспитаны въ монастырѣ св. Клары и хотѣли постричься тамъ?

«Правда,» отвѣчала дона Луиза, смущенная воспоминаніемъ прежняго — «и когда по волѣ Божіей

мнѣ надобно было вступить въ свѣтъ, исполненный суеты — не разъ жалѣла я о дняхъ первой юности моей! Да, я тогда была истинно счастлива.. Но монастырь св. Клары не походилъ на эту обитель... Какъ очарователенъ бывалъ тамъ вечеръ подъ тѣнью померанцевъ!.. Какъ милостивы берега Мондего при захожденіи солнца! Сколько разъ, изъ окна моей кельи, цѣлые часы проводила я, смотря на тамошнее прекрасное небо, чудныя воды, свѣжую зелень..

— И теперь, стало быть память дѣтскихъ лѣтъ заставляетъ васъ жалѣть и печалиться о небѣ, водахъ и зелени вашей отчизны? Вы хотѣли бы опять ихъ увидѣть? Это весьма легко сдѣлать.

«Ваше Величество позвольте... Я переступлю за этотъ порогъ... Я выйду изъ этихъ стѣнъ...» вскричала дона Луиза.

Король угрюмо покачалъ головою, и указалъ пальцемъ на четырехугольную башенку, возвышавшуюся надъ монастырскою стѣною. Это строеніе, очевидно Сарацинскаго зодчества, было введено въ монастырскія стѣны, и служило колокольнею Бенедиктинскаго монастыря. Надъ нимъ надстроена была красивая кампанилла (звонаря). Легкій балюстрада замѣнили старинныя Мавританскіе зубцы башни, и высокій позолоченный шпиль съ крестомъ возвышался, какъ будто торжествуя побѣду истинной вѣры надъ исламизмомъ.

Дона Луиза горестно молчала. — «Пойдемъ-те, дона Луиза!» сказалъ ласково Филиппъ — не выходя изъ этихъ стѣнъ, я могу показать вамъ вдругъ два королевства мои...»

По данному знаку, камериръ пошелъ впередъ, и отворилъ двери на башню. Часто хаживалъ туда Король, поднимаясь на самый верхъ по узкой лѣстницѣ, которой конца не было видно. Невольно закры-

чала дона Луиза, когда очутилась на самомъ верху кампаниллы. Великій Боже! волны свѣжаго воздуха, и этотъ свѣтъ солнца на безконечныхъ поляхъ, и свѣтлыя воды рѣки, и зелень полей — какъ все было очаровательно! Почти безъ памяти, дона Луиза склонила голову свою къ плечу Изабеллы, и съ жадностью вдыхала въ себя живительное наслажденіе — она оживала новою жизнію.

Съ возвышенія этого, взоръ пробѣгалъ по безконечному пространству, потопленному въ лучахъ заходящаго солнца, которые отбѣгались только небольшими рошницами, и между ними, по зелени полей вилась бѣлою, серебристою, извивистою лентою Гвадіана, закрываясь легкимъ туманомъ. Подъ самой башни тѣснились мрачныя, искривленныя улицы и переулки Бадахоса, образуя лабиринтъ, который оканчивался вдали зубчатыми стѣнами крепости, высившейся надъ городомъ.

«Не дурна картина?» спросилъ Король, опираясь на балюстрада — «Что вы скажете, дона Луиза? Однимъ взглядомъ можете вы обозрѣть два королевства, перейти за границу и быть въ Португаліи. Но теперь уже цѣтъ границы — все это Испанія, одно королевство, покорное одному скипетру — вы теперь Испанка, дона Луиза!

Она молчала. Въ выраженіи рѣчей Филиппа слышалась какаго-то гордая, торжествующая радость, отъ которой кровь застывала въ жилахъ Португальской Принцессы. Страшно показалось теперь ей это покровительство — удушливы были ласки, которыми окружали ее. Но она не проникала на сей разъ въполнѣ чувствъ стараго Короля, не замѣчала пламенной, неукротимой, внушенной ею страсти. Да, на этомъ суровомъ лицѣ, нѣрѣзанномъ морщинами заботливаго величія, болѣе нежели годами и старостью, ни-

что не выражалось кромѣ угрюмой гордости, и любовь, кипѣвшая въ сердцѣ Филиппа, проявлялась только сверкающими глазами, неподвижно устремленными на юную красавицу.

Дона Луиза оперлась на рѣшетку, и смотрѣла на алказаръ, неровныя башни котораго возвышались на другой сторонѣ города. Кампанилла была равна съ зубчатыми верхами крѣпости, и можно было отсюда различить всю внутренность укрѣпленій, дворъ, гдѣ маневрировали въ то время солдаты, и небольшой садикъ, обставленный толстою стѣною. Между тѣмъ, какъ глаза доны Луизы были устремлены на крѣпость, Король сказалъ ей: «Коммендантъ алказарскій знакомъ вамъ, дона Луиза; капитанъ Родригесъ потерялъ руку въ последнемъ походѣ, не можетъ болѣе служить въ арміи, и я далъ ему мѣсто комменданта Бадахосскаго.»

При сихъ словахъ, принцесса и Изабелла обмѣнялись взглядами. Обѣ поняли, что можетъ быть, отъ самого Короля можно будетъ узнать то, чего никто не могъ сказать имъ.

«Государь! заговорила дона Луиза—имя капитана Родригеса напомнило мнѣ, что я была его плѣнницей, прежде нежели Ваше Величество удостоили взять меня подъ ваше высокое покровительство..... Я боялась тогда раздѣлить жребій другихъ плѣнныхъ, которыхъ вѣдь онъ въ Испанію..... Его суровость».....

— Капитанъ Родригесъ имѣлъ отъ меня личныя повелѣнія сберечь васъ. Безъ того, онъ не посмѣлъ бы быть суровымъ съ особою вашего званія — сказалъ Король, съ такою ласковостію, которая была въ немъ вовсе необыкновенна.....

«А плѣнники, которыхъ, подобно мнѣ, привезли теперь сюда подъ прикрытіемъ капитана Родри-

геса — сказала ободренная дона Луиза—«Ваше Величество удостоили-ль позволеніемъ дать этимъ несчастнымъ плѣнникамъ свободу, за какой-нибудь выкупъ?»

— Плѣнники, взятые въ атака? Если тамъ и попался кто нибудь, то, навѣрное, люди вовсе ничтожные?

«Но храбрость ихъ заслуживаетъ сожалѣніе и пощаду, Государь! Одинъ изъ нихъ назывался донъ Гуанъ де-Мата — другихъ именъ я не знаю..... Капитанъ Родригесъ обѣщалъ просить Ваше Величество, оказать свое благоволеніе къ нимъ, и позволить имъ возвращеніе въ Португаллію, когда они внесутъ за себя выкупъ.....

— Да, я теперь припоминаю — сказалъ Король невнимательно — донъ Санчо д'Авила, точно, говорилъ мнѣ что-то, представляя капитана Родригеса. Ихъ заперли тогда въ крѣпость — нѣкоторые умерли потомъ отъ ранъ, а объ другихъ мнѣ ничего не говорили болѣе....

Глухой вопль вылетѣлъ изъ груди Изабеллы — ни присутствіе Короля, ни страхъ высказать свою тайну, не могли удержать ея отчаянія. Она закрыла лицо руками и слезы потекли изъ глазъ ея. Дона Луиза поблѣднѣла, содрогнулась, но болѣе владела собою, безмолвно прижала къ груди своей печальную подругу, и могла сказать Филиппу: «Простите, Государь! Ваши слова ужаснули ее».....

— Что это значить?—спросилъ холодно Король.— Что за дѣло герцогинѣ Аверо до участи этихъ людей? Развѣ въ числѣ ихъ былъ женихъ ея?

«Не знаю, Государь, но ея слезы показываютъ.....

— А! Это для меня новость! — сказалъ Король съ удивленіемъ. — Стало быть, капитану Родригесу

попались там какіе нибудь знатные Португальцы?

«Нѣтъ, Государь! Имя человека, драгоценнаго Изабеллы, донъ Гуанъ де-Мата—онъ *Африканскій* дворянинъ.....»

— Неравное супружество!—сказала Король сурово. — Герцогиня Аверо забыла, что для ея замужества потребно позволеніе Короля!

«Государь!» сказала доня Луиза, умоляющимъ голосомъ — отвѣчаю за повиновеніе ея повелѣніямъ вашимъ. Но вы изволите видѣть ея горестъ — будьте-же милосерды! По крайней мѣрѣ, позвольте ей знать хотя объ участи того, кого — вѣроятно — она не увидитъ уже болѣе никогда..... Если онъ не умретъ, прикажите возвратитъ ему свободу, вмѣстѣ съ товарищами его плѣна—этой милости прошу я у васъ на колѣняхъ».....

Совершенно изумленный, Филиппъ спѣшилъ поднять ее. Онъ еще ничего не подозрѣвалъ, но ревность уже горѣла въ сердцѣ его, и просьбы доньи Луизы раздражали его противъ тѣхъ, въ комъ брала она участіе съ такимъ жаромъ. Тайную досаду чувствовалъ онъ, видя ее забывшаго всю свою гордость, когда надобно было просить за этихъ незнакомцевъ ей, ее не унижавшуюся, когда она просила за себя и за отца своего. «Она дѣлаетъ за нихъ то, чего не согласилась-бы за себя сдѣлать» думалъ онъ.

Дона Луиза не подозрѣвала, что ея заступленіе губило теперь безъ возврата несчастныхъ плѣнниковъ.

— Ахъ! Государь!—сказала доня Луиза—неужели вы не окажете милости? Неужели голосъ мой все недоступенъ вашему сердцу?..... Ахъ! Я никогда не просила даже такъ усердно Бога, какъ прошу Ваше Величество!

«Вижу» — сказала Король — и его выраженіе сдѣлалось мрачно—«вижу — но это бесполезно.»

Настала минута молчанія. Дона Луиза и подруга ея не смѣли болѣе возвысить голоса, и были неподвижны опершись на балюстрадъ. Солнце закатывалось. Почныя птицы мелькали около башни. Теплый сумракъ смѣнилъ жаркій день. Вдругъ весь городъ заблесталъ огнями; звуки трубъ и клики радости поднялись со всѣхъ сторонъ; съ крѣпости загремяли пушки—это было предпразднество завтрашняго дня.

— Нельзя запретить веселья народу! — угрожомо сказала Филиппъ — а чему они радуются?..... Пойдемъ-те, доня Луиза.

Еще разъ взглянула она кругомъ, какъ будто навсегда прощалась съ землею и съ суетою міра. Сходъ по мрачной лѣстницѣ въ низъ, казалось, ведетъ ее въ могилу.

— Пойдемъ-те, доня Луиза — повторилъ Король, подавая ей руку, чтобы помочь спуститься.

Только лампы, повѣшенныя подъ аркадами монастыря, проливали мерцающій свѣтъ. Погребальное мѣсто прогулки было во мракѣ, и бѣлые камни, разбросанныя по лугу, казались привидѣніями въ саваннахъ. Опустивъ руку доньи Луизы, Король робко поглядѣлъ на кладбище.

— Не боитесь-ли вы, доня Луиза—сказалъ онъ — проходя здѣсь между могилами?

«Нѣтъ, Государь!» отвѣчала она. — «Это напоминаніе о краткости земнаго бытія, о неизбѣжномъ всемогуществѣ смерти, утѣшаетъ меня. Праведныя покоятся здѣсь, и когда на ихъ могилахъ молюсь я о заступленіи, мнѣ кажется, онѣ слышатъ меня — мнѣ легче тогда.»

Дона Луиза остановилась. Высокая и стройная, она казалась неземнымъ привидѣніемъ, стоя во

мракъ монастырскихъ переходовъ, и указывая на фантастическія бѣлыя формы, которыя образовывали по землѣ могилы, когда между тѣмъ вѣтерокъ, шелестя листочками розъ и лавровъ, слышался, будто невнятный голосъ почившихъ на вѣки. Суевѣріе сильно дѣйствовало тогда на живущихъ, и никто не сомнѣвался, что мертвые въ могилахъ не перестаютъ принимать участія въ суетахъ и чувствахъ живыхъ. — Видъ и слова донъ Луизы поразили Короля суевѣрнымъ страхомъ. Онъ поникъ головою передъ этимъ незримымъ могуществомъ смерти, которое не трепетало его власти. Взоръ его поспѣшно отвратился отъ той, которая стояла гордо передъ нимъ, и указывала ему на ничтожество свѣта и величія. Опершись на плечо графа Мора, онъ проговорилъ въ полголоса: «Я построю церковь, въ успокоеніе душъ, почивающихъ здѣсь страдалицъ. Да, сохранить васъ Богъ, донъ Луиза — не забывайте меня въ молитвахъ вашихъ»...

Медленно удалился онъ. Дамы, все еще стоявшія неподвижно въ два ряда, и творившія молитву, окружили поспѣшно принцессу, и просили идти поскорѣе отсюда.

«*Jesus Maria!*» говорила ей донъ Барбора — не будь со мною Лоретской ладонки — я умерла-бы со страха, дожидаясь васъ и Короля? Знаете-ли, Ваша Свѣтлость, что здѣсь по ночамъ слышны стоны? Вѣдь это вопять души проклятыхъ Сарациновъ, которые замучили праведныхъ инокинь»...

На другой день, Филиппъ долго оставался наединѣ съ духовникомъ своимъ. Благочестіе, примѣромъ котораго былъ онъ во всю жизнь свою, не могло укротить въ немъ порывовъ сильныхъ страстей. Страхъ наказанія въ будущей жизни не останавливалъ его неукротимой воли, и онъ всегда утѣшалъ себя тѣмъ,

что грѣхи его выкупаютъ ревность, какую показываетъ онъ къ защитѣ Католической вѣры. Когда тыслич костровъ зажигались по слову его, и на нихъ гибли еретики, и когда великолѣпные храмы воздвигались по его повелѣнію, совесть его успокоивалась, и увлекаемый такимъ предрассудкомъ, онъ совершалъ мрачныя дѣла, которыми затемнена память его для потомства.

Едва удалился духовникъ королевскій, капитанъ Родригесъ вошелъ въ кабинетъ короля, потребованный по его приказанію. Въ первый разъ въ жизни остался онъ одинъ, лицомъ къ лицу, съ своимъ повелителемъ. И этотъ желѣзный воинъ, незнавшій придворной жизни, чувствовалъ, что дрожь пробѣгаетъ по его тѣлу, когда безсчетное число разъ, онъ безстрашно хаживалъ впереди своихъ воиновъ на ряды непріятельскіе...

— Капитанъ! — сказалъ ему Король — я хочу слышать отъ тебя самого, кто были плѣнники, которыхъ захватилъ ты въ своей послѣдней экспедиціи, и какой выкупъ взялъ ты за нихъ?

«Государь!» отвѣчалъ старикъ, жалобнымъ голосомъ — «это была такая добыча, отъ которой я не разбогатѣлъ. Ихъ было четверо, и мнѣ не досталось получить отъ нихъ даже ни одного мараведиса. Двоихъ изъ нихъ, тяжело раненныхъ, лечилъ я на свой счетъ, и они скончались безъ платежа — упокой Богъ души ихъ! Я принужденъ былъ даже отслужить обѣдню за ихъ упокой»...

— Кто такіе они были? — быстро спросилъ его Король.

«Государь! одинъ назывался донъ Альваро да-Акуна, а другой донъ Кривоваль де Меала — оба старые служаки, бывшіе въ Африканскомъ походѣ».

— Но двое остались въ живыхъ? Кто они?

Отвѣта не было.

— Одинъ изъ нихъ донъ Гуанъ де-Мата? Что ты съ нимъ сдѣлалъ?

Капитанъ Родригесъ, совершенно смѣшавшійся, бормоталъ что-то.

— Говоря! — сказалъ грозно Филиппъ.

«Это лицо совсѣмъ неважное... и я... позволилъ ему уѣхать...»

— Безъ всякаго выкупа?

«Нѣтъ, Государь! этого не осмѣлился-бы я сдѣлать безъ вашего позволенія. Напротивъ, я отпустилъ его за выкупомъ, и онъ обѣщалъ привести его за себя, и за своего товарища, давши мнѣ честное слово воротиться черезъ сорокъ дней. Другой плѣнникъ находится въ рукахъ моихъ, и отвѣчаетъ мнѣ за донъ Гуана де-Мата.»

— Кто онъ?

«Государь! это молодой и храбрый воинъ, и какъ мнѣ кажется, плохо награжденный счастьемъ. Онъ былъ жестоко израненъ, и долго думалъ я, что деньги за выкупъ его придется мнѣ употребить на его похороны. У него весьма благородное обхожденіе, но повсему видно, что онъ не богачъ. Онъ ни съ кѣмъ почти не говоритъ, и почти безпрестанно сочиняетъ и поетъ стихи...»

— Какой-нибудь придворный рифмоплетъ! — сказалъ Король презрительно.

— Но его имя? — прибавлялъ онъ.

Капитанъ Родригесъ промолчалъ нѣсколько мгновений, не отвѣчая на этотъ самый обыкновенный вопросъ, и Король оборотился къ нему съ грознымъ и недоумчивымъ видомъ —

— Я спрашиваю у тебя его имя? — сказалъ онъ?

«Государь!» добродушно отвѣчалъ капитанъ — «я не знаю. Когда, по обыкновенію, сталъ я у него

спрашивать, подъ присягою, объ его имени, титулѣ, званіи, онъ отказался отвѣчать, и боясь, чтобы онъ не солгалъ, и тѣмъ не навелъ на душу мою грѣха, я не спрашивалъ у него болѣе.

— Какъ-же хотѣлъ ты его потомъ отпустить? Вотъ довольно странное великодушіе — сказалъ Филиппъ съ насмѣшкой — отпустить человѣка, даже не зналъ, кто онъ! Если бы ты это исполнилъ, и такой поступокъ былъ-бы доведенъ до нашего свѣдѣнія, ты... ты едва ли удержишь-бы голову твою на плечахъ, капитанъ Родригесъ!..

«Государь!» воскликнулъ Родригесъ, сложа руки, и готовый упасть въ ноги Королю — простите вину мою!»

Недовѣрчивость и ревность, заставившія Филиппа войти въ такія подробности, и такъ напугать бѣднаго Родригеса, не остановились здѣсь! Онъ не могъ простить несчастнымъ плѣнникамъ, свободу которыхъ со слезами вымалывала донъ Луиза. Онъ завидовалъ, ревновалъ этому живому участию, этому воспоминанію, которое хранила она, знаяши ихъ, можетъ быть, нѣкогда во времена болѣе для нея счастливыя — и ни какое другое чувство, ни какое великодушіе, ни какая справедливость не приходили ему въ голову — все гнѣло въ темномъ чувствѣ подозрѣнія, въ досадѣ жестокой и безчеловѣчной...

— Капитанъ Родригесъ! слушайте — сказалъ онъ, голосомъ повелительнымъ, которому никогда еще и никто не смѣлъ не повиноваться — эти плѣнники — они бунтовщики, они враги вашего короля — они взяты были съ оружіемъ въ рукахъ, на землѣ, уже покоренной нашему скипетру. Обыкновенные законы войны не могутъ имѣть здѣсь мѣста! Ихъ надобно почитать врагами вашего короля и вашего отечества. Мы даруемъ имъ жизнь, но свобода...

они никогда не будутъ имѣть ее! Понимаете-ли вы, капитанъ Родригесъ? Сослать ихъ на галеры въ Цейту, или въ рудники Новаго Свѣта — такова наша воля, и мы поручаемъ исполнить ее вамъ безъ малѣйшаго отлагательства. Идите и донесите мнѣ немедленно!»

Черезъ нѣсколько часовъ, отъ капитана Родригеса явился посланный съ слѣдующимъ письмомъ:

«Государь!

Плѣнникъ, котораго я подъ присягою спрашивалъ объ его имени, объявивши ему, что онъ долженъ быть закованъ въ желѣзы и немедленно посланъ въ рудники, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими преступниками, поклонялся мнѣ именемъ Божіимъ, что онъ донъ Себастьянъ, король Португальскій.

Ожидая повелѣній Вашего Величества.»

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

III.

НАУКИ И ИСКУССТВА.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ ПУТЕШЕСТВІЙ ПО ЛЕДОВИТОМУ ОКЕАНУ, МЕЖДУ КАРСКИМЪ МОРЕМЪ И БЕРИНГОВЫМЪ ПРОЛИВОМЪ, ДО 1820 ГОДА *.

Обширное пространство Земнаго Шара, заключающееся между Вѣлымъ Моремъ и Беринговымъ Проливомъ, почти на 145° долготы, по матерому берегу сѣверной Европы и Сибири, открыто и описано Россіянами. Всѣ покушенія мореплавателей другихъ народовъ, проникнуть Ледовитымъ Моремъ изъ Европы въ Китай, или изъ Великаго Океана въ Атлантическій, ограничены на западъ Карскимъ Моремъ, на востокъ меридіаномъ Мыса Сѣвернаго; непреодолимыя препятствія, останавливавшія иностранцевъ въ дальнѣйшемъ плаваніи, преодолены наши-

* Мы говорили уже о приготовляемомъ къ изданію описаніи путешествія по берегамъ Ледовитаго Моря, которое совершилъ въ 1820. 1824 гг., знаменитый странствователь нашъ, Ф. П. Врангель. По просьбѣ нашей — ознакомить предварительно читателей съ его трудомъ черезъ нашъ журналъ, почтенный авторъ позволилъ намъ помѣстить предлагаемую здѣсь любопытную статью: она составляетъ введенье въ путешествіе г-на Врангеля, и можетъ ознакомить съ предметомъ, которому путешествіе г-на Врангеля составило важнѣйшее дополненіе.

Т. IV. — Отд. III.

ми мореходцами; они болѣе привыкли къ суровости климата, и пользовались всѣми средствами, которыя представляла имъ смежность съ Россією Сибири, уже покоренной.

Въ первыя времена таковыхъ предпріятій, соотечественники наши были побуждаемы къ симъ многотруднымъ путешествіямъ надеждою на прибыльную торговлю съ прибрежными жителями страны, обильной драгоценною рухлядью. Въ послѣдствіи, съ одобренія правительства, военно-служащіе отправлялись на кочахъ вдоль морскаго берега, и сухопутно къ устьямъ большихъ рѣкъ, въ море впадающихъ; цѣль ихъ предпріятій состояла въ томъ, чтобы покорить жителей сихъ странъ, и собрать съ нихъ подать (называемую ясакъ) звѣринными кожами; потомъ правительство неоднократно отправляло разные отряды, для того токмо, чтобы описать берега уже извѣстные и искать новыхъ.

Желая представить обзоръ послѣдовательнаго открытія и описей береговъ Ледовитаго Моря, отъ Карскаго Моря до Берингова Пролива, я не буду описывать неудачнаго плаванія Англичанъ Пета и Джакмана, въ 1580 году, блуждавшихъ по Карскому морю среди льдовъ, безъ пользы для географіи того края; въ 1594-мъ году плаванія адмирала Нал, который полагалъ, что находится при устьѣ рѣки Оби, когда былъ въ губѣ Мутной, въ Карскомъ Морѣ; въ 1595 году, плаванія семи судовъ, подъ начальствомъ того же Нал, еще съ меньшимъ успѣхомъ, нежели въ первомъ путешествіи; въ 1625-мъ году, покушенія Босмана, остановленнаго льдами почти при самомъ вступленіи въ Карское Море. Этими предпріятіями весьма мало пріобрѣтено свѣдѣній о Карскомъ Морѣ, и даже самыя предѣлы онаго остались неописанными.

Въ то время берега отъ Бѣлаго Моря до рѣки Оби были уже извѣстны Россіянамъ. Ладьи ихъ (въ послѣдней половинѣ XVI столѣтія) ходили изъ Бѣлаго моря и рѣки Печоры, черезъ Карское Море, до рѣкъ Оби и Енисея. Иногда они совершали этотъ путь моремъ, но обыкновенно перетаскивали суда чрезъ волокъ между Карскимъ Моремъ и Обскою Губою; входили въ рѣку Мутную, впадающую въ Карское Море; поднимались вверхъ по сей рѣкѣ бичевою 8-мъ сутокъ, и достигали двухъ озеръ, въ окружности отъ 10-ти до 12-ти миль. Тамъ выгружали свои суда, и перетаскивали черезъ перешеекъ, шириною около 200 сажень, въ озеро, называемое Зеленымъ, изъ котораго течетъ въ Обскую Губу рѣка Зеленая. Этою рѣкою достигали рѣки Оби. Плаваніе изъ Архангельска къ Оби моремъ продолжалось отъ 3-хъ до 4-хъ недѣль изъ Оби; въ Енисей 2, или 3 недѣли *.

Сибирская лѣтопись сохранила извѣстіе о первомъ сборѣ ясака съ Енисейскихъ Самоѣдовъ въ 1598-мъ году, по повелѣнію Царя Феодора Иоанновича, отправленнымъ нарочно для сего изъ Тобольска Феодоромъ Дьяковымъ. Для надежнѣйшаго распространенія и утвержденія въ Сибири Россійскихъ владѣній, заложенъ въ 1600 году, при Борисѣ Феодоровичѣ Годуновѣ, въ землѣ Самоѣдской, на рѣкѣ Тазѣ, новый городъ Мангазея, перенесенный въ послѣдствіи на рѣку Туруханку, гдѣ въ 1607 году казаки неутомимые въ собираніи ясака съ кочевавшихъ Самоѣдовъ, Остяковъ и Тунгусовъ, построили зимовье, названное по имени рѣки Туруханскимъ. Туруханкою казаки вошли въ Енисей, и въ 1610-мъ году, достигнувъ устья сей знаменитой рѣки, до-

* Четырехкратное путешествіе капитанъ-лейтенанта Литке, часть I стр. 46.

ставили первыя подробныя объ ней извѣстія, послѣдствіемъ которыхъ было новое предпріятіе.

Въ томъ же году составилось въ Мангазей общество изъ купцовъ и промышленниковъ, и съ двоякою цѣлью открытій и торговли отправились они сухопутно въ зимовье Туруханскъ, гдѣ построивъ кочи *, пошли внизъ по рѣкамъ къ устью Енисей, и чрезъ четыре недѣли увидѣли Ледовитое, или, какъ тогда называли, *Студеное Море*; здѣсь встрѣтили столько льду, что должны были стоять пять недѣль на мѣстѣ, доколѣ южный вѣтръ, разогнавъ льды, открылъ возможность выйти въ море. Извѣстно, что они достигли устья р. Пясида **, но о дальнѣйшихъ успѣхахъ сего предпріятія нѣтъ ни какихъ свѣдѣній.

Направленіе рѣкъ Тунгуски и Вилюя, которыя имѣютъ вершины свои на одномъ хребтѣ, и вливаются, первая въ Енисей, послѣдняя въ Лену, привело казаковъ города Енисейска, въ 1630 году, къ важному открытію величественной рѣки Лены.

Двѣтальнымъ Сибирскимъ воеводамъ и предпримчивымъ исполнителямъ ихъ воли, казакамъ, движимымъ и славолюбіемъ и корыстію, сіе новое обрѣтеніе было поводомъ къ овладѣнію дальнѣйшими странами Сибири.

Въ 1636-мъ году отправленъ изъ Енисейска на Лену, казацкій десятникъ, Елисей Буза, съ повелѣніемъ осмотрѣть всѣ рѣки, въ Ледовитое Море впадающія, и наложить ясакъ на прибрежныхъ жите-

* Кочи, суда плоскодонныя, въ длину около 12-ти сажень, соразмѣрной ширины, съ одною палубою, ходили греблемю, и подъ парусами при попутномъ вѣтрѣ.

** Эта рѣка достопамятна тѣмъ, что нѣкогда вся низовая страна р. Енисей называлась ея именемъ. Слово *Пясида*, на Самоѣдскомъ языкѣ, означаетъ ровную, безълупую землю, тундру.—Смолтр. *Сибирскій Вѣстникъ* на 1821-й годъ.

лей. Буза, съ десятью казаками, остался зимовать въ Олекминскомъ острогѣ; пригласилъ къ себѣ 40 человѣкъ промышленниковъ, или, какъ ихъ въ Сибири называютъ, *промышленныхъ*; вмѣстѣ съ ними, по наступленіи весны, отправился въ путь, и въ двѣ недѣли достигъ западнаго устья Лены, откуда въ однѣ сутки, Ледовитымъ Моремъ, пришелъ къ устью рѣки Олснека, и продолжалъ путь вверхъ по сей рѣкѣ, зимоваль у Тунгусовъ, съ которыхъ собралъ ясакъ. Весною Буза пустился съ своимъ отрядомъ къ рѣкѣ Ленѣ, и вышелъ на оную при устьѣ рѣчки Молоды. Оттуда, на двухъ построенныхъ имъ кочахъ, предпринялъ путь къ Ледовитому Морю; вошелъ въ оное, по десятидневномъ плаваніи, черезъ пять дней достигъ устья рѣки Яны. Слѣдуя вверхъ этою рѣкою, по трехъ-дневномъ плаваніи, встрѣтилъ Якутовъ, съ которыхъ собралъ богатый ясакъ.

На Янѣ, Буза построилъ четыре коча, и въ слѣдующемъ 1639 году, пошелъ внизъ по рѣкѣ; восточнымъ рукавомъ достигъ къ устью узкаго протока, втекающаго въ Ледовитое Море; близъ сего мѣста, у впадающей въ море рѣки Чендоны, нашелъ Юкагировъ, жившихъ въ землянкахъ, собралъ съ нихъ ясакъ, и пробылъ въ сихъ мѣстахъ до 1642 года.

Въ то же время, когда Буза, въ 1638 году, вошелъ съ моря въ рѣку Яну, нѣкто Постникъ Ивановъ открылъ съ горной стороны рѣку Индигирку, побѣдилъ жившихъ близъ оной Юкагировъ, основалъ зимовье, и оставилъ въ семь мѣстѣ 16-тъ казаковъ; они построили два коча, по Индигиркѣ вышли въ Ледовитое Море, и простирая оннымъ путь далѣе, доставили первыя свѣдѣнія о рѣкѣ Алазѣ.

Не извѣстно, какимъ путемъ и кѣмъ открыта рѣ-

ка Кольма. Сибирская исторія упоминаетъ въ первый разъ объ этой рѣкѣ въ 1644 году, когда Якутскій казакъ Михайло Стадухинъ, на львомъ ея берегу, около ста верстъ отъ устья, основалъ Нижне-Кольмское зимовье, переименованное послѣ острога. Стадухинъ доставилъ извѣстіе о воинственномъ Чукоцкомъ народѣ, и объ одномъ *большомъ островѣ* на Ледовитомъ Морѣ. Какая-то женщина сказывала ему, что противъ рѣкѣ Яны и Кольмы находится островъ, усматриваемый съ матерга берега, и что Чукчи, съ рѣки Чукочей (впадающей въ Ледовитое Море къ западу отъ Кольмы), зимою въ одинъ день провѣзжаютъ на оленяхъ на этотъ островъ, гдѣ промышляютъ моржей, возвращаясь съ добытыми моржевими головами и клыками. Стадухинъ также слышалъ о большой рѣкѣ *Погвиа*, или *Ковиа*, будто-бы впадающей въ Ледовитое Море къ востоку отъ Кольмы, на три дня плаванія, при благополучномъ вѣтрѣ.

Послѣдовавшія путешествія, частью опровергли сказанія этой женщины; островъ, который описывали Стадухину обширнѣйшимъ, является на нашихъ картахъ маленькимъ *Крестовскимъ* Островомъ, въ купѣ Медвѣжьихъ Острововъ; онъ видѣнъ съ матерга берега въ ясную погоду, и жители рѣки Большой Чукочей доѣзжаютъ до него въ одинъ день.

Первое плаваніе по Ледовитому Морю къ востоку отъ Кольмы предпринято въ 1646 году, обществомъ промышленниковъ, подъ предводительствомъ Исаи Игнатьева, родомъ изъ Мезени. Мореходцы нашли море покрытое льдомъ, а между онымъ и матерымъ берегомъ свободную отъ льдинъ полосу, по которой продолжали путь двое сутокъ сряду. Вошедъ въ губу, окруженную двумя скалами матерга, увидѣли на берегу Чукчей, и вымѣтили у

нихъ нѣсколько моржевыхъ зубовъ. Довольствуясь открытіемъ этой новой промышленности, и, можетъ быть не довѣря Чукчамъ, коихъ языкъ былъ имъ совершенно чуждъ, они возвратились на Кольму. Изъ сего поверхностнаго описанія мы не видимъ, до котораго именно мѣста доходилъ Игнатьевъ; однако жъ, судя по времени плаванія, онъ могъ быть въ губѣ Чаунь, въ заливцѣ противъ острова Араутана, гдѣ берегъ дѣйствительно гористъ.

Казакамъ и промышленникамъ, недавно зашедшимъ во вновь покоренную ими страну, но привыкшимъ къ трудностямъ кочевой жизни, довольно было услышать о народѣ въ ихъ соседствѣ, еще независимомъ и богатомъ моржевими зубомъ, чтобы побудиться къ предпринятію поисковъ въ неизвѣстныхъ мѣстахъ, открывавшія новое поле неутомимой дѣятельности. Составилось общество промышленниковъ, къ коимъ присоединился Московскаго купца гостиной сотни Алексѣя Усова прикащикъ, Федотъ Алексѣевъ Колмогорцевъ, и по просьбѣ его, государевъ въ Нижне-Кольмскѣ прикащикъ далъ имъ служащаго казака, для соблюденія въ предпринимаемомъ путешествіи пользы казенной. Этотъ казакъ былъ Семень Ивановъ сынъ Дежневъ, вызвавшійся сотовариществовать Колмогорцеву,—тотъ самый, который въ послѣдствіи обошелъ сѣверовосточную оконечность Азіи.

Въ Іюнѣ 1647 года, съ устья Кольмы, на чetyрехъ кочахъ, отправились они въ море; предположили отыскать рѣку *Анадьръ*, о которой слышали, будто она впадаетъ въ Ледовитое Море; но, по множеству льдовъ на пути, возвратились безъ всякаго успѣха.

Извѣстія, доставленныя въ Якутскъ основателемъ Нижне-Кольмскаго острога, казакомъ Михайломъ

Стадухинимъ, объ островъ на Ледовитомъ Морѣ, и о рѣкѣ Погычь, какъ выше упомянуто, подали поводъ къ отправленію этого казака вторично на Колыму, съ повелѣніемъ отыскать рѣку, и привести въ подданство прибрежныхъ жителей. Стадухинъ, отправясь изъ Якутска въ Іюнь 1647 года, зимовалъ при рѣкѣ Янѣ, и въ исходѣ зимы 1648 года переѣхалъ на нартахъ къ Индигиркѣ, гдѣ построилъ кочь, на которомъ вошелъ въ Колыму.

Въ 1649 году, Стадухинъ, на двухъ кочахъ, пошелъ изъ Колымы для отысканія рѣки Погыча; одинъ кочь разбило при самомъ выходѣ въ море. Продолжая путь семь сутокъ подъ парусомъ, и не видя никакой новой рѣки, присталъ онъ къ берегу, и послалъ людей своихъ узнать объ оной отъ жителей, но и они ничего не знали. Берегъ состоялъ изъ крутого каменнаго утеса, такъ, что не было возможности ловить рыбу, и путешественники, крайне нуждаясь въ съѣстныхъ припасахъ, принуждены были возвратиться, и ничего не приобрѣли, кромѣ малаго числа моржевыхъ зубовъ. Невозможно опредѣлить, до какого мѣста Стадухинъ доходилъ, но весьма вѣроятно, что въ семь сутокъ, хотя и не непрерывнаго плаванія, онъ далеко прошелъ Шелагскій Мысъ, восточнѣе коего берега, большею частію, утесистые, что согласно съ описаніемъ Стадухина.

Неудача перваго покушенія Дежнева, и его спутниковъ, ни сколько не охладила ихъ рвенія; напротивъ число охотниковъ умножилось до того, что на другой же годъ по возвращеніи Дежнева изъ перваго путешествія, т. е. въ 1648 году, снарядили семь кочей *, для отысканія рѣки Анадыра. Неиз-

* Хотя Борней (Burney's Chronological History of North Eastern Voyages, p. 64) не рѣшается назвать Дежнева судовъ кочами, не находитъ сего наименованія въ выпискѣ Кокса, изъ подлинныхъ описей Деж-

вѣстно, что случилось съ четырьмя кочами **; на остальныхъ трехъ кочахъ были начальниками Семень Дежневъ и Герасимъ Анкудиновъ, а пять промышленниками, вышеупомянутый, Федотъ Алексѣевъ.

Дежневъ былъ столько увѣренъ въ успѣхъ, что обѣщавъ привести съ рѣки Анадыра семь сороковъ соболей, «сие золотое руно того времени,» сказано въ Сибирскомъ Вѣстникѣ, «котораго помогали не только казаки и промышленники, но многие изъ людей высшаго состоянія, и для того единственно, оставляя всѣ выгоды службы, родства, удовольствій жизни въ изобиліи, стремились изъ Россіи въ Сибирь, отдаленную и дикую тогда страну.» Къ чести нашихъ соотечественниковъ прибавить можно, что жадность корысти, побуждая ихъ на отвязныя предпріятія, не ознаменовывалась такими безчеловѣчными поступками, какъ ненасытная алчность къ золоту Испанцевъ въ Перу и Мексикѣ. Надежды Дежнева исполнились, но не такъ лег-

нева (Coxes Account of the Russian Discoveries, p. 378, и выводитъ слово *kotch* отъ Англійскаго *ketch*, мореходное судно, отличающееся вооруженіемъ; однакожъ я думаю, что не отступило отъ истины, называя кочами всѣ суда, на коихъ Сибирскіе наши мореходцы въ то время ходили вдоль береговъ Ледовитаго Моря, ибо Фишеръ, въ Сибирской Исторіи, стр. 373, въ замѣчаніи говоритъ: «кочи не необходимо должны быть объявленной величины (12 сажень въ длину); довольно того, когда они видъ судна имѣютъ.»

** Борней, въ Chronological History, стр. 63, говоритъ, что 4 коча разбились на острову къ сѣверу отъ Колымы, и что люди съ нихъ спаслись. Я не знаю, откуда онъ взялъ это свидѣніе. Въ Хронологической исторіи г. Берха, часть I стр. 89, сочинитель, сообщая читателямъ сказку о бородачьихъ людяхъ, живущихъ будто бы въ Америкѣ, при рѣкѣ Хесуверенъ, говоритъ, что извѣстіе сие послѣдовало отъ того, что 4 коча, бывшіе съ Дежневыми, пропали безъ вѣсти. Въ Сибирскомъ вѣстникѣ, на 1821-й годъ, сказано, что островъ Котельный (противъ рѣки Яны) населенъ такими бородачьими людьми, но никакъ извѣстно, что островъ этотъ обитаемъ, да и весьма невѣроятно, что бы упоминаемые 4 коча туда занесли.

ко и скоро, какъ онъ сперва предполагалъ. Въ Юнѣ мѣсяцѣ, 1648 года, отправился онъ въ путь, не предвидя, сколько предстояло препятствій, и не помышляя, что весьма долгое время послѣ не будетъ подобнаго плаванія. Дежневу и его отважнымъ спутникамъ исключительно принадлежитъ честь совершенія морскаго пути изъ Колымы въ Сѣверный Великій Океанъ.

Сожалнія достойно, что не всѣ происшествія этого знаменитаго предпріятія описаны. — Дежневъ, въ донесеніяхъ въ Якутскъ, мало упоминаетъ о томъ, что съ нимъ случилось на морѣ; онъ ни слова не говоритъ о препятствіяхъ отъ льдовъ, которыхъ вѣроятно, и не встрѣчалъ, ибо въ другомъ мѣстѣ напоминаетъ, что море не всегда бываетъ отъ нихъ такъ свободно. Повѣствованіе свое начинаетъ отъ большаго Чукотскаго Носа. Этотъ мысъ, по замѣчанію Дежнева, состоитъ весь изъ камня, находится между сѣверомъ и сѣверовостокомъ, и поворачивается кругомъ, къ сторонѣ рѣки Анадыра. На Русской, т. е. западной сторонѣ Чукотскаго Носа, втекаетъ въ море рѣчка *Становое*, близъ которой Чукчи устроили родъ башни изъ китовыхъ костей. Противъ самаго мыса лежатъ два острова, на коихъ видѣли Чукчей, съ прорѣзанными губами и продѣтыми въ нихъ кусками моржевыхъ зубовъ. Отъ мыса къ рѣкѣ Анадыру попутнымъ вѣтромъ можно достигнуть въ трое сутокъ, и въ такое же время дойти сухимъ путемъ; первый мысъ отъ Колымы не Чукотскій, а тотъ, который названъ *Сялтмыль*, и для Дежнева особеннаго примѣчанія былъ достоинъ потому, что кочъ Анкудинова на этомъ мѣстѣ разбился, и нѣсколько жителей взято въ плѣнь, когда они гребли на своихъ лодкахъ.

Въ краткомъ, весьма недостаточномъ описаніи

плаванія Дежнева, не упомянуто ни о губѣ Чауна, ни о Колочинскомъ Островѣ, ни о другихъ примѣтныхъ мѣстахъ, которыя должны быть усмотрѣны на пути изъ Колымы до Берингова Пролива; однако-жь описаніе большаго Чукотскаго Носа, его заворотъ къ сторонѣ рѣки Анадыра, близость двухъ острововъ, дикари съ прорѣзанными губами, и продѣтыми въ нихъ кусками изъ моржевыхъ зубовъ, все это служить доказательствомъ, что Дежневъ говоритъ о восточной оконечности Азіи, и что онъ первый прошелъ черезъ проливъ, до котораго 80-тъ лѣтъ послѣ него достигъ мореплаватель нашъ Берингъ, коему приписана честь обрѣтенія этого пролива, и разрѣшенія вопроса о несоединеніи Азіи съ Америкою.

Мысъ, названный Дежневымъ *Сялтой Носъ*, конечно тотъ, который нынѣ называютъ Шелагскимъ Мысомъ, ибо отъ Колымы къ востоку этотъ мысъ наиболее примѣтенъ по отличительной высотѣ и протяженію.

Борней *, стараясь доказать вѣроятіе соединенія Азіи и Америки, посредствомъ воображаемаго имъ перешейка около Шелагскаго Мыса, прибѣгаетъ къ различнымъ страннымъ предположеніямъ, а именно, что Дежневъ шелъ не на кочѣ, а въ *шитикъ* **, который расшивали на одной сторонѣ перешейка, и по переносѣ составныхъ частей на другую сторону, сшивали. Такимъ образомъ Дежневъ могъ и

* Burney's Chronol. Hist. p. 69.

** Шитиками въ Сибири называютъ довольно большія лодки, у коихъ низъ выдолбленъ изъ одного дерева, а къ бокамъ пришиты доски изъ прутьевъ. Такая постройка трудна, ибо прутья должны парить, чтобы доставить имъ нужную гибкость, и Борней обманывается, говоря о шитикахъ: it was customary to construct vessels in a manner that admitte of their being with ease taken to pieces, by which they could be carried across the ice to the outer edge, and there loc put together again, p. 69.

вовсе не обгибать Шелагскаго Мыса. Борней въ доказательство приводитъ путешествіе Тараса Стадухина изъ Колымы въ Камчатку, который, будучи не въ состояніи обойти большой Чукотскій Носъ, оставилъ свое судно, перешелъ пѣшкомъ чрезъ узкій перешеекъ на другую сторону, гдѣ построилъ себѣ судно. — При нынѣшнихъ свѣдѣніяхъ о берегахъ Чукотской земли, съ большею вѣроятностію, полагаютъ можно, что Тарасъ Стадухинъ прошелъ поперекъ сей земли тамъ, гдѣ Заливъ Колочинскій, вдавался далеко внутрь, весьма сближается съ вершиною губы св. Креста, образуя довольно узкій перешеекъ, соединяющій гористый полуостровъ съ западною частью Чукотской земли. Какъ нынѣ извѣстно, что къ сѣверу весь берегъ Сибири омывается моремъ, то мы не имѣемъ никакого права оспаривать у Дежнева чести совершенія морскаго пути изъ Колымы въ Анадырь, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ намѣреніе изъ Анадыря въ Колыму прійти моремъ.

Обратимся къ Дежневу и его спутникамъ. Люди, бывшіе на разбившемся у восточной оконечности Азіи кочѣ Герасима Анкудинова, перебрались на остальные два коча Семена Дежнева и Ѳедота Алексѣева. 20-го Сентября на берегу дрались съ Чукчами, и Ѳедотъ Алексѣевъ былъ раненъ. Вскорѣ послѣ того буря разлучила оба коча, и они уже болѣе не соединились. — Кочъ Дежнева долго несло крѣпкими вѣтрами по морю; наконецъ, въ Октябрѣ мѣсяцѣ выбросило на берегъ, въ немаломъ разстояніи къ югу отъ рѣки Анадыря, и вѣроятно, близъ губы Олюторской. Что случилось съ Ѳедотомъ Алексѣевымъ и его товарищами, увидимъ ниже.

Дежневъ, съ бывшими при немъ 25-ю человѣками, немедленно отправился пѣшкомъ, для провѣданія

рѣки Анадыря, отнюдь не отчаяваясь достигнуть предполагаемой цѣли. Безъ проводника пришелъ онъ, не прежде какъ чрезъ десять недѣль, къ устью рѣки, въ землю безлѣсную и необитаемую. Лишенные всѣхъ средствъ искать себѣ пропитанія, не имѣя рыболовныхъ снарядовъ и не находя дикихъ звѣрей, укрывающихся въ лѣсахъ, путешественники наши рѣшились отправить вверхъ по Анадырю 12-ть человѣкъ, которые блуждали 20-ть дней, и не находя ни людей, ни пищи, большею частію отъ голода и изнеможенія умерли; достальныя принуждены были возвратиться къ стану Дежнева.

Слѣдующаго лѣта, 1649 года, Дежневъ съ товарищами пошелъ * вверхъ рѣкою, и былъ такъ счастливъ, что встрѣтился съ малочисленнымъ полковніемъ жителей сихъ мѣстъ, называвшимся *Анаулани*, которые заплатили ему первый ясакъ, но въ послѣдствіи, за оказанную ими непокорность, были совершенно истреблены. Дежневъ основалъ Анадырскій острогъ, въ видѣ обыкновеннаго зимовья, не переставая заботиться, какъ бы перейти на Колыму, или послать о себѣ увѣдомленіе.

Между тѣмъ промышленники на Колымѣ не оставались праздными. Вскорѣ послѣ неудачнаго покушенія Михайла Стадухина къ отысканію рѣки Погыча, узнали, что названіе оной Анадырь; что устья не по сѣверному берегу Чукотской земли искать должно, и что кратчайшій путь туда лежитъ по горамъ, чрезъ которыя провести ихъ взялись плѣнные *Ходынцы*, народъ, покоренный казаками въ 1650 году, въ верховьяхъ рѣки Анюя.

Составилось общество охотниковъ изъ казаковъ и

* Должно полагать, что они построили себѣ лодку, или дѣл (ихъ было почти 20-ть человѣкъ), изъ выкиднаго лѣса, котораго въ Сибири около устьевъ рѣкъ всегда множество.

промышленниковъ, получившихъ дозволеніе птти къ Анадыру, и объясачить тамошніе народы. Въ 1650 году, Марта 23-го, Семень Мотора, предводитель сихъ охотниковъ, взялъ на Анюѡ одного старшину изъ Ходынцевъ, выступилъ въ путь, и Апрѣля 23-го соединился на Анадырѣ съ Дежневымъ, къ обоюдному удивленію. Михайло Стадухинъ * пошелъ въ слѣдъ за Моторой, провелъ семь недѣль въ пути, обошелъ стороною зимовье Дежнева, и дѣйствовалъ отъ него отдѣльно. Дежневъ и Мотора, стараясь избѣжать неудовольствій съ завистливымъ Стадухинымъ, готовились перейти къ рѣкѣ Пенжинѣ, но вмѣсто ихъ пошелъ туда Стадухинъ, о которомъ не получено никакихъ извѣстій.

Дежневъ и Мотора не оставались въ бездѣйствіи. Они построили суда, на коихъ намѣревались дѣлать новые поиски. Хотя въ одномъ изъ сраженій съ Анаулами, въ исходѣ 1651 года, Мотора былъ убитъ, Дежневъ не унывалъ, и лѣтомъ 1652 года пошелъ внизъ рѣки къ ея устью, и на сѣверной сторонѣ открылъ отмель, ** на которой собирались обыкновенно моржи, въ великомъ множествѣ. Добывъ нѣсколько моржевыхъ зубовъ, возвратился онъ въ зимовье, почтита свое приобрѣтеніе достаточною наградою за всѣ перенесенныя имъ труды.

Въ 1653 году, Дежневъ готовилъ лѣсу для построенія коча, на которомъ предполагалъ отправить въ Якутскъ моремъ собранный имъ ясакъ; но недостатокъ въ прочихъ необходимыхъ потребностяхъ, и извѣстіе, что берега Чукотской земли не всякое лѣто бываютъ такъ чисты отъ льдовъ, какъ во время его плаванія въ 1648 году, понудили его оставить свое намѣреніе.

* Въ Сибирскомъ Вѣстникѣ ошибочно сказано, что Стадухинъ отправился моремъ.

** *Корса* въ Сибирскомъ нарѣчій.

Въ слѣдующемъ году, Дежневъ предпринялъ вторичное путешествіе къ вышеупомянутой мели, на которой было много моржей; взялъ съ собою казака Юшку Селиверстова, недавно прибывшаго изъ Якутска, съ предписаніемъ, въ пользу казны промышленлять моржевые зубы. Селиверстовъ утверждалъ, что онъ и Стадухинъ открыли сію мель, названную «Анадырскою коргою,» будто-бы ими найденною въ первое морское путешествіе съ Михайломъ Стадухинымъ (въ 1649 году), но Дежневъ доказывалъ противное. Возникшему отъ того между ними несогласію, обязаны мы извѣстіемъ о знаменитомъ плаваніи Дежнева. Опровергая утвержденія Селиверстова, онъ приводитъ въ донесеніяхъ къ Якутскому воеводѣ, разныя обстоятельства своего путешествія, которые, въ 1736 году, собраны Миллеромъ изъ подлинныхъ бумагъ Якутскаго архива.

Дежневъ, продолжая плаваніе къ Коргѣ, держался берега, видѣлъ Коряковъ, и между ними узналъ Якутку, жившую прежде съ Ѳедотомъ Алексѣевымъ, она сказала ему, что Ѳедотъ и Герасимъ (Анкудиновы) отъ цыгги умерли, многіе изъ ихъ товарищей убиты, а малое число спаслось на лодкахъ, но куда, и что съ ними случилось, она не знала. — Въ послѣдствіи открылось, что они достигли рѣки Камчатки, гдѣ живши нѣкоторое время въ великомъ уваженіи у Камчадаловъ, были наконецъ жертвами собственныхъ раздоровъ, подавшихъ Корякамъ и Камчадаламъ случай ихъ убить.

Послѣ его нѣтъ дальнѣйшихъ свѣдѣній о Дежневѣ, который провелъ 6-ть лѣтъ (съ 1648 по 1654 включительно) въ неутомимой дѣятельности, среди дикаго народа, въ странѣ, имъ открытой, и частью покоренной. Возвратился ли онъ въ свою отчину,

или сдѣлался жертвою своей смѣлости, этого не находимъ въ сочиненіи историографа Миллера.

Какимъ великимъ опасностямъ подвергались про-
стиравшіе плаваніе по Ледовитому Морю, читатели усмотрятъ изъ слѣдующаго, въ Сибирскомъ Вѣстникѣ помѣщеннаго, описанія путешествія нѣсколькихъ казаковъ, подъ начальствомъ казака Булдакова.

Въ 1649 году, Булдаковъ посланъ изъ Якутска на рѣку Колыму прикащикомъ: Прозимовавъ въ Жиганскѣ, онъ пришелъ, Іюня 2-го 1650 года, въ устье Лены, но за восточнымъ и сѣвернымъ вѣтромъ, нанесшими къ берегу множество большихъ льдинъ, принужденъ былъ стоять четыре недѣли. По наступленіи благополучнаго вѣтра, отправился онъ въ путь, и прибылъ подъ парусами въ Омолоеву Губу, гдѣ встрѣтилъ опять льды, между которыми кочь его былъ 8 дней, и не мало повредился. Приблизясь къ островамъ противъ устья Лены, рѣшился онъ пристать къ одному изъ нихъ; двое сутокъ пробивались между льдинами. Булдаковъ, по продолжавшимся вѣтрамъ, то съ моря, то съ берега, простоявъ на мѣстѣ 6 дней, увидѣлъ, что море отъ льда какъ будто очистилось, и пустился вторично въ Омолоеву Губу; но къ несчастію, опять попалъ между льдинами, которыя препятствовали ити далѣе, а потому и пошелъ онъ къ рѣкѣ Ленѣ. При ея устьѣ стояли 8 кочей, принадлежавшіе казакамъ и промышленникамъ, готовые выступить въ море. Когда насталъ вѣтеръ съ берега, и море очистилось отъ льда, всѣ кочи вмѣстѣ пошли къ Омолоевой Губѣ, въ которой былъ также наносный ледъ; сквозь оный пробивались не безъ затрудненій. На другой сторонѣ губы находится островъ; протокомъ между симъ островомъ и берегомъ обыкновенно хаживали кочи, но въ то время протокъ былъ совершенно затертъ льдомъ, осѣвшимъ на дно

моря; путешественники съ усиленіемъ разломали ледъ и вывели свои кочи; въ семь мѣстъ встрѣтили еще 4 коча, которые шли съ Колымы на Индигирку.

Іюля 15-го, по выходѣ кочей изъ протока, настала попутный вѣтеръ, и всѣ суда въ однѣ сутки достигли устья рѣки Яны. Здѣсь опять они встрѣтили столько льду, что могли быть раздавлены, ежели бы, по отлогости морскаго берега, препятствующаго большимъ льдинамъ приближаться къ нему, не оставался для нихъ свободный путь. Слѣдуя подлѣ берега, они благополучно миновали Святой Мысъ, который, по сѣверному его положенію, съ давнихъ лѣтъ мореплаватели считали самымъ опаснымъ мѣстомъ.

На другой день Булдаковъ достигъ Хромской Губы. Она была наполнена огромными льдинами, затруднявшими плаваніе кочей, особливо когда отъ ночныхъ морозовъ, намерзаль новый ледъ, которымъ 30-го Августа покрылось все море; тогда пять кочей находились недалеко отъ берега, на глубинѣ одной сажени. Предпримчивый и отважный Булдаковъ, надѣясь, что ледъ уже достаточно твердъ, вздумалъ грузъ перетаскивать на берегъ, но надежда его обманула, ибо 1-го Сентября, когда ледъ былъ толщиною на полпядени, подулъ съ берега жестокий вѣтеръ, которымъ ледъ изломало, кочи занесло далеко въ море и носило пять дней; потомъ вѣтеръ стихъ, море замерзло, и на третій день можно было ходить по льду. Тогда Булдаковъ послалъ нѣсколько человекъ, чтобы узнать какъ ближе подойти къ берегу. Они нашли, въ разстояніи на одинъ день ѣзды, бывшій съ ними кочь казака Андрея Горьлова, стоявшій во льду, и хотѣли перенести скарбъ и запасъ на этотъ кочь, дабы ближе быть у берега, но вдругъ въ морѣ прибыла вода, и ледъ

изломало; къ тому же поднялся сильный вѣтеръ, которыми занесло кочи, вмѣстѣ со льдомъ, еще далѣе въ море, и такъ быстро, что подъ парусами невозможно итти скорѣе. Черезъ пять дней, вѣтеръ утихъ и кочи въ третій разъ замерзли во льду. Отъ стеченія столькихъ бѣдствій, спутники Булдакова были въ отчаяннѣи, и чтобы избавиться отъ очевидной гибели, взявъ каждый нѣсколько изъ своего скарба и съѣстныхъ припасовъ, сколько могъ везти на саняхъ, отправились къ берегу, но не избѣгли преслѣдующаго ихъ несчастія. Ледъ изломало, и они принуждены были санки свои перетаскивать съ одной льдины на другую, а сами перебираться съ помощью шестовъ и веревокъ. Между тѣмъ видѣли, какъ кочи ихъ, одну послѣ другой, разбивало льдомъ. Напоследокъ, изнуренные цынгою, стужею, голодомъ и трудомъ, вышли на берегъ близъ устья рѣки Индигирки, и при разныхъ бѣдственныхъ случаяхъ продолжали путь вверхъ по этой рѣкѣ до Уяндинскаго зимовья, гдѣ нашли себѣ успокоеніе отъ болѣзней и трудовъ, и провели всю зиму.

Два года послѣ плаванія Булдакова, т. е., въ 1652 году, на мѣсто его, начальникомъ острога на Колыму посланъ пятидесятникъ Иванъ Ребровъ. Ему въ особенности предписано съ подробностію освѣдомиться о большомъ островѣ, который, по донесенію Михайла Стадухина, находится на Ледовитомъ Морѣ. Г-нъ Миллеръ не отыскалъ въ Якутскомъ архивѣ никакихъ доказательствъ о существованіи этого острова, и говорить, что рассказы Стадухина были совершенно забыты, доколѣ наконецъ въ 1710 году, Февралъ 20-го, Якутская канцелярія собрала нѣсколько изустныхъ показаній отъ казаковъ, которые простирали плаваніе Ледовитымъ и Камчатскимъ Моря-

ми. Слѣдующія извѣстія непосредственно относятся до предназначенныхъ намъ изысканій.

Между 1661 и 1678 годовъ, служивый Никяфоръ Мальгинъ, съ торговымъ человѣкомъ Андреемъ Воропаевымъ, на кочѣ ходили съ Лены въ Колыму. До Святаго Носа слѣдовали они большею частію подлѣ берега, потомъ, по причинѣ примкнувшагося къ берегу льду, держали мористѣе. На этомъ пути, бывшій съ ними кочевщикъ Родіонъ Михайловъ указалъ имъ лежащій по сю сторону Колымы вдали островъ, который они все видѣли, а по прибытіи ихъ въ Колыму, купецъ Яковъ Вятка сказывалъ Мальгину, что однажды въ плаваніи изъ Лены въ Колыму на девяти кочахъ, три отнесены къ этому острову, и посыланные на берегъ видѣли слѣды неизвѣстныхъ звѣрей, но людей не видали.

Торговый человѣкъ Тарасъ Стадухинъ также говорилъ Мальгину, что за нѣсколько до того лѣтъ, онъ, съ 90 человѣками, на кочѣ ходилъ съ Колымы моремъ къ Чукотскому носу, котораго водою обойти не могли, а перешли на другую онаго сторону пѣшкомъ, гдѣ построивъ кочѣ, шли подлѣ берега, до устья рѣки Пенжинъ.

Нкто Михайло Насѣдкинъ показалъ, что въ 1702 году, путешествуя по Камчаткѣ, видѣлъ съ южной оконечности ея землю; послѣ того на пути между Колымою и Индигиркою усмотрѣлъ въ морѣ еще землю, о которой кочевщикъ Данилъ Монастырскій сказывалъ ему, будто она соединяется съ берегомъ противъ Камчатки лежащимъ, и простирается далѣе противъ устья Лены.

Въ 1710 году получено въ Якутскѣ письменное показаніе Усть-Янскаго казака Якова Пермлякова, что на пути изъ Лены въ Колыму, онъ видѣлъ противъ Святаго Носа островъ, и что противъ устья рѣки

Колымы находится островъ, и на немъ есть горы, усматриваемыя съ матерого берега.

Островъ, который видѣли Мальгинъ и Вятка, можетъ быть, одинъ изъ острововъ, лежащихъ противъ рѣки Яны, или Крестовскій островъ, изъ числа Медвѣжьихъ. Михаилъ Насѣдкинъ говоритъ о первомъ Курильскомъ и первомъ Медвѣжьемъ островѣ; словамъ Монастырскаго вѣрить нельзя. Показаніе Якова Пермякова, безъ сомнѣнія, касается до перваго Ляховскаго и Крестовскаго Острововъ.

Носившіеся такимъ образомъ слухи, частію и достоверныя извѣстія, о находящихся на Ледовитомъ морѣ островахъ, побудили Якутскаго воеводу Трауернихта произвестъ о семъ изысканіе съ возможною подробностію, особенно, когда въ 1711 году Сибирскій губернаторъ Князь Гагаринъ писалъ ему: «Сказывали мнѣ казаки и дворяне Якутскіе, что ваша милость изволить нарядить казаковъ, также и охотниковъ отпустить на *новую землю*, что островъ противъ устья р. Колымы, и удержалися де, мой государь, за тѣмъ, что безъ указа не смѣли, и ваша милость отнюдь того медлти не изволь.»

Трауернихтъ отправилъ два отряда, одинъ къ устью рѣки Яны, другою въ Колыму; имъ предписали обозрѣть Ледовитое Море, лѣтомъ или зимою, и не возвращаться, доколѣ не разрѣшатъ вопроса объ островахъ, или новой землѣ.

Первый отрядъ, изъ 11 казаковъ, порученъ казаку Меркурію Вагину. Онъ отправился изъ Якутска 1711 года осенью; выѣхалъ изъ Усть-Янска на нартахъ, въ Маѣ мѣсяцѣ 1712 года, и держась берега до Святаго Носа, пустился прямо на сѣверъ. Они прѣѣхали къ одному острову, на которомъ не было ни какого дѣса; вокругъ него вѣды 9 или 12 дней. Съ этого острова видѣли другой островъ, или землю, но за

позднимъ временемъ, и по недостатку въ съѣстныхъ припасахъ, отправились назадъ къ матерой землѣ, съ тѣмъ, чтобы лѣтомъ запаслись рыбою, и слѣдующею зимою опять выступить въ путь. Они вышли на берегъ между Святымъ Носомъ и рѣкой Хромой, при урочищѣ, гдѣ Якутскій казакъ Катаевъ въ прежнія времена поставилъ крестъ, и потому оно прѣзвано *Катаевъ Крестъ*. Оттуда направили путь на Хрому для рыбнаго промысла, но не имѣя съѣстныхъ припасовъ, принуждены были вѣсть собакъ, на которыхъ ѣхали, наконецъ и мышей, и потому должны были возвратиться къ морскому берегу, гдѣ прожили все лѣто, питаясь рыбою, дикими гусями, утками и ихъ лицами. Бывшіе съ Вагиннымъ казаки, наскуча прѣбываніемъ въ сихъ мѣстахъ, и опасаясь, что на пути къ усотрѣнному острову будутъ подвержены еще большимъ нуждамъ и голоду, убили Вагина, его сына, одного казака и одного промышленника. По возвращеніи въ Усть-Янскъ, убійцы скрыли преступленіе подъ разными вымыслами, и объ островѣ не упомянули ни слова. Положеніе перваго Ляховскаго острова объясняетъ обрѣтеніе Вагина; величина его конечно не соответствуетъ показаніямъ, но преувеличенія важности обрѣтенія весьма часты въ повѣствованіяхъ древнихъ путешественниковъ.

Второй отрядъ, воеводою Трауернихомъ отправленный, состоялъ изъ 22 человекъ, на одномъ шиткѣ, * подъ управленіемъ казака Василья Стадухина. Изъ донесенія его, отъ 28-го Іюля 1712 года, видно,

* Шитки того времени были длиною въ 5 сажень, шириною въ 2 сажени, съ палубою, плоскодонные, конопачены мхомъ; вмѣсто веревокъ и канатовъ, на шиткахъ употребляли ремни лосиные, паруса ровдужные, якоря деревянные, съ навязанными камнями. Нынѣ шитками называютъ безпалубныя большія рыбацкія лодки; о якоряхъ прибрежные жители понятія не имѣютъ, а паруса ровдужные употребляютъ весьма рѣдко.

что онъ усмотрѣлъ на восточной сторонѣ Колымы протанувшійся въ море мысъ, окруженный непроходимыми льдами, но не замѣтилъ никакого острова, и что жестокою погодою съ моря отнесло его назадъ, при чемъ едва онъ не погибъ. Стадухинъ, вѣроятно, говорить о Шелагскомъ Мысѣ, который предшественники его называли Святымъ Носомъ.

Въ 1714 году были еще два подобныя отправленія, казаковъ Алексѣя Маркова и Григорья Кузякова. Первому велѣно идти въ море съ устья Яны, второму съ Колымы; ежели увидятъ, что шитики неудобны, дозволено построить другія суда. Каждому дано было по одному матросу, изъ присланныхъ Княземъ Гагариннымъ въ Якутскъ, для предположенной морской экспедиціи изъ Охотска.

Марковъ, по прѣздѣ въ Усть-Янское зимовье, послалъ, 2-го Февраля 1715 года, въ Якутскъ донести, что на Святомъ Морѣ лѣтомъ и зимою всегда стоитъ ледъ, и потому въ назначенный путь невозможно отправиться иначе, какъ нартами на собакахъ, и отправился 15-го Марта, взявъ съ собою 9 человекъ. 3-го Апрѣля возвратился онъ опять въ Усть-Янское зимовье, и привезъ извѣстіе, что ѣхалъ по морю прямо на сѣверъ семеро сутокъ, съ самого большаго, на собакахъ возможною скоростію, но ни земли, ни острова не видалъ, достигъ такого мѣста, гдѣ льдины стояли какъ высокіе холмы, выходилъ на оныя, и въ дали не усмотрѣлъ ни какого берега. По недостатку корма для собакъ, многія съ голоду издохли, и ими кормили остальныхъ. Въ 17 дней безпрерывной ѣзды, Марковъ не могъ болѣе проѣхать 680 верстъ, или 340 верстъ въ одну сторону; следовательно, правя на сѣверъ, онъ долженъ бы увидѣть какой либо островъ, изъ лежащихъ противъ устья

рѣки Яны и Святаго Носа, а потому въ справедливости показаній Маркова должно сомнѣваться.

О путешествіи Кузякова не отыскано ни какихъ свѣдѣній, кромѣ слышаннаго г. Миллеромъ отъ Якутскихъ жителей, будто бы Кузяковъ также отправился въ море на собакахъ, и предпріятіе его было столько же безуспѣшно, какъ Маркова.

Такія неудачи остановили на нѣкоторое время предпримчивыхъ казаковъ въ дальнѣйшихъ покушеніяхъ, но въ 1723 году, сынъ болгарскій Федотъ Амосовъ опять обратилъ вниманіе на какой-то островъ, простирающійся отъ устья Яны до устья Индигирки, и далѣе. Онъ вызвался покорить жителей острова, и для исполненія такого предпріятія отправленъ съ отрядомъ. Въмѣсто того, чтобы поиски начать съ Яны, или Индигирки, пожелалъ онъ на Колыму. При самомъ выходѣ изъ устья сѣй рѣки, Юля 13-го * 1724 года, встрѣтилось такое множество несущагося льду, что не рѣшился онъ продолжать пути далѣе.

Между тѣмъ промышленникъ Иванъ Вилегинъ подтвердилъ слухъ о поминутомъ островѣ, разсказывая, что въ Нолбрь 1720 года, онъ ѣздилъ, вмѣстѣ съ промышленникомъ Григорьемъ Санкинымъ, съ устья рѣки Чукочей по льду, на тотъ островъ, или землю, но за безирерывными вѣтрами и туманомъ они не могли ѣхать вдаль, почему и не знаютъ, твердая ли то была земля или островъ, и естьли на ономъ жители и растутъ ли лѣсъ **? Видѣли старыя юрты и мѣста прежде бывшихъ юртъ, но не могли узнать какому народу онѣ принадлежать. Землю эту, при ясной

* Въ Сибирскомъ Вѣстникѣ сказано Апрѣля 18-го, а у Миллера Юля 13-го; сіе послѣднее согласіе съ показаніемъ Амосова, что въ море несло ледъ.

** Въ Сибирскомъ Вѣстникѣ сказано, что Вилегинъ пашель тутъ лѣсъ, но у Миллера этого нѣтъ.

погодѣ, можно усмотрѣть съ рѣки Чукочьей, и казалось, что она простирается мимо Индигирки и Святого носа до меридіана рѣки Яны съ одной стороны, а съ другой мимо устья Колымы, и далѣе до жилищъ Шелаговъ, покольвіе Чукчей. Вилегинъ это заключалъ по разсказамъ какого-то Копая, изъ племени Шелаговъ, и полагалъ, что достигнуть до сей земли водою, ни съ устья рѣки Колымы, ни съ Чукочей, или Индигирки, невозможно, по причинѣ множества льду, но противъ жилищъ Шелаговъ море бываетъ чище, и потому должно искать земли съ этой стороны.

Амосовъ, утвердясъ на этомъ мнѣніи, пошелъ моремъ подлѣ берега къ жилищу Копая, котораго достигъ 7-го Августа 1723 года, но по множеству льдовъ не только не могъ продолжать пути, а даже съ трудомъ возвратился.

Въ слѣдующую зиму, Амосовъ рѣшился для открытія острова ѣхать на нартахъ, и прислалъ о своемъ путешествіи въ Якутскую воеводскую канцелярію слѣдующее донесеніе: «Отправясь въ намѣренный путь изъ Нижне-Колымскаго зимовья, Нолбрия 3-го 1724 года, нашель я на морѣ островъ, или землю, и отгуда 23-го того же мѣсяца возвратился обратно на Колыму. На той землѣ видѣлъ старыя земляныя юрты, а какіе въ нихъ жили люди и куда сошли, неизвѣстно. Наконецъ съѣстныхъ припасовъ и корму для собакъ не достало; для сей причины невозможно было ничего болѣе и провѣдывать. Путь по льду былъ весьма труденъ, потому, что море замерзло негладко. Вездѣ стояли высокія льдины, и ледъ отъ выступающей морской соли былъ шероховатъ *.»

* Описанія сихъ путешествій, и нѣкоторыхъ изъ слѣдующихъ, заимствованы мною изъ Сибирскаго Вѣстника на 1821 годъ, и исправлены, гдѣ были несогласія, съ сочиненіемъ г. Миллера.

Въ бытность свою въ Якутскѣ, Миллеръ лично спрашивалъ Амосова объ этомъ путешествіи. По словамъ его, жилище Копая на 200 верстѣ къ востоку отъ устья Колымы, близъ небольшого острова, возлѣ самаго берега лежащаго. Отъ матерой земли между рѣками Чукочью и Алазею, ѣзды до открытаго Амосовымъ острова одинъ день, и вокругъ онаго столько же; на семь островъ горы не малой высоты, которыя видимы и съ матерой земли; изъ животныхъ попадались олени; служащій для нихъ пищего мохъ растетъ по всему острову.

Обрѣтеніе Вилегина и Амосова одно и то же: Оба они были на первомъ Медвѣжьемъ Островѣ, на которомъ прежде ихъ бывали промышленники, и по слухамъ давно уже имѣли объ немъ свѣдѣніе. Вилегинъ, не зная, что находился на маленькомъ островѣ, и услыша вѣроятно объ усмотрѣнной противъ Яны землѣ (1-й Ляховскій островъ), вообразилъ, что эти двѣ земли соединяются и составляютъ берегъ одной обширной земли. Но можемъ-ли мы полагаться на показаніе Копая? Его жилище было, безъ сомнѣнія, подлѣ острова Сабадел (около двухсотъ верстѣ отъ Колымы, какъ Амосовъ Миллеру сказывалъ), а противъ этого мѣста къ сѣверу на $2\frac{1}{4}^{\circ}$ по широтѣ (около 230 верстѣ), мы, въ 1821 году, ни малѣйшихъ признаковъ земли не нашли, да и Чукчи, живущіе около Шелагскаго Мыса, съ которыми въ 1822 году мы имѣли сношенія, не знали ни о какой землѣ въ сихъ странахъ, и не скрывали отъ насъ, что со скалы Яканъ (около 200 верстѣ къ востоку отъ Шелагскаго Мыса, и въ 300 верстахъ отъ жилища Копая) иногда видны въ морѣ горы. Можетъ, быть Копая и Вилегина это было извѣстно, но удивительно, что они, говоря объ одномъ только островѣ противъ Колымскаго

устья, и о большой землѣ, за нимъ лежащей, не знали о прочихъ 4-хъ островахъ, составляющихъ одну купу съ островомъ, который усмотрѣнъ Вилегинымъ. Не должно-ли заключить, что эти-то четыре острова и приняты за большую землю?

Карты наши въ то время были сообразны поверхности обозрѣннѣе сѣверныхъ береговъ Сибири, которые отъ Карскаго Моря до восточной оконечности Азіи, въ продолженіе половины столѣтія, открыты казаками и промышленниками, неутомимыми въ трудахъ, но не имѣвшими никакихъ познаній. Всѣ путешественники, бывшіе до того времени при упомянутыхъ берегахъ, также не имѣли способовъ и нужныхъ свѣдѣній для изображенія берега съ нѣкоторою вѣрностью, и потому карты наши составлены были, такъ сказать, на угадъ, на основаніи сбивчивыхъ, темныхъ разсказовъ.

Казацкій полковникъ Шестаковъ, пріѣхавшій въ 1726 году изъ сѣверо-восточной Сибири въ С. Петербургъ, сочинилъ карту, которую напечатали, а потомъ скопировали въ Парижѣ географы Делиль и Бюашъ. На этой картѣ островъ Копай назначенъ на разстояніи двухъ-дневной вѣды отъ матераго берега, и по параллели занимаетъ такое же пространство, какое находится между противоположащими сему острову рѣками Кольмою и Алазеею; на картѣ написано, что островъ Копай обитаемъ непокорными Шеллагами. За онымъ къ сѣверу проведенъ берегъ большой земли, и въ надписи сказано, что отстоитъ онъ отъ острова Копая на неполный двухъ-дневный переѣздъ (слѣдовательно, островъ отъ матераго берега Сибири далѣе, нежели отъ большой земли). Противъ сѣверо-восточной оконечности Азіи на востокъ означенъ большой островъ, съ слѣдующею

надписью: «Островъ противъ Анадырскаго Носа; на немъ многолюдно, и всякаго звѣря довольно; дани не платятъ; живутъ своею областью.» Сѣверный берегъ Чукотской земли проведенъ довольно ровною чертою, и губа Чаунъ и Шелагскій Мысъ не приметны.

Другая карта, попавшаяся исторіографу Миллеру, сочинена Якутскимъ дворяниномъ Иваномъ Львовымъ. На этой картѣ изображены два носа. Крайній къ сѣверовостоку, обыкновенно называемый Чукотскимъ Носомъ, или Восточнымъ Мысомъ, названъ Шелагскимъ, и неограниченъ. Другой, лежащій прямо на югъ отъ перваго, названъ Анадырскимъ носомъ, и между этими двумя мысами, въ обширной губѣ положенъ островъ, обитаемый Чукчами, а противъ Анадырскаго Носа назначены два острова, одинъ другаго къ берегу ближе, съ слѣдующею надписью: «До перваго острова отъ берега вѣды водою полдня. На немъ обитаютъ люди, коихъ Чукчи называютъ Ахьюхалать. Они говорятъ особымъ языкомъ, платье носятъ изъ утиныхъ кожъ, питаются моржами и китами. За недостаткомъ у нихъ на островѣ лѣсу, варятъ вѣтву рыбьимъ жиромъ. Другой островъ отъ перваго находится въ разстояніи двухъ дней вѣды водою. Жители оного называются по Чукотски Пеекели. Они щеки пронимаютъ, и вставляютъ въ нихъ зубы; живутъ въ крѣпкихъ мѣстахъ; платье носятъ изъ утиныхъ же кожъ.» За сими островами изображена большая земля, съ надписью: «Жители Чукчами именуется Кичинь Элять. Сіи говорятъ особливимъ языкомъ, платье носятъ соболье, живутъ въ землянкахъ, а бой у нихъ лучшей. Звѣри въ ихъ землѣ водятся всякіе, коихъ кожи употребляютъ на платье. Лѣсъ тамъ растеть сѣльникъ, соснякъ, лиственникъ и березнякъ.»

Миллеръ упоминаеть еще о картѣ, въ Якутскѣ же сочиненной. На этой картѣ Шелагскій Носъ также неограниченъ, и противъ него проведена неограниченная земля, гдѣ надписано: «Обитаемая народомъ Кыкыкме, который подобенъ Юкагирамъ.» Надъ Шелагскимъ Носомъ надписано: «Жители говорятъ языкомъ особливимъ. На бою весьма жестоки, и покорить ихъ не можно. Хотя изъ нихъ кто и въ полонъ попадетъ, тотъ самъ себя убиваетъ.»

Не только на этихъ картахъ, составленныхъ въ Якутскѣ самоучками географами, но и на сочиненной Берингомъ, въ 1728 году, по возвращеніи его изъ перваго плаванія къ восточнымъ берегамъ Чукотской земли, не отличаютъ Шелагскаго носа отъ восточной оконечности Азии и Чукотскаго Носа, а чтобы согласить карты съ плаваніемъ Дежнева, присовокупили къ послѣднему мысу, на нѣкоторыхъ картахъ, названіе Святаго Носа, а на другихъ, полагаясь на вышеупомянутую карту Львова, оставляли Шелагскій его Мысъ на сѣверѣ неограниченнымъ, и тѣмъ изъясляли сомнѣніе о плаваніи Дежнева, но должно замѣтить, что оно не было извѣстно сочинителямъ тѣхъ картъ, ибо Миллеръ первый нашель свѣдѣніе объ немъ въ Якутскомъ архивѣ 1736 года. Въ названной на одной картѣ «Большой землѣ», за островами противъ Анадырскаго носа, мы узнаемъ сѣверозападный берегъ Америки, и «Большая Земля» противъ Шелагскаго Носа также назначена по неосновательнымъ свѣдѣніямъ о дальнѣйшемъ протяженіи того-же берега на сѣверъ. Предположеніе это объясняется слѣдующимъ обстоятельствомъ.

Въ 1711 году Якутскій казакъ Поповъ, который изъ Анадырскаго острога ѣздилъ на Чукотскій Носъ, между прочимъ сказывалъ: «Напротивъ носа, по обѣ-

нмъ его сторонамъ, какъ въ Колымскомъ, такъ и въ Анадырскомъ Морѣ, видѣнъ островъ, называемый Чукчами Большою Землею, на коей живутъ народы съ продѣтыми въ щеки большими зубами» и проч. Потомъ говорится о берегѣ, простирающемся южнее и сѣвернее Чукотскаго Носа (конечно, о берегахъ Америки), и слова ясно доказываютъ, что тогда называли Колымскимъ Моремъ часть Океана, къ сѣверу отъ Чукотскаго Полуострова, а находящуюся по южной сторонѣ онаго Анадырскимъ Моремъ. Восточную часть Чукотскаго Полуострова, слѣдовательно, и ту часть берега, гдѣ тогда назначали Шелагскій Мысъ, Поповъ называетъ Чукотскимъ Носомъ. И такъ, по моему мнѣнію, изъ этого весьма ясно видно, отъ чего на картахъ, сочиненныхъ по сбивчивымъ рассказамъ безграмотныхъ людей, назначена противъ Шелагскаго Носа Большая Земля.

Выше упомянуто, что извѣстный географъ Делиль перенесъ и на свою карту невѣрности Шестакова карты. На изданной Делилемъ, въ 1728 году, картѣ изображены островъ противъ Колымскаго устья въ широтѣ 75°, а за нимъ, въ широтѣ 75°, Большая земля, будто-бы открытая Россіянами въ 1723 году, по указанію Шелагскаго Князя Копая; но въ означенномъ году ѣздилъ Амосовъ къ Копая, и не сдѣлано никакихъ новыхъ открытій.

По обстоятельному разсмотрѣніи бывшихъ въ то время извѣстій о Большой Землѣ въ Сѣверномъ Ледовитомъ Океанѣ, не найдено ни одного, которое достойно и малаго вѣроятія. При нынѣшнихъ свѣдѣніяхъ нашихъ объ этихъ странахъ было возможно нѣсколько пояснить неосновательность географин сѣверовосточной Азии, и находить незначашіе остро-

ва, или чистое море тамъ, гдѣ въ началѣ восемнадцатаго столѣтія полагали обширныя земли.

Слѣдующія путешествія совершены нашими мореплавателями единственно для исправленія картъ сѣверныхъ береговъ Сибири.

Въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны предпринято опознаніе береговъ Сибири отъ Бѣлаго Моря до Берингова Пролива, и изслѣдованіе возможности Ледовитымъ Моремъ пройти изъ Архангельска въ Камчатку. Адмиралтействъ-Коллегія, для лучшаго исполненія сего предпріятія, положила отправить мореплавателей въ Ледовитое Море въ одно время изъ трехъ разныхъ мѣстъ: 1, отъ города Архангельска два судна, на востокъ до устья Оби; 2, изъ рѣки Оби на востокъ до устья Енисея одно судно; 3, изъ рѣки Лены два судна, одно на западъ къ устью Енисея, другое на востокъ, мимо устья Колымы до Берингова Пролива.

Для перваго отряда Коллегія сдѣлала всѣ нужныя распоряженія, предоставивъ главному командиру Архангельскаго порта выборъ и снабженіе судовъ. По совѣту мореходцевъ того края построили два коча: Экспедиціонъ и Обь, длиною въ $52\frac{1}{2}$ фута, шириною въ 14 футовъ, глубиною 8 футовъ. Экипажъ каждаго судна состоялъ изъ 20 человекъ; командирами опредѣлены лейтенанты Муравьевъ и Павловъ.

Они отправились отъ города Архангельска 4-го Іюля 1754 года, достигли Мутнаго Залива (въ Карскомъ Морѣ), и возвратились зимовать къ устью рѣки Печоры. Въ Іюнь мѣсяцъ 1755 года вышли опять въ море, прошли не далѣе, какъ въ прежнее плаваніе, и зимовали по прежнему въ рѣкѣ Печорѣ.

Адмиралтействъ-Коллегія, уваживъ представленіе лейтенанта Муравьева, что онъ не могъ имѣть же-

лаемыхъ успѣховъ отъ того, что ходилъ на кочахъ, приказала построить у города Архангельска два палубные бота, длиною въ 60 и 50 футовъ, и отправить оные подъ командою лейтенантовъ Скуратова и Сухотина; на мѣсто лейтенанта Муравьева поступилъ лейтенантъ Мальгинъ, который былъ тогда на рѣкѣ Печорѣ. Мая 27-го 1756 года, на кочѣ Экспедиціонъ, онъ пошелъ внизъ рѣки; 29-го противъ устья льдомъ кочъ разбило, и едва могли спасти людей и часть груза. Исправля немедленно другой бывший съ нимъ кочъ Обь, Мальгинъ отправился въ путь 17-го Іюля. Превозможная чрезвычайныя затрудненія отъ льдовъ, задержанный долгое время подъ островомъ Долгимъ, гдѣ 7-го Августа присоединились къ нему вышеупомянутые боты, подъ начальствомъ лейтенантовъ Скуратова и Сухотина, г-нъ Мальгинъ пересѣлъ на первый ботъ, а на второй опредѣлилъ Скуратова; Сухотина на кочѣ Оби отправилъ въ Архангельскъ, и съ двумя ботами дошелъ до рѣки Кары, гдѣ остался зимовать. Сухотинъ возвратился въ Архангельскъ благополучно.

Въ семь же году, въ Іюль и Августъ мѣсяцахъ, геодезистъ Селфонтовъ описалъ на оленяхъ западный берегъ Обской Губы, и переѣхавъ на карбасѣ къ Острову Бѣлому, осмотрѣлъ часть его южнаго берега. Въ Ноябрь присоединился онъ къ лейтенанту Мальгину. Въ слѣдующемъ году, Марта 16-го, Селфонтовъ отправленъ вторично на оленяхъ съ Самоѣдами къ Ледовитому Морю, для описи материка берега и Острова Бѣлаго. Дѣйствія его неизвѣстны.

Въ началѣ Іюня, 1757 года, вскрылась рѣка Кара, но какъ море очищается отъ льду не прежде половины Іюля, то гг. Мальгинъ и Скуратовъ, съ общаго совѣта, положили пробыть на мѣстѣ до 1-го Іюля. Въ половинѣ Іюня показалась между служите-

лями цынготная болѣзнь, которую однакожь успѣли истребить противоцынготными травами, растущими по окрестнымъ тундрамъ *.

3-го Июля, наши мореплаватели достигли устья рѣки Кары; въ морѣ видно было еще весьма много льду. Направили плаваніе по возможности къ сѣверу; наконецъ 23-го Июля усмотрѣли островъ Бѣлый, и 24-го легли на якорь въ проливъ, отдѣляющемъ островъ отъ матераго берега. Широту опредѣлили 73°8'. Приливъ шелъ отъ W только 4 часа, а отливъ 8 часовъ отъ 0; первый приносилъ съ собою соленую воду, послѣдній прѣсную. Теченіе отлива было многимъ сильнѣе теченія прилива, которое иногда было едва ощутительно. Прикладный часъ 3^ч, возвышеніе воды 1¹/₂ ф. Пролитъ устьянъ мелами, между коими бываютъ сильныя спорныя теченія. Противныя вѣтры задержали лейтенанта Малыгина въ этомъ проливѣ 25 дней. Обогнувъ (по Миллеру) мысъ, называемый Самоѣдами Ямалъ, 18-го Августа боты вошли наконецъ въ Обскую Губу, 11-го Сентября въ рѣку Обь, 5-го Октября въ рѣку Сочву, гдѣ и зимовали; служителей помѣстили въ Березовѣ по квартирамъ. Лейтенантъ Малыгинъ возвратился берегомъ въ С. Петербургъ; Скуратовъ и подштурманъ Головинъ, на прежнихъ ботахъ, 11-го Августа 1739 года, пришли въ рѣку Двину, испытывавъ на пути множество опасностей отъ льдовъ.

Другіе два отряда, которымъ надлежало осмотрѣть берега отъ рѣки Оби къ востоку, поступили въ распоряженіе командора Беринга. Онъ приказалъ построить въ Тобольскѣ дубель-шлюпку, названную Тоболь, назначилъ командиромъ лейтенанта Овцына, и снабдилъ его наставленіями, данными Адмиралтействъ - Коллегією. Дубель - шлюпка была

* Четырехкратное путешествіе капитанъ-лейтенанта Литке, стр. 87.

длиною 70, шириною 15, глубиною 8 футовъ, двухъ мачтовая, съ 8 двухъ-фунтовыми фалконетами, вооружена какъ шнява; экипажъ состоялъ изъ 53 человекъ; сверхъ того іеромонахъ, штурманъ и геодезистъ *.

15-го Мая 1734 года, по совершенномъ изготовленіи дубель-шлюпки Тоболь, лейтенантъ Овцынъ отправился изъ Тобольска внизъ по Иртышу, и съ нимъ нѣсколько дощениковъ, нагруженныхъ провиантомъ и морскою провизією. Тобольскій губернаторъ Плещеевъ, флота капитанъ Чириковъ, и профессора Академіи Наукъ, находившіеся при Камчатской экспедиціи, провожали лейтенанта Овцына нѣсколько верстъ; 9-ть дней онъ шелъ внизъ по Иртышу, миновалъ многія Русскія деревни и Остяцкія юрты; 24-го Мая остановился на короткое время при устьѣ сей рѣки, у большой слободы, называемой Сатаховской Ямъ, и перемѣнивъ проводника, продолжалъ путь далѣе внизъ по рѣкѣ Оби.

2-го Июля пришелъ онъ къ городу Березову, принялъ на суда проводниковъ и служителей, назначенныхъ въ дополненіе къ имѣющейся у него командѣ. Черезъ три дня отправился далѣе, и 12-го въ полдень достигъ къ Обдорскому острожку, послѣднему Россійскому селенію при рѣкѣ Оби.

15-го, Овцынъ пришелъ къ устью рѣки Оби, гдѣ она впадаетъ въ Обскую Губу тремя рукавами, и по восточному, въ которомъ глубина больше, вышелъ въ губу 19-го Июля. Въ сіе время, отъ сильнаго, крѣпкаго вѣтра, дощеники такъ повредились, что

* Помѣщаемое здѣсь описаніе путешествій лейтенантовъ Малыгина, Овцына, Прончицева, Лаптева, и штурмановъ Челюскина и Минина, заимствовано мною частію изъ Записокъ бывшаго государственнаго адмиралтейскаго департамента, на 1820 годъ; довольно значительныя ошибки и пропуски, въ семъ извлеченіи мною замѣченны, исправлены и пополнены изъ подлинныхъ журналовъ.

плаванія на нихъ продолжать было невозможно; одинъ разломали, изъ лѣса построили на берегу магазинъ, и выгрузили въ него провіантъ и прочіе припасы. При этомъ мѣствъ семь озеръ, почему и назвали оное Семіозернымъ. Широта по наблюдѣніямъ найдена $66^{\circ} 36'$.

Оставъ караулъ при магазинахъ, 21-го Овцынъ продолжалъ путь далѣе, подлѣ праваго берега Обской Губы. 26-го послалъ на лодкахъ унтеръ-офицера и семь человѣкъ служителей, впередъ къ Ледовитому Морю, для поставленія при устьѣ Обской губы знаковъ, и для встрѣчи ожидаемыхъ отъ города Архангельска судовъ; по препятствію отъ противныхъ вѣтровъ и мелей, между конями надлежало искать фарватера, Овцынъ шелъ впередъ по Обской Губѣ къ сѣверу весьма медленно. 6-го Августа пришелъ онъ въ широту $70^{\circ} 4'$, и опасаясь пускаться далѣе, по причинѣ приближавшейся осени и наставшихъ морозовъ, рѣшился итти зимовать къ Обдорскому острожку, и прибылъ къ оному 4 Сентября.

Во время плаванія по Обской Губѣ, лейтенантъ Овцынъ на берегахъ ея находилъ безлѣсныя тундренныя мѣста, землю, замерзшую въ самое лѣто глубже полу-аршина; имѣлъ частыя свиданія съ кочующими Самоѣдами; видѣлъ по тундрѣ много оленей и медвѣдей, и одинъ разъ примѣтилъ въ губѣ плавающихъ бѣлугъ.

Дубель-шлюпку разружили, и выгрузили всѣ припасы въ магазины; люди перебрались въ острогъ; 13 Октября рѣка Обь покрылась льдомъ.

Въ Нолбрь пріѣхали въ Обдорскъ съ западной стороны оленные Самоѣды, для взноса въ казну ласка, и сказывали, что прошедшаго лѣта видѣли на берегу Ледовитаго моря, близъ рѣки Кары, Русскихъ людей, посланныхъ изъ Пустоозерска на оленяхъ,

для постановленія маяковъ. Овцынъ съ тѣми Самоѣдами отправилъ въ Пустоозерскъ двухъ казаковъ, къ лейтенанту Муравьеву, для извѣщенія его о плаваніи своемъ по Обской Губѣ, и о маякахъ, поставленныхъ на устьѣ оной.

1735 года Мая 29-го, лейтенантъ Овцынъ пошелъ внизъ по Оби, но отъ льду принужденъ былъ безпрестанно останавливаться у береговъ. 6-го Іюня пришелъ онъ къ семіозернымъ магазинамъ, и взялъ оставленную прошедшаго года провізю. 11-го продолжалъ путь далѣе; вскорѣ вновь задержанъ льдомъ, неподвижнымъ по всей Обской Губѣ; 20-го ледъ взломало, и фарватеръ началъ очищаться, но до 8 Іюля Овцынъ шелъ на дубель-шлюпкѣ вслѣдъ за льдомъ весьма медленно; въ это время оказалась у многихъ изъ бывшихъ съ нимъ цынта, которая вскорѣ усилилась, до того, что въ половинѣ мѣсяца изъ 53 человѣкъ оставалось здоровыхъ только 17 человѣкъ. Овцынъ былъ также тяжело боленъ, и съ совѣта своихъ подчиненныхъ принужденъ 18-го Іюля пойти въ обратный путь. Предполагая зимовать въ Тобольскѣ, какъ для лучшаго излеченія больныхъ и исправленія поврежденной дубель-шлюпки, такъ и для запаса на будущее время провізю, онъ, при помощи присланныхъ къ нему изъ Обдорска и Березова служителей, сколько возможно поспѣшалъ плаваніемъ, но пришелъ къ Тобольску не прежде 6-го Октября; въ сіе время по Иртышу уже несло ледъ, и рѣка вскорѣ стала.

Черезъ два мѣсяца по прибытіи въ Тобольскъ, Овцынъ, получа отъ болѣзни облегченіе, отправился въ С. Петербургъ для личнаго донесенія Адмиралтействъ Коллегіи о своемъ плаваніи, и о предстоявшихъ препятствіяхъ къ исполненію возложеннаго на него дѣла. Онъ представлялъ, что ежели ему

повелѣно будетъ на будущее лѣто итти въ Ледовитое Море, то по причинѣ опаснаго плаванія между льдами, нужно дать еще другое судно, для взаимнаго вспомошествованія, въ случаѣ поврежденія одного изъ нихъ, и что онъ почитаетъ полезнымъ послать весною, по зимнему пути, на оленяхъ, или на собакахъ, геодезиста, описывать берега Ледовитаго Моря до устья рѣки Енисея. Адмиралтействъ Коллегія, находя это представленіе основательнымъ, предписала Овцыну построить въ Tobольскѣ къ будущему лѣту палубный ботъ, для совокупнаго плаванія съ дубель-шлюпкою, назначила на оный командиромъ флотскаго мастера Кошелева, и положила отправить геодезиста для описи береговъ Ледовитаго Моря. Овцынъ поспѣшилъ возвратиться въ Tobольскъ, взять съ собою мастера Кошелева, которому поручено было строеніе новаго судна; они прибыли на мѣсто 24-го Февраля, приступили къ заготовленію лѣсоу, и 1-го Марта 11-го заложили палубный ботъ, длиною въ 60, шириною въ 17, глубиною $7\frac{1}{2}$ футовъ. Какъ ни поспѣшали строеніемъ, но не успѣли приготовить бота къ плаванію на слѣдующее лѣто.

Въ 1736 году, Мая 23-го, лейтенантъ Овцынъ, на дубель-шлюпкѣ, и съ дощениками, нагруженными провіантомъ, отправился изъ Tobольска внизъ по рѣкамъ Иртышу и Оби. 14-го Іюня пришелъ въ Березовъ, гдѣ простоялъ до 23-го, для перегруженія провіанта, и для разныхъ исправленій на дубель-шлюпкѣ. 4-го Іюля миновалъ Обдорскъ, 7-го достигъ къ устью рѣки Оби, оставилъ дощеники у Семіозерныхъ магазиновъ, и на дубель-шлюпкѣ слѣдовалъ далѣе къ сѣверу по Обской Губѣ. 28-го прошелъ то мѣсто, откуда возвратился въ 1734 году; 5-го Августа достигъ въ широту $72^{\circ} 34'$, гдѣ остановленъ

льдомъ, который впереди покрывалъ всю Обскую губу, и стоялъ еще твердо съ прошедшей зимы. Лейтенантъ Овцынъ ходилъ взадъ и впередъ около этого мѣста, въ ожиданіи, что ледъ будетъ взломанъ и унесенъ въ море; видя, что онъ стоитъ неподвижно, рѣшился, съ совѣта своихъ подчиненныхъ, для зимованія возвратиться въ Обдорскъ, куда и прибылъ 26-го Сентября. Въ началѣ Октября рѣка Обь покрылась льдомъ. Въ Декабрѣ мѣсяцѣ пріѣхали къ Обдорску Оленные Самоѣды, для взноса въ казну ясака; съ ними отправленъ геодезін ученикъ, описывать берегъ Ледовитаго Моря.

1737 года, Мая 5-го, флотскій мастеръ Кошелевъ и штурманъ Мининъ, на вновь построенномъ ботѣ, названномъ Почталіонъ-Обь, пошли отъ Tobольска внизъ по рѣкамъ Иртышу и Оби; 5-го прибыли къ Обдорску, и вступили подъ начальство лейтенанта Овцына. Въ это время дубель-шлюпка была готова къ походу. Овцынъ опредѣлилъ на оную командиромъ мастера Кошелева, а самъ перешелъ на ботъ.

29-го Іюня оба судна отправились отъ Обдорска внизъ по рѣкѣ Оби. 9-го Іюля пришли къ Семіозернымъ магазинамъ, взяли на суда оставленный въ нихъ прошедшаго лѣта провіантъ, и другіе припасы. 14-го пошли далѣе къ сѣверу по Обской Губѣ, но за противными вѣтрами и туманами весьма медленно. 6-го Августа находились въ широтѣ $72^{\circ} 46'$, у праваго берега Обской Губы, близъ устья залива, называемаго Гыдыльмъ, вдавагося внутрь берега къ юговостоку, на 160 верстѣ; въ вершинѣ его впадаетъ рѣчка того же названія.

7-го Августа, лейтенантъ Овцынъ, съ совѣта своихъ подчиненныхъ, положилъ, по позднему осеннему времени, не осматривать лѣваго берега Обской Губы, а поспѣшить къ рѣкѣ Енисею. На другой

день мореплаватели вышли в Ледовитое Море; близ устья Обской Губы, в широтѣ $72^{\circ} 40'$, увидѣли, что направленіе прилива на SW, по $3\frac{1}{2}$ мили, отлива на NO съ равною скоростью. При попутномъ вѣтрѣ, продолжая путь къ сѣверу до широты $73^{\circ} 56'$, встрѣтили густой, высокими буграми стоявшій ледъ, на которомъ сидѣли чайки во множествѣ; глубина въ этомъ мѣстѣ была 11 сажень; теченіе моря къ западу по $\frac{3}{4}$ мили въ часъ. Здѣсь видѣли кита. Поворотили отъ льдовъ къ берегу на SOIS и впереди льдовъ уже не было. На другой день усмотрѣли на ONO землю; глубина была 7, 6 и 5 сажень; грунтъ сѣрый и крѣпкій песокъ. 10-го приблизились къ невысокому и ровному берегу, у котораго стали на якорь, въ разстояніи $\frac{1}{2}$ мили, на глубинѣ $2\frac{1}{2}$ сажень, имѣя сѣверный мысъ на NNO, южную оконечность берега на StO. Для обозрѣнія сего берега посланъ на ялботъ штурманъ Мининъ, который къ вечеру возвратясь, донесъ, что берегъ ровный, невысокій, положеніе отъ SW къ NO; по заплескамъ лежитъ много выброшеннаго моремъ лѣса; далѣе внутрь берега шесть озеръ, соединенныхъ одно съ другимъ рѣчкою, впадающею въ море; по озерамъ и рѣчкѣ множество дикихъ гусей, утокъ и чаекъ. Земля вездѣ тундренная, и нѣтъ ни какого растенія; вдали видѣли дикихъ оленей и одного бѣлаго медвѣдя. Широта якорнаго мѣста найдена $73^{\circ} 40'$; склоненіе компаса $\frac{1}{2}$ румба восточное; теченіе моря примѣчено съ 7-го часа утра до полудня $3\frac{1}{4}$ мили къ сѣверу.

Слѣдующіе шесть дней, мореплаватели наши, при противныхъ вѣтрахъ, днемъ лавировали, а въ ночное время стояли на якорѣ. 16-го находились въ широтѣ сѣверной $73^{\circ} 18'$; тогда сѣверо-восточный мысъ,

называемый Мате-Соль *, былъ отъ нихъ на OSO въ $3\frac{1}{2}$ миляхъ. На семь мысѣ лейтенантъ Овцынъ приказалъ поставить изъ выкиднаго лѣса знакъ, съ надписью, что онъ въ 1737 году, 16-го Августа, прошелъ съ двумя судами изъ Обской Губы къ востоку. Въ этомъ мѣстѣ вода горька и солона, цвѣта свѣтлозеленаго; приливъ и отливъ N и S по $3\frac{1}{4}$ мили. Идучи далѣе къ O, на глубинѣ 10, 7, 5 сажень, замѣтили 17-го числа множество лѣсу, несомога отъ S къ N. Глубины оказывались весьма неровныя, и обширныя мели простирались отъ берега въ море. За мысомъ Мате-Соль къ StO вдалекъ большой заливъ на 100 верстѣ, шириною до 35. Далѣе этого залива морской берегъ до устья рѣки Енисея простирается къ SO на 160 верстѣ.

30-го Августа мореплаватели наши подошли къ устью рѣки Енисея, и чрезвычайно были обрадованы прибытіемъ на лодкѣ геодезін ученика Пранишника, который близъ устья Енисея ожидалъ суда, чтобы показать имъ входъ въ рѣку.

1-го Сентября оба судна благополучно вошли въ устье рѣки Енисея, и остановились у магазиновъ, которые, по приказанію начальства, нарочно были построены для припасовъ, нужныхъ нашимъ путешественникамъ. Широта сего мѣста найдена $71^{\circ} 31'$; склоненіе компаса $\frac{3}{4}$ румба восточное.

Получивъ изъ магазиновъ провіантъ, и взявъ проводника, знающаго фарватеръ рѣки, лейтенантъ Овцынъ пошелъ 2-го Сентября Енисеемъ; въ про-

* Въ Хронологической исторіи г. Берха, часть I-я стр. 124, ошибочно сказано, что сіе четвертое плаваніе Овцына было въ 1738 году, и что онъ тогда, обошедъ мысъ Ямалъ, вошелъ въ рѣку Енисей, у Миллера также ошибка въ годъ, но мысъ называетъ онъ Мате-соль. Мысъ Ямалъ, какъ мы выше видѣли, находится на западной сторонѣ Обской губы. Мате-соль на Самоѣдскомъ языкѣ значить Тупой мысъ.

долженіе мѣсяца поднимался онъ вверхъ подъ парусами, поспѣвая сколько возможно къ городу Туруханску, но 2-го Октября остановленъ льдомъ, и зимоваль въ Ангутскомъ заливѣ, не доходя 30 верстъ до Туруханска. Мастеръ Кошелевъ на дубель-шлюпкѣ отсталъ на нѣсколько верстъ, не могъ идти далѣе, принужденъ былъ спуститься внизъ по Енисею, и при устьѣ рѣки Денешкиной остался для зимованія, въ 100 верстахъ отъ Туруханска.

1738-го года, лейтенантъ Овцынъ, по доносу подчиненныхъ, отданъ подъ судъ. Мастеръ Кошелевъ потребованъ въ С. Петербургъ, для отчета по дѣламъ. Штурману Минину предписано слѣдующаго лѣта идти въ Ледовитое Море, и стараться обойти Таймурскій Мысъ.

По наступленіи весны, оба судна были освидѣтельствованы, и оказалось, что дубель-шлюпка къ плаванію не надежна. Штурманъ Мининъ приготовилъ ботъ, на которомъ Іюня 4-го отправился внизъ по рѣкѣ Енисею, и 3-го Августа пришелъ къ ея устью. По выходѣ въ море продолжалъ плаваніе подлѣ берега; 8-го Августа миновалъ утесистаго каменнаго берега мысъ, называемый Ефремовъ камень, въ широтѣ $72^{\circ} 36'$; 9-го, въ широтѣ $72^{\circ} 53'$, на глубинѣ 15 сажень, встрѣтилъ густой ледъ, который принудилъ его возвратиться къ зимовью Волгину; широта онаго найдена $72^{\circ} 20'$. Простоявъ три дня, Мининъ пошелъ опять къ сѣверу вдоль утесистаго каменистаго берега. 16-го, въ широтѣ $73^{\circ} 8'$, сталъ на якорь за утесистымъ же каменистымъ островомъ, отъ матераго берега въ 4 миляхъ; далѣе за великими льдами продолжать плаванія было невозможно. 22-го послалъ на ялботъ штурмана Стерлегова подлѣ берега, для осмотра, не найдется ли гдѣ возможности пройти; черезъ три дня посланный возвра-

тился, и донесъ, что онъ шелъ подлѣ самаго берега между льдомъ съ великою трудностію; въ 40 верстахъ отъ судна увидѣлъ, что берегъ заворотился къ востоку и дальній мысъ, впереди, былъ тогда на $ONO \frac{1}{4} O$, въ 16 миляхъ. Итти къ нему штурманъ Стерлеговъ не могъ, по недостатку взятой имъ провизіи, и принужденъ былъ возвратиться къ судну. Вдоль сѣвернаго берега того острова, за которымъ ботъ былъ на якорѣ, глубина 19 и 20 сажень.

Штурманъ Мининъ, простоявъ за островомъ до 30-го Августа, по причинѣ наступившихъ морозовъ, отправился въ обратный путь; 13-го Сентября вошелъ въ рѣку Енисей, и зимоваль, не доходя до города Туруханска, у зимовья Исакова Терехино.

1739-го года, Іюня 3-го рѣка вскрылась. Штурманъ Мининъ весною занялся описью тѣхъ частей Енисея, которыя въ прошедшіе годы не были еще осмотрѣны; въ фавртеръ нашелъ онъ отъ 2 до 8 сажень глубины. 18-го Іюня на ботъ ходилъ Мининъ вверхъ Енисея къ Туруханску, чтобы запастись провизіею, долженъ былъ ожидать оной до 31-го Іюля, и потому отправился въ назначенный ему путь весьма поздно, дошелъ только до устья рѣки Енисея и возвратился.

Въ 1740 году, изъ Туруханска на собакахъ посланъ штурманъ Стерлеговъ къ устью Енисея, для описи морскаго берега до рѣки Таймуры. Онъ поѣхалъ отъ Волгинскаго зимовья, при устьѣ Енисея, и 22-го Марта былъ у сѣверовосточныхъ острововъ, въ широтѣ по наблюденію $73^{\circ} 5'$; 23-го началъ опись; въ тотъ же день, въ широтѣ по наблюденію $75^{\circ} 9'$, нашелъ склоненіе компаса 10° восточное; ему казалось, что въ 3 и 4 верстахъ отъ берега носился ледъ, и какъ онъ говорить: «надъ водою

стоитъ парь, яко дымъ». Продолжая опись вдоль берега на сѣверь, Стерлеговъ почти каждый день опредѣлялъ широту по наблюденьямъ. Берегъ материка и близъ него лежащіе острова скалисты, до широты $75^{\circ} 13'$,—въ которой находился Стерлеговъ. Апрель 12-го, 14-го, на высокомъ каменномъ мысѣ, въ широтѣ $75^{\circ} 26'$, поставили маякъ-компасъ; «склоненіе праваго сѣвера (такъ говоритъ Стерлеговъ) весьма много стало показывать, и не равное, и уповаемо, что въ здѣшнихъ сѣверныхъ мѣстахъ магнитная сила служить не стала.» По причинѣ боли въ глазахъ, отъ блестящей бѣлизны свѣга, какъ у проводниковъ, такъ и у Стерлегова, онъ принужденъ пойти въ обратный путь, и остановился при устьѣ рѣки Пясини, въ зимовьѣ двухъ промышленниковъ, чтобы дать отдохнуть собакамъ, изъ коихъ больше половины такъ истошались, что не могли далѣе везти нартъ. 29-го Мая достигли устья рѣки Енисея.

Штурманъ Мининъ, 7-го Июня, на ботѣ отправился внизъ по рѣкѣ Енисею; 4-го Августа вышелъ въ Ледовитое Море, и следовалъ вдоль берега къ сѣверу. Прошедъ острова сѣверовосточные, терпѣлъ жестокий штормъ отъ SW и NW, потерялъ яликъ, который висѣлъ на боканцахъ; 14-го Августа, для укрытія отъ волненія, зашелъ за рифъ, гдѣ и отстоялся на якорѣ. Продолжалъ плаваніе, 16-го находился близъ устья рѣки Пясини, въ которое по причинѣ мелей, войти не могъ. 17-го, осмотрѣлъ заливъ въ устьѣ этой рѣки, дабы въ случаѣ нужды найти надежное убѣжище. Заливъ закрытъ отъ NW вѣтровъ, глубина $4\frac{1}{2}$ сажени, грунтъ хорошъ. 20-го, въ широтѣ по наблюденьямъ $74^{\circ} 45'$, усмотрѣли за двумя островами закрытый заливцеъ. При благополучномъ вѣтрѣ продолжалъ плаваніе на N, находили глубину 8, 10 сажень, и вдругъ лотомъ не достали

дна *. Августа 21-го въ широтѣ $75^{\circ} 15'$, Мининъ встрѣтилъ непроходимый ледъ, и потому въ журналѣ его сказано: «отъ незнанія впереди положенія берега, къ прибѣжищу отъ всѣхъ случаевъ, къ сохраненію судна принужденъ былъ поворотить назадъ.» Время уже настало холодное, и Делилевъ термометръ опускался на 209° (Реомюр. 3°). 28-го Августа вошли въ устье р. Енисея, вверхъ которой продолжали плаваніе до широты $69^{\circ} 40'$, гдѣ 16-го Сентября, при устьѣ рѣки Дудины остановились зимовать.

Въ 1741 году, штурманъ Мининъ описывалъ рѣку Енисей до города Енисейска, гдѣ оставя ботъ Почталіонъ-Обь, съ командою отправился въ С. Петербургъ.

На дубель-шлюпку Якутскъ, подобную Оби, построенную въ Якутскѣ, назначенъ командиромъ лейтенантъ Прончицевъ, которому предписано итти Ледовитымъ Моремъ отъ устья Лены на западъ къ Енисею, на встрѣчу боту Оби, подъ командою лейтенанта Овцына. Въ то же время приготовлено было въ Якутскѣ другое судно, Иркутскъ, подъ начальствомъ лейтенанта Ласинюса, которому велѣно итти на востокъ по Ледовитому Морю, близъ береговъ, и стараться пройти Беринговымъ проливомъ въ восточный Океанъ, а потомъ продолжать путь къ Камчаткѣ, или къ рѣкѣ Анадыру.

Июня 30-го 1735 года, оба судна отправились внизъ по теченію рѣки Лены, сопровождаемыя дощаниками, на коихъ погруженъ былъ запасный провіантъ, съ другими разными потребностями. Плаваніе по Ленѣ совершили безъ всякаго затрудненія; глубина по рѣкѣ найдена отъ 4 до 9 сажень; берега были покрыты лиственничнымъ и березовымъ

* Въ журналѣ не упомянуто, сколько сажень линия выпустили.

лѣсомъ; мореплаватели миновали много острововъ, на которыхъ, такъ, какъ и на берегахъ рѣки, видѣли промышленниковъ, ловившихъ рыбу; по всѣмъ этимъ обстоятельствамъ путешествіе было довольно пріятное.

2-го Августа пришли къ устью Лены, впадающей въ Ледовитое Море плутью рукавами, образуя чрезъ то четыре острова; 8-го, восточнымъ рукавомъ, называемымъ Быховскій Протокъ, вышли въ Ледовитое Море; тогда, перегрузивъ на суда провіантъ и припасы, отправили дощаники обратно въ Якутскъ.

9-го Августа, оба мореплавателя разстались, пожелавъ другъ другу достигнуть благополучно назначенной имъ цѣли. Ласниусъ пошелъ на востокъ. Прончищевъ, за противнымъ вѣтромъ не прежде 14-го, направилъ путь къ сѣверу, обходя острова Кырылаалъ, Тумиты и Креста, которые лежатъ въ устьѣ рѣки Лены, и ея рукавами отдѣляемы отъ матерой земли.

16-го Августа Прончищевъ увидѣлъ къ сѣверу множество льду, и потому не удаляясь отъ вышепомянутыхъ острововъ, но держась подлѣ нихъ, шелъ къ сѣверу и сѣверозападу, на глубинѣ $1\frac{1}{2}$, 2 и $2\frac{1}{2}$ сажени; 24-го пришелъ къ западному устью рукава Лены, поворотилъ на югъ, внутрь губы, къ устью рѣки Оленекъ, къ которому приближась, 26-го числа сталъ на якорь, и послалъ промѣривать фарватеръ, ведущій въ рѣку; 30-го вошелъ въ устье, и остановясь у берега, противъ пустыхъ лѣтнихъ промышленническихъ юртъ, расположился зимовать.

20-го Сентября, крѣпкимъ сѣвернымъ вѣтромъ нанесло съ моря въ рѣку множество льда, который бывшимъ тогда морозомъ скрѣпилось, и рѣка стала.

5-го Октября отдѣлали для жилья землянки, и команда съ судна перебралась въ нихъ. Широта этого мѣста по наблюденіямъ найдена $72^{\circ} 54'$. 10-го Ноября солнце скрылось за горизонтъ*.

Съ наступленіемъ весны 1736 года лейтенантъ Прончищевъ началъ готовить судно къ походу, но рѣка Оленекъ вскрылась до устья не ранѣе 21-го Іюня, и тогда въ морѣ стоялъ еще твердый ледъ.

3-го Августа отнесло льды отъ устья Оленека, и Прончищевъ направилъ путь къ сѣверозападу.

5-го, пришедъ въ устье рѣки Анабары, послалъ геодезиста Чекина вверхъ по рѣкѣ, промѣривать глубину; чрезъ 6 дней Чекинъ возвратился.

12-го Прончищевъ отправился далѣе къ сѣверу вдоль берега, но отойдя только 32 мили, встрѣтилъ льды, между коими, при противномъ вѣтрѣ, лавировалъ; 13-го пробрался къ устью губы Хотанги, которая при входѣ шириною до 30 миль; на срединѣ два острова, одинъ низменный и отъ него къ за-

* Въ Запискахъ Адмиралтейскаго Департамента, выведена изъ показаннаго времени сокрытія солнца за горизонтъ широта мѣста $70^{\circ} 57'$, и по разности сей широты съ опредѣленною Прончищевымъ заключили, что сія послѣдняя опредѣлена невѣрно. Основываясь на ошибочномъ предположеніи, и на широтѣ устья Колымы, найденной капитаномъ Виллингсомъ, $69^{\circ} 29'$, на $1^{\circ} 46'$ менше означенной, на прежнихъ картахъ Ледовитаго Моря, выведено заключеніе, что берегъ Ледовитаго моря на прежнихъ картахъ, т. е. картахъ, сочиненныхъ морскими офицерами, бывшими съ Прончищевымъ, положенъ на полтора градуса сѣвернѣе настоящаго. Для опроверженія всего этого пужно токъ замѣтить:

1. Широта устья Оленека на картѣ Прончищева $72^{\circ} 54'$.

— — — — — лейт. Анжу. $72^{\circ} 57'$.

2. Широта (сислима) маяка при устьѣ рѣки Колымы, Лапсевымъ $70^{\circ} 05'$.

лейт. Врангелемъ $69^{\circ} 35'$.

3. Въ большихъ сѣверныхъ широтахъ, зимою и при талин снѣговъ весною, горизонтальная рефракція бываетъ столь велика и не равномерна, что нарушаетъ вѣрность обыкновеннаго математическаго вычисленія широты, по времени сокрытія свѣтила за горизонтомъ.

паду другой утесистый каменный; глубина въ устьѣ отъ 9 до 12 сажень. Прончицевъ, усмотря на берегу шалашъ, послалъ провѣдать, нѣтъ ли жителей; посланные вскорѣ возвратясь, объявили, что усмотрѣнный шалашъ зимовье промышленниковъ; людей не видали; нашли только собакъ и свѣжій хлѣбъ, изъ чего заключили, что хозяинъ вышелъ на промысль.

По наблюденію высоты солнца, Августа 14-го, находились въ широтѣ $74^{\circ} 48'$; склоненіе компаса было $4\frac{1}{2}$ румба восточное; устьѣ губы Хотанги отстояло на SW $2^{\circ} 44'$, въ 30 миляхъ.

17-го увидѣли губу, покрытую сплошнымъ льдомъ, мимо коего пробирался далѣе съ великимъ трудомъ, на глубинѣ отъ 2 до 14 сажень. Между льдомъ видѣли много острововъ, но за туманомъ величины ихъ опредѣлить не могли. По счисленію, мореплаватели наши полагали, что онѣ въ 120 миляхъ отъ устья губы Хотанги, въ широтѣ $76^{\circ} 20'$.

18-го, держась подлѣ стоячаго льда, по препятствіямъ отъ льда плавающего, шли впередъ весьма медленно. Высокія горы, покрытыя снѣгомъ, видны были за низменнымъ берегомъ, въ отдаленіи на югозападъ. Море было наполнено буграми плавающего льда, и въ губѣ стоялъ неподвижный гладкій ледъ.

19-го, прошли мимо большой губы, которая простиралась на югозападъ до 20 миль; впереди увидѣли два острова, и между ними проливъ, шириною около мили.

Прошедъ сѣн острова, Прончицевъ держалъ къ сѣверу, дабы обойти сплошные, не ломанные льды, пролегающіе изъ губы въ море; суда были подвержены непрестанной опасности быть раздавленными отъ льда. Въ полдень мореплаватели наши полагали,

что находятся противъ устья рѣки Таймуры, берега коей возвышены. Глубина моря поперегъ губы Таймурскаго устья была отъ 10 до 35 сажень *. Пробиваясь далѣе къ западу, видѣли между островами много плавающихъ бѣлугъ и летающихъ чакъ. Это еще болѣе удостовѣрило, что были точно при устьѣ рѣки Таймуры **, но войти въ него не имѣли возможности, по причинѣ стоячаго сплошнаго льда, который, кажется, всегда неподвиженъ; у береговъ не видно было ни какихъ заплесковъ, но отъ него простирался въ море ледяныя закраины, по коимъ во множествѣ ходили бѣлые медвѣди. 20-го Августа, около полуночи, судно льдами сжало со всѣхъ сторонъ, такъ, что не было возможности итти далѣе, и потому въ широтѣ сѣверной $77^{\circ} 29'$, Прончицевъ рѣшился, съ совѣта своихъ подчиненныхъ, возвратиться, и итти зимовать въ рѣку Хотангу, или другое удобное мѣсто. Въ сіе время настала совершенная тишина, сдѣлался морозъ, и море покрылось льдомъ. Оставалось одно средство пробираться назадъ греблею между льдовъ.

25-го задулъ крѣпкой сѣверный вѣтеръ, и судно со льдами понесло къ югу. Мореплаватели наши отчаялись въ своемъ спасеніи, но на другой день, къ счастью ихъ, сильными порывами вѣтра разнесло весь ледъ, и открылся свободный путь; тогда воспользовались благополучнымъ вѣтромъ, пришли къ устью рѣки Хотанги, но войти въ него не имѣли

* Въ Запискахъ Адмиралтейскаго Департамента сказано, что 18-го Августа, съ 5 сажень вдругъ оказалось 113 сажень глубины, а не много далѣе лотомъ дна не достали. Въ подлинномъ журналѣ Прончицева объ этомъ ничего не упомянуто.

** Прончицевъ ошибался, полагая себя противъ устья Таймуры, впадающей въ губу по западной сторонѣ северовосточнаго мыса, котораго онъ не обошелъ, въ чемъ легко можно удостовѣриться, сравнивъ журналъ его съ описью Л. Х. Лаптева и штурмана Челоскина.

возможности, по множеству льду, и отъ того направили путь къ рѣкѣ Оленекъ; 28-го достигли ея устья; за противными вѣтрами и льдами носимы были шесть дней взадъ и впередъ. Весь экипажъ отъ стужи и трудовъ былъ въ великомъ изнеможеніи, и едва управлялъ парусами, которые отъ мокроты и стужи оледенѣли. Прончищевъ, больной, не могъ выходить изъ каюты; болѣзнь его еще болѣе усилилась отъ отчаяннаго положенія его судна, и онъ, къ крайней горести всѣхъ его подчиненныхъ, умеръ 30-го Августа. Послѣ него вступилъ въ начальствованіе судномъ штурманъ Челюскинъ.

3-го Сентября, мореплавателямъ нашимъ удалось войти въ устье Оленека. На другой день, они съ надлежащею почестью отдали послѣдній долгъ бывшему своему начальнику. Несчастливая супруга Прончищева, бывшая съ нимъ въ этомъ путешествіи, лилась нѣжно любимаго ея мужа, не перенесла такой потери; снѣдаемая печалію, она вскорѣ за нимъ послѣдовала, и похоронена съ нимъ вмѣстѣ.

18-го Сентября, Оленекъ покрылся льдомъ. Штурманъ Челюскинъ зимовалъ при сей рѣкѣ; слѣдующаго 1737 года, въ исходѣ Юля, вышелъ онъ на дубель-шлюпкѣ въ Ледовитое Море, и предполагалъ, что послѣ тщетныхъ покушеній прошедшаго лѣта, и при очевидной невозможности миновать сѣверный Таймурскій мысъ, предпринимать вторичное плаваніе на западъ къ устью Енисея напрасно, рѣшился итти назадъ къ устью Лены, и по оной вверхъ возвратиться въ Якутскъ. По прибытіи въ этотъ городъ не нашелъ онъ тамъ командора Беринга, который тогда былъ въ Охотскѣ, послалъ къ нему рапортъ о своемъ возвращеніи, и отправился въ С. Петербургъ, для личнаго объясненія высшему начальству о плаваніи лейтенанта Прончищева. Адмиралтействъ Коллегія,

по рассмотрѣніи карты Ледовитаго Моря, представленной штурманомъ Челюскинымъ, не утвердился на его объясненіяхъ о невозможности пройти къ рѣкѣ Енисею, положила, для большаго удостовѣренія, испытать еще разъ, не удастся ли слѣдующимъ лѣтомъ, на дубель-шлюпкѣ, по Ледовитому Морю обойти сѣверный Таймурскій Мысъ; когда же при всѣхъ усиліяхъ сего сдѣлать невозможно, тогда осмотрѣть и описать мысъ берегомъ. Штурманъ Челюскинъ отправленъ обратно въ Якутскъ; между тѣмъ командиромъ на дубель-шлюпку опредѣленъ вмѣсто лейтенанта Прончищева, лейтенантъ Харитонъ Лаптевъ.

1739 г. лейтенантъ Лаптевъ, исправля дубель-шлюпку, и запасшись на два года провіантомъ, 9-го Юня пошелъ отъ Якутска внизъ по рѣкѣ Ленѣ; 20-го Юля, вышедъ въ Ледовитое Море черезъ Крестовскій рукавъ, на устьѣ сего рукава построилъ изъ выкиднаго лѣса маякъ, вышиною въ 7 сажень, отпустилъ обратно въ Якутскъ дощаники, кромѣ одного, который отправилъ къ устью Оленека, велѣлъ тамъ выгрузить провіантъ, и на дубель-шлюпкѣ пошелъ къ западу вдоль берега. Вскорѣ встрѣтилъ льды; продолжалъ путь между оными миновалъ рѣку Оленекъ; потомъ губу, покрытую столчимъ льдомъ, по которому бѣгали во множествѣ песцы и одинъ бѣлый медвѣдь; губу сію назвалъ онъ Нордвигъ; наконецъ, 6-го Августа пришелъ къ устью губы Хотанги. Въ этомъ мѣстѣ лейтенантъ Лаптевъ намѣренъ былъ выгрузить съ дубель-шлюпки часть провіанта, но окруженная со всѣхъ сторонъ льдомъ, который принесло возставшимъ сѣвернымъ вѣтромъ, дубель-шлюпка была совершенно сжата, и ежеминутно надлежало ожидать ея крушенія. Въ такомъ опасномъ положеніи мореплаватели находились до 16-го Августа;

тогда переменявшийся вѣтръ отнесъ льды въ море, и они продолжали путь къ сѣверу. На льдинахъ видѣли множество лежащихъ моржей.

20-го, прошли мимо мыса святаго Ѡаддея. Льды вновь прижимали дубель-шлюпку къ берегу, и наконецъ стоячіе льды совсѣмъ заградили имъ путь.

21-го, остановясь на якорѣ подлѣ самаго мыса св. Ѡаддея, въ широтѣ 76° 47' по счисленію, лейтенантъ Лаптевъ послалъ геодезиста Чекина по льду, узнать, далеко-ли на западъ простирается матерой берегъ. Въ тоже время два человѣка послали къ югу берегомъ, отыскать устье рѣки Таймуры, и шестеро на мысъ, для устройства на ономъ маяка; они нашли на самомъ мысѣ мамонтовый рогъ. «Мысъ св. Ѡаддея состоитъ изъ каменнаго утеса, и простирается въ губу къ S и къ W; мѣстами мелкій камень, бѣлый какъ алебастръ, вязкая глина, и изрѣдка мохъ, негодный для корма оленей.» Къ NW видѣли землю, и на ней высокія горы, мѣстами покрытыя снѣгомъ, и простирающіяся отъ N къ S около 30-ти верстѣ. Лейтенантъ Лаптевъ полагалъ, что земля эта была та самая, отъ которой, въ 1736 году, лейтенантъ Прончищевъ пошелъ въ обратный путь, а островъ, отстоявшій отъ нихъ на NW близъ 10-ти миль, признанъ за послѣдній къ сѣверу, въ прошедшую кампанію описанный, и названъ островомъ св. Лаврентія.

Геодезистъ Чекинъ возвратился не разсмотрѣвъ, по причинѣ тумана, положенія берега; штурманъ Челюскинъ, посланный на берегъ для обозрѣнія моря, по возвращеніи донесъ, что далѣе къ сѣверу губа и море покрыты гладкимъ, сплошнымъ льдомъ, и что не видно никакого прохода. Тогда лейтенантъ Лаптевъ, съ совѣта своихъ подчиненныхъ, рѣ-

шилъ, по причинѣ приближающейся осени, и уже наступившихъ морозовъ, возвратиться.

На обратномъ пути, мореплаватели были подвержены непрестаннымъ опасностямъ отъ льдовъ, между коими пробирались съ великимъ трудомъ. Наконецъ, 27-го Августа, благополучно вошли въ Хотангу, гдѣ и остались зимовать, при устьѣ рѣчки Блудной. Въ этомъ мѣстѣ нашли осѣдлыхъ Тунгусовъ, называемыхъ Сидячими, потому, что не кочуютъ, а живутъ на одномъ мѣстѣ; они не имѣютъ оленей, а вмѣсто ихъ, для зимней вѣды, держатъ собакъ, и запрягаютъ въ нарты, точно такъ, какъ Охотскіе сидячіе Тунгусы.

Экипажъ съ дубель-шлюпки перебрался на берегъ въ избушки, которыя устроили изъ выкиднаго лѣса, но какъ по близости было его недостаточно и для построенія жилищъ, а къ согрѣванію въ зимнее время надлежало имѣть весьма большое количество дровъ, то всѣ служители должны были ходить за лѣсомъ ежедневно по нѣскольку верстѣ. Сіе безпрестанное движеніе много предохранило ихъ отъ цынготной болѣзни.

Лейтенантъ Лаптевъ, стараясь въ точности исполнить порученное ему изслѣдованіе о положеніи Таймурскаго мыса, отправилъ, 1740 года, 23-го Марта, геодезиста Чекина, на собакахъ къ рѣкѣ Таймуры, для описи морскаго берега, отъ устья оной къ сѣверу лежащаго, до рѣки Пясины. Тунгусы взялись вести Чекина на своихъ семи нартахъ, запряженныхъ собаками. Двое оленныхъ Тунгусовъ, съ 18-ю оленями, согласились сопутствовать, но 9-го Апрѣля возвратились, и объявили, что у нихъ всѣ олени отъ недостатка корма пали.

17-го Мая, геодезистъ Чекинъ, возвратясь, донесъ, что онъ добравъ до рѣки Таймуры, продолжалъ

путь вниз оной до морского берега, и потомъ вдоль онаго къ западу до 100 верстъ. Тогда увидѣлъ, что направленіе берега прямо на югъ. Отъ сего мѣста далѣе подлѣ моря слѣдовать онъ не могъ, по недостатку корма для собакъ, и долженъ былъ возвратиться, дабы поспѣшить къ зимовью.

Лейтенантъ Лаптевъ, зная изъ опыта, что съверный Таймурскій Мысъ обойти моремъ невозможно, по причинѣ простирающагося отъ онаго сплошнаго, неподвижнаго льду, не разсудилъ предпринимать вторичнаго плаванія, и рѣшился итти къ устью Лены. Два раза выходилъ онъ въ море, но льды принуждали его возвращаться въ Хотангскую Губу; 30-го Іюля вышелъ въ третій разъ, и съ великимъ трудомъ сталъ пробираться между льдами къ востоку.

13-го Августа, дубель-шлюпку сжало льдами, выломало форштгевель, и пробило подводную ея часть, отъ чего оказалась великая течь. Три дня безпрестанно отливали воду, но какъ она не убывала, то сбросили пушки и прочія тяжести въ море, и начали выгружать провизию на ледъ, чтобы облегчить судно и спасти отъ потопленія.

Въ семъ бѣдственномъ положеніи, мореплаватели наши, находясь далеко отъ береговъ, носимые между льдовъ вѣтрами и теченіемъ, совершенно предались отчаянію и ожидали томительной смерти.

19-го, наставшій сильный морозъ покрылъ тонкимъ льдомъ поля мѣста между льдинами; тогда нѣкоторые смѣлые изъ служителей дубель-шлюпки пошли пѣшкомъ по льду къ берегу, полагая, что оный находится къ югу въ 20-ти верстахъ; во многихъ мѣстахъ встрѣчали поляны, чрезъ которые принуждены были переплывать на малыхъ льдинахъ, съ великою опасностію, и наконецъ благополучно достигли берега. Три дня послѣ того про-

должавшійся морозъ покрылъ все море твердымъ льдомъ; лейтенантъ Лаптевъ, забравъ сколько возможно провизию, перешелъ со всемъ экипажемъ на берегъ. Сначала обрадовались, достигнувъ твердой земли, но скоро увидѣли, что положеніе было не лучше прежняго, ибо не могли продолжать пути къ своему Хотангскому зимовью, по причинѣ рѣчекъ, которыя тогда еще не стали, но покрыты были густымъ несущимся льдомъ; должно было оставаться на пустомъ берегу, гдѣ не находили даже и дровъ, для согрѣванія себѣ и варенія пищи. Вырыли въ землѣ ямы, въ которыхъ укрывались отъ стужи и вѣтровъ; между тѣмъ посылали попеременно людей къ дубель-шлюпкѣ, переносить на берегъ сухари и прочую провизию, но 30-го, возставшимъ крѣпкимъ вѣтромъ, весь ледъ взломанъ и унесенъ въ море, вмѣстѣ съ дубель-шлюпкой, и мореплаватели наши лишились большей части провизию, оставшейся на льдинахъ. Послѣ сего провели три недѣли въ пустомъ мѣстѣ, претерпѣвая стужу и голодъ, отъ чего многіе умерли, но при всемъ томъ оставшіеся сохранили бодрость, и съ твердостью, безъ роптанія, перенесли свое несчастіе.

21-го Сентября, преграждавшія путь рѣки покрылись крѣпкимъ льдомъ, и лейтенантъ Лаптевъ съ командою началъ пробираться къ прежнему своему зимовью. Путь былъ весьма трудный и продолжительный; малую часть провизию, истощенныя собаки везли на нартахъ; прочее несли служители на себѣ, прокладывая дорогу по неровнымъ и неизвѣстнымъ мѣстамъ; наконецъ, изнуренные 25-ти дневнымъ странствованіемъ, прибыли къ прежнему зимовью на рѣкѣ Хотангѣ, лишась дорогого 12-ти человѣкъ, умершихъ отъ стужи, голода и болѣзней.

Лейтенантъ Лаптевъ расположилъ провѣсть зиму въ Хотангскомъ зимовьѣ, и весною, какъ скоро возможно будетъ, пробираться со всею командою къ устью рѣки Енисея, гдѣ находился приуготовленный въ магазинахъ провіантъ. Въ данномъ ему наставленіи предписано было осмотрѣть и описать сѣверный мысъ, между рѣками Хотангою и Таймурою, и ежели сего не можно будетъ исполнить моремъ, то произвѣсть берегомъ, а потому, въ началѣ Апрѣля 1741-го года, онъ послалъ на собакахъ штурмана Челюскина къ рѣкѣ Пясинѣ, и велѣлъ ему, выкормя собакъ и запасшись кормомъ у сидчихъ Тунгусовъ, живущихъ въ сихъ мѣстахъ, ѣхать на сѣверовостокъ вдоль морскаго берега, къ устью рѣки Таймуры.

Лейтенантъ Лаптевъ, приготовляясь отправиться на встрѣчу штурману Челюскину, и съ восточной стороны, кругомъ мыса Таймурскаго, описать берегъ, неосмотрѣнный лѣтомъ, послалъ Апрѣля 8-го, на 19-ти нартахъ, провіанта и другихъ съѣстныхъ припасовъ къ устью рѣки Таймуры, и на озеро Таймурское, а 10-го отправилъ на 60-ти оленьихъ санкахъ команду свою къ устью Енисея.

22-го, геодезистъ Чекинъ поѣхалъ, на 3-хъ нартахъ, для описи морскаго берега до Таймуры, а 24-го лейтенантъ Лаптевъ, чрезъ тундру, къ Таймурскому озеру, куда прибылъ 30-го, миновавъ нѣсколько озеръ и рѣчекъ, по курсу NW, на разстояніи около 192 верстъ. Отъ этого мѣста до вершины рѣки Таймуры, истекающей изъ сего озера, полагалъ онъ 22 версты, по румбу WNW. Сѣверные берега озера и рѣки (ширина ея отъ 2 до 2½ верст) состоятъ изъ высокихъ горъ, образованныхъ изъ камня желтоватаго цвѣта. Въ горахъ надъ берегомъ замѣтили пещеру, въ 5-ть сажень длины, и въ 3 по-

перегъ, коій стѣны состоятъ изъ чернаго аспида, а дно «камень бѣлый, какъ алебастръ.» Слѣдуя по всемъ извилинамъ рѣки, Мая 6-го, Лаптевъ достигъ ея устья, гдѣ дожидались уже посланные впередъ нарты съ провізіями; по наблюденію широта этого мѣста найдена $75^{\circ} 36'$; склоненіе компаса 2 румба восточное. Мая 10-го отправились чрезъ тундру на востокъ, дабы выѣхать къ морскому берегу, и оный описать, но мучительная глазная боль принудила Лаптева возвратиться къ зимовью на устье Таймурское, куда и прибылъ онъ 17-го. Оставя запасы для геодезиста Чекина, которому надлежало непременно быть къ зимовью, Лаптевъ отправился 20-го числа къ западу, на встрѣчу штурману Челюскину, производившему опись берега отъ рѣки Пясины къ востоку; въ полдень того же дня опредѣлили широту $75^{\circ} 33'$; 21-го прѣѣхалъ къ скалисту мысу, гдѣ опредѣлили широту $75^{\circ} 49'$, и склоненіе компаса 2 румба восточное, продолжалъ описывать берегъ, слѣдуя вдоль онаго по льду, который, по видимому, лѣтомъ былъ неподвиженъ; берегъ мѣстами крутой, мѣстами отлогой; въ полдень 24-го, по наблюденію, широта мѣста $76^{\circ} 38'$.

Проѣхавъ 3 версты SW, и удостовѣрившись, что направленіе берега идетъ къ югу, лейтенантъ Лаптевъ поставилъ маякъ на примѣтномъ мысѣ, отъ котораго въ 17-ти верстахъ прѣѣхалъ къ маяку, построенному геодезистомъ Чекинымъ, въ 1740 году. 26-го широта по наблюденію опредѣлена $76^{\circ} 25'$; въ этомъ мѣстѣ нашли довольно много плавнику; на восточномъ берегу онаго не видно. 29-го, по наблюденію, широта найдена $75^{\circ} 37'$, а Юня 1-го $75^{\circ} 21'$; берегъ возвышенный и на ономъ отлогія горы. 2-го Юня лейтенантъ Лаптевъ встрѣтился съ штурманомъ Челюскинымъ, и съ нимъ про-

должалъ путь вдоль берега, до устья рѣки Пясины, гдѣ находится Тунгусское жилие. Прибывъ къ оному Юня 10-го, опредѣлили широту мѣста $73^{\circ} 38'$ (на подлинной картѣ штурмана Минина, устье сей рѣки въ широтѣ $73^{\circ} 38'$), а склоненіе компаса $21^{\circ} 00'$ восточное. Лаптевъ на пути видѣлъ маякъ, поставленный Мининимъ, и въ лабазахъ оставлялъ съветные припасы для геодезиста Чекина.

На другой день по прибытіи къ жилию, лейтенантъ Лаптевъ отправилъ штурмана Челюскина берегомъ къ Енисею, а самъ за худостію собакъ остался всновать.

Штурманъ Челюскинъ, прибывъ 29-го Юля на устье рѣки Енисея, продолжалъ путь вверхъ рѣки; 4-го Августа соединился съ лейтенантомъ Лаптевымъ, который отъ устья рѣки Пясины пріѣхалъ на оленяхъ, прямымъ путемъ, чрезъ тундру. Августа 11-го сошлись со всею командою, которая ожидала начальника при устьѣ рѣки Лудина, впадающей въ Енисей въ широтѣ $69^{\circ} 40'$. Къ неудовольствію Лаптева, весьма неожиданно встрѣтилъ его и геодезистъ Чекинъ, который, по недостатку въ разныхъ припасахъ, принужденъ былъ возвратиться къ Хотангѣ, откуда прямымъ путемъ пріѣхалъ къ рѣкѣ Лудина. 29-го Августа всѣ прибыли въ городъ Мангазей, гдѣ остались зимовать.

Лейтенантъ Лаптевъ, желая довершить опись берега, простирающагося къ западу отъ мыса Св. Фаддея, отправилъ Декабря 4-го штурмана Челюскина, на 5-ти нартахъ, и 8-го Февраля, 1742-го года, выѣхалъ изъ Мангазея, на 5-ти же нартахъ, для произведенія этой описи.

Лейтенантъ Лаптевъ возвратился въ Мангазей Юля 16-го, не приобщивъ къ прежней описи ничего новаго; штурманъ Челюскинъ пріѣхалъ къ мысу

Св. Фаддея Мал 1-го, и занимался описью берега, удостоверился, что мысъ Св. Фаддея не есть самая сѣверная оконечность Азіи; однако жъ, хотя и объѣхалъ онъ часть берега, которая до того времени не была описана, но какъ не произведено наблюдений для опредѣленія широты, и опись была весьма поверхностная, то о положеніи этого берега знаемъ токмо, что оный омываемъ океаномъ, не соединяясь ни съ какою неизвѣстною, къ сѣверу лежащею землею; изъ журнала Челюскина не видно даже счислимой широты самой сѣверной оконечности этого берега. Мал 15-го, находясь на описанномъ прежде берегу, Челюскинъ пріѣхалъ чрезъ тундру къ ближнимъ Якутамъ, и 20-го Юля соединился съ лейтенантомъ Лаптевымъ въ Мангазей.

Лейтенантъ Лаптевъ, со всеми состоявшими подъ его начальствомъ, отправился изъ Мангазея вверхъ по рѣкѣ, производилъ опись оной до города Енисейска, куда прибылъ 27-го Августа, и потомъ поѣхалъ въ С. Петербургъ, для личнаго донесенія Адмиралтействъ Коллегіи о своемъ путешествіи.

1735 года Августа 9-го, лейтенантъ Ласиніусъ, разставшись при устьѣ рѣки Лены, съ лейтенантомъ Прончищевымъ, шелъ къ востоку; 13-го числа встрѣтилъ льды, между которыми съ великимъ трудомъ подвигался впередъ; 18-го Августа, видя невозможность продолжать путь дальѣ, за множествомъ льду, принужденъ былъ, съ совѣта своихъ подчиненныхъ, зайти въ рѣку Харіулахъ, отъ восточнаго устья Лены, называемаго Быковскимъ протокомъ, въ 120 верстахъ, гдѣ и расположился зимовать.

Въ этомъ мѣстѣ нашли много выкиднаго лѣса, и построили съ разными отдѣленіями избу, въ которой помѣстилась вся команда. Въ продолженіе зимы, отъ тѣсноты покоевъ и малаго движенія, всѣ под-

верглись цынготной болѣзни, и она къ веснѣ такъ усилилась, что большая часть изъ служителей, и лейтенантъ Ласиніусъ умерли; осталось живыхъ, изъ 52 человекъ, только священникъ, подштурманъ и 7 матросовъ. Командоръ Берингъ, извѣстия о смерти лейтенанта Ласиніуса и его спутниковъ, послалъ изъ Якутска къ рѣкѣ Харіулахъ штурмана Щербина и 14 человекъ служителей; они пріѣхали къ мѣсту зимовки 4-го Іюня 1736 года, нашли всѣхъ оставшихся людей зараженными цынгою, и къ службѣ неспособными, почему Щербинъ отправилъ ихъ въ Якутскъ. Между тѣмъ командоръ Берингъ, вмѣсто лейтенанта Ласиніуса, опредѣлилъ командиромъ на ботъ Иркутскъ лейтенанта Дмитрія Лаптева, котораго со всеми, подъ его начальство назначенными, изъ Якутска на дощаникахъ, нагруженныхъ потребнымъ количествомъ провіанта, отправился внизъ рѣкою Леною. Когда вышелъ онъ въ Ледовитое Море, непроходимыя льды не позволили ему продолжать пути далѣе; онъ оставилъ у Быковского устья дощаники, и на легкихъ лодкахъ подлѣ берега пробирался между льдами къ рѣкѣ Харіулахъ, гдѣ находился ботъ. 18-го Іюня начали пріуготовлять оный для предназначеннаго плаванія.

30-го, лейтенантъ Лаптевъ вышелъ въ Ледовитое море, и для забранія съ оставленныхъ имъ дощаниковъ провіанта, направилъ путь къ устью Лены. По морю носило множество льду, между которыми съ великимъ трудомъ пробрался онъ къ Быковскому устью; перегрузилъ съ дощаниковъ на ботъ провізю, и 11-го Августа отправился по Ледовитому морю на востокъ вдоль берега; два дня шелъ между льдовъ; на третій день ботъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ льдами, которые сдвинувшись, зажали его такъ, что невозможно было управлять. Въ

семь положеніи ботъ носило по морю до 15 Августа; тогда льды нѣсколько раздвинулись. Мореплаватели наши, видя невозможность продолжать путь далѣе, рѣшились, съ общаго совѣта, возвратиться къ устью Лены. Августа 22-го вошли въ устье Быковского протока, по которому съ великимъ трудомъ продолжали плаваніе, и отыскивая фарватеръ, становились часто на мель. 27-го усмотрѣли по поллярной звѣздѣ склоненіе компаса $3^{\circ} 00'$ восточное, «и въ тотъ же день вступили въ рѣку, близъ такъ называемаго Столба», гдѣ глубина была 20, 15, 10 сажень, а далѣе вверхъ рѣки по фарватеру 5, 3, 2 сажени. 6 Сентября вошли въ рѣку Хуматорки, гдѣ остались зимовать. Вскорѣ послѣ того понесло по рѣкѣ густой ледъ, и 8-го числа Лена онымъ покрылась. Во время зимы у многихъ изъ служителей оказалась цынга, отъ которой избавлялись движеніемъ, и декогтомъ изъ коры и шишекъ кедроваго кустарника.

Лейтенантъ Лаптевъ послалъ къ командору Берингу, находившемуся въ Якутскѣ, донесеніе о своемъ плаваніи, и о невозможности пройти по Ледовитому морю около мысовъ Борго и Святого, протирающихся между рѣками Леною и Индигиркою далѣе прочихъ къ сѣверу; стоявшіе около этихъ мысовъ сплошныя льды препятствовали итти далѣе. Якуты увѣряли, что льды никогда неоттоситъ отъ береговъ. Лаптевъ доносилъ, что всѣ покушенія, которыя впредь предприняты будутъ, почитаеъ оныя тщетными, и потому просилъ позволенія возвратиться съ дубель-шапокою въ Якутскъ; командоръ Берингъ позволилъ ему это исполнить.

1737 года, Мая 29-го, пошелъ лейтенантъ Лаптевъ вверхъ по Ленѣ, на глубинѣ 4, $3\frac{1}{2}$ и 3-хъ сажень. По возможности производилъ онъ описъ рѣки, и 2-го Іюня прибылъ въ Якутскъ. По приказанію Бе-

рипга, Лаптевъ отправился въ С. Петербургъ, для личнаго донесенія о своемъ плаваніи высшему начальству, представилъ Адмиралтействъ Коллегіи карту своего путешествія, и объяснилъ затрудненія и препятствія, которыя не позволяли ему пройти по Ледовитому морю къ устью рѣки Колымы. Коллегія донесла о томъ Правительствующему Сенату. Карты и журналъ лейтенанта Лаптева были разсматриваемы въ Сенатѣ, и положено еще разъ сдѣлать покушеніе отъ рѣки Лены по Ледовитому морю къ востоку, и когда невозможно будетъ пройти моремъ, тогда произвестъ опись морскаго берега сухимъ путемъ, на собакахъ, или на оленяхъ. Въ слѣдствіе этого Лаптевъ отправленъ обратно въ Якутскъ.

1759 года, весною, посланъ сухимъ путемъ изъ Якутска матросъ Лошкинъ, описывать берегъ отъ устья Лены до Святаго Носа. Между тѣмъ, ботъ Иркутскъ былъ исправленъ и снабженъ провизією, и 7-го Іюня Лаптевъ отправился на немъ изъ Якутска внизъ по Лень; 21-го Іюля, Быковскимъ рукавомъ, вышелъ онъ изъ устья рѣки въ Ледовитое Море. Тогда возвратился на ботъ матросъ, посланный берегомъ, для описи мысовъ Борго и Святаго.

23-го Іюля ботъ стоялъ за Быковскимъ мысомъ, укрывался отъ носившихся въ морѣ льдовъ; широту мыса Лаптевъ опредѣлилъ по счисленію $71^{\circ} 42'$. Въ это время штурманъ Щербинъ ѣздилъ описывать берегъ къ мысу Борго, и нашелъ простирающуюся отъ мыса, отъ 2-й до 7 мили, между N и NNO, отмель, примѣтную по стоящему на оной льду.

24-го ботъ вышелъ въ море, пробираясь между мелей, которыми фарватеръ до острова Быковскаго весьма стѣсненъ; производилъ опись губы Борго, лейте-

нантъ Лаптевъ, 8-го Августа, подошелъ къ мысу Борго, на глубину 12 сажень; широта мыса найдена Лаптевымъ $71^{\circ} 55'$. Того же дня обошли отмель, и 11-го Августа находились уже противъ устья Яны, гдѣ положили якорь. Въ этомъ положеніи, наставшимъ жестокимъ сѣвернымъ вѣтромъ понесло много льду прямо на ботъ, но, къ счастью, огромнѣйшія льдины остановились на мѣли въ нѣкоторомъ разстояніи отъ бота, удерживая собою мелкій ледъ. Не многія льдины однако жъ прорывались, проплывали мимо бота, и доставили командѣ случай убить нѣсколько бѣлыхъ медвѣдей, на нихъ лежавшихъ.

Лодка, посыланная для промѣра фарватера, нашла въ устьѣ рѣки Яны 6, 7 футовъ глубины, а нѣсколько выше по теченію глубина увеличилась отъ 3 до 10 сажень.

13-го, съ попутнымъ вѣтромъ, лейтенантъ Лаптевъ снялся съ якоря, и продолжалъ плаваніе къ Святому Носу. Лотъ показывалъ отъ 2 до 10 сажень.

14-го, западный вѣтеръ обратился въ штормъ, почему, опасаясь набѣжать на мель, положили якорь, а 15-го, по укрощеніи вѣтра, вступили опять въ путь; того же дня прошли Святой Носъ, положенный на картѣ Лаптева въ широтѣ $72^{\circ} 50'$. Продолжалъ плаваніе къ О, имѣли глубины 15, 17, 13 сажень; по приближеніи къ берегу на $\frac{1}{4}$ Нѣмецкой мили глубина уменьшалась до 2 сажень. Проплывъ 26 миль и 7 отъ Св. Носа, увидѣли островъ Меркурьевъ на NO, а въ 16 Ит. миляхъ далѣе усмотрѣли и островъ Св. Діомида, на NNW $\frac{1}{4}$ W, въ $3\frac{1}{2}$ Нѣмецкихъ миляхъ *.

* Кажется сіи два острова лежатъ въ весьма близкомъ между собою разстояніи, и, вѣроятно, почитались за одинъ островъ, ибо на картѣ Лаптева островъ Меркурія не назначенъ, а съ Діомида положенъ со-

16-го, по причинѣ густаго тумана, пролежали на якорѣ; 17-го западнымъ вѣтромъ воздухъ очистился, почему и пошли въ путь; 18-го, проплывъ около 105 миль отъ Св. Носа вдоль берега, увидѣли въ морѣ островъ, по румбу ONO, но вдругъ нашедшая пасмурность не позволила обстоятельно разсмотрѣть этого открытія, почему Лаптевъ приказалъ положить якорь, и дожидаться ясной погоды. На другой день, когда воздухъ былъ чистъ, мореплаватели увѣрились въ обманъ: мнимый островъ превратился въ массу высокихъ ледяныхъ горъ, которымъ подобныя носились по морю во множествѣ, и во всѣхъ направленіяхъ. 19-го пошелъ большой снѣгъ, при юговосточномъ вѣтрѣ, противъ котораго лавировали, ложась въ темныя ночи, или при пасмурности, на якорь. 21-го, сильное теченіе отъ SO, по одному направленію съ вѣтромъ, весьма затруднило лавировку; 22-го, пришедъ на прѣсную воду, остановились на якорѣ, и послали шлюпку провѣдать, противъ какой рѣки находятся. Между тѣмъ, прежде возвращенія шлюпки, 24-го насталъ штормъ, отъ SO, съ сильнымъ съ той же стороны теченіемъ, такъ, что съ трудомъ боть отстоялся на якорѣ; 26-го буря нѣсколько смягчилась. Замѣтя, что вода получила соленый вкусъ, подошли ближе къ берегу, дѣлая изъ пушекъ частые призывные сигналы невозвращавшейся съ берега шлюпкѣ. Отъ SO наносило на боть много льду, для избѣжанія коего безпрепятственно должны были перемѣнять мѣсто, что конечно всегда было сопряжено съ трудами, тѣмъ болѣе тягостными, что стужа увеличивалась, и снѣгъ весьма часто падалъ. Лучшее убѣжище находили за огромнѣйшими льдинами, служившими отводами мелкимъ, гласно съ журналомъ. Мы ниже увидимъ, что эти острова нынѣ существуютъ.

однакожъ и это не спасло боть отъ поврежденія форштевня, и самага борта, которое съ великимъ трудомъ исправили.

31-го, находясь опять на прѣсной водѣ, лейтенантъ Лаптевъ послалъ штурмана на шлюпкѣ къ берегу, для отысканія удобнаго мѣста къ зимованію. Штурманъ съ великимъ трудомъ добрался до берега.

1-го Сентября море покрылось льдомъ, при восточномъ вѣтрѣ, который дулъ уже нѣсколько дней сряду. Въ этомъ положеніи дѣлали непрерывныя, но тщетныя сигналы посланнымъ на берегъ шлюпкамъ. Положеніе команды и бота сдѣлалось еще затруднительнѣе, когда 4-го числа насталъ жестокой вѣтръ отъ WSW, дѣйствіемъ котораго вода стала прибывать, ледъ изломало, и боть понесло къ NO, съ 10 футовъ глубины на 5 сажень, по $2\frac{1}{2}$ версты въ часъ. Къ счастью, вѣтеръ перемѣнился черезъ сутки, и утвердился въ NW четверти, приблизилъ боть къ берегу. Наконецъ на 7-е число настало безвѣтріе, а 9-го судно на 12 футахъ совершенно замерзло, находясь въ $2\frac{1}{2}$ верстахъ къ югу отъ образовавшагося изъ льдовъ высокаго вала.

Мореплаватели, не зная какъ далеко отъ берега судно ихъ замерзло, и противъ какого мѣста находилось, не осмѣливались итти къ берегу по нетвердому еще льду, и оставались въ бездѣйствіи до 20-го Сентября; тогда посланный на берегъ на шлюпкѣ, 31-го Августа, штурманъ возвратился на боть, пѣшкомъ по льду, и привелъ съ собою Якутовъ съ устья рѣки Индигирки; они объявили, что устье ближняго рукава этой рѣки отстоитъ отъ бота въ 50 верстахъ, и что недалеко отъ него есть Русское зимовье. Этимъ извѣстіемъ мореплаватели чрезвычайно были обрадованы; въ то же время нѣкоторые отправились пѣшкомъ на берегъ, а 24-го числа и вся остальная

команда перебралась съ бота въ Русское зимовье; Якуты перевезли на собакахъ часть провизіи.

Лейтенантъ Лаптевъ проводилъ здѣсь зиму не безъ пользы; онъ послалъ геодезиста Киндекова, на нартахъ, описывать берегъ до Колымскаго устья, а самъ ѣздилъ для описей на рѣку Хрому, которую нашелъ столь мелкою, что однимъ лодкамъ входить можно. Говоря вообще о морскомъ берегѣ къ востоку отъ Св. Носа, Лаптевъ замѣчаетъ, что обширныя отмели простираются отъ него въ море на такое разстояніе, что низменный берегъ въ рѣдкихъ мѣстахъ съ моря усматривается. При устьяхъ Индигирки, въ 50 верстахъ и болѣе отъ моря, лежитъ въ изобилии наносный лѣсъ, между тѣмъ, какъ у самаго моря его нѣтъ.

По наступленіи весны 1740 года, Лаптевъ принялъ спасти ботъ. Для этого со всюю своею командою разбивалъ онъ ледъ, съ чрезвычайнымъ трудомъ; въ Іюнь мѣсяцъ привелъ судно въ безопасное мѣсто, сталъ исправлять его починкою, и въ исходѣ Іюля приготовился къ походу.

Іюня 15-го опредѣлили по полуденной высотѣ солнца широту въ устьѣ рѣки Индигирки, $70^{\circ} 58'$; склоненіе компаса $7^{\circ} 00'$ восточное.

31-го Іюля Лаптевъ вышелъ въ Ледовитое Море, направя путь къ востоку вдоль берега. 2-го Августа миновалъ устье рѣки Алазеи, коего широту нашелъ по численію $70^{\circ} 58'$.

3-го Августа усмотрѣли островъ, нынѣ именуемый первымъ Медвѣжьимъ, къ которому подошли вплотъ, имѣлъ $3\frac{1}{2}$ сажени глубины. Лейтенантъ Лаптевъ назвалъ его именемъ *Святаго Антонія*, и нашелъ по численію широту середины $71^{\circ} 00'$. Слѣдъ воспользоваться безледностію моря, продолжалъ онъ плыть къ востоку, а 4-го числа, находился противъ

устья *Средней Колымки*, остановился на якорѣ, по славъ шлюпку промѣривать фарватеръ рѣки. Давъ о себѣ знать въ ближнее селеніе, Лаптевъ пошелъ 8-го числа далѣе; вскорѣ показались льды, между которыми плылъ онъ къ востоку съ великимъ трудомъ; 9-го находились у малаго Баранова камня; 10, 11 и 12, при западномъ вѣтрѣ, шло теченіе на *OSO*, по два узла въ часъ, отъ чего огромныя льдины наносимы были на ботъ, не находившій надежнаго прикрытія у приглубаго и ровнаго берега.

14-го числа, будучи у большаго Баранова камня, остановлены льдянымъ полемъ, примкнувшимъ вплотъ къ берегу. Лейтенантъ Лаптевъ направилъ путь обратно въ Колыму. Сего числа имѣли сильное теченіе отъ *W*; 15-го, ботъ вошелъ благополучно въ Средне-Колымское устье, гдѣ имѣли глубины отъ 9 до 14 футовъ, а прошедъ *Каменное* (холмъ на Мерхояновомъ островѣ) глубину нашли отъ 2 до 7 сажень. 24-го, находились противъ Нижне-Колымскаго острога, гдѣ тогда было 10 жилыхъ домовъ; здѣсь Лаптевъ расположилъ свою команду для зимовки.

28-го, Лаптевъ по обсерваціи нашелъ широту острога $68^{\circ} 34'$, а 31-го числа наблюденіе показало $68^{\circ} 34'$ широты; склоненіе компаса $8^{\circ} 30'$ восточное.

Дабы получить понятіе о точности наблюденій лейтенанта Лаптева, сравнимъ широты главныхъ пунктовъ, выведенныя этимъ мореплавателемъ, съ наблюденіями новѣйшихъ обсерваторовъ:

	<i>Лаптева.</i>		<i>Въ 1825 г.</i>	
Мысъ Борго	$71^{\circ} 55'$	$71^{\circ} 56'$		
— — Святой Носъ	$72^{\circ} 50'$	$72^{\circ} 54'$		
Нижне-Колымскій острогъ	$68^{\circ} 33\frac{1}{2}'$	$68^{\circ} 32'$		

Въ продолженіе зимы лейтенантъ Лаптевъ построилъ двѣ лодки, на которыхъ съ большею
Т. IV. — Отд. III.

удобностию полагалъ предпринять плаваніе въ будущемъ лѣтѣ.

1741 года, по вскрытіи рѣки Колымы, 8-го Юля вышелъ онъ на ботъ въ Ледовитое Море; и плылъ на востокъ; лодкамъ велѣлъ идти впередъ, и промѣривать глубину; посланный на нихъ штурманъ долженъ былъ давать знать сигналами, гдѣ найдетъ удобный проходъ между льдами, для безопаснаго плаванія. Такимъ образомъ лейтенантъ Лаптевъ, при противныхъ большею частию вѣтрахъ, подвигался медленно впередъ; 5-го Августа навалила на ботъ льдина, возвышаяся около 15 сажень надъ водою, и угрожавшая боту гибелью, но однакожь счастливо избѣгли опасности. Того же числа, находясь въ 30 миляхъ Игалъ отъ Лаптевскаго маяка на Колымѣ, у высокаго каменнаго утеса, встрѣтили непроходимые льды, остановившіе дальнѣйшее плаваніе, почему 7-го предприняли обратный путь въ Нижне-Колымскъ, куда 10-го прибыли благополучно, вошедъ въ рѣку восточнымъ ея устьемъ.

И такъ мы видимъ, что лейтенантъ Лаптевъ, какъ прошлаго года, такъ и теперь, не могъ обойти большаго Баранова камня, бывшаго крайнимъ пунктомъ къ востоку, до котораго доведена опись берега, осмотрѣннаго этимъ усерднымъ офицеромъ отъ р. Лены на 37° разности долготы.

Лейтенантъ Лаптевъ, желая исполнить порученную ему опись р. Анадыра, и увѣрившись въ невозможности достигнуть сей рѣки моремъ, рѣшился на трудный и опасный походъ, со всею командою, чрезъ горы и страну, обитаемую враждебными намъ Чукчами.

1741 года, Октября 27-го, выступилъ онъ изъ Нижне-Колымска, сопровождаемый 45 нартами. Находясь на границѣ Чукотскихъ кочевьевъ, близъ

Лобазнаго, на Большомъ Анкоѣ, Ноября 4-го, Лаптевъ отданнымъ по командѣ приказомъ установилъ воинскій порядокъ, который надлежало соблюдать со строгостию на походѣ черезъ неприятельскую землю.

Слѣдуя вверхъ рѣки Большаго Аноя, потомъ переваливъ чрезъ хребетъ горъ на рѣку *Аблонь*, впадающую въ р. Анадырь, путешественники, Ноября 17-го, достигли благополучно Анадырскаго острога, не вида на всемъ пути ни одного инородца. Въ острогѣ провели они остальную часть зимы, и встрѣтили здѣсь 1742 годъ, «призывая Бога Всемогущаго на помощь.»

Въ журналъ Лаптева, подъ Февралемъ мѣсяцемъ, сказано: «Отъ 26-го до 28-го числа, по ночамъ видима была чрезвычайная звѣзда, или комета, которая являлась около полуночи; хвостъ отъ нея долгой, острой, лежащій къ югу, а иногда къ концу хвоста раздѣляется на двое острыми же концами; «свѣтлостію на подобіе звѣздъ, а къ зарѣ хвостомъ «поворачивается къ W, и отемнѣваетъ, и остается «одна звѣзда.»

Марта 13-го, Лаптевъ, по полуденной высотѣ солнца опредѣлилъ широту Анадырскаго острога 64° 34'; склоненіе компаса 20°00 восточное.

Юня 9-го пошелъ онъ, на двухъ новопостроенныхъ лодкахъ внизъ Анадыра, но, по причинѣ разлитія рѣки, не могъ дѣлать ей описи, которую началъ Юля 11-го, находясь близъ устья оной. Къ осени, возвратившись въ острогъ, Лаптевъ, Октября 19-го поѣхалъ въ Нижне-Колымскъ, оттуда въ Якутскъ; въ этотъ городъ прибылъ онъ Марта 8-го, 1743 года, послѣ семилѣтняго отсутствія. Отъ капитана Чирикова получилъ онъ здѣсь предписаніе отправиться немедленно въ С. Петербургъ, для донесенія о своемъ путешествіи высшему начальству.

Описание этих путешествий представляет читателю ряд опасностей, трудов и неудач, против коих плаватели наши должны были вооружаться твердостью духа, неутомимым рвением в исполнении своих обязанностей, и мужественным терпением, сими отличительными свойствами мореходцев всех вѣков и народовъ. Не ослѣпляясь пристрастиемъ, мы невольно должны признаться, что подвиги лейтенантовъ Прончищева, Ласинюса, Харитона, и особенно Дмитрія Лаптевыхъ, заслуживаютъ удивленіе потомства. Журналы сихъ дѣятельныхъ офицеровъ, конечно, во многомъ недостаточны; мало, или почти вовсе не знакомить они насъ съ обитателями Сибири, не касаются предметовъ физическихъ и естественной исторіи, и самое производство описи оставляетъ желать еще многого. Но это не умаляетъ достоинства офицеровъ въ глазахъ справедливаго потомства, видящаго въ недостаткахъ одно несовершенство средствъ того времени.

Относительно гидрографическихъ операций замѣтимъ вкратцѣ: отъ Бѣлаго Моря къ востоку описанъ матерой берегъ Сибири съ моря на судахъ, плававшихъ вдоль береговъ, не всегда въ такомъ отъ нихъ разстояніи, чтобы опись могла быть точною, тѣмъ менѣе, что мореплаватели, стараясь пользоваться вѣтрами, погодою, и другими благоприятными обстоятельствами для плаванія къ востоку, не могли терять времени въ подробной описи береговъ, бухтъ, гаваней, опредѣленіи примѣтныхъ мысовъ, и въ промѣрахъ глубинъ, вездѣ, гдѣ для безопасности мореплаванія это было бы нужно. Однакожъ эта опись и не вовсе лишена астрономическихъ наблюденій широтъ и кромѣровъ глубинъ, какъ въ близкихъ разстояніяхъ отъ береговъ, такъ и въ фарватерахъ главнѣйшихъ рѣкъ Сибири, и карты Овчина, Мини-

на, Челюскина, Прончищева, и обоихъ Лаптевыхъ, представляютъ не мало гидрографическихъ подробностей въ изображеніи береговъ, и прилежащихъ къ нимъ острововъ, отъ Обской губы до устья рѣкъ Таймуры, и отъ р. Оленека до Баранова камня.

Но какъ эта опись, большею частію, основана на численіи, подверженномъ неизбѣжнымъ погрѣшностямъ отъ теченій и непрерывныхъ поворотовъ въ льдахъ, и поелику наблюденіи для широтъ не всегда были надежны, а для долготъ и вовсе ихъ не дѣлано, то она можетъ лишь служить пріготовительнымъ началомъ другой вѣрнѣйшей описи.

Отъ устья Таймуры до мыса Св. Фаддея берегъ не могъ быть обойденъ на судахъ, и весьма поверхностно осмотрѣнъ зимою по льду, на собакахъ, штурманомъ Челюскинымъ, такъ, что положеніе сѣверовосточнаго, иначе Таймурскаго, т. е. самаго сѣвернаго мыса Азіи, остается неопредѣленнымъ.

Загрудненія и опасности, въ сихъ путешествіяхъ испытанныя, и вознаградившіяся желанными успѣхами, послѣ 20 лѣтняго бездѣйствія, казалось, еще усугубили духъ предпримчивости.

Въ 1760 году, Якутскій купецъ Шалауровъ построилъ при рѣкѣ Ленѣ, на собственное иждивеніе, галіотъ (по Коксу, шитикъ), на которомъ намѣревался совершить плаваніе вокругъ сѣверовосточной Азіи въ великій Океанъ, или въ Камчатку. Г. Берхъ (въ Хронологической Исторіи, часть I, стр. 144), говорить, что Шалауровъ побуждался къ этому предпріятію находкою мамонтовыхъ роговъ на островѣ, открытомъ до его отправленія Якутомъ Етерикамомъ, и исключительнымъ правомъ, даннымъ купцу Ляхову промышлять ихъ — мнѣніе, которое частію подтверждается и въ Сибирскомъ Вѣстникѣ на 1822 годъ, съ прибавленіемъ, что Шалаурова путешествіе

имѣло цѣлью и открытіе земли, полагавшейся противъ устья Колымы. Однакожь Шалауровъ не пытался простирасть своего плаванія отъ устья Колымы далеко на сѣверъ; также изъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній не видно, чтобы онъ искалъ мамонтовыхъ клыковъ; напротивъ, Шалауровъ старался единственно обойти Шелагскій Мысъ, и плыть далѣе на востокъ, стремясь за славою разрѣшенія вопроса о сѣверо-восточномъ проходѣ изъ Атлантическаго въ великій Океанъ—этой славы принесъ онъ въ жертву и имѣніе свое и самую жизнь *.

Сокращенное извѣстіе о плаваніи несчастнаго Шалаурова взято мною изъ извѣстнаго сочиненія Кокса и Сауерова описанія путешествій Биллингса. Иные достовѣрнѣйшіе и полнѣйшіе источники мнѣ неизвѣстны **.

Въ 1760 году Шалауровъ съ Баховымъ поплыли на галіотъ внизъ по Ленѣ. По причинѣ ледовитости моря прошли они недалѣе рѣки Яны, при которой и зимовали.

Въ Іюль 1761 года вышли они изъ рѣки Яны въ море. Для избѣжанія льдовъ, Шалауровъ держался близъ береговъ, и обошедъ 6-го Сентября Сялтой Носъ, открылъ на сѣверъ въ маломъ разстояніи гористую землю. Онъ продолжалъ плаваніе къ востоку, но встрѣчая препятствія отъ вѣтра и льдовъ, прошель не прежде 15-го числа черезъ проливъ, нахо-

* Въ 1755 году состоялся Сенатскій указъ, о дозволеніи кушачамъ Бахову и Шалаурову предпринять путешествіе, для отысканія по сѣверному морю пути въ Камчатку. Въ самомъ текстѣ указа сказано, чтобы, Устюжскимъ кушачамъ Ивану Бахову и Иикитѣ Шалаурову для своего промысла, ко изысканію отъ устья Лены рѣки, по сѣверному морю, до Колымы и Чукотскаго Носу, отпускъ имъ учинить.

** Въ Гидрографическомъ Департаментѣ Морскаго Министерства хранится карта Шалаурова, съ приписками, которыми и также въ сѣмъ обзорѣнн воспользовался.

дящійся между Сибирскимъ берегомъ и островомъ Діомида. 16-го числа, получивъ попутный SW вѣтеръ, поплыли безпрепятственно по чистому отъ льдовъ морю, и въ 24 часа прошли устье Индигрки, 18-го миновали Алазею. Вскорѣ за сѣмъ, галіотъ, находясь между Медвѣжьими Островами и матерымъ берегомъ, былъ совершенно окруженъ льдами, отъ коихъ освободясь, Шалауровъ, по позднему времени, вошелъ въ рѣку Колыму на зимовку. Команда тотчасъ построила на берегу избу, окруживъ ее снѣжнымъ валомъ, и батареею изъ бывшихъ на суднѣ пушекъ. Дикіе олени табунами приходили къ этому мѣсту, и были убиваемы изъ завала. Передъ наступленіемъ зимы, пошла вверхъ по рѣкѣ рыба, сельмы, муксуны и омули, которые, доставляя мореплавателямъ въ изобиліи свѣжую пищу, предохраняли ихъ отъ цынги; однакожь въ началѣ слѣдующаго года умеръ отъ этой болѣзни Иванъ Баховъ, оставя Шалаурова безъ помощника.

Въ 1762 году, устье Колымы очистилось отъ льдовъ не ранѣе 21 Іюля. Тогда Шалауровъ вышелъ изъ рѣки въ море, и до 28-го плыль на NO и NO $\frac{1}{4}$ O. Вышедъ на берегъ, сыскалъ онъ склоненіе компаса 11° 15' восточн. Противный вѣтръ и послѣдовавшее за тѣмъ безвѣтріе понудили его положить якорь, и держали галіотъ на мѣстѣ до 10-го Августа; тогда, съ подувшимъ попутнымъ вѣтромъ, вступилъ онъ подъ паруса, и старался держать не сѣвернѣе NO½ O; но галіотъ былъ увлекаемъ огромными массами льду, несшагося сильнымъ теченіемъ, которое, казалось, направлено было къ западу, по одной веретѣ въ часъ. 18-го, при пасмурной погодѣ, плаватели, противъ ожиданія, увидѣли себя близъ берега возлѣ «Яру сѣраго песку», названнаго Пенчаный мысъ. Впереди плавало не малое число лдяныхъ острововъ, которые 19-го

числа галіють окружили и совершенно затерли (*). Въ такомъ положеніи, и всегдашнемъ туманѣ, оставался Шалауровъ до 23-го числа; тогда удалось ему высвободиться изъ окружавшихъ его льдинъ, и держась NO, войти въ довольно чистое отъ льдовъ пространство моря, но противные вѣтры склоняли его къ SO и къ O, среди большихъ массъ плывучаго льду; прошедъ чрезъ нихъ, онъ опять направилъ плаваніе къ NO, дабы обойти Шелагскій Мысъ, но, не дошедъ до него, встрѣтилъ противные вѣтры, понудившіе его, по позднему времени, искать мѣста для зимовки. Въ такомъ намѣреніи поплылъ Шалауровъ на SO, къ отверзтой губѣ, находящейся по западной сторонѣ Шелагскаго Мыса, и нѣкъмъ прежде его не описанной. Онъ вошелъ въ нее 25-го числа, проливомъ между материкомъ и островами Араутанъ, а 26-го попалъ на мель, у низменной оконечности, противъ устья рѣчки Шахли. Съ великимъ трудомъ стащивъ свое судно на большую воду, поѣхалъ Шалауровъ на берегъ, искать удобнаго мѣста для зимованія. Онъ нашелъ двѣ рѣчки, но какъ тутъ не было ни растущаго, ни наноснаго лѣса, то ница другаго мѣста, плыли они по южной сторонѣ губы, въ виду и въ близкомъ разстояніи отъ берега, до острова Сабадел. **

5-го Сентября, находясь противъ узкаго пролива, между островомъ Сабадеемъ и материкомъ, увидѣли Чукотскіе шалаши, коихъ жители убѣжали, когда Шалауровъ къ нимъ приблизился.

* На Шалаурова картѣ написано: «за покрытіемъ туманомъ берега, и за неизвѣстнымъ моретеченіемъ, яко къ стѣнѣ мятя льдины загустились, а сади напыло много льдовъ и судно притѣснило, а стояли до 23-го числа, иначе за незнаемъ въ такой близости поперечнаго берегу, а ежелибъ вѣдали, тобъ миновали Шелагскій мысъ, и црепльствіемъ спаслись.»

** На картѣ Шалаурова островъ названъ *Зисдей*.

8-го числа, въ полдень, онъ находился у SO оконечности острова Сабадел; 10-го, будучи въ 10 миляхъ къ NW отъ Пещанаго Мыса, за безвѣтріемъ, «положили дрехтъ на льдину, и плыли по теченію 5 верстѣ» къ WSW; около этого времени увидѣли къ NON, въ дальнемъ разстояніи, гору *.

12-го числа Шалауровъ вошелъ въ Кольму, и занялъ прежнее мѣсто для зимовки. У Кока упоминается, что Шалауровъ замѣтилъ двѣ примѣчательныя скалы, близъ того мѣста, гдѣ берегъ заворачивается къ NO, къ проливу между островомъ Сабадеемъ и материкомъ; что одна скала названа *Заячьимъ камнемъ*, и подобна согнутому рогу, другая *Бараний камень*, въ видѣ груши, то есть, вверхъ шире низа, и возвышается выше горизонта воды на 29 ярдовъ. Этихъ названій на картѣ Шалаурова нѣтъ, да и трудно опредѣлить, какія скалы или горы Шалауровъ разумѣетъ. Гора, известная нынѣ подъ названіемъ Баранова камня, ни малѣйшаго сходства съ грушею не имѣетъ, а по всему берегу Ледовитаго Моря до Шелагскаго мыса, я не замѣтилъ ни одной согнутой на подобіе рога горы, или скалы.

На картѣ Шалаурова, берегъ Ледовитаго Моря, отъ рѣчки Явы до Шелагскаго Мыса, изображенъ съ геодезическою вѣрностію, дѣлающею не малую честь сочинителю. Губа Чаушъ прежде его ни кѣмъ не осмотрѣна, да и потомъ морской описи съ промѣромъ тутъ не было. Широты около $4\frac{1}{3}^{\circ}$ избыточно невѣрны, и, вѣроятно, обсервованныхъ не было. Это не касается берега между Кольмою и Леною, который, кажется, снятъ съ описи Дмитрія Лаптева, о

* У Кока сказано, что Шалауровъ, 3-го Сентября, обошелъ островъ Сабадей, и тогда теченіе было по 5 верстѣ въ часъ, но я основывался на оригинальной картѣ Шалаурова, принесли въ кою совершенно объясняютъ его плаваніе.

кой говорено было выше. Острова Араутанъ назначены на Шалаурова картѣ въ губѣ Чаунъ, точно на своихъ мѣстахъ, и не видать на ней третьяго островка, нарисованнаго у Кокса близъ Шелагскаго Мыса, гдѣ въ самомъ дѣлѣ онъ вовсе не существуетъ. Относительно усмотрѣнной Шалауровымъ горы по rumbo NON, я долженъ замѣтить, что въ 1822 году находились мы на этой линіи, въ 75 Итал. миляхъ отъ пункта, съ котораго Шалауровъ думалъ видѣть землю, но хотя погода и горизонтъ довольно были ясны, однакожъ мы ничего похожего на землю не замѣтили, почему я полагаю, что ледяная гора ввела Шалаурова въ заблужденіе.

Склоненіе компаса у Баранова Камня показано Шалауровымъ 41° 45' восточн., Биллингсомъ, въ 1787 году, 17° 42' восточн., а мною, въ 1822 году, 42° 35' восточн. Теченіе моря, испытанное имъ, подтверждаетъ то, что и другими мореплавателями замѣчено въ этомъ морѣ, гдѣ лѣтомъ воды стремятся отъ востока на западъ.

Путь Шалаурова въ 1761 году показываетъ, что островъ Діомиды, къ востоку отъ Святаго Носа, еще существовалъ въ то время, и точно на томъ мѣстѣ, гдѣ и Дмитрій Лаптевъ, въ 1759 году, его видѣлъ. Но при описяхъ, учиненныхъ г. Геденштремомъ, въ 1810, и лейтенантомъ Анжу въ 1825 году, островъ этотъ не найденъ, и прежняго существованія онаго не осталось даже и въ преданіяхъ промышленниковъ, которые весьма часто въ сихъ мѣстахъ развѣзжаютъ. Лаптевъ и Шалауровъ изображаютъ берегъ отъ Святаго Носа къ рѣкѣ Хромъ съ изгибами, и не такою прямою чертою, какъ по послѣдней описи онъ оказался, а островъ Діомиды положенъ на обѣихъ картахъ отъ Св. Носа въ 45 миляхъ на NO, 78° по правому компасу, и въ 18 Итал. миляхъ отъ ближай-

шаго берега. Сравнивая эти карты съ картою лейтенанта Анжу, мы съ перваго взгляда удостоверяемся, что островъ Діомиды не присоединился къ берегу, * а, вѣроятно, смытъ, или сдвинутъ отъ сильнаго напора льдовъ; таже причина могла сравнить и низменный берегъ къ востоку отъ Святаго Носа.

Усмотрѣнная Шалауровымъ гористая земля къ сѣверу отъ Святаго Носа, есть, безъ сомнѣнія, первый Ляховскій гористый островъ.

Неудача, испытанная Шалауровымъ, не лишила его надежды на лучший успѣхъ въ слѣдующемъ году; онъ рѣшился испытать еще разъ обойти Шелагскій Мысъ, но команда взбунтовалась, разбѣжалась, и привела его въ необходимость возвратиться на Лену. Оттуда ѣздилъ Шалауровъ въ Москву, и получивъ вспоможеніе отъ правительства, предпринялъ вторичное путешествіе къ Шелагскому мысу въ 1764 году, но болѣе уже не возвращался.

Различные были слухи и мнѣнія о жребіи, постигшемъ сего предприимчиваго мореплавателя. Въ 1825 году найдено нами мѣсто, куда Шалауровъ спасся съ погибшаго во льдахъ судна; мѣсто это находится на матеромъ берегу, въ 70 Итал. миляхъ отъ Шелагскаго мыса. Тамъ, въ необитаемой пустынѣ, кончилиъ Шалауровъ жизнь, передавъ потомству имя свое, въ воспоминаніе рѣдкаго примѣра предприимчивости и самоотверженія.

Острова, лежащіе противъ рѣкъ Яны и Кольмы, не могли оставаться долго въ сомнительной неизвѣстности. Найденное Якутскимъ купцомъ Ляховымъ, около 1750 года, богатство въ недрахъ земли тундреннаго полуострова, между рѣками Хотангой и Анабарой, ** мамонтовые рога, подстрекали къ по-

* Смотр. Хрон. Истор. г. Берха, часть I, стр. 141.

** Смот. Хрон. Истор. Берха, часть II, стр. 144.

вымъ обрѣтеніямъ. У приморскихъ жителей существовали давнія преданія объ островѣ Святаго Носа; Шалауровъ видѣлъ горы на немъ, и теперь настало время повѣрить эти извѣстія, и распространить промышленность.

Въ 1759, или 1760 году, * Устьянскій Якутъ Этерикамъ рѣшился на сіе предпріятіе, увѣнчавшееся открытіемъ противъ Святаго Носа острова, сохранившаго и поднесъ названіе Этерикамъ, или первый Ляховскій островъ. Это послѣднее названіе дано ему по повелѣнію Императрицы Екатерины II, въ честь кушца Ляхова, вздвигшаго туда, и открывшаго новые острова.

Ляховъ, которому, вѣроятно, открытіе Этерикама было уже извѣстно, находясь въ Мартѣ мѣсяцѣ 1770 года у Святаго Носа, увидѣлъ многочисленное стадо оленей, шедшихъ къ югу, слѣды коихъ простирались отъ сѣвера чрезъ море. Рѣшившись извѣдать, откуда шли эти звѣри, Ляховъ пустился рано утромъ, въ началѣ Апрѣля, на нартахъ по слѣду, и проѣхавъ около 70 верстъ отъ мыса прямо на сѣверъ, прибылъ къ острову, гдѣ остался почевать. Слѣдующаго дня, не оставляя оленьихъ слѣдовъ, достигъ онъ, на 20 верстъ, другаго острова. Слѣдъ, простирался еще дальѣ на сѣверъ, скоро завлекъ Ляхова въ тороса, по коимъ ему невозможно было пробираться дальѣ, почему возвратился онъ назадъ, и съ трудомъ выѣхалъ на материкъ.

По полученіи извѣстія объ этой поѣздкѣ, правительство предоставило Ляхову исключительное право промышленяты мамонтовую кость и песцовъ, какъ на сихъ островахъ, такъ и на тѣхъ, которые онъ впередъ откроетъ.

* Сморг. Путешествіе Гедешитрема, въ Сибирскомъ Вѣстникѣ на 1825 годъ.

1773 года, Ляховъ, сопутствуемый Якутскимъ купцомъ Протодыяконовымъ, поплылъ въ лодкѣ, съ 5-ю гребцами, на первый островъ; въ проливѣ морская вода казалась имъ весьма соленая, и течение было отъ востока. Со втораго острова увидѣлъ Ляховъ, при ясной погодѣ, еще землю на сѣверѣ, и скоро пріѣхалъ на нее, назвавъ ее третьимъ островомъ. Берегъ покрытъ былъ наноснымъ лѣсомъ. Земля гористая, и казалась обширною. Путешественники нашли клыки мамонтовые, и видѣли слѣды звѣрей. Возвратясь на первый островъ, Ляховъ выстроилъ изъ паноснаго лѣса зимовье, гдѣ и провелъ зиму. Здѣсь должно замѣтить еще, что одинъ изъ его товарищей оставилъ на третьемъ островѣ котель мѣдный, обстоятельство, доставившее оному названіе Котельнаго острова.

Протодыяконовъ разсказывалъ Сауеру, въ бытность Биллинга въ Якутскѣ, что земля на первомъ островѣ состоитъ изъ песку со льдомъ. Мамонтовыхъ костей находили на немъ такое множество, что казалось, будто островъ весь состоялъ изъ нихъ. Между мамонтовыми костями видѣли головы и рога, похожіе на буйволовыя. На третьемъ островѣ нашли нѣсколько рѣчекъ; въ устьяхъ лежало множество паноснаго лѣса, и въ рѣчки вливались съ моря рыбы, между конми и краснотельная перка, которая водится въ Охотскѣ и Камчаткѣ, но ни въ Колымѣ ни въ Индигиркѣ не бываетъ. Въ морѣ видѣли китовъ и бѣлугъ, а на землѣ бѣлыхъ медвѣдей, волковъ и оленей. Неизвѣстность пространства сего острова возобновила старую молву о продолженіи Американскаго берега.

По возвращеніи Ляхова на Яну, распространился слухъ о вновь открытой большой землѣ, для изслѣдованія которой отправленъ изъ Якутска землеѣръ Хвойновъ, съ порученіемъ сопутствовать Ляхову на ту землю, и сдѣлать ей вѣрную опись.

Въ концѣ Марта 1775 года, Хвойновъ прибылъ въ Устьянскъ, и по льду переѣхалъ къ Святому Носу. 16 Мая прибылъ онъ къ первому острову, имѣющему по его счету 150 верстъ въ длину, поперегъ 80, въ самомъ широкомъ мѣстѣ, и 20-ть въ самомъ узкомъ. По срединѣ, онъ нашелъ озеро значительной величины, но весьма мелкое, хотя берега онаго были круты. Дѣлая опись, Хвойновъ объѣхалъ кругомъ всего острова, и насчиталъ 567 верстъ во всей окружности. Дурныя погоды и недостатокъ въ кормѣ собакъ удержали землемѣра безъ всякаго дѣла въ Ляховскомъ зимовьѣ на этомъ островѣ до 6-го Июня; тогда выступилъ онъ въ обратный путь, и благополучно прѣехалъ въ Устьянскъ.

Въ 1776 году надежало Хвойнову довершить опись Ляховскихъ острововъ, но дурныя погоды и недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ остановили его. Въ 1777 году имѣлъ онъ тотъ же неуспѣхъ, отъ тѣхъ же причинъ. Однакожь, онъ собралъ отъ промышленныхъ людей столько извѣстій, что на картѣ начерталъ и второй островъ со словъ другихъ, а первый по собственной описи, которая въ главныхъ размѣреніяхъ острова не вѣрна, а въ частныхъ подробностяхъ довольно хороша. Замѣчательно, что отъ юго-восточнаго мыса, въ 10 верстахъ на востокъ, усмотрѣлъ Хвойновъ отрядышъ во льдахъ, который на его картѣ, ниже на повѣйшей картѣ лейтенанта Анжу не означенъ, и, можетъ быть, дѣйствительно, болѣе не существуетъ.*

О Медвѣжьихъ Островахъ существовали въ то время одни темныя, на преданіяхъ основанныя извѣстія. Надлежало ихъ привести въ ясность, и испытать на дѣлѣ степень вѣроятія молвы о продолженіи

* Извлечено изъ журнала Хвойнова, помѣщеннаго въ Pallas neue nordische Beyträge, 7 ч., стр. 154 - 142.

Америки мимо Колымы, въ недалекомъ отъ Сибирскаго берега разстояніи.

Дѣло это поручено было геодезіи сержанту Андрееву, * посланному, въ 1762 году, отъ Сибирскаго губернатора Чичерина на Колыму.

Марта 4-го дня, 1763 года, отправился Андреевъ изъ Нижне-Колымскаго острога, на собакахъ, къ рѣкѣ Крестовой, и оттуда на рѣку Индагирку съ казакомъ Шкулевымъ, который долженъ былъ указывать путь. Возвратясь къ Крестовой, и откормивши собакъ, Апрѣля 22-го, при благополучной погодѣ, отправились они по льду, на собакахъ, въ море, и переѣхавъ 90 верстъ, прибыли къ первому видимому острову, который протянулся по морскому берегу отъ востока къ западу на 50 верстъ; ширина острова около 40, окружность до 100 верстъ.

Андреевъ, описывая подобнымъ образомъ и прочіе острова этой группы, находилъ на каждомъ признаки бывшей обитаемости, развалившіяся землянки, или вкопанныя въ землю юрты. Особенно примѣчательна юрта, найденная имъ на скалѣ у Портоваго

* У Палласа, въ Neue nord. Beyträge т. III, ч. II, стр. 231, сообщается журналъ геодезистовъ Андреева, Леонтьева и Лысова, взданныхъ по Ледовитому морю въ 1765 году. Въ Сибирскомъ Вѣстникѣ на 1825 годѣ тотъ же журналъ помѣщенъ подъ заглавіемъ: Журналъ Анадырской команды сержанта Андреева, и проч., выведенный въ 1763 году. По Хронол. Ист. г. Берха, стр. 148, част. II, сказано, что полковникъ Пленнсперъ, будучи посланъ осмотрѣть Анадырскій острогъ, и получивъ отъ Чукчей свидѣніе, что къ сѣверу отъ р. Колымы есть большая земля, именуемая Имоглингъ, отправилъ сержанта Андреева, чтобы удостовѣриться въ справедливости сего сказанія. Г. Берхъ приводитъ объ этомъ путешествіи Андреева вкратцѣ тоже, что въ прежде упомянутыхъ журналахъ сказано. Далѣе говоритъ, что послѣ Андреева (путешествовавшего въ 1763 году), въ 1767, 1768, 1769 годахъ, звали по Ледовитому морю три геодезиста Леонтьевъ, Лысовъ и Пушкаревъ. По рукописному же журналу этихъ трехъ геодезистовъ видно, что они вздани по Ледовитому морю въ 1769, 1770 и 1771 годахъ, а что касается до земли Имоглингъ, то извѣстно, что первый островъ отъ Чукотскаго Носа въ Беринговомъ Проливѣ назывался Имоглингъ.

острова, который, по Андрееву, превышаетъ величиною и первый островъ, имѣя 120 верстѣ вокругъ и 60 въ длину. Вотъ слова его: «Съ сѣверной стороны (острова) имѣется у берега называемый отпрыдышъ, разстояніемъ отъ берега 11 сажень печатныхъ, и на прибыви промежутками бываетъ вода, а нынѣ сухо, одна мелкая дресва, а оный камень отпрыдышъ весьма мягокъ, дресвянъ, вышиною отъ земли въ 5 сажень печатныхъ; на немъ же имѣется самый тѣсный залавокъ (уступъ), вышины отъ земли три сажени печатныхъ, на которомъ сдѣлана крѣпость, на подставныхъ десяти лѣснахъ матерыхъ (крупныхъ), листовичныхъ, а становлены лѣсныя зверху кореньями, къ землѣ уже вершинами; такъ прильплена, какъ птица на деревѣ гнѣздо въетъ, а сдѣлана подобно, какъ быть надобно лабазу. Первый полъ настланъ изъ напоснаго листовичнаго матераго жъ лѣсу; по верхъ полу настланъ песокъ съ мелкою дресвою, толщиною на четверть, а по тому полу обставлено вокругъ на подобіе юрты дощечками и пластинами шести-четвертными, столъ высоко, челоуку въ полъ; вокругъ юрты оснано тою же дресвою съ дерномъ, а на верхъ накиданъ мелкій, напосный, листовичной, еловый и осиноый лѣсъ, на коемъ была насыпана жъ дресва съ пескомъ, токмо обвалилась. Для связей рублены проухи, и связаны уши ремнями; оныя проухи рублены, и доски тесаны, топоромъ не желѣзнымъ, а каменнымъ, или какимъ костянымъ, подобно какъ зубами грызено. Поперегъ ея четыре сажени, въ длину 4 сажени, а когда она цѣла была, вдоль и поперегъ по 6 сажень; внизъ къ берегу изъ юрты спускъ на землю; другой спускъ въ камень на сѣверную сторону, токмо много же развалилось. А признается дѣлана оная крѣпость съ превеликимъ трудомъ, по высотѣ и по тѣснотѣ того залавка,

токмо строена не Русскими людьми, а другими, какими о томъ знать не можно.»

Обѣхавъ и четвертый островъ, онъ наконецъ прибылъ на пятый, по Андрееву, разстояніемъ отъ четвертаго 100 верстѣ, въ длину 70, вокругъ 140, а поперегъ 50 верстѣ, «и много поотшибся противъ устья рѣки Чауна, или можно сказать къ Чукотскому носу.» Описавъ найденныя имъ двѣ развалившіяся юрты, и «два камня стоящіе, съ прѣзда отъ западной стороны, въ полугоръ, называемые *кекуры*, съ издали видимы на подобіе челоуковъ», онъ продолжаетъ: «да на семь же островѣ всходили на верхъ горы и «смотрѣли во все стороны. Въ полуденную сторону «виднѣ *гололепитъ* камень, который, по разсужденію нашему, тотъ Ковымской камень, а въ лѣво въ «восточной сторонѣ, едва чуть видѣтъ, синѣ синѣтъ, «или назвать какаа чернѣ, что такое, земля или «полое время, о томъ въ подлинникъ обстоятельно «донести не имѣю.» Отъ этого острова возвратясь къ Крестовой рѣкѣ, ночевали на третьемъ островѣ. Мал 1-го, готовясь ѣхать, ветали по утру рано и «увидѣли два медвѣдя побѣжали въ море, за которыми отпустили собакъ, и расшибли ихъ порознь, «а раздѣла на двое команду, догнали медвѣдей и «убили.»

Выѣхавъ благополучно на Крестовую рѣку, Андреевъ, въ заключеніе журнала своего говорить: «хоти по сказкѣ, данной отъ казака Федора Татарина съ товарищи, и показано отъ рѣчки Крестовой съ перваго, а отъ перваго до втораго, даже и до пятаго острововъ, въ длину, поперегъ и вокругъ разстояніемъ версты, но только онаго весьма явилось много; а что касается по моей описи, то развѣ единая въ маломъ числѣ веретъ ошибка быть можетъ.»

Вопреки этому скромному увѣренію, Андреевъ въ Т. IV. — Отд. III.

описи погрѣшили на 440 верстѣ избыточно, протягивая пять острововъ отъ рѣчки Крестовой къ востоку на 550 верстѣ. Также взаимное положеніе и размѣренія острововъ весьма ошибочны.

Укрѣпленная на скалѣ юрга, и скала, тѣмъ болѣе примѣчательны, что въ 1820 году оныя бывшею тамъ экспедиціею не найдены, почему думать должно льдомъ стерты и сокрыты нынѣ подъ водою. Разрушенныя жилища, конхъ остатки найдены и нами на нѣкоторыхъ изъ этихъ острововъ, конечно, замѣчательны, но не болѣе какъ свидѣтельства прежней (и, вѣроятно, на короткое время) обитаемости острововъ, опустѣвшихъ подобно приморскимъ берегамъ къ востоку отъ Шелагскаго Мыса, по конхъ видѣли мы также не малое число развалившихся землянокъ. Г. Берхъ находитъ причины этого опустѣнія въ перемѣнѣ климата. *

Что касается до усмотрѣнной Андреевымъ съ пятаго острова синевы, замѣчу, что ставъ лицомъ къ Колымскому камню на полдень, синева замѣчена въ лѣвой рукѣ «къ восточной сторонѣ», то есть, въ той сторонѣ моря, которая изслѣдована нами въ 1821 и 1822 годахъ на 250 верстѣ: доказательство, что синева не могла быть неизвѣстная земля, которая должна была намъ непременно открыться.

Вѣроятно, въ слѣдующемъ году сержантъ Андреевъ былъ опять на этомъ островѣ, ибо въ дополнительномъ наставленіи, данномъ Биллингу ** сказано:

* Смotr. Хрон. Ист. часть I, стр. 148, гдѣ сказано: «оставленные жилища сии подають намъ идею о тѣхъ великихъ измѣненіяхъ, которымъ шаръ земной подвергался въ теченіе своего вѣковаго кругообращенія.» Должно замѣтить, что эти жилища суть не развалины Греческой архитектуры, а юрты, землянки, какія строятся въ самыхъ холодныхъ странахъ подъ 76° широты.

** См. Путешествіе капитана Биллинга, изд. г. вице-адмираломъ Сарычевымъ, стр. 190.

«Въ 1764 году сержантъ Андреевъ, съ послѣдняго изъ Медвѣжьихъ острововъ, усмотрѣлъ въ великой отдаленности полагаемый имъ величайшимъ островъ, куда и отправились льдомъ на собакахъ, но не доѣжая того верстѣ за 20, наѣхали на свѣжіе слѣды превосходнаго числа, на оленяхъ, въ саняхъ, неизвѣстныхъ народовъ, и будучи малолѣдны, возвратились на Колыму. Больше о сей землѣ, или великомъ островѣ, нѣтъ никакихъ свѣдѣній».

Какое довѣріе заслуживаетъ Андреевъ, показываетъ намъ его описіе Медвѣжьихъ Острововъ, и выше много изложенная невозможность видѣть землю съ пятаго острова въ восточномъ направленіи. Если же Андреевъ ѣхалъ въ ту сторону, въ которой онъ усмотрѣлъ синеву, то есть, на востокъ, и дѣйствительно видѣлъ высокую землю и оленьи слѣды, то это открытіе должно быть отнесено къ матерому берегу Азіи, къ которому непримѣтнымъ образомъ могъ онъ склониться, ѣдучи на востокъ. Иначе показаніе Андреева должно бы назваться баснею, которая въ послѣдствіи еще болѣе распространена и раскрашена. Напримѣръ въ Сибирскомъ Вѣстникѣ, на 1823 годѣ, въ замѣчаніи къ журналу сержанта Андреева, мы находимъ: «другія извѣстія доказываютъ, что сія земля имѣетъ жителей, которые называютъ ее *Тикигенъ*, а сами извѣстны подъ именемъ *Хрохаевъ*, и состоятъ изъ двухъ племенъ; что нѣкоторые изъ нихъ бородатые и похожи на Россіянъ, другіе же Чукотской породы, и что бывшіе при экспедиціи Биллинга сотникъ Кобелевъ и толмачъ Доуркинъ, подтвердивъ описаніе Андреева, представили даже образъ видѣнной имъ земли, составленный нѣкоторымъ Американскимъ тоенюмъ».

Здѣсь, вѣроятно, говорится о сѣверозападномъ берегу Америки, котораго главнѣйшіе мысы и бухты

могли быть известны Американскому топену, а название народа Хрохан, взято изъ расказовъ Чукчей Севернаго Мыса, какъ означено въ моемъ журналѣ.

Извѣстіе, доставленное Андреевымъ объ обширной на сѣверъ земель, подало поводъ къ отправленію секретной экспедиціи изъ Тобольска на Колыму. Г-нъ Берхъ нашелъ въ Тобольскомъ архивѣ журналъ этой экспедиціи, которая иначе осталась бы поднесъ для насъ секретною.

Въ 1767 году ѣздили геодезіи прапорщики Леонтьевъ, Лысовъ и Пушкаревъ изъ Якутска въ Охотскъ, и оттуда въ Нижне-Колымскъ. Въ этотъ острогъ прибыли они въ 1768 году, и въ слѣдующемъ году предприняли путешествіе по Ледовитому морю.

1769 года, Марта 1-го, поѣхали они на собакахъ изъ Нижне-Колымска, а 17-го числа отправились отъ устья рѣки Крестовой на первый Медвѣжій Островъ, и объѣзжая всѣ прочіе острова, дѣлали онѣмъ подробную геодезическую опись, столь вѣрную въ отношеніи къ взаимному ихъ положенію и отстоянію, что въ 1821 году мы не нашли значительныхъ погрѣшностей. Геодезисты видѣли тѣ же развалившіяся юрты, о которыхъ говорилъ Андреевъ.

23 Марта, находясь на самомъ восточномъ островѣ, въ бухтѣ по сѣверному онаго берегу, Леонтьевъ по обсервациіи нашелъ широту $71^{\circ} 58'$, почти на томъ мѣстѣ, гдѣ въ 1821 году мною найдена широта $70^{\circ} 37'$.

24-го числа отправились они въ море на $NO 18^{\circ}$, и проѣхавъ 37 верстѣ по торосамъ и разсолу, остановились на ночлегъ, гдѣ крѣпкимъ отъ W вѣтромъ начало ломать ледъ, такъ, что едва успѣли перейти на другое безопаснѣйшее мѣсто.

25-го числа стояли за погодую и *чурою*.

26-го числа, проѣхавъ на $NW 5^{\circ}$ три версты, черезъ трудные торосы, нашли, что ледъ тонокъ, почему нерѣшились слѣдовать далѣе, «ибо до большой Американской земли разстояніе *неизвѣстно**. При томъ нестало у нихъ пищи и корма собакамъ, подбившимъ себя ноги, такъ, что съ трудомъ бѣжали. Поворотясь назадъ, пріѣхали они тѣмъ же путемъ, Апрѣля 7-го, въ Нижне-Колымскъ, проѣхавъ по ихъ счету впередъ и обратно 859 верстѣ 200 сажень.

1770 года, Февраля 28-го, пустились они вторично изъ Нижне-Колымска, а Марта 7-го, изъ устья Чукотской протока, направили путь къ Медвѣжьимъ Островамъ, на самый восточный изъ коихъ прибыли Марта 10-го; за погодую оставались на этомъ островѣ 5 дней.

16-го числа поѣхали на $NO 5^{\circ}$, къ «большой Американской землѣ,» и на 28 верстѣ остановились на ночь.

17 на $NO 8^{\circ}$	проѣхали 25 верстѣ	300 саж.)	
18 -- $NO 5^{\circ}$	-- 18 --	150 --	} торосами.
19 -- $NO 5^{\circ}$	-- 25 --	-- --	
20 -- $NO 5^{\circ}$	-- 22 --	-- --	} торосами.
21 -- $NO 5^{\circ}$	-- 18 --	-- --	
22 -- $NO 10^{\circ}$	-- 18 --	-- --	} весьма частыми торосами.
23 -- $NO 15^{\circ}$	-- {40 --	-- {400 --	
24 -- $NO 15^{\circ}$	-- {40 --	-- {400 --	

25-го чинили нарты, совершенно изломавшіяся въ торосахъ.

26-го стояли за погодую.

27-го «по видимости, что впередъ торосы еще чаще» поѣхали Лысовъ и Пушкаревъ, въ числѣ 10 человекъ, на отобранныхъ собакахъ, съ кормомъ и пищею на 3 дни, «для осмотра, не увидится ли гдѣ какалъ земля. На 5 верстѣ доѣхали къ великимъ

* Слѣдовательно, Андреевъ не могъ сказать, что недоѣхалъ 20 верстѣ до оной.

свѣжимъ торосамъ, въ 4 сажени вышиною; по онымъ проѣхали около 30 верстъ; осмотрѣли зрительною трубою горизонтъ, и видѣли одни частые тороса, чрезъ которые не предвидя возможности ѣхать далѣе, поверотили 28-го числа назадъ.

На пути къ острову перѣехали они 5 разсѣливъ льду, шириною по 1 аршину, и 4-го Апрѣля прибыли на 5-й островъ, гдѣ остались три дня для осушки платья и обуви; убили 4 медвѣдей.

5-го Апрѣля поѣхали на Кольмы, и 9-го числа прибыли въ Нижне-Кольмскій острогъ, сдѣлавъ впередъ и обратно 950 верстъ 150 сажень.

Полагая склоненіе компаса 15° восточное, привесть курсы въ широту 72° 00', гдѣ остановлены были они свѣжими торосами.

1771 года, Февраля 27-го числа, геодезисты въ третій разъ отправились изъ Нижне-Кольмска, и отъ устья Средней Кольмы направили путь къ послѣднему Медвѣжьему Острову, куда прибыли 9-го Марта. Будучи удержаны погодою, поѣхали отъ острова 15-го числа, держа на NO 77°, къ Чаунской сторонѣ. Проѣхавъ въ три дня 78 верстъ, почти на истинный востокъ, и не замѣтя ничего примѣчательнаго, поверотили на SO 10°, къ большому Баранову камню, куда прѣехали на 50-й верстѣ 18-го числа.

19-го дневали, и убили одного бѣлаго медвѣдя въ берлогѣ.

Отъ 20-го до 24-го числа, включительно, шли къ востоку вдоль береговъ; 25-го дневали; 26-го поѣхали далѣе до губы Шелагской; 28-го поверотили назадъ за неимѣніемъ корма, а 6-го Апрѣля прибыли въ Нижне-Кольмскъ, сдѣлавъ впередъ и обратно 432 версты 450 сажень.

На картѣ, сочиненной геодезистомъ Леонтьевымъ, изображенъ берегъ отъ Кольмы къ губѣ Чаунъ съ

великимъ небреженіемъ, и какъ будто въ доказательство, что геодезисты, не токмо вовсе непомышляли объ описи, но даже не пользовались картою Шалаурова, на коей эта часть берега проведена съ довольною точностію. Таковая неосновательность геодезистовъ удивляетъ тѣмъ болѣе, что пройденныя ими разстоянія при описи Медвѣжьихъ острововъ, и даже суточные переходы въ эту послѣднюю повѣзку, показываются въ сажняхъ, почему должно думать, что разстоянія измѣряемы были цѣпью; но въ торосахъ этотъ способъ вовсе неудобенъ, и, вѣроятно, употреблялся только на ровныхъ мѣстахъ*.

Поляря 6-го отправились геодезисты изъ Нижне-Кольмска, по ордеру отъ полковника Плениснера, въ Тобольскъ, откуда Сибирскій губернаторъ Чичеринъ, 1773 года въ Августѣ, послалъ донесенія и карты съ прапорщикомъ Леонтьевымъ въ С. Петербургъ.

Эта экспедиція, продолжавшаяся пять лѣтъ, и сдѣлавшая три повѣздки въ Ледовитое море, хотя и не достигла предположенной ей правительствомъ цѣли, но не была и во все безуспѣшна. Медвѣжья Острова съ великою вѣрностію, геодезически, описаны, и море изслѣдовано къ сѣверу и къ востоку отъ нихъ, сколько обстоятельства позволяли; показаніе сержанта Андреева о сѣверной землѣ, обитаемой оленными народами, приняло видъ басни, равно и превеличенное извѣстіе о дальнемъ протяженіи Медвѣжьихъ Острововъ и ихъ размѣреніи, достаточно опровергнуто.

1778 года Августа ¹¹/₂₅ появился Кукъ въ Беринговомъ Проливѣ, съ извѣстною цѣлью отыскать про-

* Старикъ Нижне-Кольмска помнитъ эту цѣпь, и рассказываетъ, что при описи Медвѣжьихъ Острововъ тащили се люди.

ходъ въ Атлантическій Океанъ, мимо сѣверныхъ береговъ Америки, или Азій. Лдяныя поля, примкнувшіе къ Ледовитому Мысу, остановили Кука на востокъ, а противные вѣтры и позднее время года понудили знаменитаго мореплавателя возвратиться, достигнувъ на западъ мыса, названнаго имъ *Сѣверный*, который опредѣленъ въ широтѣ $68^{\circ} 56'$, долготѣ $179^{\circ} 11' W$ отъ Гринича; склоненіе компаса найдено здѣсь 26° восточное. Капитану Куку казалось, что отъ этого мыса берегъ принимаетъ почти западное направленіе, и что за нимъ находится озеро, или заливъ.

Учinenнaя въ 1823 году опись показывается, что догадки Кука въ этомъ случаѣ были невѣрны; опредѣленіе же широты м. Сѣвернаго довольно согласно съ моими наблюденіями, на самомъ почти мысѣ учиненными; по онымъ широта $68^{\circ} 55' 16''$, долгота $179^{\circ} 54' W$; склоненіе компаса $21^{\circ} 40'$ восточное.

Азіятскій берегъ до м. Сѣвернаго не могъ быть осмотрѣнъ Кукомъ иначе, какъ весьма поверхностно. На обратномъ плаваніи усмотрѣнъ островъ, «имѣющій отъ 4 до 5 миль въ окружности, средней вышины, съ отвѣсными скалистыми берегами, въ разстояніи 3 миль отъ материка;» на картѣ положенъ этотъ островъ, названный *Bugney's island*, въ широтѣ $67^{\circ} 45'$, долготѣ $185^{\circ} 5'$.

Послику около этого мѣста не находится другаго острова, кромѣ *Колочина*, то, безъ сомнѣнія, *Bugney's island* есть тотъ самый, до котораго въ 1823 году наша экспедиція доѣхала; описаніе наружнаго вида онаго совершенно оправдываетъ догадку, хотя въ опредѣленіи географическаго положенія находимъ значительное несогласіе, ибо, по наблюденіямъ, учиненнымъ

мною на южной оконечности острова, широта мѣста $67^{\circ} 26' 46''$, долгота по численію $184^{\circ} 28'$.

Далѣе къ востоку, въ широтѣ $67^{\circ} 5'$, долготѣ $188^{\circ} 11'$ усмотрѣлъ капитанъ Кукъ довольно значительной высоты мысъ, отвѣсно стоящій надъ моремъ. Къ востоку отъ онаго берегъ идетъ высокій и приглубый, но къ западу оный низменъ, и направляется къ NNW и NWW, почти до самаго мыса Сѣвернаго. Глубины въ одинаковыхъ разстояніяхъ отъ берега ведаъ почти одинаковыя, какъ у Азіятскихъ, такъ и у противолежащихъ береговъ Америки. Самая большая глубина, плавя вдоль оныхъ, была 23 сажени, и ночью, или въ туманную погоду, лодь можетъ служить не бесполезнымъ воздемъ въ плаваніи вдоль обоихъ сихъ береговъ.

На счетъ этихъ замѣчаній капитана Кука можно замѣтить, что весь берегъ къ востоку отъ Шеллагскаго мыса до мыса Сѣвернаго, и отъ сего послѣдняго до острова Колочина, нельзя назвать ни низменнымъ, ни высокимъ; оный перемѣняется, и именно, около мысовъ *Ольманъ* (къ западу отъ острова Колочина), *Киберы* и *Козьмина* представляетъ довольно высокія, нѣсколько отлогія горы, и отвѣсныя скалы.

Въ плаваніи между берегами Азій и Америки, къ сѣверу отъ Берингова Пролива, капитанъ Кукъ и астрономъ Бели неоднократно думали видѣть предметы близости земли на сѣверѣ. Почти непримѣтное увеличеніе глубины моря, съ удаленіемъ отъ береговъ обоихъ материковъ, стада гусей и утокъ, летавшихъ отъ сѣвера на югъ въ Августъ мѣсяцѣ, въ такое время, когда эти птицы, дѣйствительно, въ полуденныя страны отлетаютъ, самое образованіе льду, все это, по мнѣнію Бурнея, согласно указывало на неизвѣстную землю къ сѣверу отъ пролива. Те-

ченія никакого не замѣчено, хотя льды примѣтно на югъ подавались.

Подвиги Англичанъ, старавшихся знакомить Европу съ отдаленнѣйшими странами нашей земли, обратили на этотъ предметъ вниманіе и Россіи. Кому неизвѣстны описанія экспедиціи, отправленной въ сѣверовосточную Азію и къ сѣверозападнымъ берегамъ Америки, для географическихъ изслѣдованій, подъ начальствомъ капитана Биллингса, съ 1785 года по 1794 годъ? На Русскомъ языкѣ описаны ея дѣйствія капитаномъ Сарычевым*, который былъ дѣятельнѣйшимъ въ ней сотрудникомъ, а на Англійскомъ секретаремъ экспедиціи Сауеромъ**.

Въ числѣ многихъ предметовъ, составлявшихъ цѣль этого предпріятія, было и испытаніе возможности мореходнаго сообщенія изъ Ледовитаго моря чрезъ Беринговъ проливъ, въ Восточный Океанъ. Для этого (на рѣкѣ Ясашнѣ, близъ Верхне-Колымскаго острога, построили два мореходныя судна, Палласъ*** и Ясашна****. На первомъ находился начальникъ экспедиціи капитанъ Биллингсъ; второе поручено въ командованіе капитану Сарычеву.

1787 года, Мая 25-го, поплыли оба судна внизъ по Ясашнѣ и Колымѣ, и 18-го Іюня находились противъ Нижне-Колымскаго острога, гдѣ нашли широту $68^{\circ} 17' 14''$, долготу $163^{\circ} 17' 30''$ восточную; склоненіе компаса $14^{\circ} 14'$ восточное.

19-го числа Палласъ поплылъ далѣе, а 21-го послѣдовала за нимъ и Ясашна; 22-го соединились оба въ восточномъ устьѣ Колымы, близъ Шалауровскихъ казармъ и Лаптева маяка. Капитанъ Сары-

* Die Deutsche Uebersetzung von Busse, Leipzig 1805.

** An Account of a Geographical and Astronomical Expedition to the Northern Parts of Russia.

*** 45 футовъ по киллю.

**** 28 футовъ по киллю.

чевъ замѣчаетъ: «кажется, вѣроятно, что прежде фарватеръ рѣки былъ возлѣ праваго берега, что доказываютъ построенныя на немъ Лаптевымъ для людей казармы, близъ коихъ вытасень былъ и ботъ его, но теперь, не только большое судно приблизиться къ сему берегу не можетъ, но и шлюпка подходить съ трудомъ, и то въ водопольѣ, а во время убыли воды отмель бываетъ версты на три.»

25-го числа, югозападнымъ вѣтромъ развело волненіе, и въ Ясашнѣ показалась уже течь, которую однакожь скоро остановили.

24-го, начальникъ экспедиціи объявилъ себѣ чинъ капитана 2-го ранга, и того же дня оба судна снялись съ якоря, и чрезъ 6 миль вышли изъ устья Колымы въ Ледовитое море. «Глубина рѣки, по фарватеру, который здѣсь до 200 сажень шириною, была отъ 3 до 5 сажень; на днѣ жидкій илъ. Берегъ продолжается каменнымъ утесомъ, вышиною до 8 сажень; подъ нимъ видно много наноснаго лѣсу».

Укрываясь отъ льдовъ, носившихся близъ береговъ, суда входили въ небольшіе заливы за мысами, и останавливались на якоряхъ, когда не находили возможности плыть далѣе. 28-го, находясь въ заливѣ между большимъ и малымъ Барановыми камнями, противъ ручья, Биллингсъ устроилъ свою обсерваторію на берегу, нашель широту того мѣста $69^{\circ} 27' 26''$, долготу по хронометру $167^{\circ} 50' 30''$. Капитанъ Сарычевъ въ своемъ сочиненіи показываетъ обсервованную широту того же мѣста $69^{\circ} 29'$, прибавляя, «изъ сего видно, что на всѣхъ прежде издачныхъ картахъ, берегъ Ледовитаго Моря положенъ далѣе къ сѣверу почти на два градуса». Склоненіе компаса было здѣсь $16^{\circ} 00'$ восточное.

4-го Июля, оба судна снялись съ якоря, и старались пробираться на сѣверъ, гдѣ льды, казалось, уменьшались, но самый густой туманъ, препятствовавшій видѣть далѣе 2 сажень, погуждалъ ихъ ложиться часто на якорь. Самое большое отдаленіе отъ берега къ сѣверозападу простиралось не болѣе 20 миль; отсюда принуждены были поворотить обратно, «нбо высокіе и большіе льды, коимъ не видно было конца, покрывали впереди все море, и ударяющіеся объ нихъ волны производили ужасный шумъ». Палласъ 2-го числа положилъ якорь въ заливѣ за мыскомъ, западнѣе того, у котораго вчера стояли; Ясаина скоро съ нимъ соединилась.

5-го и въ слѣдующія числа, пытаясь проплыть далѣе на востокъ, и встрѣчая всегда препятствія отъ льдовъ, при частыхъ, густыхъ туманахъ, миновали 19-го Июля большой Барановъ камень, но пройдя на сѣверовостокъ около 41 миль, ледяныя громады, изъ коихъ многія на 16 саженяхъ глубины доставали дно, принудили ихъ укрыться по западной сторонѣ этого мыса, и положить якорь.

Здѣсь капитанъ Биллингсъ составилъ совѣтъ изъ офицеровъ, въ коемъ положено: за невозможностію пройти далѣе къ востоку, и за позднимъ осеннимъ временемъ, возвратиться на Колыму. «Лишь только кончился совѣтъ, то снялись, и на завозахъ пошли на западъ.» 26-го Июля вошли въ устья Колымы, коей теченіе столь было тихо, что чрезъ пять дней дошли до Нижне-Колымска, «и тѣмъ кончили, сколь трудное, столь и опасное плаваніе по Ледовитому морю.»

По окончаніи плаванія Биллингсъ вторично собралъ совѣтъ, въ коемъ разсуждаемо было, «какъ бы удобнѣе и безопаснѣе обойти, водою или берегомъ, Мысы Шелагскій и Чукотскій.» Опытъ пока-

заль, что водою сего исполнить было не можно; оставалось еще средство объехать мысы зимою на собакахъ, «но оно отвергнуто въ совѣтъ, такъ какъ неудобное, потому, что нельзя взять съ собою для собакъ корму болѣе, какъ на 200 верстъ пути.»

Наконецъ положено сдѣлать еще покушеніе съ восточной стороны, отъ Берингова Пролива, на суднахъ, приготовившихся въ Охотскѣ.*

На пути въ Беринговъ Проливъ, въ 1791 году, капитанъ Биллингсъ, на суднѣ *Слава Россіи*, зашелъ въ губу Св. Лаврентія, гдѣ его навѣстили Чукчи. Они сказывали начальнику экспедиціи, что Ледовитое море почти всегда покрыто бываетъ множествомъ льду, и что нѣтъ возможности плавать по сему морю, не только на большихъ судахъ, но и на байдарахъ. Повѣривъ этимъ разсказамъ, болѣе нежели собственному опыту**, капитанъ Биллингсъ отмѣнилъ намѣреніе обойти моремъ Шелагскій Носъ, и какъ будто изъ благодарности къ Чукчамъ, за избавленіе его отъ предстоявшихъ ему въ этомъ плаваніи опасностей, рѣшился на труднѣйшій, по менѣе славный подвигъ: проѣхать чрезъ Чукотскую землю, и ввѣриться дикому и коварному ея народу, пренебрегалъ даже мѣрами осторожности, вопреки убѣдительнымъ представленіямъ своихъ подчиненныхъ, и особенно капитана Сарычева.

11-го Августа капитанъ Биллингсъ отправилъ геодезіи сержанта Гилева, моремъ на Чукотской байдарѣ, описывать берегъ кругомъ восточнаго Чукотскаго мыса, до острова Колочина, откуда стараться

* Смотр. Путешествіе капитана Биллингса чрезъ Чукотскую землю, составленное вице-адмираломъ Г. А. Сарычевымъ.

** Извѣстно, что капитанъ Биллингсъ находился съ Кукомъ въ третьемъ его волежъ, и что сей послѣдній достигъ мыса Севернаго, по встрѣтивъ большихъ препятствій отъ льду.

вытхать ему на встрѣчу, при путешествіи Биллингса берегомъ.

Сержантъ Гилевъ, отправясь, вхалъ на байдаръкъ подъ береговъ до Восточной мыса, перешель пѣшкомъ чрезъ перешеекъ онаго къ Ледовитому морю, откуда слѣдовалъ подъ береговъ къ NW, то на байдарахъ, то пѣшкомъ, смотря потому, какъ носящіеся по морю льды ему позволяли, или препятствовали; наконецъ, недоходя до острова Колочина 90 миль, сидячіе Чукчи отказались провожать далье, и отдали его, случившимся тутъ, оленнымъ Чукчамъ, которые, на своихъ оленяхъ, чрезъ горы, привезли его въ станъ къ Биллингсу, находившемуся тогда близъ вершины рѣки Югней, впадающей въ Колочинскую губу.

На пути сюда, на 4-й верстѣ отъ озера Югней, осмотрѣлъ штурманъ Батаковъ ключи теплыхъ водъ, которые описываетъ такимъ образомъ: «Они находятся на невысокой каменной горѣ, и составляютъ четыре, овальнаго вида, водоема, которые возвышены отъ поверхности горы на $4\frac{1}{2}$ фута тонкими закраинами, сверху загнутыми на вѣншую сторону, такъ ровно, что сіи водоемы походятъ совершенно на котлы, врытые въ землю. Они всѣ наполнены, съ краями на ровень, теплою, густоватою, блесоватаго цвѣта водою. По срединѣ ихъ видны бьющіе съ низу ключи, на подобіе кипящей воды, гдѣ до дна не могли достать палкою, а къ краямъ находится вязкій известковый илъ, отъ осадки котораго, какъ думать должно, произошли закраины котловъ. — Величина сихъ водоемовъ отъ 6 до 8 сажень въ окружности; другіе два находятся въ 50-ти сажень отъ первыхъ.» Штурманъ Батаковъ, по наружнымъ признакамъ, полагаетъ, что сія гора нѣкогда была огнедышущею сонкою.

Капитанъ Биллингсъ, съ сержантомъ Гилевымъ, вѣдиль по Колочинской губѣ, до ея устья, которое по описанію «лежитъ въ 120 миляхъ отъ Берингова пролива, и вдалось внутрь Чукотской земли, къ югу, на 60 миль. Ширина его не болѣе семи миль. Въ него впадаетъ много рѣчекъ, и двѣ рѣки: Югней и Килью; первая течетъ изъ озера, вторая изъ горныхъ хребтовъ. Устье Колочинской губы имѣетъ ширины 4 мили; по срединѣ онаго лежитъ островъ Песлоне, величиною до 5 миль. Чукчи сказывали, что по западную его сторону мелководно, а по восточную глубоко, такъ, что симъ проливомъ входятъ въ губу киты. Островъ Колочинъ лежитъ въ морѣ отъ устья губы къ N въ 10 миляхъ.» По картѣ капитана Биллингса, середина острова Колочина находится въ широтѣ $67^{\circ} 30'$, долготѣ $185^{\circ} 26' W$ отъ Гринича.

На всемъ пути капитана Биллингса, до перваго Русскаго селенія на р. Большомъ Аноѣ, при устьѣ р. Индигирки, куда онъ прибылъ 17-го Февраля 1792 года, Чукчи, державшіе путешественниковъ, такъ сказать, у себя въ неволѣ, нисколько не измѣнили обыкновеннаго своего тракта, и медленнаго на оленяхъ кочеванія, идя всегда долинами, и не приближаясь къ морскому берегу ближе 50-ти миль. Биллингсъ скучалъ продолжительностію, трудностями пути, и нахальствомъ Чукчей, отъ которыхъ долженъ былъ переносить обиды.

Штурманъ Батаковъ съ великимъ трудомъ замѣчалъ направленія пути, и измѣрялъ пройденныя разстоянія, означая въ журналѣ своимъ именемъ рѣкъ, положеніе горъ, и все, что могъ распросами узнать отъ Чукчей, для положенія всего этого на картѣ.

Говоря о Чукотской странѣ вообще, капитанъ Биллингсъ въ своихъ запискахъ замѣчаетъ: «она вся

состоить въ горахъ и безплодныхъ долинахъ; на горахъ ни какой травы не примѣтно, выключая мха, который служитъ пищею оленямъ; вездѣ виднѣнъ голый камень. Въ нѣкоторыхъ долинахъ торчатъ палочки тальниковыя, очень нетолстыя; климатъ самый неспосный: до 20-го Июля непримѣтно лѣто, а около 20-го Августа приближеніе зимы во всемъ уже является.»

«Чукотская земля возвышенна, и часто попадались намъ горы удивительной вышины. По горамъ и въ долинахъ, во многихъ мѣстахъ, сѣбжныя кучи покрываютъ землю во весь годъ. По долинамъ, направленнымъ къ сѣверу, протекаетъ множество мелко-водныхъ рѣкъ и рѣчекъ, имѣющихъ каменистое дно. Самыя долины, болѣею частью, болотисты, и наполнены множествомъ малыхъ озеръ. Ягоды родятся только голубика, брусника и водяника, называемая шикшено. При берегахъ сѣверовосточной, восточной, и отъ части южной сторонъ, ловятся сивучи, моржи и тюлени. Сѣверный олень, горный баранъ, бѣловатый волкъ, медвѣдь, лисицы и песцы составляютъ все царство четвероногихъ. Во время кратчайшаго лѣта видны орлы, соколы, куропатки и разныхъ родовъ водяныя птицы, а во время зимы, когда жители путешествуютъ, то вездѣ летаютъ за ними вороны.»

Объ обитателяхъ этой дикой страны, Биллингсъ, въ своихъ запискахъ, намъ ничего не сообщаетъ, кромѣ описанія нѣкоторыхъ суевѣрныхъ обрядовъ, и намъ остается сожалѣть, что необычайныя труды, путешественниками перенесенныя, на проѣздъ чрезъ всю Чукотскую землю, не познакомили насъ короче съ ея обитателями.

По смерти купца Ляхова, купецъ Сыроватскій вступилъ, по частной передачѣ указа Якутской вое-

водской канцеляріи, во владѣніе островами, открытыми первыми. Желая распространить промыслы, передовщикъ (начальникъ артели) Сыроватскаго, мѣщанинъ Санниковъ открылъ отъ *второго* острова на западъ новый островъ, который, по высокимъ каменнымъ горамъ, и по малому объему своему, названъ *Сталбовой*. Этотъ же Санниковъ, послѣ смерти Сыроватскаго, бывъ посыланъ сыномъ его, мѣщаниномъ Сыроватскимъ, открылъ въ 1805 году, на востокъ отъ *третьяго* Ляховскаго, или Котельнаго острова, другую землю, которая названа *Фаддеевскими* островомъ, потому, что первое на ономъ зимовье построилъ промышленникъ Фаддеевъ.

Въ 1806 году, промышленниками Сыроватскаго открыта отъ этой земли въ близкомъ разстояніи другая, названная въ послѣдствіи времени *Нового Сибирью*.

Въ это же время, купецъ Протодыяконовъ, немѣвший сначала успѣха въ обрѣтеніи отъ устья Лены какого либо новаго острова, рѣшился просить Государя Императора о всемілостивѣйшемъ дозволеніи, ему, съ товарищемъ его, мѣщаниномъ Бѣльковымъ, производить промыслы на Котельномъ Островѣ, и тѣмъ уничтожить исключительное право Сыроватскихъ.

Это обстоятельство подало поводъ государственному канцлеру Графу Николаю Петровичу Румянцову, отправить г. Геденштрома на оные острова, съ порученіемъ, обозрѣть ихъ со всею подробностію.

Между тѣмъ, еще до отъѣзда г. Геденштрома, въ 1808-мъ году, найденъ мѣщаниномъ Бѣльковымъ островокъ, отдѣляющійся отъ западнаго берега Котельнаго Острова узкимъ проливомъ, и называемый понынѣ *Бѣльковскими* Островомъ.

1808-го года, въ Августѣ, отправился г. Геденштр. IV. — Отд. III.

штромъ изъ Иркутска въ Якутскъ, вмѣстѣ съ землемѣромъ Кожевнымъ, откомандированнымъ ему въ помощь. Окончивъ всѣ нужныя къ предстоящему путешествію пріуготовленія, г. Геденштромъ отправился изъ Якутска 18-го Ноября, и 5-го Февраля 1809 года прибылъ въ Усть-Янскъ. Здѣсь представились ему величайшія затрудненія въ исполненіи первоначальнаго плана, состоявшаго въ томъ, чтобы учредить на Котельномъ Островѣ главную складку запасовъ, и начать отъ него опись береговъ къ востоку. Хотя это намѣреніе и рушилось, но благоразуміемъ и дѣятельностію своею, г. Геденштромъ привелъ себя въ состояніе употребить наступившую весну съ пользою для географіи.

Средства его, конечно, были весьма ограниченны, но онъ старался вознаграждать недостатки усердіемъ. Онъ имѣлъ октанъ, одну старую астролябію, «которая для вѣрнаго назначенія широты мѣста не годилась,» и довольно хорошей, «морской, или пель-компась.» Для усилѣннѣйшаго дѣйствія, г. Геденштромъ поручилъ землемѣру Кожевину съ астролябіею описать первую отъ Котельнаго Острова, къ востоку лежащую землю, т. е. Фаддеевскій Островъ, и на обратномъ пути объѣхать первый, и запеленговать второй Ляховскій Острова. Мѣщанину Санникову, который находился при экспедиціи въ числѣ добровольно сопутствующихъ, поручено узнать пространство пролива, отдѣляющаго Котельный Островъ отъ Фаддеевскаго. Себѣ же предоставилъ онъ, раздѣляясь съ Кожевнымъ на Фаддеевомъ Островѣ, описать открытую, но объявленію Сыроватскихъ, на 300 верстѣ къ востоку отъ сего послѣдняго острова землю, называемую нынѣ *Новою Сибирью*.

Отправясь 7-го Марта изъ Усть-Янска, пріѣхали къ первому Ляховскому Острову (число въ журналѣ

г. Геденштрома не показано), гдѣ шесть дней сильныя вьюги держали на мѣстѣ. По прибытіи наконецъ на Фаддеевскій Островъ, землемѣръ Кожевинъ и Санниковъ съ г. Геденштромомъ раздѣлились; послѣдній направилъ путь на Новую Сибирь, взявъ вожатымъ Усть-Янскаго крестьянина Шорталгина.

Землемѣръ Кожевинъ описалъ западный, южный и восточный берега Фаддеевскаго Острова, объѣхалъ также первый, запеленговалъ второй Ляховскій Острова, и возвратился въ Усть-Янскъ благополучно.

Мѣщанинъ Санниковъ переѣхалъ во многихъ мѣстахъ проливъ между Котельнымъ и Фаддеевскимъ Островами, и нашелъ, что ширина его, примѣрно, отъ 7 до 30 верстѣ.

Г. Геденштромъ описалъ южный берегъ Новой Сибири на 220 верстѣ, нашелъ, что промышленники Сыроватскаго, вмѣсто 300 верстѣ, какъ объявляли, проѣхали по новой землѣ только 65 верстѣ, и возвратился благополучно въ Усть-Янскъ, тремя днями послѣ Кожевина.

Г. Геденштромъ, намѣреваясь въ будущемъ году провести лѣто на Новой Сибири, завезти туда оленей и лошадей, построить заблаговременно зимовье на этомъ острову, и увѣриться въ способахъ продовольствія на ономъ, отправилъ мѣщанина Санникова, съ пятью промышленниками, на Новую Сибирь, на лѣтовку, такъ сказать, для испытанія, а самъ ѣздилъ въ Верхо-Янскъ, для разныхъ хозяйственныхъ распоряженій.

Возвратясь къ осени 1809 года въ Усть-Янскъ, чтобы не остался празднымъ, дѣлалъ г. Геденштромъ опись приморскаго берега къ р. Индигиркѣ. Тутъ онъ узналъ о возвращеніи, въ началѣ Ноября, Санникова, съ артелью, отъ Новой Сибири. По объявленію ихъ, лѣто было столь холодное, что да-

же во многих мѣстахъ не сходили съѣтъ, и травы ни какой не было. Рыбы въ рѣкахъ не видно другой, кромѣ рогатки (рыбка въ 4 вершка длины); впрочемъ рыба и не могла входить съ моря, потому, что береговой ледъ въ это лѣто не разносило. Бывшій при артели плотникъ построилъ на Повой Сибири два зимовья и три ставца. Мещанинъ Сапниковъ также вывезъ съ собою нѣкоторыя вещи, найденныя на Фаддеевскомъ Острову и Новой Сибири. На первомъ найдены Юкагирскія сани, и обдѣланная кость, съ выемкою, въ которую вкладывалось каменное остріе, для сбитія съ оленьихъ кожъ шерсти, а съ Новой Сибири обдѣланный кусокъ мамонтовой кости, наподобіе Чукотскихъ топоровъ. «Все сіе доказываетъ,» говоритъ г. Геденштромъ въ своемъ занимательномъ журналѣ, «что были на тѣхъ островахъ Юкагиры, съ давнихъ лѣтъ туда зашедшіе, ибо ежели предполагать, что вещи сіи принадлежатъ нынѣшнимъ Юкагирамъ матераго берега, то для чего имъ употреблять кость и камень, вмѣсто желѣза, котораго у нихъ довольно привознаго.»

Зиму провелъ г. Геденштромъ съ своими людьми въ такъ называемомъ Посадномъ зимовьѣ (на морскомъ берегу, около 100 верстъ къ востоку) отъ Св. Носа, и въ 180 верстахъ отъ ближайшаго селенія на Индигиркѣ), куда всѣ нужные запасы завезены были заблаговременно. «Время,» г. Геденштромъ говоритъ, «протекало у насъ скорѣе, нежели у инаго при всѣхъ городскихъ забавахъ. Но цынга, которая въ здѣшнихъ мѣстахъ обыкновенно случается зимою, посетила и насъ. Больше двухъ мѣсяцевъ продолжавшаяся здѣсь ночь, дѣлаетъ воздухъ чрезвычайно густымъ и нездоровымъ; безъ частыхъ вѣтровъ и вьюгъ, которые посылаетъ тогда благотвор-

ная природа, для приведенія въ движеніе сего тяжелаго воздуха, мѣста сіи были бы дѣйствительно для человѣка зимою необитаемы. Я предвидѣлъ нашу опасную болѣзнь, и принялъ для соупутниковъ моихъ всѣ предосторожности, состоявшія въ свѣжей пищѣ, въ безпрестанномъ движеніи, и проч. За то и показала она только у меня и одного казака, потому, что мы менѣе всѣхъ прочихъ предохранялись движеніемъ. Но повторямые пріемы селитры, отваръ кедроваго слянца, и принужденное сильное движеніе при самомъ появленіи болѣзни, избавили насъ скоро отъ оной.»

1810 года, Января 29-го, г. Геденштромъ поѣхалъ изъ Посаднаго стана въ Усть-Янскъ, гдѣ присутствіе его для различныхъ распоряженій было необходимо нужно. Руководствуясь опытомъ Санникова, лѣтовавшаго въ прошедшемъ году на Новой Сибири, г. Геденштромъ отмѣнилъ лошадей, и распорядился, чтобы одни олени были переведены туда, но не прежде, какъ увѣрившись, что Новал Сибирь не есть островъ, а дѣйствительно обширная земля.

Преодоливъ многія препятствія и затрудненія, г. Геденштромъ, наконецъ, 2-го Марта, отправился изъ Русскаго устья (на Индигиркѣ) на 29 нартахъ въ море, держа путь къ поставленному имъ въ 1809 году кресту, близъ Песцоваго Мыса. 13-го числа пріѣхали къ Новой Сибири, въ 40-ти верстахъ западнѣе сего мѣста. «Столь малой ошибкой,» говоритъ онъ, «облизанъ я Деревянными горами, которыя увидѣли мы еще за 120 верстъ до Новой Сибири.» Дорога была по частымъ торосамъ весьма трудна, тѣмъ болѣе, что Индигирскія собаки и проводники не имѣютъ довольнонаго навыка въ развѣздахъ такого рода. Отправивъ съ креста 22 нарты обратно на Индигирку, продолжалъ Геденштромъ на 7 лучшихъ

нартахъ описывать берегъ къ востоку. У Песцового мыса опредѣлили по наблюденію склоненіе стрѣлки 15° восточн., а широту $74^{\circ} 45'$, которая отъ опредѣленія лейтенанта Анжу разнится только $5'$ недостаточно.

Мыщанинъ Санниковъ отправленъ на одной нарть черезъ островъ, къ сѣверному берегу Новой Сибири.

16-го Марта, Геденштромъ находился уже у *Камениаго Мыса*, съ котораго берегъ Новой Сибири склоняется къ западу. Съ высоты сего мыса виднѣлась на NO синева, совершенно похожая на отдаленную землю.»

На утро прѣхалъ и Санниковъ. Прѣхавъ землю 70 верстъ на сѣверъ, выѣхалъ онъ къ морскому берегу, откуда поворотилъ къ востоку и ночевалъ въ 5 верстахъ отъ Геденштрома. Онъ также пришелъ синеву къ NO за отдаленную землю.

Увѣрившись въ небольшомъ протяженіи Новой Сибири на востокъ, Г. отменилъ намѣреніе лѣтовать на оной, и отпустивъ Санникова въ Усть-Янскъ, пустился къ NO за новымъ открытіемъ.

«Дорога была изъ труднѣйшихъ, по всѣмъ трудамъ были забыты, когда прежде виднѣвшая синева представилась черезъ зрительную трубку бѣлымъ яромъ, изрытымъ, какъ казалось, множествомъ ручьевъ. Вскорѣ яръ сей показался простирающимся полуциркулемъ, и почти соединяющимся съ Повою Сибирью. Но къ крайнему прискорбію всѣхъ, на другой день узнали мы, что обманулись. Минная земля преобразилась въ гряду высочайшихъ лѣдяныхъ громадъ, 15 и болѣе сажень вышины, отстоящихъ одна отъ другой въ 2 и 3 верстахъ.»

Чтобы запастись дровами на дальній путь, возвратился Г. отсюда на Новую Сибирь, и нагружалъ ими нарты на 14 сутокъ, отправился вторично, 24

Марта, на востокъ, по торосъ былъ столь густъ, что въ 4 дни проѣхали не болѣе 70 верстъ. «Здѣсь увидѣли мы, къ крайнему удивленію, въ 5 верстахъ воду и носящійся по морю ледъ. Сія вода была, какъ я послѣ увѣрился, морская полынья, простирающаяся почти отъ Новой Сибири до Медвѣжьихъ Острововъ, что составитъ до 500 верстъ.»

Г. намѣреваясь ѣхать прямо къ Лаптевскому маяку на устьѣ Кольмы, три раза приближался къ полыньѣ, и наконецъ, увѣрившись въ непроходимости этой препоны, поворотилъ на югъ, и выѣхалъ на Азіатскій берегъ около устья рѣки Курджлиной, пробывъ 45 днй въ пути (считая отъ Индигирки), вмѣсто предполагаемыхъ 28 днй, отъ чего онъ весьма нуждался бы въ запасахъ, если бы 11 убитыхъ имъ бѣлыхъ медвѣдей не отвратили недостатка въ кормѣ собакамъ. 15 Апрѣля прѣхалъ Г. къ Лаптевскому маяку.

Еще до отправленія своего на Новую Сибирь, Г. послалъ на Кольму нарочнаго, съ предписаніемъ, изготовить подъ экспедицію 5 отборныхъ нартъ, по какъ вмѣсто таковыхъ встрѣтили ихъ 4, весьма дурныя нарты, то Г. принужденнымъ нашелся ѣхать въ Нижне-Колымскъ, и немедленно принять нужныя мѣры. Вмѣстѣ съ симъ Г., вновь присланнаго къ нему въ Усть-Янскъ землемера Пшеницына (на мѣсто заболѣвшаго Кожевина) отправилъ для лѣтовки на Котельный островъ.

Наконецъ 18-го Апрѣля, Г. отправился изъ Нижне-Колымска, на 5 нартахъ, имѣя корму на 20 днй. У Баранова камня продержала ихъ жестокая буря отъ востока 7 днй; потомъ пустился онъ въ море, держа на NO 20° . На разстояніи 150 верстъ стали попадаться земляныя глыбы на льдинахъ.

«Мая 1-го видѣли мы стадо гусей, летѣвшихъ на NNW, и бѣлаго филина; на N подымались облака;

глубина морскал уменьшалась. Все сіе доказывало близость земли. Въ 245 верстахъ отъ Баранова камня переѣхали мы щель, въ 1 аршинъ ширины, но въ 5 верстахъ доѣхали до щели въ 15 сажень. Здѣсь замѣтилъ я быстрое морское теченіе на ОСО, и заключилъ, что щель сія сдѣлалась отъ бывшей съ востока бури. Въ 5-ти верстахъ сихъ, глубина морскал отъ 14½ саж. уменьшилась до 11-ти сажень.»

Сравнимъ сіи обстоятельства съ тѣми, которыя испытаны мною, 10 лѣтъ послѣ Геденштрома.

Курсъ NO 20°, по компасу, исправя склоненіемъ компаса (15° восточное), проходитъ по самымъ тѣмъ мѣстамъ, по коимъ въ 1821 и 1822 годахъ мы проѣзжали. 150 верстъ отъ Баранова камня, гдѣ Г. нашель землныя глыбы на льдинахъ, есть почти тотъ самый пунктъ, откуда въ 1821 году, слѣдуя къ юго-востоку, поворотили мы назадъ, а встрѣча щелей въ 245 верстахъ воспослѣдовала тамъ, гдѣ въ 1822 году нашли мы попеременно полыньи и чрезвычайныя тороса, въ коихъ вырыли вторую яму, для храненія припасовъ, дабы облегчить ѣзду въ торосахъ. Намъ измѣренная глубина здѣсь 14½ саж., грунтъ илъ, а на 30 миль сѣвернѣе нашли мы 14½ саж., грунтъ дресва, или камень. Сіи глубины несогласны съ показаніемъ Г., и какъ онъ не выходилъ изъ предѣловъ нашей ѣзды, во время коей многократно измѣрима была глубина моря, возрастающая съ удаленіемъ на востокъ и умалляющаяся къ западной сторонѣ, не уменьшалась къ сѣверу, то я имѣю достаточныя причины полагать въ измѣреніяхъ Г. ошибки, тѣмъ болѣе вѣроятныя, что, какъ мнѣ извѣстно, настоящаго, на футы измѣреннаго логъ-линя при немъ не находилось, а пройденныя разстоянія полагались по примѣрному соображенію бѣга собакъ, безъ поѣрки обсервованными широтами. Что полагаемъ

такимъ образомъ разстоянія весьма не надежны, и у Г. всегда были слишкомъ велики, въ томъ свидѣтельствуешь его описъ Новой Сибири, въ послѣдствіи повѣренная лейтенантомъ Анжу. Явленіе гусей и филина въ значительномъ отдаленіи отъ материка, не должно также насъ удивлять, и отнюдь не можетъ служить доказательствомъ близости другой земли на сѣверѣ, ибо гуси, пролетая къ морскому берегу отъ юга, и не находя воды, обыкновенно пускаются вдалѣ къ полыньямъ, пока вскрытіе рѣкъ не позоветъ ихъ обратно, а филины есть плотоядная птица, ищущая пищи въ объѣздахъ бѣлыхъ медвѣдей. Если бы въ *исходѣ лѣта* видѣли стада гусей, отъ сѣвера черезъ море къ югу летящихъ, то, конечно, можно бы думать съ нѣкоторою основательностію, что они оставили сѣверную землю, и возвращаются въ полуденныя страны.

Г., не видя возможности ѣхать далѣе на сѣверъ, желалъ выѣхать къ Шелагскому Мысу, но тонкій ледъ ему и въ этомъ покушеніи воспрепятствовалъ, такъ, что съ трудомъ нашель онъ свой старый слѣдъ, по которому пріѣхаль 8-го Мая къ Баранову камню, гдѣ вторично сильная буря два дня его держала.

Проведя лѣто въ Нижне-Колымскѣ, Г. отправился 18-го Сентября на нартахъ къ Индигиркѣ, дѣлалъ всему берегу описъ. На Индигиркѣ засталъ геодезиста Пшеницына, который оставался во все лѣто на Янѣ и Индигиркѣ, не нашедши возможности перебраться для лѣтовки на Котельный островъ.

Въ половинѣ Октября отправился Г. въ Усть-Янскъ, прямымъ путемъ чрезъ тундру. «На семь пути,» говорить онъ, «примѣчательно озеро *Хостахъ*, длиною 14, а шириною 6 верстъ. Оно въ каждую осень выбрасываетъ на берегъ великое множество, «извѣстнаго по естественной исторіи, смолистаго

« дерева (bituminöses Holz), въ видѣ щепь. Берега за-
« валены имъ въ иныхъ мѣстахъ на аршинъ вышиною;
« между сими щепами попадаются мелкими кусочка-
« ми вещество, очень похожее на камедь. Оно горитъ,
« какъ лнтарь, но имѣетъ смолистый запахъ, и суди
« потому есть, вѣроятно, не что иное, какъ затвердѣлая
« смола лиственницы. Ближнее разстояніе сего озера
« отъ моря 115 верстъ, отъ льсу 80 верстъ.»

Г. сообщаетъ намъ и другое, не менѣ примѣча-
тельное явленіе природы: « на тундрѣ также на-
« ходятъ, далеко отъ льсу, въ ярахъ надъ озерами и
« рѣками, цѣлыя березы, съ корнемъ и корою. Онѣ
« истлѣли, но жители употребляютъ ихъ на топку,
« въ случаѣ недостатка въ дровахъ. Онѣ не даютъ пла-
« мени. Жители называютъ сіи березы *адаловицши*.»

Въ Усть-Янскѣ освѣдомился Г. о возвращеніи Санни-
кова отъ Котельнаго Острова; вотъ краткій отчетъ его:

« Мѣщанинъ Бѣльковъ (компаньонъ купца Прото-
« дьяконова), вмѣстѣ съ мѣщаниномъ Санниковымъ,
« лѣтовали сего 1810 года на Котельномъ Островѣ,
« для промысла мамонтовой кости и песцовъ. Они
« избрали для лѣтованія западную сторону сего остро-
« ва, на которомъ предполагали имѣть изобильнѣй-
« шіе промыслы, потому, что до сего времени ни
« кто на сей сторонѣ не бывалъ.

« Мѣщанинъ Санниковъ, проходя по западному
« берегу Котельнаго Острова, въ 150 верстахъ отъ
« тѣхъ мѣстъ, до конхъ доходили прежніе про-
« мысленники, нашель:

1. « На берегу выкопанную могилу; тѣло было
« вырыто медвѣдемъ. Подлѣ могилы стояла долгая,
« узкая и высокая нарта, строеніе коей отъ всѣхъ
« извѣстныхъ отличю, и доказывало, что тащили
« ее люди лямками. Въ одномъ концѣ могилы сдѣ-
« ланъ деревянный крестъ, обложенный свинцомъ, съ

« обыкновенною, церковною, Русскою надписью. Под-
« лѣ креста лежали желѣзный батасъ (родъ узкаго
« однолезвейнаго копья) и двѣ желѣзныя стрѣлы.»

2. « Въ недалекомъ отъ сего мѣста разстояніи
« было четырехугольное рубленое зимовье, въ коемъ
« найдено нѣсколько вещей изъ оленьяго рога, тесан-
« выхъ топоромъ.»

3. « На рѣчкахъ, гдѣ линяютъ гуси, находилъ Сан-
« никовъ гусинныя кости, въ доказательство, что бы-
« ли здѣсь люди, а на морскомъ берегу видѣлъ кито-
« вые позвонки. Также замѣчено имъ, что дикіе оле-
« ни сего мѣста гораздо боязливѣе и осторожнѣе
« находящихся на матерой землѣ Сибири.»

4. « Берегъ въ томъ мѣстѣ, до коего Санниковъ
« доходилъ, оборачивается на востокъ, а на сѣверо-
« западъ, въ примѣрномъ разстояніи 70 верстъ, видны
« высокія каменныя горы.»

Какъ Санникову и всѣмъ Усть-Янскимъ и Индигир-
скимъ промышленникамъ было извѣстно, что на за-
падномъ берегу острова никто прежде не бывалъ, то
виднныя признаки бытія здѣсь Русскихъ людей
приписываетъ Г. крушенію какого либо коча море-
ходцевъ 17-го столѣтія.

Замѣчаніе Санникова, касательно высокихъ горъ
на NW отъ Котельнаго Острова, побудило Г. къ на-
мѣренію, весною слѣдующаго года, подробнѣе из-
слѣдовать это; окончательную опись Новой Сиби-
ри и Фаддеевскаго Острова поручить геодезисту Пше-
ницкину, а казачьему сотнику Татаринovu, котораго
Г. обучилъ употребленію компаса, приказано попы-
таться объѣхать съ сѣверной стороны полынью,
протянувшуюся отъ Новой Сибири къ Кольмъ.

Занимаясь распоряженіями къ приведенію вышеиз-
ложенныхъ намѣреній для будущаго года въ испол-
неніе, ѣздилъ Г. въ Верхо-Янскъ, гдѣ получилъ пове-

льнѣе отъ Иркутскаго гражданскаго губернатора возвратиться немедленно въ Иркутскъ, для личнаго обо всемъ отчета, съ тѣмъ, чтобы ко времени отправления на острова, быть опять въ Усть-Янскѣ.

По прибытїи Геденштрома, 4-го Января 1811 года, въ Иркутскъ, объявлено ему, что гражданскій губернаторъ, видя отягощеніе, которое малочисленные жители береговъ Ледовитаго Моря несутъ отъ экспедиціи, представлялъ уже высшему начальству объ уничтоженіи оной. По разсмотрѣніи же всего дѣйствія Геденштрома, предположено было окончить опись Острововъ Котельнаго, Фаддеевскаго и Новой Сибири, однакожь съ тѣмъ, чтобы все это выполнено было безъ Г., котораго губернаторъ оставилъ при себѣ.

Въ слѣдствіе сего даны нужныя предписанія геодезисту Пшеницыну, которому назначены въ помощники мѣщанинъ Санниковъ, сотникъ Татаринцовъ, и унтеръ-офицеръ Рышетниковъ, находившійся съ Г. во всѣхъ его разъѣздахъ.

Геодезистъ Пшеницынъ *, выѣхавъ въ началѣ Марта 1811 года изъ Русскаго Устья (деревня на р. Индигиркѣ) на Новую Сибирь, на нартахъ, объѣхалъ оную, описалъ, и представилъ карту. Земля сія оказалась островомъ, имѣющимъ въ окружности 470 верстъ; съ сѣверной стороны Каменнаго Мыса сотникъ Татаринцовъ пускался въ море, но проѣхавъ не больше 25 верстъ, доѣхалъ до тонкаго льду, за которымъ видно открытое безъ льдовъ море. Сѣверные берега сей земли состоятъ изъ крутыхъ, почти неприступныхъ яровъ. Наноснаго лѣсу на южной сторонѣ довольно; на сѣверной же, кромѣ двухъ губъ, нигдѣ его не находили.

Мѣщанинъ Санниковъ, также въ началѣ Марта

* Отчетъ сей выписанъ много изъ приложеній къ журналу г. Геденштрома.

1811 года, пустился изъ Усть-Янска на трехъ нартахъ на Фаддеевскій Островъ, оставивъ товарища своего, унтеръ-офицера Рышетникова, для приготовленія всего нужнаго къ лѣтованію на Котельномъ островѣ. Прибывъ на Фаддеевскій островъ, и давъ нужнымъ собакамъ отдыхъ, 27-го отправился онъ въ путь для объѣзда всего острова. Въ западной сторонѣ оная, съ которой началъ путь свой, почитаемое прежде проливомъ оказалось заливомъ. Верхній конецъ сего залива оканчивается до самаго моря низменнымъ пескомъ, которымъ Фаддеевскій Островъ соединяется съ Котельнымъ. Сѣверозападная оконечность Фаддеевскаго Острова состоитъ изъ каменнаго, высокаго и узкаго, далеко въ море простирающагося мыса, отъ котораго земля, оборачиваясь круто на юго-востокъ и востокъ, дѣлаетъ губу; въ восточной же части острова, берегъ, склоняясь къ юго-востоку, простирается до Благовѣщенскаго Мыса, составляющаго восточную оконечность острова, до котораго Геденштромъ доѣзжалъ въ 1809 году, и съ котораго онъ пустился на Новую Сибирь.

Съ сѣвернаго берега видѣлъ онъ на сѣверъ землю, съ высокими горами; пустившись туда, проѣхалъ не больше 25 верстъ, какъ былъ удержанъ польняскою, простиравшеюся во всѣ стороны; земля же ясно была видна, и онъ полагаетъ, что не больше она отъ него тогда 20 верстъ отстояла. Съ Благовѣщенскаго Мыса также пускался онъ на сѣверъ въ море, но проѣхавъ не больше 30 верстъ, доѣхалъ до открытаго же моря.

«12-го Апрѣля Санниковъ возвратился въ Усть-Янскъ, и тотчасъ приступилъ къ отправкѣ оленей и прочаго на Котельный Островъ для лѣтовки. 2-го Малъ обозъ сей выступилъ изъ Усть-Янска, а 17-го прибывъ оный благополучно на Котельный Островъ. Олени же, по долгомъ ожиданіи, наконецъ пригнаны

на островъ 9-го Июня, числомъ 23, тогда, какъ ледъ во многихъ мѣстахъ изрѣзанъ уже былъ щелями и сообщеніе дѣлалось крайне опаснымъ. Пазначенные для Пшеницына на Фаддеевскій Островъ олени, по причивъ поздняго времени, не были приведены, почему предвидѣлись для него величайшіе недостатки и затрудненія провести лѣто въ такомъ безпомощномъ состояніи.

Олени, не взирая на то, что отъ труднаго и дальнаго пути къ Котельному Острову, были весьма изнурены, скоро поправились, такъ, что 25-го Июня могли отправиться въ путь.

Слѣдуя на оленяхъ, не могли держаться всегда берега, гдѣ рѣдко бываютъ довольно хорошія для оленей коридвица; зная также западную и восточную сторону острова на дальнее разстояніе, приняли намѣреніе пройти во внутрь земли какъ можно далье, и тогда оборотиться къ берегу, и придерживаться онаго, сколь возможно ближе, пока опять дойдутъ до извѣстныхъ уже мѣсть.

Такимъ образомъ пустились вверху по Царевой рѣчкѣ, съ которой своротили въ право, на восточную сторону острова къ Санниковой рѣчкѣ, отъ которой уже держась все берега, обошли весь островъ вкругъ. Сей воляжъ совершили въ 54 дни, и возвратились въ зимовье 17-го Августа. Въ пути питались болѣе дикими гусями и оленями; первыхъ стрѣляли изъ ружей, а оленей убивалъ Юкагирскій князекъ, посредствомъ пріученнаго къ такому промыслу домашняго оленя, который непримѣтнымъ образомъ приближался къ табуну дикихъ оленей, и закрывалъ собою своего хозяина.

Въ этомъ путешествіи встрѣтились слѣдующіе замѣчанія достойные предметы:

«1-е. Въ значительномъ разстояніи отъ берега на

возвышенныхъ мѣстахъ лошадиныя, буйволовыя, бычачьи и овечьи головы и кости, въ великомъ множествѣ, ведущія къ заключенію, что эти животныя водились здѣсь въ древнія времена цѣлыми стадами. Но какъ могли они питаться въ такой безплодной и суровой странѣ? Это не иначе изъяснить можно, какъ предположивъ, что тогда климатъ былъ здѣсь гораздо умѣреннѣе, и сіи стада рогатаго скота, вѣроятно, были современники мамонтамъ, которыхъ кости во множествѣ тамъ находятся; тогда же произрасталъ и лѣсъ, котораго окаменѣлыя остатки встрѣчаются цѣлыми слоями на Новой Сибири.

«2-е. Многіе признаки Юкагирскихъ жилищъ. — Въ Усть-Янскѣ и на Индигиркѣ есть преданіе, что лѣтъ за 150 множество Юкагировъ удалилось на острова, избѣгая отъ свирѣпствовавшей тогда оспы; вѣроятно, что сей народъ удалился потомъ на другіе острова, или земли Ледовитаго моря.»

«3-е. Изъ окаменѣлостей, кромѣ окаменѣлаго и смолистаго дерева, найдено въ Санниковой рѣчкѣ, на восточной сторонѣ острова, множество аммонитовъ, въ большихъ шарахъ затвердѣлаго ила. На западной сторонѣ острова находимы были на берегу китовыя кости. Это доказываетъ, что отъ Котельнаго Острова къ сѣверу простирается безпрепятственно обширный океанъ, не покрывающійся льдомъ, какъ Ледовитое море при материкѣ Сибири, гдѣ никогда китовъ, или костей ихъ не видывано.» *

«4-е. Изъ описанія путешествія Санникова, въ 1810 году, по западной сторонѣ Котельнаго Острова, извѣстно, что Санниковъ тогда нашелъ на самомъ берегу старое Русское зимовье, и могилу съ крестомъ, и проч. Нынѣ Санниковъ и Рѣшетниковъ, прибывъ

* Изъ описанія путешествій XVIII столѣтія видно, что тогда киты не рѣдко попадались въ этомъ морѣ.

на то мѣсто, рѣшились открыть сію могилу: они нашли въ ней деревянный срубъ, и въ немъ нижнія челюсти чловѣка, и слѣдующія вещи: 17 желѣзныхъ стрѣлъ, топоръ, колыбѣ для литья пуль, пилу, двѣ уды, огниво, камень обитый, костяной гребень, и истлѣвшія песковыя, олени и овчинныя лоскуты, юфтевыя перада черковъ (Сибирскихъ котовъ), не подалеку отъ могилы желтой мѣди кастрюля, топоръ и перерубленныя лыжи; на могилѣ разводился огонь, что доказывали найденныя въ оной обгорѣлыя головы и опаленная дрова. Откуда чловѣкъ Русскій зашелъ на сей островъ, и кто его похоронилъ по обрядамъ Русскимъ и Азіатскимъ, когда онъ здѣсь былъ, и куда дѣвались его товарищи? Вотъ вопросы, на которые отвѣчать невозможно.»

«5-е. Близъ устья Царевой рѣки нашли также ветхое судовое дно. Доски были изъ соснового, а коры изъ кедроваго лѣса. Конопать была засмоленная мочала.»

«4-го Октября Санниковъ отправился для обозрѣнія низменнаго пещанаго мѣста, простирающагося вдоль восточной стороны острова, и для проѣзда оттуда на Фаддеевскій Островъ для навѣданія, какъ о томъ приказано ему было отъ Геденштрома, о геодезистѣ Пшеницынѣ.»

Геодезистъ Пшеницынъ, въ исходѣ Апрѣля, выѣхалъ изъ Русскаго Усть-Янскаго селенія, съ сотникомъ Татариновымъ на Фаддеевскій Островъ, чтобы провѣсть на немъ лѣто. Онъ расположился въ зимовьѣ, въ ожиданіи оленей, которыхъ долженъ былъ еще привезти близекъ Юкагирскій, но какъ сей послѣдній не прибылъ, то старался онъ пышкомъ сколько возможно слѣдовать берегомъ.»

Перенесъ величайшія трудности, онъ не могъ пройти и 50 верстъ, возвратился въ зимовьѣ, и ожидалъ осени, чтобы выѣхать на матерую землю, или на

Котельный Островъ. Къ несчастію, не было сего лѣта мышей на островѣ (мыши островныя часто кочуютъ съ острова на островъ, и даже на матерую землю) и собаки совершенно изнурились, потому, что вся надежда на ихъ прокормленіе полагалась на мышей, которыхъ они лѣтомъ сами ловятъ. Завезенный же кормъ хранился только на обратный путь.

6-го Октября прибылъ Санниковъ на Фаддеевскій островъ и засталъ геодезиста Пшеницына съ товарищами въ самой крайности. Большая половина собакъ ихъ перемерла, а остальные по недостатку въ кормѣ, столь были худы, что никакъ на нихъ ѣхать было невозможно, а также и въ съѣстныхъ припасахъ терпѣли крайній недостатокъ.

10-го Октября всѣ съ Санниковымъ и Рѣшетниковымъ отправились съ Фаддеевскаго и 13-го прибыли на Котельный Островъ, гдѣ геодезистъ Пшеницынъ, изъ записокъ Санникова и словесныхъ разсказовъ составилъ журналъ и сочинилъ Котельному Острову карту.

27-го Октября отправились всѣ съ Котельнаго Острова въ путь. По морю подвержены были, по причинѣ тонкаго льду и многихъ полыней великой опасности, но опытностью Санникова благополучно всѣхъ избавлялись.

«12-го Мая съ оленями прибыли благополучно въ Усть-Янскъ; отсюда Санниковъ и Рѣшетниковъ 27-го числа выѣхали въ Иркутскъ, куда прибыли 15-го числа Января 1812 года.

Пшеницынъ оставался для распродажи вещей, припасовъ и оленей экспедиціи, и для удовлетворенія жителей за кормъ, нарты, и проч. Окончивъ все сіе, возвратился онъ въ Иркутскъ въ Сентябрѣ 1812 года.

Этимъ кончилась экспедиція г. Геденштрома, столь
Т. IV. — Отд. III. 8 1/2

занимательная по многимъ отношеніямъ. Особенно любопытны замѣчанія этого достойнаго исполнителя опаснаго и труднаго порученія о предметахъ естественной исторіи льдистой страны; не излишнимъ считаю выписать ихъ вкратцѣ изъ журнала его:

«По всему берегу Ледовитаго Моря лѣсъ не растега. Оный оканчивается постепенно; близъ предѣловъ своихъ покрытъ мхомъ, низокъ и искривленъ. На нѣкоторое пространство отъ конца лѣсовъ растетъ еще низкій тальникъ и ершикъ (*betula nana*), которые съ приближеніемъ къ морю становятся примѣтно рѣже и ниже, и наконецъ вовсе теряются. Изъ деревъ одна лиственница растетъ въ крайнихъ къ сѣверу лѣсахъ.

«Все пространство отъ лѣсовъ до берега Ледовитаго Моря состоитъ изъ тундры, т. е., покрыто мхомъ, крайне болотисто и усѣяно озерами. Въ рѣдкихъ мѣстахъ произрастаетъ трава. Берегъ Ледовитаго моря во многихъ мѣстахъ весьма низокъ, почти равенъ съ моремъ, такъ, что зимою трудно было бы его отличить безъ наноснаго лѣса. Это доказываетъ, что сей увалъ въ древніе годы былъ берегомъ, и что Ледовитое Море удаляется отъ береговъ Сибири. Отъ низменныхъ береговъ простираются въ море на дальнее разстояніе мели, которыя зимою, а часто и во весь годъ, покрыты густымъ и высокимъ торосомъ»

«Многіе пры, на берегахъ Ледовитаго Моря, рѣкъ и озеръ, удивленія достойны тѣмъ, что состоятъ изъ правильныхъ слоевъ льду и земли. Въ нѣкоторыхъ видны ледяныя жилы, перерывающія земляныя слои.»

На Ледовитомъ Морѣ, въ ясный весенній день, особенно въ Апрѣль мѣсяцѣ, видимы отдаленнѣйшіе предметы. Отъ устьевъ Индигирки часто видятъ *Деревяныя Горы** на Новой Сибири. Разстояніе ихъ

* Вышина ихъ, по измѣреніямъ лейтенанта Анжу, около 20 сажень.

отъ Индигирки не менѣе 312 верстѣ. Быковскій Мысъ, на правомъ устьѣ Лены, имѣетъ низменный берегъ, но также часто ясно виденъ бываетъ съ мыса Бархалъ, въ лѣвъ отъ Яны, на разстояніи 115 верстѣ.*

О сѣверныхъ островахъ Геденштрома замѣчаютъ:

Берега ихъ болшею частью состоятъ изъ синеватой глины. Изъ произрастеній находится мохъ, и въ рѣдкихъ мѣстахъ низкая трава, изъ рода солянокъ. Напротивъ повсюду довольно, такъ называемой, куропаточьей травы; растеніе сіе низкое, стелющееся, гвѣздообразное; имъ питаются бѣлыя куропатки. Наноснаго съ моря лѣса довольно на берегахъ, кромѣ сѣвернаго береговъ Оадевскаго Острова и Новой Сибири. *Четвероногія*: олени, выше станомъ олней материка Сибири; песцы бѣлые и голубые; бѣлые медвѣди; мыши бурья съ желтыми струйками, изрѣдка бѣлыя; также замѣчены слѣды росомахи. Всѣ сіи звѣри туземные, кромѣ, вѣроятно, росомахи. *Птицы*: бѣлыя куропатки; бѣлые филины, какковыя бываютъ въ Лапландіи и по всему сѣверу; турпаны, гагары, и родъ черныхъ гусей, величиною менѣе казарки, у коихъ крылья черныя, и хвостъ и спина бурья, брюхо и зобъ свѣтлобурые. Жители приморскіе называютъ ихъ *тылкали*. Мясо ихъ весьма вкусно и жирно. *Рыбы*: на Котельномъ Островѣ въ Царевой рѣкѣ ловится красная рыба *зубатка*; на Новой же Сибири довольно *рогатки*. Она величиною до 4 вершковъ, походитъ на налима, видомъ и вкусомъ, только брюхастѣе, и хвостъ у ней тонѣе; на головѣ четыре твердыя, конической фигуры, возвышенности, отъ которыхъ рыба сія и имя свое получила.

* Въ журналѣ Геденштрома сказано 300 верстѣ, по это несправедливо.

Изъ ископаемыхъ находится на Новой Сибири смолистое дерево; тутъ же по близости есть превосходной доброты точильный камень. Упомянутыя выше, *Деревянные горы* названы симъ именемъ отъ того, что образуютъ утесы, состоящіе изъ горизонтальныхъ, равной толщины слоевъ пенциника и смолистаго дерева, въ видѣ бревень. Въ утесахъ бревна сіи имѣютъ горизонтальное положеніе; на самой же вершинѣ горы стоятъ вертикально, одно подлѣ другаго. Вышина концовъ по поверхности земли отъ 2 до 4 вершковъ. Видъ ихъ много походить на заваленную плотину, изъ которой выказываются одни концы. По всей поверхности горы разбросаны довольно большіе куски каменнаго угля. Видъ сего угля чрезвычайно обманчивъ, потому, что совершенно походить на потухшій только уголь, подернутый въ нѣкоторыхъ мѣстахъ цементомъ. Геденштромъ не могъ узнать, изъ чего состоитъ сіи нѣжная бѣловатая плева, крѣпко впрочемъ соединенная съ углемъ*.

На Котельномъ Островѣ попадаются аммониты. На всѣхъ островахъ находятъ изрѣдка темнокрасныя сердолики. Мамонтовыя клыки, или, какъ нѣкоторые называютъ, рога мамонта, не попадались тяжелѣе шести пудовъ; напротивъ на матеромъ берегу, въ нѣкоторой отдаленности отъ моря, находили рога въ 12-ть пудовъ. Въ замѣнъ того островная кость свѣжѣе и бѣлѣе. На первомъ Ляховскомъ Островѣ примѣчательно, что если отмель на запад-

* Лейтенантъ Анжу говорить о Деревянныхъ Горахъ слѣдующее: юнѣ суть ничто иное, какъ отысанный до 20 саж. земной яръ, образующій морскою берегъ, на разстояніи около 5 верствъ; въ семь яръ лежатъ почти горизонтально бревна кучами, мѣстами по 50-ти вмѣстѣ, и выходящія концами своими наружу. Самое толстое, много видѣнное, имѣло въ діаметръ полторы четверти; составомъ хрупки, полутверды, чернаго слаболосящагося цвѣта, горять на угольяхъ трудно, и издаютъ смолистый запахъ.

ной сторонѣ острова отъ продолжительныхъ вѣтровъ обнажается, то находятъ на ней множество вновь нанесенныхъ изъ моря роговъ.

Астрономическія наблюденія г-на Геденштрома, для опредѣленія географическаго положенія мѣсть, не заслуживаютъ большаго вниманія: широта Святаго Носа, полагаемая имъ $71^{\circ} 50'$, разнится ровно однимъ градусомъ, недостаточно, съ опредѣленіемъ лейтенанта Лаптева, и около $1^{\circ} 5'$, недостаточно же, противъ вѣрнѣйшей обсервации лейтенанта Анжу; въ другихъ мѣстахъ берегъ болѣе полуградуса положенъ южнѣе новѣйшихъ опредѣленій. Сѣверные острова слишкомъ много по долготѣ растянуты; отъ самаго западнаго мыса Котельнаго Острова до самаго восточнаго Новой Сибири, по картѣ Геденштрома 285 миль разстоянія, но лейтенантомъ Анжу найдено оно не болѣе 205 миль Итал. Подобныя невѣрности дѣлаютъ опись Геденштрома ненадежною.

Читатель легко усмотритъ изъ предъидущаго, что хотя сѣверные берега Сибири, и прилежащіе къ онымъ острова, были неоднократно осмотрѣны и частію описаны, однако жъ за исключеніемъ капитановъ Кука и Виллингса, ни одна географическая экспедиція, занимавшаяся въ сей части свѣта, не могла соответствовать требованіямъ географовъ и мореходцевъ, и морскія карты того берега разнились въ широтѣ нѣкоторыхъ пунктовъ на $1\frac{1}{2}^{\circ}$. Такъ, напримѣръ, на генеральной меркаторской картѣ, изданной капитаномъ Сарычевымъ къ путешествію экспедиціи капитана Виллингса, положенъ:

Святой Носъ	$70^{\circ} 53'$	$\left\{ \begin{array}{l} 71^{\circ} 50' \dots \dots \dots \left(\begin{array}{l} 72^{\circ} 50' \\ \text{Сѣверный} \end{array} \right) \\ \text{пунктъ берега} \\ \text{между Алазеею} \\ \text{и Кольмою} \end{array} \right\}$
У Геденштрома.	$70^{\circ} 07''$	
		$\left\{ \begin{array}{l} \text{На оригинальной картѣ} \\ \text{Дмитрія Лаптева.} \\ 70. 27. \dots \dots \dots \left(\begin{array}{l} 71^{\circ} 05' \end{array} \right) \end{array} \right\}$

Сверхъ того, отъ Шелагскаго Мыса до Мыса Севернаго оставался берегъ вовсе еще неосмотрѣннымъ, а извѣстiя о плаванiи казака Дежнева изъ Колымы въ Беринговъ Проливъ были столь неопредѣленны, что Бурней находилъ въ нихъ доказательство въ подтвержденiе гипотезы своей о соединенiи Америки съ Азiею перешейкомъ близъ Шелагскаго Мыса. *

Наконецъ неопровергнутыя преданiя, возобновленныя въ позднѣйшее время мѣщаниномъ Санниковымъ, о существованiи земель на сѣверъ отъ Котельнаго Острова и Новой Сибири, и противъ рѣки Колымы, дѣлали географiю этой части земли еще болѣе неизвѣстною, въ то время когда сѣверные берега новаго материка приводились въ точнѣйшiе предѣлы трудами Росса, Парри и Франклина.

Вотъ причины, побудившия блаженной памяти Императора Александра I-го повелѣть отправить къ устьямъ рѣки Яны и Колымы двухъ морскихъ офицеровъ съ помощниками, снабдивъ ихъ нужными инструментами, и доставивъ всѣ возможные способы къ открытiю предполагаемыхъ въ Ледовитомъ Морѣ земель, и къ точнѣйшему описанiю береговъ Сибири, между означенными рѣками и за Шелагскiй Мысъ.

Въ слѣдствiе сей Высочайшей воли, морское начальство назначило два отряда; въ каждомъ морскаго лейтенанта, двухъ помощниковъ, врача, свѣдущаго по части естественной исторiи, и двухъ людей нижнихъ чиновъ, знающихъ слесарное и плотничное ремесла. Одинъ отрядъ; подъ начальствомъ лейтенанта Анжу, долженъ былъ отправиться на р. Яну; другой, назначенный дѣйствовать съ р. Колымы, поручилъ мнѣ, и по собственному моему желанiю опредѣлены къ сему отряду:

* См. Burney's Chronological History.

мичманъ Матюшкинъ.
штурманъ Козьминъ.
докторъ медицины Киберь.
слесарь Иванниковъ.
матросъ Нехорошковъ.

Въ числѣ инструментовъ для астрономическихъ и физическихъ наблюденiй находилось при семъ отрядѣ:

Секстановъ	3
Артифиціальныхъ горизонтовъ со ртутью . . .	3
Карманный секстанъ	1
Азимуовъ-компасъ	1
Ручныхъ пель-компасовъ	3
Термометровъ } ртутныхъ	3
} спиртовыхъ	4
Барометровъ походныхъ	2
Исклинометръ	1
Искусственныхъ магнитовъ	2

Государственный Адмиралтейскiй Департаментъ, въ составленной для руководства инструкцiи, изложилъ средства и цѣль отряда слѣдующими словами:

«Изъ журналовъ прежнихъ плавателей по Ледовитому Морю видно, что въ лѣтнее время, за множествомъ носимаго по оному морю льду, невозможно производить описи на мореходномъ суднѣ. А какъ сержантъ Андреевъ въ 1763 году, титулярный совѣтникъ Геденштромъ и геодезистъ Пшеницынъ въ 1809, 1810 и 1811 годахъ, въ весеннее время, съ удобностию по льду на собакахъ объѣзжали и описывали, первый Медвѣжьи Острова, а двое послѣднихъ Ляховскiе Острова и Новую Сибирь, то и нынѣ полагается таковыми же способами исполнить Высочайшую волю Его Императорскаго Величества, и первый отрядъ отправляемой экспедицiи назначается для описи береговъ отъ устья рѣки Колымы къ востоку до Шелагскаго Мыса, и отъ онаго на сѣверъ,

къ открытію обитаемой земли, находящейся, по сказанію Чукчей, въ недалекомъ разстояніи.»

Экспедиція поступила въ полное распоряженіе Сибирскаго генераль-губернатора дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Михайла Михайловича Сперанскаго; всѣмъ, что экспедиція совершить успѣла, обязана она мудрымъ распоряженіямъ его высокопревосходительства; безъ его особеннаго и сильнаго покровительства, предпріятіе рушилось бы въ самомъ началѣ отъ недостатка мѣстныхъ способовъ...

БАРОНЪ ФЕРД. ВРАНГЕЛЬ.

III.

НАУКИ И ИСКУССТВА.

Состояніе Россіи при началѣ царствованія Бориса Феодоровича Годунова *.

Человѣкъ любить чудесное, и Исторія долгое время повиновалась сему первобытному наклоненію ума человѣческаго: чудесное видѣли въ прошедшемъ — таинственнаго искали въ дѣяніи.

Такъ, соображая событія Русской Исторіи съ 1598 по 1612-й годъ, говорили, что *никогда прежде* Русская земля не являлась столь великою, столь могу-

* Начало VIII-го тома *Исторіи Русскаго Народа*. Долгомъ мнѣ почтано объявить, что послѣ *четыредесяти* остановки, слова приступаю я теперь къ печатанію обширнаго труда моего, и исполненію тѣмъ обязанности моея передъ публикою, столь снисходительно принявшею начало его, и желающею видѣть его продолженіе и окончаніе. Можетъ быть, меня извинятъ нѣсколько въ замедленіи, узнавши, что планъ и объемъ И. Р. Н. распространились гораздо болѣе первоначальнаго ея плана и объема. Вместо *двадцати* томовъ, я издало уже *восемьдесятъ*. Томъ *седьмой* (немедленно поступающій въ цензуру) заключаетъ въ себя событія съ 1560 года до восшествія на престолъ Бориса Годунова; *томъ VIII-й* отъ сего событія до низверженія Василія Шуйскаго; *томъ IX-й* отъ сего времени до кончины Царя Михаила Феодоровича; *томъ X, XI и XII-й* царствованія Алексія, Феодора, Иоанна и Петра, до единодержавія Петра Великаго. Всѣ сии *пять томовъ* вполне *окончены въ рукописи*, и должны одинъ за другимъ поступать въ печать. Томъ XIII-й представитъ обзоръ Россіи до преобразованія ея Петромъ; томъ XIV, Исторію Петра Великаго; томъ XV-й Исторію до царствованія Императрицы Екатерины II-й; томъ XVI Исторію до 1812 года; томъ XVII-й Исторію до нашихъ временъ; томъ XVIII-й общій очеркъ Исторіи Русской и современной Россіи. Всѣ сии *шесть томовъ* требуютъ еще окончательной отделки, для которой не пондажу я трудовъ моихъ. Разумѣется само собою, что хотя подписка была только на *двадцати томовъ*, но гг. подписчики получаютъ всѣ *остальные двадцати томовъ*, кромѣ вышедшихъ прежде *шести*, безъ малѣйшей прибавки цѣны — это мой непремѣнный долгъ, моя неизмѣнная обязанность. Н. Полеской.

щественно, какъ въ 1598 году, когда Борисъ Теодоровичъ возсѣлъ на престолъ потомковъ Мономаха — говорили, но для чего? Тѣмъ разительнѣе могла явиться въ разказъ историка судьба Руси черезъ четырнадцать лѣтъ потомъ, когда Василій Иоанновичъ Шуйскій, послѣдователь Бориса, палъ съ высоты престола, и Русская земля являлась поработанною, бѣдствующею, растерзанною внутри, униженною извнѣ.

Если сообразимъ историческій смыслъ событій, отъ кончины Иоанна III-го, въ царствованіе Иоанна IV-го и Теодора Иоанновича, сообразимъ дѣла внѣшнія и внутреннія въ теченіе почти ста лѣтъ (съ 1505 по 1598-й годъ), внимательно взглянемъ на состояніе Россіи, когда воцарился Борисъ Годуновъ, на отношенія Россіи въ это время къ сосѣдямъ и къ Европѣ, — чудесное исчезнетъ; не будетъ противорѣчій въ началѣ царствованія Борисова и въ событіяхъ при немъ и послѣ него: намъ откроется непрерывная цѣпь необходимыхъ слѣдствій, причины коихъ влеклись изъ самой сущности государства, созданнаго Иоанномъ III-мъ, управляемаго его слабымъ сыномъ, грознымъ внукомъ и набожнымъ правнукомъ, въ которомъ «погасъ послѣдній потомокъ Мономаха.»

Въ самомъ дѣлѣ, съ перваго взгляда, какъ силенъ, крѣпокъ, могущъ кажется Царь Русской Земли Борисъ, мудрый, опытный правитель государства; какъ могущественна Россія, покорная ему, умирная его рукою со всеми сосѣдями; забывшая позоръ пораженій Баторія, свирѣпство своевластія Иоаннова! Полмилліона войскъ, крѣпости на всѣхъ границахъ; уваженіе Турціи, Польши, Швеціи, Даніи; торговля Англіи и Азіи; предѣлы за Кавказомъ и Ураломъ; потомки Монголовъ, до того униженные, что одной вольницы казацкой достаточно для удержанія Крыма; Европа знакомая съ Русью; послы Императора и

королей, царей и хановъ приходятъ въ Москву и видятъ Царя въ величій Двора, покорнаго, безмолвнаго предъ его волею; все блещетъ золотомъ и драгоценными каменьями — сбруи, одежды, уборы.

Но, дѣйствительно-ли была такова Россія, и таковы были Царь ея и Дворъ его?

Обратимся къ прошедшему.

Мы разсматривали сущность государства, основаннаго Иоанномъ III-мъ изъ развалинъ удѣловъ, вольныхъ городовъ, Монгольскихъ царствъ, завоеваній отъ Польши, приобретеній въ стражахъ Сѣвера и Сибири, государства, коего точку опоры составила Москва, скрѣпляющую силу власть Великаго Князя Московскаго, основную стихію Православная Вѣра и повинненіе единодержавному властителю, ничѣмъ неограниченному, кромѣ отвѣта Богу и суда совѣсти.

Мы видѣли это государство, умомъ и политикою Иоанна III-го поставленное среди другихъ самобытныхъ государствъ Европы, живущее самостоятельную жизнь, обложенное съ востока и юга остатками Монгольскихъ ордъ — Казанью, Астраханью, Ногаями, Крымомъ, съ запада и съ сѣверо-запада Польшею, Ливоніею, Швеціею; предѣлы его на сѣверъ безопасны — сѣверное льдистое море; на югъ — степь отдѣлила его отъ Крыма, Ногаевъ и Астрахани; здѣсь разсыпаны буйныя полчища Казаковъ. Мечъ хранить западный предѣлъ, защищаетъ и распространяетъ восточный предѣлъ; мечъ и политика должны стеречь и южный предѣлъ его. Не только Татары Крыма и Ногайскихъ улусовъ, но и Казаки угрожаютъ Россіи, подвластные Польшѣ, хотя единовѣрные Русскимъ, но увлекаемые только жаждою добычи и буйнаго удалства.

Мудрый властитель, Иоаннъ III-й, долженъ возсѣсть на тронъ Россіи, или *внѣшнее состояніе Руси* можетъ сдѣлаться сомнительнымъ и опаснымъ.

Мы видѣли, что и *внутреннее состояніе* Русскаго

Государства требовало ума сильного, превышающаго другіе. Здѣсь видѣли мы, съ одной стороны вельможество и царедворство, составившее сильныя, непримиримыя, жадныя власти партіи, изъ бывшихъ удѣльныхъ князей, родовыхъ дворянъ, Литовскихъ пришецовъ, Греческихъ выходцевъ, Монгольскихъ князей. Съ другой стороны, народъ, несоединенный общностью уставовъ и законовъ, отдаленный отъ государя, котораго обожалъ онъ, какъ невидимое земное божество, но съ которымъ не сближался лично любовью.

Такою оставилъ Россію Іоаннъ III-й. Назовемъ-ли ошибкою то, что почти всегда бываетъ участю создателей царствъ? Они, какъ будто думаютъ жить вѣчно, какъ будто созидаютъ только для самихъ себя, въ мѣрахъ огромныхъ, великихъ; они, какъ будто спѣшатъ очертить великую картину, оставляя потомству трудъ дорисовать, разцвѣтить ее. Но, къ несчастію, они уносятъ съ собою въ могилу тайну своего генія, и потомство, всего чаще, слабою рукою отдѣлываетъ только подробности, не постигая первоначальной великой мысли создателя.

А между тѣмъ необходимый законъ каждаго создающагося государства—ити впередъ, нравственно и физически. Иначе стихіи разрушенія, необходимо соединенныя съ жизнью каждаго государства извнѣ и внутри, усиливаются и разрушаютъ его, если усиленіе животворящихъ стихій, извнѣ и внутри, коснется и бездѣйствуетъ.

Всѣ сіи общіе законы бытія царствъ и народовъ находимъ мы въ *Исторіи Русскаго Государства* съ 1505-го до 1598 года.

Что сдѣлалъ *Василій*, царствовавъ послѣ великаго отца своего около 30-ти лѣтъ? Онъ поддержалъ, но только поддержалъ, и то во внѣшнихъ формахъ, созданіе Іоанново. Устранивъ взятіе Смоленска, безпозорное по слѣдствіямъ, найдемъ, что онъ едва могъ

выдержать съ честію борьбу противъ Польши, не смотря на слабость Сигизмунда. Принужденный измѣнить политику отцовскую противъ Крыма, онъ сдѣлалъ Крымъ врагомъ Россіи, и видѣлъ полчища Махмета близъ Москвы. Такъ и самая Казань сдѣлалась самовластительна противъ него. Изъ сношеній съ Европою не умѣлъ онъ извлекать выгоды, какія извлекалъ отецъ его. Истребивъ послѣдніе слѣды удѣловъ и вольныхъ городовъ, но ничего не сдѣлавъ для соединенія частей Россіи, *Василій* былъ рѣшительно увлеченъ волею своихъ царедворцевъ и вельможъ, и приготовилъ то своеволіе, ту силу ихъ, которыя явились немедленно послѣ его кончины.

Посмотрите, съ какою кровавою свирѣпостію исторглись олигархическія партіи изъ сѣтей мелкой крамолы, едва не стало *Василія*: въ теченіе 14-ти лѣтъ, могилами враговъ ограждалъ себя *Оболенскій*, и погибъ отъ рукъ царубійственной партіи *Шуйскихъ*; ихъ партія, въ свой чередъ, пала передъ хитрою крамолою *Глинскихъ*, и передъ своеволіемъ юноши, украшеннаго вѣнцомъ *Іоанна III-го*, и, можетъ быть, наслѣдовавшаго великія и добрыя качества дѣда. Но добрыя качества не развились въ немъ, а недостатки и слабости усилены были потворствомъ страстей, несчастнымъ воспитаніемъ, своеволіемъ, взлелѣяннымъ своекорыстіемъ и низкими крамолами царедворцевъ. Тщетно духъ мудрости *Іоанна III-го* ожилъ на время въ лицѣ партіи *Адашева* и *Сивьестра*. Прекрасно, величественно было правленіе этихъ подданныхъ-властителей — шагъ впередъ и великій шагъ — сдѣлала при нихъ Россія: ихъ внутреннія учрежденія, ихъ законы и уставы скрѣпляли цѣлость Россіи; ихъ внѣшнія предпріятія вели отечество къ вѣршю цѣли возвеличенія и крѣпости. Мирясь съ Польшею, они уничтожаютъ Казань и простираютъ власть до береговъ Каспійскаго Моря; изъ буйной толпы восточныхъ Казаковъ, изъ горскихъ жителей Кавказа,

изъ Ногаевъ, соплетаютъ сътъ, которою опутываютъ Крымъ; успѣвають обратитъ въ пользу Днѣпровское казачество; они успѣли бы уничтожить Крымцевъ, какъ уничтожили Казань; они обратились бы, можетъ быть, на Польшу, послѣ сего отняли Кіевъ, стѣснили западнаго сосѣда, присвоили себѣ всю силу Казачества. Но ихъ владычество было неестественно, при началахъ, которыя положены были въ основаніи Россійскаго Государства: олигархія была не въ природѣ Россіи, и, слѣдственно, могла быть ей пагубна. Адашевъ и Сильвестръ были только счастливымъ, случайнымъ исключеніемъ изъ золь, которыя олигархія влекла за собою. Невольно обнаружилось своекорыстіе даже и этой партіи въ болѣзнь Царя; другія партіи подрывли ее въ основаніи. Царь, дотолъ невольникъ на тронѣ, странно началъ мститъ за свое 25-ти лѣтнее повиновеніе подданнымъ.

Мы подробно говорили объ Иоаннѣ IV-мъ. Здѣсь посмотримъ только на выводъ изъ всей его жизни.

Что ни было сдѣлано въ его царствованіе для укрѣпленія и возвеличенія Россіи, все это сдѣлано было до 1560 года; остальные двадцать четыре года правленія Иоаннова были только разрушительныя, только готовили запасы для будущихъ переворотовъ.

Онъ хотѣлъ раздавить слабую Ливонію, но обративъ кровію берега Балтійскіе, далъ только новый предметъ для вражды съ Польшею, и поставилъ подлѣ Россіи новаго врага, Швецію. Онъ хотѣлъ уничтожить силу вельможества, и только растерзалъ партію Адашева и Сильвестра. Увлеченный въ дѣла Запада, онъ забылъ о Востокѣ, не умѣлъ даже укрѣпить пріобрѣтеннаго прежде, выпустилъ изъ рукъ помощь Казаковъ, дозволилъ отдохнуть Крыму, и наконецъ, запутанный въ крамоль внутренней, въ смѣшеніи деспотисма и слабодушія, раскаяніи и страстей, видѣлъ честь Россіи униженною мечами

Поляковъ и Шведовъ, видѣлъ Хана Крымскаго, не трепещущимъ въ его Крымскомъ логовищѣ, но жадно озирающимъ пожарище Московское, когда Иоаннъ постыдно бѣгствовалъ въ Новгородъ, возвратился только казнить поеводъ своихъ и умертвить сына. Судьба ужасная! И при такой судьбѣ все должно было разрушаться, а не созидаться въ царствѣ Иоанна: внутреннее укрѣпленіе было забыто; безнравственность Двора развязывала страсти подданныхъ, въ то же время замѣняя благоговѣніе народное ужасомъ къ имени Царя, послѣ свирѣпостей его въ Новгородѣ и въ Москвѣ.

Но всего важнѣе для насъ отношеніе Иоаннова царствованія къ окружавшимъ его сановникамъ и царедворцамъ. Мы сказали, что онъ растерзалъ только партію Адашева и Сильвестра, и — дѣйствительно такъ. Казни Иоанна не были слѣдствіемъ мысли объ укрѣпленіи олигархическаго направленія вельможъ его. Иоаннъ казнилъ друзей и приверженцевъ прежнихъ правителей; потомъ терзалъ безъ разбора тѣхъ, кто лично казался ему страшнѣе, опаснѣе, и тѣхъ, кто заслуживалъ его презрѣніе низкою покорностію его страстямъ.

Между тѣмъ, погибавшіе замѣнялись новыми, даже изъ рода въ родъ, отъ отца къ сыну, какъ будто завѣщалась тайна крамоль въ однихъ и тѣхъ же семействахъ царедворцевъ, и царь, казня отца, дѣлалъ въ сынѣ новаго крамольника, оставлялъ все условія мѣстничества, милостей, знатности, конмипріобрѣтались при Дворѣ сила и величіе. Важное отличіе Русскихъ вельможъ и царедворцевъ со временъ Иоанна III-го было въ томъ, что сила и мощь ихъ состояли не въ отличіяхъ родовыхъ, не въ уступкѣ феодальной власти государю, но созидались и уничтожались волею Царя: приближеніе къ трону, почесть отъ влестителя дѣлали ничтожнаго челоуѣка сильнымъ и могущественнымъ: Шуйскіе, Пропскіе, Палецкіе —

потомки Рурика, и Бѣльскіе, Глипскіе, Мстиславскіе — бѣглецы изъ Литвы, и Черкасскіе, Сабуровы — выходцы изъ Черкесъ и Орды, дѣлались превышающими всѣхъ другихъ, уничтожаясь только по волю Царя. Малютъ Скуратову, или роднѣ его Богдану Бѣльскому, не доставало только ума и средствъ сдѣлаться вторымъ Адашевымъ, вторымъ Оболенскимъ, или новымъ Шуйскимъ по кончинѣ Царя.

Когда Іоаннъ приближался къ могилѣ, въ толпѣ олигарховъ Кремлевскихъ явился *одинъ*, юнѣйшій среди товарищей, но превышавшій всѣхъ ихъ умомъ, понимавшій, что будетъ послѣ Іоанна, проникавшій далѣе — дерзнувшій постичь возможность пресѣченія царскаго рода и перенесенія вѣнца царскаго на свою голову.

Іоаннъ умеръ. Постникъ и божій человекъ, *Теодоръ*, сѣлъ на престолъ. Положеніе олигарховъ при Іоаннѣ было подобно положенію человекъ, оглушеннаго громовымъ ударомъ, и упавшаго передъ карающимъ громомъ небеснымъ. Но громъ пролетѣлъ, и испуганный встаетъ съ прежнею суетою въ душѣ, съ прежними помыслами въ умѣ. Какъ изумилось все вельможество, увидѣвъ впереди себя бодраго, юнаго Годунова. При имени Грознаго Царя, оно безмолствовало: теперь видѣло на тронѣ только тѣнъ царскую, готово было обновить всѣ ужасы крамолы, но изъ-за тѣни царя возвышалось грозное привидѣніе царедворца, равнаго по званію другимъ, но неравнаго по уму и по силѣ. Какъ страшное привидѣніе, облапивъ тронъ Теодора, Годуновъ началъ властвовать, укрываясь отъ мщенія враговъ за священнымъ именемъ Царя.

Какое любопытное зрѣлище являетъ Годуновъ въ четырнадцать лѣтъ правленія Теодорова! Всевластный какъ Адашевъ, но болѣе его крѣпкій слабостью царя, онъ непрерывно сражается съ ненавидящими его дворскими партіями. Тщетно вооружаютъ они противъ него толпы народа къ бунту, составляютъ за-

говоръ (1584 г.), хотѣвъ свести съ трона сестру Годунова, какъ вторую Соломонію (1586 г.), даже зажигаютъ пожары: Годуновъ все знаетъ, все предугадываетъ — онъ губить тайно и явно, милуетъ, мирится, щадитъ, терзаетъ, и — наконецъ, все безмолвствуетъ передъ нимъ, какъ некогда безмолвовало передъ Грознымъ Іоанномъ. Но если Іоаннъ былъ оглушающей громовой ударъ, передъ которымъ цѣпѣнѣла самая мысль вельможъ Московскихъ — Годуновъ былъ только удушающимъ привидѣніемъ. Ему повиновались, его страшились, но его ненавидѣли, и безмолвіе вельможъ было не то, какое было при Іоаннѣ: Іоаннъ былъ царь-самовластитель — Борись временщикъ-тиранъ.

Можемъ разсматривать Годунова, съ самой кончины Іоанна, какъ всемогущаго властителя Россіи, ибо съ 1584 года, *не Теодоръ*, но *онъ* правилъ Русскою землею — ему только не доставало *имени царскаго*.

Не говоримъ — добръ или золь былъ Годуновъ: на той высотѣ, гдѣ стоялъ онъ, мудрость есть добродѣтель паче другихъ — мудрость государственная, не простая общежительная. Разсматривая всѣ дѣла Годунова, видимъ хитраго, умнаго человекъ, пронырливаго въ дѣлахъ, велерѣчиваго въ совѣтахъ. Но, не бывъ воиномъ, Годуновъ не былъ и великимъ государственнымъ гениемъ, подобно Іоанну III-му, или Адашеву.

Царствованіе Теодора можно почесть только отдыхомъ послѣ Іоанна: оно не двинуло впередъ ничего; олигархія дворская умолкла, но горѣла медленнымъ, скрытнымъ пламенемъ крамолы; ничего новаго, рѣшительнаго не было сдѣлано для укрѣпленія внутренняго; извѣтъ только хотѣли мира и тишины. Пугая Швецію и Крымъ огромными ополченіями, тѣмъ не менѣе Русь видѣла Хана подъ Москвою; забыты были Казаки: Днѣпровскіе укрѣпились въ Польшѣ

мудрымъ распоряженіемъ Баторія ; Донскіе сдѣлались сильною, почти независимую ордою.

Но, можетъ быть, Годуновъ, придвидя, что ему достанется царство, оставлялъ великое на то время, когда самъ сядетъ на престолъ?

Предположимъ смерть Димитрія Царевича, предположимъ сіе ужасное событіе дѣломъ изверговъ, думавшихъ угодить Борису. Но разсмотрите хвастливость, гордость, желаніе вещественной силы и богатствъ: это не могло быть только желаніемъ временнымъ — было обдуманымъ планомъ. Владѣя силою вещественною, Годуновъ соединилъ съ нею силу духовную, созданиемъ патріарха въ Россіи — мѣрою бесполезною для блага государства, но важною для видовъ честолюбца, ибо услужникъ его, Ювъ, дѣлался полновластнымъ повелителемъ духовенства, и голосъ духовенства принадлежалъ съ сего времени Борису.

Годуновъ приготовился такимъ образомъ схватить вѣнецъ, когда онъ упадетъ съ охладѣвшей головы послѣдняго потомка Мономахова. Но онъ не приготовилъ ничего для блага своего царствованія: не устранилъ враговъ Россіи мужествомъ, не укрѣпилъ Россіи дѣлами, не приобрѣлъ любви народа законами, не укротилъ дворскихъ партій.

Но, напротивъ, скрытныя и оскорбленныя, сколько засѣяли онъ зла въ будущемъ для Годунова! Борисъ изгубилъ изъ среды ихъ полководцевъ, не умѣя предводить въ битвахъ; уничтожилъ советниковъ, думалъ, что его ума достанетъ для совѣта. Между тѣмъ, какъ гордость и величіе Годунова тѣмъ сильнѣе ожесточали враговъ его, эти враги умѣли отравить всѣ его милости къ народу ужаснымъ обвиненіемъ въ злодѣйствахъ, клеветами, самыми нелѣпыми, именуя Бориса отравителемъ царя Иоанна, заживателемъ Москвы, призвателемъ Хана, гоштите-

лемъ всѣхъ мужей доблестныхъ, колдуномъ, чародѣемъ—наконецъ, слухами, что Богъ, можетъ быть, спасъ отъ ножа убійцъ царевича Димитрія. И всего этого не могъ отвратить Борисъ, ни жестокостію, ни хитростію, ни благодареніями. Клевета явная, будто Борисъ очернилъ себя бесполезнымъ злодѣянствомъ, смертью Θεодора — онъ только дожидался и дождался ея, но надобно-ли доказывать, что не любовь народа, не согласіе вельможъ поднесли вѣнецъ Борису? Народъ былъ умиленъ зрѣлищемъ смерти набожнаго Θεодора, иночествомъ его супруги, слышалъ голосъ патріарха, видѣлъ безмолвіе вельможъ, и радостный Годуновъ сѣлъ на тронъ — дѣло было столь необыкновенно, что самая необыкновенность его заставляла бывшихъ товарищей новаго царя, вельможъ, за нѣсколько дней ему подобныхъ, даже старшихъ его, соглашаться въ изумленіи, падать передъ нимъ съ покорностію — противиться ему не могли..

Нѣтъ! несправедлива мысль, будто никогда прежде Русская земля не являлась столь великою, столь могущественною, какъ въ 1598 г., когда Борисъ Θεодоровичъ возсѣлъ на престолъ потомковъ Мономаха! Нѣтъ — великое зданіе государственное, воздвигнутое Іоанномъ III-мъ, не было достроено его преемниками; напротивъ, раздвинутое въ исполненіи размыръ, оно распалось въ основаніи, часть его обрушилась, новыя пристройки не соответствовали первому основному плану, и въ то мгновеніе, когда Борисъ, въ радости удовлетвореннаго честолюбія, съ царскимъ вѣнцомъ на головѣ, вѣлъ въ Кремлевскіе чертоги юнаго сына и прелестную дочь свою, тѣнь Θεодора, уже проникшаго за гробомъ въ тайны міра, могла явиться и сказать ему, какъ нѣкогда говорилъ ему при жизни своей Θεодоръ: «*Все суета!*»

Извъ — сосѣди и хищныя орды Крыма отвѣкли братья Русской земли; внутри — части ея не были крѣпко связаны; олигархія готова была растерзать

величіе Бориса при первомъ случаѣ; она и народъ потеряли то благоговѣніе безъ отчета, какимъ окружамся для нихъ прежній Царь. Только дѣлами могъ Царь избранный выкупить свое возвышеніе надъ другими. Страшное облако подозрѣній въ чести и правотѣ этого царя висѣло надъ его главою.

Обращаемся къ внѣшнимъ отношеніямъ Россійскаго Государства.

Съ тѣхъ поръ, какъ была кончена борьба Русской земли съ Монголами, паденіемъ Золотой Орды въ 1480 г., взятіемъ Казани въ 1553 г., пріобрѣтеніемъ Астрахани въ 1555 г., усмиреніемъ Ногаевъ и распространеніемъ Русской власти въ Сибирь и на Кавказъ, внѣшнія дѣла Россіи ограничились отношеніями ея къ Польшѣ и Швеціи. Съ 1561 года, уже не существовалъ Орденъ Меченосцевъ; Швеція передвинула свое сосѣдство за Финскій Заливъ.

Что должно сказать о враждѣ и борьбѣ между Польшою и Россіею? Съ тѣхъ поръ, какъ Іоаннъ III-й далъ перевѣсъ Россіи, война продолжалась почти безпрерывно — была кровава и свирѣпа. Но до Баторія, не смотря на частныя успѣхи, во все время царствованія двухъ Сигизмундовъ, прежде и послѣ нихъ, Россія рѣшительно превозмогала Польшу. Баторій измѣнилъ порядокъ дѣлъ. Умомъ дѣятельнымъ указавъ Польшѣ силу ея, онъ показалъ и то, какъ далеко можетъ превышать Польша своихъ соперниковъ мечемъ. Избраніе Сигизмунда III-го (1587 г.) и соединеніе въ руки его скипетровъ Польши и Швеціи (1592 г.), еще болѣе увеличили опасность, особливо когда распоряженія Баторія съ Казаками поставили на югъ сильную опору Польскому Государству; отъ юга до отдаленнаго сѣвера сблизались теперь съ Русью предѣлы царства Сигизмундова. Если не станемъ входить въ разсмотрѣніе внутренняго состоянія Польши, то, повидимому, никогда еще эта опасная соперница Россіи не была, ни столь могущественна,

ни столь обширна, ни столь грозна для Русскихъ. Просвѣщенная, богатая, подкрѣпляемая храбрымъ войскомъ, которое предводили Замоискіе, Жолкевскіе, Хоткевичи, обладая тайнами хитрой политики Запада, казалось, Польша готовилась теперь навсегда рѣшиться, неразрѣшенный столькими вѣками, вопросъ о преимуществѣ, о томъ: кому часть, и кому лавить-ся на поширѣ Европы, ей или Россіи?

Поприще Европейскихъ дѣйствій все еще было чуждо ей, Польшѣ и свѣрнымъ державамъ, Даніи и Швеціи; все еще сосредоточивалось оно на западъ въ Германіи, Франціи, Италіи, Испаніи, Англіи. Высшія событія Европейскія только по слуху были извѣстны въ Россіи.

Тамъ, на Западъ, пока Русь боролась съ Монголами, мѣряла силы съ Польшою, и потомъ съ Швеціею, кончился періодъ *Среднихъ Временъ* XV-мъ столѣтіемъ, и основалась та система государствъ, образовалась та Европейская политика, которая дошла до нашихъ временъ.

Власть духовная, торжествовавшая надъ монархіею въ XIII-мъ вѣкѣ, была унижена въ послѣдствіи. Крестовые Походы пробудили и разшевелили оцѣпенѣвшія стихіи общества. Нашествіе Азіи, въ ордахъ Монголовъ, было остановлено объемомъ Русской земли. Движеніе Тимура исчезло во внутренней борьбѣ Азійской. Пока совершались отдѣльно перевороты Азійскіе, Европа совершала свои отдѣльные перевороты. Съ униженіемъ духовной силы въ лицѣ Папъ, Имперія, Франція, Англія, Испанія — представителями *монархій* — начали свое соперничество политическое. Италія была мѣстомъ борьбы ихъ и послѣднихъ усилій Папы сохранить свою невозвратную силу. Съ другой стороны, съ половины XV-го вѣка, Азія внесла новую стихію во мѣръ Европы завоеваніемъ Царяграда, вступленіемъ въ Европу Оттомановъ. Европа хотѣла удалить отъ себя нашествіе Исламисма

и варварства, грозившія имъ въ лицѣ сихъ завоевателей, уничтожившихъ Грецію. Между тѣмъ, удаленныя отъ политической власти, разныя состоянія общества, уступивъ вещественную силу монархіи, устремились на другія поприща дѣятельности. Тогда настала вѣкъ великихъ изобрѣтеній (пороха, книгопечатанія), великихъ открытій (Америки, пути около Мыса Доброй Надежды), великихъ умственныхъ успѣй въ наукахъ и искусствахъ (вѣкъ Льва X-го, Медицисовъ), наконецъ — отвлеченныхъ изслѣдованій, ученой критикѣ, переворотовъ умственныхъ — реформациі. И все это сливалось съ политическими системами Европы, гдѣ постепенно торжествовали Имперія и Франція. Картина великая, объемлющая четыре столѣтія, представляющая судьбы Бога въ событіяхъ поразительныхъ!

И всему этому не совсемъ чуждо было Польское Государство, задвигавшее собой отъ Европы Россію. Польша была вмѣшана въ политику Германіи, гдѣ Австрія усиливала себя пріобрѣтеніемъ Венгріи, Богеміи, Моравіи, и простирала виды на всю Польшу, послѣ смерти послѣдняго Ягеллона. Троекратно обманувшаяся въ надеждѣ своей, она старалась, по крайней мѣрѣ, связать тѣснѣе политику Польши съ своею. Между тѣмъ Польша была защитою Европы съ юго-востока отъ Турокъ, какъ сосѣдняя и вѣчно враждебная имъ держава. Въ тоже время другія державы, особенно Франція, соперница Имперіи, Пруссія, сосѣдняя западная держава, увлекали Польшу въ Европейскую систему. Но только непосредственно относилась къ Европѣ Польша: главное дѣло ея силы и политики заключалось въ борьбѣ съ тягкою силою возростающей Россіи, которая умножала причины къ зависти и враждѣ Ливонію. Здѣсь явилась и Швеція, кончившая борьбу съ Даніею за свою независимость, и сдѣлавшаяся самобытною послѣ Густава Вазы. Сигизмундъ III-й преслѣдовалъ Польшу и Швецію, и явился Россіи соперникомъ ужасающимъ.

До сихъ поръ, вѣчный врагъ всемъ Монгольскимъ потомкамъ, какъ могла Россія не вмѣшаться теперь въ дѣла Европы отношеніями своими къ Турціи? Вопросъ объясняется тѣмъ, что Оттоманы, вступивъ въ Европу, были увлечены на западъ, устремлялись въ Италію, къ Вѣнѣ, потомъ обратились въ Азію, и Россія оставалась отъ нихъ спокойною, билась съ подвластными имъ Крымцами, и находила свои выгоды во враждѣ Турціи и Польши, не думая склоняться на предложенія Европейцовъ о Крестовыхъ походахъ противъ Оттомановъ.

И такъ, чѣмъ-же оставалась Русь для Европы, да же и *черезъ сто лѣтъ* послѣ возсозданія своего Иоанномъ III-мъ?

Отдаленною, чуждою страною, куда корысть влекла художниковъ, врачей, ремесленниковъ Европейскихъ, любопытство людей ученыхъ, торговлю людей купечествующихъ. Частные случаи, или торговля выгоды, заставляли Императора, Данію, Венгрію, Венецію, Ганзу, Англію сносятся съ Россіею, и принимать у себя ея пословъ. Неоднократно Европейцы искали въ ней помощи противъ Оттомановъ, и изыскивая средства спасенія, относились къ ней Нѣмецкій Орденъ.

Но былъ одинъ изъ властителей Европы, постоянно, непрерывно наблюдавшій за отдаленною Россіею, и его политика не была случайностью, о которой забывали, когда случай проходилъ безъ послѣдствій: это былъ властитель былъ Папа, нѣкогда владыка владыкъ, постепенно терявшій власть свою, но неутомимо искавшій средствъ возратить свою потерю. Ни чья политика не была столь всеобъемлюща, многосторонна и многосложна, какъ политика папская. Вся средства, отъ громовъ проклятій до возмущенія сына противъ отца и подданныхъ противъ государя, отъ убѣжденій слабой женщины страхомъ будущей жизни до метафизическихъ споровъ съ богословами — все употреблялъ Папа. Не

унывая отъ неудачъ, не страшась потерь, тѣмъ сильнѣе искалъ и находилъ онъ средства дѣйствовать. Когда монархія побѣдила его, когда реформація отняла у него миллионы подвластныхъ въ Германіи и Франціи, отняла Англію, Швецію, Данію, Пруссію, замысли Папы, нѣкогда простиравшіяся на борьбу съ Греческими первосвященниками, на изгнаніе Турковъ изъ Европы, теперь сосредоточивались на мысли — сохранить хотя остальное. Польша составляла главный оплотъ Католицизма и папской власти на востокъ Европы. Странное явленіе: чуждая Европѣ политикою и государственнымъ составомъ, Польша равнялась съ Испанією и Италією въ ревности своей къ Католицизму. Духъ фанатической приверженности къ папскому престолу былъ, какъ будто наследнымъ въ родѣ Ягеллоновъ, перешель къ Баторію, и Сигизмундъ III-й показалъ собою представителя всѣхъ своихъ предшественниковъ. Въ то время, когда во Франціи ужасы Варолюмеевской ночи и Лиги, въ Германіи раздоры Императоровъ съ протестантскими чинами Имперіи, имѣли только предлогомъ укрѣпленіе Католицизма, а въ сущности были политическими дѣйствіями монархіи, Польша забывала все расчеты политики, все выгоды для фанатическаго усердія къ Католицизму, и Папѣ, представителю его.

На этомъ, въ половинѣ XVI-го столѣтія, когда реформація отторгла Швецію, Данію, Пруссію, основалъ Папа свой обширный политическій замыселъ. Онъ воспыталъ въ Сигизмундѣ III-мъ фанатика, хотѣлъ его употребить для возвращенія себѣ Швеціи, и для покоренія Россіи. Соединеніе Швеціи и Польши подъ властью Сигизмунда осуществляло его надежды.

Главнымъ орудіемъ Папы сдѣлался въ семь случаевъ знаменитый орденъ *Иезуитовъ*. Обязанный началомъ своимъ фанатизму Испанскаго монаха, въ 1540 г., черезъ пятьдесятъ лѣтъ, сей орденъ считалъ въ обществѣ своемъ болѣе 10,000 ревностныхъ поборниковъ,

распространился повсюду, явился въ чертогахъ королей и въ хижинахъ поселянъ, овладѣлъ умами и совѣстью миллионовъ Католиковъ. Польша сдѣлалась какъ будто гнѣздомъ, гдѣ сосредоточивалась важная часть силы *Иезуитовъ*. Допущенные въ Польшу около 1569 года, они стали судьями совѣсти, учителями народа, советниками вельможъ, повелителями короля.

Съ изумленіемъ читаете, какія скрытныя, глубокия средства, какіе отдаленные планы заключались въ тайнахъ *Иезуитовъ*, и съ какимъ упорствомъ преслѣдовали они цѣль свою! Россія, издревле предметъ политики Папъ, вошла въ планы *Иезуитскіе* въ полномъ объемѣ.

Въ ней видѣли они сильное, могущественное государство, новое, готовое дѣйствовать, могущее замѣнить въ Европѣ то важное мѣсто, которое третила Польша по своему политическому образованію. Преобразить Россію въ государство Католическое, образовать его, сообразно цѣли своей, соединить съ Польшею, или овладѣть имъ отдѣльно — даже принесть ему въ жертву самую Польшу, и потомъ противопоставить его могуществу *Монархій* и *Имперій* въ Европѣ — таковъ былъ обширный, едва вѣроятный планъ *Иезуитовъ* и Папы. Свидѣтельства Исторіи въ существованіи его несомнительны.

Тщетно старавшись обольстить Русское духовенство выгодами, а властителей Россіи честолюбіемъ, и видя, что Іоаннъ IV-й, употребивъ въ крайности орудіемъ своимъ вліяніе Папы на Польшу, съ презрѣніемъ отвергъ потомъ все предложенія о покорности, *Иезуиты* приняли совсѣмъ другой планъ. Они знали все подробности событій въ Россіи, видѣли пресѣченіе династіи Мономаховой на Русскомъ тронѣ: они рѣшили, что надобно было «дать Россіи Царя отъ руки Папы.» Какъ важно было въ семь случаевъ усилить дѣятельность Бориса, воспользоваться ненавистью противъ него Русскаго вельможества, свер-

гнуть его, употребивъ силу Польши, избрать царя по сердцу Папы, и въ смятеніи, въ борьбѣ Россіи и Польши, олигархическихъ партій обоихъ государствъ, смѣшеніи частныхъ выгодъ и отношеній, покорить наконецъ трехъ-вѣчной папской тиарѣ *страну свверныхъ варваровъ*. Тогда можно было рѣшить важный вопросъ: должно-ли пожертвовать Польшею Россіи, и какимъ образомъ ввести Россію въ Европу?

И ничего — ни опасностей внутреннихъ, ни замысловъ Европейскихъ не зная, не предчувствовалъ Борисъ Годуновъ, восходя на опустившій тронъ потомства Мономахова. Гордый успѣхомъ хитрыхъ, долготѣльныхъ замысловъ, недумалъ-ли онъ, что обширнымъ умомъ своимъ будетъ въ состояніи сдѣлаться крѣпкимъ царемъ великой, могущественной Россіи; что шипѣніе зависти заглушатъ клики любви народной; что мечъ огрзнить вѣншихъ непріятелей и покорить подъ ноги его всякаго врага и сопостата; что юному сыну и потомству его передастъ онъ наследіе царства, а грядущія поколѣнія съ благоговѣнною вѣрою въ добро будутъ взирать и на тронъ, владѣемый династіею Татарскаго Мурзы. Готовый миловать и карать, онъ хотѣлъ предупредить опасности тамъ, гдѣ ихъ предвидѣлъ. Но многое-ли и что предвидѣлъ онъ!.....

А Польша, Папа, Сигизмундъ, Иезуиты, неужели они видѣли болѣе Годунова, созидая свои обширные замыслы, или слуга орудіемъ для замысла другихъ? Увидимъ тщету помысловъ ума человѣческаго, и среди нихъ только одно вѣчное, неизмѣнное — великія судьбы Провидѣнія....

И. ПОЛЕВОЙ.

ГИБЕЛЬ КОРАБЛЯ «КЕНТЪ.»

То было девятнадцатаго Февраля 1825 года. Прекрасное зимнее утро дышало холодомъ, и темныя волны, гонимыя свѣжимъ юго-восточнымъ вѣтромъ, быстро несли на хребтахъ своихъ корабль Ост-Индской Компаніи «Кентъ», удалявшійся изъ вида зубчатыхъ стѣнъ Сандова (Sandow) и Вальмера (Walmer). Двадцать офицеровъ и 344 человекъ нижнихъ чиновъ 31-го полка, 66 малолѣтнихъ, 43 женщины и 20 пассажировъ вѣрлялись пучинамъ Океана, подъ защитою крѣпкихъ реберъ тысячи-трехъ-сотъ-тоннаго (1) Кента, водимаго искусствомъ экипажа, который состоялъ изъ ста сорока восьми опытныхъ матросовъ. Отличное судно, послушное въ быстрыхъ движеніяхъ, управляемыхъ повелительнымъ голосомъ капитана Генриха Кобба, гордо качаясь, несло подъ всѣми парусами вдоль Ламанша, держа свой бѣгъ въ необозримое раздолье Океана. И скорости его хода ничто не препятствовало до Бискайскаго Залива, гдѣ бурная погода, столь обыкновенная на этихъ водахъ при равенствѣ, встрѣтила его и начала бить, съ такою силою, что спустя недѣлю по отплытіи, онъ принужденъ былъ штормовать почти подъ одними снастями. Буря усилилась, открывъ всѣ ужасы разъяреннаго Океана. Взяли гротъ (2) на гитовы и гордени (3), спустили брамъ-реи (4), задраили (5) кормовые порты (6), по палубамъ прогянули леера (7), безъ которыхъ невозможно

было бы вахтеннымъ держаться на погахъ.... Второго Марта, въ полдень, вахтъ-путенсы (8) ныряли на нѣсколько футовъ въ море.

Въ эту минуту опасности отъ такой ужасной качки, случилось, что офицеръ, съ двумя матросами, спустился въ трюмъ (9), для порученнаго ему осмотра, держа въ рукѣ потаенную лампу. Замѣтивъ, что одна изъ винныхъ бочекъ сдвинулась съ мѣста, онъ послалъ матросовъ за клинцами для ея установки. Во время ихъ отсутствія корабль былъ жестоко потрясенъ новымъ ударомъ волны; офицеръ, къ несчастію, уронилъ фонарь, и бросившись подымать его, не придержалъ бочки. Она перекатилась и разбила лампу въ дребезги; вино коснулось горящей свѣтильни и — пламя вспыхнуло....

Но это не привело въ замѣшательство никого изъ начальниковъ. Не смотря на то, что огненная струя уже выбѣгала изъ люка (10), Спесь, вахтенный лейтенантъ, капитанъ Коббъ, и другіе офицеры, спокойно дѣлали командѣ наставленія къ скорѣйшему прекращенію пожара. Матросы и солдаты работали безостановочно; принялись за помпы, затопили интрюмъ; бросали туда мокрые паруса, койки — все было бесполезно. Вода, казалось, давала новую пищу пламени: паруса и койки, не смотря на свою влажность, сгарали. Пламя потекло по незакупореннымъ бочкамъ и наполнило трюмъ; за синеватыми парами вина поднялся густой, черный дымъ, который, пробиваясь даже черезъ щели, выходилъ изъ-подъ ногъ утраченныхъ работниковъ. Четыре люка обратились въ четыре жерла одного огненного горна, и отъ конца въ конецъ корабля, роковая участь разтерзала сердца. Вотъ раздался зловѣщій голось: «канаты въ огонь!» — Все кончено! И удивительный запахъ смолы разлился по палубѣ, какъ

знакъ несомнѣнной гибели. Уже ни какой надежды болѣе не оставалось.

Въ этой ужасной крайности, капитанъ Коббъ не колебался ни минуты испытать судьбу пособіемъ воды — открыть люки и порты нижней баттарен, чтобы единоборствомъ двухъ враговъ — спихнуть эту страшную битву спасенія съ гибелью, и можетъ быть, вырвать у разверзтой уже пасти Океана почти оспоренную имъ добычу. Нельзя вообразить ничего ужаснѣе разрушенія, произведеннаго исполненіемъ этой воли начальника. Едва успѣли отпереть порты, какъ волны, съ адекою лютостію, хлынули въ стѣнные отверстія корабля, раздирая его внутренности, потрясая ужасно и продолжительно всю огромную массу, какъ утлую досчатую барку; выломанныя силою воды переборки и самыя тяжелые сундуки унесены моремъ вмѣстѣ съ трупами погибшихъ.

Объятый ужасомъ экипажъ не могъ не предвидѣть въ этомъ зрѣлищѣ близкаго взрыва или потопленія судна. Борясь съ водою, задыхался отъ дыма, едва спасаясь отъ огня, несчастные плователи были отсюду окружены смертію, которая являлась здѣсь во всѣхъ ужаснѣйшихъ видахъ. Это уже не борьба, не битва, но томительное разставанье съ жизнью, въ страданіяхъ медленныхъ, разчитанныхъ. Корабль шелъ очень быстро, и капитанъ предпочелъ взрывъ потопленію. Заперли порты, заколотили люки; море изгнано отсюду; оно, будто съ насмѣшкою, устранилось, и огонь вошелъ въ права свои. Пожаръ господствовалъ въ тиши.

Теперь-го развилась картина невыразимаго отчужденія. Палуба покрылась толпою отъ шести до семи сотъ человѣкъ обоого пола, задыхающихся, растерянныхъ. Этихъ еще снѣдастъ морской недугъ; тѣ

почти въ оцѣпѣннѣи; дѣти ищуть отца, жена мужа, мать дѣтей своихъ; многіе, ища безуспѣшно, терзаются въ горести; нѣкоторые пришли въ смертельное равнодушіе, безчувственную неподвижность; одни предавались безумному хохоту, изрыгали на смѣшки и ругательства; другіе дошли до совершеннаго бѣшенства. Женщины, въ своихъ каютахъ, преклоня колѣни, пиливали горькія чувства души въ потокъ жалобныхъ молитвъ, или услаждали послѣднія минуты жизни чтеніемъ Святаго Писанія. Раскаленіе, злохуленіе, признанія высказывались вслухъ.

Наиболѣе опытные солдаты и старые моряки молчали, но ихъ молчаніе было пасмурно, мрачно; всѣ они тѣснились къ кротъ-камерѣ (11), гдѣ смерть вѣрнѣе, мгновеннѣе. Нравы тихіе, души нѣжныя представляли иную, болѣе умиленную картину отчаянія. Такъ молодой офицеръ, цвѣтущій надеждами, вынималъ изъ портфеля локонъ нѣжныхъ волосовъ и, поцѣловавъ, клалъ его къ себѣ на сердце. Другой, на лоскуткѣ бумаги, писалъ на-скоро нѣсколько строкъ къ отцу, и тщательно закупоривалъ свое посланіе въ бутылку. Всякій по-своему готовился къ смерти, и — смерть приближалась!

Между-тѣмъ одинъ матросъ, держась на форъ-салингѣ (12), пожиралъ глазами поверхность Океана, и жадно искалъ на ней признаковъ какого нибудь судна. Всѣ взоры были прикованы къ этому чловѣку. Вотъ онъ медленно надвинулъ шлангу, быстро простеръ руку къ горизонту, и неожиданный крикъ — «судно подѣ вѣтромъ» — падаетъ въ толпу съ высоты салинга.

То былъ Камбрія, небольшой бригъ въ двѣсти тоннновъ, подѣ командою капитана Кука, шедшій въ Вера-Крусъ съ сотнею Корвалійскихъ рудокоповъ, назначенныхъ въ Англо-Мексиканскую Компанію.

Кентъ шелъ въ Бенгалъ и Китай, бригъ Камбрія спѣшилъ въ Америку. При этой вѣсти, погибающіе подняли флагъ, означающій бѣдствіе, и стали палить изъ пушекъ. Бригъ Камбрія приближался; на немъ также взлетѣлъ Англійскій флагъ. Изумленный тучами дыма, который стремился изъ Кента, какъ изъ волкана, бригъ поставилъ всѣ возможные паруса, и летѣлъ на призывъ тревожной пальбы. Чтобы избѣжать огня корабельныхъ баттарей, производившагося по мѣрѣ усиленія пожара, и избѣгнуть слѣдствій взрыва, который казался уже близкимъ, Камбрія вскорѣ легла въ дрейфъ (13) въ нѣкоторомъ отдаленіи, и простерла руку помощи несчастнымъ. Обстоятельства этой переправы раздражаютъ сердце.

Капитанъ Коббъ, полковникъ Фиронъ (Featon) и майоръ Маркъ-Грегоръ держали на югѣ совѣтъ. Одинъ лейтенантъ подошелъ спросить ихъ, въ какомъ порядкѣ должны офицеры оставлять корабль? «Въ погребальномъ» отвѣчалъ майоръ. . . . И въ продолженіе двухъ часовъ печальное шествіе двигалось отъ каютъ до мѣста схода. Все замолкло; не слышно ни одного крика; лишь изрѣдка шелестилъ краткій шопотъ; даже малыя дѣти перестали плакать. Офицеры, съ обнаженными шпагами, стояли у трапа, распоряджая переправою толпы. Спасеніе было весьма затруднительно. Чтобы при помпѣщеніи на суда соблюсти равновѣсіе, и дать возможное облегченіе гребцамъ, женщинъ и дѣтей укладывали грудами подѣ банки съ опасностію затопить страдальцевъ. По возвращеніи ботовъ къ кораблю, невозможно имъ было пристать къ борту, и потому должно было спускаться на горденяхъ (14) съ вершинъ кормы; но корабль терпѣлъ чрезвычайную килевую качку (15), и по этому бѣдныя существа безпрестанно ныряли въ воду и часто невозвратно. При этомъ случаѣ по-

гибло множество дѣтей; молодая дѣвушка не хотѣла оставить отца, котораго долгъ службы удерживалъ при его постѣ, и дорого заплатила она за свою преданность: шесть или семь разъ показывалась она изъ воды. Безсемеѣный солдатъ, привязавъ около себя троихъ дѣтей своего товарища, принужденъ былъ, на пути отъ верха до бота, нырять нѣсколько разъ; онъ напрягалъ всѣ силы къ достиженію бота, но его много едва подняли обратно на корабль; дѣти уже были мертвы. Одинъ матросъ, оборвавшись, упалъ въ люкъ, и пламя пожгло его мгновенно; другой переломилъ спинную кость (позвончатый столбецъ), и распался надвое отъ силы удара. Изъ шести перевозныхъ судовъ, три было опрокинуто и разбито.

День вечерель, и чертѣ казался сумракъ при блестящѣхъ пламени. На конецъ гика (16) прикрѣпили еще веревку, по которой люди могли бы сами спускаться на ботахъ. Вървь приближался. Спойтовили плоты изъ запасныхъ деревъ, досокъ, куритниковъ; всякій матросъ и солдатъ долженъ былъ опоясаться веревкою, чтобы ею прикрѣпить себя къ плоту. Посреди этихъ приготовленій, одинъ Ирландскій рекрутъ изумилъ всѣхъ своею наивностію: не находя для опояски ничего кромѣ гикурь-троса (17) отъ койки своего офицера, онъ, по закону внушенной ему дисциплины, не осмѣливался имъ воспользоваться. Но рѣдки были примѣры такой строгой исполнителности. Каютъ-компанія (18), которая, передъ самымъ несчастіемъ, была сценою дружеской бесѣды и скромной веселости, представляла теперь самое плачевное зрѣлище: не было въ ней никого изъ обычныхъ ея членовъ; вмѣсто ихъ пировала толпа негодяевъ, изъ которыхъ одинъ, въ совершенно скотскомъ оупьяннѣи, лежалъ за-мертво на полу, когда другіе еще продолжали грабежъ и пьянство. Софы,

коммоды и вообще вся прекрасная мебель были разломаны, разорваны въ мелкіе куски; гуси, цыплята, освободясь изъ клѣтокъ, метались изъ угла въ уголъ; жирная свинья, пользуясь случаемъ выпрыгнуть изъ своего тѣснаго хлѣва, валаься, словно въ грязи, по неподобному Турецкому ковру, устилавшему залу собранил.

Но послѣ всей этой траги-комической сцены жалко было состояніе несчастныхъ, оставшихся на кораблѣ: не торопились переправляться, а напротивъ, показывали упорное отвращеніе къ этому весьма опасному, но послѣднему средству спасенія. Было около шести часовъ вечера; ночныя тѣни увеличивали яркость и блескъ огня, но Кентъ еще не всеми былъ оставленъ. Онъ уже опустился отъ 9 до 10 футовъ ниже ватеръ-линіи, и въ это время погружался еще на два фута отъ тяжести толпы, собравшейся у переправы. Не смотря на такую очевидную гибель, многіе, въ какомъ-то безумномъ ослѣбленнѣи, не рѣшались спуститься съ корабля. Конечно, перевозъ былъ ужасенъ. Гикъ такого огромнаго корабля, выходя за корму на 15 или 17 футовъ, находится и въ горизонтальномъ положеніи отъ 18 до 20 футовъ надъ поверхностью моря, но ярость волнъ, жестокость качки возносили его до вышины тридцати или сорока. Должно было уцѣпиться за веревку, спущенную съ оконечности гика, и требовались, кромѣ мужества, сила и искусство. Половина изъ кунтаторовъ погибла въ этой попыткѣ.

Наконецъ и послѣдняя шлюпка, на которой былъ самъ капитанъ, достигла Камбринъ, и тогда всѣ чувства пловцевъ приковались къ развѣзкѣ несчастія. Не продолжительно было ожиданіе. Пламя достигло верхней палубы, юта, и понеслось по рангоуту и снастямъ. Все судно образовало одну страшную

огненную мину, которая, казалось, обхватила все небо, и пламя отражалось на улыльких лицах зрителей. Сигнальные флаги, поднятые поутру, рвали посреди пламени, но мачты, на которыхъ они висѣли, начали клониться и свалились тихо, тихо — словно величественныя колокольни храма. Въ продолженіе ночи огонь достигъ крюткамеры — Кентъ взлетѣлъ на воздухъ, и горящіе остатки одного изъ лучшихъ Англійскихъ кораблей металиси въ пространство, но вскорѣ все исчезло въ темной ночи и бурномъ Океанѣ.

На бригъ было такъ тѣсно, что напуганные плователи приняли было пушенный холоднымъ воздухомъ паръ отъ дыханія за дымъ, и воздухъ былъ такъ густъ, что восковая свѣча гасла мгновенно. На палубѣ, несчастные, въ продолженіе цѣлыхъ сутокъ оставались въ водѣ, дрожа отъ холода. Судороги терзали дѣтей и женщинъ. Оставаться еще нѣсколько дней въ морѣ значило бы призвать на бригъ голодъ и заразу. Къ счастью, жестокость вѣтра продолжалась. Отважный Кукъ, рискнул сломать мачты, ускорялъ ходъ, и Камбрія шла по девяти и десяти узловъ. Около полудня, въ четвертокъ, третьяго марта, съ салинга раздался радостный крикъ: «земля передъ носомъ!» Къ вечеру рѣзко обозначились Острова Сорингскіе, и капитанъ Кукъ, слѣдуя быстро вдоль Корнвалійскаго берега, въ полночь бросилъ якорь на Фальмутскомъ рейдѣ.

(France maritime. — Леоъ Кр-си-об.)

(1) *Тонъ*, бочка въ 2000 фунтовъ, или 20 центнеровъ. Тоннами опредѣляютъ вѣсъ, или мѣру груза, который корабль можетъ выѣздить.

(2) *Гротъ*, четырехугольный нижній парусъ, у средней мачты, самый большой на кораблѣ.

(3) *Взять парусъ на гитовы и гордени*, значить: подтянуть, или подобрать его къ рею.

(4) *Брамъ-реи*, на которыхъ держатся одни изъ верхнихъ парусовъ, называемые брамселями.

(5) Затворить плотно и укрѣпить.

(6) *Порты*, четырехугольныя отверстія для пушекъ, или амбразуры.

(7) *Леера*, веревки, протягиваемыя во время сильной качки, чтобы за нихъ держаться, какъ за перилы.

(8) Жельзныя короткія цѣпи, изъ трехъ длинныхъ звѣнцевъ, прибавяемыя снаружи къ бокамъ корабля, для укрѣпленія вантъ.

(9) Самый нижній ярусъ корабля, въ подводной части, отъ килы до кубрика.

(10) *Люкъ*, четырехугольная дыра, прорубленная въ палубѣ, для схода внутрь корабля, или для поднятія тяжестей.

(11) *Крютъ-камера*, пороховой магазинъ.

(12) *Салингъ*, собраніе брусевъ, извѣстнымъ образомъ скрѣпленныхъ, которые служатъ для соединенія трехъ главныхъ составныхъ частей мачты: собственно мачты со стеньгою, и стеньги съ брамъ-стенъгою. *Форъ-салингъ* соединяетъ форъ-стенъгу съ форъ-брамъ-стенъгою; «форъ» значить передній.

(13) *Лечь въ дрейфъ*, значить расположить наруса такъ, чтобы корабль стоялъ почти на одномъ мѣстѣ.

(14) *Гордень*, веревка, для поднятія разныхъ тяжестей.

(15) Килевая качка.

(16) *Гикъ*, длинное дерево, заднимъ концемъ связанное съ бизань (заднею) мачтою, а переднимъ выходящее за корму; оно служитъ для растягиванія нижней стороны наруса бизани.

(17) *Гиньуръ-тросъ*, тонкая веревка, которою растягивается койка.

(18) *Каюль-компанія*, общая зала для офицеровъ, обыкновенно въ кормовой части.

ВЫСТАВКА

ПРОИЗВЕДЕНІЙ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНІИ, 5-го Июля 1857 года *.

Тамбовская Губернія принадлежит къ числу областей высшаго населенія (ибо оно началось въ 1636 году, когда основанъ былъ городъ Тамбовъ), лежитъ въ средней полосѣ имперіи (51° — 55° сѣв. шир. и 56° — 61° вост. долг.), и содержитъ 1,158 географическихъ квадратныхъ миль, или 5,912,227 десятинъ плодородной земли.

Положеніе губерніи представляетъ плоскую возвышенность, которая входитъ съ сѣверо-запада изъ Губерній Орловской, Тульской и Рязанской, и тянется въ прямомъ направленіи на юго-востокъ, въ губерніи Пензенскую и Саратовскую, образуя по мѣстамъ значительные склоны, изъ коихъ берутъ начало многія рѣки (въ томъ числѣ и Цна), обильно снабжающія губернію водою. Кроме сихъ рѣкъ втекаютъ значительныя рѣки, получившія начало изъ сей же возвышенности въ другихъ мѣстахъ, изъ южнаго склона, Ворона, Хоперь и два Воропежа, кон сливаются съ водами Дона, и изъ сѣвернаго склона Выша, Парца, Вадъ и Мокша, которыя сливаются съ водами Оки. Изъ всѣхъ означенныхъ рѣкъ важнѣйшая, по доставляемому удобству для сплава продуктовъ здѣшняго края, Цна.

* Благодаря почтеннаго Автора за доставленіе сей любопытной статьи, почитаемъ необходимымъ прибавить, что описываемая здѣсь Тамбовская Выставка учреждена была по случаю радостнаго для всей Россіи событія, путешествія Государя Цесаревича Наслѣдника. Сочинитель предлагаемаго здѣсь описанія выставки, членъ-корреспондентъ Статистич. Оудыленія Совѣта Мин. Внутр. Дѣлъ, г-нъ Сафоновъ принималъ дѣльное участіе въ ея устройствѣ, и потому имѣлъ счастье Его Императорскому Высочеству лично представлять и объяснять многіе предметы.

Произведенія губерніи по всѣмъ тремъ царствамъ природы тождественны прочимъ областямъ имперіи, подъ одною широтою лежащимъ.

Царство ископаемое замѣчательно важными запасами желѣзныхъ рудъ, хорошаго качества, и въ особенности обильны ими уѣзды Липецкій, Темниковскій и Елатомскій; известковымъ и алебастровымъ камнемъ богаты уѣзды Козловскій, Лебедянский и Шацкій; свинцовыми рудами и сѣрнымъ колчеданомъ уѣздъ Спасскій; купоросною землею и торфомъ уѣздъ Моршанскій.

Царство растительное, по склонамъ означенной возвышенности, разделяется на двѣ части, изъ коихъ сѣверная богата доброкачественными лѣсами, въ особенности уѣзды Елатомскій, Темниковскій и Спасскій, а южная, преобладающая обширными степями, щедро производитъ питательныя травы, хлѣбныя и красивыя растенія и т. п., въ особенности уѣзды Кирсановскій, Борисоглебскій, Усманскій, Липецкій и Козловскій.

И царство животное, кроме многочисленности и разнообразія обыкновенныхъ породъ дикихъ и домашнихъ животныхъ, примѣчательно разведеніемъ улучшенныхъ породъ лошадей, рогатаго скота и тонкорунныхъ овецъ.

Умѣренный климатъ, отъѣсное плодородіе земли, и обиліе хорошаго качества водъ, благоприятствую здравію и труду человѣческому, содѣйствовали непосредственно къ быстрому умноженію въ этомъ краѣ населенія * до 1,700,000 душъ обоего пола, изъ которыхъ $\frac{9}{10}$ заняты земледѣіемъ и скотоводствомъ, а $\frac{1}{10}$ упражняется въ ремеслахъ, торговлѣ и промышленности разнаго рода.

Первую степень вещественнаго богатства губерніи, занимаютъ произведенія земли:

Количество собираемаго ежегодно хлѣба, разнаго рода, простирается отъ 20-ти до 25-ти милліоновъ четвертей, на сумму до 100 милліоновъ рублей.

Послѣ земледѣія скотоводство заключаетъ важнѣйшіе капиталы.

Число лошадей, рогатаго и мелкаго скота, обыкновенныхъ породъ, болѣе трехъ милліоновъ головъ, на сумму до 50-ти милліоновъ рублей.

* Съ 1636 по 1836 годъ народонаселеніе въ Тамбовской Губерніи увеличилось на 1,710⁰.

Конных заводоѣвъ, улучшенныхъ породѣ, 124; число лошадей до 30 т., на сумму до 10-ти милліоновъ.

Парочитыхъ заводоѣвъ крупнаго рогатаго скота 50; обыкновенныхъ, домашнихъ, мелкихъ заводоѣвъ до 1,000.

Все количество крупнаго рогатаго скота составитъ болѣе 25 т., на сумму до 2-хъ милліоновъ.

Заводоѣвъ тонкорунныхъ овецъ 81; число сихъ животныхъ превышаетъ 20 т., на сумму до 500 т.

И, наконецъ, послѣднюю степень производительныхъ силъ губерніи составляютъ фабрики и заводы, которые, хотя и занимаютъ уже значительное число рукъ и капиталовъ, но не показываютъ усовершенствованныхъ технологическихъ знаній, и ограничиваются обработкою почти исключительно произведеній крал.

Изъ нихъ важнѣйшія, по огромности оборотнаго капитала и по отпускной торговлѣ, заводы салотенные, числомъ до 124-хъ. Сала вытѣлливается болѣе милліона пудъ, на сумму до 10-ти милліоновъ рублей; кожа поступаетъ въ продажу до 200 т. штукъ, на милліонъ рублей; солошины заготавлиются до одного милліона пудовъ, на 2 милліона рублей.

Фабрикъ для выдѣлки солдатскихъ и другихъ суконъ до 20-ти; количество выдѣливаемого сукна простирается до милліона аршинъ, на сумму до 3½ милліоновъ рублей.

Прочихъ фабрикъ и заводоѣвъ считается въ губерніи:

Винокуренныхъ заводоѣвъ 22, пивоваренныхъ 16, для выдѣлки желѣза 3, чугунныхъ вещей 25, купоросныхъ 2, поташныхъ 10, кожевенныхъ 30, клеевыхъ 6, писчей бумаги 1, парусиныхъ 1, мыловаренныхъ 9, свѣчныхъ салныхъ 10, толъ восковыхъ 5, свекловично-сахарныхъ 6.

Всѣ обороты сихъ фабрикъ и заводоѣвъ простираются до 5½ милліоновъ рублей.

Сверхъ того, почти каждый помѣщикъ имѣетъ въ маломъ видѣ особенную фабрикацію разныхъ произведеній, какъ то: холста, ковровъ, разнаго тканья, и даже изящныхъ и дорогихъ вещей, лапримѣръ, шалей, платковъ шалевыхъ, каемъ, и т. п. и почти каждый домъ разношница и поселянина снабжаетъ семейство свое необходимыми въ обыкновенномъ бытѣ народа издѣліями, которыхъ ни исчислить, ни оцѣнить приблизительно нельзя. Этого рода фабрикація составляетъ свой отдѣльный міръ, въ которомъ развиваются начальныя знанія всякаго ремесла, и зараждаются мануфактурныя пред-

пріятія, при благоприятныхъ обстоятельствахъ могущія прівести въ движеніе огромнѣйшіе капиталы.

Настоящая приблизительная оцѣнка всѣхъ произведеній губерніи простирается можетъ отъ 180-ти до 200 милліоновъ рублей, что составитъ на каждую душу до 120 рублей въ годъ.

На первую Тамбовскую выставку представлено произведеній разнаго рода до 750 нумеровъ, которыя и расположены были въ залахъ Благороднаго Собранія, по степенямъ той важности, какую занимаютъ въ народной промышленности.

На первомъ мѣстѣ находились *земледѣльческіе продукты*, какъ главный предметъ богатства губерніи. Всѣ продукты представлены были въ постепенныхъ переходахъ, отъ колоса до устрѣбленія въ пицу, то есть, въ снопахъ, зернѣ, мукѣ разнаго рода, и наконецъ печеномъ хлѣбѣ, въ слѣдующемъ порядкѣ:

1-е. *Рожь*, которою засѣвается ежегодно до милліона двухъ сотъ тысячъ десятинъ земли; сложный урожай бываетъ самъ-десять, или отъ 10-ти до 12-ти милліоновъ четвертей, изъ коихъ до 5-ти милліоновъ употребляется на мѣстѣ, до 300 т. издерживается на винокурениіе, и до 3½ милліоновъ вывозится въ сѣверныя губерніи; остальное же количество, накопляясь время отъ времени въ огромные запасы, обезпечиваетъ продовольствіе края на случай неурожая, а не рѣдко производится на хлѣбъ стѣснительную для поселянъ дешевизну. Цѣна ржи на рынкахъ и пристаняхъ бываетъ въ обильные годы отъ 2-хъ до 4-хъ рублей, въ средніе отъ 5-ти до 7-ми, а въ 1833 году возвышалась до 28 рублей за четверть.

2-е. *Озимая пшеница*, производится на 50 т. десятинъ; сложный урожай самъ-пять; выходитъ всего до 250 т. четвертей; зерномъ вывозится мало, но болѣе перерабатывается въ крупичатую муку; цѣна отъ 10-ти до 20-ти рублей за четверть.

3-е. *Овесь*. Имъ засѣвается до 600 т. десятинъ; сложный урожай самъ-дѣсять, или до 7-ми милліоновъ четвертей; большая часть расходится на мѣстѣ, но содержаніе лошадей; вывозится за предѣлы губерніи мало; цѣна отъ 1 р. 60 к. до 3-хъ р. за четверть.

4-е. *Тргови* засѣвается до 500 т. десятинъ; сложный урожай самъ-девять; производится отъ 4-хъ до 5-ти милліоновъ четвертей; употребляется внутри губерніи болѣе половины;

остальная по переработкѣ въ крупу, вывозится въ сѣверныя губерніи; цѣна часто равняется съ цѣною ржи, т. е. отъ 3-хъ до 6-ти рублей четверть.

5-е. *Горохъ*. Имъ засѣвается до 60-ти тысячъ десятины; урожай отъ 200 до 400 т. четвертей; частію употребляется на мѣсть, но больше отправляется въ Москву и Санктпетербургъ; цѣна мелкаго отъ 6-ти до 8-ми; и крушаго отъ 10-ти до 15-ти рублей четверть.

6-е. *Просо*, съется обыкновенно на земляхъ новыхъ, и потому, по мѣрѣ распашки степей, количество посѣва ежегодно убавляется; производится однакоже еще ежегодно отъ 50-ти до 100 т. четвертей, изъ которыхъ выдѣляется пшепа отъ 30 до 60 т. четвертей; частію расходуется на мѣсть, но больше продается для столицъ. Просо съется преимущественно купцами, на земляхъ наемныхъ и вольнонаемными людьми. Цѣна найма новой земли отъ 30 до 40 р. за десятину въ годъ; урожай бываетъ самъ-сорокъ. Цѣна пшепы отъ 10 до 20 р. четверть. Съ нѣкотораго времени однакоже, непокойная погода лѣтомъ, поздніе морозы весною, и ранніе холода осенью, имѣли на урожай проса вредное вліяніе, сократили посѣвъ его, и подвергли съемничковъ земель великимъ убыткамъ.

7-е. *Масляныя растенія, конопля и ленъ*, составляя необходимыя для одежды и пищи продукты, производятся почти каждымъ поселеніемъ, но больше для домашняго употребленія; на продажу поступаетъ незначительное количество, и то только изъ сѣверныхъ уѣздовъ. Сѣмя льняное частію сплавляется изъ Моршанска въ Санктпетербургъ; доброкачественностию известно на иностранныхъ рынкахъ.

8-е. *Маслѣ*, разводятся усѣбно, также на новыхъ, или сильно удобреннѣхъ земляхъ, до 50 т. четвертей; продается отчасти зерномъ отъ 25-ти до 40-ка рублей за четверть, но больше передѣлывается въ масло, которое составляетъ необходимый во время продолжительныхъ постовъ продуктъ для пищи средняго класса всѣхъ сословій; цѣна отъ 16 до 25 р. пудъ.

9-е. *Картофель* водворился съ нѣкотораго только времени. Прежде поселяне, по суевѣрію и предрасудкамъ, не обращали на него вниманія, но 1833 годъ обнаружилъ особенную пользу сего растенія, а потомъ учрежденіе заводовъ для выдѣлки муки, патоки, и крупъ, на подобіе Индѣйскаго саго,

быстро распространили посѣвъ его; однакоже еще доселѣ производится исключительно почти на огородахъ; урожай бываетъ отъ 70-ти до 100, и больше, четвертей съ десятины.

10-е. *Свекловичка*, разныхъ родовъ, съется повсемѣстно и произрастаетъ съ успѣхомъ. Растеніе это производилось доселѣ только для употребленія въ пищу, но теперь, когда возникли свекловично-сахарныя заводы, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стали засѣвать имъ большія пространства, и въ будущемъ обвѣщаетъ оно поселянамъ важныя средства для улучшения быта.

11-е. *Огурцы, арбузы, брюква, репа, морковь, лукъ, капуста разныхъ родовъ*, и прочія хозяйственные растенія, производятся повсемѣстно, въ большомъ изобиліи, для употребленія въ пищу. Цѣны на всѣ сіи продукты весьма умеренныя.

12-е. *Красильныя растенія*: дрокъ, вайда, марена, сернія, и другія, находятся въ дикомъ состояніи, и собираются поселянами для окраски домашнихъ издѣлій, кромѣ серніи, которая замѣняла желтый сандалъ, имѣть пространнѣйшее употребленіе на здѣшнихъ суконныхъ фабрикахъ. Образцы сихъ растеній представляли особенную доброкачественность.

13-е. *Кормовыя травы*: вико, клеверъ, Тимофеева трава, разводятся нѣкоторыми агрономами, въ маломъ количествѣ; распространенія ихъ, до перехода отъ нѣвышняго трехъ-польнаго къ плодopеремьшному земледѣлію ожидать нельзя. Эпоха эта, повидимому, недалека, ибо мудрое правительство къ уничтоженію главнѣйшаго къ тому препятствія, чрезолосныхъ владѣній, приняло уже мѣры.

Изъ царства ископаемаго представлены были:

1-е. Помѣщикомъ Усманскаго уѣзда Бунинымъ, *слои тугнаго чернозема*, толщиною въ 1 $\frac{1}{4}$ аршинъ. Такого рода черноземная почва замѣчательна неистощимымъ плодородіемъ; ею покрыто больше $\frac{3}{4}$ частей губерніи, что составляетъ драгоценнѣйшій даръ природы, обезпечивающій довольство милліоновъ народа.

2-е. *Купоросная руда*, и выдѣланный изъ нея черныи купоросъ, въ разныхъ видахъ, купоросное масло, и краска муміи.

Купоросныя заводы принадлежатъ Моршанскимъ купцамъ второй гильдіи Демиду Прокунину, и первой гильдіи братьямъ Николою и Ивану Поповымъ. Изъ нихъ первый заводъ учрежденъ въ 1775, а послѣдній въ 1771 годахъ, Моршанскаго уѣзда при селахъ Сосновкѣ и Грязновкѣ, и съ тѣхъ поръ находятся въ непрерывномъ дѣйствіи; вырабатывается еже-

годно купоросу до 17,400 пудъ, купороснаго масла 53 пуда, и краски муми́и до 140 пудъ; цѣны купоросу отъ 3 до 3 р. 60 коп., купороснаго масла отъ 12 до 15 р., и муми́и до 4 р. за пудъ.

Купоросная руда залегасть близъ рѣкъ, по низменнымъ и влажнымъ мѣстамъ, подъ торфянымъ пластомъ, на глубинѣ отъ 1 до 2 аршинъ отъ поверхности. Слой руды бываетъ толщиною отъ $\frac{1}{2}$ до 3 аршинъ; добывается въ Июнѣ и Июлѣ мѣсяцахъ, простыми землекопами, и складывается на открытомъ мѣстѣ въ вороха, мѣсяца на три, дабы напиталась атмосфернымъ воздухомъ (отъ котораго она разгорячается до того, что не рѣдко воспламеняется и горитъ подобно углю); послѣ выщелачивается въ обширныхъ деревянныхъ ларяхъ, выпаривается на сильномъ огнѣ, въ свинцовыхъ котлахъ, въ продолженіи девяти сутокъ, и наконецъ спускается въ растительныя деревянные лари, гдѣ окончательно уже кристаллизуется купоросъ.

Купоросное масло и краска муми́и вырабатываются сухимъ путемъ, слѣдующимъ образомъ: обранный купоросъ, и пригарки, остающіеся въ выпарительныхъ котлахъ, обжигаютъ сперва въ отражательной печи, подобно поташу; потомъ насыпаютъ этимъ продуктомъ глиняныя колбы, и уложивъ опыя въ печи, горломъ наружу, подвергаютъ, сперва на слабомъ, а потомъ на сильномъ огнѣ, перегонкѣ. Въ первый сутки выходятъ на воздухъ водянистыя пары; на другія сутки примазываютъ стеклянный пріемникъ, изъ коего черезъ 40 часовъ выбирается масло, а изъ колбы высыпается муми́и.

3-е. *Старый колчеданъ*, открытый въ 1836 году, Моршанскими купцами Гундобинымъ и Прокупинымъ, въ Спасскомъ уѣздѣ. Пласты его залегаютъ въ разныхъ направленіяхъ по теченію рѣки Выши, въ нагорной сторонѣ. Сыра изъ этого колчедана добывается посредствомъ перегонки, такимъ же точно образомъ, какъ выгоняется купоросное масло. По недавнему открытію колчедана, завода для значительной выдѣлки сыры еще не учреждено.

4-е. *Свинцовая руда*, открыта ими же Прокупинымъ и Гундобинымъ, въ 1837 году, въ Спасскомъ уѣздѣ, по теченію Выши въ разныхъ направленіяхъ; содержитъ въ себѣ отъ 4 до 10% свинцу, и часть серебра. Богатыя жилы свинцовой руды залегаютъ въ нагорной сторонѣ рѣки Выши на неопредѣленное пространство; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по дну

рѣки, переходить на луговую сторону и распространяются по холмамъ и долинамъ, толщиною отъ 1 до 5 аршинъ. Гг. Прокупинъ и Гундобинъ получили уже отъ правительства дозволеніе на выплавку свинцу, по заводоу, по неотмежеванію участка, еще не учреждено, и правильной разработки не начато. Это открытіе въ центрѣ государства полезнаго и необходимаго въ политическомъ и гражданскомъ быту народа металла, который добывался досель только въ отдаленномъ углу имперіи, составитъ новую и богатую отрасль промышленности для Тамбовской Губерніи, и особенно будетъ благодѣтельно для поселянъ Спасскаго уѣзда, которые, по недостатку удобной для хлѣбопашества земли, хотя съ давняго времени упражняются въ ремеслахъ разнаго рода, по досель не могли еще найти постояннаго занятія, могущаго улучшить ихъ положеніе.

5-е. Добытый изъ означенныхъ рудъ *свинецъ*. Весьма любопытны труды гг. Гундобина и Прокупина при добытій этого свинца, представляющіе образецъ свойственной Русскимъ смѣлливости. Два пуда сырой руды положены были въ обыкновенный кузнечный горнъ, пересыпаны древеснымъ углемъ и прожжены сильнымъ огнемъ, отъ котораго вся руда распилась въ жидкую красную матерію, и по охлажденіи, превратилась въ твердую массу, или шлакъ. Шлакъ этого шлака разбитъ былъ въ мелкіе куски, положенъ въ обыкновенный чугунный котель, и подвергнутъ дѣйствіямъ сильнаго огня; между-тѣмъ растапливаемая масса непрерывно была ворошена желѣзною кочергою, и подкладывалось не большое количество сала, какъ для сбереженія отъ расплавленія чугуннаго котла, такъ и для усиленія степени жара въ растапливаемой массѣ. Вскорѣ послѣ сего сталь обнаружилась свинецъ мелкою дробью, и тогда вся масса высыпана была на желѣзный листъ, на которомъ свинецъ, по наклоняемой плоскости, отдѣлялся самъ собою ручейками, остатки сего шлака по размельченіи, еще нѣсколько разъ подвергались тому же процессу, и всегда давали въ большемъ или меньшемъ количествѣ свинецъ. Такимъ образомъ, изъ пуда обожженной руды добыто свинцу 4 фунта 52 золотника, тогда, какъ при испытаніи этой руды въ Горномъ Департаментѣ, изъ такого же количества получено только 2 фунта и 6 золотниковъ.

6-е. *Олеунорталъ глина*, способная для колѣи и плавильныхъ горшковъ, открыта г. Прокупинымъ, въ 1831 году,

въ собственныхъ дачахъ, Моршанскаго уѣзда при селѣ Сосновкѣ, на глубинѣ 40 аршинъ. Слой ея толщину отъ $\frac{1}{2}$ до 2 аршинъ; цвѣтомъ красноватая, вязкая. Прокуининъ дѣлаетъ изъ нея комбы для выгонки купороснаго масла. Глина эта выдерживаетъ сильную степень жара, и даже превосходить въ этомъ отношеніи известную Гжельскую глину.

7-е *Железные руды*, изъ уѣздовъ Липецкаго, Елатомскаго и Темниковскаго. Руда Липецкаго уѣзда особенно богата и доброкачественна; содержитъ чугуна отъ 50 до 75%. Во времена Императора Петра Перваго учреждены были тамъ обширные желѣзные заводы, снабжавшіе Воронежскій флотъ снарядами всякаго рода. Заводы сии Императрицею Елизаветою Петровною были пожалованы князю Рынину, отъ коего, хотя Императрица Екатерина II-я и приобрѣла покупкою обратно въ казну, но какъ скорѣ потомъ оказался недостатокъ въ лѣсѣ, то производство на нихъ работъ остановлено, и часть мастеровыхъ и главнѣйшіе снаряды перемѣнены на Луганскій заводъ. Съ тѣхъ поръ богатыя Липецкія руды остаются не прикосновенны, и ожидаютъ новыхъ Гундобинскихъ и Прокуинскихъ, кои могли бы открыть тамъ каменный уголь, присутствіе котораго подтверждается нѣкоторыми признаками.

8-е *Брусковій и жерновій камни*, находимые въ Лебединскомъ уѣздѣ, по теченію рѣки Дона. Камни сии известковой породы, не имѣютъ достаточной твердости, и потому промышленность ими весьма ограничена.

9-е *Алебастръ*, находимый во многихъ мѣстахъ, добывается только для штукатурки зданій; цѣна на мѣсть не дороже 5 копѣекъ; въ Тамбовѣ продается отъ 25 до 30 копѣекъ за пудъ. Отличнаго качества и плотнаго сложенія алебастръ находится, Борисоглебскаго уѣзда, въ дачахъ подполковницы Урннжевской, по теченію рѣки Корочана, но разработки его еще не начато.

10-е *Гранитъ, проникнутый слюдою*, открытій въ высочайшемъ пунктѣ возвышенности Тамбовской Губерніи, близъ села Царевки. Этотъ гранитъ неопытными промышленниками принятъ былъ за металлоносный камень, представлялся въ Горный Департаментъ, которымъ и найденъ весьма способнымъ для мостовой.

11-е *Известъ*, добывается изъ известковаго камня, преимуще-

ственно въ Козловскомъ, Липецкомъ, Лебединскомъ и Шацкомъ уѣздахъ, и составляетъ большой и прибыльный промыселъ многихъ поселянъ, въ особенности Козловскаго уѣзда села Жидиловки. Четверть не распушенной извести 10 пудоваго вѣса продается на мѣсть отъ 1 рубля 20 копѣекъ до 2 рублей; въ Тамбовѣ же отъ 2 рублей 50 копѣекъ до 3 рублей.

12-е *Глины разныхъ родовъ*, находимыя въ уѣздахъ Темниковскомъ, Шацкомъ и Тамбовскомъ, способны для дѣланія фаянсовой посуды, пещныхъ изразцовъ, и т. п. — Изъ этихъ глинъ достойны особеннаго замѣчанія доставленныя изъ Шацкаго уѣзда, отъ поручика Князя Волконскаго, оранжеваго цвѣту, весьма нежная, а другая отъ казенныхъ поселянъ Темниковскаго уѣзда, села Тоткачева, Быглова и Разгильдяева, голубаго цвѣту, необыкновенно легкая, и отъ малѣйшаго трясенія разсыпающаяся въ тонкую и нежную пыль. Эта послѣдняя глина похожа на известную подъ названіемъ Сибирки краску, и образовалась какъ заключать должно, изъ разложенаго окисля мѣдныхъ рудъ известняка.

13-е. Тѣмъ же крестьянами Разгильдяевымъ и Быгловымъ представленные, найденныя ими въ Темниковскомъ и Елатомскомъ уѣздахъ, *сапородки тити и желѣза и руды свинцовыя, лодныя и железные*. При этомъ нельзя было не обратить особаго вниманія на похвальный подвигъ этихъ поселянъ, обнаруживающій усердіе къ общественной пользѣ и безпредѣльную преданность къ Августѣйшему Монарху. Быгловъ и Разгильдяевъ, будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ, узнавъ о путешествіи Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника, и приготовляемой въ Тамбовѣ по сему случаю выставкѣ, рѣшились притти въ Тамбовѣ слышкомъ за триста верстъ, нѣщие, и явля въ комитетъ, распорядившій выставкою, объявили: «Мы слышали, что батюшка нашъ Бѣлый Царь, послалъ молодаго князя Наслѣдника осматривать свою «отчину, и что начальство хочетъ показать ему великія рѣдкости — позвольте и намъ на старости лѣтъ взглянуть на Царевича, и покажите ему, какія диковинныя земли и камни находятся въ дачахъ нашего села. — Желаніе добрыхъ поселянъ было исполнено: они имѣли счастье видѣть Государя Наслѣдника, и получили изъ суммъ пожертвованныхъ Его Императорскимъ Высочествомъ въ пользу бѣдныхъ, приличное

пособие; доставленные же ими руды, послѣ выставки, отосланы къ Министру Финансовъ.

14-е. *Морсели*, находится болѣе въ сѣверныхъ уѣздахъ, по употребленію изъ него еще никакого не дѣлаютъ.

15-е. *Торфъ*, залегаеетъ во многихъ мѣстахъ по низменностямъ богатыми пластами, и хотя правильной разработки нигдѣ еще не начато, но оны служатъ важнымъ запасомъ топлива на будущее время, въ особенности въ мѣстахъ безлесныхъ, и, вѣроятно, скоро будетъ введенъ въ употребленіе, по случаю постоянного возвышенія цѣны на дрова.

16-е. *Кости допотопныхъ животныхъ*, находимыя болѣе въ берегахъ рѣкъ обонхъ склоновъ Тамбовской возвышенности; изъ нихъ примѣчательнѣйшія:

а). Присланный отъ г-на Волкозскаго зубъ мамонта, найденнаго, въ 1814 году, цѣлымъ оставомъ въ Шацкомъ уѣздѣ, близъ рѣки Шати.

б). Отъ статскаго совѣтника Ранга, голова носорога, описаннаго Фишеромъ и другими учеными, найденная въ Борисоглыбскомъ уѣздѣ, близъ рѣки Савалы.

в). Отъ г-на Замятина бедра кость мамонта, найденная въ Липецкомъ уѣздѣ, въ рѣчкѣ Самовицѣ, служившая долгое время поселникамъ вмѣсто камня, для мытья бѣлья.

г). Отъ помѣщика Гарденина, часть рога неизвѣстнаго животнаго, рѣдка по своей огромности и тяжести, найденная въ Тамбовскомъ уѣздѣ, близъ рѣчки Большаго Ламовна.

д). Отъ статскаго совѣтника Ранга голова слона, необыкновенной величины, найденная въ Борисоглыбскомъ уѣздѣ, близъ рѣки Савалы.

е). Отъ Лебединскаго исправника Омеляновича огромный слоновый клыкъ, найденный въ горѣ близъ рѣки Дона.

Изъ сихъ ископаемыхъ, Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ удостоилъ особеннымъ вниманіемъ голову носорога, какъ рѣдкаго изъ допотопныхъ животныхъ, и доселѣ обнаруженнаго въ Европѣ весьма въ немногихъ мѣстахъ. Вся сіи рѣдкости пожертвованы представителями въ пользу Губернскаго Музеума.

17-е. Коллежскій совѣтникъ Берхъ представилъ до 50 штукъ разныхъ, собранныхъ имъ частью въ Кирсановскомъ и частью въ Тамбовскомъ уѣздахъ, *окаменелостей*. Изъ нихъ заслуживали вниманіе соты дикихъ пчелъ, разные породы гри-

бовъ, и множество морскихъ черепокожныхъ и наливочныхъ животныхъ, заключенныхъ въ камняхъ известковой породы.

18-е. *Чугуны, желѣзо и разные чугуны и жельзные вещи*, представлены съ заводовъ гг. Баташевыхъ и Шепелевыхъ, состоящихъ въ Темниковскомъ и Елатомскомъ уѣздахъ.

Заводы сіи возникли въ первой половинѣ протекшаго столѣтія, и принадлежали сперва италмейстеру князю Рѣпинну, а потомъ перешли во владѣніе гг. Баташевыхъ и распространены значительно, но теперь раздроблены на нѣсколько частей, и принадлежатъ: Еремипенскій и Мердушинскій полковнику Силѣ Баташеву; на немъ выплавляется чугуна до 150,000, изъ котораго выдѣлывается желѣза разныхъ сортовъ до 118,000 пудовъ; Илевскій и Вознесенскій губернскому секретарю Петру Баташеву; получается чугуна до 70,000 пудъ, выковывается желѣза до 47,000 пудовъ; Унженскій г-мъ Шепелевымъ; выплавляется чугуна до 122,000, желѣза получается до 77,000 пудовъ.

Цѣна чугуна въ слиткахъ отъ 2 до 2 рублей 50 коп., а желѣза отъ 3 до 4 рублей пудъ.

На сихъ же заводахъ отливаются изъ чугуна и выдѣлываются изъ желѣза разные хозяйственныя вещи, паровыя машины и орудія; вся оборота ихъ простираются на сумму болѣе милліона рублей; крестьянъ, приписанныхъ къ заводамъ, считается до 14,000 душъ.

На выставку представлены были съ заводовъ гг. Шепелевыхъ образцы желѣза полоснаго, связнаго, стропильнаго и веретеннаго; цѣна отъ 3 рублей 50 копѣекъ до 4 рублей пудъ.

Съ заводъ полковника Баташева образцы чугуна литая, и разные вещи, выдѣланныя изъ желѣза. Изъ нихъ примѣчательнѣйшія: два портрета Императора Петра I-го, нѣсколько медальоновъ Государя Императора Николая I-го, два Евангелиста, до ста разныхъ фигуръ для наклadoкъ на бумагу, утюги, иголки, котлы и кострюли, пожницы, ножи, топоры, сошники, лемеха, заступы, лопаты, подковы, скребицы, шандалы, щипцы, замки, сундуки, петли, щекотды, сквороды, уполовинки, ковши, ведра, рукомошники, жаровни, тазы, гвозди разныхъ видовъ, также желѣзо полосное, шпнное, связное, брусковое и листовое.

Его Императорское Высочество Государь Цесаревичъ раз-

сматривалъ всѣ сии вещи съ особеннымъ вниманіемъ, сравнивалъ съ подобными, видѣнными имъ на Сибирскихъ заводахъ, находилъ цѣны оныхъ весьма умеренными, и соизволилъ два медаліона благополучно царствующаго Государя Императора взять съ собою; прочіи же всѣ вещи немедленно раскуплены публикою, и при этомъ послѣдовало много заказовъ на заводы.

Такой успѣхъ продажи будетъ сильнымъ поощреніемъ для представленія издѣлій на послѣдующія выставки, а нынѣ служить убѣдительнымъ доказательствомъ особенной пользы сихъ учреждений, знакомящихъ публику съ произведеніями края и обнаруживающихъ настоящую цѣнность издѣліямъ.

19-е. *Разныя чугуныя вещи*, отливаемые изъ стараго чугунаго лома, съ завода Тамбовскаго мѣщанина Ивана Федорова. Въ томъ числѣ, распатіе, два Евангелиста, два медаліона Императоровъ Александра I-го и Николая I-го, колеса и шестерни для машинъ, дѣлаемые въ большомъ количествѣ для здѣшнихъ суконныхъ фабрикъ. Но замѣчательнѣйшее было охотничье ружье, сдѣланное Федоровымъ изъ старинной Русской пицали, отражавшей пѣкогда дерзкія толпы Татаръ, которое, какъ рѣдкость, Государь Великій Князь Цесаревичъ повелѣлъ соизволилъ причислить къ вещамъ, кои Его Императорскому Высочеству благоутодно было назначить для отправленія въ С. Петербургъ.

Этотъ заводъ находится въ городѣ Тамбовѣ, и вмѣстѣ съ двумя другими, удовлетворяетъ мѣстнымъ потребностямъ въ чугуныхъ издѣліяхъ.

На семь же заводовъ, въ 1857 году, отнять изъ чугуна, издѣвеніемъ С. Петербургскаго 1-й гильдіи купца Небучепова, для города Липецка, памятникъ Петру Первому, съ слѣдующею надписью:

Незабвенному,
Вездѣ и во всемъ Великому,
Отцу Отечества,
Императору Петру Первому,
Основателю нашего города,
указавшему въ пемь
Новые цѣлебные источники,
И новыя средства
Богатства народнаго.

Всѣ обороты Тамбовскихъ заводовъ простираются до 60,000 рублей.

20-е. *Пицали жельзная*, остатокъ отъ древнихъ, грозныхъ пѣкогда для кочевыхъ народовъ здѣшнихъ укрѣпленій, примѣчательная и досель прочностію и изищностію отдыки.

21-е *Изразцы бѣлые и глазированные, кирпичъ и черепица разныхъ сортовъ, глиняныя колы, пемилъ трубы и разнаа домашияя посуда*, доставленные отъ заводчиковъ Моршанскихъ, Козловскихъ, Тамбовскихъ и Кирсановскихъ. Изъ этихъ вещей заслуживали вниманіе, дѣлаемые изъ огнеупорной глины, мелкій кирпичъ, по образцу Гжельскаго, для духовыхъ печей, и колы для перегонки разныхъ острыхъ жидкостей.

Прочія же вещи, и въ особенности изразцы и кирпичъ, далеко не достигли еще того совершенства, которымъ отличаются подобныя издѣлія въ другихъ губерніяхъ, и промышленность ими весьма ограничена. Хозяйственные вещи изъ глины: горшки, кувшины, лапаны, и т. п., дѣлаются довольно хорошо, въ достаточномъ количествѣ и по цѣнамъ умереннымъ. Одного только должно пожелать, чтобы распространена была выдѣлка черепицы для прикрытія городскихъ и сельскихъ строеній, что конечно уменьшило бы пестрительные въ провинціяхъ пожары.

Произведенія фабричной и заводской промышленности раздѣлялись на двѣ части: *царства растительнаго и царства животнаго*.

Первая часть была не многочисленна, но заключала въ собѣ такіе предметы, которые проявляютъ и быстрое развитіе технологическихъ знаний, и предпримчивость производителей, и блистательныя надежды на будущіе успѣхи на этомъ поприщѣ.

Изъ всѣхъ произведеній сего рода важнѣйшее *свекловичный сахаръ*:

1-е. Привилегированнаго завода коллежскаго совѣтника Давыдова. Заводъ учрежденъ въ 1826 году, Липецкаго уѣзда въ селѣцѣ Спасскомъ; свекловична сѣточа на 40 десятинахъ; собирается до 6,700 берковцовъ; посредствомъ холодной вымочки и непрерывной выварки сока по наклоннымъ плоскостямъ, получается изъ каждой четверти неску сырцу до 30 фунтовъ, а пробѣленнаго выходитъ до 18 фунтовъ; всего поступаетъ въ продажу чистаго пробѣленнаго неску до 3,000 пудовъ, цѣною отъ 36 до 40 рублей, на сумму до

120,000 рублей; сахароваръ Русскій; работники крѣпостные люди.

2-е. Завода поручика Яковлева, Уманскаго уѣзда въ селѣ Березняковѣ; производство прессовое; свекловицы собираются до 5,000 берковцовъ; получается песку сырку до 16 фунтовъ, а пробѣлешнаго до 10 фунтовъ съ берковца, всего до 1,250 пудъ. Рафинируется на томъ же заводу. Цена пробѣлешному песку отъ 35 до 40 рублей, а рафинаду до 48 рублей пудъ; бастовая патока продается въ Москвѣ отъ 2 до 3 рублей пудъ. Сахароваръ Русскій; работники, большею частію, крѣпостные люди.

Всѣ обороты завода простираются до 60,000 рублей.

3-е. Завода полковника Рала, Шацкаго уѣзда въ селѣ Даниловкѣ; производство прессовое; свекловицы собираются съ 15 десятинъ до 800 четвертей; сахарнаго песку вырабатывается, сырка, до 350 пудъ, на сумму 3,314 рублей; работниковъ крѣпостныхъ людей 33 человека.

4-е. Завода гг. Кусакова и Михайловыхъ, Борисоглѣбскаго уѣзда въ селѣ Никольскомъ; производство прессовое; засѣвается свекловицею 24 десятины; собирается до 2,000 четвертей, получается сахарнаго пробѣлешнаго песку до 300 пудъ, который продается отъ 30 до 40 рублей пудъ; обороты завода простираются до 15,000 рублей.

Сравнивая пески всѣхъ означенныхъ заводовъ, нельзя было не отдать преимущества, какъ по необыкновенной бѣлизнѣ, такъ и плотности кристалловъ, пескамъ съ завода г. Давыдова. Здѣсь кстати коснуться кратко о способѣ его производства: въ Россіи Г. Давыдовъ, какъ кажется, первый отбросилъ прессы, и открылъ производство посредствомъ холодной вымочки. Опыты въ этомъ родѣ стоили ему многолѣтнихъ трудовъ и до 1½ милліона рублей капитала; потомъ онъ получалъ привилегію и открылъ производство въ обширномъ видѣ. Московское Общество Сельскаго Хозяйства, по убѣжденію въ этомъ полезномъ открытіи, прислало г. Давыдову благодарственный адресъ и золотую медаль, а потомъ некоторые просвѣщеннѣйшіе заводчики ввели способъ его производства на своихъ заводахъ. Но что удалось г. Давыдову и другимъ купившимъ у него право производства, того не могли достигнуть самоучки заводчики, подражавшіе г. Давыдову тайкомъ, и въ слѣдствіе исудачь, потерпѣвъ значительные убытки, стали

критиковать методу г. Давыдова печатно. Изъ того возникла продолжительная полемика, кончившаяся тѣмъ, что по способу г. Давыдова продолжаютъ устроивать сахарные заводы, а гг. критики заслужили общій упрекъ ревнителей успѣховъ общественной промышленности.

Способъ г. Давыдова извлекать сахаръ изъ свекловицы весьма простъ: перемытую свекловицу кладутъ на обыкновенныя терки и превращаютъ въ мягкость; этою мягкостью наполняютъ установленные одинъ ниже другаго деревянные чаны, имѣющие между собою сообщеніе посредствомъ мѣдныхъ трубокъ, или сифоновъ; на верхніе чаны пускается тонкая струя холодной, пресыщенной до извѣстной степени купоросною кислотою воды, которая, переходя чрезъ мягкость изъ чана въ чанъ, увлекаетъ за собою сахарное вещество, и поступаетъ въ приемники прозрачнымъ сокомъ, до 12^о плотности; сокъ этотъ переваривается и очищается обыкновеннымъ образомъ; потомъ испаряется по наклоненнымъ плоскостямъ, и сливается въ формы, въ коихъ и образуются песочки.

Пробѣлка пескомъ, и обще принятая для того глиняная форма, доселѣ составляють не маловажную статью расхода, и отнимають у заводчиковъ много времени и рукъ. Недавно на одномъ изъ сосѣднихъ съ Тамбовскою Губерніею заводовъ, сдѣланы весьма удачные опыты осадки сахарнаго сыропа въ обыкновенныхъ деревянныхъ корытахъ. При этомъ обнаружилось явленіе, достойное особеннаго вниманія гг. сахароваровъ: въ числѣ корытъ, въ которыхъ наливалась патока, было одно изъ сыропа осинового дерева; чрезъ сутки послѣ того, какъ налита патока, внутри корыта по краямъ оказалась бѣлая полоса песку; еще чрезъ нѣсколько дней полоса эта увеличилась на нѣсколько дюймовъ, и представила слой чистаго, какъ будто пробѣлешнаго песку; между же тѣмъ наружные бока корыта были весьма влажны. Позднее время не позволило продолжать далѣе опыты, но въ будущую осень г. заводчикъ предполагаетъ повторить испытанія въ обширнѣйшемъ видѣ, и для того заготовляетъ значительное число осиновыхъ ящиковъ различной величины. Вообще нельзя не радоваться, что наконецъ производство сахара изъ свекловицы водворилось въ Россіи на прочныхъ основаніяхъ, и для земледѣльческихъ губерній общается въ будущемъ особенныя выгоды.

Количество потребляемого Тамбовскою Губерніею, ежегодно, сахару простирается до 50,000 пудовъ. Теперь выдѣляется уже онаго изъ свекловича до 5,000 пудовъ, или $\frac{1}{10}$, но если продолжится (въ чемъ и сомнѣваться нельзя) въ-которое время пынѣвшее стремленіе къ умноженію и усовершенствованію сахарныхъ заводовъ, то можно ручаться, что менѣе нежѣли чрезъ десять лѣтъ, мы не только будемъ довольствоваться себя собственнымъ сахаромъ, но еще станемъ удѣлять значительное количество иностранцамъ.

5-е. Возлѣ сахару и сахарнаго песку находилось также сладкое произведеніе — *картофельная патока*, съ завода подполковника Ивана, и штабсъ-капитана Николая Огаревыхъ, состоящаго въ Моршанскомъ уездѣ. Заводъ учрежденъ въ 1835 году; производится картофеля, на 40 десятинахъ, до 5,200 четвертей, изъ котораго начально дѣлаютъ муку, а потомъ одну часть муки обращаютъ въ патоку, а другую отправляютъ для продажи въ Москву. Обыкновенно изъ четверти картофеля получается картофельной муки пуда, а изъ пуда муки выходитъ отъ 30 до 35 фунтовъ патоки; цѣны на муку отъ 2 рублей 50 копѣекъ до 4 рублей за пудъ, а на патоку отъ 8 до 12 рублей.

На заводѣ мастеръ и рабочіе крѣпостные люди.

Выдѣлка картофельной муки и патоки также распространяется и упрощается съ каждымъ годомъ. Можно надѣяться, если открыть будетъ надежный сбытъ сему продукту, и установится сколько-нибудь постоянныя на опытъ цѣны, то и эта промышленность будетъ имѣть благотворное вліяніе на улучшеніе сельскаго хозяйства.

6-е. Изъ всѣхъ фабрикъ для выдѣлки изъ *картофеля муки*, важнѣйшая поручика Князя Волконскаго въ Шацкомъ уездѣ. Доставляемый отъ него произведеніи отличались превосходнымъ качествомъ, въ особенности крупа въ видѣ Индѣйскаго саго, способная замѣнять это питательное растеніе, и по дешевизнѣ могущая войти во всеобщее употребленіе, даже въ среднемъ классѣ народа.

На этой же фабрикѣ сдѣлано важное открытіе: выдѣлывать изъ картофельной муки клейкое вещество, могущее замѣнить камедь (гумми). Вещество это, по испытанію, оказалось весьма хорошимъ; производитель испрашиваетъ привилегію, и когда выдѣлка такой камеди распространится, о можетъ вытѣснить изъ государства камедь инземную,

которой получается теперь изъ-за границы на значительную сумму.

7-е. *Поташъ*, заводовъ губернскаго секретаря Нечаева и мѣщанки Матвѣевской, Тамбовскаго уѣзда близъ села Земетчинны; производится на первомъ до 7,000 пудовъ, а на послѣднемъ до 3,000 пудовъ; цѣна отъ 5 до 7 рублей пудъ.

Выдѣлка поташа распространилась здѣсь въ послѣднее десятилѣтіе; главный матеріалъ гречишная солома, которую послѣ молотбы пережигаютъ въ золу, и изъ золы уже дѣлаютъ поташъ. Обыкновенно, собираютъ съ десятины солома, по обжигкѣ, доставляетъ четверть золы. Заводчики преимущественно откупаютъ солому и пережигаютъ уже сами. Цѣна за собранную съ десятины солому отъ 2 до 3 рублей. Производство поташа доведено до возможнаго совершенства: золу насыпаютъ въ большіе чаны и выщелачиваютъ теплою водою; потомъ целовъ выпариваютъ въ чугунныхъ котлахъ, и наконецъ осадокъ обжигаютъ въ отражательныхъ печахъ, изъ коихъ поташъ насыпается въ бочки, и отправляется на продажу, преимущественно въ С. Петербургъ.

Количество производимаго Тамбовскою Губерніею изъ травяной золы поташа простирается до 60,000 пудъ. Этого поташъ имѣетъ крѣпости до 65°, и равняется добротою Американскому перлашу; только до сихъ поръ однако же продается на биржахъ 15% дешевле древеснаго. Производство скороднаго поташа и шадрика, по случаю уменьшенія льсова, оставлено. Желательно, чтобы кто либо изъ просвѣщеннѣхъ негодяитовъ, возстановилъ репутацію этого поташа, и уравнивалъ бы цѣны его съ древеснымъ, которому онъ въ достатокъ не уступаетъ.

8-е. *Пеньковылъ издѣлія*: парусина фабрики г. Нарышкина, состоящей въ Моршанскомъ уездѣ. Эта единственная въ Тамбовской Губерніи фабрика не замѣчательна, ни количествомъ, ни добротою издѣлій, а потому на промышленность здѣшнюю не имѣетъ ни какого вліянія. Вообще подобныя Русскія фабрики съ нѣкотораго времени находятся въ безвыгодномъ положеніи. Не должно ли отнести этого къ тому, что въ повѣншее время на иностранныхъ фабрикахъ сдѣлано много механическихъ улучшеній, облегчившихъ производство работъ и усовершенствовавшихъ издѣлія, тогда, какъ наши фабрики, остались при прежней ручной системѣ произ-

водства, и не могут выдерживать, ни въ цѣнахъ, ни въ добротѣ, соперничества съ иностранными.

9-е. *Издѣлія изъ льна:* полотно, батистъ, скатерти, салфетки, полотенцы и кружева, изъ домашнихъ заведеній Княгини Голицыной и г-жъ Андреевской, Полтавцовой, Бланкъ, Хруцовой, и другихъ.

Предметы сіи, излициостію отдѣлки, добротою, близкою и прочностію, по справедливости заслужили общую похвалу, но къ сожалѣнію производится еще въ маломъ количествѣ и въ продажѣ бывають весьма рѣдко. Они служатъ только доказательствомъ, что мы имѣемъ и хорошій матеріалъ, и искусныхъ ткачей, и довольно вкуса, но недостаетъ одного — предпринимчивости для устройства фабрикъ въ обширномъ видѣ, могущихъ скоро вытѣснить изъ Россіи подобныя издѣлія иностранныхъ.

Изъ этихъ издѣлій, полотна, салфетки и полотенцы Княгини Голицыной превосходили все прочія, и, вѣроятно, на первыхъ Европейскихъ выставкахъ заняли бы почетное мѣсто. На Московской выставкѣ, они также были первенствующими, осматриваемы особеннымъ вниманіемъ Государыни Императрицы, и нѣсколько кусковъ полотна взято къ Высочайшему Двору. Фабрика находится Моршанскаго уѣзда въ селѣ Соновкѣ; становъ 17.

Скатерти и десертныя салфетки г-жи Андреевской, особенно были излцины, заслужили одобреніе Государя Цесаревича, и причислены къ предметамъ, которые Его Императорскому Высочеству благоудочно было взять на выставкѣ для своего Двора.

Цѣны батисту и полотну назначены отъ 10 до 18 р. за аршинъ, а салфеткамъ и скатертямъ отъ 18 до 800 р. за штуку.

10-е. *Цѣтовки и рогожи,* производимыя въ уѣздахъ Спасскомъ, Темниковскомъ и Елатомскомъ, до нѣсколькихъ миліоновъ штукъ, необходимыя для кулей, въ которые набивается сплавляемый ежегодно съ Цинскихъ и другихъ пристаней, въ огромномъ количествѣ, хлѣбъ. Цѣна отъ 50 до 80 к. за штуку.

Фабрикаціи эта едва ли не самая древнѣйшая въ Россіи, и, вѣроятно, современна лаптямъ, въ которыхъ ходили наши предки. Нѣкоторые гг. публицисты, въ порывахъ заботливости о сбереженіи лѣсовъ, проектируютъ, вмѣсто кулей, шпательные мѣшки, но при томъ они не соображаютъ, что въ

мѣстахъ, обилующихъ лѣсами, липа не доставляетъ другой пользы, кромѣ лыкъ, и что истребленіе ея, тамъ, гдѣ она разсыпана по краснымъ лѣсамъ, и увеличивая собою чашу, препятствуетъ росту другимъ болѣе цѣннымъ деревьямъ, необходимо. Лѣсъ липовый, по простому народному выраженію, весьма «растучливъ», сильно «кустится», и чрезъ каждые двадцать лѣтъ порубки могутъ быть возобновляемы; старшія же цыповки и кули составляютъ превосходный матеріалъ для выдѣлки рисовальной и другой бумаги. А потому, не стѣсняя этого древняго промысла поселянъ, должно только пожелать, чтобы наши фабриканты обратили вниманіе на остатки кулей и цыповокъ, и открыли выдѣлку изъ нихъ бумаги, которую доселѣ покупаемъ еще изъ-за границы.

Къ произведеніямъ изъ царства растительнаго отнести также должно *медъ и воскъ*. Въ прежнее время продуктъ этотъ составлялъ важнѣйшую статью промышленности. Еще при Великихъ Князяхъ Русскихъ, Цескіе лѣса известны были по борному пчеловодству, и даже гербъ губерніи представляетъ улей съ пчелами, какъ эмблему особеннаго богатства этими пасткомыми. Съ умноженіемъ населенія, уменьшились и лѣса, чрезъ что сократилось борное пчеловодство. Нынѣ пчеловодство искусственное ограничивается 132,500 ульями; меду собирается не болѣе 50,000 пудовъ, и воску до 5,000 пудовъ; лучшій медъ получается изъ сѣверныхъ лѣсныхъ уѣздовъ.

Цѣна меду отъ 10 до 15 р. пудъ, а воску отъ 40 до 60 р. пудъ, всего на сумму до 900,000 р. Воскъ исключительно почти обращается на церковныя и столовыя свѣчи. Съ недавняго времени, просвѣщеннѣйшіе помѣщики стараются возобновить эту отрасль промышленности, посредствомъ образованія пчеловодовъ въ известной школѣ г. Прокоповича. Нѣсколько вышедшихъ изъ нея учениковъ занимаютъ уже съ успѣхомъ пчеловодствомъ, и сами учредили также небольшой школы. Все подаетъ надежду, что въ послѣдствіи пчеловодство здѣшнее можетъ достигнуть прежняго своего значенія.

Отдѣленіе произведеній изъ царства животнаго не было блестящее, но разнообразностію и богатствомъ могло украсить первѣйшія выставки въ Европѣ.

1-е. *Шерсть улуцкеной породы овецъ.* Изъ нихъ отличнѣйшая гг. Абазинскихъ, Бунина и Павлова, Анцыферова, Аблова, Головина, Грава Кушелева - Безбородко, Аршенев-

скаго и Сабурова. Последний из сих заводчиков доставил на выставку небольшое стадо мериносовъ, до 65 штукъ, которое и куплено тутъ же, овцы по 15 р. и бараны по 50 р. ассигнациями за штуку.

Мериносы, какъ замѣчено выше, умножаются здѣсь съ каждымъ годомъ. Количество доставляемой ими шерсти простирается уже до 3,500 пудовъ, на сумму до 150,000 р. Постепенное упрощеніе содержанія сихъ животныхъ даетъ возможность даже мелкопомѣстнымъ владѣльцамъ разводить ихъ, а ожидаемое размежеваніе земель ручается за умноженіе снокосовъ, посредствомъ введенія искусственнаго травосѣянія; тогда стада здѣшнія, и въ особенности мериносы, вѣроятно, увеличатся еще болѣе, и будутъ не только снабжать шерстью внутреннія фабрики, но могутъ еще составить запасы шерсти для вѣншей торговли.

2-е. *Пухъ Ангорскихъ козъ*, Князя Гагарина, Графа Кушелева-Безбородко, и г-жи Потуловой, бѣлизною и тонкостью волоса обратилъ на себя особенное всеобщее вниманіе.

Ангорскія козы разведены здѣсь весьма недавно; драгоценный пухъ ихъ обращается въ нити, для шалей и шалевыхъ каймъ. Цена пуху съ 250 до 400 р. пудъ. Судя по начальнымъ успѣхамъ въ разведеніи сихъ полезныхъ животныхъ, можно надѣяться, что въ короткое время Тамбовская губернія усвоитъ ихъ, и будетъ магазиномъ матеріала для драгоценныхъ шерстяныхъ издѣлій.

3-е. *Шерсть обыкновенныхъ овецъ*. Трудно опредѣлить число сихъ животныхъ. Русскія овцы, какъ необходимая принадлежность каждаго поселеннаго, издревле разводятъ повсемѣстно съ успѣхомъ, и доставляютъ народу пищу, одежду и обувь. Вѣроятно число овецъ простирается можетъ болѣе миліона головъ*. Количество собираемой шерсти простирается не менѣе 120,000 пудъ (на сумму до $1\frac{1}{2}$ милл. рубл.), изъ которыхъ $\frac{9}{10}$ употребляются обывателями на домашнія издѣлія, и $\frac{1}{10}$ поступаетъ въ продажу на здѣшнія суконныя фабрики.

4-е. Важнѣйшія издѣлія изъ шерсти, по обширности производства, и по числу занятыхъ рукъ и оборотнаго капитала,

* Въ Тамбовской Губерніи считается домовъ, поселеніямъ принадлежащихъ, до 140,000, а полагая, въ сложности, въ каждомъ домѣ по 8 овецъ, составить болѣе миліона штукъ.

суть солдатскія сукна, выдѣлка которыхъ водворилась здѣсь съ начала минувшаго столѣтія, и достигла такой степени, что ни одна губернія въ государствѣ не можетъ выдержать соперничества съ Тамбовскою.

А. *Сукна сине-сероватыя, темнозеленя и сѣрыя*, гг. наследниковъ коммерціи совѣтника Люпа. Фабрика находится Тамбовскаго уѣзда въ селѣ Анастасьевскомъ, Бондари тожъ; на ней до 550 становъ, въ томъ числѣ самоткацкихъ до 50. Механизмъ новѣйшаго изобрѣтенія приводится въ движеніе парами, и отчасти водою; число рабочихъ простирается до 3,200 душъ обоаго пола, въ томъ числѣ приписныхъ къ фабрикѣ и крѣпостныхъ людей до 1,050 мужескаго пола, прочіе же вольнонаемныя. Выдѣлывается сукна до 500,000 аршинъ, по въ случаяхъ надобности количество это можетъ быть увеличено вдвое.

Б. *Темнозеленое и сѣрое сукно*, наследниковъ сенатора Посникова; 160 становъ; выдѣлывается сукна до 80,000 аршинъ; машины и спарядъ, прежней установки, и приводятся въ движеніе лошадьми. Фабрика, Тамбовскаго уѣзда, въ селѣ Разсказовъ; крѣпостныхъ фабричныхъ крестьянъ до 800 душъ.

В. *Сукно сине-сероватое, темнозеленое и сѣрое*, капитана Полторацкаго, 115 становъ; производится до 100 т. арш.; машины новѣйшаго изобрѣтенія, приводятся въ движеніе лошадьми; фабричныхъ крестьянъ до 500 душъ.

Г. *Сукно темнозеленое и сѣрое*, почетнаго гражданина Мишина, 100 становъ; выдѣлывается сукна до 80,000 аршинъ; машины новѣйшаго изобрѣтенія, приводятся въ движеніе лошадьми; приписныхъ фабричныхъ крестьянъ до 350 душъ.

Двѣ эти фабрики находятся Тамбовскаго уѣзда въ селѣ Богословкѣ.

Д. *Сукна темнозеленое и сѣрое*, дворянина Тулинова; фабрика Тамбовскаго уѣзда въ дачѣ Львовой; становъ 80; производится сукна до 80,000 аршинъ; машины и спаряды новѣйшаго изобрѣтенія, приводятся въ движеніе водою и лошадьми; фабричныхъ приписныхъ крестьянъ до 300 душъ м. п.

Е. *Сукна, сине-сероватыя, темнозеленя и сѣрыя*, почетнаго гражданина Суворова; фабрика находится въ Снаасскомъ уѣздѣ; 80 становъ; выдѣлывается сукна до 80,000 аршинъ; машины и спаряды новѣйшаго изобрѣтенія, приводятся въ движеніе водою и лошадьми; приписныхъ крестьянъ до 250 душъ.

Ж. Сукна *тмлюзеленял и стрылъ*, фабрики наследниковъ Князя Голицына. Фабрика, Моршанскаго уѣзда, въ сель Сосновкѣ; 60 станковъ; машины и снаряды повѣйшаго изобрѣтений; выдѣлывается сукна до 20,000 арш.; крѣпостныхъ крестьянъ до 150 дунѣ.

На всѣхъ означенныхъ фабрикахъ строеніе, болѣею частью, каменное, крытое желѣзомъ, въ которомъ соединены всѣ удобства для рабочихъ.

Солдатскія сукна дѣлаются по даннымъ отъ Правительства образцамъ, а потому, хотя въ представленныхъ на выставку отъ гг. фабрикантовъ сукнахъ и не было замѣтно особеннаго разнообразія, но по ближайшемъ соображеніи, нельзя было не отдать преимуществъ сукнамъ г-жи Лионъ. Эта фабрика употребляетъ всѣ средства къ усовершенствованію своего издѣлія. На одной только этой фабрикѣ введены паровыя машины, приводящія въ быстрое движеніе всѣ аппараты; устроены самоткацкіе станки, ускоряющіе производство работъ и улучшающіе выдѣлку сукна; дѣлаются необходимыя машины и снаряды повѣйшаго изобрѣтений. Фабрика время отъ времени получаетъ болѣе благоустроенный видъ.

Нельзя также не отдать справедливости и прочимъ гг. фабрикантамъ за попеченія ихъ объ улучшеніи быта рабочихъ, и пожертвованія къ устройству спокойныхъ и здоровыхъ помѣщений. Въ особенннсти гг. Малинъ и Полторацкій сдѣлали, по системѣ Герарда, для всѣхъ фабричныхъ крестьянъ каменные дома, и поселенія ихъ фабрикъ получили видъ чистыхъ и благообразныхъ городковъ, которые свидѣтельствуютъ о благосостояніи фабричныхъ крестьянъ. Одна только фабрика наследниковъ Посникова остается неподвижна въ улучшеніяхъ, и время отъ времени сокращаетъ производство; видныя причины тому: сложное управленіе, по случаю кончины владѣльцевъ, и потрясеніе необходимаго при всякомъ фабричномъ производствѣ кредита.

Средства Тамбовскихъ суконныхъ фабрикъ такъ обширны, что въ случаѣ надобности одніи онѣ могутъ производить столько сукна, сколько потребно будетъ для нижнихъ чиновъ всей арміи и флота. Теперь же вообще фабрикація эта доставляетъ производителамъ вѣрную прибыль, обезпечиваетъ значительную массу народа надежнымъ пропитаніемъ, и ожи- вляетъ здѣшнюю торговлю оборотомъ важныхъ капиталовъ.

5-е. Сукна и ткани *крестьянскія*, изъ простой овечьей шерсти, представлены изъ имѣнія Графа Кушелева-Безбородко, Борисоглебскаго уѣзда, и отъ нѣкоторыхъ гг. земскихъ исправниковъ.

Подобныя издѣлія производятся почти въ каждомъ домѣ поселеннаго, и служить для одежды миллиона пяти сотъ тысячъ душъ, а потому и количество ихъ должно быть весьма огромно (до 5 милл. аршинъ), но въ продажѣ на торгахъ и ярмаркахъ бывають не значительными партіями, цѣною отъ 40 до 80 к. аршинъ; потребляется все почти внутри губерніи.

Нѣкоторыя изъ сихъ тканей, въ особенннсти для одежды женщинъ и для кушаковъ, довольно изыщны, и показываютъ значительную степень искусства; въ особенннсти замѣчательны были полосатыя ткани на подобіе стаеда, отличавшіяся, какъ яркостію красокъ, такъ и тонкостію полотна.

6-е. *Половики полосатыя и узорчатые*, капитана Полторацкаго, дѣлаемые на суконной его фабрикѣ изъ бракованной шерсти и стрижки; цѣна отъ 80 к. до 1 р. 50 к. аршинъ; производится отъ 2 до 5,000 арш.—Г. Полторацкій такіе половики дѣласть по заказу для столичныхъ магазиновъ, въ особенннсти въ С. Петербургѣ для Англійскаго, гдѣ они продаются, можетъ быть, за иностранцыя, и въ нѣсколько кратъ дороже противъ настоящей цѣны. Полотно и краски особенно хороши, и на выставкѣ не было другихъ подобныхъ.

7-е. *Ковры разной величины*. Количество доставленныхъ на выставку ковровъ простиралось до 150-ти.

Замѣчательнѣйшіе, по величинѣ, изыщности работъ и цѣности, были: коверъ, шитый по канвѣ гарусами г-жи Полтавцовой, въ 1500 руб.; коверъ двуличный, на подобіе Персидскія, г. Пущина, въ 300 р.; отдѣланный подъ бархатъ, г. Полторацкаго, 80 руб.; прочіе же ковры гг. Норова, Бунина, Павлова, Бланкъ, Тютчева, Мниихъ, Зацѣпина, Выше-славцевой, Воейковъ, Жемчужникова, Рахманиновой, Житовой, Солтыковой, Дроздовой и Ушаковой, цѣною отъ 40 до 300 р., отличались хорошими узорами, искуснымъ подборомъ тѣней, свѣжестью красокъ и прочностію полотна; цѣны назначены были весьма умѣренныя, и потому всѣ почти тутъ же и раскуплены.

Коврное производство въ Тамбовской Губерніи весьма обширно. Оно, въ каждомъ почти помѣщичьемъ домѣ, составляетъ какъ-будто необходимое рукодѣлье, для развлеченія

молодых хозяек, и занятие довольно еще многочисленной дворни.

Значительная партия ковров отправляется уже ежегодно на Нижегородскую ярмарку, и, конечно, в скором времени могут вытеснить из России ковры иноземные.

8-е. *Издѣлія изъ тонкой шерсти мериносовъ*, сукно черное, темнозеленое и суровое, подполковника Айгустова; фабрика, Елатомскаго уѣзда, въ селѣ Просляныхъ Полнахахъ; 11 становъ; выдѣлывается до 9 т. аршинъ; цѣною отъ 15 до 18 р. арш.; работники крѣпостные люди.

Хотя мѣстное положеніе губерніи благоприятствуетъ учрежденію здѣсь фабрикъ для тонкихъ суконъ, по ограниченное число потребителей этого издѣлія (до 10,000 душъ), ненадежность въ скоромъ сбытѣ, а отъ того и застою оборотнаго капитала, донынѣ останавливаютъ еще предпримчивыхъ капиталистовъ. Въ послѣдствіи, вмѣстѣ съ успѣхами просвѣщенія и умноженіемъ народнаго богатства, возникнутъ фабрики и этого рода; лучшее поощреніе къ тому увѣренность въ сбытъ издѣлія.

9-е. *Шерстяныя ткани вязаныя, шитье по камей и шальевыя каймы* Княгини Волковской, Княгини Голицыной, Княгини Гагариной, г-жѣ Языковой, Жемчужниковой, Сабуровой, Полторацкой, Павловой, Бланкъ, Рахманиновой и Шиловской, были весьма замѣчательны, и представляли образцы высокаго совершенства; въ особенности шитый портретъ Императрицы Александры Федоровны, г-жи Павловой, и шальевыя каймы г-жи Языковой.

Производство сихъ работъ, хотя на промышленность губерніи и не имѣетъ особеннаго вліянія, но, по крайней мѣрѣ, вызываетъ склонность къ художеству даже дворянскаго сословія, и служитъ представителемъ занятій нашихъ помѣщиковъ въ ихъ семейной жизни.

10-е. Выдѣланныя кожи въ разныхъ видахъ, *портъ, подшель, опойки, сафьяны*, и т. п., кушача Бородина, Матвѣева, и другихъ, съ заводовъ Тамбовскихъ, Моршанскихъ, Борисоглебскихъ и Разказовскихъ, отъ 6 до 20 р. за штуку. Также разныя издѣлія изъ кожъ, сапоги, башмаки, рукавицы, конская упряжь, и т. п., ремесленниковъ Тамбовскихъ, Моршанскихъ и Разказовскихъ.

Кожевенные заводы и ремесло дѣлать изъ кожъ разныя вещи возникли здѣсь вмѣстѣ съ первымъ населеніемъ, и рас-

пространясь постепенно, достигли до того, что теперь удовлетворяютъ вполне потребности народа.

Главнѣйшіе кожевенные заводы находятся въ Тамбовѣ, чиновника Евсюкова, и въ Тамбовскомъ уѣздѣ помѣщика Миллера; обороты обоихъ простираются до 120,000 рублей. — На первомъ изъ сихъ заводовъ заготовляется важное количество юфти, а на послѣднемъ выдѣлывается отличныя подошвы, извѣстныя въ продажѣ подъ названіемъ Миллеровскихъ.

11-е. *Овчины разныхъ родовъ*, выдѣланныя обыкновеннымъ способомъ и посредствомъ дубленія. Также и сырья мерлушки.

Выдѣлка овчинъ издревле знакома была нашимъ предкамъ и всегда удовлетворяла потребностямъ народа. Теперь она вошла въ число ремеселъ, знакомыхъ почти каждому поселенцу. Дубленіе овчинъ также изобрѣтеніе не новое, но оно не могло распространиться паравнѣ съ обыкновенною выдѣлкою, потому только, что для производства требуется болѣе труда и времени. Мерлушки поступаютъ въ продажу въ сыромъ видѣ, и составляютъ важную статью отпускаемыхъ изъ губерніи, товаровъ. Главная промышленность мерлушками сосредоточивается въ городѣ Спаскѣ, изъ котораго отправляется оныхъ ежегодно въ Кяхту отъ 800,000 до милліона штукъ; обыкновенныя цѣны отъ 35 коп. до 1 руб. за штуку.

12-е. *Свиное говяжье сало*, заводовъ почетнаго гражданина Кожина, купца Мандрыкина, и другихъ.

Говяжьего сала вытапливается въ губерніи (какъ означено выше) до милліона пудъ. Скотъ покупаютъ преимущественно на земляхъ Донскаго и Черноморскаго Войска, въ Кавказской области, и въ губерніяхъ Астраханской и Саратовской, на луговой сторонѣ Волги, а частію у Киргизовъ. Пригоняютъ его въ губернію въ началѣ Іюля, и откормивши на степяхъ (нарочно отпускаемыхъ для того заводчиками), бьютъ съ 1-го Сентября по 15 Октября. При хорошемъ пагулѣ получаетъ сала отъ быка до 7, а отъ коровы до 5 пудъ.

Русское сало качествомъ доселѣ не можетъ выдерживать соперничества съ иностраннымъ, и продается на главныхъ заграничныхъ рынкахъ дешевле отъ 15% до 20%. Единственная тому причина нынѣшній способъ выгонки, по которому гг. заводчики, не заботясь о добротѣ, стараются только увели-

чит количество выхода. Для сего, вмѣстѣ съ саломъ, кладутъ въ тонилыя котлы кости, и другія жилистые и мясныя части животныхъ, содержащая въ себѣ клей, который при перетопкѣ, соединяясь вмѣстѣ съ саломъ вредитъ его добротѣ и бываетъ главною причиною происходящей отъ салыныхъ свѣчъ копоти и неприятнаго запаха. Правительство желало улучшить производство этого важнаго продукта, и на сей конецъ предлагало главнѣйшимъ заводчикамъ выписать изъ Брюсселя, посредствомъ агента Министерства Финансовъ по части мануфактурной, Барона Мейендорфа, искуснаго мастера и улучшенные снаряды. Но заводчики, по предрасудкамъ, а болѣе по ошибочному опасенію, отъ уменьшенія вытопки сала понести убытки, не изъявили на то согласія. Личная польза есть надежнѣйшее средство къ поощренію всякаго производства, и потому можно надѣяться, что гг. заводчики, по мѣрѣ убѣжденія въ возможности извлекать особымъ способомъ изъ костей и жилистыхъ частей скота клей и бульонъ, цѣнныя не менѣе сала, не будутъ болѣе смѣшивать этихъ разнородныхъ продуктовъ, и вредить одному на счетъ другаго.

13-е. *Сальныя свѣчи*, заводовъ купцовъ Мандрыкина и Сушорова; цѣна до 14 р. пудъ.

Сальныя свѣчи дѣлаются въ губерніи повсемѣстно и въ достаточномъ количествѣ. Качество ихъ непосредственно зависитъ отъ качества сала. Лучшіе свѣчные заводчики очищаютъ и вытапливаютъ сало сами. Процессъ сего очищенія весьма простъ: отъ убитой скотины обрѣзываютъ одно сало, отнюдь не касаясь жилистыхъ и мясныхъ частей; такое сало кладутъ въ чаны, наполненные проточною водою, и посредствомъ промычки нѣсколько разъ отдѣляютъ кровяныя части, а потомъ, выжавши до суха, стапливаютъ обыкновеннымъ образомъ. Правда, что этимъ способомъ противъ вышеозначеннаго получается сала менѣе на 10%, но за то оно лучше качествомъ, и свѣчи, изъ него выдѣланныя, продаются дороже обыкновенныхъ 10%.

14-е. *Мыло*, заводовъ Тамбовскихъ, Моршанскихъ и Борисоглебскихъ. Изъ нихъ лучшее было купца Буразова, по 10 р. 50 к. пудъ.

Мыльныхъ заводовъ также довольно, которые вполне удовлетворяютъ потребности губерніи, по высококачественнаго сорта не производятъ. Главнѣйшій матеріалъ для мыла бракованное

говяжье сало, рыбій жиръ и зола гречишной соломы; поташу и шадріку не употребляется.

15-е. *Клей*, выдѣлываемый изъ бараньихъ ножекъ, завода Тамбовскаго купца Оводова; производится до 500 пудъ; цѣна отъ 10 до 12 р. пудъ.

Бараньи ножки покупаются на бойняхъ отъ 8 до 12 р. за тысячу; получаемый изъ нихъ клей уступаетъ качествомъ мездринному и имѣетъ неприятный запахъ.

Производство въ Тамбовской губерніи мездриннаго клея соответствуетъ числу кожевенныхъ заводовъ; важнѣйшій клеевой заводъ находится, Моршанскаго уѣзда, въ селѣ Большомъ Ламовицѣ, и принадлежитъ помѣщику Таирову. — Способъ Таирова для выдѣлки клея состоитъ въ слѣдующемъ: въ обыкновенный, скрѣпленный желѣзными обручами чанъ, на два вершка отъ дна, вставляется проволочная рѣшетка, между которою и дномъ оставляется пустота, и для стока изъ оной жидкости, вдѣлывается край; на рѣшетку кладутъ очищенную мезду, и потомъ чанъ закрываютъ плотно крышкою, съ твердыми закрѣпками. Вблизи этого чана устроены паровой котелъ, изъ коего проводится въ крышку чана металлическая трубка; по сей трубкѣ паръ, проходя въ чанъ, распариваетъ мезду, которая постепенно превращается въ жидкость, стекаетъ сквозь внутреннюю рѣшетку чана въ край, и образуетъ чистый, прозрачный бульонъ; онъ скоро застываетъ, и потомъ разбивается на квадраты, и по высушкѣ поступаетъ въ продажу.

Выдѣланный такимъ образомъ клей отличается отъ обыкновеннаго видомъ и крѣпостію, и продается дороже 20%.

16-е. *Мозговое масло* купца Оводова, добываемое на клеевомъ его заводѣ изъ мозговъ, въ бараньихъ ножкахъ заключающихся; производится до 100 пудъ, и поступаетъ на сукошныя фабрики для смазки машинъ; цѣна по 10 р. пудъ.

17-е. *Черная краска*, выдѣлываемая на томъ же заводѣ изъ пережженныхъ костей и копытъ бараньихъ ножекъ, остающихся послѣ выварки клея; употребляется на разныя малярныя работы; цѣна отъ 2 до 3 р. пудъ.

18-е. *Сыръ*, наподобіе Голландскаго, Швейцарскаго и Пармезана, дѣлаемые въ значительномъ количествѣ въ имѣніи г. Карачинскаго, въ Елатомскомъ уѣздѣ, отъ 20 до 40 р. пудъ.

Промышленность эта находится в Тамбовской Губернии, в младенческом состоянии, и досель польза от коровь ограничивается только одним маслом, коего обыкновенно собирается в годь от каждой коровы по одному пуду. Удачные опыты несплошных агрономов в выдѣлкѣ сыра обнадеживаютъ, что в послѣдствіи можетъ возникнуть здѣсь производство масла, и увеличить в нѣсколько кратъ доходы отъ скотоводства, въ особенности тогда, когда совершится размежеваніе земель, и введено будетъ искусственное травосѣяніе. Сыръ г. Карачинскаго удовлетворитъ самому прихотливому вкусу г. гастрономовъ, и признанъ превосходнымъ.

19-е. *Палантинги, пелераны, босы, и т. п.*, изъ пуха Индѣйскихъ куръ, помѣщицы Хардиной.

Искусство дѣлать изъ пуха и перьевъ птицъ разные для одежды вещи не новое, и кажется перенято отъ полуиндѣйскихъ Американцевъ и Сибириковъ, но труды г-жи Хардиной, какъ единственной производительницы этихъ издѣлій, заслужили общее одобреніе. Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ соизволилъ взять двѣ штуки этого издѣлія собственно для себя, а остальные все тутъ же раскуплены публикою по утѣренннымъ цѣнамъ. Впрочемъ, нельзя ожидать, чтобы подобная промышленность получила гдѣ либо значительное развитіе, по причинѣ многосложности работъ и утраты издѣлій.

Отдѣленіе произведеній изъ царства животнаго заключало животныхъ въ натуральномъ видѣ:

1-е. *Лошади*, завода г. Воейкова, числомъ 12. Изъ нихъ примѣчательнѣйшій рысистый жеребецъ Лебедь, выигравшій на Московскихъ и Лебединскихъ бѣгахъ многіе призы и золотую медаль, цѣнимый заводчикомъ въ 50,000 р. Заводъ находится Тамбовскаго уѣзда въ селѣ Лавровкѣ; матокъ 125, жеребцовъ 18, молодыхъ и ремонтныхъ лошадей 262. Ремонтныя лошади отъ 1000 до 6000 р., заводскіе жеребцы отъ 7,000 до 50,000. Конюшни каменные, крытыя желѣзомъ; конюхи крѣпостные люди.

2-е. *Десять лошадей*, завода Графа Кутайсова. Изъ нихъ примѣчательнѣйшій жеребецъ, рысистой породы, роста 2 арш. и 9 вершк., превосходно сложенный, цѣною 25,000 р. Заводъ въ Тамбовскомъ уѣздѣ; матокъ 100, жеребцовъ 12, ремонтныхъ и молодыхъ лошадей 238; ремонтныя лошади цѣною отъ 600 до 5000 р., заводскіе жеребцы отъ 5000 до

25,000 р. Изъ этого завода, Государь Наслѣдникъ изволилъ принять двухъ жеребцовъ, и пожаловалъ управляющему заводомъ богатую табакерку.

3-е. Помѣщицы Полтавцовой *восемь лошадей*, цѣною отъ 800 до 2000 рублей. Заводъ Моршанскаго уѣзда въ селѣ Гагаринѣ.

4-е. *Рогатый скотъ*, завода умершаго бригадира Панкова, а нынѣ г-жи Андреевской, 4 быка, 4 коровы и 2 теленка. Изумительной величины изъ нихъ быкъ рыже-пѣтій, Жеманшій, вышиною 2 арш. 5½ вершк., въ 4000 р., и корова Миловидная, вышиною 2 ар. 3 вершк. въ 3000 р. Заводъ Панкова былъ одинъ изъ важнѣйшихъ въ государствѣ, и принесъ великую пользу Тамбовской Губерніи распространеніемъ хорошей породы рогатаго скота. Находится въ Моршанскомъ и частію Кирсановскомъ уѣздахъ.

5-е. 30-ть *тонкорунныхъ овецъ*, 30 *ягнятъ* и 3 *барана*, г. Сабурова. Заводъ Тамбовскаго уѣзда. Цѣна овцамъ 25 р., баранамъ 50 р. за штуку.

6-е. *Свинья*, завода г. Сабурова, замѣчательна необыкновенною величиною; цѣною 70 р. Дешевизна хлѣбнаго корма представляетъ особенныя выгоды для разведенія свиныхъ стадъ, и хотя число сихъ животныхъ разныхъ породъ довольно велико, но досель еще не учреждено нигдѣ особыхъ заведеній для заготовленія ветчины, колбасовъ, и т. п., весьма цѣнныхъ въ столицахъ. И потому свинья мяса отправляются туда свѣжими, и уже на мѣстѣ дѣлаютъ изъ нихъ разные припасы, не рѣдко встрѣчаемые въ продажѣ подъ названіемъ иностранныхъ. Главнѣйшій пунктъ торговли свиному находится Лебедянскаго уѣзда, въ бывшемъ городѣ Добромъ.

Къ отдѣленію произведеній художествъ отнесены все *механическія, столярныя, рѣзные, токарныя и живописныя издѣлія*. Изъ этого разряда важнѣйшее было машины и орудія, изобрѣтенныя въ губерніи, и по опытамъ оказавшіяся весьма полезными.

1. *Машина для сученія нитей*, назначаемыхъ въ покровникъ сукнамъ, изобрѣтенная механикомъ Беланже и дѣйствующая на фабрикѣ г-жи Люпы. Механизмъ весьма замысловатъ и вполне соответствуетъ назначенію. Нити выходятъ сученыя ровно, и въ количествѣ потребномъ для основы цѣлой полойки.

2-е. Две модели пильных машин, с крупными и продолжительными пилами, его же г. Беланже. Из них первая устроена на фабрике г-жи Люпъ, с приводомъ къ паровой машинѣ, и дѣйствуетъ съ отличнымъ успѣхомъ; послѣдняя же имѣетъ назначеніе готовить разныя необходимыя для аппаратовъ фабрики штуфы, и отличается особою вѣрностію круглой распилки.

3-е. *Наколотка для кардъ*, сдѣланная на фабрике г. Полторацкаго крѣпостнымъ его человекомъ. Машина эта отличается отъ подобныхъ ей малосложностію и вѣрностію наковки.

Государь Наслѣдникъ изволилъ внимательно разсматривать сіи машины, въ полномъ ихъ дѣйствіи, почтилъ изобрѣтателей милостивымъ привѣтомъ и дѣлалъ сравненія съ другими подобными машинами, представленными Его Высочеству въ разныхъ мѣстахъ, въ особенности на Александровской мануфактурѣ.

4-е. *Глино-алтмал машина*, изобрѣтенная Княземъ Волконскимъ. Устройство подобныхъ машинъ на заводахъ могло бы ускорить выдѣлку кирпича, и понизить цѣны на этотъ необходимый въ быту народа матеріалъ.

5-е. *Вялки, молотилки и разныя земледѣльческія орудія*: плуги, сохи, запашники и бороны гг. Маслова, Аблова, Бунина, Павлова, Князя Волконскаго, Прибыткова, Филатова и Огарева, сдѣланныя въ губерніи, по моделямъ и рисункамъ извѣстныхъ механиковъ Бутеновъ, и другихъ.

Улучшенныя земледѣльческія орудія, и разныя относящіяся къ сельскому хозяйству машины, хотя и распространяются съ каждымъ годомъ, но исключительно только въ помѣстьяхъ дворянъ, 370,000 свободныхъ поселянъ, и столько же крѣпостныхъ крестьянъ, обрабатываютъ поля свои наслѣдованными отъ предковъ способомъ, и древними орудіями, требующими значительнаго улучшенія.

Успѣхи просвѣщенія и промышленности рвутся и за скорое улучшеніе сельскаго хозяйства, въ особенности въ такомъ случаѣ, когда совершится предполагаемое спеціальное размежеваніе земель.

6-е. *Соломенные ульи для теля*, гг. Аблова и Маслова. По общепринятому древнему обычаю, ульи для пчелъ дѣлаемы были досель изъ толстыхъ деревянныхъ колодъ. Уменьшеніе лѣсовъ заставило нѣкоторыхъ пчеловодовъ искать сред-

ства замѣнить деревянные ульи другими, и въ этомъ отношеніи труды гг. Аблова и Маслова хотя и достойны одобренія, но, по замѣчанію извѣстнаго пчеловода Прокоповича, которому сообщены были описанія сихъ ульевъ, не достигаютъ еще цѣли до сихъ поръ. Изобрѣтенные г. Прокоповичемъ еще цѣли до сихъ поръ. Изобрѣтенные г. Прокоповичемъ дощатые ульи, наподобіе ящичковъ, считаются лучшими.

7-е. *Образы, портреты и разныя картины*, учителя живописи въ Тамбовской Гимназіи г-на Куракина.

Г. Куракинъ получилъ образованіе подъ руководствомъ академика Кипренскаго, и съ успѣхомъ занимается церковною и портретною живописью.

8-е. *Портретъ Государя Наслѣдника*, на финифти, крѣпостнаго человека г-жи Андреевской, замѣчательнъ былъ особеннымъ сходствомъ и роскошною отдѣлкою. Портретъ сей поднесенъ былъ Его Императорскому Высочеству, и принятъ имъ благоклонно.

9-е. *Серебряный церковный подвѣшникъ*, вѣсомъ два пуда, издѣліе того же мастера; замѣчательнъ былъ изящностію отдѣлки.

10-е. Деревянный, рѣзный, вызолоченный, разныя принадлежности къ иконостасу, рѣзчика, Тамбовскаго купца, Наумова, обратили общее вниманіе, и заслужили всемілостивѣйшее одобреніе Государя Наслѣдника. Г-нъ Наумовъ пріобрѣлъ извѣстность искусствомъ въ устройствѣ церковныхъ иконостасовъ.

11-е. Четырехъ-мѣстная *карта* Тамбовскаго купца Оводовъ, цѣною въ 3,000 р., замѣчательна была особенною тщательностію отдѣлки и легкостію хода. Г. Оводовъ распространялъ свою мастерскую, и исправнымъ выполненіемъ заказовъ пріобрѣлъ лестное довѣріе публики.

12-е. *Великокопная пирамида изъ сахарныхъ конфетовъ*, кандидата Грумма, замѣчательна была искусною отдѣлкою и рисовою гениевъ, и другихъ зоологическихъ эмблемъ, и цѣнилась въ 500 рублей.

ОТКРЫТИЕ АМЕРИКИ

ХРИСТОФРОМЪ КОЛУМБОМЪ.

«Во имя Господа нашего Иисуса Христа.
 «Высокіе, благочестивѣйшіе, великіе и могущественные Государи, Король и Королева Испаніи и морскихъ острововъ, наши повелители и властители! Сего 1492 года, когда Ваши Величества окончили войну противъ Мавританъ, обладавшихъ въ Европѣ, и заключили сію войну въ великомъ градѣ Гренадскомъ, гдѣ сего года, 2-го дня мѣсяца Января, видѣлъ я, вознесенное силою воинства, королевское знамя Вашихъ Величествъ, на башняхъ Альгамбры, составляющей крѣпость рѣченнаго града, видѣлъ и Короля Мавританскаго, въ градскихъ вратахъ, лобызавшаго августѣйшія длани Вашихъ Величествъ и Его Высочества Принца, и когда, по извѣстїямъ, предложеннымъ отъ меня Вашимъ Величествамъ объ Индійскихъ земляхъ, и ѣздомъ Государь, именуемомъ *Великій Ханъ* (Gran Can), что означаетъ на нашемъ языкѣ, по просторѣчїю, Царь Царей, и о томъ, что многократно онъ и его предѣстники посылали въ Римъ, требуя учителей нашей Святой Вѣры, да изъяснятъ имъ оную, и поелику Св. Отецъ не удовлетворилъ симъ требованїямъ, и столь много народовъ гибнетъ, вѣруя идо-

лопоклонству и идя путемъ зловѣрія, Ваши Величества, яко православные христіане, благовѣрные государи и распространители Св. Вѣры Христіанской, и враги секты Мугаммеда и всѣхъ идолослуженій и ересей, помыслили послать меня, Христофора Колумба, въ рѣченныя страны Индійскія, дабы видѣть рѣченныхъ Государей, и народы, и земли, и ихъ расположеніе, и состояніе всего, и способы, какіе можно имѣть для обращенія ихъ въ нашу святую вѣру. Вы не повелѣли мнѣ идти на востокъ сухимъ путемъ, какъ было сіе производимо доныпѣ, но, напротивъ, взять дорогу на западъ, по которой не извѣстно намъ до сихъ поръ утвердительно, ходили-ли кто прежде. Въ слѣдствіе сего, послѣ изгнанія Иудовъ изъ своихъ королевствъ и владѣній, Ваши Величества приказали мнѣ, въ вышеозначенномъ мѣсяцѣ Январѣ, отправиться съ достаточнымъ флотомъ въ рѣченныя Индійскія страны. И при семъ случаѣ пожаловали вы мнѣ великія милости, и облагородили меня, такъ, чтобы впредь именовался я *донъ*, и былъ великимъ адмираломъ морей Океанскихъ, и вице-роемъ и безсмѣннымъ губернаторомъ всѣхъ острововъ и материковъ, коихъ учиню я открытіе и покореніе, и коихъ учинять впредь открытіе и покореніе въ рѣченныхъ моряхъ Океанскихъ, и утвердили вы, чтобы мнѣ наследовалъ старшій сынъ мой, и такъ послѣдовало изъ поколѣній въ поколѣніе навсегда. Отправился я изъ города Гренады въ субботу, 12-го дня Мая, того-же 1492 года, и прибылъ въ городъ Палось, приморскую гавань, гдѣ устроилъ три корабля, приличные для повелѣннаго предпрїятія, и отплылъ изъ означеннаго порта, достаточно снабженный припасами и морскими людьми, въ пятницу 3-го дня Августа, того-же года, за полчаса до восхожденія солнца, и слѣ-

довалъ я путемъ къ Канарійскимъ Островамъ, принадлежащимъ Вашимъ Величествамъ, и находящимся на рѣченномъ морѣ Океанѣ, дабы направить отголѣ путь мой, и плыть, доколѣ не достигну Индіи, для выполненія посольства Вашихъ Величествъ къ тамошнимъ Государямъ и исполненія всего повелѣннаго Вами. Для сего предположилъ я въ мысляхъ тщательно описывать сіе мое путешествіе, и повѣствовать изъ дня въ день все, что сдѣлаю или увижу, и все, что случится со мною, такъ, какъ значится сіе далѣе. Притомъ, Великій Государь и Великая Государыня, сверхъ предположеннаго мною намѣренія записывать еженощно, что произошло днемъ, и ежедневно мое ночное плаваніе, намѣренья я составлять новую морскую карту, на которой означу опредѣленіе всего моря и всѣхъ земель Океанскихъ, въ ихъ надлежащемъ положеніи, подъ ихъ вѣтрами, и въ относительномъ ихъ направленіи, сочинилъ такую книгу, въ которой изображу ихъ подобіемъ живописнымъ, по широтѣ равноденственной линіи и долготѣ западной. Мнѣ должно забыть сонъ, и постоянно изучать мое странствованіе, для выполненія всѣхъ обязанностей, на меня возложенныхъ, что составитъ немалый трудъ.»

Такъ началъ журналъ, или дневникъ своего *перваго путешествія* Христофоръ Колумбъ, въ самый первый день своего отплытія отъ береговъ Испанскихъ.

Вильменъ, поэтъ душою, и столь-же ораторъ краснорѣчивый, сколь критикъ проницательный, говорить, разсматривая Словесность Испанскую XV-го вѣка *: «Испанія сего столѣтія не представляетъ намъ ни одного изъ памятниковъ литературы само-

* Littérature du moyen âge, лекція 24-я, курса литературы 1830 года.

бытныхъ и долговѣчныхъ, выражающихъ собою геній народа: литература была пикольная, не гениальная — она производила, не создавала. Если хотимъ отдохнуть послѣ нашего продолжительнаго и безплоднаго обозрѣнія, и найти въ Испанскомъ языкѣ того времени сочиненіе великое, созданіе прочное изяществомъ, надобно обратиться къ людямъ дѣйствовавшимъ и производившимъ великое въ жизни общественной. Одинъ изъ нихъ не былъ даже Испанецъ по рожденію: онъ употреблялъ Испанскій языкъ, какъ орудіе, найденное имъ въ Испаніи, какъ необходимо, чтобы заставить понимать себя: это былъ Христофоръ Колумбъ. Не остановлюсь сказать смѣло, что сей иностранецъ, поздно научившійся по-Испански, въ переговорахъ и предложеніяхъ, которые велъ и представлялъ онъ, убѣждал современниковъ въ существованіи Новаго Свѣта, былъ самый краснорѣчивый человекъ Испаніи его времени. И это было потому, что онъ обладалъ великими идеями, потому, и это еще важнѣе, что онъ былъ проникнутъ восторгомъ: *Spiritus Dei ferebatur super aquas* (Духъ Божій носался верху воды). Внѣшнія формы искусства, длинныя, ученныя фразы наполняли дотолѣ Испанскія лѣтописи. Съ Колумбомъ начинается высокое, простота въ величіи. Желалъ-бы я видѣть, не только все, что писалъ Колумбъ для объясненій своихъ, для защищенія себя, но все, что было сказано имъ во время его продолжительныхъ ожиданій, его страданій, все его краснорѣчивыя предположенія, его высокія доказательства, его живые отвѣты поверхностнымъ, или завистливымъ умамъ, сомнѣвавшимся въ его геніи. Желалъ бы я узнать все, что сохранилось еще изъ протоколовъ совѣщаній Колумба, въ монастырь Саламанкскомъ, съ монахами, противопоставлявшими

его предпріятію тексты Св. Писанія и выводы изъ Птоломеевой космографіи. Какъ-бы усладительное было — видѣть этого великаго человѣка, исправляющаго своими высокими способностями неполныя свѣдѣнія древней географіи, уничтожающаго смѣльми и новыми видами ложныя познанія, и потомъ вооруженнаго въ свой чередъ восторженною вѣрою противъ вѣрованій невѣжественнаго и робкаго; видѣть этого человѣка, утверждающаго свои мнѣнія также на Св. Писаніи, не для того, чтобы остано- вить, но чтобы раздвинуть, возвысить умъ человѣчества изъясненіемъ словъ Пророка: *Multi petransi- bunt, et multiplex erit scientia*, чтобы видѣть въ сихъ словахъ предвѣщаніе своихъ открытій, и вѣрить внушенію Библіи въ томъ, что избобрѣлъ его гений! — Если у насъ не достаетъ всѣхъ сихъ памятниковъ Колумба, мы имѣемъ, по крайней мѣрѣ, дневникъ путешествія Колумба, и нѣкоторыя изъ его защищеній и просьбъ. Дневникъ его проникнуть живымъ впечатлѣніемъ красотъ природы и пламеннымъ благочестіемъ. Вотъ еще примѣръ, что даже въ наукахъ великое создается воображеніемъ и восторгомъ. Соединилъ смѣлость, скажемъ болѣе — цельность умозрѣній съ безконечными уравненіями цифръ, Кеплеръ достигъ своихъ великихъ открытій. Душѣ надобно ощущать потребность поэтическаго порыва для достиженія великаго. Колумбъ болѣе Кеплера обладалъ этимъ сгибомъ воображенія величественнаго и мистическаго, этою наклопностью чудеснаго, перенесенною въ науку. — Согласимся, что если мы хотимъ всѣми нашими силами сдѣлать что нибудь, намъ необходимо ставить предѣль возможности далѣе того, что мы въ самомъ дѣлѣ сдѣлать можемъ. Въ Средніе Вѣки, многія химическія тайны найдены были посредствомъ мечтаній алхиміи. И

Колумбъ искалъ не только пути въ Индію, не только острова Сипанго, не только Новаго Свѣта — онъ искалъ Рая. Уже послѣ первыхъ своихъ открытій, полный радости, онъ утверждалъ, въ письмахъ къ Фердинанду, что скоро откроются предъ нимъ великія рѣки, коихъ источникъ скрывается въ Эдемѣ, и что новыя земли, имъ открытыя, должныствуютъ, возвышаясь, склоняться потомъ къ воздухамъ очищеннымъ, гдѣ природа совершенна, жизнь блаженна, и — со всею логикою знанія, онъ рассуждалъ о сей благочестивой надеждѣ. Живое чувство природы, простота поэзіи, восторгъ, мечтающій объ идеальномъ мірѣ за новооткрытымъ міромъ — вотъ дневникъ, вотъ письма Колумба во время его путешествія! Ничего не найдете въ описательной поэзіи предлестіе перваго впечатлѣнія, какое ощущалъ онъ, видя прекрасные берега открытыхъ имъ странъ, чувствуя сладостный ихъ воздухъ, уподобляемый имъ воздуху Валенціи во время весенняго утра, созерцавъ ихъ источники водные, ихъ исполинскіе лѣса, которые, какъ будто привѣтствовали корабли его. — И вскорѣ потомъ его защищенія являютъ намъ все величіе души, равной его гению. Высочайшая степень краснорѣчія не можетъ произойти само собою, отдѣльно отъ жизни дѣйствительной; для достиженія къ ней надобно краснорѣчію перенестись на силу характера, на всего человѣка, и притомъ человѣка перегорѣвшаго великими испытаніями. Такъ жили и дѣйствовали могущіе витіи Древности, такъ, въ жизни болѣе мирной, великіе пастыри Церкви основывали свое краснорѣчіе на дѣлахъ бытія дѣятельно-религіознаго. Колумба, гордаго паче другихъ людей своею великою идеею, не должно сравнивать съ сими ораторами: часть генія его, брошенная на бумагу, и принадлежащая краснорѣ-

чию собственно, кратка — это отрывки, но отрывки, достойные быть представителями ихъ вѣка, отрывки, гдѣ ничего не недостаетъ, все есть — гений, восторгъ и испытаніе великаго человѣка»...

Мысль Вильмена, основательную и оживленную поэзіею ума, мы желали-бы доказать нашимъ повѣствованіемъ о Колумбѣ, съ тѣхъ поръ, когда этотъ великій человѣкъ переступаетъ за порогъ ограниченной жизни семьянина, когда онъ переходитъ міръ ничтожныхъ интригъ придворныхъ, туманъ суевѣрныхъ опасеній учености, мракъ невѣжества, задушавшій силу его гения. Онъ является намъ теперь на пространствѣ океана, безмѣрномъ какъ мысль его; судьба Колумба заключена теперь въ немъ самомъ, и въ той вѣрѣ въ Провидѣніе, которая вела, хранила, оживляла его до сихъ поръ. Утлая доска отдѣляетъ его отъ безднн моря. Его окружаютъ люди, его опутываютъ страсти ихъ, но весь міръ людей и страстей сосредоточился однакожъ для него въ трехъ его ладьяхъ, и ими уже повелѣваетъ Колумбъ. — Онъ свободенъ, какъ волна, лелѣющая корабль его. — Пусть-же говорить съ нами самъ Колумбъ, пусть онъ самъ выскажетъ свои наблюденія, чувства, впечатлѣнія, мысли, надежды, волновавшія его.

Къ сожалѣнію, все это не можетъ быть полно. Подробности жизни Колумба, со времени прибытія его въ Испанію, уже не покрыты тою неизвѣстностью, которая скрываетъ отъ насъ многіе годы юности его, странствованій его по Средиземному морю и пребываній въ Португалліи и Италіи, но дневники путешествій Колумбовыхъ не дошли до насъ. Тѣмъ, что сохранилось изъ дневника его перваго путешествія, мы облзаны почтенному другу Колумба, Ласъ-Казасу: составляя исторію Америки, Ласъ-Казасъ выписалъ изъ Колумбова дневника, слово въ слово, все, что

казалось ему замѣчательнѣйшимъ. Эти выписки передадимъ мы вполнѣ, присовокупляя къ нимъ, что повѣствуютъ отъ себя Ласъ-Казасъ и другіе современники Колумба, почерпавшія свѣдѣнія изъ бесѣдъ и разказовъ самого Колумба, изъ повѣствованій его спутниковъ *. Мы заключимъ повѣсть о первомъ плаваніи Колумба его донесеніями Испанскому Двору. Такимъ образомъ, не только увидимъ мы картину открытія Нового Свѣта, но — увидимъ, узнаемъ и самого Колумба, и современниковъ его, въ самыя торжественныя минуты жизни великаго человѣка.

Первый день своего плаванія Колумбъ замѣтилъ слѣдующими словами:

«Пятница, Августа 3-го. Мы отвалили 3-го Августа, 1492 года, отъ острова Сальтеса въ 8-мъ часѣ утра, и до захода солнца, при сильномъ волненіи, которое влекло насъ на югъ, проплыли 60 миль, что составляетъ 16 лье. Потомъ направились мы на ZW, далѣе на Z'Z'W, что составило путь прямо къ Канарійскимъ островамъ» **.

* Давно извѣстны были сочиненія Ласъ-Казаса, сего знаменитаго друга человѣчества, защитника бѣдныхъ Американцевъ, бывшаго епископа Хіапскаго, но только въ 1791 году найдена была въ архивѣ герцога Инфантадо собственноручная Ласъ-Казаса выписка изъ дневника Колумбова, о чемъ мы здѣсь упоминаемъ. Сію-то выписку издалъ Наварреть, подъ именемъ перваго путешествія Колумбова. Ласъ-Казасъ имѣлъ у себя въ рукахъ карты, дневникъ, перенесенныя Колумба, и употребилъ ихъ для составленія Исторіи Америки, въ 3-хъ томахъ, которая дондѣшъ остается въ рукописи. Другіе главнѣйшіе источники, изъ коихъ почерпали свѣдѣнія Робертсонъ и Вэнн. Првингъ, суть: Исторія Колумба, пис. сыномъ его Фернандомъ; Исторія Америки, соч. Герреры; Лѣтописи Америки, соч. Овiedo; Исторія Фердинанда и Изабеллы, соч. Бернальдеза; Писъма и Декады Океана, соч. Петра Мартира. Всѣ сіи писатели, кромѣ Герреры, были современники Колумба, и лично знали его. Они дополняютъ много подробностей, кратко означенныхъ самимъ Колумбомъ.

** Островъ Сальтесъ образуется двумя рукавами рѣки Одіель, передъ городомъ Гюельвою. — Колумбъ считалъ Италійскими милями, которыя менше Испанскихъ, ибо въ одну Испанскую лье идетъ 3 мили

Два дня протекли благополучно. На третий день, сигналъ съ корабля *Пинта* извѣстилъ о неприятомъ приключеніи: руль корабельный совершенно изломался. Колумбъ не безъ основанія думалъ, что это сдѣлано умышленно хозяевами корабля, Гомезомъ Раскономъ и Кривосталомъ Квинтеро, для того, чтобы заставить Адмирала по неволѣ отпустить корабль ихъ обратно въ Испанію. Страніемъ Мартина Пинзона, управлявшаго *Пинтою*, поврежденіе было поправлено; руль кое-какъ связали веревками, но на другой день руль изломался опять, и Колумбъ рѣшился пристать къ Канарійскимъ островамъ; видя необходимость оставить тамъ поврежденный корабль, на которомъ, кромѣ изломаннаго руля, оказалась течь. Онъ надѣялся замѣнить сей корабль другимъ. Мнѣнія о направленіи пути къ островамъ Канарійскимъ были несогласны; Колумбово оказалось справедливе всѣхъ; экспедиція пристала къ острову Гомеръ; потомъ къ острову Тенерифу *. Къ досадѣ Колумба, на обоихъ островахъ не нашлось корабля въ замѣну, и потому принуждены были приступить къ починкѣ *Пинты*, что и задержало экспедицію до 6-го Сентября.

Матрозы, не бывавшіе дотолѣ въ дальнихъ путешествіяхъ, ужасались, видя огнедышащую гору Тенерифскую, и со страхомъ говорили, что въ неизвѣстныхъ моряхъ могутъ погубить ихъ подобныя огни. Колумбъ, стараясь успокоить ихъ, обстоятельно изяснялъ имъ причину и образованіе извержений огнедышащихъ горъ, рассказывалъ, что и въ Испанскихъ и въ Италійскихъ. Испанскихъ миль полагалось тогда на градусъ около 60-ти.

* *Тенерифъ*, иначе *Великая Канарія*, главный изъ Канарійскихъ острововъ, знаменитый своимъ огнедышащимъ *Пико*мъ, долго считавшимся высочайшею въ мірѣ горою. Остр. Гомера на юго-западѣ отъ Тенерифа.

Европѣ есть такія горы, въ Сициліи Этна, въ Италіи Везувій.

Многіе жители острова Гомера говорили Колумбу о землѣ, недавно видѣнной на западѣ. Неприятное извѣстіе получено было здѣсь, что экспедиція Колумба произвела столь непріязненное впечатлѣніе въ Португаліи, что отъ Короля Португальскаго приказано стараться подстергать и захватить экспедицію на пути ея.

Сентября 6-го, послѣ починки *Пинты*, почти заново, перемены Латинскихъ парусовъ на круглые, и достаточнаго запаса воды и припасовъ, Колумбъ отправился отъ о. Гомера. Каравелла, шедшая отъ о. Ферро, и встрѣтившая экспедицію, извѣстила Адмирала, что близъ сего острова замѣтили три Португальскія каравеллы, крейсирующія, вѣроятно, для остановленія его экспедиціи *.

Безвѣтріе задержало здѣсь Колумба около трехъ дней. Сентября 9-го экспедиція находилась близъ о. Ферро, и опасеніе Адмирала быть захваченнымъ Португальцами увеличилось отъ безвѣтрія, препятствовавшаго плаванію. Но съ восхожденіемъ солнечнымъ подулъ свѣжій вѣтеръ; корабли понеслись быстро; скоро пропалъ въ отдаленіи о. Ферро, и экспедиція устремилась на западъ. Съ сего дня должно полагать вступленіе Колумба на настоящій путь его; до 19-го Сентября, экспедиція плыла почти прямо на западъ.

Когда о. Ферро пропалъ изъ вида мореплавателей, все, что подкрѣпляло до сихъ поръ спутниковъ Колумба, казалось исчезнувшимъ. Они горестно прощались съ міромъ; за ними оставалось все, что только драгоцѣнно человеку: отчизна, семья, самая жизнь,

* Остр. Ферро, на юго-западѣ отъ Гомера, замѣчательный тѣмъ, что здѣсь проводили отъ него первый меридіанъ въ географіи.

ибо передъ ними предстоялъ путь по морямъ безопечнымъ и невѣдомымъ, среди тысячи опасностей. Въ суевѣрномъ ослѣпленіи разсудка, они отчаявались возвратиться когда либо назадъ; не было ни одного стараго матроза, который-бы не плакалъ, и всѣ горько жаловались на несчастную судьбу свою. Тщетно старался ободрить, разуверить ихъ Колумбъ, оживить умы ихъ своими блестящими надеждами. Онъ говорилъ имъ о великихъ странахъ, куда надѣется достигнуть, объ островахъ Индѣйскаго Океана, наполненныхъ золотомъ и драгоценными каменьями, о государствахъ Мансійскомъ и Китайскомъ, ихъ великолѣпныхъ городахъ и неслыханной роскоши. Онъ обѣщаль спутникамъ своимъ земли и богатства, все, что только могло возбудить ихъ корыстолюбіе и честолюбіе, или воспламенить воображеніе. И не тщетными обѣщаніями манилъ ихъ Колумбъ: онъ самъ былъ увѣренъ въ непремѣнномъ осуществленіи всего, что говорилъ другимъ. Но малодушіе, съ перваго для странствованія оказанное спутниками, показало Колумбу, что ему надобно было побѣдить, не только трудности, сопряженныя съ предпріятіемъ такого рода, какое предпринималъ онъ, но и затрудненія, происходящія отъ невѣжества и малодушія людей, съ которыми имѣлъ дѣло. Онъ видѣлъ, что искусство управлять умами будетъ ему потребно, не менѣе его врожденной твердости духа и опытности въ мореплаваніи. Надобно-же было, чтобы къ своему пламенному характеру и изобрѣтательному гению, онъ присоединилъ еще качества, столь рѣдко соединяемыя вмѣстѣ — глубокое познаніе сердца человѣческаго, умѣнье убѣждать другихъ, непреклонную настойчивость въ преслѣдованіи своей идеи, полное владычество надъ самимъ собою, и способность укрощать страсти людскія и повѣлывать ими.

Все это, дѣлавшее Колумба человѣкомъ, созданнымъ начальствовать надъ людьми, сопровождалось всѣми познаніями дѣла, внушающими столько довѣренности другимъ въ минуты опасности. Испанскіе мореходцы, дотоле совершавшіе плаванія только около береговъ Средиземнаго моря и къ Канарійскимъ островамъ, не могли не признавать превосходства надъ ними Португальцевъ, въ училищахъ которыхъ приобрѣлъ опытность Колумбъ. По сему, едва только вступили въ путешествіе, строго приказалъ Колумбъ съ навѣрною точностью наблюдать всѣ его приказы и распоряженія; онъ самъ надзиралъ за каждымъ движеніемъ кораблей, едва нѣсколько часовъ удѣляя сну, и непрерывно находился на палубѣ все остальное время. Странствуя по морямъ, дотоле невѣдомымъ, онъ не выпускалъ изъ рукъ своихъ лота и другихъ мореходныхъ орудій. По примѣру Португальцевъ, внимательно замѣчалъ онъ приливы и отливы, направленіе теченій, полетъ птицъ, появленіе рыбъ и земноводныхъ животныхъ, плававшихъ по морю растений, всего, что встрѣчалось взорамъ его, несомое волнами морскими — все было замѣчаемо имъ въ дневникъ его съ особенною тщательностію.

Колумбъ далъ наставленія начальникамъ двухъ другихъ кораблей, на случай, если они разлучатся съ нимъ. Оба Пинзоны должны были слѣдовать прямо на западъ, и проплывши 700 лье, наблюдать особенную осторожность по ночамъ, ибо на семь разстояніи Колумбъ полагалъ мѣсто новыхъ земель, которыя уповалъ открыть.

Опасаясь однакожь, что на семь разстояніи открытіе не будетъ еще произведено, Колумбъ рѣшился употребить особенную хитрость, боясь, чтобы отдаленное плаваніе не привело въ отчаяніе его под-

чиненных: онъ велъ двѣ различныя книги для счисленія пути—въ одной, которую хранилъ онъ въ тайнѣ, означалось истинное разстояніе, пройденное каждыя сутки; въ другой, которую могъ видѣть каждый изъ его спутниковъ, Колумбъ означалъ разстояніе съ убавкою противъ истиннаго счета *.

Сентября 16-го, мореплаватели замѣтили носимыя волнами обломки мачты, повидимому, большаго корабля. Матрозамъ показалось это несчастнымъ предвѣщаніемъ жребія, неизбѣжно ожидавшаго въ сихъ невѣдомыхъ моряхъ каждаго дерзкаго мореходца, дерзнувшаго пуститься по волнамъ ихъ.

Сентября 13-го, замѣчено было странное измѣненіе въ компасъ: вмѣсто того, чтобы направляться прямо на сѣверъ, къ полярной звѣздѣ, магнитная стрѣлка склонилась къ сѣверо-западу, болѣе и болѣе по мѣрѣ удаленія экспедиціи на западъ. Первый замѣтилъ это Колумбъ, долго размышлялъ о причинѣ сего явленія, увѣрился, что оно происходитъ не отъ невѣрности компаса, и скрывалъ свои наблюденія отъ спутниковъ. Но вскорѣ всѣ явно увидѣли неслыханное уклоненіе отъ законовъ природы, дотогѣ казавшихся неизмѣнными. Это распространило новый страхъ между матрозами: болелись, что въ сихъ безвѣстныхъ странахъ компасъ потеряетъ свою таинственную силу, не будетъ уже служить вѣрнымъ указаніемъ пути, и, слѣдовательно, гибель экспедиціи будетъ неизбежна. Колумбъ успѣлъ однакожь разувѣрить своихъ спутниковъ, объясняя, что такъ

* Здѣсь разумѣется не журналъ, но Livre de loch, счисленіе морскаго пути по *загу*, которое велъ Колумбъ вдвойнѣ, убавляя ежедневно по нѣсколькимъ милямъ изъ истиннаго счета, «дабы люди, находившіеся въ его экспедиціи, не пугались и не теряли бодрости, если путешествіе продолжится» (слова Колумба). Сентября 10, вмѣсто 65 лье, онъ показалъ 48; 13-го, вмѣсто 33 — 30; 18-го, вмѣсто 55-ти — 48; 19-го, вмѣсто 25-ти — 22, и т. д.

непремѣнно слѣдуетъ бытъ, по движенію полярной звѣзды, которая каждый день совершаетъ свое теченіе вокругъ небснаго полюса. Остроумная теорія, вымышленная при семь случаяхъ Колумбомъ, и увѣренность въ его астрономическія познанія, успокоила умы его спутниковъ. Намъ извѣстно теперь, что колебаніе магнитной стрѣлки, въ первый разъ тогда замѣченное, есть обыкновенное явленіе, называемое «уклоненіемъ», хотя до сихъ поръ мы не узнали еще положительной его причины *.

Сентября 14-го, спутники Колумба были обрадованы появленіемъ птичекъ, извѣстныхъ подъ именемъ *морскихъ ласточекъ* и *фазановъ*. Полагая, что сіи птички не могутъ летать далеко отъ земли, надѣялись вскорѣ открыть какой нибудь островъ **.

* Въ новѣйшія времена, особливо послѣ Гумбольдта, это сдѣлалось предметомъ множества умныхъ изслѣдованій и наблюденій. Дѣло въ томъ, что магнитная стрѣлка на компасъ направляется не прямо къ сѣверу, и въ разныхъ мѣстахъ ея уклоненіе бываетъ различно, даже на одномъ и томъ-же мѣстѣ, въ разные времена, различіе бываетъ ощутительно. Это явленіе, до Колумба неизвѣстное, объясняется теоріею земнаго магнетизма. Теорія Колумба была въ послѣдствіи принята многими. Вотъ его слова: «Замѣтили, (Сентября 17-го), что стрѣлка удалась на четверть градуса къ сѣверо-западу, и этимъ были испуганы и опечалены, хотя никто не смѣлъ ничего сказать; но замѣтивъ общее безпокойство, Адмиралъ велѣлъ дожидаться утра, и, действительно, на другой день компасъ былъ исправенъ. Причина заключается въ томъ, что полярная звѣзда движется, а стрѣлка остается неподвижна». Общее мнѣніе, будто Себастьянъ Каботъ первый замѣтилъ уклоненіе магнитной стрѣлки, и объявилъ объ немъ въ 1549 г., опровергается дневникомъ Колумба. Сентября 30-го, Колумбъ подтверждаетъ свои наблюденія, и говоритъ: «Явно, что полярная звѣзда движется, какъ другія, а компасъ всегда показывается вѣрно.»

** Колумбъ упоминаетъ о слѣдующихъ птицахъ, видѣнныхъ имъ въ путешествіи: Garjae (hirondelle de mer изъ рода sterna [линеевыхъ]); Rabi-junco (paille-en-quene, phaethon aethereus, Линнея); Alcatraz (по Франц. fous и Rubixorcado [pelecanus замѣчалъ, что сіи птицы всегда летаютъ вмѣстѣ, и фрегаты всегда отнимаютъ добычу у глушцы. Кювье подтверждаетъ это замѣчаніе); Pardelas (damier родъ бурныхъ птицъ, du genre du petrel); Pajarito de rio (moineau de riviere, рѣчной воробей), Grajaos (corneille) Anades (canard). Полетъ и

Сентября 15, ночью мореплаватели были испуганы явлением воздушных метеоровъ, которыя казались падающими съ небесъ, и растягивались по небу огненными полосами. Вѣтеръ былъ благопріятный экспедиціи, особливо съ тѣхъ поръ, когда мореплаватели вступили въ ту часть Океана, гдѣ между тропиками дуютъ пассатные вѣтры отъ востока къ западу [^]. Время стояло столь благопріятное, что каждое утро было истиннымъ наслажденіемъ, и походило на Апрельскую погоду въ Андалузін; *только не доставало птицъ соловьевъ* — говоритъ Колумбъ. «И дѣйствительно—прибавляетъ Ласъ-Казасъ,» слова его совершенно справедливы: невозможно представить себѣ сладости воздуха, ощущаемой на срединѣ пути въ Америку, и чѣмъ ближе подходите вы къ Американскимъ берегамъ, тѣмъ яснѣе кажется небо и сладостнѣе воздухъ, напитанный благоуханіями лѣсовъ и рощей.»

Сентября 16-го, въ первый разъ, замѣтили кучи травъ, плавающихъ по морю; многія были такъ зелены, какъ будто вчера сорваны съ стебля, и матрозы радовались, думая, что это означаетъ бли-

появленіе птицъ были важны для мореходцевъ, ибо прежде думали, что птицы не удаляются отъ земли. Колумбъ говоритъ, что *gabi-juno* и *albatraz* не улетаютъ отъ земли долѣе 25 лье, и о фрегатахъ: «это морская птица, но не улетаетъ отъ земли далѣе 20 лье, и не садится на морь; ихъ много водится на островахъ Зеленаго мыса». — Нынѣ доказано, что птицы земныя летаютъ за 200, 300, даже за 600 лье отъ береговъ. Кукъ первый утвердилъ это, и говорилъ положительно: «что до меня касается, не знаю ни одной птицы, встрѣтивши которую на морь, можно-бы было увѣрится въ близости земли» (Voyage т. I, 275).

* *Пассатиліи* (vents alizés) называются вѣтры постоянно дующіе между Африкою и Америкою, въ тропическихъ моряхъ (т. е. части Океана, находящейся между тропикомъ рака и козерота) отъ востока къ западу. Причина сего заключается въ солнечной теплотѣ, уравняваемой суточнымъ движеніемъ земли. На западной сторонѣ Америки сіе движеніе измѣняется многообразно, отъ острововъ и другихъ причинъ, и производитъ сѣверо-восточные, сѣверо-западные вѣтры, и муссоны въ Индѣйскомъ Океанѣ.

зость земли *, но «по моимъ вычислениямъ, мы еще далеко отъ материка» (слова Колумба).

Сентября 17-го, кучи травъ стали появляться чаще и были огромнѣе; онѣ плыли отъ запада; на одной кучѣ поймали живаго рака. Морская вода казалась не такъ солона, какъ близъ Канарійскихъ острововъ. Появилось много рыбы, въ родѣ тоновъ **. Надежда скорѣ увидѣть землю ободрила матрозовъ, часъ отъ часу болѣе, такъ, что корабли перегоняли одинъ другой, стараясь выиграть награду, обѣщанную тому, кто первый увидитъ берегъ. «Всѣ сіи знаки, встрѣчаемые нами отъ запада, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ показываютъ близость земли, которую Господь Богъ всемогущій, въ десницѣ Коего жребіи наши, благоволитъ скорѣ показать намъ» (слова Колумба).

Сентября 18-го, Мартинъ Пинзонъ извѣстилъ Колумба, что онъ не сомнѣвается въ близости земли, ибо видѣлъ множество птицъ, летящихъ съ запада.

Сентября 19-го, поймали глушныша, которые «никогда не залетаютъ далеко отъ земли» (прибавляетъ Колумбъ). Былъ туманъ при безвѣтріи. Адмиралъ не сомнѣвался въ близости какого нибудь острова. «Я не хотѣлъ останавливаться для отысканія его: время было прекрасное, и надобно было имъ пользоваться. Если Господь поможетъ воротиться, все мож-

* Колумбъ почиталъ сіи травы унесенными океаномъ съ земель. Въ первый разъ замѣтилъ онъ ихъ 17-го Сентября; 20-го море покрыто было ими, какъ будто льдомъ, и онѣ препятствовали ходу кораблей. Нынѣ извѣстно уже, что сіи, плавающія въ безчисленномъ количествѣ по океану груды травъ, составляющія иногда цѣлые острова, суть произведенія морскаго дна, отъ котораго они отрываются теченіемъ воды и всплываютъ на поверхность (Voyage de Humboldt, т. I, гл. I).

** Изъ рыбъ и земноводныхъ животныхъ, Колумбъ замѣтилъ *Topina* (особая порода *du genre des thons*), *ballena* (baleine, китъ, одинъ разъ на всемъ пути), *Dorados* (dorade, тупоголовъ), *Golondrinas* (Trigles volans, или dactyloptères), но Кювье, раковъ морскихъ, моржей, и проч.

но обозреть на возвратномъ пути» (слова Колумба). При повѣркѣ счисленія пути оказалось, что проплыли 400 лье отъ Канарскихъ острововъ.

Уже десять дней такимъ образомъ протекало, и мореплаватели ничего не видали, кромѣ неба и моря, безпрестанно стремясь на западъ, при безпрерывномъ пассатномъ вѣтрѣ. Спутники Колумба во все это время, то предавались радости, то переходили къ унынію. Появленіе кита, птицы, плавающихъ по морю травъ, все, что предвѣщало близость земли, ободряло ихъ, и не рѣдко съ восторгомъ смотрѣли они на облака, казавшіяся въ отдаленіи, особливо при захожденіи солнца, землею. Грусть заступала мѣсто веселья, когда сіи знаки оказывались тщетными, и безотчетная радость невѣжества превращалась тогда въ безразсудное отчаяніе: то, въ чемъ прежде видѣли причину надежды, дѣлалось виною безнадежности. Такъ первая встрѣча съ горами травъ, плавающихъ по морю, веселила спутниковъ Колумба близостью земли; они никакъ не могли вообразить, чтобы сіи горы составляли собою острова, носимые по волнамъ необозримаго Океана, далеко отъ береговъ. Но когда многими опытами убѣдились въ томъ, и горы травъ начали появляться день ото дня многочисленнѣе и огромнѣе, произошло опасеніе, что наконецъ корабли могутъ придти въ такое мѣсто, гдѣ со всѣхъ сторонъ окружаютъ ихъ пловучіе острова травъ, и задержать навсегда. Можетъ быть, кому нибудь изъ спутниковъ Колумба извѣстна была даже старинная басня древнихъ географовъ о «травяномъ морѣ,» сквозь которое не было проѣзда, и едва узнали объ этой сказкѣ другіе матрозы, они готовы были повѣрить грозившей имъ, неизбѣжной опасности. Постоянныя пассатныя вѣтры, быстро стремившіе экспедицію на западъ,

сдѣлались также предметомъ общаго ропота: матрозы думали, что въ моряхъ, гдѣ они теперь находятся, повсюду дуютъ только сіи вѣтры, и имъ казалось послѣ того невозможнымъ возвращеніе въ отечество; надобно было по неволѣ плыть, не обращаясь на востокъ, и погибнуть въ тщетномъ исканіи обитываемой земли. Неудовольствіе дошло до такой степени, и причины ропота казались столь основательными, что Колумбъ приведенъ былъ въ замѣшательство, тѣмъ болѣе, что многіе начали замѣчать истинный счетъ пройденнаго пути, съ намѣреніемъ скрываемый Колумбомъ; говорили, что Адмиралъ ошибается, или, что еще хуже, обманываетъ ихъ. Къ счастью, пассатный вѣтеръ вдругъ перемѣнился Сентября 20 дня, и сдѣлался противнымъ. «*Much me fue necesario este viento contrario*—говоритъ Колумбъ, *porque mi gente andaban muy estimulados que pensaban que no ventaban estos mares vientos para volver a Espana* (Мнѣ весьма необходимо былъ этотъ противный вѣтеръ, ибо мои подчиненные сильно возмущались противъ меня, думая, что въ сихъ моряхъ не дуютъ уже такіе вѣтры, посредствомъ коихъ можно было возвратиться въ Испанію). — Матрозы успокоились, и вскорѣ были обрадованы появленіемъ трехъ птичекъ, которыя летали надъ кораблемъ и пѣли. Но неудовольствія возобновились: Сентября 21-го настала совершенная тишина, и продолжалась три дня; море, на необозримое пространство, казалось свѣтлымъ, неподвижнымъ зеркаломъ, и покрыто было пловучими травами въ такомъ количествѣ, и въ столь огромныхъ кучахъ, что онѣ казались утопущими островами, и во многихъ мѣстахъ задерживали ходъ кораблей. Матрозы снова начали опасаться травяныхъ острововъ, а тишина совершенно отчаяла ихъ. Напрасно Колумбъ, бросая лотъ въ мо-

ре, доказывала, что по причинѣ глубины нѣтъ опасности, и говорилъ, что тишина должна происходить отъ близости огромной земли. Его спасло на сей разъ новое, неожиданное явленіе: безъ вѣтра море взволновалось и корабли пустились въ путь. Причины такого явленія приписываютъ вѣтру, который въ отдаленіи дуетъ сильно, и производитъ подводное волненіе, по естественному закону теченія, происходящаго отъ отдаленной бури. *«Это волненіе морское было мнѣ также необходимо въ то время, какъ Евреймъ въ древнія времена, когда Египтяне преслѣдовали ихъ, изведенныхъ изъ неволи пророкомъ Моисеемъ»* (слова Колумба).

Плаваніе продолжалось послѣ сего безъ остановки, но отношенія Колумба къ его спутникамъ становились день ото дня затруднительнѣе. По мѣрѣ того, какъ приближались они къ мѣстамъ, гдѣ Колумбъ надѣялся найти землю, нетерпѣніе подчиненныхъ его усиливалось. Они не вѣрили уже ни одному благопріятному признаку, прежде обольщавшему ихъ близостью земли, и надобно было опасаться явнаго возмущенія, можетъ быть, въ ту самую минуту, когда Колумбъ уже приближался къ цѣли своего странствованія. Со страхомъ видѣли спутники его корабли свои непрерывно несомыми по необозримой пустынь водѣ, окружающей обитаемый міръ. Что будетъ съ ними, если наконецъ припасы ихъ истощатся? Ихъ корабли и безъ того столь утлѣ, такъ испорчены будутъ дальнымъ путемъ, что едва ли возможно будетъ совершить на нихъ обратное плаваніе, когда между тѣмъ каждый день увеличиваетъ ужасное пространство, отдѣляющее ихъ отъ земли.

Такъ возмущали другъ друга недовольные, собираясь для разговоровъ въ разныхъ мѣстахъ ко-

раблей, сперва тайно, скрытно, по двое, по трое, но число недовольныхъ безпрестанно увеличивалось, и грозило наконецъ общимъ неповиновеніемъ. Стали говорить, что Адмиралъ ихъ неизвѣстный бродяга, искатель приключеній, безумецъ, рѣшившійся прославить себя предпріятіемъ несбыточнымъ. Послѣ этого, станетъ ли онъ дорожить опасностью, трудами, самою жизнью другихъ, преслѣдуя мечту свою, когда ему самому терять нечего? Но соглашаться дальѣ съ его предпріятіемъ значило бы самовольно сдѣлаться орудіемъ своей гибели. И кто принудить ихъ итти дальѣ? Не исполнили-ль они достаточно свою обязанность, страствуя далеко за предѣлами, какіе до нихъ осмѣливался переходить человекъ, плавая по такимъ морямъ, гдѣ прежде нихъ не являлся ни одинъ мореходецъ? Сколько еще времени надобно имъ искать этихъ мнимыхъ земель? Неужели должно повиноваться Адмиралу до тѣхъ поръ, пока всѣ погибнуть, и возвращеніе будетъ рѣшительно невозможно? Ихъ, конечно, не обвинять за то, что они мыслили о своей безопасности, и предупреждая явную гибель, возвратились въ Испанію. Напротивъ, ихъ похвалять за терпѣніе, какое оказывали они до сихъ поръ. И притомъ, если бы Адмиралъ началъ жаловаться на своевольное возвращеніе, кто станетъ слушать этого нищаго бродягу! И безъ того, всѣ ученые люди оуждали его предложенія, всѣ умные люди смѣялись надъ ними! И притомъ много еще найдется людей, которыхъ собственная выгода заставитъ порадоваться его неудачѣ, и заступиться за его подчиненныхъ, оправдывая ихъ непослушаніе, вынужденное необходимостью.

Такъ говорили между собою подчиненные и спутники Колумба. Если сообразимъ живой, гордый характеръ жителей юга, особенно Испанцевъ, вспом-

нимъ, что люди, составлявшие экспедицію, большею частью были отправлены по неволѣ, взяты насильно отъ семействъ, отъ своихъ занятій, легко понятию, почему Колумбъ опасался открытаго возмущенія. Уже не только ропотъ и жалобы слышались онъ, но многіе не скрывали даже преступнаго замысла освободиться отъ Адмирала насильственнымъ образомъ, если только онъ не согласенъ будетъ на общее предложеніе воротиться въ Испанію. Мысль объ этомъ преступленіи извиняли необходимою — пожертвовать жизнью одного человѣка для спасенія многихъ. Надобно было только согласіе немногихъ, еще покорныхъ Адмиралу, еще несогласныхъ съ возмутителями, и — волны Океана на вѣки похоронили бы тайну убійцы великаго человѣка и великаго предпріятія. Могли сказать въ Испаніи, по возвращеніи своемъ, что Адмиралъ упалъ нечаянно въ моръ, и конечно, никто изъ участниковъ преступленія не открылъ бы истины.

Колумбъ видѣлъ, понималъ все, но показывалъ видъ, будто ничего не замѣчаетъ. По прежнему, строгій, величественный видъ его, благородная осанка и умная рѣчь возбуждали страсти и замыслы подчиненныхъ. Строжайшій порядокъ наблюдаемъ былъ неизмѣнно. День начинался и оканчивался молитвою, при которой всегда присутствовала сама Колумбъ. Иногда нарочно входилъ онъ въ обширныя разсужденія, старался убѣждать противниковъ словами своими; малѣйшее непослушаніе и отступленіе отъ приказовъ его были строго взыскиваемы, и — пламенно молился Колумбъ, уединяясь отъ другихъ, да сохранить его Провидѣніе!

Сентября 25-го, вечеромъ, время было прекрасное; легкій вѣтерокъ мчалъ корабли, и они плыли такъ близко одинъ подлѣ другаго, что Колумбъ разгова-

ривалъ, стоя на палубѣ, съ Мартиномъ Пинзономъ, находившимся на своемъ кораблѣ. Пинзонъ говорилъ о картѣ, которую передалъ ему Колумбъ для сообщеній. По случаю несогласія въ мнѣніяхъ, Колумбъ потребовалъ себѣ карту; ее перебросили на веревкѣ. Сидя на палубѣ, Колумбъ началъ разсматривать карту съ своими спутниками, и вдругъ пораженъ онъ былъ громкими кликами Пинзона. Съ необыкновенными изъясненіями радости, Пинзонъ кричалъ во все горло: «Берегъ! Берегъ! Мнѣ награда господинъ Адмиралъ!» Онъ указывалъ на юго-западъ, и въ самомъ дѣлѣ, даже опытнымъ глазамъ Колумба явно видна была земля, не болѣе, какъ въ 25-ти лье, по глазомѣру. Пинзонъ упалъ на колѣни, и громко запѣлъ: *Gloria in excelsis* (*Слава въ вышнихъ Богу*)! И Колумбъ не могъ удержать своего восторга: онъ бросилъ карту, также сталъ на колѣни, и присоединилъ голосъ свой къ пѣнію Пинзона; на обоихъ корабляхъ раздавалась благодарственная пѣснь Богу. Съ восторгомъ бѣжали отсюда на палубу спутники Колумба; вѣззали на мачты; радость была чрезвычайна. Послѣ перваго движенія радости, Колумбъ началъ сомнѣваться, но велѣлъ однакожь держаться къ видимой землѣ. Настала ночь, и — тѣмъ прискорбнѣе былъ минутный обманъ надежды, когда съ лучами солнца мнимая земля разсѣялась облаками. Мрачно и молчаливо внимали послѣ сего подчиненные приказанію Колумба — продолжать плаваніе прежнимъ путемъ на западъ.

Прошло еще пять дней. Признаки земли еще льстили ожиданіямъ мореплавателей: моржи играли вокругъ кораблей; летучія рыбы падали на корабли; море было такъ спокойно, время столь благорастворенно, что лучшую забаву матрозовъ составляло купанье въ морѣ.

Октября 1-го, по вычетамъ Пинзона и другихъ, экспедиція проплыла уже 580 лье на западъ; Колумбъ спорилъ, что проплыли 584 лье, но по настоящему, скрываемому отъ другихъ счисленію, онъ зналъ, что пройденное разстояніе составляетъ уже 707 лье.

Октября 2-го, увидѣли противное прежнему направленіе плавающихъ по морю травъ: онѣ стремились отъ востока къ западу; птицы перестали показываться. Спутники Колумба думали, что земля осталась у нихъ въ сторонѣ; Колумбъ не спорилъ противъ этого, и сильнѣйшій ропотъ начался, когда онъ за всѣмъ тѣмъ не хотѣлъ перемѣнить пути на западъ.

Октября 3-го снова появились птицы: дамьеры, глупыши, фрегаты сажались на корабли. Еще разъ ожили надежды путниковъ, но нетерпѣніе дошло до такой степени, что каждый безпрерывно глядѣлъ впередъ, и искалъ взорами отдаленной земли. Правительство назначило въ награду тому, кто первый увидитъ землю, 10,000 мараведисовъ (около 7000 рублей) пожизненной пенсіи; это, и отчаянное, по мнѣнію многихъ, состояніе экспедиціи, заставляло каждаго думать только о томъ, чтобы первому разглядѣть желанный берегъ. Разгоряченное воображеніе было причиною, что многіе неоднократно тревожили товарищей крикомъ: *земля, земля!* и потомъ оказывалось, что мнимая земля были туманъ или облако. Предупреждая беспорядки, происходившіе отъ ложныхъ извѣщеній о землѣ, Колумбъ строго запретилъ тревожить экспедицію такими извѣстіями, подъ опасеніемъ, что тотъ лишится обѣщанной награды, кто неосновательно обезпокоитъ другихъ крикомъ о землѣ. Это было новымъ поводомъ къ неудовольствію на Адмирала.

Но судьба готовила Колумбу еще многія скорби. Вечеромъ 6-го Октября, Мартинъ Пинзонъ упорно заспорилъ противъ него, утверждалъ, что неспремѣнно надобно плыть на югъ, и бесполезно идти далѣе къ западу. Колумбъ строго запретилъ ему нарушать повелѣніе, и боясь, чтобы начальники Пинто и Нины умышленно не разлучились съ нимъ, оставилъ на отвѣтственности ихъ обязанность плыть къ западу, если бы даже корабли ихъ и разлучились какимъ нибудь образомъ одинъ отъ другаго. Но несогласіе чловѣка, столь важнаго въ экспедиціи, каковъ былъ Пинзонъ, чрезвычайно огорчило Колумба. Чего могъ онъ ожидать послѣ того отъ другихъ, если плаваніе продолжится еще нѣсколько времени бесполезно?

Утромъ, Октября 7-го, многіе на адмиральскомъ кораблѣ начали говорить, что видятъ вдали землю, но никто не смѣлъ явно подтвердить этого, боясь запрещенія адмиральскаго. Корабль Нино вдругъ взялъ передъ у другихъ кораблей, и вскорѣ выстрѣлъ и выставленный на семь кораблѣ флагъ показали, что находившіеся на немъ плаватели удостовѣрились въ открытіи земли. Радость, какъ прежде, при извѣстіи съ Пинты, распространилась на всѣхъ корабляхъ. Но теперь горестнѣе прежняго было отказаться отъ исполненія надежды, вторично обманувшей общее ожиданіе: мнимая земля разсыпалась къ вечеру облаками.

Все еще повиновались Колумбу. Уже нѣсколько дней замѣчалъ онъ множество мелкихъ птицъ, летѣвшихъ передъ наступленіемъ ночи на юго-западъ, заключилъ изъ того, что сіи птицы должны летать на какую нибудь близкую землю для ночлега, и зная, что по симъ признакамъ были совершены многія открытія земель Португальцами, приказалъ

перемѣнить направленіе на западъ и править къ юго-западу. По его счету, экспедиція проплыла уже въ это время 750 лье — здѣсь по его предположеніямъ долженствовалъ бы находиться островъ Сипанго. Боюсь ошибки въ счисленіи широты, онъ рѣшился оставить путь на западъ. Это помирило его съ Пинзономъ и порадовало другихъ.

Октября 8-го, «проплыли 12 лье. Море было ти-
«хо какъ будто рѣка въ Севильѣ, о чемъ да будетъ
«слава Господу Богу. Воздухъ былъ такъ благо-
«растворенъ, какъ бываетъ въ Севильѣ въ Апрѣль
«мѣсяць, и такъ напитанъ благоуханіями, что усла-
«дительно было дышать имъ. Замѣтили плавающія
«травы, весьма свѣжія, и много полевыхъ птичекъ,
«летѣвшихъ къ югу; одну изъ нихъ поймали; видѣ-
«ли грачей (gajaos), утокъ (anades) и одного глупыша.»

Октября 9-го, «вѣтеръ противный; въ сутки про-
«плыли 20½, а въ дневникъ означилъ я только
«17-ть лье. Всю ночь слышно было летанье птицъ.»

Насталъ 10-й день Октября — и съ восхожде-
ніемъ солнца, по прежнему, передъ глазами плавате-
лей ничего не было, кромѣ безконечнаго моря и свѣтлаго неба. Всѣ прежніе признаки, повлеченіе
травъ, птицъ, земноводныхъ, все казалось имъ пу-
стымъ обманомъ, и когда вечеромъ солнце погружа-
лось въ безбрежный океанъ, негодованіе, столь дол-
го таимое, своевольство, буйство, отчаяніе, про-
являвшіяся доселѣ въ глухомъ, скрытномъ ропотѣ,
оказались явно и открыто. Всѣ подчиненные Колумба
вдругъ забунтовали, и съ крикомъ, съ грубыми, дер-
кими упреками приступили къ Колумбу, не слушая
словъ его и увѣщаній. Они говорили, что продол-
жать дальѣ ихъ бесполезное плаваніе значило не
только безумствовать, но даже оскорблять долго-
терпѣніе Божіе, дотолѣ щадившее ихъ, стремиться

за предѣлъ, самимъ Богомъ поставленный человѣку. Всѣ единогласно требовали возвращенія въ Испанію. Тщетно старался Колумбъ убѣдить, успокоить мятеж-
никовъ ласкою, обещаніями награды. Видя безу-
спѣшность, онъ вдругъ перемѣнилъ рѣчь, и гордели-
во, строго приказалъ мятежникамъ умолкнуть. «Ва-
ши жалобы бесполезны — сказалъ онъ. «Дерзкій,
кто осмѣлится произнести еще одно слово, будетъ
наказанъ, по власти, какою облеченъ я отъ Ихъ Ве-
личествъ, Короля и Королевы. Посланный волею
сихъ Великихъ Государей, съ повелѣніемъ достигнуть
Индіи, я исполню приказаніе ихъ, или погибну, если
такъ угодно Господу Богу!» Никто не осмѣливался
противорѣчить — до сихъ поръ никто не видалъ
еще Адмирала въ такомъ гнѣвѣ; онъ говорилъ, какъ
полновластный начальникъ экспедиціи. Мятежники
разошлись. Но Колумбъ увидѣлъ всю мѣру опасно-
сти, угрожавшей ему. Ночь прошла въ мучитель-
номъ безпокойствѣ. На другой день, Адмиралъ явил-
ся къ утренней молитвѣ мрачный и суровый. Онъ
никого не удостоивалъ своимъ разговоромъ. Мятеж-
ники молчали, но буря возмущенія готова была
вспыхнуть, и — послѣ того ничто уже не могло
спасти Колумба.

Какъ счастію, съ утра 11-го Октября увидѣли но-
вые признаки близости земли, и эти признаки бы-
ли уже несомнительны для самаго невѣдущаго: за-
мѣтили плавающую по морю зеленую траву, обык-
новенно растущую по берегамъ; рыбу, какія водят-
ся только близъ приморскихъ утесовъ, и наконецъ
вытащили изъ воды вѣтку дерева, въ родѣ шипов-
ника, съ плодами и цвѣтами *. Сердца ожили. —
И вотъ — поймали плававшій по морю тростникъ,

* Un palillo cargado de escaramujos, или, по другимъ извѣстіямъ, un ramo de espino con su fruto.

не большую доску и палку, обдѣланныя, какъ видно было, желѣзнымъ орудіемъ. «Земля несомнительно близко», заговорили всѣ, но еще съ трепетомъ недоувѣрчивости. «Господь спасаетъ насъ!» думалъ Колумбъ. Доброе согласіе вдругъ возобновилось между Адмираломъ и его подчиненными. Совершенное послушаніе водворилось снова. Послѣ кроткаго выговора за вчерашнее буйство, Колумбъ ободрилъ всѣхъ ласковыми словами, пространно говорилъ о благодати Божіей, надеждѣ на помощь Господню—совѣтовалъ уповать. Снова возобновилъ онъ свои увѣщанія, когда на кораблѣ совершена была вечерняя молитва, и пропѣто *Salve Regina* (*Богородице дѣво! радуйся*). Онъ упомянулъ о явномъ покровительствѣ Господнемъ, хранившемъ ихъ дониндѣ, и проведемъ въ моря, столь отдаленныя, благопріятными вѣтрами по неизмѣримымъ безднамъ океана, оживлявшемъ ихъ дониндѣ непрерывными признаками, и умножившемъ нынѣ сіи признаки, когда они готовы были впасть въ тяжкій грѣхъ, роптаніе и сомнѣніе, не чувствуя предводившей имъ невидимо руки Господней. Онъ не велѣлъ распускать парусовъ ночью, ибо признаки близкой земли были явны, и вѣроятно, къ утру они увидятъ ее. Онъ просилъ всѣхъ быть внимательными, и общалъ, кромѣ назначенной правительствомъ пенсін, подарить отъ себя шелковый кафтанъ (*jubon de seda*) тому, кто первый увидитъ берегъ и извѣститъ о томъ.

Весь день море было въ сильномъ волненіи, но корабли шли однакожь быстро на *WZW*; къ почтуповерили ихъ къ западу. Нетерпѣніе, надежда оживили всѣхъ на корабляхъ; рѣшились не спать всю ночь. Съ наступленіемъ темноты, Колумбъ помыслился на югъ своего корабля. Тяжелы были ему сіи минуты. Показывая другимъ видъ совершенной

увѣренности и крѣпкой надежды, спокойно устремлялъ онъ взоры на отдаленіе океана, старался замѣтить хоть неопредѣленные признаки береговъ...

Вдругъ, около 10-ти часовъ вечера, показалось ему, что вдали блеснуть огонекъ. Долго и внимательно смотрѣлъ Колумбъ. Боясь, не обманывается-ли, онъ подошелъ къ себѣ Петра Гютиерреса, чиновника, находившагося при экспедиціи, и имѣвшаго званіе придворнаго обойщика (*repostero destrados*). Колумбъ спрашивалъ его: видитъ-ли онъ огонекъ? Петръ отвѣчалъ утвердительно, что видитъ. Но все еще сомнѣваясь, Колумбъ звалъ къ себѣ корабельнаго контролера Родриго Санчеза, уроженца Севильскаго; пока подошелъ къ нему Родриго, огонекъ исчезъ. Всѣ трое стали внимательно наблюдать мѣсто, гдѣ онъ появлялся. Огонекъ снова блеснулъ, исчезъ, блеснулъ еще два, или три раза. «Казалось, что онъ мелькаетъ по небосклону, какъ будто находится въ какой нибудь лодкѣ, которая плаваетъ по волнамъ, или какъ будто кто нибудь ходитъ съ огнемъ по неровному берегу, отъ чего онъ, то явлется, то скрывается.» Всѣ обратили вниманіе на замѣченное Адмираломъ, но не считали однакожь этого важнымъ. Колумбъ, напротивъ, не сомнѣвался болѣе, что это вѣрный признакъ земли, и даже того, что эта земля обитаема.

Да, это была земля, та земля, куда уже двадцать лѣтъ стремились мысли и желанія Колумба, куда теперь, уже цѣлый мѣсяцъ плылъ онъ непрерывно, не внимая ропоту, жалобамъ, негодованію спутниковъ, презирая опасность смерти, какой могло подвергнуть его буйство и своеволие подчиненныхъ. Напрасно въ послѣдствіи старались отнять у Колумба честь непреклоннаго великодушнаго, и увѣрили, будто-бы онъ приходилъ въ отчаяніе и хотѣлъ воро-

тяться, и что только убъждения Пинзона заставили его отложить поворотъ экспедиціи еще на нѣсколько дней; напрасно говорили также потомъ, что испуганный угрозами своихъ подчиненныхъ, 10-го Октября Колумбъ обещалъ имъ воротиться въ Испанію, если черезъ три дня не откроется земля. По достовѣрнымъ изслѣдованіямъ, то и другое оказывается ложно: Колумбъ упорно плылъ на западъ, не слушалъ Пинзона, даже поворотилъ на юго-западъ 7-го Октября по собственному убъженію. Неудовольствію, ропоту подчиненныхъ противопоставлялъ онъ сначала ласки, увѣщанія, и наконецъ смѣло и горделиво употребилъ власть, какою облеченъ былъ отъ правительства, когда подчиненные его лвно возмутились 10-го Октября*.

Любопытно замѣтить, что еслибы 7-го Октября, находясь подъ 26° сѣверной широты, Колумбъ продолжалъ свое плаваніе прямо на западъ, не поворачивая къ юго-западу, то онъ присталъ-бы къ Лукайскимъ, или Багамскимъ островамъ, и вѣроятно, теченіемъ былъ-бы унесенъ къ восточному берегу Флориды. Тогда открытія Испанцевъ и поселенія ихъ начались бы въ Сѣверной Америкѣ, и сіи обширныя страны, гдѣ нынѣ видимъ образованіе Ангійское, получили-бы образованіе Испанское, которому подверглась Южная Америка.

Было около 2-хъ часовъ по полуночи—пушечный выстрѣлъ раздался съ Пинты, находившейся впереди

* Пинзонъ, сдѣлавшійся въ послѣдствіи врагомъ Колумба, и сообщники его, распространили клевету, будто Колумбъ отчаявался и робѣлъ при концѣ пути. Это опровергается противными мнѣніемъ всѣхъ другихъ современниковъ, и особенно дневникомъ Колумба, гдѣ видимъ, при изумительной простотѣ выраженій, твердую вѣру его въ свое предпріятіе и въ помощь Бога. Мнѣніе о договорѣ Колумба съ спутниками, 10-го Октября, основано на словахъ Овiedo, и Робертсонъ принялъ его, полагаясь на этого недостовѣрнаго писателя, который вмѣстѣ въ свою книгу множество ложныхъ подробностей.

другихъ кораблей. Матрозъ сего корабля, *Родриго Триана*, первый увидѣлъ землю, и послѣ внимательнаго наблюденія, сомнѣній не оставалось болѣе: берегъ былъ видѣнъ, и простирался не вдалекѣ, не болѣе двухъ миль отъ корабля. Тревога на адмиральскомъ кораблѣ, произведенная сигналомъ Пинты, скоро превратилась въ неизъяснимую радость. Поднявъ руки и глаза къ небу, обнаживъ свою сѣдловатую голову, Колумбъ сталъ на колѣни, и окруженный толпою спутниковъ, запылъ: *Te Deum laudatur (Тебѣ Бога хвалимъ)*! Слезы и рыданія пресѣкли его голосъ. Трогательное зрѣлище открылось послѣ сего: спутники упали на колѣни передъ Колумбомъ, раскаявались, умоляли простить ихъ невѣжество, невѣріе, буйство, причинявшія ему столько огорченій и скорбей. Перейдя отъ одной крайности къ другой, они смотрѣли теперь на Колумба, какъ на челоуѣка великаго, вдохновеннаго и ведомаго духомъ Божіимъ. Приказано было подобрать паруса и оживить разсвѣта.

Мысли и чувства Колумба, въ немногіе часы, протекшіе съ того времени, когда несомнительно уже было открытіе земли, должны были быть глубоки, многообразны и тревожны. Наконецъ, вопреки всѣмъ опасностямъ, всѣмъ препятствіямъ, осуществились его гениальныя идеи. Тайна, скрытая волнами Океана отъ начала міра—открыта его непобѣдимой волею; его теорія, предметъ столькихъ насмѣшекъ людей ученыхъ и невѣждъ, утверждена торжественно; упрочено славою имя его и безсмертно останется съ именемъ Новаго Свѣта. Трудно самому горячему воображенію понять чувства, какія могли вмѣщаться въ душѣ Колумба въ минуту совершенія его подвига. Сколько огромныхъ предположеній тѣснилось въ умѣ его, при видѣ земли, находившейся

передъ нимъ, но еще покрытой мракомъ ночи! Растенія, унесенныя съ нел волнами моря и видѣнныя Колумбомъ, доказывали ея плодоносіе; благорастворенный воздухъ, конечно, былъ напитанъ запахомъ ея цвѣтушихъ долинъ и лѣсовъ; огонекъ, замѣченный Колумбомъ, показывалъ, что сія земля обитаема. Но кто и какіе были ея обитатели, походили-ль они на обитателей другихъ частей свѣта, отличались-ли отъ нихъ, или составляли даже неизвѣстную, чудовищную породу, какими воображеніе современниковъ Колумба привыкло насыщать всѣ оконечности свѣта? Наконецъ, какаѣ были эта земля: дикій-ли островъ, уединенно стоящій среди волнъ Океана, или знаменитый Сипанго? Всѣ сіи мысли и тысячи другихъ, могли пролетать въ головѣ Колумба, пока окруженный благоговѣющими передъ нимъ спутниками, забывъ сонъ, ожидалъ онъ появленія утра, не зная еще, что освѣтитъ передъ нимъ восходящее солнце: дикую, или цвѣтущую, но пустынную землю, или страну, блестящую позлащенными главами храмовъ, съ великолѣпными городами, со всею роскошью Восточнаго образованія, о которомъ столь много рассказывали Европейцы, посѣщавшіе Востокъ?

Но, если бы, въ сіи минуты, въ таинственномъ видѣніи какомъ нибудь, Колумбъ могъ видѣть и познать, что не Индію, но *міръ новый* открылъ онъ, и если бы передъ очами его пролетѣла картина будущаго, все, что совершалось потомъ въ теченіи трехъ столѣтій въ этой новой, обширной части свѣта?... Будущее сокрыто отъ человѣка, и благо человѣку, что оно сокрыто! Утѣшаясь иногда надеждою въ минуты бѣдствій настоящаго, нерѣдко ужасался-бы онъ открытаго предъ нимъ будущаго, и оно оледеняло-бы сердце его въ минуты счастья и

наслажденія. Сокрывъ отъ человѣка будущее, Провидѣніе премудро поставило надежду безсмысленнымъ спутникомъ его невѣдѣнія, и запретило отчаянію владѣть душою человѣка.

Ночные мраки разсѣвались — солнце восходило великолѣпно и величественно, и Колумбъ могъ наконецъ рассмотреть новооткрытую имъ землю: это былъ прелестный островъ, простиравшійся на нѣсколько миль, и покрытый лѣсами и рощами, представлявшими его похожимъ на обширный садъ. Показывая собою только дикую красоту природы, еще не тронутую руками человѣческими, сей неизвѣстный островъ былъ однакожъ населенъ. Колумбъ и спутники его видѣли дикихъ обитателей острова, сбѣжавшихся отсюда на морской берегъ, и въ изумленіи смотрѣвшихъ на невиданные ими дотолѣ корабли Европейскіе. Дикари эти были совершенно нагіе, и судя по всѣмъ знакамъ, изъявляли величайшее удивленіе.

Колумбъ приказалъ дать условленный сигналъ, по которому надобно было стать на якорь, и готовить шлюпки для отправленія на берегъ. Онъ вошелъ въ свою шлюпку, одѣтый въ богатое бархатное платье, держа въ рукѣ Королевское знамя. Въ тоже время, братья Пинзоны вошли въ свои шлюпки, держа въ рукахъ по знамени, на которыхъ изображенъ былъ зеленый крестъ, съ буквами: F и Y по сторонамъ его, и короною сверху. Спутники Адмирала вооружились и надѣли свои парадныя платья. Въ одно время, всѣ три шлюпки, отъ трехъ кораблей, поплыли къ острову.

Приближаясь къ берегу его, путешественники удивлялись величественнымъ лѣсамъ, покрывавшимъ ос-

тровъ, и богатымъ силою произрастенія, невѣдомою въ Европѣ. На прибрежныхъ деревьяхъ видны были плоды, прельщавшіе своимъ видомъ, но вовсе неизвѣстные; ясность и свѣжесть воздуха, свѣтлые ручьи, журчавшіе между деревьями—все упоило сердца и души неизяснимымъ наслажденіемъ.

Едва только путешественники ступили на берегъ, Колумбъ и всѣ бывшіе съ нимъ стали на колѣни. Адмиралъ молился Богу, благодарилъ Господа за милости и покровительство, какими ознаменовалось отдаленное странствованіе его съ спутниками, и невольно проливалъ радостныя слезы. Никто не могъ удержать своего чувства—всѣ плакали. Торжественно поднавшись послѣ сего, Колумбъ обнажилъ свою шпагу, подошелъ къ себѣ братьевъ Пинзоновъ, Родрига Эскабиро, нотаріуса экспедиціи, Родриго Санчеза, и другихъ почетныхъ особъ: свидѣтельствуя съ ими, и держа въ рукъ знамя Королевское, онъ ознаменовалъ землю крестообразно мечемъ своимъ, и объявилъ, что принимаетъ ново-открытый островъ во владѣніе Ихъ Величествъ, Короля и Королевы Испанскихъ, именуется его *Санъ Сальваторъ* (Островъ Спасителя), и полагалъ, что достигнулъ береговъ Индіи, отнынѣ даетъ всѣмъ симъ странамъ названіе *Индіи Западной*. Нотаріусъ долженъ былъ составить объ этомъ оффиціальныи актъ. Отдавъ сему чиновнику свое повелѣніе, Колумбъ произнесъ сочиненную имъ самимъ молитву: *Domine Deus aeternae et omnipotens, sacro tuo verbo coelum et terram et mare creasti; benedicatur et glorificetur nomen tuum, laudetur tua majestas, quae dignata est per humilem servum tuum efficere ut ejus sacrum nomen agnoscat et praedicetur in hac altera mundi parte* (Господи Боже, превъшний и всемогущій, сотворившій святымъ словомъ твоимъ небо, землю и море! Да благословится и прославится имя твое, да восхвалятся твое величіе,

и проповѣдуемое смиреннымъ рабомъ твоимъ, да познается и проповѣдуется святое имя твое въ сей части міра)! — Повелѣніемъ Королевскимъ приказано было въ послѣдствіи произносить сію молитву при каждомъ открытіи и принятіи въ Испанское владѣніе неизвѣстныхъ дотоле земель и острововъ. Совершивъ обрядъ принятія земли, Колумбъ обратился къ своимъ спутникамъ, объявилъ имъ, что по высочайшей волѣ Ихъ Величествъ, Короля и Королевы, онъ, какъ исполнившій свое обѣщаніе и открывшій неизвѣстныя дотоле земли Западной Индіи, пріемлетъ отнынѣ титулъ и званіе *Адмирала флотовъ на Океанѣ, Генераль-Губернатора и Вицераля Западной Индіи*, представителя священной Королевской особы, и требуетъ отъ подчиненныхъ своихъ присяги себѣ въ семъ званіи и чинѣ. Немедленно всѣми произнесена была законная присяга. Колумбъ обнялъ и обლობызалъ потомъ спутниковъ своихъ. Въ общей радости забыты были чины и званія. Матрозы изъявляли непомѣрный восторгъ своей крикомъ, слезами, смѣхомъ, прыжками. Еще за сутки, они почитали себя жертвами, обреченными на неизбѣжную гибель; теперь они казались сами себѣ необыкновенными любимцами счастья; тѣсаясь около Адмирала, на перерывъ спышали они цѣловать его руки, ноги, платье. Кто прежде болѣе другихъ осуждалъ, порицалъ его, возбуждалъ товарищей къ неповновѣнію, тотъ являлся въ сіи минуты болѣе другихъ покорнымъ, униженнымъ. Многіе просили уже Адмирала не забыть ихъ услугъ, при раздѣлѣ награжденій, при раздачѣ богатствъ, земель, чиновъ; другіе валялись въ ногахъ Колумба, умоляли его забыть ихъ буйство, непослушаніе, и заклинаясь страшными клятвами, быть отнынѣ навсегда его послушными, вѣрными рабами. Колумбъ говорилъ, что все забы-

ваетъ, прощаетъ, не будетъ помнить прошедшаго; цѣловаль и обнималъ всѣхъ безъ различія.

Когда обряды торжественные были совершены, и первыя минуты шумнаго восторга и радостнаго смятенія пролетѣли, Колумбъ и его товарищи обратили любопытное вниманіе на все окружающее ихъ, землю, лѣса, воды, людей.

Странная участь столь многихъ дѣлъ въ жизни Колумба является намъ и въ семь случаевъ. Не удивительно-ли, что мы не знаемъ достоверно: какой именно былъ *первый островъ*, открытый Колумбомъ?

По извѣстіямъ Колумба, туземцы называли сей островъ *Гуанагани*. Онъ наименовалъ его *Санъ-Сальваторъ*. Такъ называется донынѣ одинъ изъ острововъ Лукайскихъ, или Багамскихъ, находящихся на сѣверо-востокъ отъ Кубы и Сень-Доминго; Англичане назвали его потомъ *Кошгетиль островомъ* (Cat Island).

Но по другимъ изслѣдованіямъ, полагаютъ, что Колумбъ присталъ первоначально къ одному изъ такъ называемыхъ *Турецкихъ острововъ*, составляющихъ отдѣльный небольшой архипелагъ, находящійся на сѣверъ отъ Сень-Доминго, и именно, къ острову el Gran Turco. То и другое мнѣніе имѣютъ ученыхъ и жаркихъ защитниковъ. Упомянемъ наконецъ о третьемъ мнѣніи, что Колумбомъ Санъ-Сальваторъ долженъ быть островъ *Вателингъ*, или *Ватлингъ*, лежащій восточнѣ острова, извѣстнаго нынѣ подъ именемъ Санъ-Сальватора *.

Не странно ли и то, что когда мы не знаемъ достоверно мѣста *перваго открытія Колумбова*, не-

* Любопытныя изслѣдованія о семъ предметѣ, см. у Вашингтона Ирвинга, Т. IV, приб. 16-е, и во Французскомъ переводѣ Наварретола сочиненія, Т. II, стр. 40 и 359. Кажется, что первое изъ приведенныхъ нами мнѣній основательнѣе всѣхъ другихъ.

справедливое названіе *Западной Индіи*, данное имъ вообще всѣмъ новооткрытымъ отъ него островамъ и землямъ, было принято Испанцами, и отъ нихъ всѣми другими народами? Дознынѣ еще это сбивчивое названіе употребляется многими путешественниками и учеными людьми, для означенія *Америки*, въ слѣдствіе чего и Американскихъ дикарей называютъ Индѣйцами. Другіе ограничиваютъ Западную Индію островами, составляющими обширный архипелагъ въ заливѣ Мексиканскомъ, между сѣвернымъ и южнымъ материками Американскимъ, причисляя сюда Кубу, Сень-Доминго, Ямайку, Пуэрто-Рико, острова Антильскіе и Лукайскіе. Нѣкоторые, наконецъ, приписываютъ названіе Западной Индіи только однимъ Антильскимъ островамъ. Пора-бы, кажется, устранить изъ географіи всѣ сбивчивыя названія Западныхъ Индій, Австраліи и Полинезій, и не называть Индѣйцами туземцовъ Америки, во избѣжаніе смѣшенія понятій. Но включивъ въ титулъ Королевскій Америку подъ именемъ Индіи, Испанцы употребляютъ сіе названіе, какъ официальное, и во всѣхъ сочиненіяхъ, актахъ и дѣлахъ Испанскихъ Америка донынѣ сохранила названіе, данное Колумбомъ (El Indie Occidentale). Замѣтимъ еще, что какъ будто бы преслѣдуя память великаго человѣка, судьба не допустила быть названною его именемъ той обширной части свѣта, которую присовокупилъ онъ къ извѣстному до него міру, и именемъ его послѣдователя *, мореплавателя малоизвѣстнаго и незначительнаго въ числѣ другихъ, неблагодарное потомство наименовало великое открытіе Колумба. Только въ новѣйшія времена, утвердивъ свою самобытную независимость, обитатели Южной Амери-

* *Америка Веспугія*.

ки почтили память великаго челоуѣка, придавъ своему государству имя *Колумбін* *.

Съ удивленіемъ и любопытствомъ взирая на дикихъ обитателей острова, Испанцы увидѣли разницу сихъ дикарей отъ всѣхъ известныхъ имъ догола народовъ. Наружность ихъ не показывала ни какого богатства, ни какого образованія; при совершенной наготѣ, тѣло ихъ было расписано разными красками, а природный цвѣтъ его былъ мѣдный, или желтый темный; волосы на головахъ ихъ были длинные, щетинистые; бороды у нихъ вовсе не было. Впрочемъ, они казались стройны и красивы.

Съ началомъ дня, дикари, какъ мы уже упоминали, собрались на берегъ, и съ удивленіемъ смотрѣли на Европейскіе корабли — неизвестныхъ имъ догола морскихъ чудовищъ, неизвѣстно откуда явившихся. Они извѣляли страхъ и опасеніе. Когда шлюпки стали подходить къ берегу, видъ людей въ блестящемъ оружій, въ разноцвѣтной одеждѣ, съ знаменами, ружьями, привелъ ихъ въ такую робость, что они опротивѣли разбѣжались. Но видя, что неизвѣстныя чудовища не трогаютъ ихъ, по маленьку собирались и глядѣли они издали, робко, боязливо подходили со всѣми знаками униженія, становились на колѣни, кланялись въ землю. Внимательно смотрѣли они потомъ, какъ совершался обрядъ принятія острова. Когда послѣ сего стали имъ дѣлать знаки дружества, увѣрить въ безопасности, звать ихъ, они ободрились, подошли близко, смотрѣли

* Такъ называется теперь обширное государство, основанное Боливаромъ, и составленное изъ преждебывшихъ Испанскихъ областей: *Новой Гренады* и *Каракаса*. Впрочемъ, послѣ смятеній 1831 года, Колумбінъ приняла названіе *Соединенныхъ Юго-Американскихъ Штатовъ*, и раздѣлилась на три части: *республику Новой Гренады*, *республику Венесуэльскую* и *республику Экваторіальную*. Имя Колумбінъ опять должно исчезнуть изъ географическихъ названій.

на пришельцовъ, трогали руками ихъ платье, оружіе, лица. Увѣрясь наконецъ, что неизвѣстные пришельцы не чудовища, а люди, они почли, что это были небесные духи, нисшедшіе съ облаковъ, а корабли птицы съ огромными крыльями, на которыхъ прилетѣли на землю сіи чудесные посвители. Такое мнѣніе было общее, почти во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ являлись потомъ Испанцы. Не рѣдко дикари спрашивали ихъ: какимъ образомъ сошли вы съ неба, на крыльяхъ, или на облакахъ? — Видъ Адмирала, его отличная, особенно блестящая одежда, съдѣе волосы, и почтеніе, оказываемое всѣми пришельцами, внушили дикарямъ такое уваженіе къ нему, что они почитали его почти Богомъ.

Вскорѣ замѣтили Испанцы, что дикари эти были весьма добродушны и удивительно просты. Оружія у нихъ вовсе не было, кромѣ дубинокъ и палокъ съ рыбьими костями на концѣ; они безопасно брались за острия сабель и шпагъ, не понимая употребленія сихъ орудій.

Колумбъ началъ раздавать подарки дикарямъ: цвѣтные калмаки, стеклянныя, цвѣтныя ожерелья, маленькія гремушки. Дикари не могли нарадоваться всѣмъ этимъ бездѣлкамъ, не могли насладиться звона гремушекъ. До самаго вечера пробыли Испанцы на острову, отдыхали въ его тѣнистыхъ, прекрасныхъ рощахъ, любовались зрѣлищемъ природы очаровательной и неизяснимою простотою дикихъ обитателей острова.

Рано по утру, на другой день, дикари явились близъ кораблей, одни вплавь, другіе въ лодкахъ. Лодки ихъ были большія и маленькія, но всѣ ододревки, т. е. выдолбленныя изъ одного отрубка, хотя въ нѣкоторыхъ помѣщалось челоуѣкъ по року. Море казалось столь же привычною стихіею

для дикарей, какъ и земля: они плавали въ морѣ легко, словно рыбы, и если какал нибудь лодка опрокидывалась, съ другихъ лодокъ бросались въ воду, оборачивали опять лодку легко и скоро, и вычерпывали изъ нея воду тычковыми горшками, которые находились для этого въ лодкахъ. Проворно управляя веслами, сдѣланными въ видѣ вилокъ, дикари плавали съ неизмѣрною быстротою. Страстное желаніе оказывали они имѣть всѣ вещи, какія только видѣли у Испанцевъ, отдавали за то въ обмѣнъ все, что только у нихъ было, подбирали даже черепки горшковъ и кусочки стеколъ, и если нечего было дать въ обмѣнъ — они крали, что попадалось подъ руку, и бросались въ море, стараясь убѣжать на берегъ. Для мѣны привезли они множество ручныхъ попугаевъ и хлопчатую бумагу. Кроме того, привезенъ былъ ими родъ хлѣба, который называли они: *кассава*, и коренья, называемые *юка*, которые составляли питательную снѣдь, будучи сварены, или поджарены; изъ другаго рода юки дѣлали островитяне родъ пирожковъ, хотя для сего надобно было предварительно выдавить изъ корня ядовитый сокъ.

Вниманіе Адмирала и жадность его сопутниковъ возбудило особенное украшеніе дикарей: кусочки золота, которыми дикари украшали себѣ носъ, прокальвая ноздри, и продѣвая въ нихъ ниточки съ висящими на нихъ кусочками золота. Они ни сколько не уважали этимъ украшеніемъ, и охотно отдавали его за гремушки и стеклянные бусы. На вопросъ: гдѣ берутъ они золото? Дикари отвѣчали, сколько можно было понять, что по близости есть островъ, и тамъ находится золота множество, огромные куски, а у тамошняго царя сдѣланы изъ него огромные сосуды. Рассказывая объ окрестностяхъ,

они толковали, что вокругъ нихъ разсѣяно по морю множество острововъ; на нѣкоторые изъ нихъ для мѣны; съ другихъ привѣзжаютъ къ нимъ злые дикіе, бьютъ ихъ и берутъ въ плѣнъ. Они показывали рубцы ранъ, полученныхъ ими въ битвахъ противъ этихъ дикарей.

Изъ всѣхъ объясненій, Колумбъ выводилъ положительное заключеніе, что онъ достигъ Индійскаго берега; что островъ, гдѣ теперь находится онъ, принадлежитъ къ архипелагу *семи тысячъ острововъ*, описанному Маркомъ Павломъ, а свирѣпые гонители островитянъ Гванаганискихъ, вѣроятно, обитатели Сипанго, или Азійскаго материка, принадлежащаго Великому Хану. Рассказы о золотѣ утверждали его въ мнѣніи о безчисленномъ богатствѣ Сипанго и Катая, прославленныхъ Маркомъ Павломъ. Онъ рѣшился наскоро обозрѣть окрестные острова, и постѣпить въ Сипанго и къ Азіискому матерку. Октября 14-го, Адмиралъ объѣзжалъ новооткрытый островъ въ шляпкахъ; грозные утесы окружали его берега, но найдена была однако жъ обширная гавань, въ которую входъ былъ довольно затруднителенъ. Вообще островъ казался благословенною землею, обширнымъ дикимъ садомъ, цвѣтущимъ, зеленѣющимъ и благоухающимъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были замѣтны грубыя начала садоводства и земледѣлія: дикари сажали фруктовыхъ деревьевъ, и растенія, для употребленія корней ихъ въ пищу. Обработыванія металловъ они вовсе не знали, и казалось, что и металловъ у нихъ ни какихъ нѣтъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дикари жили небольшими деревнями, въ бѣдныхъ шалашахъ. Казалось, что они не имѣютъ ни какого понятія о правительствѣ и религіи. Сильнѣйшій и старѣйшій повелѣвали другими. Стыдъ былъ имъ неизвѣстенъ; страсти

ихъ были грубы, чувственны; не зная сущности пороковъ, они крали, лгали и не уважали нравственности, не думая, чтобы это составляло преступленіе.

Когда Колумбъ обозрѣвалъ берега въ своей шляпкѣ, толпами бѣжали по берегу дикари, приглашая его къ себѣ, предлагая ему пищу и питье. Они бросались въ море и плыли за шляпкою въ лодкахъ своихъ, предлагая мѣнять, все, что угодно, на бѣдѣлки, обольщавшія ихъ. Колумбъ щедро награждалъ ихъ этими обольстительными предметами неизвѣстной для нихъ роскоши, и какъ островъ не представлялъ ему ничего значительнаго, и нельзя было думать о заведеніи на немъ колоніи, не осмотрѣвши другихъ острововъ, и притомъ воображеніе Колумба разгорячено было надеждою близости Сипонго и Катая, онъ оставилъ дальнѣйшее обозрѣніе Гванагани.

На другой день, утромъ, корабли подняли паруса. На нихъ было семь дикарей съ новооткрытаго острова, которыхъ отчасти уговорили, отчасти задержали на корабляхъ. Колумбу надобно было изучить по возможности языкъ этихъ дикарей, и онъ хотѣлъ отвезти ихъ въ Испанію, обучить Испанскому языку, окрестить, и потомъ, возвратя въ отечество, распространить черезъ нихъ истинную вѣру въ новооткрытыхъ земляхъ. Если у нихъ нѣтъ ни какой вѣры, за то нѣтъ и ни какой идольской ереси, и по добродушію ихъ тѣмъ легче поймутъ они истину христіанской религіи.

Такъ думалъ Колумбъ, и такова была *первая вѣсть* Европы съ Америкою. Сколько размышленій можетъ внушить намъ описаніе этой встрѣчи, и какой источникъ для глубокой думы философа и историка всѣ подробности открытія острова

Санъ-Сальватора, перваго мѣста Америки, на которое ступила нога Европейца! — Изъ Европы — этой малой, бѣдной части міра, уже столько тысячелѣтій горѣвшей въ страстяхъ, перешедшей столько возрастовъ общественной жизни, съ ея развалинъ, изъ среды ея образованія, этого древа познанія добра и зла, черезъ бурныя моря, притекли Европейцы, принесли съ собою и страсти и образованіе, и зло и благо Европы. Едва ступили они на дѣственную почву новой, богатой природою, обширной части свѣта, и уже совершаютъ свои обряды завоеваній, мечемъ отмѣриваютъ землю, ищутъ золота, жадно доспрашиваютъ его, назначаютъ мѣста для житія, откуда смерть и погибель разольется между людьми Америки. Не зная, что въ Америкѣ были уже свои эпохи, перевороты, измѣненія, свой міръ страстей, свои войны, свое образованіе, они дивятся страннымъ дѣтямъ природы, встрѣченнымъ ими. И что-же эти *дѣти природы*, эти *первобытные люди*, граждане того первоначальнаго образованія обществъ, о которомъ столько мечтали философы и поэты? Они почти звѣри, едва отличенные даромъ слова и человѣческимъ образомъ, они не злодѣи, не преступники, потому только, что не знаютъ различія между добромъ и зломъ, но развѣ ихъ жизнь есть жизнь достойная высокой цѣли бытія человѣческаго, развѣ ихъ бытіе долженъ быть цѣлью нашего существованія на землѣ?

Не мысля о томъ, что внесетъ въ этотъ новый міръ знакомство Европы, Колумбъ мечталъ, что ему предназначено быть гениемъ-просвѣтителемъ этихъ дикарей, что внушивъ имъ истины святой Вѣры, онъ ознакомитъ ихъ со всеми благами Европейскаго образованія, удаляя отъ нихъ зло его.

Онъ хотѣлъ, искалъ богатствъ въ новооткрытомъ имъ мѣрѣ, но думалъ употребить ихъ на благо и счастье Испаніи и отчины своей, на освобожденіе гроба Спасителя изъ рукъ невѣрныхъ.

Такъ думалъ и мечталъ Колумбъ. Изображеніе открытія Новаго Свѣта было-бы не полно, еслибы мы не прибавили къ нашему описанію собственныхъ рассказовъ Колумба. Предлагаемъ, въ вѣрномъ переводѣ изъ дневника Колумбова, записку его о происшествіяхъ съ 11-го Октября, за двѣ послѣдовавшія послѣ того недѣли. Простота изложенія, беспорядокъ описаній, очерки мыслей, приходившихъ въ его голову, все это можетъ сравниться съ самымъ краснорѣчивымъ изложеніемъ историковъ, описывавшихъ потомъ дѣянія Колумба и открытіе Новаго Свѣта. Сказавъ о принятіи острова во владѣніе, о первомъ впечатлѣніи, какое произвелъ на Испанцевъ видъ тамошней природы и ея обитателей, Колумбъ продолжаетъ: «Когда дикіе обитатели острова оказали намъ свою ласковость, я увидѣлъ что они охотнѣе подружатся съ нами и обратятся въ нашу святую Вѣру кротостью и убѣжденіемъ нежели насиліемъ; тотчасъ раздалъ я нѣкоторымъ изъ нихъ цвѣтные калпаки и стеклянныя ожерелья, которыхъ они надѣли на шею, и также подарилъ много другихъ малоцѣнныхъ бездѣлокъ, и это принесло имъ великое удовольствіе, сдѣлало ихъ друзьями нашими въ удивительной степени. Они плыли потомъ за нашими шляпками, и представляли намъ попугаевъ, бумажную пряжу, копья свои, и множество другихъ вещей, обмѣнивая ихъ на то, что мы имъ давали, какъ то: стеклянные бусы и погремушки, и словомъ; они хватались за все, что только мы имъ показывали, и отдавали все, что было у нихъ въ рукахъ. Но мнѣ кажется, что это

народъ бѣдный во всѣхъ отношеніяхъ. Мужчины и женщины ходятъ нагіе, такъ, какъ вышли изъ чрева матери; изъ женщинъ была одна только довольно молодая, а изъ мужчинъ, напротивъ, не было ни одного старѣе лѣтъ тридцати. Они вообще стройны и красивы; волосы у нихъ грубы, какъ лошадиныя гривы, коротки спереди и падаютъ на глаза, а сзади оставляютъ они длинную косу. Нѣкоторые изъ нихъ раскрашиваютъ себя тѣло темною краскою; естественный же цвѣтъ кожи ихъ похожъ на цвѣтъ Канарійцевъ: они ни черны, ни бѣлы. Нѣкоторые изъ нихъ красятъ себя бѣлымъ цвѣтомъ, другіе краснымъ, иные пестрятъ тѣло краскою, какая попадется. Нѣкоторые красятъ себѣ лицо, иные глаза, другіе только носъ. Они не носятъ оружія и не знаютъ его, ибо, когда показывалъ я имъ шпагу, они брались прямо за острее, и обрѣзывали себѣ руки по своей простотѣ. Жельза у нихъ нѣтъ; ихъ копья суть палки безъ дротика; у иныхъ на концѣ рыбій зубъ; у другихъ какое нибудь твердое тѣло. Вообще они стройны и красивы, и движенія ихъ пріятны. Увидя на нѣкоторыхъ рубцы отъ ранъ, я спрашивалъ ихъ знаками, что это такое, и они старались дать мнѣ понятіе, что на ихъ островъ переплываютъ люди съ соседнихъ острововъ, хотятъ захватить ихъ, и они защищаются. Я думалъ и думаю, что къ нимъ приходятъ съ материка, стараясь захватывать ихъ въ рабство. Они должны быть добрые слуги и добраго свойства. Замѣтилъ я, что они тотчасъ повторяли все что имъ скажешь, и полагаю, что не трудно будетъ обратить ихъ въ христіанство, ибо мнѣ показалось, что у нихъ нѣтъ никакого идольскаго богослуженія. Если угодно будетъ Господу, отъѣзжая обратно, я привезу ихъ полдюжины Вашимъ

Величествамъ *, чтобы выучить ихъ говорить. Я не замѣтилъ никакого рода животныхъ на островѣ, кромѣ попугаевъ.

«Суббота, Октября 13-го. Едва начался день, мы увидѣли собравшихся на берегу острова дикарей, все молодыхъ, и какъ я уже говорилъ выше; всѣ они довольно высокаго роста; это поколѣніе людей истинно весьма красивыхъ. Волосы у нихъ не курчавые, но падающіе косицами и грубые, какъ лошадиная грива. Лбы и головы у нихъ отменно широки, болѣе нежели у какого нибудь другаго, видѣннаго мною народа. Глаза у нихъ прекрасны и совсѣмъ не малы. Цвѣтъ тѣла у нихъ не черный, но похожъ на цвѣтъ Канарійскихъ уроженцевъ, и не можетъ быть иной, ибо положеніе земли ихъ одинаково съ островомъ Ферро, одномъ изъ Канарійскихъ, въ прямой линіи отъ востока на западъ. Вообще ноги у нихъ прямы, и брюхо не велико и соразмѣрно. Они приплыли къ моему кораблю въ лодкахъ (Almadias), сдѣланныхъ изъ древесныхъ отрубковъ, какъ длинныя барки, и всѣ лодки были однопалубныя, выработанныя удивительно, судя по недостаточеству способовъ; нѣкоторыя лодки довольно велики, и вмѣщаютъ отъ 40 до 45 человекъ, а другія менше; есть и такія, что вмѣщаютъ въ себя только одного человѣка. Дикари гребли веслами, похожими на вилы, и посредствомъ сихъ веселъ, лодки ихъ плывутъ удивительно; если которая изъ нихъ опрокинется, дикари бросаются въ воду, поправляютъ лодку, и вычерпываютъ воду горшками, которые носятъ при себѣ. Они привезли намъ клубки пряденой бумаги, попугаевъ, копыя, и другія бездѣлки, которыя излишне было

* Весь дневникъ Колумба описанъ въ видѣ ежедневнаго донесенія королю и королеві.

бы здѣсь исчислять. Все отдавали они за разные мелочи, какія предлагали имъ въ обмѣнъ. Я внимательно разсматривалъ ихъ, и старался узнать: нѣтъ-ли у нихъ золота? Видя, что нѣкоторые изъ нихъ носятъ маленькіе кусочки золота, привѣшенные къ отверзтію, сдѣланному въ носъ, достигъ я знаками до того, что они поняли меня. Въ отвѣтъ дали мнѣ знать, что если объѣхать ихъ островъ и плыть къ югу, то найдемъ страну, гдѣ у короля находятся большіе золотые сосуды и великое количество сего металла. Сначала старался я уговорить ихъ ѣхать съ нами въ сію землю, но вскорѣ понялъ, что они на то несогласны. Я рѣшился пробить здѣсь до послѣ-обѣда завтрашняго, и потомъ ильть на юго-западъ, гдѣ, по извѣщеніямъ, какія дѣлали многіе изъ дикарей, есть земля, такъ-же, какъ и на югъ и сѣверо-западъ, откуда жители находящейся въ семь направленіи земли, часто пріѣзжаютъ сражаться, и ѣздить на юго-западъ для исканія золота и драгоценныхъ камней. Островъ, найденный нами, великъ, весьма ровень, и покрытъ зеленѣющими деревьями; воды на немъ много; большое озеро находится по срединѣ его и нѣтъ ни одной горы. Онъ весь въ зелени, такъ, что пріятно смотрѣть на него, а жители его весьма кротки. Жадные къ нашимъ вещамъ, и увѣренные, что имъ ничего не дадутъ, если нечего дать въ обмѣнъ, они крадутъ когда можно, и тотчасъ бросаются впасть. Но все, что есть у нихъ, отдаютъ они за всякую бездѣлку, имъ предлагаемую; они вымѣниваютъ себѣ даже черепки горшковъ и обломки стеколъ, такъ, что шестнадцатъ мотковъ бумаги отдали они мнѣ за три *цетти* Португальскія, что стоитъ не болѣе двухъ *бъльихъ*

Величествамъ *, чтобы выучить ихъ говорить. Я не замѣтилъ никакого рода животныхъ на островѣ, кромѣ попугаевъ.

«Суббота, Октября 19-го. Едва начался день, мы увидѣли собравшихся на берегу острова дикарей, все молодыхъ, и какъ я уже говорилъ выше; всѣ они довольно высокаго роста; это поколѣніе людей истинно весьма красивыхъ. Волосы у нихъ не курчавые, но падающіе косицами и грубые, какъ лошадиная грива. Лбы и головы у нихъ отменно широки, болѣе нежели у какого нибудь другаго, виднаго мною народа. Глаза у нихъ прекрасны и совсѣмъ не малы. Цвѣтъ тѣла у нихъ не черный, но похожъ на цвѣтъ Канарійскихъ урожденцовъ, и не можетъ быть иной, ибо положеніе земли ихъ одинаково съ островомъ Ферро, одномъ изъ Канарійскихъ, въ прямой линіи отъ востока на западъ. Вообще ноги у нихъ прямы, и брюхо не велико и соразмѣрно. Они приплыли къ моему кораблю въ лодкахъ (Almadias), сдѣланныхъ изъ древесныхъ отрубковъ, какъ длинныя барки, и всѣ лодки были одноподеревки, выработанныя удивительно, судя по недостаточеству способовъ; нѣкоторыя лодки довольно велики, и вмѣщаютъ отъ 40 до 45 человекъ, а другія менше; есть и такія, что вмѣщаютъ въ себя только одного человѣка. Дикари гребли веслами, похожими на вилы, и посредствомъ сихъ веселъ, лодки ихъ плывутъ удивительно; если которая изъ нихъ опрокинется, дикари бросаются въ воду, поправляютъ лодку, и вычерпываютъ воду горшками, которые носятъ при себѣ. Они привезли намъ клубки пряденой бумаги, попугаевъ, копья, и другія бездѣлки, которыя излишне было

* Весь дневникъ Колумба описанъ въ видѣ ежедневнаго дописанія королю и королевѣ.

бы здѣсь исчислять. Все отдавали они за разныя мелочи, какія предлагали имъ въ обмѣнъ. Я внимательно разсматривалъ ихъ, и старался узнать: нѣтъ-ли у нихъ золота? Видя, что нѣкоторые изъ нихъ носятъ маленькіе кусочки золота, привѣшенные къ отвертѣнью, сдѣланному въ носъ, достигъ я знаками до того, что они поняли меня. Въ отвѣтъ дали мнѣ знать, что если объѣхать ихъ островъ и плыть къ югу, то найдемъ страну, гдѣ у короля находятся большіе золотые сосуды и великое количество сего металла. Сначала старался я уговорить ихъ ѣхать съ нами въ сію землю, но вскорѣ понялъ, что они на то несогласны. Я рѣшился пробить здѣсь до послѣ-обѣда завтрашняго, и потомъ плыть на юго-западъ, гдѣ, по извѣщеніямъ, какія дѣлали многіе изъ дикарей, есть земля, такъ-же, какъ и на югъ и сѣверо-западъ, откуда жители находящейся въ семь направленій земли, часто привѣзжаютъ сражаться, и вѣзятъ на юго-западъ для исканія золота и драгоценныхъ камней. Островъ, найденный нами, великъ, весьма ровень, и покрытъ зеленѣющими деревьями; воды на немъ много; большое озеро находится по срединѣ его и нѣтъ ни одной горы. Онъ весь въ зелени, такъ, что пріятно смотрѣть на него, а жители его весьма кротки. Жадные къ нашимъ вещамъ и увѣренные, что имъ ничего не дадутъ, если нечего дать въ обмѣнъ, они крадутъ когда можно и тотчасъ бросаются вплавать. Но все, что есть у нихъ, отдаютъ они за всякую бездѣлку, имъ предлагаемую; они вымѣниваютъ себѣ даже черепки горшковъ и обломки стеколъ, такъ, что шестнадцать мотковъ бумаги отдали они мнѣ за три цейты Португальскія, что стоитъ не болѣе двухъ бльма

Величествамъ ", чтобы выучить ихъ говорить. Я не замѣтилъ никакого рода животныхъ на островѣ, кромѣ попугаевъ.

«Суббота, Октября 13-го. Едва начался день, мы увидѣли собравшихся на берегу острова дикарей, все молодыхъ, и какъ я уже говорилъ выше; всѣ они довольно высокаго роста; это поколѣніе людей истинно весьма красивыхъ. Волосы у нихъ не курчавые, но падающіе косицами и грубые, какъ лошадиная грива. Лбы и головы у нихъ отмѣнно широки, болѣе нежели у какого нибудь другаго, видѣннаго мною народа. Глаза у нихъ прекрасны и совсѣмъ не малы. Цвѣтъ тѣла у нихъ не черный, но похожъ на цвѣтъ Канарійскихъ урожденцовъ, и не можетъ быть иной, ибо положеніе земли ихъ одинаково съ островомъ Ферро, одномъ изъ Канарійскихъ, въ прямой линіи отъ востока на западъ. Вообще ноги у нихъ прямы, и брюхо не велико и соразмѣрно. Они приплыли къ моему кораблю въ лодкахъ (Almadias), сдѣланныхъ изъ древесныхъ отрубковъ, какъ длинныя барки, и всѣ лодки были однопалубныя, выпробованныя удивительно, судя по недостаточеству способствъ; нѣкоторыя лодки довольно велики, и вмѣщаютъ отъ 40 до 45 человекъ, а другія менше; есть и такія, что вмѣщаютъ въ себя только одного человѣка. Дикари гребли веслами, похожими на вилы, и посредствомъ сихъ весель, лодки ихъ плывутъ удивительно; если которая изъ нихъ опрокинется, дикари бросаются въ воду, поправляютъ лодку, и вычерпываютъ воду горшками, которые носятъ при себѣ. Они привезли намъ клубки приденной бумаги, попугаевъ, копья, и другія бездѣлки, которыя излишне было

* Весь дневникъ Колумба описанъ въ видѣ ежедневнаго донесенія королю и королевѣ.

бы здѣсь исчислять. Все отдавали они за разные мелочи, какія предлагали имъ въ обмѣнъ. Я внимательно разсматривалъ ихъ, и старался узнать: нѣтъ-ли у нихъ золота? Видя, что нѣкоторые изъ нихъ носятъ маленькіе кусочки золота, привѣшенные къ отверзтію, сдѣланному въ носѣ, достигъ я знаками до того, что они поняли меня. Въ отвѣтъ дали мнѣ знать, что если объѣхать ихъ островъ и плыть къ югу, то найдемъ страну, гдѣ у короля находятся большіе золотые сосуды и великое количество сего металла. Сначала старался я уговорить ихъ ѣхать съ нами въ сію землю, но вскорѣ понялъ, что они на то несогласны. Я рѣшился пробить здѣсь до послѣ-обѣда завтрашняго, и потомъ плыть на юго-западъ, гдѣ, по изысканіямъ, какія дѣлали многіе изъ дикарей, есть земля, такъ-же, какъ и на югъ и сѣверо-западъ, откуда жители находящейся въ семь направленіи земли, часто привѣзжаютъ сражаться, и вѣзятъ на юго-западъ для исканія золота и драгоценныхъ камней. Островъ, найденный нами, великъ, весьма ровень, и покрытъ зеленѣющими деревьями; воды на немъ много; большое озеро находится по срединѣ его и нѣтъ ни одной горы. Онъ весь въ зелени, такъ, что пріятно смотрѣть на него, а жители его весьма кротки. Жадные къ нашимъ вещамъ, и увѣренные, что имъ ничего не дадутъ, если нечего дать въ обмѣнъ, они крадутъ когда можно, и тотчасъ бросаются вплавъ. Но все, что есть у нихъ, отдаютъ они за всякую бездѣлку, имъ предлагаемую; они вымѣниваютъ себѣ даже черепки горшковъ и обломки стеколъ, такъ, что шестнадцатъ мотковъ бумаги отдали они мнѣ за три *цейтин* Португальскія, что стоитъ не болѣе двухъ *бъльмъ*

монеть кастильскихъ * а эти 16-ть мотковъ бумаги въсли почти 25, или 30 фунтовъ. Я запретилъ вымѣнивать бумагу моимъ подчиненнымъ, желая приобрести ее для Вашихъ Величествъ, еслибы нашлось порядочное количество; это значительное произведеіе сего острова, но малое время какое намѣренъ я здѣсь остаться, не дозволяетъ мнѣ, впрочемъ, узнать всё его произведеіе. Золото, которое привѣшиваютъ дикари къ носу своему, здѣсь также находится, но я не разыскивалъ его, желая поскорѣе плыть дальше, и развѣдать, могу-ли я достигнуть здѣсь острова Сипанго. Съ наступленіемъ ночи, всё дикари отправились на берегъ въ своихъ лодкахъ.

«Воскресенье, Октябрѣ 14-го. Едва начался день, я приказалъ изготвить боть моего корабля и шлюпки другихъ, и отправился въ направленіи NNE, для обзорнія береговъ острова и его народонаселенія. Вскорѣ увидѣли мы дикарей, которые сбѣгались на берегъ, звали насъ и благодарили Бога; одни несли намъ воды, другіе кушанья; иные, вида, что я не расположенъ идти на берегъ, бросались вплавъ по морю и подплывали къ намъ. Мы поняли, что они спрашиваютъ насъ: не съ неба-ли пришли мы? Одинъ старикъ вошелъ въ мой боть, а другіе громко звали къ себѣ всѣхъ, мужчинъ и женщинъ, оставшихся на берегу. «Идите смотрѣть,» говорили они, «людей, сошедшихъ съ неба; несите имъ пищу и питье!» Множество мужчинъ и женщинъ приплыли послѣ сего къ намъ,

* *Seviti* или *Sepiti*, монета, бита въ Цейтъ, и бывшая у Португальцевъ въ употребленіи; *blanca* назывались въ Испаніи два рода монетъ: одна цѣною полъ-марадевиса, а другая составляла пять денъеровъ, или менше двухъ ллардовъ; такъ называли еще полу-денъеры, которыхъ 480 стоили около франка.

и всё что нибудь приносили. Они благодарили Бога, бросались на землю, поднимали руки къ небу и приглашали насъ идти на берегъ, съ шумными восклицаніями. Но я опасался пристать къ берегу, ибо передъ глазами моими были огромные каменные утесы, окружающіе островъ всюду. Но берегъ сей образуетъ однакожь въ одномъ мѣстѣ обширный портъ, гдѣ помѣстятся корабли всѣхъ христіанскихъ государствъ; только входъ въ него очень узокъ. Конечно, есть тутъ и удобныя якорныя мѣста; вода стоитъ въ немъ такъ неподвижно, какъ будто въ колодцахъ.

«Я отправлялся сего утра, дабы все хорошенько изслѣдовать, и быть потомъ въ состояніи отдать отчетъ Вашимъ Величествамъ, а также видѣть, гдѣ можно построить крѣпость. Замѣтилъ я часть земли, на которой находится шесть хижинъ, составляющую почти островъ; хоть онъ и не совсѣмъ отдѣленъ отъ материка, но это можно сдѣлать работою двухъ дней. Не думаю однакожь, чтобы это было необходимо, ибо здѣшніе дикари совсѣмъ не военный народъ, какъ можете усмотрѣть, Ваши Величества, и судить по семи человѣкамъ, которыхъ взялъ я съ собою, дабы научить ихъ нашему языку, и потомъ отвезти обратно въ ихъ отчизну. Если бы Ваши Величества приказали забрать ихъ всѣхъ и перевезти въ Кастилію, или держать въ неволяхъ на ихъ островѣ, ничего не было-бы легче, ибо съ 50-ю человѣками можно удерживать всѣхъ ихъ въ покорности совершенной, и дѣлать съ ними все, что угодно. Подлѣ полуострова, о которомъ говорилъ я, видѣли мы фруктовые сады, насаженные деревьями; листья на нихъ такъ зелены, какъ бываютъ въ Кастиліи въ Апрѣль и Маѣ, и сіи сады, прекраснѣйшіе всѣхъ, какіе только видать я,

орошены въ изобиліи источниками прѣсной воды. Обозрѣвши островской портъ, во всей подробности, возвратился я на корабль и поднялъ паруса.—Вскорѣ увидѣли мы такое множество острововъ, что весьма затрудненъ я былъ выборомъ, къ которому пристать прежде, тѣмъ паче, что взятые мною дикари объясняли мнѣ знаками, что острововъ въ окрестности столько, что и сосчитать нельзя, и они назвали мнѣ болѣе ста по именамъ. Я старался узнать который болѣе всѣхъ, и къ нему рѣшился я идти, что и исполняю теперъ. Этотъ островъ почти въ пяти лье отъ того, который я оставилъ, и который называлъ я *Санъ-Сальваторъ*; другіе отдалены болѣе и менѣе, и всѣ низки, безъ горъ, очень плодоносны и хорошо населены. Всѣ они ведутъ войну одинъ съ другимъ, хотъ обитатели ихъ весьма просты и добродушны.

Понедѣльникъ, Октября 15-го. Нынѣшнюю ночь промедлялъ я, боясь, что нельзя будетъ пристать къ землѣ при сумракѣ, изъ опасенія нѣтъ-ли у береговъ отмелей, и потому рѣшился вступить подъ паруса только съ началомъ дня. Поелику островъ, куда шель я, былъ въ семи, а не въ пяти лье, отъ того, который я оставилъ, то и было уже около полудня, когда мы пришли къ берегу. Я узналъ, что видимый берегъ его противъ Санъ-Сальватора, въ направленіи отъ сѣвера къ югу въ разстояніи пяти лье, а другой пройденный мною островокъ слѣдуетъ за нимъ отъ востока къ западу, на разстояніи болѣе 10-ти лье. И какъ отъ сего острова увидѣлъ я другой, обширнѣйшій, на западъ, то и поднялъ я паруса для плаванія черезъ весь остатокъ дня до ночи, ибо иначе не могъ-бы я дойти даже до западной оконечности сего острова, который называлъ я островомъ *Зачатія Св. Дьвы* (*Santa-Maria*

de la Concepcion). Почти при захожденіи солнца присталъ я къ землѣ подлѣ предположеннаго пункта, дабы узнать есть-ли тутъ золото, ибо дикари, взятые мною на Санъ-Сальваторѣ, говорили, что жители сего острова носятъ огромныя золотыя кольца на рукахъ и на ногахъ. Я полагалъ однакожь, что все ими сказанное была ложь, дабы отыскать случай убѣжать отъ насъ. Но какъ бы то ни было, не хотѣлъ я миновать никакого острова не принявъ его во владѣніе, хотя принятіе одного значило тоже, что взятіе во владѣніе всѣхъ. И такъ присталъ я къ землѣ, и остался на якорѣ до нынѣшняго вторника, когда съ началомъ дня отправился на берегъ въ вооруженной шлюпкѣ. Вышедши на землю, нашли мы обитателей въ большомъ числѣ, совершенно нагихъ, и одного поколѣнія съ Санъ-Сальваторскими; они свободно допустили насъ ходить по своему острову, и давали намъ все, что мы у нихъ спрашивали. Но какъ дулъ сильный вѣтеръ съ юго-востока, то я не захотѣлъ остаться, и поплылъ къ кораблю. Приближаясь къ каравелѣ Нинѣ, увидѣлъ я большую лодку, въ которой плыль одинъ изъ нашихъ Санъ-Сальваторцевъ: онъ сбросилъ эту лодку съ корабля въ море, и бросился самъ; ночью одинъ изъ нихъ убѣжалъ вплавь къ берегу; мы преслѣдовали новаго бѣглеца, но лодка его плыла такъ быстро, что никакая шлюпка не могла-бы догнать ее, и мы скоро отстали отъ него. Такъ, не смотря на наши усилія, бѣглецъ ушелъ, но лодку онъ бросилъ. Нѣкоторые изъ нашихъ вскочили на берегъ и погнались за нимъ, отъ чего всѣ дикари разбѣжались, словно курицы. Мы увезли брошенную лодку, и, возвращаясь, увидѣлъ я подлѣ Нины маленькую ладью, гдѣ сидѣлъ одинъ дикарь, приплывшій съ другой оконечности острова, для обмѣна клубка бу-

маги. Матрозы бросились за нимъ въ море, ибо онъ не хотѣлъ идти на каравеллу, и взяли его. Я стоялъ на палубѣ моего корабля и видѣлъ все; немедленно велѣлъ я привести ко мнѣ этого дикаря, дать ему красный калпакъ, нѣсколько зеленыхъ бусовъ, повязавъ ихъ ему на руки, подарилъ еще двѣ гремушки, которыя прицепили ему къ ушамъ; потомъ возвратилъ я ему лодку его, уже находившуюся въ нашей шлюпкѣ, и отправилъ этого дикаря свобод-но. Мы поплыли послѣ него къ большому острову, видимому на западѣ, и я велѣлъ отвязать и пустить по морю другую лодку, захваченную Ниною. Любопытно мнѣ было смотрѣть на берегъ, какъ приплыветъ туда дикарь, котораго одарилъ я, о чемъ выше сказано, не взявши у него клубка бумаги, который давалъ онъ намъ. Всѣ дикари окружили его, и онъ толковалъ имъ, что мы люди добрые, чему показывалъ доказательства, изъясняя, что онъ въ восторгѣ отъ насъ, а тотъ, который убѣжалъ отъ насъ, конечно, что нибудь напроказилъ, и потому былъ задержанъ нами. Для того и поступилъ я съ дикаремъ ласково, отпустилъ и одарилъ его, чтобы онъ хвалилъ насъ, и чтобы, когда въ другой разъ Ваши Величества пошлете кого-либо на сей островъ, дикари не оказали-бы неласковаго приема. Впрочемъ, все, что подарилъ я дикарю, не стоило четырехъ мараведисовъ. Было около десяти часовъ, когда отправился я къ большому острову, гдѣ, по изъясненіямъ всѣхъ взятыхъ мною въ Санъ-Сальваторѣ дикарей, есть много золота, и обитатели носятъ золотыя кольца и цѣпи на рукахъ, ногахъ, въ ушахъ, въ носу и на шеѣ. Отъ острова *Зачатія* до сего острова будетъ добрыхъ десять миль, съ востока къ западу, и протяженіе его, кажется мнѣ, не менѣе 28 лье. Поверхность острова равна, безъ горъ,

такъ-же какъ на островахъ Санъ-Сальватора и Зачатія. Утесовъ и скалъ на сихъ островахъ нѣтъ, но все они окружены подводными и прибрежными камнями. Для сего надобно хорошио смотрѣть, приставая къ берегамъ, и не слишкомъ близко становиться къ землѣ, хотя вода здѣсь такъ прозрачна, что дно морское видно. На два ружейные выстрѣла отъ береговъ, море столь глубоко, что нельзя достать дна. Всѣ сии острова покрыты зеленью и весьма плодотворны; воздухъ на нихъ приятенъ, и, конечно, нашлось бы на нихъ много новаго, но я не хочу останавливаться, желая обозрѣть побольше острововъ, и отыскать, гдѣ тутъ есть золото. И послѣ дикари говорятъ, что именно золото носятъ которые-то изъ островитянъ на рукахъ и ногахъ, это знакъ, что его на томъ островѣ изобиліе, и при помощи Господней, я конечно отыщу мѣста, гдѣ оно добывается. Находясь теперь на морѣ, между островами *Зачатія* и большимъ, куда иду, и который называю я *Фернандина**, встрѣтилъ я въ лодкѣ дикаря, плывущаго съ острова *Зачатія* къ Фернандинѣ. У него въ лодкѣ нашли немного приготавлимаго дикарями хлѣба, тыквенную бутылку съ водою, кусокъ красной земли въ порошокъ, и нѣсколько сушеныхъ листьевъ (это должна быть у нихъ драгоценность, ибо меня дарили такими листьями на Санъ-Сальваторѣ). Въ маленькой корзинкѣ везъ онъ нѣсколько бусовъ нашихъ и двѣ бланки: это показало, что онъ плыветъ съ Санъ-Сальватора, былъ на островѣ *Зачатія*, откуда ѣдетъ на о. Фернандину. Плыва мимо, просился онъ къ намъ; мы взяли его, и съ лодкою; я не велѣлъ его трогать, далъ ему вѣсть хлѣба съ медомъ, и пить. Довезу его до о. Фернандины, и ничего не возьму отъ него, чтобы сохранить

* Нынѣ называется *Экули*.

доброе о насъ мнѣніе, и чтобы, когда Ваши Величества пошлете сюда кого-либо, если вамъ будетъ угодно, посланные ваши нашли хорошій приемъ, и получили отъ дикарей, что можно.

«Вторникъ, Октября 16-го. Почти въ полдень отправился я отъ о. Зачатія къ о. Фернандиѣ. Онъ кажется очень великъ съ западной стороны; весь день плыль я, и не могъ достигнуть предполагаемаго пункта за-свѣтло, такъ, чтобы можно было пристать, съ необходимою въ здѣшнихъ мѣстахъ осторожностью, по причинѣ подводныхъ камней. Потому простолли мы, спернувъ паруса, всю ночь, и уже днемъ прибыли къ берегу. Дикарь, гостившій у насъ и отпущенный впередъ, такъ хорошо говорилъ объ насъ, что всю ночь подлѣ моего корабля находились лодки, наполненныя островитянами, привозившими къ намъ воду, и все, что они имѣли. Я раздавалъ имъ всякую всячину, какъ-то: стеклянные бусы, по одиначкѣ, или по дюжинѣ на ниточкахъ, мѣдные бубенчики, которые продаются въ Испаніи не дороже мараведиса, кисточки, и все это цѣнили они весьма дорого. Мы угощали ихъ пацокою. Въ три часа отправилъ я шлюпку наливаться водою; дикари указывали гдѣ взять ее, и сами таскали боченки въ шлюпку, когда ихъ наполнили. Они были радехоньки, если могли услужить намъ. Островъ этотъ очень великъ, и я рѣшаюсь объѣхать его, ибо, кажется, или на немъ, или на окрестныхъ островахъ, есть золотые рудники. Отъ остр. Зачатія до сего мѣста около 8-ми мѣ, на востокъ съ запада. Видъ открывается мѣ на 20-ть, но все еще вполне протяженія не видно. Въ сію минуту, когда пищу сіи строки, мы поднимаемъ паруса, при южномъ вѣтрѣ, дабы плыть кругомъ острова, пока не достигнемъ

Самоота — города, или земли, гдѣ находится золото, какъ говорятъ всѣ посѣщающіе насъ, и какъ говорили намъ на о. Санъ-Сальваторѣ и на о. Зачатія. Обитатели Фернандины похожи на дикарей другихъ острововъ, по языку, нравамъ, и по всему; только, кажется мнѣ, они общительнѣе (*mas domestica gente*), образованнѣе и плутоватѣе, ибо, приносилъ для мѣны бумагу и другія вещи, умѣютъ лучше своихъ сосѣдей торговаться. Я видѣлъ здѣсь куски бумажныхъ тканей въ видѣ плащей, и вообще здѣшніе островитяне ловчѣе, и уже имѣютъ родъ одѣлній; женщины носятъ передники. Островъ покрытъ зеленою, ровной поверхностью, очень плодороденъ, и, кажется, жители съютъ хлѣбъ и другія травы для пищи. Я видѣлъ много деревъ, совсѣмъ различныхъ отъ нашихъ, и у многихъ вѣтви разнаго рода, хотя и на одномъ пнѣ: одна вѣтвь такал, другая инал, и смѣсь породъ столь страшна, что различіе формъ ихъ на одномъ деревѣ изумляетъ невольное. У одной вѣтви, напримѣръ, листья въ видѣ тростника, у другой въ видѣ фисташковаго дерева, и такъ на одномъ деревѣ пять, шесть видовъ различныхъ, и на каждомъ деревѣ все разное, но не прививныя, чему можно-бы приписать это удивительное различіе. Напротивъ, деревья эти находятся на горахъ и въ лѣсахъ, и жители объ нихъ не заботятся. Я не замѣтилъ здѣсь никакого религіознаго служенія, и думаю, что не трудно будетъ обратить жителей въ христіанство, ибо они очень понятливы. Рыбы здѣшнія удивительно различны отъ нашихъ. Есть нѣкоторыя похожія на пѣтуховъ, и прекраснѣйшихъ цвѣтвѣвъ, синія, желтыя, красныя, разноцвѣтныя, и краски ихъ такъ хороши, что нельзя не удивляться и смотрѣть на нихъ безъ удо-

вольствія. Есть здѣсь и киты *. Земныхъ животныхъ не замѣчено, кромѣ попугаевъ и ящерицъ. Видѣли одну ящерицу преогромную. Я не нашелъ здѣсь ни овецъ, ни козъ, ни другихъ животныхъ сего рода. Правда, я такъ мало находился здѣсь, только полдня, но если бы такія животныя здѣсь водились, мы, конечно, видѣли-бы ихъ. Опишу все, что замѣчу при моемъ объездѣ острова.

Среда, Октября 17-го. Я отправился въ полдень отъ того мѣста, гдѣ мы наливались водою, для объѣзда острова. Намъ хотѣлось плыть на юго-востокъ, ибо въ семь направленіи, по сказаніямъ всѣхъ взятыхъ мною дикарей, и видѣнныхъ нами островитянъ, находится островъ, который называютъ они *Самоотъ*, или *Самоетъ*, гдѣ есть золото. Пинзонъ, начальникъ Пинты, у котораго было трое дикарей, пріѣхалъ извѣстить меня, что они совѣтуютъ плыть скорѣе къ NNW. Вторь не благопріятствовалъ пути на ZZE. Приближась къ новому острову, нашли мы превосходный портъ, съ однимъ, или лучше сказать, съ двумя входами; внутренность порта широка, и вмѣстила-бы до ста кораблей, если бы только была чище, глубже, и входъ имѣлъ болѣе глубины. Мнѣ казалось необходимымъ хорошенько осмотрѣть весь портъ. Бросивъ якоря, мы отправились на всѣхъ нашихъ шлюпкахъ, и нашли, что глубина порта недостаточна, и поелику казалось мнѣ, что это должно быть устье рѣки, я приказалъ привезти бочки и наливать водою. Мы встрѣтили съ десятокъ дикарей, и они указали намъ селеніе свое, лежащее неподалеку. Я отправилъ туда матрозовъ, и они брали у дикарей все, что было угодно. И какъ это селеніе довольно далеко, я ждалъ посланныхъ часа два. Все это время гулялъ я въ рощахъ, пре-

* *Китилоговъ* почелъ Колумбъ китами, по мнѣнію Кювье.

лествѣйшихъ, какія только видалъ въ моей жизни. Зелень такъ свѣжа, такъ обильна, какъ въ Андалузїи въ Маѣ мѣсяцѣ, и всѣ деревья такъ отличны отъ нашихъ, какъ день отъ ночи. Тоже скажу о плодахъ, травѣ, каменьяхъ и обо всемъ. Есть, правда, деревья, похожія на растущія въ Кастиліи, но все различіе между ними велика. Совсѣмъ неизвѣстныхъ въ Кастиліи деревьевъ столь много, что трудно сосчитать. Островитяне здѣшніе совершенно сходны съ видѣнными на другихъ островахъ: ходятъ также нагіе, также стройны, и отдають все за малѣйшую бездѣлку, имъ предлагаемую, даже за черенки и кусочки стеколъ. Люди, ходившіе за водою, были въ ихъ жилищахъ, и сказываютъ, что внутренность жилищъ ихъ выметена и опрятна. Постели у нихъ похожи на койки, сдѣланныя изъ бумажныхъ свѣтокъ. Дома ихъ всѣ вообще суть шалаши, съ камнями, весьма высокими, но до сихъ поръ нигдѣ не замѣтилъ я болѣе 15-ти домовъ вмѣстѣ. Замужнія женщины на семь островъ носятъ маленькіе переднички, но у дѣвушекъ, лѣтъ до 18-ти, ихъ нѣтъ. Видѣли мы здѣсь собакъ. Матрозы встрѣтили дикаря, у котораго изъ носу былъ провѣшенъ кусокъ золота, величиною съ *кастильянъ*, и на немъ начерчены какія-то буквы. Я бранилъ ихъ, за чѣмъ не вымѣняли они этого куска, чтобы ни запросилъ дикарь, ибо любопытно бы было знать, какая была эта монета. Матрозы отвѣчали, что не смѣли мѣнять золота. Налившись водою, я возвратился на корабль. Потомъ плыли мы около острова, и дикари наши сказали, что это не тотъ островъ, гдѣ есть золото. Всю ночь плавали мы въ разныя стороны, удаляясь отъ земли, ибо очень было темно, шелъ дождь, и небо закрывалось облаками. Мы возвратились потомъ къ мысу острова Фернандины, чтобы

избрать съ наступленіемъ днѣ путь. Со времени прибытія нашего къ симъ островамъ, каждый день, болѣе или менѣе, падутъ дожди. Повѣрьте, Ваши Величества, что это самыя изобильныя, умѣренныя и прелестнѣйшія страны въ мірѣ.

Пятница, 19-го Октябрѣ. Весь вчерашній день плыли мы около острова, но не сходили на землю. Сегодня съ разсвѣтомъ послалъ я Пинту на востокъ, а Пилу на югъ, самъ взявъ третье направленіе, приказавъ плыть такимъ образомъ до полудня, а потомъ соединиться со мною. Часа черезъ три открылся намъ островъ, и мы пристали къ сѣверной части его, гдѣ былъ отдѣльный островокъ, заслоненный утесами. Санъ-Сальваторцы наши называютъ сей островъ *Саомето*, а я назвалъ его островомъ *Изабеллы* *. Берегъ его простирался лье на 12-ть и оканчивался мысомъ, наименованнымъ мною *Прекрасный мысъ* (el cabo Hermosa). Онъ точно прекрасенъ, круглъ, далеко вдается въ море, и около него нѣтъ мелей. Весь этотъ островъ удивительно прелестенъ, и если хороши другіе, онъ всѣхъ лучше, весь покрытъ деревьями, зелеными, высокими, и берега его выше другихъ. Есть возвышенія, которыхъ не назовешь горами, но они украшаютъ островъ своею противоположною съ долинами. На немъ, кажется, есть много воды, а къ сѣверу находящійся длинный мысъ его покрытъ множествомъ высокихъ деревъ, образующихъ густой лѣсъ; я хотѣлъ тутъ пристать, сойти на землю, и обозрѣть это прелестное мѣсто, но мели остановили насъ и не допустили дойти къ сему, истинно *прекрасному* мысу. За тѣмъ не подошли мы и къ другому мысу, тѣмъ же болѣе, что съ моря видны были намъ всѣ красоты острова. Я не зналъ куда глядѣть: глаза мои

* Плыть называютъ его *Длинный* островомъ.

не могли насытиться зеленью, свѣжею, отличною отъ зелени нашихъ лѣсовъ. Думаю, что на этомъ островѣ есть много травъ и деревьевъ, важныхъ для крашенія и леченія, также приностей, но мнѣ они неизвѣстны, и этого очень жаль. При нашемъ приближеніи къ мысу, цвѣты и деревья вѣвали на насъ благоуханіемъ, столь пріятнымъ, столь сладостнымъ, что обоняніе истинно услаждалось. Думаю, завтра сойти на землю и высмотрѣть этотъ мысъ. Населеніе туземцовъ находится даже внутри острова. Тутъ, по словамъ нашихъ дикарей, живетъ король, у котораго есть много золота. Пойду завтра до самого поселенія, увижу этого короля и переговорю съ нимъ. По словамъ дикарей, онъ управляетъ всѣми окрестными островами, носитъ одежду, и весь облитъ золотомъ. Впрочемъ, словамъ ихъ худо я вѣрю, ибо худо понимаю, что они говорятъ, и притомъ у нихъ самихъ такъ мало золота, что если у этого короля немного поболѣе, то имъ кажется уже много. Прекрасный мысъ, сколько можно замѣтить, составляетъ отдѣльный островокъ отъ Саомета, и кажется, что между ними есть еще островокъ. Но моего намѣренія нѣтъ обозрѣвать сію землю въ подробности: этого не успеешь сдѣлать въ пятьдесятъ лѣтъ; хочу напротивъ видѣть и открыть сколько можно болѣе земель, и если угодно будетъ Господу, возвратиться къ Вашимъ Величествамъ въ Апрель мѣсяцѣ. Правда, если бы нашелъ я мѣсто, гдѣ много золота и приностей, остановился бы, пока могъ заставить достаточно тѣмъ и другимъ, ибо единственная цѣль нынѣшнихъ моихъ изслѣдованій есть изысканіе сихъ произведеній.

«Суббота, Октябрѣ 20-го. Сего днѣ, едва только показалось солнце, я поднялъ якорь, двинулся отъ того мѣста, гдѣ мы стояли при юго-восточномъ мы-

съ остр. Саомета, который называлъ я мысъ *Озера*, такъ, какъ самый островъ называлъ именемъ *Изабеллы*. Плыли мы къ тому мѣсту, гдѣ, по сказаніямъ нашихъ дикарей, находится обиталище, въ которомъ живетъ король острова, но за мелями принуждены были оставить плаваніе, и обратились другимъ путемъ. Вътру такъ было мало, что только къ ночи достигли мы желаннаго пункта, или позднимъ вечеромъ, такъ, что нельзя уже было видѣть, гдѣ бросить якорь; морское дно было неровное, тамъ утесъ, тамъ мель, и я простоялъ всю ночь свернувъ паруса. Другіе корабли пришли ранѣ меня, и остановились близъ земли.

Воскресенье, Октября 21-го. Въ десять часовъ присталъ я къ берегу; поѣвши, отправился на землю, но увидѣлъ только одну хижину, изъ которой жители, вѣроятно, боясь насъ, убѣжали, потому, что мы нашли всѣ вещи ихъ оставленными. Я не велѣлъ ничего трогать, и отправился обозрѣвать островъ, съ начальниками другихъ кораблей и многими людьми. Если острова, прежде видѣнные мною, хороши, зелены и плодоносны, этогъ лучше всѣхъ. Онъ наполненъ большими зеленѣющими лѣсами, гдѣ есть великія озера, около которыхъ, а равно и въ окрестностяхъ ихъ богатыя рощи, и всюду лѣса и травы такъ зелены, какъ въ Андалузїи въ Апрѣлѣ. Стада попугаевъ столь многочисленны, что затмѣваютъ въ полетѣ своею солнце; пѣніе птичекъ, разнообразныхъ родомъ, видомъ, цвѣтомъ перьевъ, и вовсе непохожихъ на птицъ нашей Европы, много-различіе деревь, и плодовъ, на нихъ находящихся, и благоуханіе, какимъ наполненъ воздухъ — все это наполняло меня удивленіемъ и изумленіемъ, и казалось должноствовало на вѣкъ удержать здѣсь чело-вѣка, который все это видитъ. Я былъ въ большой

печали отъ моего незнанія полезныхъ свойствъ здѣшнихъ произрастеній; увѣренъ, что есть изъ нихъ драгоценныя, и потому беру съ собою обра-щенья всего, даже травъ. Гуляя около озеръ, мы убили змѣю; кожу ея представлю Вашимъ Величествамъ. Завидя насъ, эта змѣя бросилась въ озеро, но какъ оно не глубоко, то мы ее преслѣдовали и убили копьями; длина ея семь палмъ; я думаю въ озерѣ было змѣй еще много. Распознавши здѣсь дерево алоэ, я рѣшился нарубить его съ десятью квинталовъ, ибо, говорятъ, что оно дорого въ Испанїи. Разыскивая источникъ воды для запаса, мы достигли населенія, лежащаго въ полу-лье отъ нашего якорнаго мѣста. Едва увидѣли насъ дикари, всѣ разбѣжались, оставили свои дома, и утачивъ разныя вещи въ гору. Я не велѣлъ трогать въ жилищахъ ихъ ни одной булавки. Нѣкоторые изъ дикарей подошли потомъ къ намъ, и одинъ очень близко; мы одарили его гремушками и бусами; онъ казался весьма доволенъ, и радъ, какъ нельзя больше. Дабы подружиться получше, и пользоваться ихъ услугою, я спросилъ у дикарей воды; по возвращенїи нашемъ на корабли, дикари принесли свои тыквенные горшки съ водою, и радовались, что могутъ услужить намъ. Я далъ имъ еще бусовъ, и они обѣщали явиться завтра. Мнѣ хотѣлось наполнить водою всѣ бочки, и объѣхать потомъ островъ, чтобы отыскать здѣшняго короля, переговорить съ нимъ, и узнать, могу-ли получить золота, которымъ онъ украшается. Послѣ сего отправлюсь къ большому острову, и этогъ большой островъ долженъ быть Сипанго, по всѣмъ извѣщенїямъ дикарей. Они называютъ его *Колба* (Куба), увѣряя, что тамъ много лодокъ, и жители большіе мореходы, и что не далеко оттуда другой большой островъ *Богіо*. Осмот-

рю въ пути моемъ междулежащія острова, и смотря потому, найду-ли хорошій запасъ золота и приностей, подумаю, что мнѣ еще дѣлать. Теперь рѣшеніе мое такое: идти къ твердой землѣ, въ городъ Гакаай, и вручить письма Вашихъ Величествъ Великому Хану, требовать его отвѣтовъ, и воротиться въ Испанію, получивъ оныя.

Понедѣльникъ, Октябръ 22-го. Я оставался здѣсь дѣльня сутки, ожидал, что король, или другія знатныя особы острова придутъ, и принесутъ мнѣ золота, или какихъ-либо драгоценностей. Приходило множество островитянъ, похожихъ на своихъ сосѣдей-нашихъ, раскрашенныхъ, какъ всѣ, бѣлымъ, краснымъ, чернымъ, тысячами разныхъ цвѣтовъ. Они приносили свои копья, клубки бумаги, и мѣняли все это съ матрозами на обломки стеколъ, чашекъ, горшковъ. У нѣкоторыхъ въ поздряхъ висѣли кусочки золота, и они отдавали ихъ за гремушки и бусы. Но эти кусочки слишкомъ малы и ничтожны, хотя правда, получаютъ отъ дикарей за сущую бездѣлку. Пріездъ нашъ къ дикарямъ кажется имъ чудомъ, и насъ почитаютъ они людьми, сошедшими съ неба. Мы запаслись водою въ озерѣ, находящемся подлѣ мыса *Островиано* (cabo de P'Isco), какъ я называлъ его. Мартинъ Пинзонъ убилъ змію, длиною палець пяти; я забралъ здѣсь алоэ, какое только могъ найти.

Вторникъ, Октябръ 23-го. Сегодня хотѣлъ я отправиться къ о. Кубъ, который, по сказаніямъ дикарей о величинѣ его и богатствѣ, считаю за о. Сянганго. Я уже не рѣшаюсь объѣзжать здѣшній островъ, стараться увидѣть короля, и узнать у него о золотѣ, ибо вижу, что золотыхъ рудниковъ здѣсь нѣтъ, а объѣхать кругомъ каждый изъ этихъ острововъ надобно имѣть способные вѣтры, которые не всегда дуютъ въ томъ направленіи, какое

потребно по желанію человеческому. И какъ притомъ надобно мнѣ идти въ такое мѣсто, гдѣ можно устроить большія предпріятія и важную торговлю, думаю, что безразсудно было-бы оставаться здѣсь долге, а надобно продолжать мое путешествіе, и осмолить много странъ, пока найду обильную произведеніями, изъ которой можно извлечь много выгоды, хотя и здѣшніе острова полагаю обилующими множествомъ приностей. Но сіи сокровища мнѣ невѣдомы, что и причиняетъ мнѣ великую досаду: вижу тысячи деревьевъ, и у каждого плодъ различный; всѣ зелены въ настоящее время, какъ въ Испаніи въ Май и Іюнь. Тоже скажу о травахъ и цвѣтахъ. И между всѣмъ этимъ могли мы различить только алоэ, котораго набрать приказалъ я достаточно для представленія Вашимъ Величествамъ. Совершенная тишина пренятствуетъ мнѣ пуститься въ путь; идетъ дождь, но холода ни малѣйшаго нѣтъ; напротивъ, днемъ бываетъ очень жарко, а по ночамъ воздухъ умѣренный, какъ въ Испаніи, во время Майскихъ ночей Андалузіи.»

Полагаемъ, что приведенныхъ нами выписокъ довольно для понятія о дневникѣ Колумба. Его надобно читать вполнѣ; мы принуждены были исключать подробности о разныхъ направленіяхъ вѣтровъ, предосторожностяхъ въ плаваніи, и многихъ мелочахъ. Будучи перемѣшано съ изъясненіями сильныхъ впечатлѣній, производимыхъ зрѣніемъ новооткрытыхъ странъ, правдивыми мечтаніями Колумба о Сипанго и Катаѣ, приуготовленіями его видѣть тамошнихъ Государей, добродушными замѣчаніями о жителяхъ обзоряемыхъ имъ острововъ, все это, въ безпорядкѣ, съ повтореніями, съ толпою мыслей, непрерывно измѣнявшихся, надеждъ, ожиданій, обманутыхъ и всегда живыхъ, все это дѣлаетъ днев-

никъ Колумба, однимъ изъ любопытнѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ произведеній, даже въ литературномъ отношеніи.

Но довольно подробностей. Мы должны слѣдовать за Колумбомъ въ его остальной жизни, въ его возвращеніи въ Испанію, въ томъ, что было слѣдствіемъ его подвига въ Европѣ и въ новооткрытыхъ земляхъ. Многочисленность предметовъ, равно достойныхъ вниманія, заставляетъ насъ отказаться отъ мелкихъ подробностей, и довольствоваться только общими очерками жизни Колумба и міра ему современнаго. Колумбъ явится намъ теперь на высотѣ торжества своего, въ самыя обольстительныя минуты своего бытія. Но ему суждено было представить въ жизни всѣ перемѣны судьбы человѣческой, быть великимъ урокомъ для геніа — и для каждаго чело-
 вѣка.

Н. ПОЛЕВОЙ.

IV.

К Р И Т И К А.

Хань-вынь-ци Мынь. Китайская Грамматика, сочиненная монахомъ Иакинѣомъ. Напечатанная по Высочайшему повелѣнію. Спб. въ литографіи Гемильли, 1838 г. въ 4, XXII и 237 стр.

Почетное мѣсто занимаетъ между литераторами Русскими почтенный о. Іакинѣвъ, и безспорно, первое между оріенталистами Русскими по своимъ практическимъ и полезнымъ трудамъ. Отнодъ не думаемъ мы унижать нашими словами другихъ почтенныхъ людей, занимающихся у насъ Востокомъ и его языками и литературами, каковы г-да Френъ, Шмидтъ, Ковалевскій, Сенковский, и другіе. Но никто изъ нихъ доннынъ не показалъ однакожь болѣе трудолюбія по своему предмету, не приготовилъ столько матеріаловъ для другихъ по своей части, не передалъ столько любозытнаго изъ того, что сдѣлалось ему извѣстно. Доннынъ издано о. Іакинѣомъ около девяти переводовъ и сочиненій, касательно Китайскаго востока. Сюда принадлежать его *Записки о Монголіи* (путешествіе изъ Пекина до Кяхты, описаніе и исторія Монголіи); *Исторія перевыхъ четырехъ Хановъ Монголіи*, начиная съ Темудзина; *Исторія Тибета и Хухунора*; *Историческое обозрѣніе Ойратовъ, или Калмыковъ*; *Описаніе Чжунгаріи* (Зюнгоріи) и *Восточнаго Туркистана*; *Планъ и описаніе Пекина*; наконецъ *Троесловіе*, элементарная книга

Китайцевъ. Не говоримъ о полемическихъ сочиненіяхъ нашего хинолога, по поводу споровъ съ разными Европейскими учеными; не говоримъ и о приготовляемомъ, и уже конченномъ въ рукописи обширномъ сочиненіи, которое надобно почесть самымъ лучшимъ и подробнымъ, систематическимъ описаніемъ Китая, и энциклопедію, такъ сказать, всѣхъ знаній Китайцевъ. Это сочиненіе, когда будетъ оно издано, безъ сомнѣнія, превзойдетъ все, что только было донынѣ извѣстно въ Европѣ касательно Китая.

Обращаясь къ новому, только что изданному теперь о. Іакинѣмъ труду, его Китайской Грамматикѣ, скажемъ, что сочиненіе это не уступаетъ важности другимъ трудамъ нашего почтеннаго литератора, и проливаетъ совершенно новый и ясный свѣтъ на предметъ малоизвѣстный, и до сихъ поръ ложно представляемый, отличающій своею ясностью, краткостью, систематикою, и полнымъ и совершеннымъ познаніемъ дѣла, отъ всего, что донынѣ было писано о Китайскомъ языкѣ и его грамматикѣ.

Если съ одной стороны, надобно изумляться многообъемлемости знаній человеческихъ, то съ другой не менѣе изумительны ограниченность и односторонность нашего частнаго ученія. Увлекался какимъ нибудь однимъ предметомъ, какимъ нибудь однимъ занятіемъ, мы до того пренебрегаемъ все остальное, что ученое невѣжество наше становится иногда истинно смѣшнымъ. Исключительность ученія нашего производитъ гордое презрѣніе къ тому, чего мы не знаемъ, вредитъ общему просвѣщенію и образованію нашему, и благодаря тому и другому, до сихъ поръ поддерживается въ свѣтъ несчастное повѣрье и присловье: *наука долга, а жизнь коротка*. Наука долга и коротка, смотря по тому, какъ мы глядимъ на нее; долга она, если каждое знаніе постараемся мы знать до возможныхъ подробностей, и коротка, если знаніе наше ограничимъ мы главнымъ, общимъ, суще-

ственнымъ. Намъ возразятъ, что такое знаніе недостаточно, поверхностно, но достаточно-ли его совершенно незнаніе? Что касается до обвиненія въ поверхностности, то едва ли будетъ оно справедливо въ семь случаевъ. Возьмемъ въ примѣръ языкоученіе: можно рѣшительно выучиться всякому языку въ годъ, такъ чтобы читать и понимать все, писанное на немъ, и жизни человеческой не достанетъ на изученіе даже своего роднаго языка, которымъ говоримъ мы съ малолѣтства! Но должно ли назвать «поверхностнымъ» знаніе того или другаго языка, если я, вполне понимая писанное на немъ, умѣя передать сокровища его на свой языкъ, зная грамматическія основанія его, не могу писать на этомъ языкѣ, не могу отдать отчета въ его исторіи, филологическихъ трудностяхъ, палеографической летописи? Обратимъ нашъ примѣръ къ другому, и спросимъ: не долженъ-ли, напримѣръ, поэтъ знать главныхъ основаній естествознанія, или филологъ математики? Незнаніе самыхъ главныхъ основаній того и другаго не сдѣлаетъ-ли идей ихъ неполными, мыслей сбивчивыми и ложными? Но такъ водится обыкновенно въ свѣтъ, и наши поэты увѣряютъ, что имъ для поэзіи вовсе нѣтъ надобности въдать великія тайны природы, а филологи спорятъ, что математика есть наука, иссушающая душу. За то ученые мстятъ имъ совершеннымъ презрѣніемъ съ своей стороны, хотя математикъ является не менѣе забавенъ, ограничиваясь только плюсами и минусами, а зоологъ не восходя далѣе копытъ и зубовъ четвероногого. Какъ будто нарочно, каждый путается послѣ сего въ мелкой дробѣ своего познанія, кленъ частныя системы, загораживается отъ другихъ ученою номенклатурою, и дѣйствительно, каждая наука, изъ яснаго, чистаго простаго вѣдѣнія дѣлается схоластическою путаницею, говорить своимъ непонятнымъ языкомъ, становится какимъ-то Египетскимъ гіероглифическимъ.

Неужели не явель и не ошутителенъ вредъ, про-

исходящей отъ всего этого? Если бы науки и знанія дружески подавали одна другой руки, совѣтовались взаимно, поясняли взаимно языкъ и идеи свои, истинная польза произошла-бы для ученія вообще, приложилась къ общественной практикѣ, облегчила, упростила новыя открытія, сняла съ умовъ кандалы мелкихъ понятій и превратныхъ идей, происходящихъ отъ упрямой близорукости и ученаго невѣжества. Изученіе общихъ истинъ всякаго знанія полезно всякому, и повѣрьте, что оно совсѣмъ не трудно, если мы не затруднимъ его вздорною схоластикою и ложными системами.

Всѣ сіи мысли, неоднократно приходившія намъ въ голову, невольно пришли намъ опять при чтеніи любопытнаго сочиненія о. Іакинѳа.

Есть у насъ какія-то закоренѣлыя особенно понятія о томъ, или о другомъ. Мы привыкли, напрымъ, считать Бакона реальнымъ философомъ, Спинозу безбожникомъ, и къ такимъ предразсудкамъ принадлежатъ наши понятія о Китаѣ вообще, и Китайскомъ языкѣ особенно. Мы смѣемся надъ понятіями Китайцевъ объ Европѣ, но не въ правѣ ли Китайцы смѣяться надъ нами, если бы слышали и понимали, что говоримъ и думаемъ мы объ нихъ? Ни одинъ изъ чуждыхъ нашего образованія народовъ не представляется намъ такимъ непонятнымъ, такимъ страннымъ, какъ Китайцы. Не постигалъ первобытной исторіи ихъ, не умѣя разгадать будущности *Великой Небесной Имперіи*, мы видимъ въ Китайцахъ что-то не человѣческое, окаменѣлое, пестрое, растительное, не вѣримъ мудрости ихъ философіи, величію ихъ политической самобытности, отчисляемъ ихъ въ антиподы рода человѣческаго. Намъ не совѣстно кажется оставлять въ забвеніи сотни милліоновъ самаго крайняго Востока, царство, имѣющее столь великое, политическое и нравственное вліяніе на Япоцію, Монголію, Среднюю Азію, восточный Индѣйскій по-

луостровъ, Малайскій архипелагъ, народъ, обладавшій великими тайнами искусства гораздо прежде насъ, и одинъ изъ древнѣйшихъ въ мірѣ народовъ по образованію. Не споримъ о пользѣ изученія Востока Санскритскаго, Арабскаго, Персидскаго, но почему забываемъ мы Китайскій Востокъ? Почему не хотимъ мы даже заглянуть въ Китайскую литературу? Изученіе ея неужели не подарило бы насъ новыми и важными истинами? Между тѣмъ, изученіе Китая, познаніе языка его и литературы совершенно пренебрежены въ Европѣ. Мы сохраняемъ еще донинѣ множество ошибочныхъ извѣстій, какія доставлены были намъ старинными миссіонерами, вѣримъ разсказамъ путешественниковъ - невѣждъ, мимоходомъ взглянувшихъ на лаковыя жилища и изразцовыя башни Китайцевъ, извѣстіямъ переданнымъ черезъ десятки руки, пустымъ компиляціямъ. Во Франціи только въ послѣднее время стали заниматься немного Китайскимъ языкомъ. Англія донинѣ оказываетъ удивительное хладнокровіе къ Китаю, въ сравненіи съ тѣмъ, что она сдѣлала для остальнаго Востока. Послѣ трудовъ О. Іакинѳа, насъ, Русскихъ, конечно, не упрекнуть въ подобномъ равнодушіи, вспомни притомъ посильные наши прежніе труды, и особенное попеченіе правительства нашего, которое учредило теперь практическую школу Китайскаго языка въ Кяхтѣ, и каѳедру Китайскаго языка въ Казанскомъ Университетѣ.

При непростительномъ небреженіи къ дѣлу людей, отъ которыхъ зависитъ наука, удивляться ли, что толпа съ изумленіемъ смотритъ донинѣ на Китайскія куклы и Китайскія буквы равно, и въ пестротѣ Китайскихъ письменъ видитъ какую-то табарбарскую грамату? Съ важностью повторяютъ намъ, что у Китайцевъ 100,000 буквъ; что Китайскія буквы суть затруднительные гіероглифы; что изученіе

Китайскаго языка превосходить трудностью все, что только можно себя вообразить.

Не удивимъ ли мы нашихъ читателей, сказавши имъ то, въ чемъ убѣдили насъ прилежное чтеніе Китайской грамматики О. Іакина, и бесѣда съ симъ почтеннымъ хинологомъ нашимъ, не удивимъ ли, сказавши, что языкъ Китайскій есть одинъ изъ самыхъ легкихъ для изученія; что все говоренное намъ о безчисленности Китайскихъ буквъ и неопредѣленной символикѣ ихъ — сущій вздоръ?

Рады будемъ такому удивленію, ибо послѣ того, конечно, каждому образованному читателю любопытно будетъ узнать дѣло нѣсколько подробнѣе, и мы статью нашу угодимъ многимъ. Порадуемся и тому, что этимъ воздадимъ мы должную справедливость труду нашего почтеннаго соотечественника.

Нѣтъ надобности восходить къ изъясненіямъ о томъ, что такое языкъ, и что такое *письмена*, или *буквы*. Языкомъ того или другаго народа называется собраніе известныхъ, опредѣленныхъ звуковъ, коими тотъ или другой народъ выражаетъ свои идеи и понятія. Законы сихъ звуковъ произвольны, и всюду основаны они на непремѣнныхъ и однообразныхъ правилахъ, изъясняемыхъ *всеобщей грамматикой*, различающейся только въ произведеніи самыхъ звуковъ, и въ подробностяхъ развитія, что опредѣляется происхожденіемъ языка, мѣстностью, исторіею его, и составляетъ предметъ *частныхъ грамматикъ* различныхъ языковъ. Письмена совсѣмъ другое: это суть произвольныя, придуманныя человекомъ начертанія, или замѣтки, которыми оставляетъ онъ для себя память звуковъ, какъ будто схватывая ихъ на лету, переводя ихъ, такъ сказать, изъ времени въ пространство, изображая для глазъ и зрѣнія. Письмена, или начертанія, будучи постепеннымъ созданіемъ человека, подвергаясь его волѣ и прихоти, должны

вали быть повсюду разнообразны, несовершенны, неполны и произвольны.

Два рода понятій приходили въ мысль человека при составленіи письменъ.

По одному изъ нихъ, человекъ хотѣлъ замѣнить условными изображеніями цѣлые предметы вполне. Такъ звуки, означающіе, напримѣръ, понятія: *солнце*, *человѣкъ*, *громъ*, Перуанецъ изображалъ какими-то узелками, Мексиканецъ картиною, разные народы нарѣзками. Неудобства такихъ начертаній состояли въ томъ, что умножая число знаковъ до безконечности, не выражая ими отношеній между предметами, и оставляя темноту въ смыслѣ, предметная азбука должна была быть затруднительна, многосложна и не точна.

Гораздо совершеннѣе былъ другой родъ понятій, состоявшій въ глубокой мысли, которую разгадалъ человекъ, что всѣ слова состоятъ изъ немногихъ основныхъ звуковъ, и образуются только различною *разстановкою* звуковъ и *придыханіями*, и что слѣдовательно, если найти знаки для немногихъ основныхъ звуковъ, то перестановкою ихъ и знаками *придыханій* можно будетъ, при *немногихъ* знакахъ, выражать все *безчисленное множество* составныхъ словъ. На этомъ основана звуковая азбука, начало; и мѣсто изобрѣтенія которой неизвѣстно. Напрасно мудрому Кадму и Халдеямъ приписывали прежде первое начало азбучныхъ письменъ: въ Индіи, колыбели человеческихъ знаній, мы находимъ самую древнѣйшую, удивительно полную и самую совершеннѣйшую азбуку, Санскритскую. Впрочемъ, великое изобрѣтеніе это могло совершиться во многихъ мѣстахъ отдѣльно; такъ Бертольдъ Шварцъ могъ изобрѣсть порохъ, не зная употребленія его Китайцами, и Европа могла вѣдать о компасѣ и безъ знакомства съ отдаленнымъ Востокомъ. По крайней мѣрѣ, при основномъ одинакомъ началѣ, ибо оно повсюду

основалось на природѣ языка человеческого, мы ни какъ не можемъ отдать преимущества древности одной азбуки передъ другою, находя только, что въ онѣ, даже употреблемыя просвъщенными Европейцами, недостаточнѣе и несовершеннѣе Санскритской.

Спрашивается, что же такое *Китайскія письма*: иероглифы ли они, выражающіе полныя предметы, безъ грамматическихъ подробностей, или буквы, выражающія только звуки, и въ притомъ подробности грамматическихъ отношеній? Собственно, они и то и другое. Это покажется сначала непонятно, но дѣло объясняется общою идеею, которая служить разгадкою всего быта Китайцевъ.

Идея быта сего достопамятнаго народа состоитъ въ томъ, что Китайъ представляетъ собою одно изъ громаднѣхъ явленій Восточной жизни, образованное въ слѣдствіе одного, предварительно философически и политически обдуманнаго, и неизмѣннаго, умственнаго понятія. Не знаемъ, когда переселилась на свое мѣсто, и какъ составилаь эта отличная порода Азіяцевъ, но переселеніе ея нѣкогда было, произойти ей слѣдовало; надобно было перенести ей и множество внутреннихъ революцій, тяжкихъ войнъ, непріятельскихъ нашествій, перетерпѣть систему удѣловъ и феодализма, и наконецъ образоваться, не только въ политическомъ единодержавіи, но и въ неизмѣнномъ общественномъ порядкѣ. Это мы видимъ отчасти въ Индіи, гдѣ порядокъ основанъ на раздѣленіи кастъ. Индія можетъ быть покорена, завоевана, но ничто не измѣнитъ общественной конституціи Индусовъ, основанной на религіозныхъ раздѣленіяхъ. Еще выше конституція Китайцевъ. Она основана на умственныхъ выводахъ великихъ мудрецовъ, которыхъ потомство причло въ боги. Они установили основную идею своей религіи, своего правленія, отношеній подданныхъ къ государю, и постепенно изъ основныхъ идей ихъ образовался рели-

гіозно-политическій, общественный бытъ Китайцевъ. Положено, что *основныя идеи* всего суть неизмѣнны во вѣки. Но Китай не отвергалъ и не отвергаетъ прибавленія и раздробленія частностей. Отдѣленный географически отъ мятежнаго міра западной Азіи, онъ принимаетъ совершенствованія, новыя идеи и понятія, но присоединяетъ ихъ къ своимъ основнымъ идеямъ, оставляя сіи идеи неприкосновенными, приновляя все новое къ системѣ древней и основной, и уподобляясь Океану, въ который вливаются рѣки и источники. Основная идея облечена въ Китайъ въ *законъ* и *власть*. Все исходитъ отсюда, но и законъ и власть суть блюстители только *истины* и *порядка*, которые признаны единожды навсегда, и должны кончиться только съ гибелью и истребленіемъ всего, какъ основные законы природы должны кончиться только съ разрушеніемъ міра. Изумительное, чудное, приводящее къ великой думѣ явленіе человечества!

Такъ и языкъ *Китайскій*. Въ отдаленнѣйшія времена, когда варварство тяготѣло надъ раздѣленнымъ Китаемъ, нѣсколько мудрецовъ опредѣлили число, рядъ и порядокъ идей и предметовъ, и придумали для нихъ знаки. Это были собственно иероглифы, (принимая сіе слово, какъ символъ предметовъ, а не *священное письмо*, что означалось у Египтянъ словомъ *иероглифы*), и всѣ они грубо изображали даже подобіе самыхъ предметовъ, причемъ незримыя идеи выражались подобіемъ видимыхъ. Начертанія сіи потомъ измѣнялись, принимали свой характеръ, и окончательно перешли въ собраніе чертъ. Прибавками знаковъ стали изображать грамматическія отношенія одного предмета къ другому. Всѣ новыя идеи и предметы были приложеніемъ къ первоначальнымъ, и наконецъ составилаь такимъ образомъ система письменъ, которыя не *суть буквы*, не *суть иероглифы*. Въ нихъ, въ словарь этихъ начертаній заключаются

всѣ идеи, всѣ предметы, всѣ грамматическія отношенія, и они навѣки неизмѣнны, образуютъ письменный языкъ, который употребляется литераторами и во всѣхъ общественныхъ сношеніяхъ, и котораго не пойметъ Китаецъ, если онъ ему не учился. Разумется, и нашей азбуки надобно *учиться*, но разница въ томъ, что влучившись ей, мы можемъ все читать и понимать, а ученіе Китайскихъ письменъ соединено съ изученіемъ самыхъ идей, и потому при немъ надобно изучать идеи, и тогда только Китаецъ будетъ уметь читать и понимать, когда онъ разумеетъ связь и сущность идей написаннаго. Изученіе письменъ составляетъ послѣ сего изученіе философскаго, или ученаго, такъ сказать, языка, который совершенно разнится отъ простонароднаго, или разговорнаго. Самые знаки, или письмена, восходятъ къ основнымъ и труднѣйшимъ, по степени содержанія сочиненій, раздѣляясь на древнѣйшіе, позднѣйшіе, главные, сложные, прибавочные, и произношеніе ихъ определено и неизмѣнно въ Китаѣ, хотя письмена съ ихъ идеями составляютъ между тѣмъ всеобщій языкъ всего Китайскаго міра, такъ, что произносил ихъ различно, ученый Кореецъ, Японецъ, Сіамецъ, Кохинхинецъ, не зная произношенія Китайскаго, поймутъ совершенно все, что имъ напишутъ. Это можно уразумѣть отчасти изъ нашихъ цифръ: напишите Арабскими цифрами 22, и Русскій скажетъ *двадцать два*, Французъ *vingt-deux*, Итальянецъ *venti due*, Англичанинъ *twenty two*; они не поймутъ звуковъ, но поймутъ идею. Такимъ образомъ Китайцы осуществили у себя вполне мысль всеобщаго философскаго языка, которая приходила въ голову столь многимъ Европейскимъ ученымъ. Пояснимъ еще примѣромъ сказанное нами, что только ученіе доводитъ Китайца до познанія его языка письменнаго, или *мандаринскаго*, какъ назвали его миссіонеры: простолюдинъ нашъ, читая фило-

софскую книгу, не понимаетъ ее; переводя съ иностраннаго, мы иногда не знаемъ, какою формою Русскихъ звуковъ должно выразить то, или другое слово; кто не учился математикѣ, тотъ не пойметъ книги съ математическими формулами. Но разница въ подобномъ незнаніи у Китайцевъ съ нами та, что тамъ нѣтъ произвола: даютъ читать, научивши сперва понимать; ведутъ отъ низшаго къ высшему; власть и законъ устанавливаютъ порядокъ ученія; съ нимъ соединяется общественная іерархія чиновъ и званій, такъ, что высшій чиновникъ гражданскій (отъ военныхъ ученія не требуется) непременно долженъ знать болѣе низшаго, и рангу, примѣрно, майора не дадутъ знать болѣе полковника, а капитану болѣе ранга майора. Дарованію открытъ полный путь; оно при ученіи ведетъ къ чинамъ и величію, и министръ Китайскій есть ученѣйшій Китаецъ, ибо ему известно то, чего не знаетъ никто изъ стоящихъ ниже его, а простолюдинъ, кромѣ того, что если бы онъ взялся за книгу высшую, не пойметъ ее, но и дѣлается преступникомъ, если не прошелъ порядкомъ письменной, или лучше сказать, ученой іерархіи, не выдерживалъ постоянно экзаменовъ, и не получалъ степеней, послѣ чего, постепенно открывается ему доступъ и на приличное по ученію его знаніе въ обществѣ. Отсюда религиозное благоговѣніе Китайца къ письменамъ, ученое уравненіе, похожее на Индѣйскія касты, неизмѣнная письменная іерархія. Следственно, на Китайскомъ письменномъ языкѣ основанъ и держится весь политическій и общественный бытъ Китая, и явна ошибка Европейцевъ, говорящихъ, будто вся Китайская мудрость состоитъ въ изученіи азбуки, и что эта азбука состоитъ изъ опредѣленныхъ, ничего болѣе недопускающихъ знаковъ. Здѣсь ошибка въ томъ, что въ этой *азбукѣ*, если угодно, включена вся мудрость, всѣ знанія Китайца; выучившій ее вполне изучилъ всю энци-

клопедію, а прибавки и идеи совершенно допускаются, но только идут отъ власти и закона, находящихся въ рукахъ самыхъ ученѣйшихъ людей Китая.

Надѣмся, что теперь понятно будетъ основаніе Китайской письменности, и различіе разговорно-письменнаго, всеобщаго языка въ Китаѣ, состоящаго изъ сліяннїа начертаній и звуковъ, отъ прстонароднаго, не имѣющаго начертаній, ограниченнаго въ идеяхъ и грубаго. Этотъ нисшїй языкъ до того не обработанъ и грубъ, что измѣняется въ каждой области Китая, едва не въ каждомъ городѣ, и даже иногда жители ближнихъ селеній съ трудомъ понимаютъ другъ друга, составляя частныя нарѣчія *сянь-дань* (hiang tan), прстонароднаго Китайскаго языка. Житель Пекина съ трудомъ разумѣетъ жителя Кантонскаго. Но если они образованы оба въ извѣстной степени, они поймутъ себя, по степени образованія, въ звукахъ и письменахъ приличнаго имъ языка, (*гуань-хуа*, что похоже на наше нарѣчіе образованнаго общества, столь ложно называемое *Московскимъ*), не понимая однакожъ высшаго языка книгъ философскихъ, когда напротивъ, высшей степени ученый Китаецъ будетъ понятъ равнымъ ему по ученію Сіамцемъ, хотя-бы заговорилъ о самыхъ высшихъ истинахъ мудрости, и не зналъ Сіамскаго языка: онъ будетъ бесѣдовать съ Сіамцомъ *письменами*, не произнося ни одного звука.

Излишне будетъ пояснять здѣсь, послѣ всего, сказаннаго нами, что въ Европѣ, слѣдовательно, изучаемъ мы книжный, или высшїй Китайскїй языкъ, и писанное на немъ, ибо все письменное и печатное Китайское касается этого языка, и всѣ грамматики, до нынѣ изданныя Европейцами, суть грамматики языка книжнаго. Такъ и грамматика О. Іакинаеа поясняетъ и заключаетъ въ себя сей языкъ.

Весьма естественно было вообразить Европейцамъ, при сбивчивомъ понятїи о сущности сего языка, и при усмотрѣнїи постепенности и продолжительности

ученія его въ Китаѣ, въ слѣдствіе строгаго іерархическаго и ученаго порядка, что Китайскїй языкъ составляетъ бездну трудностей безконечныхъ. Странная фигура Китайскихъ письменъ, не различеніе ихъ по степенямъ, забвеніе того, что для познанія каковаго нибудь языка нѣтъ надобности изучать всѣ слова его, и что всѣхъ словъ не знаемъ мы даже и въ родномъ нашемъ языкѣ, если не изучаемъ ихъ, слѣдственно, нѣтъ надобности изучать на память всѣ *знаки Китайскіе*, а надобно узнать главные изъ нихъ, или *ключи*, узнать потомъ прибавочныя вставки, и аналогическое произведение словъ, все это вводило насъ въ заблужденіе. Грамматика О. Іакинаеа, освобождая языкъ Китайскїй отъ оковъ, въ какія до сихъ поръ заключали его Европейскіе грамматики, показываетъ удивительную легкость, съ какою можно выучиться читать, понимать по Китайски, и переводить съ Китайскаго. Онъ доказалъ это на практикѣ въ Кяхтинской школѣ Китайскаго языка, гдѣ ученики чрезвычайно легко и скоро стали разумѣть по Китайски, а рассмотрѣніемъ изданной имъ нынѣ грамматики Китайской, мы надѣмся сдѣлать это яснымъ для нашихъ читателей. Напередъ просимъ однакожъ извиненія въ нѣкоторой сухости предмета, надѣясь на любознательность образованныхъ нашихъ читателей, которые должны вѣдать, что каждое знаніе и каждая наука требуютъ вниманія, и отчасти своего особеннаго языка. Не узнавши его, нельзя судить о наукѣ и знанїи. Только для бѣдной поэзіи, и вообще для сужденія объ изящныхъ искусствахъ, позволяется ничего не изучать предварительно, и руководствоваться золотымъ правиломъ: «со вранья пошлїи не берутъ.»

Какъ всякій другой человѣческїй языкъ, Китайскїй имѣетъ восемь, если угодно девять частей рѣчи. Такъ ужъ заведено говорить въ грамматикахъ, хотя мы никогда не сказали бы этого, если бы намъ

пришлось писать какую нибудь грамматику, ибо считаем частей рчи гораздо менше. Но пусть будет покамысь по старому. — Подобно многимъ другимъ Азіятскимъ языкамъ, Китайскія слова односложны, а еще болѣе однозвучны, и всего чаще различаются только по мѣсту и связи, а не по произношенію. Произношеніе вообще не трудно, но только странно для Европейца. Приведемъ для примѣра полную Китайскую фразу: *Цзы сы минь дао чжи бѣнь юань юэ. Тьхлян ся цзп лив синь дао цзю и. И чжи синь дао цзю го хэ вэй ху.* Это значить въ Русскомъ переводѣ: *Цзы-сы, объясняя корень и источникъ естественнаго закона, сказалъ: «подъ небомъ все говорить о природѣ, естественномъ законѣ и ученіи.» И такъ надлежитъ знать, что такое въ самой вещи суть природа, законъ и ученіе.*

Какъ во всѣхъ языкахъ, у Китайцевъ имя выражаетъ предметъ (пространство), глаголь бытіе и дѣйствіе (время); отъ перваго производятся прилагательныя (качество) и нарчія (отношеніе предметовъ); отъ втораго причастія (степени времени) и дѣепричастія (отношеніе бытія и дѣйствія).

Имена Китайскія не склоняются; только для означенія родительнаго падежа есть придатокъ, слово *чжи*, и есть отличіе отчасти для падежа винительнаго. Чисель два, единственное и множественное, но окончанія словъ притомъ не измѣняются; только прибавкою особыхъ словъ: *всь, толпа, много, нѣсколько*, и проч., означается множественное число. Родовъ вовсе нѣтъ; въ необходимыхъ случаяхъ, мужескій и женскій роды различаются отдѣльными словами (быкъ, корова; осель, ослица — *мань-но, жу-но; цзю-мой, цао-мой*), или прибавкою словъ: *гунь* (самецъ), *му* (самка) — *селезень, гунь-я, утка, му-я.*

Прилагательныя выражаются отдѣльными словами (*кху, горекъ, хунь, красень*), но всего болѣе сое-

диненіемъ разныхъ существительныхъ и глаголовъ: *инь, серебро, цлянъ, деньги, значать вмѣсть, почитаемое прилагательнымъ, слово, серебряную монету; чень-городъ, минь, ворота, означаютъ вмѣсть прилагательное, городскія ворота.* Рода, числа, падежа нѣтъ, какъ въ существительномъ, и прилагательное узнается по отношенію его къ существительному. Сравнительная и превосходная степени производятся прибавкою частицъ: *болѣе, нѣсколько, очень, весьма*, и проч. Имена числительныя идутъ у Китайцевъ отъ одного до десяти; отдѣльно выражаются еще *сто, тысяча, десять тысячъ*; всѣ остальные слагаются изъ нихъ. Число: 14,500, Китаецъ выразить сложными словами: *И (1), вань (10,000), сы (4), цлянъ (1,000), ву (5), бай (100).*

Мѣстоименія личныя и возвратныя не склоняются, и отношенія ихъ объясняются прибавкою известныхъ частицъ. Кромѣ того, учтивость и этикетъ почти изгоняютъ личное мѣстоименіе у Китайца. Какъ Монтанъ, Китайцы думаютъ, что «слово *я*, несносно,» не терпятъ и слова *ты*.—Для вопросительныхъ и прилагательныхъ мѣстоимѣній есть нѣсколько особыхъ неизмѣнныхъ звуковъ.

Глаголы Китайскіе суть также неизмѣняемые звуки; ими выражаются основныя идеи бытія и дѣйствія, въ родѣ нашихъ неопредѣленныхъ наклоненій, а залогі, времена, другія наклоненія, и лица, образуются прибавкою частицъ, или сложеніемъ известныхъ глаголовъ. Частица *сянь* (взаимно) дѣлаетъ, на примѣръ, глаголь взаимнымъ: *сянь-цзлянъ*, значить «видѣться,» отъ *цзлянъ*, видѣть; отсутствіе мѣстоименія означаетъ глаголь безличный; прибавки известныхъ глаголовъ и нарчій къ другимъ означаютъ страдательный залогъ, а также и времена (настоящее, прошедшее, будущее), причастія и дѣепричастія.

Нарчія, предлоги, союзы и междометія ни въ какомъ языкѣ не составляютъ трудности. Изученіе то-

го, какъ приложение ихъ измѣняетъ имена существительныя, прилагательныя, и въ глаголахъ дѣласть залогъ, времена и числа, у Китайцевъ весьма легко, а кончивши это изученіе, вы кончили всю этимологию, и конечно, согласитесь, что едва ли есть въ мірѣ другой языкъ, который представлялъ бы этимологическихъ правилъ такъ мало, и въ которыхъ были бы они простѣе, нежели въ Китайскомъ.

Перейдемъ къ самымъ Китайскимъ звукамъ, изъ ихъ составляются слова. Китайскій языкъ имѣетъ ихъ 20, поставляемыхъ въ началѣ (Русскими буквами выражаются они такъ: *б, м, ф, д, н, л, ш, ж, ц, с, і, е, х, в, пх, тх, чж, кх*), и 12 окончательныхъ (которыя Русскими буквами выражаются такъ: *Аньань, шь-ынъ-унъ, шь-ынъ-унъ-юнъ, аньань, ю-у, ао-ло-у, о, эъ, а, ай, и*), состоящихъ отчасти изъ предыханій. Китайцы дѣлятъ ихъ все вообще на девять разрядовъ, по произношенію (зубные, губные, и пр., подраздѣляя каждый разрядъ на произношенія ясное, глухое, и проч.). Странно для Европейца слышать, что все это приводится потомъ къ 447 звукамъ. Это изъяснимъ мы далѣе.

Здѣсь следовало бы намъ обратиться къ синтаксису Китайскому. Но языкъ Китайскій такъ слить съ его письменами, что необходимо должно прежде узнать *графическую* систему Китайцевъ, и тогда легко можно постигнуть систему синтаксиса.

Касательно графики Китайцевъ надобно сознаться, что въ ней встрѣчается нѣсколько болѣе запутанности, нежели въ звукахъ, особливо отъ схоластическихъ и условныхъ законовъ, но такъ бываетъ во всемъ, что придумываетъ человекъ! Однакожь, за всѣмъ тѣмъ, система Китайской письменности весьма легка и понятна, и съ самою малою привычкою представить затрудненій не болѣе азбуки Европейской, при удивительной опредѣлительности и точности.

Скажемъ прежде всего, что Китайскія буквы выражаютъ идеи и предметы, безъ различія ихъ на имена, глаголы, и проч. Онѣ суть, или простыя, или сложныя, и показываютъ, какъ идею, или предметъ, такъ и произношеніе, и потому иногда три писанныя буквы произносятся однимъ звукомъ, ибо одна и двѣ буквы ставятся иногда для означенія произношенія.

Китайскія письмена вообще дѣлятся на шесть слѣдующихъ разрядовъ: *синь-сянь* (изобразительные; ихъ считаютъ 608), представляющіе самые очерки предметовъ (напримѣръ, *дань*, восхожденіе солнца, представляетъ самое солнце надъ небосклономъ; *тхлань*, поле, изображаетъ квадратъ, раздѣленный на четыре размежеванныя поля). *Чжи-ши* (указательныя; ихъ считаютъ 107), представляютъ умственное приложеніе очерка предметовъ (напримѣръ, *фьнь*, дѣлать, составляется изъ письменъ: *дао*, ножъ, и *бъа*, раздѣлять; *ши*, румяный, изъ *да* — большой, и *хо* — огонь). *Хой-и*, совокупительныя; ихъ считаютъ до 740), представляютъ особенное соединеніе буквъ (напримѣръ: *чжу*, бамбукъ, и *мао*, шерсть, вмѣстѣ означаютъ *писальную кисть*). *Чжу-ань-чжу* (обратныя; ихъ считаютъ 372), представляютъ перемѣщеніемъ своихъ частей разныя смыслы). *Цзъ-цзъ* (заимственный; ихъ считаютъ 598), представляютъ, при перемѣнѣ ударенія, или выговора, два разные смысла. Наконецъ, самый обширный отдѣлъ письменъ именуется *Съ-шенъ* (звукосогласительныя); здѣсь считается до 21,810 очерковъ, и они составляются каждый изъ двухъ знаковъ, въ коихъ поставляемый съ права означаетъ только выговоръ стоящаго съ лѣвой стороны. Такимъ образомъ, число письменъ Китайскихъ состоитъ почти изъ 25,000 основныхъ знаковъ (24,235), а всѣхъ очерковъ и начертаній полагается въ Китайской письменности до 40,000.

Скажемъ здѣсь мимоходомъ о любопытныхъ по-

дробностяхъ, которыя не относятся собственно къ нашему предмету.

Китайцы составляютъ свои письмена изъ шести разнообразныхъ черточекъ, и точки, съ четырьмя крючками. Строки ведутъ они съ правой стороны въ низъ; буквы ставятъ раздѣльно одну за другою, и потому въ слѣдующей строкѣ одну противъ другой, такъ, чтобы каждая буква заняла свой квадратъ, и собраніе ихъ походило на шахматную доску. Начало Китайскихъ книгъ, слѣдовательно, бываетъ, тамъ, гдѣ у насъ находится конецъ. Китайцы имѣютъ вообще шесть почерковъ: древнѣйшій, нынѣ не употребляемый *гу-вынь*; измѣненный за 900 лѣтъ до Р. Х., *чжесу-вынь*; измѣненный за 300 л. до Р. Х., *сло-чжунань*, нынѣ употребляемый на печатяхъ; измѣненный въ IV-мъ вѣкѣ по Р. Х., *цуй-шу* — это нынѣшній печатный; измѣненіе его, *синь-цуй* — нынѣшній почетный рукописный, и *цао-цзы* — связная скоропись, или простой рукописный. Каждый почеркъ имѣетъ свои каллиграфическіе законы. Китайцы допускаютъ притомъ сокращеніе письменъ; есть по два начертанія на нѣкоторые письмена; маленькій кружокъ и черточка замѣняютъ почти все знаки препинаній; кружокъ побольше и черта подлиннѣе дѣляютъ періоды. Закономъ установлены притомъ полныя и точныя правила всѣхъ каллиграфическихъ приличій, и исчислено и опредѣлено 92 правила, по которымъ пишутся все части Китайскихъ письменъ.

Но все это дѣло постороннее. Если только умѣли мы въ краткомъ очеркѣ нашемъ ясно пересказать существенные законы Китайской Грамматики, то, думаемъ, теперь понятно будетъ каждому все, что мы говорили въ началѣ о простотѣ Китайскаго языка, связи въ немъ звуковъ съ очерками, и о томъ, что Китайскія письмена не суть собственно ни буквы, ни иероглифы.

Изъ двадцати, или тридцати звуковъ, однослож-

ныхъ, съ двумя, тремя удареніями, образуется нѣсколь-ко сотъ звуковъ предметныхъ, или, если угодно, словъ выражающихъ идеи, которыя изображаются извѣстными знаками. Каждое «слово-идея», или «звукъ предметный», какъ мы ихъ назвали, облеченные въ очеркъ, дѣлаются основаніемъ для составныхъ очерковъ, произношеніе конхъ опредѣляется уже составомъ сложныхъ очерковъ, выражающихъ подробности идей, а связь между ними и основными звуками и очерками поясняется особыми знаками. Вотъ вся тайна Китайской письменности.

Звуки и слова, облеченные въ очерки, составляютъ такимъ образомъ словарь Китайскій. Въ немъ отличаются прежде всего ключи. Ихъ считается 214. Ключи состоятъ изъ одной, двухъ, трехъ, четырехъ пяти, шести, семи, и такъ далѣе, восходя до семнадцати чертъ. Число производныхъ отъ ключей сложныхъ очерковъ весьма неравно; нѣкоторые ключи имѣютъ ихъ болѣе 1000, а все они вмѣстѣ составляютъ болѣе 33,000.

Основаніе состоитъ прежде всего въ изученіи ключей, а потомъ въ знаніи того, какъ по нимъ отыскивать производство, и въ правилахъ, какъ писать знаки (при чемъ, само собою разумѣется, нѣтъ никакой надобности изучать на память весь Китайскій словарь). Глазъ весьма скоро знакомится съ Китайскими знаками письменными, и познаніе Китайскаго языка не представляетъ уже послѣ сего никакой трудности при хорошемъ словарѣ, и самомъ даже небольшомъ навыкѣ, ибо Китайскій синтаксисъ чрезвычайно простъ. Весьма любопытно изложеніе его Китайскими филологами. Они дѣлятъ все письмена на существенныя, *ши-цзы*, и пустыя, *суй-цзы*. Первыми означаются существенныя идеи именъ и глаголовъ; вторыми все другія части рѣчи, и связь и отношеніе словъ. Примѣръ пояснить дѣло лучше всякихъ изъясненій. Возьмемъ Китайскую фразу, кото-

рую выставили мы выше сего, для показанія Китайскаго произношенія, и разберемъ грамматическій складъ ея.

Цзы-сы минъ дао чжи бэнь юань юэ: «Тъхянь ся цзъ янь синь даоцзяо и». И чжи синь дао цзяо го хэ вэй ху?

Здѣсь представляется намъ двадцать четыре звука, выражаемыхъ 24-мя раздѣльными Китайскими письменами.

Изъ нихъ шесть суть имена существительныя: Дао, бэнь, юань, тъхянь, синь, цзяо, а пять суть глаголы: минъ, юэ, янь, чжи, вэй (все это по-Китайски *существенныя письмена*). Пять суть дополнительныя части рѣчи: ся, й, го, цзъ, хэ, и три буквы суть грамматическіе знаки: чжи, и, ху (Все это называютъ по-Китайски *пустыя письмена*).

Разберемъ весь сін слова по порядку, какъ они находитя въ приведенной нами рѣчи:

Цзы-сы, имя собственное Китайскаго мудреца.

Минъ, глаголь, *объявлять, объявить*.

Дао, имя суц., значащее: *путь, законъ естественный*.

Чжи, частица, показывающая, что предшествующее ей имя поставлено въ родительномъ падежѣ.

Бэнь, имя суц., значащее: *пень дерева, корень, начало вещи*.

Юань, имя суц., значащее *источникъ*.

Юэ, глаголь, *говорить, сказывать*.

Точка показываетъ здѣсь конецъ первой части періода. Поставимъ слова рядомъ, помни, что имена у Китайцевъ не имѣютъ измѣненій по падежамъ, а измѣненіе глагола узнается по связи словъ.

Цзы-сы минъ (объявлять), дао чжи (естественнаго закона), бэнь (корень), юань (источникъ), юэ (говорить).

Явно, что смыслъ слѣдующій: «Цзы-сы, *объясняя*

естественнаго закона корень и источникъ, говоритъ (или говорилъ).»

Пройдемъ вторую часть фразы.

Тъхянь, имя суц., значащее *небо*.

Ся, частица, означающая нарѣчіе, *подъ* (sous), и поставляемая всегда послѣ имени существительныхъ.

Цзъ, частица, значащая *всѣ, все*.

Янь, глаголь, *повѣствовать, повѣдать, вѣщать*.

Синь, имя суц., значащее: *природа, свойство*.

Дао, имя суц., значащее, какъ выше сказано, *путь, законъ естественный*.

Цзяо, имя суц., значащее *ученіе*.

И, протяжно произносимое, частица, показывающая окончаніе рѣчи — родъ нашей точки. Здѣсь кончится вторая часть періода.

Тъхянь ся (небо, *подъ*), цзъ (все), янь (повѣствовать), синь (природа), дао (естественный законъ), цзяо (ученіе) и.

Явный смыслъ: «*подъ небомъ все повѣдуетъ* при-роду, естественный законъ, ученіе.»

Третья часть фразы:

И, произносимое кратко, частица, значащая союзъ, и *такъ, также* (ainsi).

Чжи, глаголь, *знать, вѣдать*.

Синь (см. выше).

Дао (см. выше).

Цзяо (см. выше).

Го, частица, значащая нарѣчіе, *подлинно, дѣйствительно*.

Хэ, частица, значащая вопросительное мѣстоименіе, *кто? что?*

Вэй, глаголь, *называть, нарицать*.

Ху, частица, которая, находясь въ концѣ рѣчи, значить вопросительный знакъ.

И (и такъ), чжи (знать—отсутствіе имени показываетъ безличное наклоненіе), синь (природа), дао (ест.

законъ), *цзяо* (ученіе), *го* (подлинно), *хэ* (что?), *вэй* (называть), *ху* (какъ выше сказано, знакъ вопроса).

Явный смыслъ: «И такъ знать надлежитъ: природою, естественнымъ закономъ, ученіемъ, что подлинно называть (называется)?»

Составимъ полную фразу изъ трехъ ея частей: «Цзы-сы, объясня естественнаго закона корень и источникъ, говорилъ:» Подъ небомъ все повѣдуетъ природу, естественный законъ, ученіе.» И такъ знать надлежитъ: «природою естественнымъ закономъ, ученіемъ, что подлинно называть?»

Голословный, слово въ слово сдѣланный, но совершенно понятный для насъ переводъ. Переложимъ его въ нашу чистую Русскую форму, и онъ явится въ слѣдующемъ видѣ:

«Объясня корень и источникъ естественнаго закона, Цзы-сы говорилъ: «Все подъ небесами повѣдуетъ намъ природу, естественный законъ и ученіе.» И такъ надобно знать, что такое подлинно называть должно природою, естественнымъ закономъ и ученіемъ?» —

Мы не выдумываемъ — беремъ и рассказываемъ сокращенно то, что подробно и вполне нашли мы въ новомъ сочиненіи О. Іакина, и узнали изъ бесѣды его о предметъ, столь занимательномъ. Гдѣ-же здѣсь неизобразимыя трудности языка нашихъ юговосточныхъ соседей? Ихъ раждали только невниманіе наше, и спутанная система, въ какой передавали намъ законы Китайскаго языка и Китайской графической системы. Честь и слава нашему Русскому хитологу, который разсѣкъ Гордіевъ узелъ, и оказалъ изданіемъ грамматики своей Европейскую услугу, имѣвши случай многолѣтнею практикою на мѣстѣ изслѣдовать и узнать предметъ, столь маловѣдомый до него!

Когда и какъ составилаь эта система письменности, столь отличная отъ гіероглифической и азбуч-

ной? Весьма естественно рождается такой вопросъ при ея соображеніи.

Китайцы сохранили преданіе, смѣшанное съ мнѣшескимъ рассказомъ о началѣ своихъ письменныхъ знаковъ. Выписываемъ его изъ предисловія къ грамматикѣ О. Іакина.

Что касается до изобрѣтенія Китайскихъ письменъ, Китаецъ Шень-си-минъ представляетъ намъ одно изъ древнѣйшихъ свидѣтельствъ по сему предмету. Нѣкогда, пишетъ онъ, читалъ Индѣйскія уложенія, я нашелъ въ нихъ, что изобрѣтателей письменъ было трое: Фанъ, Цялу, Цань-цзъ. Первый сообщилъ свое открытіе Индіи. Его буквы пишутся отъ лѣвой руки къ правой. Второй жилъ въ Западныхъ странахъ. Его буквы пишутся отъ правой руки къ лѣвой. Послѣдній былъ къ Китаю (Чжунъ-ся). Его буквы пишутся сверху внизъ. Очевидно, что Шень-си-минъ подъ первыми разумѣетъ Санскритскія, подъ вторыми Арабскія, подъ третьими Китайскія письмена.

Предоставляя гг. ориенталистамъ изслѣдованіе начала буквъ Санскритскихъ и Арабскихъ, мы обратимъ вниманіе на одно Китайское письмо.

Цань-цзъ, которому Китайцы приписываютъ изобрѣтеніе своихъ буквъ, имѣлъ пребываніе въ нынѣшней Китайской губерніи Шапъ-си. Повѣствованіе объ немъ любопытно. Въ одно время, спустившись съ Сюанъ-ху на сѣверный берегъ рѣки Ло, увидѣлъ онъ черепаху, спина которой имѣла по красной землѣ темныя черты. Разсматривая сіи черты, и вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдалъ слѣды разныхъ животныхъ и птицъ, онъ попалъ на счастливую мысль изображать условными знаками самыя понятія о вещахъ. Сей Цань-цзъ, по древнимъ преданіямъ, жилъ въ такія времена, когда нероботные обитатели Китая находились еще въ полудикомъ состояніи, укрывались въ берлогахъ и порахъ, не знали ни одѣвья, ни огня, питались сырымъ мясомъ и растеніями. Въ слѣдъ за нимъ, нѣкто Суй-жинъ-шынъ открылъ употребленіе огня, и первый ввелъ способъ замѣчать общественныя дѣла узелками на веревочкѣ. Изъ сихъ преданій съ полною вѣроятностію можно заключить, что Цань-цзъ первый открылъ способъ чертить на чемъ либо изображенія видимыхъ вещей, и не болѣе какъ въ семь самомъ состояніи его изобрѣтеніе Китайскаго

письма. По прошествии некоторого времени, государь Фу-си-шы выдумалъ восемь Гуа, изъ коихъ каждый состоитъ изъ шести чертъ, трехъ цѣльныхъ и трехъ ломаныхъ*. Си самыя черты привели Фу-си-шы къ изобрѣтенію Китайскаго письма, т. е. условныхъ знаковь, которые онъ ввелъ для замѣчания общественныхъ дѣлъ, вмѣсто веревочныхъ узелковъ. Сей Фу-си-шы, по счисленію, основанному на предположеніи вѣролпности, жилъ въ концѣ 29, или въ началѣ 28 столѣтія до Р. X. Слѣдовавшій за нимъ государь Ю-сюнь-шы уже въ состоліи былъ положить прочное основаніе гражданскому образованію въ народѣ. Онъ раздѣлялъ Китай на области, и учредилъ шесть министерствъ, досель удержанныхъ въ Китайскомъ управленіи; изобрѣлъ ноты для музыки, и написалъ первую врачебную книгу, донынѣ существующую подъ названіемъ Нэй цзинъ; сдѣлалъ небесную сферу, и сочинилъ мѣсяцословъ**. Шунь, первый законодатель Китая, въ 2285 году по Р. X., предписалъ своимъ астрономамъ повѣрить прежнія астрономическія выкладки, и сдѣлалъ новую небесную сферу. Все сіе ведетъ насъ къ заключенію, что хотя точное начало Китайскаго письма неизвѣстно, по весьма достоверно, что оно существовало до государя Шунь, и совершенствовалося на ряду съ постепеннымъ возвышеніемъ гражданского устройства въ Китаѣ.

Въ древности, пока еще не были изобрѣтены въ Китаѣ кисть, тушь и бумага,*** писали вырѣзывая буквы на бамбуковыхъ доскахъ, или рисуя оныя на шелковыхъ тканяхъ. Трудность, и вмѣстѣ съ тѣмъ медленность такого письма, поставили писателей въ необходимость выражать свои мысли съ чрезвычайною краткостью и силою. Такъ писали отъ династїи Си до династїи Цинь (2205 - 202 до Р. X.), и госу-

* Изъ различнаго соединенія цѣлыхъ чертъ съ ломаными произошло 64 разныхъ Гуа, или фигуръ, изъ коихъ каждая содержитъ въ себѣ нравственную истину, и сіе самое составляетъ содержаніе книги И-цзинъ, первой изъ древнѣйшихъ Китайскихъ книгъ.

** Сему государю преданія еще приписываютъ изобрѣтеніе разной домашней посуды и оружія, телегъ, компаса, мѣръ, висовъ, строенїя домовъ и водоходныхъ судовъ, добываніе мѣдной руды, плавленіе мѣдной монеты, открытіе шелководства и введеніе царскаго одьянія.

*** Писую кисть изобрѣлъ Мынь-тхлянъ, полководецъ, построившій Великую Стѣну, за 200 съ небольшимъ лѣтъ до Р. X., а звнухъ Цай-луи, векоръ по Р. X., открылъ способъ дѣлать изъ древесной коры и вѣтошекъ, или трипокъ, писчую бумагу.

дарственные люди и частные ученые. И какъ въ сочиненїяхъ первыхъ сохранились значеніе письменъ, и первыя уложенїя Китая, въ послѣдствїи принятыя за основаніе словесности и законодательства, то оныя уже и во время славнаго мудреца Кхунъ-фу-цзы (Конфуція) почитались основными, Цзинъ, т. е. классическими, или священными. Со времени династїи Хань до династїи Юань (съ 202 года до Р. X. до 1264-го по Р. X.), Китайская словесность, поощряемая правительствомъ, безпрерывно шла къ совершенству. Но какъ сей періодъ слѣдовалъ непосредственно за древними временами, то писатели, увлекаемые подражаніемъ, болѣе руководствовались духомъ древности. Въ лучшихъ ихъ творенїяхъ господствуетъ та же краткость въ словахъ, та же выразительность въ мысляхъ, и хотя сіи творенїя, по мнѣнію новѣйшихъ Китайскихъ критиковъ, уступаютъ древнимъ, какъ въ краснорѣчїи, такъ въ правильности и силѣ мыслей, по за всѣмъ тѣмъ считаются образцовыми, и на ряду съ ними составляютъ, такъ называемую, древнюю словесность, *Гу-вень*. Съ паденіемъ дома Сунъ начинается третїй періодъ Китайской словесности. Въ сіе время потомки Чингисъ-Хановы, овладѣвъ престоломъ Китая, окружили себя смѣсною народомъ цѣлой Азіи. Гордый Китаецъ, изнемогшїй подъ тяжестью желѣзнаго ига, наконецъ преклонился къ раболовству. Съ сего времени, вмѣсто прежней простоты и краткости въ слогахъ, появилась вышность въ наборѣ словъ, роскошь въ описательныхъ выраженїяхъ, и словесность, одѣтая блескомъ пуштаго краснорѣчїя, утратила тайну управлять волею и дѣйствовать на чувство. Таковъ былъ ходъ Китайской словесности въ продолженіе минувшихъ сорока вѣковъ. Но между тѣмъ, какъ ходъ ея измѣнялся съ ходомъ политическихъ перемѣнъ, языкъ, поддерживаемый законами, оставался неизмѣннымъ, ибо въ Китаѣ издревле существуетъ законъ, которымъ запрещено вводить новыя условные знаки (буквы), безъ утвержденія оныхъ верховною властію.

Въ настоящее время (что должноствовало быть и прежде), Китайскїй языкъ дѣлится на книжный и разговорный, изъ коихъ послѣднїй отличается отъ перваго оборотами, ему одному свойственными. Первымъ пишутъ все вообще, а послѣднимъ только романы, повѣсти и пѣсни народныя.

Почитаемъ любопытнымъ выписать еще критиче-

ское обозрѣніе изданныхъ доннынъ Европейцами Китайскихъ грамматикъ, тѣмъ болѣе, что при малоизвѣстности предмета, о которомъ идетъ рѣчь, книга О. Іакинна не поступитъ въ продажу, следовательно, останется въ рукахъ весьма немногихъ читателей, будучи напечатана въ небольшомъ числѣ экземпляровъ.

Европа еще недавно познакомилась съ языкомъ и письмами Китайскими. Въ половинѣ XVI столѣтія, Католическіе ввропроповѣдники первые проникли въ сіе государство, съ благочестивымъ намѣреніемъ, посѣять тамъ сѣмяна Евангельскаго ученія. Изученіе Китайскаго языка было необходимо для достиженія сей цѣли, и многіе изъ нихъ съ успѣхомъ упражнялись въ немъ. Въ послѣдствіи, нѣкоторые изъ ученыхъ, по страсти къ наукамъ, начали заниматься Китайскимъ языкомъ въ самой Европѣ, и также приобрѣли, хотя не полныя, но довольно основательныя свѣдѣнія въ ономъ. И ты и другіе занимались между прочимъ изложеніемъ самыхъ правилъ Китайскаго языка, и составили грамматическія системы. Къ первымъ изъ нихъ преимущественно причисляются Варо, Маршманъ, Премаръ, Морриссонъ и Гонзальвъ, а къ послѣднимъ Байеръ, Фурмонъ и Абель Ремюза.

Первую Китайскую грамматику написалъ, сколько намъ извѣстно, О. Варо на Испанскомъ языкѣ, и расположилъ оную по порядку частей рѣчи, примѣняясь къ правиламъ Латинской грамматики. Онъ старался объяснить, какимъ образомъ, при неизмѣнности словъ въ Китайскомъ языкѣ, можно выразить на немъ измѣненія, свойственныя Европейскимъ языкамъ, а сіе самое воспретяствовало ему раскрыть подлинныя свойства Китайскаго языка. Сверхъ сего Грамматика О. Варо написана только для общепродажнаго, а не для ученаго языка, да и Китайскія слова въ примѣрахъ писаны Латинскими же буквами, почему можетъ она служить только для тѣхъ, которые желаютъ обучаться разговорному Китайскому языку, и при томъ въ самомъ Китайъ*.

* Францискъ Варо, миссіонеръ Доминиканскаго ордена, напечаталъ свою Граматику въ Кантонѣ въ 1705 году (8), подъ названіемъ: *Arte de la lengua mandarina*, въ одной книжкѣ, состоящей изъ 64 листовъ. Буквы подлинныя были писаны кистью, и въ семь видѣ вырѣзаны на деревянныхъ доскахъ, на которыхъ производилось тисненіе по способу Китайскаго книгопечатанія. Сія Грамматика столь рѣдка, что по уврѣнію Абель-Ремюза, даже въ Парижской Королевской

Вторая Китайская Грамматика, появившаяся въ свѣтъ послѣ Варовой, есть твореніе Байера, который обучался Китайскому языку въ Европѣ, въ такое время, когда Европейцы имѣли очень недостаточныя свѣдѣнія о самомъ Китайѣ, не говоря уже о Китайскомъ языкѣ. Къ чести Байера должно сказать, что онъ получилъ, хотя очень неполное, но довольно правильное понятіе о механизмѣ языка. Сей ученый написалъ свою Граматику на Латинскомъ языкѣ, и даже Китайскій текстъ въ примѣрахъ писалъ Латинскими же буквами. Нѣтъ сомнѣній, что Байеръ матеріалы для сей книги получилъ отъ Европейцевъ, долго жившихъ въ Китайѣ, по соевсѣмъ тѣмъ, его Китайская Грамматика также содержитъ въ себѣ правила только для одного разговорнаго языка, и, какъ первое въ Европѣ произведеніе въ семъ родѣ, носитъ на себѣ тяжелый отпечатокъ несовершенства, по недостатку правилъ, и по несправности буквъ Китайскихъ*.

Въ слѣдъ за Байеровою Грамматикою показалась третья Китайская Грамматика, изданная Фурмонемъ, подъ названіемъ: *Уэлуэ-ю-гуанъ-хуа*, что отъ слова въ слово значитъ: «Китайскій разговорный языкъ высшаго сословія». Изъ самаго названія книги можно видѣть, что Фурмонъ написалъ свою Граматику для одного разговорнаго языка, которымъ Европейскіе ввропроповѣдники, проникшіе въ Китай, занимались преимущественно передъ книжнымъ, и который, какъ мы выше сказали, отличенъ отъ книжнаго. Сія Грамматика раздѣлена на двѣ части. Въ первой изъ нихъ, кромѣ нѣсколькихъ правилъ Китайскаго языка, помѣщены склоненіе именъ и спряженіе глаголовъ, по формамъ Европейскихъ грамматикъ составленныя, а во второй изложено словосочиненіе, котораго самую большую часть составляютъ не правила, а учти-

Библіотекѣ нѣтъ ни одного экземпляра оной. Я получилъ сію книгу для пересмотра изъ музеума Азіатскихъ книгъ, принадлежащаго барону Павлу Львовичу Шиллингу фонъ-Канштатъ.

* Осевиль Зигфридъ Байеръ, профессоръ исторіи и древностей при С. Петербургской Академіи Наукъ, издалъ свою Китайскую Граматику подъ названіемъ: *Museum Sincicum*, въ двухъ томахъ, изъ коихъ въ первомъ помѣщена *Grammatica Sinica*, во второмъ *Lexicon Sinicum lafine explicatum*. Сія книга посвящена Осевану, архіепископу Новгородскому, и напечатана въ типографіи С. Петербургской Академіи Наукъ въ 1750 году (8). И такъ первая Китайская Грамматика въ Европѣ напечатана была въ Россіи — членомъ С. Петербургской Академіи Наукъ.

был выражения, употребляемая при свидании. Въ кощѣ книги приложенъ любопытный реестръ Китайскихъ книгъ, находившихся въ то время въ Парижской Королевской Библиотекѣ. Это была первая Грамматика, въ которой Китайскій текстъ въ примѣрахъ писанъ Китайскими буквами. Нѣкоторые правила въ оной изложены довольно хорошо, но вообще не полны; въ примѣрахъ встрѣчаются выраженія потерянныя въ чистомъ разговорномъ языкѣ, и самый переводъ мѣстами ошибоченъ. Все сіе достаточно показываетъ, что сочинитель учился Китайскому языку не въ Китаѣ, а во Франціи, по Грамматикѣ О. Варо, и написавъ собственную Грамматику, не имѣлъ средствъ повѣрить оной съ людьми, основательно знавшими Китайскій языкъ *.

Въ то же самое время, когда Фурмонъ въ Европѣ трудился надъ сочиненіемъ Китайской Грамматики, О. Премаръ, находясь въ Китаѣ, писалъ свою, подъ названіемъ: *Notitia Linguae Sinicae*. Сей миссіонеръ, долго занимавшійся Китайскимъ языкомъ въ самомъ Китаѣ, совершенно постигъ свойства сего языка, и съ большою точностію показалъ оныя въ своей Грамматикѣ, не приравливаясь къ грамматическому порядку Европейскихъ языковъ, какъ немѣющихъ никакого сходства съ Китайскимъ языкомъ. Въ первой части своего творенія, О. Премаръ кратко излагаетъ основныя понятія о языкѣ и письменахъ Китайскихъ; во второй изображаетъ обороты разговорнаго, въ третьей обороты книжнаго, или ученаго языка. Въ обѣихъ послѣднихъ преимущественно даетъ мѣсто словамъ, имѣющимъ многообразное употребленіе, и употребленіе оныхъ объясняетъ многими прекрасными примѣрами, изъ которыхъ, впрочемъ, самая большая часть суть выраженія, принадлежащія къ словарю, и не составляющія существенныхъ правилъ языка. Примѣры вообще писаны Китайскими буквами средственнаго шрифта. Жаль только, что въ *Notitia Linguae Sinicae*, твореніи единственномъ въ семь родъ по чистотѣ слога, находится общій высшимъ Грамматикамъ недостатокъ въ правилахъ, на которыхъ осно-

* Стеванъ Фурмонъ, профессоръ Арабскаго языка въ Парижѣ, издалъ Китайскую Грамматику на Латинскомъ языкѣ, присвокуивъ къ Китайскому и Латинскому названіе: *Linguae Sinarum Mandarincicae Hieroglyphicae Grammatica duplex, latinè et cum characteribus Sinesium*. Сія книга посвящена Людовику XV, и напечатана въ Парижѣ въ 1742 году, въ листъ. Китайскія буквы грубовато вырѣзаны.

вывається управленіе словъ въ разговорѣ и письмѣ, свойственное Китайскому языку. По сей, кажется, причинѣ, самъ О. Премаръ не назвалъ своего сочиненія Грамматикою, хотя въ ономъ изобильно находятся матеріалы, потребныя къ составленію полной Грамматики *.

Англіискіе миссіонеры, жившіе въ Кантонѣ, также издавна упражнялись въ Китайскомъ языкѣ, но поздно начали обнаруживать свои свѣдѣнія въ ономъ. Г-нъ Маршманъ издалъ *Clavis Sinica* (Ключъ къ Китайскому языку), въ 1814 году. Я не имѣлъ случая видѣть сей книги, и потому не могу произнести сужденія ни о расположеніи, ни о внутреннемъ достоинствѣ оной. Абель-Ремюза, въ Введеніи къ своей Китайской Грамматикѣ пишетъ, что *Clavis Sinica* не есть грамматика, но длинное разсужденіе о словѣ, которымъ писанъ *Lunъ той*, составляющей третіе отдѣленіе Четыре-книжкія **.

Черезъ годъ по напечатаніи *Clavis Sinica*, Морриссонъ издалъ Китайскую Грамматику на Англіискомъ языкѣ, въ которой примѣры писаны Китайскими буквами. При долговременномъ пребываніи въ Кантонѣ, онъ пріобрѣлъ хорошее знаніе въ Китайскомъ языкѣ, но при сочиненіи своей Грамматики, приспособляя употребленіе оной для своихъ соотечественниковъ, старался изложить правила болѣе для разговорнаго слога, и выразить на Китайскомъ языкѣ всѣ грамматическія измѣненія, свойственныя Англіискому языку, а сіе самое заставляло его иногда составлять примѣры изъ выраженій мало употребительныхъ въ Китайскомъ языкѣ. Отсюда каждый можетъ заключить, что такая учебная книга недостаточна къ прямому познанію даже самаго общенароднаго Китайскаго языка, ибо она не въ точности показываетъ отличительныя свойства сего языка ***.

* Иосифъ Геврихъ Премаръ, іезуитъ, написалъ *Notitia linguae Sinicae*, на Латинскомъ языкѣ, а примѣры въ ней изложилъ Китайскими буквами. Сія книга долго находилась въ разныхъ Европейскихъ библиотеклахъ въ рукописи; наконецъ Англичане напечатали ее въ Малаккѣ подъ названіемъ, *Notitia linguae Sinicae Auctore P. Premare, Malacae, Cura Academiae Anglosinensis, 1851, in 4, 262 стр.* Показаніе (index) 28 стр.

** Маршманъ, Англіискій миссіонеръ въ Кантонѣ, напечаталъ *Clavis Sinica*, на Латинскомъ языкѣ, въ Серамурѣ, въ 1814 году, 600 страницъ. Потомъ онъ издалъ *Lunъ той*, переведенный имъ на Англіискій языкъ.

*** Робертъ Морриссонъ, Англіискій миссіонеръ въ Кантонѣ, напечаталъ свою Грамматику Китайскаго языка въ Серамурѣ, въ 1815

Абель-Ремюза написал Китайскую Грамматику на Французскомъ языкѣ, въ которой также примѣры писаны Китайскими буквами. Онъ, какъ Байеръ и Фурмонъ, не имѣлъ случая быть въ Китаѣ, а обучался Китайскому языку въ Парижѣ, самоучкою, но справедливость обязываетъ меня сказать, что средства, дарованія и трудъ доставили ему хорошее свѣдѣніе въ ономъ. Расположеніе его Грамматики не много-сложно, и, должно сказать, правильно. Въ предисловіи, съ большою основательностію предлагаеь онъ свое мнѣніе о грамматикахъ Китайскаго языка, изданныхъ, или сочиненныхъ до появленія въ свѣтъ его собственной, а въ Введеніи помѣщены основныя понятія о языкѣ и письменахъ Китайцевъ. За ними слѣдуетъ самая грамматика, раздѣленная на двѣ части, изъ коихъ въ первой изложены правила, по которымъ Китайцы въ книжномъ языкѣ, безъ измѣненія словъ, выражаютъ грамматическія измѣненія свойственныя Европейскимъ языкамъ; во второй содержатся такія же правила для общенароднаго языка. Первую часть онъ назвалъ *Гу-ынъ*, ou style antique, вторую *Гуанъ-хуа*, ou style moderne. Мы тотчасъ увидимъ, что Абель-Ремюза, по недостатку практическихъ свѣдѣній въ Китайскомъ языкѣ, ошибся въ названіи частей своей Грамматики. Гу-ынъ, какъ мы выше уже сказали, отъ слова въ слово значитъ: «древняя словесность». Подъ симъ названіемъ въ Китаѣ издано нѣсколько книгъ, въ которыхъ помѣщены образцовыя мѣста изъ сочиненій древнихъ. Гуанъ-хуа значитъ «разговорный языкъ высшаго сословія». Оба сіи выраженія суть употребительныя, и первому изъ нихъ противопоставляется выраженіе *инъ-ынъ*, то есть, «нынешняя словесность», а второму выраженіе *су-хуа*, то есть, «простонародный» или «деревенскій языкъ». Изъ сего объясненія открывается, что въ Китаѣ находится, какъ выше уже было сказано, два языка, книжный и разговорный.

Не смотря на все это, о грамматикѣ Абель-Ремюза должно сказать, что ошибочное названіе частей нисколько не вредитъ внутреннему достоинству самой книги, потому, что правила, изложенныя въ первой части для древняго слога, можно примѣнять ко всѣмъ родамъ другихъ ученыхъ слоговъ, уподобивъ, подъ Китайскимъ названіемъ *Танъ-юнь-ханъ-линь-жи-фа*, съ присовокупленіемъ Англійскаго перевода: A Grammar of the chinese language, 8, 280 стр. Китайскія буквы въ сей грамматикѣ чисто выр-

требляемыхъ нынѣ въ Китаѣ, а вторая часть содержитъ правила для нынѣшняго общенароднаго языка *.

Последнюю грамматику Китайскаго языка написалъ Гонзальвъ на Португальскомъ языкѣ. Онъ началъ сію книгу краткимъ ключевымъ словаремъ, въ которомъ при каждомъ знакѣ показаны ключъ его, удареніе, двойкѣй способъ начертанія, и употребительнѣйшія выраженія. Далѣе слѣдуютъ 20 главъ выраженій, употребляемыхъ въ книжномъ и общенародномъ языкахъ. Въ слѣдъ за симъ изложено словосочиненіе, въ которомъ, безъ означенія правилъ, приведено множество примѣровъ, показывающихъ, какимъ образомъ одна и та же мысль выражается, и книжнымъ и разговорнымъ слогомъ, и сіи выраженія примѣнены къ формамъ измѣненія частей рѣчи, употребляемымъ въ грамматикахъ Европейскихъ языковъ; далѣе 46 разговоровъ на общенародномъ языкѣ, пословицы, краткая біографія славныхъ мужей, начная съ Фу-си-шы, до настоящаго времени; въ біографіи приобщено баснословіе (Китайская мифологія). Наконецъ Гонзальвъ заключаетъ свою Грамматику примѣрными образцами различныхъ родовъ Китайской словесности. Слогъ разговорный и примѣровъ, какъ на ученомъ, такъ и на простонародномъ языкѣ вообще, чистъ и правиленъ **.

Изъ восьми исчисленныхъ Грамматикъ только три заслуживаютъ вниманіе наше: это суть Грамматики Премара, Абель-Ремюза и Гонзальва, по которымъ можно обучаться и общенародному и книжному Китайскому языку. Но если сіи три Грамматики сравнить между собою, то Премаръ и Гонзальвъ берутъ большое преимущество передъ Абель-Ремюзомъ наборомъ примѣровъ, а послѣдній превосходить обоихъ, хотя недостаточнымъ, но яснымъ изложеніемъ самыхъ правилъ Китайскаго языка. По первымъ двумъ легко обучаться

* Абель Ремюза, членъ Французской Академіи, издалъ Китайскую Грамматику въ Парижѣ, въ 1835 году, подъ названіемъ: *Ханъ-ынъ-чи-ынъ*, *Eléments de la grammaire Chinoise*. Она напечатана в 4, и отличается отъ прочихъ грамматикъ чисто вырванными Китайскими буквами.

** Сія грамматика напечатана въ Макао, въ 1829 году, в 4, подъ названіемъ *Ханъ-инъ-ынъ-фа*, *Arte China constante de alphabet e grammatica comprehendendo modelas las diferentes composiciones*. Къ ней приобщенъ второй томъ, содержащій въ себѣ Словарь Португало-Китайскій, расположенный по Латинскому алфавиту. Шрифтъ Китайскихъ буквъ не очень ясенъ, что могло зависѣть и отъ бумаги, которая нѣсколько сра.

Китайскому языку, находясь в Китаѣ, а по грамматикѣ Абель-Ремюза можно и в Европѣ приобрести въ немъ достаточное свѣдѣніе.

Вотъ что говорить О. Іакинѣвъ о собственномъ трудѣ своемъ, съ скромностію, столь приличною истинному знанію :

Россія по сопредѣльности съ Китаемъ давно уже находилась въ непосредственной связи съ сего державою, и Россійская Духовная Миссія съ 1715 года имѣетъ постоянное пребываніе въ Пекинѣ, для образованія переводчиковъ въ Китайскомъ и Манчжурскомъ языкахъ, но какъ письменныя сношенія болѣе производится на Манчжурскомъ языкѣ, то члены Миссіи до сего времени преимущественно занимались послѣднимъ, не обращая должнаго вниманія на языкъ Китайскій. Въ Кяхтѣ, напротивъ, гдѣ Китайскій языкъ необходимъ для торговыхъ сношеній съ Китайцами, съ самаго открытія торговли на семь мѣствъ, еще ни одинъ изъ Русскихъ не занимался постояннымъ изученіемъ оного, не смотря на то, что Китайцы ежедневно имѣютъ обращеніе съ нами по торговымъ дѣламъ. Причина сему заключалась въ томъ, что Китайцы, употребляя при обращеніи съ Русскими исковерканное Русское нарѣчіе, не въ состояніи объяснить на ономъ и первыхъ началъ своего языка. Къ чести Кяхтинскаго купечества должно сказать, что оно давно чувствовало необходимость имѣть въ Кяхтѣ училище Китайскаго языка, но главное препятствіе къ тому состояло въ недостаткѣ учителей.

Изъ членовъ Миссіи, возвращавшихся изъ Китаю въ отечество, лучшіе оставались переводчиками при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, а средственныя не въ состояніи были принять на себя должности классическаго учителя. Наконецъ сіе препятствіе мпновалось съ прибытіемъ послѣдней Миссіи, возвратившейся изъ Пекина въ 1831 году, и Высокій Покровитель наукъ Николай I, по представленію Азіатскаго Комитета, исполнилъ желаніе Кяхтинскаго купечества, утвердивъ въ Кяхтѣ существованіе училища Китайскаго языка.

Сіе обстоятельство было поводомъ къ тому, что Азіатскій Департаментъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, ревностно, споспѣшующій распространенію въ нашемъ отечествѣ

Восточной Словесности и полезныхъ свѣдѣній объ Азій, препоручилъ мнѣ написать Китайскую грамматику, для употребленія въ Кяхтинскомъ училищѣ; и испросилъ Высочайшее соизволеніе напечатать оную изъдѣніемъ казны. Это уже седьмалъ моя книга, на которую Азіатскій Департаментъ обращаетъ всемілостивѣйшее Монаршее вниманіе, поощрительное для занимающихся науками. Записки о Монголіи, также Описаніе Чжунгаріи и Восточнаго Туркестана, Исторія четырехъ Хановъ, Троесловіе, Исторія Тибета и Хухунора, Историческое обозрѣніе Ойратовъ, или Калмыковъ, не были бы изданы въ свѣтъ, безъ пособія со стороны правительства.

Касательно самаго состава сочиненія О. Іакинѣва, можно видѣть изъ рассмотрѣнія его прежде изданныхъ Европейцами Китайскихъ грамматикъ, что онъ не во многомъ могли быть ему полезны. Онъ бралъ матеріалы изъ практики и элементарныхъ Китайскихъ сочиненій, грамматикъ и словарей, а система изложенія принадлежитъ рѣшительно ему самому. Вотъ расположеніе, принятое почтеннымъ хинологомъ нашимъ:

Часть I. *Китайскій языкъ и письмена.* Идея языка; дѣленіе звуковъ; составъ, начертаніе, виды, правописаніе, знаки препинанія Китайцевъ; произношеніе письменъ, ударенія, дѣленія на классы. Китайская каллиграфія. Правописаніе иностранныхъ словъ. — Часть II. *Китайская Грамматика.* Части рѣчи, каждая отдѣльно, и Китайское раздѣленіе частей рѣчи (синтаксисъ собственно).

За тѣмъ слѣдуютъ любопытныя и необходимыя приложенія:

1. Составъ Китайскихъ буквъ.
2. Образцы всѣхъ шести Китайскихъ почерковъ.
3. Неправильныя письмена.
4. Измѣненныя письмена.
5. Сличеніе древнихъ и новыхъ письменъ.
6. Китайскіе звуки Русскими, Французскими, Португальскими и Англійскими буквами.
7. Ключевыя письмена и измѣненные ключи.

8. Цифры Китайскія.

9. Китайскій цикль.

10. Замѣны Китаичами мѣстоименій.

Назначая книгу свою для употребленія въ Кяхтинской школѣ Китайскаго языка, О. Иакинѣвъ при-
собокупилъ, въ окончаніи, Китайскія названія Рус-
скихъ товаровъ, Китайскихъ товаровъ, и номенклату-
ру чаевъ.

Особенное вниманіе вслѣдствіе, даже и незанимающаго-
ся Китайскимъ языкомъ, должно обратить прибавле-
ніе *шестое*, гдѣ объясняется правильное произноше-
ніе Китайскихъ именъ. Каждый народъ пишетъ ихъ
по своему, не потому, чтобы ошибался, но по-
тому, что въ началѣ принялъ по своему условныя
буквы своего языка для выраженія, стараясь пока-
зать ими Китайское произношеніе. Такъ нашу *Мо-
скеу*, Французъ привыкъ писать *Моску*, Нѣмецъ *Мо-
скау*, другіе народы *Москова*, *Мосха*. Такъ Фран-
цузъ пишетъ : *гуань*, kouang; *цю*, khieou; *пхынъ*,
pheng; Англичанинъ — *хунъ*, hwang; *цзинъ*, tsing;
Португалець — *нльнъ*, niam, *чо*, cho, и проч. — Отъ
этого происходитъ совершенная сбивчивость при пере-
водахъ извѣстій о Китаѣ съ разныхъ языковъ, и
имена Китайскія кажутся совершенно различны, ко-
гда они въ сущности одни и тѣ-же, и разнятся толь-
ко потому, съ какого языка Европейскаго мы беремъ
ихъ.

У насъ, въ Россіи, какъ у частныхъ людей, такъ
и въ казенныхъ библіотекахъ находится не мало
Китайскихъ книгъ. Богатыя собранія ихъ есть въ
Парижѣ, Лондонѣ, и даже въ Германіи. Но если
чрезвычайно мало донинѣ издано Европейцами пере-
водовъ съ Китайскаго, то еще менѣе издано Китай-
скихъ текстовъ. Можетъ быть, этому отчасти причи-
ною неудобство имѣть подвижныя Китайскія буквы
для печатанія, при многочисленности Китайскихъ
знаковъ. Впрочемъ, у Французовъ и Англичанъ есть

такія буквы. Мы предоставляемъ себѣ удовольствіе
поговорить вообще о литературѣ Китаичевъ и тру-
дахъ по сей части Европейцевъ, въ особенныхъ
статьяхъ.

Не можемъ не изъявить здѣсь желанія нашего,
чтобы за изданіемъ Грамматики Китайской на нашемъ
языкѣ слѣдовало изданіе Китайской учебной хресто-
матіи, могущей послужить пособіемъ къ изученію
Китайскаго языка въ Россіи. Знаемъ, что подобныя
труды рѣшительно можно назвать неблагодарными.
Ихъ цѣнять не многіе, и тяжкій трудъ дѣлателя
едва ли награждается, въ какомъ бы то ни было
отношеніи. Но здѣсь должна руководствовать мысль
общаго добра, и безкорыстіе подвига для пользы
просвѣщенія. Конечно, не это можетъ останавливать
ревность нашего почтеннаго хинолога, но трудность
изданія въ свѣтъ его трудовъ. Все, чѣмъ донинѣ
обогатилъ онъ нашу литературу, могло явиться толь-
ко съ пособіемъ просвѣщеннаго нашего правитель-
ства. Такъ правительствомъ изданы у насъ труды
гг. Шмидта и Ковалевскаго, касательно Монгольска-
го языка и Монгольской литературы. Видно, что не
настало еще время для пожертвованій на подобныя
подвижки частныхъ людей, имѣющихъ къ тому сред-
ства. Такъ важный, обширный, новый трудъ наше-
го почтеннаго хинолога, (отрывокъ изъ котораго
читатели наши видѣли въ С. О., книжка IV, отд.
III, стр. 97—137, и о которомъ надѣемся мы пого-
ворить подробнѣе) ожидаетъ благодѣтельнаго внима-
нія правительства, и тогда только можетъ явиться
въ свѣтъ, будучи со всѣмъ окончанъ въ рукописи.—
Такъ надѣемся мы, что Россіи суждено, можетъ
быть, подарить Европу, и необходимымъ пособіемъ
для изученія Китайскаго языка и литературы —
словаремъ Китайскимъ. Вообще недостатокъ Восточ-
ныхъ словарей составляетъ великое и главное пре-
пятствіе для Европейцевъ въ изученіи Восточныхъ

языковъ. Они рѣдки, дороги, недостаточны. Всего оцутительнѣе это въ отношеніи Китая. Наполеону обязаны хинологи изданіемъ *перваго* Китайско-Французско-Латинскаго Словаря (Dictionnaire chinois, français et latin, Парижъ, 1813 г.), съ старинной рукописи О. Василія Глемонскаго (хотя ее и приписывали Дегиню). Изданіе было роскошно, но книга недостойна великольпнаго изданія. Клапротъ издалъ прибавленіе къ этому словарю (Supplement au dictionnaire chinois-latin du P. Basile de Glemona, par J. Klapproth, Парижъ, 1819 г.). У Англичанъ есть недостаточный словарь Морриссона (Dictionary of the chinese language, 1815 г. 6 т. in 4). Недавно изданы еще въ Макао маленькіе словари Китайско-Португальскій и Португальско-Китайскій, Гонсальва (Diccionario portuguez-china, no estilo vulgar e classico geral, 1831 г. въ 4, и Diccionario china portuguez, composto por I. A. Goncalvas, 1835 г. in 4). Этимъ, кажется, ограничивается все, что связано до нынѣ Европейцами для Китайской лексикографіи. Будемъ надѣяться, что Россіи предоставлено показать что нибудь болѣе совершенное. О. Иакинѣвъ имѣеть для такого важнаго предпріятія богатые матеріалы, кромѣ собранія подлинныхъ Китайскихъ словарей, каковы новѣйшій Китайскій Словарь, въ 6-ти томахъ, *Кхань-си-цзы-диль*, и проч.

Скажемъ въ заключеніе, что изданіе Китайской грамматики О. Иакинѣва весьма красиво. Литографія г-на Гемильяна такъ хорошо умѣла поддѣлаться подъ каллиграфію Китайскую, что Китайцы, видѣвши листы грамматики въ Кяхтѣ, любовались ими, какъ неуступающими тщательностью и красотою стереотипамъ Пекинской Дворцовой типографіи.

Н. ПОЛЕВОЙ.

==

ОЧЕРКЪ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЗА 1838-Й ГОДЪ.

1. ОВОЗРѢНІЕ РУССКИХЪ ДЕНЕГЪ и иностранныхъ монетъ, употреблявшихся въ Россіи съ древнихъ временъ. Съ рисунками и таблицами. Соч. Барона Станислава де-Шодуара. Разсмотрѣнное по приказанію г-ни Министра Финансовъ. Перев. съ Французскаго В. А. — Двѣ части, Спб. въ тип. Эксп. загот. госуд. бумагъ, 1837 г., въ 8, III, 272, 23 стр. и 81 таблицъ и гравюръ.

Мы упоминали о Французскомъ подлинникѣ этого любопытнаго сочиненія, удостоеннаго Академіею Наукъ полной Демидовской преміи, и съ удовольствіемъ видимъ теперь изданіе Русскаго перевода книги почтеннаго Барона Шодуара.

Говоря собственно, сочиненіе это не есть критическое ученое изслѣдованіе о Русскихъ деньгахъ, которымъ окончателно были-бы положены, такъ сказать, законы и правила нашей нумизматики. Авторъ, опытный любитель, имѣвшій средства собрать богатый кабинетъ разнородныхъ монетъ и обширную нумизматическую бібліотеку, а также обозрѣвать казенные и частные кабинеты, представляеть въ книгѣ своей все, что могъ онъ замѣтить, и почелъ любопытнымъ и пуж-

нымъ для Русскихъ нумизматовъ, предоставляя ученые выводы и результаты другимъ. Подобное сочиненіе было-бы темпо безъ рисунковъ, и потому авторъ обогатилъ свою книгу рисунками и таблицами, искусно составленными и отлично гравированными. Послѣ предварительнаго взгляда на исторію предметовъ, представлявшихъ изъ древности *цѣнность* между людьми, авторъ говоритъ о старинныхъ гривнахъ, и мѣховыхъ деньгахъ (куны, рязани, погаты, вѣкоши, и проч.), что вопреки мнѣнію М. Т. Каченовскаго, принимаетъ онъ положительно. Затѣмъ переходитъ авторъ къ иностраннымъ монетамъ, издревле обращавшимся въ Россіи (шеляги, корабленники, пѣвизи, гроши, чехи, и проч.), Русскимъ монетамъ до Татаръ, при Татарахъ, и наконецъ послѣ нихъ, даже до новѣйшихъ постановленій о монетной системѣ въ Россіи. По нашему мнѣнію, послѣдняя часть есть любопытнѣйшая во всей книгѣ, ибо все основано здѣсь на фактахъ и оффиціальнахъ источникахъ, а все, что авторъ говоритъ о древнихъ и старинныхъ Русскихъ монетахъ, требуетъ еще по многому повѣрки и критики, и авторъ старался, кажется, вознаградить сей недостатокъ только многочисленностью разнообразныхъ и разнородныхъ фактовъ и выписокъ, которыя не въ одной *пробѣ*, но общностью своею составляютъ готовый запасъ богатыхъ матеріаловъ. Подробные реестры и указанія даютъ при томъ вся удобства употреблять ихъ, и рѣшительно сказать можно, что Русская нумизматика, послѣ ученыхъ изслѣдованій г-дъ Круза и Каченовскаго, и книги г-на Черткова, не получала еще ничего лучше сочиненія барона Шодуара. Теперь нашимъ археографамъ есть возможность приступить къ нумизматической работѣ, да, правда сказать — и пора!

2. Наука естественной природы, или динамика вещества. Сочин. Иосифа Вебера, бывш. професс. съ Делингенъ. Переводъ съ Нѣмецкаго. Кіевъ, въ Унив. тип. 1838 г., въ 8, 390 стр. съ 2-мя рис.

Вотъ книга, какихъ давно уже не встрѣчали мы въ нашей литературѣ, и вида, что ею обязаны мы трудолюбію Кіевскаго литератора, благодаримъ его за то, о чемъ не думаютъ многие литераторы Петербурга и Москвы.

Можетъ быть, доколь будетъ стоять міръ и будутъ стра-

сти людскія, люди не согласятся въ двоякомъ образѣ воззрѣній на природу — *опытною* и *умозрительною*, анализъ и синтезъ. Награсно будете увѣрять ихъ, что оба сіи способа, взятые раздѣльно, недостаточны, что оба они притомъ равно полезны, и что только соединеніе ихъ составляетъ высшую степень знанія и науки — люди васъ не послушаютъ, по крайней мѣрѣ, въ наше время, когда весьма немногіе еще постигаютъ тайну идеитетнаго знанія, то есть, такого знанія, гдѣ теорія не смѣетъ идти впередъ безъ опыта, и опытъ служить повѣркою и доказательствомъ умозрительной теоріи. Всего жалче, что превозносилъ односторонній направленія знаній, люди слушать не хотятъ другъ друга, и въ спорахъ между собою забываютъ даже важность и цѣль ученія, унижаются до насмѣшекъ, клеветуютъ, лгутъ другъ на друга — только-бы однимъ защитить *умозрѣніе*, другимъ опровергнуть.... Бѣдные, бѣдные люди!.... Опытные ученые уподобляютъ теоретиковъ людямъ, которые по маленькому камешку хотятъ судить объ устройствѣ цѣлаго міра, и летаютъ за облака на мыльныхъ пузыряхъ, а ученые умозрители увѣрняютъ, что опытные изслѣдователи похожи на людей, собирающихъ въ кучку пещники, и думающихъ, что вѣрной карты какой нибудь земли нельзя снять, пока каждый кусточикъ и каждое деревцо въ ней не будутъ срисованы и описаны, а поелику это невозможно, то, слѣдовательно, и теоріи невозможны.... Человѣку остается учиться на обумъ, и не думать о томъ, для чего онъ учится!....

Да—много еще надобно учиться человѣку *знать*, и даже наукъ *какъ знать надобно*. Ко многимъ знаиамъ еще и не прикасались новыя реформы человѣческаго вѣдѣнія. Знанія, такъ называемыя, *тогныя* (sciences exactes), напримѣръ, болышею частью, находится у насъ подъ владычествомъ только *опыта*, и ученые сочиненія по части ихъ состоятъ, болышею частью, только изъ собранія опытныхъ наблюденій и замѣтокъ. Изъ словъ нашихъ читатели могутъ видѣть, что мы вовсе не думаемъ отвергать опыта, но съ тѣмъ вмѣстѣ никогда не согласимся мы, чтобы *опытомъ только* ограничивались наши знанія. Такое несчастное, одностороннее направленіе науки всегда будетъ причиною того, что наши физики, химіи, естествознанія всегда составятъ безобразную смѣсь вселкой величины, изслѣдованія безъ системы, громады замѣтокъ,

по всего менше науку. Каждое новое открытіе въ нихъ сбиваетъ съ толку, каждое новое сомнѣніе разстроиваетъ ряды прежнихъ положеній, и къ несчастію, самыя великія умы, при одностороннемъ воззрѣніи, необходимо выдаютъ въ самыя жалкія предубѣжденія. Не видѣли-ли мы еще такъ недавно, что великій Кювье упорно отвергалъ всякое покушеніе привести въ систему естествознаніе, довольствуясь только настольнымъ реестромъ предметовъ его, и не замѣчалъ, что обширность анализа невольно привела уже его къ высшему синтезу въ глубокихъ изслѣдованіяхъ по части геологіи и геофізіи!

Такъ, напримѣръ, что такое называется теперь у насъ физикою? Трудно отвѣчать. Въ каждомъ курсѣ видите такой произволь, что не скоро добьетесь толку. Въ физику вводятъ и естествознаніе, и прикладную математику, и химію, и даже механику. Тутъ толкуютъ вамъ объ устройствѣ барометровъ и термометровъ, телескоповъ и очковъ, и объ газахъ, и объ анатомическомъ устройствѣ человѣческихъ глазъ и ушей, и только объ одномъ не заботятся — надежнейшей системѣ науки.

Но неужели опытные ученые совсѣмъ обходятся безъ умозрѣнія? Нимало—умозрѣніе встрѣчается у нихъ на каждомъ шагѣ, ибо безъ теоретическихъ посылокъ имъ никакъ обойтись невозможно. Потому и горьвіе, и сѣчленіе, и гальванизмъ, и магнетизмъ, и электричество, и всѣ части физики, всѣ явленія природы имѣютъ у нихъ свои маленькія теоріи, и даже на каждое явленіе природы есть по нѣскольку различныхъ маленькихъ теорій. Совсѣмъ не думая стыдиться и этого, вамъ откровенно говорятъ такъ: «По мнѣнію г-на А. это происходитъ отъ того-то, по мнѣнію г-на Б. отъ того-то, а по мнѣнію г-на В. отъ того-то.»—Отъ чего же именно?—спрашиваете вы.—«Позвольте еще составить намъ 500 маленькихъ теорій, и сдѣлать еще 500 опытовъ—можетъ быть, мы вамъ тогда скажемъ.»—Но, пробовали-ли вы, Мм. Гг. соединить всѣ частныя ваши теоріи, и хоть изъ аналогій ихъ вывести общую теорію природы и систему для науки?—Опытные ученые смотрятъ на васъ послѣ такихъ словъ съ удивленіемъ, и улыбаются. Это значитъ: «Понимаете-ли—онъ умозритель; онъ думаетъ о особенныхъ законахъ природы и науки, когда мы не придумали

еще законовъ для самаго малаго предмета въ природѣ!»—И будто это наука? Жалкая наука—постройка зданія, въ самомъ дѣлѣ изъ пещинокъ!

Разумѣется, нельзя и подумать человеку, чтобы онъ могъ рѣшить всѣ великія тайны природы, и помышлять о совершенной и полной системѣ знаній и наукъ. Забавно намъ, при ограниченности нашей, разсуждать на вѣрное о мірозданіи и основныхъ законахъ всѣхъ явленій во вселенной, но есть же всему мѣра, и отказывался отъ правъ нашихъ на умозрѣніе, все равно, что отказываться отъ нашей души, потому, что она невидима, и отъ ума, потому что мы его руками оцупать не можемъ.

Именно, est modus in rebus, а потому есть и сочиненія о точныхъ наукахъ, гдѣ благоразумная средина представляетъ уже счастливый опытъ примиренія анализа и синтеза. Къ такимъ *опытамъ* прислѣмаемъ мы книгу г-на Вебера, изданную теперь въ Русскомъ переводѣ.

Опредѣливъ физику (науку о природѣ) познаемъ *дѣйствительнаго* (wirkliche, въ противоположность intelligenten) *бытія* (das Sein), и предметъ ея, какъ *дѣйствительность* (Realität), познаваемую *опытною* (Erfahrung), авторъ доказываетъ однакожь недостатокъ одного опытнаго воззрѣнія. Это составляетъ предметъ его особеннаго сочиненія: Physik, als Wissenschaft, oder allgemeine Dynamik der Natur. Разсматривая вещественность въ трехъ отношеніяхъ: 1, въ динамикѣ основныхъ началъ, *собственно нессущество* еще, 2, въ динамикѣ основныхъ законовъ въ явленіяхъ вещественныхъ, *вещество собственно*, и 3, въ динамикѣ частныхъ явленій вещественности, *организмъ живущаго въ природѣ*, авторъ раздѣляетъ въ слѣдствіе сего физику, на динамику *вещественной, не существенной и органической природѣ*; въ переведенной книгѣ на Русскій языкъ части сочиненія его излагается только первая, *динамика вещества*.

Здѣсь, послѣ краткаго введенія, авторъ говоритъ объ общихъ процессахъ вещественной природы—сѣчленіи, прилипаніи, тяготѣніи; за тѣмъ излагаетъ тройное проявленіе вещественной жизни природы—магнетизмъ, электричество и химическіе процессы. Ограничивая снѣгъ только дина-

нику вещества, г-нъ Веберъ относитъ всѣ другія части физики къ двумъ другимъ отдѣленіямъ — динамикъ природы невещественной и динамикъ природы органической, которыхъ не имѣемъ еще мы въ Русскомъ переводѣ.

Намъ кажется, что объемъ науки г-мъ Веберомъ учиненъ весьма вѣрно. Изложеніе его также весьма удовлетворительно. Недостаетъ, по нашему мнѣнію, одного: у него мало фактовъ, и въ опытной части онъ отстаетъ отъ современныхъ усилій, какими непрерывно обогащается физика. Въ семь случаевъ, кажется намъ, была обязанность переводчика *дополнить* сочиненіе г-на Вебера, передавая его своимъ соотечественникамъ. Разумѣется, что если оставаться при одномъ умозрѣніи, повторяя только давно известное, то мы неминуемо отстанемъ отъ науки, и касательно опытной части физики, именно этотъ недостатокъ видимъ мы въ Веберовой книгѣ.

Русскій переводъ ея хорошъ, и удаленъ отъ страннаго языка, въ какой впадаютъ многіе переводчики Нѣмецкихъ ученыхъ сочиненій, думающіе, что тогда только достигли они совершенства, когда среди варварскихъ, новоскованныхъ словъ и темныхъ фразъ ихъ вовсе понять нельзя.

3. Новый *карманный Французско-Русскій и Русско-Французскій Словарь*, и проч., *составленный Евстаѳіемъ Ольдекопомъ. Второе изданіе, совершенно исправленное и значительно умноженное.* Часть II. *Русско-Французскій словарь.* СПб. въ тип. Эксп. заг. гос. бумагъ, 1838 г. въ 16, XLVI и 1149 стр.

Читателямъ, или, лучше сказать, занимающимся Французскимъ языкомъ, такъ уже знакомъ сей трудъ почтеннаго Е. И. Ольдекопа, что мы излишнимъ почитаемъ хвалить его, тѣмъ болѣе, что не любимъ хвалить безусловно. *Перваго изданія* сей книги разошлось нѣсколько тысячъ экземпляровъ. *Первый томъ втораго изданія* выданъ былъ въ прошломъ году (Французско-Русскій словарь); *второй* (Русско-Французскій) вышелъ теперь. Мы не можемъ не сказать, что лексикографъ исполнилъ обязанность свою, какъ не многіе исполняютъ ее. Слова: «*совершенно пересмотрѣнное и значительно умноженное*», поставлены у него не даромъ. Не щадя труда, г-нъ Ольдекопъ сдѣлалъ большія прибавки и исправленія. О достоинствѣ подобныхъ трудовъ можно судить только ис-

пытавши ихъ собственнымъ занятіемъ. — Здѣсь долгомъ почитаемъ мы напомнить, что кромѣ этого прекраснаго краткаго Словаря, мы обязаны еще г-ну Ольдекопу и лучшимъ Французско-Русско-Нѣмецкими разговорами (*Dialogues français-russes-allemands classés, d'après l'ordre grammatical par A. Oldecop*). Эти разговоры не суть фразы, кое-какъ сшитыя, но практическое руководство къ изученію трехъ языковъ, расположенное систематически, и легко приучающее къ познанію трудностей и практическому употребленію грамматическихъ свѣдѣній.

Надѣмся вскорѣ извѣстить о новомъ обширномъ трудѣ почтеннаго г-на Ольдекопа, который долженъ заслужить нашу особенную благодарность по своему превосходству надъ всѣмъ тѣмъ, что донынѣ являлось у насъ по части лексикографіи Французско-Русской.

4. *A Dictionary of the English and Russian languages by J. Banks.* Англійско-Русскій Словарь, *составленный Яковомъ Банксомъ.* Два тома. Москва, въ тип. А. Семена, 1838 г., въ 8, VII, 579 и 607 (всего 1194) стр.

Вотъ еще трудъ драгоценный, и тѣмъ болѣе, что почтенному лексикографу почти вовсе были бесполезны при немъ труды его предшественниковъ. Можемъ сказать, что до сихъ поръ у насъ *не было Англійскаго Словаря*, хоть скольконибудь сноснаго. Словари — Жданова (1784 г.), Грамматина и Паренаго (1808—1817) составляли всю нашу лексикографію по сей части. Теперь мы имѣемъ Англійско-Русскій Словарь превосходный, ибо трудъ г-на Банкса совершенно пополняетъ столь важный недостатокъ. Будучи самъ знаткомъ Русскаго языка, онъ имѣлъ подъ рукою всѣ лучшія Англійскія пособія, девять лѣтъ трудился прилежно, и кромѣ того въ Русской части Словаря своего былъ дѣтельно вспомоществуемъ извѣстнымъ литераторомъ нашимъ К. А. Полевымъ. Г-нъ Банксъ отдастъ при томъ долгъ благодарности Г. Ольдекопу и Рейфу, Словарями которыхъ онъ особенно пользовался. Полнота Словаря г-на Банкса не оставляетъ ничего болѣе желать, и хотя онъ вообще не ввелъ въ него фразъ, но выставилъ ихъ, однакожъ, вездѣ, гдѣ отъ сближенія разныхъ словъ измѣняется смыслъ какого либо отдѣльнаго слова, или это слово принимаетъ переносный смыслъ. Введеніе

образъ вполне, въ самомъ дѣлѣ, только увеличилось-бы безъ помысла словарь, и цѣну его, а теперь она весьма умеренна, судя по огромности книги, и по изящности изданія, которое весьма опрятно, напечатано четко и исправно, и мы съ большимъ нетерпѣньемъ желали бы поскорѣ видѣть и *Русско-Англійскій Словарь*, вполне оконченный почтеннымъ лексикографомъ въ рукописи, и къ печатанію коего онъ, кажется, уже приступилъ. Замѣтимъ, что изданіе этой полезной книги произведено К. А. Полевымъ, который, кромѣ значаго участія въ самомъ составленіи Словаря, употребилъ значительную сумму и на напечатаніе его.

5. Дѣянiя Петра Великаго, Мудраго Преобразителя Россiи, собранныя изъ достоверныхъ источниковъ и расположенныя по годамъ. Сочиненiе И. И. Голикова. Томъ пятый. Изданiе второе. Москва, въ тип. Н. Степанова, 1838 г. въ 8, 602 и XVI стр.

Этимъ вторымъ изданіемъ столь извѣстной, и всегда драгоценной, какъ матеріала, книги, мы одолжены также прощившему усердію К. А. Полеваго. Изданіе продолжается безостановочно. Помѣщая вмѣстѣ Дѣянiя и Дополненiя, издатель довелъ уже въ пятомъ томѣ событія жизни Петра Великаго до 1715 года.

6. Исторiя намѣстiа Императора Наполеона на Россiю въ 1812 году. Съ офиціальныхъ документовъ и другихъ достоверныхъ бумагъ Россійскаго и Французскаго Генераль-Штабовъ, сочиненiа Е. И. В. флигель-адъютанта полковника Д. Бутурлина. Съ Франц. на Русскій языкъ пер. Свѣты Е. И. В. по квартирмейстерской части г. л. А. Хатовль. Два тома. Изданiе второе. СПб. въ Военной тип., 1837, 1838 гг. въ 8, XV, 415, 9, V и 418 стр. съ картами и планами.

Мы говорили уже объ этомъ, также вторымъ изданіи одного изъ достопамятныхъ произведеній нашей новѣйшей военной литературы, которое всегда останется памятникомъ рѣдкаго безпристрастія и обширныхъ познаній военныхъ почтеннаго автора. Вторымъ изданіемъ, которое далеко превосходитъ изяществомъ первое, обзаваны мы А. Ф. Смирдину. Теперь вышли вторая и послѣдняя часть книги г-на Бутурлина, такъ

же, какъ и первая, напечатанная совершенно сходно съ первыми изданіемъ. Планы и карты приложены прежніе. --- О времени выхода столь нетерпѣливо ожидаемаго сочиненія А. И. Михайловскаго-Данилевскаго, еще ничего не слышно. Но появленіе въ свѣтъ этого творенія знаменитаго, конечно, не отниметъ чести у сочиненія ему предшествовавшаго, и уже оцѣненнаго Европейскою критикою.

7. ОБОЗРѢНІЕ *Новѣйшей Исторiи. Соч. Мишле. Переводъ съ Французскаго.* СПб. въ тип. А. Воейкова и Комп., 1838 г. въ 8, XIV и 161 стр.

Попелу у насъ въ моду Мишеле, или *Мишле*, если вамъ угодно (Michelet). Мода-бы и не дурная, потому, что Мишеле, дѣйствительно, писатель умный, ученый, иногда говоритъ, но часто краснорѣчивый, и мастеръ пользоваться изысканіямими другихъ. Но бѣда бѣдному Мишеле: Русскіе переводчики передаютъ его очень плохо, а въ предисловіяхъ расхваливаютъ его такъ, что нельзя читать безъ смѣха! И теперь, передавая краткій учебный очеркъ новѣйшей Исторiи, почтенный Переводникъ вздумалъ въ предисловіи увѣрять, что «Мишле, краснорѣчивѣйшій писатель современной Франціи, начерталъ, въ этой небольшой брошюркѣ, съ свойственными ему высокимъ талантомъ исторію новѣйшихъ временъ до революціи 1789 года.» Ну, это - бы еще ничего, а вотъ что особенно любопытно: «При переводѣ на Русскій языкъ этой книги, переводникъ съхотѣлъ выпустить все то, что относится до исторіи Франціи...» Какъ? Почему такъ? А вотъ почему: «какъ заключающееся слово въ слово въ краткой исторіи этого государства, недавно вышедшей въ Русскомъ переводѣ.» — Нравятся ли вамъ такіе выводы, а если нѣтъ, то вотъ вамъ и еще причины, по которымъ переводникъ съхотѣлъ выпустить Францію? — «Переводникъ рѣшился на это по двумъ причинамъ: во-первыхъ для того, чтобы сократить издержки изданія...» Довольно --- другой причины намъ знать не нужно. Спрашиваемъ у читателей: Какъ вамъ покажется Исторiя, изъ которой «для сокращенія издержекъ изданія,» урѣзываютъ по произволу какое нибудь государство, и можно-ли обходиться такъ съ краснорѣчивѣйшимъ писателемъ? Но Переводникъ рѣшительно не хотѣлъ щадить бѣднаго Мишеле: онъ отрезалъ отъ него не только Исторію

Франции, но еще цѣлую треть подлинника, и не разсудить за благо даже и упоминать объ этомъ. Послѣ всего *этого* — можете спокойно отложить въ сторону Русской переводъ книги Мишеле, и если вамъ понадобится *эта* книга, то прибѣгнуть къ Французскому подлиннику ея, который въ самомъ дѣлѣ, можно назвать весьма хорошо составленною учебною книжкою для изученія Исторіи новѣйшей — но отнюдь не болѣе.

8. Славянскія Древности. *Соч. П. I. Шафарика. Пер. съ Чешскаго Г. Бодлискаго. Издано М. Погодинымъ. Часть историческая*, тома I, книга 3. Москва, въ тип. Н. Степанова, 1838 г. въ 8, 302 стр.

Почтенный Издатель сей книги, М. П. Погодинъ говоритъ, что до сихъ поръ не окупился у него издержки на печатаніе трехъ изданныхъ уже отдѣленій книги Шафарика (стр. 301). Странное обыкновеніе г-на Погодина всегда жаловаться, что книги, имъ издаваемыя, ему въ убытокъ! Скажемъ ему однажды навсегда, что при изданіи книгъ ученыхъ нигдѣ о барышахъ не думаютъ. Издавал ихъ, имѣютъ въ виду пользу и выгоду другаго рода. Далѣе, г-нъ Погодинъ увѣряетъ, что книгу Шафарика *приняли у насъ неблагонамеренные люди съ ругательствами* (стр. 302). Ругательства, признаемъ, мы не слышали. Напротивъ, книгу Шафарика многіе *превознесли похвалами*, а другіе признавали пользу ея, но только не безусловно. Мы принадлежимъ къ числу послѣднихъ. Объяснимъ.

Каждый ревностный трудъ бываетъ полезенъ и почтенъ. Но отличайте «ревность не по разуму» отъ ревности разумной. Если смотрѣть на трудъ Шафарика, какъ на обширную компиляцію, гдѣ собрано множество фактовъ, безъ великой критики, но вѣрно, усердно; трудолюбиво — мы готовы хвалить его. Но если начинаютъ намъ выставлять Шафарика великимъ изыскателемъ, глубокомысленнымъ филологомъ, знаменитымъ критикомъ и историкомъ, если ставятъ трудъ его на ряду съ трудами Шлецера, Круга, Лерберга — просимъ извинить — мы несогласны....

Совсѣмъ, не какъ ученый, но какъ компиляторъ, весьма часто пристрастный, увлекающийся своимъ предметомъ, мыслитель самый ограниченный, историкъ вовсе не философъ,

и филологъ весьма часто ошибочный, зараженный притомъ всеми общими предрасудками ученыхъ западныхъ Славянъ, вотъ какъ представляются намъ Шафарикъ и сборникъ его, издаваемый теперь г-мъ Погодинымъ по Русски. Сочинитель не выдерживаетъ даже ученаго достоинства въ изложеніи, впадаетъ въ полемику и брань, недостойныя науки, говоритъ притомъ языкомъ варварскимъ, и можетъ назваться Рудбекомъ, Гардингомъ, Пелатъе, но не Шлецеромъ! Доказательство на все это искать не далеко — разверните книгу Шафарика въ любомъ мѣстѣ, и читайте.

Мы удивляемся только одному, какъ г-нъ Погодинъ, самъ воспитанный на истинно-ученыхъ сочиненіяхъ Шлецеромъ, Круговъ, Милеровъ, Лерберговъ, Френовъ, до такой степени удалился отъ истиннаго взгляда на Исторію, что находитъ что-то *великое* въ Шафарикѣ, собиратель матеріаловъ, разумеется, полезномъ, по, какъ историкъ и ученомъ, недостойномъ никакого особеннаго вниманія. Книга его, повторемъ, матеріалы, которые годятся для опытнаго чловѣка, и которые собою съ толку читателя, непривыкшаго къ критической оцѣнкѣ запасовъ.

Въ изданныхъ теперь по Русски *трехъ частяхъ* книги Шафарика кончена общая Исторія Славянъ. Не смотря на *убытки*, г-нъ Погодинъ великодушно хочетъ продолжать далѣе — частныя исторіи Славянскихъ народовъ. Дѣло, повторемъ, полезное, но только просимъ почтеннаго Издателя не считать издаваемой имъ книги *«сопровождающею, изъ которой будутъ извѣстны, которую будутъ руководствоваться на пути познаній цѣлымъ поколѣніемъ»*, и автора ея не называть *«великимъ писателемъ, великимъ чловѣкомъ, благородное чело котораго должно украсить лавровымъ вѣнкомъ за его исполнскій трудъ»*. Такіе возгласы, ничего не доказывая, только вредятъ дѣлу, и заставляють по неволѣ смѣяться.

9. Нѣмецкая Словесность. *Изъ книги Вольфганга Менцеля. Часть II.* СПб., въ тип. А. Плюшара, 1838 г. въ 12, 461 стр.

Нѣкоторые изъ читателей подумали, смотря на разборъ *первой части* книги Менцеля, помѣщенный въ С. О., что мы отвергаемъ заслугу, какую оказалъ нашей литературѣ переводъ Менцелевой книги. Заключение, совершенно ошибочное!

Иное дѣло *авторъ*, иное *переводникъ*. Менцель судить ошибочно, превратно, но книга его явленіе замѣчательное, по странному направленію, какое приняли въ нѣвѣйшее время мнѣнія многихъ Германцевъ, особливо юныхъ. Менцель былъ корифеемъ сихъ мнѣній. Далѣе, замѣчательна она, какъ предметъ для философскаго воззрѣнія, и знакома намъ съ любовнымъ переходомъ Германскаго критицизма въ наше время, даетъ намъ средства повѣрить на ней, какъ на пробномъ камнѣ, свои собстvenныя мнѣнія. Передать намъ такую книгу, значить оказать услугу, и потому, какъ въ разборъ нашemu, такъ и теперь, мы благодаримъ и благодаримъ почтеннаго Переводчика Менцелевой книги за трудъ его, полезный, прекрасный, и совершенно безпристрастный, ибо передавая книгу Менцеля, почтенный Переводчикъ предоставляетъ судъ ея уму каждаго читателя, отнюдь не предупреждая ихъ своимъ мнѣніемъ.

Въ вышедшей теперь *второй* части, содержатся сужденія Менцеля о Нѣмецкой литературѣ по части естествознанія, и обширный, и самый любопытный отдѣлъ — *излишная словесность*. Тутъ-то достается бѣдному Гете — всѣ стрѣлы Менцеля съ бышествомъ устремлены въ этого исполна вѣковъ. Но — подождемъ третьей, *последней* части Русскаго перевода, и тогда поговоримъ подробнѣе.

10. Богословіе Догматическое, или пространное изложеніе ученія вѣрны Православной Каколикескія Восточной Церкви. Доктора Богословія, протоіерей Петра Терновскаго, Императорскаго Моск. унив. проф. и проч. Москва, въ Унив. тип. 1838 г. въ 8, XI и 262 стр.

11. Часы Благоговѣнія, для споспѣшествованія истинному христіанству и домашнему богопочтенію. Часть пятая. Пер. съ Нѣм. 20-го изданія. Къ третьему изданію Русскому первыхъ частей. СПб., въ тип. К. Неймана и К., 1838 г. въ 8, 405 стр.

Первая изъ сихъ книгъ составляетъ руководство, употребляемое почтеннымъ авторомъ при чтеніи его лекцій Богословія въ Московскомъ Университетѣ. — Успѣхъ на Русскомъ языкѣ второй книги, известныхъ Stunden der Andacht, долженъ порадовать каждаго, кому драгоценно сохраненіе благочестія и набожности въ нашихъ нравахъ. Часы Благоговѣ-

нія, это собраніе назидательныхъ поученій и бесѣдъ, котораго двадцать изданій разошлось уже въ Германіи, переводимое почтеннымъ Т. С. Крыловымъ, пѣкогда переданнымъ Русской публикѣ знаменитое сочиненіе Іерузалема, нашло столь многихъ читателей у насъ, что всеобщее требованіе заставило теперь переводчика издавать его съжесточенными листами, которые по прошествіи каждаго полугодія составляютъ книгу. Съ 1-го Іюля сего года выдаются имъ листы уже *шестой* книги, а первыхъ четырехъ книгъ вышло уже *три изданія*. Слава Богу! стало быть «Часы Благоговѣнія» составили и у насъ домашнее семейное чтеніе, поучительную бесѣду въ кругу друзей и родителей съ дѣтьми. Это сѣмена, которыя даютъ обильную жатву добра въ сердцахъ человѣческихъ, и — блаженъ съюзя ихъ! Награда его въ чувствѣ добра, приносимаго трудомъ его ближнему.

12. Лекціонъ Чистой и Прикладной Математики. Императорской Акад. Наукъ экстраорд. акад. и докторомъ наукъ Парижской Академіи В. Я. Буняковскимъ. Часть I, отд. II, тетр. III. СПб. въ тип. Ак. наукъ, 1838 г. въ 4, отъ 281 до 321 стр., съ рисункомъ.

13. О началахъ равновѣсія и движенія, соч. К. Яниши, репетитора механики при Институтѣ Путей Сообщенія. Часть I. СПб. въ тип. Копр. Винггебера, 1838, г. въ 8, XVIII и 413 стр.

Читателямъ С. О. извѣстно уже мнѣніе наше о безкоропостномъ ученюмъ предпріятіи почтеннаго академика нашего, г-на Буняковскаго, которое продолжается безостановочно. Первое отдѣленіе *перваго тома* кончено исполнѣ, и *второго* отдѣленія вышла теперь *третья тетрадь*; следовательно, остается издать только *два тетради* для совершеннаго окончанія *перваго тома*. Въ вышедшей нынѣ тетради находятъ слова отъ *Cor* до *Cur* (*Corpusculaire, гаситивный, до Curviligne, криволинійное*).

Г-нъ Янишъ говоритъ въ предисловіи къ своему замѣчательному сочиненію:

Сочиненіе это не назначено для преподаванія. Авторъ его имѣлъ единственно намѣреніемъ: изложить въ строгомъ систематическомъ Т. IV. — Отд. IV.

порядкъ главнѣйшихъ математическихъ истинъ общей теоріи равновѣсія и движенія, занимающейя тринадцатъ вѣкъ механическихъ вопросовъ, которые только вообразить можно. Онъ останавливался особенно на тѣхъ пунктахъ теоріи, которые почитаются *самыми* отвлеченными и затруднительными, и имъ изложены и рѣшены разныя вопросы, не разсмотрѣнные до сихъ поръ ни въ одномъ известномъ ему сочиненіи о механикѣ...

Но можемъ ли мы выписать еще слѣдующихъ словъ почтеннаго автора, показывающихъ благородную черту сердца его, и съ тѣмъ вмѣстѣ ручающихся за достоинство его книги, которой выдана теперь только *первая часть*, заключающая въ себѣ *нагала теоретическія*, вторая часть посвятится *практикѣ*.

«Центромъ всей математической дѣятельности въ Россіи, вполне и безъ лести, можно назвать г-на Остроградскаго. Авторъ сего сочиненія менѣе всѣхъ имѣетъ право отрицать вліяніе корней нашей математической литературы. Онъ ученикъ г-на Остроградскаго, и въ продолженіе пяти лѣтъ репетиторъ его по части механики, при Институтѣ путей сообщенія. Онъ ему обязанъ почти всѣмъ, что знаетъ въ математикѣ... Поводомъ къ настоящему сочиненію служилъ мысля, изложенная въ мемуарѣ г-на Остроградскаго, *Considérations générales sur les moments des forces*. Авторъ былъ одушевленъ желаніемъ распространить въ кругу Русскихъ математическихъ читателей, и сдѣлать ему доступными новыя и прекрасныя идеи о теоріи равновѣсія и движенія, заключающіяся въ вышепомянутомъ мемуарѣ», и проч.

14. КРАТКОЕ НАЧЕРТАНІЕ *Россійской Исторіи, составленное для руководства при первоначальномъ изученіи Россійской Исторіи, Профессоромъ Иваномъ Кайдатовичемъ. Изданіе четвертое.* СПб. въ тип. Акад. наукъ, 1838 года, въ 8, 81 стр. и двѣ таблицы.

15. Энциклопедическій курсъ *методическихъ и практическихъ уроковъ, составленныхъ изъ краткихъ назидательныхъ фразъ, приспособленныхъ къ личному языку, относящихся къ человеку, житейскимъ нуждамъ, познаннымъ и по всѣмъ обязанностямъ его въ обществѣ; для обоего пола глухо-нѣмыхъ дѣтей, воспитывающихся въ С. П-бургскомъ Императорскомъ Училищѣ Глухо-нѣмыхъ, въ особенности, и для говорливыхъ дѣтей вообще, начинающихъ учиться отече-*

ственному письменному языку. СПб. въ тип. Эд. Праца и К. 1838 г. въ 8, 543 стр. со многими рисунками.

Сочиненіе, достойное особеннаго и признательнаго вниманія каждаго благомыслящаго человека, какъ по благотворительной цѣли, такъ и по исполненію своему. Видѣли-ль вы училище глухо-нѣмыхъ? посѣщали-ль вы это убѣжище, гдѣ вполнѣ является вамъ торжество благотворительныхъ успѣховъ ума чело-вѣческаго? билось-ли радостно сердце ваше, при видѣ этихъ несчастныхъ, которымъ искусство чело-вѣческое возвращаетъ языкъ и даръ слова, коего лишены они были природою, и дѣлаетъ ихъ разумными существами изъ полу-чело-вѣческаго существованія? Если вы были, если вы видѣли, то вы оцѣните и трудъ тѣхъ почтенныхъ людей, которые посвящаютъ жизнь свою на пользу этихъ несчастныхъ собратій нашихъ; вы прочтите съ наслажденіемъ и книгу почтеннаго г-на Гурцова, управляющаго нынѣ въ С. Петербургѣ училищемъ глухо-нѣмыхъ, учрежденіемъ коего одолжены мы благотворительности нашихъ Монарховъ, и незабвенной Матери сиротъ, Императрицы Маріи.

Изданная нынѣ г-мъ Гурцовымъ книга содержитъ въ себѣ полный курсъ всѣхъ познаній, какія предполагается необходимымъ передать глухо-нѣмому. Она дѣлится на *десять* небольшихъ частей, и начинается рукою азбукую глухо-нѣмыхъ и собраніемъ идей о разныхъ простыхъ, положительныхъ предметахъ. Это, такъ сказать, собраніе умственныхъ *вокабуловъ*, гдѣ объясняются ученику части тѣла, пища, одежда, жилище его, и восходя постепенно, курсъ ученія переходитъ къ идеямъ высшамъ, наукамъ, искусствамъ, понятіямъ о Богѣ, чело-вѣкѣ, природѣ. Все передается, такъ сказать, *образами и изображеніями*, и потому къ краткимъ, яснымъ, логическимъ фразамъ, вездѣ приложено множество картинокъ, большею частью раскрываемыхъ. Въ заключеніе авторъ излагаетъ методу обученія глухо-нѣмыхъ, такъ, что съ книгою его можно это легко произвестъ каждому, кто пожелаетъ посвятить трудъ и время на такое благотвореніе, требующее однакожъ большой отчетливости и терпѣливой внимательности. Съ особеннымъ удовольствіемъ читалъ книгу г-ну Гурцова, мы не могли не чувствовать сердечной благодарности къ нему, за изданіе сочиненія, кажется, еще перваго

и единственнаго въ своемъ родѣ, на Русскомъ языкѣ. Обученіе глухо-нѣмыхъ вообще прибавило новый фактъ къ понятіямъ объ ученіи дѣтей и способахъ передачи имъ знаній. Потому, мы согласны съ авторомъ, что книга его можетъ быть полезна и вообще *при первоначальномъ обученіи* дѣтей, и потому мы рекомендуемъ ее родителямъ и наставникамъ. Пусть они прочтутъ ее, и вникнуть въ нее, ибо, дѣйствительно, умъ дѣтскій, какъ узкогорлый сосудъ, въ который каплями вливается жидкость, не можетъ быть поучаемъ только синтетическимъ способомъ. Надѣмся поговорить объ этомъ подробнѣе въ послѣдствіи. Предметъ стоитъ того по важности своей.

16. Латинская Грамматика, составленная по Цумпту Д. Поповымъ, бывшимъ профессоромъ Грег. Словесности, и проч. СПб. въ тип. Акад. наукъ, 1838 г. въ 8, XI и 859 стр.

Вотъ книга, которая насъ ужасно испугала. Какъ? Грамматика, только грамматика, и --- почти девять сотъ страницъ, довольно сбитой печати, тяжелымъ страшнымъ языкомъ, съ стихами для затверживаній, съ тысячами всяческихъ правилъ, съ методомъ, по которой десять лѣтъ посвящали нѣкогда Латыни, для того только, чтобы послѣ выучки говорить и писать такимъ языкомъ, отъ котораго прахъ Цицерона содрогается въ могилѣ, и постараться поскорѣе позабытъ его! Воля ваша, а это чуть-ли не шутка, которою хотять насъ испугать! Воля ваша, въ нашъ вѣкъ, мы уже пережили, кажется, то страшное время, когда философію и логику изучали въ школахъ подъ фегулою Бавмейстеровъ, а Латыни учились по грамматикамъ въ родѣ переделанной г-мъ Поповымъ по Цумпту! Безспорно, что не худо имѣть полный грамматическій кодексъ, по которому учитель могъ-бы проходить грамматикѣ, и гдѣ можно-бы было справляться о всѣхъ возможныхъ мелочахъ языка. Но мы боимся того, не попалась-бы эта грамматика по Цумпту въ руки такого учителя, который съ плеча заставитъ учениковъ заучивать ее. Тогда, будь я ученикъ --- и первый поклялся-бы никогда не выучиться Латыни, а выучившись --- позабытъ ее немедленно! Да, притомъ, надобно же и въ Латинской грамматикѣ думать

о Русскомъ языкѣ --- право, голова трещитъ при чтеніи этой исполненной книги по которой г-нъ Поповъ думаетъ учить и выучить наукъ Латинскаго слова, забывалъ о Русскомъ.

17. Бесѣды съ дѣтьми объ астрономіи и небѣ, С. И. Зеленаго. СПб. въ тип. К. Вингебера, 1838 г. въ 12, X и 115 стр.

За этою небольшою, красивою и занимательною книжечкою мы отдохнули. Вообще думаемъ мы, что *учиться шутя* ни чуть не легче ученья по старымъ Цумптовскимъ методамъ. Это значитъ впадать въ другую крайность, и изъ пугала науки дѣлать кукольную игрушку. Вотъ почему равно неможемъ мы терпѣть логики Бавмейстера и конфектныхъ курсиковъ Французскихъ, гдѣ въ сказачкахъ и красотахъ (beautés) поучаютъ бѣдныхъ дѣтей исторіи и географіи, и цѣлой энциклопедіи, набиваютъ имъ головы немцами безъ идей, событиями безъ склада, словами безъ связи. Но дѣтямъ можно однакожъ передавать нѣкоторыя простыя, легкія идеи наукъ прежде классическаго ученья, такъ, какъ всего лучше учить ихъ языкамъ изъ разговоровъ, что называется *рутиною* (par routine); разумѣя подъ этимъ способомъ *только самое первоначальное ученіе*. Разумѣется что для этого надобны учителю весьма большое умѣнье и немалое искусство. Г-нъ Зеленый, извѣстный намъ математикъ, взялся такимъ образомъ передать дѣтямъ *самыя первыя и простыя понятія* объ астрономіи, и не смотря на трудность такой науки, какова астрономія, какъ намъ кажется, онъ исполнилъ свое дѣло очень ловко и мастерски. Читая его книжечку, подъ руководствомъ опытнаго наставника, дѣти, почти шутя, научатся многимъ астрономическимъ истинамъ, получатъ нѣсколько ясныхъ и понятныхъ идей о небѣ и звѣздахъ. Избави Богъ и думать --- учить ихъ астрономіи вполне. Нельзя безъ сожалѣнія смотрѣть на малолѣтнаго фортепіаниста, а на крошечнаго астронома смотрѣть было бы и жалко и смѣшно. Объ этомъ и г-нъ Зеленый вовсе не думалъ.

18. СПб. въ тип. К. Неймапа и К., 1838 г. въ 12, 146 стр.

Не думайте, чтобы мы не хотѣли выставить вамъ заглавія этой книги: его въ самомъ дѣлѣ нѣтъ — эта книга *безъ головы и безъ имени*, вопреки Русской пословицы, что *безъ имени и овца не овца*, а что-то такое другое.

Въ нашъ вѣкъ, искусство вывѣсокъ и названій до того усовершенствовалось, что даже многимъ надобно; на вывѣски и названія не смотря, и ловкіе кандитеры, повара, погребщики закупаютъ иногда именно тѣмъ, что вовсе вывѣсокъ не ставятъ. У знаменитаго *Сальватори*, напримеръ, въ Большой Морской, нѣтъ вывѣски. Вотъ вамъ и литературная попытка *на книгу безъ вывѣски.....* Bravo! Vive l'industrie!

Но такъ-ли хороша эта книга, какъ хороши пирожки Сальватори? То-то и беда, что размаху орла можетъ подражать только соколъ, а не пѣтухъ.....

Плохой кандитеръ и безъ вывѣски можетъ умереть съ голоду; плохая книга и безъ заглавія равно не будетъ читана. Если не вѣрите, прочтите предисловіе, гдѣ авторъ объясняетъ, почему выдаетъ онъ книгу *безъ головы*:

На все и время и пора.
 Не мило нынче намъ, что правилось вчера.
 Бывало къ книгѣ предисловіе
 Необходимое условіе.
 Теперь изъ ста тѣцовъ одинъ
 Едва-ль прочесть его рѣшится,
 И нѣту автору причинъ
 Надъ предисловіемъ трудиться.
 Но надъ заглавьемъ лобъ моголь
 Еще и нынче сочинитель,
 Безъ *титла* книги, та раголе,
 Не кунитъ *школьникъ*, ни учитель.
 Поэма *туть*, а *титла* нѣтъ!
 Беда *блудой*..... На смѣхъ народа,
 Ступай безъ титла, книга, въ свѣтъ —
 Безъ *семьи* не безъ *урода*!

Но *безголовыхъ* уродовъ ни въ какую *семью* не пускаютъ, а кладутъ ихъ въ сиртъ, и ставятъ на полки, какъ дико-

вьяки. Неужели такое мѣсто хочется имѣть автору «книги безъ титула» въ литературѣ? Невольно подумаете, читалъ дагѣ сборъ всякой всячины, и плохіе стихи Русскіе, Французскіе, Нѣмецкіе, Итальянскіе, которые могутъ одно доказать, что у автора на одну мысль готово *четыре* слова, невольно подумаете, что все это шалость литературная. Къ сожалѣнію, хороша остроумная шалость, а отъ *безголовыхъ* литературныхъ шалостей, да избавяте насъ Музы и Аполлонъ, какъ отъ Парнасскихъ домовыхъ и кикиморъ --- наше мѣсто свято! --- чуръ насъ! чуръ насъ!

19. Плоды *вечернихъ бездѣлокъ. Сочиненіе Ивана Раевича.*
 Москва, въ тип. А. Евренцова, 1838 г. въ 8, 75 стр.

Опять, кажется, какал-то шутка! Кто-то *Андрей Узановъ*, говорить въ предисловіи, что завидулъ Петербургу, гдѣ въ *три года* нашлись *два* знаменитые поэта (?), онъ искалъ въ Москвѣ также поэта, знаменитаго поэта, и нашелъ г-на Раевича, и издаетъ стихотворенія его на сѣрой бумагѣ, для потѣхи толкачаго рынка. А за тѣмъ слѣдуютъ стихи, изъ которыхъ вотъ вамъ маленькій обращикъ:

Меня ужасъ *вдругъ* сразилъ,
 Когда *взору* показался,
 Отъ *меня* не вдалекѣ,
 Трунъ *безглавый*, *посинѣлый*;
 Онъ держалъ въ своей рукѣ
Головы *черепъ* *сотлѣпый*.
 Грозный страхъ *меня* *сожалъ*,
Моя *внутренность* *хладѣла*,
 Я въ жару *былъ*, *то* *дрожалъ*,
 Кровь *то* *стыла*, *то* *кипѣла*, *и* *прош.*

Въ заключеніе всего, г-нъ Раевичъ говоритъ о самомъ себѣ:

Я душей *опѣмѣлъ*,
 И повергся въ забвеніе....

Перваго усердно желаемъ, а второсъ неизбѣжно: такова участь всѣхъ плохихъ поэтовъ!

20. ПАСХАЛЬНАЯ ЛАМПА, поэма въ 12-ти пѣсняхъ. Типогра. Сиб. въ тип. К. Неймана и Комп. 1838 г., въ 12, 45 стр.

Авторъ называетъ пѣснями двѣнадцать небольшихъ отделеній, на которыя раздѣлилъ свою поэму, «въ память 12-ти Апостоловъ». Далѣе: «первая и вторая главы родились въ головѣ моей во время пасхальной заутрени, и въ первый-же день пасхи вся пѣса была написана. Главы: 3, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11-я почти обихновенныя; на 4-ю прошу обратить особенное вниманіе; 12-я есть заключеніе разсказа.» Далѣе: «одинъ изъ моихъ знакомыхъ, читая это произведеніе въ рукописи, сказалъ мнѣ: «Дай прочесть его Русскому въ первый день пасхи, и ты увидишь послѣдствія!» Авторъ жалѣетъ, что послѣ такого совѣта онъ давно не издалъ своей поэмы. «Польза можетъ быть впереди», заключаетъ авторъ. Но онъ ужъ получилъ свою пользу: первый день пасхи провелъ онъ въ поэтическомъ мечтаніи, создавая свое произведеніе. Шутками провелъ такъ цѣлый день! Но чтеніе поэмы его отложили мы до перваго дня будущей пасхи. Тогда, если Богъ дастъ, будемъ живы и здоровы, прочтемъ ее, разговѣвшись куличомъ и сыромъ, и увидимъ послѣдствія, какъ говорилъ почтенному автору другъ его.

21. Звѣзда любви (L'étoile de l'amour). Подарокъ прелестному полу. Москва, въ тип. Н. Эрста, 1838 г., въ 16, 57 стр.

Мы совѣтъ не согласны съ тѣмъ, что говорится, вмѣсто предисловія, къ этой сѣрой книжкѣ: «Поощряйте молодость къ занятіямъ; не убивайте разцвѣтающихъ талантовъ насмѣшками, остротами, ругательствами, и время образуетъ въ нихъ (какъ червей въ Лимбургскомъ сырѣ?) можетъ быть, что нибудь великое. Да и самая польза отечества того требуетъ.» — Ругаться, разумется, не должно и не хорошо, но никогда не должно поощрять къ занятіямъ молодость, которая пишетъ стихи въ родѣ тѣхъ, изъ коихъ составлена «Звѣзда любви»:

Два глаза голубой
Не тревожь мой покой
Не стремись на меня,
Не спесу его а... и проч.

Тутъ разцвѣтаетъ не талантъ, а литературная бѣлена, или крапива, и польза отечества требуетъ непременно, чтобы критика уничтожала такіе стихотворенія. Пусть примутся писатели такихъ стиховъ копать гряды, мостить мостовую, садить картофель и вырывать рѣпу — это будетъ для отечества гораздо полезнѣе маранья нелѣпыхъ стиховъ, и печатанія подъ именемъ звѣздъ и мѣсяцовъ любви.

22. Сказка въ стихахъ о Додонѣ, или о томъ, какъ дуракъ сдѣлался умнымъ. Москва, въ тип. В. Кирилова, 1838 г., въ 24 д., 60 стр.

Какъ дуракъ сдѣлался умнымъ, этого мы совѣтъ не видимъ въ этой сказкѣ. Какъ дуракъ этотъ пралъ чепуху въ началѣ, такъ вреть ее и въ концѣ, въ родѣ сѣдующей рѣчи царя Додона, наприкладъ:

Десять лѣтъ живемъ съ женой,
Но дѣтей мы не имеемъ,
Десять лѣтъ будь такой
Пособить мы не умеемъ —
Научите, какъ намъ быть,
Чтобъ жена могла родить? и т. д.

23. СОБРАНІЕ ОТБОРНИШИХЪ РУССКИХЪ ПѢСЕНЪ. Собрано М. С. Давъ части. Сиб., въ тип. Копр. Вишгебера, 1838 г., въ 16, 124 и 117 стр.

Отборнѣшія Русскія пѣсни у г-на М. С. значать: «Пѣснька златая — Что лишь нужды — Звукъ умилый фортепiano — Ахъ! тошио мнѣ, и т. п. — Къ этому прибавлено нѣсколько пѣсенъ Дельвига, нѣсколько пѣсенъ престопадныхъ, и вышло «собраніе отборнѣшихъ пѣсенъ».

24. Карманный пѣсенникъ. Издавъ М. С. Книжка I. Сиб., въ тип. Н. Грена, въ 32 д., 69 стр.

Тотъ-ли это г-нъ М. С., который издалъ теперь отборнѣшія пѣсни, и отборнѣшія-ли пѣсни помѣстилъ онъ въ

этомъ *картинно* изъ пѣсенникъ, мы разрывать не умѣемъ. Тутъ сшито вмѣстѣ десятка четыре пѣсень новѣйшихъ поэтовъ Русскихъ. Собраны безъ разбора пѣсни Жуковского, Яковлева, Баратынскаго, Ротчева, Дельвига, Цертелева, Пушкина, Бороздина, и проч. и проч. Почему все это называется *картинныиъ*, оставились догадываться читателю.

25. Русскія народныя сказки, собранныя Боедановиъ Гронницкииъ. Спб. въ тип. А. Воейкова и К., 1838 г. въ 12, III и 100 стр.

Мы были порадовались, думая, что въ самомъ дѣлѣ, нашелся человекъ, который вздумалъ подслушивать и записывать сказки, какія ходятъ у насъ въ простонародь, и показываютъ собою настоящій разгулъ народной нашей фантази. Вотъ что говорить г-нъ Бронниковъ: «Сказки, собранныя мною, записаны со словъ *холомскаго сказотника, крестьянина изъ подмосковной,*» и проч.—Либо г-нъ Бронниковъ неможно хитрить, либо его обманулъ «*холомай сказотникъ, крестьянинъ изъ подмосковной,*» послушался Нѣмецкихъ и всякихъ сказокъ, и выдалъ ихъ г-ну Бронникову за Русскія. Въ Русскомъ народѣ не можетъ быть сказки о *стрѣлкѣ*, который освобождаетъ «духа Мулу» изъ кубышки — не можетъ быть ея въ Русскомъ простонародь — это *бурсманская* сказка. Впрочемъ, если сказки г-на Бронникова и *не исты Русскія*, то онѣ лежали однакожъ подлѣ Русскихъ, и въ нихъ видна Русская заманка, есть много удачно и по Русски сказаннаго, и искусно склееннаго изъ извѣстныхъ старинныхъ сказокъ, такъ, что ихъ прочтете, право, не безъ удовольствія.

26. Тайна. Романъ въ 4-хъ частяхъ. Сочиненіе А. Степанова, Автора романа *Постылый Дворъ*. Спб. въ тип. III-го Отд. собственной Е. И. В. Канцелярїи, 1838 г., въ 8, 223, 214, 215, 215 стр.

«Сочиненіе Автора того-то и того-то.» Такое прибавленіе къ титулу книги всегда показываетъ, что авторъ заслужилъ почетное вниманіе прежнихъ сочиненіемъ, о которомъ упоминають при названіи новаго. Не ужели слова: «Авторы *Постылаго Двора,*» значать рекомендацію въ чинъ ильбѣ гла-

захъ? Не ужели это созданіе могло отъ кого ильбѣ заслужить похвалу? Правда, есть читатели на *Поль-де-Кокovy* романы — по чему было не найтись имъ на *Постылый Дворъ*? Почему не найтись и на *Тайну*!

По крайней мѣртъ, съ самымъ твердымъ рѣшеніемъ прочитать книгу г-на Степанова (романомъ назвать мы ее совѣстимся) взяли мы за нее, по со *второго тома*, она выпала у насъ изъ рукъ..

Не постигаемъ, какое воображеніе надобно было имѣть, чтобы собрать воедино столько несообразностей, неестественностей, столько безвкусицъ, и столько путаницы всякаго рода! Не ужели это *люди*, эти герои *Тайны*? Не ужели это *романъ*, эта *Тайна*, съ подробностями въ родѣ *Луве-де-Кувре*, *Пико-Лебрѣна* и *Поль-де-Кока*? Не ужели эта вакханалія словъ и мыслей не заставитъ человека, которому сколько ильбѣ дорого его время, бросить *Тайну* съ перваго тома, и не губить пѣсколькихъ часовъ жизни на прочтеніе 867 страницъ сѣрой бумаги? Кто прочитасть *Тайну* до конца — съ тѣмъ мы отказываемся спорить, и совѣтуемъ ему послѣ этого повторить *Фоблаза* и *Валентина беззаботную голову*, если онъ давно не читалъ ихъ..

Поговоривши о *Тайнѣ*, мы находимъ въ себѣ смѣлость спуститься до самыхъ нижнихъ словъ Русской литературы, туда, гдѣ лежать чудесные метаюнксы и ихтиозауры безмыслицы — вотъ вамъ два изъ нихъ на лицо:

27. Саксонецъ. Повесть изъ походныхъ записокъ 1812 года. Переводъ съ Французскаго. II. Р...а. Москва, въ тип. В. Кирилова, 1838 г. въ 12, 167 стр.

Мы готовы битесь объ закладъ, что «Саксонецъ» *самоподное* чудовище нашей словесности, а не переводъ съ Французскаго, какъ говорится въ заглавіи. Видна птичка по полету! И по Франціи есть Александры Афановичи Ормовы, но они даютъ другой складъ своимъ пѣснямъ. Отъ «Саксонца» пахнетъ литературною нашего толкачаго рынка, какъ отъ Русскаго питуха пахнетъ сивухою и лукомъ.

28. Олудей Дятель, атаманъ разбойниковъ Повесть. Москва, въ тип. В. Кирилова, 1838 г. въ 12, 60 стр.

«Грозная буря шумела надъ вершинами темнаго бора Молній, сенными полосами перерывала тучи, и громъ страшно раскатывался по мрачному своду. Въ глубинѣ бора, на широкой полянѣ, разложены были костры, отъ которыхъ столбами поднимался густой дымъ. Вокругъ костровъ сидѣли товарищи булатнаго ножа. На лицахъ злодѣевъ была отпечатокъ страшнаго ихъ промысла. Въ створѣхъ навалены были кпы тонаровъ, бочепки съ виномъ, конская сбруя и оружiе. Страшное общество вело бесѣду объ ужасной добычѣ.—«Эй, Гришка Филинъ!» сказалъ одинъ изъ шайки, грубымъ голосомъ.—«Что признаешь атаманъ? — поттиительно отивчалъ разбойникъ. — «Подать сюда боченокъ съ романою, тотъ, который привезли съ послѣдней добычи? — Филинъ, рыжій мужикъ, съ вклокоченной головою, и съ дьявольскими, зелеными глазами, опротято бросился исполнить приказъ атамана, но отъ излишней поспѣшности задѣлъ ногою за гордую головню, которая отлетѣла прямо въ лицо атаману. Гнѣвъ вспыхнулъ въ сердцѣ начальника. Кровавожадный разбойникъ выхватилъ пистолетъ, и Гришка Филинъ мертвый покотился на землю.—«Вотъ тебѣ орехъ!» вскричалъ съ хохотомъ небольшого роста разбойникъ, въ изорванномъ балахонѣ. Вся шайка подхватила его хохотъ, и боръ огласился неистовою радостю злодѣевъ. «Лихо, Оадей Дятель!» вскричали разбойники «Вина, вина!» заревѣлъ атаманъ...

Не въ романъ-бы такихъ мерзавцевъ, а въ Земскій Судъ, хорошенъко посѣчь ихъ, и отпратить въ дальнюю дорогу на готовыхъ прогонахъ... Право, надобно вымыть руки, продержавши нѣсколько минутъ въ рукахъ книгу, подобную *Оадею Дятелю*....

29. Современникъ (издаваемый П. А. Плетевымъ). *Томъ десятый*. СПб. въ тип. А. Воейкова и К., 1838 г. в. 8, 76, 88, 190 стр.

Признаемся, что слишкомъ угрюмо отозвались мы о первой книгѣ этого прекраснаго, съ большою разборчивостю и излщнымъ вкусомъ поддерживаемаго издавiя, драгоцѣннаго намъ памятю основателя его, А. С. Пушкина. Что дѣлать! Никакъ не можемъ мы освободить себя отъ той мысли, что *къ хорошему должно быть выскателыше*; что общество первыхъ и избранныхъ поэтовъ и прозаиковъ нашихъ современныхъ, книжки сборника, гдѣ встрѣчаются имена, столщiя на первомъ планѣ нашей словесности, не только не должны болѣть суда критики самой взыскательной, но даже его-то именно должны требовать... Теперь отказываемся мы отъ этой мысли. Девизомъ нашимъ, да будутъ слова Карамзина: *большо*

хвалять достойное похвалы, нежесли осуждать достойное осужденiя.....»

Скажите — съ чего начать? Въ *Современникѣ* есть стихи, есть проза. Сперва о стихотворенiяхъ (ихъ всего 12 мѣстъ.)

Пушкина помѣщены двѣ пьесы. *Сцена изъ Бориса Годунова*. Она писана 6-ти и 4-хъ стонными ямбами, съ римами, и не была введена поэтомъ въ трагедiю. Содержанiя ея не важно: Марина одѣвается; служанка говорить съ ней одѣвая ее, о Самозванцѣ. Стихи прекрасны, и намъ сдается не была-ли даже это проба — написать всю трагедiю ямбичъ съ римами? Умъ и вкусъ Пушкина избрали другой размѣръ, и какъ вѣрно избрали его! *Борисъ* ямбическо-римованный могъ остановить опять надолго нашъ драматическiй стихъ, теперь свободный и развязный. Кстати объ отрывкахъ изъ *Годунова* — ихъ, можетъ быть, еще нѣсколько найдется, неизвѣстныхъ. Мы слышали отъ самого Пушкина сцену народную, изображающую то время, когда Бориса уговариваютъ принять царство. Сцена эта была превосходная. Неужели поэтъ истребилъ ее потомъ? — Другая небольшая пьеса Пушкина, *Къ жещицѣ поэту* — прелестна. Какъ милъ этотъ *Пушкинскiй* оборотъ въ концѣ:

Соперницы завѣтной розы
Блаженъ безсмертный идеалъ!
Стократъ блаженъ, кто ей винушалъ
Единый стихъ и — много прозы....

На все, что теперь льется съ именемъ Пушкина, смотрите, какъ на драгоцѣнности, которыя остались вамъ въ наслѣдство, — дивитесь тому, что находится, и съ грустью думаете: «что если-бы наслѣдство это *вполнѣ* намъ досталось!»!

И послѣ Пушкина прочтете стихотворенiе: *Новый годъ* (означенное именемъ: *Г—ня Е. Р—на*), съ удовольствiемъ. Какъ милы вотъ эти два окончателыные куплета, которыми сочинительница прощается съ старымъ годомъ, и доспрашивается у новаго года:

Скажи, что ты поешь: блаженство, или несчастье?
Къ надеждѣ-ль, къ трепету-ль должна я мысль склонять?
Мнѣ ждатель-ли лсныхъ дней, или бури и ненастья?
Какъ недруга тебѣ, какъ друга-ли встречать?

Напрасно съ сердцемъ я хочу о томъ спроситься:

Оно въ невѣдѣнъ робѣетъ и молчитъ.

Чему не миновать, тому со мною и сбѣлся:

Печаль утошится... а радость улетитъ.

Кромѣ того, помѣщены въ Современникъ стихотворенія г-дъ Прокоповича, Гребенки, Родзинки, Глинки (Ө. Н.), А. О., Ө. Т—ва.

Въ прозѣ любопытнѣе, жаль только, что слишкомъ уже мимолетный *Взглядъ на пылкую литературу Германіи*, Э. И. Губера. Кромѣ того есть тутъ: повѣсть, въ Гофмановскомъ родѣ, Барона Ө. Корфа; отрывки изъ книгъ И. П. Шульгина и г-жи Иншовой; статьи о Жанъ-Поль Рихтеръ (кажется, уже бывшая некогда въ одномъ изъ Московскихъ журналовъ), переведенная съ Англійскаго; краткое историческое извѣстіе о перемѣщеніи Университета въ Петербургъ, и нѣсколько небольшихъ извѣстій о новыхъ книгахъ. — Статья: «*А. С. Пушкинъ*», представляетъ намъ краткую біографію незабвеннаго нашего поэта. Она написана съ чувствомъ и съ памятію сердца. Намъ остановили только въ ней три, четыре мѣста, гдѣ, кажется, подробности не совсѣмъ вѣрны. Вотъ они:

Стр. 23. Въ одномъ изъ тогдашнихъ журналовъ, безъ подписи сочинителя имени, печатаемы были всѣ сочиненія Пушкина, имъ писанныя на 12, 13 и 14 году отъ рожденія. Къ сожалѣнію, онъ нигдѣ не упоминаетъ объ нихъ, не внесъ, какъ образчикъ лепетанія дѣтской музыки, въ собраніе своихъ стихотвореній, и они *едва-ли не погибли для потомства...*

Къ этимъ словамъ примѣчаніе въ низу страницы: «Издатель Современника не терпѣтъ надежды *доискаться до нихъ*, и сообщить ихъ своимъ читателямъ въ этомъ журналѣ.»

Намъ кажется вовсе не тайною, и дѣломъ весьма и весьма известнымъ, что первые опыты Пушкина были помѣщены въ *Вѣстникъ Европы* и въ *Европейскомъ Музеумѣ*, когда сіи журналы издавалъ другъ дяди поэта, В. В. Измайловъ.

Стр. 30. Овъ даже нашелъ время выучиться *тогда* Италійскому языку...

Если не ошибаемся, Италійскій языкъ, какъ и Французскій, былъ извѣстенъ Пушкину съ дѣтства.

Стр. 30. По выходѣ изъ Лицея, онъ зналъ только Латинскій, Французскій, Англійскій и Нѣмецкій.»

Латинскаго Пушкинъ почти вовсе не зналъ; Французскимъ обладалъ онъ, какъ природнымъ; Англійскому выучился *гораздо послѣ*, а Нѣмецкій едва-ли былъ ему извѣстенъ когда нибудь.

Стр. 35. Пока авторъ не зналъ его (Онегина) вполнѣ, отдѣльныя главы составляли *выгодный промыселъ* досужихъ и смѣтливыхъ переписчиковъ, продававшихъ тетрадки ихъ въ столицахъ, и *внутри Россіи по ярмаркамъ.*

О *промыслѣ* такого рода, особливо по ярмаркамъ, мы никогда и ничего не слыхивали. Рукописными ходили по рукамъ стихи Пушкина, но только ихъ списывали охотники совсѣмъ не для продажи, и не торговали ими.

Стр. 41. Пушкинъ въ 1826 году высказалъ *однимъ стихомъ*, что думаетъ онъ объ *нестественныхъ* характерахъ *героевъ и героинь Байрона.*

Приводятся извѣстные стихи Пушкина Баратынскому:

Твоя Чухочка, ей, ей!

Греchanокъ Байрона милѣй...

Намъ кажется, что это была пріятельская шутка, которою вовсе не думалъ Пушкинъ высказывать своего мнѣнія о великихъ созданіяхъ Байрона.

Да, извинитъ насъ почтенный издатель Современника за эти мелочныя привязки. Намъ такъ дорога память Пушкина, что желательно, чтобы до потомства дошли отъ насъ, *соре-менниковъ* его, извѣстія объ немъ вполнѣ вѣрны...

Хроника Русскаго въ Парижѣ на сей разъ составляетъ въ Современникѣ чрезвычайно любопытную журнальную статью. Разказы о пребываніи Брума въ Парижѣ, о лекціи Жирардена, о проповѣдяхъ квакерши Фрей, о трагедіи Брифо, и проч. и проч., переносятъ насъ въ остроумный, вѣтренный, шаловливый Парижъ своею животрепещущею новостію. Та-

кихъ статей дайте намъ побольше—онъ оживляютъ листочки Современника и оправдываютъ его название.

30. Донъ Кихотъ Ламанчскій (издаваемый А. А. Плюшаромъ. Переводъ г-на Масальскаго). *Тетради 1 и 2*, въ бол. 8, XII и 192 стр.

Участь Донъ-Кихота до сихъ поръ была на Руси самая жалкая, и онъ страствовалъ по стени Русской литературы, точно какъ настоящій рыцарь печальнаго образа. Переименованный въ *Донъ-Кихотъ*, похвалъ онъ изъ Французскаго перевода въ Русскій, на тяжелыхъ фразахъ пьегого г-на Осипова, подъ именемъ *несмысланнаго гудодѣла*, и тѣшилъ нашихъ отцовъ и дѣдовъ, какъ тѣшили ихъ Бова Коромевичъ и Еруславъ Лазаревичъ. Горько было бѣдному любовнику прекрасной Дульциней, что вовсе не понималъ его, считали его за пошлаго дурака, да дѣлать ему было пѣчего! Между тѣмъ прошло много лѣтъ; явился во Франціи щеголеватый Флоріанъ, пригладилъ, напомадилъ, завилъ Донъ Кихота по модѣ, вычистилъ и пустилъ его въ новомъ переводѣ. Былъ у насъ тогда молодой литераторъ, который потомъ сдѣлался нашимъ славнымъ писателемъ. Но кто не шалилъ съ молоду? И этотъ литераторъ пошалилъ --- переодѣлъ Русскаго Дона Кихота по Флоріановскому манеру, и опять похвалъ по святой Руси рыцарь Ламанчскій, и ѣздилъ онъ *тридцать три года*, и случились съ нимъ въ это время большія перемѣны. Узнали Нѣмцы и Французы, что все то, что до тѣхъ поръ выдавали имъ за славнаго рыцаря Донъ-Кихота Сервантесова, была передѣлка, подѣлка, до того, что и самое имя героя было переименовано. И вотъ, въ наше время воздали они безсмертному герою большую и великую честь --- перевели его снова, вѣрно и тщательно. Чудный карандашъ Томи Жоанно изобразилъ его въ прелестныхъ полтипажахъ; чудное перо Жанена написало объ немъ прелестную статейку, и *Донъ-Кихотъ* явился въ истинномъ видѣ, историческій, фантастическій, романическій, элегическій, поэтическій, философическій, неподражаемый герой безсмертнаго гениа сатиры и южнаго юмора! Французы, Нѣмцы, Англичане встрѣтили его съ восторгомъ --- имъ казалось, что они въ первый еще разъ

видать и читаютъ настоящаго Донъ-Кихота. Намъ, Русскимъ, оставалось только завидовать имъ, но избавляя насъ отъ зависти, этого смертнаго грѣха, г-нъ Масальскій рѣшился передать намъ вновь исторію подвиговъ Донъ Кихота, а г-нъ Плюшаръ, не боясь издержекъ, переставляетъ теперь въ новое Русское изданіе всѣ великолѣпныя декорации, которыми украсилъ Жоанно сцену, гдѣ горделиво развѣшаетъ на своемъ Рыжакѣ, сопровождаемый вѣрнымъ оруженосцемъ своимъ Санхо-Пансою, пылалъ страстью къ прелестной Дульциней, сражался съ мельничными, рыцарь Ламанчскій. Если вы не видали еще Донъ Кихота въ новомъ его парадѣ --- посмотрите; если вы еще не купили новаго перевода его чудной, неслыханной исторіи --- купите ее поскорѣе, и полюбуйтесь. Въ самомъ дѣлѣ --- что за прелесть така! Какое неистощимое воображеніе карандаша! Какое изящное типогравическаго искусства! --- Благодаря стараніямъ г-на Плюшара, нашъ Русскій Донъ Кихотъ не только не уступаетъ Французскому, но едва ли не превосходитъ его *великолѣпнѣе* изданій. Буквы, бумага, чистота оттиска --- превосходятъ. Многіе полтипажи не уступаютъ лучшимъ стальнымъ гравирамъ. Это обширная галлерей каррикатуръ, изобрѣтенныхъ съ остроуміемъ гениальнымъ, парисованныхъ съ искусствомъ изумительнымъ, отпечатанныхъ такъ, что не вѣрится, будто онъ оттиснуты съ деревянныхъ досокъ.

Желаю полнаго успѣха прекрасному предпріятію г-на Плюшара, мы надѣемся, что наши просвѣщенные, образованные читатели подкрѣпятъ его своимъ особеннымъ вниманіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что подобныя изданія служатъ къ распространенію вкуса къ искусствамъ, и у всѣхъ Европейцевъ нѣтъ теперь *салона*, нѣтъ *будуара*, гдѣ подобныя изданія не составляли-бы лучшей и самой необходимой мебели, точно такъ, какъ бронза, часы, альбомы, коверъ, диванъ, цѣвты, и другіе *комфорты*.... Какъ, мил. гос., неужели въ вашемъ Тамбовскомъ салонѣ нѣтъ еще Плюшаровскаго Донъ-Кихота? И въ вашемъ будуарѣ, *madame*, который славится по всему Саратову, также нѣтъ его? И вамъ, *mademoiselle*, папенька не привезъ его, когда ѣздилъ изъ Чернигова торговаться на откупъ? Помилуйте, сударь! Извините сударыня! да, только это ни на что не похоже! Писните скорѣе въ Москву, въ Петербургъ --- купите, выпините скорѣе Донъ-
Т. IV. --- Стл. IV.

Кикота, читайте его, любуйтесь имъ! И знаете-ли, что онъ стоитъ? За книгу въ 200 слишкомъ листовъ, или 1600 страницъ, превосходно изданную, съ *восемью таблицами* рисунковъ, вы заплатите 40 *рублей!* Едва-ли какалъ нибудь книга продавался у насъ дешевле, если сообразить издержки на печатье....

31. Полковникъ *старый времени. Комедия-водевиль въ одномъ дѣйствіи. Соч. гг. Меллвилля, Габриеля и Анжеса.* СПбургъ, въ тип. Копрда Вингера, 1838 г., въ 8 доло, 82 стр.

Однѣ изъ милыхъ и повежныхъ Французскихъ водевилей! Завязка, положеніи, развязка презабавныя, и не диво, что съ прелестною игрою г-жи Асенковой, *полковникъ* получалъ *генеральскій* успѣхъ на Петербургской сценѣ. Вотъ въ чемъ все дѣло: когда во Франціи можно еще было покушать чины, Герцогъ де-Креки, вмѣсто игрушки, купилъ мальчику сыну свосему славный полкъ. А какъ тогда рано начинали воспитаніе герцоговъ, то онъ отправилъ его въ полкъ, сказавши на прощаньи: «Ступай — дѣлай долги, вочлнсь за женщинами, дерись, и ты будешь славный полковникъ!» Вмѣстъ съ тѣмъ однакожъ, съ молодымъ полковникомъ похлалъ и учитель его, чтобы продолжать уроки Латинскіе и Греческіе. И вотъ 15-ти лѣтній полковникъ на свободѣ, полный командиръ храбраго полка, садитъ подъ арестъ учителя, заставляетъ его выкидывать артикулъ ружьемъ, влюбляется въ дочь маюра, сорерится съ ея женихомъ, и въ два часа перевертываетъ вверхъ дномъ, и маневры, и дисциплину, и весь полкъ. Офицеры подъ арестомъ, солдаты не слушаются, по полковникъ благородный мальчикъ, хотъ и порядочный шалушъ. Гордымъ желаніемъ славы онъ мирится съ офицерами, смѣлостью съ солдатами; любовниковъ женять — куплеты, и — *браво!* зрителей составляютъ конецъ водевильной шалости.

Но не всегда водевиль беретъ этимъ. Вотъ, напримеръ —

32. Архивариусъ. *Водевиль въ 1-мъ дѣйствіи. П. С. Эсдороса.* Спб., въ тип. А. Воейкова и К., 1838 г., въ 16 л., 106 стр.

Этотъ водевиль также имѣлъ успѣхъ, но онъ не годится и въ капралы, по содержанію и завязкѣ.

Архивариусъ Пауковъ не хочетъ выдать дочери за молодого чиновника, а выдаетъ ее за негодяя, своего архивнаго помощника. Дѣвушка въ отчаяніи пишетъ къ директору. Тотъ назначаетъ мѣсто помощника ея любовнику. Негодяя провожаютъ вонъ — онъ неидетъ — ему бросаютъ 25 рублей, и толкаютъ его вонъ. И все это украшено такими подробностями, что раекъ помираетъ со смѣху, и какъ не смѣяться ему, когда любовникъ даетъ *гривенники* кухаркѣ и проситъ трубочки *запнуться*, а архивариусъ посылаетъ купить въ три *гривенника* бутылку мадеры, и проч. и проч. и — водевиль съ успѣхомъ! Кого понизеть слава — что дѣлать!

33. Три водевилля: I. *Хороша и дурна, и глупа и умна. Д. Ленскаго.* II. *Крестный отецъ, служащій продолженіемъ водевилля Хороша и дурна, и глупа и умна. П. С. Эсдороса.* III. *Стрѣлкій подъ столомъ. Д. Ленскаго. Второе изданіе.* Спб. въ тип. Н. Греча, 1838 г. въ 32, 392 стр.

Тутъ умолкаетъ всякій голосъ критики: *успѣхъ и второе изданіе*, въ крошечный форматъ, какимъ печатаются теперь творенія Пушкина, Богдановича, Дмитріева, и проч., вотъ самыя вѣрныя ручательства, что всѣ эти три водевила и хороши и умны.

34. Слѣпой, или двѣ сестры. *Комедія водевилъ въ 3-хъ отдѣленіяхъ. Соч. Анжеса. Перев. съ Франц. П. М. Степановича.* Москва, въ тип. Н. Степанова, 1838 г. въ 8, 104 стр.

Отъ Анжеса толку ждать нечего. И потому толку и въ *слѣпо* его весьма не много. Тутъ снимаютъ бѣльма, женятся, разжениваются, ходятъ въ походы, опять слѣпнутъ, опять женятся, пьютъ, падаютъ въ закромъ съ мукой, и наконецъ поютъ такія вещи, которыхъ мы не носовѣтуемъ пѣть дѣвушкамъ, когда ее попросятъ спѣть какой нибудь романсъ.

35. Маскерадъ въ *литте. въ клубъ, или ни то, ни се, для развѣзда каретъ, не водевиль и не балетъ, съ куплетами и танцами.* Съ Французскаго Д. Ленски. Москва, въ тип. Н. Степанова, 1838 г. въ 8, 56 стр.

Дѣйствиѣ въ трактирѣ. Дѣйствующія лица: двѣ цѣточницы, писарь нотаріуса и подмастерье брильянтика. Писарь учит подмастерья волочитья, и даетъ ему пощечину; битый подмастерье женится, дѣлается счастливъ, и въ заключеніе всѣ пляшутъ. Видите, что это такъ, *ни то, ни се, для разгѣзда каретъ*, когда изъ ложь и кресель уже уходятъ, а въ райкъ еще досиживаютъ на послѣднюю гривну — *шестое дѣйствиѣ*. Тамъ вѣдь всегда считаютъ такъ: трагедіи, напримѣръ — *пять дѣйствиѣ*, а за тѣмъ слѣдуетъ водевиль — это *шестое дѣйствиѣ*.

36. Воскресеніе въ *Марьиной рошѣ*. *Интермедія въ 1-мъ дѣйствиѣ*, съ принадлежащими къ ней хорами и танцами. Москва, въ тип. Н. Степанова, 1838 г. въ 8, 32 стр.

Это также *для разгѣзда каретъ*, только *Русское издѣлье* Московской фабрики. Фуфоркинъ, прикащикъ изъ моднаго магазина, гуляетъ въ Марьиной рошѣ, ѣсть пирожки, волочитя, дерется, бранится; его бьютъ, подбиваютъ ему глаза, рвутъ на немъ сюртукъ, и призываютъ квартальнаго занку. Фуфоркинъ причется въ балаганъ къ Нѣмцу, за женой котораго онъ волочился, и балаганъ, и Нѣмецъ, и Фуфоркинъ, и квартальный дерутся, падаютъ, а потомъ всѣ мирятся, пляшутъ и идутъ ужинать.

37. Катерина. *Комедія въ 2-хъ дѣйствиѣхъ*, съ куплетами. Пер. съ Франц. П. И. Степанова. Москва, въ тип. В. Кирилова, 1838 г., въ 12, 164 стр.

Во времена Наполеона, безродный бѣднякъ идетъ охотою въ солдаты, за поселянина, у котораго были сестра и невѣста. Сестра кланется выйти замужъ за этого бѣдняка, если онъ воротится. Походъ въ Россію, барабаны, и проч. *Дѣйствиѣ второе*, черезъ четыре года. Поселянинъ женатъ и богатъ. Онъ вылезелъ съ какимъ-то поручикомъ, въ котораго влюбляется сестра его. Но ее связываетъ клятва, данная вѣкогда бѣдняку, пошедшему въ военную службу за ея брата, и о которомъ доходить слухи что онъ не убитъ. Это поручикъ, въ котораго она влюбилась. Свадьба и «браво!» зрителей? скажете вы. Нѣтъ! *браво* не загремѣло. Переводчикъ разсердился за это, напечаталъ бѣдную Катерину на сѣрой бумагѣ, ужасными

буквами, и пустилъ на апелляцію читателямъ, желая узнать, если зрителямъ его Катерина пришлась не по праву, что скажутъ читатели. Что вы скажете, Мм. Гг.?

38. Невѣста подъ замкомъ. *Комедія водевилъ въ 1-мъ дѣйствиѣ*. Н. Соколова. Москва, въ тип. Н. Степанова, 1838 года, въ 12, 100 стр.

Еще водевиль... Не надоблилъ мы вамъ этими водевилями? Но это послѣдній, и съ нимъ толковать много пѣчего: помните ли вы комедію Коцебу, *Разсѣянные*, которая, лѣтъ 25 тому, чрезвычайно смѣшила зрителей? Г-нъ Н. Соколовъ передѣлалъ ее на Русскіе нравы, вставилъ ради смѣха башмачнаго мастера Авдея Михайловича Сафьяннаго, который ко всякому слову прибавляетъ *съ*; кромѣ того вставилъ куплеты, и въ заключеніе спектакля поетъ:

Насъ не браните, господа,
И водевилъ нашъ поддержите!

Въ самомъ дѣлѣ, за что бранить его? Да, намъ же, право, и вѣкогда — мы должны еще сказать читателямъ о разныхъ новостяхъ по части городской и сельской промышленности, оставя промышленность водевильную. Какъ въ нашъ индустріальный вѣкъ быть библиографин журнальной безъ извѣщенія о чемъ-нибудь *промышленномъ*? Нельзя, нельзя! Помните-ли, что недавно говорилъ Лафонтъ? Il existe dans le monde, à toutes les grandes époques, une passion dominante à laquelle il a été donné d'imprimer à l'humanité la vie, le mouvement, et de marquer un but à son activité, une direction à ses efforts. Aujourd'hui l'industrie perce les montagnes et les applanit; l'industrie passion nouvelle, surgit à la place des passions politiques, et vient achever l'oeuvre de l'émancipation universelle. (Во всѣ великія эпохи существуетъ въ свѣтъ господствующая страсть, которой суждено придавать человечеству жизнь движеніе, и назначать цѣль его дѣятельности, направленіе его усилій. Нынѣ промышленность пробиваетъ и сравниваетъ горы, промышленность, страсть новая, заступила мѣсто страстей политическихъ, и доканчиваетъ великое дѣло всеобщей *эмансипаціи* — или урав-

нения, если угодно). Как не повѣрить премудрому Лафиту, хоть мы ужь и не станемъ разбирать того, каковъ долженъ быть въкъ нашъ, если, въ самомъ дѣлѣ, имъ управляетъ, роетъ и пробиваетъ въ немъ горы, и указываетъ ему цѣль, и даетъ ему направлѣніе купеческій аршинъ, цѣлковый рубль, филатурное веретено, какъ высшія проявленія промышленности. Что дѣлать Мм. Гг.! —

Къ чему бесплодно спорить съ въкомъ?

Примемся и мы за промышленность — скажите, что вамъ угодно предпринять? Что вы хотите начать? Не угодно-ли вамъ лечитъ ягнать, разводитъ сады, лечитъ собакъ, лить салныя свѣчи, или дѣлать превосходное чухонское масло? Выбирайте что нибудь, Мм. Гг., не лѣзя — мы живемъ въ въкъ промышленности, или *промышленности*, какъ пишутъ нынѣ (и не безъ основанія: нынѣ *промышленность* точно сбивается въ *промышленность*?) Для выучки всего этого стоитъ вамъ только купить слѣдующія книжки:

39. Руководство къ заложенію и преобразованію небольшихъ садовъ, по прилагаемымъ рисункамъ. Издано въ 1836 году Карломъ Риттеромъ, директоромъ сада въ Пресбургѣ. Перевелъ съ Нѣмецкаго П. Ш. — СПб. въ Гуттенберговой тип. 1838 г. въ 12, 22 стр. и 9 рис.

Вы спросите: какъ это закладываютъ сады? Этому научитесь вы, Мм. Гг. изъ книжки г-на Карла Риттера, переведенной П. Ш., которая научитъ васъ, сверхъ того, какъ разводитъ сады на 20 шагахъ длины и 10 ширины, представить вамъ и рисунки такихъ обширныхъ и прекрасныхъ садовъ. Правду сказать — посмотрѣвши на рисунокъ, не всякаго возьметъ охота приниматься за садоводство по этимъ рисункамъ. Не лучше-ли лечитъ ягнать и собакъ? Вотъ вамъ руководства:

36. Охотникъ медикъ, или полное описаніе болѣзней собакъ. Переводъ съ Французскаго, съ сочиненія Клатеръ, съ 25-го изданія. Перевелъ Осипъ Турис. Москва, въ тип. Вас. Кириллова, 1838 г. въ 18, 175 и III стр.

40. О двухъ важнѣйшихъ болѣзняхъ ягнать. Разсужденіе Барона Монтона, удостоенное преміи за рѣшеніе предложенныхъ Королевскими Потсдамскими экономическими Обществомъ вопросовъ: 1-е какимъ образомъ, наивѣрнѣе, можно предотвращать, такую называемую, *арлоту ягнать*, и болѣзнь при которой *ягнать дѣлаются бѣлыми*, какъ равно и зарожденіе волособразныхъ глистовъ во внутренностяхъ овецъ? и 2-е, какимъ образомъ наивлгче и скорѣе можно остановить объ эти болѣзни, если онѣ уже обнаружались? И найдено-ли вѣрное средство для излеченія этихъ болѣзней? Съ Нѣмецкаго. Москва, въ тип. Лазаревыхъ инст., 1838 г. въ 12, XIX и 96 стр.

Не уже-вы не повѣрите достоинству книги, которая на Французскомъ языкѣ была издана *двадцать пять разъ*, и переведена «съ Французскаго, съ сочиненія, съ 25-го изданія?» А другая книга, когда она удостоена преміи отъ Потсдамскаго экономическаго Общества — еще ли этого мало? Вы спросите: точно-ли эта книга была удостоена преміи? А какъ же? Въдѣ это на заглавномъ листѣ сказано и *напечатано!* А вотъ за слѣдующую книжку, мы уже вамъ поручимся, что она точно хороша. —

41. Руководство подробное и основательное къ дѣланію свѣгей, по способамъ извѣстныхъ химиковъ и фабрикантовъ. Москва, въ тип. Лазаревыхъ инст. 1838 г. въ 12, 95 стр.

Видите: года четыре тому, въ СПб., была выдана извѣстнымъ химикомъ Мабу книжка: *Руководство къ дѣланію различныхъ салныхъ свѣгей* (СПб. 1834 г. въ тип. Хр. Гинце, въ 8, 121 и 24 стр.). Нѣкто неизвѣстный выбралъ изъ нея кое-что, иныя страницы слово въ слово, и напечаталъ теперь въ Москвѣ, подъ выписаннымъ нами заглавіемъ. Прежде называлось это... Нынѣ называется это *промышленностью* — въдѣ нынѣ въкъ идиострѣяльнѣй, Мм. Гг.!...

42. СЕКРЕТЪ дѣланія превосходнаго сливочнаго масла, на манеръ приготовляемаго на фермѣ Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища. Обнародованный Б-мъ В-мъ. СПб. въ тип. Н. Греча, 1838 г. въ 16, 24 стр.

И чухонское масло выдѣлывать было прежде *секретомъ*, какъ вы видите! За то, открытіе этого секрета можетъ васъ рѣшительно увѣрить въ справедливости изрѣченія: «Нѣсть тайны, иже въ наше время не откроется!» Посмотрите, что скоро откроютъ тайну писать стихи какой нибудь машишкой....

IV.

К Р И Т И К А.

POLITIQUE D'ARISTOTE (ПОЛИТИКА АРИСТОТЕЛЯ).
Переводъ съ Греческаго Бартеlemi Сентъ-Илера. Парижъ,
1837 г. въ Королевской типогр., въ-8. *

Что *Политика*, въ основаніи своемъ, есть законное и необходимое приложеніе *философіи* человеческого ума — вотъ истина, которая оставалась темною при началѣ всѣхъ человеческихъ образованій. Даже и новѣйшая общественность, получившая въ полное наследство общественность древнюю, составляя собою усовершенствованный бытъ человечества, все еще долго должна была колебаться, пока увѣрилась, что ею управляютъ строгіе законы ума и выводы размышленія. Здѣсь особенно любопытно сближеніе двухъ историческихъ фактовъ: когда человѣкъ можетъ уже отдавать себѣ отчетъ въ своихъ

* Статья Лерминье. Любопытно современное явленіе, что Французы обращаются теперь къ тщательному изученію собственно фактовъ наукъ и философіи, какъ будто недовольные чужимъ умозрѣніемъ, и страшась произвола ихъ. Творенія философовъ Англійскихъ, Германскихъ, Греческихъ, переводятся ими вполнѣ, и составляютъ кромѣ того предметъ обширныхъ изслѣдованій критическихъ. Многія изъ новѣйшихъ произведеній сего рода во Франціи прекрасны и поучительны. Не показываетъ-ли это преимущества *анализа* въ наше *практическое* время, по анализа перешедшаго однакожь черезъ умозрѣніе, и ищущаго мира съ произволомъ воли синтетической? Лерминье, известный Французскій юристъ, излагаетъ въ этой статьѣ Аристотелевы идеи о политикѣ, съ большимъ искусствомъ, ловкостью и познаниемъ дѣла. Мы представимъ читателямъ и еще нѣсколько избранныхъ статей такого рода. *Пер.*

собственныхъ дѣйствій общественности, передъ нимъ возражается наука древняя по сему предмету, такъ, что память и воспоминанія человѣка, не только не препятствуютъ его самобытному мысленію, но какъ будто укрѣпляютъ его и двигаютъ впередъ тѣмъ сильнѣе. Находя слѣды, исчисляя подвиги тѣхъ, кто былъ до него, созерцающа мысли и дѣла размышлявшихъ и дѣйствовавшихъ до него, человѣкъ чувствуетъ, какъ будто удвоенною силою свою, и завѣщаніе прошедшаго, какъ будто укрѣпляетъ дѣйствительную жизнь его. Если было необходимо всему древнему показаться на время погибшимъ въ полномъ разрушеніи дѣйствительности, чтобы на мѣстѣ его, самобытно, безъ смѣшенія, безъ препятствій, создалась новая общественность, едва совершилось такое созданіе, необходимо было опять явиться древнему въ современной, новой общественности человѣка, чтобы созерцаніе и соображеніе древняго и новаго вмѣстѣ было понято человѣкомъ, и показало непрерывную связь и общность ихъ.

Ежели философическое мысленіе столь медленно развивалось въ обществѣ новѣйшемъ, будетъ-ли удивляться медленности его въ древнихъ обществахъ, медленности до такой степени, что Философія явилась тамъ въ полномъ величій своемъ только послѣ совершеннаго истощенія политической жизни и на развалинахъ древней общественности. Кажется, что она явилась, какъ будто не для Греціи собственно, но для міра, и что не для Аѳинянъ, но для насъ говорили Аристотель и Платонъ.

Если мы находимъ въ Исторіи не произвольное только смѣшеніе событій и случайностей, и изучивши ее, видимъ въ ней удивительную логику и строгую экономію жизни, надобно согласиться и въ томъ, что каждый разъ, когда великое движеніе потребно человечеству, являются и систематически слѣдуютъ одно послѣ другаго, одинъ за другимъ, и дѣла, и лю-

ди, способные произвести его. Взятіе Аѳинъ Лизандромъ двинуло въ свѣтъ Греческую Философію, и Сократъ, Платонъ, Аристотель явились ея изъяснителями. Если стройная послѣдовательность лицъ и событій не представляется здѣсь вполнѣ, то мы должны во все отказаться отъ философіи исторической.

Сократъ явился въ то время, когда Греція была добычею всѣхъ золь, проистекавшихъ отъ гибельной войны Пелопонезской. Знаменитый очевидецъ битвъ, какія происходили тогда между Аѳинянами и Лакедемонянами, ярко описалъ бѣдствія, внесенныя ими въ нравы и общественность древней Греціи. Обольщеніе властвовало между государствами, говоритъ Фукидидъ (книга III, глава 82, и слѣд.), и города, послѣдніе изъ передававшихся духу раздора, предавались за то самымъ крайнимъ излишествамъ, какъ будто стараясь отличиться въ нихъ своею избрительностью. Самое значеніе словъ было изменено. Безразсудная отвага назвалась мужественною ревностью, медленность стала предубоитительностью, трусость благоразуміемъ; человѣкъ бѣшенный былъ человѣкомъ надежнымъ; останавливавшій его насильственные порывы становился подозрительнымъ. Причиною всѣхъ сихъ золь была страсть повелѣвать другимъ, внушаемая честолюбіемъ и корыстолюбіемъ. Страсти разгорячали умы. Начальники крамоль, одни подъ предлогомъ политическаго равенства нисшихъ, другіе подъ видомъ защиты правъ избранныхъ сословій, заботились, казалось, только о благѣ отечества, но собственно мыслили единственно о низверженіи соперниковъ, и помышляли только о самихъ себѣ. Въ такой борьбѣ не было уже ни какихъ преступленій и излишествъ, которыхъ-бы себѣ не позволяли. Ни одна изъ крамоль общественныхъ не повиновалась правосудію, но похвалу стяжали только тѣ, кто преступнымъ краснорчіемъ достигалъ желанной цѣли. Умѣренные граждане гибли жертвами другихъ, по-

тому, что не хотѣли раздѣлять опасностей волненія, или потому, что имъ завидовали, видя ихъ спокойствіе среди смятеній. Добрая вѣра, этотъ удѣлъ людей великодушныхъ, сдѣлалась предметомъ насмѣшки и совершенно погибла. Въ самыя битвы, ряды воиновъ становились съ равною недоувѣрчивостію одинъ противъ другаго. Принимаясь за миръ, не могли вѣрить ни торжественнымъ обѣщаніямъ, ни самымъ страшнымъ клятвамъ. Руководимые мыслью, что ничего прочнаго надѣяться невозможно, граждане мыслили прежде всего о личной своей безопасности. Обыкновенно, самые неспособные выигрывали передъ всеми другими. Причина этого понятна: страхась, что при недостаткѣ ихъ собственныхъ дарованій, ловкость и умъ противниковъ побѣдятъ ихъ краснорѣчіемъ и способностью въ дѣлахъ, тѣмъ смѣлье такіе люди шли къ цѣли, между тѣмъ, какъ противники ихъ, презирая предчувствіемъ опасности, надѣясь потомъ торжествовать умомъ, и средства насилія упоая побѣдить своимъ дарованіемъ, погибали въ тревогахъ и смятеніяхъ.

Такое было политическое состояніе Греціи. Что касается до умственного бытія, то, въ концѣ Пелопонезской войны, оно было своевольное и ни чѣмъ не удовлетворяло умовъ. Не было уже это временемъ появленія Омировыхъ поэмъ, борьбы съ Персами, патриотическихъ движеній, гдѣ религія смѣшивалась съ защитою независимости общественной. Мечты полиеизма не воспаляли болѣе умовъ къ славы, но влекли ихъ въ отчаянную изнѣженность, и если общественность ржавѣла, то и религія была бесплодна, испорчена, дѣлалась только средствомъ къ порчѣ нравовъ. Тогда явился въ Аѣнахъ сынъ ваятеля и повивальной бабки, утверждая, что *знаніе есть добро, а невѣжество зло*. И вотъ, въ первый разъ знаніе сошло на народную площадь, стало ходить по улицамъ, преслѣдуя людей, спрашивая ихъ: знаютъ-ли

они самихъ себя, и знаютъ-ли они что нибудь? Человѣкъ, принявшій на себя обязанность такого проповѣдника, былъ простъ, смѣль, откровененъ, ловокъ, уменъ, иногда циникъ. Онъ нападалъ на знатнѣйшихъ гражданъ, и заставлялъ ихъ, съ замѣшательствомъ и отчаяніемъ, сознаваться, что они *ничего не знаютъ*. Его бьютъ, его ругаютъ, его позорятъ. Насилію отвѣчаетъ онъ спокойствіемъ, насмѣшкой высокою проніею, завертывается въ циническій плащъ свой, и слѣдуетъ своему непреборимому призванію. Здравый смыслъ восходитъ въ Сократъ до смѣлости, до геройства, до самопожертвованія, и всегда безъ надутости, безъ декламаций, среди жизни дѣятельной и военной. Сократъ сражается при Амфиполѣ, при Деліумѣ уноситъ на плечахъ своихъ Ксенофонта, низверженнаго съ лошади, заслуживаетъ при Потидеѣ награду за храбрость, и проводитъ остатокъ жизни своей въ Аѣнахъ среди народа, среди юности. Онъ рассуждаетъ, смѣется, подсмѣивается, изъясняетъ, и жизнь его есть безконечный разговоръ, который увеселяетъ Аѣнянъ, преобразуетъ и раздражаетъ ихъ. И вотъ однажды народъ сердится, возбужденный друзьями установленнаго общественного порядка, и осуждаетъ на смерть Сократа, *шута-страдальца* (scutgam Atticum, Цицеронъ, de Nat. Deor. Кн. I, глава 35), который «послѣ чаши цикуты долженствовалъ сдѣлаться великимъ человекомъ,» какъ говоритъ Сенека (cicuta magnum Socratem fecit, *epist. XIII*).

Нельзя довольно надивиться въ этомъ сынъ ваятеля самобытности его характера и его совершенной національности. Этотъ человѣкъ, умъ котораго такъ всеобщъ, посланіе коего объемлетъ цѣлый свѣтъ, носить на себѣ все признаки Эллинской общественности — это Греція, это Аѣны; онъ любитъ поэзію, музыку, ваяніе, красоту, любить говорить и разговаривать. И чѣмъ больше походить онъ на сво-

ихъ согражданъ, тѣмъ способнѣе онъ спорить съ ними и преобразовываетъ ихъ. Это новый геній, закрывшій себя одеждою Грека.

Но не должно-ли, чтобы въ изящной отчизнѣ Омира Философія облеклась во все эпическое величіе поэзіи? Здравый смыслъ сказалъ свое. Дѣло знанія запечатлѣлось добровольнымъ страдальчествомъ его; необходимъ художникъ, который привелъ-бы въ изящную форму эти безсмертные матеріалы. И Платонъ является, когда умираетъ Периклъ. Владычество литературное наследуетъ владычеству политическому.

Платонъ сосредоточиваетъ всѣ труды свои и жизнь свою подъ видомъ изложенія ученія Сократа. Онъ понимаетъ, что сдѣлавшійся великимъ и могущимъ послѣ своей смерти, Сократъ долженъ быть принятъ, какъ признакъ, типъ, полубогъ Философіи. И Платонъ влагаетъ все въ уста друга Алкивиадова, даже и то ученіе, которое могъ онъ заимствовать только въ таинствахъ Саиса. Если передаетъ онъ таинственное ученіе Востока, то излагаетъ его однакожъ подъ эгидою Сократа Аѳинянина, въ формахъ Омира, съ комизмомъ Аристофана.

Два разговора, созданные Платономъ въ юности его, показываютъ намъ, при самомъ началѣ его философіи, весь его литературный геній, во всемъ его объемѣ и во всѣхъ его противоположностяхъ. Мы говоримъ здѣсь о разговорахъ Платона: *Федонъ* и *Протагоръ*; въ первомъ видите величественный размахъ оды и эпопеи; во второмъ изящное увеселеніе высокой комедіи. И какъ было публикѣ Аѳинской не принять мудрости Платона, столь изящно одѣтой?

Изъясняя Платона, нельзя высказать его немногими словами. Укажемъ здѣсь только на мѣсто его въ Греческой философіи: онъ пробудилъ идеаль въ душѣ человѣческой, послѣ того, какъ Сократъ про-

будилъ въ челоувѣкъ *здравый смыслъ*. Среди различныхъ анархическаго полиѳеизма, Платонъ обратилъ Грековъ къ основному единству міра и бога. Пока Александръ готовился нести въ глубь Азіи умъ и оружіе Запада, Платонъ ввелъ въ Аѳины геній Востока, и какъ второй Кекропсъ, внесъ онъ вмѣстѣ съ нимъ въ Аттику *божественныя стихіи знанія* и общности.

Въ Стагирѣ, Греческой Фракійской колоніи, родился *Аристотель*, въ 1-мъ году 99-й Олимпіады. Отецъ его былъ знаменитый медикъ Никомахъ, находившійся въ большой милости у Аминта, царя Македонскаго, и написавшій нѣсколько сочиненій объ естествознаніи и медицинѣ. Оставшись сиротою въ малолѣтствѣ, Аристотель былъ одоженъ своимъ воспитаніемъ Проксену Атарнейскому. Но съ самаго начала, жизнь философа Стагирійскаго становится для насъ недостоверною и спорною. Нѣкоторые жизнеописатели его говорятъ, будто онъ буйно провелъ свою молодость, расточилъ отцовское наследство на вздорныя прихоти, былъ въ военной службѣ, потомъ пустился въ торговлю, и торговалъ лекарствами. Но Аѳеней, который вмѣстѣ съ Эліаномъ передаетъ намъ сіи извѣстія, прибавляетъ къ тому, что только Эпикуръ говорилъ такъ объ Аристотелѣ, и ни Эвбулъ, ни даже Кефисодоръ, не смѣли ничего подобнаго сказать о мудромъ Стагиридѣ, хотя и писали противъ его философіи (*Аѳеней, кн. VIII*). По другому преданію, съ 16-ти лѣтняго возраста Аристотель явился въ Аѳинахъ, и усердно предался въ училищѣ Платона изученію Философіи. Здѣсь оставался онъ двадцать лѣтъ, изучая систему идей своего учителя, и между тѣмъ не забывая медицины. Опять встрѣчаемъ мы историческія противорѣчія: говорятъ, будто-бы Аристотель былъ не любимъ Платономъ, за изысканность его въ одеждѣ и свое нравное, суровое направленіе его ума (*Эліанъ, кн. III*,

глава 19). Когда учитель Аристотеля ослабѣлъ съ лѣтами, онъ до такой степени надобдалъ ему, сбивая его затруднительными вопросами, что принудилъ отказатьсь отъ прогулокъ въ садахъ Академіи. Присовокупляють, что Ксенократъ, по возвращеніи своемъ изъ одного путешествія, жестоко упрекалъ за то Аристотеля, помирилъ его съ учителемъ, и даль средства Платону опять наслаждаться своимъ обыкновеннымъ гуляньемъ. Все это вовсе не любопытно, а еще болѣе не достоверно, но какъ воспрепятствовать, чтобы вздорныя сказки и выдумки не являлись въ жизнеописаніяхъ людей, обреченныхъ на безсмертіе? Когда скончался Платонъ, Аристотель сопутствуемый Ксенократомъ, удалился въ Атарнею и Ассось, къ Эрмію, философу и властителю двухъ этихъ городовъ, котораго зналъ онъ еще въ Аѣнахъ, учившись вмѣстѣ съ нимъ у Платона. Три года жилъ здѣсь Аристотель въ большой дружбѣ съ Эрміемъ, и послѣ несчастной смерти его, женился на сестрѣ его Пивіи. Съ нею переселился онъ на Мителень, и тамъ получилъ извѣстіе о выборѣ его Филиппомъ, царемъ Македонскимъ, въ воспитателя царевича сына, которому было тогда три года. Аристотель воспиталъ Александра. Онъ не послѣдовалъ за нимъ въ Азію и въ Индію, и когда Александръ отправился завоевать міръ, Аристотель возвратился въ Аѣны, гдѣ преподавалъ Философію въ Лицее. Это была эпоха зрѣлости его генія. Въ теченіе тридцати лѣтъ, онъ говорилъ, писалъ, составлялъ свои многочисленныя творенія, получая важныя пособія отъ Александра, который передалъ въ распоряженіе своего бывшаго учителя нѣсколько тысячъ челоуѣкъ, обязанныхъ по всему пространству Азіи собирать всякаго рода животныхъ, дабы, какъ говоритъ Плиній, ничто живущее не избѣжало знанія философскаго, ne quid usquam genitum ignoraretur ab eo (С. Plinii, Hist. nat. кн. VIII, гл. 17). Не до конца со-

хранялъ однакожь Аристотель милостивое расположеніе Александра, который въ послѣдніе годы жизни своей жаловался Кассандру, сыну Антипатра, на софизмы Аристотеля, равно доказывающія и опровергающія одно и то же (*Плутархъ, жизнь Александра, глава XXXVI*). Тогда нелъпая клевета обвинила Аристотеля, будто онъ оскорбился словами своего ученика, и совѣтовалъ Антипатру отравить Александра. Достоверно однакожь, что Аристотель удалился изъ Аѣнъ. Причины не знаемъ. Говорятъ, будто, когда спрашивали у него, онъ отвѣчалъ: «Не хочу сдѣлать Аѣнчанъ въ другой разъ виновными въ смерти философа» (*Эліанъ, кн. III, гл. 36*). Сомнительно однакожь, чтобы Аристотель бѣжалъ, страшась обвиненія въ безбожій своего учениа. Ложно также мнѣніе, что онъ отравилъ самъ себя, боясь неизбѣжнаго осужденія своей философіи. Онъ умеръ естественною смертію въ Халцисѣ, среди учениковъ, слѣдовавшихъ за нимъ въ мѣсто его новаго пребыванія.

Въ порядкѣ идей Греческой Философіи, Аристотель составлялъ новое развитіе. Философія имѣла, въ немъ изъяснителемъ не Аѣнчанина, но Фракійскаго урожденца, у котораго, ни въ характерѣ, ни въ писаніяхъ не было ничего Аѣнскаго національнаго. Аристотель могъ просить у Филиппа и у Александра возстановленія города, гдѣ родился, но оставивъ его 16-ти лѣтъ, онъ никогда не возвращался въ него, какъ Гете не возвращался во Франкфуртъ. Послѣ здраваго смысла, послѣ идеала, является въ Аристотель *всеобщность*, и органомъ ея дѣлается челоуѣкъ, чуждый Аѣнчянъ и Пелопонезу, такъ, какъ въ исторической литературѣ Греческой былъ Иродотъ, уроженецъ Аликарнасскій, музы котораго образилъ всеобщую исторію, противопологами свое Азійское происхожденіе Аѣнскимъ твореніямъ Фукидида и Ксенофонта.

Наследуя Сократу и Платону, Аристотель имѣлъ обязанностью, и нашель въ себя силы обнять всеобщность вещей. Онъ навѣки утвердилъ науку и философію. Подлѣ теоріи идей Платоновыхъ, онъ поставилъ критику разумнаго, въ которой отличилъ знаніе и умственность отъ мнѣнія и сужденія. Это была истинная анатомія разума. Общественный человекъ не менѣе увлекаетъ вниманіе философа Стагирійскаго; *сто пятьдесятъ восемь* конституцій различныхъ странъ Греціи и Италіи, собранныхъ имъ, свидѣтельствуютъ рѣшимость его — не утверждать и не заключать ничего, пока все будетъ имъ предварительно изучено. Это сравнительная критика политическихъ установлений. Наконецъ, своими зоологическими трудами, изъ которыхъ исторія животныхъ составляетъ только малую часть, Аристотель овладѣваетъ природою, и начинаетъ науку Кювье и Жоффруа Сентъ-Илеровъ. Слѣдуйте за Аристотелемъ повсюду, въ критикѣ искусства, поэзіи, краснорѣчія, какъ равно въ критикѣ отвлеченнаго человека, общества и природы — вездѣ найдете вы столько же вѣрности, сколько величины объема, и глубины не менѣе тонкости. Это изумительный *приводитель къ всеобщности* (*généralisateur*). Сквозь факты, проникаемые имъ вездѣ, возвышается онъ къ истиннымъ формуламъ и обильнымъ выводамъ; отъ дѣйствительности, которая у него передъ глазами, и отъ своихъ опредѣленій, онъ переходитъ къ невидимому и стройному всеобщему. Въ Аристотель преимуществуетъ не частность человека: онъ *весь міръ*, но міръ изъясненный, міръ понятой.

И за то, какая укрѣпляющая пища для ума Аристотелевъ *перипатетизмъ*! Здѣсь изучаете вы нагое сужденіе и чистое разумнѣе, слѣдуете за сдѣланными явленіями природы и идей человѣческихъ, и на концѣ ихъ находите лицомъ къ лицу съ этою высшею формулою, которая составляетъ последнее заключеніе

метафизики Аристотеля: «*Первое Начало есть вѣчная мысль, существенный характеръ которой быть мыслию мыслей.*» Съ Стагирійскимъ мудрецомъ — занавѣсы падаютъ передъ вами, оболщенія исчезаютъ, слабости и суевѣрія умственные невозможны, и если вы хоть немного допущены въ знакомство съ основателемъ Лицея, вы можете сказать, какъ философъ, сокрывшій мудрость свою подлѣ одеждою нѣжной и гармонической поэзіи:

Felix qui potuit rerum cognoscere causas,
Atque metus omnes et inexorabile fatum
Subiecit pedibus, strepitumque Acherontis avari.

Съ нѣкотораго времени, снова начали заниматься во Франціи Аристотелемъ, съ ученымъ безпристрастіемъ, достойнымъ просвѣщенной эпохи современнаго знанія. Излишне говорить, какъ долго знаменито было въ мірѣ имя мудреца Стагирійскаго. Ни чье имя не получало такого обожанія, не подвергалось такимъ ругательствамъ. Арабы, Схоластика Среднихъ Временъ, нападенія Рамуса во Французскомъ Коллегіумъ, судебный приговоръ Парижскаго Парламента, переворотъ, сдѣланный Декартомъ, забавныя шутки Мольера — все это, соединенное съ однимъ именемъ, кажется, значить какую нибудь славу. Нынѣ Аристотель долженъ составлять, и составлять, предметъ великаго вниманія нашего. Въ Германіи, ученость и систематическая философія занимаютъ имъ непрерывно. Во Франціи уже явились и еще скоро явятся многія сочиненія, гдѣ вполне видимъ мы весь Аристотелевскій перипатетизмъ. Г-нъ Кузенъ, съ такимъ блескомъ показавшій намъ опыты истинной исторіи Философіи, возымѣлъ особенно счастливую мысль — приложить къ изученію Аристотеля средства и пособія академическія, находящіяся въ его распоряженіяхъ. Въ 1833 году, онъ предложилъ на конкурсѣ Академіи нравственныхъ и политическихъ знаній критическое изслѣдованіе *Метафизики* Ари-

тотелевой. Конкурсъ этотъ произвелъ два замѣчательныя литературныя явленія: сочиненіе Берлинскаго профессора Мишеле, и другое, которому была отдана первая награда, сочиненіе г-на Равессона, показавшее намъ счастливое начало трудовъ молодаго ученаго чело-вѣка. Въ 1835 году, г-нъ Кузенъ объявилъ второй конкурсъ Академической, сдѣлавши предметомъ его Organum Аристотеля. Награду за рѣшеніе получилъ на сей разъ г-нъ Бартеlemi Сентъ-Илеръ. Не переходя еще къ новому труду сего почтеннаго ученаго, упомянемъ о превосходномъ отчетѣ, какой отданъ былъ г-мъ Кузеномъ, касательно конкурса академическаго 1833 года, объ его переводѣ первой книги Аристотелевой *Метафизики*, и о томъ, что онъ готовитъ еще переводъ 12-й книги того же сочиненія.

Но Аристотель воспламенилъ между нами особенное честолюбіе молодаго ученаго, о которомъ сей часъ мы упомянули. Состязавшись съ честію въ изысканіи одного изъ важныхъ Аристотелевыхъ твореній, онъ рѣшился потомъ посвятить огромный трудъ на воздвиженіе памятника Стагирійскому мудрецу, переводомъ всѣхъ его сочиненій на Французскій языкъ. Этотъ смѣлый ученый началъ теперь свое обширное предпріятіе изданіемъ перевода Аристотелевой *Политики*. Нельзя довольно изъяснить уваженія и признательности за рѣшительную волю г-на Б. де-Сентъ-Илера, съ какою начинаетъ онъ поприще продолжительное и трудное, и примѣръ его можно выставить многимъ литераторамъ, которые съ привязчивою лѣнностью соединяютъ только раздражительное самолюбіе, не умѣющее рѣшиться ни на что важное.

Начало труда г-на де С. Илера любопытно уже и тѣмъ, что представляетъ намъ одинъ изъ прекрасныхъ памятниковъ Древности въ новомъ порядкѣ. *Восемь книгъ* Аристотелевой *Политики* являются теперь въ систематическомъ расположеніи, различномъ отъ всѣхъ прежнихъ изданій. Занимавшись

нѣкогда, съ возможною тщательностію, важнымъ и ученымъ твореніемъ Аристотеля, и около шести лѣтъ тому, стараясь даже опредѣлить мѣсто его въ ряду великихъ людей, мысленіе которыхъ было полезно чело-вѣческой общественности (*Philosophie du droit*, т. II, кн. 4, *философы*, глава 2-ая: *Аристотель*), мы имѣемъ нѣкоторое право судить о достоинствѣ перемѣны, сдѣланной г-мъ С. Илеромъ въ расположеніи Аристотелевой книги. Признаемся, что находимъ ее, съ своей стороны, превосходною, и скажемъ, что прочитывая теперь вновь твореніе Аристотеля, въ переводѣ г-на С. Илера, мы испытали новое удовольствіе отъ правильности и вѣрности его системы. По слѣдамъ Сканно да-Сало, трудившихся въ концѣ XVI-го столѣтія, и особливо подражая изслѣдованіямъ Конринга, Гельмштедскаго ученаго, котораго труды были однакожъ ему неизвѣстны, г-нъ С. Илеръ прибавилъ собственные наблюденія къ изученію предшественниковъ, глубокомысленно занимался системою раздѣленія Аристотелевой книги, и съ пособіемъ превосходной критики, въ убедительномъ разсужденіи своемъ, вывелъ онъ безспорно слѣдующее: 1-е, что нынѣшній порядокъ текста Аристотелевой книги противенъ логическому порядку идей, и отъ того является она какою-то неполною и обезображенною; 2-е, что при *перестановкѣ* трехъ книгъ, она принимаетъ порядокъ совершенно логической, и дѣлается совершенно полною. Необходимость сей перестановки показывается и совершенно утверждается многими, и можно сказать, неопровержимыми доказательствами, выводимыми изъ сличенія текстовъ, подтверждаемаго строгою логикою и авторитетомъ самого Аристотеля; 3-е, извѣстно достовернымъ образомъ, что творенія Аристотеля, мало вѣдомыя, по той, или другой причинѣ, до времени Помпея, были снова изданы въ то время, и приведены въ порядокъ рукою неискусною. И другія творенія Аристо-

теля, кромѣ его *Политики*, носятъ на себѣ слѣды беспорядка, не менѣ очевидные. 4-е, Все заставляетъ полагать, что раздѣленіе на *восемь книгъ*, существовавшее уже во времена Діогена Лаэртія, не принадлежитъ самому Аристотелю, но сдѣлано было Андроникомъ Родосскимъ, его издателемъ; 5-е, что настоящій порядокъ творенія Аристотеля есть слѣдующій: книги I, II, III, VIII, VIII, IV, V и VI-я.

Мы поздравляемъ г-на С. Илера, что онъ не колебался слѣдовать сему новому систематическому расположенію въ изданіи Греческаго текста и въ переводѣ. Отнынѣ выводы Аристотеля представляются для новыхъ читателей въ послѣдовательной ихъ простотѣ, одномъ изъ качествъ его великаго генія. Для тѣхъ, кто уже знакомъ съ политическою мудростью Перипатетиковъ, пріятно будетъ знакомство съ новымъ, такъ сказать, Аристотелемъ, болѣе методическимъ, болѣе правильнымъ, тѣмъ болѣе, что переложеніе Греческаго текста новымъ переводчикомъ, читаете съ наслажденіемъ истинно изящнымъ. Вѣрный безъ принужденія, точный безъ тяжести и безъ утомительности, г-нъ С. Илеръ соединилъ въ себѣ знаніе филолога съ искусствомъ и вкусомъ писателя. Читая трудъ его, узнаете молодого человека, у котораго природное дарованіе укрѣплено обширнымъ ученіемъ. Надѣмся, что не оскорбимъ почтеннаго переводчика, просьбою нашею — обратить вниманіе, когда онъ будетъ пересматривать обширный трудъ свой, на небольшія несовершенства, которыя замѣтны кое-гдѣ, при особенной, тщательной исправности цѣлаго и изящной отдѣлкѣ слога вообще. Для столь легкихъ исправленій, указанія и совѣты людей знающихъ не будутъ ему бесполезны, тѣмъ болѣе, что никто не откажетъ г-ну С. Илеру въ похвалахъ — почетномъ и заслуженномъ награжденіи его безкорыстныхъ и важныхъ занятій.

Политика была необходимымъ предметомъ умозрѣній для ума Грековъ, столь обильнаго въ изслѣдованіяхъ и теоріяхъ, въ системахъ и наблюденіяхъ. Такимъ образомъ, одни изъ Греческихъ мыслителей создали себѣ идеальныя государства, и старались возвыситься до идеала политическо-правственной красоты. Другіе излагали критическую исторію известныхъ конституцій, и старались извлечь изъ нея полезныя уроки. До Платона и Аристотеля многіе уже писали о Политикѣ. Г-нъ С. Илеръ собралъ въ своемъ предисловіи главнѣйшія имена политической литературы Грековъ. Здѣсь видимъ, что *Эпименидъ* издалъ сочиненіе о Критской конституціи; *Протагоръ* Абдерскій написалъ книгу о государственномъ управленіи (*de la République*); *Архитъ* Тарентскій разсуждалъ о законѣ и правосудіи; *Критонъ*, другъ Сократа, сочинилъ два разсужденія, одно о законѣ, другое названное имъ: *Политика*. Можемъ еще привести имена: *Симона*, башмачника, писавшаго о демагогіи, *Антисвоени*, *Спевипта*, *Ксенократа* Халкидонскаго. Кромѣ всего этого, лучшимъ доказательствомъ обилія политической философіи Грековъ до Аристотеля могутъ быть слова самого Стагирійскаго философа: Между людьми, излагавшими систему наилучшей политической конституціи, одни никогда не занимались общественными дѣлами, и были только простыми гражданами. Мы привели все, что въ ихъ твореніяхъ заслуживаетъ нѣкоторое вниманіе. Другіе были законодателями, или собственною своею землею, или чужеземныхъ народовъ, и лично были правителями. Между ними, одни составляли только законы, а другіе основывали также и самыя государства» (*Политика* Аристотеля, кн. II, глава 9).

И такъ, для Грековъ, умъ былъ наилучшимъ архитекторомъ общества, и геній философскій казался имъ естественно призваннымъ для управленія государствъ. Съ какимъ тщаніемъ, въ последнее время

Древности, Элианъ собиралъ имена философовъ, участвовавшихъ въ политической жизни обществъ! Первыми въ числѣ ихъ, говоритъ онъ (кн. III, глава 17), были Залевкъ и Харондъ, преобразившіе, первый правленіе Локрійцевъ, второй Катанійцевъ, и потомъ, когда его изгнали изъ Катаны, обитателей Регійскихъ. *Архитъ* съ пользою служилъ Тарентійцамъ; Аѳиняне всѣмъ были одолжены *Солону*; *Віасъ* и *Фалесъ* оказали большія услуги Іонійцамъ, *Хилонъ* Лакедемону, *Питтакъ* Митилену, *Клеовуль* Родосу; *Анаксимандру* было поручено предводить колонію, которую Милезійцы послали въ Аполлонію; *Платонъ* возвратилъ въ Сицилію Діона; *Сократъ* смѣло отказался отъ сообщества тридцати тирановъ Аѳинскихъ. Станутъ ли спорить, что Перикль, сынъ Ксантиппа, Эпаминондъ, Фокіонъ, Аристидъ, Эфіальтъ, не были истинными философами? Что иное скажемъ и о *Критоланъ* и *Карнеадъ*, жившихъ долгое время послѣ того спуста? Ихъ посольство въ Римъ, куда были они отправлены Аѳинянами, спасло республику. Они, такъ хорошо умѣли расположить Сенатъ въ пользу свою, что Римляне говорили: «Аѳиняне прислали къ намъ такихъ пословъ, которые не убедили, но принудили насъ сдѣлать все, что было имъ угодно.» Такъ, Элианъ, жившій во времена Геліогабала и Александра Севера, то есть, послѣ совершеннаго затмѣнія философскаго генія и полнѣической политики, утѣшался, бывши въ Римѣ, который рѣдко оставлялъ онъ, собраніемъ въ своихъ сочиненіяхъ славныхъ воспоминаній о Греческой мудрости....

Аристотель предположилъ въ своей *Политикѣ* приложить воззрѣнія умственные къ благополучію общественному. Наблюдая факты общественности, съ такою-же великою способностью, какъ и явленія природы, онъ говоритъ, что «Политика не создаетъ людей, но беретъ ихъ просто, какими ей передаетъ ихъ природа» (*Политика*, кн. I, стр. 59). Утвер-

ждаясь на сущности дѣйствительнаго бытія обществъ, онъ не отвергаетъ нововведеній необходимыхъ. «Нововведенія» (*ibid.* кн. II, гл. V, 153, 453), говоритъ онъ — были полезны всякимъ знаніямъ, медицинѣ, свергнувшей свои старинныя предрассудки, гимнастикѣ, и вообще всѣмъ искусствамъ, гдѣ дѣйствуютъ способности человѣческія; и поелику Политика также должна занять мѣсто между знаніями, очевидно, что такое правило прилагается и къ ней»... «Человѣчество вообще должно искать, не того, что древне, но того, что хорошо»... «Разумъ говоритъ намъ, что писанныя законы не должны быть сохраняемы безъ всякихъ переменъ. Но съ другой стороны потребно особенное благоразуміе въ переменѣхъ.» Изслѣдованіе, дѣйствительность, постепенность въ измѣненіи, и во главу всего мудрость — вотъ вся *политика* Аристотеля.

Аристотель не колеблется положить въ основаніе ту мысль, что связь всякаго общества есть взаимная польза членовъ его. Онъ рассматриваетъ потомъ стихіи государства, какъ общества, которое состоитъ изъ соединенія многихъ селеній, подобно тому, какъ селеніе составляется изъ соединенія многихъ семействъ. Такимъ образомъ, государство происходитъ изъ законовъ природы чловѣка, какъ всѣ чловѣческія общества, въ которыхъ государство есть окончательная степень совершенства политическаго. Такимъ образомъ, чловѣкъ по природѣ общественнъ, и кто остается дикимъ и не общественнымъ, по организациіи своей, или по особеннымъ причинамъ, тотъ долженъ быть, или ниже, или выше чловѣка вообще. Государство естественно выше семейства и выше чловѣка, частно рассматриваемаго.

Здѣсь Аристотель образуетъ свою теорію естественнаго невольничества, столь извѣстную, и столь много разъ критикованную. Потомъ переходитъ онъ къ теоріи владѣній собственностью, и поддерживаетъ

права частных владѣльцовъ, противъ мнѣній Платона объ общности имѣній частныхъ. Послѣ теоріи собственности излагаетъ онъ различные роды пріобрѣтеній, осуждаетъ лихву, которую называетъ деньгами, происходящими отъ денегъ, и самымъ неестественнымъ изъ всѣхъ человѣческихъ пріобрѣтеній. Жизнь гражданская и домашняя ведутъ философа къ жизни политической.

Надобно замѣтить историческую методу Аристотеля: прежде изложенія принадлежащихъ ему собственно идей, онъ начинаетъ разсматривать и критиковать сдѣланное по сей части его предшественниками, и разбираетъ извѣстныя, уже существующія конституціи. Съ одной стороны система Платона, мнѣніе Фалеса о равенствѣ имѣній, идеальная республика Ипподама Милетскаго, съ другой конституціи Лакедемона, Крита, Карфагена, Афинъ, законы Залевка, Харонда, Ономакрита, Филолая, Дракона, Питтака, Андрома Регійскаго, дѣлаются предметами превосходныхъ изслѣдованій, которыя передаютъ намъ въ одно время и познаніе Древности, и сужденіе объ ней высшаго ума философскаго. Вторая книга *Политики* заключаетъ въ себѣ исторію Греческой обществённости, какъ по существовавшимъ въ ней конституціямъ, такъ и по идеямъ, которыя занимали мудрецовъ и публицистовъ Греціи.

Отличительная черта общественнаго человѣка, говоритъ Аристотель, есть право суда и власти. Слѣдуетъ, что гражданская принадлежность есть право на власть. Но не должно, продолжаетъ Аристотель, давать этого права всѣмъ людямъ, которые необходимы въ составъ общества. Установленія обществъ бываютъ различны, и роды гражданъ должны быть таковы-же. Если есть много различныхъ политическихъ уставовъ, то надобно узнать, сколько именно ихъ, и какія свойства и различія? Основаніе всѣхъ различій въ томъ, что установленія, имѣющія въ виду общую

пользу, суть истинныя и справедливыя, а всѣ, имѣющія целью частную корысть, суть измѣненія добрыхъ уставовъ на вредныя. Установивъ сіе правило, Аристотель находитъ три главные рода правительствъ: единовластіе, многовластіе, всевластіе, монархію, аристократію, республику, отъ конхъ измѣненія суть тираннія, олигархія, демагогія. И такъ власть въ обществѣ должна принадлежать, или всѣмъ, или избраннымъ, или единому, превосходящему всѣхъ. Критически разбирая принадлежность власти во всѣхъ трехъ родахъ, Аристотель полагаетъ основаніемъ, что «власть должна принадлежать законамъ, утвержденнымъ на разумъ», и выводитъ отсюда основное правило, утвержденное потомъ Монтескье, что «законы всегда должны сообразоваться съ природою государства». Въ слѣдствіе сего, законъ есть владыка, а правители суть только охранители и исполнители его. Наилучшія установленія суть тамъ, гдѣ есть лучшие исполнители ихъ. Наилучшее правленіе есть то, гдѣ исполнители умѣютъ повелѣвать, а всѣ остальные повинуются, руководствуясь добромъ въ уставахъ и общимъ благомъ въ исполненіи ихъ.

Но какое однакожъ есть совершеннѣйшее общественное установленіе? Аристотель опредѣляетъ для этого сначала главную цель жизни человѣчества. Цель эта *благополучіе*. И совершеннѣйшее государство будетъ то, гдѣ каждый человѣкъ можетъ, при покровительствѣ законовъ, быть увѣреннымъ въ своемъ благополучіи, когда онъ добродѣтеленъ. Высшая цель жизни общественной, неизбежно, также, для человѣка, частно взятаго, какъ и для всѣхъ людей и государствъ вообще — *благополучіе*. Но и для человѣка частно, и для государства, всегда соразмѣряется оно съ ихъ добродѣтелью и разумніемъ, и состоитъ въ свободной дѣятельности. Для этого, государство должно быть устроено гармонически. Справедливая соразмѣрность для политическаго общества

явно состоитъ въ наибольшемъ количествѣ гражданъ, способныхъ удовлетворить потребностямъ своего существованія, но не столь однакожъ многочисленныхъ, чтобы за ними нельзя было правительству имѣть надзора. Наилучшая страна та, которая наиболее упрочиваетъ независимость государства, и наиболее доставляетъ всѣхъ родовъ произведеній. Положеніе города должно быть равно хорошо, и съ моря и съ сухаго пути. Море даетъ тогда средства ввозить все, чего не достаетъ дома, и вывозить то, что есть въ излишкѣ. Морская сила должна быть соразмѣрна политическому развитію государства.

Любопытно здѣсь приложеніе теоріи къ практикѣ, гдѣ въ Аристотель говоритъ Древній и Грекъ, доказывая словами своими, что практика постепенно можетъ и должна измѣняться. Народы, обитающіе въ климатахъ холодныхъ, или Европейцы, вообще мужественны, говоритъ Аристотель, но слабы въ разуміи и промышленности, и если могутъ охранять свою независимость, за то политически остаются нестройны, и не могутъ покорять себя своихъ сосѣдей. Въ Азіи, напротивъ, народы умственны, способны къ искусствамъ, но у нихъ нѣтъ храбрости, и потому остаются они въ вѣчномъ порабощеніи. Греческое поколѣніе, которое географически есть среднее, соединяетъ въ себѣ качества всѣхъ другихъ народовъ Европы и Азіи, обладаетъ умомъ и храбростью, умѣетъ охранять свою независимость, и способно къ благополучію политическому. «Если бы Греки соединены были въ одно государство, они покорили-бы міръ.»

Здѣсь гордый, хотя и мудрый, но ограниченный современною практикою, Грекъ говоритъ о своей странѣ, почитая все остальное варварскими землями. Замѣчательно впрочемъ, что наставникъ Александра не терпѣлъ войны. Онъ жалуется, что самыя хваленыя Греческія конституціи являются въ основаніи

своимъ такими, будто учредители ихъ думали не о высшемъ благѣ человечества, и направляли законы и воспитаніе, не къ произведенію добра, но только къ возбужденію эгоизма и честолюбія. Аристотель, порицая конституцію Лакедемона, обращенную основателемъ только къ войнѣ и завоеванію. Надобно ли лучшее доказательство на то, что философствуя искренно, Аристотель не думалъ льстить своему великому воспитаннику? И между тѣмъ, завоеванія Александра славили Грецію, и покоряли ей полъсвѣта, когда Аристотель философствовалъ въ Лицѣ.

Тролякъ можетъ быть чловѣкъ добродѣтельный и добрымъ — говоритъ Аристотель — по природѣ, по правамъ, по разуму. Надобно, чтобы все это было сгармонировано между собою, и чтобы разумъ не боролся съ природою и правами, полагая, что это ихъ отягощаетъ его. Этимъ выводомъ Аристотель переходитъ къ воспитанію, но предварительно говорить онъ о супружествѣ, устанавливая возрастъ для него, женщинъ въ 18-ть, а мужчинъ около 36-ти лѣтъ. Онъ входитъ въ любопытныя подробности, касательно исторіи правовъ, беременности женщинъ, оставленія уродливыхъ дѣтей, что было общимъ правиломъ въ Греціи, также говоритъ о пищѣ дѣтей и ихъ первыхъ годахъ.

Воспитаніе должно быть однимъ изъ главныхъ попеченій законодателя. Поскольку цѣлое государство должно имѣть одну и одинакую цѣль, воспитаніе необходимо должно быть сгармонировано для сей цѣли во всѣхъ состояніяхъ. Следовательно, оно должно быть надзираемо правительствомъ, а не доверяемо произволу каждаго частнаго чловѣка. Аристотель скорбитъ, что въ его время въ Греціи держался противной системы, и всякій учить у себя дѣтей, какъ ему заблагоразсудится. Чувство патріота соединяется здѣсь съ теоріею мудреца: дѣти наши принадлежать государству, говоритъ Аристотель, ибо

составляют его, а будучи его стихіями, они должны подчиняться и общимъ законамъ для его блага.

Въ пятой книгѣ, которая вообще весьма кратка, рассуждая о воспитаніи, Аристотель говоритъ о музыкѣ, которую называетъ подражаніемъ нравственнымъ чувствамъ. Мы обращаемъ на это вниманіе всѣхъ, занимающихся исторіею музыки и поэзіи, ибо они увидятъ здѣсь изъясненіе трехъ родовъ пѣнія, которые были извѣстны Грекамъ, причины, по которымъ были у нихъ въ презрѣннѣ Флейта, и похвалы Дорійской гармоніи.

Послѣ разсужденія о воспитаніи, философъ обращается къ главному тезису своему, сужденію о совершеннѣйшемъ политическомъ образованіи. Недовольно, говоритъ онъ, придумать совершеннѣйшее образованіе государства — надобно, чтобы оно было исполнимо, легко прилагася и обще для всѣхъ. Государственный человекъ долженъ быть способенъ улучшить организацию существующаго уже государства, а это невозможно, если не изучилъ онъ основныхъ началъ всеобщей политики. Аристотель принимается здѣсь за изученіе конституцій, и совершенно передается изслѣдованію политическихъ фактовъ. Великій разумъ его является въ полной высотѣ. Средина и конецъ *Политики* Аристотелевой обозначаются здѣсь тремя теоріями — теоріею среднихъ званій гражданъ, трехъ гражданскихъ властей и гражданскихъ переворотовъ. Всѣ идеи, заключающіяся въ сихъ трехъ теоріяхъ, могутъ быть поставлены въ числѣ самыхъ достопамятныхъ подвиговъ человѣческаго мысленія, и опыты новѣйшихъ временъ только подтверждаютъ умствованія Стагирійскаго мудреца. Жальемъ, что не можемъ передать ихъ здѣсь, хотя кратко, какъ великій историческій урокъ, столько же полезный для людей государственныхъ, сколько важный для изслѣдователей бытописаній древняго міра.

Сображая всѣ Греческія государственныя постановленія, Аристотель находитъ, что они суть ничто иное, какъ распредѣленія власти между всеми согражданами, или по частной ихъ важности, или по основаніямъ общаго равенства, то есть, что при общихъ правахъ, власть равно отдается богатымъ и бѣднымъ. Въ слѣдствіе сего, установленія будутъ столько же многообразны, сколько многообразны уравнинія превосходства и различія между частями государства.

Ошибочно полагать исключительно демократію по власти большаго числа, ибо и въ олигархіи также большинство властвуетъ. Но справедливѣе сказать, что демократія тамъ, гдѣ власть относится ко всѣмъ, а олигархія тамъ, гдѣ она принадлежитъ богатымъ.

Есть много родовъ демократіи и олигархіи. Первый родъ демократіи тотъ, гдѣ богатые и бѣдные, по закону, уравнины въ преимуществахъ, и власть не передается исключительно ни тѣмъ, ни другимъ. Второй родъ демократіи, гдѣ общественныя должности принадлежать отдѣльному числу участниковъ. Третій, когда всѣ достигаютъ власти и правительства, но властвуетъ надъ всѣми законъ. Иногда при семъ случаетъ потребно бываетъ извѣстное званіе исключительно, а иногда переносится сіе условіе ко всѣмъ.

Но тогда народъ дѣлается самовластителемъ, сбрасываетъ власть законовъ, деспотствуетъ, и такая демагогія тоже къ демократіи, что беззаконная тиранія къ законной монархіи. Являются одинакіе недостатки, одинакое паденіе добра, одинакія средства разврата. Здѣсь нѣтъ уже общества, ибо общество существуетъ только при законѣ. Демагогъ народа и льстецъ тирана совершенно одно и тоже, ибо первый льститъ уничтоженію власти, а другой злоупотребленію власти, и послѣдній еще извинительнѣе перваго, ибо передъ нимъ существуетъ хотя призракъ закона, а демагогъ и его не имѣетъ передъ собою.

Но зло вторгается всюду многими частными ограничениями. Так и при четырех вышеозначенныхъ условіяхъ обществъ, вскорѣ находятъ средства уничтожать и обезсилить ихъ. Для перваго рода демократической олигархіи устанавливается, напимвръ *ценсъ*, въ слѣдствіе коего бѣдные не могутъ пользоваться преимуществами, не имѣя достаточнаго числа дохода и имѣнія. При второй демократіи, кромѣ *ценса*, предоставляется допускаемымъ къ выбору выбирать изъ среды себя. Третья демократія всего чаще предполагаетъ наслѣдованіе должностей, а въ четвертомъ родѣ присовокупляется къ тому и власть судей перемѣнять законы.

Упомянувъ о томъ, что есть еще республики аристократическія, простонародныя, даже тиранническія, Аристотель слѣдуетъ далѣе въ сущность предмета.

Особенное отличіе демократіи есть мысль о равенствѣ, олигархіи мысль о передачѣ власти богатству, а аристократіи дарованію. Сія три преимущества, оспориаемыя одними званіями у другихъ, составляютъ вѣчное бѣдствіе обществъ. Вникая въ условія предмета, Аристотель обращаетъ вниманіе законодателей на посредствующія, среднія званія, и здѣсь то мудрость совѣтовъ его можно назвать неизмѣнною для всѣхъ временъ и народовъ.

Не будемъ излагать слѣдующихъ за тѣмъ мыслей Стагирійскаго философа о трехъ родахъ власти — законодательной, исполнительной и судебной, мыслей, которыя Монтескьё (*Esprit des Lois*, кн. XI, гл. 6.) несправедливо приписываетъ новѣйшему времени. Онѣ принадлежатъ Аристотелю. Здѣсь особенно любопытно окончаніе книги шестой, долженствующее составлять чтеніе cadaго государственнаго чловѣка и законодателя. Обратимся къ вѣковымъ урокамъ Аристотеля, которые излагаетъ онъ далѣе, разыскивая причины переворотовъ и междоусобій въ обществахъ.

Когда оружіе Александра въ Азіи давало новый видъ и новыя отношенія современности, Аристотель размышлялъ въ Аѣинахъ о миновавшихъ событіяхъ древняго міра. Многочисленные перевороты, безчисленныя междоусобія, потрясавшія всю землю и государство Эллады, совокупно отражались въ идеяхъ философа, и въ первый еще разъ умъ чловѣческой привелъ въ теорію, и исторгнулъ изъ мнимаго безпорядка мгновенныхъ событій великія, неизмѣнныя истинны. Такому исследованію надлежало окончить твореніе Аристотеля, философіи его возвыситься тѣмъ до поэзіи, и методъ его перейти въ образы дѣйствительной жизни.

Главная причина всего, по мнѣнію Аристотеля, состоитъ въ несовершенствѣ установленной чловѣческихъ: всѣ политическія системы стремятся къ идеалу и не достигаютъ его. Такъ мысль о равенствѣ, философически разсматриваемая, дѣлается невозможною въ практическихъ приложеніяхъ, хотя на ней основываются всѣ теоріи республиканскихъ обществъ. Демагогія всегда является изъ того именно, что хотѣли сдѣлать всеобщимъ и доступнымъ для всѣхъ членовъ общества, а олигархія торжествуетъ, если существующее уже неравенство думали уравнивать закономъ мнимаго равенства между всеми.

За тѣмъ являются личныя ненависти къ лицамъ, и требованія однихъ уничтожить преимущества и власть другихъ. Такъ Лизандръ старался разрушить въ Спартѣ власть царей, а Павзаній эфоровъ. Такъ возникли пагубныя раздоры въ Этіи, Дельфахъ, Митилени, Эпидамнѣ, Фокидѣ.

Наконѣцъ слѣдуютъ гибельныя страсти людскія — честолюбіе, жадность богатствъ, самолюбіе, и часто гибельная зависть, преслѣдуя даже самую высокую добродѣтель и дарованія властителей, которыхъ думаетъ замѣнить собою.

Въ заключеніе, Аристотель говоритъ о необузданномъ своеволіи людей, которымъ нѣчего терять при переворотахъ, и которые все думаютъ найти при раздорѣ и междоусобіи.

Но изслѣдованіе причинъ гибели общественной было-бы недостаточно, если бы умъ нашъ не находилъ средствъ отвращать ихъ. Здѣсь также нельзя не удивляться глубокомыслію и проницательности Аристотеля. Положивъ въ основаніе *законъ* и *охраненіе* его, онъ вполне излагаетъ и подтверждаетъ опытомъ подробности, какія выводятся изъ общаго начала.

Можно-ли упрекать послѣ сего, послѣ такихъ выводовъ и заключеній Стагирійскаго мудреца, если сообразивъ свои положительныя, практическія изслѣдованія, онъ противопологалъ ихъ мечтаніямъ объ идеалахъ Платона, и давалъ мѣсто насмѣшкѣ, говоря, какъ о небылицѣ, объ его *системѣ чиселъ* въ общественной Политикѣ? И надобно было Аристотелю позволить себѣ нѣкоторую гордость, когда стилемъ своимъ начертывалъ онъ послѣднія строки своей *Политики*. Мыслію своею возвышался онъ тогда надъ человеческимъ обществомъ и историческими событіями. Передъ нимъ протекли въ идеяхъ всѣ установленія людскія, какія только были извѣстны съ самаго начала общенности. Міръ нравственный сдѣлался ему такъ же знакомъ, какъ міръ вещественный, человекъ сдѣлался близокъ къ нему, какъ природа. Аристотель-мудрецъ ни отъ кого не зависѣлъ тогда, ни отъ Аѳинскаго народа, ни отъ Македонскаго владыки. И въ самомъ дѣлѣ, кажется, онъ стоялъ тогда безстрастнымъ среди страстей, неподвластнымъ между властями. Онъ говорилъ о благополучіи человека, о благѣ закона, о цѣли общественной жизни, и не былъ на то время, ни подданнымъ царя Македонскаго, ни гражданиномъ Аѳинскимъ. Истина, единая истина была ему закономъ, міръ

былъ ему отечествомъ, и разумъ былъ его владыкою.

Такъ создають для вѣковъ. И книга Аристотеля до нынѣ должна почитаться одною изъ книгъ, всегда прилагаемыхъ къ дѣйствительности. Практическій преимущественно, Аристотель является теоретикомъ обширностью своей практики и пишетъ для всѣхъ. Всѣмъ хочетъ онъ добра, и вѣрить, что каждый можетъ быть возвышенъ закономъ и воспитаніемъ на полную степень существа разумнаго, и пользоваться участкомъ блага, который судилъ ему на земляхъ Богъ.

Намъ приходило на мысль: почему не подумаемъ мы сдѣлать мудрости Древнихъ доступною для общаго разумнія? Для чего оставляемъ мы гибнуть эти сокровища въ рамкахъ схоластики, доступными только въ училищахъ, и строимъ свои системы и мечты, не спрашивая, не упражнялся-ли уже умъ человеческій надъ рѣшеніемъ тѣхъ вопросовъ, которые пытается онъ разрѣшить въ наше время? Выикаи великимъ совѣтамъ и строгой опытности Древнихъ, мы возвысимся надъ современною жизнію, будемъ жить умомъ вѣковъ прошедшихъ, такъ-же, какъ живемъ умомъ собственнымъ. Намъ кажется, весьма легко было-бы составить *Аристотеля простонароднаго*, изложивъ мысли Стагирійскаго философа въ простомъ ясномъ порядкѣ, устранивъ отъ него все, что время и мѣстность приложили особеннаго къ его вѣковому гению. Тоже можно-бъ было сдѣлать съ Тацитомъ, съ Сенекою. Такимъ образомъ, безсмертное всегда сдѣлалось-бы собственностью всѣхъ насъ. Если мы передаемъ народу великія творенія Шекспира, Корнеля, Веласкеса и Микель-Анджело, для чего не передать ему библіотеки, составленной изъ твореній Геродота, Гомера, Аристотеля, Цицерона, Тацита, Плутарха, Сенеки, Марка-Аврелія? Сколько истинъ, сколько высокихъ поученій, сколько наслажденій

для воображенія, сколько побужденій устремиться по слѣдамъ сихъ великихъ гениевъ, гражданъ всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣковъ!

Александръ писалъ однажды къ Аристотелю: «Не одобряю того, что ты передаешь всѣмъ свѣдѣнїя въ наукахъ, доннынъ сокровенныхъ отъ черни (astromaticques); что-же будемъ мы, возвышенные надъ всѣмъ родомъ человѣческимъ, если знанїя, которымъ ты поучалъ меня, царя, владыку народовъ, сдѣлаются принадлежностью послѣдняго изъ подданныхъ монархїи? Хочу превосходить всѣхъ въ познанїяхъ, какъ превосхожу всѣхъ моимъ могуществомъ.» — Но такой эгоизмъ повелителя полусвѣта не былъ-ли лучшимъ похвалою наукъ? Если сынъ Юпитера хотѣлъ сохранить для одного себя великїя завоеванїя ума человѣческаго, нынѣ напротивъ, человечество хочетъ раздѣленїя всѣмъ знанїемъ, ибо оно мыслить, подобно Аристотелю, что *счастїе чело́вѣка всегда бываетъ соразмѣрно добродѣтели и образованїю его*, и что на этомъ основана покорность его закону, вѣчному гению хранителю человѣческаго общества. Великїй мудрецъ Стагирїйскїй приводилъ въ свидѣтельство сей истины самого Бога, высшее блаженство Коего состоитъ, какъ говорилъ онъ, не въ наслажденїи внѣшними благами, но въ томъ, что Онъ Самъ есть вѣчное и неизмѣняемое благо. (*Полиг. Арист.* книга IV, глава I.)

(Сокращено изъ *R. de D. M.*)

ОЧЕРКЪ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЗА 1838-Й ГОДЪ.

44. Изложенїе Символа Вѣры Православной Всенародной Каволитеской церкви. СПб. въ тип. Синодальной, 1838 года, въ 8, 110 стр.

Это небольшое сочиненїе можно назвать, не догматическимъ только разсужденїемъ о таинствахъ св. Вѣры нашей, изложенныхъ въ *Символъ ея*, уставленномъ св. Отцами православной церкви, но вмѣстѣ и назидательнымъ бесѣдованїемъ о важнѣйшихъ предметахъ христіанства. Отступая отъ строгого *катехизическаго*, такъ сказать, изложенїя, сочинитель (имя котораго угадываемъ мы по знакомому уже намъ изложенїю предмета) входитъ въ различныя подробности, и объясняетъ главныя таинственныя идеи и понятїя христіанской религїи, опираясь притомъ на слова знаменитыхъ богослововъ, Иоанна Дамаскина, Кирилла Иерусалимскаго, Григорїя Богослова, Аванасїя Александрїйскаго, и другихъ. Таково изложенїе исторїи Ангеловъ прежде сотворенїя видимаго міра (стр. 13); о наказанїи послѣ смерти (стр. 62); о равенствѣ власти духовнаго Синода и Патріарховъ (стр. 77); о воскресенїи тѣла вмѣстѣ съ душою (стр. 105, и слѣд.), гдѣ видимъ досгатовнїя изъясненїя таинствъ духовныхъ, непостижимыхъ слѣнотствующему и не подкрѣпляемому вѣрою уму человѣческому. Желательно, чтобы чтенїемъ подобныхъ, столь просто и ясно, столь краснорѣчиво и убедительно изложенныхъ сочиненїй, болѣе и болѣе проникало въ сердца вѣрующихъ утѣнительное услажденїе, «плѣнили всякїй разумъ въ послушанїе Христово.» Вѣра и мудрость о вѣрѣ крѣпятъ добродѣтель, становятся основою всякаго блага, и согреваютъ любовью и надеждою чело́вѣка среди гибели и суеты міра.

45. Церковный годъ, или собраніе воскресныхъ поученій, говоренныхъ къ народу Владиміро.ид. Епископомъ Костромскимъ и Галицкимъ, въ 1835, 1836 и 1837 годахъ, въ Кіевъ и въ Костромь. Двѣ части. СПб. въ тип. Мин. Внутр. Дѣлъ, 1838 г. въ 8, 307 и 317 стр.

Семьдесятъ летъ не большихъ поученій, излившихся изъ сердца учительнаго пастыря, въ простотѣ слова, понятной каждому, краткой, но сильной. Мы давно не встрѣчали подобнаго чтенія, которое, обращаясь къ повседневной жизни человѣка, съ такою простою приспособляемо-бы ко всякому разумно паидательнымъ правоученія и истины св. Писанія. Мы увѣрены, что много благословеній будетъ произнесено доброму пастырю, при чтеніи его утѣшительной книги.

46. Слово о пьянствѣ, говоренное сельскимъ священникомъ въ одномъ изъ близъ лежащихъ къ С. Петербургу селеній. СПб. въ тип. А. Плюшара, 1838 г. въ 8, 16 стр.

Полагаемъ, что это слово не было произнесено, но только написано для чтенія простолюдиновъ. Мысль была прекрасная: попытаться говорить съ простолюдиномъ его языкомъ, и вразумить его въ какую нибудь близкую къ нему истину. Чего было ближе — указать на гнусный порокъ пьянства, и постараться отратить отъ него, и словами св. Писанія, и изображеніемъ отвратительнаго безобразія сего порока, и убѣжденіемъ отратить разумъ? Но, намъ кажется, что авторъ, не выдержавъ простоты языка, переминался слишкомъ утопченныя доказательства съ желаніемъ выразиться безъ риторики, сбѣгъ, перенусть предметы, и доказавъ одно то, какъ трудно поставить себя на среднюю дорогу, если мы дѣйствуемъ не по стремленію сердца, а по одному холодному разсудку. Простота языка, повторите, весьма не шутка. Съ простолюдиномъ падобно *улыбко говорить*, какъ съ ребенкомъ. Посмотрите: изъ сотни книгъ, изданныхъ для дѣтей, многія-ли годятся имъ, будучь имъ по плечу и по разуму? Тоже и здѣсь.

47. Общій Отчетъ, представленный Е. И. В. по Министерству Народнаго Просвѣщенія за 1837 годъ. СПб. въ тип. Акад. Наукъ, 1838 г., въ 8, 169 стр.

Съ благоговѣніемъ видимъ мы въ началѣ сего драгоценнаго факта, показывающаго состояніе нашего современнаго про-

свѣщенія, слова, начертанныя рукою возлюбленнаго Монарха нашего: *читайте съ удовольствіемъ.*

Дѣйствительно: не могло не принести удовольствія отеческому сердцу Его чтеніе этого отчета по одной изъ важнейшихъ частей государственнаго управленія — просвѣщенію и образованію общественному. Онъ могъ увидѣть, что избранный имъ Сановникъ исполняетъ передъ нимъ долгъ, наложенный на него священною волею Монарха. Не можемъ отказать себѣ въ наслажденіи выписать здѣсь заключеніе отчета, представленнаго г-мъ Министеромъ Народнаго Просвѣщенія:

Обращаясь отъ изложенія подробнаго состоянія каждой части управленія вѣрннаго мнѣ Министерства къ общему обзору дѣйствій его въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ, имѣю счастье всеподданнѣше донести, что въ сей промежутокъ времени учреждены вновь: 1 Университетъ, 9 Гимназій, 49 уездныхъ, дворянскихъ и мѣщанскихъ училищъ, 285 приходскихъ училищъ и 112 частныхъ учебныхъ заведеній. Сверхъ того открыто 26 благородныхъ пансіоновъ при Гимназіяхъ. Всего же возникло вновь для образованія и воспитанія юношества 480 заведеній. Число учащихъ увеличилось до 25 тысячъ, и составляетъ нынѣ по однимъ только училищамъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 95,566. Касательно же числа вообще пользующихся въ Государствѣ выгодами образованія, и публичнаго и частнаго, открывается по подробнымъ, представленнымъ Вашему Императорскому Величеству исчисленіямъ (которыя по Высочайшей волѣ вскоре напечатаны будутъ), что общій итогъ учащихъ въ Россіи, сравнительно съ народонаселеніемъ, можетъ быть приблизительно опредѣленъ пропорціею 1 : 45. Могу смѣло сказать, что всѣ высшія, среднія и низшія учебныя заведенія получили новое бытіе, и представляютъ вообще отрадное зрѣлище довольства и дѣятельности. Щедро падыленные великодушнѣмъ Вашего Величества, они стараются вознаградить сдѣланныя для нихъ пожертванія основательнымъ приготовленіемъ большаго числа просвѣщенныхъ вѣрноподанныхъ. Въ возвращенныхъ отъ Польши губерніяхъ введены, по отношенію къ народному образованію, такія перемѣны, которыя возможны только благодѣтельному орудію самобытной власти въ рукахъ Вашего Императорскаго Величества. Система публичныхъ учебныхъ заведеній въ томъ краѣ не со-

отвѣтствовала существовавшей пользѣ его населенія, и на мѣсто тѣхъ заведеній воздвигнуты новыя, благоустроенныя во всѣхъ отношеніяхъ училища, въ которыхъ учащійся, и успѣхами и числомъ уже далеко превосходитъ учениковъ прежнихъ заведеній. Нынѣ, при всеобщемъ употребленіи въ этихъ училищахъ отечественнаго языка, и при направленіи образа мыслей воспитывающагося юношества въ настоящемъ духѣ, они едва отличаются отъ училищъ Вѣлкороссійскихъ. Въ послѣднее пятилѣтіе, еще впервые учрежденъ строгій и бдительный надзоръ надъ всеми частными пансіонами и школами, съ постановленіемъ для руководства сихъ заведеній твердыхъ и единообразныхъ правилъ. Частное въ домахъ родителей воспитаніе пріобрѣло неисчислимыя выгоды отъ учрежденія званія Домашнихъ Наставниковъ, Учителей и Учительницъ. Облагороженныя стихіи этого воспитанія примѣтно съ каждымъ годомъ развиваются, и тысячи новыхъ, преимущественно Русскихъ дѣлателей, которыхъ способность и пекуче-ривность въ нравственномъ отношеніи обезпечиваются Правительствомъ, вступили весело на улаженное поприще домашняго образованія. Наконецъ 31, созданныхъ, такъ сказать, изъ ничего, Губернскихъ Публичныхъ Библіотекъ держатъ раскрытыми для читателей всѣхъ сословій до 100,000 томовъ, и предлагаютъ обильную пищу ихъ любознательности. Вотъ, въ краткихъ словахъ, выводы изъ послѣдовательныхъ въ теченіе пяти лѣтъ мѣръ и распоряженій Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Въ заключеніи этого быстрого обзора, я пріемлю смѣлость прибавить, что не въ одномъ стройномъ развитіи умственныхъ силъ, не въ одномъ неожиданномъ умноженіи статистическихъ чиселъ, даже не въ возбужденіи общаго стремленія умовъ къ цѣли, Правительствомъ указанной, можетъ найтись свое ближайшее начало удовлетворительное чувство, съ коимъ эта картина успѣховъ будетъ уновательно принята благомыслищими. Другіе виды, высшая цѣль представлялись совокупно Министерству, обновленному въ своихъ основаніяхъ, возвышенному неиррастаннымъ участіемъ Высшаго Императорскаго Величества. При оживленіи всѣхъ умственныхъ силъ, охранить ихъ теченіе въ границахъ безопаснаго благоустройства; внушить юношеству, что на всѣхъ степеняхъ общественной жизни умственное совершенствованіе, безъ совершен-

ствованія нравственнаго -- мечта, и мечта пагубная; изгладить противоборство, такъ называемаго, Европейскаго образованія съ потребностями нашими; исцѣлить повѣйшее поколѣніе отъ сѣваго и необдуманнаго пристрастія къ поверхностному и къ иноземному, распространяя въ юныхъ умахъ радужное уваженіе къ отечественному, и полное убѣжденіе, что только приравненіе общаго, всемірнаго просвѣщенія къ нашему народному быту, къ нашему народному духу, можетъ принести истинные плоды всѣмъ и каждому; потомъ обилать вѣрнымъ взглядомъ огромною поприще, открытое предъ любезнымъ отечествомъ, оцѣнить съ точностью всѣ противоиможные элементы нашего гражданскаго образованія, всѣ историческія данныя, которыя стекаются въ обширный составъ Имперіи, обратить эти развивающіеся элементы и пробужденныя силы, по мѣрѣ возможности, къ одному знаменателю; наконецъ искать этого знаменателя въ тройственномъ повѣтій *Православія*, *Самодержавія* и *Народности*: вотъ въ немногихъ чертахъ направленіе, данное Вашимъ Величествомъ Министерству Народнаго Просвѣщенія, съ того времени, когда Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, благоудно было возложить на меня трудное, по вмѣстѣ съ тѣмъ важное и лестное порученіе быть, при этомъ преобразованіи, орудіемъ высшихъ видовъ Вашихъ. Не мечталъ, что это многосложное дѣло, отъ столь разныхъ обстоятельствъ зависящее, совершилось и достигло уже предназначенной цѣли, можно однакожъ питать утѣшительную мысль, что мы всѣми силами, упорно и стройно, стремимся ежеминутно къ оной по пути прямому и единственному. Вскорѣ, по вступленіи въ должность, я съ вѣроподобнаго откровенностію излагалъ слѣдующимъ образомъ предъ Вашими Императорскими Величествами опасенія, коими сей путь являлся мнѣ тогда окруженнымъ: «Россія, къ счастью, сохранила теплоту вѣру къ вѣротнымъ религіознымъ, моральнымъ и политическимъ понятіямъ, ей исключительно принадлежащимъ.... Но сіи начала, разсѣянныя преждевременнымъ и поверхностнымъ просвѣщеніемъ, мечтательными и неудачными опытами, сіи начала безъ единодушія, безъ общаго средоточія, и коимъ въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ предстояла непрерывно борьба продолжительная и упрямая, какъ согласить ихъ съ настоящимъ расположеніемъ умовъ? Успѣемъ ли мы включить ихъ въ систему общаго образованія, которое соединило

«бы выгоды нашего времени съ преданіями прошедшаго и съ надеждами будущаго? Какъ учредить народное воспитаніе, соответствующее нашему порядку вещей, и не чуждое «Европейскаго духа»? Чья рука, и сильная и опытная, можетъ «удержать стремленіе умовъ въ границахъ порядка и тишины, и оттолкнуть все, что могло бы нарушить общее устройство?» (Вспомоданнѣйшій докладъ 19-го Ноября 1833 года) Взглянувъ на нынѣ, чрезъ пять лѣтъ, на это чистосердечное изліаніе монахъ искрѣпѣйшихъ тогдашнихъ понятій, нельзя мнѣ не признать съ умиленіемъ, что въ Вашей десницѣ явилась та сила, которую я призывалъ себя на помощь; что въ Вашемъ безпрерывномъ, Всемилостивѣйшій Государь, вниманіи, въ Вашей мудрой заботливости, смѣю сказать, въ Вашемъ высокомъ доверіи, открывались постепенно, и прямой источникъ, и вѣрный залогъ возможнаго успѣха. Многое, повторю, остается еще неподьяннымъ, многое требуетъ постоянныхъ трудовъ и размышленій, но между тѣмъ, съ благословеніемъ Всевышняго и подъ Державною рукою Вашего Величества, новый какъ будто духъ поселился въ возрастающихъ поколѣніяхъ: ни одно уважительное событіе не тревожило, въ теченіе пяти лѣтъ, спокойствія многочисленныхъ и всегда умножающихся учебныхъ заведеній, Министерству Народнаго Просвѣщенія подвѣдомственныхъ; всѣ училища, отъ низшей до высшей степени, по Имперіи разсыпаны, обновлены въ смыслѣ и въ формахъ преподаванія; всѣ условия стремятся воспользоваться благоденіемъ воспитанія, соединяющаго выгоды образованія общаго съ требованіями спеціальнаго нашего существованія. Исполненными, смѣю сказать, шагами, растутъ постепенно, и любовь къ народности, и сознаніе народнаго быта; важнѣйшія ученія предпріятія довершены къ лучшему познанію отечества; съ одной стороны, въ собраныхъ по всей Россіи спискахъ лѣтописей, и въ неизвѣстныхъ доселѣ документахъ, блеснулъ новый лучъ на нашу Исторію; съ другой, наблюденія высшаго достоинства, сопровождаемыя всеми условіями; Наукою опредѣленными, довершили рѣшеніе разныхъ вопросовъ, занимающихъ вниманіе Европы: все въ публичныхъ заведеніяхъ кипитъ повою живанію; все течетъ къ цѣли высшаго, правильнѣйшаго образованія. Не утратить ничего изъ выгодъ просвѣщенія Европейскаго, насльдственно намъ переданнаго, мы чуждаемся заблужденій онаго; мы становимся менѣе приступными къ его

обольщеніямъ; языкъ, этотъ вѣрный двигатель народнаго духа, облизаетъ уже постепенно съ центромъ Имперіи край, въ конхъ донныи звуки его возбуждали, или пепависть, или холодность. Но на обширномъ пространствѣ государства, въ кругу разнородныхъ частей, вошедшихъ въ составъ Россіи, тѣсно было бы, съ другой стороны, подчинять все безъ разбора, одной неподвижной формѣ, безъ уваженія къ мѣстнымъ потребностямъ, къ спеціальному положенію каждой отдѣльной части. Теперь, по волѣ Вашего Величества, Восточный край Имперіи пользуется системою образованія, которая знакомится постепенно съ Азіатскимъ бытомъ, въ коей обращаютъ особое вниманіе на языки и на словесность Азій, и которая привлекаетъ въ наши училища отдаленныхъ жителей Азіатскихъ степей, такъ, что при дальнѣйшемъ развитіи этого плана, который имѣетъ объять и Кавказскій край и Закавказскія области, Казанскій Университетъ долженъ образовывать иькогда главное звено, связующее два пародонаселенія, и такъ сказать, двѣ части міра, по крайней мѣрѣ, въ умственномъ отношеніи. На другомъ краю Имперіи, въ губерніяхъ, называемыхъ Остѣ-зейскими, Министерство, движимое Вашими предначертаніями, употребило все стараніе вкоренить знаніе Русскаго языка и Русскаго образованія, не вреда впрочемъ развитію познаній, принадлежащихъ къ особому положенію сихъ губерній. Но игда успѣхи не были столь разительны, сколько оказались въ губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ. Не утруждая Ваше Величество изложеніемъ хода дѣла, Вамъ обдуманнаго, и Вамъ исполнъ извѣстнаго, смѣливалось подтвердить еще разъ мое непоколебимое убѣжденіе, что при продолженіи этого хода, при благотворной твердости, всегда являемой Вашимъ Величествомъ въ переломныхъ, трудныхъ, но необходимыхъ, цѣль Министерству указавшая рѣшительно достигнута будетъ, и что неуспѣшные труды Правительства увѣнчаются успѣхомъ, обѣщаннымъ вслѣдствіе напряженію государственной жизни, совершаемому въ видахъ общаго блага, съ твердымъ упованіемъ на Бога и съ чистою любовью къ Отечеству.»

Здѣсь полагаемъ приличнымъ повторить замѣчанія одного просвѣщеннаго патріота, помѣщенныя въ одномъ изъ повременныхъ изданій нашихъ послѣ изданія въ свѣтъ Отчета г-на Министра Народнаго Просвѣщенія:

«Отчеты, которые Министерство Народнаго Просвѣщенія

печатать ежегодно о своих дѣйствіяхъ, принадлежать къ самымъ важнымъ и любопытнымъ документамъ нашего времени. Отчетъ за 1837 годъ, безъ сомнѣній, находится уже въ рукахъ всѣхъ мыслящихъ людей въ Россіи, и всѣми будетъ оцененъ по достоинству. Въ блистательной картинѣ видимъ мы тутъ повсеместное развитіе умственныхъ силъ государства, непрерывное и быстрое умноженіе учебныхъ заведеній всѣхъ степеней, и разительное возрастаніе числа людей, которыхъ щедрая и твердая рука Правительства надѣляетъ благими дарами просвѣщенія, оживленную добросовѣстную дѣятельность ученыхъ сословій и успешное выполненіе обширныхъ предприятий въ области наукъ на пользу общую. Но мы не намѣрены входить въ подробное разсмотрѣніе всего замѣчательнаго, содержащагося въ Отчетѣ; остановимся на тѣхъ строкахъ въ немъ, которыя кажутся намъ важнѣе всего, и, конечно, вмѣстѣ съ нами, покажутъ такими всѣми благомыслящимъ, всѣмъ, кто любитъ и понимаетъ настоящую пользу отечественнаго образованія.

«Съ благословеніемъ Всевышняго, и подъ державною рукою Вашего Величества, -- говоритъ г. Министръ Народнаго Просвѣщенія -- новый какъ будто духъ поселился въ возростающихъ инокльнѣхъ: все въ публичныхъ заведеніяхъ «кипитъ новою жизнью, все течетъ къ цѣли высшаго, правнльнѣйшаго образованія. Не утративъ ничего изъ выгоды «просвѣщенія Европейскаго, наследственно намъ переданнаго, «мы чуждаемся заблужденій онаго, мы становимся менѣе пристрастными къ его обольщеніямъ.» Это откровенное свидѣтельство наблюдателя, котораго зоркій и вѣрный взглядъ неусыпно слѣдитъ ходъ умственнаго развитія молодаго поколѣнія, предметъ его попеченій; ѣи по священнои обязанности, и по влеченію сердца; это свидѣтельство, данное предъ лицомъ Государя и предъ отечествомъ, отзовется утѣшеніемъ и ободреніемъ во всѣхъ сословіяхъ и возрастахъ. Еще незадолго предъ симъ, иностранцы смотрѣли съ какимъ-то холоднымъ презрѣніемъ на развитіе нашего просвѣщенія, полагая, что подъ наружными формами не кроется ничего существеннаго, и уподобляли его одеждѣ, не по росту шитой, которая съ трудомъ только скрываетъ наготу природную. Тенерь логика этихъ недоброжелателей Россіи пришла другое направленіе. Не смѣя далье утверждать, что попеченіе Русскаго Правительства о народномъ образованіи не имѣетъ успеха, или что

еіе важное орудіе ускользнуло изъ его рукъ, они снлятся увѣрить, будто бы этотъ *моментъ*, для Россіи столь блистательный и благотворный, не можетъ быть продолжителемъ. Принужденные сознаться, что Правительство предприняло дѣло великое, они между тѣмъ говорятъ, что успѣхъ въ немъ, уже приобретенный досель, по ихъ словамъ, умнѣемъ пользоваться обстоятельствами, не оставивъ по себѣ слѣдовъ глубокихъ и неизгладимыхъ; что ничто не въ силахъ остановить вліянія разрушительныхъ (на ихъ языкѣ, благотельныхъ) началъ, которыя изъ Западной Европы непрерывно дѣйствуютъ на умы юнаго поколѣнія. Однимъ словомъ, они общають близкое паденіе всему тому, что мы создаемъ съ такими усиліями; имъ хотѣлось бы поколебать собственное наше вѣрованіе въ самостоятельность народныхъ нашихъ началъ.

Мы, въ свою очередь, можемъ и имѣемъ святое право улыбокѣ равнодушія и презрѣнія отвѣчать на лукавыя иствования обманутаго въ своихъ ожиданіяхъ недоброжелательства; мы слышимъ свидѣтельствоаніе, которое торжественно уличаетъ въ несправедливости предреканія вражды безсильной; мы сами видимъ явное ихъ опроверженіе въ тысячь фактовъ неоспоримыхъ, очевидныхъ. Вездѣ и всѣмъ замѣтно благородное стремленіе къ образованности основательной, но вмѣстѣ съ тѣмъ самобытнои и независимой. Великое это дѣло, конечно, не есть дѣло мгновеннаго успѣха; оно требуетъ усилій постоянныхъ и напряженныхъ, «терпѣнія до конца.» -- Но мы ли, наше ли Русское юношество, устрашится подвѣя, хотя труднаго, но великаго?

Вамъ, юноши и отроки Русскіе, преимущественно должно принимать къ сердцу слова, сказанныя о васъ утрона вашего Великаго Государя; вамъ предлежитъ оправдать и исполнить на дѣлѣ ожиданія Правительства, которое, уготовивъ для васъ свѣтлые и расчищенные пути къ свѣтлинцу знанія и образованія истинно Русскаго, -- приглашаетъ васъ слѣдовать послушно и охотно его указаніямъ, и не отвѣкалась примамчивыми призраками ложныхъ началъ, мирно посвятить себя тихому труду совершенствованія ума и сердца. Благоудатеи и славень этотъ трудъ, на совершеніе котораго вы призваны; завидѣвъ удѣлъ вашъ: на твердой основѣ православія, самодержавія и пародности, основѣ, заложенной предусмотрительностью Правительства, воздвигнуть, по муарому его предна-

чертанию, новое зданіе народнои словесности и самостоятельнаго вѣдѣнія, и спести въ него все чистое золото Европейскихъ познаній, отдѣленное отъ примеси мечтаній несбыточныхъ и пагубныхъ. Безирерывныя и неумоимыя усилія ожидаютъ васъ, но силы для нихъ почерпнете вы въ полномъ, ни какими вѣщными внушеніями поколебимомъ убѣжденіи въ важности вашей обязанности, по награду за нихъ найдете въ образованности основательной и правильной, которая одна можетъ умирить тлостное беспокойство ума и колебаніе мыслей. Къ этому твердому убѣжденію должна присоединиться увѣренность, что великое образованіе умственное заимлетъ животворную и благодатную свою силу отъ чистоты нравственной, отъ образованія моральнаго. Только подъ сими двумя условіями становится возможнымъ достиженіе той возвышенной цѣли, на которую указываетъ вамъ заботливая мудрость Правительства; только благодушное преданіе своей воли волѣ высшей, правящей вами, избавитъ васъ отъ опасности совертаться съ прямого и ровнаго пути на стезю пагубныхъ заблужденій. -- Но мы не сомнѣваемся ни минуты въ нашеи юношества: дружно, усердно станете оно трудиться надъ «дѣломъ для вѣковъ»; оно пойдетъ по стезѣ, на которую призываетъ его благо отечества, и слѣдовательно, его собственное благо, -- пойдетъ бодро и доврчиво, научствуемое одобрительнымъ вниманіемъ Царя, и руководствуемое просвѣщеннымъ исполнителемъ благихъ Его намѣреній.»

48. О началѣ и постепеннои возрастаніи Императорскаго *С. Петербургскаго Университета*. Читано въ торжественномъ собраніи Университета, въ день открытія его, въ бывшемъ зданіи 12-ти Коллегій, 25 Марта 1838 года, Ректоромъ Университета Н. Шульгинимъ. Спб. въ тип. А. Плюшара, 1838 г., въ 8, 30 стр.

Слышавши это историческое изложеніе начала и успѣховъ *С. Петербургскаго Университета* произнесеннымъ на торжественномъ Университетскомъ празднѣнн -- такъ можно было назвать *день 25-го Марта* -- мы съ удовольствіемъ повторили потомъ рѣчь почтеннаго ректора въ чтеніи уединенномъ. Вотъ краснорѣчие дѣлъ и событій, которое, какъ ни выскажете, всегда будетъ пльнительно воображенію и доступно сердцу! Оратору стоило только указать на зданіе, гдѣ теперь

помѣщенъ Университетъ -- его строилъ Петръ Великій; на три проспекта Васильевскаго Острова -- здѣсь за 110 лѣтъ были только *три просяки черезъ лѣсъ и болота*; указать на окружающій насъ великолѣпный городъ, на блестящее собраніе посѣтителей, на толпу юношей, стремищихся въ храмъ, созданный для ихъ образованія, и припомнить, что было здѣсь въ 1727 году, и -- довольно было для возбужденія чувствъ умилительныхъ, и глубокой думы о чудной судьбѣ Россіи... Многія мѣста въ рѣчи г-на Шульгина дышатъ теплымъ чувствомъ, когда онъ говоритъ о Великомъ Преобразителѣ Россіи, о началѣ Университета, о свидѣтеляхъ его начала, теперь уже дѣйствителяхъ на поприщѣ государственнаго служенія, и о Великомъ *Потомкѣ Петра* по роду, и еще болѣе по духу и предпріятіямъ Его -- все эти мѣста краснорѣчивы, когда притомъ свидѣнія о началѣ и существованіи Педагогическаго Института съ 1804 года, преобразованія его въ Университетъ 1819 года, и дѣйствія сего благодѣтельнаго учрежденія съ того времени, исполнены исторической занимательности. Невольное умиленіе, невольное благоговѣніе къ памяти Петра, возбуждаетъ взглядъ на великолѣпное, обширное зданіе, гдѣ теперь помѣщается Университетъ. Какда въра въ будущность Россіи была въ сердцѣ этого Великаго Властителя, когда еще груда хижинъ стояла здѣсь на Финскихъ болотахъ, а онъ велъ къ ней на 100 верстъ каналъ, закладывая близъ нея доки въ Крошштадтѣ, и строить въ ней *двадцать коллегій* своихъ -- предпріятія, возможныя только въ обширной, многолюдной столицѣ имперіи могущественной. Въ вѣщемъ видѣнн видѣлъ Петръ будущую Россію, и какъ порадовался бы онъ теперь на свой Петербургъ, и даже на это зданіе Университета, гдѣ исполняется мысль его: «Сдѣлать Академію изъ самодушнихъ ученыхъ людей, а науки имъ производить и совершать съ тѣмъ, чтобы они молодыхъ людей обучали, и нѣкоторыхъ людей обучили, которые бы молодыхъ людей фундаментамъ всѣхъ наукъ паки обучать могли!» Мысль твоя исполнена, Великій, и что Петръ началъ, то доканчиваетъ Николай, для новой эпохи исторіи, съ Него долженствующей начаться....

49. Опытъ описанія *Олоонецкой Губерніи, составленный К. Бергшпрессеромъ*. Спб. въ тип. эксп. заг. гос. бумагъ, 1838 г., въ 8, 135 стр.

50. Опыт *статистическаго обозрѣнія Калужской Губерніи, С. Чаплина*. М. въ тип. Лазар. Института, 1858 г., въ 8, 41 стр.

Мы всегда радуемся, когда видим издаваемые частныя описанія разныхъ областей отечества, и радуемся именно потому, что въ нихъ видимъ *настоящія* дополненія къ познанію его. Мы вовсе не почитаемъ большой заслугой пустыхъ компиляцій изъ старыхъ описаній, гдѣ повторяются сваряля ошибки, и говорится иногда о томъ, чего уже давно нѣтъ, или вовсе не было. Изъ частныхъ свѣдѣній, на мѣстахъ собранныхъ, и потомъ изданныхъ, легко другіе составлять описанія цѣлаго. Какъ бы ни были писаны эти свѣдѣнія -- нужды нѣтъ: давайте намъ только факты, а *систему* и *дополненія* сдѣлать легко. Вотъ, напримеръ, у г. Бергштрессера и у г. Чаплина порядокъ и расположеніе описаній разныхъ, но мы имъ обоимъ благодарны. У того и у другаго можно отыскать недостатки (такъ, напримеръ, мы не соглашаемся съ тѣмъ, что г-нъ Чаплинъ говоритъ о Статистикѣ вообще, находимъ не совсемъ вѣрными историческій его очеркъ, и вообще жаль, что у него мало подробностей), но что до того за дѣло? За то они передаютъ намъ факты, на мѣсть повѣренные, и мы можемъ имъ вѣрить.

Любопытно сравнить двѣ противоположныя стороны Русской земли -- *Олонецъ* и *Калугу*, и полюбоваться на много-различіе областей Русскаго Царства. Вотъ для примѣра:

	Олон. губ.	Кал. губ.
Пространство (дес.)	12,958,176	— 2,783,106
Народонаселеніе	239,054	— 447,803
Пахатной земли	256,496	— 1,259,662

Но за то въ Олонецкой Губерніи *десять миллионовъ десятины* лѣсу. Не странно ли покажется южному Русскому жителю, что губернской городъ здѣсь заключаетъ въ себѣ не болѣе 658 домовъ и 6652 жителей; что 218,860 Олонецкихъ крестьянъ живутъ въ 4631 деревнѣ, такъ, что *шесть только селеній* имѣютъ болѣе 50 дворовъ, а въ 3,417-ти мѣнѣе *десяти* дворовъ. Помѣщичьихъ крестьянъ здѣсь 12,969. Въ Калужской Губерніи счисляется ихъ 313,283, а жителей въ Калугѣ было въ 1836 году 52,345, церквей 33, домовъ 4,015.

Пріятно видѣть патріотическое усердіе, съ какимъ говорить, между прочимъ, г-нъ Чаплинъ о своей родинѣ. Да, жи-

тель Калуги можетъ гордиться, вспоминая славныя событія своей области: тамъ Козельскъ, тамъ Угра, тамъ Лужа, тамъ Тарутино и Малоярославецъ -- тамъ ть грозныя Баттарен, которыя Кузюзовъ просилъ не предавать плугу -- «пускай время, а не рука человѣческая ихъ уничтожить -- пускай наши потомки, смотря на нихъ, будутъ воспламеняться огнемъ соревнованія, и говорить: «Здѣсь гордость хищниковъ пала передъ любовью къ Отечеству!»

51. *Вагаладъ на достопамятности Владиміра. Соч. Н. Д.* -- Москва, въ тип. Лазар. Инст., 1838 г., въ 12, 80 стран.

Г-нъ Н. Д. описываетъ, что *теперь осталось* отъ древняго Владиміра, гдѣ началъ систему спасительнаго единовластія Боголюбскій, гдѣ жили Всеволодъ Великое Гнѣздо и Александръ Невскій. Жаль, что остатковъ старины во Владимірѣ уцѣлѣло очень мало -- время и люди истребили и поновили ихъ. Жаль еще, что недостатокъ ихъ старался г-нъ Н. Д. замѣнить громкими словами и выборками изъ исторіи, и -- болѣею частью не впопадъ. Больше-бы надобно дѣла и поменьше словъ.

52. *Краткое обозрѣніе питейныхъ сборовъ съ 1835 по 1839 годъ, въ 28-ми Великороссійскихъ Губерніяхъ и Кавказской Области.* СПб. въ Сев. тип. 1838 г. въ полн. 280 стр.

Свѣдѣнія, издаваемые отъ Правительства, и столь многочисленныя въ наше время, составляютъ драгоценный статистическій матеріалъ. На изданныя таблицы продажи питейной въ Россіи, сколько глазъ смотрѣли съ жадностію, сколько рукъ перебирали ихъ нетерпѣливо, въ какомъ нибудь Іюнь мѣсяцѣ! Теперь они забыты тѣми, кто дорожилъ ими, какъ ненагляднымъ сокровищемъ, но за то теперь должны они поступить въ ученый кабинетъ статистика, который извлекетъ изъ нихъ любопытные факты и результаты. Въ нихъ подробно показаны: число жителей каждой губерніи; число питейныхъ домовъ и выставокъ; количество отпускаемаго казеннаго вина; суммы откуповъ; продажа вина (казеннаго и своекоштнаго), настоекъ, палочекъ, водокъ, пива и меду, количество выручки и акциза, за четыре года; количество назначеннаго съ 1839 года къ отпуску казеннаго вина, и въ заключеніе приложены вѣдомости о пошлинномъ сборѣ, въ Но-

пороссийских губ., и консумціонномъ и проинаціонномъ сборахъ въ Быелостокской области.

Выпишемъ здѣсь для любопытныхъ пѣсколко свѣдѣній: откупъ всей С. Петербургской Губерціи составлялъ, съ 1835 по 1839 годъ, ежегодно 10,455,400 р. (не считая ежегодной платы пожертвованныхъ откупщиками 250,000 р. на погорѣвшихъ въ городѣ Туль), въ томъ числѣ Петербургъ съ уѣздомъ оцѣненъ въ 7,853,000 р., Кропштадтъ въ 576,000 р. — Откупъ Московской губерціи составлялъ 10,172,000 р., въ томъ числѣ Москва 6,599,000 р. — Изъ губернскихъ городовъ важнѣйшіе: Астрахань, откупъ 700,000, Воронежъ 775,000, Ставрополь 665,000, Казань 850,000, Курскъ 835,000, Нижний-Новгородъ 856,000, Новгородъ 820,000, Орель 835,000, Саратовъ 799,000, Тамбовъ 770,000, Тула 1,014,000, Ярославль 700,000, Херсонъ 756,000. Вся другіе города не достигаютъ подобныхъ, громадныхъ суммъ, и иные представляютъ даже весьма малые итоги, напримѣръ: Владиміръ 340,000 рублей, Вологда 285,000 р., Вятка 390,000, Петрозаводскъ 75,000, Оренбургъ 432,000 и проч.

53. Руководство къ Политической Экономіи. Соч. Адольфа Блакки, профессора исторіи и прои. экономіи, и проч. Съ Французскаго. СПб. въ тип. А. Воейкова и Кошп., 1838 г. въ 8, 245 стр.

54. О Европейской торговлѣ въ Турціи и Персіи. Соч. Гавейнестера. СПб. въ тип. Дец. Вн. торговли, 1838 г. въ 8, 139 стр.

Съ давнихъ временъ, да чуть-ли не съ весьма давнихъ даже, существуетъ въ мірѣ безпрерывная борьба, и многие говорятъ, что эта-то борьба и составляетъ жизнь міра. Борются жизнь съ смертію, вода съ огнемъ, здоровье съ болѣзнію, журналисты съ дурными поэтами, будочники съ мошенниками, гомеопаты съ аллопатами, вулканисты съ пенпутистами, практика съ теоріею, и проч. и проч., и все борется, споритъ, не соглашается, кричитъ, обвиняетъ другъ друга. А всего-то забавнѣе то, что всякій думаетъ быть правъ, и еще забавнѣе, что всякій точно правъ, если смотреть съ его точки зрѣнія.

Вотъ и съ Русскими производителями народныхъ богатствъ, или вѣрнѣе сказать, съ Русскими капиталистами и фабрикантами, дѣлателями на *практикъ*, идетъ споръ у *теоретиковъ* и

систематиковъ, споръ довольно важный. «Не стыдно-ли вамъ», говорятъ имъ противники — «что не подумаете вы распространять вашу торговлю, учреждать торговые компании, пролагать дороги, совершенствоваться, воспитываться, перегонять чужеземцовъ — лежите вы на боку, дѣлаете кое-какъ, кладете только капиталъ въ ломбардъ!»

Русскіе производители, большею частью, не мастера говорить съ высокою, не раскидывая своимъ простымъ умомъ, отвѣчаютъ такъ: «Отъ хорошаго мы не прочь», и думаемъ, что это доказали кое-чѣмъ, но дайте намъ время, дайте дома уладить, пачать получше, приладиться повтрьнѣе, а тамъ, пожалуй, станемъ совершенствоваться и перегонять другихъ. Дѣлаемъ мы кое-какъ потому, что и этого не надѣлаемъ: заводятся между нами и компании, и артели, и общества, коли нужны, и гдѣ надобно, мы себя въ грязь лицомъ не ударимъ. Слыхали мы, что другіе раньше насъ начали — дайте-же сперва ихъ догнать. Слыхали мы и то, что не все-то и у другихъ дѣлается хорошо; что за моремъ иное ужъ слишкомъ пересовершенствовано, слишкомъ перевоспитано; что изъ компаний иногда дѣлаютъ тамъ вредную игрушку, а отъ новыхъ предпріятій банкротятся десятками и сотнями. Будетъ потребность — вынемъ мы и деньги наши изъ ломбардовъ, проторимъ дороги, проложимъ пути... А между тѣмъ учи насъ, кто больше нашего знаетъ. Говори, какъ у другихъ дѣлается, и что дѣлается — указывай, что намъ дѣлать, а мы поклонъ, почитаемъ, послушаемъ, и своей пользы, похвѣрите, не упустимъ...»

Дѣло! И теоретики, и систематики начинаютъ учить, изъяснять и указывать практикамъ. И что же? Русскій умъ слушаетъ, слушаетъ и по неволѣ усмѣхнется. «Да, это что-то, господа, не такъ. Тутъ еще толку мало съ вашей наукой, которая кричитъ о потребителяхъ и производителяхъ, уверяетъ, что не она практики, а практика ее должна слушаться, и сама при томъ едва азы свои разбираетъ. Мудрены что-то и указанія ваши, когда мы видимъ, что вы едва-ли сами понимаете то, что говорите и описываете...»

Разумѣется, мы выдумали все это. Теоретики и практики у насъ не спорятъ. Эти пишутъ — тѣ не читаютъ; эти говорятъ, а тѣ не слушаютъ. Но не пора-ли однакожъ нашимъ практикамъ и систематикамъ сойтись и подумать объ общей пользѣ, чтобы однихъ понимали, и

другие понимали-бы то, что имъ говорятъ? Для этого первый шагъ долженъ быть, со стороны теоретиковъ — основательное познаніе и изученіе предмета, о которомъ они говорятъ, безкорыстное желаніе добра, а не хвастовство пустою фразою, и главное — теорія повѣренная практикою. Знаете-ли мм. гг., что недовольно заучить нѣсколько фразъ изъ Смита и Селъ, недовольно набрать безъ разбора свѣдѣній и цифръ, и вывести результаты и итоги, не довольно и знать только, что хорошо у другихъ, если хотимъ надеждащей, положительной пользы? Наука требуетъ труда, собственнаго ума и долгаго опыта; цифры и свѣдѣнія должны быть собраны вѣрно и точно, а чужое должно *применить* къ своему, и потомъ учить, судить, и если угодно, осуждать.

Спрашиваемъ: къ чему, послужить намъ переводъ пустой книженки, написанной Бланки о Политической Экономіи? Знаючи и въ подлинникъ не стануть читать этой поверхностной выборки кое-чего кое изъ кого, а незнающихъ избави Богъ уищся по ней наукъ народнаго богатства!

Такъ и въ указаніяхъ, куда обращаться нашему труду, въ описаніяхъ предметовъ, изъ которыхъ извлечь онъ общія выгоды, достаточно-ли кое-какъ, безъ разбора, набранныхъ свѣдѣній? Довольно-ли, если они не обдуманы хорошо, не приложены, не рассмотрѣно дѣло со всѣхъ сторонъ практически, и если при томъ при первой повѣркѣ оказываются въ нихъ самыя забавныя ошибки? — Чудное дѣло! Намъ представляютъ таблицы и выводы объ Индіи, Америкѣ, Китаѣ, а между тѣмъ, стануть говорить о Твери, либо Костромѣ — еще болѣе — о выставкѣ, которая у насъ передъ глазами, и — что слово, то ошибка, что рѣчь, то ошибочно понятое дѣло! Какъ же послѣ этого хотѣть, чтобы практика насъ теоретиковъ слушалась, и производитель руководствовался нашимъ географическо-коммерческимъ описаніемъ?

Мы совсѣмъ не думаемъ осуждать полезной цѣли, какую имѣлъ г-нъ Гагемейстеръ при изданіи своей книжки. Предметъ важный: торговля въ Азію, столь близкую къ намъ, открывающую источники обширнаго обьига нашихъ произведеній. Еще менѣе сомнѣваемся въ вѣрности свѣдѣній, какія собралъ г-нъ Г. о торговлѣ въ Персіи и Турціи. Но, даже и весьма поверхностно понимая предметъ, мы готовы однакожъ сказать ему, какъ шевѣры многие его выводы, какъ несправедливы понятія его объ отношеніяхъ нашихъ къ Востоку

по торговлѣ! Кромѣ того, говорено въ книгѣ его много, а до конца ничто не досказано. Свѣдѣнія прерасны — сдѣлайте же *приложеніе* ихъ къ мѣстности, и осмотрите всѣ подробности и отношенія дѣла. Этого не сдѣлалъ авторъ, и теперь брошюрка его умножила только роспись библиографическую; можетъ быть, прочитается на досугъ и Русскими производителями, но — тѣмъ все и кончится.

Вообще прочитывая брошюрку г-на Гагемейстера, мы желали-бы знать, что она такое? Выборъ-ли изъ разныхъ источниковъ, или свѣдѣнія на мѣстѣ, самимъ авторомъ лично и практически собранныя? Въ послѣднемъ случаѣ, желательно-бы знать: долго-ли жилъ авторъ въ Персіи и Турціи, и какія средства имѣлъ онъ дойти до всѣхъ тѣхъ подробностей, которыя находимъ въ его брошюркѣ? Право, и о Петербургской торговлѣ не вдругъ-бы рѣшились мы писать такъ подробно, обстоятельно, съ такою всеобъемлемостію предмета! Если-же все это есть *выборъ* изъ многихъ источниковъ, то для чего было не показать этихъ источниковъ? Этимъ опредѣлилась-бы степень достовѣрности извѣстій г-на Гагемейстера.

55. О желѣзныхъ и торцевыхъ дорогахъ въ Россіи. Аврора Правдаина. М. въ тип. Авг. Семена, 1838 г. въ 8, 53 стр.

Мы что-то тутъ худо понимаемъ: въ редакцію С. О. прислана была статья, которая и помѣщена въ февральской книжкѣ, и въ тоже почти время статья эта напечатана отдѣльно авторомъ, съ разными переменами, въ Москвѣ. Мы согласны, что у г-на Правдаина есть много дѣльнаго и любопытнаго, могущаго придать интересъ журнальной статейкѣ, но для изданія отдѣльно, мы желали-бы отъ автора отдѣлки *посерьезнѣе*, какъ говорится. Многія мѣста требовали-бы вычетовъ основательнѣе; другія доказательства прочнѣе; иные выводы большаго развитія. Не отказываясь помѣщать въ журналъ нашѣмъ мнѣнія, даже противоположныя собственнымъ нашимъ, тѣмъ не менѣе мы не можемъ во многомъ согласиться съ г-мъ Авроромъ Правдаинымъ, а главное не видимъ мы, что такое онъ хочеть доказать? Вопросъ простой: *быть* или *не быть* въ Россіи желѣзнымъ и торцевымъ дорогамъ? Если *быть*, то *каковыя* имени? Наконецъ — *пора-ли* за нихъ теперь приниматься? Всѣ эти вопросы надлежитъ рѣшить окончательно и положительно, а г-нъ Правдаинъ ихъ

не рѣшается, говорить *pro* и *contra*, и кончить тѣмъ, что послѣ прочтенія его брошюрки, вы не знаете, въ защиту, или въ опроверженіе она писана. Хотя и не можете не отдать похвалы доброму намѣренію и свидѣніямъ автора.

56. *Объ успѣхахъ Сельскаго Хозяйства въ Англіи и въ Россіи. Сот. Паркиза Атрешкова.* Читано въ засѣданіи Императорскаго Экономическаго Общества. Спб. въ типографіи Н. Греча, 1838 г. въ 12, 80 стр.

У г-на Атрешкова совсѣмъ дружелюбно, нежели у г-на Правда. Онъ рѣшителенъ и не любитъ недоумѣній. Такъ, говоря о желѣзныхъ дорогахъ, онъ сказалъ намъ, что онъ для насъ не годится, и — конечно! Теперь противное; онъ говоритъ о Сельскомъ Хозяйствѣ, и вотъ что выходитъ:

1-е, что успѣхи Англійскаго земледѣлія произошли отъ обгороденія полей, отъ введенія плодотворной системы, отъ осушенія болотъ, отъ употребленія на поляхъ пудрета и толченыхъ костей, отъ улучшенія дорогъ, отъ размноженія городовъ, отъ просвѣщенія и успѣховъ Науки и Сельскаго Хозяйства. Следственно и намъ, чтобы догнать Англію, должно дѣлать то же.

2-е, Раздѣляя исторически Русское земледѣіе на четыре эпохи, г-нъ Атрешковъ находитъ, что въ послѣдніи десять лѣтъ, мы уже сдѣлали величайшіе успѣхи: вводимъ сѣвообороты (хотя по его сознанію, они и не вездѣ нужны), выписали Гималайскій ячмень и Шведскую пшеницу, основали свекловично-сахарные заводы, садимъ картофель, разводимъ табакъ, хотимъ разводити фабричныя и масляныя растенія, заводимъ сады, выписали Шотландскія молотилки, учредили конскія скачки, имѣемъ рогатый скотъ, имѣемъ меринсовъ, пренебрегаемъ ичеловодствомъ (что по мнѣнію г-на Атрешкова очень выгодно), думаемъ о шелководствѣ, пробуемъ дѣлать вино, издаемъ земледѣльческіе журналы и читаемъ земледѣльческія лекціи.

Заключеніе:

«При столь отрадномъ ходѣ отечественнаго Сельскаго Хозяйства, долженъ ли я упоминать, что возбужденное желаніе улучшенія Сельскаго Хозяйства и познанія правилъ онаго, служить вѣрнѣйшимъ ручательствомъ въ существованіи и блестящихъ успѣхахъ, которые предстоитъ намъ узрѣть въ самое непродолжительное время.»

Въ самомъ дѣлѣ, намъ остается теперь только огородити поля, осушити болота, ввести большее употребленіе пудрета и

толченыхъ костей, улучшить дороги, размножити города, и принятися за просвѣщеніе. Тогда -- тогда просимъ покорно гордыхъ Британцевъ потягаться съ нами! И видите ли, какъ легко рѣшаются дѣла, если за нихъ принятися умѣючи?

57. *Чесменская Военная Богатѣльня.* Спб. въ военной тип. 1838 г., въ 8, 16 стр.

Г-нъ Волжинъ, посѣдивъ это благотѣльное пристанище, учрежденное для драхлыхъ и престарѣлыхъ Воиновъ, излагаетъ въ трогательномъ описаніи превосходный порядокъ и отличное устройство его.

58. *Ариѳметика, составленная для руководства кандидатомъ Артиллерійскаго Училища, артиллеріи капитаномъ Цыловымъ.* Спб. въ тип. Артилл. Деп. Военн. Мин. 1838 г. въ 8, III и 207 стр.

Намъ кажется, что для практическаго преподаванія, донинѣ не было у насъ столь хорошо расположенной и столь ясно изложенной книги. Ариѳметика наука, кажется, не мудреная, но сколько бывало бѣются съ ней бѣдные учителя, слѣдуя методамъ Кестнеровъ, Меморскихъ, Безу и Войтяхскихъ! Советуемъ имъ взять книгу г-на Цылова, и они увидятъ той легкости, съ какою дѣти поймутъ ихъ уроки, увидятъ, что и безъ измѣненія *квадратныхъ и кубическихъ корней*, справедливо исключенныхъ г-мъ Цыловымъ, потому что это *извлеченіе* совсѣмъ не принадлежитъ къ Ариѳметикѣ, великая наука сложенія, вычитанія, умноженія и дѣленія остается полною, и преподается такъ же легко, какъ *азбука*, мѣсто которой занимаетъ она въ Математикѣ.

59. *Учебная Всеобщая Географія, изданная Николаемъ Гречемъ.* Спб. въ тип. Н. Греча, 1838 г., въ бол. 8, IV, 278, 196, XI и 111 стр.

И за эту книгу нельзя не поблагодарить усердно отъ лица учащихся и учащихъ. Н. И. Гречъ не приписываетъ себѣ составленія сей книги, основаніемъ которой служилъ Нѣмецкій Географъ Фольгера, и составителемъ которой была одна молодая особа. Но мы видимъ трудъ почтеннаго издателя въ тщательной обработкѣ слога, улучшеніи методы преподаванія, и самомъ паружномъ видѣ книги, напечатанной прекрасно. Вотъ расположеніе книги: общія географическія свидѣнія; топографія — собственно (гдѣ замѣчательна исправленная издателемъ географическая поменклатура, столь сбив-

чивая у насъ, особенно при многихъ своевольныхъ поведеніяхъ новѣйшихъ нашихъ географовъ); въ заключеніе, расположенное по азбучному порядку, родъ словаря -- истолкованіе главнѣйшихъ предметовъ землепознанія и знаній, относящихся къ нему; при многихъ изъ этихъ описаній помѣщены въ самомъ текстѣ небольшія полнотипажныя изображенія предметовъ, объясняющія описаніе очеркомъ. Такимъ образомъ, книга, изданная г-мъ Гречемъ, можетъ назваться небольшою, учебною географическою энциклопедіею, и чрезвычайно облегчаетъ изученіе географіи, даже по всякой другой системѣ. Подобныя пособія истинная драгоценность въ рукахъ умнаго учителя. Такъ мы на практикѣ испытали пользу изданныхъ Н. И. Гречемъ *Практическихъ уроковъ Русской Грамматики* (изд. имъ въ 1832 году), и усердно рекомендуемъ родителямъ и паставникамъ эти *уроки*, какъ легчайшее практическое средство обучать Грамматикѣ. Кромѣ упомянутыхъ нами полнотипажныхъ рисунковъ, приложенъ особенно рисунокъ для изьясненія Математической Географіи, и г-нъ Грець обѣщаетъ еще издать и небольшой атласъ. Замѣтимъ наконецъ, не малое достоинство для каждой учебной книжки -- *дешифриру*: толстый томъ, въ 500 слѣшкомъ страницъ, съ рисунками, продается по *пяти* рублей.

60. *Офицерскія записки, или воспоминанія о походахъ 1812, 1813 и 1814 годовъ. Князя Н. Б. Голицына.* М. въ тип. А. Семена, 1838 г. въ 8, 102 стр.

Само собой разумѣется, что на *сто страницъ* нельзя было помѣстить многого, описывая *три* исполнскіе года великой войны съ Наполеономъ. Описанія Автора слѣшкомъ кратки. Мы даже не знаемъ, почему назывъ онъ ихъ *записками*: большую часть занимаютъ мысли, разговоры и разсужденія почтеннаго автора. Есть однакожъ нѣсколько и любопытныхъ *новеллъ* фактовъ. Таково, на примѣръ, описаніе какъ генералу Эммануэлю и *одинадцати* чловѣкамъ, бывшимъ при немъ, сдались послѣ Лейпцигской битвы генералъ Лористонъ и 400 чловѣкъ Французовъ, съ 20 офицерами, испугавшись одного грознаго восклицанія: *Bas les armes!* Все это должна замѣтить и записать для себя исторія.

61. *Басни и апологи И. И. Дмитриева.* Спб. въ Военной тип., 1838 г. въ 32, 178 стр. съ портретомъ.

62. *Басни и сказки И. И. Хемницера. Двѣнадцатое изданіе.* Спб. въ тип. Сахарова, 1838 г. въ 32, XX и 155 стр. съ портр. и карт.

63. *Басни и сказки И. И. Хемницера. Въ трехъ книгахъ. Изданіе А. Кузнецова.* М. въ тип. И. Смирнова, 1838 г. въ 32, 229 стр. съ портретомъ.

64. Бригадиръ. *Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Изданіе второе.* (?) М. въ тип. В. Кириллова, 1838 г. въ 32, 242 стр.

Четыре *министорья* изданія, которыя теперь въ такой модѣ. Но между этими четырьмя литературными крошечками, надобно положить большое различіе: *Басни Дмитриева* изданы прекрасно, съ плохимъ литографированнымъ портретомъ. *Хемницеръ* напечатанъ въ Петербургѣ очень красиво, и при немъ приложено весьма хорошо составленное, біографическое и бібліографическое предисловіе И. П. Сахарова, а тотъ же *Хемницеръ* изданъ въ Москвѣ г-мъ Кузнецовымъ зело некрасиво. Ему подъ стать напечатанъ и *Бригадиръ*, на бумагѣ похожей цвѣтомъ на Петербургское небо. Говорить ли о самыхъ книгахъ? О Хемницерѣ въ послѣднее время начали уже говорить довольно, а объ фонѣ-Визинѣ надобно бы поразговориться, какъ равно и объ Иванѣ Ивановичѣ Дмитриевѣ, для котораго настало уже теперь *потомство*, который и при жизни своей не былъ уже современникомъ нашимъ, былъ только почтеннымъ, уважаемымъ всѣми памятникомъ времени прошедшаго. Безпристрастной критикѣ пора уже опредѣнить историческое мѣсто, и славному комiku, и славному баснописцу времяя Екатерины. -- Кстати, мы припомнимъ здѣсь читателямъ, что въ нынѣшнемъ году выдано въ Москвѣ новое комнатное изданіе фонѣ-Визина, подъ названіемъ:

65. Полное собраніе *сочиненій Д. Н. фонѣ-Визина. Изданіе второе.* М. въ тип. Авг. Семена, 1838 года, въ 4, 229 стр.

Хотя и напечатанное въ двѣ колонны, изданіе это очень красиво и четко. При немъ приложены *портреты* и *сильмогъ* съ *письма* фонѣ-Визина, а самый текстъ его вполне перепечатанъ съ *перваго*, выданнаго г-мъ Саласвымъ также въ Москвѣ, въ 4-хъ частяхъ.

Но о фогъ Визнѣ послѣ, на досугѣ, а неугодно-ли поскорѣ обратиться къ современному?

66. Быль и завлужденія моего сердца. Сочиненіе Алексѣя Башкатова. Въ стихахъ и прозѣ. Москва, въ тип. А. Евреннова, 1838 г. въ 8, 303 стр. съ портретомъ автора.

67. Поэзія Алексѣя Москвитянина. М. въ тип. А. Семена, 1838 г. въ 16, 54 стр.

Вотъ видите что: недавно пришелъ къ намъ одинъ знакомый, большой трусъ, и переважно сказалъ: «Слушайте, господа — предвѣщаю вамъ что нибудь необыкновенное въ Русской поэзіи — рожденіе великой поэмы, великаго поэта, перерожденіе Русской критики, новый романъ Александра Анфимовича Орлова, или что нибудь подобное.» — На предсказанія не советуемъ пускаться — отвѣчали мы — вспомни пословицу: «въ своемъ отечествѣ никто предсказателемъ не бываетъ... «Нѣтъ! у меня примѣты вѣрны!» — Какіе? — «Слушайте! Известно вамъ, и всѣмъ это известно, что всѣ великія событія предзнаменуются чудными явленіями, страшными дивами — посмотрите-же на *теперешнюю* Русскую поэзію — что съ ней сдѣлалось?

Намъ известно: съ древнихъ лѣтъ,
Сны, чудовища, лавенья
Грозопламенныхъ кометъ
Предвѣщали измѣненія
Въ муравейникъ земномъ,
И всегда бывали правы
Сны въ пророчествѣ своемъ —
Въ міръ Феба ть-жъ уставъ!
Тма страшнаица межъ стиховъ,
Тма чудесь — дрожу отъ страха!

«Да, да! Русская поэзія страшный сонъ, зрѣлище диковинныхъ чудъ, и это предсказываетъ намъ что нибудь необыкновенное! Вотъ вамъ двѣ книжки — читайте и судите о возможности моихъ предсказаній!»

Онь бросилъ намъ одну маленькую и одну толстую книжку — то были Поэзія Алексѣя Москвитянина и Были и завлужденія Алексѣя Васильевича Башкатова. Мы просмотрѣли объ эти книжку и книгу, и почти соглашаемся съ трусливымъ нашимъ пріятелемъ, что подобныя чуды даромъ родиться не могли! Ни смысла, то есть, *поэтическаго*, ни мысли,

то есть, *стихотворной*... Да, кто ихъ спрашиваетъ, а вотъ, напримеръ такіе стихи:

Служилъ я Марсу въ бранномъ полѣ,
И мечъ съ щитомъ его носилъ,
Служилъ Венерѣ... признаюсь,
Въ награду раны получилъ.
Удачи вездѣ не имѣя
Наукамъ себя посвятилъ...

или вотъ такіе:

И въ темнотѣ, пріятной нѣгѣ,
Жену свою я обойму...

или вотъ эти...

Заколдовалъ я трехъ красавицъ,
Покуда жена не умретъ,
Увижу силу книгъ волшебницъ,
Лвось гринъ Альбертъ не совертъ
Одна изъ нихъ Роза брюнетка,
Другая Полинъка блондинъ,
А третья Любинъка кокетка,
Всѣхъ-же лучше ихъ изъ нихъ блондинъ.
А третья Любинъка млада,
Для юна прелесть, будетъ что?
Для мужа точно дорога,
Огнь страшной — болѣе ничто!

Спрашиваемъ, что вы скажете объ этихъ стихахъ? Это обрзачики изъ Алексѣя Москвитянина. А вотъ вамъ кусочекъ другаго поэта:

Скажи-же мнѣ теперь: «Твои!»
И я нетрепной рукою,
Сожду твою, назу земною,
И будешь ты навѣкъ моя.

Къ этому куплету примѣчаніе Автора: «Однажды за обѣдомъ, любясь молодостью, красотою и любезностью Г. А. В., я въ *полителементъ* сказалъ ей, что теперь смотрю на нее, какъ на нѣчто неземное; она же улыбувшись отвѣчала: *а я что въ тебѣ.*» —

Дальше:

Не то, мой другъ, такъ я опять
Пообращусъ къ старой буре,
Въ небсной созерцать лазури
Могла, чтобъ прелесть душой стать.

Опять примѣчаніе: «Однажды Е. А. В., смотря на меня пристально, предсказательнымъ голосомъ сказала другому лицу, что моя будущая суженая будетъ прелестная собою, и меж-

ду прочным добавила: «будет пропояла дура!» в ответъ, я, значительно взглянув на нее, проглотилъ -- *вдохъ!*

Какъ намъ это нравится? Это мы выцпили изъ *заблуждений А. В. Башкатова*, который поделушалъ *покаленье зайца*, и которому *счастие строить фириольки*, а было все это такъ: *загрозь громъ; сова, сидя на дубѣ думатомъ, пригорюнилась; сердце поэта стучало молоткомъ; рядами или какіе-то штилетъ, и въ это-то страшное время:*

И залцъ сокрылся подальше въ ущельи,
И выпляла оги, прижавши ушки,
Онъ въ мысляхъ *читаетъ свои прерогативы*
Клянеть за капустаи себя корешки....

Поэтъ видѣлъ это во снѣ, и когда онъ проснулся, то заглядывающее:

На мой манерь, весь свѣтъ сибирогъ,
Въ немъ что-то все идетъ не такъ.
Лагушка тамъ кричитъ *каа, коакъ,*
А тутъ дуракъ все смѣетъ!

Я также счастье манилъ,
Манилъ обими руками,
Гляжу — оно *фириольки строитъ*
И хочетъ вестъ меня въ храмъ славы!

Тьфу, чортъ! Неужна въ самомъ дѣль,
Не въ шутку тамъ я *отутосл?*

Невфройтно, почтеннѣйшій Алексѣй Васильевичъ -- это *фириольки!* Съ такими стихами въ храмъ славы не пускаютъ!

При книгѣ приложень портретъ автора, и четкими буквами подписано имя его подъ портретомъ. Смотри на этотъ портретъ, мы вспомнили стихи Мольера:

Quel besoin si pressant avez-vous de rimer?
Et qui diantre vous pousse à vous faire imprimer?
Si l'on peut pardonner l'essor d'un mauvais livre,
Ce n'est qu'aux malhieux qui composent pour vivre.
Croyez-moi, Resistez à vos tentations,
Derochez au public ces occupations,
Et n'allez point quitter, de quoi qu'on vous somme,
Le nom que dans le monde vous avez d'honnête homme,
Pour prendre de la main d'un avide imprimeur
Celui de ridicule et misérable auteur....

Въ самомъ дѣль, пробѣжавши поэзію *Алексея Москвитина* и стихотворенія *Алексея Васильевича Башкатова*, мы почти согласились съ нашимъ трусливымъ пріятелемъ, и готовы были сказать ему:

Скоро, скоро наступаетъ
Аполлоновъ страшный судъ —
Нашъ богини мщенья ждуть....
Полно мучить намъ негаса!

68. Разныя разности. *Стихотворенія М. Демидова. Въ двухъ отдѣленіяхъ.* М. въ тип. А. Семена, 1838 г., въ 12, 119 стр.

Сорокъ пьесъ въ стихахъ; посвящены памяти А. С. Пушкина; эпиграфъ: «Нѣтъ дарованія безъ примѣси безумія.» *Нагало*, стр. 1-я:

Я изнемогъ въ борьбѣ съ судьбой,
Отъ ранъ я жажду исцѣленья!
Всевышній Царь Царей! будь ты
Мой вождь, надежда и спасенье
Я утопалъ въ пучинѣ золь,
Я запутался на распутъ....

Средина, стр. 56, 57.

Погасъ огонь философскихъ вдохновеній...
И огненная мысль утратила уже....
На пиръ быглія я допилъ свой бокаль...
Я до конца прочелъ печальной жизни сказку
Я отжилъ.....
Давно-ль огнемъ идей горѣла голова?
Давно-ль еще младая грудь моя...
Давно ли...
Я не склоню чела во прахъ передъ судьбою...
Я въ битву съ ней идти всегда готовъ, и радъ...
Я....

Конецъ, стр. 119:

И полнь любви моея огня
Я въ сладострастїи утонаю,
И блескъ денницы золотой
На пышномъ ложѣ я встрѣчаю
Въ объятїяхъ дѣвы молодой!

Согласны-ли вы, что у г-на Демидова точно собраны *разныя разности?*

69. Полныя анекдоты о *Балакиревъ, бывшій шутиль при дворѣ Петра Великаго. Изданіе третье. Безъ исправленій.* Три части. М. въ тип. И. Смирнова, 1838 г., въ 12, 48, 29, 38 стр.

«*Безъ исправленій*» -- это слово можетъ служить эпиграфомъ, и книгѣ, и повому ея изданію. Особенно хороши картинки при немъ.

70. Памятникъ дружбы для любителей альбомовъ, собранный изъ образцовыхъ Русскихъ, Нѣмецкихъ, Французскихъ и Англійскихъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ. СПб., въ тип. К. Крайя, 1838 г., въ 12 д., 64 стран.

Двадцать Англійскихъ, тридцать Французскихъ, сорокъ Нѣмецкихъ и сто тридцать четыре Русскихъ лоскутка, набранныхъ изъ хорошаго и плохаго. Послѣ стиховъ Жуковского найдете:

Я смерти не страшуся —
Смерть участь всехъ людей....

Подъ стиховъ Пушкина стихи:

Примите въ слабыхъ сихъ строкахъ
Усердье, вмѣсто вдохновенья,
И дань душевнаго почтенья....

Жаль одного, что не помѣщены разныя стихотворенія альбомныя, которыя сыщутся въ каждомъ порядочномъ альбомчикѣ:

Ручей два дерева разделяетъ,

И еще

Кто любить больше тебя,
Пусть пишетъ дальнѣ мѣл.

71. Три бездѣлки. Сочиненіе В. Серебряникова. М. въ тип. В. Кирилова, 1838 г., въ 12, 221 стр.

Какія бездѣлки!... Помилуйте: Три повести, и одна изъ нихъ, *Орфей съ поволомъ родъ*, была даже помѣщена предварительно — вѣроятно, для ознакомленія публики съ дарованіемъ г-на Серебряникова, въ *Литературныхъ Прибавленіяхъ*.

Содержаніе повѣстей г-на Серебряникова прекрасно. Купецкій сынъ Иванъ Птичкинъ остался послѣ отца съ сестрою Дуляшею, и началъ *флиртить* и *кутить*. Но вотъ судьба *стрянула* его съ савоженскаго двушкаго — онъ женился. Негоднй Продувалицъ сватается за сестру его, Дуляшу, послѣ бала, на которомъ

Продувалицъ танцовалъ съ Дуляшею, *Аферистовъ* съ Натальею, *Обдувалицъ* съ Алиною, *Надувалицъ* съ хозяйкою, *Черномозжикій* откупоривалъ бутылки, *Рыженскій* тасовалъ карты ...

Все это герои повѣсти. Продувалицъ занялъ денегъ на свадьбу у Обдувалина и Надувалина; уступилъ брату Дуляши изъ имѣнія сестры десять тысячъ, и женился на Дуляшѣ. Черезъ годъ проигралъ онъ половину ея приданаго, хогѣлъ

проиграть другую, но нечаянно попался подъ судъ, за покражу и подчистку заемнаго письма, и сосланъ въ Сибирь, а Дуляша, кажется, вышла за Надувалина.

Въ другой повѣсти Симонъ Дѣлпровъ, мѣщанинъ Смоленскій, хочетъ дать оплеуху Наполеону — согласитесь: мысль геніальная, но она не удастся. Симонъ бѣжить въ Москву, и видитъ, какъ Французскій Маршалъ крадетъ пенковую трубку, а Французы жгутъ Москву. Симонъ бѣжить изъ Москвы, бросаетъ картофелиной въ рожу Французскому кирасиру, и тутъ его ужъ убиваютъ.

Въ третьей повѣсти, но — вы уже читали ее въ *Литературныхъ Прибавленіяхъ*! Неужели вы не читаете *Литературныхъ Прибавленій*?

72. Дѣйствительное путешествіе въ Воронежѣ. Сочиненіе Ивана Раевича. М. въ тип. И. Смирнова, 1838 г., въ 12, 161 стр.

Впрочемъ, можно было написать это путешествіе и не въдивши въ Воронежѣ. Поэтъ, или авторъ — вѣдь вы конечно, знаете, что *г-нъ Раевичъ* есть тотъ великій поэтъ, котораго недавно рекомендовалъ публикѣ пѣкто *г-нъ Узановъ*, издавалъ его *Плоды вечернихъ бездѣлокъ*? И такъ, поэтъ сперва ѣдетъ, претерпѣваетъ бурю на грязномъ морѣ Тульской дороги (если вы ѣзжали изъ Москвы въ Тулу, то помните тамошній океанъ грязи). Буря была ужасная. «*Буйные вѣтры, раскатъ грома, зліе молній, слившись въ смертоносную игру стихій, отражали грозный разговоръ слава съ землемо.*» Поэтъ заѣзжаетъ къ г-ну П. И. Г... му, ужинаетъ, разговариваетъ о литературѣ, находитъ, что «перо г-на Греца неподражаемо въ слогахъ, а перо г-на Булгарина мило въ критикѣ,» что «на развалинахъ славы Пушкина *водрузится* слава г-на Бенедиктова,» и проч. — Потомъ поэтъ встрѣчаетъ на дорогѣ двоюроднаго брата, хоронитъ его (братъ этотъ былъ въ бѣлой горячкѣ); потомъ прибѣзжаетъ въ Воронежъ, пьетъ тамъ чай, а потомъ ѣдетъ обратно въ Москву, куда прибылъ онъ благополучно, написалъ книгу, посвятилъ Меценату своему, г-ну Узанову, и напечаталъ ее.

73. ВЕЧЕРА НА КАРПОВКѢ. Часть 1 и 2. Сиб. въ тип. Алекс. Смирдина, 1838 г. въ 12, 321 и 478 стр.

Отдохнемъ за этимъ прекраснымъ произведеніемъ милой нашей соотечественницы, у которой можно поучиться и сло-

гу и мастерству рассказа. Мы уже говорили объ Вечерахъ на Карповкѣ; теперь еще разъ перечитали мы *первую часть*, вышедшую *вторымъ изданиемъ*, и подтверждаемъ мнѣніе наше.

74. Кабинетъ Чтенія. *Выборъ статей, переведенныхъ изъ лучшихъ иностранныхъ периодическихъ изданій*. Томъ I, книжка 1. М. въ тип. П. Степанова, 1838 года, въ 8, 184 стр.

Вотъ и это явленіе, очень миловидно по наружности и хорошо по цѣли, которой нельзя не одобрить. Г-ль Межевичъ съблясняетъ въ краткомъ предисловіи, что видя много любопытныхъ статей въ иностранныхъ журналахъ, которыя не переходятъ въ журналы Русскіе, и съдѣственно, погибають для Русской публики, онъ рѣшился составить изъ нихъ сборникъ, и издавать его въ неопредѣленное время книжками. Въ первой вышедшей теперь книжкѣ помѣщены: прекрасная повесть Ж. Зандъ (*Мозаисты*), описаніе *Туниса*, изъ записокъ Князя Шюклеръ-Мускау, любопытная статья о книгахъ и манускриптахъ (почему не *рукописяхъ*?), и о послѣднихъ годахъ жизни В. Скотта, изъ *Британскаго Обзорнаго*, и еще три маленькія статейки. Все это переведено очень хорошо, и напечатано очень опрятно. Желаемъ, чтобы публика ободрила предпріятіе г-на Межевича, и тѣмъ дала ему средства продолжать свой сборникъ, который можетъ быть весьма пріятнымъ и занимательнымъ чтеніемъ.

75. Виндзорскія кумушки. *Комедія въ пяти дѣйствіяхъ*. Сос. Шекспира. *Переведенная для сцены*. М. въ тип. С. Селивановскаго, 1838 г. въ 12, VIII и 141 стр.

Объ этой книжкѣ хотѣлось намъ давно и много поговорить, но — все еще откладываемъ мы нашъ разговоръ до будущаго случая. Нетерпѣливо хотѣлось намъ видѣть Шекспировыхъ шалунишекъ Виндзорскихъ на нашей сценѣ. Мы не успѣли. Едва оглянулись мы, и томный Фальстафъ и сухощавый Каіусъ, и красноносый Бардольфъ, и ревнивецъ Фордъ, и чудный Шаллоуъ — промелькнули метеоромъ и исчезли! Какая этому причина! Отъ чего это происходитъ? Объ этомъ-то и хотѣлось бы разсудить подробнѣе. Кто виноватъ тутъ -- самъ Шекспиръ, переводчикъ его, актеры, или публика? Или ошиблась теорія, по которой, воля ваша! Виндзорскимъ Кумушкамъ следовало бы поправиться, и на долго уцѣлѣть на сценѣ? По крайней мѣрѣ, менѣе всего вишимъ мы переводчика.

Посмотрите, для примѣра, разлѣ дурно переданъ, вотъ хоть бы этотъ юмористическій монологъ оленорогаго толстяка, столь трудный для передачи: *The Windsor bell hath struck twelve!*

Ужъ полночь стукнуло на башнѣ....

Ухъ! настоящій часъ страстей!

Юнтеръ! самъ ты строишь нашии —

Будь вѣрной помощію моею!

Я взялъ въ примѣръ твои уловы,

Аллегорическій пріемъ:

Ты самъ для мишенькой коровки

Надѣлъ рога и былъ быкомъ.

И я, влившишисъ тучной ланью,

Не смогъ тѣлеснаго врага,

И по ея надѣлъ желанью

Оленью шкуру и рога. —

Чу, кто-то крадется дорогою, и проч.

Но, обо всемъ этомъ надобно поговорить обстоятельнѣе и подробнѣе, и мы предоставляемъ себѣ въ будущемъ это наслажденіе -- какъ иначе назвать, если рѣчь о Шекспирѣ?

76. Два Эдмонда. *Водевиль въ одною дѣйствіемъ*. Предланный сѣ Французскаго П. А. Анисковылъ. М. въ тип. В. Кириллова, 1838 года, въ 8, 74 стр.

Если вы видѣли Эдмондовъ на сценѣ, то не читайте ихъ, если не видали еще, подите и посмотрите, но опять таки, пожалуста, не читайте. Если вы прочтаете, можетъ-ли, нравиться вамъ, вотъ этакой, напримѣръ, куплетецъ?

Я съ важнымъ порученьемъ

Сюда хотѣ посланъ былъ,

Съ твоимъ-же появленіемъ

Сосель о'ъ неслъ забыть.

Но первый стѣканъ съ водкой,

Когда поднесъ ты мнѣ,

Письмо и дялю съ теткой

Увидѣлъ я на дивъ....

77. Необыкновенный случай. *Комедія-водевиль въ одною дѣйствіемъ*. Харьковъ, въ Унив. тип. 1838 г. въ 12.

А вотъ этотъ Харьковскій водевиль прочитайте непременно: *служай*, въ самомъ дѣлѣ, *необходимый*! Изъ премлага Скрибова водевиля, на берегахъ Лопани выкроился такой водевиль молодецкій. Не любопытно-ли вамъ наблюсти подобный удивительный метаморфозъ?

78. *Филать. Комедія въ 1-мъ дѣйствіи, для домашняго театра. Сочинилъ Павелъ Кларендъ. М. въ тип. В. Кирилова, 1838 г. въ 12, 88 стр.*

Предисловіе.

Я не думалъ писать комедіи, и еще меньше того для театра полубюрократическаго. — Но вдругъ нечаянно, увидя въ *геловъжкѣ-оригиналѣ* — невольную комическую идею представившуюся моему воображенію, и я тогда же начертилъ планъ этой комедіи... Но, для публичнаго театра, надобно что нибудь сурезише, и я надюсь современнымъ... *Прошу отгадать.*

Отгадать? Да, кажется, игра не стоитъ свѣчь. Советуемъ лучше автору сперва хорошенъко поучиться Русской грамотѣ, а потомъ уже списывать *геловъжкѣ-оригиналовъ*, и думать о комедіяхъ.

79. Критико-философическое разсмотрѣніе Гомеопатической системы. Соч. Ф. Юг. Неймана. М. въ тип. Лаазаревыхъ Инст., 1838 г. въ 12, 111 стр.

Надъ этой книжечкой уже успѣли посмѣяться въ журналахъ. И въ самомъ дѣлѣ, польза не засмѣяться, читая ее: видно, что авторъ иностранецъ, и потому пишетъ по-Русски весьма плохо. Очень жалеемъ объ этомъ, жалеемъ, что онъ не далъ какому нибудь грамотному Русскому переправить свою книжечку. Она стоила этого. На Русскомъ языкѣ не видали еще мы столь умно и дѣльно написанныхъ замѣчаній на Ганемана и его медицинскую систему. Мы желали-бы слышать мнѣніе объ ней г-дъ гомеопатовъ. Что касается до насъ, мы не медики, и наше дѣло сторона: мы вѣримъ и аллопатамъ, и гомеопатамъ, но только усердно стараемся не давать случая испытывать свое искусство надъ нами, ни тѣмъ, ни другимъ. Докторъ можетъ быть премилымъ человѣкомъ съ стаканомъ вина въ рукѣ, но съ ложкой микстуры въ десницѣ — припадемъ — для насъ онъ человѣкъ пренесносный! Все это такъ, но *послѣ* лечится надобно, то предварительно надобно-же выбрать методу. Если вы избираете Гомеопатию, советуемъ вамъ сперва прочитать книжечку г-на Неймана пока вы не умерли.

80. Практическій хозяинъ, или книга для всѣхъ состоящихъ, излагающая полное собраніе новѣйшихъ опытовъ и открытій, сдѣланныхъ извѣстными въ Европѣ агрономами, по всемъ отраслямъ естественныхъ наукъ, технологии, земледѣльческой промышленности, сельскаго хозяйства, искусствъ, и проч. Выбрано

изъ сочиненій лучшихъ иностранныхъ писателей М. М. Четыре части. М. въ тип. Лаазарев. Института, 1838 г. въ 12, 156, X, 151, XIV.

Видна сова по полету: книга для всѣхъ состоящихъ — опыты агрономовъ въ естественныхъ наукахъ и искусствахъ — этого довольно! Впрочемъ, тутъ какой-то агрономъ учитъ всему — варить щи и наваривать сталь, заколдовывать ружье и лечитъ насморкъ; солить ветчину и дѣлать помаду. А главное: кажется въ этой книгѣ новаго одно — *заглавные листочки*, которые *принежатами* къ какому-то старью, которое, видно, не шло съ рукъ. Теперь, съ починкой, авось книга пойдетъ за пово!

81. Двѣ маленькія сосѣдки. Сочиненіе г-жи Майсо. Пер. съ Французскаго. М. въ тип. Ив. Смирнова, 1838 г. въ 16, 165 стр. съ картинками.

82. Восемь дней ваканцій (вакацій), или время иденъ скоро. Повесть въ восьми отдѣленіяхъ. Пер. съ Французскаго. М. въ тип. Н. Степанова, 1838 г. въ 16, 222 стр. съ картинками.

Начало первой изъ этихъ книгъ:

Г-нъ и г-жа Дюшон были изъ самыхъ зажиточныхъ торговцевъ въ улицѣ Сентъ-Мартенъ, въ Парижѣ. Соединенные нѣжностью, взаимностью, любимые и уважаемые сосѣдями, имъ недоставало одного блага — дѣтей...

Не уже-ли это писано для дѣтей? Отложимъ въ сторону, и лучше посмотримъ и поворожимъ: не будетъ-ли, хоть для дѣтей, чего нибудь получше въ Русской литературѣ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ:

83. Чудесный гадатель узнаетъ задуманныя помышленія. Составилъ Ф. Кузмичевъ. Изданіе третیه. М. въ тип. В. Кирилова, 1838 г., въ 8, 39 стр.

Фу! какал бумага — точно лубокъ, а буквы — словно коцеровой напечатаны! Но, къ дѣлу! На заглавномъ листѣ представляется таблица — бросьте на нее зерно *геловъжкѣ*; оно упадетъ на цифру; ищите по ней отвѣта. Хорошо — бросаемъ. Выпало девятство. Что тамъ такое? Секретъ открывается нечаянно отъ посторонняго геловъжкѣ, и тѣ останешься доволенъ. — Да, это отвѣтъ Пноинъ? Не найдемъ-ли чего нибудь въ другомъ твореніи г-на Кузмичева:

84. Чернокнижница, разгадывающая сповѣднія, погертнутое изъ древнѣйшихъ и новѣйшихъ мудрецовъ. С. Федотова Кузнецова. М. въ тип. В. Кирилова, 1838 года, въ 12, 99 стр.

О! тутъ прелюбопытныя вещи: тутъ найдете, что значить во снѣ *амень* бгущаго видѣть, *асольг* торговать, *асетрику* вѣсть, *ануги* сушить, *авоци* собирать, *бороду оторванную* видѣть, *дьяволовъ танцующихъ* видѣть, *редьку* пестъ, *рыбу* съять, *рога* *илитъ* на *головѣ* — вотъ это любопытно! Что значить, въ самомъ дѣлѣ, если во снѣ пригрезется *рога на головѣ*? — Г-нъ Кузничевъ увѣрляетъ, будто *знакъ смѣлости и отваги съ друзьями на лву*. Можетъ быть — по крайней мѣрѣ, иногда точно такъ на лву бывасть...

V.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

ПОХОДЫ ФРАНЦУЗОВЪ ВЪ АФРИКѢ, И НЫНѢШНЕЕ СОСТОЯНІЕ ВАРВАРІЙСКИХЪ ОБЛАСТЕЙ.

(Статья вторая *)

Въ Мартѣ 1836 года, Оранская наша дивизія совершила въ обширныхъ долинахъ восточныхъ, и въ ущельяхъ Малаго Атласа, блистательный походъ, который открылъ для насъ самыя обильныя и самыя богатыя стороны этой обширной области. Послѣдуюмъ за сею экспедиціею, и проникнемъ вмѣстѣ съ нею во внутренность Варварійскихъ земель. Здѣсь будетъ намъ случай на многія любопытныя замѣтки, какъ объ Арабахъ, друзьяхъ и врагахъ нашихъ, такъ и о прекрасной странѣ, гдѣ они обитаютъ.

Начнемъ сердечною благодарностію памяти двухъ начальниковъ, бывшихъ въ нашей экспедиціи — генерала Перрего и полковника Комба; оба они были такъ юны, оба такъ любимы солдатами, оба исполнены великихъ дарованій, и — оба погибли подъ Константиною. Это завоеваніе, похитивъ у

* Статья 1, см. С. О. Апрель, отд. V, стр. 159 — 170.
Т. IV. — Отд. V.

насъ двухъ вождей незабвенныхъ въ одно время, оставило надолго Французскимъ солдатамъ тяжкое и грустное воспоминаніе. Великіи почести возданы потомъ славнымъ останкамъ главнаго начальника, нашедшаго подъ Константиною, генерала Дамремона; прахъ Перрего, покоящійся въ Калиари, долженъ быть положенъ подлѣ Дамремонова, въ склепѣ Инвалиднаго Дома. Что касается до несчастнаго, такъ рано погибшаго Комба — рвы Константины, да будутъ безвѣстною его могилою, и да почіетъ память его въ этомъ углу Африканскихъ земель, гдѣ шелъ онъ на битвы, такъ гордо, такъ мужественно предводъ къ побѣдѣ....

По выступленіи изъ Орана, небольшое войско наше перешло сначала черезъ долину Смоковницы. Обширная долина эта будетъ около 12-ти мѣ въ поперечникъ, и на всемъ ея протяженіи находится только одно дерево — чудесная, огромная смоковница, занимающая, такъ сказать, съ математическою точностью, самую срединную точку долины. Арабы благоговѣютъ предъ этимъ старымъ, вѣковѣчнымъ деревомъ. Караваны, враги, друзья, всѣ, кто только покоился подлѣ тѣни его, всѣ уважаютъ этого великана изъ царства растений; кровь, проливаемая при его корняхъ, только плодотворитъ землю окрестъ его, и даетъ новую жизнь его всегда зеленѣющимъ листьямъ.

Долина Смоковницы ограничена на югъ отраслью Малаго Атласа, горами *Бени-Амеръ*, гдѣ живетъ богатое племя, выводящее въ поле до 3000 всадниковъ; на сѣверъ она разстилается до самаго моря; на западъ идетъ до Оранскихъ предмѣстій, а къ востоку ограничиваетъ ее лѣсъ *Мулей-Измаила* и небольшой ручей *Тлелатъ*. Лѣсъ Мулей-Измаила, славный въ нашихъ Африканскихъ военныхъ лѣтопи-

схя убійственнымъ сраженіемъ, въ которомъ погибъ полковникъ Удино, назвали-бы во Франціи густою рощею; онъ состоитъ изъ фисташковыхъ деревьевъ, съ немногими и рѣдкими дикими соснами. Здѣсь не найдете большихъ деревьевъ; только въ окрестностяхъ Тремесена видно множество величественныхъ, огромныхъ маслинъ. Фисташки составляютъ почти всѣ здѣшніе лѣса; это небольшое деревцо покрыто густыми листьями на короткихъ и тонкихъ вѣткахъ, и мало пригодно для разведенія бивачныхъ огней.

Арабы совсѣмъ не заботятся объ умноженіи лѣсовъ; они почитаютъ и берегутъ тѣ, которые осѣняютъ ихъ оазисы, но не стараются, ни размножать ихъ, ни придавать имъ щегольскихъ формъ — предмета заботы нашихъ землевладѣльцовъ. Во всемъ и при всемъ, Арабъ полагается на природу, любитъся прохладою тѣни, случайно имъ встрѣченной, но безопасно и весело спитъ онъ и на палачемъ солнца, если не гдѣ укрыться.

Часто Арабы выжигаютъ часть своихъ лѣсовъ, для обработки потомъ очищенной земли; населеніе не соответствуетъ здѣсь пространству, и жители могутъ захватывать сколько угодно земель для земледѣльческихъ произведеній и скотоводства. Лѣса имъ почти бесполезны. Они живутъ подлѣ шатрами и не строятъ домовъ; не знаютъ даже и началъ мореплаванія; зима здѣшняя замѣтна только дождливою погодою. Вотъ отъ чего пренебрегаютъ они лѣсами. Надобно-ли имъ поохотиться? Они зажигаютъ свои фисташковыя рощи; испуганные звѣри бѣгутъ оттуда, и находятъ смерть въ опушкѣ охотниковъ, окружающихъ зажженную рощу.

Нашъ корпусъ раздѣленъ былъ на двѣ части. Генералъ Перрего отправился изъ Орана съ 3000-ми, и къ нимъ должны были присоединиться въ доли-

нѣ Габрахской еще 1100 человекъ, которыхъ велъ изъ Мостаганема полковникъ Комбъ.

Съ генераломъ находились *Мустафа-Бенъ-Измаилъ* и племянникъ его *Эль-Мезари*, начальствовавшіе Дуерами и Смелами, союзными племенами изъ Млетской долины, находящейся въ 4-хъ миляхъ отъ Орана. За полковникомъ слѣдовалъ бей *Ибрагимъ*, имѣя подѣ начальствомъ пѣшихъ Турковъ, и нѣсколько Дуеровъ, или племенъ *Борзіахъ*, обитающихъ по дорогѣ Маскарской. Пройдя по морскому берегу, генералъ расположилъ свой первый бивакъ на *Львиной Горѣ*, въ пяти лье отъ Орана.

Гора эта, съ ея довольно высокою вершиною, замѣчательна по своему странному виду, особливо, если смотрѣть на нее издали. Она, то походитъ видомъ своимъ на верблюда, то является въ видѣ пирамиды, смотря по положенію зрителя; иногда видите освѣщенную солнцемъ густую зелень ея кустарниковъ, а иногда опаленныя зноемъ ребра ея являются вамъ только широкую полосу голыхъ, изломанныхъ утесовъ. Имя горы произошло отъ величайшаго множества львовъ, которымъ до войны служила она всегдашнимъ пристанищемъ. Теперь они здѣсь являются за рѣдкостью, и Арабы говорятъ, что ихъ даже вовсе нѣтъ.

Къ сѣверной покатоги горы есть небольшая долина, гдѣ протекаетъ потокъ чистой, прекрасной воды. Это любимое становище Арабовъ, на которое, проѣзжая мимо, никогда не забудутъ они остановиться и отдохнуть.

На другой день, войско наше пришло къ устью *Маттаха*, небольшой рѣчки, выходящей изъ болота, образуемаго слияніемъ *Габраха* и *Сига*; названіе «Маттахъ» значитъ по-Арабски *болото*. Мы повернули на право, и вступили въ обширную долину Си-

га и Габраха, гдѣ соединился съ нами полковникъ Комбъ. Отсюда отправились мы на Габрахъ, къ подошвѣ Малаго Атласа.

Встрѣча двухъ небольшихъ нашихъ отрядовъ, среди безконечной, безграничной долины, не была лишена ни поэзіи, ни картинности, особливо, если припомнить мѣста, гдѣ мы были, и составъ нашего небольшого войска.

Тогда былъ Мартъ мѣсяць, а подѣ небомъ Африки весна начинается весьма рано. Долину застилали обширныя полосы хлѣба и ячменю, пересѣченныя другими полосами, покрытыми множествомъ дикихъ цвѣтовъ; самыя названія большей части ихъ, были намъ неизвѣстны. Многочисленные потоки, орошающіе долину во всѣхъ направленіяхъ, закрыты по берегамъ лавровымъ шиповникомъ; онъ былъ тогда въ полномъ цвѣту, и въ немъ укрывались стада горлицъ и Варварійскихъ голубей. Ни одинъ холмъ, ни одна неровность не являлись взорамъ нашимъ на этой безмѣрной скатерти зелени и цвѣтовъ, по которой высились только длинныя и гибкія лозы Испанскихъ генетовъ (дрюка). Среди такой веселой природы, медленно двигались мы съ нашими пушками, мулами, лошадьми, и всеми приборами военного похода. Подлѣ насъ шли Арабы, въ своихъ бѣлыхъ и черныхъ бурнахъ, между тѣмъ, какъ по сторонамъ, отчаянные искатели приключеній, *Спаги*, въ красныхъ бурнахъ, пускали во весь галопъ своихъ легкихъ коней, попарал копытами ихъ хлѣбъ и цвѣты, и по вѣтру пустыни развѣвая своими *санджакали*, или небольшими знаменами.

Наша экспедиція слѣдовала послѣ той, которую совершилъ маршалъ Клозель къ Тремсепу. Мустафа-Бенъ-Измаилъ, освобожденный нами отъ осады, ко-

торуую три года выдерживалъ онъ въ этомъ городѣ отъ Абдъ-эль-Кадера, въ первый разъ находился тогда въ нашихъ рядахъ, и долженъ былъ воздать бею Ибрагиму почести, надлежащія ему по знанію бей.

Скажемъ сперва нѣсколько словъ объ этомъ Ибрагимѣ. Журналы кричали объ немъ въ Европѣ такъ много, что имени его нельзя оставить безъ объясненій.

Ибрагиму теперь будетъ около шестидесяти лѣтъ; онъ высокаго роста, всегда гордо держитъ свою красивую голову, украшенную длинною съ просѣдью бородою, и безпрестанно красуется величественными положеніями тѣла. Ибрагимъ годился-бы въ превосходные образцы для батальной живописи нашего Гро. И вотъ единственное и неоспоримое его достоинство. Разсматриваемый ближе, какъ всякій публичный, выдвинутый изъ ряду другихъ человѣкъ, онъ теряетъ все свои достоинства. Горделивый вождь этотъ всегда былъ для Арабовъ предметомъ презрѣнія и ненависти; они ненавидятъ его, какъ Турка, смѣются надъ нимъ, какъ надъ безсильнымъ беемъ, и презираютъ его, ибо только наше заступленіе доставило ему нѣкоторую власть надъ ними. Между тѣмъ они боятся его, потому, что пули пистолетовъ Ибрагима мѣткі, и атаганы его шайассовъ всегда хорошо отточены.

Французское правительство увидѣло въ послѣдствіи, что этотъ человѣкъ не годился быть его представителемъ среди Арабовъ; Мостаганемскій бейликъ отняли у него, и отдали племяннику Оранскаго бей.

Ибрагима всегда сопровождаетъ его зонтикъ, какъ знакъ его высокаго званія, семь знаменъ съ полумѣсяцами, и странная музыка, которую Арабы почитаютъ однакожь превосходящею музыку бей Тре-

месенскаго, Абдъ-эль-Кадера, и даже бей Константинскаго. Ибрагимъ слыветъ между ними любителемъ изящныхъ искусствъ. Музыку его составляютъ семь, или восемь инструментовъ — три волынки, двѣ дудки, въ родѣ кларнетовъ, и три бубна, столь-же странные по своей формѣ, какъ и по звукамъ, какіе изъ нихъ извлекаютъ. Каждый бубень образуетъ кошечья кожа, сильно натянутая, по которой бьютъ въ мѣру деревянною колотушкою. Музыканты Ибрагимовы всегда играютъ при утренней и вечерней молитвѣ, и игралъ ѣдутъ верхомъ за беемъ, куда-бы онъ ни отправился. Находясь всегда за нимъ, бѣдые виртуозы дуютъ изъ всѣхъ силъ, или бьютъ во всю руку, все вмѣстѣ, правда, но скоро или тихо, однакожь все на одинъ ладъ. Волынки составляютъ родъ басовъ, дудки что-то въ родѣ теноровъ, а барабаны стучать просто, какъ попало. Если вы слышали, какъ волынки и Каталанскіе гобои играютъ живыя и увлекательныя деревенскія пѣсни въ восточныхъ Пиренейхъ, когда подъ эти звуки пляшутъ красивыя дѣвушки Перпиньянскія, Арльскія, Прадскія и Прать-де-Мольскія, то можете имѣть нѣкоторое понятіе о Бедуинской музыкѣ. Представьте себѣ притомъ загорѣлыя и угрюмыя лица впереди волынщиковъ, и великолѣпное голубое небо, распростертое надъ головами—и вы можете представить себѣ послѣ этого бей Ибрагима-Бюснаша, ѣдущаго по обширной долинѣ Габрахской, на встрѣчу Мустафъ и Эль-Мезари.

У Мустафы никогда нѣтъ ни зонтика, ни музыки. Этотъ человѣкъ угрюмый своимъ видомъ, небрежный въ своемъ нарядѣ, не отличается, ни богатымъ платьемъ ни шумомъ музыкальнымъ, но его приветствуетъ тихое, почтительное благоговѣніе двухъ подвластныхъ ему, воинскихъ племенъ; лучшіе

всадники и сильные войны ихъ окружаютъ Африканскаго властителя. Рядомъ съ нимъ гордо несутъ два знамя его, зеленое и бѣлое, съ изображеніемъ руки — хоругви, которыя столько разъ видали въ опасностяхъ битвъ, и — никогда еще не видывали дрогнувшими передъ непріателемъ.

Дуеры и Смелы осматривали курки своихъ ружей и готовили своихъ коней — надлежало начаться торжественной *фантази*. Для показанія своей радости, для празднованія великихъ событій своей жизни, Арабы ничего другаго не знаютъ, кромѣ воинскихъ игръ. Ихъ составляютъ скачки и обороты изумительныя, въ которыхъ лошадь совершенно передается прихоти всадника. Арабъ истинно прекрасенъ, когда склоняетъ на свою удивительную лошадь, заставляя зрителя върять сказкъ о центврахъ, людяхъ, сросшихся съ лошадьми. Вы видите его ловко отбрасывающаго съ плеча свой бурну — онъ прицѣливается, и стрѣляетъ, и между тѣмъ лошадь его даже не дрогнетъ, на волосъ не встрепенется, и между тѣмъ всадникъ мчится на ней во весь опоръ съ опущенною уздою, и по такой землѣ, гдѣ наша конница съ трудомъ маневрировала-бы кое-какъ шагомъ, а Европейскій скакунъ не посмѣлъ-бы пустить рысью коня своего. Знамена Ибрагима появились вдаль, и четыре ста Арабовъ Мустафы пустились во весь махъ — ружья впередъ, не щадя шпоръ и крика! Арабскія шпоры не походятъ на наши серебряныя, щегольскія игрушки. Одинъ видъ Арабской шпоры заставилъ-бы васъ испугаться. Эта шпора, или *шагирь*, кусокъ желѣза, длиною вершковъ въ восемь, оканчивающійся остремъ, которое заминаятъ у него нашу шпорную звѣздочку. Кусокъ этотъ прикрѣпленъ къ желѣзному полукругу, который привязываютъ къ ногѣ ремнемъ. Посредствомъ

такой-то машинки заставляютъ Арабскую лошадь бѣжать безъ устали, или — умирать. Арабъ хочетъ, требуетъ, чтобы лошадь его жертвовала ему всѣми силами, даже самую свою жизнь, и ему нѣтъ надобности, если кровь обогрѣетъ ребры благороднаго животнаго. Пусть лошадь задыхается отъ усталости, онъ жестоко поражаетъ ее, ранитъ ее, обновляетъ ей рану — онъ повелитель своего добраго коня, и конь другъ его и рабъ его....

Рынувшись въ первый разъ, Бедуины раздѣлились по три и по четыре, держа въ строю своихъ лошадей, при равной скорости бѣга; крича во все горло, они доскакали до бѣга, выстрѣлили изъ ружей къ ногамъ его, и быстро помчались назадъ. Но, вотъ они опять повернули, заряжая свои ружья, вертя ими вокругъ, подымаясь на своихъ короткихъ и широкихъ стременахъ, оживленные уже прежнимъ перелетомъ, и крича еще сильнѣе и диче прежняго. Еще выстрѣль, и они стали за беомъ, въ пыли, въ дыму, заставляя прыгать и плясать подъ собою утомленныхъ лошадей.

Въ это время любопытно, восхитительно видѣть Арабскую лошадь; кажется, что она оживлена душою своего сѣдока, и горлится какъ онъ; ротъ ея въ пѣнь, изъ глазъ ея сверкаетъ огонь, ноздри ея раздуваются; она подымаетъ пыль и камень изъ-подъ копытъ, мчится черезъ кусты, или мимо ихъ, съ удивительною ловкостью, и вдругъ становится въ ряды хладнокровная, спокойная, повѣсь голову и опустя хвостъ и уши, пока снова двинуть ее, для начала новой *фантази*.

Торжество прервано было появленіемъ непріятельскихъ отрядовъ. *Каидъ* Калаха, города въ Маскарской области, назначенный Абдъ-эль-Кадеромъ на мѣсто Сида-Румедина, бывшаго съ нами, вздумалъ рекогно-

сцировать наше войско, съ семью, или восемьюстами своих всадниковъ. Всѣ Арабы наши, за минуту думавшіе только о забавахъ, мучившіе лошадей своихъ только для показанія своего удалства, мгновенно повернули на непріятеля; начальники ихъ полетѣли впередъ, и толпы отчаянныхъ удалцовъ рассыпались по долину, съ крикомъ, заставляющимъ трепетать. Быстро примчались они къ непріятелю, ожидавшему ихъ; раздались выстрѣлы, и Бедуины Абдъ-эль-Кадеровы дрогнули и побѣжали. Невозможно изобразить ярости, какая зажгла тогда сердца нашихъ союзниковъ! Больше шести часовъ преслѣдовали они бѣгущихъ враговъ, проскакали болѣе девяти мѣ (около 40 верстъ), и ни рвы, ни потоки, ни самыя горы ихъ не останавливали; они перешли за Габрахъ, и оставили непріятеля только въ ущельяхъ Маскарскихъ, гдѣ легко могли попасть на засаду.

Медленно слѣдуя по дорогѣ за нашими союзниками, мы безпрестанно находили разбросанные по слѣдамъ ихъ, обезглавленные, прострѣленные пулями, нагіе трупы. Легко узнали мы между ними тѣло каида Калахскаго; пуля поразила его прямо въ грудь, и голову его отрѣзалъ тотъ, кого смѣнилъ онъ въ начальствѣ. При видѣ этого обезображеннаго трупа, нельзя было не пожалѣть о несчастномъ каидѣ — онъ былъ такъ молодъ, такъ красивъ, такъ смѣлъ и силенъ; бѣлизна рукъ, ногъ его и груди была особенно замѣчательна; голову отрѣзали у него тщательно и съ величайшимъ искусствомъ; видно было, что онъ защищался отчаянно; правая рука его была вся изрублена, изуродована. Вечеромъ, когда мы стали на бивакахъ, передъ шатромъ Ибрагима каждый изъ насъ могъ видѣть, сложенную для потѣхи его, грудю головъ непріятельскихъ. Въ сторонѣ отдѣльно положена была бритая голова, съ черною, тщательно

расчесанною бородою; большіе, неподвижные, но все еще прекрасные глаза, придавали, какъ будто жизнь какому-то этому блѣдному лицу, и легкое сжатіе губъ, казалось, показываетъ болѣе улыбку, нежели скорбь, презрѣніе болѣе, нежели страхъ.

День вечерель, когда мы пришли на правый берегъ Габрахъ. Мѣсто было здѣсь живописно. Рѣка неширокая и неглубокая, хотя и весьма крутоберегая, какъ всѣ потоки въ сѣверной Африкѣ, омываетъ подошву горъ Маскарскихъ. Прежде, на 15, или 20 мѣ ея теченія, отгнѣли ее прекрасныя деревья, изъ коихъ многія были обильно плодовиты. На лѣвомъ берегу и теперь еще остается длинный тамариндовый перельсокъ, уважаемый Арабами потому, что близъ него были разбиты Испанцы, въ 1561 году. Наши отряды, при непрерывныхъ переходахъ, срубили всѣ деревья по берегамъ Габрахъ, для разведенія огней лагерныхъ и постройки шалашей. Стремнины, образующія здѣсь послѣднія покатоги горы, сходящихъ въ долину, покрыты лѣсомъ и превосходными пажитями. Множество *марабутовъ*, разбросанныхъ по утесамъ, придаетъ видъ жизни пустынь. Дорожки, ведущія къ симъ небольшимъ памятникамъ въ видѣ башенокъ, гдѣ покоятся святыя и знаменитые люди изъ Арабовъ, вѣролтно, часто и многими посѣщаются, потому, что никогда не зарастаютъ онѣ травою. На югъ, къ сторонѣ Маскары, широко раздвигаются сѣрыя, крутыя горы. Отъ времени до времени, на высотахъ являлись намъ всадники, наблюдая движенія нашего войска, которое, расположась въ долину, рубило деревья, ломало надгробныя памятники, топтало жатву и шумно шло на развалинахъ. При этомъ позорѣ родины и могилы отцовъ его, Африканецъ кланется въ душѣ своей вѣчною ненавистью Французу, и войною безъ мира и

пощадь! На сѣверъ тянется долина, край небосклона которой едва можно завидѣть глазами, ибо она простирается, до Масагранскихъ возвышенностей; на востокъ касается она ущельевъ Минаскихъ, на западъ Мулей-Измаилова лѣса.

Дуеры и Смелы возвращались, кончивъ погоню за непріателемъ. Трое вождей ихъ ѣхали впереди дружинъ своихъ, и бей Ибрагимъ находился среди двухъ своихъ товарищей. Музыка его гремѣла безъ перерыва; рѣзкіе звуки вольноокъ оживляли торжественный маршъ; лошади ржали, предчувствуя близость отдыха; всадники смѣялись и разговаривали, громко рассказывая о своемъ удаествѣ, и о томъ, кто чѣмъ успѣлъ отличиться. Наши солдаты составили полукругъ при ихъ приближеніи, и съ удивленіемъ смотрѣли на нихъ. Арабъ представляеть для Европейца столь много самобытнаго и новаго, что даже самые тѣ, кто живетъ съ нимъ, и сражается съ нимъ, не могутъ довольно на него насмотрѣться, и удовлетворить вполнѣ свое любопытство. Мы толпились кругомъ, какъ настоящіе зѣваки, между тѣмъ, пока, гордясь нашимъ любопытствомъ, Арабы старались еще болѣе возбуждать его разными лихими маневрами на окровавленныхъ своихъ лошадяхъ. Настала ночь; запылали таборные огни; небо было великолѣпно; воздухъ почти жаркій. Въ станѣ нашемъ царствовало обиліе. Арабы захватили на погонѣ непріятельскія стада, и лагерь нашъ наполнился козами и овцами, производившими страшное блѣяніе. За 30 су отдавали барана. Вездѣ рѣзали, жарили; деревянные вертела шевелились на всѣхъ огняхъ. Это былъ Омировскій таборъ, ужинъ героевъ, для котораго готовили цѣликомъ животныхъ, и подавали ихъ не разрѣзывая на части. И тутъ-же, въ двухъ шагахъ, текла рѣка, и обильно снабжала насъ чистою

водою. Этотъ бивакъ остался едва ли не самымъ веселымъ воспоминаніемъ изъ всѣхъ тяжелыхъ кампаний, какія перенесли мы въ Африкѣ въ теченіе трехъ лѣтъ.

Тяжелые труды ожидали насъ на другой день. Въ пять часовъ утра кликнули охотниковъ; мы сдѣлали походъ въ горы, и только двухъ лье не дошли до Маскары. За годъ прежде, во время похода своего противъ сего города, маршалъ Клозель имѣлъ съ собою 10,000 человекъ, и значительные запасы, а между тѣмъ надобно ему было преодолѣть величайшія трудности, чтобы достигнуть цѣли своего предпріятія. Теперь было насъ только 1,500 человекъ, но бодрыхъ, смѣлыхъ, готовыхъ на перенесеніе всякихъ трудовъ. Жаръ стоялъ смертельный; мы умирали отъ жажды, а между тѣмъ шли впередъ, и отважно лѣзли съ горы на гору. Во всю продолжительную прогулку нашу не нашли мы ни одной капли воды, хотъ-бы грязной и мутной. Мы воротились въ станъ нашъ въ пять часовъ вечера, употребивъ на походъ двѣнадцать полныхъ часовъ, и отдыхая только по нѣскольку минутъ черезъ каждыя два часа, преслѣдуя и отгоняя притомъ стада, которыя встрѣчались намъ въ ущельяхъ; испуганные пастухи бѣжали отъ насъ, не оказывая никакого сопротивленія.

Возвращеніе наше въ станъ, черезъ горные хребты, было особенно любопытно. Между колоннами нашими гнали мы болѣе двухъ тысячъ штукъ рогатой скотины. Для прогонки такого многочисленнаго стада, по сторонамъ шли барабанщики и трубачи; они трубили, били въ барабаны, и пугая животныхъ шумомъ, заставляли ихъ опретью бѣжать впередъ по дорогѣ. Съ трудомъ можете себѣ представить, что за ревъ и что

за шумъ производила наша движущаяся толпа людей и животныхъ. Барабаны и трубы гремѣли и стучали какъ попало, безъ лада и порядка; блѣянье, мычанье, дикіе вопли, шумные клики смѣшанно слышались изъ облаковъ пыли, разстилавшихся во все стороны, и все это прикрывалъ глухой потопъ, который производить шаги людей и лошадей. Последний отдыхъ нашъ былъ на самой крайней высотѣ горъ, при спускѣ въ долину — товарищи и раздолье ждали насъ тамъ подъ горою, внизу, но мы остановились на высотахъ — мы съ жадностью хотѣли дохнуть этою прохладою, которой тщетно жаждали цѣлый день; она вѣяла теперь на насъ, свѣжая, благоуханная, съ рѣки, протекавшей передъ нами, и развивавшейся по долинѣ длиною, изгибистою змѣйкою. Чудная картина раскрывалась передъ нашими взорами; солнце садилось въ небѣ безъ облаковъ, и природа являла на землѣ все свое величіе. Все труды, все страданія наши были забыты. Тяжелый, но счастливый день! — Да, «счастливый»: мы успѣли показать силы и юность нашу . . .

На другой день объявленъ былъ отдыхъ. Мы устроили по обоимъ берегамъ рѣки нѣкоторыя укрѣпленія, и оставили ихъ потомъ Арабамъ. Никогда не пыгались они разрушать построекъ, какіе оставляли мы имъ по дорогамъ, довольствуясь тѣмъ только, что съ любопытствомъ обглядываютъ ихъ; защищаться въ нихъ никогда не приходится имъ въ голову. Не принимая на себя труда разломать и раскопать валы и укрѣпленія наши, они даже употребляютъ ихъ иногда съ пользою — дѣлаютъ въ нихъ хлѣва для скотины.

Скоро отъправились мы къ марабуту *Сиди-Мадера*; именемъ его называется одинъ изъ фонтановъ, въ

которомъ вода весьма пріятна на вкусъ, но не здорова для питья. Во время марша нашего, продолжавшагося около семи часовъ, многія племена Арабекія пришли изъявить свою покорность бею Ибрагиму и генералу нашему; первый отъ всѣхъ забиралъ себѣ подарки; генералъ не принималъ ничего, что ему ни подносили. Мы вступили послѣ того въ долины *Иллила* и *Минь*. Иллиль небольшой протокъ, вливающійся въ Мину, которая также впадаетъ неподалеку въ Шелифъ. Обѣ сіи долины во многомъ походятъ на Сигскую и Габрахскую, хотя и меньше ихъ. Онѣ хорошо обработаны и обильны. Между племенами, здѣсь обитающими, особенно замѣчательны *Сиди-Лариби* и *Меджеръ*, оба изъявившія намъ свою покорность.

Племя Сиди Лариби славится тѣмъ, что у него лучшія лошади. Онѣ извѣстны подъ именемъ «Шелифскихъ»; головы у нихъ большія, члены мощные, копыты широкія. Пажиты долинъ здѣсь тучны, и весьма уважаются. Когда вождь Сиди Ларибскій явился къ намъ, для изъявленія своей покорности, мы поспѣшили къ нему навстрѣчу, ибо мы знали его трогательную исторію, и намъ любопытно было увидѣть его. Это былъ молодой Арабъ, 19-ти, 20-ти лѣтъ, бѣлый лицомъ, съ нѣжными формами тѣла, и робкій въ разговорѣ. А между тѣмъ, подъ этою слабою наружностью, скрываются у него неукротимая воля, и сердце благородное и мужественное. Печальное событіе передало ему власть. Отецъ его, начальникъ Сиди-Арибскаго племени, былъ потребованъ въ Маскару къ Абдъ-эль-Кадеру, болвшемуся власти храбраго старика надъ сильнымъ племенемъ. Довѣрчиво явился онъ по приказанію, былъ схваченъ, и безъ суда повѣшенъ въ окнѣ эмирава жилища, пока Абдъ-эль-Кадеръ совершалъ молитву въ мечети. Голову несчаст-

наго отослали къ его сыну. Этотъ юноша не оробѣлъ; воздалъ достойныя почести погребенія головь отца, отрубилъ голову невольнику, привезшему къ нему столь ужасный даръ, и нашель усерднаго раба, который согласился отвезти къ Абдъ-эль-Кадеру голову его посланнаго. Такія пересылки могли быть бесконечны. Эмиръ отпустилъ смѣлаго Араба безвредно, но приготовился наказать примѣрно смѣлаго бунтовщика. Вождь Сиди Ларибскій перешель за Шелифъ, долго сражался съ могущимъ своимъ непріителемъ, и наконецъ передался Французамъ.

Мы оставили Мину, и углубились въ Шелифскія ущелья. Горы, окружающія ихъ, чрезвычайно стѣснены, и весьма удобны для партизанской войны. Здѣсь обитаетъ нѣсколько племенъ, и между ними *Бени-Зерруальское*, которое не хотѣло слышать о мирѣ съ нами, и горло запрещало намъ переходить черезъ его землю. Головы нашихъ колоннъ двинулись въ ущелья, и скоро загремѣла по горамъ перестрѣлка. Нѣсколько разъ принуждены мы были останавливаться, и очищать дорогу пушками, а непріятель, занимая крѣпкія мѣста, нападалъ на насъ, и многихъ ранилъ и убивалъ. Шагъ за шагомъ брали мы здѣсь каждый футъ земли оружіемъ, и битва прекратилась не прежде, когда мы перешли земли Бени-Зеруаловъ. Это храброе племя принадлежить къ Кабайламъ; они сражаются пѣшіе.

Вечеромъ пришли мы къ Шелифу, одной изъ самыхъ широкихъ и глубокихъ рѣкъ въ сѣверной Африкѣ. Она выходитъ съ юга, идетъ къ С. З., принимаетъ въ себя многіе потоки, и описавши большой изгибъ на сѣверъ, впадаетъ въ море, въ десяти миляхъ отъ Мостаганема. На берегахъ ея видѣли мы какія-то, Византійской постройки, развалины.

Ничего нельзя тутъ разобрать; все такъ развалилось, что остается уцѣлѣвшею только длинная стѣна.

Далѣе перешли мы черезъ богатую долину *Массагранскую*, устланную сельскими домами Мавровъ; но теперь здѣсь все пустынно и въ разрушеніи. Печальный, грустный видъ! Сады наполнены еще цвѣтами; разбросанными земледѣльческими орудіями завалены рвы; померанцовыя, гранатныя, финиковыя, лимонныя деревья видны еще тутъ, разсаженные величественными аллеями; правильные четыреугольники нарцизовъ и резеды, жасминовъ и розъ, показываютъ изысканный вкусъ прежнихъ хозяевъ; кактусовыя огорожи ограничиваютъ и межутъ владѣнія и дачи; въ каждомъ домѣ находятся цитерны. Но дома все пусты — приведите сюда жителей, и все готово снова закипеть жизнью.....

Послѣ восемнадцати дней марша, нѣрѣдко форсированнаго, войско наше стало подъ Ораномъ. Мы потеряли весьма немного народа въ нашей экспедиціи, которая между тѣмъ хорошо ознакомля насъ съ Арабскими нравами, и принесла особенную честь начальникамъ, дарованія и кротость которыхъ восторжествовали надъ столькими трудами и препятствіями.

Великолѣпный приказъ по арміи извѣстилъ насъ, отъ имени главнаго полководца, что Абдъ-эль-Кадеръ, бѣгствующій, оставленный своими подданными, приписываетъ себѣ теперь только пустое названіе вождя и повелителя, не имѣя уже ни надъ кѣмъ ни какой дѣйствительной власти; что Африканскія владѣнія наши укрѣплены миромъ и покорностью, и что бѣдный, жалкій эмиръ отнынѣ погибъ навсегда.....

Но война никогда не кончится такъ скоро на берегахъ Африки. Черезъ двѣ недѣли роли наши перешли въ Т. IV. — Отд. V.

ремѣнились — мы были заблокированы на берегахъ рѣки *Тафины*, текущей отъ Трёмесены къ острову *Аарессуну*, послѣ несчастнаго и кроваваго дѣла, гдѣ храбрость двухъ тысячъ Французовъ не могла устоять противъ силы двѣнадцати тысячъ Арабовъ, предводимыхъ самимъ Абдъ-эль-Кадеромъ, который явился здѣсь страшнѣе и грознѣе, нежели являлся когда либо прежде. Только усиленное движеніе свѣжихъ, помощныхъ войскъ могло насъ спасти.....

Статья третья.

Бедуины, занимающіе свѣрь Африки, происходятъ отъ нѣсколькихъ древнихъ племенъ, пришедшихъ сюда изъ Аравіи, и хотя много вѣковъ протекло со времени переселенія въ Африку ихъ предковъ, все еще можно называть ихъ *Арабами*; они сохранили всѣ привычки и нравы народа, отъ котораго происходятъ, ничего не приобрѣли отъ сообщенія съ другими, болѣе образованными народами, и ничего не утратили, смѣшиваясь съ племенами, болѣе ихъ варварскими. У нихъ вполне остаются характеръ, одежда, кочевая, безпокойная жизнь пустыннаго Аравитянина. Вѣка, протекая надъ ними, оставили на нихъ слѣдовъ не болѣе, какъ и переселеніе изъ первобытной отчизны — и нынѣ они тѣ-же, какими были во времена Югуръы и Массиниссы.

Хитрость и лукавство — отличительный характеръ Бедуина. Недовѣрчивость есть причина всѣхъ его дѣйствій; всегда готовый защищаться, онъ не заботится о жребіи, какой предоставляетъ ему Пророкъ его, и будучи фаталистъ въ этомъ отношеніи, ничего не дѣлаетъ для избѣжанія, или перемѣны своего жребія; онъ сгибается безъ ропота подъ усиленными ударами бѣдствій, такъ-же, какъ безъ радости принимаетъ онъ самыя величайшія, самыя неожиданныя блага счастья.

Жадность корысти у всѣхъ Арабовъ, превращается въ скарредство; повѣрить невозможно, до чего доходить у нихъ сребролюбіе; они не знаютъ другаго закона въ торговлѣ, и безъ всякаго зазрѣнія совѣсти обманываютъ самыхъ ближнихъ родственниковъ своихъ и лучшихъ друзей.

Между тѣмъ деньги ни къ чему не служатъ Арабамъ; умѣренные въ домашней жизни, они не знаютъ нашихъ безразсудныхъ издержекъ; роскошь заключается у нихъ въ оружіи и въ лошадахъ, и только въ этой роскоши полагаютъ они все свое богатство.

Одежду Араба составляетъ обыкновенно рубашка, съ широкими рукавами, безъ воротника, и *гаикъ*, доскутъ шерстяной ткани, который обертываютъ около тѣла; верхній конецъ его привязываютъ на голову веревкою изъ верблюжьей шерсти, завернувши ее 40, или 50 разъ; свѣрхъ гаика надѣваются два, или три плаща съ капишонами, изъ бѣлой, или черной шерстяной ткани, извѣстные подъ именемъ *бурну*; ноги у Араба всегда голы, и на нихъ надѣваются только сафьянныя *бабуши*. Въ такой одеждѣ ѣздитъ Арабъ на лошади, употребляя для возбужденія своего коня широкія стремена, ибо на ногахъ его нѣтъ шноръ.

Для отличенія себя отъ простолюдиновъ, начальники и богачи присоединяютъ еще къ описанному костюму *сорваль*, или шаровары Арабскія, куртку, и *тумашъ*, или воинскіе сапоги. Шаровары придерживаются на поясъ шерстянымъ, или шелковымъ, чрезвычайно длиннымъ поясомъ, который обвиваютъ вокругъ тѣла. Они дѣлаются весьма широки, но суживаются къ низу, и завязываются ниже колѣна. Страшная ширина дѣлаетъ это исподнее платье весьма неудобнымъ для конной ѣзды. Съдда

Арабскія, подобно Турецкимъ, имѣютъ спереди лужу, весьма высокую, а сзади вырѣзка ихъ дѣлается еще выше, и потому Турокъ и Арабъ не могутъ сѣсть на лошадь такъ проворно, какъ мы. Садясь, всегда съ правой стороны, всадникъ кладетъ лѣвую ногу на лошадь, подбираетъ лѣвою рукою широкій сорвалъ свой, и помѣщается на сѣдло послѣ значительной разстановки. Всѣ такія приготовленія были бы затруднительны съ нашею Европейскою лошадью, часто непослушною, когда на нее садятся (au montoir), но Арабская лошадь рѣдко пошевелится съ мѣста, пока всадникъ самъ ея не двинетъ. Турманн обувь весьма щегольская, похожая на *boites à dentelles*, какіе носили во времена Лудовика XIV-го; она безъ каблуконъ, легка, нѣжна, вся въ складкахъ, и съ широкимъ отверстіемъ къ верху, въ видѣ воронки, стягиваясь, въ случаѣ надобности, сафьянными ремнями, которые висятъ на ногѣ. Два разныхъ отдѣленія составляютъ сію обувь—ботинка, изъ чрезвычайно нѣжной кожи, и ее надѣвають сперва, а къ ней уже прибавляется потомъ отдѣльное голенище. Цвѣтъ этихъ сапоговъ бываетъ различный, смотря по вкусу каждаго; вообще они дѣлаются цвѣта желто-соломеннаго, но часто шьются и красные. Едва только сошелъ Арабъ съ своей лошади, онъ замѣняетъ сапоги башмаками, или бабучами, въ которыхъ всегда ходитъ, пока опять не сѣдетъ на лошадь, оставляя ноги голыми, лѣтомъ и зимою.

Ганкъ, бурну, веревка изъ верблюжьей шерсти, для обвивки ганка, составляютъ національный костюмъ Араба, начальника и простолюдина, и только у знатныхъ тканъ бываетъ понѣжнѣе и шерсть пононше. Знаменитые Арабы, каковы Мустафа, Эль-Мезари, и другіе, прививаютъ къ обыкновенной ве-

ревкѣ изъ верблюжьей шерсти нѣсколько золотыхъ нитокъ, что составляетъ для нихъ почетное отличие.

Во всякое время года, жилище Араба составляетъ шатеръ; у бѣдныхъ, онъ дѣлается изъ верблюжьего войлока, грубый, и нѣрѣдко воздухъ проходитъ въ него только черезъ множество прорѣхъ. Но у богатей и знатныхъ шатры щегольскіе и хорошо защищаютъ ихъ; это красивыя павильоны, роскошно украшенные, и далеко отбрасывающіе тѣнь своихъ трехъ высокихъ маковицъ. Во внутренности, такіе шатры украшаются шелковыми подушками, коврами, воинскими трофеями. Шатеръ бей Ибрагима было даже любопытно посмотреть. Богатство и великолѣпіе его составляли странную противоположность со всеми бѣдными лоскутками другихъ шатровъ. Обширность помѣщенія, горделиво вѣющіе, цвѣтные значки, которыми былъ онъ украшенъ, осѣпляющая близна полотна его, глубокое молчаніе, соблюдаемое окрестъ его, все способствовало представить шатеръ Ибрагима чѣмъ-то похожимъ на чергоги сильнаго властителя. Два чауша, облокотясь на свои жезлы, стерегли входъ въ него. Внутренность его была вся драпирована; молодые невольники, стоя за беємъ, внимательно наблюдали каждое его движеніе, и благоговѣнно ждали его повелѣній. Сложивъ подъ себя ноги, неподвижный и молчаливый, цѣлые дни красовался въ этомъ шатрѣ бей Ибрагимъ среди своихъ подвластныхъ, тихо проходившихъ мимо входа, который, какъ у всѣхъ Арабскихъ шатровъ, всегда обращенъ на востокъ.

Только около Тафны попадались намъ Арабскія жилища, избѣченныя въ утесахъ, и землянки, похожія на наши Турецкія. Нигдѣ и ничего болѣе

не видалъ я похожаго на хижину. Но по долинамъ построено множество марабутовъ; это суть небольшіе четырехугольные голбчики, съ башенкой, служащіе гробницами благочестивымъ людямъ и начальникамъ, и означаемые каждый по имени похороненнаго въ немъ покойника. Для постройки ихъ выбираютъ самыя веселыя мѣста, и около нихъ всегда устраивается потомъ кладбище. Арабы не знаютъ великолѣпія при похоронахъ; они погребаютъ мертвыхъ въ неглубокихъ могилахъ, которыя закрываются потомъ каменнымъ сводомъ, а сверхъ могилы кладется плоскій, необдѣланный камень, безъ надписи, и какъ нѣтъ притомъ ни какого различія между надгробными камнями, то можно подумать, идя по Арабскому кладбищу, что вы идете по долинь, усыпанной дикими камнями, если бы марабуты непоказывали назначенія мѣста.

Арабскіе фанатики, называемые *марабутами*, шатаются отъ одного племени къ другому, и всюду собираютъ милостыню во имя Мугаммеда, читая стихи корана, начертывая ихъ на маленькихъ дощечкахъ, и увѣщавая правовѣрныхъ быть добродѣтельными. Во время самой войны, вездѣ уважаютъ сихъ изъяснителей словъ Пророка; они почитаются священными для всѣхъ племенъ, и рѣдко сами принимаютъ за оружіе. Но иногда и они вступаютъ въ битвы, отличаясь мужествомъ и безстрашіемъ. Имъ строго запрещено закономъ рубить головы убитымъ врагамъ, и потому никогда не рубятъ головы и марабуту, если онъ палъ на полѣ битвы.

Свѣдѣнія Арабовъ въ медицинѣ весьма ограничены; ихъ *тебибы*, или лекаря, едва знаютъ нѣсколько простыхъ средствъ и мазей, и вовсе не разумѣютъ хирургическихъ операцій. Здоровая кровь, хорошій климатъ, нравственная сила и образъ жи-

зни Арабовъ дополняютъ то, чего не могутъ имъ дать ихъ медики. Никогда, ни одинъ Арабъ не просился у насъ въ нашу гошпиталь, а между тѣмъ, они выздоравливали скорѣе нашихъ солдатъ. Эль-Мезари былъ однажды раненъ пулею въ ногу, но не позволилъ отрѣзать ее, не смотря на опасность раны; потомъ вылечился онъ, и если бы не хромалъ немного, то и узнать было бы невозможно о полученной имъ жестокой ранѣ. Мустафу ранили при Сиккакъ, но онъ не захотѣлъ прибѣгнуть къ нашимъ лекарямъ, и лечился у какого-то стараго Тремесенскаго шарлатана, который пользуется славою великаго знатока въ леченіи между своими земляками.

Но за то каждый Арабъ имѣетъ свѣдѣнія въ коневальствѣ; для каждого изъ нихъ лошадь есть первое, величайшее сокровище, и потому изучаетъ онъ всѣ средства для сохраненія ея жизни и здоровья. Впрочемъ, все ветеринарное знаніе Арабовъ ограничено кровопусканіемъ и прижиганіемъ; то и другое употребляютъ они во всѣхъ случаяхъ, и потому рѣдко увидите здѣсь самую прекрасную лошадь, у которой не было бы множества слѣдовъ того и другаго по тѣлу.

Торговля Арабовъ весьма ограничена, и много еще надобно имъ времени уравниваться въ семъ отношеніи съ Европейцами. Произведенія земли и продажа скотины изъ стадъ суть почти единственные предметы торговли ихъ. Арабъ вовсе не понимаетъ торговыхъ спекуляцій, и ничего не дѣлаетъ изъ своего золота и серебра, если и пріобрѣтаетъ его. Скупой и жадный, онъ не пуститъ своего запаса ни на какое торговое предпріятіе, хотя бы оно обѣщало ему сто на сто прибылей; онъ зарываетъ свое золото и серебро, и прикладываетъ къ нему все, что

попалось потомъ въ его руки. Многіе изъясняютъ нелѣпное обыкновеніе копить сокровища, тѣмъ, будто Арабы берегутъ ихъ изъ опасенія, чтобы въ случаѣ нужды, если послѣдуетъ осужденіе на смерть, по приговору начальниковъ, можно было выкупить жизнь свою. Такое мнѣніе кажется мнѣ несправедливо, хотя оно и согласно съ увѣренностью Арабовъ въ неизбѣжности судьбы и покорностью ихъ жребію, и приговорамъ безъ апелляцій ихъ начальниковъ. Жадность къ деньгамъ, кажется мнѣ, заставляетъ Араба копить сокровища, не тратить изъ него ни сколько, и притворяться нищимъ, для отвращенія всякихъ подозрѣній, а ничто болѣе. Такъ водится у всѣхъ полудикихъ народовъ, которые всегда собираютъ богатства, но не пользуются ими, не ведутъ на нихъ торговли, и не имѣютъ притомъ ни какой цѣли. Отецъ семейства есть полный властитель всего между Арабами, и потому изъ домохозяевъ никто не смѣетъ спросить у него, куда зарыть, или прятать онъ свои сокровища. Нерѣдко послѣ смерти отцовской, дѣти тщетно ищутъ богатствъ, сокрытыхъ отцомъ ихъ неизвѣстно гдѣ. Нелѣпная страсть Арабовъ прятать драгоценныя металлы причиняетъ намъ въ Африкѣ большія неудобства; все, что только попадетъ въ ихъ руки, уже не возвращается въ оборотъ, ибо Арабы почти ничего у насъ не покупаютъ, довольствуясь собственными произведеніями, и мѣняя свои товары на наши, если бы что нибудъ имъ и понадобилось.

Народонаселеніе свѣрхой Африки совсѣмъ не однородно; его составляютъ Арабы Бедуины, Жиды, Мавры, Турки, Кулугли, и Арапы, или Негры. У каждаго изъ сихъ народовъ свои нравы, свой языкъ и даже свои законы. Арабы собственно живутъ въ поляхъ; обитающіе въ горахъ называютъ себя ка-

байлами; никогда не сходятъ они въ долины, и сражаются пѣшіе; это самые безстрашные воители, и кто изъ Французовъ бывалъ въ отдаленныхъ экспедиціяхъ, тотъ, конечно, помнитъ храбрость и свирѣпость горнаго Араба въ битвѣ. Турки, Мавры и Кулугли живутъ по городамъ; послѣднимъ названіемъ отличаютъ здѣсь Турецкаго метиса, людей рожденныхъ отъ отца Турка и матери Мавританки, или Арабки. Тремесень почти сплошь заселенъ такими вырожденками, и самый Мустафа-бенъ-Измаиль по рожденію своему есть Кулугли.

Негры безъ различія живутъ въ городахъ и въ долинахъ; почти всѣ они невольники, но иногда вѣдятъ однакожь верхомъ, и сражаются, какъ Арабы. Жиды здѣшніе всѣ торговцы, и скрываются по городамъ, ибо здѣсь легче сберечь имъ свои богатства. Впрочемъ, они распространены повсюду. Военное ремесло имъ вовсе невѣдомо. Въ Маскаръ жило ихъ прежде величайшее множество. Во время экспедиціи маршала Клозеля, Абдъ-эль-Кадеръ, оставляя сей городъ, разорилъ совершенно тамошнихъ Жидовъ тѣлкою контрибуціею. По прибытіи нашихъ отрядовъ, несчастные умоляли милосердовать надъ ними, и приказомъ маршала велѣно было оказывать имъ всякое пособіе и состраданіе. Когда войска наши оставили потомъ Тремесень, множество Жидовъ послѣдовало за нами и поселилось въ Оранъ, сграшась, что если останутся въ городѣ, то, по возвращеніи немилосердаго эмира, снова могутъ подвергнуться страшному гнѣву его.

Приморскіе города, какъ-то: *Оранъ*, *Мостаганель*, *Алжиръ*, *Бужія*, *Бона*, совершенно измѣнили видъ свой, съ тѣхъ поръ, когда подпали нашей власти. Теперь это уже не прежніе Мавританскіе города, съ узкими, нечистыми улицами; ихъ охраняютъ уже не

старинныя башни Мавританскія, какъ прежде было это въ Мостаганемъ, Испанскія, какъ прежде было въ Оранъ, или Датскія, какія были въ Бужин и Бонъ — всюду замѣнили сіи старинныя строенія правильными бастионами, защищающими города съ сухаго пути, и выказывающими мореплавателямъ свои правильныя, зубчатая вершины съ моря. Широкія улицы проложены въ упомянутыхъ городахъ по всемъ направленіямъ; устроеніемъ площадей данъ свободный проходъ воздуху; Католическія колокольни высятся теперь противъ Мусульманскихъ минаретовъ; церкви христіанскія стоятъ рядомъ съ мечетями; унылый кликъ имана, призывающаго къ молитвѣ своихъ правовѣрныхъ, мѣшается съ звономъ колоколовъ, далеко по окрестностямъ и по морю разносящимъ вѣсть молитвы.

Европеизмъ, словомъ сказать, уже овладѣлъ, и болѣе и болѣе овладѣваетъ приморскими городами сѣверной Африки. Многое можно-бы было сказать о каждомъ изъ нихъ, рассказывая его исторію, излагая его прошедшее и настоящее, угадывая притомъ и будущую участь, но мы хотимъ лучше поговорить о какомъ нибудь городѣ совершенно Арабскомъ, ничего не утратившемъ доннынѣ изъ прежняго своего образованія и вида. Выберемъ для сего *Тремесень*, городъ довольно большой, и находящійся во внутренней части нашихъ Африканскихъ владѣній.

Тремесень, или *Тлемесень*, находится въ 35 лье на Ю. В. отъ Орана, на границахъ степи Ангадской и имперіи Мароккской. Принявши Оранъ центромъ, можно очертить кругъ, отъ 35-ти до 40 лье, который пройдетъ черезъ *Тремесень*, *Маскару*, *Калахъ* (гдѣ дѣлаютъ богатые ковры), *Белиду*, *Миліану*, *Сеуту* (морской предѣлъ Марокка, принадлежащій Испаніи), и наконецъ *Недрому*, богатый городъ, до-

нынѣ не занятой нами, защищаемый кабайлами Тафнійскихъ ущельевъ, и откуда Абдъ-эль-Кадеръ получаетъ большую часть пороха и оружія. Во внутренности этого круга, за исключеніемъ Мостаганема, который находится только въ 25 лье отъ Орана, нѣтъ ни одного города, ни одного мѣстечка ни одного селенія, даже ни одной хижины. Проходя все сіи мѣста, не замѣтите даже и слѣдовъ никакаго народонаселенія и жителей. Съ приближеніемъ нашихъ отрядовъ, каждый разъ, кочевые обитатели здѣшнихъ долинъ, свертываютъ шатры свои, и исчезаютъ, такъ, что не остается ни малѣйшаго признака ихъ таборовъ.

Страна, отдѣляющая Оранъ отъ Тремесена, довольно неплодна. Потому взоры странника, утомленные въ продолжительномъ пути черезъ пещанья степи и нагія горы, съ наслажденіемъ устремляются на прелестный холмъ, служащій подножіемъ городу. Трудно представить себѣ положеніе миловиднѣе и красивѣе. Возвышалась среди масличныхъ рощей, *Тремесень* кокетливо выставляетъ свои высокія минареты, свои многочисленныя марабуты, свою Арабскую крѣпость, свои бѣлыя дома. Поставленный на ребрѣ горы, онъ беззаботно внимаешь журчанію двухъ потоковъ, и шуму тысячи своихъ фонтановъ, а долина, разстилающаяся у его подножія, услаждаетъ его благоуханіями луговъ своихъ и богатыхъ жатвъ. Скалистая, опаленная зноемъ горы, къ которымъ примкнуть онъ съ юга, отдѣляютъ его отъ другой долины, столь-же богатой и обильной, обитаемой *Бени-Гурнискими* племенемъ.

Долину Тремесенскую орошаетъ рѣка *Сальсефъ*, которая, по сліяніи съ рѣкою *Иссероли*, впадаетъ въ *Тафну*. *Сальсефъ* течетъ по уступамъ, водонадами, среди садовъ, и его чистыя, свѣжія воды нѣ-

сколько разъ окружаютъ городъ, какъ будто съ сожалѣніемъ оставляя его, и теряясь потомъ въ долину, которую утучняютъ своимъ дальнѣйшимъ теченіемъ. Не оставляя еще Тремесена, онѣ протекаютъ подъ двумя мостами, постройка которыхъ относится къ глубочайшей древности; нѣкоторые изъ слѣдователи почитаютъ даже сіи мосты постройкою Римскою. Впрочемъ, въ Тремесенѣ нѣтъ никакихъ слѣдовъ, которые напоминали бы пребываніе здѣсь Римлянъ.

Тремесенъ былъ прежде весьма богатъ и цвѣтущъ. Очаровательное положеніе этого города среди оазиса, гдѣ уединенно возвышается онъ, дѣлало его драгоценнымъ убѣжищемъ для каравановъ, въ немъ отдыхавшихъ. Тутъ была складка товаровъ, привозимыхъ изъ внутреннихъ степей, и предназначаемыхъ для продажи въ Марокко, или Испанскимъ купцамъ. Алжирскіе и Оранскіе Жиды являлись сюда толпами, и увозили въ свои города шерсть, благовонія, ковры и оружіе.

Населеніе Тремесена составлялось, какъ уже мы сказали, изъ Турковъ и Кулугли, которые суть дворяне мѣстные. Городомъ управлялъ бей, соперничавшій въ могущество съ Оранскимъ и Маскарскимъ. Но теперь Тремесенъ совсѣмъ упалъ; стѣны, защищавшія его, низпровергнуты; развалинами башенъ его покрыты окрестныя поля; жилища, столь бѣлыя, столь щегольскія, столь гордыя своими мраморными помостами, прекрасными фонтанами и садами, представляютъ взору картину полного опустошенія. Предмѣстья остаются необитаемы, и въ самой срединѣ города множество домовъ опустѣло и разрушилось. Война изгнала жителей; осады опустошили окрестность, и народонаселеніе, перемѣнивъ своего властителя, является теперь бѣдное, покрытое

лоскутьями. При первомъ приходѣ нашемъ въ Тремесенъ, въ Январѣ 1836 года, между жителями видно еще было довольство, но съ тѣхъ поръ, мы столько разъ приходили къ нимъ, и опять оставляли ихъ, что теперь удѣломъ ихъ совершенная нищета.

Бывшій тамъ нашимъ коммандантомъ, г-нъ Кавеньякъ добровольно принялъ на себя исполнить смѣлый подвигъ: съ 500 волонтеровъ, онъ рѣшился защитить и сохранить намъ Тремесенъ. Лишенный всякихъ пособій, отданный собственнымъ только средствамъ, при слабыхъ силахъ, прежде всего долженъ былъ онъ возстановить разрушенныя укрѣпленія города. Потомъ, забытый такъ сказать, между непріязненными племенами, съ самыми малыми запасами, онъ умѣлъ внушить солдатамъ своимъ неустрашимость, для выполненія съ честью подвига изумительнаго, *пятнадцать лѣтъ* оставался онъ, запертой въ развалинахъ, лишенный самыхъ необходимыхъ средствъ для жизни. Когда въ Іюнь 1837 года смѣнили храбрыхъ защитниковъ Тремесена, на лицѣ каждаго изъ нихъ видны были печальныя слѣды страданій, ими перенесенныхъ. Стѣсненные отсюду Абдъ-эль-Кадеромъ, они не могли ни выйти изъ города и ничего достать себѣ извнѣ; недостатки и голодъ губили ихъ и жителей. На многихъ террасахъ домовъ насыпали землю, и сѣяли на ней пшеницу и ячмень. Теперь владѣетъ Тремесеномъ Абдъ-эль-Кадеръ, и можетъ быть, онъ уснѣетъ возвратитъ ему, хоть отчасти, прежнее его благосостояніе. Не далѣе полторы лье отъ Тремесена находился обширный лѣсъ, состоявшій изъ огромныхъ, обремененныхъ плодами маслинъ. Съ прискорбіемъ видѣли мы потомъ солдатъ нашихъ, безжалостно срубавшихъ эти деревья, и большею частію, изъ прихоти, безъ всякой надобности. Пять, шесть тысячъ че-

ловѣкъ зажигали огни, бросалъ въ костры деревья, цѣликомъ, и по уходѣ войска оставляя еще болѣе деревья срубленныхъ, нежели сожженныхъ. Часто даже, не имѣя времени, либо охоты рубить дерево, солдаты наши зажигали его на корнѣ, и любовались огнемъ бесполезно пожирившимъ драгоценный пенъ, съ его прелестными листьями и плодами.

Развалины *Манзуръ*, въ двухъ лье на юго-западъ отъ Трессена, конечно, составляють самый любопытный предметъ въ цѣлой округѣ.

Императоръ Мароккскій, именовавшійся *Эль-Манзуръ* (побѣдительный), захотѣлъ покорить Трессень, и осадилъ сей городъ. Осада продолжалась *десять лѣтъ*, и въ теченіе сихъ десяти лѣтъ, императоръ, укрѣпляя свой лагерь, окружилъ его наконецъ неполинскою каменною стѣною, съ огромными башнями на каждой тысячѣ метровъ, и сдѣлалъ такимъ образомъ властителемъ не Трессена, но своего новаго города, который получилъ названіе Манзуръ. Видя невозможность покорить Трессень, Эль-Манзуръ удалился наконецъ, оставя неприятелю свой новый городъ, отъ котораго видны теперь только громадные башни и высокій минаретъ, въ которыхъ укрываются вооруженныя шайки Арабовъ. Любопытныя посѣтители могутъ дорого заплатить за обзорніе этихъ опустѣлыхъ развалинъ. Бывшіе въ Оранской экспедиціи съ грустью вспоминають о гибели тамъ добраго товарища. Бюжонъ, молодой инженерный офицеръ, отважно пустился въ Манзурскій лѣсъ, попалъ тамъ на засаду, и былъ убитъ Арабами Абдъ-эль-Кадера.

Выйдя изъ масличнаго лѣса, покрывающаго всю долину, приближаетесь къ подошвѣ возвышенія, на которой построенъ Трессень. По развалинамъ и остаткамъ стѣнъ, разбросанныхъ около города, легко

можно видѣть древнее начало его обширныхъ предметствъ. Нѣсколько отдѣльныхъ, развалившихся укрѣпленій свидѣтельствуютъ прежнюю обширность города, ибо, вѣроятно, они служили ему вышнему защитою.

Теперь все это пространство около города занимають прекрасныя сады. Смоквы, гранаты, лимоны, померанцы обольщаютъ взоры проходящаго, и каждый можетъ рвать ихъ сколько угодно, ибо съ перваго начала войны, сіи сады заброшены и не обрабатываются ни къмъ. Самая свѣжая, и самая прозрачная изъ всѣхъ водъ сѣверной Африки течетъ здѣсь тысячь ручьевъ по аллеямъ, и терлется по склоненію холмовъ въ бурьянахъ близкаго савана.

Перейдя сады Трессенскаго предмета, приближаетесь къ сѣвернымъ воротамъ Трессена. Ихъ образуютъ двѣ огромныя, развалившіяся башни въ стѣнѣ; подлѣ нихъ извнѣ проходятъ двѣ дороги: одна ведетъ въ Маскару, а другая въ Марокко, но теперь онѣ заброшены и печальны; многочисленныя караваны не поднимаютъ на нихъ пыли, и нѣсколько бродячихъ всадниковъ, нѣсколько горныхъ кабайловъ, суть единственные проѣзжіе по обоимъ путямъ, прежде кипѣвшимъ народомъ. Первые думы, какіе попадаются при въѣздѣ въ городъ, пусты и не могутъ быть обитаемы, потому, что совсѣмъ разваливаются; обломки ихъ зарастають кругомъ травою, и завалили уллицу, смѣшавшись съ обломками стѣны, почти всюду разрушающейся. За тѣмъ слѣдуютъ ворота Клозеля; нѣкогда были онѣ желѣзныя, а теперь желѣзо замѣнено кое-какъ сбитыми досками; тутъ была перваа кордегардія Кауеньяковыхъ зуавовъ. Далѣе высится *Бейликъ*, или бывшій дворецъ белъ — огромное строеніе Магританскаго зодчества, тяжелыя галереи котораго под-

держиваются тоненькими колоннами. Дворецъ этотъ, вѣроятно, былъ прежде роскошенъ, но теперь едва видимы бѣдные остатки его. Великолѣпно вымощенный мраморомъ дворъ простирается въ немъ на 50 шаговъ въ длину, и на 30-ть въ ширину. По срединѣ фонтанъ, брызжущій множествомъ водныхъ струекъ; онъ осыпается лимоннымъ деревомъ громаднаго роста, и орошаетъ цвѣтники, за которыми ухаживаютъ особенные невольники. Зданіе, простое по наружности, блистало внутри великолѣпнѣе необыкновеннымъ.

Подъ бейлика находится *мешуаръ*, или цитадель. Въ нее входитъ большими, крѣпкими воротами, сдѣланными изъ толстыхъ дубовыхъ досокъ, обитыхъ желѣзными листами, утвержденными на гвоздяхъ съ большими шипами, которыми унизаны такимъ образомъ ворота съ обѣихъ сторонъ. Подъ вратами увидите важно сидящаго кулули, продающаго кофе; за монету въ 10 сантимовъ, онъ поподчиваетъ вамъ чашкою добраго кофе, подслащеннаго сахарнымъ пескомъ. Впрочемъ, ворота не проведутъ васъ прямо въ цитадель, и надобно перейти еще черезъ нѣсколько входовъ и переходовъ, пока вы туда достигнете. Подъ защитою толстыхъ стѣнъ мешуара былъ устроенъ прекрасный садъ, гдѣ солдаты наши разводили и въ изобиліи собирали травы, плоды и овощи. Въ центрѣ цитадели находится огромный фонтанъ, водоємъ чрезвычайно обширный, снабжающій водою весь городъ, и дающій средства начальнику цитадели, если бы только понадобилось, осушить въ одно мгновеніе все водныя трубы и иссушить все фонтаны въ городѣ. Въ этомъ мешуарѣ укрѣпился Мустафа, и здѣсь-то, въ теченіе трехъ лѣтъ, выдерживалъ онъ все упорныя нападенія Абдъ-эль-Кадера. Съ обильнымъ запасомъ, и

съ нѣсколькими при томъ плохими Турецкими пушками и горстью безстрашныхъ удалцовъ, мужественно устоялъ онъ противъ всей силы эмира. Геройство его въ этой осады, какъ равно поведеніе его во всю жизнь, безпорочно славную, даютъ ему мѣсто почетное между самыми знаменитыми Арабскими вождями.

Вѣроятно, великолѣпны были здѣсь нѣкогда помѣщенія владѣльцовъ, но теперь обратились они въ жалкія развалины и бѣдныя жилища солдатскія. Бани, нѣкогда украшенныя со всею роскошью, служили кухнями нашимъ солдатамъ; пыль и грязь лежать на огромныхъ мозаикахъ, которыми онъ выстланъ, и на расписныхъ изразцахъ, которыми окладены все стѣны ихъ.

Неподалеку отъ цитадели красивая мечеть, высокая минареть которой служить убжищемъ антама, птицъ священной въ глазахъ Арабовъ, какъ и у другихъ Восточныхъ народовъ. Намъ хотѣлось бы заглянуть во внутренность этого зданія, но входъ христіанамъ въ него запрещается. Съ сожалѣніемъ продолжимъ прогулку нашу далѣе, къ южной части Трмесена — это Жидовская сторона, которою сюда оканчивается городъ, и она составляетъ лабиринтъ узкихъ, тѣсныхъ переулковъ, гдѣ подъ переходами домовъ едва можно стать прямо во многихъ мѣстахъ. Дома все тщательно заперты, и двери въ нихъ такъ низки и такъ малы, что подумаете, не для дѣтей ли только онъ продѣланы? Переступивъ порогъ Жидовскаго дома, очутитесь на четырехугольномъ дворѣ, выкладенномъ мраморомъ, и омываемомъ фонтаномъ, которые вообще находите почти въ каждомъ домѣ. Въ Трмесенѣ редко встрѣтите васъ у Жида гостепріимство. Въ Африкѣ, болѣе нежели гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, Жидъ недовѣрчивъ — онъ

всего боится, всегда прячется, и тогда только принимает гостя, когда уже не может отказать ему. Нерѣдко въ жидовскомъ домѣ увидите молодыхъ красавицъ, дочерей, и красивыхъ мальчиковъ, Жиденковъ, съ большими глазами, съ благородною физиономіею, но страданіе написано на ихъ лицахъ. Они чахнутъ, кажется, запертые въ домахъ отцовскихъ, откуда весьма рѣдко позволяютъ имъ выходить, и поиграть иногда съ товарищами, подобно имъ заключенными.

Видѣвши бейликъ, мешуаръ и Жидовское отдѣленіе, намъ остается только взглянуть еще въ Тремесенъ на кладбище и на старинный монастырь.

Кладбище красиво, и его стоитъ посматрѣть. Могилы покрыты мраморными плитами, съ Арабскими надписями. Особливо замѣчательны гробницы Тремесенскихъ беевъ, здѣсь погребенныхъ. На лѣво отъ входа, подъ камнемъ, почти заросшимъ травою, похоронена голова Барберуссы, отрубленная послѣ потери имъ кровавой битвы въ ущелии Лашерскомъ, томъ самомъ, гдѣ такъ славно отличился нашъ генералъ Летанъ, 4-го Декабря 1836 года.

Старинный Тремесенскій монастырь служилъ мѣстомъ для лазарета нашихъ войскъ. Тутъ видны еще красныя мозаики изъ изразцовъ и потолки изъ рѣзнаго дерева.

Кромѣ Сѣверныхъ, въ Тремесенѣ еще двои воротъ — *Восточныя* къ сторонѣ Маскары, и *Южныя*, ведущія къ области Бени-Гурнискихъ Арабовъ и въ пустыню Ангадскую.

Трудно оставитъ Тремесенъ съ веселымъ сердцемъ. Посѣтитель спѣшитъ отдохнуть отъ его бѣдности, и его развалинъ въ привольныхъ его окрестностяхъ, и неподалеку отъ города, онъ являются уже прекрасны.

Область племенъ *Бени-Гурнискихъ*, орошаемая

Сальсеффомъ, покрыта богатыми масляными лѣсами, и превосходно обработана. Мы сдѣлали большую сборку хлѣба изъ амъ, гдѣ хранять его жители въ землѣ. Съ этими запасами изъ Бени-Гурни, генералъ Бюжо могъ, въ Іюль 1836 года, наполнить Тремесенскіе магазины. Область не велика, но трудно найти страну прекраснѣе и обильнѣе долинъ Бени-Гурнискихъ.

Въ двухъ лье на юго-западъ отъ Тремесена увидите знаменитую мечеть Сиди-Бумедина, одного изъ самыхъ знаменитыхъ святыхъ Арабскихъ. До нашего прихода, мечеть эта была чрезвычайно богата. Гробницы въ ней были покрыты древнѣйшими надписями. Стѣны были украшены полумѣсяцами изъ слоновой кости, страусовыми яицами, и множествомъ другихъ предметовъ, дорогихъ и рѣдкихъ, принесенныхъ въ даръ усердными пилигримами. Двери поворачивались на серебряныхъ петляхъ. — Теперь все это исчезло. Мы все забрали отсюда, даже оружіе и знамена, которыми увѣшанъ былъ марабутъ святаго. Какъ побѣднѣй трофеевъ, они перевезены въ Парижъ, и находятся въ Инвалидномъ Домѣ. Я видѣлъ въ мечети великолѣпный списокъ корана; онъ былъ написанъ на деревянныхъ дощечкахъ, столь тонкихъ, что ихъ можно было почестъ за листочки пергамента; на мѣдныхъ застѣжкахъ и на углахъ были еще замѣтны слѣды серебра, и на всѣхъ страничкахъ находились рисунки и стихи, что дѣлало сей экземпляръ безцѣннымъ. Кто-то похитилъ въ послѣдствіи эту книгу, положенную, какъ священнѣйшій залогъ, на гробъ святаго, и вѣроятно, она погибла потомъ въ рукахъ какого нибудь невѣжды.

Въ мечети Сиди-Бумединской, какъ и во многихъ другихъ знаменитыхъ марабутахъ здѣшнихъ, всегда

воспитывали и содержали льва и львицу. Это животное, столь страшное въ пустынь, отказываясь отъ своей дикой ярости, становится весьма кротко и смиренно. Приведенное въ такое состояніе, оно дѣлается предметомъ благоговѣнія для Арабовъ, и нерѣдко мусульманскіе фанатики возятъ приученнаго льва по разнымъ областямъ, вездѣ собирая милостыню, въ которой не откажутъ имъ обитатели самаго бѣднаго Арабскаго шатра. Странно даже видѣть, что приученный левъ дѣлается кроткимъ, какъ самое мирное домашнее животное. Подобно послушной собакѣ, онъ слѣдуетъ за проводникомъ, привязанный за шею на веревочку, не для удержанія, но для того только, чтобы можно было вести его. Мы видѣли въ Миссергинѣ льва, котораго посадилъ проводникъ его на спину осла, боясь утомить далеко дорогою. Любопытно было, какъ огромный царь звѣрей, привязанный веревочкой къ шеѣ осла, лежалъ, растянувъ свои страшныя лапы, на спинѣ бѣдняка. Все собаки бросались по слѣдамъ двухъ замѣчательныхъ странствователей, и преслѣдовали ихъ своимъ лаемъ. Маленькіе Арабченки шалили съ бѣднымъ осломъ, тянули его за хвостъ, и грозили леву кулаками. Спокойно озирая шумную толпу окрестъ себя, безстрастными глазами, левъ билъ хвостомъ по ребрамъ, но безъ всякаго гнѣва, и какъ будто для того только, что хотѣлъ ободритъ своего возницу, который выступалъ горделиво, поднявши голову и вытянувъ уши.

Помню еще молодаго львенка, котораго комендантъ Кавеньякъ привезъ съ собою изъ Тремесена; онъ вездѣ слѣдовалъ за батальономъ зуавовъ, и спалъ на бивакахъ, столь-же кроткій и послушный, какъ будто какая нибудь обученая собаченка.

На западъ отъ Тремесена, часахъ въ двухъ вѣды,

находится селеніе *Айнъ-эль-Гаудъ* (лошадиный фонтанъ). Положеніе этого селенія, не столько раззореннаго, сколько оставленнаго, чудесное — тутъ видны ряды маленькихъ, прохладныхъ, сельскихъ домиковъ по берегу Сальсеффа, прозрачныя волны коего омываютъ ихъ, орошая великолѣпную рощу маслинъ. Прелесть сего мѣста увеличиваетъ еще то, что оставилъ его, не видите уже болѣе ни жилищъ, ни воды, ни деревьевъ, ни зелени, и перейдя за масличную рощу, вступаєте въ обширныя степи, по которымъ надобно слѣдовать до Орана, или до Тафны. Вскорѣ потъ польется съ васъ ручьемъ; пламенное солнце сожигаетъ васъ, жажда мучить, и вы не находите, ни дерева, гдѣ могли-бы пріютиться, на капли воды для вашего освѣженія—передъ вами расстилается пустыня, съ дикими горами, съ вѣчно палющимъ солнцемъ—вамъ предлежитъ борьба со всеми тѣлесными страданіями—кочевая жизнь, со всеми ея недостатками и неудобствами.

Мавры, завоевавшіе Испанію, въплоть большею частью изъ Тремесена. Многія семейства этого города горделиво вспоминаютъ, что они обязаны происхожденіемъ грозному и побѣдительному народу, который обладалъ нѣкогда столько вѣковъ прекраснѣйшею странною въ Европѣ, и держалъ подъ игомъ своимъ надмѣнныхъ Испанскихъ христіанъ.

Подвиги Абдъ-эль-Кадера и мужество этого грознаго врага нашего, обновили въ наше время древнюю славу Африканскихъ послѣдователей исламизма. Пора поговорить объ немъ, и мы соединимъ нашъ рассказъ объ Арабскомъ эмирѣ съ другими любопытными подробностями.

Статья четвертая.

Ториньи, подполковникъ, начальствовавшій надъ Оранскими спагами, былъ первый Французскій офи-

церь, вступившій въ Маскару. Онъ передалъ намъ нѣсколько любопытныхъ подробностей о положеніи сего города, и о томъ, чѣмъ былъ онъ въ 1834 году. «Многія горы защищаютъ Маскару», говоритъ онъ, «и для перехода черезъ послѣднюю изъ нихъ, весьма высокою и крутую, надобно часа два. Съ вершинъ ея увидѣли мы городъ, бѣлые дома его и минареты; онъ расположенъ на обширной, весьма хорошо обработанной долиинѣ. Четыре пушечные выстрѣла возвестили прибытіе бѣя, и тотчасъ все народонаселеніе бросилось на встрѣчу къ намъ, и привѣтствовало своего властителя громкими восклицаніями. Мы остановились въ довольно красивомъ домѣ, принадлежавшемъ бѣю; первая забота моя была осмотрѣть городъ, но трудно было проходить по узкимъ улицамъ, гдѣ тѣснились толпы, любопытствуя посмотрѣть на *руми* (христіанъ), какъ они насъ называли, и стоя, какъ будто остолбенѣлые отъ удивленія, когда увидѣли Французскихъ офицеровъ, вооруженныхъ, и ходящихъ по улицамъ города, дотолъ неприкосновеннаго ни для кого изъ неправовѣрныхъ.

«Городъ показался мнѣ похожимъ на монастырь, гдѣ въ разныхъ направленіяхъ ходятъ иноки, одѣтые въ плащи съ капишонами. Только по дикому виду и блестящимъ очамъ, мелькавшихъ передъ мною, одѣтыхъ въ темные бурны людей, можно было замѣтить, что это совсѣмъ не монахи. Число жителей въ Маскарѣ надобно положить около 12,000 человекъ. Нѣсколько лавокъ, гдѣ торгуютъ Мавры и Жиды, хорошо снабжены товаромъ. Кофейни и рынокъ, обильный, и часто посѣщаемый горными Бедуинами, суть единственныя мѣста продовольствія. Женщины рѣдко выходятъ изъ жилищъ своихъ, и то развѣ въ

бани, но между ними есть красавицы. Особенно замѣчательна сестра Абдъ-эль-Кадера.

«Пятнадцать пушекъ защищаютъ городъ, но большая часть ихъ въ такомъ состояніи, что лафеты, конечно, развалились-бы у нихъ при первомъ выстрѣлѣ. Четыре пушки защищаютъ жилище бѣя.»

Въ то время заключенъ былъ первый мирный договоръ между Французами и Арабами. Миръ этотъ продолжался 15 мѣсяцовъ; бей утвердилъ свое владычество, и чувствуя необходимость имѣть для пребыванія своего крѣпкое мѣсто, рѣшился привести Маскару въ сильное оборонительное положеніе. Война остановила начало его предпріятія; надлежало сражаться снова, и войско, которое повелъ къ Маскарѣ маршалъ Клозель въ 1835 году, проникло въ нее безъ всякой битвы.

Вступленіе въ Маскару нашего войска, подъ предводительствомъ Герцога Орлеанскаго и маршала Клозеля, сопровождалось любопытными подробностями.

Дожди сдѣлали дорогу непроходимую для артиллеріи и обоза. Оставя тяжелое войско за три лье до города, маршалъ поспѣшилъ впередъ съ конницею, нѣсколькими гаубицами и двумя полками легкой пѣхоты. Въ темную ночь, въ девять часовъ вечера, пришла пѣхота, и расположилась въ предмѣстіи Бабъ-Али.

Никто не противился занятію города. Совершенно тишина царствовала повсюду; дома были оставлены, двери ихъ заперты, и ни какой голосъ человеческій не нарушалъ глубокаго безмолвія. Предмѣстіе, занятое нами, казалось совершенно пусто. Только одно живое существо встрѣтили мы въ грязной, темной улицѣ. Это была бѣдная, большая старуха, спрятавшаяся въ кучѣ доскутѣевъ и кожъ. На

другой день, послѣ смотра, мы вступили въ городъ.

Въ древности Маскара называлась Victoria. Городъ этотъ находится на прелестной долинь, въ 65-ти лье на З. Ю. З. отъ Алжира, и въ 20 лье отъ Орана. Высокіе шпицы его минаретовъ разнообразятъ ряды бѣлыхъ, низкихъ террасъ, и вообще видъ его величественъ. Стѣна, вышиною въ 20—25 футовъ, довольно толстая, и хорошо поддерживаемая, окружаетъ все его пространство. Ожидая насъ, негодный пушки поставили на батареею. Но у стѣны нѣтъ ни рововъ, ни гласиса, и дома примыкаютъ прямо къ ней. При такомъ укрѣпленіи можно отбиться отъ приступа, но нельзя выдерживать никакой осады. Плохая, полуразвалившаяся крѣпость можетъ похвастаться защитою не лучше городской стѣны. Всѣ эти укрѣпленія построены жителями для защиты отъ Арабовъ; имъ не хотѣлось принимать къ себѣ Турецкаго гарнизона. Внутренность города грязная; дома малы и бѣды. Передъ одною изъ мечетей небольшая площадь, подлѣ которой дворецъ, или, лучше сказать, домъ Абдъ-эль-Кадера. Внутренность его ни чѣмъ не замѣчательна, состоя изъ двора, вымощеннаго мраморомъ, и большихъ четырехугольныхъ комнатъ. Если бы наружность не была замѣчательна особенною опрятностью, дворецъ эмира нельзя было-бы отличить отъ другихъ сосѣднихъ домовъ.

Оставляя городъ, Абдъ-эль-Кадеръ убивдалъ жителей слѣдовать за нимъ. Жиды отказались, и эмиръ отдалъ жилища ихъ на грабежъ солдатамъ своимъ, которые расхитили лавки, и перерѣзали всѣхъ, кто дерзнулъ сопротивляться. Многіе изъ домовъ походили на бойни, гдѣ грудями лежали изувѣченные трупы. Несчастные, избѣгнувшіе свирѣпости эмира, и встрѣтившіе насъ ласково, думали, что найдутъ

въ насъ избавителей. Но поступки нашихъ солдатъ скоро показали имъ противное. Нѣсколько женщинъ спрятались въ разныхъ мѣстахъ; ихъ нашли, и только строгость начальства могла остановить безпорядки. Бѣдные Жиды явили намъ собою примѣръ послѣдняго униженія человеческого. Одинъ старикъ Жидъ бѣжалъ изъ города опрометью. Дорогою, онъ что-то бормоталъ, и показывалъ знаками совершенное отчаяніе. Нѣсколько нашихъ офицеровъ встрѣтили его, и начали съ нимъ ласково разговаривать. Онъ отвѣчалъ стихами изъ Библіи, просилъ пощады, цѣловалъ руки; ни какъ не могли разувѣрить его въ безопасности; онъ опять побѣжалъ, рыдая. Ужасъ лишилъ его разсудка. Вскорѣ, на время городъ ожилъ. Союзные намъ Арабы помѣстились въ оставленныхъ лавкахъ, и хладнокровно продавали награбленные ими вещи.

Прежде нежели мы оставили Маскару, началось ея разрушеніе. Дворецъ Абдъ-эль-Кадера преданъ былъ грабежу, какъ равно мечети, гдѣ истребили и расхитили всѣ цвѣтныя стеклянныя люстры, растащили списки Корана и страусовыя лица. Послѣ двухъ-дневнаго пребыванія, на мѣстѣ города остались только развалины. Войско выступило колоннами, и долго видна была Маскара, обвита тучами дыма; огонь отражался краснымъ отливомъ на небѣ. Густые столпы дыма показывали мѣста, гдѣ находились магазины хлѣба, шерсти и сѣры, которыхъ были тутъ большіе запасы. Одной сѣры, заготовленной эмиромъ для выдѣлки пороху, сгорѣло въ Маскарѣ болѣе нежели на 80,000 франковъ.

Жиды Маскарскіе не смѣли оставаться, страшась гнѣва Абдъ-эль-Кадерова, и пошли за нашимъ войскомъ. Надобно было видѣть мрачное отчаяніе бѣдныхъ бѣглецовъ; иначе невозможно понять гибельна-

го состояніи этихъ несчастныхъ. Поспѣшно, съ трепетомъ оставили они городъ, гдѣ горѣли ихъ дома и все ихъ достояніе. Сердца самыхъ нечувствительныхъ солдатъ умилились при взглядѣ на ихъ бѣдность. Еле-движущіеся старики, слабыя женщины, дѣвушки, дѣти, влеклись за нами, несмотря на наши форсированные марши, но не могли перенести трудностей похода, едва выносимыхъ людьми молодыми, привыкшими къ трудамъ. Старики останавливались, ложились въ кустарникъ и ждали смерти. Бѣдныя женщины истощали послѣднія силы, неся на рукахъ дѣтей своихъ, но ихъ нѣжныя ноги, истерзанныя камнями и горными кустами, не могли ихъ поддерживать; дѣти валялись изъ рукъ ихъ, падали въ грязь, а послѣднихъ силъ матерей едва доставало — отойти еще нѣсколько шаговъ, и умереть отъ изнеможенія. Герцогъ Орлеанскій увидѣвъ ребенка, безпомощно брошеннаго въ хлѣбную лму; сердце его не вытерпѣло, и онъ взялъ его въ свой обозъ.

Абдъ-эль-Кадеръ долженъ занять почетное мѣсто между замѣчательными людьми, которыми можетъ гордиться Африка. Онъ самовластный повелитель, воишь, первосвященникъ, судія своего народа. Будучи властителемъ племени, несимбюющихъ другихъ писанныхъ законовъ, кромѣ книгъ, почитаемыхъ ими за священныя, другаго уложенія кромѣ воли своего султана, Абдъ-эль-Кадеръ рѣшаетъ умомъ своимъ всѣ вопросы общественные и религіозные, и безъ апелляцій и совѣта произносить свой судъ.

Роль, какую играетъ этотъ человѣкъ, съ тѣхъ поръ, какъ мы заняли берега сѣверо-западной Африки, величественна и вполне выдержана. Благодаря этому величію и упорной настойчивости, Абдъ-эль-Кадеръ возвысился изъ низшихъ званій до самой

знаменитой степени, и если мы внимательно будемъ слѣдовать за шествіемъ его по блистательному его поприщу, намъ надобно будетъ сознаться, что могущему гению этого человека прежде не доставало только сцены обширнѣе для подобнаго развитія. У насъ сохраняется еще смѣшной предрассудокъ, въ слѣдствіе котораго почитаемъ мы обязанностью унижать нашихъ непріятелей. Такое обыкновеніе, просто, не ловко, не говоря уже объ его несправедливости. Другіе народы поступаютъ иначе, и думаютъ, кажется, вѣрнѣе, что возвышая, по крайней мѣрѣ, справедливо оцѣнивая славу побѣжденнаго врага, они возвышаютъ тѣмъ самихъ себя.

Такъ, у насъ привыкли говорить объ Африканской войнѣ, какъ о событіи незначительномъ, потому, что подъ Тафною и Мактахомъ билось народа менѣе, нежели подъ Лейпцигомъ и Ватерлоо. Многіе пожимаютъ плечами при имени Абдъ-эль-Кадера, потому что къ войнѣ съ нимъ нельзя приложить правилъ Европейской стратегіи. Старые гренадеры Наполеоновскіе улыбаются насмѣшливо, когда нашъ молодой Африканскій офицеръ говоритъ имъ о перенесенныхъ имъ трудностяхъ, потому что, по мнѣнію нашихъ желѣзныхъ ветерановъ, ихъ нельзя сравнить съ бѣдственнымъ отступленіемъ отъ Москвы. Между тѣмъ, подвиги наши въ Африкѣ сопровождались тяжкими трудами, битвы наши тамъ были кровавы, и непріятель нашъ храбръ и дѣлатель.

Эмиру можно теперь полагать около 29-ти, или 30 лѣтъ, но достоверно никто не знаетъ года его рожденія, потому, что Арабы вовсе не заботятся о замѣткѣ при рожденіи дѣтей своихъ. Сиди-Мейдинъ отецъ его, былъ знаменитый Арабскій марабуть, и совершилъ путешествіе въ Мекку, что доставило ему великое уваженіе между земляками. У него бы-

ло трое дѣтей, два сына и дочь. Старшій сынъ, сумасшедшій фанатикъ, проводитъ жизнь свою въ чтеніи стиховъ Корана и подвигахъ мусульманскаго благочестія, остается неизвѣстнымъ, и уступилъ всѣ права свои Абдъ-эль-Кадеру.

Предки эмира были издревле значительными людьми въ своей землѣ. Абдъ-эль-Кадеръ гордится этимъ, и не забылъ сказать въ одномъ изъ писемъ своихъ къ генералу Демишело: «*Мы родились отъ селмейтовъ килзей, некогда царствовавшихъ въ сей странѣ.*» Подобно отцу своему, онъ совершилъ пилигримство въ Мекку, дабы приобрести славу святого человѣка. Сиди-Мейдинъ умеръ, и сынъ его употребилъ всѣ старанія достигнуть Оранскаго бейлика. Трудно было - бы ему утвердить владычество свое надъ многочисленными племенами, нынѣ ему повивающимися, если бы Французы не внесли войны на Африканскіе берега. Едва пало знамя Турецкихъ властителей въ Алжирѣ, едва Французское знамя возвышалось на древнихъ Испанскихъ твердыняхъ Орана, Арабы сѣли на воинскихъ коней своихъ, и неутомимая война, между ними и новыми пришлецами изъ Европы, загорѣлась повсюду.

Дѣло туземцовъ было справедливое. Зачѣмъ пришли къ нимъ эти гордые, безчеловѣчные завоеватели? И они защищали дѣло свое со всею силою, какую можетъ внушить любовь къ отечеству. Въ такой славной борьбѣ должно было явиться человеку необыкновенному. И онъ явился въ лицѣ Абдъ-эль-Кадера. Для успешной борьбы, ему надлежало укрепить свою власть, покорить себѣ непослушныя Африканскія племена, и выставить ихъ противъ насъ огромными толпами. Но всего болѣе—ему надобна была непобѣдимая душа, съ которою онъ возставалъ бы еще могуще и сильнѣе послѣ каждаго пораже-

нія. Ни однажды не уклонился онъ ни передъ однимъ препятствіемъ, по дорогѣ, ведущей его къ славной цѣли, и достигъ этой цѣли. Его имя, его строгая жизнь, его храбрость, его хитрая политика, его блестящіе успѣхи—все было для него оружіемъ, которымъ изумительно ловко успѣвалъ онъ пользоваться. Изъ простаго начальника племени, чѣмъ былъ при нашемъ приходѣ въ Африку, онъ сдѣлался беємъ, эмиромъ, султаномъ, и послѣ договора Тафнскаго, Мароккскій императоръ боится этого хитраго сосѣда, который безпрерывно раздвигаетъ предѣлы власти своей и областей своихъ.

Генераль Демишель, долгое время бывшій въ сношеніяхъ съ Абдъ-эль-Кадеромъ, и заключившій съ нимъ первый трактатъ въ 1834 году, издалъ о событіяхъ въ Африкѣ, во время начальства своего тамъ, весьма любопытную брошюрку. Нашъ генераль отдастъ полную справедливость политическимъ способностямъ эмира. Заимствуемъ изъ переписки его съ этимъ Африканскимъ вождемъ два письма, могущія показать Абдъ-эль-Кадеру характеристику.

Первое письмо было отвѣтомъ на требованіе генерала: отпустить нѣсколькихъ Французовъ, захваченныхъ измѣною. Эмиръ весьма ловко говорилъ здѣсь о мирѣ.

День 6-й гегемалистани, гегиръ 1249-й (Октябрь 30-го 1833 года.)

Хвала Богу и властителю нашему Мугаммеду, а также и товарищамъ его!

Гаджи Абдъ-эль-Кадеръ Бенъ-Мейдинъ, князь вѣрныхъ защитниковъ правовѣрія, генералу Демишело (да благословитъ Богъ его оружіе!), губернатору Оранскому!

Привѣтъ!

Мы получили письмо, гдѣ даешь ты намъ совѣты, какихъ лучше дать нельзя, и оспаривать которые невозможно. Мы оцѣнили ихъ и употребимъ съ пользою.

Ты настоящий, въ трехъ, полученныхъ нами отъ тебя письмахъ, на требованіи свободы плѣннымъ, невольничество конякъ ты оплакиваешь. Эти люди, о которыхъ прилагаемъ мы вселческія заботы, для насъ совсѣмъ не важны, по состоянію дѣлъ, въ какомъ мы находимся, и малая надежда видѣть въ немъ перемѣну, не позволяютъ намъ соглашаться отдать ихъ тебѣ безъ выкупа. Если ты желаешь соглашенія между Арабами и Французами, я готовъ на требованіе твое, касательно плѣнныхъ, когда договоръ по общему убѣжденію прекратить опустошенія сабли. Мы замѣтимъ тебѣ, что вѣра наша, запрещалъ намъ просить мира, позволяеть однакожъ намъ принимать его, если намъ предлагаютъ, ибо, сказалъ Господь въ святой книгѣ: *«Отдыхай только послѣ побѣды и я всегда съ тобою буду.»*

Довѣренность, какую внушили намъ твои письма, была сильнымъ побужденіемъ, рѣшившимъ насъ вести съ тобою переговоры. Такъ сказано въ святой книгѣ: *«Если не предлагають вамъ мира, не ищите его, ибо Господь все устроиваетъ, а если миръ нарушенъ, надѣйся на Него, и Онъ подкрепитъ союзъ вашъ, и благословитъ ваше оружіе.»*

Ты требуешь свиданія для переговоровъ, но его должно подчинить условіямъ, которыя должны мы знать, и разъ принявши, утвердить навсегда священными, если бы даже остался хоть одинъ изъ насъ, ибо Всевышній изрекъ: *«Когда ты составишь союзъ, будь ему вѣренъ, и если бы мусульманинъ плѣнникъ христіанскій получилъ свободу на кестное слово, онъ не отступитъ отъ своего слова, безъ позволенія твоего, кому даешь его.»*

Дабы довести къ доброму концу предполагаемое условіе, необходимо тебѣ сказать намъ: чего ты именно хочешь, и чего ты желаешь? Я скажу тебѣ свои условія, и Богъ поможетъ намъ. Ты хвалишься могуществомъ Франціи и унижаешь наше могущество, но вѣка свидѣтели силы мусульманъ, всегда побѣдоносной надъ врагами. Если мы слабы по наружности, то сила наша въ Богѣ, ибо Онъ рекъ: *«Сила ваша въ слабости вашей; доверься мнѣ и успеешь во всякъ дѣлахъ твоихъ; владычи въру и побѣда върна тебѣ, и если нѣтъ у тебѣ силъ, ты найдешь ихъ въ моемъ упованіи.»* Не думаемъ о побѣдѣ постоянной: на войнѣ есть успѣхи и неудачи; сегодня твоя побѣда — завтра наша. Смерть для насъ предметъ радости. Мы не заботимся о прошедшемъ; мы не

имѣемъ другой опоры, кромѣ нашего оружія и нашихъ коней. Свистъ пуль драгоцѣннѣе для насъ, нежели свѣжая вода томимому жаждою, и ржаніе коней прельщаетъ насъ болѣе, нежели очарованіе сладостнаго голоса.

Но обратимся къ нашему дѣлу. Если мы будемъ совершенно утверждены на прочныхъ между нами основаніяхъ дружбы, требуй отъ насъ, и тогда можемъ мы послать къ тебѣ двухъ знатныхъ особъ, облеченныхъ нашею довѣренностью, дабы по совѣщаніи съ Амаромъ, говорить намъ съ тобою о взаимныхъ пользахъ, и тако исполнятся обѣты наши при помощи Божіей. Но если бы принуждены мы были даже оставить нашу страну, мы сдѣлаемъ это безъ печали, ибо вся земля Божія, и Онъ далъ намъ ее, и куда бы мы ни пошли, на востокъ, на западъ, въ пустыню, всюду будетъ съ нами народъ нашъ.

Кажется, ты презираешь силы Арабовъ, а между тѣмъ мы всегда готовы сражаться. Загляни въ летописи, и ты увидишь, что происходило нѣкогда въ Азій, въ окрестностяхъ Дамаска.

Последними словами, Абдъ-эль-Кадеръ напоминалъ осаду Акры Бонапартомъ, и блистательные подвиги первыхъ послѣдователей Мугаммеда въ Сиріи. Приведу другое письмо его, писанное къ нашему генералу послѣ несчастной битвы, гдѣ счастье благоприятствовало оружію врага Абдъ-эль-Кадерова, Мустафы-бенъ-Измаила, нынѣшняго союзника нашего.

Абдъ-эль-Кадеръ, и проч.

Ночь 8-я рамадана, года 1249 (1834).

Привѣтъ!

Бюснашъ пріѣхалъ ко мнѣ, и привезъ отъ тебѣ старинную Арабскую саблю; мы приняли ее, какъ знакъ твоей дружбы и новое доказательство добраго твоего къ намъ расположенія. Богъ, да вознаградитъ тебя по заслугамъ! Можешь быть увѣренъ, что я сдержу свое слово, и всегда соблюду союзный договоръ, насъ соединяющій. Бюснашъ сказалъ намъ, что тебѣ жаль нашего несчастія, но ты знаешь войну; сегодня намъ, а завтра неприятелю. По твоему доброму совѣту, я приготовляю новую вылазку, и ни сколько не отдыхаю.

Но если эта война кончится, при помощи Божией, все, чего ты желаешь отъ насъ, будетъ легко сдѣлать. Желаю, чтобы ты потребовалъ отъ насъ, что тебѣ правится изъ произведеній нашей земли. Самъ я не могу угадать твоего вкуса, и почту знакомъ дружбы, если ты захочешь мнѣ сказать. Жизнь и голову мою отдамъ для исполненія твоихъ желаній. Знаю права дружбы, но я отсталъ отъ тебя въ великодушнѣ, и никогда не восполню недостатка, ибо ты началъ, а кто начинается, тотъ всегда болѣе великодушенъ.

Эти два письма не требуютъ поясненій, и сами собою свидѣтельствуютъ тонкую хитрость и ловкій разумъ Абдъ-эль-Кадера. Но чтобы лучше оцнить его, надобно было его видѣть въ одно изъ прекраснѣйшихъ событій его жизни—я хочу сказать о свиданіи его подъ Тафною съ генераломъ Бюжо.

Немногіе изъ насъ видали до тѣхъ поръ Абдъ-эль-Кадера. Онъ никогда не рѣшался прѣхать въ Оранъ, и весьма немногіе изъ нашихъ офицеровъ посѣщали Маскару. Все войско наше жаждало взять на человѣка, съ которымъ жестоко сражалось оно уже столько времени.

Дивизія наша, составляла отъ 9-ти до 10,000 человекъ, находилась при устьѣ Тафны. Цѣлый уже мѣсяцъ шла она по долинамъ, не встрѣчая непріятеля. Слухъ о мирѣ доходилъ до солдатъ, и мы нетерпѣливо ожидали рѣшенія на этотъ вопросъ, когда приказъ главнокомандующаго кончилъ все наше сомнѣніе; вѣрно было собраться отряду въ 4000 человекъ, для охраненія генерала при свиданіи съ Абдъ-эль-Кадеромъ. Мы запаслись холостыми зарядами и ядрами, но почитали миръ уже утвержденнымъ, и думали только о томъ, какъ-бы поласковѣе встрѣтить Сиди Абдъ-эль-Кадера. Мы добродушно предполагали, что *султанъ* соблаговолитъ самъ явиться въ нашихъ рядахъ, посмотреть на насъ, похвалить наше воинское устройство. Такъ дѣлали встарину

люди, помогущественнѣе этого султана Арабскаго, но старое время давно прошло, и мы позабывали, что были не въ Европѣ, а въ Африкѣ. Въ пять часовъ утра, полки наши выступили въ походъ. Авангардъ составили у насъ Арабы союзники, подъ начальствомъ Мустафы, который самъ ни за что не хотѣлъ однакожъ явиться передъ своимъ смертельнымъ непріятелемъ.

Для свиданія выбрали прелестную долину, орошаемую Тафною, и обставленную высотами, большою частью обработанными. Колонны наши стали въ боевой порядокъ въ неподвижномъ и величественномъ положеніи, какое обыкновенно принимаютъ войска, ожидая королевскаго смотра. Генералъ развернулъ свою конницу на скатахъ холма, и послалъ ведетами отрядъ спаговъ, чтобы авангардъ Абдъ-эль-Кадера не засталъ насъ въ расплохъ. Ему уже очень досадно было и то, что мы явились первые. Но намъ готовилась не одна такая досада.

Пѣхота наша стояла и ждала, взявши ружья къ ногъ, конница наша была на лошадяхъ, канонеры при своихъ пушкахъ, а генералы наши верхомъ, окруженные своимъ штабомъ. Ни одинъ Арабъ не показывался — долина была пустыня; ведеты ничего не возвѣщали намъ. Ждемъ часъ, два, три часа; нетерпѣніе горячо обнаруживается между нами; шутки и насмѣшки мелькаютъ во всѣхъ рядахъ. И вотъ солнце почти идетъ къ западу, а никого не видно и ничего не слышно. Генералъ Бюжо очень хорошо понималъ неудовольствіе войска, и самъ онъ былъ въ большемъ замѣшательствѣ. Но ведеты даютъ наконецъ извѣстіе, что непріятельское войско приближается и подымаетъ вдали густую пыль. Нѣкоторые изъ фуражировъ этого войска являються къ генералу, и извѣщаютъ его, что имръ

нездоровъ, и проситъ извинить въ медленности похода.

При такой новости загремѣли барабаны; ружья разобраны изъ козель, войско стало подъ ружье, и сдѣлалось опять неподвижно. Новая неудача! Чуть не за лье до нашего авангарда, Арабы останавливаются, и хотятъ разбивать бивакъ. Сначала думали при этомъ извѣсти, что *султанъ* отдѣлится съ прикрытіемъ, и станеть на половинѣ разстоянія между двумя войсками. Но ожиданіе было тщетно; по гордости-ли, или по недоувѣрчивости, онъ и не думалъ поступить такимъ образомъ.

Ясно можно было разглядѣть все его войско; онъ сосредоточилъ толпы его въ обширный треугольникъ, занявшій углами своими три холма. Все войско Арабское состояло изъ конницы, и по видимому, простиралось до десяти тысячъ. Генераль Бюжо послалъ своего переводчика, подъ прикрытіемъ, къ ближнимъ постамъ Абдъ-эль-Кадера, изъяснить ему свое неудовольствіе, разсказать опасенія, какія могъ онъ имѣть, касательно своей безопасности, и словомъ — кончить переговоры, при которыхъ заставляли насъ играть жалкую роль. Знавшіе живой и немного упрямый характеръ нашего генерала; дивились кротости и хладнокровію, которыя оказывалъ онъ при семъ случаѣ. Но переводчикъ нашъ ѣздилъ, перевѣзжалъ, а эмиръ ничего не рѣшалъ; онъ стоялъ въ своей позиціи — мы въ своей. Всѣ военные, которымъ не очень нравились переговоры о мирѣ, ласкали уже себя надеждою на разрывъ ихъ. Мы того только и ждали, что намъ велитъ приниматься за оружіе, и никто не предвидѣлъ внезапнаго рѣшенія нашего генерала. Выведенный изъ терпѣнія всѣми этими медленностями, онъ передалъ начальство надъ войскомъ генералу Леде,

и съ своимъ штабомъ отправился къ непріятельскому войску. Тогда было уже четыре часа по полудни, и мелкій дождикъ пошелъ въ это время. Кто могъ предвидѣть, что нашъ главнокомандующій, безъ всякаго прикрытія, осмѣлится ѣхать и отдаться во власть врага, добралъ въра котораго была болѣе нежели сомнительна...

Арабскіе вѣдеты возвѣстили приближеніе нашего генерала, но Абдъ-эль-Кадеръ ждалъ его не двигаясь съ мѣста. Смѣлый поступокъ нашего начальника долженствовалъ произвести сильное впечатлѣніе. Этимъ показано было, что не болтаетъ, не трусятъ грознаго Абдъ-эль-Кадера, и высокое званіе свое ставятъ надъ всякимъ мелкимъ опасеніемъ и ничтожною робостью. Къ сожалѣнію, не смотря на строгое повелѣніе генерала, многіе изъ чиновниковъ, принадлежавшихъ къ гражданской части по арміи, присоединились къ его военному штабу, и образовали при немъ свиту совсѣмъ не величественную. Представьте себѣ, въ самомъ дѣлѣ, Арабскихъ начальниковъ, красивыхъ, мощныхъ, рослыхъ, одѣтыхъ не роскошно, но воинственно, смѣло и съ открытою головою выдерживающихъ непогоду, сидящихъ на богатыхъ коняхъ, и потомъ обратитесь къ свитѣ генерала, въ ея партикулярномъ Европейскомъ платьѣ, составленной изъ весьма плохихъ ѣздовыхъ. Всѣ эти господа чиновники были, напримеръ, въ картузахъ съ огромными козырьками, весьма удобными, правда, и защищающими отъ солнца, но за то ужъ совсѣмъ не воинскими. Сравнивая представителей двухъ народовъ, нельзя было не досадовать, видя генерала нашего, такъ плохо окруженнаго, при подобномъ торжественномъ случаѣ. Мы хотѣли бы, чтобы свиту его составляли люди, знакомые непріятелямъ на поляхъ битвъ и сраже-

ний, и пусть бы Арабы узнали въ нихъ народъ, который уже семь лѣтъ мужественно сражается въ Африкѣ. Но дѣлать было нечего! — Подъѣхавъ къ переднему углу Арабскаго войска, генераль остано-вился. Тутъ увидѣли мы всадника, выхавшаго изъ неприятельскихъ рядовъ на вороной лошади, красо-ты изумительной. Два невольника держали ее подъ узцы съ обѣихъ сторонъ, и гордое животное поды-мало ихъ обоихъ при каждомъ курбетѣ. Подъѣхав-ши къ генералу, Абдъ-эль-Кадеръ сбросился, а не слѣзъ съ своей бѣшеной лошади. Онъ съѣлъ первый. Генераль нашъ слѣдовалъ его примѣру. Два пере-водчика принялись передавать взаимно слова двухъ знаменитыхъ собесѣдниковъ.

Эмиръ невысокаго роста. Кожа его гораздо бѣ-лѣе, нежели у другихъ Бедуиновъ, и руки его от-мѣнно нѣжны и прекрасны. На немъ были ганкъ, черный бурпу, и веревка изъ верблюжьей шерсти. Онъ одѣтъ былъ такъ просто, какъ одѣвается по-слѣдній всадникъ въ его войскѣ. Четки изъ круп-ныхъ зеренъ висѣли у него на шеѣ, и онъ безпре-станно перебиралъ ихъ. Черты лица его, нѣжныя и красивыя, выражали что-то болѣзненное, и были въ совершенной противоположности съ могущест-вомъ его взора. Онъ взвѣшивалъ каждое свое сло-во, произносилъ ихъ кроткимъ голосомъ, и взглядами совѣтовался въ то же время съ своимъ диваномъ, который состоялъ изъ нѣсколькихъ марабутовъ, не-подвижно стоявшихъ по сторонамъ.

Абдъ-эль-Кадеръ занималъ средину полукруга, который образовали окрестъ его начальники пле-менъ, ожидалъ слѣдствій переговоровъ, продолжавша-гося минутъ сорокъ, среди глубокаго, благоговѣй-наго молчанія. Эмиръ долженъ былъ поддержать выгоды всѣхъ племенъ Арабскихъ, ибо для нихъ

болѣе, нежели для насъ, война имѣла важныя по-слѣдствія. Абдъ-эль-Кадеръ говорилъ передъ вой-скомъ своимъ, передъ собраніемъ своихъ старшинъ, и онъ долженъ былъ возвыситься въ виду ихъ, со-блюдая осанку благородную, гордую и презритель-ную, при важномъ переговорѣ съ начальникомъ не-вѣрныхъ. Постоянно поддерживалъ онъ одинакое по-ложение, не глядѣлъ въ глаза нашему генералу, и не показывалъ никакого внутренняго движенія. Роль его была прекрасна, и превосходно разыграна до конца. Миръ былъ нуженъ Арабамъ; имъ надобно было оправиться послѣ большихъ потерь, и невоз-можно было имъ удержаться противъ превосходна-го войска, которымъ начальствовалъ генераль Бю-жо. Абдъ-эль-Кадеръ лучше всѣхъ понималъ важ-ность, какую пріобрѣталъ онъ заключеніемъ мира. Но, какъ искусный дипломатъ, онъ не спѣшилъ под-даваться, даже торговался въ условіяхъ. — «Что даешь ты мнѣ порукою въ этомъ договорѣ?» спра-шивалъ онъ. — «Мое генеральское слово» — отвѣ-чалъ ему генераль Бюжо — «а впрочемъ, ты дол-женъ быть доволенъ этимъ перемиріемъ и потому, что если мой государь не утвердитъ нашихъ усло-вій, ты противопоставишь мнѣ армію сильнѣе ны-нѣшней, и между тѣмъ успѣешь управиться съ жат-вою.» — Султанъ отвѣчалъ не записываясь: «Моя армія, ты самъ видишь, и теперь хороша. А что касается до жатвы, то мы объ ней не заботимся. Хочешь-ли доказательства? Я позволяю тебѣ выжечь весь хлѣбъ на поляхъ.» — Онъ притворялся, и въ презритель-номъ тонѣ рѣчей его скрывалось явное хвастовство. Но хвастовство это было кстати, и выказывало ка-кое-то благородство.

Генераль Бюжо всталъ и протянулъ руку къ Эми-ру, который наоборотъ подаль ему свою руку,

но не вставая съ мѣста. Тутъ нашъ генералъ насильно приподнялъ его, горячо произнеся: *Mais relevez-vous donc* (Да, встань же)! — Такое движеніе благородной гордости понравилось всему нашему войску. Хладнокровіе, какое показалъ нашъ начальникъ при переговорахъ, когда онъ совершенно предался во власть непріятеля, льстило нашей народной гордости.

Немного смущенный смѣлымъ поступкомъ генерала, Абдъ-эль-Кадеръ отвернулся не говоря ни слова, вскочилъ на свою лошадь, прищипорилъ ее, и въ четыре прыжка соединился съ своими Арабами, громогласно и единодушно закричавшими: «*Да здравствуетъ султанъ!*» Бедуины до такой степени уважаютъ эмира, что даже и наши союзники невольно повторили въ нашихъ рядахъ кликъ, огласившій ряды непріятелей.

Войско Абдъ-эль-Кадера двинулось въ горныя ущелья, перешло за горы и исчезло изъ виду. — Черезъ нѣсколько дней послѣ сего свиданія, Абдъ-эль-Кадеръ наказывалъ уже набѣгомъ племена Ангаэдской пустыни, которыя не вполне приняли его сторону въ войнѣ, только что минувшей.

=

ЛѢТОПИСЬ СОБЫТІЙ

за Іюнь 1838 года.

—

Россія.

О пребываніи Государыни Императрицы въ Фюрстенштейнъ получены дальнѣйшія извѣстія. Сообщаемъ ихъ вполне: ⁶/₁₈ Іюня прибылъ сюда Наслѣдный Принцъ Оранскій, и остановился въ назначенныхъ Его Высочеству комнатахъ въ замкѣ, а на другой день отправился въ Фишбахъ.

«Ея Высочество Принцесса Луиза Нидерландская, съ дочерью, вчерашній день предприняла путь туда же.

«¹¹/₂₃-го числа сего Іюня, во второмъ часу по полудни, Государыня Императрица, съ Великою Княжною Александрою Николаевною, изволила отправиться въ Эрмандорфъ, для свиданія съ Его Величествомъ Королемъ Прускимъ. Въ тотъ же день вечеромъ, Ея Величество прибыла въ Фишбахъ, и остановилась въ замкѣ Принца Вильгельма, брата Короля, а сегодня, въ ²/₂ часа по полудни, возвратилась благополучно опять въ Фюрстенштейнъ, въ сопровожденіи Принцессы Луизы Нидерландской.

«Здоровье Ея Императорскаго Величества, равно и Ея Высочества Великой Княжны, благодаря Бога, весьма хорошо.

«Юня 18/27 числа прибылъ сюда Его Королевское Высочество Наслѣдный Принцъ съ Супругою, а сегодня ожидаютъ Его Величества Короля Прусскаго. — Его Величество остановится въ городъ Фрейбургъ, отстоящемъ отъ Фюрстенштейна въ полу-мили.

«Здоровье Государыни Императрицы ежедневно улучшается. — Ея Высочество Великая Княжна находится въ вожделѣнномъ здравіи.»

О путешествіи Государя Императора, отъ С. Петербурга, черезъ Царство Польское и Пруссію, до Саксоніи, получены слѣдующія извѣстія: «Въ ночи съ 13-го на 14-е число Юня, въ первомъ часу, Государь Императоръ изволилъ отправиться изъ Александрии въ путь къ Варшавѣ, черезъ Динабургъ и Ковно. — Въ Динабургъ Его Императорское Величество останавливался самое короткое время, былъ въ соборной церкви, и осмотрѣвъ крѣпостныя работы, отправился далѣе, и прибылъ благополучно въ Варшавскую крѣпость Новогеоргиевскъ, 17-го числа, въ часъ полуночи.

17-го числа, Его Величество, въ десять часовъ утра, изволилъ быть въ Соборѣ, и потомъ осматривалъ крѣпостныя работы, обширныя предположенія которыхъ и отличнѣйшее исполненіе заслужили совершенное одобреніе Государя Императора.

Къ обѣденному столу Его Величества приглашены были, прибывшіе въ Варшаву къ предстоящимъ смотру и маневрамъ войскъ, Эрцгерцогъ Фердинандъ, Прусскіе генералы Грольманъ и Эльстеръ, и состоящіе при нихъ штабъ и оберъ-офицеры; равно всѣ генералы, въ Новогеоргиевскѣ находившіеся.

Послѣ обѣда, Его Императорское Величество вто-

рично изволилъ осматривать во всей подробности крѣпость, вмѣстѣ съ Эрцгерцогомъ, и прочими иностранными посѣтителями, а въ 10 часовъ вечера, отправился въ Варшаву, куда и прибылъ благополучно въ 12 часовъ, при многочисленномъ стеченіи народа.

Городъ былъ иллюминированъ.

Государь Императоръ остановился въ Лазенковскомъ дворцѣ. 17-го Юня, въ восемь часовъ утра, Его Величество изволилъ дѣлать смотръ 4-му Пѣхотному Корпусу, и сверхъ того дивизиону Жандармскаго полка, Сборному Линейному и Сборному Донскому Казацкимъ, Закавказскому Конно-Мусульманскому, и Кавказскому Конно-Горскому полкамъ, съ батарею Донской артиллеріи.

Въ семь часовъ по полудни, Его Императорское Величество осматривалъ цитадель.

19-го Юня, въ 9 часовъ утра, Государь Императоръ изволилъ принимать въ Лазенковскомъ дворцѣ представленіе Администраціоннаго и Государственнаго Совѣтовъ.

Послѣ того слушалъ обѣдню въ Греко-Россійскомъ кафедральномъ соборѣ, при входѣ въ который былъ всгрѣченъ Первосвященнымъ Антоніемъ, Викарнымъ Епископомъ Варшавскимъ, со крестомъ и святою водою. По окончаніи обѣдни, Его Величество, съ Эрцгерцогомъ Фердинандомъ, присутствовалъ въ лагерѣ у развода Азовскаго пѣхотнаго полка.

Послѣ развода, объѣзжая лагерь 10-й, 11-й и 12-й пѣхотныхъ дивизій, Государь Императоръ изволилъ останавливаться при каждомъ полку.

Въ четыре часа по полудни были приглашены къ обѣденному столу Его Величества Эрцгерцогъ Фердинандъ, всѣ военные генералы и полковые командиры, также высшіе чины гражданскаго вѣдомства.

Въ шесть часовъ многочисленная публика собралась въ Лазенковскомъ паркѣ. Въ этотъ день дано было представленіе въ открытомъ театрѣ. Паркъ былъ иллюминированъ.

Къ одиннадцатому часу, Государь Императоръ, въ сопровожденіи Генераль-Фельдмаршала, изволилъ отправиться для ночлега въ лагерь.

20-го Іюня, въ 6 часовъ утра, Его Величество изволилъ произвести ученіе дивизіямъ 4-й легкой кавалерійской и сводной иррегулярной, и совершенно былъ онымъ доволенъ.

21-го Іюня, Государь Императоръ, въ 12-мъ часу утра, въ Варшавѣ изволилъ посѣтить военный госпиталь, и найденнымъ въ ономъ порядкомъ и устройствомъ остался доволенъ. Потомъ Его Величество изволилъ осматривать, на правомъ берегу Вислы, вновь строящійся фортъ Сливцикій, который будетъ служить тетъ-де-пономъ Александровской цитадели. Оттуда Государь Императоръ посѣтилъ Институтъ воспитанія дѣвицъ и больницу Святаго Лазаря. Въ Институтѣ Его Величество удостоилъ сдѣлать нѣкоторымъ дѣвицамъ вопросы на Русскомъ языкѣ, и будучи совершенно доволенъ, какъ успѣхами воспитанницъ, такъ и общимъ порядкомъ этого заведенія, повелѣлъ на будущее время содержать въ Институтѣ, сверхъ нынѣшняго комплекта дѣвицъ, четырехъ воспитанницъ на собственномъ Его Величества иждивеніи, и двумъ воспитанницамъ пожаловалъ подарки.

Въ шесть часовъ по полудни, Государь Императоръ присутствовалъ на ученіи Сборнаго Линейнаго Казацкаго, Закавказскаго Конно-Мусульманскаго и Кавказскаго Конно-Горскаго полковъ, а въ одиннадцать часовъ вечера, переѣхалъ въ лагерь на ночлегъ.

22-го Іюня, Государь Императоръ, въ шесть часовъ утра, изволилъ начать ученіе 4-му пѣхотному корпусу и сводной иррегулярной дивизіи, между Бялянскимъ лагеремъ и Вольскою заставою.

Когда войска приблизились къ укрѣпленію Воли, Его Величество передалъ командованіе маневромъ Генераль-Фельдмаршалу, поручивъ ему сдѣлать примѣрный штурмъ, и по вѣдѣніи приступомъ укрѣпленія, Государь Императоръ приказалъ отдать честь Генераль-Фельдмаршалу.

23-го числа, въ 10 часовъ утра, Государь Императоръ изволилъ осматривать пѣшую и конную батарею, составленную временно изъ людей прикомандированныхъ къ артиллеріи, отъ пѣшихъ и кавалерійскихъ полковъ 4-го пѣхотнаго корпуса, и былъ совершенно доволенъ.

23-го Іюня, отъ 2-хъ до 5½ часовъ по полудни, Государь Императоръ изволилъ присутствовать въ Варшавѣ на маневрѣ войскъ 4-го пѣхотнаго корпуса, продолженіе котораго должно было быть на другой день.

Ночь Его Величество провелъ въ палаткѣ, посреди войскъ, расположенныхъ бивуаками.

24-го Іюня, въ пять часовъ утра, началось продолженіе маневра, по окончаніи котораго, на половинѣ дороги между Варшавою и первою станціею къ Фюрстенштейну, Его Величество, въ 9½ часовъ утра, прямо оттуда отправился въ дальнѣйшій путь.

25-го числа въ три часа по полудни, Государь Императоръ прибылъ благополучно въ замокъ Фюрстенштейнъ, мѣстопробываніе Государыни Императрицы.»

Изъ Фишбаха пишутъ, отъ 2-го Іюля: «Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица, съ Ея Высочествомъ Великою Княжною

Александрю Николаевною, изволили выехать сегодня из замка Фюрстенштейна, и приехали сюда на обѣдъ къ Принцу Вильгельму, брату Короля Прусскаго.

«Вчера, во всерадостный день рожденія Государыни Императрицы, была устроена вечером иллюминація, соответствующая гористымъ и сельскимъ мѣстоположеніямъ, окружающимъ замокъ. Скалы, лѣса и старинный готическій замокъ, находящійся передъ окнами дворца, были освѣщены разноцвѣтными огнями. Окрестныя горы обрисовывались огромными кострами, пылавшими на самыхъ возвышенныхъ вершинахъ, верстъ на двадцать въ окружности.

Множество народа собралось съ самаго утра, изъ всѣхъ окрестностей, для принесенія поздравленія Ея Императорскому Величеству, и Государыни Императрицы, по выходѣ изъ Русской церкви, изволила принимать болѣе ста особъ высшаго дворянства, послѣ чего были приглашены къ Императорскому столу, кромѣ Принцевъ и Принцессъ, и всѣхъ Русскихъ подданныхъ, находящихся на Зальцвассерскихъ водахъ, главнѣйшіе военные и гражданскіе сановники, равно какъ и нѣкоторые важнѣйшіе помѣщики съ ихъ супругами.»

Юль 8/17 дня, въ семь часовъ утра, Государь Императоръ благополучно прибылъ въ Дрезденъ, вмѣстѣ съ Государынею Императрицею и Ея Высочествомъ Великою Княжною Александрю Николаевною, и остановился въ домѣ Россійскаго Посланника.

Тотчасъ по приѣздѣ, Государь изволилъ поѣхать въ Пильницъ, загородный дворецъ Короля, и тѣмъ предупредилъ Его Величество, который готовъ былъ ѣхать на встрѣчу къ Императору. Изъ Пильница Государь Императоръ возвратился въ городъ, и посѣ-

тилъ Ея Императорское Высочество Великою Княгиню Анну Павловну. Въ то же утро Ихъ Императорскія Величества изволили осматривать знаменитую Дрезденскую картинную галерею, гдѣ встрѣчены были Королемъ.

Юль 8/18, Государь Императоръ съ Ея Императорскимъ Величествомъ изволили обѣдать у Короля въ самомъ Дрезденѣ, а вечеромъ отправились въ Пильницъ, откуда 7/19 числа, имѣли намѣреніе выехать прямо въ Теплицъ.»—

Его Светлость Принцъ Петръ Ольденбургскій, 2-го Юля, съ супругою и дочерью, отправился изъ Кронштадта въ Травемюнде, на пароходъ Александра, шкиперъ Шютъ.

Генералъ-маіоръ Графъ Симоничъ, согласно желанію его, отозванъ изъ Персіи, а на мѣсто его Высочайше повелѣно быть Полномочнымъ Министромъ при Тегеранскомъ Дворѣ полковнику Дюгамелю.

Вмѣсто выданныхъ отъ Государственнаго Заемнаго Банка, до Марта мѣсяца 1828 года, билетовъ на простой бумагѣ, съ сургучными печатями, повелѣно нынѣ выдать въ обмѣнъ билеты нынѣшней формы, какъ болѣе прочные, и потому, что прежніе, въ теченіе 10-ти лѣтъ могли придти въ ветхость, и написанное на нихъ чернилами могло стереться. Срокъ для обмѣна назначенъ по 1-е Юля 1840 года.

Юня 14 го, въ Ялтѣ торжествовали, въ присутствіи Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора Графа М. С. Воронцова открытіе новоучрежденнаго въ семь городъ уезднаго управленія.

Мал 24-го прибылъ въ Одессу Австрійскій пароходъ Либано, шкиперъ Петчи, предназначаемый для постоянного сообщенія между Галацомъ и Одессою отъ Дунайской Пароходной Компаніи. Изъ Галаца въ Одессу пришелъ онъ въ девять дней, а изъ

Сулинскаго гирла въ сутки. Мая 29-го отплылъ онъ съ грузомъ въ Браиловъ.

По Царскосельской желѣзной дорогѣ въ теченіе Іюня мѣсяца проѣхало пассажировъ отъ Петербурга до Царскаго Села 42,781, обратно 40,249, отъ Царскаго Села до Павловска 16,891, обратно 16,773, а всего 116,694. Доходъ съ проѣзда и провоза тяжестей по дорогѣ составилъ 155,385 р. 60 к.

Съ открытія навигаціи до 12 Іюля, въ Кронштадтъ пришло кораблей 615, а вышло изъ Кронштадта 335.

Іюля 1-го, въ день рожденія Государыни Императрицы, на Елагиномъ Островѣ было большое гулянье; вечеромъ сожжены богатый фейерверкъ. Прекрасная погода способствовала народному веселью.

Іюня 3-го, въ уѣздномъ городѣ Рязанской Губерніи Рязкѣ былъ ужасный пожаръ: въ пяти подгородныхъ слободахъ сгорѣло 385 домовъ, и въ городѣ 3, да разныхъ построекъ 23.

Англійская голета Амалия, шкиперъ Оредажъ, отплывшая изъ Одессы въ Галацъ, и тамъ нагруженная саломъ, погибла 15-го Мая въ Дунаѣ, на Тульчинской скаль, вмѣстѣ съ Англійскимъ бригомъ Касикъ, вышедшимъ изъ Одессы въ Галацъ.

Мая 30-го и 31-го, по восточному берегу Чернаго Моря, свирѣпствовала столь жестокая буря, что нѣсколько кораблей, стоявшихъ у Абхазскаго берега, сорваны были съ якорей и погибли; въ томъ числѣ находились: одинъ пароходъ, который тщетно удвоенною силою паровой машины хотѣлъ удалиться отъ береговъ, и три военныхъ судна, бригъ и два куттера, а купеческихъ кораблей 14 (въ томъ числѣ одинъ Неаполитанскій).

Съ особеннымъ наслажденіемъ повторяемъ извѣстіе, помѣщенное во всѣхъ почти Русскихъ журна-

лахъ, о началѣ въ Россіи благотѣльныхъ *Обществъ умлѣренности* (Sociétés de Tempérance; подробное объ нихъ извѣстіе читатели могутъ видѣть въ «Журналѣ Мин. Вн. Дѣлъ,» на сей годъ, кн. III, стр. 248, и слѣд.):

Уже нѣсколько лѣтъ тому, какъ состоялся въ Сѣверной Америкѣ, въ Англии и въ сосѣдней намъ Швеціи, общества, подъ названіемъ *Союзовъ умлѣренности*, составлены изъ благородныхъ и доброжелательныхъ людей, положившихъ себя предметомъ искоренять, по возможности, между простымъ народомъ пьянство и развратъ. Старанія сихъ благотѣльныхъ союзовъ имѣли очень хорошій успѣхъ; многія хозяйства, разоренныя и пришедшія въ крайнюю нищету отъ разврата своихъ хозяевъ, внимая благимъ совѣтамъ и наставленіямъ своихъ благотѣтелей, бросили пагубное пьянство, и вскорѣ, оправясь, стали жить въ довольствѣ и счастіи, благословляя добрыхъ своихъ наставниковъ.

Объ этомъ важномъ для всѣхъ предметѣ были помѣщены свѣдѣнія въ газетахъ, издаваемыхъ для крестьянъ панскихъ прибалтійскихъ губерній. Ревнующіе о благѣ своихъ прихожанъ пастыри, съ своей стороны, не оставляли въ проповѣдяхъ обращать вниманія слушателей на пагубныя для души и тѣла слѣдствія пьянства, и на спасительное дѣйствіе трезвости. Богъ благословилъ ихъ труды успѣхомъ: въ нашемъ отечествѣ образовался также союзъ трезвости, и что конечно заслуживаетъ особенное замѣчаніе — онъ возникъ и состоялся между самими крестьянами. Этотъ достойный уваженія и подражанія примѣръ подали крестьяне *Нижне-Бартовскаго прихода въ Курляндской Губерніи*. Внимая отеческимъ увѣщаніямъ своихъ пастырей, и убѣдясь въ своей душѣ въ неисчислимой пользѣ такого предпріятія, они сами положили учредить между собой *товарищество трезвости*. Въ Латвійской газетѣ, N. 9, помѣщено слѣдующее извѣщеніе о томъ самихъ крестьянъ:

«Прихожане Нижне-Бартовскаго прихода желаютъ здоровья и всякаго блага своимъ собратіямъ.

«Мы читали внимательно, что было писано въ нашей газетѣ о союзахъ трезвости въ другихъ земляхъ, и съ умиленіемъ слушали почтеннѣйшаго нашего пастыря-наставника,

когда они, въ своихъ проповѣдяхъ и бесѣдахъ съ нами, толковали, по словамъ Священнаго Писанія, о гибельныхъ для души и тѣла слѣдствіяхъ невоздержности, и какъ чрезъ сказанные союзы народъ отсталъ отъ пьянства, и какъ отъ того люди стали лучше, а разоренныя хозяйства поправились. Его наставленія не остались втунъ и подѣйствовали на благо-разумныхъ изъ нашихъ собратій. Они стали также отъ себя представлять прочимъ, и уговаривать ихъ приняться за то же спасительное дѣло. Много объ этомъ было между нами толковъ; иные соглашались; другіе думали, что трезвость не пойдетъ въ прокъ, а многіе даже насмѣхались надъ нашимъ помысломъ, и почитали его несбыточнымъ и напрасливой. Это противорѣчіе однакожъ насъ не смутило; мы твердо держали въ умѣ наше намѣреніе, и наконецъ благое дѣло состоялось. На второй день праздника Рождества Христова, послѣ обѣдинъ, собрались изъ насъ 96 человѣкъ въ пасторатъ, и почтительно объявляя г. Пастору свое намѣреніе: установить между собой *товарищество трезвости*, просили, принять отъ нихъ обѣщаніе впередъ *не употреблять вина и крѣпкихъ напитковъ, и наблюдать другъ за другомъ, чтобы каждый изъ насъ въ точности исполнялъ это обѣщаніе*. Нашъ отецъ пасторъ, отъ всего сердца одобрилъ наше намѣреніе, благословилъ насъ на исполненіе, и записалъ имена всѣхъ участниковъ даннаго обѣщанія. Иному, конечно, сначала показалось труднымъ отстать совсѣмъ отъ привычнаго крѣпкаго питья, но теперь уже перемоглись, и съ благодарностію отзываются, что чувствуютъ себя гораздо веселѣе и довольнѣе, чѣмъ прежде. Хотя не давно у насъ состоялось это благое положеніе, а уже видны его добрыя слѣдствія: у всѣхъ участниковъ въ домахъ и хозяйствахъ стало лучше; ссоры и раздоры кончились; вездѣ смирно и дружно; всякое дѣло идетъ гладко своимъ чередомъ; что прежде пропадало на хмѣльномъ, то нынѣ остается намъ въ прибыль, то есть — и здоровье, и деньги, и досугъ; какъ будто бы времени стало больше на всякое домашнее дѣло; работа не въ трудъ и на сердцѣ легче. Такимъ явнымъ благотѣльнымъ успѣхомъ нашего товарищества убѣдилось еще 83 человѣка изъ тѣхъ самыхъ крестьянъ, которые сначала издѣвались надъ нами; они сами изъявили желаніе пристать къ намъ, такъ что теперь уже наше товарищество трезвости состоитъ изъ

179 человѣкъ; съ помощію Божіею ихъ прибудеть еще, и наше предпріятіе устоитъ.

«Извѣдавъ на самихъ себѣ великую пользу отъ этого учрежденія, мы пожелали извѣстить объ немъ прочихъ нашихъ собратій. Пусть прочтутъ сіе наше извѣщеніе, подумаютъ объ немъ между собою, и попытаются сдѣлать, какъ мы сдѣлали. Стоитъ лишь только начать и укрѣпиться вновь, а тамъ, привыкнувъ и увидѣвъ великую пользу трезвости для души и тѣла и всего быта своего, уже и сами не захотятъ отстать. Ей такъ! Молимъ Господа Бога, да не оставитъ ихъ, какъ и насъ, своимъ благословеніемъ на благое дѣло.»

Честъ и слава добрымъ и благоразумнымъ поселианамъ, подавшимъ первый примѣръ такого истинно благаго дѣла, и захотѣвшимъ сообщить объ успѣхѣ своемъ и другимъ на пользу!

ШВЕЦІЯ И ДАНІЯ.

О путешествіи Государя Цесаревича Наслѣдника получены слѣдующія извѣстія: $\frac{6}{18}$ Іюня, Государь Цесаревичъ съ Ея Величествомъ Королевою и Ихъ Высочествами Наслѣдною Принцессою и Наслѣднымъ Принцемъ, изволили ѣздить на пароходѣ по озеру Меларну въ замокъ Скокlostеръ (Skokloster), принадлежацій Маршалу Королевства, графу Браге. Древній замокъ сей содержитъ большое собраніе разнаго рода оружія, медалей и портретовъ лицъ, принадлежащихъ къ эпохѣ Тридцатилѣтней Войны. Высокіе Посѣтители, прибывъ въ Скокlostеръ около полудня, изволили осматривать въ немъ всѣ примѣчательности, и въ восемь часовъ вечера, послѣ обѣдннаго стола, отправились обратно въ Розерсбергомъ.

На пути между Розерсбергомъ и Скокlostеромъ показаны были Государю Наслѣднику на берегу озера развалины города Сигтуны (Sigtuna), древней столицы языческой Швеціи.

На другой день, Государь Цесаревичъ, въ сопро-
Т. IV. — Отд. V. 5

вожденіи Наслѣднаго Принца и свиты, изволили выѣхать въ десять часовъ утра изъ Розереберга въ Упсалу, куда и прибыли въ часъ по полудни. У воротъ города былъ выстроены Упландскій пѣхотный полкъ. Пройдя по фронту, Ихъ Высочества были встрѣчены студентами Университета, которые, при радостныхъ восклицаніяхъ, съ пнїемъ народнаго гимна, провожали Высокихъ Посѣтителей до замка. Здѣсь, по представленіи мѣстнаго начальства, Наслѣдный Принцъ, въ званіи Канцлера Упсальскаго Университета, представилъ Государю Цесаревичу Ректора, Профессоровъ и нѣсколькихъ изъ отличнѣйшихъ студентовъ. Послѣ сего Ихъ Высочества посѣтили университетъ и кафедральную церковь. Въ семь древнемъ, величественномъ храмѣ находятся мощи Св. Эрика и Св. Бригитты, и гробница Густава Вазы.

За обѣденнымъ столомъ, даннымъ Губернаторомъ, на который были приглашены всѣ Профессоры Университета, военное и городское начальство, Губернаторъ провозгласилъ тостъ за здравіе Его Императорскаго Высочества. Государь Цесаревичъ изволил отвѣчать тостомъ за здравіе Канцлера Университета — Наслѣднаго Принца, и въ лицѣ его, всего ученаго сословія. Въ шесть часовъ Ихъ Высочества выѣхали изъ Упсалы, и проѣхавъ около четырехъ миль, прибыли въ Эстербю (Oesterby), имѣніе, принадлежащее одному изъ владѣтелей Данеморскихъ рудниковъ. Осмотрѣвъ находящіеся здѣсь желѣзодобывательный и чугунно-плавильный заводы, равно и производство цементовой стали, Ихъ Высочества изволили войти въ приготовленные хозяиномъ для ночлега Ихъ покои.

8-го Іюня, Ихъ Высочества ѣздили въ Данеморъ, отстоящую въ 3-хъ верстахъ отъ Эстербю. Желѣз-

ные рудники въ Данеморъ принадлежать къ числу самыхъ богатѣйшихъ и лучшихъ въ Швеціи. Высокіе Посѣтители изволили осмотрѣть все производство горной разработки въ главномъ рудникѣ, коего наибольшая глубина простирается до 500 футовъ. При Ихъ Высочествахъ произведены были, посредствомъ пороха, для отдѣленія камней, нѣсколько взрывовъ.

На возвратномъ пути изъ Данемора въ Стокгольмъ, Ихъ Высочества изволили останавливаться въ древней Упсалѣ на холмѣ, называемомъ могилою Одина, куда собрались всѣ профессоры и студенты университета, чтобы еще разъ приветствовать Высокихъ Путешественниковъ.

^{9/21} Іюня. Въ полдень Государь Цесаревичъ изволил быть въ находящейся здѣсь при посольствѣ Русской церкви, гдѣ отслушалъ краткое молебствіе и приложился къ св. кресту. Отсюда ѣздивъ осматривать домъ Дворянскаго Собранія (Ridershus). Посѣтивъ за симъ Наслѣднаго Принца, Государь Цесаревичъ, вмѣстѣ съ Его Королевскимъ Высочествомъ, былъ въ Дворцовомъ Музеумѣ, содержащемъ значительное собраніе картинъ и скульптурныхъ произведеній. Послѣ сего Ихъ Высочества сѣли въ шлюпку, и отправились на Шведскій фрегатъ Жозефина, пришедшій на дняхъ изъ Средиземнаго моря съ корветомъ Наядою. Оба судна сии найдены Его Высочествомъ въ отличномъ состояніи.

Въ пять часовъ пополудни, Его Императорское Высочество былъ на обѣденномъ столѣ у Королевы, а въ половинѣ десятаго на вечерѣ у Ея Величества, на который были приглашены всѣ знатнѣйшія особы здѣшней столицы и дипломатическій корпусъ.

Полагая на другое утро оставить Стокгольмъ, Государь Цесаревичъ, послѣ ужина, изволил про-

ститься съ Ихъ Величествами Королемъ и Королевою. Его Величество съ Наслѣднымъ Принцемъ проводилъ Государя Наслѣдника до Его покоевъ.

¹⁰/₂₃ Июня. Поутру, въ десять часовъ, Государь Цесаревичъ, въ сопровожденіи Наслѣднаго Принца и свиты, выѣхалъ изъ столицы въ Готенбургъ. Въ половинѣ 4-го, Ихъ Высочества прибыли въ Тюльгарнъ (Tullgarén), въ 70 верстахъ отъ Стокгольма, гдѣ ожидала Ихъ Высочества Наслѣдная Принцесса. Послѣ обѣда, простившись съ Ея Королевскимъ Высочествомъ, отправились въ дальнѣйшій путь, и продолжали оный до слѣдующаго утра.

Проѣхавъ городъ Норчепингъ (Norköping), поутру 11-го Июля, Ихъ Высочества, въ десять часовъ остановились въ лагерь при мѣстечкѣ Бергъ, гдѣ изволили смотрѣть два гренадерскіе полка. Въ недалекомъ разстояніи отъ Берга, Ихъ Высочества вышли изъ экипажей, и сѣли на пароходъ въ Готскомъ каналѣ (Götha Canal). Отсюда дальнѣйшій путь былъ по каналу чрезъ Боренсгультскіе (Bogenshult) плызы до озера Веттерна. При впаденіи канала въ озеро, Ихъ Высочества изволили останавливаться въ мѣстечкѣ Мотала, для обозрѣнія фабрики чугунныхъ и желѣзныхъ издѣлій, принадлежащей Обществу Готскаго канала. Послѣ сего Ихъ Высочества снова сѣли на пароходъ, и въ половинѣ 7-го отправились по озеру Веттерну въ направленіи къ крѣпости Карлсборгъ (Karlsborg). Плаваніе по озеру было самое благопріятное; пароходъ остановился у крѣпости въ 9¹/₂ часовъ. Ихъ Высочества, при пушечныхъ выстрѣлахъ, были встрѣчены на пристани мѣстнымъ начальствомъ. На площади былъ построенъ Скарборгскій полкъ, который, отдавъ честь Ихъ Высочествамъ, прошель потомъ церемоніальнымъ

маршемъ. Послѣ чего Высokie Путешественники вошли въ королевскій павильонъ для ночлега.

Поутру, 12-го Июня, Ихъ Высочества осматривали въ подробностяхъ крѣпостныя работы, и въ 11 часовъ отправились по сухопутному тракту въ Тральеру (Trollhåuta). Въ Аксвальской долигѣ (Axvall), Ихъ Высочества завѣжали въ лагерь Вестротскскаго пѣхотнаго полка. Въ 9 часовъ вечера прибыли въ Тральету.

¹⁵/₂₃ Июня. Въ 9 часовъ утра, Ихъ Высочества изволили осматривать каналъ Тральетскій. Каналъ сей, проведенный частью чрезъ гранитную скалу, возвышается надъ поверхностью рѣки на 114 футовъ. На немъ устроены восемь плызовъ. Государь Цесаревичъ изволилъ присутствовать при проводѣ купческаго судна чрезъ оный. Потомъ Ихъ Высочества пошли къ порогамъ, образуемымъ рѣкою Гетаэльфъ (Götha-Elf), почти при самомъ выходѣ своемъ изъ озера Веперна (Wenern). Неподалеку отъ водопадовъ, въ гротѣ скаль, изсѣчены имена знатныхъ особъ, посѣщавшихъ мѣста сии; снисходя на предложеніе Наслѣднаго Принца, Его Императорское Высочество начерталъ тутъ и свое имя.

Въ полдень Ихъ Высочества отправились по тракту въ Готенбургъ. Государь Цесаревичъ, желая видѣть бытъ простаго народа въ здѣшнемъ краѣ, изволилъ входить въ крестьянскій домъ, неподалеку отъ станціи Эксель. Въ восемь часовъ вечера, при пушечной пальбѣ и звонѣ колоколовъ, Ихъ Высочества, приветствуемые многочисленною толпою, въѣхали въ Готенбургъ. У дома губернаторскаго, назначеннаго для Высokихъ Посѣтителей, стоялъ эскадронъ гусаровъ Наслѣднаго Принца полка, а на площадяхъ, чрезъ которыя провѣжали, былъ расположенъ Готскій артиллерійскій полкъ.

Послѣ представленія мѣстнаго начальства и знатнѣйшихъ жителей, былъ поданъ ужинъ, по окончаніи коего военная музыка играла подъ окнами дома; къ ней присоединился хоръ, составленный изъ любителей, и пропѣлъ стихи, сочиненные на случай прибытія Ихъ Высочествъ. При появленіи Ихъ Высочествъ у окна, громкія восклицанія не преставали привѣтствовать Высокихъ Гостей.

По утру, ^{14/26} Іюня, Ихъ Высочества изволили осмотрѣть двѣ артиллерійскія баттарей и лейбъ-эскадронъ гусарскаго Принца Наслѣднаго полка, а въ часъ пополудни были на завтракъ, данномъ Готенбургскимъ градскимъ обществомъ. Во время стола, за коимъ находилось около 200 человекъ, были провозглашены Наслѣднымъ Принцемъ тосты за здравіе Государя Императора и Государя Цесаревича. Его Императорское Высочество отвѣчалъ тостомъ за здравіе Короля Шведскаго и Наслѣднаго Принца; послѣ сего Ихъ Высочества вмѣстѣ провозгласили тостъ въ честь города Готенбурга. При каждомъ изъ сихъ тостовъ, кромѣ послѣдняго, были пѣты на сей случай сочиненные стихи.

Въ четыре часа Государь Цесаревичъ, сопровождаемый Его Королевскимъ Высочествомъ, отправился въ гавань, на пароходъ Гельфъ (Hilfe), назначенный для перѣзда Его Императорскаго Высочества, со свитою, въ Копенгагенъ. Наслѣдный Принцъ Шведскій, проводивъ Государя Цесаревича до малка Винго (Vingo), въ шесть часовъ простился съ Его Императорскимъ Высочествомъ.

Пароходъ вышелъ въ море при благопріятной погодѣ. Его Императорское Высочество, по благополучномъ плаваніи чрезъ Каттегатъ и Зундъ, прибылъ въ Копенгагенъ въ вождельннмъ здравіи на слѣдующій день, ^{18/27} Іюня, въ часъ по полудни.

При входѣ изъ Каттегата въ Зундъ, Государь Цесаревичъ былъ встрѣченъ Россійскимъ военнымъ пароходомъ Геркулесъ, и въ сопровожденіи его вошелъ въ Копенгагенскій портъ, при салютѣ съ цитадели и всѣхъ укрѣпленій города. Россійскій Посланникъ при Датскомъ Дворѣ, съ Секретарями Посольства, выѣхалъ на семь корабль на встрѣчу Его Императорскому Высочеству. Не смотря на дождливое время, многочисленныя толпы жителей города покрывали берега и прибрежныя укрѣпленія. Государь Цесаревичъ, перѣхавъ на пристань въ королевской шлюпкѣ, на которой былъ поднятъ флагъ Его Высочества, былъ встрѣченъ губернаторомъ Копенгагена, ландграфомъ Вильгельмомъ Гессенскимъ, и первыми чинами двора, въ числѣ коихъ находился Датскій посланникъ при Россійскомъ дворѣ, графъ Бломъ. По принятіи поздравленій съ благополучнымъ прибытіемъ въ Копенгагенъ, Государь Цесаревичъ, въ придворной парадной каретѣ, въ сопровожденіи свиты своей, отправился къ Королю. Засимъ Государь Цесаревичъ былъ введенъ Его Величествомъ въ покои Королевы, куда прибыли всѣ Принцы и Принцессы Королевскаго Дома.

Въ три часа былъ фамильный обѣденный столъ у Короля, послѣ коего Государь Цесаревичъ изволил посѣтить Принцевъ и Принцессъ, и въ половинѣ шестаго, прибывъ въ изготовленный для него дворецъ Христіансборгъ, принималъ Ихъ Королевскія Высочества, Принцевъ Христіана и Фердинанда, и Ландграфа Гессенскаго.

Въ семь часовъ вечера, Государь Цесаревичъ изволил быть съ Королевскою Фамилією въ театръ, гдѣ данъ былъ балетъ.

На другой день, ^{19/28} Іюня, въ девять часовъ утра, Его Величество Король посѣтилъ Государя Це-

саревича, послѣ чего Его Императорское Высочество изволилъ принимать министровъ, дипломатическій корпусъ и всѣхъ знатнѣйшихъ военныхъ, придворныхъ и гражданскихъ чиновъ. Въ одиннадцать часовъ, Его Высочество ѣздилъ въ Адмиралтейство, на осмотръ коего посвятилъ около трехъ часовъ времени.

Въ четыре часа по полудни былъ большой обѣденный столъ у Короля, въ такъ называемой Рыцарской залѣ, на которомъ, кромѣ Королевской Фамиліи, присутствовали первые чины двора, дипломатическій корпусъ и свита Его Императорскаго Высочества. За обѣдомъ были провозглашены, съ пушечными выстрѣлами, нѣсколько тостовъ. На тосты въ честь Государя Императора и Государя Цесаревича, Его Императорское Высочество отвѣчалъ тостами за здоровье Короля, Королевы, Принца Христиана, и всего Королевскаго Дома.

Въ девять часовъ, Государь Цесаревичъ изволилъ быть на балѣ, даніомъ Принцемъ Фердинандомъ для Его Императорскаго Высочества, который оставилъ въ половинѣ двѣнадцатаго часа.

Съ $\frac{10}{28}$ на $\frac{17}{20}$ Іюня, Государь Наслѣдникъ, возвратившись съ бала, почувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ, и въ слѣдствіе оказавшейся простудной лихорадки, по совѣту медиковъ, не выѣзжалъ по 21-е число.

Въ теченіе сего времени болѣзнь продолжала свое теченіе правильно, безъ особенно важныхъ припадковъ, и Государь Цесаревичъ постепенно чувствовалъ себя лучше, такъ, что 21-го числа состояніе здоровья Его Высочества дозволило Ему, при ясной и тихой погодѣ, выѣхать для прогулки. Въ продолженіе болѣзни Государя Цесаревича, Его Величество

Король ежедневно навѣщалъ Его Императорское Высочество.

19-го числа, на загородной площади были парадъ и маневры войскамъ, собраннымъ въ Копенгагенъ. Государь Цесаревичъ, не выходя еще изъ своихъ покоевъ, не могъ присутствовать на парадѣ, почему Его Величество Король, по окончаніи маневровъ, продолжавшихся отъ трехъ до половины седьмого часа по полудни, ввелъ войско въ городъ, и остановившись у дворца Христиансборга, у оконъ комнатъ, занимаемыхъ Государемъ Цесаревичемъ, приказалъ войску пройти церемониальнымъ маршемъ. Его Императорское Высочество изволилъ смотрѣть на парадъ въ окно. Гвардейскій баталіонъ и нѣкоторыя другіе полки, проходили подъ музыку Русскаго народнаго гимна: «Боже, Царя храни!» Въ строю было 17 баталіоновъ пѣхоты, 17 эскадроновъ кавалеріи, 4 батарейная пѣшая баттарей, и 3 легкихъ, всего около 9000 человекъ.

22-го Іюня (4-го Іюля). Здоровье Его Императорскаго Высочества, благодаря Богу, видимо поправилось. Сегодня Государь Цесаревичъ выѣзжалъ въ открытой коляскѣ за городъ, и проѣхавъ около десяти верстъ, изволилъ прогуливаться пѣшкомъ.

Въ остальное время пребыванія Государя Наслѣдника Цесаревича въ Копенгагенъ, съ 23-го по 30-е Іюня, Его Императорское Высочество чувствовалъ, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе облегченіе отъ болѣзни. Лихорадочные припадки не возвращались, но оставалась еще нѣкоторая слабость, почему Его Высочество изволилъ выѣзжать только на прогулку по окрестностямъ города.

24-го числа, Его Императорское Высочество изволилъ осматривать Музеумъ сѣверныхъ древностей,

находящійся во дворцѣ Христіансборгъ, мѣстопробываніи Государя Цесаревича.

25-го Іюня, въ высокаторжественный день рожденія Государя Императора, Его Высочество ѣздили въ Греко-Россійскую, находящуюся при посольствѣ нашемъ церковь, для слушанія божественной литургии. Во время провозглашенія многолѣтія Императорскому Дому, произведена была пушечная пальба изъ столицихъ на рейдѣ Русскихъ военныхъ судовъ, парохода Геркулесъ и фрегата Касторъ.

Изъ церкви Его Императорское Высочество посетилъ Короля, но изъ предосторожности не изволилъ присутствовать на большомъ обѣдѣ, данномъ Его Величествомъ по случаю сего торжественнаго дня. На обѣдѣ къ Его Величеству была приглашена свита Государя Цесаревича, и всѣ Штабъ и Оберъ-Офицеры съ парохода и фрегата, и за обѣдомъ были провозглашены Королемъ тосты, при пушечныхъ выстрѣлахъ, за здравіе Государя Императора и Государя Цесаревича.

Въ этотъ день былъ назначенъ балъ у Русскаго Посланника Барона Николая, но отложенъ на 26-е число. — Его Высочество располагалъ быть на балѣ Посланника, но, по совѣту медиковъ, не присутствовалъ на немъ. Его Величество Король, и всѣ Принцы и Принцессы Королевской Фамиліи удостоили великолѣпный балъ сей своимъ присутствіемъ, на коемъ, кромѣ Дипломатическаго Корпуса, находилось болѣе 200 особъ высокаго общества.

27-го Іюня, Государь Цесаревичъ, послѣ утренней прогулки, въ часъ по полудни изволилъ смотрѣть изъ оконъ Дворца Христіанборга, вмѣстѣ съ Его Величествомъ Королемъ, на ученье двухъ пѣхотныхъ полковъ, произведенное на Дворцовой площади.

29-го Іюня. Его Императорское Высочество, намѣреваясь на слѣдующій день отправиться изъ Копенгагена въ дальнѣйшее путешествіе, изволилъ ѣздить, въ сопровожденіи свиты своей, прощаться къ Ихъ Величествамъ Королю и Королевѣ. Здѣсь Государь Цесаревичъ простился также и съ Принцами Христіаномъ и Фердинандомъ, Ландграфомъ Гессенскимъ и его сыномъ.

30-го Іюня. Въ два часа по полудни Его Величество Король посетилъ Государя Цесаревича, и желая проводить Его Высочество, отправился съ Нимъ на пристань, гдѣ собрались всѣ Принцы Королевскаго Дома, при многочисленномъ стеченіи народа. Король, вмѣстѣ съ Принцами, проводилъ Его Высочество на пароходѣ Геркулесъ, на коемъ былъ принятъ со всеми почестями, принадлежащими Его Величеству. Простившись здѣсь съ Государемъ Цесаревичемъ, Его Величество и Ихъ Королевскія Высочества возвратились на пристань.

Въ половинѣ третьяго, Геркулесъ поднявъ флагъ Государя Цесаревича, снялся съ якоря, и при салютѣ изъ крѣпости и всѣхъ военныхъ судовъ, стоявшихъ на рейдѣ, оставилъ Копенгагенскій портъ, и отправился, послѣдуемый фрегатомъ Касторъ, въ Травемюнде, куда Его Императорское Высочество прибылъ благополучно на слѣдующій день, 1-го Іюля, въ десять часовъ утра.

Теплая и ясная погода благопріятствовала переезду Государя Цесаревича. Его Высочество провела ночь на пароходѣ хорошо, и вообще здоровье Государя Наслѣдника, благодаря Бога, замѣтно укрѣпляется.

При отъѣздѣ своемъ изъ Стокгольма, Государь Императоръ украсилъ Е. В. Наслѣднаго Принца Шведскаго орденомъ Св. Апостола Андрея, и пожа-

ловаль знаки сего ордена Шведскому Министру Юстиціи Графу Розенбладу, и Маршалу Королевства Графу Браге; орденъ Св. Александра Невскаго пожалованъ ген.-лейт. Графу Мернеру; другіе военные и гражданскіе чиновники также награждены были разными Россійскими орденами. Е. В. Король Шведскій украсилъ орденомъ Серафимовъ Е. И. В. Великаго Князя Константина Николаевича, и пожаловаль знаки сего ордена Князю Ливену, Графу Орлову, Князю Меншикову; орденъ Полярной звѣзды Россійскому министру при Шведскомъ Дворѣ Графу Потоцкому, и многіе другіе знаки отличій военнымъ и гражданскимъ нашимъ чиновникамъ.

Поли 6-го, когда Е. В. Король Шведскій возвращался съ смотра войскъ, лошадь, на которой ѿехалъ онъ, начала бить. Престарѣлый Король не могъ удержаться, упалъ, и при паденіи вывихнулъ себя плечо. Немедленно приняты были все мѣры пособія и предосторожности, и отъ 10-го числа писали уже изъ Стокгольма, что ни какой опасности отъ ушиба нѣтъ, такъ что, по Королевскому повелѣнію, прекратили даже ежедневныя извѣстія о болѣзни Е. В., изданія, которыхъ требовало усердіе народа, встревоженнаго столь неприятымъ событіемъ.

Англія.

Все газеты Англіскія наполнены теперь извѣстіями о коронаваніи Королевы Викторіи, послѣдовавшемъ 28-го Іюня. Великолѣпіе, съ какимъ совершился сей священнѣйшій обрядъ, радость народа, изъясненная при семъ торжественномъ случаѣ, и множество любопытныхъ подробностей, какъ будто заглушили на время все клики буйныхъ страстей и вопли политическихъ партій.

Королева прибыла въ Лондонъ изъ Виндзора 15 Іюня. Іюня 21-го, въ день годовщины со времени ея вступленія на престоль, при дворѣ былъ вечеръ, а потомъ черезъ нѣсколько дней данъ концертъ; въ оба дня приглашены были все послы иностранныя и знатнѣйшая аристократія Англіиская. Маршалъ Сульта дружески встрѣтилъ здѣсь храбраго Лорда Гилла, котораго тщетно преслѣдоваль нѣкогда въ Португаліи. Ah! je vous rencontre enfin (сказаль онъ, шутя) moi qui ai soug si longtemps après vous! — Велингтонъ дружески пожалъ при семъ случаѣ руку Сульта. — Іюня 22-го прибылъ въ Лондонъ Принцъ Немурскій, и также находился въ концертѣ. — Между тѣмъ весь Лондонъ былъ въ движеніи; милліоны сыпались всюду; сотни тысячъ рукъ работали, и, конечно, весь Лондонъ не спалъ въ ночь, предшествовавшую дню коронаванія. Вотъ описаніе его, помѣщенное въ газетахъ на другой день, и повторенное во всехъ газетахъ Европейскихъ:

Коронація Ея Величества Королевы Викторіи совершилась вчера благополучно. Безчисленное множество народа толпилось съ самаго утра по улицамъ, черезъ которыя должна была проходить процессія; многіе провели даже тамъ всю ночь, опасаясь, чтобы кто нибудь не занялъ ихъ мѣстъ. Кое гдѣ видѣлись еще на балконахъ надписи: «отдастся въ насилье», но въ шесть часовъ все уже было наполнено народомъ. На всемъ протяженіи дороги приняты были строжайшія мѣры предосторожности. По обѣимъ сторонамъ триумфальныхъ воротъ, на углу Гейдъ-Парка, были выстроены галлерей, съ которыхъ можно было видѣть всю процессію. Предъ домами барона Ротшильда и лорда Ковентри сдѣланы были также надежныя подмостки. Многіе частныя дома были убраны съ большимъ вкусомъ. Одинъ изъ балконовъ дворца герцога Девонширскаго походилъ великолѣпіемъ на театральную ложу; онъ былъ весь покрытъ альмъ сукномъ съ золотыми украшеніями. Клубы Краффордъ, Грука, Вейта и Артура, въ Сент-Джемской улицѣ, также отличались своимъ убранствомъ.

Почти вездѣ видны были изображенія короны, съ звѣздою и вензелемъ V. R. Марльбору-гоузъ, дворець двоствующей Королевы, обвить былъ лаврами. На всѣхъ улицахъ развѣвались знамена Союза. Морское Министерство отличалось своею огромною короною и военными украшениями. Съ такимъ же великолѣпиемъ были убраны оперный театръ, національная галлерей, и проч. Входъ въ Доуингстритъ образовали ворота, составленныя изъ разноцвѣтныхъ лампъ. Въ четыре часа утра возвѣщено было наступленіе торжества 21 пушечнымъ выстрѣломъ. Между тѣмъ, еще въ полночь, экипажи двинулись въ направленіи къ Аббатству Вестминстерскому, и въ часъ по полночи составилась уже линия, простиралася до конца Парламентской улицы. Въ четыре часа утра, вмѣстѣ съ пушечными выстрѣлами, раздался звонъ колоколовъ Аббатства, и Королевскіе штандарты были вынесены изъ Адмиралтейства и главной квартиры Главнокомандующаго сухопутныхъ войскъ. Въ пять часовъ, площадки Парламентской улицы покрылись зрителями, въ богатыхъ нарядахъ. Ложки, выстроенныя предъ Реформатскимъ Клубомъ, могли вмѣщать въ себя болѣе 600 дамъ. Въ девять часовъ собралось около 500 членовъ Нижней Палаты. Они почти всѣ были въ мундирахъ, или въ придворномъ костюмѣ. Даже тѣ изъ нихъ, которые всегда отличались чрезвычайною небрежностію одежды, долгомъ почли при этомъ случаѣ выказать всю возможную пышность. Въ половинѣ десятаго началось шествіе къ Аббатству, а въ десять часовъ войска стояли уже на всемъ протяженіи отъ Чарингъ-Кроса до Аббатства. Въ Сень-Джемскомъ паркѣ устроены были лагерь. При сѣверномъ входѣ его были 17 палатокъ, и поставлено было 12 пушекъ. Въ то же самое время, передъ Сень-Джемскимъ дворцомъ Королева съѣла въ карету, и залъ изъ пушекъ возвѣстили о томъ безчисленному множеству народа. Процессія медленно потянулась впередъ. Трубачи и эскадронъ лейбъ-гвардіи открывали шествіе. За ними ѣхали иностранныя послы, посланники и повѣренные въ дѣлахъ при здышемъ дворѣ, въ слѣдующемъ порядкѣ: повѣренные въ дѣлахъ, Меккениганскій, Португальскій, Шведскій; Послы, Саксонскій, Ганноверскій, Греческій, Сардинскій, Испанскій, Соединенныхъ Штатовъ, Нидерландскій, Бразильскій, Баварскій, Датскій, Бельгійскій, Виртембергскій и Прусскій. Далѣе слѣдо-

вали кареты чрезвычайныхъ пословъ: Ахмедъ-Фетхъ-Паша (самъ онъ еще не пріѣхалъ), маршала Сульта, герцога Пальмеллы, графа Лесенельяна, маркиза Бринолла, графа Альтеши, князя Путбуса, маркиза Мирафлореса, барона фанъ деръ Капеллена, князя Шварценберга, графа Строганова, князя де Линя, и графа Лудольфа. Далѣе ѣхали четыре непрѣмнныя посла: Турецкій, Салимъ Эфенди, Французскій, графъ Себастьяни, Россійскій, графъ Пошоду Борого, и Австрійскій, князь Эстергази. Шествіе дипломатическаго корпуса замыкалось отрядомъ трубачей и взводомъ лейбъ-гвардіи. Потомъ ѣхали кареты Королевской фамилии, Герцогини Кентской и Глостерской, Герцога и Герцогини Кембриджскихъ и Герцога Суссекскаго, подъ прикрытіемъ собственной ихъ лейбъ-гвардіи. За ними шли Королевскіе шуцманъ и 48 гребцовъ, и потомъ ѣхали 12 каретъ Королевы, въ шесть лошадей, съ придворными дамами и кавалерами, со свитою. Новые отряды войскъ и музыкантовъ, и въ числѣ ихъ сто человекъ гвардейской милиціи, по четыре въ рядъ. Наконецъ показалась карета Ея Величества, запряженная восьмью бѣлыми лошадьми. Шествіе замыкали многіе знатные придворные чиновники и войско. — Погода была сперва неблагопріятна, шелъ мелкой дождь, но въ семь часовъ небо прояснилось, и время во весь день стояло хорошее. Число народа, столпившагося на пути отъ дворца къ Аббатству, простиралось до 200,000 человекъ; не смотря на то, при стараніи войска и полиціи, не было ни малѣйшаго безпорядка. Изъ числа членовъ Королевской фамилии, публики пришла съ особеннымъ усердіемъ Герцога Суссекскаго и Герцогиню Кентскую (мать Королевы). Но невозможно описать восторга, обнаруживавагося повсюду при появленіи самой Королевы. На лицѣ ея сіяли радость и удовольствіе, и она привѣтствовала своихъ подданныхъ съ непринужденностію и непритворною ласкою. На всѣхъ балконахъ дамы махали бѣлыми платками, и бросали на улицу цвѣты. Королева нѣсколько разъ обращалась къ сидѣвшей съ нею гардеробмейстеринѣ, Герцогинѣ Сутерландъ, чтобы высказать ей свои чувства. Когда поравнялась она съ Морскимъ Министерствомъ, музыканты заиграли God save the Queen. Процессія представляла самый живописный видъ на Чарингъ-Кросѣ. У воротъ Аббатства, Королеву встрѣтили десять придвор-

ныхъ чиновниковъ, и когда она вышла изъ кареты, со всѣхъ сторонъ раздалось ура, повторенное на самыхъ дальнихъ улицахъ, и служившее сигналомъ для артиллеріи. Многія мѣста въ Аббатствѣ заняты уже были съ пяти часовъ; прѣздъ перовъ и ихъ супругъ продолжался отъ семи до девяти часовъ. Герцогъ Немурскій, явивъ безъ свиты, занялъ мѣсто въ дипломатической галлерей. Дипломатическій корпусъ вошелъ туда въ томъ же порядкѣ, въ какомъ ѣхалъ. Каждый посланикъ имѣлъ при себѣ самую блистательную свиту. Князь *Шварценбергъ* и *Эстергази* были въ ботатѣйшихъ Венгерскихъ костюмахъ. Князь *Шварценбергъ*, Графъ *Строгоновъ* и Принцъ *де Линь* прѣехали съ своими супругами. При входѣ Королевы всѣ встали, и приняли ее съ глубочайшимъ почтеніемъ. Вступивъ въ Аббатство, Королева казалась блѣдною и встревоженною, однакожъ скоро оправилась, и тихо шла впередъ, при пѣвнн хора. Когда Ея Величество заняла свое мѣсто, всѣ умолкли и церемонія началась. Когда Архіепископъ Кантербурійскій, благословивъ корону Св. Эдуарда, возложилъ ее на голову Королевы, раздались общія восклицанія: God save the Queen! Въ то же время епископы надѣли свои митры, а перы, ихъ супруги и герольды свои короны. При звукѣ трубъ и литавръ, съ Тонера и въ паркѣ загремѣли пушечные выстрѣлы. За коронаціею слѣдовали поднесеніе Библии и благословеніе на царство, Te Deum, возведеніе на престоль, и наконецъ приела. Архіепископъ, преклонивъ передъ трономъ колѣни, и поцѣловавъ руку Ея Величества, произнесъ: «Я, *Виллиамъ*, Архіепископъ Кантербурійскій, кланюсь быть вѣрнымъ тебѣ, законная наша Государыня, и наследникамъ твоимъ, королямъ, или королевамъ соединенныхъ державъ Великобританіи и Ирландіи, и исполнять все, что предписываетъ мнѣ санъ мой и званіе.» Прочіе епископы произнесли такую же присягу, цѣлуя равнымъ образомъ руку Королевы. Потомъ, всѣ бывшіе при семъ торжествѣ перы всходили на ступени трона, прикасались къ коронѣ, цѣловали у Е. В. руку, и удалялись. При сей церемоніи, Лордъ *Ролль*, страждущій подагрой, упалъ было на полъ, однакожъ скоро оправился и всталъ. Во время присяги Герцога *Веллингтона* и Графа *Грея*, слышались громкія одобрительныя восклицанія. Между тѣмъ, Лордъ Казначей занимался раздачею медалей, выбитыхъ по случаю корона-

ціи. Гимны и музыкальныя ораторіи были выполнены превосходно. Ея Величество имѣла на головѣ корону, въ правой рукѣ скипетръ, а въ лѣвой державу. Въ половинѣ четвертаго, процессія двинулась обратно къ воротамъ Аббатства, гдѣ кареты были уже готовы. Многіе перы, и между прочими герцогъ *Веллингтонъ*, въ своей коронѣ и съ маршалскимъ жезломъ въ рукѣ, не имѣя возможности добратъся до экипажей, должны были идти пѣшкомъ сквозь толпы народа. Обратное шествіе ко дворцу совершилось въ томъ же порядкѣ. Королевская карета подъѣхала ко дворцу перанѣе шести часовъ. Ея Величество вышла изъ нея съ яснымъ взоромъ и свѣжимъ лицомъ, при непрерывныхъ восклицаніяхъ народа. Освѣщеніе главныхъ улицъ вечеромъ было вообще блистательно, однакожъ уступало иллюминаціи при коронаваніи Георга IV. Особенно отличалось зданіе Морскаго Министерства, освѣщенное 60,000 лампъ, съ бѣлою розой, украшенной государственною короною, которая блистала всѣми возможными цвѣтами. Иностранные послы не щадили ничего, чтобы освѣтить гербы свои самымъ лучшимъ образомъ. Прозрачная картина у дома Турецкаго посольства, въ которой сверкала бриллиантовыми огнями полумѣсяцъ, обращала на себя особенное вниманіе. Графъ *Себастьянъ* выставилъ картину въ 33 фута длины и 26 ширины, съ начертанными на желтомъ полѣ буквами L. P., и надписью кругомъ: Nonneur et Patrie. Россійскій двуглавый орель, съ распростертыми крыльями, блисталъ бѣлыми огнями. Домъ, занимаемый герцогомъ *Оссую*, маркизомъ *Миллафлорессимъ*, княземъ *Путбусомъ* и прицемъ *Капуанскимъ*, освѣщенный газомъ, представлялъ восхитительное зрѣлище. Королевскій театръ выставилъ превосходную картину, на которой изображена была Королева, вѣнчаемая Британніею; люди всѣхъ цвѣтовъ прислагодуютъ ей; морскія нимфы рвзвятся вокругъ Викторіи. Фейерверкъ былъ великолѣпенъ. На платформѣ Гейдъ-парка горѣло изображение Королевы на конѣ. Тѣснота на улицахъ продолжалась до втораго часа ночи; однакожъ, при этомъ случаѣ потерпѣлъ только одинъ человекъ. Около сотни потерянныхъ дѣтей уже найдены. — Сверхъ того, въ день коронаціи спущены были два воздушные шара; на нихъ *Гринъ* и мистрисъ *Грагаль* совершили благополучно свое путешествіе. — Разумѣется, что въ этотъ день

данъ былъ обѣдъ для нищихъ, и были большія собранія. Самый блистательный праздникъ былъ у герцога *Веллингтона*, на который явились 2000 приглашенныхъ особъ. Въ числѣ ихъ были Принцы и Принцессы Королевскаго дома, Герцогъ Немурскій, Принцъ Христіанъ Голштейнъ-Гликсбургскій, и всѣ посланники.

За три дня до коронованія, Королева отправилась на гулянье въ паркъ, но тѣснота отъ народа, столпившагося на пути ея, была такова, что карета Королевы не могла проѣхать, и Королева принуждена была воротиться во дворецъ.

Въ день коронованія были объявлены многія награды: возведены въ званіе перовъ, Вице-Король Ирландскій Лордъ Мулгрэвъ, съ титуломъ *Маркиза Норменби*; Лордъ Дундасъ, съ титуломъ *Графа Зетланда*; Лордъ Кингъ, съ титуломъ *Графа Ловеласа*; Графъ Кинторъ, Виконтъ Лисморъ, Лордъ Росморъ, Лордъ Каррю съ титулами бароновъ; В. Понсонби, съ титуломъ *Барона Менлелъ*; члены Нижняго Парламента: К. Гендбури Траси, съ титуломъ *Барона Суделелъ*; Г-да Мегюэнъ и Уроттеслей, съ титулами бароновъ, и Маркизь Кармартенъ, съ титуломъ *Барона Осборна*. Тридцать двѣ особы получили званія баронетовъ (въ числѣ ихъ астрономъ Гершель и литераторъ Бульверъ). По флоту и войску, вице-адмиралы: Дж. Эрскинъ Дугласъ, сиръ Р. Доннелли, сиръ Дж. Пу-Бересфордъ произведены въ адмиралы сняго флага, 17 генераль-лейтенантовъ въ полные генералы, 37 генераль-маіоровъ въ генераль-лейтенанты. Графъ Брусь, сынъ Маркиза Эйлсбури, получилъ титулъ пера, съ названіемъ *барона Бруса-Тоттенгема*.

Кромъ бала у Герцога Веллингтона, были потомъ великолѣпные завтраки, обѣды, концерты, вечера и балы у многихъ знатнѣйшихъ особъ. Такъ въ теченіе одной недѣли даны были: обѣдъ у гра-

фа Эрроля, вечеръ у сира Р. Пиля, балъ у Маркизы Салисбури, обѣдъ у Графа Строганова, обѣдъ у Маркиза Вестминстера, балъ въ Альмактъ, обѣдъ у Герцога Кембриджскаго, балъ у Герцогини Глостерской, балъ и ужинъ у маршала Сульта. Говорить о великолѣпнн всѣхъ сихъ праздниковъ было бы излишне. У маршала Сульта съѣхалось болѣе 12,000 гостей; съѣздъ продолжался отъ 10-ти часовъ вечера до втораго часа ночи; десертъ подавался на позолоченномъ сервизѣ, который цѣнятъ въ 250,000 рублей. На балъ у Герцога Веллингтона, кромъ Королевскаго семейства, Принца Немурскаго, Принца Голштейнъ-Гликсбургскаго, и пословъ, было: 7 князей, 2 княгини, 11 герцоговъ, 6 герцогинь, 17 маркизовъ, 8 маркизь, 26 графовъ и 26 графинь. Балъ у Королевы былъ Юля 2-го, и превзошелъ блескомъ всѣ празднества, какія бывали при дворѣ со времени Георга II-го. Королева открыла танцы съ Герцогомъ Немурскимъ; вторую кадрилъ танцовала она съ Георгіемъ Принцомъ Кембриджскимъ; третью съ Герцогомъ Саксенъ-Кобургскимъ. Танцы продолжались до разсвѣта; ужинъ былъ въ часъ по полуночи. Королева была въ голубомъ атласномъ платьѣ, съ бѣлыми розами на головѣ.

Королевскія регалии при коронованіи несли слѣдующія знаменитыя особы: Герцогъ Роксбукиршъ жезлъ Св. Эдуарда, Лордъ Байронъ шпоры; Герцогъ Клевеландъ скипетръ съ крестомъ; Маркизь Вестминстеръ мечъ гражданскаго правосудія; Герцогъ Сутерландъ мечъ духовнаго правосудія; Герцогъ Девонширъ мечъ милосердія; Виконтъ Мельбурнъ мечъ государственный; Герцогъ Ричмондъ скипетръ съ голубемъ; Герцогъ Соммерсетъ державу; Герцогъ Гамильтонъ корону св. Эдуарда; Епископъ Гангоръ

скій дароносицу; Епископъ Линкольнскій чашу; Епископъ Винчестерскій Библию.

Юля 3-го Королева удостоила быть восприемницею у Герцога Сутерландскаго, что почитается въ Англіи величайшею почестью.

Указомъ Королевы объявлено, что отнынѣ въ Англіи будутъ биты золотые полусуверены, суверены, двойные суверены и пяти-фунтовые монеты; серебряныя кроны, полу-кроны, шиллинги, шести-пенсовики и гроши, или четыре-пенсовики (groat), мѣдныя пени, полупени и фартинги; 100 шиллинговъ должны составлять цѣнность 5-ти фунтовой монеты, 40 шилл. двойнаго суверена, 20 шилл. суверена, 10 шиллинг. полусуверена, 5 шилл. кроны, 2 ш. 6 п. полукроны, и т. д.

Вотъ разныя мелочныя подробности изъ безчисленныхъ статей, какими наполнены всѣ иностранныя, и особливо Англійскіе журналы: 2000 констеблей наряжено было въ день коронованія, сверхъ обыкновенной полиціи, для соблюденія порядка, и каждому констеблю выдано потомъ по 5 шилл. — Окна въ домахъ, по улицамъ, гдѣ проходила процессія, отдавали въ наемъ за цѣну отъ 10-ти до 20 гиней (500 рублей); въ Пиккадилли, Сень-Джемской и Пелль Мельской улицъ мѣсто на подмосткахъ у домовъ стоило 5 ф. ст. (125 рублей), а окно не менѣе 20 ф. ст. — Замѣчаютъ, что въ Іюнь мѣсяцѣ изъ всѣхъ Англійскихъ государей короновались донынѣ только Эдуардъ IV-й, въ 1461 г., и Генрихъ VIII-й, въ 1509 г. — Число экземпляровъ газетныхъ листовъ, отправленныхъ изъ Лондона въ разныя мѣста, и содержащихъ въ себѣ описаніе коронаціи, въ одинъ день, простиралось до 175,000. — Во всѣхъ городахъ, мѣстечкахъ и деревняхъ Англіи, коронація празднована торжественными про-

цессіями, балами, ужинами, гульнями, освѣщеніями, спектаклями, лошадиными скачками, угощеніемъ бѣдныхъ, благотворительными подписками, и проч. — Въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ данъ былъ великолѣпный концертъ, въ пользу бѣдныхъ. Пѣвица Гризи не согласилась взять ни какой платы за участіе въ этомъ концертѣ, и пѣла даромъ. — Всѣ театры были открыты въ день коронаціи безденежно: правительство заплатило содержателямъ ихъ, и плата главнѣйшимъ составила около 10,000 рублей. — Считаютъ, что число народа въ Лондонѣ во время коронаціи, считая всѣхъ съѣхавшихся на сей случай въ Лондонъ иностранцовъ, простиралось до 2 милліоновъ. — На личные расходы Королевы въ день коронаціи опредѣлено было 70,000 ф. ст. — Полагаютъ, что наемка мѣстъ частными людьми для смотрѣнія процессій въ разныхъ мѣстахъ, составила сумму въ 200 тысячъ ф. ст. — Обширный Гейдъ-паркъ, представлялъ нѣсколько дней зрѣлище превосходное: тысячи балагановъ и палатокъ были тутъ устроены, и въ нихъ находились рестораціи, кофейни, бальные залы, магазины, лавки, палцы, комедіи, звѣринцы, и проч. — Въ одной изъ залъ временнаго клуба могли по сторонамъ вѣтъ бифштексъ, а по срединѣ танцовать, не мѣшая другъ другу, 10,000 человекъ. Любопытны были устроеныя въ Гейдъ-паркѣ національныя игры Англичанъ: стрѣльба изъ лука, ѣзда на ослахъ, бѣгъ на лодкахъ, и проч. Полагаютъ, что Гейдъ-Паркъ посѣщало по два дня не менѣе какъ по милліону человекъ. — Одинъ рестораторъ, во славу Королевы, торжественно жарилъ цѣлкомъ быка; жаренье продолжалось 32 часа, а разрѣзываніе три часа; все это происходило при звукахъ музыки и пѣньи гимновъ въ честь ростбифа, и во все это время брали съ любо-

пытныхъ посѣтителей по 6-ти пенсовъ; ловкаго ресторатера посѣтили 4000 человекъ, и слѣдственно, заплатили ему за быка его 24,000 пенсовъ. — Изъ одного Гонфлера во Франціи было отправлено въ Лондонъ для продажи 600,000 яицъ; по этому можно судить, какое количество съѣстныхъ припасовъ привезено было на праздники въ Лондонъ. — Достать билетовъ въ Вестминстерское Аббатство не было ни какой возможности; известный поэтъ Т. Кемпбелль, написалъ записку къ церемоніймейстеру, гдѣ говорилъ: «въ Вестминстерѣ есть уголь для мертвыхъ поэтовъ, но неужели не найдется въ немъ уголька для поэта живаго?» Въмѣсто отвѣта, Кемпбеллю прислали билетъ. — Въ Лондонскомъ циркѣ даютъ теперь полное представленіе коронаціи; поставка этого великолѣпнаго спектакля стоила нѣсколько сотъ тысячъ, но содержатель не будетъ въ убыткѣ — къ нему сходятся зрители десятками тысячъ. — Общее вниманіе привлекала поздравительная грамота, присланная Королевѣ отъ Султана, на атласистой бумагѣ, въ 36 дюймовъ длины, разрисованная золотомъ, и положенная въ бархатный съ золотомъ мѣшокъ. Всѣмъ заключеннымъ въ тюрьмы раздавали въ день коронаванія мясо, картофель и пиво. — Народъ кричалъ и хотѣлъ бить Оконнелла, когда онъ тихонько шелъ изъ Вестминстерскаго Аббатства, по окончаніи церемоніи. Въ журналахъ жестоко ругаютъ Брума, за то, что онъ отказался отъ всякаго участія въ праздникахъ. — Наконецъ были жертвы хлопотъ и излишняго усердія при торжествѣ; старику декану Вестминстерскому Д. Эйрланду, отъ бессонницы и безпрестанной бѣготни при устройствѣ Аббатства, сдѣлался ударъ, а г. Ли, оберъ-констебель Вестминстера, умеръ отъ утомленія на другой день, на 63 году жизни.

Второй переходъ парохода Great-Western изъ Англіи черезъ Атлантическій Океанъ совершился въ 14 дней; отправясь изъ Бристоля вечеромъ 2-го Іюня, утромъ 17-го пароходъ былъ уже въ Нью-Йоркѣ. Пароходъ Спріуэсъ совершилъ вторую поѣзду свою въ 17 дней. По возвращеніи изъ Америки, мы увидимъ его у насъ въ Кронштадтѣ, ибо онъ предназначается для сообщеній между Лондономъ и Петербургомъ.

Торговый домъ Вильда и К., прекратившій въ прошломъ году платежи, нынѣ выдалъ всѣмъ своимъ кредиторамъ сполна деньги по всѣмъ своимъ векселямъ съ процентами.

Здоровье вдовствующей Королевы Аделаиды такъ разстроилось, что она по совѣту врачей отправляется для поправленія его въ Италію.

Изъ Ливерпуля также отправился въ Нью-Йоркъ пароходъ Royal-Williams. Пушечные выстрѣлы и клики народа привѣтствовали отбытіе его 6-го Іюля.

По обозрѣнію инженера Валькера, работы въ Лондонскомъ тоннелѣ не могутъ быть продолжаемы, безъ большой опасности, если не примутъ особенныхъ мѣръ для укрѣпленія подземнаго прохода, по причинѣ рыхлости земли.

Корона для Англійской Королевы сдѣлана была вновь ювелирами Рунделемъ и Бриджемъ. Она вѣситъ три фунта, и состоитъ изъ нѣсколькихъ обручей серебряныхъ, въ которыхъ заключается синяго бархата шапочка; къ верху оканчивается она шарикомъ съ Мальтійскимъ крестомъ, а мѣста между обручами усыяны лиліями и крестами; снизу горностаева опущка; вышина короны 7 дюймовъ, а поперечникъ нижняго кружка ея 5 дюймовъ. Бриллиантовъ, употребленныхъ на нее, считаютъ до 400,

изъ конхъ два стоятъ по 2,000 ф. ст., 20 по 1500, 4 по 10,000, а всѣ брилльянты и жемчугъ на коронѣ оцѣняются около 112,000 ф. ст. — Кромѣ того, шарикъ на ней составляетъ драгоценный сафиръ, а спереди вставленъ знаменитый огромный рубинъ принца Эдуарда Чернаго. Тронъ, на которомъ короновалась Королева, называется *трономъ Св. Эдуарда*; это старинныя, грубыя кресла, на конхъ нѣкогда короновались Шотландскіе Короли, и которые вывезъ въ Англію Король Эдуардъ въ 1296 году, послѣ побѣды надъ Шотландцами. Во внутренности ихъ вѣдланъ камень, на которомъ, по преданію, спалъ Патріархъ Іаковъ, когда видѣлъ во снѣ небесную дѣвственницу. Всѣ остальные регалии Королевскія суть тѣ, которыя сдѣланы были для коронаванія Карла II-го, ибо древнія регалии Англійскихъ Королей погибли во время Кромвеля.

Ф р а н ц і я

Іюня 21-го закрыты засѣданія Палаты Депутатовъ. Съ 18-го Декабря продолжались они 186 дней. Публичныхъ засѣданій было 137, и каждое продолжалось отъ трехъ до шести часовъ, а среднимъ числомъ по четыре часа. *Шесть* засѣданій употреблено было на пренія объ адресѣ Королю, 6 на пренія о нисшихъ судебныхъ мѣстахъ, 5 на пренія о департаментскихъ судахъ, 2 на пренія о суммахъ для секретныхъ расходовъ, 4 на пренія о законахъ, касательно банкротствъ и несостоятельности, 8 на пренія объ уменьшеніи процентовъ государственнаго долга, 4 на пренія о желѣзныхъ дорогахъ, 5 на пренія о законахъ, касательно внутренняго судоходства, 3 на пренія, касательно Алжирской колоніи. — Въ Палатѣ предсѣдалъ по 28 Декабря старшій по лѣтамъ депутатъ г-нъ Нугаре, а потомъ 111

засѣданій предсѣдателемъ былъ Дюпенъ, 10 Кюенень-Гриденъ, четыре Кальмонъ, два Жакемино и два Ипполитъ Пасси. — Кромѣ многихъ частныхъ постановленій и рѣшеній, Палата утвердила во все это время восемь общихъ государственныхъ законовъ и уставовъ: о департаментскихъ и окружныхъ судахъ; о низшихъ гражданскихъ судахъ; о мирныхъ судьяхъ; о несостоятельности и банкротствѣ; о надзорахъ за перевозами тяжестей; о людяхъ ума лишенныхъ; о внутреннемъ судоходствѣ; о возвратныхъ имѣніяхъ (*vices redhibitoires*). — Наконецъ, отвергнувъ общій проэктъ устройства желѣзныхъ дорогъ, Палата утвердила постройку частныхъ дорогъ изъ Парижа въ Гавръ, Діеппъ и Орлеанъ, изъ Страсбурга въ Базель, изъ Лилля въ Дюнкерхенъ и Кале, изъ Нима въ Монпелье и изъ Седжа въ Мезьерь.

Поручикъ Лети (Laity), участвовавшій въ Страсбургскомъ волненіи, какое причинилъ тамъ одинъ изъ членовъ Бонапартовой фамиліи, издалъ теперь брошюрку о семь событіи. Это сочиненіе признано возмутительнымъ, было отобрано, и сочинитель его подвергнутъ суду Палаты Перовъ, которая осудила его на пяти-лѣтнее заключеніе въ тюрьму, уплату 10,000 Франковъ пени и надзоръ полицейскій во всю жизнь.

Съ Сардинією заключенъ дружескій договоръ, касательно взаимнаго торговаго мореплаванія. Споры овзглти Батавскою таможеню Французскихъ товаровъ, по случаю перемѣнъ въ тамошнемъ тарифѣ, окончены дружелюбно съ Голландскимъ правительствомъ.

Парижскій домъ Талейрана купилъ Баронъ Іаковъ Ротшильдъ, за 1,181,000 Франковъ. На мѣсто Талейрана въ Академію избранъ депутатъ Пасси; други-

ми кандидатами были М. Шевалье и Коста, но оба забаллотированы.

Ужасное мщеніе, извѣстное подъ именемъ *сендетты*, и требующее крови оскорбителя, до сихъ поръ не выводится въ Корсикъ. Мая 27-го, на дорогѣ изъ Аяччіо былъ остановленъ и застрѣленъ двумя неизвѣстными людьми казначей Корсиканскаго департамента Поццо-ди-Борго. Убийцы мстили ему за какую-то личную семейственную обиду.

Юня 28-го явилась въ Тулонъ Англійская эскадра, подъ начальствомъ адмирала Стопфорда, недавно бывшая въ Неаполь. Самый дружескій приемъ былъ оказанъ Англійскимъ кораблямъ, которыхъ не видывали въ такомъ значительномъ числѣ въ Тулонѣ съ самой знаменитой осады сего города, которою управлялъ тогда молодой артиллерійскій офицеръ, довольно извѣстный потомъ Наполеонъ *Буонапарте* (такъ писалъ онъ тогда свое имя). Мѣстное начальство роскошно угощало Англійскаго Адмирала и офицеровъ. Адмиралъ также далъ на корабль своемъ большой обѣдъ и балъ, гдѣ присутствовало все, что только есть въ Тулонѣ чиновнаго и богатого.

Бригъ *Le jeune Auguste*, на пути изъ Гаити въ Гагръ, загорѣлся въ открытомъ морѣ, и огонь распространился на немъ такъ быстро, что экипажъ едва успѣлъ спастись въ лодки. На другой день встрѣтилъ и взялъ его фрегатъ *Неренда*. Полагаютъ, что отсырѣвшая шерсть, которую нагруженъ былъ бригъ, загорѣлась сама собою, и сдѣлалась причиною бѣдствія, а потому опасаются подобныхъ несчастій съ другими кораблями, нагруженными тѣмъ-же товаромъ, ибо обо многихъ изъ нихъ нѣтъ слуху послѣ ихъ отправленія. Корабль Генералъ Фуа отплылъ съ шерстью изъ Гаити 7-го Февраля въ Фальмутъ, и донынѣ не приходилъ туда.

Въ Парижѣ въ послѣднее время особенно усилились грабежи и воровства. Полиція успѣла наконецъ открыть многочисленную шайку грабителей, состоящую почти изъ 60-ти человекъ; въ убѣжищѣ главнаго атамана ихъ найдено множество награбленныхъ вещей.

Правительство официально объявило иностраннымъ посланникамъ о блокадѣ Буэносъ-Айреса и всего Аргентинскаго, или Деллаплатскаго берега, съ 28-го Марта, по неудовлетворенію законныхъ требованій Франціи тамошнимъ правительствомъ.

Баронъ Барантъ прибылъ 9-го Юля въ Марсель и оттуда отправляется въ Грецію и Царьградъ, чтобы пріѣхать потомъ въ Петербургъ черезъ Одессу.

Германія.

Король Саксонскій возвратился изъ путешествія своего въ Далмацію, и 20 Юня прибылъ въ замокъ Пильницъ, гдѣ, какъ мы выше упоминали, посѣтилъ его 17-го Юля (н. с.) августѣйшій гость, нашъ Государь Императоръ.

Принцъ Канино (*Луціанъ Бонапарте*) прибылъ изъ Лондона въ Остенду, Юня 5-го.—Въ Теплицъ пріѣхали Графъ *де-ла-Феронне*, Французскій посланникъ при Вѣнскомъ Дворѣ, и Герцогъ Рагузскій (маршалъ *Мармонъ*).

Нидерланды.

Принцъ Гейнрихъ благополучно возвратился изъ отдаленнаго путешествія своего въ Батавію и Индію.

Въ Амстердамскомъ *Handelsblad* напечатано письмо, гдѣ увѣдомляютъ, что всѣ препятствія для окончанія Лондонскихъ конференцій, въ слѣдствіе коихъ должнъ послѣдовать миръ между Нидерландією и Бельгією, устранены. Король Нидерландскій не могъ

согласиться на уступку Бельгии части Люксембурга безъ согласія Германскаго Сейма, а безъ этого нельзя было окончить переговоровъ. Теперь согласіе Сейма получено, конференціи начнутся окончательно, и въроятно, увѣнчаются желаннымъ успѣхомъ.

И т а л і я .

Императоромъ Австрійскимъ утверждено официальное росписаніе обрядовъ и празднествъ, которыми ознаменуется коронованіе его въ Миланѣ: Сентября 1-го будетъ торжественный въѣздъ въ Миланъ; 2-го представленіе при дворѣ, и спектакль на театрѣ della Scala; 3-го присяга; 4-го городской балъ; 6-го коронованіе; 7-го концертъ при Дворѣ; 8-го балъ при Дворѣ; 9-го балъ въ театрѣ; 10-го освѣщеніе городскихъ воротъ мира, спектакль и фейерверкъ; 11-го балъ у губернатора; 12-го балъ при дворѣ; 13-го народный праздникъ; 14-го прощальный вечеръ при дворѣ.—Здоровье Императора совершенно возстановилось, и въ Вѣнѣ отправлено по сему случаю молебствіе.

Ахметъ-Фети Паша оставилъ Римъ 15 Юня. Онъ осматривалъ всѣ достопамятности Папской столицы, и показалъ отличное образованіе и остроуміе во многихъ случаяхъ. Его принимали съ большими почестями.

Въ Неаполь объявлено о беременности Неаполитанской Королевы, и повелѣно отправлять молитвы о благополучномъ разрѣшеніи Ея Величества.

Эскадра Англійская, подъ начальствомъ адмирала Стопфорда, остановившаяся въ Неаполитанскомъ заливѣ, была встрѣчена съ почестями. Король, Королева, Принцы и Принцессы, а также находившіеся тогда въ Неаполь Принцъ Саксонскій Іоаннъ, и Герцогъ Саксенъ-Веймарскій, удостоили присутстві-

емъ обѣдъ, данный на адмиральскомъ кораблѣ, куда приглашены были всѣ посланники и знатнѣйшіе Неаполитанцы. Тысячи лодокъ покрывали Неапольскій заливъ, и съ кораблей раздавалась непрерывная пальба. Мы уже говорили выше, что эскадра Англійская, оставивъ Неаполь, перешла въ Тулонъ.

И с п а н і я .

Вотъ нѣсколько новыхъ извѣстій о войнѣ въ Испаніи: Эспартеро велѣлъ разстрѣлять всѣхъ офицеровъ національной гвардіи, производившихъ смуты и убійства въ Витторіи. — Карлисты жестоко стѣснили Пампелуну и Бильбао. Донъ Карлосъ перевелъ главную квартиру, 12-го Іюня, въ Аспенито, а 16-го въ Элорріо. — Д. Карлосъ перемѣнилъ всѣхъ членовъ Гвипускойской юнты. Герцогъ Гренадскій наименованъ президентомъ ея, а Баронъ Ареизага, Маркизь Нарросъ, братъ Зумалакарегви, и генералъ Итурриза членами. — Въ корпусъ Кабреры считаютъ 21,590 человекъ пѣхоты, и 1,570 конницы, но изъ пѣхоты у 7,600 человекъ нѣтъ вовсе оружія, до 3,360 составляютъ гарнизоны въ разныхъ мѣстахъ, а 2,000 считается больныхъ и въ бѣгахъ; у 500 кавалеристовъ лошади вовсе не годятся для службы, а у 500 едва движутъ ноги. — Новый партизанъ Карлистскій Пердиэзъ находится близъ Мадрита.—Валенція сильно стѣснена Карлистами.—Извѣстный Графъ Эспања бѣжалъ изъ Франціи, и являлся къ Д. Карлосу, который встрѣтилъ его съ большою радостью. — Генералъ Нарваезъ разбилъ храбраго Карлистскаго партизана Олехиту, но гораздо важнѣе сей побѣды было разбитіе Карлистовъ подъ Пеньясеррадою, и взятіе приступомъ сего города, гдѣ захвачено 2,000 пленныхъ. Карлисты пишутъ, что этотъ успѣхъ стоилъ Эспартеро 5000 уби-

тymi и ранеными, а Эспартеро увѣряетъ, что вся потеря его не превышаетъ 800 человекъ.

Рибера-Геррера назначенъ посланникомъ Испанскимъ въ Мексику.

Кортесы опредѣлили часть бюджета на 1838 годъ. На расходы малолѣтней Королевы назначается 12 милл. реаловъ, Королевы Правительницы 28 милл., инфанту Д. Франциско 3½ милл., а на министерство иностранныхъ дѣлъ 8,801,220 реаловъ.

Мадридская Палата Депутатовъ состоитъ нынѣ изъ 239 человекъ; въ семь числъ считается: 12 бывшихъ министровъ, 3 нынѣшніе министра, 7 грандовъ Кастильскихъ, 90 чиновниковъ, находящихся въ дѣйствительной службѣ, и получающихъ жалованье отъ Правительства, такъ, что независимо выбранныхъ депутатовъ находится на лицо только 92, ибо, изъ числа выбранныхъ 19 не явились къ должности, а отъ 17-ти мѣстъ вовсе не хотѣли никого выбирать и не выбрали.

Португалія.

Въ Божій Праздникъ (Fête-Dieu), благоразумными мѣрами полиціи спокойствіе было сохранено въ Лиссабонѣ, хотя толпы народа бродили заранѣе, и шумно пѣли буйныя пѣсни. Чернь бросилась было на ненавистнаго ей министра Сильву-Карвальо, но войско защитило его. Опредѣлено послѣ сего распустить Лиссабонскую національную гвардію, ввести новые регулярныя полки въ Лиссабонъ, и приступить къ изысканію и открытію зачинщиковъ смуты, которое, безъ твердости, оказанной Королемъ, могло имѣть пагубныя послѣдствія.

Швейцарія.

Ужасное событіе произошло въ Сентъ-Галленъ, 5-го: въ 5/4 лье отъ города находилась тамъ

пороховая мельница, принадлежавшая совѣтнику Лохнеру. Нѣсколько дѣтей собрались на горныхъ высотахъ, среди которыхъ уединенно стояла мельница, и бросали камешки черезъ ея крышу; одинъ камешекъ ударился объ желѣзный гвоздь, бывшій въ крышѣ мельницы, высѣкъ искру, отъ которой вспыхнула мелкая пороховая пыль на крышѣ, и вся мельница взлетѣла на воздухъ съ ужаснымъ трескомъ; одиннадцать человекъ погибло при взрывѣ.

Греція.

Рауль-Рошетъ прибылъ въ Афины, и присутствовалъ на праздникѣ, который давалъ Афинскій Университетъ, на мѣстѣ древней Платоновой Академіи, въ память годовщины со времени своего основанія.

Около Пирея велѣно отвести земли переселенцамъ съ острова Идры, съ условіемъ: заплатить за нихъ небольшую цѣну въ теченіе 10-ти лѣтъ, и развести масличныя насажденія на древней землѣ Минервы, столько вѣковъ погибавшей впустъ.

Вотъ перечень новѣйшихъ извѣстій о нынѣшнемъ состояніи Греціи, помѣщенный въ Allgemeine Zeitung:

Рекрутскій наборъ копился; рекруты такъ уже привыкли къ службѣ, что могутъ выполнять ее. Большая часть ихъ служить усердно, но еще весьма молоды и слабы. Сыновья приамовъ занимаютъ почетныя должности въ королевскомъ дворцѣ. Изъ фанаріотовъ ни одинъ не явился добровольно; они ищутъ только офицерскихъ мѣстъ. Вообще въ нихъ больше замѣтно склонности къ городскимъ увеселеніямъ и придворной жизни, нежели къ военному дѣлу. Предполагавшійся сначала налогъ съ жалованья военнослужащихъ остается безъ исполненія. Большая часть молодыхъ Нѣмецкихъ офицеровъ уволены отъ службы. — Общество народнаго просвѣщенія ежедневно принимаетъ новыхъ членовъ, и получаетъ много пожертвованій. Г. Антонополо, изъ Андризы, принесъ ему недавно въ подарокъ 800 рѣдкихъ Греческихъ книгъ. По

случаю перемены ректора въ Аѳинскомъ университетѣ, объявили, что здѣсь считается теперь болѣе 70 студентовъ, и что, со времени учрежденія сего университета число учащихся въ гимназіяхъ возвысилось отъ 200 до 500. — Островъ Эвбея, по причинѣ сношеній одного изъ жителей его съ матросомъ корабля, находившагося въ карантинномъ состояніи, былъ оцепленъ, 15 Мая, на девять дней. Открытіемъ школы для повивальныхъ бабокъ здѣшніе жители обязаны заботливости Нѣмецкихъ врачей, особенно лейбъ-медиковъ Вибмера и Резера. Во внутреннихъ областяхъ господствуетъ совершенное спокойствіе. Разбойничьи шайки, иногда появляющіяся на границѣ, немедленно истребляются; многіе изъ главнѣйшихъ ихъ атамановъ убиты, или взяты въ плѣнъ. Сильныя шайки, гнѣздившіяся въ провинціи Ливадіи и на берегахъ Сперхія, разбиты и разсѣяны. Въ Аѳинахъ и Пиреѣ выстроены многія новыя зданія и вымощены улицы. Трогуары выложены каменными плитами. За устройство улицъ и полезныхъ городскихъ заведеній должно благодарить дѣятельность губернатора, храбраго Аксіоти. — Въ Аѳинахъ помышляютъ объ учрежденіи большаго общаго госпиталю, рабочаго дома и театра, въ которомъ страсти могли бы охлаждаться, а политика находить для себя разсѣяніе.

Турція.

Знаменитый Гуссейнъ-Паша, бывшій предсѣдатель Военнаго Департамента, смѣненъ за разныя злоупотребленія по комиссаріату. На его мѣсто опредѣленъ Селимъ-Эфенди.

Султанъ повелѣлъ посланнику своему при Вѣнскомъ Дворѣ отправиться въ Миланъ, и присутствовать при коронаціи Австрійскаго Императора.

По случаю праздника Мевлуда, начавшагося 5-го Іюня, издано повелѣніе Султана, коимъ опредѣленъ порядокъ и степени при иллюминаціи Царяграда. Вотъ переводъ этого опредѣленія изъ Турецкой Газеты:

«Относительно иллюминаціи города, въ три торжественныя ночи, по случаю годичнаго воспоминанія рожденія Пророка,

лосшествія на престолъ и рожденія Его Величества Султана, усердіемъ чиновниковъ и въриподанныхъ Верховной Порты, послѣдовало слѣдующее повелѣніе: «Картины, изображающія солнце, Его Величество предоставляетъ себѣ. Прибрежные дворцы султанскіе будутъ имѣть надъ каждымъ входомъ вензель Султана, а на окнахъ по 2500 лампъ. Картины съ вензелями, луною и звѣздами, назначаются для Пашъ-Векла, Муфтія, Сераскира, мушировъ, Капудана-Паши и визирей. Первые три должны выставить по 2500, Муширы, Капуданъ-Паша и Визири по 1500 лампъ. Казармы и прочія императорскія зданія должны быть освѣщены лампами, которыя будутъ представлять на воротахъ луны и звѣзды. Казаскиры Румелии и Апатоліи обязаны засвѣтить отъ 1000 до 750 лампъ, чиновники перваго класса и ферики отъ 750 до 500, судьи Константинополя, генераль-майоры, чиновники втораго класса, полковники, улемы, до чина судьи Скутарскаго, и наконецъ чиновники третьяго класса, отъ 500 до 300. Для чиновниковъ четвертаго класса, капъджи-пашей, ходжагановъ, и всѣхъ частныхъ лицъ, желающихъ въ этомъ участвовать, положено отъ 300 до 200 лампъ. Луны и звѣзды могутъ имѣть только чиновники до третьяго класса, а прочіе лишь одні звѣзды.»

Въ Царьградѣ опять появилась чума. Султанъ немедленно велѣлъ оцѣпить дома, гдѣ она лвилась, и жителей ихъ всѣхъ отвести въ карантинъ.

Молнія ударила въ Галацкую башню, и по повелѣнію Султана на всѣхъ казенныхъ строеніяхъ ставятъ теперь громовыя отводы.

Предводитель Курдинскаго племени Заху, и старшина племени Афзаль, производили грабежи по дорогамъ. Отряды войскъ Султанскихъ окружили ихъ; послѣ упорной битвы, Курды просили помилованія, и получили его, съ условіемъ мирно возвратиться въ дома и навсегда отказаться отъ хищничества.

Аудіенція Бельгійскаго Посланника при Стамбульскомъ Дворѣ лучше всего характеризуетъ измѣненія происшедшія нынѣ въ образованіи двора Султанъ.

скаго. Вотъ описаніе ея, помѣщенное въ Бельгійскомъ Монитерѣ:

«Аудиенція Посланника нашего, бывшая предъ заключеніемъ трактата, представляетъ необыкновенно рѣдкій фактъ. До начатія ея, баронъ О'Сулливанъ Графъ, виконтъ Вилельмъ и маркизъ де Родъ, пробывши около часа у Сандъ-Бей, который подчивалъ ихъ трубками и кофеемъ, въ богатыхъ чашкахъ, осыпанныхъ брилліантами. Решидъ-Паша, говоря очень хорошо по-Французски, ничѣмъ не отличался во время переговоровъ отъ министра какой нибудь другой Европейской державы. Сандъ-Бей, напротивъ того, говоритъ лишь по-Турецки, и потому могъ участвовать въ переговорахъ не иначе, какъ посредствомъ Решидъ-Паши. Отправившись въ аудиенцъ-залу, посланники прошли сперва большую комнату, потомъ другую поменьше, и наконецъ вступили въ довольно обширный покой, гдѣ Султанъ сидѣлъ на диванѣ. Влево отъ него стояли три, или четыре молодые Турка. Во время переговоровъ, Султанъ замѣтилъ, что Французскій языкъ есть самый употребительный, и потому онъ велѣлъ обучать оному многихъ молодыхъ людей. Баронъ О'Сулливанъ возразилъ, что чужестранные посланники не могутъ искать лучшаго истолкователя для своихъ чувствованій, какъ Решидъ-Паша. Когда баронъ хотѣлъ откланяться, Султанъ приказалъ проводить его въ комнату, гдѣ виситъ портретъ Его Величества, а потомъ пригласилъ прогуляться въ дворцовыхъ садахъ — почестъ необыкновенная. Послѣ прогулки, Сандъ-Бей угощалъ посланниковъ шербертомъ, въ своихъ покояхъ. Въ сіе время баронъ О'Сулливанъ объявилъ, что онъ готовъ предложить условія, которыя должны служить основаніемъ торговаго трактата, и Решидъ-Паша отвѣчалъ, что готовъ принять ихъ. Подарки, назначенные для Султана, отпесены были во дворецъ за два дня до сего представленія. Драгоманъ, и еще другой чиновникъ, принадлежащій къ посольству, которые сопровождали ихъ, паша такой же благосклонный пріемъ, и получили приглашеніе взглянуть на султанскій портретъ, причемъ Его Величество объявилъ, что онъ, желая дать имъ болѣе возможности судить о сходствѣ рисунка, самъ пойдетъ съ ними.»

Вотъ еще любопытное извѣстіе о пріемѣ Саксонскаго Короля храбрыми Черногорцами, во время

путешествія Е. В. по берегамъ Далмаціи: Черногорцы встрѣтили Короля, предводимые своимъ *Владыкою*, или Митрополитомъ, который представилъ Королю прекрасную лошадь, поклонился ему низко, просилъ принять подарокъ, и посѣтить ихъ землю. Все отправилось верхомъ. На половинѣ дороги былъ завтракъ — изжарили цѣлаго барана, разрубили его ножами на куски, и раздали всѣмъ присутствующимъ. Питье составляла чистая вода. Во всю дорогу, въ знакъ почета, Черногорцы стрѣляли изъ ружей. Король провелъ ночь въ домѣ Владыки, и препровожденъ былъ обратно съ прежнею почестью и ружейными выстрѣлами.

Султанъ повелѣлъ, чтобы всякій желающій подать ему просьбу, являлся для сего въ пятницу, съ опасеніемъ, что за не дѣльную, или несправедливую просьбу, а также за подачу въ другіе дни, проситель подвергается наказанію.

Азія.

Извѣстія изъ Сиріи противорѣчатъ одно другому, смотря по тому, отъ кого идутъ они: *Турецкія* извѣщаютъ о бунтахъ, чумѣ, опасности, почти разрушеніи власти Мегемета-Али въ Сиріи и ненависти къ нему народа, а *Египетскія*, напротивъ, говорятъ о счастливомъ окончаніи бунтовъ, покорности жителей, и любви къ своему повелителю. Сирія наполнена войсками Египетскими, Ибрагимъ Паша и отецъ его оказываютъ дѣятельность необыкновенную, готовятъ флотъ, войско, снаряды, и все отправляютъ въ Сирію.

Принцъ Максимилианъ въ началѣ Мая былъ въ Іерусалимѣ, гдѣ встрѣтили его сообразно высокому его сану и роду. Самъ Паша тамошній сопровождалъ его всюду; Іюня 12-го, Принцъ прибылъ обратно

въ Александрію, откуда отправляется въ Мальту и Италію.

Изъ Бомбей получены извѣстія отъ 21 Мая. Въ Калькуттѣ свирѣпствуетъ холера, и въ теченіе Апрѣля умерло отъ нея болѣе 1000 человекъ.

На Филиппинскихъ Островахъ произошло смятеніе, по случаю странной ссоры генераль-капитана тамошняго Камбы съ мѣстными чиновниками. Лишась жены своей, генераль-капитанъ хотѣлъ воздать ей при погребеніи такіа почести, что никто не согласился слушать его приказовъ, утверждал, что подобныя почести могутъ быть воздаваемы только королевамъ. Въ гнѣвъ, генераль-капитанъ велѣлъ забрать подъ стражу ослушниковъ, силою принуждалъ ихъ повиноваться, и чуть не произвелъ бунта. Изъ Мадрита послали немедленно смѣнить этого самовольнаго чиновника. Преемникомъ его назначенъ донъ Лардизабаль.

Апрѣля 6-го, въ Гератскій лагерь прибылъ изъ Тавриза Англійскій Посланникъ, съ тѣмъ, чтобы быть посредникомъ при примиреніи Шаха съ Гератскимъ владѣльцомъ. Шахъ самъ видитъ теперь невозможность принудить бунтовщиковъ къ повиновенію оружіемъ, ибо Гератъ выдерживаетъ все его нападенія, и покорить его нельзя по крѣпкому положенію, рѣшительности жителей, и при слабости силъ Персидскихъ. Пишутъ, что Шахъ согласенъ на миръ. — Онъ отправилъ посла своего Гуссейнъ-Хана въ Лондонъ, для поздравленія Королевы, и поднесенія ей подарковъ. — Племянникъ Шаха, Целли-Султанъ, успѣлъ бѣжать изъ-подъ стражи въ Ардебиль, и теперь укрылся въ Арзерумъ. Его ждутъ въ Царьградъ. Махмутъ велѣлъ изъяснить ему дружбу и полное участіе.

А Ф Р И К А.

Въ Алжиръ прибылъ, назначенный отъ Папы, Католическій Епископъ, поставленный на тамошнюю епархію.

Посланникъ Абдъ-эль-Кадера возвратился изъ Франціи въ Алжиръ. Онъ хвалитъ Францію, доволенъ пріемомъ, но жалуется на путешествіе по морю, увѣряя, что ѣздить верхомъ гораздо лучше и спокойнѣе. Объ успѣхъ своего посольства онъ не говоритъ ни слова.

Въ Тунисъ явился посолъ отъ Султана, съ فرمانомъ на званіе паши тамошнему Бейю. Притѣсненія Французовъ въ Тунисъ, и слухи, что въ Тунисъ придетъ Турецкая эскадра, заставили контръ-адмирала Лаланда отправиться туда, на линейномъ кораблѣ Іена. Его приняли весьма ласково, увѣрили въ дружбѣ, и въ томъ, что Султанъ не имѣетъ никакихъ непріязненныхъ намѣреній, и что слухи о прибытіи Турецкой эскадры несправедливы. Но Бей жаловался на дерзость Французскаго Консула, и слагалъ на него вину всехъ неудовольствій.

Войска, высланныя противъ Кафровъ, разогнали толпы ихъ, захватили стада и 500 женщинъ. Пльнныя Кафровъ судили военнымъ судомъ за причиненные ими грабежи и убійства, и желая утратить этихъ дикарей, разстрѣляли нѣсколько изъ ихъ предводителей.

А В С Т Р А Л И Я.

Дворъ Гавайскаго Короля издавна сдѣлался мѣстомъ жестокихъ интригъ между Французскими и Англійскими миссіонерами и некателями приключеній изъ обѣихъ націй. Въ концѣ прошлаго года, Англичане уговорили наконецъ Короля — изгнать всехъ Французовъ изъ его владѣній. Прибытіе Фран-

пуэскаго капитана Пети-Туара, на 60-ти пушечномъ фрегатѣ Венера, заставило отмѣнить столь несправедливое повелѣніе, и Французамъ снова возвращено спокойное пребываніе на островахъ Гавайскихъ.

А М Е Р И К А.

Вотъ прокламаціи, которую издалъ лордъ Дургамъ, по прибытіи своемъ, 27-го Мая, въ Квебекъ:

«Ея Величество Королева удостоила вѣрить мнѣ управленіе Сѣверо-Американскими владѣніями Британніи, и сегодня вступилъ я въ новую свою должность. При выполненіи сей важной обязанности, я твердо надѣюсь на искреннее пособіе всѣхъ подданныхъ Ея Величества, какъ на лучшее средство счастливо исполнить все, что только можетъ служить къ ихъ благосостоянію. Честные, добросовѣстные поборники преобразованій и улучшеній въ публичныхъ учрежденіяхъ найдутъ во мнѣ, не смотря на партіи, происхожденіе и политическіе виды, твердѣйшую опору, и могутъ требовать всего, что только можетъ служить къ укрѣпленію связи между отечествомъ и колоніями. Но возмутители общественнаго спокойствія, нарушители закона, враги престола и Британніи, встрѣтятъ во мнѣ непримиримаго противника, который долженъ будетъ употребить противъ нихъ всю гражданскую и военную власть, кою онъ облеченъ. Несчастныя происшествія въ одной провинціи заставили меня отмѣнить правленіе представительное, и верховная власть перешла въ мои руки. Велика, лежащая на мнѣ отвѣтственность, и трудность въ исполненіи обязанностей, мнѣ предписанныхъ, безъ сомнѣній, побудятъ меня ускорить ту минуту, когда исполнительная власть выйдетъ изъ предѣловъ, въ которые заключена она теперь, и будетъ сообразна съ Британскими постановленіями. Отъ вашего поведенія, и слѣдственно, отъ вашихъ содѣйствій будетъ зависеть, замедлитъ, или ускоритъ это мповеніе. И потому я требую, чтобы вы изъясняли мнѣнія свои откровенно и чистосердечно; прошу васъ смотреть на меня, какъ на лучшаго своего защитника и друга, который всегда готовъ слушать ваши требованія и жалобы, и рѣшать ихъ съ возможнымъ безпристрастіемъ и справедливостію.

Если вы, съ своей стороны, оставивъ вражду и духъ партій, соединитесь со мною для общаго дѣла мира и тишины, то я увѣренъ, что положу основаніе новой правительственной системѣ, которая защититъ права и выгоды всѣхъ сословій въ народѣ, устранивъ вражду и несогласіе, и съ Божіею помощію, дастъ прочное основаніе величію, счастію и богатству, которыя въ плодородной странѣ сей имѣютъ много неисчерпаемыхъ источниковъ.»

Между тѣмъ спокойствіе далеко еще не утвердилось въ Канадѣ. Толпы бунтовщиковъ укрѣпились въ лѣсахъ, и смѣло разъѣзжаютъ на легкихъ судахъ по рѣкѣ св. Лаврентія. Предводителемъ у нихъ теперь нѣкто *Вилльямъ Джонсонъ*, отчаянный удалецъ. Онъ напалъ на Англійскій пароходъ Сиръ Робертъ Пилъ, разграбилъ и сжегъ его. Приписывая сей поступокъ Сѣверо-Американцамъ, нѣкоторые изъ Англичанъ нападали на Американскій пароходъ Телеграфъ. Дѣло обѣяснилось прокламаціею Джонсона, который объявилъ себя защитникомъ независимости Канады и врагомъ Англии, онъ грабитъ и убиваетъ Англичанъ и ихъ сообщниковъ; за голову его объявлена большая награда.—Число Англійскихъ войскъ, находящихся въ Канадѣ, простирается до 14,000, но лордъ Дургамъ требуетъ новаго подкрѣпленія. Многимъ не нравится рѣшительный тонъ, съ какимъ хочетъ онъ безусловнаго повиновенія, отвѣчая на всѣ требованія о прежнихъ правахъ, что они завистлять отъ мѣры покорности Канадцевъ, и великодушія Королевы и ея правителей.

Партія людей, которые противятся защитникамъ свободы и образованія Негровъ, извѣстнымъ въ Соединенныхъ Штатахъ подъ именемъ *аболинистовъ*, произвела большіе беспорядки въ Филадельфіи. Предводимыя ими, толпы народа напали на домъ, гдѣ аболинисты завели школу для Негровъ, и со-

бирался для совѣщаній, разграбили и сожгли его, 16-го Мая. На другой день бросились они къ дому, гдѣ находится редакція аболитистскаго журнала; здѣсь успѣли ихъ разогнать, но Меръ Филадельфійскій былъ встрѣченъ свистками, и только силою, и тѣмъ, что захватили зачинщиковъ мятежа, спасли несчастныхъ Негровъ, жилища которыхъ мятежники хотѣли грабить и жечь ночью.

Рудники золота, серебра, мѣди, свинцу, цинку, желѣза, олова и каменнаго угля открываются въ изобиліи въ Соед. Штатахъ. Жители все еще мало обращаютъ на нихъ вниманія, и лучшія земли, гдѣ находятъ пріиски рудъ, можно еще покупать отъ 10 до 20 доллеровъ за акръ. Правительство Американское даетъ совершенную свободу отыскивать и плавить металлы. Въ Миссури учредилась компанія для разработки желѣзныхъ рудниковъ, и отъ Миссисипи проводить туда желѣзную дорогу. Вѣроятно, вскорѣ добываніе металловъ получить въ Соединенныхъ Штатахъ большое развитіе; уже составляются многія компаніи для сего предмета.

Принцъ Жуанвилльскій посѣтилъ Ямайку, и 5-го Мая былъ въ Гаванѣ; 23-го Мая прибылъ онъ въ Вашингтонъ, объѣхалъ потомъ Филадельфію, Балтиморъ, осмотрѣлъ Ниагарскій водопадъ, и 15-го Іюня былъ уже въ Нью-Йоркѣ, откуда отправился во Францію (отъ 18-го Іюля изъ Парижа пишутъ о прибытіи его въ сію столицу).

Въ Квебекѣ былъ поединокъ между маіоромъ Варломъ и какимъ-то Свинеемъ, котораго Вардъ ревновалъ къ женѣ своей. Бѣдный мужъ былъ убитъ. — Папино живъ и находится теперь въ Филадельфіи.

Извѣстія о взятіи Франгузами Мексиканской крѣпости Сень-Жуанъ Уллоа не подтвердились, но бло-

када наблюдается строгаа, и Мексиканскіе берега чрезвычайно стѣснены надзоромъ Французской эскадры. Сѣверо-Американскій корабль Анна Элиза, пробравшійся въ Вера-Крузъ, не смотря на пальбу съ Французскаго сторожеваго бота, былъ причиною большихъ споровъ между капитаномъ Вазошемъ и начальникомъ Американскаго брига Онтарио, ибо Французы объявили его своимъ призомъ. Изъ Луизианы доставляютъ на Французскую эскадру въ изобиліи припасы.

Американскій пароходъ Вашингтонъ сгорѣлъ на открытомъ морѣ, и при семъ случаѣ погибло 40 человекъ. На пароходѣ Пулавскій, въ 30 миляхъ отъ берега Сѣверной Каролины, лопнулъ котель, и изъ 150 пассажировъ спаслось не больше 50, на подошедшую на помощь имъ шкуну.

Пожаръ истребилъ до основанія главный городъ на островѣ Марія Галантъ. Только церковь и тюрьма уцѣлѣли.

Блокадная Французская эскадра передъ Буэносъ-Айрсомъ состоитъ изъ 4 кораблей, подъ начальствомъ вице-адмирала Дагенета. Съ 28-го Марта ни одинъ корабль не допускается уже къ Деллаплатскимъ берегамъ.

Чилійскій Губернаторъ въ Вальпарейзо велѣлъ въ 24 часа выгнать изъ города живущему тамъ Французу Губеру, и тщетно просили на сей поступокъ объясненія самъ Губеръ и Французскій Консулъ. Губеръ остался, не смотря на приказъ Губернатора, переѣхалъ на Французскій бригъ, и Консулъ потребовалъ удовлетворенія въ обидѣ.

По отчету Бразильскаго Министра Финансовъ, расходы Бразильской имперіи прошлаго года превзошли доходы 580,000 ф. ст., а на нынѣшній годъ по бюджету недостаетъ 140,000 ф. ст.

Въ началъ Мая, Гаитскій генераль Эжжинакъ, пользующійся большою властью въ Гаити, подвергся злодѣйскому покушенію людей, недовольныхъ послѣднимъ рѣшеніемъ несогласій съ Франціею. Убийца явился къ генералу съ письмомъ, выстрѣлилъ въ него, ранилъ жестоко и бѣжалъ. Полагая, что генераль уже убитъ, сообщники убійцы хотѣли возмутить солдатъ, но благоразуміе президента Бойе прекратило беспорядки. Полагаютъ, что Эжжинакъ будетъ преемникомъ Президента. Рана его оказалась не опасна.

НЕКРОЛОГЪ.

Карлъ Ивановичъ Бистромъ 1-й, генераль-адъютантъ, генераль отъ инфантерій, командиръ Л. Г. Егерскаго полка, и командующій всею пѣхотою Отдѣльнаго Гвардейскаго Корпуса, кавалеръ орденовъ: Св. Александра Невскаго, Св. Георгія 2-й, Св. Владимира 1-й, Св. Анны 1-й и 4-й степеней, Прусскихъ Краснаго Орла 2-й степ., за Заслуги и Желѣзнаго креста, и Св. Іоанна Іерусалимскаго, имѣвшій золотыя шпаги съ алмазами, и съ надписью: *за храбрость*, сер. медали 1812 и 1814 г., за Турецкую войну, знакъ отличія Военнаго Достоинства 1-й степ., и знакъ за XXXV лѣтъ службы, одинъ изъ героевъ отечественной брани 1812 года — скончался въ Киссингенѣ 16-го Іюня. Жизнь Бистрома, вся посвященная отечеству, славныя раны, какими покрывся онъ на поляхъ брани, участіе почти во всѣхъ великихъ событіяхъ, какими ознаменованы были военныя наши лѣтописи текущаго столѣтія, и безпорочное имя честнаго, благороднаго война — вотъ по чему останется память Бистрома навсегда для насъ незабвенною. Забудемъ ли одно то, что судьба ему судила *пахать* безсмертный бой Бородинскій 26-го

Августа 1812 года: въ 6 часовъ утра, подъ громомъ 120-ти орудій главной баттарей, Французы ударили на село Бородино. Здѣсь стоялъ Бистромъ, тогда еще полковникъ Лейбъ-Гвардіи Егерскаго полка; мужественно встрѣтилъ онъ непріятеля, и—загорѣлся великій бой Бородинскій!...

Докторъ Франція, таинственный властитель и основатель новаго царства въ лѣсахъ Южной Америки, умеръ, по новѣйшимъ извѣстіямъ изъ Курасао. Мы сообщимъ читателямъ нашимъ подробныя свѣдѣнія объ этомъ странномъ чловѣкѣ, въ свое время обращавшемъ на себя вниманіе Европейцевъ. Пишутъ, что съ кончиною его, мгновенно разрушился весь заведенный имъ въ Парагваѣ порядокъ дѣлъ, и что даже приверженцы его принуждены были немедленно бѣжать въ Монтевидео, страшась мщенія жителей, досель стѣсненныхъ деспотизмомъ бывшаго ихъ властителя.

Графъ Максимилианъ Монжель, Баварскій государственный министръ, скончался въ Минхенѣ, 13-го Мая, на 79 году отъ рожденія. Съ 1799 по 1817 годъ, онъ былъ двигателемъ государственнаго внѣшняго и внутренняго управленія Баваріи. Уволенный послѣ того, онъ принималъ участіе въ дѣлахъ, какъ членъ первой Палаты и Государственнаго Совѣта, и принадлежалъ къ числу тѣхъ знаменитыхъ дипломатовъ современныхъ, между коими встрѣчаемъ имена Меттерниха, Талейрана, Кастельере, Бернсторфа, и другихъ.

Виконтесса Монморанси-Лаваль, урожденная Ларошфуко-Ланкуръ, умерла въ Парижѣ на 87 году. Она пережила друга своего Талейрана только немногими днями.

Герцогъ Лидсъ (Leeds), перъ Великобританіи, умеръ въ Лондонѣ, 7-го Іюля, на 63 году жизни.

Титуль его наследовалъ старшій сынъ его, Маркизъ Кармартенъ.

Баронъ Францъ, Николай Бенуа Гаксо, скончался въ Парижѣ, 26-го Юня, на 64 году. Онъ былъ однимъ изъ отличныхъ инженеровъ при Наполеонѣ — находился при осадѣ Саррагоссы, подъ Ваграмомъ, при обзорѣнн Наполеономъ переправы черезъ Нѣмень въ 1812 году, и взятъ Русскими въ плѣнъ въ 1813 году, вмѣстѣ съ Вацдамомъ. Передавшись Наполеону въ 1815 году, послѣ Ватерлоо опять приобрѣлъ онъ благосклонность Людовика XVIII-го, и былъ генераль-инспекторомъ по инженерной части. — Онъ управлялъ осадю Антверпена, во время геройской защиты его генераломъ Шассе, и послѣ того жилъ въ совершенномъ уединеніи.

Профессоръ физики и химіи, Докторъ Аккумъ, умеръ въ Берлинѣ.

Докторъ Итаръ, благотѣльный врачъ, бывшій много лѣтъ при Парижскомъ институтѣ глухо-нѣмыхъ, скончался въ Парижѣ. По завѣщанію своему онъ оставилъ Институту глухо-нѣмыхъ 8000 фр. дохода.

Въ числѣ Русскихъ литераторовъ, которыхъ лишились мы въ послѣднее время, должно упомянуть о Князѣ Сергѣи Александровичѣ Ширинскомъ-Шахматовѣ, скончавшемся въ прошедшемъ году, въ тишинѣ монастырской обители, подъ именемъ *іеромонаха Аникиты*. — Въ нынѣшнемъ году скончался въ Петербургѣ Гавриилъ Васильевичъ Гераковъ, извѣстный сочиненіемъ *Твердости духа Русскихъ*, и многихъ другихъ книгъ.

=

V.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

ЛѢТОПИСЬ СОБЫТІЙ.

31 Іюль 1838 года.

Р о с с і я.

О благополучномъ пребываніи за границею возлюбленнаго Монарха нашего и Его Августѣйшей Супруги, получены слѣдующія извѣстія: «7-го числа Іюля, въ семь часовъ пополудни, Государь Императоръ, вмѣстѣ съ Государынею Императрицею и Ея Высочествомъ Великою Княжною Александрою Николаевною, благополучно изволили прибыть въ Теплицъ.

«9-го числа Государыня Императрица отправилась изъ Теплица черезъ Карлсбадъ въ Крейтъ, а Государь Императоръ остался въ Теплицѣ, и началъ курсъ водъ, предназначенный Его Величеству.

Мюнхенъ, ¹⁸/₂₇ Іюля. Ея Императорское Величество, при въѣздѣ въ королевство Баварское, изволила имѣть первый ночлегъ ¹⁰/₂₂ Іюля въ мѣстечкѣ Вейсенъ.

На другой день, прибывъ въ городъ Регенсбургъ, Государыня Императрица благоволила принять при-
Т. IV. — Стл. V.

глашеніе къ столу отъ Ея Свѣтлости вдовствующей Принцессы Турнь и Таксисъ, въ великолѣпномъ дворцѣ, принадлежащемъ Принцу.

Высочайшій ночлегиъ потымъ былъ въ замкѣ Кеферингъ, у Графини Лерхенфельдъ, матери Баварскаго Посланника при Россійскомъ Дворѣ.

¹²/₂₄ Июля, послѣ обѣда въ городѣ Ландсгутѣ, Ея Императорское Величество изволила слѣдовать путемъ къ Мюнхену, куда и прибыла въ семь часовъ вечера, вмѣстѣ съ Ея Императорскимъ Высочествомъ Великою Княжною Александрою Николаевною, въ вожделѣнномъ здравіи. Отклони всѣ почести, кои не соотвѣтствуютъ цѣли Августѣйшаго путешествія, Государыня Императрица тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ могла замѣтить неличебную радость Баварскаго народа, стремленіе жигелей на Ея встрѣчу, и благоустройство всѣхъ частей, зависящихъ отъ Правительства, которое старалось замѣнять простымъ, неограниченнымъ усердіемъ блескъ другаго приѣма, не принятаго Ея Императорскимъ Величествомъ. Остановясь въ Корольскомъ дворцѣ въ Мюнхенѣ, то же правило непринужденности сохранено вполне, по желанію Государыни Императрицы.

¹⁵/₂₅ Июля Государыня Императрица изволила быть въ здѣшнемъ театрѣ, прекрасномъ великолѣпномъ зданіи, гдѣ давали оперу *Невеста Лунатики*. Ея Величество встрѣчалась была многочисленною публикою рукоплесканіями и крикомъ Ура.

Вчерашняго дня былъ великолѣпный обѣдъ въ замкѣ, а вечеромъ Ея Императорское Величество изволила быть въ театрѣ.

Крейтъ ¹⁶/₃₀ Июля. ¹⁶/₂₈ числа сего мѣсяца, Государыня Императрица изволила прибыть въ Крейтъ, гдѣ Мюнхенскіе жители сбывковенно проводятъ часть лѣта для возстановленія своего здоровья. —

Ея Императорское Величество, будучи восхищена мѣстоположеніемъ, изволила расположиться въ приготовленномъ для Ея Величества небольшомъ домѣ вдовствующей Баварской Королевы.

Вчерашняго дня посетила Ея Величество вдовствующая Королева, проживающая въ двухъ миляхъ отъ Крейта, въ замкѣ Тегернзе.

Мѣстоположеніе Крейта, въ преддверіи Альпъ, самое пріятное. Въ небольшой долинѣ, окруженной почти со всѣхъ сторонъ высокими, богатымъ лѣсомъ покрытыми горами, устроено заведеніе для ваннъ и для употребленія сыворотки и свѣжихъ Альпійскихъ соковъ. Хотя долина сія лежитъ болѣе 2900 футовъ надъ поверхностію Средиземнаго Моря, но быть защищена отъ вѣтровъ, имѣетъ весьма умѣренный климатъ. Воздухъ здѣсь горный, чистый, но не рѣзкій, а самый благотворенный и пріятный для дыханія.

Взоръ пріѣзжаго съ удовольствіемъ встрѣчаетъ въ уединенной сей равнинѣ рядъ веселыхъ строеній, живописно расположенныхъ у подошвъ крутыхъ горъ. Русскаго же изумляетъ видъ небольшой церкви, совершенно похожей на наши старинныя церкви.

Сей храмъ подъ знаменіемъ Святлаго Креста, отъ чего происходитъ и названіе *Крейтъ*, или *крестъ*, наполненный жертвами благодарности за исцѣленіе у источника, протекающаго позади сего храма, имѣетъ любопытную надпись, доказывающую давнишнее употребленіе сего источника. Надъ входомъ въ него вѣлана мраморная доска съ надписью: «Jesu crucifixo, matri dolorosae Mariae, Joanni evangelistae, Mariae Magdalенаe haec capella cum thermis consecrata fuit sub Quirino Abbate Tegernseensi. Anno MDCCVII. Крейтъ особенно славится приготовленіемъ сыворотки, сего цѣлительнаго въ Альпійскихъ горахъ сред-

ства, для восстановления питательных силъ, и укрѣпленія слабости груди и нервъ.

Государыня Императрица, прибывъ въ Крейтъ, вскорѣ начала употреблять сыворотку и ванны. Хорошее вліяніе сихъ средствъ, и особенно чистаго благоаэрированнаго воздуха, на здоровье Ея Величества очевидно, и надѣяться должно, что продолженіе сего пользованія будетъ имѣть желаемый успѣхъ.

Ея Императорское Величество проводитъ время въ семь уединеніи довольно пріятно, дѣлалъ прогулки по горамъ. Весьма часто посѣщаютъ Ея Величество вдовствующая Баварская Королева и Наслѣдній Прусскій Принцъ съ супругою, проживающіе въ замкѣ Тегернае.

Государь Императоръ въ Теплицѣ изволилъ продолжать курсъ минеральныхъ водъ, и находится въ вожделѣнномъ здравіи.

11-го числа Іюля, Государь Императоръ, въ недалекомъ разстояніи отъ Теплица, дѣлалъ ученье Австрійскихъ гусаръ имени Его Величества полку, по окончаніи котораго возвратился въ городъ.

29-го Іюля, Государь Императоръ, окончивъ въ Теплицѣ курсъ минеральныхъ водъ, отправился въ Крейтъ, мѣстопробываніе Государыни Императрицы, куда и прибылъ благополучно 31-го числа, въ 11 часовъ утра.

4-го числа Августа, Государь Императоръ изъ Крейта изволилъ отправиться въ Мюнхенъ, куда Его Величество Король прибылъ въ тотъ же день, для принятія Государя. — На другой день, Государь Императоръ, въ сопровожденіи Короля, осматривалъ всѣ примѣчательности сей столицы: картинную га-

лерею, галерею статуй древнихъ и нынѣшнихъ временъ, и вновь возводимый Королемъ дворецъ. — Обѣдъ былъ у Короля. — Вечеромъ Его Величество изволилъ быть въ театрѣ.

6-го числа, въ день Пресображенія Господня и рожденія Ея Высочества Великой Княжны Маріи Николаевны, Государь Императоръ изволилъ быть у обѣдни въ Греческой церкви, и потомъ присутствовалъ у смотра войскъ, составляющихъ гарнизонъ Мюнхена, послѣ котораго отправился обратно въ Крейтъ, куда и прибылъ благополучно того же числа, въ шесть часовъ по полудни.

О путешествіи Его Императорскаго Высочества, Государя Цесаревича Наслѣдника, получены слѣдующія извѣстія:

²/₁₄ Іюля, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ изволилъ выѣхать изъ Любека, и отправиться по тракту на Ганноверъ, чрезъ Мелленъ (Mellen), Люнебургъ, Юльценъ (Uelzen) и Целле (Celle).

³/₁₅ Іюля, при переправѣ черезъ рѣку Эльбу, составляющую здѣсь границу между Датскимъ и Ганноверскимъ королевствами, Его Высочество былъ встрѣченъ присланнымъ отъ Короля Ганноверскаго, Флигель-Адъютантомъ Его Величества.

⁶/₁₈ Іюля, въ часъ по полудни, Государь Цесаревичъ благополучно прибылъ въ Ганноверъ, и остановился въ приготовленномъ для Его Высочества загородномъ дворцѣ (Hetten-Haus). Въ три часа Государь Цесаревичъ посетилъ Короля и Королеву въ Monbrillant, въ другомъ загородномъ Ихъ Величествъ дворцѣ, гдѣ пробывъ около получаса, возвратился къ обѣденному столу въ Hetten-Haus.

На другой день Государь Цесаревичъ навѣстилъ Наслѣднаго Принца.

⁸/₂₀ Июля, Государь Цесаревичъ изволилъ быть у Владѣтельнаго Герцога Брауншвейгскаго, который, прибывъ наканунѣ въ Ганноверъ, навѣстилъ Его Высочество.

Съ ⁸/₂₀ по ¹⁵/₂₈ Июля въ Ганноверѣ продолжается ненастная погода: непрерывные дожди съ холоднымъ вѣтромъ замѣнили сильныя жары. Не смотря на такую неблагопріятную погоду, здоровье Государя Цесаревича, благодаря Бога, укрѣпляется. Его Высочество во всѣ сіи дни изволилъ проѣзжаться, и навѣщалъ Ихъ Величества Короля и Королеву.

Съ возстановленіемъ хорошей погоды, Его Императорское Высочество намѣревался отправиться въ дальнѣйшій путь, на Рейнъ.

Состояніе здоровья дозволило Его Высочеству, въ послѣдніе дни пребыванія въ Ганноверѣ, принять участіе въ празднествахъ, приготовленныхъ Ихъ Величествами для высокаго своего гостя.

¹⁵/₂₈ Июля, во дворцѣ, занимаемомъ Его Высочествомъ, былъ устроенъ спектакль. — Государь Цесаревичъ, съ ея Величествомъ Королевою, присутствовалъ на ономъ, въ собраніи знатнѣйшихъ особъ Двора и высшаго общества столицы, кои при этомъ случаѣ были представлены Его Императорскому Высочеству. — Его Величество Король, чувствуя себя въ этотъ день не совершенно здоровымъ, не изволилъ быть въ спектаклѣ.

¹⁶/₂₈ числа, поутру, Государь Цесаревичъ изволилъ смотрѣть артиллерію. Отличное сіе войско, въ составѣ двухъ баттарей, конной и пѣшей, произвело нѣсколько эволюцій съ пальбою, и прошло мимо Его Высочества церемоніальнымъ маршемъ, превосходнымъ образомъ. Вечеромъ данъ былъ концертъ въ одной изъ залъ дворца Негген-Хаус. Король и

Королева присутствовали на ономъ съ небольшимъ избраннымъ обществомъ.

¹⁷/₂₈ числа, погода здѣсь, послѣ продолжительныхъ дождей, прояснилась. Государь Цесаревичъ воспользовался оною, выѣхавъ на прогулку верхомъ.

¹⁸/₃₀ Июля, наканунѣ выѣзда изъ Ганновера, Государь Цесаревичъ, въ сопровожденіи свиты своей, ѣздилъ прощаться къ Ихъ Величествамъ, послѣ чего изволилъ быть въ придворномъ манежѣ, гдѣ показаны были Его Высочеству доведенная здѣсь до совершенства выѣздка верховыхъ лошадей и королевскіе парадные экипажи.

Пребываніе Государя Цесаревича въ Ганноверѣ заключилось баломъ, даннымъ въ покояхъ Его Высочества, на который былъ приглашенъ Дипломатическій Корпусъ, Дворъ и все высшее общество города. — Государь Цесаревичъ изволилъ участвовать въ танцахъ. Прекрасный садъ Герренгауза, славащійся своими фонтанами, былъ отлично иллюминированъ. Балъ окончился въ двѣнадцатомъ часу. Государь Цесаревичъ простился здѣсь съ Ихъ Величествами.

¹⁹/₃₁ Июля, Государь Цесаревичъ, въ одиннадцать часовъ утра, изволилъ выѣхать изъ Ганновера, и отправиться по тракту черезъ Кассель, на Франкфуртъ на Майнъ, останавливаясь для ночлега въ городѣ Эйббекъ, и на другой день продолжалъ путешествіе черезъ Геттингенъ и Минденъ до Касселя. — Прибывъ въ Кассель, Его Высочество посетилъ супругу Курфирета Гессенскаго, Вильгельма II.

Утро 21-го Июля, посвящено было Его Императорскимъ Высочествомъ для обозрѣнія Касселя и его живописныхъ окрестностей. Государь Цесаревичъ болѣе двухъ часовъ изволилъ прогуливаться пѣшкомъ въ прекрасномъ паркѣ Wilhelmshöhe, справед-

ливо славиемся прелестнымъ мѣстоположеніемъ и разнообразіемъ своихъ водъ. Обозрѣвъ въ Wilhelmshöhe дворець и замокъ, называемый Левенбургъ (Löwenburg), Его Высочество изволилъ быть на завтракъ у супруги Курфирста, и въ два часа отправился въ дальнѣйшій путь.

Переночевавъ въ Марбургъ, Государь Цесаревичъ заходилъ здѣсь въ древнюю готическую церковь, и въ десять часовъ утра отправился, чрезъ Гиссенъ, во Франкфуртъ на Майнъ. Въ шесть часовъ вечера Его Высочество прибылъ въ сей городъ.

24-го Іюля (4-го Августа), по утру, Его Императорское Высочество, въ сопровожденіи Посланника нашего при Германскомъ Союзѣ, Тайнаго Совѣтника Убри, изволилъ осматривать примѣчательности города Франкфурта.

Въ четыре часа, къ обѣденному столу Его Высочества приглашены были всѣ Русскіе, находящіеся во Франкфуртѣ.

Послѣ обѣда, Государь Цесаревичъ ѣздилъ навѣстить Герцога Нассаускаго, прибывшаго въ сей городъ для свиданія съ Его Высочествомъ. Его Свѣтлость вслѣдъ за тѣмъ посѣтилъ Государя Цесаревича.

Вечеромъ сего числа, Его Императорское Высочество изволилъ быть въ спектакль, а потомъ въ небольшомъ собраніи у Тайнаго Совѣтника Убри.

Хотя состояніе здоровья Государя Наслѣдника Цесаревича, благодаря Бога, весьма удовлетворительно, но какъ по мнѣнію медиковъ, для совершеннаго возстановленія силъ Его Высочества, могутъ быть весьма полезны Эмскія минеральныя воды, почему Государь Цесаревичъ, располагая нѣкоторое время пробить въ Эмсѣ, изволилъ отправиться въ оный на слѣдующее утро, чрезъ Биберихъ.

Въ Биберихъ, мѣстѣ пребыванія Герцога Нассаускаго, Его Императорское Высочество изволилъ провести 25-е число, а 26-го Іюля (7-го Августа) поутру отправился въ Эмсъ, куда и прибылъ въ шесть часовъ вечера.

Съ 28-го Іюля, Его Императорское Высочество началъ пользоваться свое минеральными водами. Погода стоитъ самая благопріятная. Государь Цесаревичъ чувствуетъ себя весьма хорошо, и ежедневно сверхъ обыкновенныхъ утреннихъ и вечернихъ прогулокъ пѣшкомъ, изволилъ ѣздить кататься по окрестностямъ, или въ экипажѣ, или верхомъ.

На другой день прибытія Государя Наслѣдника въ Эмсъ, всѣ Русскіе подданные, находящіеся на водахъ, имѣли счастье представиться Его Императорскому Высочеству.

Высочайшимъ Манифестомъ, даннымъ въ Фишбахъ, въ Силезіи, 2-го Іюля, повелѣно произвести рекрутскій наборъ съ очередныхъ губерній Сѣверной Полосы Россійской Имперіи, съ тысячи душъ по шести рекрутовъ, на основаніи положенія, изданнаго въ 1-й день Августа 1834 года, начавъ сей наборъ съ 1-го Ноября, и окончивъ его къ 1-му Января 1839 года.

Высочайшимъ Приказомъ отъ 15-го Іюля, Братъ Императора Австрійскаго, Его Императорское Высочество Эрцъ-Герцогъ Францъ Карль, назначается Шефомъ Самогитскаго гренадерскаго полка, которому и именоваться *Гренадерскимъ Эрцъ-Герцога Франца Карла полкомъ*.

Въ засѣданіи Совѣта Государственныхъ Кредитныхъ Установленій, 18-го Іюля, Его Сіятельствомъ г-мъ Министромъ Финансовъ представлены были отчеты сихъ Установленій за 1837 годъ, при чемъ за-

сѣданіе открыто слѣдующею рѣчью, произнесенною Министромъ:

Милостивые Государя!

Я не могъ прежде настоящаго времени предложить на разсмотрѣніе Вашему кредитныхъ установленій за 1837 годъ, потому, что отдача въ содержаніе на будущее четырехлѣтіе (то есть, съ 1839 по 1843 годъ) одной изъ значительнѣйшихъ отраслей Государственнаго дохода, требовала въ то время, когда обыкновенно открывались засѣданія Совета кредитныхъ установленій, постоянного присутствія моего въ Правительствующемъ Сенатѣ; дѣло, которое кончилось только нынѣ и, какъ известно, весьма благоуспѣшно. Впрочемъ и не было особенныхъ причинъ снѣшить открытіемъ засѣданій сего Совета, ибо при внутреннемъ и вѣншемъ спокойствіи, при возрастающей у насъ промышленности, при расширеніи торговли и разныхъ другихъ источниковъ народнаго богатства и при постепенномъ умноженіи государственныхъ доходовъ, особливо и по вышеупомянутому случаю болѣе нежели на 25 милліоновъ рублей, кредитныя установленія шествуютъ предначертаннымъ имъ путемъ свободно, не встрѣчая никакихъ препонъ; слѣдовательно, не возникало и такихъ чрезвычайныхъ дѣлъ, которыя требовали бы особаго съ вами совѣщанія.

Прежде обзорнѣйшихъ отчетовъ, я вкратцѣ изложу вамъ однако нѣкоторыя второстепенныя распоряженія, сдѣланныя въ прошедшемъ году по кредитной части.

Многіе изъ заложенныхъ въ Банкѣ домовъ были выкупаемы и вслѣдъ за тѣмъ вновь представляемы въ залогъ для полученія новой изъ Банка ссуды. По собраніи дамынѣйшихъ свидѣній оказалось, что приобрѣтеніе для сего оборота потребныхъ способовъ было сопряжено съ значительными пожертвованіями для заемщиковъ. По сему Правительство, для вѣдшаго облегченія ихъ по ссудамъ подъ залогъ домовъ, постановило допустить перезалогъ оныхъ съ новаго срока на 15-ти лѣтнихъ правилахъ, но въ огражденіе частнаго кредита, по новымъ свидѣтельствамъ и по новой оцѣнкѣ.

Вамъ не безызвѣстно, Милостивые Государя, что на Банковыхъ билетахъ суммы вкладовъ вписываются обыкновенными чернилами. Были примѣры предъявленія въ Банкѣ билетовъ, въ которыхъ, или всѣ, или болѣею частию, слова пи-

санья сдѣлались нечлѣвеческими или, вовсе уничтожились отъ случайной подмочки, отъ разлитія лекарства, или по инымъ случаямъ. По сему сдѣлано распоряженіе, собственно для охраненія пользы самихъ вкладчиковъ, о введеніи приложенія, типографическими чернилами особаго штемпеля, или грифа, означающаго сумму вклада. Сверхъ того въ формѣ прежнихъ билетовъ Заемнаго Банка открылось другое неудобство, а именно, что какъ билеты по Марту мѣсяцу 1828 года выдаваемы были писанные на обыкновенной простой бумагѣ, съ приложеніемъ сургучной печати, то не токмо все написанное въ нихъ могло стереться или истребится, но и печати отъ вѣхости или по разнымъ случаямъ измадиться, такъ, что неоставалось бы Банку никакой возможности удостовѣриться, ни въ дѣйствительности, ни въ достоинствѣ билета, по сему признано за нужное сдѣлать публикацію со стороны Заемнаго Банка, которою приглашаются лица, имѣющія у себя билеты, выданные прежде Марта 1828 года, предъявить въ Банкѣ, для полученія за оные другихъ билетовъ нынѣшней формы.

Въ началѣ 1838 года публикованы отъ Правительствующаго Сената: Высочайшій указъ, содержащій вновь постановленныя правила объ описи заложенныхъ въ кредитныхъ установленіяхъ и просроченныхъ имѣній, и форма оной.

Предметъ сей требовалъ продолжительныхъ сношеній съ Начальниками разныхъ Губерній, съ Опекунскими Советами и съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ. Были разныя предложенія, какъ на счетъ того, необходима ли опись, такъ и на счетъ предметовъ, въ составъ ея входитъ имѣющихъ. По соображеніи оныхъ признано, что отъ описи продаваемыхъ по просроченнымъ займамъ имѣній, невозможно, что опись нужна для всѣхъ участвующихъ въ сѣмъ дѣлѣ сторонѣ: для кредитныхъ установленій потому, что она привлекаетъ покупателей; для покупателя потому, что она знакомитъ его съ положеніемъ, составомъ и принадлежностями имѣнія, слѣдовательно, даетъ возможность, хоть приблизительно, судить о выгодахъ его; кредиторамъ для того, чтобы ограждать ихъ отъ растратъ во время опекунскаго управленія, и еще болѣе отъ неминуемыхъ иногда потерь при продажѣ; наконецъ, что дѣйствительно между случаями описи по просрочкѣ Банковаго займа представляется существенная разность. Въ первомъ случаѣ всякая собственность должника принадлежить кредито-

рамъ; въ послѣднемъ Кредитное Установленіе можетъ простираť права свои единственно на тѣ принадлежности имѣній, которыми обезпечивается его ссуда.

Сими уваженіями руководствовалося Правительство при изданіи означенныхъ правилъ и формы описи. Первая облегчительнѣе, другая сокращеннѣе противъ прежнихъ.

Въ прошедшемъ году имѣлъ я честь вамъ объяснить причины, по которымъ нельзя было предать сожжеио подлежащаго количества билетовъ Государственнаго Казначейства, а именно, что публика неохотно съ ними разстается, и что Министерство Финансовъ не можетъ и не должно извлекать ихъ изъ обращенія никакими усилешными средствами. И по нынѣ Коммиссія погашенія долговъ, также по причинѣ невзноса оныхъ со стороны частныхъ лицъ въ Казначейства, не могла накопить въ ея кассѣ болѣе 623,750 руб., но по малозначительности такого количества удобнѣе отложить сожженіе оныхъ до другаго въ семь году засѣданія Совѣта, въ ожиданіи большаго ихъ накопленія; тогда же будутъ преданы истребленію и билеты изъ прежнихъ трехъ серій, конхъ поступило на 26,250 руб., а затѣмъ остается еще необмѣненныхъ по непредѣленію изъ тѣхъ серій на 22,500 рублей.

Цѣна на фонды наши по 3-му и 4-му пятипроцентнымъ займамъ, въ продолженіе 1837 года, вообще была выше паря, и какъ по сему Коммиссія не могла употребить подлежащаго капитала на выкупъ оныхъ, то остается, на основаніи условій сихъ займовъ, произвести тиражъ въ Августъ и Септѣбрь мѣсяцахъ, буде цѣна на оныя къ тому времени не понизится.

Юля 20-го, въ Курскѣ торжественно открыто вновь устроенное судоходство по рѣкѣ Сейму, начиная съ пристани, находящейся въ 6-ти верстахъ отъ Курска, до самаго устья рѣки. Общая великія выгоды лишенной до нынѣ всякаго воднаго пути для сбыта своихъ произведеній Курской Губерніи, это судоходство замѣчательно, какъ новостью гидравлическаго устройства его, такъ и тѣмъ, что проэктъ онаго былъ составленъ, и работы потомъ совершены подъ надзоромъ Курскаго помѣщика, каммергера

М. А. Пузынова, извѣстнаго своею патриотическою ревностью на благо общее.

Августа 4-го, на пароходѣ Императоръ Николай прибылъ въ Одессу черезъ Царьградъ Французскій посоль Баронъ де Барантъ, возвращаясь къ своему посту при С. Петербургскомъ дворѣ.

По 19-е Августа, въ Кронштадтѣ пришло 975 кораблей, а вышло оттуда 726. Въ Ригу, по 15-е Августа, пришло 1066, а вышло оттуда 926 кораблей.

Англія.

Нѣсколько времени послѣ коронаціи Королевы только и писали изъ Лондона о балахъ, обѣдахъ, гуляньяхъ, и чрезвычайномъ великолѣпнѣи, какое притомъ являлось. Юля 11-го, Герцогъ Нортумберландскій давалъ праздникъ въ виллѣ своей на берегу Темзы, и говорятъ, что послѣ праздника, даннаго Вильгельму IV-му въ Кейнтъ-Вудѣ Графомъ Мансфильдомъ, не видывали ничего столь роскошнаго. Гостей было 1500. — Такое же число находилось на балѣ у нашего посла, Графа Строганова, 16 Юля. Юля 13-го данъ обѣдъ въ Ратушѣ отъ города Лондона иностраннымъ посламъ и высокимъ посѣтителамъ.

Нашъ посоль Графъ Строгановъ раскланялся съ Королевою 27 Юля; на канунъ угощали его купцы, торгующіе въ Россіи, и 31-го Юля, онъ выѣхалъ изъ Лондона.

Юля 16-го Королева председательствовала въ Капитулѣ Ордена Подвязки, и пожаловала знаки сего ордена Герцогу Саксенъ-Кобургскому. Большие кресты ордена Бани пожалованы ген.-лейтенантамъ Дж. Ламберту и Р. О'Каллагану, Графу Голфурту, бывшему Канадскому губернатору и старому адмиралу, столь извѣстному *Сирю Сиднею Смиту*.

На новой большой государственной печати, вырѣ-

занной государственнымъ рѣшникомъ Б. Вейномъ, изображается съ одной стороны Королева, верхомъ, на богато убранной и ведомой нажемъ лошади, съ надписью кругомъ, готическими буквами: Victoria, Dei gratia, Britanniarum Regina, fidei defensor, а на другой Королева на тронѣ готической формы, подлѣ коего находятся Вѣра и Правосудіе; кругомъ гирлянда изъ розъ и дубовыхъ листьевъ.

Наслѣднй Принцъ Баварскій никогниго прибылъ въ Лондонъ, и 24-го Июля представлялся Королевѣ.

Августа 16-го засѣданія Парламентовъ были закрыты въ присутствіи Королевы. Последнею достопамятною Парламентскихъ прешій были нападенія Брума, которой жестоко осуждалъ поведение Лорда Дургамъ въ Канадѣ (13-го Августа), и выходка Лорда Линдгурста на Министровъ (14-го Августа). Вотъ рѣчь, которую произнесъ передъ Королевою Ораторъ Парламента:

«Всемилютейшая Государыня!

Мы, ваши вѣрные представители, обращаемъ къ Вашему Величеству въ концѣ труднаго и необыкновенно продолжительнаго засѣданія Парламента. Важныя безпокойства, происшедшія, къ сожалѣнію, въ провинціи Нижней Канадѣ, были предметомъ особеннаго нашего вниманія. Первою нашею заботою было, предоставить въ распоряженіе Вашего Величества средства, которыя мы считали необходимыми, для восстановленія порядка и упроченія будущаго спокойствія. Согласно съ долгомъ нашимъ, мы изыскали причины горестныхъ происшествій въ Канадѣ, и нашли, что раздоры, уже съ давняго времени раздѣлявшіе различныя отрасли правленія этой страны, наконецъ совершенно нарушили согласіе и дѣятельность въ рѣшеніи публичныхъ дѣлъ, столь необходимыхъ для благоденствія провинціи. Увѣрившись въ этомъ, мы увидѣли необходимость принять сильныя и рѣшительныя мѣры. Мы издали актъ, коимъ отмѣнялась, на время, прежняя система управленія Нижнею Канадою, и даровали начальнику полномасіе, сопряженное съ отвѣтственностью Министровъ,

и подчпненное суду Вашего Величества. Знаемъ, что подобная мѣра должна быть вынуждена крайнею необходимостью, но надѣемся найти оправданіе въ близкомъ восстановленіи прежняго правленія сей важной колоніи, съ улучшеніями, которыя обезпечать благосостояніе ея народонаселенія и укрѣпить связь Канады съ метрополіею. Изъ предметовъ, на которые Ваше Величество обратили наше вниманіе, въ благоклонной рѣчи при открытіи Парламента, попеніе о нищихъ Ирландіи представляло наиболѣе затрудненій, требовало особенной осторожности. Мы чувствовали, что введеніе закона о нищихъ, въ страну, находящейся въ такихъ отношеніяхъ, какъ Ирландія, сопряжено съ большою отвѣтственностью, но, имѣя предъ собою примѣръ прежнихъ Парламентовъ, оставившихъ тотъ же законъ въ Англій, мы полагали, что настало время, въ которое можемъ принять, безопасно и съ основательною надеждою на успѣхъ, законъ о нищихъ Ирландіи. Мы строго держались правилъ, освященныхъ общественнымъ мнѣніемъ и опытностью, но сдѣлали только то, что обезпечивало успѣхъ дѣла и удовлетворяло настоящимъ требованіямъ. Если, при исполненіи сего чрезвычайно важнаго предмета, будутъ поступать столь же осторожно и безпристрастно, какъ мы поступали при совѣщаніяхъ о принятіи его, то мы не сомнѣваемся, что благотельное его вліяніе будетъ постепенно развиваться; что оное окажется справедливымъ для всѣхъ, подлежащихъ подлѣ постановленія; что отъ него и самая жизнь Ирландскаго народа сдѣлается пріятнѣе и радостнѣе. Мы приняли законъ объ уничтоженіи десятиннаго сбора въ Ирландіи, и въ замѣнъ этого сбора назначили поземельную подать, платимую тѣмъ, которые имѣютъ постолиную выгоду съ помѣстій. Сборъ десятины съ тѣхъ лицъ, которыя не могли ея выплатити, или отказывались источникомъ распрей, столь же вреденъ для общественаго спокойствія, какъ для истинныхъ выгодъ Церкви. Мы представили явное доказательство тому, сколь ревностно мы желали искоренить зло и замѣнить его миромъ и довольствомъ, согласившись вознаграждать, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, тѣхъ, кому не заплачено десятинна. Мы смягчили строгость закона и страданія несчастныхъ, уничтоживъ, въ известныхъ случаяхъ, заключеніе за долги; мы старались увеличить пользу Церкви, прекративъ накопленіе церковныхъ доходовъ въ рукахъ одного лица, и

обративъ заботы на духовныхъ, живущихъ въ своихъ приходахъ. Принятіе сихъ мѣръ есть новое доказательство нашего убѣжденія, что вѣрнѣйшее средство для поддержанія уваженія къ нашимъ законамъ и привязанности къ нашимъ учреждениямъ, состоитъ въ постепенномъ введеніи улучшеній, которыя, по всей вѣроятности, удовлетворять очищеннымъ требованіямъ и возвышеннымъ сужденіямъ образованнаго сословія. Мы покрыли щедро, но не безразсудно, необходимые расходы выпышняго года и чрезвычайныя издержки, причиненныя событіями въ Канадѣ. Представляю, отъ имени государственныхъ чиновъ, нашъ послѣдній билль о доходахъ, и всенеподданнѣйше прошу Ване Величеству утвердить оный вашей подписью.»

Королева отвѣчала слѣдующею рѣчью, которую произнесла весьма внятно, пріятнымъ голосомъ, и съ веселымъ выраженіемъ лица :

« Милорды и Господа! Состояніе государственныхъ дѣлъ дозволяетъ мнѣ закрыть сіе продолжительное и трудное засѣданіе. Сожалѣю, что междоусобная война въ Испаніи составляетъ исключеніе изъ господствующаго повсюду спокойствія. Всѣ иностранныя Державы постоянно изъявляютъ мнѣ самыя несомнѣнныя увѣренія, въ ихъ желаніи оставаться со мною въ дружественныхъ отношеніяхъ. Безпокойства и мятежи, происшедшіе въ Верхней и Нижней Канадахъ, были поспѣшно уничтожены. Питаю полную надежду, что принятыя нынѣ рѣшительныя и благоразумныя мѣры дозволятъ мнѣ возстановить законную систему правленія въ Канадѣ, прекращенную мною на время, въ слѣдствіе несчастныхъ событій въ той странѣ. Радуюсь, что состояніе негровъ, въ моихъ заморскихъ владѣніяхъ, значительно улучшилось. Вниманіе, которое вы обратили на исправленіе отечественныхъ учреждений, было мнѣ очень пріятно. Не сомнѣваюсь, что смягченіе закона о заключеніи за долги будетъ способствовать свободѣ моихъ подданныхъ и обезпечитъ торговый кредитъ, и что ограниченіе большей части церковныхъ доходовъ дастъ новую дѣятельность господствующей Церкви. Съ истинною радостію подписала я законъ о призрѣніи нищихъ Ирландіи. Я надеюсь, что положенія сего закона составлены тщательно, и будутъ приведены въ исполненіе съ надлежащимъ благоразуміемъ; содѣйствую къ уничтоженію нищенства, они въ то

же время будутъ служить къ возбужденію прилежанія. Я увѣрена также, что законъ, принятый вами на счетъ уравненія десятиннаго сбора въ Ирландіи, будетъ способствовать выгодамъ помѣщиковъ для сохраненія внутренняго спокойствія. --- Господа члены Нижней Палаты! Не могу довольно благодарить васъ за готовность и щедроту, съ какими вы заботились о расходахъ моего Двора, для сохраненія чести и достоинства престола. Приношу вамъ душевную благодарность за увеличеніе доходовъ моей возлюбленной матери. Благодарю васъ также за суммы, утвержденныя вами на обыкновенные публичные расходы, и за усердіе, съ какимъ вы отыскиали средства для покрытія чрезвычайныхъ издержекъ, сдѣлавшихся необходимыми по случаю безпокойствъ въ моихъ Канадскихъ владѣніяхъ. --- Милорды и Господа! Многочисленныя полезныя мѣры, которыя вы разсматривали, въ то время, какъ опредѣленіе расходовъ Двора и состояніе Канады отвлекали значительную часть вашего вниманія, уже достаточно доказываютъ усердіе ваше къ общественному благу. Вамъ хорошо извѣстны обязанности ваши въ различныхъ графствахъ, и я не вижу необходимости напоминать вамъ о нихъ. Въ исполненіи ихъ положитесь на мое твердое вспоможеніе. Мнѣ остается только смиренно молить Провидѣнію о неоставленіи насъ своего благоволенія и о благосостояніи нашихъ соединенныхъ стараній для благоденствія отечества.»

Замѣчаютъ, что кончившіяся нынѣ парламентскія засѣданія были одни изъ самыхъ продолжительныхъ, какія только запомнятъ. Въмѣсто обыкновеннаго начала въ Февраль, по причинѣ смѣтенія въ Канадѣ открылись они съ Нолбря. Нижній Парламентъ имѣлъ во все время 173 засѣданій, продолжавшіяся въ сложности 1134 часа.

Лондонъ теперь пустѣетъ. Иностранные послы, бывшіе при коронованіи, почти всѣ разъѣхались. Королева отправляется въ Виндзоръ, откуда въ Октябрѣ переѣдетъ съ дворомъ въ Брайтонъ. Члены Парламента спѣшатъ на отдыхъ. О'Коннелъ уже въ Ирландіи, и шумитъ въ Дублинскихъ клубахъ. Брумъ

поѣхалъ въ Шотландію, Лордъ Россель и Маркизъ Лондондерри на островъ Вейтъ, а Лордъ Говикъ во Францію.

Франція.

Королевское семейство обрадовано было благополучнымъ разрыщеніемъ отъ бремени Принцессы Виртембергской, которая родила 31-го Іюля, въ Нейльи, сына, названнаго *Филиппъ Александръ Маріа Эрнестъ*. — Августа 24-го Герцогиня Орлеанская также благополучно родила принца, которому даны имена *Лудовикъ Филиппъ Альбертъ*, и титулъ *Графа Парижскаго*.

Маршалъ Сультъ возвратился въ Парижъ 3-го Августа. Іюля 19-го Принцъ Немурскій былъ уже въ Нейльи. — Баронъ Дефодн, бывший посланникомъ въ Мексикъ, и возвратившійся во Францію, снова отправляется туда. — Правительство Французское усиливаетъ блокаду Мексиканскихъ береговъ отправленіемъ нѣсколькихъ судовъ, которыя уже готовятся къ выходу. На нихъ отправится Принцъ Жуанвильскій; онъ пожалованъ капитаномъ, и будетъ командовать корветомъ Креоль.

Гаитскіе депутаты выѣхали изъ Парижа, и изъ Бреста отправляются въ Гаити, на корветѣ *Sarcelle*. Они везутъ ратификацію трактата, заключеннаго 12 Февраля, которою окончены всѣ прежнія несогласія съ Франціею.

Принцъ Фридрихъ Австрійскій въ началѣ Августа прибылъ въ Тулонъ, и былъ встрѣченъ праздниками и угощеніями, со всею почестью, прилично высокому сану путешественника.

Іюля 29-го, полиція захватила нѣкоего Рабана, гравера ремесломъ, приготавливащаго патроны, вмѣ-

сть съ пятью товарищамъ; въ домѣ найдено 3,000 готовыхъ патроновъ, 12,000 пуль, формы для литья ихъ, и проч. — Дальнѣйшія слѣдствія неизвѣстны. Говорятъ, что между бумагами Рабана нашлись письма Корменена, Ламенне, и другихъ. Послѣ допросовъ, полиція забрала по указаніямъ еще нѣсколько человѣкъ.

Редакторъ газеты *Времля*, Ремондъ Кость присужденъ къ штрафу 100 франковъ, и мѣсячному заключенію въ тюрьму, за дерзкую статью противъ Короля.

Германія.

Большая Книгиня Анна Павловна, путешествующая подъ именемъ Графини ванъ-Буренъ, 21-го Іюля выѣхала изъ Дрездена въ Теплицъ, а 23 Августа благополучно возвратилась въ Гагу.

Принцъ Виртембергскій Гейнрихъ Фридрихъ Карлъ, дядя Короля, скончался въ Ульмѣ, 28 Іюля. Онъ родился въ 1772 году.

Россійскій Посоль при Оттоманской Портѣ, г-нъ Бутеневъ, выѣхалъ изъ Вѣны 9 Августа, и отправился въ Триестъ, для возвращенія въ Царьградъ.

Принцъ Баварскій Карлъ удостоился получить отъ Государа Императора орденъ Св. Апостола Андрея.

Императоръ и Императрица Австрійскіе отправились изъ Шенбруна 4-го Августа. Свита ихъ состояла изъ 29 каретъ. Августа 9-го прибыли они въ Иншпрукъ, и 12-го совершена Императоромъ торжественная присяга, въ соборной церкви, гдѣ литургію служилъ Епископъ Бриксенскій. Потомъ въ замкѣ присягали представители Тироля. Вечеромъ городъ былъ иллюминированъ. Жители изъявляли восторгъ при видѣ своего Императора. Вотъ рѣчь, которую Е. И. В. произнесъ передъ присягою:

«Съ радостью прибылъ я къ вамъ, любезные жители Тироля и Форарльберга! Торжественная присяга, которую вы хотите принести мнѣ, чрезъ вашихъ чиновъ и представителей, истекаетъ изъ вѣрныхъ испытанныхъ сердецъ, достойныхъ предковъ вашихъ. Сердце мое принимаетъ сію присягу съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ принимали ее мои прародители, и мой, въ Божь почитающій, отецъ. Такъ будетъ и *впередь!* Господь, управляющій судьбами государствъ, всякій разъ благословлялъ сей союзъ всеобщимъ благоденствіемъ, укрѣплялъ его самыми тяжкими испытаніями. Друзья! я хочу быть вашимъ отцемъ; мой отецъ передалъ мнѣ васъ, своихъ дѣтей. Дети! сохраните вашу вѣру, вашу простоту обычаевъ, древнюю вѣрность, непоколебимость и терпѣніе, сохраните ваше древнее, дѣтское довѣріе къ попеченіямъ вашего Государя, и тогда, чиновъ и представители Тироля и Форарльберга, вы можете быть увѣрены въ моей монаршей и отеческой милости!»

Восторженныя восклицанія послѣдовали за сими священными словами, но скорѣ наступила тишина, еще болѣе доказывавшая, въ какое умиленіе были приведены всѣ присутствующіе. Тогда Графъ Вильзекъ, исправляющій должность намѣстника, предсталъ предъ ступенями престола, и голосомъ дрожащимъ, но слышнымъ во всей залѣ, изъявилъ Государю благодарность чиновъ Тироля.

По случаю прибытія въ Мюнхенъ Е. В. Принца Оранскаго, Россійскій посланникъ г-нъ Северинъ давалъ 10-го Іюля большой обѣдъ. На канунъ былъ обѣдъ у Герцога Максимилиана Лейхтенбергскаго, гдѣ находился и прѣхавшій въ Мюнхенъ Принцъ Іеронимъ Монфортскій.

Бывшій министръ Французскій, Герцогъ Полиньякъ купилъ себѣ помѣстье близъ Ландау, на берегахъ Изары, называемое Wildthurm. Онъ теперь въ Мюнхенѣ, гдѣ находится также и Гернанъ де-Ранвилъ.

Въ Австрійской арміи повелѣно уничтожить чинъ *прапорщика*.

Нидерланды.

Принцъ Фридрихъ по возвращеніи своемъ былъ радостно встрѣченъ Королевскою фамиліею въ замкѣ Боскѣ, 20 Іюля. Путешествіе его продолжалось 20 мѣсяцевъ; онъ оставилъ Голландію въ Октябрѣ 1836 года.

Въ Лондонѣ, съ половины Августа дѣлательно начались конференціи, касательно окончанія несогласій между Голландіею и Бельгіею. По три раза въ недѣлю отправляются курьеры въ Гагу, и къ Государямъ, принимающимъ посредничество.

Италія.

Большія опасенія о здоровьѣ Королевы Неаполитанской возбудилъ испугъ, какой претерпѣла Е. В. 11-го Іюля, когда лошади понесли колеску, которою правилъ самъ Король, и гдѣ съ нимъ находилась Королева. По дальнѣйшихъ слѣдствій не было, и 1-го Августа Королева благополучно родила сына, въ загородномъ дворцѣ королевскомъ *Saro di Monte*. Новорожденнаго наименовали *Людovicomъ*.

Іюля 22-го совершена въ Римѣ свадьба Принцессы Маріи Луизы, вдовы Принца Максимилиана Саксонскаго съ камергеромъ Лукксккаго двора г-мъ Росси. Принцесса остается жить въ Римѣ, и покупаетъ домъ Наполеоновой матери.

Принцъ Максимилианъ Баварскій прибылъ изъ Байрута въ Мальту, на пароходѣ Мегера, и 20-го Іюля находился уже въ Неаполѣ.

Вмѣсто 70-ти кардиналовъ, полнаго числа ихъ, нынѣ считается только 57; шестеро наименованы *in petto*, а семь мѣстъ остается вакантныхъ. Самый старшій изъ кардиналовъ нынѣ синьоръ Бусси (ему 83 года), самый младшій Делла Дженга Серматтен

(37-ми лѣтъ). Папѣ наступилъ 73-й годъ отъ роду, и 8-й послѣ его избранія.

Труды Коммиссiи, занимавшейся, подѣ председательствомъ Кардинала Фалдзакаппа, пересмотромъ гражданского уложенія кончены, и представлены на утвержденіе Папы.

Маркизь дель-Карретто ведетъ въ Римѣ переговоры о размѣнѣ княжества Беневентскаго (нѣкогда бывшаго удѣломъ Талейрана) и княжества Понте-Корво (нѣкогда удѣла нынѣшняго Шведскаго Короля) на Фарнезскія помѣстья. Папа требуетъ на обмѣнъ часть Аbruццкой области, но жители ея просили Короля не отдавать ихъ чуждой власти, какъ ознаменовавшихъ вѣрность свою къ престолу Неаполитанскому многими жертвами во времена бѣдствій.

Испанія.

По извѣстіямъ въ началѣ Іюля, можно было ожидать рѣшительныхъ дѣйствій между Карлистами и Христиносами, но дѣло кончилось только движеніемъ Эспартеро на Эстелью, съ 25 тысячами, и отступленіемъ на Логроно. Баронъ де Мееръ занялъ послѣ того Сальсону, 22-го Іюля, и разбилъ отрядъ Карлистовъ, а Эспартеро овладѣлъ Лабразою, и остановился въ Вiанѣ; Донъ Карлосъ возвратился въ Эстелью. Послѣ сего разнесся слухъ, что Эспартеро боленъ и проситъ увольненія. Дѣло объяснилось тѣмъ, что Эспартеро оскорбился исключеніемъ изъ службы любимца своего Миранда, и потребовалъ отставки министровъ Мона и Кастро, объявляя въ противномъ случаѣ, что онъ оставитъ армию. Старались уговорить его на миръ, но неизвѣстно еще чѣмъ кончилась эта распря между правительствомъ и его полководцемъ, остановившая

всѣ военныя дѣйствія.—Пользуясь отвлеченіемъ Карлистовъ, Муньягорри опять явился на сцену и собираетъ войско.—Іюля 27-го Кабрера нападалъ на Санъ-Мигелъ, но былъ отбитъ съ урономъ.

—Ораа, Нарваезъ, Мееръ, Пиларео и Клопардъ протестовали противъ своевольныхъ требованій Эспартеро.

Пишутъ, что Андалузiя хочетъ учредить свою отдѣльную юнту, подѣ председательствомъ графа Лась-Наваза; что въ Эсталь открытъ заговоръ Христиносовъ, а въ Мадридѣ заговоръ Карлистовъ, начальникомъ котораго былъ нѣкто Веласко, укрывавшійся въ виллѣ графа Куба, и что многіе члены оппозиціи скрылись изъ Мадрита и прибыли во Францію.

Нарваезъ назначенъ губернаторомъ областей Толедо и Ла-Манчи, гдѣ Карлисты до основанія разошлись и выжили родину Дульциней — безсмертную Тобозу.

По бюджету на 1858 годъ оказывается недостатокъ приходовъ противъ расходовъ около 708,119,406 реал. (почти 175,000,000 рублей). Безъ особеннаго приказанія Королевы не велѣно ни кому выдавать жалованья.—Іюля 17-го закрыты засѣданія Кортезовъ.

Ужасное злодѣяніе было приготовлено жителями одного мѣстечка въ Ла-Манчѣ, у которыхъ Христиносы взяли 3000 порцій вина: они отравили вино; къ счастью, это успѣли замѣтить. Пятнадцать человекъ изъ умыслившихъ такое злодѣяніе было расстрѣляно.

Отъ Французскаго Правительства объявлено, что бы Карлисты наблюдали строжайшій нейтралитетъ въ земляхъ *Андореккой республики*, которая находится на предѣлахъ Аррьежскаго департамента, и со-

стоитъ подѣ взаимнымъ покровительствомъ Франціи и Испаніи. Въ слѣдствіе сего, снудикъ Андорскій, донъ Хозе Рикарь потребовалъ удаленія изъ Андорры Карлистовъ, и объявилъ, 9-го Іюля, что прекращаетъ съ ними всѣ сношенія.

ПОРТУГАЛІЯ.

Дѣла приходятъ здѣсь въ благопріятное положеніе — столица спокойна, и правительство успѣло заключить условіе съ банкомъ Confiança, на заемъ 12,000 ф. ст. — Впрочемъ, уже восемь мѣсяцевъ, по многимъ отраслямъ правленія прекращены жалованья, за недостаткомъ денегъ.

Важнѣйшая новость состоитъ въ томъ, что ужасный предводитель Мигуэлистовъ, *Ремешидо*, наконецъ погибъ. Генераль Фонтуря наступилъ его 27-го Іюля близъ Вилла-Гюна; 800 человекъ, составлявшихъ отрядъ его, были разогнаны, и Ремешидо схваченъ, отвезенъ въ Фаро и разстрѣлянъ 2-го Августа. Настоящее имя его было Хозе Іоахимъ де Суза Рейсъ. Онъ родился въ 1795 году, въ Эстамбаръ, въ Алгарвіи, предназначался въ духовное званіе, но отказался отъ него, женился, и жилъ весьма достаточно въ Бартоломео де Мессинезъ. Послѣ изгнанія Дона Мигуеля, онъ объявилъ себя его вице-роемъ, и нѣсколько лѣтъ противился королевской власти, ведя партизанскую войну въ горныхъ областяхъ южной Португаліи. Передъ смертью изъявилъ онъ совершенное раскаяніе, и писалъ къ сыну, чтобы онъ прибѣгнулъ къ законной власти и не слѣдовалъ папубному примѣру отца.

ШВЕЙЦАРІЯ.

Въ слѣдствіе производившагося въ Парижѣ суда надъ поручикомъ Лети, Французское Правительство потребовало высылки изъ Швейцаріи Принца Лудо-

вика Наполеона Бонапарте, какъ питающаго безумные замыслы возмутить Францію, и снова возвести на престолъ Французскій династію Наполеона. Отецъ его Людовикъ формально отрекается отъ всякихъ сношеній съ этимъ безразсуднымъ возмутителемъ общественного порядка, мечтающимъ о предпріятіяхъ несбыточныхъ и вредныхъ. Принцу теперь тридцать лѣтъ; онъ родился въ 1808 году.

ГРЕЦІЯ.

Повелѣніе Короля, въ слѣдствіе котораго Греція раздѣляется на 24 губерніи и 7 областей, уже обнародовано, и съ 13-го Іюля будетъ приведено въ исполненіе. Губерніи сіи суть слѣдующія: Аргонда, Идра, Коринѳіа, Ахайа, Кинети, Илиа, Трифилліа, Мессенія, Мантинел, Гортинія, Лакедемонія, Лаконія, Этоліа, Акаранія, Эвританія, Фокида, Флотіа, Атика, Віотія, Эвбея, Типо, Сиро, Наксосъ и Тира. Новые губернаторы, за исключеніемъ четырехъ, имѣли уже губернаторское званіе и прежде; публика вообще довольна выборомъ губернаторовъ, и можно сказать, что это самыя ревностныя и честныя чиновники.

Военный Департаментъ также подвергся нѣкоторымъ перемѣнамъ въ составъ арміи. Королевскимъ повелѣніемъ постановлено, чтобы пѣхота, вмѣсто прежнихъ 8-ми батальоновъ, состояла изъ 6-ти, въ томъ числѣ 3 линейныхъ и 2 егерскихъ, а конница, вмѣсто 6-ти эскадроновъ, дѣлилась на 4. Вскорѣ будутъ обнародованы повелѣнія о преобразованіи другихъ войскъ, и такъ при томъ, чтобы съ уменьшеніемъ государственныхъ расходовъ соблюдены были и выгоды служащихъ въ арміи.

Сокращеніе издержекъ, которое должно произойти отъ различныхъ ограниченій, введенныхъ уже въ

государственной службѣ, равно и отъ тѣхъ, какія будутъ приняты въ нѣкоторыхъ другихъ отрасляхъ государственныхъ расходовъ, простирается до 3,500,000 драхмъ ежегодно; эта сумма принесетъ значительное пособие казнѣ государства, столь еще бѣднаго, какъ Греція.

Изъ разныхъ внутреннихъ провинцій получены благоприятныя извѣстія, что тамъ теперь все спокойно. Шайка разбойниковъ, тревожившая за нѣсколько времени Эютиду, и состоявшая изъ 28 человекъ, подъ предводительствомъ капитана Араписа, совершенно уничтожена, и нѣсколько дней уже не слышно ничего о новыхъ покушеніяхъ грабителей, которые не переставали беспокоить нѣкоторые мѣста.

Совершенное согласіе существуетъ между Оттоманскимъ и Греческимъ Правительствами, въ дѣйствіяхъ ихъ противъ грабежей на Румелійской границѣ. Вотъ письмо Македонскаго Мушира къ Губернатору Эютиды, которое служитъ доказательствомъ успѣховъ, какіе сдѣланы въ дружественныхъ сношеніяхъ обонхъ государствъ, и въ то же время показываетъ человѣколюбіе и возвышенность мыслей, обнаруживающія въ Мустафѣ Нури Пашѣ одного изъ замѣчательнѣйшихъ сановниковъ Оттоманской Имперіи.

Губернатору Эютиды и Локриды.

Три Грека участвовали съ минушаго Февраля мѣсяца въ шайкѣ грабителей, которая удалась въ предѣлы Оттоманскихъ владѣній; преслѣдуемые нашими войсками, они отдались на произволъ начальства, умоляя о помилованіи и пощадѣ.

Повинуясь голосу человечества, и уважая права народовъ, мы простили ихъ, и приказавъ отправить ихъ подъ прикрытіемъ, передаемъ виновныхъ, какъ подданныхъ Греціи, въ ваше распоряженіе, чтобы вы, по своему усмотрѣнію, поступили съ ними, какъ сочтете приличнымъ.

Мы пользуемся настоящимъ случаемъ, чтобы выразить вамъ, Губернаторъ, чувства нашей чистосердечной дружбы и нашей прямоты въ отношеніи къ правительству Е. В. Короля Греціи, равно и личнаго уваженія нашего въ вашей особѣ.

Въ *Яннитъ*, 16-го Іюня 1838.

Визирь *Мустафа Нури Паша*.

Общественное здоровье въ Греціи удовлетворительно; только дѣти сильно страдаютъ, и даже умираютъ отъ поноса, что преимущественно должно приписать недостаточному способу пользованія. Жаръ здѣсь нестерпимый; средняя температура въ тѣни обыкновенно бываетъ до 23° по Р. Въ поляхъ все высохло, и вовсе почти не видно наѣкомыхъ, которые скрылись отъ жару и пыли. Фруктовъ почти нѣтъ.

25-го Іюня, въ высокаторжественный день рожденія Его Величества Государя Императора, принесено было на стоящемъ въ Аоннахъ Русскомъ кутерѣ Легкій, въ присутствіи всего экипажа, благодарственное молебствіе Господу Богу. Въ 11 часовъ утра, Пирейскій портъ и Саламинъ огласились салотационными выстрѣлами со всѣхъ судовъ, которыя, еще съ 8-ми часовъ, украсились разноцвѣтными флагами. Въ 12 часовъ, командиры всѣхъ находящихся въ портѣ судовъ пріѣзжали поздравить капитана кутера Легкій со всерадостнѣйшимъ днемъ рожденія Россійскаго Императора. После того, командиры иностранныхъ судовъ, равно и всѣ лица, занимающія отдѣльныя мѣста въ Пиреѣ, и пребывающіе тамъ Русскіе, были угощены на кутерѣ обѣденнымъ завтракомъ. Имя Государя Императора произносится въ Греціи съ особеннымъ почтеніемъ всѣми иностранцами, и преимущественно Греками, которые всею душою привязаны къ Его Величеству, и благоговѣютъ предъ однимъ именемъ

нашего возлюбленнаго Монарха. Тосты въ честь Августѣйшаго Виновника настоящаго торжества были съ восторгомъ принимаемы всѣми присутствовавшими. Вечеромъ на кутерь, освѣщенномъ фалшивейерами, сожженъ былъ фейерверкъ.

Турція.

Юля 2-го, Султанъ былъ опечаленъ смертью второй своей дочери, принцессы Миримы (Mihrima), бывшей въ замужствѣ за сераскиромъ Сандъ - Пашею. Полагаютъ, что невѣжество Турецкихъ врачей, не смѣвшихъ рѣшиться на кровопусканіе, было причиною ея смерти. Султанъ вызываетъ теперь двухъ отличныхъ врачей изъ Вѣны. Имъ дано будетъ званіе Лейбъ - Медиковъ и по 6000 гульденовъ жалованья, которое черезъ десять лѣтъ обращается въ пенсію.

Турецкій флотъ подъ начальствомъ великаго адмирала Ахметъ-Фецци Паши началъ обыкновенное свое плаваніе въ Архипелагъ 28 Юля. Онъ состоитъ изъ 5 лин. кораблей, 7 фрегатъ, 4 бриговъ и го-леттъ и 1 парохода. Въ Царьградѣ оставались кромѣ того 3 лин. корабля, 1 фрегатъ, 2 корветы и 2 куттера. Въ арсеналъ тамошнемъ находится еще разнащенныхъ 2 фрегата, 2 корветы, и нѣсколько мелкихъ судовъ.

Четыре лекаря, вызванные Султаномъ изъ Германіи, для управленія карантинными, прибыли въ Царьградъ. Язва тамъ совершенно прекратилась.

По повелѣнію Султана Совѣтъ Министровъ занмается теперь дѣятельно сводомъ Оттоманскихъ законовъ, и многія части его уже совсѣмъ окончены.

Въ Турецкой газетѣ 6-го Юля напечатанъ уставъ Совѣта сельскаго хозяйства и промышленности, учре-

жденнаго Султаномъ подъ предсѣдательствомъ Нури-Эффенди.

Нѣсколько пожаровъ было въ послѣднее время въ Царьградѣ. Юля 7-го въ Вефа-Мейданѣ выгорѣло до 300 домовъ.

Азія.

Сколько можно понять изъ противорѣчащихъ извѣстій, Ибрагимъ въ Сиріи успѣлъ разогнать Друзовъ, но возстаніе ихъ еще далеко не утихло. Въ кровопролитной битвѣ близъ Лесдиги, въ половинѣ Юня, Друзы были на голову разбиты, но дрались упорно, и Египтяне потеряли около 3000 убитыми и ранеными. Друзы перерѣзали потомъ Египетскій полкъ въ Балбекѣ. Ибрагимъ самъ поспѣшилъ туда, и разбилъ ихъ снова, но только послѣ упорнаго сраженія.

Англійская эскадра отправилась изъ Бомбей въ Персидскій заливъ, для защиты Англійской торговли въ Буширъ и на Каракъ отъ какихъ-то притѣсненій. — Въ Синдѣ Англичане будутъ имѣть отнынѣ двухъ резидентовъ. Полковникъ Поттингеръ заключилъ съ Гайдеръ-Абатскими владѣльцами торговый и оборонительный договоръ, обязавъ ихъ защитѣ противъ Ренджитъ-Синга.

Изъ Индіи продолжаютъ извѣстія о жестокомъ голодѣ, опустошающемъ Бенгалъ. Въ Агрѣ, въ половинѣ Апрѣля, до 80,000 человекъ получали содержаніе отъ Правительства. По волнамъ Джуммы и Гангеса плаваютъ такое множество мертвыхъ тѣлъ, что Европейцы перестали употреблять воду изъ сихъ рѣкъ и не ловятъ въ нихъ рыбы.

По ревизіи, въ Январѣ сего года, въ Калькуттѣ находилось 229,714 жителей (144,911 муж. и 84,803 женскаго пола). Въ томъ числѣ было 137,651 Ин-

дѣйцовъ высшихъ, и 19,084 низшихъ кастъ, 58,744 Музульманъ, 4746 Американцевъ, 3181 Португальцовъ, 3133 Англичанъ, 636 Армянъ, 160 Французовъ, 362 Китайцевъ, 307 Жидовъ, 49 крещенныхъ Индѣйцевъ, и 1661 Монголовъ и Татаръ, Буддѣйской вѣры.

АФРИКА.

Часть Каира опустошена сильнымъ пожаромъ, продолжавшимся съ разстановками, три дня, съ 21-го Июля. Полагаютъ, что пожаръ произошелъ отъ поджигательства. Множество домовъ притомъ разграблено. Мегеметъ-Али велѣлъ строить дома вновь по правильному плану, и выдаетъ жителямъ пособія на постройку.

Изъ Сеннаара привезли въ Александрію образчики золотой руды, присланной тамъ въ большомъ количествѣ.

Восмидцать тысячъ работниковъ заняты теперь устройствомъ желѣзной дороги изъ Каира въ Суецъ; болѣе нежели на 30-ть миліоновъ рублей желѣзныхъ рельсовъ закуплено Мегеметомъ-Али въ Бирмингамъ, и большая часть ихъ привезена въ Египеть.

Прибыль воды въ Нилѣ оказалась нынѣ весьма большая, и это общаетъ богатую жатву Египту. Египетскій флотъ состоитъ теперь изъ 9 лин. кораблей, 5 фрегатовъ, 5 корветовъ, 6 бриговъ и голеть и 1-го парохода.

Посланникъ Султана Османъ-Бей отправился изъ Туниса, недовольный скупостью Бей, который поднесъ ему весьма незначительный подарокъ. Бей продолжаетъ неудовольствія съ Французами. Эскадра Французская, стоявшая передъ Тунисомъ, усилена.

Слухи о неудачѣ Абдъ-Эль-Кадера во внутреннихъ областяхъ Африки, кажется, увеличены. Дѣло

въ томъ, что онъ отправился на сильный городъ Айнь-Майдехъ, находящійся на прекрасномъ и богатомъ оазисѣ, далеко въ пустыняхъ. На утомленное походомъ войско его напали въ располкъ, и принудили его поспѣшно отступать, съ большою потерею. Говорили послѣ того, что самъ Абдъ-Эль-Кадеръ былъ убитъ при отступленіи, но это еще недостоверно.

О войнѣ съ Кафрами получены извѣстія неприятныя: Кафры совершенно раззорили колонію въ Портъ-Наталъ, и прогнали оттуда колонистовъ.

— Принцъ Фридрихъ, остававшійся въ Капъ, былъ принятъ съ величайшимъ восторгомъ старыми колонистами, которые вполнѣ еще Голландцы, хотя и находятся уже болѣе 20-ти лѣтъ подъ владычествомъ Англичанъ.

АМЕРИКА.

Лордъ Дургамъ объѣзжаетъ Канаду, и повсюду встрѣчаютъ его съ надеждою и радостью. — Толпа бунтовщиковъ была разбита на озерѣ Эріо. За нимънемъ новостей, журналы рассказываютъ теперь диковинки о *Джонсонѣ*, изображалъ его какимъ-то таинственнымъ корсеромъ, въ родѣ Куперовскихъ героевъ. Пишутъ, что никто не знаетъ, гдѣ онъ живетъ и откуда является внезапно; что онъ всегда ходитъ и спитъ съ пистолетами; что онъ великачъ ростомъ и красивъ собою; что у него дочь совершенная красавица, 18-ти лѣтъ, амазонка безстрашная, которая одна плаваетъ въ лодочкѣ по озерамъ и рѣкамъ, и проч. и проч. — Осужденныхъ на изгнаніе бунтовщиковъ отправили на Багамскіе острова; другіе поступили въ каторжную работу. Съверо-Американское Правительство оказываетъ всякія по-

собія Лорду Дургаму. Папино съ женою явился въ Альбани.

Сѣверо - Амер. Штаты признали К. Форбеса въ качествѣ вице-консула Техасскаго въ Нью-Йоркѣ. — Конгрессъ закрылъ свои засѣданія до 1-го Декабря. По опредѣленію его, вмѣсто 4500 человекъ, войско Штатовъ увеличивается до 12,000. Передъ закрытіемъ Конгресса, многіе члены его требовали настоятельно разграниченія предѣловъ съ Англіею, но это дѣло опять оставлено впредь до рѣшенія.

Слухъ о смерти доктора Франціи не подтверждается. По крайней мѣрѣ, Бонпланъ пишетъ изъ Корріентеса отъ 28-го Марта, и ничего объ этомъ не говоритъ.

Мая 9-го, Чилийскій флотъ заблокировалъ Перуанскій портъ Каллао.

О смятеніяхъ въ Гватималѣ пишутъ, что ихъ произвелъ нѣкто Каррера, вступившій въ Новую Гватималу съ 2000 человекъ, 24-го Февраля, при чемъ убитъ былъ вице-президентъ республики Салазаръ. Каррера послѣ того прогнали, но онъ укрылся въ Санта-Розѣ. Никарагуа и Гондурасъ потребовали потому независимости отъ Гватимальскаго союза.

На островѣ Тринидадѣ возмутились Негры, но генераль-капитанъ Эспелета усмирилъ ихъ, и двѣсти человекъ осуждено было имъ послѣ того на казнь и разныя наказанія.

Бразильскіе инсургенты, въ началѣ Іюня, напали нечаянно на Императорскія войска, подъ предводительствомъ Бенто Манозеля и Бенто Гонзалвеса, близъ Рио-Пардо, и успѣли разбить отрядъ ихъ. Но потомъ уступили превосходной силѣ, и спаслись только бѣгствомъ.

Двадцать два человека отданы были подъ судъ, по поводу покушенія на жизнь Гаитскаго генерала

Энжинака. *Деятеро* изъ нихъ осуждены на смерть. Энжинакъ выздоравливаетъ.

Ссора Франціи съ Буэносъ - Айресомъ, кажется, скоро окончится миромъ. Блокада стѣсняетъ жителей, и къ Адмиралу Леблану въ Рио-Жанейро прислали уже просить о началѣ переговоровъ. Депутату Заратеа поручено предложить посредничество Бразиліи. Блокада Французская нанесла большой вредъ власти Буэносъ-Айрескаго президента Розаса, котораго обвиняютъ во всехъ вредныхъ слѣдствіяхъ упорства его удовлетворить требованіямъ Франціи.

Но блокада Мексики едва ли не будетъ имѣть дальнѣйшихъ послѣдствій. Мексиканское Правительство нейдетъ ни на какія условія. Начальникъ Французской эскадры, капитанъ Базошъ, хотѣлъ было приступить къ осадѣ Вера-Круза, но измѣнилъ намѣреніе, по трудности мѣстоположенія и недостатку средствъ. Онъ жаловался потому, что его обошли при производствѣ чиноомъ, и дѣйствовалъ нерышительно. Кажется, Король не одобряетъ его поступковъ. Выше мы уже упоминали, что изъ Франціи отправляютъ корабли для усиленія эскадры. Извѣстный Бодень назначается ея начальникомъ. Число Французскихъ кораблей у Мексиканскихъ береговъ состояло до сихъ поръ только изъ двухъ фрегатовъ, 4-хъ большихъ и 4-хъ малыхъ бригговъ, но они захватили однакожъ до половины Іюня уже около 30-ти кораблей, съ грузомъ на два милліона франковъ. Мексиканцы полагаютъ, что жаркое время заставитъ Французовъ удалиться, ибо по нездоровому климату прибрежному во время лѣта, пребываніе ихъ у береговъ можетъ быть для нихъ пагубно. Этого однакожъ не сдѣлалось. Между тѣмъ, главное бѣдствіе Мексики можетъ произойти не отъ самой блокады, но отъ того, что она будетъ поводомъ къ внутрен-

нимъ междоусобіямъ. Въ Табаско уже явно возстаютъ жители, и президентъ Бустаменте со страхомъ видитъ новое подвѣшеніе Лопеза Санта-Анна на попріищѣ политической дѣятельности. Этотъ Мексиканскій генераль, соперникъ Президента, потерявшій всю довѣренность Мексиканцевъ послѣ неудачи и пѣдна въ Техасѣ, снова началъ свои интриги. Сенатъ Мексиканскій находится въ нерѣшительности и смутеніи. Сѣверные Штаты Америки и Англія поддерживаютъ строжайшій нейтралитетъ между Франціею и Мексикою, и все это можетъ обезпечивать успѣхъ Французовъ, которые хотятъ между тѣмъ дѣйствовать рѣшительно.—Кажется, что послѣ этого участь Техаса будетъ опредѣлена, и независимость сей области утвердится. Мексиканскій союзъ едва ли найдетъ силы покорить себѣ эту сосѣдку Сѣверо-Американскую, самую обширную, самую многочисленную область изъ Мексиканской федераціи, и наполняемую непрерывными колоніями Европейцевъ.

Некрологъ.

Донъ Павло Морильо, Графъ Картахенскій, Маркизь дѣла Пуэрта, одинъ изъ замѣчательныхъ дѣйствователей въ 1808 году, потомъ столь упорно отстаивавшій Испанію Южную Америку, съ 1815-го по 1820 годъ, герой и бѣглець, вельможа и изгнанникъ—умеръ въ Мадридѣ.

Докторъ Маршманъ, знаменитый хинологъ Англійскій, умеръ въ Серампурѣ, 5-го Декабря, прошлаго года. Съ 1799 года былъ онъ миссіонеромъ въ Индіи и Малайскихъ земляхъ.

Баронесса Шоппентауеръ, известная писательница Нѣмецкая и другъ Гете, умерла въ Іенѣ, 17 Апрѣля. Она родилась въ 1770 году. Сочиненія ея составляли еще въ 1834 году 24 тома.

Дюлонъ (Dulong), членъ Французскаго Института, памятный многими открытіями въ химіи и физикѣ инспекторъ Политехническаго Училища въ Парижѣ, сконч. 19 Іюля, на 53 году.

С. Польтеней Малькольмъ, Англійскій адмираль, сконч. въ Истѣ-Лоджѣ, 20 Іюля.

Фридерикъ Кювье, братъ знаменитаго Кювье, известный естествоиспытатель, умеръ въ Страсбургѣ, на 74 году.

Баронъ Геккеренъ, губернаторъ Нидерландскихъ колоній въ Южной Америкѣ, умеръ въ Курассао, 8 Іюля.

Графъ Реедъ, Нидерландскій ген. лейт. и Баронъ Константъ-Ребекъ-Вилларъ, ген. отъ инф., бывший начальникъ штаба въ войнѣ 1831 года, сконч. въ Гагѣ, оба 12 Августа (послѣдній 89 лѣтъ отъ рожденія).

Баронъ Юмъ, племянникъ историка Давида Юма, и авторъ книги о Шотландскомъ уголовномъ правѣ, умеръ въ Эдимбургѣ, 82 лѣтъ.

Адалъбертъ Шамиссо, ученый путешественникъ и поэтъ, сконч. въ Берлинѣ, 21 Августа. Онъ род. въ 1781 г., и совершилъ плаваніе вокругъ свѣта на Русскомъ кораблѣ, съ капитаномъ Коцебу.

ОЧЕРКИ ШВЕЦИИ *

Скандинавский полуостровъ, заключающій въ себя *Королевство Шведо-Норвежское*, простирается отъ сѣвера къ югу, между 55—71° сѣв. широты. Поверхность его составляетъ до 6,600 Шведскихъ квадр. миль. Къ материкъ Европы прикрѣпленъ онъ Лапландскимъ перешейкомъ, простирающимся отъ Торнео до Нордъ-Кейна—самаго сѣвернаго угла Европы. Море Балтійское, Море Сѣверное, или Нѣмецкое, и Ледовитое Море, омываютъ Скандинавію; Орелундъ отдѣляетъ ее отъ Зеландіи. Швеція образуетъ въ сей южную и восточную часть, а Норвегія, болѣе гористая, западную и самую сѣверную. Самый западный край Швеціи находится близъ Стромстада (28° 49' 2"), а самый восточный при устьѣ рѣки Торнео (51° 49'). Главная цѣпь Скандинавскихъ горъ въ Норвегіи. Эти горы дѣлятъ полуостровъ на двѣ неравныя части, или говоря вѣрнѣе, образуютъ все западное поморье, прорытое глубокими заливами и множествомъ малыхъ гирлъ, углубляющихъ

* Мы представимъ подъ этимъ названіемъ читателямъ нашимъ рядъ блестящихъ картинъ географіи, этнографіи и исторіи Шведской. Сочинитель ихъ *Гейеръ*, знаменитый современный литераторъ Шведскій. Онъ издалъ превосходную исторію своего отечества, и въ его «Очеркахъ» наука освѣщается поэзіею взгляда и выраженія, какъ и въ исторіи его.

ся далеко внутрь земли. Главная горная цѣпь направляется къ востоку между 62—63°. Почти посреди дуги, ею образуемой, возвышается гора Довре. Долго полагали, что самыя высокія горы находятся на этой части цѣпи, но новѣйшія наблюденія показали, что онѣ ближе къ морю. Довре соединяется съ горами Далекарійскими, близъ Шведскихъ границъ. Начиная отсюда, горная цѣпь принимаетъ названіе Кіелень, и направляется на С. С. З. Покатость ея въ Норвегіи, къ западу, весьма крута. Видъ сихъ горъ, кажется, возвышающихся здѣсь изъ нѣдръ морл, представляетъ зрѣлище обширнѣйшаго архипелага, между тѣмъ, какъ во внутренность земли горы, менѣе возвышенныя, упираясь въ Кіелень, постепенно уменьшаютъ высоту, идя къ Лапландіи, и въ другія сѣверныя Шведскія области, гдѣ изъ нѣдръ ихъ вытекаютъ великія рѣки Норландскія, орошающія дикія долины и впадающія въ Балтійское море. Вестроботнія отдѣляется сими рѣками, и цѣпью высотъ, параллельною Ботническому заливу, отъ Лапландіи, а Медельпадія отъ Эмтландіи. Ботническая параллельная цѣпь замѣчательна, какъ самое дикое и бесплодное мѣсто, даже и въ сѣверной части Швеціи. Съ другой стороны ея, климатъ Лапландіи гораздо умѣреннѣе. Когда переѣзжаете сіи горы, образующія западную грань Медельпадіи, передъ вами склоняется Эмтландія, вокругъ озера Сторсена, и образуетъ одну изъ самыхъ веселыхъ и плодородныхъ долинъ, какія только можно увидѣть въ сей сѣверной сторонѣ.

Не всегда можно судить по теченію рѣкъ, какія суть самыя возвышенныя части земли, и потому прежде ошибочно думали, что крайній сѣверъ, гдѣ дѣлится Швеція съ Норвегіею, занимаетъ та же цѣпь горъ. Эта цѣпь раздѣлена островами, заливами и

полуостровами Финмарка, и оканчивается на северной оконечности Европы въ морѣ, подлѣ котораго видна самая главная высота ея. Рѣки Альтенъ и Та-на берутъ направленіе также къ этому морю, но онѣ текутъ въ долинахъ и проходахъ, болѣе и болѣе узкихъ и глубокихъ. Ошибочно также полагать, что цѣпь горъ дѣлитъ повсюду Швецію отъ Норвегіи; этого нѣтъ на югѣ въ горахъ Далекарлійскихъ. Вермеландія занимаетъ ту же долину, гдѣ находится часть прилежащей къ ней Норвегіи, и здѣсь-то рѣка Клара и многія другія Вермеландскія рѣки берутъ свое начало. Глумень, обильными водами пролагающій путь въ озеро Веннерское, чрезъ рывтины, болѣе или менѣе обширныя, заливаешь иногда свое побережье подлѣ Конгсвингера, въ Норвегіи.

Тамъ, гдѣ высокія горы соединяются съ Довре, подлѣ предѣловъ Швеціи и Норвегіи, находится самая высокая обитаемая точка полуострова. Жители здѣшніе питаются работою своею въ рудникахъ Рорааскихъ. Многія изъ большихъ рѣкъ сей области начинаются здѣсь въ горахъ, а именно: Глумень и Клара, текуція въ Каттегатъ; Лейсанъ и Лунганъ, направляющіяся къ морю Балтійскому; Неа и Гуль, впадающія въ Западное море. Другія значительныя цѣпи горъ соединяются здѣсь въ одну точку. Направляющаяся къ Балтикъ, между Эмландомъ и Гередалеомъ, кажется, самая главнал изъ нихъ. Замѣчательныя горы середины Швеціи идутъ также отъ горъ Далекарлійскихъ, уменьшаясь непрерывно, въ направленіи къ Ю. В. Двѣ цѣпи, образуемыя ими, дѣлятъ, одна Вестманнію отъ Далекарліи, другая Вермеландію отъ Нерици. Такимъ образомъ, съ сѣвера и съ запада огибають оное озеро Маларенъ и Гельмаренъ. На югѣ сія долина оканчивается другою цѣпью горъ, кои суть

Колмарденскія, идущія отъ северной оконечности Веттема, и простирающіяся до озера Венемскаго. Эта цѣпь дѣлитъ Швецію на двѣ части, которыя назывались прежде Свѣрною и Южною стороною великаго лѣса (Nordanskog, Sunnanskog). На югѣ отъ Тейведена, горы склоняются до озера Вейкена въ области Скараборгъ, гдѣ образуютъ онѣ уже цѣпи небольшихъ холмовъ, футовъ по 300 вышиною. Эти цѣпи огибають лѣвый берегъ Венема; на югѣ отъ этого озера онѣ дѣлятся, возвышаются, и образуютъ гористую Смоландію, самую высокую область Готаландіи. Ограничивая самыя южныя приморскія страны, прежде принадлежавшія Даніи, онѣ дѣлятъ старую Швецію отъ новой, какъ до сихъ поръ говорятъ обитатели сихъ разныхъ областей.

Горы южной Европы далеко превосходятъ вышиною Шведскія горы. Но сіи послѣднія замѣчательны своимъ особеннымъ устроивствомъ. Тамъ — гранитъ, или, правильнѣе, гранитныя первобытныя скалы, возвышаются высокими гребнями, будучи совершенно закрыты скалами позднѣйшаго образованія. Здѣсь, напротивъ, гранитныя скалы находятся совершенно открыты повсюду, образуютъ почти коническія формы горъ, и составляютъ основу долинъ. На морскихъ побережьяхъ, утесы, непрерывно поражаемые волнами, разламываются въ глыбы, и образуютъ, или камни, коими усыяны приморья, или, отдѣльныя въ громадныхъ массахъ, составляютъ острова, полуострова и многочисленныя заливы. Самые громадные изъ такихъ обломковъ находятся подлѣ береговъ Норвежскихъ, болѣе нежели подлѣ Шведскихъ, но они одной породы, образуя собою и берега Сканин, менѣе возвышенныя и позднѣйшаго образованія. Въ этомъ-то об-

разованіи, на великомъ протяженіи побережьевъ, находятся богатые желѣзные руды, которыя составляютъ иногда собою цѣлыя горы, и выходятъ наружу, какъ - то въ горы Табергъ въ Смоландіи и Гелливаря въ Лапландіи. Онѣ нескрываются здѣсь, какъ въ другихъ земляхъ, въ глубину утесовъ, но разсыпаются даже по низменнымъ областямъ. Такъ желѣзные руды образуютъ въ плоскихъ возвышенностяхъ Упландіи, Вестманніи и Вермеландіи родъ пояса вкрестъ Свеа. Если характеръ такого пониженія возвышенностей, какъ признакъ первобытнаго образованія Шведскихъ земель, удобнѣе передаетъ богатства, въ недрахъ ихъ заключающіеся, съ другой стороны, онѣ вредитъ плодородію почвы, болѣе неблагоприятной, нежели въ земляхъ южныхъ. Въ Швеціи особенно, естественныя испытатели могутъ увидѣть, и часто на небольшомъ пространствѣ, какое вліаніе имѣетъ геологическое образованіе на произрастаніе и обиліе земель. Почва Швеціи есть небольшой слой растительной земли, лежащій на первообразномъ гранитѣ, и даже иногда на гранитномъ пескѣ, и обыкновенно весьма неплодородный. Нѣкоторыя области едва составляютъ исключеніе изъ общаго правила. Но должно прибавить, что въ нихъ видимъ образованіе перехода, самое древнее послѣ первобытнаго. Области сіи находятся въ окрестностяхъ большихъ озеръ. Почти единственная, Скандіи представляетъ слѣды образованій болѣе новѣйшихъ и болѣе способныхъ къ прозбаінію. Между тѣмъ, въ Швеціи находятъ слѣды обработки весьма древней, даже въ областяхъ наименѣе благопріятствуемыхъ природою. Шведскій земледѣлецъ осужденъ на работу тяжкую, и только послѣ тягостныхъ усилій пріобрѣтаетъ посредственную жатву. Но, по крайней мѣрѣ, хлѣбъ, собираемый

имъ, чище, нежели въ другихъ земляхъ, гдѣ болѣе обильная почва благопріятствуетъ произрастанію бесполезныхъ травъ. Не жалуясь на свою участь, Шведскій орастъ долженъ убѣдиться въ необходимости труда, продолжать работу своего предка, радоваться постепеннымъ успѣхамъ Шведской промышленности, и видѣть, что физическое существованіе обитателей Швеціи зависитъ всего болѣе отъ нравственной силы, которая составляетъ главное ручательство за независимость народа.

Мы сказали, что большая часть береговъ Скандинавіи окружена утесами и изрыта гаванями, гдѣ разбиваются о побережья бѣшенныя волны моря. Здѣсь мореплавателю, укрытый отъ бурь, не страшно уже быть брошеннымъ на тройныя скалы Ютландіи, столь часто покрытыя обломками кораблей послѣ бурь. Пройдя проливъ Оресундъ, видите соединеніе Балтики съ Сѣвернымъ моремъ. Но между тѣмъ воды Балтики возвышеннѣе, ибо въ нихъ содержится въ четверо менѣе соли, и потому онѣ легковѣснѣе. Сѣверное море, одинъ изъ обширныхъ заливовъ океана, составляетъ площадь около 3,400 Шведскихъ квадратныхъ миль. Оно представляетъ менѣе опасностей, волны его не столь слитны, и по берегамъ его порты удобнѣе къ доступу въ нихъ. Здѣсь нѣтъ тѣхъ приливовъ, которые видите едва проплывши Каттегатъ. Но въ бурное время, воды поднимаются и понижаются неправильно, иногда на два фута въ сутки; теченія здѣсь весьма измѣнчивы, хотя и не столь смѣльны, какъ въ Атлантическомъ океанѣ вообще.

Прежде думали, что воды въ обонхъ моряхъ, подлѣ береговъ Швеціи, подвержены измѣненію, или, лучше сказать, постоянному пониженію. По сравнительнымъ наблюденіямъ, Андрей Цельзій полагалъ, что

можно опредѣлить даже это пониженіе двумя аршинами Шведскими въ 25-ть лѣтъ. Далннѣ заключилъ изъ того, что въ началѣ нашего лѣтосчисленія, воды морей Шведскихъ были 39-ю аршинами выше нынѣшней ихъ поверхности. На такомъ предположеніи написалъ онъ свою древнюю исторію Шведскую. Это жестоко критиковали и богословы и историки. Нынѣ бесполезно было бы опровергать вычеты Далиновы.

Но мнѣнія о причинахъ пониженія водъ, кажется, еще раздѣлены. Выводы, извлекаемыя изъ настоящаго порядка природы и великихъ измѣненій ея въ древности, кажется, еще болѣе затемнили вопросъ, ибо слѣды одинаковаго явленія находятъ и въ другихъ земляхъ. Для изъясненія перемѣнъ, во время предходящее вслкому бытію человѣческому, надежало бы взойти къ эпохѣ весьма отдаленной, когда человѣкъ не былъ еще на землѣ, а землѣ, испытывая первобытныя силы свои, переходила черезъ вслкіе періоды своего образованія, или дни творенія.

Въ Швеціи нѣтъ, какъ въ Сибири и Америкѣ Сѣверной, окаменѣлыхъ допотопныхъ млекопитающихъ, столь часто тамъ находимыхъ. Здѣсь находятъ только древнія, и мало развитыя окаменѣлости, но за то въ количествѣ болшемъ, нежели гдѣ либо въ другихъ земляхъ. Горы переходнаго образованія въ Эмтландіи, Далекарліи, Вестротіи, Остротіи, Готландѣ, Оландѣ, Скани, подтверждаютъ сіе мнѣніе. Съ изумленіемъ видятъ, напримѣръ, на горѣ Киннекулле, величайшее количество окаменѣлыхъ раковинъ, и такъ плотно сложенныхъ одна съ другою, что можно подумать, не вся-ли эта гора есть составъ изъ нихъ? Безъ сомнѣнія, онѣ происхожденія древнѣе человѣ-

ческаго. Изъ того, что нигдѣ не нашли окаменѣлостей человѣческихъ, заключили, что родъ человѣческой явился послѣ совершенія всѣхъ великихъ измѣненій земли. Но всѣ преданія народовъ подтверждаютъ, что земля имѣла нѣсколько разновременныхъ переворотовъ, и послѣдній былъ тогда, когда уже человѣкъ обиталъ на ней. Память этого переворота сохранилась у Халдеевъ, Египтянъ, Грековъ, Персовъ, Индѣйцовъ, Китайцовъ, Американцовъ. Скандинавская мифологія также повѣствуетъ, что свѣтъ былъ потопленъ въ крови страшнаго исполина Имера, и что боги изъ этой крови создали моря. Часть рода человѣческаго испытала, слѣдственно, гибель, отъ коей спаслась другая часть, а безъ сего невозможно было бы пояснить, какимъ образомъ преданія о томъ сохранились. Не могли открыты, гдѣ жили сіи погибшія племена первобытныхъ людей, и можетъ быть, жилища ихъ поглощены моремъ. Въ Сибири и въ среднѣй Европѣ оцутились въ землѣ, въ слѣдствіе сей революціи, растенія и животныя южныя, и это сопровождалось мгновеннымъ охлажденіемъ въ сѣверныхъ странахъ. Въ Скандинавіи встрѣтилъ сей переворотъ природу не столь развитую, и менѣе населенную большими животными. Обломки гранита, отдѣленные и разбросанные по долинамъ, суть очевидныя памятники великаго наводненія Швеціи. Такіе-же обломки, находящіеся въ южной Германіи, переброшены туда, можетъ быть, изъ Швеціи. Кажется, ихъ распространило повсюду водою и льдами. Памятники сего древняго свирѣпства стихій, безъ сомнѣнія, состоятъ въ великихъ пещаныхъ полосахъ, пролегающихъ по Швеціи отъ сѣвера къ югу, и въ этихъ круглыхъ камняхъ, которые, кажется, обтерты водами, и лежатъ подлѣ многихъ цѣпей горъ.

Волны морскія опустошали обитаемая нынѣ части Европы. Въ нѣсколькихъ сотняхъ футовъ надъ нынѣшнею поверхностью моря, находить въ юго-западныхъ берегахъ Крыма множество укрѣпленныхъ въ нихъ желѣзныхъ колець: нѣкогда были они вровень съ Чернымъ моремъ, что доказываютъ и остатки окрестъ нихъ устричныхъ раковинъ. Очевидно, сіи кольца служили для причала судовъ, когда вода была къ нимъ близка, и какъ полагають жители тамошнихъ мѣстъ. Такіе же кольца находятъ въ отвѣсныхъ скалахъ горы Гемуса, къ сторону Дунайской долины. Кромѣ сихъ слѣдовъ, геологическія наблюденія подтверждаютъ также, что было время, когда уровень Чернаго Мора былъ выше нынѣшняго, и, безъ сомнѣнія, это море было тогда соединено съ Каспійскимъ и Аральскимъ, простираясь во внутренность Венгрии. Все это должно было быть прежде нежели волны его излились черезъ Босфоръ, соединились съ Средиземнымъ, и Средиземное Море соединилось съ Атлантическимъ Океаномъ, черезъ Проливъ Гибралтарскій. Память всего этого осталась въ темныхъ преданіяхъ. Между тѣмъ, ничего нельзя заключить изъ сихъ древнихъ слѣдовъ свирѣпости волнъ объ уменьшеніи морей, продолжающемся и въ наше время. Напротивъ, все приводитъ къ доказательству, что прежнія перемѣны земель и морей были всегда внезапны и преходящи, и что ихъ производили причины неизвѣстныя, и силы, которыя, въ настоящемъ состояніи природы, или ограничились, или вовсе исчезли.

Дѣйствительно, кажется достовѣрнымъ, что уменьшеніе воды замѣчается только въ озерахъ и моряхъ, совершенно, или отчасти отдѣленныхъ отъ Океана. Слѣдственно, можно съ достовѣрностью предположить, что они теряють болѣе воды испарива-

ніемъ, нежели получаютъ ихъ втокомъ источниковъ и рѣкъ. Въ Каспійскомъ Морѣ такое предположеніе безспорно. Въ Балтійскомъ Морѣ подтверждается оно повѣйшими наблюденіями надъ старинными мѣтками, но онѣ показываютъ только, что положеніе уровня моря наиболее происходитъ въ Ботническомъ заливѣ, уменьшается къ югу у Кальмара, и почти незамѣтно у побережья Блекнигенскаго, Скании и Галландіи. Напротивъ, если полагали, что находятъ такое же пониженіе въ островной области Богуса, то это не было правильное и равное повсюду пониженіе, но явленіе частное, по крайней мѣрѣ, судя потому, что мы объ немъ знаемъ. Если же собранныя свѣдѣнія показываютъ неправильность даже и въ этомъ уголкѣ земли, невозможно извлечь вѣрныхъ выводовъ изъ частныхъ замѣчаній надъ береговыми замѣтками. Подобные выводы должны быть еще болѣе не достовѣрны, если прилагать ихъ къ самому Океану. Какіе учеты, въ самомъ дѣлѣ, извлечемъ мы изъ пониженія Сѣвернаго моря близъ утесовъ Богуса, если замѣчанія по берегамъ Англіи, Шотландіи и Голландіи показываютъ тождевременное повышеніе его, и когда видимъ мы, что оно ни возвышается, ни понижается при берегахъ Французскихъ, исключая обыкновенные приливы и отливы его? Мы рѣшительно думаемъ, что всѣ измѣненія, замѣченныя въ уровнѣ моря по разнымъ мѣстамъ, суть исключенія. Гораздо положительнѣе представить себѣ всеобщее уменьшеніе водъ морскихъ, ибо опыты вѣковъ показываютъ, что вообще моря не поднялись выше, хотя всѣ втоки въ нихъ, въ теченіе тысячелѣтій, должныствовали бы ихъ возвысить. Остается достовѣрно одно, что мы не знаемъ еще всѣхъ причинъ измѣненій въ морскомъ уровнѣ, и вѣроятно, что ни морскія, ни атмосферическія перемѣны не проис-

ходить единственно отъ причинъ чисто механическихъ.

Моря Скандинавскія богаты разными родами рыбъ. Ловля мелкихъ сельдей въ Балтійскомъ Морѣ весьма значительна. Обыкновенныя сельди большими стадами приближаются къ западнымъ берегамъ, но измѣняютъ свое направленіе, въ теченіе неопредѣленныхъ періодовъ. Въ островной сторонѣ Вестъ-Фьордена, въ Норвежской Норландіи, производятъ большой ловъ трески и другихъ морскихъ рыбъ. Объ этомъ говорится въ самой древней Сѣверной Исторіи. Безчисленное множество дикой птицы избираетъ мѣсто для гнѣздъ своихъ въ ущельяхъ утесовъ, для вывода дѣтей, прилетая съ юга на сѣверъ. Появленіе ихъ показываетъ наступленіе весны, а отлетъ приближеніе осени.

Окруженная съ трехъ сторонъ морями, Швеція во внутренности своей есть также обильная водами страна. Ея озера занимаютъ пространство около 200 Шведскихъ кв. миль, изъ коихъ подъ однимъ озеромъ Веннеромъ полагаютъ до 40 миль. Самыя большія рѣки Шведскія начинаются въ великой дѣпи горныхъ хребтовъ. Воды большей части рѣкъ Шведскихъ свѣтлы и неглубоки; теченіе ихъ быстро; водопады на нихъ часты, и нерѣдко текутъ онѣ по пещанымъ долинамъ, между горами, которыя болѣе и болѣе раздвигаются къ морю, когда воды въ рѣкахъ южной Европы являюся мутны, глубоко взрывающія землю, богатыя прозябеніемъ.

Изъ всѣхъ странъ, находящихся въ одной съ нею широтѣ, климатъ въ Скандинавіи самый умѣренный; потому видимъ въ ней большее плодородіе, если сравнить ее съ находящимися въ равномъ разстояніи отъ полюса странами Азіи и Америки. Ячмень и овощи произрастаютъ въ Эонтекесѣ, въ Шведской

Лашландіи, подъ $62\frac{1}{2}$ град. широты, а въ Норвежскомъ Финмаркѣ даже подъ 70° , между тѣмъ, какъ въ Сибири земледѣліе прекращается совершенно подъ 60° , немного сѣвернѣе Тобольска, а въ Канадѣ даже подъ 51° . Пекинъ находится подъ одною параллелью съ Неаполемъ, и лѣто въ немъ также бываетъ знойно, но зима гораздо холоднѣе Упсальской. Такая выгода происходитъ, вѣроятно, отъ древней обработанности Швеціи; зимы умѣреннѣе здѣсь также и отъ близости морей, соблюдающихъ одинакую теплоту во весь годъ, ибо холодъ дѣйствуетъ на ихъ поверхность весьма неглубоко.

Самый сильный холодъ ощущаютъ въ сѣверной Швеціи, почти всегда при С. З. вѣтрѣ. Вѣтры въ области Эмгландской нерѣдко въ два часа измѣняютъ лѣтній жаръ въ осенній, или весенній холодъ, препятствующій зрѣлости жатвъ. Зимой такіе вѣтры сопровождаются сильными снѣжными вихрями, между тѣмъ, какъ въ сторонѣ Норвегіи при нихъ стоитъ оттепель. Сѣн вѣтры налетаютъ въ Норвегію съ моря, а въ Швецію переходятъ уже черезъ горныя хребты.

Правда, что сѣверное лѣто бываетъ кратко, но за то солнце во время его остается долѣе на небосклонѣ, отъ чего ячмень поспѣваетъ въ семь и восемь недѣль. Утренняя и вечерняя заря на сѣверѣ имѣютъ особенную прелесть. Почти безпрерывный день упреждаетъ обильное произрастаніе. Хотя флора сѣверныхъ земель не богата, но произрастаніе сѣверное далеко превосходитъ южное въ плотности, и зелени цвѣта. Свѣжій и чистый зимній холодъ прибавляетъ здоровья и дѣятельности жителямъ. По крайней мѣрѣ, онъ не бываетъ такъ проицателемъ и сырѣ, какъ въ южныхъ странахъ въ тоже время. Зимній хо-

лодь-собственно начинается обыкновенно в концѣ Декабря, и бываетъ въ полной силѣ своей въ началѣ Января. Почти безъ разстановки продолжается онъ по ночамъ до Марта; земля до того остываетъ во время такой продолжительной зимы, что весьма медленно растаиваетъ потомъ, въ слѣдующіе четыре мѣсяца, отъ лучей солнца, ежедневно болѣе и болѣе возвышающагося. Въ слѣдствіе сего, величайшій зной въ Швеціи настаетъ не въ равноденствіе, но четыре и шесть недѣль позднѣе. Въ послѣднія семьдесятъ лѣтъ замѣчена вообще перемѣна въ климатѣ: зимы болѣе и болѣе продолжаются и переходятъ въ періодъ весенній, а лѣто захватываетъ болѣе и болѣе осенняго времени. Последніе холода зимы бывають въ Апрельѣ, а лѣтнее тепло въ Октябрьѣ. Надобно гораздо большее число наблюдений, въ сравненіи съ числомъ сдѣланныхъ до нынѣ, для доказательства, что такое измѣненіе сопровождается общимъ охлажденіемъ, въ слѣдствіе коего средняя температура уменьшится и климатъ сдѣлается суровѣе. Среднюю температуру въ Лундѣ можно положить до $7^{\circ} 13'$ (по 100° термом.), въ Упсалѣ $5^{\circ} 51'$ въ Стокгольмѣ $5^{\circ} 76'$, а въ Умеа $1^{\circ} 90'$, хотя и на Нордъ-Капѣ она не бываетъ менѣе $0, 07'$, что происходитъ отъ сосѣдства моря. Понятно однакожь, что еслибы температура отъ 5° до 7° продолжалась всегда, то ее недостаточно было бы для прозябаній. Такаа теплота не превосходитъ обыкновенной атмосферной теплоты, при которой начинается таять зимой. Возвышеніе и пониженіе температуры въ разные времена года, выше или ниже средней температуры, способствующую плодородію, если такіе переходы не слишкомъ велики, или не слишкомъ быстры. Достоверно, что зима, во время которой падаетъ доста-

точно снѣгу для прикрытія земли, не только не вредитъ произрастанію, но столько же благоприятствуетъ ему, какъ и лѣтняя теплота. Въ Упсалѣ лѣтнее тепло далеко превосходитъ среднюю температуру года, и бываетъ довольно продолжительно. Средняя температура самаго жаркаго мѣсяца (около $17^{\circ} 5'$) превосходитъ здѣсь среднюю годовую 12° . Такое различіе равно 10° въ Лундѣ, который ближе къ морю, и гдѣ лѣто продолжительнѣе. Напротивъ, къ востоку разица гораздо значительнѣе, но лѣтнее тепло продолжается гораздо менѣе, такъ, что вообще отношеніе въ разницѣ, о которой мы упоминали, не составляетъ важныхъ преимуществъ. Температура земли способствуетъ также къ содѣланію климата болѣе благообразнѣе. Чѣмъ болѣе приближаетесь къ сѣверу, тѣмъ болѣе теплота земли превосходитъ среднюю температуру атмосферы: разица составляетъ два градуса въ самой сѣверной Скандинавіи, и градусъ въ южной ея части. Это отношеніе никогда не испытываетъ измѣненій, и не показываетъ ихъ ни минеральными водами, ни другими признаками подземнаго жара, или вулканическихъ движеній, чего Скандинавія, кажется, лишена совершенно, почему и землетрясеній въ ней не бываетъ. Источники водъ Скандинавскихъ заключаютъ въ себѣ мало разведенныхъ частицъ, кромѣ примѣси желѣза, которая господствуетъ повсюду. Такимъ образомъ, все доказываетъ, что стихійныя и разрушительныя силы съ давняго времени перестали чувствительно дѣйствовать на древнюю почву Скандинавскую, и все это, соединяясь съ дѣйствіемъ сосѣдства морей, производитъ благообразную погоду, какою почти всегда наслаждаются въ Скандинавіи. Она, при непрерывномъ лютіи лѣтнемъ днѣ, содѣйствуетъ совокупно къ со-

11/4

дѣланию климата весьма благопріятнымъ для здоровья человѣческаго, хотя лѣто-собственно слишкомъ кратко для прозябаній арѣющихъ медленно, каковы виноградныя лозы. Такимъ образомъ, если почва Скандинавіи и не наслаждается выгодами великаго плодородія, то она доставляетъ жителямъ благоденствіе, можетъ быть, большее, нежели благоденствіе жителей другихъ странъ. Любовь къ отечеству особенно глубоко впечатлѣна въ сердце каждаго Шведа; съ сожалѣніемъ только оставляютъ они свою родину. Почти всегда возвращаются они въ отчизну, увлекаемые страстнымъ желаніемъ снова видѣть родную страну, какъ будто удерживаемые въ ней неразрывными узами.

Страны, простирающіяся подѣ широтами столь различными, естественно должны представлять много разнообразія. Скандія есть нечто среднее, между остальною Швеціею и противолежащею ей Германіею. Капитаны и шелковица могутъ здѣсь произрастать, такъ-же, какъ въ Германіи и сѣверной Италіи. Надобно здѣсь не болѣе четырехъ съ половиною мѣсяцовъ для созрѣванія ржи, тогда какъ въ Лапландіи потребно для сего полтора лѣта. И притомъ всегда подвергается она опасности погибнуть отъ холода. Изъ хлѣбныхъ растений только ячмень не боится суровости температуры.

Находясь между Скандіею и Смоландомъ, чувствуете быстрые переходы въ естественномъ состояніи и плодородіи земли. Это происходитъ отъ значительной высоты послѣдней изъ сихъ областей надѣ поверхностью моря, чѣмъ придаетъ гористой сторонѣ Смоландіи сходство съ Норландіею. Путешественникъ, прибывшій сюда съ юга, вдругъ видитъ совершенно сѣверную природу. Сближаясь на лѣво къ морю, переходитъ онъ изъ Скандіи въ Галландію,

которая нынѣ, болѣею частію, состоитъ изъ покрытой кустарниками земли, гдѣ отъ холодныхъ морскихъ вѣтровъ гибнутъ деревья. Область эта въ XI-мъ вѣкѣ славилась своими дубовыми и буковыми лѣсами. Область Богусъ является за тѣмъ; во многихъ мѣстахъ, долины ея обильны и покрыты пріятною зеленью; онѣ находятся между утесами, которые становятся тѣмъ болѣе обрывисты, чѣмъ болѣе приближаетесь къ Норвегій. Обращаясь, на противъ, направо къ морю, путешественникъ вступаетъ въ Блекингенъ, гдѣ можетъ получить болѣе благопріятное понятіе объ истинной природѣ островныхъ областей Балтійскаго моря. Едва-ли найдется въ Швеціи болѣе веселое, болѣе прекрасное мѣсто, какъ берегъ между Карлскроною и Калмаромъ. Буковыхъ лѣсовъ нѣтъ далѣе къ сѣверу за Калмаромъ, хотя и встрѣчаются еще кое-гдѣ отдѣльныя купы ихъ. Светлыя, но бурливыя, воды озера Веттема раздѣляютъ Вестроготію отъ Остроготіи. Это самыя обильныя области Шведскія, хотя обиліе и измѣняется въ различныхъ частяхъ Остроготіи.

Самыя обширныя долины Швеціи средней окружаютъ озера Гіельмаренъ и Маларенъ. Здѣсь производится много хлѣба. Счастливое вліаніе земледѣлія, такъ-же какъ и рудокопной промышленности, простирается въ Далекарлію и Вермеландію. Гористая почва высшихъ частей двухъ этихъ областей оставляетъ еще одичалою. Но меловая земля около озера Силіана (на примѣръ, въ приходѣ Раттвикскомъ) нерѣдко представляетъ примѣры плодородія изумительнаго.

Дубовыхъ лѣсовъ не видно уже сѣвернѣе рѣки Давы. Огромные лѣса здѣшніе составляютъ уже собственно-сѣверныя породы. Они состоятъ изъ сосенъ, силы и вышины столь необыкновенной, что

подобныхъ, не находите нигдѣ на югѣ Скандинавіи. Природа является болѣе дикою тамъ, гдѣ начинается Норландъ. Обработка земли, скотоводство, охота и рыбная ловля составляютъ занятіе народонаселенія, но далѣе къ сѣверу жители перестаютъ уже быть земледѣльцами и предаются другимъ занятіямъ.

(Въ слѣд. книжкахъ.)

VI.

ИЗВѢСТІЯ И СМѢСЬ.

Кирило Тимоѣевичъ Хлѣбниковъ. Съ чувствомъ прискорбиа хотимъ мы вспомнить здѣсь о недавней потерѣ добраго, любезнаго, образованнаго, полезнаго человѣка и гражданина. Да будетъ воспоминаніе наше объ немъ слабымъ свидѣтельствомъ той сердечной привязанности, и того душевнаго уваженія, какія питали мы къ нему при жизни его!

К. Т. Хлѣбниковъ происходилъ отъ почетнаго рода гражданъ Сибирскихъ. Предокъ его, Козьма Хлѣбниковъ, былъ переведенъ некогда изъ Новагорода, вмѣстѣ съ многими соотечественниками, на жительство въ Сибирскія мѣста, и поселенъ въ Кунгуръ. Прадѣдъ, Михаилъ Козьмичъ, служилъ Кунгурскимъ бурмистромъ, и отъ городского общества посыланъ былъ по дѣламъ въ Петербургъ, въ 1757 году. Дѣдъ, Иванъ Михайловичъ (сконч. въ 1773 г.), двадцать лѣтъ былъ президентомъ въ Кунгуръ. Дядя, Емельянъ Ивановичъ, отличился храбростію при нападеніи на Кунгуръ шайки Пугачева, и за то награжденъ былъ золотою саблею. Отецъ, Тимоѣей Ивановичъ (сконч. 9 Окт. 1790 г.), былъ президентомъ и головою Кунгурскимъ. К. Т. третій, младшій сынъ его, родился въ 1776 году. Родъ Хлѣбниковыхъ пришелъ тогда въ упадокъ. Юный К. Т. чувствовалъ, что мелочныя занятія на родинѣ не дадутъ ему средствъ удовлетворить страстному желанію видѣть свѣтъ, и сдѣлаться со временемъ достойнымъ гражданиномъ.

помъ; двадцать четыре года было ему, когда онъ согласился вступить въ число искателей приключеній, набираемыхъ въ Американскія колоніи по всей Россіи и по Сибири, и въ Декабрь 1800 года надолго простился съ родиною, отправился въ Иркутскъ, съ комисіонеромъ Росс. Америк. Компаніи Горновскимъ. Большею частью, эти набираемые для колоній нашихъ, такъ называемые, *воляжники*, состоятъ изъ отчужденныхъ удалцовъ, которымъ терять ничего, и многіе, заискиваясь въ воляжъ, стараются только взять что нибудь впередъ, на что можно бы было въ послѣдній разъ *погулять*, не мысля о будущемъ. Съ ними прощаются, какъ съ обреченными на смерть. И дѣйствительно, не многіе изъ нихъ возвращаются на родину: большая часть умираетъ, или навсегда остается въ Америкѣ, и весьма рѣдкіе успѣваютъ скопить себѣ что нибудь, скоро пріобрѣтая, но проживая еще скорѣе. Не таково было Хльбинковъ. Онъ отличился между всѣми своими товарищами, и, по пріѣздѣ въ Иркутскъ, оставленъ былъ при тамошней конторѣ, а потомъ отправился въ Охотскъ въ 1801 году. Тутъ договорился онъ быть прикащикомъ Компаніи въ Ижигинскъ, и отправленъ туда моремъ — здѣсь было начало его знакомства съ грозною стихіею (которая пріветствовала его немедленно жестокою бурей). Онъ объѣхалъ потомъ на оленяхъ и собакахъ Тунгусскія и Коряцкія селенія, познакомился съ дикарями, моремъ воротился обратно въ Охотскъ, заключилъ договоръ еще на годъ, а въ 1803 году, бывши опять въ Охотскѣ, условился быть прикащикомъ Компаніи въ Камчаткѣ. Десять лѣтъ пробылъ онъ тамъ, имѣя съ 1808 года уже званіе компанейскаго комисіонера. Только въ 1807 году приходилъ онъ на время въ Охотскъ, и все время посвящалъ служенію ревностному и тяжкому, болѣе десяти разъ объѣздивши всю Камчатку, узнавши вполнѣ сей отдаленный край, и нѣсколько разъ подвергалъ опасности жизнь свою. Такъ, въ 1802 году, болѣе 20 дней Хльбинковъ претерпѣвалъ гибель отъ противныхъ вѣтровъ на морѣ, не имѣя уже ни капли воды, едва могъ воротиться и зазимовать въ Ямскѣ, гдѣ едва не погибъ, идя черезъ ледъ на лыжахъ весною. Зимою 1805 года отморозилъ онъ себѣ руки и ноги, переѣзжая черезъ Коряцкій хребетъ. Въ Августъ 1807 года едва спасся на шлюпкѣ, когда судно, гдѣ былъ онъ, опрокинуло въ устьѣ рѣки Камчатки. Въ томъ же году, на другомъ суднѣ, онъ едва не по-

гибъ, наплывши въ морѣ на соннаго, огромнѣйшаго кита. Въ Декабрь 1808 г. едва не утонулъ онъ на льду рѣки Камчатки, при внезапной оттепели и сильномъ дождѣ. Отличаясь усердіемъ, онъ успѣлъ пріобрѣсть знакомство и дружеское расположеніе всѣхъ, и особенно начальника первой экспедиціи Русскихъ кораблей кругомъ свѣта, П. Ф. Крузенштерна (въ 1805 году, когда корабль Надежда возвратился изъ Японіи и готовился плыть въ Кантонъ), а также бывшаго при экспедиціи естествоиспытателя Лангсдорфа (знакомство сего знаменитаго ученаго, съ которымъ объѣхалъ онъ зимою Камчатку, а потомъ плавалъ въ Охотскѣ, развило въ немъ склонность къ естествоиспытанію), и извѣстныхъ моряковъ Хвостова и Давыдова (отправившихся въ 1807 году изъ Камчатки въ Японію). Здоровье К. Т. такъ было разстроено трудами, что онъ отказался отъ должности, выѣхалъ въ 1813 году въ Иркутскъ, гдѣ и пробылъ весь 1814 годъ. Но тогда наступала важнѣйшая эпоха его жизни. Онъ былъ вызванъ въ Петербургъ, и ему предложили мѣсто правителя главной конторы въ Америкѣ, по новому образованію управленія колоніями, въ следствіе просьбы объ увольненіи престарѣлаго А. А. Баранова. Любознанию и дѣятельности К. Т. открывалось теперь новое поприще; онъ не отказался, и въ Сентлврѣ 1816 года отправился кругомъ свѣта на корабль Кутузовъ, бывшемъ подъ начальствомъ капитана Гагемейстера. Благополучно достигнувъ Ситхи, и принявъ послѣ Баранова должность, шесть лѣтъ продолжалъ онъ свое пребываніе въ сѣверо-западныхъ нашихъ колоніяхъ. Не будемъ входить въ подробности трудовъ его по управленію вѣренной ему части: соблюдал и умножая пользы Компаніи, онъ умѣлъ заставить начальниковъ любить, подчиненныхъ уважать его, иностранцевъ, имѣвшихъ съ нимъ сношенія, быть его друзьями. Нѣсколько разъ плавалъ онъ въ Калифорнію, Мексику, Перу, Чили, обозрѣлъ, подробно узналъ всю Русскую Америку, и едва ли кто имѣлъ о тамошнихъ странахъ понятія столь вѣрныя, опытыя и обширныя. Онъ приготовилъ Компаніи людей достойныхъ по всѣмъ частямъ управленія, отличался кротостью и снисхожденіемъ въ дѣлахъ съ дикарями, и въ тоже время неутомимо трудился надъ собственнымъ образованіемъ: выучился Испанскому и Англійскому языкамъ, занимался естествознаніемъ, читалъ, поучался бесѣдою умныхъ и опытныхъ людей, и если былъ лишень

Европейскаго общества и тѣхъ особій, какія даетъ намъ общественная жизнь въ Европѣ, тѣмъ драгоценнѣе были для него бесѣды моряковъ, путешественателей, и изученіе Американской природы, первобытнаго состоянія дикихъ ея обитателей, и страннаго состоянія Америки Мексиканской и Южной, гдѣ безпрерывно имѣлъ онъ сношенія съ Северо-Американцами и Англичанами. Разстроенное трудами и лишениями великаго рода, въ теченіе тридцати лѣтъ, здоровье, и приобретенное честнымъ трудомъ независимое состояніе, которое могло дать ему тихій пріютъ и довольство на старости лѣтъ въ отечествѣ, заставило К. Т. желать и просить возвращенія въ Россію. 30 Ноября, 1832 года, онъ отправился изъ Ситхи на военномъ шлюпѣ Америка, и 13 Сентября 1833 года прибылъ благополучно въ Кронштадтъ. Его встрѣтили здѣсь съ особеннымъ уваженіемъ. Въмѣсто прежняго рѣшенія удалиться на родину, К. Т. остался въ Петербургѣ. Умъ его, обширная опытность, доказанная честность заставили Компанію предложить ему должность, правителя дѣлъ, а въ 1835 году избранъ онъ былъ въ число директоровъ Компаніи. Труды его удостоились потомъ всемілостивѣйшаго Монаршаго награжденія орденомъ Св. Анны 3-й степени. С. Петербургская Академія Наукъ избрала его въ свои члены-корреспонденты. Не смотря на всегдашнюю скромность и тихую, уединенную жизнь, просвѣщенные и образованные люди, моряки, литераторы, ученые, знатныя особы, Русскіе и иностранные купцы и negociанты составляли всегдашнее общество почтеннаго К. Т., любили его, любили бесѣду съ нимъ и простое, радушное его гостепріимство. Забывая труды свои, безпрерывныя занятія, жестокіе ревматическіе припадки — слѣдствіе отдаленныхъ и опасныхъ путешествій — К. Т. былъ истинно-Русскимъ хлѣбосоломъ, и любезнымъ, просвѣщеннымъ собесѣдникомъ. Досугъ посвящалъ онъ чтенію, наукъ и литературнымъ занятіямъ. Всѣмъ просвѣщеннымъ читателямъ извѣстно изданное имъ жизнеописаніе А. А. Баранова, многія статьи его въ журналахъ, газетахъ, въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ. Съ нимъ приходили совѣтоваться, когда рѣчь заходила объ Америкѣ, и охотно сообщалъ онъ каждому свои свѣдѣнія. Обширное чтеніе, наблюденіе и вкусъ дѣлали К. Т. умнымъ, пріятнымъ писателемъ, хотя онъ не получалъ въ юности никакого образованія, и никогда не го-

товился къ литературнымъ занятіямъ. Прочтите его статью въ Сильсъ Отечества 1836 года: *Взглядъ на положеніе моей жизни*, и въ С. О. нынѣшняго года небольшую статью его, въ III-й книжкѣ (отд. 6-е), и вы увидите въ разнообразныхъ свѣдѣніяхъ автора, и въ умнѣеъ разсказывать занимательно, легко, пріятно. Но скромность К. Т. была такова, что онъ уступалъ только самой неотступной просьбѣ другихъ, и самъ никогда не хотѣлъ ничего печатать. Впрочемъ, въ бумагахъ, его найдется много любопытнаго и неизвѣстнаго. Мы видимъ у него богатые запасы свѣдѣній по исторіи Русской Америки и Русскихъ путешествій, которыхъ не находимъ онъ времени привести въ порядокъ. Записки о своихъ собственныхъ путешествіяхъ составляли у К. Т. большіе портфели.

Независимое состояніе, общее уваженіе, полезная отечеству, дѣятельная жизнь, пріятное, избранное общество, средства для занятій умственныхъ, казалось, могли доставить К. Т. спокойную, пріятную старость послѣ жизни, исполненной столькихъ трудовъ и странствованій, но Провидѣнію угодно было прекратить внезапно жизнь сего столь полезнаго, почтеннаго и любезнаго человека.

Весело встрѣтилъ онъ Свѣтлое Воскресеніе нынѣшняго года, казался здоровъ, не чувствовалъ даже всегдашнихъ своихъ недуговъ ревматическихъ. Апрѣля 14-го пришелъ онъ пѣшкомъ, бодрый и веселый, изъ дома Россійско-Американской Компаніи, что у Синяго Моста, въ домъ, занимаемый Департаментомъ Корабельныхъ Лѣсовъ, что въ Грязной улицѣ, къ почтенному начальнику Департамента, Барону Ф. П. Врангелю. Здѣсь всегда принимали его, какъ добраго семьянина, и К. Т. не могъ безъ особеннаго почтенія пронести имени этого знаменитаго мореплавателя нашего, столь извѣстнаго по своимъ заслугамъ, и бывшаго нѣсколько лѣтъ начальникомъ колоній въ Русской Америкѣ, гдѣ К. Т., состоя подъ его начальствомъ, пользовался его особеннымъ покровительствомъ и дружбою, бывши тогда въ Ситхѣ главнымъ правителемъ конторы. Г-нъ Васильевъ, назначенный въ путешествіе по Сибири, Камчаткѣ и Америкѣ, явился также къ г-ну Врангелю. Обѣдъ и время до вечера пролетѣли непримѣтно въ бесѣдѣ, и никогда еще К. Т. не бывалъ такъ любезенъ и разговорчивъ, особливо вспоминая свое житье-бытье въ Америкѣ. Онъ пошелъ домой пѣшкомъ, вмѣстѣ съ г-мъ

Васильевымъ, но едва сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ лишился чувствъ. Постылиши перенести его опять къ г-ну Врангелю, гдѣ за нѣсколько минутъ такъ весело простился онъ — ни какія пособія науки, ни какія старанія дружбы, не могли спасти жизни его. К. Т. не приходилъ уже въ чувство, и скончался въ ночи на 15-е Апрѣля. Гробъ его на Волковское кладбище сопровождали многочисленные друзья и люди всѣхъ званій, съ искреннимъ прискорбіемъ. Безродный и одинокій въ С. Петербургѣ, онъ умѣлъ приобрести себѣ любовь и дружбу столь многихъ, любившихъ его, какъ родного, что гробъ его опустили въ землю не хладнокровное сожалѣніе, но искреннее, сердечное участіе. Родные и двоюродные братья и сестры его всѣ находятся въ Кунгурѣ.

Мы невольно изобразили бы человѣка, столь любимого и сожалѣемого нами, если бы къ описанію его ума, его образованія, его любезнаго характера, не присовокупили нѣсколькихъ словъ о нравственныхъ свойствахъ души его. Строгая честность всегда руководствовала его поступками. Никогда не измѣнялъ онъ другому, разъ полюбивши человѣка; не терпѣлъ злоречія — молчалъ, если сказать было нечего, и всегда извинялъ проступокъ и слабость другихъ, строгій только къ самому себѣ. Веселый и разговорчивый въ дружеской бесѣдѣ, онъ былъ застѣчивъ и молчаливъ въ большомъ обществѣ, особенно между незнакомыми, но поучительны бывали разговоры и рассказы его, когда заходила рѣчь о любимыхъ его предметахъ — морскихъ путешествіяхъ, Америкѣ, Мексикѣ, Перу, Чили, бывалой жизни и трудностяхъ ея въ Сибири, Камчаткѣ, Америкѣ и на моряхъ. К. Т. помнилъ добро, сдѣланное ему другими; самъ не жалѣлъ ничего на добро, и только послѣ смерти открылись его благодѣянія и пособія многимъ. Бѣдный и скорбящій находили въ немъ друга и утѣшителя.

Потеря К. Т. едва-ли можетъ замѣниться кѣмъ-либо въ настоящее время для нашей Американской Компаніи. Такъ незамѣнима потеря его и для друзей. Странная судьба человѣка: родиться въ Сибири, десять лѣтъ жить въ Камчаткѣ, шестнадцать въ Америкѣ; два раза обойти кругомъ свѣта, быть среди столькихъ бурь и бѣдствій на землѣ и на сушѣ, и — умереть тихо и безболѣзненно, одинокимъ и безроднымъ, но въ объятіяхъ дружбы, съ привѣтомъ всѣхъ добрыхъ людей,

кто только зналъ его, но въ то время, когда жизнь его могла бы наиболѣе быть полезна отечеству, вмѣстѣ съ тѣмъ вознаграждая спокойствіемъ и наслажденіемъ за прошедшія скорби и тяжкіе опыты...

Н. ПОЛЕВОЙ.

Живописная Россія, издаваемая г-ми Делаacro и П. П. Свингиньимъ. Считаю себя виноватыми предъ почетнымъ г-мъ Делаacro: до сихъ поръ мы ничего еще не говорили объ его живописныхъ изданіяхъ, и надѣемся исправить теперь вину нашу, извѣстивши о новомъ его предпріятіи, которое для насъ, Русскихъ, имѣетъ особенный интересъ.

Искусство гравированія на стали дало нынѣ средство издавать книги, украшенныя превосходными гравированными картинками. Не говоримъ, чтобы въ художественномъ отношеніи гравированіе что нибудь здѣсь выиграло. Напротивъ, оно становится механизмомъ, до того, что даже машина замѣняетъ здѣсь руку художника. Но удивительная тонкость очерковъ даетъ стальному гравированію пѣжность необыкновенную, а безчисленное количество оттисковъ, выдерживаемыхъ стальною доскою, возможность продавать ихъ такъ дешево, что они произвели особенный родъ книгъ, *illustrated works* и *kitсково*, гдѣ на заказъ по картинкамъ прибирается содержаніе, и все достоинство книги, большую частью, составляютъ самыя картинки. Такъ издано донынѣ множество живописныхъ описаній разныхъ странъ и городовъ, альманаховъ даже романовъ, и однѣ и тѣ же картинки издаются съ текстами Англійскими, Французскими, Нѣмецкими, въ разныхъ видахъ, подъ разными заглавіями. Англійскіе издатели готовы продать кому угодно и сколько угодно оттисковъ отдѣльно, а купя эти оттиски, можете придрываться къ нимъ текстъ, какой заблагоразеудите.

Пользуясь симъ удобствомъ, г-нъ Делаacro, нѣкогда издававшій съ Н. И. Гречемъ *Геніалъ Времь* и *Журналь новѣйшихъ путешествій*, а нынѣ живущій въ Митавѣ, и посвятившій себя службѣ, рѣшился удѣлить немногіе досуги на передачу живописныхъ изданій на Русскомъ языкѣ. Онъ выпишетъ лучшіе гравюры Англійскихъ изданій, но при выборѣ

предметовъ снабдилъ ихъ, имъ самымъ составленнымъ, занимательнымъ текстомъ. Такимъ образомъ образовались у него, изданныя уже имъ на Русскомъ языкѣ, книги: *Всемирная Панорама*, два тома, въ каждомъ по 48 превосходныхъ астамповъ; *Греція*, одинъ томъ, съ 30-ю рисунками, и *Швейцарія*, одинъ томъ, съ 24 рисунками; первая продается по 40, вторая и третья по 25 рублей за каждый томъ. Дешевизна удивительная, ибо не считая текста (весьма хорошо и дально составленного, и отпечатаннаго на веленовой бумагѣ) картинки приходится копейкъ по *восемидесяти* за штуку! Мы советуемъ купить книги г-на Делакроа всемъ охотникамъ до полезнаго чтенія и изящныхъ изданій, это прекрасная *живописная панорама*. Но особенно должно обратить вниманіе читающей публики на новое предпріятіе г-на Делакроа: онъ, вмѣстѣ съ П. П. Свинымъ, издаетъ теперь виды и изображенія, какіе составилъ г-нъ Свиный въ путешествіяхъ своихъ по Россіи, въ теченіе многихъ лѣтъ. Соединилъ въ себѣ дарованія литератора и художника, г-нъ Свиный написалъ къ рисункамъ своимъ изящнейшій текстъ, а рисунки гравюруются въ Лондонѣ на стали, и отдѣлкою не уступятъ гравюрамъ лучшихъ Англійскихъ кипсековъ. Подъ заглавіемъ: *Картины Россіи и бытъ разноплеменныхъ ея народовъ*, предполагается издать *восемь* томовъ, въ каждомъ 40 рисунковъ, и при каждомъ рисункѣ около листа печатнаго текста, гдѣ помѣстятся историческія, географическія, мѣстныя и живописныя поясненія (для ознакомленія публики съ содержаніемъ этого занимательнаго текста, мы помѣстимъ въ слѣд. книжкѣ С. О. одну статью). На первый случай принимается подписка на одинъ томъ, гдѣ помѣстится, какъ мы сказали, 40 рисунковъ. Вотъ исчисленіе ихъ, по которому можно судить о занимательности и счастливомъ выборѣ предметовъ: Кремль Московскій; Василій Блаженный; Оружейная Палата, Коломенское, Царицыно, Троицко-Сергіевская лавра, Введенская церковь, Теремъ Царевнѣицы Димитріи въ Угличѣ, Кострома, Ипатьевскій монастырь, Галичъ, Воронежъ, Кіевъ, Кіевская мнзанка, Пещеры Кіевскія, Бахчисарайскій дворець, фонтанъ и кофейня въ Бахчисарайѣ, Кучукъ-Ламбатъ, Судацкая долина, Керчь, Волжскій Жареный Бугоръ, Новочеркасскъ, Шведская могила близъ Полтавы; костюмы: *Костроми* — мѣщанскій и мѣщанка; *Галичь* — старинный уборъ и уборъ Галичанки;

Воронежъ — купецъ и купчиха; *Донъ* — казакъ и казачка; *Малороссія* — горожанинъ, чабанъ и крестьянка; *Крымъ* — Грекъ и Гречанка; Цыгане; служеніе дровишекъ; посидѣлки Русскія. — И все это, составляя шегольскую, прелестную, занимательную книгу, напечатанную на лучшей веленовой бумагѣ, и состоящую изъ 40 печ. листовъ, съ 40 картинами, гравир. на стали лучшими Англійскими художниками, будетъ стоить — *30 рублей*, такъ, что картинки обойдутся покупателямъ по *75 коп.* за штуку.

Питая глубокое уваженіе къ почтенному П. П. Свиному, мы боимся упрека въ пристрастію, если сами станемъ хвалить его бесспорное и драгоцѣнное дарованіе — отыскать и мастерски выказать все отечественное, все родное, чему посвятилъ онъ всю жизнь свою. Приведемъ здѣсь лучше нѣскольکو словъ изъ объявленія г-на Делакроа, радуясь, что прекрасные труды почтеннаго П. П. нашли себѣ столь усерднаго и благонамѣреннаго издателя.

«Въ благородномъ стремленіи Россіи въ всѣхъ сословіяхъ къ знанію обширнаго, необъятнаго своего отечества, и въ радушномъ вниманіи просвѣщенныхъ согражданъ къ каждому новому открытію въ хранилищахъ отечественной исторіи, просвѣщенный наблюдатель жизни народовъ видитъ вѣрный залогъ быстрыхъ и утѣшительныхъ успѣховъ Россіи. Знаніе различныхъ подробностей, касающихся до родной старины, питаетъ любовь къ ней, возбуждаетъ народную гордость, всегда готовую на подвиги для славы отечества, и одушевляя усердіемъ къ самоотверженію, ведетъ государство на вершъ славы и могущества. Мы жадно ищемъ познать во всѣхъ отношеніяхъ государство, къ которому принадлежимъ, т. е. его народный бытъ, мѣста историческихъ воспоминаній, даже живописное положеніе ихъ, однимъ словомъ все то, что воспаляла сердца наши чистѣйшими чувствами любви и приверженности къ святой родинѣ, можетъ радовать, возвышать нашу душу. Но издаваемые досель въ семь родѣ книги выполняють ли сію цѣль?»

«Описанія и изображенія Россіи, составленные въ послѣднее время, болышею частію, въ кабинетахъ издателей, немѣвншихъ средствъ обозрѣть со всѣхъ сторонъ наше отечество, естественно не могутъ удовлетворить потребности патриотовъ, и соответствовать ожиданіямъ Европы, съѣдлившей за испо-

линскими шагами Россіи. Ласкаю себя надеждою, что въ скорости буду имѣть возможность замѣнить такой недостатокъ изданіемъ въ свѣтъ прекрасныхъ альбомовъ Павла Петровича Свиньина. Принявъ на себя всю отвѣтственность по искусственной и исполнительной части, надѣюсь, что изданныя мною двѣ части *Всѣмірной Панорамы, Греція и Швейцарія*, могутъ ручаться, какъ за исправность мою, такъ и за возможность выполнить мою обязанность передъ публикою, и передъ почтеннымъ авторомъ достойнымъ ихъ образомъ.

«П. П. Свиньинъ, Издатель *Отечественныхъ Записокъ*, журнала, неоспоримо болѣе многихъ другихъ распространившаго въ прошедшемъ десятилѣтіи любовь и уваженіе къ родному, народному — Русскому, посвятивъ нѣсколько лучшихъ лѣтъ жизни для изученія Россіи на самыхъ классическихъ ея мѣстахъ. Съ пособіемъ исторіи и статистики г. Свиньинъ обозрѣлъ достопамятнѣйшіе города и урочища, отъ береговъ Севернаго Океана до Чернаго Моря, отъ Балтики до Каспія, отъ степей Бессарабскихъ до снѣжнаго хребта Кавказа и гордаго Урала, замѣчая все достойное вниманія, съ безпристрастіемъ наблюдателя опытнаго, съ искусствомъ знатока просвѣщеннаго, и съ рѣдкою способностію пользоваться всѣмъ, что природа и люди представляли взорамъ его въ современномъ бытѣ своемъ и обычномъ движеніи. И отъ того какала правда, какала истина дышать въ его рисункахъ! Въ нихъ подмѣчены, уловлены, не только малѣйшія измѣненія въ чертахъ разнородныхъ племенъ, населяющихъ безконечныя предѣлы царства Русскаго, но и различные отливы неба и особенности мѣстности; даже флогіономии растений сохранны съ удивительною отчетливостію. Отъ того и описанія его исполнены свѣтлыми, самобытными мыслями и замѣчаніями, обличающими вмѣстѣ съ тѣмъ и опытнаго литератора, владѣющаго перомъ сильнымъ и увлекательнымъ, знакомаго съ просвѣщенными странами Старого и Новаго Свѣта. Въ свѣдѣтельство этого вапомню, что отрывки изъ наблюденій г. Свиньина помѣщаемы были въ Европейскихъ и Американскихъ періодическихъ изданіяхъ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, а съ 1815 года въ Сынѣ Отечества, гдѣ также въ послѣдствіи видѣли мы и многіе опыты его путешествій по Россіи, и что онъ, находясь при посольствѣ нашемъ въ

Америкѣ, издалъ въ Филадельфіи въ 1813 году весьма любопытную книжку о Россіи: *Sketches of Moscow and St. Petersburg*, съ картинками. Американскіе журналы весьма выгодно отзывались о семъ необыкновенномъ явленіи въ ихъ литературѣ, замѣчая, что эта книжка была принята тѣмъ съ большимъ любопытствомъ и вниманіемъ Американскою публикою, что явилась въ такое время, когда всѣ жаждали получить ближайшее понятіе о государствахъ, низпровергшемъ колосомъ, подавлявшимъ Европу. Наши лучшіе журналы того времени, Вѣстникъ Европы и Россійскій Музеумъ, также достойно оцѣнили заслуги и дарованія Русскаго въ Америкѣ.

«Все это сообщая я публикѣ не для того, чтобы привлечь ее къ подпискѣ, но единственно для принесенія признательности моему почтенному автору за то, что онъ избралъ меня быть распространителемъ полезныхъ, занимательныхъ и благонамѣренныхъ трудовъ его, представляющихъ драгоценный плодъ многолѣтнихъ, непрерывныхъ путешествій его по отечеству, чтобы показать Европейцамъ Россію въ достойной ея картинѣ, не щади никакихъ усилій и пожертвованій къ исполненію любимой мысли, цѣли занимательной, поэтической жизни его. Въ участіи же почтенной публики въ моемъ предпріятіи я ни сколько не сомнѣваюсь: радушная готовность ея споспѣшествовать всему полезному и патріотическому, мнѣ уже известна.»

«Книга сія выйдетъ въ концѣ 1838 года, и тотчасъ же будетъ разослана г-мъ подписавшимся. По выходѣ ея, если Издатель встрѣтитъ благосклонное принятіе почтеннѣйшею публикою, подписка можетъ быть открыта и на продолженіе сочиненія.»

ПОРТРЕТЪ В. А. КАРАТЫГИНА. Многіе почитатели талантовъ нашего гениальнаго артиста сожалѣли, что донынѣ не было у насъ хорошаго портрета его. Спѣшимъ увѣдомить, что недавно отпечатанъ портретъ В. А., литографированный г-мъ Машарскимъ, и писанный на камнѣ г-мъ Головачевскимъ, прекрасной отдѣлки, на листъ, и чрезвычайно похожій. Ка-

ратыгини изображенъ въ любимой роли его *Гамлета*. Кажется, на благородномъ, прекрасномъ сильнымъ выраженіемъ лицъ его читаете ть грустныя мысли, какими омрачается душа Датскаго Принца, когда онъ разговариваетъ съ Горацио на кладбищѣ, подъ голосъ пѣсни могильщика, когда вдвинули гробъ Офеліи, и судьба, безмолвная, страшная судьба, уже вынимаетъ надъ головою его неизбежный приговоръ изъ роковой урны своей. Кто не помнитъ Каратыгина въ эти минуты грустной мечтательности—одномъ изъ лучшихъ мѣстъ, какими исполнена вся игра его въ безсмертномъ созданіи Шекспира!

УЧЕНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Конечно, однимъ изъ важнѣйшихъ событій въ ученномъ мѣрѣ надобно почесть возвращеніе Англійскаго астронома Гершеля съ Мыса Доброй Надежды, гдѣ нѣсколько лѣтъ провелъ онъ въ непрерывныхъ наблюденіяхъ. Еще неполныя извѣстныя всѣ новыя открытія, какими обогатилъ онъ науку, но открытія сіи весьма важны. Въ Парижскомъ Филомаѳическомъ Обществѣ, 23 Июня, читано было объ нихъ краткое извѣстіе. Гершель наблюдалъ постоянно купы мировъ, извѣстныя подъ именемъ «туманныхъ звѣздъ». Касательно двойныхъ звѣздъ, и обращеній ихъ одной около другой, такъ, что для некоторыхъ уже и періодъ обращенія определенъ; разноцвѣтныхъ туманныхъ звѣздъ, изъ коихъ нѣкоторыя являются желтыя, синія, красныя, зеленыя; двухъ (а не шести) спутниковъ Урана, и наконецъ удивительнаго увеличенія звѣзды Аргуса, собраны имъ важныя свѣдѣнія. Гершель приехалъ въ Англію съ торжествомъ, и угощенъ великодушнымъ обѣдомъ, причѣмъ самъ Герцогъ Суссекскій поднесъ ему вазу серебряную. Королева пожаловала ему титулъ баронета. Гершель 10 Июля прибылъ въ Ганноверъ, родину дѣда своего, для свиданія съ своими родственниками. Здѣсь жива еще старушка, сестра дѣда его; ей теперь около 90 лѣтъ.

Опытъ переливанія крови съ успѣхомъ совершенъ былъ недавно въ Лондонѣ надъ г-жею Гарслей, которая отъ силь-

наго кровотеченія была на краю гроба. Доктора Джонъ Вильсонъ и Ричардъ Виллей впустили въ умирающую часть крови изъ сестры ея и мужа, которые умоляли ихъ отвѣкаться на сей опытъ, и жертвовали своею жизнью для спасенія жизни имъ драгоценной. Умиравшая ожила, и теперь уже почти здорова; особы, изъ которыхъ перелита кровь, также остались совершенно здоровы.

Недавно въ Парижѣ, одинъ изъ обвиняемыхъ въ закигательствѣ, утверждалъ, что пожаръ, въ которомъ обвиняютъ его, произошелъ отъ огненнаго метеора, и свидѣтели утвердили, что метеоръ точно былъ видѣнъ, и упалъ на мѣстѣ пожара. Потому послѣдовалъ вопросъ Академіи: могутъ-ли падающія звѣзды и огненные метеоры закигать? Голоса академиковъ раздѣлились, и Араго, въ засѣданіи 9 Июля, привоидлъ примѣры, что метеоры, дѣйствительно, могутъ произвести пожаръ, но другіе члены считаютъ это дѣло сомнительнымъ.

Въ Корол. Лондонскомъ Астрономическомъ Общ., Г. Ротманъ читалъ записку о достовѣрности знаменитаго затмѣнія, о которомъ упоминаютъ лѣтописи Китайскія, и на чемъ основывается одно изъ доказательствъ древности Китая (См. *Histoire de l'astronomie ancienne*, Деламбра, Т. I. стр. 350). Европейскіе астрономы находили невѣрнымъ показаніе Китайцевъ, относя затмѣніе это къ 2159 или къ 2007 годамъ. Но Ротманъ доказываетъ, что оно было дѣйствительно въ 5-й годъ царствованія Tchong-kang, въ 1-й день девятаго мѣсяца, что соотвѣтствуетъ 13-му Октябрю 2128 года до Р. Х. и оправдывается математическими вычислениями.

Казено (Cazenaud), Нефшательскій хирургъ, доставилъ (21 Мая 1838 г.) въ Парижскую Академію записку, объ изобрѣтенномъ имъ инструментѣ, который назвалъ онъ *citevisseur*, и состоящій изъ лѣщика, въ который вкладывается членъ большаго, и операція отнятія руки, или ноги, совершается въ одну секунду.

Въ подтвержденіе мнѣнія Эліа де Бомона, г. Бѣдашъ сооб-

циль Парижской Академіи свои наблюденія надъ градомъ, бывшимъ въ Мавъ, вечеромъ въ 5 часовъ. Градины падали круглыя, но послѣ удара грома, онѣ посыпались въ большемъ числѣ, и были пирамидальны, величиною въ половину круглыхъ; слѣдственно, это были разломанныя на двѣ части круглыя градины. Наблюдатель полагаетъ, что положенныя въ безвоздушное пространство, градины круглыя будутъ распадаться сами собою, и объясняетъ продолжитъ опыты надъ симъ любопытнымъ явленіемъ.

Вортманъ изъ Женевы прислалъ извѣстіе о дождѣ, бывшемъ тамъ 31 Мая, въ $7\frac{1}{2}$ часовъ вечера. Термометръ, поставленный отъ земли на $3\frac{1}{2}$ фута (100 град.), показывалъ + 18° 5, а барометръ 727 тыс., 87; небо было совершенно ясно, луна всходила на горизонтъ, но дождь падалъ отвѣсно крупными каплями, которыя превратились потомъ въ мелкія.

Г. Гей сообщаетъ подробности объ ужасномъ землетрясеніи, разрушившемъ въ Нолбръ прошлаго года Валдивію и другіе города. Всѣ каменные зданія разрушились; люди не могли держаться на ногахъ; въ Чилоэ предшествовала ему жестокая буря, и въ полчаса море приливало и отливало три раза. Въ Санъ-Карло выдвинуло изъ земли мачту, утвержденную въ террасѣ крѣпости на 10 метровъ, такъ, что яма сохранила цѣлость свою, какъ будто кто нибудь руками выдернулъ мачту. Г. Гей замѣчаетъ, что съ нѣкотораго времени въ Чили землетрясенія сдѣлались весьма часты; къ сѣверу они непрерывно оказываются подземнымъ шумомъ, а къ югу непрерывными потрясеніями отъ юга на сѣверъ; съ 1820 года, они произвели уже три страшныя опустошенія.— Не готовится ли здѣсь грозное вулканическое явленіе?—Когда въ Европѣ видѣли сѣверное сіяніе, на 18-е Полбріа 1835 года, въ Чили замѣтилъ г. Гей безпорядокъ въ магнитной стрѣлкѣ (аfolements), и полагаетъ, что и тамъ было тогда австралийское сіяніе, но не замѣчено только по причинѣ закрытаго облаками неба, выводя, что замѣчанія о вліяніи сѣверныхъ сіяній на магнитную стрѣлку подтверждаются его замѣчаніемъ.

Дютроше передалъ Парижской Академіи извѣстіе, что онъ нашелъ зимою во впадинѣ стѣны двухъ ласточекъ, которыя казались замерзшими, но внесенныя въ тепло, ожили, и стали летать. Докторъ Ларрей припомнилъ при семъ случаи, что въ своей исторіи Италійскихъ компаний, онъ говорилъ о ласточкахъ, которыхъ нашелъ зимою 1797 года въ Мавриенской долигѣ, во глубинѣ пещеры, называемой *ластотниколь* (hirondellière), по причинѣ обилія тамъ гнѣздъ ласточекъ. Птички эти казались замерзшими, но въ теплѣ оживи. Все доказываетъ, что ласточки могутъ проводить зиму въ Европѣ.

Дюжарденъ представилъ Академіи Французской опыты свои надъ морскими и рѣчными губками, изъ которыхъ вывести онъ доказательства, что ихъ должно рѣшительно отнести къ царству *животныхъ*, а не *растений*, какъ многіе полагаютъ. Клочокъ губки, положенный подъ микроскопъ, явно показываетъ, какъ животное вещество выступаетъ изъ него въ видѣ разноцвѣтныхъ шариковъ, которые шевелятся и измѣняютъ цвѣта. Дюжарденъ производилъ опыты свои надъ *Spongia panicea* и *Cliona celata*, на берегу Ламанша, и надъ обыкновенными *Spongilles de l'Orne*.

Художественныя извѣстія.

Джабатисто Тенерани, ученикъ Торвальдсена, изваялъ барельефъ, изображающій послѣднюю сцену Мучениковъ Шабріана. Самъ Папа пожелалъ видѣть это произведеніе, которое, какъ пишутъ, показываетъ дарованіе необыкновенное.

Доннѣ въ Британскомъ Музѣ, въ Лондонѣ, не позволили снимать слѣпковъ съ древнихъ, драгоценныхъ памятниковъ, тамъ находящихся, исключая Эльгиновыхъ мраморовъ. Теперь это смѣшное запрещеніе уничтожено, и слѣпки дозволяютъ дѣлать со всего, что только находится въ Музѣе.

Юлія 30-го, подь смотрѣніемъ литейщика Стигльмейера, въ Мюнхенѣ отлиты колоссальную статую Шиллера, изваянную Торвальдсеномъ, по заказу въ Стутгартѣ.

Близъ Бордо, въ Сентъ-Эмильонскомъ приходѣ, находится древняя церковь, извѣщенная въ цѣльномъ утѣсѣ, и простирающаяся на 80 футовъ въ длину и 50 въ ширину, такъ, что она превосходитъ обширностью все молилитныя зданія Египта. Но церковь эта со времени революціи была уничтожена и обращена въ кладовую. Теперь епархіальный епископъ велѣлъ очистить сей драгоценный памятникъ, украсилъ его, возстановилъ въ немъ церковь, и 3-го Юлія было освященіе сего храма.

Въ засѣданіе Римской Археологической Академіи, Висконти, секретарь Академіи и комиссаръ Римскихъ древностей, читалъ отчетъ о важномъ открытіи. Онъ нашелъ драгоценныя катакомбы, въ виноградникѣ г-дѣ Франческо и Нотале дель Гранде, за Порте-Маджоре, неподалеку отъ церкви Св. Марцеллина и Св. Петра и гробницы Св. Елены, принадлежащія къ кладбищу, именуемому кладбищемъ Св. Тибурціи, Св. Марцеллина, Св. Петра и *Inter duos lauros*; оно знаменито въ лѣтописяхъ христіанства, и извѣстно было археологамъ потому, что здѣсь найдена большая часть медальоновъ Карпенскаго Музея, описанныхъ Буонаротти. Полъ въ новооткрытыхъ катакомбахъ весь состоитъ изъ превосходныхъ мозаикъ, въ длину на 62 пальмы. Тутъ особенно отличаются шесть картинъ, изъ цвѣтной мозаики, красоты необыкновенной.

Докторъ Берендъ, въ Берлинѣ, изобрѣлъ составъ, которымъ замѣняется литографическій камень. Составъ этотъ наливается на оловянный доски тонкимъ слоемъ, крѣпится застывавъ и походить на эмаль. Изобрѣтатель получилъ привилегію. — Энгельманъ въ Парижѣ разрѣшилъ задачу Парижскаго Общества поощренія промышленности, и представилъ образцы и опыты превосходной *хромолитографіи*, то есть, искусства литографировать и отпечатывать красками, такъ,

что рисунки обходятся вдвое дешевле раскрашенныхъ, не смотря на пѣжность красокъ и чистоту. Способъ его весьма легкой, и Энгельманъ вошелъ уже въ сему изобрѣтенію въ сношенія съ Австрією, Бельгією и Неаполемъ. Онъ беретъ выучить мастера за 12 тысячъ франковъ. Въ сутки можно отпечатывать до 100 экземпляровъ въ 4-ку. — Вотъ еще новое приложение литографіи: въ Швейцаріи придумали отпечатывать литографически, масляными красками, бумажныя ткани, что весьма красиво для занавѣсъ и гардинъ.

Верпету заказали двѣ картины: взятіе Константины Французами, и смерть генерала Дамремона. Онъ отправился въ Африку для сплѣтѣ мѣстности.

Знаменитые часы на Страсбургской колокольнѣ опредѣлено починить. Но смѣть это будетъ стоить до 30,000 фр., и кончится въ три года.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТОРГОВЛЯ.

Важное неудобство для дальнихъ плаваний пароходами состоитъ въ томъ, что потребенъ большой запасъ угля, и мѣсто для его помѣщенія. Арраго представилъ Парижской Академіи новое изобрѣтеніе г-на Бешамеля, приложение коего къ пароходству обѣщаетъ важныя выгоды: изобрѣтатель придумалъ такой механизмъ мачты и оснастки, что при благопріятной погодѣ пароходъ идетъ на парусахъ, а при перемѣнѣ, въ 35 минутъ мачты и снасти убираются, и пароходъ дѣйствуетъ машиною. Извѣстно, что обыкновенная корабельная оснастка и мачты не годятся для парохода, ибо представляютъ сильное сопротивленіе воздуху, и задерживаютъ ходъ.

Въ Лондонѣ произведены удачныя опыты надъ судномъ, которое надобно будетъ называть *ртутходолигъ*, если такіе суда дѣйствительно стануть плавать по морямъ, ибо механизмъ ихъ будетъ приводиться въ движеніе — *ртутью*. До сихъ поръ не придумали только регулятора для этого новаго двигателя.

Начало прямого сообщенія между Петербургомъ и Гавромъ уже сдѣлано: прекрасный пароходъ La Tage прибылъ изъ Гавра въ Кронштадтъ, въ восемь дней, и готовъ везти пассажировъ и тяжести въ Гавръ, мимоходомъ останавливаясь въ Копенгагенѣ. До Копенгагена, съ нищею, платится 145 и 180 рублей, до Гавра 180 и 325 рублей. Въ Петербургъ составила уже компанія по сему предмету, и ея пароходъ совершить три курса пынпипнымъ льдомъ въ Гавръ. — Такимъ образомъ, предположите, что изъ Москвы выѣхалъ пассажиръ за 75 рублей, и въ три дни добѣжалъ до Петербурга въ спокойномъ дилижансѣ; въ восемь дней, онъ въ Гавръ, за 325 рублей, въ прекрасной каютѣ; недѣлю употребляетъ онъ на поездку въ Парижъ и обратно, плыветъ восемь дней до Кронштадта, ѣдетъ три дня до Москвы, и такимъ образомъ — въ *лислицѣ*, со всеми удобствами, съѣздитъ онъ изъ Москвы въ Парижъ и обратно, и истратитъ едва ли болѣе 1500 рублей.

Томасъ Вичамъ, въ Англіи, изобрѣлъ приложеніе механики къ паровой машинѣ, посредствомъ коего можно будетъ рыть каналы и уравнивать землю, безъ пособія заступа и лопаты. Машина можетъ замѣнять 3000 работниковъ, ибо срываетъ и вырываетъ въ день 150,000 куб. фут. земли, а для управленія ею потребно только четыре человека.

Въ Пиръ-Гидъ, въ Англіи, производили удачные опыты надъ изобрѣтеніемъ для спасенія утопающихъ въ морѣ. Новый способъ состоитъ въ особеннаго устройства ракетѣ, къ которой привязывается веревка; ракету пускаютъ въ то мѣсто, гдѣ бѣдствуютъ утопающіе, и она, упадая въ воду, даетъ средство ухватиться за пустой цилиндръ, привязанный къ концу веревки.

Но если люди придумываютъ средства спасать, то не забываютъ средства и губить своихъ ближнихъ. Юня 6-го произвели близъ Лозанны опыты надъ зажигательными пулями (*balles incendiaires*), которыя изобрѣлъ Родольфъ Пинкаръ, помощникъ Лозанской школы рисованья. Безъ всякой опасности для стрѣлка, проклятыя пули эти далеко и мѣтко попадали, и зажигали все, къ чему касались.

Не столько говорятъ теперь объ Испанской войнѣ, сколько объ асфальтѣ и моченіи имъ тротуаровъ. Опытъ сдѣланъ уже теперь и въ Петербургѣ, на пространствѣ нѣсколькихъ сажень, подлѣ забора Исаіевскаго собора, между Почтамтскою и Морскою. Во Франціи асфальтъ сводитъ съ ума не менѣе желѣзныхъ дорогъ. Мы поговоримъ подробнѣе объ этомъ предметѣ.

Съ восторгомъ описываютъ въ Англійскихъ газетахъ новое изобрѣтеніе, посредствомъ коего найдено средство очищать дно гаваней и проливовъ отъ кораблей, въ нихъ потонувшихъ, и опасныхъ не менѣе подводныхъ камней. Въ устьѣ Темзы находился громадный остатъ корабля подлѣ водою. Спустившись въ водолазномъ колоколѣ, привѣртыли къ нему цилиндры съ порохомъ, и провели трубки отъ нихъ, съ мяготью, на берегъ. Потомъ зажгли эту *подводную* мину, и дѣйствіе ея было великолѣпно и ужасно: отъ 4000 фунтовъ загорѣшагося пороха, вода взлетѣла горою на 70 футовъ вышины, черный паръ хлынулъ со два рѣки, и въ немъ вылетѣли во всѣ стороны доски, мачты, бревна; берега Темзы потряслись на нѣсколько верстъ кругомъ. Громъ рукоплесканій загремѣлъ между зрителями, которые собрались толпами, и лодки начали подбирать обломки корабля, плававшіе по рѣкѣ.

Извѣстно, какое опустошеніе причиняетъ випоградъ насѣкомое, извѣстное подлѣ именемъ *огонки* (*pyrale*). Тулузскій ботаникъ Депаксъ испыталъ, что это насѣкомое особенно любить листья *болотныхъ бобовъ*. (*fèves de marais*). Обсаживая ими випоградъ, Депаксъ всегда охранялъ его отъ вреда, ибо насѣкомое бросалось съ особенною жадностью на бобы, клало потомъ на нихъ свои лички, и потому легко было осенью вырвать это растеніе, и сжечь его, вмѣстѣ съ зародышами насѣкомыхъ.

Томасъ Френчъ, въ Нью-Йоркѣ изобрѣлъ книгопечатный станокъ, который печатаетъ на безконечномъ листѣ бумаги. Бумага выдѣлывается длиною смотря по тому, сколько необходимо листовъ для книги, при готовомъ наборѣ литеръ въ кассы.

Такимъ образомъ при сдѣланномъ опытѣ, въ три минуты готовъ былъ экземпляръ книги въ 356 страницъ.

По изслѣдованіямъ Дерптскаго химика, г-на Гебели, можно добывать превосходную красную краску изъ растенія, находящагося въ изобиліи по низовью Волги, въ Кавказской области и въ Крыму, и называемаго *юзурумъ* (rehanum hastata). Его употребляютъ въ Анатолиі для крашенія есока особенно. Бумага, имъ окрашенная, терпитъ мытье, и липлеть только отъ мыла. Но этому надѣются пособить химическимъ приготовленіемъ бумаги прежде крашенія.

Въ Кенигсбергской газетѣ увѣдомляютъ, что Жиды вывезли изъ Сѣверной Америки большое количество желтой, прозрачной копаловой смолы, и продаютъ ее за янтарь. Правительство Прусское предостерегаетъ объ этомъ обманѣ.

Перепечатываніе въ Бельгій достигло высшей степени совершенства. Тамъ изобрѣли средство дѣлать химическіе оттиски съ листовъ газетъ, не пабирая ихъ вновь, такъ, что тотчасъ по полученіи иностранной почты Journal des Débats будетъ перетиснуть, и продаваемъ *вететро* дешевле противъ настоящаго листа. Если уже Бельгійскіе перепечатки и безъ того губили иностранныхъ книгопродавцевъ, что будетъ теперь, когда всякую книгу перетиснутъ безъ литеръ и типографій, и точно въ такомъ, какъ Парижскій, напримѣръ, форматъ, станутъ продавать за четвертую долю цѣны?

Извѣстно, какую гибель причиняли пожары бумагамъ, билетамъ, ассигнаціямъ. Механикъ Чуббъ изобрѣлъ теперь сундуки, въ которыхъ все это безопасно отъ огня. Сундукъ его поставили въ печь, раскалили до красна, и бумаги въ него положенныя, были потомъ найдены совершенно цѣлыми. Кромѣ того, сундука этого нельзя изломать, и невозможно отпереть его, не зная секрета.

Географія и Статистика. Во время ужаснаго землетрясенія, опустошившаго Таоманійскій городъ Лезея (С. О. Маргъ, отд. V, стр. 84), послѣдовало рѣдкое вулканическое явленіе: близъ

Австраійскихъ береговъ, въ $2\frac{1}{2}$ мѣ, изъ нѣдръ моря выдвинулся на 150 футовъ надъ поверхностью морскою островъ, $\frac{1}{2}$ мѣ шириною, $1\frac{1}{2}$ мѣ длиною и около трехъ мѣ окружностью. Почву его составляетъ безобразная гряда гранита, лавы, известкового камня, покрытая раковинами и морскими растеніями.

По ревизіи Нидерландскаго Королевства, въ Январь 1837 года, народонаселеніе его было слѣдующее:

Сѣверный Брабантъ	362,781
Гельдернъ	352,395
Сѣверная Голландія	422,503
Южвая —	503,354
Зеландія	144,220
Утрехтъ	138,922
Фрисландія	224,615
Оверъ-Эйссель	183,722
Гронингенъ	170,691
Дрентъ	69,319
	<hr/>
	2,557,522.

Въ семь числъ: Реформатовъ 1,518,700, Лютеранъ 55,400, Католиковъ 877,674, Апабаптистовъ 160,000.

Число Англійскихъ кораблей, отъ 3-хъ до 120 пушекъ, находящихся теперь въ дѣйствительной службѣ по всѣмъ морямъ, простирается до 166; военныхъ шлюповъ, служащихъ пакетботами, считаютъ до 24.

Число родившихся въ Россіи, въ 1837 году, Христіанъ Католическаго и Армяно - Католическаго исповѣданія, составляло 50,282 муж. и 53,785 женск. пола; умершихъ было 35,845 муж. и 53,975 женск. пола; бракомъ сочетавшихся 26,332 пары.

Въ 1837 году выдѣлано въ Россіи картъ игральныхъ 173,338 дюжинъ и 9 колодъ (то есть, 2,080,065 колодъ). Въ томъ числѣ: глаетныхъ 250 дюжинъ, атласныхъ 8,000, золотообрызныхъ 14,000, отборныхъ 55,000, 1-го разбора 76,100, низшихъ сортовъ 19,988.

О Дюмонъ-Дюрвилъ получены извѣстія, что 12-го Декабря корабли его экспедиціи находились при вхождѣ въ Магеллановъ Провиль; они пошли по проливу, и 15-го стали въ Годонномъ Заливѣ; 28-го прошли мимо крайней оконечности Южной Америки, мыса Фраворда, гдѣ сливаются волны Атлантическаго и Тихаго Океановъ, и 29-го стали въ заливъ Фортеске. Декабря 31-го перешли въ заливъ Французовъ, и 10-го Января предполагали выйти изъ залива и направиться къ южному полюсу. Состояніе экипажей и кораблей благополучно.

Зрѣлища и Музыка.

Вдова Веберъ продала одному изъ Берлинскихъ издателей сочиненія мужа своего, до нынѣ бывшія неизвѣстными. Въ числѣ ихъ находятся: симфонія для большаго оркестра, en ut majeur; концертно для виолончели en re majeur; канонъ на 6 голосовъ; собраніе квартетовъ, для двухъ скрипокъ, альтъ и баса; похоронная пѣснь, на 4 голоса, съ оркестромъ; соло для флейты, съ аккомпаньманомъ, и разныя пѣсы для фортепіано. Все это уже гравировано.

Дилеттанты Петербургскіе съ восторгомъ услышали о прѣздѣ въ Петербургъ г-жи Шоберлехнеръ, (урожденной *Далокка*), и о томъ, что она намѣрена дать здѣсь концертъ, или лучше сказать, согласилась на просьбу — позволить послушать ея голосъ, столь прежде знакомый слуху и сердцу. Мы слышали, что она признается теперь одною изъ первыхъ кантатрисъ въ Европѣ; что въ Вѣнѣ увѣнчали ее лаврами, и съ торжествомъ провожали до ея квартиры; что она спѣшитъ скорѣе ѣхать въ Миланъ, гдѣ на праздникахъ вдохновенной Италіи ждутъ ее восторги юга; что она прѣѣхала въ Петербургъ только повидаться съ престарѣлымъ своимъ отцомъ... И вотъ, Юня 13-го слышали мы г-жу Шоберлехнеръ. Не смотря на жары, на дачи, на цѣну мѣста въ Большомъ Театрѣ (ложи были 100, 75, 50, 25, 15 руб., кресла 25, 15, 10 руб.), на то, что г-жа Шоберлехнеръ пѣла только каватину Дошцетти, арію изъ Нормы и Швейцарскія варіаціи Шиксиса, театръ былъ полонъ, публика въ восторгъ, пѣвица вызвана семь разъ, рукоплесканія были à la Taglioni, и дилеттанты чуть не плачутъ, что спѣ-

ла ѣхать, г-жа Шоберлехнеръ отказалась отъ втораго концерта. Но что вамъ говорить въ прозѣ? Лучше передадимъ читателямъ стихи, которые получили мы при слѣдующей запискѣ:

«По отъѣздѣ изъ Россіи извѣстной пѣвицы Далокка (нынѣ г-жа Шоберлехнеръ), одинъ страстный любитель ея пѣнія, и ревностный почитатель ея необыкновеннаго дарованія, написалъ стихи; тогда печатать ихъ было грустно — *прости* всегда печально..... *Теперь*, когда оцѣненная всею Европою, знаменитая пѣвица опять съ нами, это «прости» обращается въ *привѣтъ* радостнаго свиданія»

ДАЛОККА.

Далокки голосъ — звукъ небесъ!
Какъ душу трогалъ онъ глубоко!
Ужель небесный звукъ исчезъ?
Онъ не исчезъ, но онъ — далеко!

Краса страны своей родной,
Она въ Италіи — *Далокка*:
За чѣмъ такъ дологъ путь земной?
За чѣмъ ты, море! такъ широко?

Привыкну голосъ твой внимать,
Когда жъ мы вымолимъ у рока,
Чтобы *далека*, опять
Отъ насъ была-бы не далеко?

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

1. *Lettres sur l'Amérique du Nord* (Письма о Сѣверной Америкѣ) par Michel Chevatier, 3-e édition augmentée, 2 т. Париж, 1838 г. in 8.

2. *Voyage en Abyssinie, etc.* (Путешествіе по Абиссиніи, въ землѣ Галла, Шоа и Ифатъ, съ поздкою по Счастливой Аравіи, и картою). Par Ed. Combes et Tamisier, Tomes III и IV, Париж, 1837 г. in 8.

3. *Peyssonel et Desfontaines. Voyage dans le régences de Tunis et d'Alger, etc.* (Пейссонелъ и Дефонтена, путешествіе по землямъ Тунисскимъ и Алжирскимъ, изд. Дюро де Ламаллемъ), Париж, 1838 г. 2 т. in 8, съ картою и рис.

4. Aesthetik der Tonkunst (*Эстетика музыки*). Соч. Ферд. Гауда. Лейпцигъ 1838 г. in 8, томъ I.
5. Geschichte der Amazonen (*Исторія Амазонокъ*). Соч. Нагеля. Штутгардтъ, 1838 г. in 8, съ картою.
6. Utwasi der Preis der Tapferkeit (*Урваси, Награда храбрости. Индійская драма Камидиза*, пер. съ Санскритскаго Гереромъ), Берлинъ 1837 г. in 8.
7. Reise in die Lombardey, etc. (*Путешествіе по Ломбарди, и возвращеніе черезъ Швейцарію и Бергій Рейнъ, въ отношеніи географіи, земледѣлія и политической экономіи*). Соч. Фр. Румора. Любекъ, 1838. г. in 8.
8. Lessings saemmtliche Schriften (*Полное собраніе сочиненій Лессинга*, издав. Лакманномъ). Берлинъ, 1838 г. in 8, томъ I (всего будетъ 12 томовъ).
9. A voyage round the World, etc. (*Путешествіе вокругъ свѣта въ 1835-1837 гг., съ описаніемъ посольства къ Султану Маскатскому и Царю Сиамскому*, опис. Рушенбергеромъ, медикомъ при сей экспедиціи). Лондонъ, 1838 г. 2 т. in 8, съ рис.
10. The poetical works of Thomas Campbell (*Поэтическое собраніе Т. Кемпбелля*). Новое изданіе. Лондонъ, 1838 г. in 8, съ впп.
11. Psalterium copticum (*Коптскій Псалтирь*). Ad. cod. fidem recens lectionis varietati et Psalmos Arosciphos Sahidica dialecto conscriptos ac primum a Woidio edit. Ad. jecit Ideler. Берлинъ 1838 г. in 8.
12. Annales for Nordisk Oldkyngighed (*Записки и лѣтописи Королевскаго Археологическаго Сѣвернаго Общества*). Копенгагенъ, 1836 и 1837 г. in 8, отд. I, съ рис.
13. De nederlandsche Volks romans (*Нидерландскіе протонародныя романы*), собр. Фанъ деръ Бергомъ (v. d. Bergh). Амстердамъ, 1838 г. in 8.
14. Die Konditorei des Orients (*Кондитерское искусство на Востоку*). Соч. Уггера. Аены, 1838 г., съ рисунками.
15. Sagen der nord-amerikanischen Indianer (*Преданія дикарей Сѣверной Америки*). Альтенбургъ, 1838 г.
16. Litterarische Reise nach Italien (*Литтературное путешествіе въ Италію, совершенное Палацциемъ въ 1837 г., для изысканія матеріаловъ для Исторіи Богеміи и Моравіи*). Прага, 1838 г. in 4.

17. Nemrod, ou l'Amateur des chevaux des courses (*Нимиродъ, или охотникъ до скаковыхъ лошадей. Записки о новѣйшихъ методахъ размножать, воспитывать и въязжать скаковыхъ лошадей*) Соч. Джемса Анперлея (Appreley) Парижъ, 1838 г. in 8 (классическое сочиненіе по своему предмету).

18. La chute d'un ange, episode par Alphonse Lamartine (*Паденіе Ангела. Эпизодъ*). Парижъ, 1838 г. 2 т. in 8, и in 18. — (Новая поэма Ламартина, послѣ которой, кажется, надобно припомнить любезному поэту, что ему пора перестать писать стихи).

19. Antiquitates Americanae, etc. (*Американскія Древности, или повѣствованія Сѣверныхъ писателей объ Америкѣ до времени Колумба*). Копенгагенъ, 1837 г.

20. Samling af de i Nordens Oldskrifter indeholdte Efterretninger om de gamle Norboers Opdagelsesreiser til America, etc. (*Собраніе доказательствъ, содержащихся въ древнихъ Сѣверныхъ писателяхъ, о путешествіяхъ и открытіяхъ въ Сѣверной Америкѣ, учиненныхъ древними обитателями сѣверной Европы, отъ 10-го до 14-го столѣтія*). Издано Королевскимъ Обществомъ Сѣверныхъ Древностей. Копенгагенъ, 1837 г.

Разборъ двухъ этихъ важныхъ сочиненій будетъ помѣщенъ въ Слѣсь Отечества.

21. An Epitome of the History of Ceylon, etc. (*Сокращеніе Цейланской Исторіи, составленное изъ туземныхъ лѣтописей, съ прибавленіемъ первыхъ 20-ти главъ Магаванъ*). Собранное и перев. Г. Турноуромъ. Цейланъ, 1836 г. — (Предварительное извѣстіе объ огромномъ трудѣ автора, съ нѣкоторыми прибавленіями).

22. Dona Isabel de Solis, Reyna de Grenada. Novela Historica (*Дона Изабелла Солисъ, Гренадская Королева. Историческая повѣсть*). Соч. Дона Франциска Мартинеса де ла Госье. Мадридъ, 187 г. (Всего любопытнѣе это сочиненіе по имени автора, министра и поэта въ одно время).

23. La femme Noire, par M-r Gretsche (*Черная Женица*). Соч. Н. Греча). Пер. съ Русскаго г-жею Софією Конрадъ. Парижъ, 1838 г. — (Переводъ извѣстнаго романа Н. И. Греча. Мы передадимъ нашимъ читателямъ выгодные отзывы Французскихъ журналистовъ объ этой книгѣ).

Тальони прибыла на пароходъ изъ Лондона въ Гамбургъ, 16-го Іюля.

Добродѣтельный помѣщикъ въ Австрійской Галиціи, Графъ Станиславъ Габданкъ Скарбекъ, устроиваетъ въ Лембергѣ благотворительное заведеніе, гдѣ предполагается учредить больницу на 400 кроватей, и ремесленную школу на 600 человѣкъ бѣдныхъ сиротъ. Завѣщаніемъ своимъ отказывается онъ сему заведенію все свое имѣніе, состоящее изъ трехъ мѣстечекъ, тридцати деревень и театра въ Лембергѣ.

Пишутъ, что какой-то ученый браминъ въ Индіи перевелъ на Сانسритскій языкъ Иліаду, которую хотѣтъ печатать въ Калькутѣ. Имѣ переводчика Босбу-Гришндеръ-Боресъ.

Изъ Теплица писали отъ 16-го Іюля: «Не смотря на дурную, неблагоприятную для пользованія водами погоду, число посѣтителей возрастаетъ здѣсь болѣе и болѣе. Этому не мало способствуетъ извѣстіе, что въ скоромъ времени съѣдутся въ здѣшнемъ городѣ многіа знаменитыя особы. Между прочимъ ждуть Принца Адама Виртембергскаго, Принца Георга Ангальтъ-Дессаускаго, Князей Лихтенштейна и Виндишъ-Грецца, Россійскаго вице-канцлера Графа Нессельрода, Прусскаго министра иностранныхъ дѣлъ Барона Вертера и Россійскаго посла при Вѣскомъ дворѣ, Татищева. Генераль-фельд-маршалъ, Графъ Менсдорфъ-Пулицъ, командующій войсками въ Богеміи, находится уже здѣсь. Въ теченіе года въ Теплицѣ произошли важныя перемены и улучшенія, и видъ его весьма измѣнился. Этимъ доказывается желаніе доставлять посѣтителямъ всѣхъ подобныхъ заведеній Богеміи возможныя пріятность и удобство. Для сего стоитъ только взглянуть на новое прелестное заведеніе на Юденбергѣ, откуда открываются, въ великолѣпной картинѣ, весь Теплицъ и Шенау, Рудныя Горы, Шлосбергъ, и знаменитая гора Миллешауеръ (Доннербергъ); на прекрасную, вновь проложенную дорогу къ величественному Шпиттельбергу; на построенія въ городѣ и въ Шенау многихъ красивыхъ домовъ; на улучшеніе наружнаго и внутренняго вида купальни. Площади и улицы возмощены дикимъ камнемъ; словомъ, попечительность Пра-

вительства и дѣятельность чиновниковъ не перестаютъ дѣлать повсюду перемены и улучшенія.»

Марта 16-го, на Англійскомъ пароходѣ Викторія лопнулъ котель, при чемъ убито было пять человѣкъ. Іюня 14-го несчастный пароходъ этотъ съѣхался на Темзѣ съ бригомъ — при жестокомъ ударѣ опять лопнулъ на немъ котель, и два машиниста и трое матросовъ были убиты.

Въ воскресенье, 3-го Іюля, случилось замѣчательное происшествіе на Царскосельской желѣзной дорогѣ. На 16-й верстѣ отъ С. Петербурга, шины были положены съ весьма малыми промежутками въ стыкахъ, и при сильномъ солнечномъ зноѣ, вся линія шинъ, раздаваясь мало по малу, заставила двѣ изъ нихъ выпереться изъ прямой линіи. Когда же паровозъ приблизился къ этому мѣсту въ третьемъ часу, то сторожъ, на семь простраствъ находившійся, давъ знакъ Англичанину, управлявшему паровозомъ, который немедленно приостановилъ ходъ машины. Не смотря на то, два заднія колеса сошли съ рельсовъ, и паровозъ вмѣстѣ съ тѣмъ остановился; пассажиры перемѣщены были на прѣхавшіе изъ Царскаго Села экипажи, и отправились къ мѣсту. Между тѣмъ приступили къ выравниванію линіи, но когда стали вкладывать послѣднюю пару шинъ, то оказалось, что онѣ на цѣлый вершокъ длиннѣе, нежели оставшееся для нихъ мѣсто, что произошло по причинѣ расширенія шинъ отъ солнечныхъ лучей. Посему принуждены были послать шины въ Царское Село, дабы отрубить отъ нихъ по верхушкѣ, и тогда токмо возможно было вставить ихъ на свои мѣста. Въ семь часовъ пополудни, поѣздка опять началась, и продолжалась правильно.

Вотъ примѣры необыкновенныхъ рожденій въ Россіи: Декабря 21-го, 1837 г., Богуславскаго уѣзда, въ селѣ Каринловкѣ крестьянка родила трехъ младенцовъ; Ноября 25-го, Хотинскаго уѣзда, въ селеніи Тарасоуцѣ, Марія Коржеть родила также тройни; подобныя же примѣры замѣнены въ Февралѣ сего года, Котельницкаго уѣзда, въ селѣ Зиновскомъ, Вилейскаго уѣзда, въ деревнѣ Равицизѣ, и Калужск. уѣзда въ селѣ Чижевкѣ. — Ворон. губ. Павловск. уѣзда, въ селѣ

Кленовъ, у однодворца Попомарева, въ Іюнь 1837 г. родилось дитя безъ ногъ и съ одною рукою; Новг. губ. Тихв. уѣзда, въ селѣ Лукъ, крест. Андреева родила двухъ сросшихся дѣвочекъ, умершихъ черезъ два часа.

Поговоримъ о *странностяхъ* — не любви, а — погоды. Іюня 10-го на берегахъ Неккера выпалъ градъ съ снѣгомъ, и сдѣлалъ такой сильный холодъ, что вода замерзла и молодежь вечеромъ играла въ свѣжки. Въ тотъ-же день, въ Итали, въ окрестностяхъ Препесты и Тускулума былъ морозъ. — Близъ острова Оланда, въ началѣ Іюня лежало еще много льду, и даже плавали льдины толщиной въ 9 локтей. — Іюня 13-го въ Казани свирѣпствовала жестокая буря. — Іюня 14, близъ Шамбери, въ Савойи, подлѣ деревни Чизинно выпало множество аэролитовъ. — Іюня 15-го, въ Сень-Кентенъ, во Франціи, жестокая тромба переломала множество деревьевъ и стросній. — Апрѣля 4-го, въ Кизлярѣ, вечеромъ, при ясномъ небѣ видѣли огненный метеоръ; растянутый на подобіе ужасной змѣи, онъ горѣлъ около четверти часа.

А вотъ и «странности любви» — Лордъ Кастельре такъ влюбился въ славную пѣвицу Гривизъ, что написалъ къ ней письмо. Мужъ пѣвицы, monsieur Мельси разсердился, вызвалъ лорда на дуэль; они стрѣлялись, лордъ былъ раненъ, и клятвенно увѣрилъ раздраженнаго супруга, что жена его ни когда не подавала ему лорду никакого повода къ дерзкому посланію.

Кто не надѣялся, что изъ билетовъ лотереи Польской не выпадетъ на его именно долю драгоценный №, въ которомъ будетъ 900,000 золотыхъ, столь пестро и обольстительно выглядывающихъ изъ оконъ магазиновъ и конторъ по Невскому проспекту? Тысячи ожидали, но нашелся *одинъ* счастливецъ, которому скатились съ колеса фортуны 900 т. золотыхъ! Куда-же скатились они? Въ Палкинскій трактиръ, въ карманъ *маркера* *Алексея Рижскаго*. Любопытно-бы видѣть этого человека, когда среди восклицаній его: «Десять и ничего» — пятнадцать и три — ему возвѣстили, что онъ обладаетъ *полумилліономъ* рублей!...

VI.

ИЗВѢСТІЯ И СМѢСЬ.

ПИСЬМА ИЗЪ С. ПЕТЕРБУРГА.

ПИСЬМО I.

ТАВРИЧЕСКІЙ ДВОРЕЦЪ.

Ты хочешь, чтобы я сказалъ тебѣ что нибудь о нѣкоторыхъ образцахъ искусствъ, разбросанныхъ по Петербургу и его окрестностямъ: ты требуешь многого, и не по силамъ, но постараюсь отчасти исполнить твоё желаніе.

Мои слова будутъ отголоскомъ впечатлѣній на меня самого — не стану натягивать теорій въ пользу своего мнѣнія, а скажу что думаю.

Начнемъ съ *Таврическаго Дворца*. Когда пройдеши съ главнаго входа переднюю комнату, направо, въ углу, увидиши грустное изображеніе *Эндиміона* (en bas relief). Остановимся передъ нимъ: это лучший изъ всѣхъ Эндиміоновъ, которыхъ я знаю. Здѣсь мнѣ получаетъ новую, свѣжую прелесть — посмотри, какъ безмятеженъ сонъ этого любимаца Діаны, какъ много жизни и выраженія въ самомъ спокойствіи спящаго! Сонъ его сладокъ, сповиднѣе еще сладостіе — оно разлилось свѣтлыми лучами по лицу его, и проглядываетъ сквозь черты привѣтливаго лика — того и жди, что сповиднѣе разбудитъ соннаго красавца! Этотъ Эндиміонъ выражаетъ все блаженство покоя: въ немъ такъ много аналогій съ нею, самою царицею ночи..... Хороша сказка — сонливецъ лучше.....

На-лѣво отъ Эндиміона, на пьедесталѣ, небольшая статуя *Силена*. Какая поразительная разница въ выраженіи! Какъ

тученъ, какъ пенство хороше этотъ Сиаень! Смотря на него, конечно, сознаешь въ немъ типъ вакхической жизни, и при этой тучности, при этой обветшалости, поддержанности членовъ, какая легкость въ положеніи его! Онъ стоитъ, опершись на лѣвую ногу, легкою, ловкою и *граціозною*. Въ Индіи, во Фригійи, въ Тринакрии, много выпилъ онъ вина, и онъ достоинъ вина, имъ выпитаго. Ничѣмъ не напоминаетъ онъ плебейскаго порока — нѣтъ въ немъ сожалѣнія о множествѣ выжатыхъ гроздовъ, не волнуешь его неблагородное желаніе еще ихъ повыжать. Увѣренность въ себя и спокойствіе говорятъ, что онъ любимецъ Вакха. Въ рукѣ его маленькая, прелестной формы — чаша. По мнѣ, тутъ символа даже и не нужно-бы.

Вотъ еще прекрасная вещь: *фигура утопающаго мальчика, вынесеннаго изъ волны дельфиномъ*. Опухлость и мягкость лица и членовъ раскнипушагося младенца ярко изображаютъ положеніе Нептуновой жертвы; глазъ и мысль съ удовольствіемъ останавливаются на фигурѣ, созданной вѣрно, и по положенію и по природѣ своей. Формы мальчика роскошны, лицо выразительно. Это Меллицертъ-Палемонъ, сынъ Царя Адамаса, отъ супруги Ино-Левкотен.

Кромѣ этихъ трехъ фигуръ, изъ которыхъ двѣ первыя антики лучшаго Греческаго стиля, первую залу украшаетъ множество небольшихъ статуй и бюстовъ. Изъ нихъ нѣкоторые новые, но большая часть принадлежитъ къ позднѣйшимъ, наилучшимъ временамъ Греческимъ, Греко-Сицилійскимъ и Римскимъ. Иные бюсты весьма удачно изображаютъ типы и характеры своихъ лицъ; между ними не дурны все мѣологическія, въ особенности хороша одна *Вакханка*; не дурна и голова *Сципіона*. Тутъ же поставлена прелестная копія *Купидона*, извѣстнаго подъ названіемъ *Версальскаго*, или *эроликаго*.

Изъ новѣйшихъ можно замѣтить *лежачую женскую фигуру*, одного изъ художниковъ нашей Академіи; фигура эта, хотя она и хороша, но не то Венера, не то Вакханка. Такая же неопредѣлительность выраженія лишаетъ эффекта оригинальную группу, поставленную на деревянномъ помостѣ, при выходѣ изъ залы въ зимній садъ, на право — это *Аполлонъ и Дафна, превращающаяся въ лавръ*: лучезарный богъ догналъ бѣглянку, но мольба Дафны достигла дѣвственной богини; передъ Аполлономъ не образъ красоты, а дерево; листья

развертываются изъ рукъ, ноги становятся коряпы. Выборъ момента неудаченъ; метаморфоза, представленная въ формахъ осязательныхъ, становится недоступною для мысли; виднѣ что-то странное, а странность — вредъ изящному. Противъ этой группы другалъ — также оригинальная — *Амуръ съ Психеей*: Душенька, съ свѣтлыиномъ въ рукѣ, подкралась къ спящему, и видитъ бога любви, а не чудовище. Формы ея роскошны, но недовольно легки, недовольно дѣвственны въ своего типа. Здѣсь опять недостатокъ въ выраженіи, а неопредѣленность характеровъ едва-ли не признакъ безсилія творчества. Между этими двумя группами — *группа Лаокоона*. Но меня одолеваетъ паническій страхъ, при одной мысли говорить хоть только о копіи этого исполнскаго созданія древности...

Насъ ждетъ еще много прекраснаго, и я охотно пользуюсь случаемъ обратиться къ другому.

Не доходя правыхъ дверей, ведущихъ въ открытый садъ, стоитъ небольшая статуя, не каменная, обыкновенная фигурка, съ Греко-Сицилійскимъ, сухощавымъ лицомъ. Это *статуя древлаго селянина*. Художникъ, кажется, не звалъ къ себѣ ни идеала красоты, ни мысли, ни преданія, а неодолимо влечетъ вниманіе этотъ бѣднякъ Грекъ. Разверзты уста изобличаютъ движеніе, хотя выразительное лицо фигуры безстрастно; кажется, и поща въ рукѣ мужика не его, не па его семейный обѣдъ. Не думы провели морщины по этому челу, а мелкія житейскія заботы, и съ такою покорностью взоръ этотъ смотритъ вокругъ, что всматривался въ бѣдняка, становится легче собственныи участокъ жизненной пощи. Уже не это ли зовутъ дѣйствительностью, сосредоточенною въ художническомъ одушевленіи? И смирился, и задумался о томъ, не одна ли истина достойна осуществленія въ изящномъ? Въ продолженіе моего четырехлѣтняго сосѣдства съ Таврическимъ Дворцомъ, къ сожалѣнію, я не могъ ни отъ кого узнать, откуда къ намъ попалъ этотъ чудесный антикъ. Онъ сохраненъ какъ нельзя лучше, и поставленъ подъ дверей, ведущихъ во внутреннія комнаты.

Кстати: одна изъ этихъ комнатъ изукрашена *Каналеттани*, которые привезены вмѣстѣ съ другими вещами, изъ Варшавскаго дворца. Странное дѣло! Добро бы архитектура Каналетовскихъ зданій отличалась фантазій, изяществомъ и прелестію стиля, какими отличается архитектура Пуссенева

— ни чуть не бывало: эти дома и улицы, какъ и всѣ дома и улицы того времени; но чѣмъ больше будешь всматриваться, тѣмъ больше благороднѣйшая часть искусства выступитъ впередъ. Перспектива, светотѣнь, тѣни, въ заманчивой игрѣ своей, невольно увлекутъ далье, глубже, въ улицы, въ сады, въ дери, окна, до современностей домовъ. Идея о жизни близка, мысль шевелится и взглядъ оживаетъ, и ты живешь, потому что живетъ картина! Вотъ гдѣ легко понять, легко отдалить идею движенія отъ идеи жизни. А это небо, этотъ воздухъ, этотъ прозрачный воздухъ и облака, рѣшетки и сады, движущіяся толпы народа, поѣзды и шествія, все это дышитъ жизнью и истиной. О перспективѣ Кавалета и говорить нечего — оно просто волшебство. Здѣсь ясно поймешь, ясно сознаешь, что для гения равны всѣ средства. Не сверху внизъ, не осуществленіе небеснаго является здѣсь, но на оборотъ: существованность возвышена до идеала — здѣсь апофеозъ дѣйствительности.

Говоря о Капалетѣ, какъ не вспомнить о нашемъ Александрѣ. Ты знаешь его *Московскіе виды*?

Въ этихъ же комнатахъ дворца есть нѣсколько замѣчательныхъ картинъ, не смотря на то, что онѣ потерпѣли отъ времени и известны менѣе другихъ. *Виды города Дрездена и его окрестностей* прекрасны. Но обратимся къ нашимъ мраморамъ зимняго сада.

Нѣсколько колоссальныхъ бюстовъ, почерпнувшихъ отъ времени, украшаютъ углубленіе — это *антики, найденныя въ Керки*. Большая и лучшая ихъ часть хранится въ Эрмитажѣ; такъ, стало быть, обѣ ихъ до времени. Много копій, изъ которыхъ нѣкоторые весьма удачны, красуются тамъ и здѣсь на помостахъ, возлѣ стѣнъ и въ нишахъ. Само собою разумѣется, что лучшіе съ лучшихъ оригиналовъ. Не дурна группа *Пигмалиона и Галатея*, гдѣ милая, смѣло и оригинально созданная фигура, выкупаетъ всѣ мелкіе недостатки цѣлаго. *Геркулесъ Фарнезскій, Аполлонъ, Гладіаторъ* (спорное названіе) и *Венера Медицейская* тебѣ известны. Что новаго можно сказать объ нихъ?

Кромѣ этого, собраніе произведеній ваянія въ Таврическомъ Дворцѣ особенно богато *барельефами*; изъ нихъ есть превосходные и лучшіе Греческихъ временъ. Къ сожалѣнію, не всѣ они поставлены удобно; многіе, безъ особеннаго усилія, недоступны ближайшему разсмотрѣнію. По большей

части, они въ маломъ форматѣ, и видимо служили внутреннимъ украшеніемъ зданій.

— Гдѣ же наша богиня? спросишь ты — гдѣ наше сокровище?

На лужайкѣ, окруженной зеленою померанцовыхъ деревъ, красуется женская фигура, въ ростъ: это наша *Венера Таврическая*. Поза и положеніе статуи вообще, весьма мало отличаются отъ позы болѣе извѣстной Венеры *Medici*, но красота ея — иная красота.

Прежде однакожь чѣмъ станешь смотреть, сними съ себя плащъ и брось его на ноги богини; старайся, какъ бы не выдать и рукъ ея: ты и другіе вновь придѣланы, не хороши, и могутъ помѣшать эффекту цѣлаго, если ты не предупредишь себя.

Не поражаетъ эта статуя съ перваго взгляда. Почерпнувшая отъ столѣтій, прекрасная легкая фигурка эта не толкаетъ вниманія. Но взгляди въ это дѣльное спокойствіе, въ эту гармонию формъ; сознай въ ней эту млечность, эту дѣвскую, стыдливую мягкость; развей мысль свою, глядя на эту, граціями наклоненную позу; попытайся, подумай, и ты долго, можетъ быть, будешь смотреть на Венеру Таврическую, не оторвешься отъ дѣвственной богини любви, если провидѣніе дало тебѣ хоть искру любви къ изящному. Въ ней слиты *прекрасное и милое*, но этимъ многое еще остается не доказано.

Статуя Венеры — апофеозъ художественнаго идеала. Смотришь и чувствуешь, что мало одной любви, мало способности принимать впечатлѣнія, чувствуешь, что надобно быть достойнымъ, чтобы достойно смотреть на такой образецъ изящнаго. Уйдешь прочь отъ статуи и возвратишься, и снова станешь глядѣть и не насмотришься. Великое дѣло художество, великое дѣло идеаль, явленный въ формахъ! Какое-то безсиліе для выраженія твоихъ помысловъ нападетъ на тебя; ты станешь искать сравненій — и сама Тальони покажется тебѣ *только талиовицею*. Но если сравненія вообще доказываютъ безсиліе разсужденія, которое хватается за окружающія подпорки, когда нѣтъ внутренней силы, то сравненія въ изящномъ, едва ли не безсмыслица. Какова же послѣ этого и Тальони! — Венера драгоценный перлъ Таврическаго Дворца. Посмотри, какой она безконечный рядъ фигуръ, въ полномъ блескѣ изящества и совершенства! Не въ

риши? Обойди ее кругомъ, обойди такъ медленно, какъ только можешь, и отыщи точку, съ которой она не казалась-бы тебѣ послѣдовательно совершеннѣе; улови моментъ, въ который, съ каждымъ движеніемъ головы твоей, не открывались бы тебѣ всегда новыя, прелестныя очертанія, гармонически сосредоточенныя въ одно плѣнительное цѣлое, въ одну светлую мысль..... Нѣсколько разъ -- стоишь бывало, поникнешь головой, и -- самъ превратился въ статую.....

— » —

Первое плаваніе (*Отрывокъ изъ письма къ подругѣ*).

Поздно вечеромъ пріѣхали мы въ О.....ъ, и тотъ же часъ пошли гулять по городу; вечеръ былъ прелестный; озеро не колебалось; усеянное звѣздами небо отразилось въ немъ, какъ въ зеркалѣ, и луна, плавающая въ волнахъ, была еще красивѣе той, которая скользила по голубой тверди. — Медленно входили мы на высокой мостъ, ведущій къ древнему монастырю, построенному на маленькомъ островкѣ, будто возникшемъ изъ воды. Пораженная великолѣпною картиною природы, я остановилась — и изумленный взоръ мой утонулъ въ необозримомъ пространствѣ.

— О чемъ вы задумались? — раздалось подь самымъ моимъ ухомъ.

Я оглянулась; подь меня стоялъ Рамирской.

«О чемъ я думала? О, вы вѣрно никогда не угадали бы этого! Я переселилась мыслію на поприще, недоступное для женщины. Скажите: весело-ли на кораблѣ?»

— Вы вѣрно читали Евгенія Сю?

«Фи, фи! не говорите мнѣ о немъ! Я боюсь увидѣть и во снѣ, не только на яву, этихъ ужасныхъ людей, съ глазами, палывшимися кровью, съ проклятіемъ на устахъ и трубкою во рту, которыми онъ погружаетъ свои тартаны; я хотѣла бы путешествовать на кораблѣ — только отнюдь не съ капитаномъ Кренокомъ.»

— А съ лейтенантомъ Бьлзоромъ поѣхали бы?

«Дѣвушки никогда не отвѣчаютъ на подобныя вопросы. Послушайте, Рамирской, какъ мы отираемся въ П...ву пущину, водою или кругомъ?»

— Это рѣшить завтрашняя погода.

«О, я вамъ предсказываю прекраснѣйшій день! Посмотрите,

какъ чисто небо — взгляните на озеро — оно тихо какъ душа младенца.»

— И обманчиво какъ сердце дѣвушки?

«Только не мое, Владиміръ Сергѣевичъ, не мое!»

— Быть можетъ, пѣть правила безъ исключенія. Вы постоинны, какъ... право не могу прибавить сравненія.

«Какъ ртуть барометра, хотѣли вы сказать?»

— О пѣть! совсѣмъ пѣть! Какъ магнитная стрѣлка.

Въ такомъ случаѣ многіе охотно превратятся въ желѣзо, сказалъ лейтенантъ Дольскій. Этотъ морской комплиментъ прекратилъ нашъ разговоръ. Утромъ слѣдующаго дня все наше общество собралось на пристань. Рамирской нанялъ двѣ огромныя лодки. Одна изъ нихъ назначена была для самихъ пилигримовъ; въ другой помѣстия прислугу и весь скарбъ, необходимый въ подобномъ путешествіи: картоны, баулы, ящики, ящички, взгорожденные одинъ на другой, возвышались пирамидами; посреди ихъ дамская соломенная шляпа величаво качалась на деревянномъ болванчикѣ, и будто скучая своимъ одиночествомъ, склонялась къ огромному самовару, нашестывавшему что-то на ухо сосѣдкѣ кастриаль; сковороды и вилки выглядывали изъ рогожнаго кулечка — какъ пѣленицы изъ темницы, и сухошавая фигура нашего кухмистра, занимавшая самый центръ, казалась издали мачтою, поврежденною кораблекрушеніемъ, а бѣлый передникъ горничной — парусомъ, изорваннымъ вѣтромъ.

Было 8 часовъ. Озеро едва струилось — сѣрые туманы, сквозь которые взоръ ловилъ золотистыя полосы лучей на горизонтѣ, мало по малу разсыпались, уносимые вѣтрами вѣтерка отъ поверхности синей пучины. — Множество лодокъ, съ ихъ бѣлыми парусами, какъ бы пробуждались, выкалывались изъ за сумерекъ — отсюда неслись звуки воскресающей жизни, и твои робкая подруга, впервые вѣтрившая жизнь свою непостоянной стихіи, вся была погружена въ созерцаніе дивной картины! Лодка папа быстро скользила по волнамъ; деревни и села бѣжали передъ нею; потому они сдѣлались маленькими едва примѣтными точками, и скоро прелестная панорама береговъ скрылась въ отдаленіи. Была-ли ты когда нибудь, мой другъ, посреди необозримой равнины воды, гдѣ утомленный взоръ твой напрасно былъ искалъ другихъ предметовъ, кромѣ синяго неба и бунтующихъ волнъ. Чувствовала-ли ты тогда эту непонятную грусть, это том-

тельное волненіе, которое, по моему мнѣнію, долженъ ощущать и самый неустрашенный, когда и послѣднія черточка земли наконецъ соьется съ синевомъ воздуха—или ни какое опасеніе не волновало чистой души твоей, какъ никогда, никто не нарушалъ ея спокойствія?

Погода, сначала тихая, стала примѣтно измѣняться. Вѣтеръ крѣпчалъ, озеро волновалось, небо хмурилось, черныя тучи, вѣстники бури, потонули длинною вереницею — и затмили горизонтъ; солнце сіяло еще, но уже тускло, неопредѣленно, какъ добродѣтель, запятанная клеветою; съ послѣднимъ исчезающимъ лучемъ мы выѣхали на средину — здѣсь колебаніе лодки усилилось; бѣлоголовые валы, какъ стадо дикихъ козь, запырпали вокругъ шаткаго судна, и робкое сердце забилось подъ стальнойю планшеткою, и страхомъ задержанное дыханіе стѣснило грудь..... Напрасно Дольскій старался успокоить своихъ встревоженныхъ спутницъ — его не слушали. На загорѣлыхъ лицахъ приуставшихъ гребцовъ мелькнула легкая тѣнь безпокойства, мелькнула — и не скрылась отъ пронизательности нашего пола! Въ минуту ужаса распространился, какъ зараза; разговоры прекратились, и въ общемъ молчаніи, глухой, однообразный плескъ волнъ отозвался чѣмъ-то ужаснымъ.....

Завернувшись въ свой плащъ, я сѣдла на самомъ днѣ лодки, и могу сказать безъ всякаго преувеличанія, сѣдла такъ крѣпко, такъ неподвижно, что мнѣ позавидовала бы статуя въ Донѣ Жуанъ. Вдругъ громкій, смертный крикъ женскихъ голосовъ выпелъ меня изъ оцѣпененія: я подняла голову и что я увидѣла, мой другъ!..... Теперь, при одномъ воспоминаніи у меня забилось сердце, а тогда оно остановилось отъ страха! Маленькой старій челночекъ, изъ котораго три женщины выливали воду, несли прямо къ нашей лодкѣ, и казалось, готовъ былъ, столкнувшись, утѣчь ее въ своемъ паденіи. Тогда я не понимала угрожавшей намъ опасности: меня ужасало только отчаянное положеніе женщинъ, бѣдныхъ, испуганныхъ, но послѣ Дольскій говорилъ, что въ бурю эта встрѣча могла быть опасною для насъ, и чтобы избѣжать ее, онъ велѣлъ кормчему повернуть на лѣво. Не смотря на этотъ маневръ, челнокъ несли прямо на насъ.....

«Онъ гребутъ прямо къ намъ, ваше благородіе!» сказала одинъ изъ гребцовъ.

— Держи вправо! Не подходи! гаркнулъ рулевой. Съ чел-

нока что-то кричали въ отвѣтъ, но за сильнымъ вѣтромъ нельзя было разслушать словъ.

«Онъ утонуть!» вскричала дѣвица З....., закрывая глаза руками — ради Бога подождите ихъ — у насъ много мѣста!»

— Невозможно, сударыня! — прервалъ Рамирской.

— Хорошо, сударыня — сказалъ Дольскій — держи правый! — кричалъ онъ челноку.

«Помогите, помогите! Возьмите хоть одну изъ насъ къ себѣ!» раздался пронзительные голоса женщинъ.

— Ради Бога, Владиміръ Сергѣевичъ! — вскричала Княгиня Ш..... — велите подождать ихъ... Ахъ! какой ужасъ!...

«Уже не время!» сказалъ Дольскій — «онъ сейчасъ опрокину..... Этими заставилъ онъ насъ молчать.

Не успѣлъ онъ кончить, какъ огромный валъ, съ быстрою урагана, промчалъ мимо насъ челнокъ, и наскучивъ легкимъ бременемъ, сбросилъ его долой, будто неукротимый конь нечеловкаго всадника — раздался пронзительный крикъ..... челнокъ покатылся въ бездну... потомъ... потомъ, молчаніе гроба! И вдругъ другой валъ, такой же великанъ, какъ и первый, вынесъ его на хребтѣ своемъ, въ двухъ шагахъ отъ нашей лодки.

«Греби тише!» закричалъ Дольскій — держись за конецъ вѣсла — подай другой мнѣ! Придерживай вѣсломъ, чтобы не отодвинуло — отталкивайся, молодцы, чтобы не столкнуться — ну! теперь, когда есть смѣлость — шагай сюда!»

— Ахти! батюшка, боюсь, родной мой, боюсь! — пропичала дѣвушка, подавая руку Дольскому.

«Ну же скорее — не опрокинь насъ!»

Лодка затряслась, какъ листъ осины, колеблемый вѣтромъ, дѣвушка вскрикнула, и я отъ ужаса закрыла глаза, а когда взглянула опять — она уже сѣдла подлѣ Княгини.

«Пользай старуха!» кричалъ рулевой другой женщинъ.

— Нѣтъ, мой родимой, не пользуй! Этакъ и на тотъ свѣтъ шагнешь — теперь мы и сами безъ нужды дождемъ — спасибо, что облегчили — счастливый путь вашей милости!

«Прощай, тетюшка!» закричала наша пассажирка. «Я прежде тебя буду въ Н..... пустынь»

Челнокъ уже былъ далеко.

Никогда, ни одинъ морякъ, окончивъ путешествіе кругомъ свѣта, не возвращался съ такимъ восторгомъ въ свое отечество, съ какимъ ступила я на берегъ острова; шумъ сосно-

вой роцѣ монастыря казался мнѣ небесною гармоніею, сладкимъ привѣтомъ друга, голосомъ моего спасенія. Ахъ! мой другъ! надобно, чтобы жизнь была въ опасности, тогда узнаешь всю цѣну жизни!

— Какъ вамъ поправилось ваше первое плаваніе? — спросилъ меня Рамирской?

«Да, теперь я не хочу болѣе путешествовать на корабль», сказала я, вздохнувши.

— А если бы нашелся такой проводникъ, какъ — лейтенантъ Бьлзоръ?

«Тише, Владиміръ Сергѣевичъ, говорите тише — въдъ лейтенантъ въ двухъ шагахъ...»

*.....А *.....А.

УЧЕНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

В. Леклеркъ издаетъ свои изысканія, касательно поитификальныхъ лѣтописей у древнихъ Римлянъ, и множествомъ фактовъ доказываетъ, что въ Римъ со времени консульства издаваемы были повременныя извѣстія, замѣнявшія нынѣшніе наши журналы и газеты, и что слѣдовательно, начало *журналистики* относится ко временамъ весьма отдаленнѣйшимъ. Въ Римскихъ газетахъ помѣщались извѣстія обо всѣхъ достопамятныхъ событіяхъ, выборахъ, рѣчахъ трибуновъ, тяжбахъ, зрѣлищахъ, пожарахъ, городскихъ новостяхъ, бракахъ, рожденіяхъ, похоронахъ. Любопытная книга Леклерка, съ множествомъ приложенийъ, называется *Des Journaux chez les Romains (о журналахъ у Римлянъ)*. Отрывки изъ нея были читаны въ Парижской Академіи, и возбуждали общее любопытство.

Повелѣніемъ Королля, по представленію министра народнаго просвѣщенія, при Парижскомъ Музеѣ учреждена каюера *приложенія физики къ естественной исторіи* (*physique appliquée à l'histoire naturelle*). Профессоромъ назначенъ Беккерель, президентъ Академіи наукъ.

Докторъ Дюжарденъ, посланный на Востокъ, для собранія Коптскихъ рукописей, пишетъ изъ Каира, отъ 3-го Іюля, что ему удалось найти ихъ весьма значительное число. На Мемфискомъ Коптскомъ нарѣчій достала онъ книгу пророка

Исаи, книгу пророка Іереміи, книгу пророка Варуха, книгу Іова, 14-ть главъ притчей Соломоновыхъ, отрывки изъ книги Царствъ, Премудростей Соломоновыхъ, Экклезіаста, и проч. — На Саидскомъ нарѣчій, онъ приобрѣлъ двѣ книги Царствъ, часть Іереміи, Евангелія Марка и Луки, Посланіе къ Галатамъ; но особенно любопытны купленные имъ Коптскія рукописи: Дѣлія Апостола Андрея, легенды о Св. Георгіи, Св. Птелемѣ, Святой Иларіи, дочери императора Зенона, панегирикъ Сорока мученикамъ, отрывки изъ писаній Св. Афанасія, Св. Іоанна Златоустаго, Св. Василія Великаго, и проч. — Все это можетъ послужить важнымъ пособіемъ къ изслѣдованію о религіи Коптовъ и языкѣ обитателей Египта.

Въ Маргатъ, въ Англіи, открыли подземелье, относящееся къ временамъ Саксонской Гентархіи. На сводахъ погребовъ въ этомъ подземельи найдены надписи, и въ разныхъ мѣстахъ кости, оружіе, утвари. Полагаютъ, что сюда укрывались жители отъ нападений Норманновъ, безпрестанно опустошавшихъ побережье.

Миссіонеры прислали изъ Серампура въ Парижъ къ Станиславу Жюльену 80,000 Китайскихъ буквъ, вырванныхъ сообразно словарю Канъ-хи, въ Китаѣ, на подвижныхъ дощечкахъ. Это драгоценное собраніе передано въ королевскую типографію.

По извѣстіямъ, изданнымъ Гаммеромъ, въ послѣдніи восемь лѣтъ въ Царьградѣ было напечатано около *тридцати* разныхъ Турецкихъ книгъ. Главнѣйшая изъ нихъ: *Энциклопедія математическихъ знаний*, въ 4-хъ томахъ, сочиненіе Эльгадзе-Гафизъ-Ишакъ-Эфенди, главнаго ходжи Султанскаго училища инженеровъ; въ 1-й части помѣщены Ариметика и Геометрія; во 2-й Алгебра, Высшая Геометрія и теорія коническихъ сѣченій; въ 3-й Механика, Гидравлика и Оптика; въ 4-й Астрономія и Физика. Замѣчательнъ еще воинскій Оттоманскій Уставъ, литографированный и разданный безденежно офицерамъ Оттоманской арміи. Любопытны также: Изъясненія на гимны въ честь Мугаммеда, извѣстный подъ именемъ *Burda*, или *el-Burdel*, сочиненный Муфтіемъ Мекки-заль-Мустафа-Эфенди — великолѣпное изданіе, 621 стр. въ 4-ку, и *Роза между книгами*, 1693 стр. въ 4-ку. — Это Всоб-

щяя Исторія, отличающаяся своимъ краснорѣчіемъ и изысканнымъ Азіятскимъ риторствомъ. Вотъ какъ, на примѣръ, означено время издачіи сей книги: *Трость сочинилась сей книгой прекратила свое путешествіе по важнымъ предметамъ писаній въ шестой часъ дня, который есть восьмой десятиаго третьей трети первой полудюжины второй половины десятиаго десятка третьаго узла во второмъ узлѣ послѣ переселенія пророка.* Извольте послѣ этого разгадать, въ которомъ году издана *Роза между книгами!*

Парижская Академія Надписей избрала на мѣсто Талейрана извѣстнаго ориенталиста *Гарсена де-Тасси*, профессора Индустанскаго языка.

Въ Руанской церкви нѣкогда находились великолѣпныя старинныя гробницы Англійскихъ королей и ихъ родственниковъ, останки которыхъ перевозимы были въ Нормандію. Такъ были здѣсь гробницы Ричарда Львиного Сердца, умерш. въ 1199 году, Генриха брата его ум. въ 1183 г., Вильгельма сына Георгія Плантагенета, ум. въ 1164 г., короля Карла V-го, ум. въ 1380 году, и проч. — Въ 1562 году, сіи памятники разграблены Гугенотами, и потомъ ихъ заклали въ стѣны. — Теперь начали дѣлать изысканія сихъ остатковъ древности, и въ стѣнахъ церкви нашли уже статую съ гробницы Ричарда, и даже свинцовую коробочку, въ которой было положено сердце его, какъ означаетъ надпись на ней. Изысканія производятся подѣ руководствомъ опытнаго антикварія Девилля.

Датскій Король препроводилъ къ г-мъ Вильгельму Беру (брату извѣстнаго композитора) и Юганну Медлеру, большую золотую медаль pro meritis (за гражданскіе подвиги) въ 2500 рублей цѣною. Эта награда выдана Датскимъ правительствомъ симъ знаменитымъ астрономамъ за изданную ими карту Луны, съ изъясненіемъ, которое напечатано было въ прошломъ году, въ Берлинѣ, подѣ названіемъ: *Der Mond, nach seinen kosmischen und individuellen Verhältnissen, oder allgemeine vergleichende Selenographie*, и проч. — Важное это сочиненіе принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ твореній нашего времени по части литературы астрономической.

Г. Дюфло, посланный для изысканій въ Мадридскихъ архивахъ актовъ, касательно войны за Испанское наслѣдство, открылъ драгоценный документъ, въ существованіи котораго сомнѣвались до нынѣ: это завѣщаніе, написанное Карломъ II-мъ, въ 1698 году (Нолбря 14-го), по которому передавалъ онъ наслѣдство эрцъ-герцогу Австрійскому. Оно скрѣплено кардиналомъ Порто-Каррерою и адмираломъ дономъ Жуаномъ Кабрерою, а потомъ уничтожилось вторичнымъ завѣщаніемъ королевскимъ, и было неизвѣстно даже самому претенденту, спорившему съ Филиппомъ V-мъ.

Художественныя извѣстія.

Въ Парижской церкви Богоматери (Notre-Dame), подѣ обвалившеюся штукатуркою, нашли старинную стѣнную живопись, превосходно сохранившуюся.

Знаменитое собраніе Этрусскихъ вазъ, вырытыхъ въ окрестностяхъ Витерба, состоящее изъ 1800 штукъ, и купленное Королемъ Баварскимъ, привезено въ Мюнхенъ. Его поставятъ въ нижнемъ этажѣ пинакотеки, приготовленномъ для сего нарочно по рисункамъ Клецца.

Архитекторъ Леба успѣлъ весьма искусно снять древнюю мозаику въ Лионской церкви Св. Колумба. Это огромная картина, изображающая Аполлона и Бахуса, въ 18 футовъ длины и 15 ф. ширины. Драгоценность эту отвезутъ въ Луврскій Музей.

Въ Туинсѣ, у какого-то жида Соломона, открыли статую лежащей Венеры, съ Амуромъ, который накидываетъ на нее легкое покрывало. Пишутъ, что это одно изъ самыхъ красивѣйшихъ произведеній Древности, не уступающее знаменитой Медичейской Венерѣ. Оно было вырыто въ развалинахъ Карагана.

При разрытіи въ Римѣ двухъ башенъ, близъ Porta Maggiore, нашли огромный барельефъ, изображающій древнюю Римскую некарню, и полурельефъ, изображающій мужчину и женщину. — При рытіи фундамента для одного дома, близъ Тибра, найдены остатки превосходнаго пола, изъ разноцвѣтныхъ камней. — Водопроводъ Клавдія очищаютъ теперь

отъ земли и обломковъ; пишутъ, что открывался вполнѣ, онъ возбуждаетъ удивленіе изяществомъ формъ и огромностью постройки.

Цѣнители отечественныхъ дарованій, конечно, съ удовольствіемъ услышатъ, что наша Академія Художествъ вскорѣ выдѣстъ полное собраніе рисунковъ, съ описаніями, всѣхъ произведеній незабвеннаго ваятеля нашего *Мартоса*, потерю котораго для Россіи и для Академіи нашей, мы не скоро еще увидимъ замѣнною. Мартосъ, при глубокомъ изученіи древнихъ образцовъ, соединялъ въ себѣ необыкновенный вкусъ и сильное воображеніе. Собраніе трудовъ его, разбросанныхъ по всей Россіи, и донинѣ вполнѣ неизвѣстныхъ, будетъ поучительно для художниковъ, и покажетъ и многочисленность и изящное разнообразіе ихъ. Такого памятника достоинъ былъ этотъ великій художникъ, памятный притомъ, какъ примѣръ безкорыстнаго благородства и желанія общей пользы.

Промышленность и торговля.

Въ Англіи производятъ многіе опыты, цѣль которыхъ уменьшеніе цѣнности топлива въ пароходахъ. Для сего употребили уже весьма удачно антрацитовый каменный уголь. Паровозъ Вулканъ прошелъ между Манчестеромъ и Ливерпулемъ, употребивъ $5\frac{1}{2}$ квинталовъ антрацита, вмѣсто $7\frac{1}{2}$ обыкновеннаго каменнаго угля, что составляетъ до 40 процентовъ менше въ цѣнности топлива, при одинакой скорости хода. Богатыя рудники антрацита открыты въ Америкѣ и Австраліи. — Въ Волвичѣ дѣлали напротивъ испытаніе замѣнить уголь смѣсью его, истолченнаго въ порошокъ, съ смолою и рѣчною грязью. Оказалось, что вмѣсто 1165, 1098 и 1046 ф. угля разныхъ породъ, означенной смѣси потребно не болѣе 650 фунтовъ. Полагаютъ, что такое важное открытіе будетъ немедленно приведено въ исполненіе по Англійскому пароходству, на которое ежегодно потребно угля огромное количество.

Юлія 9-го произведенъ былъ въ Петербургскомъ Технологическомъ Институтѣ годовой экзаменъ воспитанниковъ, и потому учиненъ второй выпускъ окончившихъ курсъ учени 16-ти воспитанниковъ, изъ коихъ четверо удостоены награды медалями. Посѣтители обозрѣвали притомъ выставку издѣлій,

произведенныхъ воспитанниками, и не могли не отдать справедливой похвалы успѣхамъ сего драгоценнаго для отечественной промышленности заведенія, процвѣтающаго при неуныномъ попеченіи просвѣщеннаго Министра Финансовъ. Довольно исчислить здѣсь главные предметы, составлявшіе выставку, дабы показать все любопытное ея разнообразіе:

А. Мануфактурныя издѣлія: образцы льняной и хлопчатобумажной пржи, гладкая и полосатая кисея, тиль, сукно, фланель, шерстяныя одѣяла, шелковые кушаки, саржа, жилетная узорчатая матерія, набивныя ткани, ситцы и кисея. Формы для набиванія тканей и самыя краски приготовлены воспитанниками.

В. Механическія издѣлія: фигуры, рѣзанныя изъ дерева, небольшіе чугунные отливки, модели разныхъ машинъ, преимущественно относящихся къ Горному искусству, мѣрный столикъ, прессъ для увязыванія пржи въ пакки. Большая металлострогательная машина, построенная воспитанниками, какъ по причинѣ большого вѣса своего, такъ и потому, что не была окончательно наружно одѣлана, не представлена на общую выставку, помѣщенную въ большой аудиторіи Института; тѣмъ не менше, первая чугунная доска, выстроганная на ней и составляющая часть выставки, достаточно могла свидѣтельствовать о хорошемъ устройствѣ самой машины.

С. Химическіе продукты, приготовленные воспитанниками въ лабораторіи Института: древесный уксусъ, кислоты и краски, въ больномъ видѣ употребляемыя на фабрикахъ, клеєвая краска, Швейцуртская и Французская зелень, стеклюющіяся краски для живописи на металлахъ, стеклѣ, фарфорѣ и фаянсѣ. Особеннаго вниманія г. заводчиковъ заслуживала краска пинкколуръ, употребляемая въ Англіи для живописи, исключительно на фаянсѣ подъ глазурию. Пинкколуръ даетъ, или красную, или зеленую краску разныхъ оттѣнковъ, смотря по высшей или низшей степени жара, при которомъ она прокалена.

Кромѣ показанныхъ предметовъ, на выставку представлены были рисунки, литографическіе оттиски, чертежи и образцы чистонисанія воспитанниковъ. Труды и опыты занятій вольноприходящихъ учениковъ воскресной рисовальной и чертежной Школы при Технологическомъ Институтѣ, составили особенное отдѣленіе общей выставки.

По волю Его Сіятельства г. Министра Финансовъ, вы-

ставка эта оставалась до 6-го Августа включительно открытою, отъ 10-ти часовъ утра до 5-ти пополудни, для всѣхъ желавшихъ осматривать оную, въ большой аудиторіи, въ зданіи Технологическаго Института, за Обуховымъ мостомъ.

Полугодовой барышъ Общества желѣзной дороги между Ливерпулемъ и Манчестеромъ составилъ 46,556 ф. ст., то есть, по $4\frac{1}{2}$ проц., что должно раздѣлиться на 10,000 акцій, кажда для въ 100 ф. ст. — Какъ-же послѣ этого Англичанамъ не хватать акцій на желѣзныя дороги! Барышъ, изумительный въ Англии и другихъ Европейскихъ земляхъ, кромѣ Россіи, ибо у насъ *десять процентовъ* считаютъ почти убыткомъ... Стоитъ-ли работать! Мы любимъ 100 на 100. Вотъ это годился, туда и сюда...

Послѣ удачныхъ опытовъ пароходства въ Америку, въ Англии сошли съ ума на этомъ предметѣ. Множество обществъ составилось тамъ — одни хотѣли пускать по Океану пароходы въ 5000 тоннъ, и отправлять ихъ въ Нью-Йоркъ; другіе заводили ихъ на Гангесъ, и плавать въ Бенгалъ до самой Агры; третьи совершать плаваніе пароходами по берегамъ Бразиліи. Славный капитанъ Россъ устраиваетъ компанію пароходовъ въ Индію, мимо Мыса Доброй Надежды, и полагаеть, что въ 50 дней можно будетъ достигать изъ Плимута въ Цейланъ, заходя за запасомъ угля въ Салданскій заливъ, а болѣе нигдѣ на пути не останавливался.

При необыкновенномъ требованіи на желѣзные рельсы, фабриканты Шропширскіе и Стаффордскіе условились возвысить и поддержать цѣны на этотъ важный предметъ Англійской промышленности. Для этого былъ у нихъ съѣздъ въ Манчестеръ.

Августа 9-го, въ Антверпенѣ началась раздача акцій на учрежденное тамъ *Антверпенское Коммерческое Общество*. Капиталъ его долженствовалъ составить только пять милліоновъ франковъ, но охотниковъ нашлось на 400, такъ, что кто потребовалъ 1000 акцій, могъ получить только *два* акціи. Въ тотъ же день акціи перепродавали уже съ барышомъ 14 процентовъ!

Труль и Грамаль получили въ Бельгій привилегію на снарядъ для рѣзанья свекловича, названный ими *левигаторъ*. Онъ стоитъ 6000 франковъ, и въ сутки извлекаеть сокъ изъ 24-хъ тысячъ килограммовъ свекловича, при чемъ соку получается 17-ью процентами болѣе всѣхъ другихъ способовъ и снарядовъ, потребно только два работника, и не нужно ни прессовъ, ни корзины, ни мышковъ, ни насосовъ, а сверхъ всего и сахаръ выходитъ изъ добытаго левигаторомъ сока гораздо лучше.

Докторъ Бернгардъ въ Бельгій нашель средство извлекать изъ гнилой рыбы животный уголь, масло и мыло, все отличной доброты. Важное открытіе для многихъ мѣстъ, гдѣ не знаютъ, куда дѣваться съ рыбою.

А. Н. Пакъ изобрѣлъ новый способъ бѣлить тряпье для выдѣлки бумаги, и кленть самую бумажную массу, вмѣсто проклейки бумаги въ листахъ. Способъ его оказывается гораздо выгоднѣе и удобнѣе пробѣлки бумажной массы хлоромъ, и обыкновеннаго доннынъ бумажнаго производства. Многие фабриканты въ Пруссіи уже приняли методу Пакъ. Онъ продаетъ секретъ свой за 12,000 рейхсталеровъ (около 40 т. рублей).

СТАТИСТИКА И ГЕОГРАФІЯ.

Число изданныхъ въ 1837 году въ Россіи книгъ простиралось до 866; въ томъ числѣ было оригинальныхъ сочиненій 740 (число листовъ въ нихъ 7871 $\frac{1}{2}$), переводныхъ книгъ 126 (число листовъ въ нихъ 1806). Повременныхъ изданій, по счету 48-ми, напечатано 4354 листа. Всего печатныхъ листовъ въ книгахъ и журналахъ было 14,031. — Число внесенныхъ въ Россію иностранныхъ книгъ, въ 1835 году составляло 300 тысячъ томовъ, въ 1836-мъ болѣе 350,000, а въ 1837 году болѣе 400,000.

Число учащихся въ Россіи, въ высшихъ заведеніяхъ, въ 1837 году простиралось до 2900 (259 болѣе противъ 1836 года). Многочисленнѣе другихъ учениками былъ Московскій университетъ, гдѣ находилось ихъ въ 1837 году 611, а за тѣмъ слѣдовали: Дерптскій университетъ — 563, Петербургскій 385, Харьковскій 315, Кіевскій 263, Казанскій 170. Въ

Педагогическомъ институтѣ было 141, въ Лицеяхъ — Одесскомъ 286, Нѣжинскомъ 90, Ярославскомъ 76 учениковъ.

Число Англійскихъ кораблей, находящихся нынѣ въ Сѣверной Америкѣ, простирается до 32; на нихъ считается пушекъ 1150, а экипажа 10,210 человекъ.

Торговля Нидерландскихъ колоній въ Индіи значительно и непрерывно увеличивается. Въ 1826 году ввезено было туда товаровъ на 10,250,175 флориновъ, а въ 1836 г. на 17,848,748 фл. — И здѣсь участіе Англичанъ въ торговлѣ составило 3,318,495 флориновъ!

Сумма привоза товаровъ въ Соединенные Штаты въ 1837 году, простиралась до 140,989,217 долларовъ (въ томъ числѣ на Американскихъ корабляхъ привезено на сумму болѣе 122 миллионъ). Вывозъ простирается до 117,419,376 долларовъ.

Вотъ очеркъ Англійской торговли за прошлый годъ: во всѣ Великобританскіе порты, въ 1837 году, вошло 18,100 кораблей (грузъ 3,215,800 тоннъ); въ семь чиселъ было Великобританскихъ 12,250 кораблей (грузъ 2,346,300 тоннъ). Каботажъ занималъ 128,000 судовъ (съ грузомъ 10,409,400 тоннъ).

По ревизіи 1837 года, число жителей въ Пруссіи нынѣ простирается (не включая Нефшателя) до 14,098,125 человекъ, а именно:

Пруссія	2,152,873
Познань	1,169,706
Бранденбургъ	1,741,411
Померанія	990,285
Силезія	2,679,473
Саксонскія обл.	1,564,187
Вестфальскія обл.	1,326,467
Рейнландск.	2,475,723

По ревизіи 1816 года считалось народонаселенія не болѣе 10,349,031. Въ теченіе 21 года прибыль народа оказывается 3,749,094 человекъ, и если исключить прибрѣтенныя въ это

время Пруссіею земли княжества Лихтенбергскаго (25,526), чистой прибыл 3,723,568 человекъ, вновь родившихся.

Путешествія.

Мы упоминали о важной географической новости — окончательномъ обзорѣнн сѣверныхъ береговъ Америки Англичанами Дизомъ и Симпсономъ. При сей книгѣ С. О. прилагается *карта ихъ открытій*, а въ слѣдующей помѣстимъ мы подробное описаніе ихъ путешествія, взятое изъ Англійскихъ журналовъ. Они отправились 1-го Іюня 1837 года изъ крѣпости Чипивайской; Іюль 9-го коснулись береговъ Океана подь 68° 49½' с. ш. и 136° 37' з. д., и свободно прошли потомъ на западъ, до того мѣста, гдѣ остановился капитанъ Бичи, въ своемъ плаваніи отъ Берингова Пролива. Такимъ образомъ совершенно вполнѣ обзорѣнн Сѣверо-Американскаго побережья на западъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ неустрашимые путешественники сн опять отправились обзорѣть небольшое, неизвѣстное еще протяженіе берега, отъ мыса Поворота до того мѣста, гдѣ остановился капитанъ Россъ. Тогда можемъ мы сказать, что наши карты будутъ изображать вполнѣ всю окружность Американскаго материка со всѣхъ сторонъ. На полное обзорѣнн береговъ его надобно было Европейцамъ такимъ образомъ употребить 346 лѣтъ, считая съ того времени, когда Колумбъ присталъ къ Санъ-Сальватору въ 1492 году.

Первое плаваніе Дюмонъ-Дюрвиля къ Южному полюсу оказалось неудачно. Января 8-го вышелъ онъ изъ Магелланова пролива, прошелъ восточнымъ берегомъ Огненной Земли до Лемерова Пролива, и 15-го былъ уже въ виду льдовъ. Января 22-го остановили его непроходимые льды, изъ которыхъ едва могъ онъ выбиться 9 Февраля; 15-го достигли 33° долготы; осмотрѣли Острова Оркнискіе и Новую Шотландію; открыли новыя, необитаемыя земли между 63° и 64° широты, и принуждены были повернуть обратно, ибо на обоихъ корабляхъ окаялся ужасный скорбуть, не смотря на всѣ принимаемыя предосторожности. Противные вѣтры не позволили прибыть ранѣе начала Апрѣля въ Чили, гдѣ Д. Д. остановился въ заливъ Зачатія, имѣя уже 45 матросовъ жестоко больныхъ.

Экспедиція капитана Гемара отправилась на корабль *Извѣсканіе* изъ Дронштейма 3-го Юля, по назначенію своему къ северу.

Въ Январь сего года, Лоцдонскому Географическому Обществу представлены извѣстія капитана Александера, который осенью 1836 года проѣхалъ изъ Капа по западному берегу Африки, и обозрѣлъ неизвѣстное доселѣ Африканское побережье до залива *Walfis* и рѣки *Swacor*, или *Sommer-set-River*, по картѣ Арровсмита. Мы передадимъ нашимъ читателямъ извлеченіе изъ любопытныхъ его извѣстій.

Зрѣлища и Музыка.

Послѣ Вебера остался первый актъ начатой имъ оперы. Мейерберъ пишетъ теперь къ ней второй актъ.

Принцъ Евгений Виртембергскій сочинилъ большую оперу: *Невеста привидѣній* (*Die Geisterbraut*), и слышавшіе ее говорятъ объ ней съ величайшимъ восторгомъ. — Сынъ Короля Ганноверскаго издалъ недавно прекрасный романсъ. — Упомянемъ о сынѣ маршала Нелъ, который доканчиваетъ оперу, и хочетъ отдать ее на театр.

Для жителей Петербурга уже не тайна новое произведеніе нашего композитера М. И. Глинки. Опера его: *Русланъ и Людмила* почти окончена, и слышавшіе отрывки изъ нея единогласно утверждаютъ, что этимъ новымъ произведеніемъ г-нъ Глинка приобрѣтетъ новыя права на славное имя въ музыкальномъ мірѣ. — Прѣзжіе изъ Москвы подтвердили намъ извѣстіе объ оперѣ г-на Алибѣва, слова которой составлены А. Ф. Вельчмапомъ, изъ Шекспировой комедіи: «Сонъ на Иванову ночь», или какъ обыкновенно говорятъ *Сонъ въ лѣтнюю ночь*. Говорятъ, что опера будетъ оригинальна и прекрасна.

Литературныя извѣстія.

Россійская Академія рѣшилась на весьма важное для отечественной исторіи предпріятіе, необходимость котораго въ мы давно уже чувствовали, но исполненіе котораго было невозможно для частныхъ людей: она издаетъ теперь тексты и

Русскіе переводы, такъ называемыхъ, *Византійскихъ Историковъ*, которые были некогда напечатаны съ Латинскими переводами въ Парижѣ и Венеціи (*Corpus Scriptorum Hist. Byzantinae*, 26 и 28 томовъ, въ листъ, 1645-1702, 1729-1733 гг.) и нынѣ сдѣлались недоступны по рѣдкости и дороговизнѣ ихъ. Мы могли пользоваться по этой части только весьма недостаточными выписками Стриттера (*Mémoires populogiques*), изданными въ 4-хъ квартантахъ, въ 1771 году. Надобно-ли доказывать, какую пользу, при нынѣшней усовершенствованной критикѣ исторіи, можетъ принести намъ ближайшее знакомство съ Константиномъ Порфирогенетомъ, Георгіемъ Кедринимъ, Зонарою и другими Византійцами, въ сказаніяхъ которыхъ скрываются матеріалы для древней исторіи Русской? Переводъ порученъ Академіею опытнымъ знатокамъ Греческаго языка, изъ коихъ довольно наименовать здѣсь гг. Дестуниса, Огинскаго и Попова.

Порадуемъ любителей Русскаго чтенія тѣмъ, что почтенный воинъ-писатель нашъ, И. Н. Скобелевъ приготоуилъ *новый подарокъ* Русскимъ солдатамъ. Мы читали нѣсколько отрывковъ въ рукописи *отца-командира*, и не могли налюбоваться его умѣнемъ говорить такъ умно, такъ сердечно, такъ оригинально, такъ доходчиво къ Русской душѣ... Если не ошибаемся, рукопись эта уже печатается.

Опытный негоціантъ Русскій, И. С. Вавиловъ рѣшился дополнить недостатокъ на Русскомъ языкѣ книгъ для изученія бухгалтеріи и мудренаго торговаго языка, изданіемъ составленной имъ книги: «*Очеркъ коммерческой бухгалтеріи и терминологіи*» съ многими таблицами. Практическія знанія почтеннаго г-на Вавилова ручаются за достоинство этого пособия, котораго у насъ теперь рѣшительно недостаетъ, а польза и совершенная необходимость его для купцовъ, кажется, безспорныя.

Г-нъ книгопродавецъ Лисенковъ печатаетъ новое изданіе *Илиды*, переводъ Н. И. Гнедина. Оно будетъ маленькое, но весьма четко и притомъ красиво — въ большую 16-ю долю, такъ, что хотя стихи не ломаются, но форматъ выходитъ самый уютный. Въмѣсто 20 рублей, цѣны перваго изданія, это второе продается на подписку только по *шести*, съ пересылкой по *восьми* рублей, такъ, что поэма безсмертнаго Гомера можетъ послѣ сего сдѣлаться общенароднымъ чтеніемъ — это-

му пельзя не порадоваться, и не поблагодарить почтеннаго г-на Лисенкова за его полезное предприятие.

Печатается *третье* издание *Семейства Холмскихъ*, съ дополненіемъ, и предисловіемъ автора, весьма мило и остроумно написаннымъ. --- Въ сей книжкѣ С. О. читатели видятъ отрывокъ изъ новаго романа почтеннаго автора Семейства Холмскихъ --- живопись съ натуры, яркая, и какъ это хорошо, какъ это вѣрно! Предвѣщаемъ *Провинціалъмъ* *Сценамъ* большой успѣхъ!

Сочиненія Марлинскаго вскорѣ будутъ выданы *вполнѣ*, въ красивомъ новомъ изданіи, въ 12-ти частяхъ. Здѣсь помѣстятся всѣ критическія и полемическія статьи Марлинскаго.

Д. П. Сушковъ выдаетъ прехорошенькую книжку своихъ *Стихотвореній*, которыя такъ съвѣтло и безопасно мелькали до сихъ поръ по разнымъ журналамъ и альманахамъ. Бойтесь, милый поэтъ... или, лучше, не бойтесь ничего — критика страшна, но истинное дарованіе послышится критики — вѣдь оно не робкаго свойства дитя, и его критическими громами не испугаете.....

Переведены и печатаются два романа Марриета: *Миланъ* и *Ньютонъ Форестеръ*. Признаемся — мы не любимъ Марриета, но благодарны переводчику, что онъ хочетъ насъ знакомить съ романистомъ, котораго съ жадностью читаютъ теперь повсюду, и который на Руси почти неизвѣстенъ.

Переведенъ и печатается извѣстный романъ Гофмана: *Котъ Мурръ*. Вотъ это другое дѣло, и мы только одного здѣсь боимся: каковъ-то будетъ Русскій переводъ! Гофманова *мурмыку* перевести не легко.....

Литературные вѣстовщики предсказываютъ много альманаховъ. Говорятъ еще о появленіи новыхъ журналовъ съ новаго года — по крайней мѣрѣ, намъ достоверно извѣстно, что П. П. Свищевъ будетъ опять издавать свои *Отечественныя Записки*, въ новомъ, улучшенномъ видѣ. Большое число литераторовъ будутъ постоянно участвовать въ нихъ своими трудами. Дай Богъ хорошаго, и мы падѣемъ хорошаго отъ литератора столь извѣстнаго своими заслугами.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

26. Queen Elizabeth and her Times; a series of original Correspondence. Edited by Th. Wright (*Королева Елизавета и ея время*). Лондонъ, 1838 г. 2 т. in 8.

27. Private Correspondence of Sarah, Duchess of Marlborough, etc. (*Частная переписка Сары, Герцогини Марлбороуэ, объясняющая исторію двора и времени Королевы Анны*). Лондонъ, 1838 г. in 8.

28. Abrégé de Géographie, redigé sur un nouveau plan par Adrien Balbi, etc. (*Сокращенная Географія*, Адриана Бальби). *Третье издание*. Парижъ, 1838 г. (Самая лучшая изъ всѣхъ компиляцій, которыя называютъ *Географіями*. Множество и вѣрность свѣдѣній, собранныхъ Бальби — изумительны! Не бойтесь названія: Abrégé — это *сокращеніе* состоитъ изъ 1500 страницъ, въ два столбца, такъ, что еслибы ихъ разбить, вышло-бы полдюжины толстыхъ томовъ. Карты и планы городовъ, всего 24, гравированы прекрасно, и все это стоитъ — 20 франковъ!)

29. Histoire des Salons de Paris, tableaux et portraits du grand monde, etc. (*Исторія Парижскихъ гостиныхъ, или картинъ и портретовъ большаго свѣта, при Людовикѣ XVI, Директоріи, Консульствѣ Имперіи, Бурбонахъ и Людовикѣ Филиппѣ*). Соч. Герцогини Абрантесъ. Парижъ 1837, 1838 гг. 6 томовъ (Премилая болтовня умной женщины — та анекдотовъ, шлетней, рассказовъ. Герцогиня Абрантесъ была на это и мастерица и неистощима).

30. James Montgomery's poetical Works (*Джемса Монтегюмъ, поэтическія творенія*). Полное собраніе. Лондонъ, 1838 г. 3. т. in 8.

31. Southey's poetical Works (*Поэтическія сочиненія Саутей*). Полное собраніе. Лондонъ, 1838 г. 10 томовъ.

32. The Tales of a thousand and one nights (*Тысяча и одна ночь*). Новый переводъ by Edwards William Lane, съ нѣсколькими сотнями гравюръ политинажныхъ, и съ множествомъ замѣчаній. Лондонъ, 1838 г. 3 т. въ бол. 8. --- Великольпное издание.

33. Travels in the Western Caucasus in 1836 (*Путешествіе по западному Кавказу, въ 1836 году, Эдмунда Спенсера*). Лондонъ, 1838 г., 2 т. in 8. — Авторъ описываетъ

Имеретию, Мингрелию, и обратный провозъ черезъ Турцію Молдавію, Галицію, Силезію и Моравію.

34. Travels in the Humalayan Provinces of Hindostan, etc. (*Путешествіе въ Гиммалайскія области Индостана и Пенджаба, въ Ладакь и Кашмиръ, въ Пешаверъ, Кабаль, Кундузъ и Бухарь, Вилліама Муркрафта и Жоржи Требека, издаиное Г. Г. Вилсономъ*). Лондонъ, 1838 г. 2 т. in 8, съ картою Арровсмита.

35. An Introduction to the History of literature in the XV, XVI, XVII Centuries (*Введение въ исторію литературы XV, XVI и XVII столѣтій*). Соч. г. Галлама. Лондонъ, 1838 г. 4 т. in 8. — Замѣчательное сочиненіе.

36. De Renegaat, een berijmed Verhaal (*Ренегатъ. Повесть въ стихахъ*). Соч. А. ванъ деръ-Гоона. Амстердамъ, 1838 г. — Голландская поэма. Сюжетъ взятъ изъ завоеванія Алжира Французами.

37. Il primo Viceré de Napoli (*Первый вицекороль Неаполитанскій*). Соч. Э. К. ди-Бельмонте. Парижъ, 1838 г. in 12.

38. Scripturae Linguaeque Phoeniciae Monumenta quot quot supersunt inedita et edita ad autographorum originaliumque exemplorum fidem edidit, etc. (*Памятники языка и письменъ Финикійскихъ*), Guil. Gesenius, Лейпцигъ, 1837 г. in 4.

39. Annalen des Wiener Museums d. Naturgeschichte, etc. (*Летописи Вѣнскаго Музея Естественной*), издаваемыя Дирекцію его. Вѣна, 1836, 1838 гг. I-й томъ, и II-го 1-я часть, in 4.

40. Creuzer F. deutsche Schriften, etc. (*Нѣмецкія сочиненія Ф. Крейцера, новое исправленное изданіе*). Дармштадтъ, 1836, 1838 г. — Выданы только его *Symbolik und Mythologie*, и сочиненія касательно Римской Исторіи и Древностей.

41. Chamisso A. über die Hawaiische Sprache (*А. Шамиссо, о Гавайскомъ языкѣ, или опытъ грамматики языка Острововъ Сандвичевыхъ*). Лейпцигъ, 1837 г. in-4.

42. Jung (genannt Stilling, J. H.) sämtliche Schriften (*Полное собраніе сочиненій Г. Г. Юнга, названнаго Штиль-*

лингемъ). Изд. Грольманомъ. Штутгартъ, 1835 — 1838 г. въ 13 томахъ (60 частей). — Вполнѣ оконченное изданіе.

43. Kant's Werke (*Творенія Канта, издав. К. Розенкранцъ и Ф. В. Шубертъ*). Лейпцигъ, 1838 г. Будеть всего 12 томовъ, in-8, а выдано только еще два, 1-й и 9-й.

44. J. J. Littrow, 'Anfangsgründe der gesammten Mathematik (*Начальныя основанія Математики, соч. Липтровомъ*). Вѣна, 1838 г. in-8. — Сочиненіе извѣстнаго Вѣнскаго астронома.

45. Geschichte der letzten Systeme der Philosophie in Deutschland von Kant bis Hegel (*Исторія послѣднихъ системъ Философіи въ Германіи, отъ Канта до Гегеля*). Соч. Г. Л. Мишеле. Берлинъ, 1837 г. in-8, томъ I.

46. Histoire des Français (*Исторія Французовъ*). Соч. Ж. К. Л. Симона де-Сисмонди. Парижъ, томы I — XXI-й, in-8. — Авторъ вскорѣ выдастъ послѣдніе три тома. А между тѣмъ издалъ онъ для руководства при чтеніи его огромнаго творенія:

47. Précis de l'Histoire des Français (*Основанія Исторіи Французовъ*). Парижъ, 1838 г. 2 тома, in-8. — Весьма дѣльная и мастерски составленная книга.

48. A Dissertation on the nature and character of the Chinese system of writing, etc. (*Разсужденіе о сущности и характерѣ Китайской системы письменъ*. Соч. П. Дю-Попсо, съ присовокупленіемъ *Азбуки Кохинжинской*, О. I. Моррона, Католическаго миссіонера въ Сайгунь, сочиненія О. де-Палуна о сходствѣ *Китайскаго и Кохинжинскаго языковъ и Кохинжино-Латинскаго Словаря*). Филадельфія, 1838 г. in-8.

49. Dictionary practical, theoretical and historical of Commerce and Commercial Navigation (*Теоретическо-практическо-историческій словарь торговли и торговаго мореплаванія. Сочиненіе Дж. Р. Макъколоха. Новое, исправленное изданіе*). Лондонъ, 1838 г. въ одномъ томѣ, 1350 стр. in-8.

50. VICTORIA! An anecdotal memoir of Her Majesty, from her Birth to the Coronation, etc. (*Викторія! Александрійскія записки объ Ея Королевскою Величествѣ, со дня ея рожденія до дня коронаціи, содержащія въ себѣ весьма*

замѣательные и достоверные анекдоты, слова и дѣянія Королевы, съ превосходными портретами ея). Лондонъ, 1838 г. — Книгопродавческая спекуляція, которой раскуплены были въ Англіи сотни тысячъ экземпляровъ. Такъ надобно пользоваться изданіемъ книгъ *кстати* и ко времени! У насъ дѣлать этого еще не умѣютъ, и — слава Богу!

Разныя извѣстія и смѣсь.

Число газетъ и журналовъ, издаваемыхъ въ Австрійской Имперіи, простирается до 76-ти; изъ сего числа, въ Вѣнѣ издается 22, въ Миланѣ 25, въ Ломбардіи 10, въ Венеціи 5, въ Веронѣ 5, въ Галиціи и Венгріи 7. Въ Вѣнѣ получается иностранныхъ журналовъ, по выбору, не болѣе 66-ти, а именно: Нѣмецкихъ 22, Французскихъ 17, Англійскихъ 12, Русскихъ 5, Польскихъ 2, Голландскихъ 2, Белгійскихъ 3, Турецкихъ 2, Персидскій 1.

Полагаютъ, что сумма капиталовъ, находящихся въ разныхъ Бельгійскихъ компаніяхъ, простирается нынѣ до 933-хъ милліоновъ франковъ. Изъ сего числа занимаютъ общества застраховокъ и банки 509, желѣзныхъ дорогъ и каналовъ 172, разной промышленности 152, добыванія угля 60, кузницъ и желѣзныхъ заводовъ 40 милліоновъ.

Капитанъ Летуверъ изложилъ и напечаталъ свою систему команды свистками на кораблѣ; 27-ю знаками, которые пушутся на двухъ линіяхъ, онъ излагаетъ все, что можетъ быть нужно для управленія кораблемъ; свистокъ имѣетъ только два тона, и перемѣшаніе этихъ тоновъ составляетъ систему команды. Французское правительство велѣло ввести эту команду въ цѣломъ флотѣ.

Единственныя въ мірѣ, Тосканскія *буровыя озера* куплены у владѣтеля ихъ Графа Лардереля компанією Французскихъ капиталистовъ, которая немедленно приступитъ къ улучшенію способовъ добыванія изъ нихъ буровой кислоты (*acide boracique*); она выпаривается жаромъ, изъ самыхъ озеръ выходящимъ, безъ всякаго употребленія особеннаго топлива.

Считаютъ, что во Франціи живетъ теперь до 47,000 Англичанъ, и если полагать, что каждый изъ нихъ издерживаетъ только по 5 шиллинговъ ежедневно, то Франція получаетъ отъ нихъ въ годъ около 4,440,000 ф. ст. — Сюда не включаются путешественники, которыхъ любопытство и скука гонять ежедневно изъ Англіи черезъ Францію въ Европу, Азію и Африку, и которые скитаются десятками вездѣ, въ Италиі, Египтѣ, Турціи, Персіи, Россіи. Въ 1836 и 1837 годахъ, черезъ одинъ Булонскій портъ проѣхало Англичанъ во Францію и въ Европу 40,000 человекъ.

Вотъ новое доказательство, что усиленные средства сообщеній усиливаютъ и большее движеніе ихъ. Между Гумель и Сельби, до открытія желѣзной дороги, ѣздилъ на пароходахъ до 40,000 человекъ, а послѣ открытія дороги, которая безпрестанно покрыва проѣзжающими, на пароходахъ проѣзжаетъ теперь однакожъ до 60,000 человекъ ежегодно.

Въ Меккомъ арсеналѣ хранится огромная пушка *грифонъ*, вылитая въ 1529 году, и увезенная Французами изъ Эренбренштейна въ 1800 году. Длина ея 17 футовъ, діаметръ 3 фута, вѣсъ 22,500 фунтовъ; лафетъ въ 24 фута длиною; вѣсъ ядра 157 фунтовъ, и пороху для выстрѣла изъ нея надобно 52 фунта.

Въ уланскомъ полку Книза Шварценберга находится лошадь, купленная въ нашей Украинѣ, въ 1805 году; рубашка у нея сѣрая, и зовутъ ее *Абрагамъ*. Въ Ульмской битвѣ, труба, который сидѣлъ на ней, убили ядромъ, и ее ранили саблею, но она совершила потомъ всѣ походы, была во Франціи, пережила Наполеона и его царство, и теперь еще считается одною изъ лучшихъ лошадей въ полку.

Нѣкто Жобаръ, житель Бриссельскій, придумалъ лодку, для переѣзда изъ Кале въ Дувръ въ 11-ть минутъ! Вотъ въ чемъ всл хитрости: къ лодкѣ придѣлывается трубка съ ракетнымъ составомъ, въ родѣ Конгревова; составъ зажигаютъ, и онъ мнитъ лодку черезъ проливъ, какъ ракету. Это что-то похо-

дить на разсказъ въ *Нелло* не слушай, герой котораго перелетѣлъ въ городъ верхомъ на бомбѣ!

Императоръ Австрійскій будетъ короноваться въ Италіи *железною короною*. Известно, что она получила такое названіе по железнному обручнику, который вставленъ въ нее. Говорятъ, будто этотъ обручникъ сдѣланъ былъ изъ св. гвозди, присланнаго Царицею Еленою изъ Іерусалима Константину Великому. Онъ достался потомъ, въ 570 году, сыну сенатора Гордіана, бывшему папою, подъ именемъ Григорія I-го, который подарилъ его Королевѣ Теодоландъ; имъ короновались Ломбардскіе Короли, и потомъ Карлъ Великій и его наслѣдники. Послѣ того, не было слуха о железнной коронѣ до Карла V-го, и послѣ него до Наполеона — тотъ и другой короновались симъ вѣнцомъ, и онъ, вмѣстѣ съ другими Наполеоновскими регаліями бывшаго Италійскаго Королевства, достался Австріи и хранится въ Вѣнѣ.

Сравнительная скорость движенія полагается на одну секунду для *человѣка* 4 фута, *лошади* 12, *корабля* 19, *олени* 26, *скаковой лошади* 45, *вѣтра* 82, *зайца* 88, *пушечнаго ядра* 1800. Паровозъ по железнной дорогѣ ходитъ по 30,000 фута въ часъ, или 44 фута въ секунду, слѣдовательно, въ одиннадцать разъ скорѣе человѣка, въ четыре раза скорѣе лошади, вдвое скорѣе оленя, и вполонину тише вѣтра.

Пишутъ, что въ Лондонѣ придуманъ новый механизмъ для театральнхъ декораций, который далеко превосходитъ пышнее устройство театральнй сцены, дѣйствуетъ безъ всякаго стука, стоитъ *семидесятью* процентами дешевле, и притомъ безопасенъ отъ пожара. Изъ Парижа отправлена коммиссія узнать объ этой важной для театровъ новости.

Съ Января по Іюль напечатано во Франціи 3762 книги на разныхъ языкахъ.

Въ Римской библіотекѣ Князя Доріа Памфили хранилось множество драгоценныхъ актовъ и рукописей. Ихъ никому не показывали, держали за замками и печатами. Теперь печально

открылось, что все это давно выкрали — библіотекари открыли шкапы и нашли ихъ пустыми! Поваръ князя принялъ на себя трудъ очистки, и распродалъ рукописи охотникамъ. Весьма небольшое число успѣли отыскать у разныхъ Римскихъ букинистовъ — остальное пропало! Теперь съ укоризной говорятъ князю и его библіотекарямъ, что лучше бы было имъ открыть свои драгоценности для общей пользы, и тогда и наука была-бы удовлетворена, и драгоценность цѣла и сохранна.

Европѣ известно имя благочестиваго Кармелитскаго монаха, брата *Іоанна - Ватиста*, который рѣшился посвятить жизнь свою на собраніе подалій, употребляя ихъ на отдышку и обновленіе монастыря на горѣ Кармельской, въ Палестинѣ. Не смотря на свою старость, *одиннадцать разъ* отправлялся уже онъ изъ Палестины, и столько-же разъ возвращался на гору Кармель, обошелъ всю Европу, и въ 12-ть лѣтъ собралъ 230,000 франковъ. Недостаётъ еще 120,000 на полное окончаніе обители Кармельской.

Бельгійскій бригъ Ласточка, шкиперъ Корди, показалъ недавно удивительный примѣръ скорого и благополучнаго плаванія: изъ Антверпена въ Одессу прибылъ онъ въ 39 дней — времени не менѣе употребляютъ другіе купеческіе корабли на переходъ изъ Италіи въ Одессу.

Жители одного мѣстечка разсердились на своего старшину и его помощника, и когда срокъ служенія ихъ кончился, стали выбирать себѣ другихъ судей, но не могли выбрать никого: открылось, что кромѣ этихъ *друзей*, въ цѣломъ мѣстечкѣ не было *ни одного грамотнаго человѣка*. «Гдѣ живутъ эти варвары?» спросите вы. — Во Франціи, Мм. Гг., недалеко отъ Парижа, въ мѣстечкѣ Сень-Мартинъ д'Окси, въ департаментѣ Сенскомъ и Дуаркомъ. Объ этомъ пишутъ сами Французы — мы не выдумываемъ!

Во Франціи сдѣлано начало уничтоженія смѣшнаго ученаяго предразсудка, по которому до сихъ поръ въ училищахъ Европейскихъ Латинскій языкъ считается невзбѣжнымъ какинь-то языкомъ, на которомъ обязаны бѣдные ученики ко-

вать уродливыя фразы, называя ихъ Латинскими. Профессоръ юриспруденціи Браваръ подалъ Министру Народнаго Просв. просьбу о позволеніи студентамъ его класса писать диссертациі по произволу, на Латинскомъ, или на Французскомъ языкѣ. Министръ согласился.

Августа 12-го привезено было въ С. Петербургъ тѣло храбраго генерала Вистрома, и по отпѣтіи его въ Лютеранской церкви Св. Анны, отпущено въ помѣстье покойнаго, съ приличными воинскими почестіями. Въ *Русскомъ Иностранцѣ* напечатано было послѣ сего *солдатское слово* въ память незабвеннаго. Перескажемъ его здѣсь, и надобно-ли изъяснять притомъ, *кто сказалъ* своимъ товарищамъ это истинно-Русское слово, не подписывая своего имени? На что подписывать! Узнаете молодца по нарѣчію его. Послушайте:

«На козѣни, товарищи! Помогнися и попросимъ Всемогущаго Бога о упокоеніи чистой, свѣтлой, высокой души неустрашимаго воина, начальника, отца и молодца, который во всѣхъ кровавыхъ болахъ, во всѣхъ славныхъ дѣлахъ служилъ намъ примѣромъ. При грозномъ имени героя, мурашки ползали по кожѣ бусурманина, и какъ листъ на деревѣ трепеталъ врагъ заморской!»

«Храил чистую вѣру въ Бога, обожалъ Батюшку Бѣлаго Царя, онъ пламенно любилъ мать нашу, Русь святую! Былъ вѣрнымъ другомъ чести, красною рядовъ нашихъ, отрадой, раздольемъ и заглядѣниемъ на поляхъ брани, зналъ языкъ солдатскій, и умѣлъ въ рѣшительный часъ собственною грудью, съ быстротою молніи, двинуть насъ къ благородной смерти!»

«Миръ праху любимца православныхъ! Покорился непереложной волѣ Провидѣнія, будемъ горевать и сердцемъ унывать безъ ропота.»

«Но никогда, друзья, никогда не перестанемъ бодрить духъ и согрѣвать кровь родною, драгоценною намъ памятью незабвеннаго, милого сына Богомъ хранимой Россіи, славнаго Вистрома.»

Байрона не позволили похоронить въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ. Теперь друзья его хотѣли, по крайней мѣрѣ, поставить тамъ кенотафъ ему — и въ этомъ было отказано!

Юля 13-го Лордъ Брумъ внесъ объ этомъ жалобу въ Нижній Парламентъ, называя такое гоненіе памяти великаго поэта безсовѣстнымъ и безчеловѣчнымъ варварствомъ.

Валтель Торвальдсенъ вѣхалъ изъ Рима. Онъ отправился въ Ливорну, гдѣ ждетъ его, нарочно посланный отъ Датскаго Правительства, военный Датскій корабль, на которомъ знаменитый старецъ отплыветъ въ свое сѣверное, отдаленное отечество. Въ Даніи готовятъ на прѣздѣ его торжество и праздники. Честь народу, слава просвѣщенному Правительству, умѣющимъ оцѣнить такимъ образомъ генія и чтить его достойно!

Въ Неаполь случилось забавное происшествіе: былъ тамъ нѣкто неумолимый критикъ, издатель музыкальнаго журнала *Vesuvii*, докторъ Лорензо Борсини. Оскорбленные критикомъ его, пѣвцы, пѣвицы, актеры, музыканты, композитеры единогласно кричали, что Борсини не смыслитъ ничего въ музыкѣ, и наконецъ такъ разсердили его, что онъ рѣшился явиться на сцену, и показать всѣмъ, какъ надобно пѣть. По всему Неаполю полетѣли афишки, съ слѣдующимъ вызовомъ: *Litterati, maestri di cappella, cantanti, impresarii poco contenti di quel che vi hō fatto nettamia carriera giornolistica, venite ad udirmi, col pensiero puro de fischiumi, ma venite (Литераторы, капельмейстеры, пѣвцы, содержатели театровъ, недовольные мною, какъ журналистомъ, придите послушать меня, придите обесивать, только придите)!* Весь Неаполь взволновался; толпы осадили театръ, билетовъ не достало, едва могли дожидаться выхода новаго пѣвца, и отъ свиста чуть не упали стѣны, когда явился онъ. Нимало не смѣшавшись, Борсини запѣлъ, и такъ превосходно, что слушатели пришли въ восторгъ — все слилось въ одинъ крикъ: *Vive Borsini!* Чуть не на рукахъ понесли его изъ театра, и дирекція театра Санто-Карло тотчасъ предложила ему принять званіе *primo basso cantante*, съ платою по 480 франковъ за спектакль. Борсини бросилъ журнальня смелти, и теперь поетъ, и приводитъ въ страшный восторгъ своимъ изумительнымъ голосомъ и величайшимъ искусствомъ. Видите, что не всегда-же журналисты пишутъ о томъ, чего не понимаютъ!

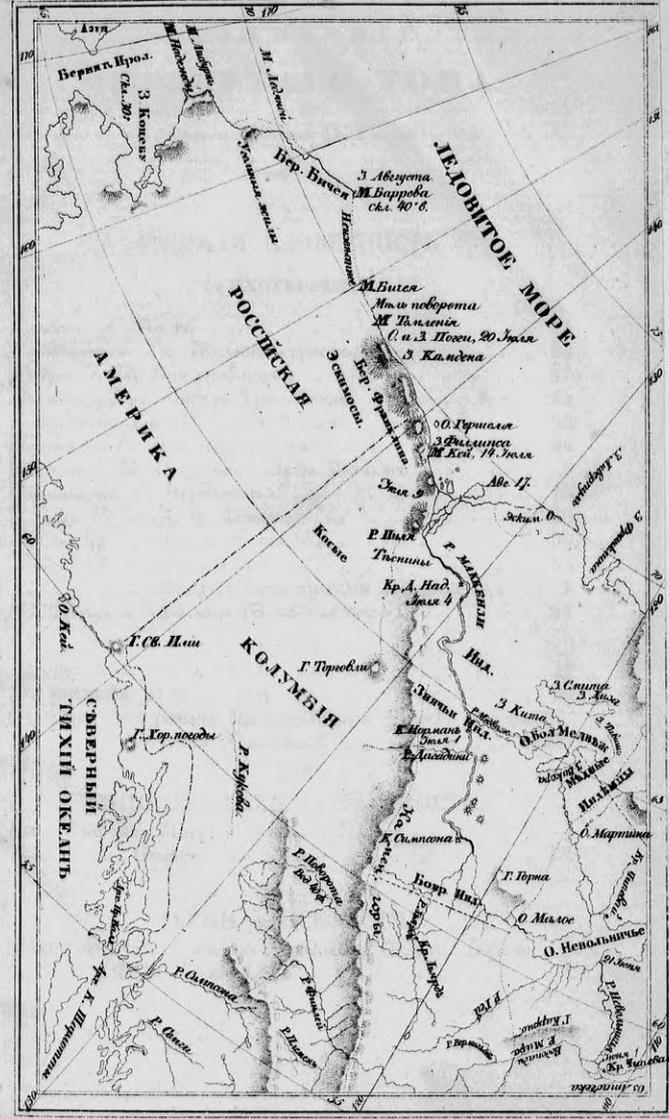
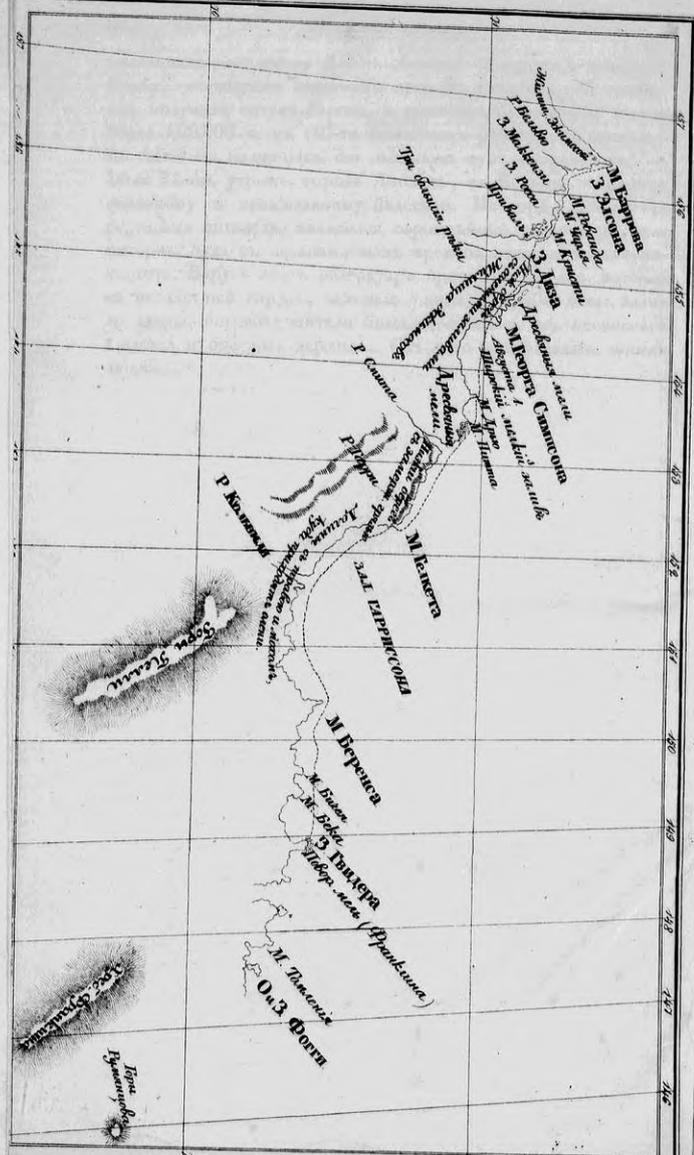
Въ Ирландскихъ журналахъ пишутъ о трогательномъ благо-
 чествомъ рѣшеніи двухъ молодыхъ Шотландокъ, миссъ
 Тейлоръ, и подруги ея, дочери генерала Агню. Миссъ
 Тейлоръ была известна въ Англійской словесности романомъ
 своимъ: *Джегалидина*. Обѣ онѣ были богаты, молоды, пре-
 красны, и обѣ вмѣстѣ явились въ Коркскій монастырь Се-
 стеръ Милосердія, выдержали тамъ строгій искусь, и по-
 стриглись недавно, не взирая на просьбы и сопротивленіе
 родныхъ и знакомыхъ.

Юля 17-го, ночью, загорѣлся въ Парижѣ *театръ водевилей*
 и сгорѣлъ до основанія. — Большая опасность отъ пожара
 угрожала Тулону: три раза загоралась тамъ мастерская ма-
 шинная въ арсеналѣ; каждый разъ успѣвали потушить огонь,
 но 29 Юля вспыхнулъ пожаръ въ четвертый разъ, и если
 бы опять не потушили его, уже съ большимъ трудомъ, ар-
 сеналъ и верфь сдѣлались-бы его добычею. — Въ Новомъ Ор-
 леанѣ, Юля 18-го, снова выгорѣла цѣлая улица домовъ. —
 Во Франціи въ последнее время было множество пожаровъ,
 чему причину полагаютъ жестокіе жары: въ Эльбефѣ сгорѣла
 филатура и суконная фабрика г-на Родуана (Raudoin), гдѣ
 занималось больше 300 работниковъ; загорѣлось отъ шер-
 сти, которая сама собой вспыхнула, бывши намаслена. — Въ
 Шалонѣ сгорѣлъ огромный сахарный заводъ, застрахо-
 ванный въ 450,000 франковъ, но стоившій гораздо больше. —
 Изъ Неаполя пишутъ, что тамъ со страхомъ ожидаютъ, такъ
 называемыхъ, кашкульныхъ, или львинныхъ дней (sole dei
 Leoni), ибо и безъ того жары стоятъ чрезвычайныя. — Тоже
 пишутъ изъ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ отъ жаровъ явились
 многіи болѣзни, особливо поносы у дѣтей. Въ Нью-Йоркѣ
 смертность усилилась въ двое, въ Филадельфій въ трое про-
 тивъ обыкновеннаго. На Миссисипи и Огйо свирѣпствуетъ
 молочница, родъ холеры, убивающая въ нѣсколько часовъ.
 Такъ называютъ тамъ эту болѣзнь, полагая, что ее произво-
 дитъ молоко коровъ, которыя наѣдаются вредной какой-то
 травой, но настоящая причина гибельной болѣзни еще неот-
 крыта, и за открытіе ея правительство Американское назна-
 чило награду въ 1700 долларовъ. — Между тѣмъ — странное
 явленіе! въ Баваріи, и именно въ Крейтъ и Терезензе, *шелъ снегъ* — 24 Юля! Снѣды прошедшей зимы также еще
 не уничтожились вовсе: отъ 28 Юля писали изъ Норвегіи,

что тамъ въ Молдѣ, городѣ, находящемся на одной параллели
 съ Стокгольмомъ, въ долинахъ между горами, лежитъ слой
 снѣгу, на *шесть футовъ* толщиною. Еще удивительныя откры-
 тіе феномена, котораго мы совсѣмъ не замѣчали, именно, что
 въ то самое время, когда мы жаловались на жары и засуху
 въ Петербургѣ, земля у насъ *не протаивала* еще во многихъ
 мѣстахъ. Имено, это открылось, когда стали рыть канавы
 для осушки болотъ въ заведеніи учебнаго лѣсничества, и 22-го
 Юля нашли землю замерзшею, едва сняли верхній слой, со-
 стоявшій изъ мховъ, толщиною не больше 10-ти вершковъ. Въ
 половинѣ Августа найдено тоже (по замѣчаніямъ г-на Фрейрер-
 са, помещеннымъ въ *Земледѣльческой Газетѣ*). — Говорятъ объ
 атмосферическихъ современныхъ явленіяхъ, скажемъ о стран-
 номъ дѣйствіи молніи, замѣченномъ во Франціи, въ мѣсу
 Saint-Aubin-de Cormier, dite Haute-Seve, въ началѣ Юля:
 молнія ударила вдругъ въ *четыре дерева*, стоявшія на расто-
 яніи 5 и 10 метровъ; на трехъ ободрала она кору и изор-
 вала ее на кусочки, а на одномъ содрала ее легкою съ низу
 до верху, и осколки отъ всѣхъ четырехъ расцѣпила въ ма-
 лѣйшія щепки. — Близъ Хотина 11-го и 27 Юля были градъ,
 величиною съ куриное яйцо. Въ Бессарабіи въ Юнь и Юль
 были жестокія грозы, и убито молніею нѣсколько человекъ.
 Изъ Неаполя пишутъ о возобновленіи изверженія Везувія:
 въ началѣ Августа текла изъ него лава, и при ужасныхъ уда-
 рахъ легли каменья, такъ, что подобной свирѣпости лав-
 ной не запомнятъ уже съ 1822 года.

Юля 20-го, г-жа Шоберлехперъ опять оставила Петер-
 бургъ, и — вѣроятно, опять на долго, если не *навсегда!* — За
 то Петербургскихъ жителей утѣшилъ прїѣздъ г-жи Талюпи.
 Съ петербургскимъ ждуть теперь ея появленія на сценѣ. — Въ
 Парижѣ ожидаютъ появленія на сценѣ пѣвицы, замѣчатель-
 ной по имени — это дочь *Кирогги!* Отецъ думалъ быть пре-
 образователемъ царствъ, а дочь является оперною актрисою....
 — Новость еще: въ Парижѣ прїѣхали изъ Индіи баагерки,
 и Парижане въ восторгъ отъ ихъ бышеныхъ, вакхическихъ
 плясокъ. — Пишутъ изъ Франціи, что тамъ опять возобно-
 вляется увеселеніе Среднихъ Времени — *соколиная охота*.
 Жители Фальенъ-Веерта, въ Лимбургской области, открыли
 уже значительный торгъ соколами, и цѣна ихъ доходитъ до
 60 франковъ. — Въ Ноттингамѣ, въ Шотландіи, бѣдный ре-
 Т. IV. — Стл. VI.

месленникъ, по имени Джонъ Лименъ (Leeman), выиграть тяжбу, тянувшуюся нѣсколько лѣтъ. Въ слѣдствіе сей тяжбы, онъ получилъ титулъ барона, и помѣстья, приносящія дохода болѣе 400,000 ф. ст. (10-ти милліоновъ рублей), да, банковыми билетами наличныхъ два милліона фунт. стерлинговъ! — Июли 21-го, утромъ, городъ Динантъ, въ Бельгій, подвергся страшному и неожиданному бѣдствію. На горѣ, гдѣ стояла городская цитадель, находился огромнѣйшій резервуаръ, или цистернъ, куда съ незапамятныхъ временъ стекала всякая нечистота. Вдругъ этотъ резервуаръ прорвался, и все потекло на несчастный городъ, затопило улицы, завалило дома, залило дворы, погреба; жители бѣжали, спасаясь отъ несносной зловонія и опасаясь заразы..... Отъ чего не страдаютъ иногда люди!....

О Г Л А В Л Е Н И Е
ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

(Июль и Августъ 1838 года.)

I.
РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНИЯ.

	Стран.
<i>Глѣбова А.</i> Поэть	88
<i>Городянинова Гр.</i> Желаніе вѣрнопожданнаго	83
<i>Губера Э. И.</i> Мол гробница	87
<i>Засядко Д. А.</i> Смерть Христианна	84
<i>Кропоткина Кн. Д.</i> Чудная болѣзнь	92
<i>Норискаго В.</i> Невольная пѣсня	94
<i>Розенгейна М.</i> Памятникъ Петра Великаго	5
<i>Стромилова С.</i> Черкешенка	16
» » Д. В. Давыдову	86
» » Тщетный споръ	96
<i>Терюхиной Н.</i> Счастливиць	95
. Междуцѣвствіе трагедіи Аргивяне	7
. Аполлоги (другаго автора)	98

ПРОЗА.

Эпизодъ Аббадонны. <i>Н. А. Полсваго</i>	17
Два поединка. Повесть <i>г-жи Н.</i>	99
Отрывокъ изъ романа <i>Провинціальныхъ Сценъ</i> , Автора <i>Семейства Холмскихъ</i>	131

II.
ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Сынъ Тиціана. Повесть <i>Альфреда Мюссе</i>	1
Дона Луиза. Повесть <i>г-жи Рейбо</i>	61

III.
НАУКИ и ИСКУССТВА.

Обозрѣніе путешествій по Ледовитому Океану. <i>Барона</i> <i>Ф. П. Врангеля</i>	1
--	---

Состояніе Россіи при началѣ царствованія Б. О. Году-	Стр.
нова <i>Н. А. Полеваго</i>	121
Гибель корабля Кентъ. <i>Съ Французскаго</i>	139
Выставка Тамбовской губерніи. Статья <i>г-на Сафронова</i>	148
Открытіе Америки. <i>Н. А. Полеваго</i>	180

IV.

КРИТИКА.

<i>Хань-вэнь-цзи-мэнь</i> . Китайская грамматика. Соч. Іакинба.	
Спб. 1838 г. (Статья <i>Н. А. Полеваго</i>)	1
Politique d'Aristote (<i>Политика Аристотеля</i>). Перев.	
съ Греческ. Б. Сеитъ-Илера. Парижъ, 1837 г.	
Статья <i>Держнина</i>	73
Очеркъ Русской литературы за 1838 годъ	37 и 101

V.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

Походы Французовъ въ Африкѣ. Статья <i>А. Гондркура</i>	1
Лѣтопись событій и некрологъ за Июнь и Июль 1838	
года	55 и 109
Очерки Швеціи. Статья <i>Гейера</i>	144

VI.

ИЗВѢСТІЯ И СМѢСЬ.

Кирило Тимофеевичъ Хлѣбниковъ. <i>Н. А. Полеваго</i>	1
Живописное описаніе Россіи, <i>П. П. Свиньина</i>	7
Портретъ В. А. Каратыгина	11
Письма изъ С. Петербурга	31
Первая повѣдка по водѣ (<i>отрывокъ</i>)	36

Въ обихъ книжкахъ, въ концѣ, помѣщены *мелкія статьи*, въ разныхъ отдѣленіяхъ: *Ученія извѣстія*, *Художественныя извѣстія*, *Промышленность и торговля*, *Статистика* и *Географія*, *Путешествія*, *Зрѣлища* и *Музыка*, *Литературныя извѣстія*, *Иностранная литература*, *Разныя извѣстія* и *Смѣсь*.

При семъ томѣ приложена карта *новѣйшихъ открытій въ Сѣверной Америкѣ* Диза и Симпсона.

=

